К. Головинъ

(К. Орловскій)

Полное Собраніе Сочиненій

Изданіе
А. Ф. Маркса
С. П. Б.

DUKE
UNIVERSITY

LIBRARY

Digitized by the Internet Archive
in 2019 with funding from
Duke University Libraries

https://archive.org/details/dviestatui01golo

МЕДОВЫЙ МѢСЯЦЪ

РОМАНЪ

К. Головинъ (К. Орловскій).

МЕДОВЫЙ МѢСЯЦЪ

РОМАНЪ

Изданіе А. Ф. Маркса.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Спб. Т-ва Печатн. и Издат. дѣла „Трудъ". Фонтанка, 86.
1902.

891.733
G628M

Die Engel, die nennen es Himmelsfreud',
Die Teufel, die nennen es Höllenleid,
Die Menschen, die nennen es Liebe.
Heine.

I.

Кити Усольцева едва проснулась въ это знаменательное утро; едва замѣтили ея хорошенькіе, заспанные глазки веселые солнечные кружки, игравшіе на коврѣ ея спальни, куда сквозь опущенные занавѣсы, словно щурясь, попадали лучи февральскаго солнца, и разомъ точно у нея что-то блеснуло въ головѣ, — вспомнилось ей все, что было вчера. А вчера случилось нѣчто очень важное: вчера Павелъ Алексѣевичъ Грушневъ, или Павликъ, какъ звали его товарищи, сдѣлалъ ей формальное предложеніе и получилъ согласіе ея родителей. Впрочемъ, согласіе успѣла выразить только ея мамаша, Вѣра Александровна, такъ какъ ея отца, Николая Ивановича Усольцева, не было тогда въ Петербургѣ. Но это, очевидно, ничего не значило: въ такихъ вопросахъ, какъ судьба дѣтей, мнѣніе Николая Ивановича въ разсчетъ не принималось: кругъ его заботъ ограничивался лошадьми и столомъ. Кити протерла глаза, взглянула на крошечные часики съ эмалью и ахнула: было уже половина двѣнадцатаго. Ахнула она не отъ того, однако, что ей въ диковинку было поздно вставать, но сегодня, именно сегодня, предстояло столько важнаго, почти торжественнаго... Соберутся близкіе знакомые поздравлять невѣсту, а этихъ близкихъ знакомыхъ была у нихъ цѣлая куча,—потомъ она съ мамашей должна

поѣхать къ двумъ очень сердитымъ тетушкамъ; а главное, самое главное,—надо поспѣшить съ заказами... Да и побаивалась Кити немножко своей бабушки, графини Дарьи Михайловны, въ домѣ которой они жили эту зиму. Бабушка уже не разъ выговаривала ей за дурную привычку лѣниться и по утрамъ показываться только ко второму завтраку. Она была женщина очень строгая, хоть и щедрая, и дѣлавшая много добра. И была у нея пропасть непреклонныхъ правилъ, которыя она всѣмъ навязывала, особенно внучкамъ. Усольцевы, люди очень небогатые, хоть и тратившіе пропасть денегъ, жили у бабушки на хлѣбахъ, т.-е. пользовались всей широкой роскошью ея барскаго дома, и за то, конечно, были обязаны подчиняться ея вкусамъ и привычкамъ.

Кити зѣвнула чуть-чуть, потомъ еще разъ съ нѣгою потянулась въ своей кроваткѣ, затѣмъ рѣшительнымъ движеніемъ сбросила одѣяло и спустила бѣлыя, стройныя, словно отточенныя, ножки на коверъ, гдѣ ихъ дожидались поставленныя рядомъ голубыя плюшевыя туфли. При этомъ движеніи вышитая батистовая сорочка спустилась съ лѣваго плеча, обнаруживая снѣжный атласъ ея груди, задрожавшей отъ ощущенія холода. А русая коса, выбившись на волю, волною сползла по спинѣ. Она позвонила горничную и, торопясь, начала одѣваться. Но пока ея проворныя руки исполняли это важное дѣло, всѣ мысли ея ушли въ тотъ ворохъ счастливыхъ воспоминаній, который оставилъ въ ея головкѣ вчерашній день, и розовая улыбка засвѣтилась на ея правильныхъ красивыхъ чертахъ.

Кити давно предчувствовала, что Павелъ Алексѣевичъ сдѣлаетъ ей предложеніе. И знала это не только она, но всѣ ея пріятельницы. И даже намекалъ ей на это часто бывшій у нихъ Дмитрій Ѳедоровичъ Клубинъ, этотъ несносный Дима Клубинъ, позволявшій себѣ всѣмъ говорить дерзости и тѣмъ не менѣе всѣми такъ любимый, потому что, когда онъ примется кого-нибудь драз-

нить, особенно барышень, нельзя было не смѣяться до упаду. На самомъ дѣлѣ никто его въ грошъ не ставилъ и конечно ужъ женихомъ онъ не считался. Кити живо помнила, какъ вспыхнула она, когда Дима Клубинъ позволилъ себѣ подшутить надъ явнымъ ухаживаніемъ за нею Павла Алексѣевича; и сердилась она за это не столько на самого Клубина, сколько на себя и на жениха тоже, потому что онъ такъ неосторожно и неловко обнаруживалъ передъ всѣми ихъ общую невысказанную тайну, а она не умѣла скрыть отъ чужихъ глазъ, что Павелъ Алексѣевичъ ей нравится. Да, этотъ милый Павелъ Алексѣевичъ, несмотря на свои тридцать слишкомъ лѣтъ и на свою репутацію серьезнаго и умнаго человѣка, часто бываетъ ужасно неловокъ и застѣнчивъ въ обществѣ,—но она его отъ этого непремѣнно отучитъ со временемъ... Онъ далеко не такой развязный, какъ этотъ несносный, хоть и забвный, Дима. Впрочемъ, серьезные люди, говорятъ, всѣ таковы... Ну, да это ничего: ей было, вѣдь, такъ смѣшно и жутко въ то же время, когда она замѣчала не разъ, какъ Павелъ Алексѣевичъ все собирается сказать ей рѣшительное слово и не въ силахъ превозмочь какой-то боязни, точно онъ не догадывался, что она... А вчера... когда онъ невзначай, прощаясь съ ней въ первой большой залѣ, у самыхъ дверей въ переднюю, вдругъ неожиданно сталъ пожимать ея пальчики, не выпуская ея руки изъ своей, какъ растерянно глядѣли его большіе, задумчивые каріе глаза, съ какимъ трудомъ подыскивалъ онъ подходящую фразу... И когда онъ сказалъ, наконецъ, то, что давно слѣдовало сказать, какъ у него вышло это комично и нескладно... Впрочемъ, словъ его она въ точности даже не помнитъ. Она помнитъ только одно—минутное ощущеніе легкой, очень легкой тревоги, которую тотчасъ же смѣнила волна сдержанной радости, нагнавшая яркую краску на ея щеки. Но это тоже ничего: къ ея блѣдному лицу румянецъ очень идетъ—она это знала. Ни на секунду Кити не переставала владѣть

собой, и когда дрожавшая рука Павла Алексѣевича поднесла къ губамъ ея ручку, она посмотрѣла на него сквозь опущенныя рѣсницы безо всякой робости: полюбить, стало быть, и сдѣлаться невѣстой—это очень легко и просто, совсѣмъ не такъ, какъ думала она прежде, года два тому назадъ, когда ей было восемнадцать лѣтъ...

Дойдя до этого пункта своихъ размышленій, Кити вдругъ неожиданно спросила себя: „Да полно! люблю ли я въ самомъ дѣлѣ Павла Алексѣевича?..“

Какъ разъ въ эту минуту горничная обливала ея голыя руки водой изъ кувшина, и, должно быть, прикосновеніе холодной струи нагнало на Кити это странное, неожиданное сомнѣніе.

Говорятъ, любовь вызываетъ смущеніе, а она совсѣмъ не смущена... Павелъ Алексѣевичъ, однако, много ея старше: всѣ о немъ говорятъ съ уваженіемъ и пророчатъ ему видное будущее, — какъ же это она его совсѣмъ не боится?.. Правда, Кити сама много читала и можетъ разговаривать почти обо всемъ—объ искусствѣ, о литературѣ, у нея есть даже свои очень опредѣленные вкусы, и Достоевскаго, напримѣръ, она терпѣть не можетъ... Случалось ей даже заводить рѣчь о вопросахъ гораздо болѣе важныхъ — о различіи въ характерѣ французовъ и англичанъ или о томъ, отчего православнымъ никакъ нельзя соединиться съ католиками, и всѣ находили, что она судитъ очень разумно и вѣрно... Но все-таки у Павла Алексѣевича, когда онъ заговоритъ о чемъ-нибудь, всегда подъ рукой такъ много фактовъ и цифръ... да, особенно цифръ... а цифры всегда путаютъ ее и пугаютъ... И все-таки никакого страха передъ мудростью Павла Алексѣевича она не испытываетъ... Да въ сущности — развѣ надо непремѣнно бояться своего жениха?.. И чего она вздумала задавать себѣ вдругъ эти глупые вопросы?..

Кити стояла теперь въ коротенькой юбочкѣ передъ зеркаломъ и зачесывала себѣ густые волосы, пока горничная шнуровала ея шелковый корсетъ. Отъ волосъ

точно искры сыпались: они трещали подъ гребнемъ, совершенно какъ электрическая машина. Дѣвушка на мигъ залюбовалась собой, немного повернувшись передъ зеркаломъ. Черный шелковый корсетъ обвивалъ ея тонкую, гибкую талію, а немного полныя и бѣлыя плечики свободно куглились, точно свѣжій букетъ, вложенный въ узкую вазу. Пышнымъ снопомъ падали назадъ мягкіе волосы, скрывая родимое пятнышко, чернѣвшееся на бѣлой шеѣ. И какъ бы ни наклонила она головку, какъ бы ни приподняла руки, оно всегда выходило граціознымъ. Она была точно изваяніе изъ бѣлаго мрамора, только оживленное изваяніе, каждую секунду мѣнявшее позу, но такъ, что изящество облика отъ этого никогда не страдало. И въ умѣ молодой дѣвушки сомнѣнія какъ-то исчезли вдругъ, разомъ. Она любитъ жениха, любитъ искренно, какъ разъ потому любитъ, что онъ такъ много лучше и выше другихъ по уму и образованію, и ей лестно, что этотъ серьезный молодой человѣкъ такъ заинтересованъ ею...

И Кити принялась въ своей головкѣ перебирать многочисленные разговоры съ женихомъ, все замѣчательное и умное, что довелось ей отъ него услышать. Она недолго, однако, останавливалась на этомъ: ея мысли вдругъ приняли совсѣмъ иной оборотъ и пытливо стали проникать въ то, уже недалекое, будущее, отъ котораго ее отдѣляла теперь строго опущенная завѣса, но куда ей какъ разъ поэтому было любопытно взглянуть... Какъ заживетъ она вдвоемъ съ Павломъ Алексѣевичемъ, когда станетъ его женой?.. И въ чемъ будетъ собственно заключаться эта совмѣстная жизнь?.. Человѣкъ, вчера еще бывшій для нея совершенно чужимъ, вдругъ станетъ для нея самымъ близкимъ существомъ на свѣтѣ... И оттого только, что они полчаса простоятъ вмѣстѣ передъ аналоемъ, а священникъ будетъ читать разныя молитвы, этотъ человѣкъ пріобрѣтетъ надъ нею какія-то права, какую-то власть... Этой власти она, правда, не особенно боится: она слишкомъ хорошо

знаетъ, что умная жена, которая нравится мужу, дѣлаетъ изъ него рѣшительно все, что хочетъ... Но права,—въ чемъ будутъ они заключаться?.. Не странно-ли, что такая полная близость становится возможной, даже обязательной,. послѣ того, какъ ихъ благословятъ въ церкви?.. Теперь она съ женихомъ должна держать себя осторожно, наблюдать за собой, чтобы не сказать лишняго слова и не нарушить какихъ-нибуь приличій, иначе гувернантка ея, Miss Fox, а особенно grand-maman, остановятъ ее неодобрительнымъ взглядомъ. Правда, она и теперь многое себѣ позволяетъ въ разговорахъ съ молодыми людьми, что не совсѣмъ прилично— смѣется, напримѣръ, когда эти молодые люди говорятъ при ней двусмысленности, вмѣсто того, чтобы принимать великопостный видъ, какъ то слѣдуетъ. Но теперь это все-таки лишь контрабанда, послабленіе, вошедшее какъ-то въ нравы за послѣдніе годы — такъ, по крайней мѣрѣ, не разъ выражались при ней старшіе, но потомъ, когда Павелъ Алексѣевичъ, или Павликъ (она мысленно назвала его такъ) станетъ ея мужемъ, все будетъ позволено, и не только позволено — для нея будетъ обязанностью ничего не скрывать отъ мужа, ни своихъ мыслей, ни даже...

Тутъ она остановилась на мигъ, стараясь нарисовать себѣ картину замужней жизни во всѣхъ ея подробностяхъ. Воображеніе у Кити было смѣлое, хоть и не слишкомъ пылкое; и она ничуть не испугалась мысли, что мужъ будетъ видѣть ее въ томъ самомъ костюмѣ, въ которомъ она теперь, что никакой, рѣшительно никакой тайны для него ужъ не останется... что онъ получитъ право обнимать ее, сколько угодно... и незачѣмъ будетъ стѣсняться передъ нимъ больше, чѣмъ передъ горничной Настей, которая теперь, стоя на колѣняхъ, застегиваетъ ей башмаки о трехъ пуговкахъ...

Кити слышала и знала очень многое, чего дѣвицамъ не слѣдовало бы знать. Но одно все-таки оставалось для нея не совсѣмъ яснымъ—въ чемъ собственно за-

ключается та особая, тайная близость, какая допускается между женой и мужемъ, а иногда бываетъ и между и такими людьми, которые совсѣмъ не женаты, но тогда уже какъ что-то не вполнѣ законное?..

— Барышня, какое вы надѣнете платье? — вдругъ прервала ея размышленія горничная.

Кити не успѣла отвѣтить. За дверью послышались быстрые, веселые шаги, громкій хохотъ, потомъ обрывокъ какой-то пѣсни, и дверь съ шумомъ растворилась, чтобы пропустить улыбающееся смугловатое личико, съ бойкими, прыгающими, темносиними глазками, съ чуть-чуть вздернутымъ носикомъ и подвижнымъ алымъ ротикомъ, съ двумя ямочками на щекахъ,—личико, обрамленное курчавыми, непослушными волосами, цвѣтомъ немного потемнѣе Китинныхъ волосъ—это была Женя, шестнадцатилѣтняя сестра Кити, совсѣмъ на нее не похожая. Носились смутные слухи, что появленіе ея на свѣтъ было окружено какою-то романическою тайной,— словомъ, что Вѣра Александровна Усольцева, хоть и слыла за примѣрную супругу, поддалась-таки нѣсколько запоздалому увлеченію. Однако, это были только слухи, и самыя записныя кумушки не рѣшались этого положительно утверждать.

— Какъ! ты еще не готова?—вбѣгая въ комнату и всплескивая руками, воскликнула негодующая Женя.— Вѣдь, давно ужъ пробило двѣнадцать! И тебѣ не стыдно? А еще со вчерашняго дня невѣста! Вотъ я такъ ужъ англійскій урокъ кончила и прогуляться успѣла. И погода какая чудесная! А у тебя даже шторы спущены, фу!..—И она бросилась поднимать шторы.

— Пожалуйста, не шуми такъ,—немного хмурясь, отвѣтила Кити, — мнѣ надо рѣшить, какое надѣть платье.

— Рѣшить? какое платье?.. Вотъ такъ ужъ мудреный вопросъ!—громко захохотала Женя, вертясь вокругъ сестры, словно исполняла какой-то ею самой выдуманный танецъ.—Стала бы я надъ этимъ голову ломать!

Коли тебя любитъ Павликъ, во всякомъ платьѣ ты ему понравишься; а коли не любитъ...

— Какой ты вздоръ говоришь! И какъ позволяешь ты себѣ называть его Павликомъ?

— Вотъ такъ-таки и позволяю,—продолжала дразнить ее младшая сестра, приподнимаясь на кончики стройныхъ ножекъ.

— Ну, Кити, одѣвайся: сейчасъ, вѣдь, завтракъ подадутъ. Она стояла передъ ней вся—рѣзвая подвижность, вся—сіяніе задорной юности, и косой лучъ солнца, задѣвая ее за плечико, золотилъ ея немного смуглую щечку, по которой такъ и вспыхивалъ свѣжій румянецъ. Ея не совсѣмъ еще доразвившійся станъ еле обрисовывался подъ туго застегнутымъ лифомъ; да и вся ея стройная, граціозная фигурка какъ будто походила на подроставшаго мальчика, хоть и было въ ней что-то нѣжно вкрадчивое, что-то напоминавшее про знойный югъ, и скрытая, еще не вспыхнувшая страстность будто ждала въ ней чего-то, чтобы пробудиться. Свѣтло-сѣрое платье, еще не скинутое послѣ гулянья, не доходило до пола, обнаруживая двѣ маленькія подвижныя ножки въ высокихъ зашнурованныхъ ботинкахъ. Туго закрученная коса спадала къ ней на шею. Несмотря на свои шестнадцать лѣтъ, Женя глядѣла гораздо болѣе рѣшительной и бойкой, чѣмъ старшая сестра.

— Я думаю, Настя, я вотъ это надѣну,—направляясь къ большому раскрытому шкафу, гдѣ висѣло нѣсколько платьевъ, сказала Кити, выбирая одно изъ нихъ, изъ англійскаго бархата, цвѣта mauve, съ шелковыми рукавами.—Только надо будетъ чулки перемѣнить: эти не подъ-цвѣтъ.

— Ну, провозишься ты еще полчаса со своими чулками!—нетерпѣливо воскликнула Женя и топнула ножкой.—Поторопись, по крайней мѣрѣ.

Какъ разъ въ эту минуту кто-то почтительно, осторожно постучался въ дверь.

— Это Никита пришелъ докладывать, что завтракъ поданъ. Я пойду, Кити...

Женя выбѣжала изъ комнаты, и по корридору послышался звонкій стукъ ея каблучковъ.

II.

Въ столовой всѣ уже сидѣли за завтракомъ. Не доставало только сына бабушки, графа Вадима Александровича; Женя, вбѣгая, слышала, какъ Дарья Михайловна нѣсколько раздраженно приказывала старому буфетчику, Никитѣ, еще разъ доложить его сіятельству, что завтракъ поданъ. Старикъ Никита тотчасъ удалился, беззвучно ступая мягкими подошвами: онъ былъ выдрессированъ такъ отлично, что, не смотря на глухоту, госпожу свою всегда понималъ съ перваго же слова.

— А! вотъ хоть ты, по крайней мѣрѣ,—увидавъ внучку, кислосладкимъ тономъ проворчала графиня.— А невѣста что—спитъ еще, небось?

И не дождавшись отвѣта, она обратилась по-французски къ сидѣвшей налѣво отъ нея дочери:

— Хорошо ты воспитала Кити, нечего сказать!

Вѣра Александровна только молча наклонила голову, сперва безпомощно взглянувъ на младшую дочь. Она была одна изъ тѣхъ увядшихъ, нѣкогда хорошенькихъ, женщинъ, на лицѣ которыхъ жизнь оставила только отпечатокъ нетерпѣливаго утомленія и равнодушной скуки. Черты ея какъ-то вытянулись и застыли, словно ихъ ничто уже не могло оживить. И губы, и ноздри, и самые глаза у нея были какъ-то сжаты: такъ смотрятъ обыкновенно женщины, покинутыя мужьями, когда имъ лишь очень рѣдко доводилось находить утѣшеніе на сторонѣ.

Женя, въ отвѣтъ на взглядъ матери, быстро пробормотала что-то въ извиненіе сестры и, занявъ свое мѣсто, обвела весь столъ блестящими, смѣющимися гла-

зами. „Какъ вамъ тамъ всѣмъ не скучно“, будто говорили эти глаза, „а я вамъ своей веселости не дамъ потушить“.

— Enfin!—выронила бабушка, слегка пожимая плечами, и добавила, ни къ кому не обращаясь въ особенности:—Я не понимаю, какъ можно быть неаккуратнымъ! Въ мое время ни одна дѣвушка себѣ этого не позволила бы.

Потомъ она черезъ весь столъ громко сказала сидѣвшей на противоположномъ концѣ не молодой особѣ, съ необыкновенно нарядными морщинами на лицѣ и со столь же нарядной кружевной наколкой на красиво прибранныхъ волосахъ (сколько изъ этихъ волосъ было ея собственныхъ, хорошенько не вѣдалъ никто, конечно):

— Посмотрите, пожалуйста, моя милая, что это мой сынъ не идетъ? Я начинаю безпокоиться, право...

— Oui, madame,—отвѣчала та, вставая. Это была француженка, m-lle Готье, компаньонка графини, старая, но нестарѣющаяся дѣва, съ отмѣнными манерами и совершенно высохшимъ сердцемъ. Услала ее Дарья Михайловна собственно затѣмъ, что ей хотѣлось кое-что сказать, чего болтливой француженкѣ лучше было не слышать. Гувернантки своихъ внучекъ, miss Fox, она не боялась: та по-русски не понимала и ко всему относилась съ истинно британскимъ равнодушіемъ.

Когда француженка вышла, графиня обратилась къ сидѣвшему направо отъ нея господину съ необыкновенно гладкимъ, даже лоснящимся лицомъ, съ котораго никогда не сходило какое-то слащавое, улыбающееся сіяніе, будто говорившее всѣмъ и каждому о неистощимой кротости и готовности услужить. Даже съ подчиненными, когда онъ ихъ распекалъ, господинъ этотъ не терялъ своей улыбки, и одни глаза въ такія минуты взирали на распекаемаго съ каменной, леденящей суровостью. Въ разговорѣ съ высокопоставленными лицами отъ такой суровости не оставалось, конечно, и слѣда. Звали его Виссаріономъ Порфирьевичемъ Ку-

роѣдовымъ. Облеченъ онъ былъ въ аккуратно сидѣвшій вицъ-мундиръ. Онъ собирался на службу въ Сvнодальное вѣдомство, гдѣ занималъ довольно видное мѣсто. Въ домѣ графини онъ бывалъ часто, но только въ утренніе часы: онъ занимался ея дѣлами и помогалъ ей по части благотворительности.

— Я непремѣнно хочу, чтобъ это было сдѣлано какъ можно скорѣе, Виссаріонъ Порфирьевичъ,—сказала графиня,—такъ чтобы черезъ недѣлю все было готово. Вы мнѣ говорили, что тамъ какія-то затрудненія есть, не достаетъ тамъ какого-то ввода во владѣніе... Вы знаете, я во всѣхъ этихъ формальностяхъ ничего не понимаю. Когда я хочу отдать внучкѣ имѣніе, этого, кажется, достаточно, и ваше дѣло все устроить. Я не желаю имѣть скуку разговаривать съ разными адвокатами и нотаріусами — я никогда этого народа къ себѣ не пускала...

Куроѣдовъ мягко наклонилъ голову и мягко отвѣтилъ, что все будетъ устроено, но только не черезъ недѣлю, а черезъ мѣсяцъ.

— Ваше сіятельство,—добавилъ онъ,—вы изволили мнѣ еще говорить о какихъ-то деньгахъ...

— Да, нужны будутъ деньги,—все тѣмъ же повышеннымъ и нѣсколько раздраженнымъ тономъ продолжала графиня:—тысячъ, я думаю, тридцать, а управляющій мнѣ ничего не высылаетъ. Это все для нея, для Кити...—Она посмотрѣла на дочь.—У тебя, вѣдь, никогда денегъ нѣтъ, такъ что приданое ей ужъ надо дѣлать мнѣ.

— Изъ банка можно будетъ получить эту сумму черезъ два мѣсяца, не ранѣе,—съ кроткой твердостью отвѣтилъ Виссаріонъ Порфирьевичъ,—все по той же причинѣ, ваше сіятельство.

— Отъ того, что я...—перебила графиня,—какъ вы это сказали? Не была введена тамъ, что ли, въ какое-то владѣніе?.. Это очень странно, право, что я дожила до своихъ лѣтъ и даже про это не знала до сихъ поръ.

Доходы поступали. и никто меня не безпокоилъ... Значитъ, вы говорите, черезъ мѣсяцъ?

— Деньги черезъ два мѣсяца, ваше сіятельство,— почтительно поправилъ ее Куроѣдовъ.

— Однакожъ, это очень скучно, Виссаріонъ Порфирьевичъ,—вы, кажется, могли бы избавить меня отъ этихъ непріятностей.

— Ваше сіятельство только вчера вечеромъ изволили меня предупредить.

— Да развѣ я могла знать напередъ, что моя внучка будетъ невѣстой? Все это такъ скоро рѣшилось... Нѣтъ, нѣтъ, Виссаріонъ Порфирьевичъ, такъ нельзя. Чтобы съ моимъ состояніемъ я не могла раньше двухъ мѣсяцевъ... Да вотъ что!.. Дѣло самое простое.—И графиня вдругъ вся просіяла, довольная тѣмъ, что придумала.— Я отдамъ Кити не свое имѣніе, а одно изъ имѣній покойнаго мужа, то-есть, сына, это рѣшительно все равно, Гунцево, будетъ для нея какъ разъ самымъ подходящимъ. Вы знаете Гунцево? Это почти подмосковное. Мои внучки тамъ еще въ прошломъ году проводили лѣто. А Покровское—пензенское имѣніе сына—вы заложите.

Виссаріонъ Порфирьевичъ былъ такъ огорошенъ неожиданной идеей графини, что не нашелъ отвѣта. Онъ, повидимому, вовсе не раздѣлялъ мнѣнія Дарьи Михайловны, будто чужія имѣнія можно такъ просто дарить и закладывать.

— Васъ это, кажется, удивляетъ?—замѣтила спокойно графиня.—Вы думаете, мой сынъ не согласится? Полноте. Онъ давно привыкъ, что своего у него ничего нѣтъ, что всѣ его имѣнія мои. Я, просто, скажу ему, что отдаю Гунцево Кити. Ему-то не все ли равно?.. Никогда онъ тамъ не бываетъ. Ну, теперь довольно объ этомъ: онъ, кажется, идетъ.

Въ самомъ дѣлѣ, въ дверяхъ показалась высокая и довольно плотная фигура сорокалѣтняго мужчины съ несомнѣнно породистымъ, даже красивымъ, лицомъ, но съ полнымъ отсутствіемъ какого бы то ни было выра-

женія на этомъ лицѣ. Оно было не то заспано, не то равнодушно, хотя сѣрые зрачки безпрестанно разбѣгались по сторонамъ, ни на чемъ, однако, не останавливаясь, точно все имъ успѣло давно ужъ надоѣсть. А между тѣмъ этотъ избалованный богатствомъ, этотъ дышавшій здоровьемъ человѣкъ ничего почти не извѣдалъ въ своей жизни. Воспитанный подъ крылышкомъ матери, онъ такъ и остался подъ этимъ крылышкомъ даже въ сравнительно бурные годы молодости, остался оттого, что никуда его собственно не тянуло, что даже вино и женщины могли только на мигъ взбаламутить его вялую природу, какъ ударъ вѣтра на мгновеніе рябитъ стоячія воды соннаго пруда.

Графъ Вадимъ Александровичъ Ардашевъ страстно любилъ на свѣтѣ одно только—лошадей, въ которыхъ зналъ толкъ и которыхъ берегъ и холилъ, какъ никогда бы, конечно, не сталъ беречь жены, еслибъ жена у него была. Холостякомъ онъ остался, впрочемъ, не совсѣмъ по своей винѣ. Когда въ первый разъ, еще двадцатилѣтнимъ корнетомъ, онъ задумалъ жениться, Дарья Михайловна совсѣмъ вышла изъ себя отъ одной этой мысли: уступить первое мѣсто въ домѣ молодой невѣсткѣ, отдать сыну имѣніе покойнаго мужа, которымъ она послѣ смерти графа Александра Дмитріевича распоряжалась, какъ своею собственностью, на это никакъ нельзя было согласиться. И молодой человѣкъ не посмѣлъ воспротивиться настойчивой волѣ матери. Лѣтъ десять спустя, онъ влюбился снова, и на этотъ разъ графинѣ стоило большаго труда восторжествовать надъ его чувствомъ. За то теперь на ея сторонѣ была могучая союзница,—фамильная спѣсь, и не однихъ только Ардашевыхъ, а всей ея многочисленной родни. Вадимъ Александровичъ затѣялъ жениться на особѣ совсѣмъ иного круга, съ которой случайно встрѣтился за границей, на водахъ. Красивая, бойкая, умѣвшая одѣваться какъ парижанка, она успѣла плѣнить графа изысканнымъ, ласкающимъ вниманіемъ, а на этотъ счетъ Вадимъ

Александровичъ не былъ избалованъ: не смотря на богатство и знатность, успѣхомъ у женщинъ онъ похвастаться не могъ. И тѣ самыя барышни, которыхъ разсчетливыя мамаши дрессировали на погоню за его состояніемъ, неизмѣнно вели на него атаку съ самой очевидной неохотой. Обворожившая его теперь молодая дама, напротивъ, своею умѣлою лестью подняла его въ собственныхъ глазахъ. И „бѣдный богачъ“ платилъ ей за это самой преданной благодарностью. Не мудрено, что Дарья Михайловна перепугалась не на шутку. Юлія Александровна Вельтманъ была одна изъ тѣхъ очаровательныхъ молодыхъ особъ, истинное отечество которыхъ на курьерскомъ поѣздѣ—до того часто онѣ перекочевываютъ съ мѣста на мѣсто, исключительно проживая тамъ, гдѣ людно и шумно, и проживая на средства очень сомнительнаго происхожденія. Выданная замужъ еще въ очень юныхъ лѣтахъ, госпожа Вельтманъ разъѣхалась съ мужемъ уже послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ: самая непродолжительность ея супружеской жизни придавала ей въ глазахъ любителей сильныхъ ощущеній что-то особенно привлекательное и пряное. Съ тѣхъ поръ.... Но мало ли что съ тѣхъ поръ говорила про нее молва. Графиня пустила въ ходъ самыя отчаянныя мѣры—отъ угрозы материнскаго проклятія до полуофиціальнаго внушенія изъ высшихъ сферъ. И достигла она того, что ея сынъ растерялъ на борьбу съ нею послѣдніе проблески энергіи и разъ навсегда махнулъ рукой на женитьбу, дважды ему неудававшуюся. Роду графовъ Ардашевыхъ грозилъ конецъ, и Дарья Михайловна порой ощущала нѣчто похожее на угрызеніе совѣсти, говоря себѣ, что, благодаря ей, все крупное состояніе покойнаго мужа попадаетъ неизвѣстно въ какія руки. „Хоть бы Вѣра сумѣла, — говорила она себѣ,—сыновей народить... а то однѣ дочери... И кто еще знаетъ, какъ онѣ выйдутъ замужъ“...

Войдя въ столовую, графъ подошелъ сперва къ ручкѣ матери,—онъ еще не видалъ ея съ утра,—потомъ, огля-

нувшись на прочихъ и никому не кланяясь, громко захохоталъ: „А невѣста почивать изволитъ съ радости?..“ спросилъ онъ на весь столъ. Потомъ, замѣтивъ, что Виссаріонъ Порфирьевичъ всталъ, желая уступить ему мѣсто“, онъ схватилъ его за плечи и усадилъ опять, но руки ему, однако, не протянулъ. „Вотъ я куда: на мое любимое мѣсто, сказалъ онъ, занимая стулъ, оставшійся пустымъ возлѣ Жени, которую онъ при этомъ поцѣловалъ въ лобъ.

— Что, нагуляться успѣла? Я по лицу вижу: такая свѣженькая, что вотъ такъ бы и скушалъ. Ты вѣдь не то, что сестра. А вотъ что я для Кити досталъ,—продолжалъ онъ, обращаясь къ матери и вынимая изъ кармана футляръ.—Нарочно къ Фаберже съѣздилъ. Посмотрите-ка...

Бриллiантовыя серьги, съ крупными сапфирами посреди, засверкали передъ глазами сидѣвшихъ за столомъ, и графъ обводилъ ихъ вопрошающимъ взглядомъ, видимо довольный своей покупкой. Графиня не сказала, впрочемъ, ничего: она находила серьги безвкусными; а m-lle Готье, когда Вадимъ Александровичъ обратился къ ней, запищала восторженно:

— Oh, que c'est beau!—такъ и впиваясь хищными глазками въ бриллiанты. А въ душѣ у нея между тѣмъ поднималась злоба при мысли, что никто во всю ея жизнь не дарилъ ей ничего подобнаго.

— Что, тебѣ завидно, плутовка?—обратился Вадимъ Александровичъ къ Женѣ, ущипнувъ ея за щеку.

— Нисколько! Я серегъ не люблю и ни за что бы ихъ носить не стала.

По ея глазамъ было видно, что зависть неизмѣримо далека отъ ея счастливаго откровеннаго сердечка.

Графъ налилъ себѣ большую рюмку мадеры и только что поднесъ къ губамъ, какъ вошла Кити, вся сіяющая радостной свѣжестью, въ своемъ красивомъ платьѣ, съ прической à la grecque, которая удивительно шла къ ея правильнымъ чертамъ.

— Ты бы еще попозже, мать моя, — встрѣтила ее графиня: — слышишь, который часъ? (большіе часы на каминѣ пробили разъ: было половина перваго). — Тебѣ не стыдно?

Но увидѣвъ внучку такою изящной и красивой графиня тотчасъ преложила гнѣвъ на милость.

— Ну, садись поскорѣй: боюсь, все простыло,—сказала она, отвѣчая на поцѣлуй Кити.

Но та и не думала объ ѣдѣ. Она успѣла замѣтить футляръ съ блестящими каменьями въ рукахъ графа и поспѣшила сперва къ нему — не отъ нетерпѣнія поскорѣе увидать, каковъ подарокъ дяди, а изъ желанія поблагодарить его. Вадимъ Александровичъ очень баловалъ племянницъ, часто дѣлая имъ подарки. И Кити платила ему за это самой искренней привязанностью, никогда не позволяя себѣ его дразнить и надъ нимъ смѣяться, какъ дѣлала Женя. Она съ искреннимъ чувствомъ поцѣловала дядю. Ей тоже серьги показались безвкусными, но оскорбить Вадима Александровича, давъ ему это замѣтить, она ни за что не захотѣла бы.

Прошло еще четверть часа. Графиня вполголоса обмѣнивалась съ дочерьми короткими замѣчаніями насчетъ того, что надо сдѣлать въ этотъ день, причемъ Дарья Михайловна неоднократно повторила французскій глаголъ „il faut“ и высказала нѣсколько опредѣленныхъ сентенцій насчетъ предстоявшихъ всей семьѣ обязанностей. Графъ шилъ довольно усердно, отпуская насчетъ племянницъ не особенно остроумныя шутки. Обѣ дѣвушки то сдержанно хихикали, то обмѣнивались коротенькими обрывками фразъ, причемъ Кити, невольно поддаваясь искристой веселости младшей сестры, тщетно старалась придать своему лицу торжественное выраженіе. Француженка и англичанка молча ѣли за-двоихъ, а Виссаріонъ Порфирьевичъ изображалъ на своихъ чертахъ почтительное усердіе и неисчерпаемую кротость. Слуга подалъ Вѣрѣ Александровнѣ телеграмму — это былъ отвѣтъ Усольцева на извѣстіе о помолвкѣ дочери.

Графиня упрямо морщилась пока дочь читала депешу.

— Что-жъ, когда онъ будетъ, твой голубчикъ? — спросила она тономъ, въ которомъ слышалась непреклонная, застарѣлая нелюбовь къ зятю.—Или не говоритъ?

Она не получила отвѣта. Дверь растворилась, и лакей громко доложилъ: „Павелъ Алексѣевичъ Грушневъ“.

III.

Лица всѣхъ сидѣвшихъ за столомъ мгновенно, какъ бы общимъ движеніемъ, обернулись въ сторону дверей. А недобрые черные зрачки m-lle Готье впились въ эти двери съ какимъ-то холоднымъ, почти хищнымъ любопытствомъ. По лицу Китти пробѣжалъ легкій румянецъ: она совсѣмъ не была взволнована ожиданіемъ сейчасъ увидать жениха, но сознавала, что каждое ея слово, каждое движеніе станетъ предметомъ общаго вниманія, и вслѣдствіе этого чувствовала себя не совсѣмъ ловко. Глаза ея блеснули, однако, тихимъ, спокойнымъ, хотя и радостнымъ привѣтомъ навстрѣчу входившему Павлу Алексѣевичу. Онъ былъ средняго роста и средняго, тоже, сложенія, не полонъ и не слишкомъ худощавъ, и красивымъ нельзя было назвать его немного продолговатое лицо съ большимъ прямымъ носомъ, полными яркокрасными губами и клиномъ обстриженной коротковатой бородой. И все-таки, на лицѣ этомъ и во всей его фигурѣ не было печати заурядности, хотя въ его карихъ глазахъ съ немного опущенными вѣками и не блестѣло ничего похожаго на огонь, а только спокойно и ровно свѣтилось счастливое настроеніе духа. Глаза эти, въ которыхъ читалась какая-то особенная, имъ свойственная, мягкая привѣтливость, и открытый выпуклый лобъ, надъ которымъ уже рѣдѣли короткіе темнорусые волосы, сразу почему-то располагали въ его пользу, невольно вызывая довѣріе. Зато видѣвшіе его въ первый разъ не догадались бы по здоровому румянцу

на его щекахъ и по мягкому беззаботному выраженію рта, что это былъ сильно занятой человѣкъ, много работавшій умственно. Они замѣтили бы одно только — нѣкоторый оттѣнокъ робости, обыкновенно свойственный, по крайней мѣрѣ, въ женскомъ обществѣ, такъ называемымъ серьезнымъ людямъ, особенно когда природа ихъ наградила близорукостью. Эта робость сказалась и теперь, когда онъ подходилъ къ старшимъ дамамъ, на пути обмѣнявшись съ невѣстой быстрой улыбкой и короткимъ, но горячимъ пожатіемъ руки. Никто, даже недовѣрчиво-зоркая m-lle Готье, не могъ усомниться, что любитъ онъ Кити отъ всего сердца, искренно и горячо, и Кити, очевидно, платила ему тѣмъ же. Пока онъ почтительно цѣловалъ руку у старой графини и у будущей тещи, Кити, поднявшись съ мѣста, нетерпѣливо слѣдила за нимъ, выжидая, чтобъ поскорѣе кончился обмѣнъ офиціальныхъ привѣтствій и онъ весь принадлежалъ бы ей одной. „Ахъ, какъ скучно было дожидаться, и какъ не нужно все то, что съ медленной сановитостью говорила бабушка“. И Женя, понимавшая это не хуже сестры, смѣялась про себя, покусывая нижнюю губу и стуча ножками по паркету. Бабушка, у которой слухъ отлично сохранился, тотчасъ замѣтила это и спросила, отчего она не можетъ спокойно сидѣть на мѣстѣ.

— Vous ne voulez pas déjeuner avec nous, Paul?— обратилась она затѣмъ къ жениху и, увидавъ, что онъ покачалъ головой, объявила, что можно перейти въ гостиную.

Всѣ поднялись съ мѣстъ.

— Посмотри, любезный другъ,—громко заговорилъ графъ, останавливая за локоть Павла Алексѣевича,— посмотри, что я поднесъ сегодня Кити... Что, каково?— И онъ сунулъ ему въ руку открытый футляръ съ серьгами.—А ты, кажется, мой милый, съ пустыми руками?..—добавилъ, не отличавшійся тактомъ, Вадимъ Александровичъ.

Краска слегка показалась на лицѣ Грушнева. Онъ, точно, былъ съ пустыми руками, хоть и зналъ очень хорошо, что обычай велитъ непремѣнно дѣлать невѣстѣ подарокъ въ первый же день послѣ помолвки. Но подносить ей какую-нибудь заурядную вещь, купленную у перваго попавшагося бриллiантщика, ему не хотѣлось, и наканунѣ онъ уже заказалъ медальонъ съ подходящей надписью, въ которомъ помѣстился его портретъ. Медальонъ этотъ не могъ быть готовъ раньше трехъ дней, и онъ объяснилъ это будущему дядюшкѣ, сконфуженный тѣмъ, что въ этотъ день, когда онъ весь исполненъ такой чистой, высокой радости, ему надо извиниться въ такихъ пустякахъ. Неодобрительное удивленiе онъ ясно читалъ тоже и въ глазахъ бабушки. Но Кити,—онъ въ этомъ не сомнѣвался,—конечно, ужъ не посѣтуетъ на него. А до мнѣнiя остальныхъ ему не было дѣла.

Онъ подошелъ къ невѣстѣ и долгимъ поцѣлуемъ прильнулъ къ ея рукѣ.

— Вы понимаете, Кити,—сказалъ онъ вполголоса, выходя съ ней изъ столовой въ большую залу,—что я не хотѣлъ вамъ принести сегодня, именно сегодня, что-нибудь такое, чѣмъ сотни глазъ успѣли налюбоваться, пока оно было выставлено на показъ за витриной... Для меня такое счастье вамъ дать что-нибудь... и въ первый разъ, что я имѣю на то право, надо, чтобъ это была вещь, сдѣланная нарочно для васъ и въ которую я вложилъ бы что-нибудь отъ себя—мой вкусъ, мои чувства... Вы понимаете?

Кити, очевидно, понимала. Ея взглядъ, по крайней мѣрѣ, свѣтился такъ ярко и ласково, и красивыя, почти классическiя, губы такъ мило вторили улыбкѣ глазъ. „Отчего онъ говоритъ такимъ мудренымъ языкомъ?“ думала она между тѣмъ про себя: „вѣдь, не мы первые женихъ и невѣста. Отчего же не быть, какъ всѣ?“

Но Павелъ Алексѣевичъ именно не былъ „какъ всѣ“, и Кити онъ полюбилъ какъ разъ за то, что въ ней тоже

угадывалъ что-то самобытное, что-то независимое отъ рабства условности.

– Какъ я бы хотѣлъ весь этотъ день провести съ вами одной,—продолжалъ онъ, останавливаясь съ нею въ опустѣвшей залѣ.

Графиня прошла уже въ гостиную вмѣстѣ съ француженкой и Женей; Виссаріонъ Порфирьевичъ скромно исчезъ—ему давно было пора на службу; а Вѣра Александровна, сказавъ, что она устала и у нея болитъ голова, увела брата на свою половину.

— И мнѣ бы этого очень хотѣлось,—живо отвѣтила Кити.

— Только я, вѣдь, знаю, что этого никогда не будетъ,—улыбнулся Павелъ Алексѣевичъ,—сейчасъ наѣдутъ гости, и, вмѣсто разговора съ вами, мнѣ придется слушать эту ужасную трескотню.

— Для меня это будетъ такъ же скучно, какъ и для васъ,—засмѣялась Кити,—пусть это послужитъ вамъ утѣшеніемъ.

— Хорошо утѣшеніе! А вотъ прогуляться бы намъ—погода сегодня такая чудесная. Иль ужъ никакъ нельзя?

— Кити! Поль! Что жъ вы не идете?—послышался изъ гостиной немного рѣзкій, хоть и тонкій голосъ бабушки.

Въ этотъ самый мигъ въ передней раздался звонокъ.

Бабушка сидѣла на своемъ обычномъ мѣстѣ въ гостиной,—на маленькой, низкой кушеткѣ, покрытой, какъ и вся прочая мебель, темнолиловымъ шелкомъ. Одной рукой она понюхивала одеколонъ изъ крошечнаго флакончика, а другой держала ножъ изъ слоновой кости, собираясь разрѣзывать лежавшую у нея на колѣняхъ книжку французскаго журнала. М-lle Готье сидѣла противъ нея на креслѣ и наматывала шерсть для какой-то работы.

— Ma chère enfant,—подозвала она Женю, смотрѣвшую въ окно на улицу,—будьте такъ добры, помогите

мнѣ немножко. — И она натянула шерсть на обѣ руки дѣвушки.

— Вотъ такъ, вотъ такъ, отлично,—мягко твердила она, пока Женя стояла передъ ней, нетерпѣливо отбивая ножкой тактъ по ковру. Но едва прошли двѣ минуты, она успѣла уже перепутать шерсть и кисловато замѣчала Женѣ, что странно, какъ это она не умѣетъ держать руки спокойно,—это такъ, вѣдь, легко, и восьмилѣтняя дѣвочка это сдѣлала бы отлично.

— Ну, совсѣмъ не надо, коли такъ! — разсердилась Женя, бросая шерсть.—И на что вамъ шерсть наматывать, коли никакой работы вы не дѣлаете?.. Вы цѣлый день, вѣдь, ничего не дѣлаете...

— Женя! — остановила ее графиня. — Дѣвушка въ твои годы должна...

— Quel caractére! — со своей стороны воскликнула француженка.

Но Женя и не думала выслушивать наставленія.

— Бабушка, я къ мама пойду, — объявила она и выбѣжала вонъ.

Вѣра Александровна была въ своей маленькой гостиной, уютно и красиво убранной комнаткѣ, выходящей на дворъ. Она громко разговаривала съ братомъ, и на пути Женя разслышала ея послѣднія слова: „Перестань, Вадимъ, довольно объ этомъ,—слышишь, Женя идетъ. Il ne faut pas parler de cela devant la petite...“ Женя догадалась, что рѣчь шла о деньгахъ. Вѣра Александровна для того только и увела съ собой брата, чтобы поговорить съ нимъ о своихъ финансовыхъ затрудненіяхъ. Въ это самое утро къ ней пришло изъ Москвы письмо отъ мужа, пространно толковавшее объ этихъ затрудненіяхъ, главнымъ виновникомъ которыхъ былъ не кто иной, какъ самъ Николай Ивановичъ Усольцевъ. Графиня Дарья Михайловна оказывала дочери широкое гостепріимство и дѣлала это охотно; но давать ей деньги, помогать ей расплачиваться за шалости мужа, какъ она выражалась, графиня упорно отказывалась. И Вѣра

Александровна очень часто сидѣла безъ гроша среди окружавшей ее роскоши. А теперь, когда предстояло столько неотложныхъ издержекъ, ея положеніе становилось безвыходнымъ. Графъ встрѣтилъ, однако, ея горестное изліяніе лишь громкимъ смѣхомъ. Онъ былъ очень добродушный человѣкъ, но къ супружескимъ недочетамъ сестры никогда серьезно не относился.

— Ты просто дура, — говорилъ онъ ей не разъ, — взяла бы своего благовѣрнаго въ руки, а то помогаешь ему балетныхъ танцовщицъ содержать...

И на этотъ разъ онъ отвѣчалъ на ея просьбы въ томъ же духѣ.

— Нѣтъ, ужъ извини, матушка, свою вѣчную пѣсню ты мнѣ лучше и не напѣвай. Подарковъ я Кити надѣлаю сколько угодно, а давать тебѣ деньги прямо на руки— ни-ни! Да и что-жъ ты воображаешь — у меня самого ихъ очень много? Мамаша-то не особенно щедро раскошеливается.

— Вотъ ужъ не понимаю!—воскликнула Вѣра Александровна,—тебѣ сорокъ лѣтъ слишкомъ, а все изъ подъ мамашиной опеки не вышелъ! У тебя свое состояніе есть, и очень большое, а все къ ней бѣгаешь за денежками, точно мальчикъ... Вѣдь, съ твоихъ имѣній, Вадя, сто тысячъ доходу безъ малаго.

— А чортъ знаетъ, сколько ихъ тамъ, я не считалъ. Ты знаешь мамашу—все держитъ въ своихъ рукахъ. Поди-ка сунься къ ней — потребуй у нея папенькино наслѣдство... Да и на что оно мнѣ, коли правду сказать? Хватаетъ, вѣдь, на меня.

— Да и не на одного тебя, Вадя,—не безъ ехидства замѣтила Вѣра Александровна, очень хорошо знавшая, куда дѣвается большая часть братниныхъ денегъ.

— Ну, ужъ про это мнѣ лучше не напоминай... Такъ мнѣ надоѣла эта женщина, такъ ужъ надоѣла...

— Развяжись съ ней,—хладнокровно возразила ему сестра,—давно пора.

На это онъ отвѣтилъ лишь пожатіемъ плечъ. Не

только онъ не ощущалъ никакой страсти къ женщинѣ, съ которой жилъ уже пятый годъ, но даже привязанности у него не было къ ней. А между тѣмъ онъ былъ къ ней прикованъ докучливыми узами привычки, и ему не хватало рѣшимости ихъ разорвать. Въ ту минуту, когда Женя вбѣжала въ комнату матери, графъ уже собирался заказать себѣ сани, чтобы поѣхать, какъ дѣлалъ онъ это почти каждый день, къ этой самой наскучившей ему женщинѣ.

— Чего тебѣ надо, егоза?— встрѣтилъ онъ влетѣвшую въ комнату племянницу.—Тамъ, небось, ужъ наѣхала цѣлая стая кузинъ и принялась врать что есть мочи?

— Никого еще нѣтъ,—отвѣтила Женя. — Да скучно сидѣть втроемъ съ бабушкой и m-lle Готье, оттого я и прибѣжала.

— А невѣста съ женихомъ гдѣ?—спросилъ графъ.

— По залѣ расхаживаютъ: у нихъ есть о чемъ говорить.

— Ну, вдвоемъ ихъ тамъ долго не оставятъ, за это я ручаюсь, — засмѣялся Вадимъ Александровичъ. — А теперь, мой другъ,—обратился онъ къ сестрѣ,—мнѣ ѣхать пора.

— Опять туда, — съ укоризной во взглядѣ произнесла Вѣра Александровна.

— Туда...

— Нѣтъ, останься еще хоть на минуту. Пожалуйста, останься. Мы, вѣдь, не кончили еще...

Но не дожидаясь согласія брата (она и безъ того была увѣрена, что онъ останется), Вѣра Александровна сказала дочери, чтобъ она велѣла ей докладывать, когда будутъ пріѣзжать гости. Женя поняла, что ее хотятъ услать, и уже не возвращалась къ матери. Она остановилась въ столовой и, подойдя къ окну, прижала къ холодному стеклу свое личико. Недавно еще ясный день успѣлъ потускнѣть: сталъ порошить снѣжокъ. И почему-то вдругъ непонятная, тоскливая грусть подкралась къ веселому сердечку Жени, и какое-то стран-

ное, незнакомое ей, чувство одиночества охватило ее... Она долго, полубезсознательно, простояла такъ, пока вошедшій лакей ее не обозвалъ.

— Евгенія Николаевна, васъ въ гостиную просятъ: барышни Норовчатовы пріѣхали.

IV.

Въ гостиной уже давно шелъ пріемъ. Едва вошли туда, послушные зову бабушки, Грушневъ и Кити и графиня успѣла замѣтить внучкѣ, что нельзя расхаживать по залѣ съ женихомъ, когда сейчасъ будутъ гости, вошедшій лакей доложилъ о пріѣздѣ графа Ивана Семеновича Веретинскаго. Это былъ очень старый и очень важный генералъ, наводившій на графиню, какъ и на всѣхъ своихъ знакомыхъ, необыкновенную скуку, и тѣмъ не менѣе всѣми принимавшійся съ чрезвычайнымъ почетомъ. Наканунѣ у Дарьи Михайловны происходилъ фамильный обѣдъ, на которомъ было объявлено о помолвкѣ, и вѣсть объ этомъ въ тотъ же вечеръ разнеслась по городу.

— Просить,—сказала графиня.

— Я не понимаю, бабушка, что̀ тутъ дурного?—живо сказала Кити.—Мы вѣдь не для гостей живемъ, а для себя, и нельзя же вѣчно быть на часахъ...

— Ахъ, моя милая, я всю свою жизнь была на часахъ, и, какъ видишь, въ мои годы жива и здорова. Пока мы живемъ въ обществѣ, мы въ зависимости отъ него и должны исполнять свои обязанности передъ нимъ. А съ женихомъ ты натолковаться успѣешь.

Кити хотѣла отвѣтить, что именно теперь, въ этотъ первый день ея новой жизни, у нея такъ много есть о чемъ говорить съ Павломъ Алексѣевичемъ; но въ залѣ уже раздавался сухой кашель и постукиваніе трости графа Ивана Семеновича.

— Je viens vous féliciter, ma chère, — громогласно,

какъ всѣ глуховатые люди, провозгласилъ старикъ, подходя къ графинѣ: — Je vois que je suis le premier... A mon âge on est toujours le premier à remplir son devoir.

И этотъ devoir онъ выполнилъ съ образцовой галантностью стариннаго вѣка, — съ чувствомъ поцѣловалъ у невѣсты руку и приложилъ свои желтые усы къ щекѣ Грушнева, который ему приходился дальнимъ племянникомъ.

— Charmante! Fraîche comme une rose! — любезно твердилъ онъ по адресу Кити, съ трудомъ ковыляя къ стоявшему возлѣ графини креслу, на которое осторожно усѣлся, боясь, какъ бы не измѣнили ему ноги.

Графиня съ поразительнымъ самоотверженіемъ поддерживала нелегкій разговоръ, во время котораго приходилось выкрикивать каждое слово. Но Кити не давала себѣ труда отвѣчать на любезности старика. Она упорно смотрѣла на кончики своихъ башмаковъ, вполголоса перекидываясь съ женихомъ быстрыми, короткими замѣчаніями. „Когда же кончится эта пытка?“ думали они оба, влюбленными глазами смотря украдкой другъ на друга. Но пытка не обѣщала скоро кончиться. Графъ пространно разсказывалъ про какой-то случай, бывшій съ нимъ на разводѣ двадцать лѣтъ назадъ, при покойномъ государѣ; потомъ онъ перешелъ къ воспоминаніямъ про общую родню: генеалогію цѣлаго Петербурга онъ помнилъ до мельчайшихъ подробностей вплоть до временъ Павла Перваго. Гости не съѣзжались, было еще рано. Наконецъ, пріѣхали, одна за другой: двѣ немолодыя дамы — Анна Дмитріевна Скоморохина и графиня Елизавета Васильевна Вейсенбергъ, которую, несмотря на ея пятьдесятъ лѣтъ, все еще звали Лили, и злой язычекъ которой заставлялъ трепетать всѣхъ не приходившихся ей по нраву. Разговоръ сталъ общимъ, и теперь Кити и Павлу Алексѣевичу поневолѣ пришлось въ немъ принять участіе. Обѣ пріѣхавшія дамы были извѣстны своимъ умомъ, а между тѣмъ

все, что говорилось, было до крайности плоско и скучно. Ни отъ чего такъ не глупѣютъ люди, какъ отъ принужденнаго выраженія несуществующихъ чувствъ; а когда, вдобавокъ, у двоихъ изъ этихъ людей есть настоящее чувство, которому не даютъ высказываться, не мудрено, что общая бесѣда становится томительно натянутой. Обѣимъ дамамъ непремѣнно хотѣлось знать въ точности, въ какой именно день будетъ свадьба и куда молодые затѣмъ поѣдутъ, между тѣмъ какъ женихъ и невѣста про это до сихъ поръ и не думали. Чѣмъ-то нестерпимо навязчивымъ, какимъ-то грубымъ, назойливымъ прикосновеніемъ къ нѣжной тайнѣ ихъ взаимнаго счастья казались эти разспросы Грушневу и Кити.

— Разумѣется, изъ-подъ вѣнца сейчасъ за границу?—сказала Лили. И что-то похожее на иронію слышалось въ этомъ вопросѣ: графиня никогда не могла отдѣлаться отъ свойственной ея голосу иронической нотки.

— Право, не знаю,—усталымъ тономъ вымолвила Кити.

— Поѣзжайте въ деревню, моя милая, непремѣнно въ деревню—это самое лучшее,—вмѣшалась г-жа Скоморохина:—весна, чудный воздухъ, соловьи поютъ...

— И снѣгъ таетъ, и такая грязь, что нигдѣ ступить нельзя,—добавила графиня Лили,—а поѣдешь, экипажъ сломаешь, прелестно!

— А вы находите лучше,—съ живостью обратилась къ ней Анна Дмитріевна,—посвящать кондуктору первыя минуты своего счастья и оставлять воспоминанія о немъ въ какомъ-нибудь вагонѣ?..

Такъ продолжали терзать Кити и ея жениха своею болтовней эти милыя дамы.

— А это что у васъ? Какая прелесть!—увидавъ на столикѣ раскрытый футляръ съ блестѣвшими серьгами,—воскликнула г-жа Скоморохина.—Это онъ вамъ поднесъ, конечно?..

— Нѣтъ, это подарокъ дяди,—слегка вспыхнувъ,

отвѣтила дѣвушка и тутъ-же рѣшила, что футляръ она унесетъ и спрячетъ при первой возможности.

Графиня Вейсенбергъ, между тѣмъ, повела настоящую атаку на Павла Алексѣевича, шутливо дразня его, какъ это онъ, такой серьезный и такой спокойный человѣкъ, вдругъ рѣшился сдѣлать предложеніе, да къ тому-же одной изъ самыхъ хорошенькихъ дѣвушекъ Петербурга. Если бы Грушневъ неожиданно совершилъ какое-нибудь преступленіе или какую-нибудь отчаянную глупость, графиня не могла бы осыпать его за это болѣе ѣдкими, хоть и мягко выраженными, укорами.

— И вы не боитесь послѣдствій?—настаивала она.— И вы думаете, жена вамъ позволитъ оставаться серьезнымъ человѣкомъ и прятаться, какъ улитка, въ свою раковину?

— Насъ будетъ двое въ этой раковинѣ, графиня,— возразилъ Грушневъ.

— Для васъ это, можетъ быть, достаточно, но для нея... Надѣюсь, Кити, вы не позволите своему мужу оставаться дикаремъ?..

— Да онъ совсѣмъ не дикарь, графиня,—заступилась за жениха Кити.

— Какъ? Онъ даже на моихъ средахъ рѣдко бываетъ. Вы не находите страннымъ,—обратилась графиня Лили къ хозяйкѣ дома,—что теперь мужчины, когда имъ подъ тридцать, совершенно перестаютъ бывать въ обществѣ?.. Il ne nous reste que des blancs-becs et des ramollis.

Къ счастью, разговоръ этотъ самъ собой прекратился съ пріѣздомъ новыхъ гостей. Вошли двое молодыхъ людей, военный и статскій, оба дѣлающіе карьеру, и двѣ барышни Норовчатовы, Соня и Зоя, кузины Усольцевыхъ. Старый графъ не безъ труда всталъ и раскланялся. Дарья Михайловна позвонила и велѣла позвать Женю: ей становилось не подъ силу занимать гостей. Кити помогала ей очень плохо. Какъ скоро Женя вошла, общество разбилось на два кружка. За большимъ круглымъ столомъ умѣстилась вся молодежь, въ томъ числѣ

женихъ съ невѣстой и вошедшій въ гостиную, заодно съ Женей, Дима Клубинъ, у котораго былъ въ рукахъ большой букетъ изъ чайныхъ розъ для Кити. Молодые люди, дѣлающіе карьеру, сперва остались было при старшихъ дамахъ, но, услыхавъ, какъ весело смѣются за круглымъ столомъ, перекочевали туда одинъ за другимъ.

Клубинъ преуморительно дразнилъ всѣхъ присутствующихъ, начиная съ младшей барышни Норовчатовой (онъ говорилъ ей, что слѣдитъ за нею зорко вотъ уже цѣлый мѣсяцъ и на-дняхъ сообщитъ ей сдѣланныя на ея счетъ открытія) и кончая самою невѣстой, которой онъ предрекалъ въ близкомъ будущемъ всякія бѣдствія.

— Вы думаете, Екатерина Николаевна, вамъ дадутъ быть счастливой?.. и, главное, позволятъ дѣлать что вздумается?.. Неужели вы не знаете, что съ того самаго дня, какъ вы стали невѣстой, каждая минута вашего времени принадлежитъ всѣмъ, только не вамъ?—И онъ доказалъ ей, какъ дважды два-четыре, что всѣ дни у нея будутъ разобраны по частямъ—родней, подругами и, прежде всего, разумѣется, портнихами; всего меньше, конечно, останется на долю жениха.—Вы оглянуться не успѣете, какъ наступитъ день свадьбы.

— Зато счастье будетъ послѣ,—вмѣшалась старшая Норовчатова, Соня, невысокая брюнетка, съ птичьимъ носомъ и совсѣмъ круглыми глазами.

— Ну, это еще бабушка на-двое сказала,—продолжалъ смѣяться Дима.

— Да какъ вы смѣете это говорить, Клубинъ? Кто вамъ позволилъ?—отрѣзала младшая Норовчатова, необыкновенно бойкая дѣвушка, очень похожая на сестру и, въ то же время, совсѣмъ на нее не похожая, такъ какъ, вмѣсто кислаго выраженія, ея заостренный носикъ придавалъ ей выраженіе задорное, а живые, черные глазки такъ и прыгали.

— Знаете, чья участь въ данномъ случаѣ мнѣ всего

кажется завиднѣе?—не обращая вниманія на эту нотацію, заговорилъ опять Клубинъ:—участь m-lle Жени. Ее прямо въ большія произведутъ. Женихъ сестры ей будетъ каждый день приносить конфекты, и нѣтъ-нѣтъ кто-нибудь въ нее даже влюбится. Не смотрите на меня такъ сердито, Евгенія Николаевна, вы совсѣмъ, вѣдь, не сердитесь и очень хорошо знаете, что это такъ.

Женя въ самомъ дѣлѣ не сердилась и даже не покраснѣла. Въ нее влюблялись уже разъ пять—двое пажей, одинъ морякъ и два лицеиста! Но такъ какъ это былъ совершенный вздоръ, Женя ничуть не смущалась когда ей про это напоминали, чувствуя себя неизмѣримо выше своихъ поклонниковъ. А передъ Клубинымъ она ничуть не робѣла—такова была уже его судьба, что ни одна дѣвушка, даже не совсѣмъ взрослая, не относилась къ нему серьезно. Женя и не подозрѣвала, что Клубину она сильно нравится. А Кити между тѣмъ не менѣе страдала отъ этой легкой трескотни, какъ передъ тѣмъ, отъ непрошеннаго участія въ ея судьбѣ графини Вейсенбергъ и госпожи Скоморохиной. И то, и другое было нарушеніемъ того внутренняго тихаго священнодѣйствія, которое, такъ думала она, въ ней совершалось въ этотъ день. Ей страннымъ казалось, что она могла находить милымъ, забавнымъ этого несноснаго балагура Клубина.

Наконецъ, ей удалось оторваться отъ этихъ жужжавшихъ вокругъ нея ненужныхъ, почти оскорбительныхъ, рѣчей. Графиня Лили и Анна Дмитріевна встали, и надо было ихъ проводить до передней, а бабушка этого не дѣлала ни для кого, за исключеніемъ одной только старой княгини Бѣломорской - Бѣлоконской. Кити прошла съ ними въ залу. Павелъ Алексѣевичъ послѣдовалъ за ней.

И вотъ, наконецъ, они вдвоемъ, на свободѣ. Имъ теперь можно будетъ разговориться о томъ, что одно только занимаетъ ихъ обоихъ въ этотъ день. Но ихъ и тутъ не оставили въ покоѣ. Едва вышли они изъ залы въ

столовую, надѣясь, что хоть на мигъ забудутъ о нихъ бабушка и гости, какъ послышался мягкій шелестъ шелковаго платья, и Вѣра Александровна, переодѣтая съ головы до ногъ, показалась на порогѣ.

— Что это, Кити?—воскликнула она:—мы должны сейчасъ ѣхать, а ты здѣсь, и не одѣта! Я только загляну на минуту въ гостиную, и мы поѣдемъ.

Вѣра Александровна необыкновенно помолодѣла, благодаря своему нарядному платью, и, надо ей отдать справедливость, помолодѣла безо всякой помощи искусственныхъ средствъ. Ея увядшія, но все еще тонкія, изящныя черты очень выигрывали, когда она старательно одѣвалась. Она въ высшей степени обладала тѣмъ, что французы называютъ „la ligne". Несмотря на свою невеселую, безцвѣтную жизнь, на супружескія невзгоды и денежныя затрудненія, Вѣра Александровна осталась свѣтскою женщиной съ головы до ногъ. Ей стоило показаться въ обществѣ, и, какъ боевой конь, услыхавшій трубу, она сильно возрождалась, и блескъ оживленія снова приливалъ къ ея усталымъ чертамъ.

Кити не тронулась съ мѣста и только нѣмою улыбкой отвѣчала матери. Она привыкла совсѣмъ не бояться Вѣры Александровны. Ей просто смѣшнымъ казалось, что въ этотъ день ей то и дѣло напоминаютъ про разныя обязанности, въ ея глазахъ не имѣвшія никакого значенія.

— Что жъ, Кити, ты развѣ не слышишь?—мягко, почти безпомощно, повторила свое увѣщаніе г-жа Усольцева.—Пожалуйста, не заставляй себя ждать. Павелъ Алексѣевичъ, я къ вамъ обращаюсь: вы человѣкъ серьезный и разсудительный—объясните ей, что это непремѣнно надо.

— Такъ ужъ непремѣнно надо сейчасъ ѣхать къ тетушкѣ Бартасовой и княгинѣ Бѣломорской?

— Да, да, а потомъ въ магазины... непремѣнно, непремѣнно надо,—суетливо повторила Вѣра Александровна

и плавными, легкими шагами направилась въ гостиную Грушневъ и Кити разсмѣялись ей вслѣдъ.

— Мамаша ужъ непремѣнно тамъ просидитъ съ полчаса; стало быть время есть.—И не думая переодѣваться, она принялась ходить подъ руку съ женихомъ взадъ и впередъ по столовой. Съ самой той минуты, какъ онъ сдѣлалъ ей предложеніе, они теперь впервые оставались съ глазу на глазъ. И такъ много, такъ много они имѣли другъ другу сказать... Но какъ разъ отъ того, что былъ у нихъ такой избытокъ мыслей и чувствъ, что все широкое будущее принадлежало имъ, они не знали, на чемъ остановиться въ этой яркой картинѣ такъ улыбавшейся имъ жизни. И заговорили они совсѣмъ не про то, что надо было, а только обмѣнивались самыми короткими заурядными обрывками фразъ. Но развѣ это было не все равно? Развѣ главное заключалось не въ томъ, что каждому изъ нихъ было такъ хорошо слушать другого?..

Павелъ Алексѣевичъ только-что собирался разсказать ей, какъ это ему въ первый разъ пришла мысль на ней жениться. И хотя Кити знала это, можетъ быть, лучше его самого, ее радовало услышать разсказъ про впечатлѣніе, произведенное ею на этого серьезнаго и, какъ всѣ его считали, холоднаго человѣка. Счастливый румянецъ заалѣлъ на слегка опущенномъ личикѣ молодой дѣвушки... Но вотъ изъ зала послышались чьи-то шаги,—кто-то, должно быть, уходилъ. Часы на каминѣ пробили разъ. Кити встрепенулась.

— Какъ! неужели половина пятаго?—Она взглянула на свои часики и ахнула: —Да онѣ въ самомъ дѣлѣ не успѣютъ побывать вездѣ, гдѣ надо... Ну, теперь мнѣ пора, — воскликнула она,—мама сейчасъ придетъ. Послѣ обѣда мы опять поговоримъ: чужихъ не будетъ, и мы найдемъ случай остаться вмѣстѣ. — Она пожала ему руку, улыбнувшись ему влюбленными глазами, и выпорхнула вонъ. А у него что-то странное на мигъ защемило въ груди, что-то не похожее на чувство нетер-

пѣнія, испытанное тамъ, въ гостиной, у бабушки, когда ему довелось слушать нелѣпую болтовню чужихъ, равнодушныхъ людей. Это было, однако, что-то едва замѣтное, едва лишь зарябившее свѣтлую гладь его праздничнаго настроенія, въ которомъ, какъ солнце въ озерѣ лѣтомъ, отражалось безоблачное счастье этого радостнаго дня.

И вдругъ онъ спросилъ себя, продолжая расхаживать въ столовой уже безъ Кити:

— Какъ, въ самомъ дѣлѣ, все это случилось?.. Когда въ первый разъ запала къ нему на умъ и на сердце мысль о женитьбѣ? Въ сущности, онъ этого положительно и сказать не могъ бы, — до того неожиданно, почти безсознательно, совершилась перемѣна въ его жизни... Да, онъ, серьезный и положительный человѣкъ, привыкшій держать себя въ рукахъ и твердо идти по намѣченной дорогѣ, и не зналъ совсѣмъ, какъ постепенно овладѣлъ его воображеніемъ образъ этой блестящей дѣвушки, окруженной такимъ всеобщимъ поклоненіемъ и передъ которой онъ немножко робѣлъ на первыхъ порахъ ихъ знакомства... Павелъ Алексѣевичъ всегда немного робѣлъ передъ свѣтскими женщинами, инстинктивно чувствуя внутреннюю рознь между ихъ суетнымъ міромъ и своими наклонностями. Сперва Кити ему даже не нравилась вовсе. Весь домъ графини Дарьи Михайловны, гдѣ съ утра до вечера дымъ стоялъ коромысломъ и все кружилось въ какомъ-то чаду, весь складъ этого дома претилъ его натурѣ, прежде всего любившей уравновѣшенность и порядокъ. Но мало-по-малу онъ сталъ мысленно выдѣлять Кити изъ окружавшей ее среды. Два-три замѣчанія, сдѣланныя ею въ его присутствіи и такъ ясно говорившія о прямотѣ характера и разумномъ пониманіи жизни, разомъ стерли первое невыгодное впечатлѣніе: встрѣчаясь съ нимъ все чаще, она дала ему случай убѣдиться, что и сердце у нея золотое, что первый необдуманный порывъ безсознательно влечетъ ее къ добру.

А когда онъ замѣтилъ, что эта избалованная дѣвушка даритъ ему столько вниманія, словно даже выдѣляетъ его изъ прочихъ, онъ понемногу сталъ высказываться передъ нею все полнѣе и откровеннѣе, совсѣмъ откинувъ свою первоначальную робость. И все-таки, хоть весь его не сложный и не длинный романъ до мельчайшей подробности былъ передъ нимъ какъ открытая книга, онъ опредѣлить не могъ, съ какого дня, съ какой минуты рѣшеніе въ немъ сказалось и онъ безъ колебаній выбралъ ее спутницей на всю жизнь...

Это было въ театрѣ, въ ложѣ ея матери, въ короткій мигъ, когда они во время антракта остались втроемъ и Вѣра Александровна усердно разсматривала въ бинокль чей-то поразившій ее туалетъ. Онъ наклонился къ ней и сдѣлалъ вполголоса какое-то замѣчаніе на счетъ постановки шедшей тогда оперы. Но голосъ его звучалъ совсѣмъ не такъ, какъ всегда, и въ глазахъ, тоже, какъ въ этомъ голосѣ, были тревога и мольба... И въ отвѣтъ она улыбнулась ему съ такой ободряющей лаской, что потомъ до самаго конца представленія они уже не переставали говорить вдвоемъ, не слушая музыки и не обращая вниманія на постороннихъ... Все это Павелъ Алексѣевичъ помнилъ отчетливо. Онъ не зналъ только, какъ знала это Кити, что какъ разъ тогда они обмѣнялись первымъ невысказаннымъ обѣщаніемъ, и Кити уже не сомнѣвалась болѣе, что скоро, очень скоро Павелъ Алексѣевичъ сдѣлаетъ ей предложеніе. Когда-нибудь она ему разскажетъ все это, но теперь, теперь еще нельзя. И Павелъ Алексѣевичъ продолжалъ съ наслажденіемъ перебирать недавнія воспоминанія, съ каждымъ новымъ изъ маленькихъ случаевъ, приходившихъ ему на память, все сильнѣе, все радостнѣе убѣждаясь, что за прелесть эта дѣвушка, позволившая ему заглянуть въ ея нетронутую душу, гдѣ скрывалось такъ много такого, чего и не подозрѣвали другіе...

Теперь, вплоть до обѣда, Павлу Алексѣевичу дѣ-

лать было нечего въ домѣ графини, и онъ вышелъ въ переднюю, чтобы спуститься внизъ. Впрочемъ, что-нибудь „дѣлать“ въ этотъ день или просто къ кому-нибудь поѣхать было рѣшительно невозможно. Его просто тянуло на свѣжій воздухъ.

На площадкѣ лѣстницы онъ наткнулся на цѣлое общество. Тутъ была Женя, провожавшая барышень Норовчатовыхъ, и Дима Клубинъ. Всѣ остановились на мигъ, да такъ и застряли тутъ, болтая всякій вздоръ. Грушнева задержали, спрашивая куда онъ торопится.

— Никуда! — услыхавъ его отвѣтъ, воскликнулъ Дима.—Вотъ счастливый человѣкъ! Никуда!.. И въ такой еще высокоторжественный для него день! А вѣдь, подумаешь—мнѣ еще въ четыре мѣста надо... конечно, не поспѣю.

— Вѣчно куда-нибудь вамъ надо,—стала дразнить его младшая Норовчатова,—а въ сущности, вы самый незанятый человѣкъ въ Петербургѣ.

— Вотъ и ошибаетесь. Это только дамы воображаютъ, что всѣ, кто охотно съ ними время проводитъ, ничего иного не дѣлаютъ.

Въ эту минуту рослый лакей, въ мѣховой ливреѣ и сѣрыхъ штиблетахъ, выбѣжалъ на лѣстницу и бросился внизъ, спрашивая: готова-ли карета?

— Это Вѣра Александровна съ вашей сестрой выѣзжать собираются,—обратился Клубинъ въ Женѣ.—Тоже, видите, обязанности, и какія еще—родню да магазины объѣздить, просто ужасно! А вѣдь надо, что и говорить.

— Въ нашемъ домѣ,—разсмѣялась Женя,—это словечко „надо“ съ утра до вечера слышишь. А мнѣ такъ и хочется, какъ только объ этомъ напоминаютъ, непремѣнно сдѣлать что-нибудь другое.

— Ну, а я все-таки увѣренъ, что какъ только мы уѣдемъ, вы тоже приметесь за какую-нибуть обязанность, Евгенія Николаевна.

— Какъ же, буду венгерскую рапсодію Листа разучивать.

Въ дверяхъ передней показались Вѣра Александровна и Кити, обѣ въ нарядныхъ шляпахъ и бархатныхъ ротондахъ.

— Торопитесь, Вѣра Александровна, торопитесь,— сказалъ Клубинъ, смѣясь и провожая обѣихъ дамъ по лѣстницѣ:—вамъ и такъ къ обѣду не поспѣть ни за что.

Вѣра Александровна и безъ того торопилась ужасно, вслѣдствіе чего и позабыла на туалетномъ столикѣ портмонэ, за которымъ лакей былъ посланъ наверхъ.

Барышни Норовчатовы тотчасъ поспѣшили проститься и, торопясь не менѣе Вѣры Александровны, сбѣжали по ступенькамъ лѣстницы. Грушневъ и Женя остались на площадкѣ одни и почему-то, посмотрѣвъ другъ другу въ глаза, они оба разсмѣялись: имъ въ голову пришла одна и та же мысль,—мысль о томъ, сколько у людей времени и силъ уходитъ на мнимыя обязанности.

— Ну, что, Женя,—спросилъ онъ,—станете разучивать Листа?.. Ну, вотъ видите—на повѣрку и выходитъ, что я здѣсь единственный человѣкъ, которому дѣлать рѣшительно нечего.

Она побѣжала наверхъ во второй этажъ, гдѣ была ея комната, и долго еще доносился оттуда ея звонкій смѣхъ.

V.

Разумѣется, Вѣра Александровна опоздала къ обѣду, и бабушка встрѣтила ее довольно кислымъ замѣчаніемъ, что прежде, въ ея время, никогда не опаздывали. Но услыхавъ отъ Кити, гдѣ онѣ были, въ особенности увидавъ оживленный блескъ удовольствія въ ея глазахъ, графиня тотчасъ смягчилась. Онѣ, вѣдь, успѣли побывать у двухъ старыхъ тетокъ, въ томъ числѣ у княгини Бѣломорской, единственной женщины въ Петер-

бургѣ. которую Дарья Михайловна почитала выше себя, и затѣмъ съѣздить въ три магазина. Это было въ самомъ дѣлѣ очень важно, и ради этого можно было опоздать. Только въ другой разъ, Кити,—сказала графиня,—ты не уходи, какъ давеча изъ гостиной со своимъ женихомъ, когда гости cela ne se fait pas... Ну, а теперь пойдемте обѣдать. И она лишній разъ поцѣловала Кити, нагнувшуюся къ ней своимъ розовымъ, свѣжимъ личикомъ.

Кити, въ самомъ дѣлѣ, глядѣла еще болѣе сіяющей, чѣмъ утромъ. Старая княгиня Бѣломорская приняла ее такъ любезно и столько лестнаго ей наговорила. Потомъ онѣ съ мама выбрали такія чудныя вещи для приданаго. Кити взглянула на жениха, какъ бы ища въ немъ сочувствія и въ то же время какъ бы извиняясь передъ нимъ за то, что ее занимаютъ такіе пустяки. Но что бы ни сказала и ни сдѣлала Кити въ этотъ день, Павелъ Алексѣевичъ все нашелъ бы прелестнымъ. Онъ готовъ былъ даже признать важность сдѣланнаго княгинѣ Бѣломорской визита, хотя въ другой разъ не воздержался бы, чего добраго, отъ насмѣшливаго замѣчанія, или, по крайней мѣрѣ, отъ улыбки. Вѣдь, главное то, что онъ сидитъ теперь рядомъ съ нею, и каждый разъ, что оборачивается въ ея сторону, ихъ глаза непремѣнно встрѣчаются. И что это были за дивные, за солнечные глаза! И какой очаровательной музыкой отзывается во всемъ его существѣ каждое сказанное ею слово... А потомъ, когда обѣдъ кончится, будетъ еще лучше. Они уйдутъ куда-нибудь подальше отъ строгихъ глазъ бабушки и до-сыта наговорятся обо всемъ томъ, чего до сихъ поръ едва успѣли коснуться, такъ увлекалъ ихъ съ собою весь день этотъ вихрь ненужныхъ обязанностей. И теперь, за обѣдомъ, хоть они и сидятъ рядомъ и заняты исключительно другъ другомъ, все-таки они хоть слегка чувствуютъ надъ собою давленіе обычнаго церемоніала, которымъ держится весь бабушкинъ домъ. Онъ чувствуется, этотъ цере-

моніалъ, во всемъ, что говорится за столомъ, въ очевидной неискренности Вѣры Александровны передъ матерью, которой она не перестаетъ бояться, во лживой угодливости француженки, которой такъ противорѣчатъ ея жесткіе глаза, и въ притворномъ вниманіи, съ которымъ всѣ слушаютъ разсказы бабушки о быломъ времени, ея строгія сужденія о настоящемъ. Торжественность видна даже и въ томъ, какъ старый буфетчикъ Никита разноситъ и подаетъ блюда. Двое только изъ присутствующихъ не подчиняются этому церемоніалу—Женя и графъ. Но Женю, каждый разъ, что она начинаетъ повѣсничать, тотчасъ останавливаютъ то бабушка, то Miss Fox. А графъ—его, правда, никто остановить не смѣетъ: онъ даже передъ матерью на особыхъ правахъ, и грузный его смѣхъ свободно разливается надъ столомъ, когда онъ только что отпустилъ какую-нибудь грубоватую остроту—о Боже мой. какъ тяжело и непріятно для Павла Алексѣевича и для Кити выслушивать его тупыя шутки, не разъ обращенныя прямо къ нимъ. Графу Вадиму Александровичу какъ-будто казалось, что помолвка племянницы совершенно законный поводъ къ игривымъ двусмысленностямъ.

Наконецъ, длинный обѣдъ кончился. Перешли опять въ гостиную; подали кофе. И женихъ съ невѣстой ужъ собирались улучить минуту, какъ бы выскользнуть незамѣтно, но бабушка ихъ и тутъ не отпустила. Придавъ себѣ еще больше торжественности, она кашлянула раза два, давая понять француженкѣ и Miss Fox, что онѣ могутъ удалиться. Затѣмъ Женя была отослана уже безъ всякихъ церемоній, а графъ вышелъ самъ выкурить сигару у себя на верху.

— Мнѣ надо съ вами переговорить, мои милые,— она сказала: mes chers enfants—поговорить о томъ, что всего важнѣе, хотя вы, можетъ быть, и не думаете объ этомъ совсѣмъ.

Павелъ Алексѣевичъ и Кити переглянулись. Ясно было, что пойдутъ разговоры о денежныхъ вопросахъ.

— Вы знаете Paul, что у моей внучки приданаго нѣтъ, потому что ея отцу угодно было растратить и свое и женино состояніе...

Вѣра Александровна посмотрѣла на бабушку умоляющимъ взглядомъ, но графиня, въ отвѣтъ на это, холодно сказала:

— Чтожъ, мой другъ?.. Скрывать здѣсь нечего... Paul долженъ это знать. Il est maintenant de la famille... Итакъ,—обратилась она опять къ Грушневу,—у вашей невѣсты приданаго нѣтъ...

Павелъ Алексѣевичъ сдѣлалъ было движеніе рукой, какъ бы съ тѣмъ, чтобъ устранить этотъ вопросъ, но бабушка настояла на своемъ.

— Пожалуйста, не возражайте, мой милый. Воздухомъ жить нельзя, и Кити совсѣмъ не такъ воспитана, чтобы самой мыть бѣлье и покупать въ лавкѣ провизію.

Кити отъ одной этой мысли разсмѣялась груднымъ смѣхомъ. Но бабушка и ее остановила:

— Тутъ ничего смѣшного нѣтъ, мой другъ. Ты моя внучка и должна имѣть, чѣмъ жить, тѣмъ болѣе, что и твой женихъ не богатъ. Я знаю, Paul, вы моей дочери сказали все съ полной откровенностью, это дѣлаетъ вамъ честь. У васъ всего семь тысячъ въ годъ— et pas d'espérances.

Бабушка, сказавъ это, постучала костлявыми пальцами по мраморному столу и затѣмъ продолжала:

— Вы, конечно, со временемъ будете получать большое жалованье, но, во-первыхъ, надо всегда быть независимымъ — c'est la seule maniere de ne pas devenir tchinovnik — и поэтому я хочу Кити обезпечить. Я ей даю Гунцево — то самое имѣніе, куда прошлымъ лѣтомъ вы пріѣзжали, Paul. Оно принадлежитъ сыну, но это ничего: я съ нимъ поговорила, онъ согласенъ.

Разговоръ между графиней и Вадимомъ Александровичемъ происходилъ передъ самымъ обѣдомъ. Онъ длился очень недолго. Графъ не дорожилъ ни однимъ изъ своихъ имѣній, которыми и не управлялъ вовсе.

Ему одно было нужно,—извѣстная сумма денегъ, и онъ даже хорошенько не зналъ, сколько именно, такъ какъ счетовъ никогда не велъ.

— Ты довольна, Кити?—продолжала бабушка.—Ты, кажется, Гунцево любишь.

Кити принялась цѣловать у бабушки руку въ знакъ благодарности, но графиня ее остановила, шутя.

— Ты дядю благодари, а не меня,—твердила она, хотя было совершенно очевидно, что это говорилось только для формы, и бабушка вполнѣ сознавала, что всѣ права на благодарность принадлежатъ ей.

— Гунцево не золотое дно, конечно, но все-таки, я думаю, у васъ будетъ чѣмъ жить, разумѣется, если вы останетесь благоразумными. На этотъ счетъ я на васъ разсчитываю, Paul.

Все это говорилось съ очевиднымъ намѣреніемъ обрадовать внучку и ея жениха и вызвать въ нихъ горячія чувства благодарности. Но Кити, хотя и цѣловала руку, ощущала не радость, а что-то скорѣе похожее на стыдъ. Про Грушнева и говорить нечего: для него это была настоящая пытка, и онъ даже не давалъ себѣ труда скрывать этого. Неподвижный и нѣмой, онъ нетерпѣливо ждалъ, пока выльется весь этотъ потокъ хвастливой бабушкиной щедрости.

— Современемъ вы будете богаты, — продолжала, между тѣмъ, графиня, не совсѣмъ довольная произведеннымъ впечатлѣніемъ.—Вадиму поздно жениться, и послѣ все тебѣ, Кити, и твоей сестрѣ останется, и твой старшій сынъ графомъ Ардашевымъ будетъ...

Тутъ Павелъ Алексѣевичъ не вытерпѣлъ и позволилъ себѣ нѣчто совсѣмъ неслыханное: онъ перебилъ Дарью Михайловну.

— Графиня,—сухо отрѣзалъ онъ, вставая,—я ни о чужихъ титулахъ, ни о чужихъ состояніяхъ для своихъ будущихъ дѣтей не мечтаю, и невѣста моя, надѣюсь, тоже. Я не скрылъ отъ нея и отъ Вѣры Александровны, что мои средства ограничены, но исключительно на эти

средства я разсчитывалъ, чтобы жить. И если онѣ мнѣ дали согласіе, онѣ, вѣроятно, на этотъ счетъ одного мнѣнія со мной.

Блѣдное лицо Павла Алексѣевича, пока онъ говорилъ это, залилось румянцемъ. И глазами онъ искалъ взгляда невѣсты, но Кити смотрѣла не на него, а на бабушку, немного испуганная выходкой жениха. Не меньшій испугъ читался на лицѣ Вѣры Александровны. Но бабушка всѣхъ ихъ удивила: она, повидимому, нисколько не разсердилась и только чуть-чуть насмѣшливо отвѣтила, ударяя ногтями по крышкѣ табакерки: ta, ta, ta, mon cher, comme vous-y-allez! Un vrai jeune premier de théâtre! Ну хорошо, хорошо, я понимаю, что для васъ теперь деньги ровно ничего не значатъ. Когда-нибудь вы на это посмотрите иначе, и тогда меня поблагодарите.

Бабушка терпѣть не могла семейныхъ сценъ и хорошо умѣла отъ нихъ увертываться, никогда при томъ не жертвуя своимъ достоинствомъ. Она тотчасъ поняла, что дальнѣйшій разговоръ съ Кити и Грушневымъ можетъ быть только натянутымъ, и сочла за благо милостиво отпустить ихъ.

— Я вижу,—объявила она съ кисло-сладкой улыбкой,—вамъ обоимъ здѣсь не сидится. Подите же потолкуйте вдвоемъ... Je vous rends la liberté.

Женихъ и невѣста, разумѣется, не замедлили этимъ воспользоваться. За весь день это была у нихъ первая свободная минута. И едва они переступили за порогъ гостиной, глаза ихъ встрѣтились и разомъ вспыхнули лучемъ счастья. У Грушнева только къ этому радостному чувству примѣшивалось иное сознаніе — что онъ нечаянно попалъ въ школьники, котораго могутъ подозвать и заставить посидѣть со старшими, а потомъ отпустятъ на волю, когда вздумается. Но онъ и отъ этой роли былъ не прочь, лишь бы, въ награду за послушаніе, ему позволили подольше остаться вдвоемъ съ Кити.

— Пойдемте въ гостиную, мама̀,—сказала она, проходя по длинной, слабо освѣщенной залѣ,—тамъ насъ оставятъ въ покоѣ.

— Вамъ, я думаю,—мигъ спустя началъ Павелъ Алексѣевичъ,—такъ же было тяжело все это выслушивать, какъ и мнѣ... Я не понимаю: ваша̀ бабушка такая умная женщина, имѣетъ столько такту, и она все-таки не догадывается, что говорить объ этихъ вещахъ, и говорить сегодня, не слѣдовало бы...

— Ахъ, — примирительно воскликнула Кити, — бабушка думала меня порадовать: она, вѣдь, знаетъ, что я такъ люблю Гунцево! Бабушка, вѣдь, такая добрая.

— Въ самомъ дѣлѣ?..—улыбнулся въ отвѣтъ Павелъ Алексѣевичъ: у него было на этотъ счетъ особое мнѣніе.

— Не правда-ли, здѣсь очень мило?

Кити, говоря это, усѣлась на круглое низкое кресло въ гостиной Вѣры Александровны и оглянулась на веселую комнату, гдѣ стоявшая въ углу лампа съ розовымъ абажуромъ разливала мягкій полусвѣтъ. Вся мебель здѣсь была низкая и обитая разноцвѣтнымъ шелкомъ.

— Насъ здѣсь оставятъ въ покоѣ, конечно, пока не наѣдутъ гости.

— А гости непремѣнно наѣдутъ?.. — садясь тоже, засмѣялся Грушневъ,—и непремѣнно тоже насъ туда потребуютъ?..

— Что дѣлать! Надо,—нѣжась въ креслѣ, проговорила Кити, улыбаясь глазами.

— Вы это „надо“ сказали совсѣмъ какъ бабушка...

— Ахъ, въ сущности, я, вѣдь, бабушки совсѣмъ не боюсь: можно съ ней ладить отлично; и когда мнѣ чего-нибудь не хочется сдѣлать, я всегда настою на своемъ. Она, вѣдь, въ самомъ дѣлѣ очень добрая. Вы, кажется, не вѣрите?.. Вотъ и это, что она сейчасъ говорила—это все изъ любви ко мнѣ. Она, вѣдь, воображаетъ, что я ничего не понимаю въ хозяйствѣ—вотъ

какъ мама, напримѣръ,—и очень тревожится за меня и за мое будущее. А на самомъ дѣлѣ я ужасно практична и отлично знаю деньгамъ счетъ. Пожалуй, я даже гораздо практичнѣе васъ—вотъ вы увидите. Знаете, кстати, что мнѣ бабушка говорила вчера? Она хочетъ, чтобы будущую зиму мы жили здѣсь у нея и отдаетъ намъ весь верхній этажъ—видите, какая она добрая.

— Можетъ быть, Кити,—опуская глаза, возразилъ Павелъ Алексѣевичъ.—Только, признаюсь, мнѣ бы этого очень не хотѣлось... На что намъ эта роскошь, при нашихъ маленькихъ средствахъ? И жить, къ тому же, въ чужомъ домѣ...

— Ахъ, какой же это чужой домъ, когда я здѣсь почти выросла?.. Впрочемъ,—поспѣшила она добавить, замѣтивъ не совсѣмъ довольное выраженіе на лицѣ жениха, —все, конечно, будетъ, какъ вы захотите.

И Кити пустилась не то, чтобы робко—въ ней робости не было совсѣмъ—а скорѣе осторожно развивать свои довольно-таки смутные планы на будущее, въ которыхъ одно только было совершенно ясно — полное убѣжденіе, что отказывать себѣ почти ни въ чемъ не придется. Но такъ какъ она говорила все это, какъ бы не переставая испрашивать согласіе жениха и стараясь вызвать его сочувствіе, выходило это у нея очень мило и наивно, хоть въ сущности эту наивность давно успѣли вышколить и отшлифовать три года, проведенные въ петербургскомъ свѣтѣ. И Павелъ Алексѣевичъ, въ свою очередь, съ такой же уступчивостью излагалъ урывками передъ невѣстой свои взгляды на жизнь, въ которой его прежде всего привлекали умственные интересы и гдѣ домъ и жена являлись какъ теплый, прелестный уголокъ, куда онъ довѣрчиво приносилъ бы всѣ свои мысли и заботы, зная, что онъ тутъ найдетъ и вѣрную пристань, и постоянное участіе. И оба они, говоря все это, вовсе не замѣчали, какъ сильно расходятся ихъ вкусы, не замѣчали оттого, что главное для обоихъ была взаимная любовь и что слушали они другъ друга

влюбленными ушами, пересказывавшими на иной ладъ все, что говорили они оба. Имъ казалось, что въ этотъ вечеръ они въ первый разъ совсѣмъ искренно высказываются другъ передъ другомъ, освободясь, наконецъ, отъ стѣсненій, какія надагали на нихъ условія свѣта. А на самомъ дѣлѣ они лгали оба теперь, какъ и прежде, только лгали безсознательно, высказывая другъ другу лишь тотъ уголокъ своей души, который могъ найти откликъ въ умѣ и сердцѣ другого. Это была такая же инстинктивная ложь, какая всегда бываетъ въ желаніи любой женщины—одѣваться къ лицу. Кити ни минуты не переставала безсознательно кокетничать передъ женихомъ, стараясь понравиться ему не только внѣшностью—каждымъ движеніемъ, каждой улыбкой—но и духовнымъ своимъ, внутреннимъ существомъ. И серьезный Павелъ Алексѣевичъ, самъ того не подозрѣвая, кокетничалъ тоже съ невѣстой, чистосердечно восхищаясь всѣмъ, что бы ни дѣлала она и ни говорила. Въ ней пока для него все сливалось въ одинъ прелестный образъ, въ которомъ и недостатки, если онъ даже и замѣтилъ бы ихъ, были не менѣе дороги ему, чѣмъ ея чистый профиль, ея граціозный станъ и тонкій серебристый смѣхъ,—этотъ симпатичный грудной смѣхъ, приводившій всѣхъ молодыхъ людей въ восторгъ отъ ея ума. И Павелъ Алексѣевичъ твердо вѣрилъ, что Кити въ самомъ дѣлѣ будетъ находить великое удовольствіе, раздѣляя съ нимъ его любимыя занятія, потому что ея личико разгоралось такимъ оживленіемъ, когда онъ рисовалъ передъ ней ихъ жизнь вдвоемъ, и все то, что прочтутъ они вмѣстѣ, весь тотъ міръ искусства и поэзіи, который онъ для нея раскроетъ. И Кити воображала, что ее въ самомъ дѣлѣ живо заинтересуетъ этотъ міръ, воображала потому, что нѣкогда она съ такимъ воодушевленіемъ прочла „Евгенія Онѣгина“ и гейневскій „Buch der Lieder“, и такъ любитъ она прослушать не только хорошо спѣтую оперу, но порой и симфоническій концертъ.—„Ахъ, какъ это бу-

детъ чудесно!“ не разъ повторяла она, внимая рѣчамъ жениха, съ широко раскрытыми глазами. Не мудрено, что черезъ какой-нибудь часъ они оба думали, будто сблизились теперь совсѣмъ и поняли другъ друга вполнѣ. И если-бы кто-нибудь, подслушавъ ихъ разговоръ, сказалъ имъ, что каждый по прежнему остался для другого книгой о семи печатяхъ, они дружно осмѣяли бы такого недальновиднаго скептика.

Незамѣтно они перешли уже на „ты“—Кити даже не довелось на это дать согласіе: она только довольно еще долго продолжала сбиваться на „вы“, но мало-помалу и она отвыкла отъ этого церемоннаго мѣстоименія. И когда Павелъ Алексѣевичъ, въ пылу смѣха и болтовни, сталъ цѣловать у нея не одни только руки, но и глаза, губы и это прелестное мѣстечко на вискахъ, гдѣ непослушно дрожали мелкіе завитки ея волосъ, она противилась только для виду, и то слабо, очень слабо противилась...

— M-lle Kitty, послышался вдругъ за дверями голосъ француженки,—est-il permis d'entrer?

— Войдите, разумѣется, войдите,—поспѣшила отвѣтить Кити. Она знала очень хорошо, что m-lle Готье, ненавидящая общей ненавистью все молодое и красивое, въ томъ числѣ и ее, готова наплести на нее всякую небывальщину, если только она выкажетъ малѣйшій признакъ замѣшательства или нерѣшительности. Двусмысленная улыбка, въ самомъ дѣлѣ, блуждала по блѣднымъ сухимъ губамъ француженки, когда она вошла, объявляя, что бабушка зоветъ ее въ гостиную, потому что съѣхались гости.

— И вы думаете, милая m-lle Готье, непремѣнно надо идти?—вкрадчиво спросила Кити, лѣниво потягиваясь въ креслѣ.

— Это ужъ какъ вамъ будетъ угодно,—скороговоркой отвѣтила француженка.

— Кити, останемся здѣсь еще,—упрашивалъ ее женихъ.—Неужели тебѣ не скучно сидѣть съ гостями?

— Ah! vous vous tutoyez déjà!—захихикала m-lle Готье.

— Скажите, что мы сейчасъ придемъ,—рѣшила Кити, хотѣвшая на этотъ разъ выказать самостоятельность. Француженка ушла. Прерванная бесѣда молодыхъ людей возобновилась, все такая же задушевная и оживленная. Не прошло, однако, и четверти часа какъ молодая дѣвушка, словно опомнившись, вдругъ остановилась среди недокопченнаго разсказа о какомъ-то маленькомъ событіи изъ своей дѣвической жизни, одномъ изъ тѣхъ ничего не значущихъ событій, которыя лишь для влюбленныхъ исполнены высокаго, таинственнаго смысла, и сказала жениху, поднимаясь съ мѣста:

— Ну, а теперь, Поль, я думаю, пора... Надо, вѣдь, все-таки идти.

— Опять „надо", опять это любимое словечко,— улыбнулся Павелъ Алексѣевичъ.

— Надо, во всякомъ случаѣ, не сердить бабушку,— уступчиво добавила Кити. И столько было очарованія въ ея обращенномъ на жениха взглядѣ, что Грушневъ и не думалъ разсердиться.

У графини между тѣмъ собралось довольно много гостей, какъ это бывало, впрочемъ, каждый вечеръ. Сама Дарья Михайловна играла въ карты съ тремя господами почтенныхъ, но далеко не преклонныхъ лѣтъ: настоящихъ стариковъ она терпѣть не могла, потому что они слишкомъ ей напоминали про собственный возрастъ. Одинъ изъ нихъ былъ посланникъ какой-то мелкой державы, чуть не двадцать лѣтъ представлявшій ее въ Петербургѣ. Другіе два—кандидаты въ государственные люди, едва-было не попавшіе на самый верхъ, но свихнувшіеся на пути. Игра шла неторопливо и чинно, не мѣшая такой же неторопливой бесѣдѣ: графиня за картами не допускала никакихъ споровъ. Судя по равнодушнымъ лицамъ играющихъ, можно было подумать, что они только обрядъ совершаютъ, сдавая карты и дѣлая отмѣтки мелкомъ.

За другимъ столомъ у Вѣры Александровны была своя партія, болѣе молодая и шумная. Здѣсь разрѣшалось курить, смѣяться и спорить. Ея партнеры были самые интимные завсегдатаи дома графини, которымъ сама природа велѣла быть нахлѣбниками, наградивъ каждаго изъ нихъ какимъ-нибудь крошечнымъ талантикомъ и необыкновенно податливымъ нравомъ: одинъ былъ немножко музыкантъ, другой экспромтомъ могъ сочинить четверостишіе, третій каррикатуры рисовалъ недурно, и всѣ они, въ благодарность за гостепріимство, усердно смѣшили хозяевъ тѣхъ домовъ, гдѣ обѣдали.

Изъ другой комнаты, сквозь открытыя двери, слышались молодые голоса. Тамъ за круглымъ столомъ, гдѣ m-lle Готье разливала чай, около Жени собралось юное поколѣніе, все больше изъ родни Усольцевыхъ.

Появленіе жениха и невѣсты пріостановило игру. Грушневу и Кити пришлось лишній разъ пройти сквозь строй комплиментовъ и пожеланій, а всѣ три нахлѣбника, точно сговорившись, даже привезли Кити по коробкѣ конфектъ. И едва было покончено съ этими привѣтствіями, въ дверяхъ показалась молодая дама, Варвара Сергѣевна, или, какъ ее звали, Вава Масальская, необыкновенно подвижная, оживленная маленькая особа, почему-то всегда выказывавшая Кити порывистую нѣжность.

Она такъ и набросилась на нее съ восторженными поздравленіями и, овладѣвъ ею, тотчасъ увела въ сосѣднюю комнату и усадила съ собою на кушетку. Тутъ опять посыпались на невѣсту шумныя поздравленія, и госпожѣ Масальской не удалось вывѣдать у предмета своего обожанія, какъ все было, потому что ея любопытные разспросы потонули въ общемъ хорѣ восклицаній и выраженій сочувствія. Кити невозмутимо выслушивала эти ликованія, входя какъ нельзя лучше въ свою роль счастливой невѣсты! Но Павлу Алексѣевичу это выставленіе на показъ ихъ обоюднаго счастья, которое всѣ эти совершенно равнодушные къ нему люди счи-

тали себя въ правѣ дѣлать какъ бы общимъ достояніемъ, казалось назойливымъ вторженіемъ въ него душевный міръ,—этотъ міръ тонкихъ, неприкосновенныхъ ощущеній, въ который ему хотѣлось бы замкнуться только съ одной Кити. И вдругъ это общество, къ которому онъ такъ давно привыкъ, эти люди, съ которыми онъ встрѣчался такъ часто, опротивѣли ему какъ-то разомъ, и чувство враждебности къ нимъ почему-то охватило его. А когда и его не оставили въ покоѣ, такъ какъ Вава Масальская, отчаявшись въ возможности хорошенько разспросить Кити, принялась засыпать его вопросами, что-то почти похожее на страданіе выразилось на его лицѣ. „Зачѣмъ это? зачѣмъ,—говорилъ онъ себѣ,—вся эта ложь мнимаго сочувствія, эта необходимость выставлять себя на показъ и съ перваго же дня, чуть-ли не съ первой минуты новой для насъ обоихъ жизни“?.. У него были, впрочемъ, вѣсскія причины недолюбливать въ особенности госпожу Масальскую. Томительное нетерпѣніе, должно быть, такъ ясно читалось на его лицѣ, что Женя, когда стали разъѣзжаться и комната опустѣла, неожиданно спросила у него, оставшись съ нимъ на мигъ вдвоемъ:

— Ахъ, Павелъ Алексѣевичъ, что̀ это съ вами? Какъ вы смотрите странно... Право, совсѣмъ даже не женихомъ глядите...

Онъ только улыбнулся въ отвѣтъ. Шестнадцатилѣтняя Женя не могла, вѣдь, понять, что происходило у него на сердцѣ. И пожелавъ ей доброй ночи, онъ простился съ невѣстой до завтрашняго дня и поспѣшилъ спуститься внизъ. А внизу его опять поджидала оффиціальная сторона его счастья: швейцаръ, бросившійся подавать ему шубу, и двое лакеевъ, выбѣжавшихъ чтобы позвать извозчика, смотрѣли на него съ такими торжественно-подобострастными лицами, что и для этихъ людей онъ былъ, очевидно, предметомъ любопытныхъ наблюденій, главнымъ лицомъ совершающагося въ домѣ событія. Онъ вспомнилъ, кстати, что сегодня онъ ни-

чего не далъ прислугѣ, а вѣдь обычай въ такихъ случаяхъ дѣлаетъ щедрость обязательной. Онъ досталъ изъ кармана бумажникъ и выполнилъ обычай. Но, дѣлая это, онъ опять почувствовалъ, что его словно царапнуло что-то не совсѣмъ пріятнымъ образомъ. Конечно, это были сущіе пустяки, но была какъ разъ непріяна обязательность этихъ пустяковъ, обязательность всего, что онъ продѣлывалъ весь этотъ день, этихъ подарковъ, которыхъ отъ него ждутъ, какъ исполненія какого-то долга, этой необходимости выслушивать нелѣпую болтовню и вѣжливо отвѣчать на поздравленія совершенно чужихъ людей... А между тѣмъ ему хотѣлось бы, чтобы весь этотъ день и всѣ слѣдующіе дни тоже были посвящены *ей* одной, свободному обмѣну искреннихъ мыслей и чувствъ съ милой дѣвушкой, которую онъ избралъ себѣ въ подруги. Павелъ Алексѣевичъ былъ дѣловой и серьезный человѣкъ, совсѣмъ не отличавшійся пустой сентиментальностью. Но разъ потому, что жизнь его была занята настоящимъ дѣломъ, что свѣтъ и его условныя забавы играли въ ней лишь очень второстепенную роль, онъ сохранилъ потребность свѣжихъ, непосредственныхъ ощущеній, и все, что накладывало на его счастье печать оффиціальной заурядности, оскорбляло святость его искренняго чувства, портило радость, съ которой онъ встрѣтилъ этотъ, въ сущности, такъ пошло и нелѣпо проведенный день.

VI.

Николай Ивановичъ Усольцевъ, къ великому удивленію своихъ, пріѣхалъ на слѣдующее утро съ курьерскимъ. Его такъ скоро не ожидали, и Вѣра Александровна почти ахнула, услыхавъ издали бряцанье его шпоръ.

— Что, безъ меня Кити сосватали?..—весело заговорилъ онъ, цѣлуя жену, или вѣрнѣе, прикладывая къ ея щекѣ свои молодецкіе, раздушенные усы.

Вѣра Александровна чуть-чуть вздохнула и принялась разсказывать. Но съ первыхъ же ея словъ Усольцевъ замѣтилъ, что настоящей правды отъ нея онъ все-таки не узнаетъ: Вѣра Александровна при мужѣ всегда уходила въ себя словно прячась отъ него. Такъ было съ ней уже много лѣтъ, и у Николая Ивановича эта безпричинная скрытность постоянно вызывала нетерпѣніе, такъ какъ она, въ сущности, ничуть его не боялась и все дѣлала по-своему.

— Ну хорошо, хорошо, послѣ разскажешь, — перебилъ онъ ее, —а я пока приведу себя въ порядокъ. Коли дѣло сдѣлано, вѣдь, не передѣлаешь.

— Да ты развѣ не доволенъ? Грушневъ такой прекрасный человѣкъ.

— Прекрасный... гм... конечно... Впрочемъ, я его совсѣмъ не знаю... Главное, подходящій-ли онъ для Кити?

— Она въ него влюблена по уши, кажется.

— Влюблена... гм... дѣвочки эти всегда въ своихъ жениховъ влюблены, а послѣ... Сдѣлалось-то оно ужъ больно скоро... Кстати, вотъ что я для Кити привезъ.

Николай Ивановичъ досталъ изъ кармана футляръ, въ которомъ оказался золотой браслетъ съ солитеромъ. Это была очень простая и изящная вещица, стоящая, вдобавокъ, очень дорого.

— Какъ ты любишь бросать деньги,—пожурила его Вѣра Александровна, любуясь браслетомъ и вспоминая, что ужъ много-много лѣтъ Николай Ивановичъ не дарилъ ей ничего подобнаго.

Усольцевъ только повелъ плечами. Онъ былъ изъ числа тѣхъ людей, которые хоть и сидятъ по уши въ долгахъ, никогда не испытываютъ недостатка въ наличныхъ деньгахъ на дорогую покупку.

— Папа!—вдругъ послышался веселый возгласъ за спиной Усольцева. Онъ обернулся и въ красивомъ утреннемъ туалетѣ, съ волосами, собранными на затылкѣ въ пышный узелъ, увидѣлъ передъ собою Кити. Они обня-

лись горячо. Николай Ивановичъ былъ всегда привѣтливъ и радушенъ съ дочерьми: онъ не только баловалъ ихъ, онъ почти ухаживалъ за ними. Настоящей его любимицей была однако не Кити, а Женя.

— Что, проказница,—шутя, погрозилъ онъ ей пальцемъ,—такъ-таки замужъ выходишь, не спросясь меня? На что это похоже?

Кити, разумѣется, очень хорошо знала, что отецъ ничуть за это не сердится, и еще лучше помнила, что никогда до сихъ поръ онъ не вмѣшивался въ то, что творилось съ его дочерьми.

Она заалѣла немножко отъ его словъ, но смущенія въ ней не было и слѣда.

— И что-жъ? Ты его очень любишь? очень счастлива? Какъ же все это такъ вдругъ случилось? А я даже ничего и не подозрѣвалъ!

Кити поднялась на цыпочки и поцѣловала отца, прижимаясь къ его груди. Она была выше средняго роста, но Усольцевъ былъ еще выше, почти цѣлой головой. Широкоплечій, съ богатырской грудью, со здоровымъ цвѣтомъ лица и съ сочными алыми губами, Николай Ивановичъ, въ сорокъ восемь лѣтъ, глядѣлъ молодцомъ, и глаза его—сѣрые, живые и блестящіе — не утратили способности пламенно вглядываться въ любое красивое женское лицо. Не мудрено, что успѣхъ у женщинъ онъ имѣлъ до сихъ поръ большой и пользоваться этимъ успѣхомъ не уставалъ.

— Я все вамъ разскажу, папа̀,—вполголоса вымолвила дѣвушка,—погодите только.

— Ну что-жъ, мой дружокъ, коли ты довольна, это главное.—Онъ приподнялъ дочь за талію и поцѣловалъ ее въ губы.—Такъ очень ты его любишь, стало быть? Ну и прекрасно. А пока вотъ что я тебѣ привезъ изъ Москвы.

Глаза Кити зажглись отъ удовольствія, когда она увидѣла браслетъ; и мысль о томъ, что̀ это могло стоить и зачѣмъ тратится на нее отецъ, при своихъ стѣснен-

ныхъ обстоятельствахъ,—мысль объ этомъ даже не пришла къ ней въ голову. Николай Ивановичъ еще разъ улыбнулся женѣ и дочери, расправляя лѣвой рукой свои холеныя бакенбарды, и пошелъ къ себѣ умыться и переодѣться. О своей наружности онъ заботился много. Эту операцію онъ, впрочемъ, исполнилъ всего въ какіе нибудь четверть часа. Усольцевъ привыкъ все дѣлать быстро. Спускаясь внизъ, чтобъ идти на этотъ разъ уже къ тещѣ, онъ встрѣтилъ на лѣстницѣ возвращавшуюся съ прогулки Женю. Иней серебрился у нея на шапочкѣ и на рѣсницахъ, да и вся она блестѣла сіяніемъ молодости и оживленія.

Совершенно какъ старшая сестра, она бросилась къ отцу съ радостнымъ восклицаніемъ. Но въ томъ, какъ обвила она его шею обѣими руками, какъ прозвучало у нея слово „папа“, было все-таки нѣчто иное, нѣчто теплое, порывистое, юное, чего не доставало Кити. А рядомъ съ нею, въ своей неодобряющей холодности, miss Fox стояла, вся застывшая въ неподвижности, какъ истинное воплощеніе британскаго приличія.

— Что накуралесили безъ меня?..—разсмѣялся Николай Ивановичъ, обнимая дочь.—Признайся, шалунья: ты давно про это знала... А мнѣ ни слова... Китину тайну хранила, да еще помогала ей,—должно быть, мама уговорила...

— Уговаривать совсѣмъ не пришлось, папа,—серьезно, точно она обидѣлась немножко, отвѣтила Женя.—Мама была очень рада... Павелъ Алексѣевичъ такой славный...

— Да? Ты его тоже славнымъ находишь? Ну, значитъ, онъ славный и есть.

— Графиня васъ проситъ къ себѣ, ваше превосходительство,—доложилъ лакей, показываясь въ дверяхъ.

— Сейчасъ... Ты мнѣ потомъ, Женя, разскажи, какъ все было. Всю правду разскажи, понимаешь? Впрочемъ, ты вѣдь всегда говоришь правду.

И онъ отправился къ тещѣ, говоря себѣ, что млад-

шая дочь вся вышла въ него и что, должно быть... Не хорошія воспоминанія о давно прошедшемъ нахлынули къ нему въ голову, вызывая глубокую морщину на его бѣломъ лбу. Но онъ отогналъ ихъ, покачавъ головой. „Нѣтъ, это неправда, это не можетъ быть“, твердилъ онъ самому себѣ. „Не былъ бы я къ ней такъ привязанъ, если бы“...

Дарью Михайловну онъ засталъ за очень важнымъ дѣломъ: горничная принесла ей шкатулку, гдѣ были всѣ ея дорогія вещи, и она выбирала, что изъ этихъ вещей подарить Кити.

— Я никакъ не думала,—сказала она чуть-чуть насмѣшливо,—что ты оторвешься такъ скоро отъ Москвы.

Горничная была отослана кивкомъ головы, между тѣмъ какъ графиня продолжала перебирать руками два великолѣпныя ожерелья, бриллiантовое и жемчужное, не зная, на которомъ остановить свой выборъ.

— Я вижу,—отвѣчалъ Николай Ивановичъ съ невозмутимой веселостью,—вы продолжаете меня считать образцомъ плохаго отца семейства, le modéle des péres dénaturés,—какъ онъ выразился. Говоря это, онъ съ чувствомъ поцѣловалъ у графини руку.

— Точно я не знаю, зачѣмъ ты ѣздилъ въ Москву,—пожимая плечами и стуча пальцами по табакеркѣ, проговорила графиня.

— Дѣла,—отодвигаясь къ пылавшему камину, небрежно выронилъ Усольцевъ.

— Хороши дѣла!—желчно засмѣялась Дарья Михайловна.—Переписывать векселя надо было и... и... Vous tenez donc toujours à cette femme.

Николай Ивановичъ, въ свою очередь, повелъ плечами: онъ зналъ, что его тайна извѣстна домашнимъ и скрывать ему не зачѣмъ. И въ самомъ дѣлѣ, ѣздилъ онъ въ Москву не столько изъ-за долговъ, какъ оттого, что въ бѣлокаменной давала гастроли иностранная артистка, пользовавшаяся его расположеніемъ.

— Могу васъ увѣрить,—проговорилъ онъ развязно,—

что нѣтъ женщины въ мірѣ, изъ-за которой я позабылъ бы о своихъ дочеряхъ. Да и могу васъ кстати успокоить: съ этой женщиной, какъ вы ее называете, я совершенно покончилъ.

— Ну да, впредь до какого-нибудь новаго романа. Хотѣла бы я знать, когда ты, наконецъ, доберешься до послѣдней главы?

Николай Ивановичъ переступилъ съ ноги-на-ногу, ввернулъ стеклышко въ лѣвый глазъ и сунулъ руки въ карманъ. Съ тещей онъ держался неизмѣнной системы: на всѣ ея раздраженные намеки онъ постоянно отвѣчалъ съ невозмутимо-спокойной вѣжливостью, и ему эта система всегда удавалась. Графиня хоть и бранила его заочно, но не могла устоять противъ обаянія этого всегда любезнаго и веселаго, хоть и неисправимаго повѣсы.

— Я могъ бы вамъ напомнить,—сказалъ онъ,—что у меня тоже бывали нѣкоторые поводы жаловаться на Вѣру... Ровно шестнадцать лѣтъ тому назадъ, когда родилась Женя...

— И ты теперь возвращаешься къ этой старинной исторіи!—перебила его Дарья Михайловна.—И ты хочешь меня увѣрить, что тебя это извиняетъ?..

— Нисколько. Я сознаю, что я виноватъ кругомъ. Скажу вамъ больше: въ глубинѣ сердца я убѣжденъ, что Женя моя дочь, слишкомъ я ужъ къ ней привязанъ. Но все-таки согласитесь, эта исторія съ Гришей Лабунскимъ.

Графиня опустила глаза и принялась быстрѣе барабанить по табакеркѣ.

— Впрочемъ, оставимъ это, — продолжалъ Усольцевъ.—У насъ есть теперь заботы поважнѣе.—Онъ поцарапалъ себѣ длиннымъ ногтемъ по лбу.—Какъ это вы, такая умная и такая разсчетливая женщина, дали свое согласіе...

— На эту свадьбу? — живо перебила графиня.— Я знаю, что ты хочешь сказать, и я сама почти того же

мнѣнія. У Грушнева нѣтъ состоянія и... и... кто знаетъ еще, сойдутся-ли они характерами...

Николай Ивановичъ поддакивалъ ей, утвердительно кивая головой.

— Мнѣ онъ, въ сущности, даже не совсѣмъ нравится. Онъ такой... такой... pas comme tout le monde, en un mot... Да что же я могла сдѣлать? Кити объявила, что любитъ его; Вѣра тоже за эту свадьбу, а онъ человѣкъ хорошаго общества, съ прекрасными манерами...

— Да, ужъ, вотъ аргументъ, нечего сказать!—засмѣялся Усольцевъ.

— У него впереди будущность, карьера...

— Будущность!.. Не черезъ какихъ-нибудь десять лѣтъ, а сейчасъ, на другой же день свадьбы онъ долженъ взять жену въ руки и сдѣлать ее счастливой, потому что женщины тогда только счастливы, когда ихъ держатъ въ рукахъ... А на этотъ счетъ, я думаю...— Онъ не успѣлъ договорить.

Вошедшій лакей доложилъ о пріѣздѣ Грушнева. Лицо Николая Ивановича мигомъ сгладилось, и обычное выраженіе, насмѣшливое и привѣтливое въ то же время, на немъ воцарилось опять.

— Кстати, я и забылъ, что голоденъ,—разсмѣялся онъ.—Трофимъ, подай мнѣ сюда чаю,—приказалъ онъ лакею.

— Вы позволяете, не правда-ли?—добавилъ онъ, обращаясь къ тещѣ.

Когда Грушневъ вошелъ, Николай Ивановичъ обнялъ его и поцѣловалъ три раза, точно онъ съ нимъ христосовался. Болѣе радушнаго пріема и желать было нельзя. А веселые и въ то же время очень зоркіе глаза Усольцева пристально высматривали будущаго зятя, точно Николай Ивановичъ думалъ найти что-нибудь новое въ чертахъ молодаго человѣка.

— Ну, любезный другъ, удивилъ ты меня, нечего сказать!—началъ Усольцевъ.—Позволь ужъ такъ съ мѣста быть съ тобою на „ты“. Будемъ друзьями, надѣюсь.

Я, ты знаешь, человѣкъ покладистый, не даромъ—старый кавалеристъ. А удивилъ ты меня!.. Прыть-то какая! Смотришь тихоней, а подъ самымъ носомъ у меня дочь стащилъ! Молодецъ!..

Несмотря, однако, на это громкое и развязное добродушіе, оба они почувствовали разомъ, что они совершенно чужіе другъ для друга и что близость между ними едва-ли когда-нибудь возникнетъ. Слишкомъ ужъ мало общаго было между бравымъ повѣсой Усольцевымъ и женихомъ его дочери.

— Посмотрите, Paul,—между тѣмъ подозвала къ себѣ Павла Алексѣевича графиня,—вотъ что я выбрала для Кити: я думаю, она будетъ довольна.—Графиня держала въ рукахъ ожерелье изъ шести крупныхъ жемчужныхъ нитей съ бриллiантовымъ фермуаромъ. Павла Алексѣевича что-то кольнуло въ грудь, пока онъ благодарилъ Дарью Михайловну за невѣсту: ему не совсѣмъ пріятно было видѣть эту роскошь подарковъ, которыми осыпали Кити ея родные,—роскошь, такъ мало соотвѣтствующую его привычкамъ и средствамъ. Что-то почти обидное для себя онъ чувствовалъ въ этой щедрости. Разговоръ не клеился, хотя Николай Ивановичъ, принявшійся за принесенный ему чай, поддерживалъ его съ оживленіемъ человѣка, никогда ни при какихъ условіяхъ не знавшаго чувства неловкости. Ничего похожаго на родственную короткость между этими тремя людьми не было, да и не могло быть—это они сознавали всѣ трое. Къ счастью, Кити скоро явилась къ нимъ на выручку. Она прибѣжала отъ матери, узнавъ, что пріѣхалъ женихъ, и внесла съ собою въ холодную атмосферу гостиной какъ бы теплую, привѣтливую струю.

— Ты ничего не собираешься теперь дѣлать, Кити?—цѣлуя у нея руку, спросилъ Грушневъ.

Графиня про себя удивилась, что они уже на „ты“ безъ ея разрѣшенія, но отъ замѣчанія воздержалась.

— Если хочешь, мы сдѣлаемъ вмѣстѣ прогулку до завтрака?—продолжалъ Грушневъ.

Кити чуть-чуть покраснѣла, сознаваясь что пришла къ ней портниха: ей какъ-то стыдно было про это говорить.

— Я съ нею въ какія-нибудь десять минутъ покончу, Павликъ,—извинилась она, въ первый разъ называя его этимъ уменьшительнымъ именемъ. И его порадовалъ этотъ новый признакъ близости. — Бабушка, вѣдь, можно?—спросила она у графини.

— Что-жъ дѣлать, коли теперь это вошло въ обычай... Въ мое время не отпускали жениха съ невѣстой вдвоемъ.

Кити убѣжала. Но переговоры съ портнихой длились не десять минутъ, а слишкомъ полчаса. Въ гостиную, между тѣмъ, вошелъ графъ Вадимъ Александровичъ, безцеремонно сталъ дразнить Усольцева насчетъ истинной причины его поѣздки въ Москву и вслѣдъ за тѣмъ, не менѣе безцеремонно, обратился къ Павлу Алексѣевичу.

— Что ты, братецъ мой, опять съ пустыми руками? Ну, ужъ женихъ, — даже букета не привезъ! Да надъ тобой лакеи будутъ смѣяться?

— Я не забочусь о мнѣніи лакеевъ,—холодно отвѣтилъ Грушневъ.

Со свойственнымъ ему тактомъ, Николай Ивановичъ тотчасъ вмѣшался и увелъ будущаго зятя, предлагая ему, пока вернется Кити, переговорить вдвоемъ о планахъ на будущее. Они принялись ходить взадъ и впередъ по залѣ, и незамѣтно для Грушнева Николай Ивановичъ подвергалъ его допросу. Усольцеву все казалось, что за внѣшней простотой обращенія молодого человѣка что-то кроется, и ему хотѣлось себѣ выяснить что̀ именно — холодная-ли разсчетливость карьериста, вышколенная-ли сдержанность лицемѣра, или, чего добраго, полное ничтожество. Грушневъ ему не нравился, и все-таки, онъ пробовалъ за него взяться, то выказывая притворное сочувствіе его предполагаемому честолюбію, то пускаясь въ двусмысленныя шуточки,

приглашавшія сдержаннаго молодого человѣка на полную откровенность передъ удалымъ папашей его невѣсты. Но эти старанія не привели ни къ чему. Грушневъ такъ и остался загадкой для Николая Ивановича, какъ разъ потому, что загадки никакой не было.

Павелъ Алексѣевичъ не былъ ни тайнымъ сладострастникомъ, ни холоднымъ карьеристомъ. Это былъ, просто, человѣкъ съ непочатымъ еще, хотя и съ горячимъ сердцемъ, первая молодость котораго прошла безъ скачковъ и бурь, оттого, что до тридцати-лѣтняго возраста онъ почти исключительно жилъ умственной жизнью. Таившійся въ немъ огонь не вспыхивалъ пламенемъ страсти, онъ будто дремалъ въ немъ до поры, до времени. Павла Алексѣевича не тянуло въ тотъ омутъ шумныхъ удовольствій, среди которыхъ то мчалась, то увядала жизнь большинства его товарищей. Пьянство не казалось ему широкимъ раздольемъ, продажныя женщины не плѣняли его воображенія. Увлечь его могло лишь то, что̀ стояло высоко, до чего было не рукой подать. И долго, до самаго порога зрѣлости, идеалъ не попадался ему на пути. Не мудрено, что, за неимѣніемъ женщины, которая завладѣла бы всѣми его помыслами, онъ весь ушелъ въ міръ умственныхъ грезъ и дѣловыхъ занятій, тоже облекавшихся для него въ какія-то грезы. Онъ мечталъ о высокомъ служеніи родинѣ, о полезномъ плодотворномъ трудѣ. И вотъ, наконецъ, онъ познакомился съ Кити, и ему показалось, что цѣль и содержаніе его жизни найдены. Словомъ, онъ принадлежалъ къ рѣдкой въ наше время породѣ идеалистовъ. Оттого-то Николаю Ивановичу и не удалось понять, что̀ онъ былъ за человѣкъ, и, проговоривъ съ нимъ полчаса, Усольцевъ думалъ о немъ, какъ думали многіе изъ его товарищей: „Или больно ужъ хитеръ этотъ Павликъ, или совсѣмъ пустой“. И когда, наконецъ, Кити пришла за женихомъ, чтобъ отправиться вмѣстѣ на прогулку, Усольцевъ вернулся въ гостиную съ озабоченнымъ лицомъ, говоря, что едва-ли выйдетъ изъ

этой свадьбы толкъ и Грушневъ сдѣлаетъ счастье его Кити.

— Да, на этотъ счетъ ты въ самомъ дѣлѣ авторитетъ,—кисловато замѣтила ему теща.

— Можетъ быть и нѣтъ, — добродушно возразилъ Николай Ивановичъ, — за образцоваго мужа я себя не выдаю, но вы знаете старинное правило: „тотъ всего лучше понимаетъ чужія дѣла, а, стало быть, и чужое счастье, кто собственныхъ дѣлъ вести не умѣетъ“.

VII.

Весь этотъ день какъ нельзя болѣе походилъ на предшествующій. Для Грушнева въ немъ была одна только новинка—его прогулка вдвоемъ съ Кити. Вести ее подъ руку, видѣть ее рядомъ съ собой такою стройною, изящною, искренно счастливою — наполняло его сердце гордой радостью. Теперь только онъ по настоящему вѣрилъ, что не сонъ все случившееся за послѣдніе дни, сознавалъ что въ самомъ дѣлѣ она вся принадлежитъ ему. Во всемъ, что говорила Кити, было столько довѣрчивой близости, такая чистая прозрачность души, что, казалось, онъ проникалъ въ самые затаенные уголки ея сердца, ясно читалъ ея мысли, будто только теперь въ этотъ счастливый часъ спала завѣса, скрывавшая до тѣхъ поръ ея внутренній міръ. Удивительное созвучіе было во всемъ, что говорили они оба. Эта избалованная дѣвушка, такъ привыкшая къ блестящей суетѣ большого свѣта, казалось, такъ же какъ и онъ, стремилась вдаль отъ этой суеты, къ тихому счастью прочной семейной жизни. Заодно съ нимъ она посмѣивалась надъ условными понятіями и обычаями свѣта, съ такимъ участливымъ вниманіемъ разспрашивала жениха объ его личной жизни, объ его интересахъ и занятіяхъ. Было столько дѣтскаго, искренняго любопытства въ ея стараніи проникнуть въ эту

невѣдомую для нея особую жизнь Грушнева, что онъ невольно улыбался, слушая ея вопросы. И свѣтлый морозный воздухъ, въ которомъ носилась блестящая пыль, и снѣгъ, хрустѣвшій у нихъ подъ ногами, и шумно сновавшіе по улицамъ экипажи — все это словно вторило ихъ праздничному настроенію.

Не мудрено, что они опоздали къ завтраку, за что слегка пожурила ихъ графиня Дарья Михайловна; не мудрено и то, что Грушневу каждый день хотѣлось повторять эти прогулки съ невѣстой; но исполнить это было рѣшительно невозможно. Пророчество Димы Клубина сбылось,—и Кити оказалась въ плѣну у безчисленной родни, у подругъ и въ особенности у модистокъ и портнихъ. Часто, слишкомъ часто, доводилось Павлу Алексѣевичу слышать отъ родныхъ невѣсты, да и отъ нея словечко: „надо", какъ всегдашнее объясненіе этой суматохи. Онъ возмущался противъ этого словечка, но побороть дружный заговоръ мнимыхъ обязанностей и нелѣпыхъ обычаевъ ему не удавалось. Напротивъ, онъ самъ, незамѣтно для себя, попадалъ въ зубцы того вѣчно кружившагося въ домѣ графини колеса, которое постоянно уносило неизвѣстно куда и неизвѣстно зачѣмъ всѣхъ обитателей этого дома. Мало-по-малу его собственная жизнь вошла въ эту проторенную колею, и въ немъ какъ будто притуплялось сознаніе нелѣпости той власти обычая, которой всѣ эти люди такъ слѣпо уступали. Онъ дѣлалъ съ невѣстой и ея матерью оффиціальные визиты, покорно выслушивалъ разспросы людей, которымъ до него не было никакого дѣла, просиживалъ въ гостиной Дарьи Михайловны цѣлые часы съ надоѣдавшими ему гостями и почти уже не сознавалъ всей тягости этой торжественно-праздной сутолоки. Словомъ, онъ становился „какъ всѣ", утрачивалъ понемногу свою личность и какъ разъ, благодаря этому, все замѣтнѣе пріобрѣталъ расположеніе Дарьи Михайловны и ея дочеря. Загляни онъ въ себя, Павелъ Алексѣевичъ, пожалуй, ужаснулся бы совер-

шавшейся въ немъ перемѣнѣ. Но заглядывать въ себя онъ не имѣлъ времени. Жизнь его текла такъ гладко и быстро—его словно курьерскій поѣздъ уносилъ по твердо уложеннымъ рельсамъ. Кити, повидимому, эта жизнь нравилась, и въ рѣдкія минуты, когда они оставались съ глаза на глазъ, она вознаграждала его за неволю, въ какую онъ попалъ, все новыми доказательствами ихъ полной душевной близости. Она охотно даже посмѣивалась съ нимъ надъ этой властью обычая, суля ему столько счастья, на ту все приближавшуюся минуту, когда они изъ-подъ этой власти освободятся. И Павелъ Алексѣевичъ заглушалъ готовый зашевелиться въ немъ иногда протестъ, каждый день занося въ свою память новыя драгоцѣнныя мелочи, дѣлавшія для него изъ этой въ сущности нелѣпой, безсознательной жизни рядъ очарованныхъ дней.

Товарищи просто его не узнавали, и самые близкіе изъ нихъ подшучивали надъ нимъ иногда, говоря ему, что, должно быть, самые умные люди глупѣютъ отъ счастья.

— Вотъ никогда бы не подумалъ,—дразнилъ невѣсту Дима Клубинъ,—чтобы вы жениха такъ въ руки забрали. Я, признаюсь, боялся сперва, какъ бы онъ не вздумалъ васъ тиранить и своимъ вкусамъ подчинять, а вы его совсѣмъ шелковымъ сдѣлали.

Кити немного конфузилась отъ такихъ похвалъ и увѣряла, что она тутъ не причемъ, что, напротивъ, она сама готова во всемъ подчиняться жениху.

— Про что бы у насъ ни зашла рѣчь,—говорила она,—всегда мы съ нимъ одного мнѣнія, такъ ужъ у насъ это выходитъ.

Слушая такіе отвѣты, Клубинъ щурилъ лѣвый глазъ и посмѣивался.

— Однако, вы не слишкомъ разсчитывайте, Екатерина Николаевна,—отвѣчалъ онъ,—что это у васъ всегда такъ будетъ. И, по моему, это даже не совсѣмъ хо-

рошій признакъ: надо кое-когда съ женихомъ и поспорить, даже поссориться. Грозы, вѣдь, очищаютъ воздухъ.

И разъ у нихъ въ самомъ дѣлѣ вышла ссора, правда, ссора очень маленькая. У княгини Бѣломорской затѣвался на масляницу костюмированный балъ для ея внучки, Лины Озерцовой. Лина была ровестницей Жени и еще не выѣзжала, такъ что балъ предназначался собственно для подростковъ, хотя приглашены были и большіе. Кити давно знала, что Грушневъ не охотно ѣздитъ на танцовальные вечера, особенно теперь, когда онъ сталъ женихомъ. Ему почти даже претило являться въ этой роли передъ разряженной толпой и становиться, вмѣстѣ съ невѣстой, предметомъ ея наблюденій. Особенно неловко онъ чувствовалъ себя, когда приходилось рядомъ съ Кити усаживаться на мазурку, и онъ словно чувствовалъ на себѣ любопытные взгляды всѣхъ присутствующихъ. И когда при немъ рѣчь зашла о балѣ княгини Бѣломорской и о костюмѣ, который надѣнетъ Кити, она замѣтила на его лицѣ какую-то невысказанную просьбу и тутъ же объявила, что ей не хочется ѣхать, что незачѣмъ ей быть на этомъ дѣтскомъ праздникѣ. Поднялись, разумѣется, удивленные возгласы, и Вѣра Александровна никакъ не хотѣла понять, съ чего это ея дочь вздумала отказаться отъ такого удовольствія. Къ ней такъ, вѣдь, идетъ пудра и костюмъ времени Людовика XV, сдѣланный для нея еще въ прошлую зиму, но въ которомъ она показаться не успѣла, такъ какъ разстроился тотъ костюмированный балъ въ одномъ изъ дворцовъ, куда Усольцевы должны были ѣхать. И бывшіе тутъ друзья дома не отстали отъ нея, увѣряя, что всѣ они собирались поѣхать къ княгинѣ посмотрѣть на Кити. Но молодая дѣвушка, къ великой радости Павла Алексѣевича, стояла на своемъ. А въ сущности, ей очень хотѣлось ѣхать на балъ. Но признаться въ этомъ передъ женихомъ ей было стыдно. И Кити продолжала стойко притворяться передо всѣми

домашними. Одна Женя знала, что сестра раскаивалась въ принятомъ рѣшеніи.

— Да скажи это прямо,—не разъ твердила она ей.— Чего ты скрытничаешь, мучишь себя и смотришь, точно ни вѣсть какую жертву ты принесла? Вотъ я ни за что притворяться не стала бы.

Кити втайнѣ надѣялась, что Павелъ Алексѣевичъ замѣтитъ, что она сожалѣетъ объ этой жертвѣ и великодушно самъ попроситъ ее отказаться отъ принятаго рѣшенія. Но Павелъ Алексѣевичъ ничего не замѣчалъ. Въ его глазахъ Кити стояла такъ высоко, что онъ не могъ даже заподозрить ее въ неискренности. Правда открылась ему случайно. Наканунѣ бала младшая Норовчатова, Зоя, ураганомъ влетѣла къ Усольцевымъ и, не обращая вниманія на остальныхъ, такъ и набросилась на Кити.

— Что это за капризы такіе! Отчего ты вздумала не ѣхать! Вздоръ, Кити, вздоръ! Я по твоимъ глазамъ вижу, что тебѣ страшно хочется на балъ—это, навѣрное, Павелъ Алексѣевичъ тебя уговорилъ? Какъ вамъ не стыдно, Павелъ Алексѣевичъ, мѣшать ей веселиться!

Произошла эта маленькая сцена въ гостиной Вѣры Александровны, въ присутствіи Грушнева и матери Кити. Стремительная и безтактная Зоя и не подозрѣвала, что за кутерьму она подниметъ своимъ вмѣшательствомъ. Застигнутая врасплохъ, Кити поблѣднѣла сперва, потомъ ее въ краску бросило, и какъ ни отпиралась она, всѣ прочли на лицѣ дѣвушки ея тайныя желанія.

— Напрасно вы меня обвиняете,—холодно сказалъ Грушневъ,—я и не думалъ мѣшать Екатеринѣ Николаевнѣ. Она можетъ ѣздить куда ей угодно.

Разумѣется, эти слова только испортили дѣло. Кити заплакала, увѣряя торжественно, что теперь она уже ни за что не поѣдетъ. На Павла Алексѣевича посыпались упреки его будущей тещи, и невыразимо больно ему стало какъ разъ отъ того, что такая кутерьма поднялась изъ-за сущихъ пустяковъ. Онъ бросилъ грустный

взглядъ на невѣсту, у которой двѣ хрустальныя слезинки такъ красиво стекали по щекамъ, и вышелъ вонъ. Въ столовой онъ засталъ Женю, тотчасъ замѣтившую его разстроенный видъ.

— Что съ вами, Павелъ Алексѣевичъ? что случилось?

За Грушнева отвѣтила ей Зоя. Она выбѣжала опрометью, вслѣдъ за Павломъ Алексѣевичемъ, и объявила ему, вся горя негодованіемъ, что если черезъ полчаса все дѣло не будетъ улажено и онъ не перестанетъ дуться на невѣсту, это послужитъ явнымъ двказательствомъ, что онъ ее не любитъ и никогда не любилъ.

— Да говорю же вамъ,—нетерпѣливо отвѣтилъ онъ,—что она можетъ дѣлать какъ хочетъ! Уговорите вы ее поѣхать на этотъ глупый балъ. Да и чего уговаривать, коли она сама того хочетъ?—Но раздраженіе было у него только на словахъ. Внутренно онъ глубоко сожалѣлъ о случившемся и желалъ одного только—покончить какъ можно скорѣе съ этой нелѣпой размолвкой.

— Представь себѣ, Женя,—обратилась теперь къ младшей сестрѣ Зоя Норовчатова,—какая тамъ исторія вышла и какъ Павелъ Алексѣевичъ дурно обошелся съ Кити!

Но Женя совсѣмъ не раздѣляла негодованія Зои.

— Не понимаю,—воскликнула она, и щечки ея запылали,—какъ можно плакать изъ-за такихъ пустяковъ! И очень ей нужно ѣхать на этотъ балъ. Не успѣла она, что-ли, натанцоваться? Будь я на ея мѣстѣ...

Но Женя не успѣла досказать, что сдѣлала бы она на мѣстѣ сестры. Кити показалась въ дверяхъ, совсѣмъ, повидимому, успокоенная, но съ чуть-чуть замѣтнымъ обиженнымъ выраженіемъ на лицѣ, и хотѣла увести Зою къ себѣ.

— Нѣтъ, Кити,—вмѣшалась Женя,—я лучше уйду съ нею. А ты останься-ка съ Павломъ Алексѣевичемъ и помирись съ нимъ поскорѣе.—Женихъ и невѣста оба вспыхнули, оставшись вдвоемъ. Обоимъ не хотѣлось

признаться другъ передъ другомъ, что имъ необходимо помириться. Обоимъ было стыдно, что размолвка у нихъ вышла изъ-за такихъ пустяковъ. А между тѣмъ они живо чувствовали потребность въ этомъ примиреніи, они внутренно рвались другъ къ другу, хотя продолжали стоять неподвижно, избѣгая даже встрѣчаться глазами.

— Кити,—первый заговорилъ Грушневъ, медленно подходя къ невѣстѣ,—неужели ты думаешь, что я могу тебѣ навязывать какіе-нибудь свои вкусы, мѣшать твоей свободѣ?.. Какъ можешь ты быть со мною такой неискренней?

Онъ взялъ ее за руку. Рука эта не отстранилась отъ его пожатія, но оставалась неподвижною, почти безжизненною. Кити было тяжело и стыдно именно отъ того, что все это были такіе пустяки. И Павелъ Алексѣевичъ, хоть и говоритъ съ ней такъ снисходительно, навѣрно чувствуетъ какое-то презрѣніе къ ней... Ей не удалось остаться на маленькомъ пьедесталѣ, который она себѣ устроила... И, вдобавокъ, надо было еще признаться въ неискренности, за которую онъ ее упрекаетъ...

Грушневъ, не получивъ отвѣта, повторилъ свой вопросъ еще тише, еще мягче прежняго. Она глядѣла въ сторону, опустивъ глаза.

— Я, вѣдь, знала, Павликъ, что тебѣ это непріятно будетъ,—сказала она, продолжая не глядѣть на него.— По-твоему, вѣдь это ребячество... и я не хотѣла... не хотѣла...

— Ты боялась уронить себя въ моемъ мнѣніи, такъ-ли, Кити? Душенька моя, какъ будто ты не знаешь, что я безмѣрно тебя люблю и все, что можетъ быть тебѣ пріятно, мнѣ дорого и свято... Да взгляни же на меня прямо, Кити; не отворачивайся отъ меня, будто ты стыдишься чего-то... Вотъ такъ...

Она медленно повернулась къ нему, и робкая улыбка засвѣтилась на ея губахъ. Онъ поцѣловалъ ее нѣсколько разъ, нѣжно ее обнимая.

— Вотъ такъ...—повторялъ онъ все тѣмъ-же мягкимъ и тихимъ голосомъ.—Объ одномъ тебя прошу—будь всегда искренна со мной, не прячь отъ меня ни одной изъ своихъ мыслей, ни одного изъ своихъ желаній... Обѣщаешь?

Она кивнула ему головой въ знакъ согласія, но и теперь она была не вполнѣ искренна. Ей тяжело было сознаваться въ своей трусости передъ нимъ, и, по всегдашней женской логикѣ, ея внутренній голосъ обвинялъ его за то, что она была вынуждена краснѣть передъ нимъ за свое малодушіе. Но Грушневъ и не подозрѣвалъ этихъ затаенныхъ ощущеній Кити. Онъ твердо вѣрилъ, что они помирились совсѣмъ и она чистосердечно обѣщала не таиться отъ него никогда. А Кити говорила себѣ, что будетъ впередъ умнѣе и въ другой разъ уже себя не выдастъ. Но про это Грушневъ не могъ догадаться. И хотя смутное чувство какого-то разочарованія не совсѣмъ у него стерлось, ему казалось, что любитъ онъ теперь Кити еще больше прежняго, какъ разъ потому больше, что онъ поймалъ ее на маленькой слабости. И оттѣнокъ почти отеческой нѣжности былъ теперь въ его обращеніи съ ней. Въ этотъ день они разговорились, какъ никогда еще прежде. Весь ея внутренній міръ словно открылся передъ нимъ, какъ цвѣтокъ, развертывающій одинъ за другимъ свои лепестки. Бесѣда ихъ проникла въ самые затаенные уголки души. И воображая, что онъ узнаетъ Кити лучше и полнѣе, чѣмъ когда либо, Грушневъ самъ передъ ней исповѣдывался. Странное впечатлѣніе произвела на молодую дѣвушку эта исповѣдь: ей чудилось, что она читаетъ очень мудреную, правда, интересную, но не совсѣмъ для нея понятную книгу. Павелъ Алексѣевичъ не скрывалъ своихъ умственныхъ колебаній, тѣхъ чистосердечныхъ, но глубокихъ, порой мучительныхъ, сомнѣній, которыхъ ему до сихъ поръ не удавалось разрѣшить. Все, что было въ немъ хорошаго, нашептывало ему природное чутье, а не созрѣ-

вало оно въ немъ, какъ сознательный плодъ убѣжденій. И не хвастался онъ нисколько своимъ умственнымъ шатаніемъ, какъ дѣлаютъ это многіе. Искреннее сожалѣніе по разрушеннымъ вѣрованіямъ дѣтства въ сердцѣ его не угасло, и своей природной наклонности къ правдѣ и добру онъ добросовѣстно старался подыскать точку опоры, хорошо понимая, какъ неустойчива передъ искушеніемъ инстинктивная честность.

Свое душевное настроеніе, да и не свое только, а весь нравственный складъ современнаго поколѣнія, Грушневъ любилъ сравнивать съ большимъ озеромъ, по которому снуютъ парусныя лодки, подгоняемыя вѣтромъ и стремящіяся пристать куда-нибудь у крутыхъ, утесистыхъ береговъ. Пристани, правда, есть на этомъ озерѣ,—ихъ даже нѣсколько,—но онѣ не замѣтны для глазъ и пробраться къ нимъ не легко, да и не всѣ онѣ имѣютъ вѣрныя стоянки. Грушневъ хорошо помнилъ, какъ побывалъ онъ поочередно на нѣсколькихъ изъ этихъ пристаней и, разочарованный, пускался опять въ свое неугомонное плаваніе.

Китти его слушала, заинтересовалась его признаніями и въ то же время какъ будто пугалась ихъ. Ничего подобнаго не бывало съ ней, да и съ тѣми, съ которыми ей доводилось затрогивать эти сложные и трудные вопросы. И она, и большинство ея сверстницъ по привычкѣ исполняли то, что прежде ихъ дѣлали ихъ матери. А когда у нихъ въ сердцѣ религіозные вопросы и церковная служба вызывали лишь разсѣянность или скуку, заученную съ дѣтства набожность смѣняло равнодушіе, а не тревога. И такъ было не съ однѣми ея подругами: съ молодыми людьми случалось то же. Никто изъ нихъ, по крайней мѣрѣ, не испытывалъ тѣхъ сложныхъ и болѣзненныхъ ощущеній, про которыя говорилъ ей Павелъ Алексѣевичъ. И когда, послѣ ухода Грушнева, ея отецъ, слушавшій часть ихъ разговора изъ сосѣдней комнаты, подошелъ къ ней и спросилъ чуть-чуть насмѣшливо: „Про что вы тутъ толковали, а?.. Очень ужъ мудрено,

кажется...“ Кити отвѣчала ему, пряча свое лицо на богатырской груди Николая Ивановича: „Мудрено, папа... отъ васъ я ничего подобнаго не слышала никогда...“

— Еще бы, мой другъ! — разсмѣялся Николай Ивановичъ.—Я, вѣдь, изъ тѣхъ людей, которые ни себя, ни другихъ морочить не любятъ... Некогда... Я знаю, что дважды два—четыре, а премудрость эта, да копанье въ самомъ себѣ, по моему, это самое послѣднее дѣло.

VIII.

На слѣдующій вечеръ, въ десять часовъ, Павелъ Алексѣевичъ, весь этотъ день не видавшій невѣсты, пріѣхалъ къ Усольцевымъ посмотрѣть на Кити въ ея костюмѣ „poupée de Saxe“. Но Кити долго не показывалась, несмотря на то, что на полудѣтскій балъ надо было ѣхать ранѣе обыкновеннаго. Въ большой залѣ онъ засталъ одну Женю, важно расхаживавшую въ ожиданіи сестры. Она была въ костюмѣ чертенка: въ короткомъ платьѣ огненнаго цвѣта, съ длинными черными языками и такимъ же лифомъ, въ черныхъ чулкахъ и высокихъ сапожкахъ изъ краснаго атласа, да съ длиннымъ огненнымъ перомъ на крошечной бархатной шапочкѣ. „Чертенокъ“ этотъ выходилъ очень соблазнительнымъ, и всякій охотно совершилъ бы вмѣстѣ съ нимъ путешествіе въ преисподнюю.

Грушневъ ей сказалъ это шутя, но ей было не до его комплементовъ. Быть въ шестнадцать лѣтъ на балу съ большими и знать, что изъ-за сестры она пропуститъ двѣ первыя кадрили, это казалось Женѣ великимъ и незаслуженнымъ бѣдствіемъ.

Наконецъ, Кити явилась въ сопровожденіи матери. Горничная вбѣжала за ней, второпяхъ прикалывая къ ея платью послѣдній бантъ. Румянецъ на ея лицѣ казался живѣе и ярче обыкновеннаго отъ бѣлизны ея напудренныхъ волосъ. Она, въ самомъ дѣлѣ, глядѣла

фарфоровою куколкой въ своемъ платьѣ, покроя восемнадцатаго вѣка, съ длиннымъ узкимъ корсажемъ и приподнятою блѣдно-зеленою юбкой, накинутой на другую, блѣдно-розовую. съ такими же розовыми туфлями на высокихъ крутыхъ каблучкахъ. Ее точно съ этажерки сняли—до того она глядѣла нѣжною, почти хрупкою.

— Какъ вы ее находите? — съ гордостью спросила Павла Алексѣевича ея мать и не дожидаясь отвѣта, тотчасъ обратилась къ горничной:—Настя, локонъ поправьте, локонъ... И сама она лишній разъ пригладила у дочери прическу.

Николай Ивановичъ, смотрѣвшій на все это съ папироской въ зубахъ, разсмѣялся.

— Чего, мать моя, такъ хлопочешь? Вѣдь, сосватана, некому ужъ голову кружить!

А Кити, вполнѣ владѣвшая собой, хоть и вся она, казалось, была улыбающееся оживленіе, не торопясь, застегивала длинныя перчатки, стоя передъ зеркаломъ. Еще разъ ей оправили платье, Николай Ивановичъ еще разъ посмѣялся надъ женой, и они вышли на лѣстницу. Тутъ только Кити вспомнила, что весь этотъ день не видѣла жениха, и упрекнула его за то, что онъ не былъ.

— Все время меня не выпускали изъ министерства,— довольно холодно отвѣтилъ Павелъ Алексѣевичъ.

Она взглянула на него, пораженная тономъ его отвѣта, хотѣла еще что-то спросить, но мысли ея унеслись уже въ танцовальную залу...

Балъ уже давно начался, когда Вѣра Александровна вошла съ дочерьми въ ярко-освѣщенную залу. Танцовали вторую кадриль. И, къ своему удивленію Вѣра Александровна, обводя танцующихъ лорнетомъ, увидѣла, что тутъ одни только взрослые. Немногихъ бывшихъ на балу дѣвочекъ-подростковъ укутывали и увозили ихъ мамаши.

— Наконецъ-то, Вѣра Александровна!—сразу подбѣжали къ ней трое молодыхъ людей, въ томъ числѣ Ди-

ма Клубинъ.—За послѣднее время васъ совсѣмъ почти не видно.

И Кити сразу получила нѣсколько приглашеній на кадрили и котильонъ. Ея наружностью и костюмомъ восхищались совсѣмъ откровенно. За послѣднія двѣ недѣли, съ самой помолвки она всего два раза показывалась въ обществѣ, и появленіе ея привѣтствовали, какъ новинку:

— Да, да, съ прошлой недѣли мы нигдѣ не были съ ней,—разсѣянно отвѣчала Вѣра Александровна, продолжая глядѣть въ лорнетъ.—Я, кажется, очень дурно сдѣлала, что привезла Женю, здѣсь только большіе. Изъ ея сверстницъ одна Лина, да и ту станутъ вывозить въ будущую зиму.

— Вы, развѣ, Евгенію Николаевну вывозить не собираетесь?—спросилъ Дима Клубинъ, успѣвшій получить отъ Жени обѣщаніе танцовать съ нимъ мазурку.

— Полноте, Клубинъ! Вы съ ума сошли! Ей шестнадцать лѣтъ, она ребенокъ... Не вбивайте ей, пожалуйста, въ голову этихъ глупостей...

Кадриль, между тѣмъ, кончилась, и танцовавшія пары разсѣялись.

— Извините, я должна къ княгинѣ,—двигаясь впередъ, добавила Вѣра Александровна, между тѣмъ какъ Лина Озерцова, завидѣвъ Женю, стремительно подошла къ ней, чтобы увести ее съ собой.

Она была одѣта бретонской крестьянкой, но выраженіе ея лица совсѣмъ не соотвѣтствовало этому скромному наряду. Она слыла за строго воспитанную дѣвушку, а на самомъ дѣлѣ была очень избалованная и разбитная маленькая особа, дѣлавшая въ домѣ бабушки рѣшительно все, что ей хотѣлось. Сознаніе, что она единственная наслѣдница богатой княгини Бѣломорской рано наложило печать высокомѣрія на ея мелкія, еще полудѣтскія черты.

Выраженіе слегка запуганной усталости, обыкновенно лежавшее на лицѣ Вѣры Александровны, разомъ исче-

зло, едва она окунулась въ знакомую свѣтскую толпу, и словно волна понесла ее съ собой.

— Bonjour, ma chère,—привѣтливо, но снисходительно встрѣтила ее княгиня, сидѣвшая въ большой гостиной, рядомъ съ танцовальною залой, съ двумя иностранными послами и старымъ графомъ Веретинскимъ.—Какъ вы поздно пріѣхали.

Потомъ она улыбнулась Кити, улыбнулась однѣми губами; глаза ея никогда не измѣняли своего вѣжливо-холоднаго выраженія.

— Toujours charmante... А младшая ваша дочь? я ее не вижу.

— Ее, кажется, увела куда-то Лина.

— А... Лина,—будто, съ какимъ-то неопредѣленнымъ укоромъ проронила княгиня и обратилась къ одному изъ пословъ, возобновляя прерванный разговоръ.

Однако, Женя, успѣвшая между тѣмъ провальспровать съ Димой Клубнымъ, не забыла, что надо показаться хозяйкѣ дома, и какъ разъ теперь подходила къ ней, чуть-чуть присѣдая. Княгиня опять улыбнулась, но потомъ, будто пораженная чѣмъ-то, не удовольствовалась мимолетнымъ взглядомъ на молодую дѣвушку и долго всматривалась въ нее своими загадочными, съ виду равнодушными, глазами.

— Какъ она перемѣнилась,—шепнула княгиня Вѣрѣ Александровнѣ, когда она отошла.—Правда, я ее давно не видала... Она, вѣдь, совсѣмъ, совсѣмъ... Знаете что, моя милая? Она будетъ у васъ лучше самой Кити! plus de physionomie... Берегитесь вы съ ней: она будетъ ой-ой.

Это было очень милостиво со стороны княгини Натальи Алексѣевны, никогда не обращавшей вниманія на молодежь. Она составила себѣ въ Петербургѣ особое положеніе—строгой блюстительницы старинныхъ порядковъ, которые она хранила, какъ весталка священный огонь, часто поговаривая, что отъ этого огня одни тлѣющіе угольки остались. Впрочемъ, на весталку она

въ прошломъ мало походила, и ея мораль сводилась къ этикету. Но воспоминанія о былыхъ грѣшкахъ она носила съ такимъ достоинствомъ, что сумѣла даже имъ придать какую-то легендарную сановитость.

Вѣра Александровна, между тѣмъ, покончивъ съ хозяйкой дома, все уносимая тою же волной, попала какъ разъ куда слѣдовало, въ кружокъ самыхъ близкихъ друзей. Тутъ были и Вава Масальская, и графиня Лили, и двое изъ тѣхъ господъ, которые почти ежедневно бывали у Усольцевыхъ. Царствовалъ здѣсь самый пустой разговоръ, пустота котораго, однако, не мѣшала оживленію.

— Вы заканчиваете свою военную службу,—говорила ей Вава Масальская.—Еще нѣсколько недѣль, и Кити будетъ подъ вѣнцомъ, и вы освободитесь.

— Да, но скоро будетъ второй призывъ, когда придется вывозить Женю,—сказала графиня Лили.

— Ахъ, не говорите мнѣ объ этомъ,—съ выраженіемъ испуга и утомленія возразила Вѣра Александровна:—у меня голова идетъ кругомъ. Вы думаете, мнѣ легко теперь?

— Помилуйте, у васъ гора долой съ плечъ! И женихъ такой прекрасный... такой...—Графиня Лили не подыскала другого лестнаго эпитета и сказала:—такой солидный человѣкъ, которому можно вполнѣ довѣриться...

Въ ея устахъ это совсѣмъ не было комплиментомъ.

— А Кити такая прелесть, — вмѣшалась Вава: — она держитъ себя всегда такъ прекрасно и знаетъ, что сказать надо... Посмотрите, она танцуетъ теперь. Съ кѣмъ это? Да, я узнаю: съ Лунскимъ. Какъ они красивы оба. Вотъ пара бы вышла!—Но Вава тотчасъ прикусила языкъ, сознавая, что сказала глупость: про кавалергарда Лунскаго всѣ знали давно, что онъ ухаживаетъ за Кити и не дѣлаетъ ей предложенія лишь изъ-за того только, что у нея нѣтъ приданаго. Вава поспѣшила дать разговору иное направленіе, и скоро сама

Вѣра Александровна, вся ушедшая въ этотъ разговоръ, позабыла про своихъ дочерей.

А въ головкахъ этихъ дочерей, между тѣмъ, что-то странное творилось. Женя очень быстро освоилась съ окружавшей ее толпой незнакомыхъ лицъ и чувствовала себя уже совсѣмъ большою.

— Васъ точно въ чинъ произвели, Евгенія Николаевна,—дразнилъ ее Дима Клубинъ.

Въ самомъ дѣлѣ, она словно развертывалась въ этой новой для нея атмосферѣ свѣтскаго бала, какъ цвѣтокъ распускается на майскомъ солнцѣ.

А старшая ея сестра, въ кругу своихъ недавнихъ подругъ, тоже чувствовала себя какъ бы переступившею черезъ важную, рѣшительную, ступень. Послѣ своей помолвки она почти не выѣзжала, и вечеръ княгини имѣлъ для нея какую-то особенную прелесть чего-то возбуждающаго, почти новаго.

На сверстницъ она смотрѣла съ какимъ-то покровительственнымъ снисхожденіемъ, чувствуя себя уже вышедшею изъ ихъ круга, и немногія, бывшія тутъ, молодыя замужнія женщины, недавно еще вызывавшія въ ней лишь робкое, чуть-чуть завистливое любопытство, казались ей теперь совсѣмъ близкими. И видя, какъ вольно и увѣренно онѣ себя держатъ, Кити говорила себѣ, что совершенно такою же и она будетъ черезъ нѣсколько недѣль. До ея ушей доходили обрывки разговоровъ, и воображеніе дополняло то, чего она не могла разслышать или понять. Ей хотѣлось сейчасъ же въ этотъ самый вечеръ, стать одной изъ этихъ блестящихъ звѣздъ столичнаго свѣта, и она не сомнѣвалась, что сумѣла бы не хуже любой изъ нихъ приковывать къ себѣ вниманіе мужчинъ и бойко отвѣчать на ихъ увертливыя, двусмысленныя рѣчи. Въ ея дѣвическій кругъ, вѣдь, проникло кое-что изъ петербургскихъ сплетенъ, и она могла бы, не ошибаясь, пересчитать по пальцамъ разныя исторіи, героинями которыхъ были эти изящныя, безукоризненно одѣтыя женщины. Да, ее

тоже чиномъ повысили. Она чувствовала это по небывалой прежде увѣренности въ себѣ, по удвоенной любезности мужчинъ, въ числѣ которыхъ были не одни совсѣмъ молодые люди, какъ прежде. Успѣхъ она имѣла необыкновенный, хоть успѣхъ этотъ и не кружилъ ей голову. Она видѣла въ немъ лишь предвкушеніе того, что ожидало ее впереди, и одного ей хотѣлось, чтобы Павликъ видѣлъ, какъ восхищены всѣ его невѣстой и какъ она, его Кити, все-таки готова всѣмъ этимъ пожертвовать для него, предпочесть его всѣмъ этимъ людямъ.

Но Грушнева тутъ не было. Когда, нѣсколькими минутами позже Усольцевыхъ, онъ вошелъ въ танцовальную залу, она была почти совершенно пуста. Былъ небольшой перерывъ, и молодежь отхлынула въ другія гостиныя. Онъ прошелъ въ сосѣднюю комнату, ища хозяйку дома, и на пути разсѣянно обмѣнивался рукопожатіями съ немногими, попадавшимися ему навстрѣчу пріятелями.

— А, Павликъ, здравствуй! Давно тебя не видать,—привѣтствовали его эти пріятели.—Что́ ты такимъ разсѣяннымъ глядишь? Это все отъ избытка счастья? А невѣсты еще не видалъ? Настоящая она прелесть, и такъ идетъ къ ней костюмъ...

Онъ безсознательно пожималъ руки говорившихъ это, улыбался имъ, но едва-ли даже слышалъ ихъ слова. Все такъ же машинально онъ подошелъ къ княгинѣ, произнесъ какія-то вѣжливыя фразы, какъ разъ тѣ, которыя надо было сказать, но безъ всякаго участія сознанія и воли.

— Что́ это со мной сегодня?—удивленно спрашивалъ онъ себя:—прежде ничего, вѣдь, такого не бывало... Да гдѣ же Кити?

А Кити была въ двухъ шагахъ отъ него: она шла подъ руку съ Димой.

— Здравствуй, Павликъ,—протянулъ ему руку Ди-

ма.—Сейчасъ будетъ третья кадриль. Я, вотъ, съ Екатериной Николаевной танцую. Бери себѣ даму и будь нашимъ vis-à-vis.

И Дима, и Кити глядѣли оба такими счастливыми, улыбающимися, и такъ, очевидно, наслаждались окружавшимъ ихъ зрѣлищемъ, и собственною молодостью, и оживленіемъ прочихъ, что Грушневу стало за себя стыдно. Дамы онъ, однако, не пригласилъ. Пары шумной вереницей одна за другой тянулись въ залу. Онъ двинулся вслѣдъ за ними и сталъ у дверей съ небольшою кучкой нетанцовавшихъ мужчинъ.

Клубинъ дѣлалъ ему отчаянные жесты, но видя, что онъ не двигается, живо досталъ себѣ другого vis-à-vis. И Грушневъ сталъ глядѣть, какъ пестро двигались и переплетались танцующіе, и необыкновенно безсмысленнымъ показалось ему это знакомое зрѣлище. Онъ почувствовалъ вдругъ, что порвались какія-то нити, еще недавно связывавшія его съ этимъ обществомъ, оттого, должно быть, порвались, что весь онъ, всѣ его помыслы сосредоточились на одномъ любимомъ существѣ?.. Да отчего же она такъ весело, такъ беззаботно смѣется?.. Развѣ съ нею не то же, что́ съ нимъ?..

Ему недолго пришлось надъ этимъ раздумывать. Онъ почувствовалъ легкій ударъ вѣера на своемъ плечѣ, и бархатный, низкій, женскій голосъ произнесъ:—Pardon, monsieur Grouchnell... Онъ обернулся. Передъ нимъ была одна изъ самыхъ блестящихъ и самыхъ замѣчательныхъ женщинъ петербургскаго общества, извѣстная полною, даже безграничною независимостью своихъ мнѣній и поступковъ, графиня Надежда Сергѣевна Длиннорукова. Невысокая ростомъ, но стройная до того, что напоминала античную статую и съ какою-то классическою простотой одежды, вся облитая гладкимъ шелковымъ платьемъ, убраннымъ кружевами, съ тяжелою нитью бриллiантовъ на матовой бѣлизнѣ шеи и съ глазами, тоже казавшимися двумя черными бриллiантами, — до того глубокъ и чистъ былъ ихъ блескъ,—графиня стояла не-

редъ Грушневымъ съ обычною ей изящною и спокойною законченностью въ позѣ и въ выраженіи лица.

Полная увѣренность, что всякій, къ кому бы она ни обратилась, былъ бы польщенъ ея вниманіемъ, отнимала у этой женщины всякую тѣнь не только тщеславія, но и кокетства. Она, казалось, стояла выше всѣхъ заурядныхъ женскихъ ощущеній, и что-либо похожее на тревогу никогда не искажало ея словно отточенныя, хоть и выразительныя, черты. Ея губы, ея глаза безпрестанно говорили что-нибудь иное, но при этомъ черты лица не измѣнялись ничуть; отъ нѣжности до сарказма — все онѣ могли передать, не утрачивая своего художественнаго спокойствія.

— Monsieur Грушневъ, вамъ не скучно здѣсь стоять,— продолжала графиня по-французски,—и любоваться, какъ кружатся дѣти?..— Ахъ да, у васъ есть, вѣдь, на кого смотрѣть... Что жъ, было бы для васъ большою жертвой подать мнѣ руку и увести меня куда-нибудь, гдѣ не такъ жарко?

Его нѣсколько удивило это предложеніе: онъ вовсе не былъ на короткой ногѣ съ графиней, и какъ разъ поэтому его заинтересовало узнать, чего хотѣла отъ него эта своеобразная женщина.

Всѣ разступались предъ ними, давая дорогу, пока онъ велъ ее въ стеклянную галлерею, гдѣ былъ устроенъ зимній садъ.

— Знаете вы,—начала она,—что вы для меня предметъ большого любопытства?.. Вы умный человѣкъ, а я до сихъ поръ никогда не видала умныхъ людей счастливыми...

— Да на что же годится умъ, — засмѣялся онъ,— коли не на то, чтобы завоевать себѣ счастье?

— Скорѣе на то, чтобы безъ него обходиться... Такъ по крайней мѣрѣ, должно бы быть. Но въ этомъ-то и бѣда, что умные люди имѣютъ очень высокое представленіе о счастіи и никогда не довольствуются тѣмъ, что имъ дано...

— Могу васъ увѣрить... — началъ онъ, но она тотчасъ его перебила:

— Ахъ, я знаю, что̀ вы мнѣ скажете. Ваша невѣста настоящая прелесть, и не въ вашихъ только глазахъ. всѣ ее находятъ такою. Что вы ее любите, это я тоже знаю... Сомнѣваюсь въ одномъ только, — любите ли вы собственно ее, или тотъ идеалъ, который представляетъ себѣ ваше воображеніе?

— Это развѣ не одно и то же?

— Можетъ быть... я этого для васъ желаю...

Какъ разъ въ эту минуту они входили въ зимній садъ.

— Сядемте здѣсь,—сказала она, опускаясь на низкое кресло,—здѣсь никого нѣтъ... Знаете,—мигъ спустя, продолжала она,—отчего такъ мало бываетъ удачныхъ свадебъ? Оттого, что или женщина, или мужчина принимается всегда сравнивать дѣйствительность съ тѣмъ. чего они ожидали. А при такомъ сравненіи всегда приходится дѣлать скидку... Вы никогда не задавали себѣ вопроса, отчего больше привязываешься къ той женщинѣ, которую любишь не по праву?.. Оттого, что она никогда не отдается вся разомъ: это книга, въ которой всегда остается недочитанная глава, и эта глава обыкновенно кажется самой интересной. А съ женой не то... Жена не сберегаетъ для васъ незнакомой развязки: весь свой романъ вы переживаете впередъ воображеніемъ, а настоящая жизнь начинается тогда только. когда романъ дочитанъ до конца.

— Бываютъ разные вкусы на литературу, графиня,— уклончиво отвѣтилъ Грушневъ. Онъ зналъ, какъ знали это всѣ, что въ жизни этой женщины была не одна бурная страница, и что ея вкусы во всякомъ случаѣ мѣнялись не разъ. И все-таки, несмотря на смѣлость. съ которой она неоднократно рѣшалась на рискованный шагъ, она не переставала быть предметомъ самаго настойчиваго искательства со стороны мужчинъ. Добиться не только ея милости, но и вниманія казалось лест-

нымъ для каждаго. Она дарила его немногимъ и дѣлала это, справляясь лишь съ причудами своего непокорнаго, измѣнчиваго нрава.

— Я скажу вамъ ужасную вещь,—раздвигая вѣеръ и немного опуская глаза, продолжала она,—любятъ въ самомъ дѣлѣ тѣхъ только женщинъ, въ которыхъ не бываютъ увѣрены... Ихъ дѣло, конечно,—и теперь она снова подняла на него свои удивительные глаза,—воспользоваться этой боязнью мужчины для его же счастья и захлопнуть книгу, какъ скоро тотъ или другой перестаетъ читать ее съ возрастающимъ интересомъ...

Такъ они проболтали съ полчаса. Павелъ Алесѣевичъ самъ бы не могъ сказать, отчего этотъ двусмысленный вздоръ не только его не возмущалъ, но даже представлялъ для него какую-то своеобразную, острую прелесть. И совсѣмъ не изъ одной вѣжливости онъ поддерживалъ разговоръ съ графиней. Прервала этотъ разговоръ она,—и прервала рѣшительно и быстро, какъ дѣлала она все. Изъ-за тропическихъ растеній, занимавшихъ средину зимняго сада, послышались смѣющіеся голоса, и графиня немедленно поднялась съ мѣста.

— Ну, теперь возвращаю васъ къ своимъ обязанностямъ и къ своему счастью тоже,—сказала она,—для васъ это пока одно и то же...

Грушневъ хотѣлъ ужъ ей подать руку, но она остановилась и спросила:

— Скажите, пожалуйста, сколько вамъ лѣтъ, Грушневъ? Съ небольшимъ тридцать, кажется, да? Стало быть, у васъ было довольно времени, чтобъ научиться жизни, т.-е. чтобы научиться понимать женщинъ... А вы ихъ не знаете до сихъ поръ. Да не смотрите на меня съ такимъ удивленіемъ, вы ихъ не знаете. Въ жизни мужчины, рано или поздно, и чѣмъ раньше, конечно, тѣмъ лучше, долженъ переломъ совершиться, переломъ крутой и мучительный. Молодость требуетъ драмы, какъ весною нужна гроза. А тѣ женщины, съ которыми вы

до сихъ поръ сходились, извините меня, Грушневъ, онѣ только для водевиля годились—и то для плохого.

— Да развѣ вы мое прошлое знаете, графиня?— спросилъ Грушневъ, пристально въ нее вглядываясь.

— Въ томъ-то и дѣло, что у васъ прошлаго нѣтъ совсѣмъ. Про вашъ романъ съ Вавой Масальской я знаю... Ахъ, не дѣлайте, пожалуйста, такихъ негодующихъ жестовъ: вѣдь, не мнѣ одной онъ извѣстенъ, этотъ романъ. А прочія особы, съ которыми вы могли встрѣчаться, про нихъ и говорить незачѣмъ: подобныя женщины въ жизни мужчины играютъ такую же роль, какъ чернильныя пятна въ воспитаніи школьника. А это-то и заставляетъ бояться. Свою жену вы должны будете учить тому, что не знаете сами. Теперь любятъ увѣрять, что молодой дѣвушкѣ женихъ долженъ приносить нетронутое сердце. Какой вздоръ! Мужъ съ нетронутымъ сердцемъ это то же, что учитель пѣнія, не знающій музыки. Пойдемте, однако, я вамъ, кажется цѣлую лекцію прочла...

— А лекціи,—добавилъ за нее Грушневъ,—въ этой наукѣ непригодны. Нужна практика.

Едва сорвался съ его губъ этотъ не совсѣмъ приличный отвѣтъ, онъ раскаялся, что поддался легкому раздраженію, вызванному въ немъ проповѣдью графини: она была одна изъ тѣхъ женщинъ, съ которыми надо взвѣшивать слова. Не отвѣтила она ему, впрочемъ, ничего, а только скользнула по его лицу не совсѣмъ добрымъ взглядомъ. Они направились къ выходу. У самыхъ дверей расположилось юное веселое общество. Тутъ была Женя съ Линой Озерцовой, а, стоя передъ ними, Дима Клубинъ и еще двое молодыхъ людей заставляли ихъ смѣяться, разсказывая имъ всякій вздоръ. Молодые люди курили: въ зимнемъ саду это было разрѣшено. Курила и Лина, очень любившая это дѣлать изподтишка. Болтовня была самая живая, съ явнымъ оттѣнкомъ ухаживанія. При видѣ Грушнева и его дамы, вся молодежь сконфуженно умолкла.

— Эта дѣвочка, въ красномъ — сестра вашей невѣсты?—спросила графиня, когда они вышли.

Грушневъ отвѣчалъ утвердительно, нѣсколько удивленный пристальнымъ взглядомъ молодой женщины.

— У нея очень замѣчательное лицо... такіе глаза рѣдко бываютъ у дѣвочекъ. А вы замѣтили, Грушневъ, какъ она покраснѣла, увидѣвъ васъ?

— Оттого, должно быть, что мы застали ихъ врасплохъ...

— Не знаю, едва-ли...—Она опять взглянула на него пристально и протянула ему руку.—А теперь прощайте. Здѣсь есть прямой выходъ на лѣстницу...

— Развѣ вы не остаетесь къ ужину?

— Нѣтъ, я ѣду къ Тата Блонской. Кстати: вы, кажется, совершенно перестали тамъ бывать?.. Ну, со временемъ, можетъ быть, васъ опять тамъ увидятъ...—Она слегка кивнула ему и исчезла за боковой дверью.

Грушневъ медленными шагами направился черезъ рядъ гостиныхъ къ танцовальной залѣ, мысленно повторяя въ головѣ свой странный разговоръ съ графиней.

Вдругъ передъ его опущенными глазами мелькнуло красное платье: онъ сперва и не замѣтилъ, какъ его обогнала Женя.

— Вы тоже въ залу?—окликнулъ онъ ее.—Пойдемте вмѣстѣ... Что, вамъ очень весело? посмотрѣлъ онъ ей въ смѣющіеся глаза, въ которыхъ словно огоньки свѣтились.

— А вамъ развѣ нѣтъ?—спросила она въ свою очередь, опираясь тонкой ручкой на его локоть.

Онъ опять взглянулъ на ея оживленное личико, и ему почудилось, что онъ видитъ ее въ первый разъ, что это совсѣмъ уже не та Женя, которую онъ привыкъ встрѣчать въ домѣ ея родныхъ, обращаясь съ ней какъ съ ребенкомъ. Онъ точно впервые замѣчалъ своеобразную прелесть ея смугловатаго личика, ея стройнаго, легкаго стана.

— Я скажу вашей мамашѣ,—засмѣялся онъ,—что васъ пора отослать домой... Маленькимъ дѣвочкамъ въ такіе часы спать надо...

— Нѣтъ, пожалуйста, не говорите... И какая же я маленькая дѣвочка?.. Мнѣ такъ хочется остаться здѣсь до конца.

По выраженію его глазъ она, впрочемъ, увидѣла тотчасъ, что онъ шутитъ и ей нечего бояться, чтобъ ее увезли. Въ ту самую минуту, когда они подходили къ дверямъ залы, оркестръ заигралъ вальсъ и, слегка зарумянившись, она сказала:

— Мы съ вами никогда не вальсировали, Павелъ Алексѣевичъ, хотите?

Его рука сама собой обвилась вокругъ ея тонкаго стана, и они закружились по паркету. Грушневу казалось, что никогда еще такого легкаго, воздушнаго, существа онъ не держалъ въ своихъ рукахъ—до того свободно, едва касаясь пола, скользила она по обширной залѣ. Когда они остановились, онъ увидѣлъ передъ собою Кити, опять вальсировавшую съ кавалергардомъ Лунскимъ, и брови его чуть-чуть сморщились. Онъ терпѣть не могъ Лунскаго, съ его красивымъ, но грубоватымъ лицомъ и съ выпуклыми, наглыми глазами. Самый звукъ его хриплаго голоса былъ ему ненавистенъ.

— Что это, Кити?—сказалъ онъ невѣстѣ:—мы съ вами еще и не встрѣчались совсѣмъ...—Здѣсь онъ говорилъ ей „вы“, только не по-русски, а по-французски.

— Да, я знаю,—съ такимъ же шутливымъ укоромъ отвѣтила она,—что вы чуть ли не цѣлый часъ съ графиней Надеждой Сергѣевной вдвоемъ разговаривали. Я бы имѣла право ревновать...

Было, однако, совершенно очевидно, что она ревновать и не думала.

Дали сигналъ къ мазуркѣ. Грушневъ усѣлся съ Кити въ углу, между двумя развѣсистыми пальмами. Онъ нарочно выбралъ это мѣсто въ надеждѣ, что здѣсь ему можно будетъ свободнѣе разговориться съ невѣ-

стой. Но въ разсчетѣ онъ ошибся. Будто нарочно, ее то-и-дѣло выбирали, и всякій разъ, что къ ней подводили кого-нибудь, она послушно вставала, какъ бы не догадываясь, что это могло быть непріятно жениху. И особенно часто ей приходилось дѣлать фигуры съ этимъ противнымъ Лунскимъ. Большую часть мазурки Грушневъ просидѣлъ одинъ—выбирали его далеко не такъ много, какъ его даму—и ему опять вспомнился странный разговоръ съ графиней Длинноруковой. Даже когда рядомъ съ нимъ была Кити, слова графини звучали въ его ушахъ, какъ зловѣщее предсказаніе. И прошлая его жизнь, въ особенности этотъ такъ нелѣпо окончившійся романъ съ Вавой Масальской, проносилась въ его памяти. Что-жъ?.. Неужели ему сожалѣть, что романъ не превратился въ драму?.. что, вмѣсто бурнаго разгара страсти, его недолгая связь принесла ему одни будничныя, почти дрянныя, ощущенія, и отдавшаяся ему женщина оказалась пустымъ, ничтожнымъ существомъ?.. Онъ живо помнилъ, съ какою юношески-довѣрчивою жаждой любви онъ на первыхъ порахъ искалъ въ этой женщинѣ души, способной отозваться на его чувство, и какъ это неудовлетворенное чувство блекло понемногу, точно цвѣтокъ, посаженный въ сухую землю. И когда она бросила его, съ такою же легкостью отдавшись другому, какимъ жгучимъ страданіемъ отозвалось въ немъ сдѣланное открытіе, хоть и сожалѣлъ онъ не о ней, а только о своей погубленной мечтѣ. И неужели теперь, когда онъ равнодушно смотритъ на это прошлое, ему надо сокрушаться объ этой простой и пошлой развязкѣ?.. Вѣдь найди онъ тогда, чего искалъ, онъ не былъ бы теперь наканунѣ истиннаго, свѣтлаго и чистаго счастья...

— Послушайте, Павликъ,—вдругъ прервала ходъ его мыслей Кити, только что вернувшаяся къ мѣсту, гдѣ они сидѣли,—вы на меня не разсердитесь? Вы знаете, что три послѣдніе дня масляницы (балъ княгини Бѣломорской происходилъ въ четвергъ) я непремѣнно

должна буду выѣзжать... Мнѣ очень хотѣлось бы сдѣлать вамъ пріятное, но поймите, что отказываться отъ приглашеній, какъ я дѣлала все это время, на этотъ разъ никакъ нельзя. И вы непремѣнно, непремѣнно тоже должны ѣхать, Вы, вѣдь, приглашены, да? Если на маленькій балъ въ воскресенье васъ еще не позвали, бабушка это устроитъ.

— Повинуюсь, Кити, что дѣлать!.. — Непріятна ему была не столько самая необходимость являться на балы, изъ которыхъ два были назначены при дворѣ, а третій въ англійскомъ посольствѣ, сколько то, что Кити такъ очевидно хотѣлось ѣхать и она смотрѣла на эти предстоящіе балы, точно на освобожденіе изъ какого-то плѣна.

— Поймите,—повторяла она ему не совсѣмъ искренно, — что для меня это не удовольствіе, а просто обязанность. Мама и слышать не хочетъ, чтобъ я отказалась.

Вѣра Александровна, не смотря на три года, проведенные съ дочерью въ свѣтѣ, вовсе не тяготилась этой повинностью почти ежедневныхъ выѣздовъ и до конца хотѣла насладиться тщеславнымъ удовольствіемъ быть свидѣтельницей успѣха своей Кити. Павелъ Алексѣевичъ охотно согласился отнести на счетъ будущей тещи необходимость подвергнуть себя обязательному дежурству на балахъ и выдержалъ свою роль до конца. За ужиномъ онъ даже смѣшилъ маленькое общество, сидѣвшее за круглымъ столомъ. Зато, когда онъ вышелъ на улицу и въ извозчичьихъ саняхъ тащился домой—его квартира была на Мойкѣ, около Синяго моста,—непонятная тоска вкралась къ нему въ грудь, и весь итогъ пестрыхъ впечатлѣній, вынесенныхъ имъ изъ ярко освѣщеннаго дома княгини, отзывался какой-то странной, почти болѣзненной нотой, такъ и не переставшей до утра въ немъ звучать, пока онъ ворочался на своей кровати...

IX.

Три слѣдующихъ дня прошли въ настоящемъ водоворотѣ. Каждое утро, поднимаясь еще позднѣе обыкновеннаго, Вѣра Александровна жаловалась на головную боль и на то, что ей не по силамъ оставаться на балахъ до трехъ часовъ ночи, а въ одиннадцать она опять садилась въ карету, и усталости ея словно не бывало. Въ субботу пришлось, вдобавокъ, ѣхать цѣлымъ обществомъ на тройкахъ кататься съ горъ и потомъ ѣсть блины въ одномъ изъ загородныхъ ресторановъ. Послѣ завтрака съ блинами опять устроились танцы. Катанье было затѣяно Норовчатовыми, и въ немъ принимали участіе всѣ лучшія подруги Кити. При всей своей усталости, Вѣра Александровна не могла не поѣхать, такъ какъ надо было позабавить и Женю, а дочерей отпускать безъ себя Вѣрѣ Александровнѣ не позволяли ея правила и, въ особенности, правила бабушки. Женя была настоящей царицей этого праздника, на который ея старшая сестра, въ качествѣ невѣсты, смотрѣла немного свысока. Женѣ было ужасно весело, оттого, что тройки скакали такъ славно по сухому, гладкому снѣгу, и легкій морозъ такимъ возбуждающимъ образомъ щипалъ ея заалѣвшія щечки, а главное, оттого, что Дима Клубинъ, танцуя съ ней, почти объяснился ей въ любви. Дима, правда, не вызывалъ въ ней ровно ничего, кромѣ охоты посмѣяться съ нимъ, но, все-таки, для ея шестнадцатилѣтняго самолюбія было очень лестно, что за ней явно ухаживаетъ совершенно взрослый молодой человѣкъ и, вдобавокъ, общій любимецъ всѣхъ барышень. А еще забавнѣе было то, что ее дразнили на счетъ Димы и Зоя Норовчатова, и сестра Кити, и еще многіе другіе. Весь этотъ смѣхъ продолжался и дома, когда они вернулись съ поѣздки, и Женя этимъ ничуть не смущалась. Но странное дѣло, едва вошелъ Павелъ Алексѣевичъ и услышалъ, какъ дразнятъ Женю, она

вдругъ застыдилась чего-то, покраснѣла до ушей и поспѣшила скрыться. На это, впрочемъ, никто не обратилъ вниманія.

Грушневу всѣ эти три дня почти не пришлось быть съ невѣстой и говорить съ ней. Видѣлъ онъ ее, правда, цѣлый день, но видѣлъ какъ всѣ прочіе. Она не успѣвала опомниться отъ уносившей ее суеты. Среди этого общаго веселаго шума, онъ былъ какъ бы на особомъ положеніи, въ качествѣ главнаго лица, которымъ всѣ интересовались, за каждымъ движеніемъ котораго слѣдили, но котораго все-таки будто выдѣляли изъ числа прочихъ. Молодыя дѣвушки, даже тѣ, съ которыми онъ былъ всего дружнѣе, почему-то смотрѣли на него теперь съ какимъ-то скрытымъ недоброжелательствомъ, точно всѣхъ ихъ онъ чѣмъ-то обидѣлъ. Для нихъ онъ сталъ, въ качествѣ объявленнаго жениха, чѣмъ-то напоминавшимъ изъятый изъ обращенія банковый билетъ. Кити замѣчала это недружелюбное отношеніе своихъ подругъ къ Павлу Алексѣевичу и очень имъ забавлялась. Со свойственнымъ ей тактомъ она не упускала ни одного случая вознаградить жениха за его странное одиночество среди веселья прочихъ, то обмѣниваясь съ нимъ взглядомъ, то украдкой пожимая ему руку.

— Тебѣ скучно, Павликъ?—говорила она ему вполголоса.—Ну, погоди: пройдутъ эти глупые дни; я буду опять вся принадлежать тебѣ, и мы станемъ болтать вдвоемъ, какъ прежде. И не будь такимъ угрюмымъ, Павликъ. Мнѣ тоже, вѣдь, не весело, а посмотри вотъ: я смѣюсь, любезна со всѣми...

Но если это было притворство со стороны Кити, надо было признать, что притворялась она чрезвычайно хорошо. И не совсѣмъ пріятно для Грушнева было въ особенности то, что за эти три дня она много танцовала съ Лунскимъ. Разумѣется, онъ и не думалъ ревновать; но все же ему казалось, что Кити слѣдовало бы не держать себя такъ свободно съ человѣкомъ, про ухаживанье котораго всѣ знали.

Кити поступала такъ какъ разъ потому, что Лунскій ей, въ сущности, нисколько не нравился, и ея самолюбію льстило, что онъ не перестаетъ явно восхищаться ею даже теперь, когда онъ потерялъ всякую надежду на взаимность. Лунскій былъ влюбленъ въ Кити, на сколько онъ былъ способенъ на это чувство. И Кити хорошо знала, что стоило ей захотѣть, и онъ позабылъ бы всѣ свои разсчеты на выгодную женитьбу, чтобы стать ея мужемъ. На самомъ дѣлѣ его останавливалъ не разсчетъ, какъ думали всѣ, а увѣренность, что Кити не приметъ его предложенія. Знала она и нѣчто иное—что у Лунскаго были какія-то очень близкія отношенія къ графинѣ Надеждѣ Сергѣевнѣ, хоть и не давала себѣ вполнѣ яснаго отчета, каковы были эти отношенія. Въ то же время ее не удивляло нисколько, что, не смотря на эту предполагаемую близость, Лунскій могъ думать о женитьбѣ.

Лунскій былъ не уменъ и не образованъ. Помимо красивой наружности, за нимъ было одно только: ловкость и полное знаніе петербургскаго свѣта. Онъ зналъ его вдоль и поперекъ, какъ звѣри и птицы знаютъ тотъ лѣсъ, въ которомъ живутъ. Какъ бы то ни было, успѣхъ у женщинъ онъ имѣлъ необыкновенный, и Кити доставляло тайное, жуткое, удовольствіе видѣть у своихъ ногъ этого всеобщаго любимца какъ разъ въ такую минуту, когда его самолюбію она нанесла столь чувствительный ударъ. Конечно, объяснить все это жениху было совершенно невозможно, по крайней мѣрѣ теперь, до свадьбы. Но что за бѣда, коли Павликъ немного и посердится?.. У нея столько, вѣдь, средствъ разсѣять это минутное облако... А графиня Надежда Сергѣевна, понимавшая Кити гораздо лучше, чѣмъ могъ понимать ее Грушневъ, выказывала Павлу Алексѣевичу съ каждымъ днемъ все больше вниманія.

Въ послѣдній день масляницы, на маленькомъ балу во дворцѣ, она долго удерживала его при себѣ, расхаживая съ нимъ подъ руку по заламъ Эрмитажа и продолжая съ нимъ все тотъ же странный разговоръ, такъ

неожиданно ею начатый на балу у княгини Бѣломорской.

— Не думайте, чтобы всѣ женщины походили на меня,—твердила она ему на разные лады:—я говорю все, что ни пришло бы въ голову, и нисколько не забочусь, какъ мои слова истолкуютъ. Но я исключеніе, потому что я давно завоевала себѣ ту полную свободу, которой почти всѣ женщины боятся,—свободу не обращать вниманія на людскія мнѣнія. Отъ всѣхъ прочихъ женщинъ, даже отъ самыхъ близкихъ, вы такой полной откровенности не добьетесь. Женщины большею частью лгутъ, даже когда онѣ воображаютъ что говорятъ правду. А молодыя дѣвушки лгутъ, вдобавокъ, оттого, что имъ надо поддержать въ мужчинахъ увѣренность, будто онѣ про жизнь ничего не знаютъ. И въ этомъ виноваты только вы сами. Вы укоряете женщинъ за ихъ непрактичность, скажемъ прямо, passez-moi le mot, за ихъ глупость, а между тѣмъ, въ дѣвушкахъ вы какъ разъ цѣните эту самую глупость, требуете, чтобъ онѣ ничего не знали или, по крайней мѣрѣ, прикидывались, что не знаютъ. Вотъ онѣ и прикидываются и морочатъ васъ своею невинностью. И ни одинъ мужчина не добьется отъ своей жены искреннаго признанія, насколько ей была извѣстна до свадьбы настоящая подкладка жизни, потому что ея наивность, это le secret professionel de la jeune fille...

Какъ ни старался Павелъ Алексѣевичъ стряхнуть съ себя впечатлѣніе словъ графини, эти слова засѣли у него въ умѣ, и на безусловное его довѣріе къ невѣстѣ легла тѣнь, согнать которую онъ не могъ.

Великопостный звонъ утромъ, въ чистый понедѣльникъ, показался Грушневу настоящимъ благовѣстомъ освобожденія. Пришелъ конецъ, такъ думалъ онъ, по крайней мѣрѣ, безобразному сумбуру, ставившему между нимъ и невѣстой, какъ неизбѣжное третье лицо, докучливый образъ свѣта. Въ этомъ, однако, Грушневъ ошибся. Графиня Дарья Михайловна слишкомъ, правда,

любила условность, чтобы не подчиняться требованіямъ великопостнаго уединенія. Она ѣздила аккуратно на всенощныя съ меѳимонами въ домовую церковь княгини Бѣломорской; ѣздили туда и Усольцевы, хоть и не столь аккуратно, но, по возвращеніи оттуда — все было по старому: были всегдашніе посѣтители дома графини, съ двумя партіями въ винтъ, наѣзжала и молодежь, въ томъ числѣ и Вава Масальская, воображавшая, что прежнія близкія отношенія къ Грушневу, такъ грубо ею порванныя, все-таки даютъ ей право быть повѣренной всѣхъ его ощущеній и считаться ближайшимъ другомъ не только его, но и невѣсты, Павла Алексѣевича давно коробило отъ близости между этой женщиной и Усольцевыми. Она приходилась имъ, правда, дальней родственницей; но, все-таки, онъ не могъ понять, какъ это пустое, безсердечное существо, у котораго на языкѣ всегда такой избытокъ лживыхъ чувствъ, могло нравиться изящной и чуткой натурѣ его Кити. Онъ подозрѣвалъ, къ тому же, что Вѣрѣ Александровнѣ извѣстны его прежнія отношенія къ Вава. Онъ чувствовалъ себя вполнѣ правымъ передъ нею и совершенно свободнымъ даже отъ гнетущихъ воспоминаній: иначе онъ не сталъ бы женихомъ Кити; но его положительно возмущало, что Вава ничуть не стѣсняется своимъ прошлымъ и поддерживаетъ такую короткую близость съ его будущей женой. Разъ онъ даже высказалъ ей это, пользуясь тѣмъ, что никто не могъ разслышать его словъ.

— А, мой другъ,—ничуть не смутясь, возразила Масальская, — неужели вы думаете, что я перестану ѣздить къ своимъ знакомымъ затѣмъ только, чтобы не доставлять вамъ непріятности встрѣчать меня у нихъ? C'est payer trop cher le plaisir de vous avoir connu...

На это ужъ ничего нельзя было отвѣчать, и Грушневу оставалось одно только,—выказывать Масальской, при встрѣчахъ съ нею, самую явную холодность. Кити примѣтила новый оттѣнокъ въ его обращеніи съ Вавой

и шутя спросила у него разъ, зачѣмъ онъ такъ дурно обходится съ его пріятельницей.

— Она мнѣ не нравится, Кити,—отвѣтилъ онъ, — вотъ и все. И признаться, я вовсе не желалъ бы, чтобы она осталась твоей пріятельницей.

Кити не возразила ничего, но въ глазахъ у нея блеснуло на мигъ что-то странное. Грушневу тотчасъ вспомнились слова графини Надежды Сергѣевны, и долго потомъ мучила его мысль: знаетъ-ли его невѣста и что именно про его бывшую связь?.. Не обязанъ-ли онъ, какъ честный человѣкъ, открыться ей во всемъ, чтобы исповѣдью очистить передъ ней свое прошлое?.. Павелъ Алексѣевичъ долго колебался, много разъ принимаясь за нерѣшенный споръ съ неудовлетворенной совѣстью. Развѣ онъ могъ требовать полнаго чистосердечія отъ невѣсты, когда въ его собственной жизни оставалась цѣлая страница, куда онъ не давалъ ей заглядывать?.. Но, говорилъ онъ себѣ, вѣдь страница эта вырвана давно, счеты съ прошлымъ покончены дочиста... И это прошлое, которое не мнѣ, вѣдь, одному принадлежитъ, развѣ я имѣю право его разглашать ради того только, чтобы разыграть передъ самимъ собой благородную роль?.. Нѣтъ, если тутъ и была вина, пусть она останется за нимъ. Душевный миръ своей Кити онъ не станетъ тревожить. Прошлаго не передѣлаешь.

Грушневъ рѣшился хранить про себя свою тайну. Зато онъ далъ себѣ слово, что впредь онъ уже ничего не утаитъ отъ Кити. Его настоящее, его будущее безраздѣльно принадлежитъ ей, и съ той самой минуты, какъ онъ сталъ ея женихомъ, ничего своего, обособленнаго у него не должно уже быть... Свято храня это обѣщаніе, онъ будетъ въ правѣ и отъ нея ожидать полнаго чистосердечія...

А пока... пока онъ не могъ не замѣтить, что и въ жизни Кити, и въ ея внутреннемъ мірѣ кое-что, пожалуй, даже многое, еще не принадлежитъ ему. Время

шло понемногу. Великій постъ тянулся, почти такой же шумный и суетливый, какъ масляница. Начало марта выдалось чудное и барышни Усольцевы каждый день ѣздили кататься на конькахъ въ Таврическій садъ. Изъ разсказовъ Жени Павелъ Алексѣевичъ узнавалъ, какъ тамъ было шумно и весело, но попасть туда ему долго не удавалось. Раньше пяти часовъ никакъ нельзя было покончить съ работой въ министерствѣ. Кити съ милой наивностью уговаривала его вырваться изъ этихъ глупыхъ офиціальныхъ тисковъ, хоть и знала очень хорошо, что это было невозможно. Разъ онъ, наконецъ, успѣлъ-таки вырваться. Онъ поспѣшно надѣлъ коньки и пустился по гладкому льду, ища глазами невѣсту. Грушневъ былъ отличный конькобѣжецъ, и дамы одна за другой просили его пройтись съ ними по сверкавшему зеркалу пруда. Но гдѣ же была Кити... Ее видѣли многіе, вѣдь, за минуту передъ тѣмъ... Она, должно быть, каталась съ горъ... Да, вотъ санки промчались мимо глазъ Павла Алексѣевича—это была Кити, стоявшая на колѣняхъ и слегка опиравшаяся руками на плечи какого-то военнаго. Онъ узналъ Лунскаго, и невольное чувство досады охватило его.

— Какъ вы не умѣете скрывать своихъ впечатлѣній,—услышалъ онъ вдругъ возлѣ себя грудной, сдержанный смѣхъ графини Надежды Сергѣевны.—Прокатитесь лучше со мной и не дѣлайте такого ужаснаго трагическаго лица. Могутъ это замѣтить.

У нея самой что-то злобное свѣтилось въ смѣющихся глазахъ.

— Лунскій большой мастеръ спускаться съ горъ,—продолжала она, скользя съ нимъ рука объ руку по льду.—Что жъ удивительнаго, что ваша невѣста захотѣла съ нимъ покататься.

Удивительнаго, съ самомъ дѣлѣ, ничего не было, а между тѣмъ чувство досады у Грушнева не проходило.

— Кстати, вы мнѣ обѣщали побывать у меня,—лю-

безно сказала графиня, когда они остановились,—а до сихъ поръ не сдержали слова...

Но вотъ и сама Кити, узнавшая, что онъ здѣсь, подходила къ нему, говоря, какъ она рада, что онъ все-таки пріѣхалъ.

— Хочешь скатить меня съ горы?—спросила она:— вѣдь, ты умѣешь?

Грушневъ не отвѣтилъ и, снявъ коньки, направился съ нею по лѣстницѣ. Но по выраженію его лица Кити тотчасъ поняла, что онъ недоволенъ, и догадалась о причинѣ. Но она сдѣлала видъ, что не примѣчаетъ ничего: заговорить объ этомъ первой ей ни за что не хотѣлось. Пока они спускались, обычная улыбка не сходила съ ея губъ, и съ притворнымъ оживленіемъ она шутила, увѣряя жениха, что кататься съ нимъ необыкновенно весело и дѣлаетъ онъ это рѣшительно лучше всѣхъ. Избѣгнуть объясненій Кити, однако, не удалось. Оно произошло въ тотъ же день, послѣ обѣда. Павелъ Алексѣевичъ съ нескрываемой горечью, почти рѣзко, высказалъ ей, какъ непріятно ему, что она находитъ очевидное удовольствіе въ обществѣ этого Лунскаго, и еще непріятнѣе, что она хочетъ отъ него это скрыть.

— Да, да, не возражай мнѣ ничего,—горячился онъ (а Кити и не думала возражать),—если бы ты знала, что я пріѣду, ты съ нимъ не стала бы кататься, въ этомъ я увѣренъ. И потомъ: хоть ты очень хорошо замѣтила, что я не доволенъ, ты ни словомъ про это не заикнулась, точно ничего не было.

— Да ничего и не было, Павликъ,—спокойно возразила Кити.—Почему же непремѣнно я была обязана съ тобой говорить объ этомъ? Точно есть тутъ что-то ужасное, и я должна была извиняться... Не заговорила я объ этомъ какъ разъ потому, что считала это пустяками.

— И то, можетъ быть, пустяки въ твоихъ глазахъ, что я былъ недоволенъ, даже оскорбленъ?

Но Кити ни въ чемъ себя виноватой признать не хотѣла. Она и не думала кокетничать съ Лунскимъ и от-

того чувствовала себя совершенно правой, хотя и сознавала прекрасно, что и теперь, и тогда на каткѣ она была не совсѣмъ искренна съ женихомъ. Но какъ разъ потому, что ревность его была безпричинная и что въ ея обращеніи съ Лунскимъ не было ничего такого, что ей приходилось бы скрывать, она упрямо отпиралась, все усиливая этимъ раздраженіе Павла Алексѣевича.

— Да ты не хочешь меня понять,—твердилъ онъ въ сотый разъ:—мнѣ и въ голову не приходитъ винить тебя въ чемъ-нибудь нехорошемъ. Я знаю, что этотъ Лунскій для тебя ничего не значитъ. Но я оскорбленъ твоимъ недовѣріемъ, твоимъ скрытничаньемъ...

Грушневъ не сознавалъ, что теперь онъ, въ свою очередь, не говорилъ правды; когда онъ увидалъ Кити вдвоемъ съ Лунскимъ, самыя нелѣпыя, недостойныя мысли (онъ краснѣлъ за ихъ теперь) затуманили его голову. Только увидавъ искреннія слезы въ глазахъ невѣсты, онъ устыдился своей ревности. Кити воспользовалась этимъ, чтобъ увѣрить его, будто она никакъ не можетъ простить нанесенной ей обиды, и довела его, наконецъ, до того, что онъ самъ сталъ просить у нея прощенія. Миръ былъ заключенъ очень быстро, какъ и въ первую ихъ размолвку. Но Грушневъ все-таки добавилъ, цѣлуя невѣсту въ глаза и въ лобъ:

— Одного я у тебя прошу, Кити, полной всегдашней откровенности... Видишь, изъ-за какихъ пустяковъ мы чуть-было не разсорились...

— А ты развѣ всегда вполнѣ со мной откровененъ?— изъ-подъ его поцѣлуевъ спросила она, улыбаясь.

— Я думаю, Кити... я, по крайней мѣрѣ, не сознаю въ себѣ ничего такого, увѣряю тебя...

— Да? Ты совсѣмъ, совсѣмъ откровененъ?

На что хотѣла она намекнуть?.. Неужели на Вава Масальскую?.. И Грушневъ, озадаченный ея словами, чуть было не сознался ей во всемъ. Нѣтъ, этого все-таки нельзя было сдѣлать: онъ опомнился во-время. И когда онъ принялся настаивать, требуя, чтобы Кити

сказала ему, гдѣ и когда она замѣтила въ немъ нечистосердечіе, она только разсмѣялась, и они обмѣнялись торжественнымъ обѣщаніемъ впредь ничего не скрывать другъ отъ друга.

На слѣдующій день Грушневъ поѣхалъ къ графинѣ отвѣдать вновь той отравы, которую она ему подносила уже неоднократно. На этотъ разъ, однако, отвѣдать ему ничего не пришлось. У графини онъ засталъ кучу гостей и самый легкій безсодержательный разговоръ, не выходившій изъ области довольно безобиднаго злословія. Въ числѣ прочихъ Павелъ Алексѣевичъ встрѣтилъ тутъ своего будущаго тестя. Увидѣвъ Грушнева, Николай Ивановичъ посмотрѣлъ на него какъ-будто съ нѣкоторымъ удивленіемъ и потомъ снова принялся за недоконченный разсказъ довольно игриваго свойства.

Разсказывалъ Усольцевъ необыкновенно хладнокровно и просто, какъ-будто случившійся скандалъ, о которомъ онъ говорилъ, былъ совсѣмъ въ порядкѣ вещей. А дѣло шло объ ужасной семейной драмѣ, только что разыгравшейся съ молодою четою, при чемъ трудно было рѣшить, кто изъ новобрачныхъ, мужъ или жена, превзошелъ другого въ цинизмѣ. Онъ былъ совершенно приличный и благовоспитанный человѣкъ, она тоже отмѣнно воспитанная дѣвушка, изъ прекрасной семьи. Откуда же, изъ какихъ невѣдомыхъ тайниковъ души вдругъ вылилась у нихъ наружу эта затаенная грубость, эта способность легко заражаться примѣромъ чужого разврата, точно какимъ-то повѣтріемъ. Никто, кромѣ Павла Алексѣевича, не задался, повидимому, этимъ вопросомъ. Онъ молчалъ, насупившись слегка, а вокругъ него продолжала жужжать легкая, равнодушная болтовня. Лишь графиня какъ бы мимоходомъ замѣтила:

— Да, женихъ и невѣста никогда, въ сущности, не знаютъ, что скрывается въ душѣ каждаго изъ нихъ... Помните, что я вамъ говорила разъ, Грушневъ?.. Читать въ сердцѣ дѣвушки это то же, что прочитывать запе-

чатанное письмо, не вскрывая его... Да и сама она большею частью не знаетъ, что тамъ написано...

А когда, наболтавшись до сыта, всѣ разомъ поднялись, графиня на мигъ задержала Павла Алексѣевича.

— Очень жаль, что мы такъ съ вами и поговорить не успѣли... Ну, до другого раза... А что, вы все на седьмомъ небѣ?—Она странно улыбнулась, сказавъ это и, не дождавшись отвѣта, продолжала: — Знаете что?.. Пріѣзжайте ко мнѣ обѣдать во вторникъ, такъ, запросто. Я буду совсѣмъ одна. Или вамъ нельзя?

Грушневъ согласился, хоть и говорилъ ему какой-то смутный голосъ, что не слѣдовало принимать приглашенія.

X.

Въ домѣ графини Дарьи Михайловны приготовленія къ свадьбѣ шли все поспѣшнѣе.

— Кити и ея женихъ,—говорила она, какъ бы извиняясь,—сохранили за собой одну поэтическую сторону своего положенія. Они на облакахъ живутъ, а мнѣ оставили всю прозу... На дочь мою, разумѣется, надежда плоха,—добавила она съ чуть-чуть замѣтной улыбкой.

Въ самомъ дѣлѣ, практическія способности Дарьи Михайловны развернулись въ полномъ блескѣ. Всѣ заказы были сдѣланы очень разсчетливо, хоть и богато. И главное, благодаря Виссаріону Порфирьевичу, были во-время добыты денежныя средства. Вадимъ Александровичъ все подписалъ, не читая, и дарственную запись, и прошеніе о залогѣ пензенскаго помѣстья. Законническая душа Виссаріона Порфирьевича отъ этого пришла въ негодованіе, хотя лицо его по-прежнему выражало одну безмятежную угодливость. Его вицмундиръ одинъ только и придавалъ необходимую торжественность этимъ важнымъ гражданскимъ актамъ, совершавшимся такъ халатно.

— Да ты прочти, Вадимъ, по крайней мѣрѣ,—твердила ему графиня,—развѣ такъ можно?

— На что, мамаша?.. Я, вѣдь, знаю, что пока вы живы, у меня деньги будутъ. А послѣ я вашъ единственный наслѣдникъ. Вѣра свою часть получила...

Графиня посмотрѣла на сына не то съ укоризной, не то съ удивленіемъ. Ей стало даже немного неловко отъ этого столь откровенно высказаннаго предвидѣнія ея кончины.

— Я рада, по крайней мѣрѣ,—сказала она довольно сухо,—что у тебя такое полное довѣріе ко мнѣ...

Манна небесная, щедро посыпавшаяся въ видѣ банковой ссуды на домъ графини, не миновала и Николая Ивановича. Несмотря на все нерасположеніе къ нему тещи, онъ умудрился-таки выпросить у нея цѣлыхъ три тысячи. Графиня разъ неосторожно похвалила его практическую смѣтку, поблагодаривъ его за данный ей хорошій совѣтъ, и Усольцевъ не замедлилъ воспользоваться этимъ. Совѣтъ заключался въ томъ, чтобы молодые изъ-подъ вѣнца не отправлялись въ дальнее путешествіе, а на первыя двѣ-три недѣли поселились въ царскосельской дачѣ графини, пока можно будетъ поѣхать въ Гунцево.

— По-моему, ничего нѣтъ глупѣе этихъ заграничныхъ поѣздокъ, пока мужъ и жена еще не привыкли другъ къ другу... Они навѣрно кучу глупостей надѣлаютъ, такъ какъ они и къ самой жизни не привыкли... Вѣдь, чего грѣха таить: Павелъ отличный человѣкъ, и я его очень люблю, — при этомъ Николай Ивановичъ прикусилъ свой лѣвый усъ, а это у него всегда означало, что онъ говоритъ неправду, — но практической жизни и цѣны деньгамъ онъ не знаетъ совсѣмъ... А что касается Кити...

— Положимъ, мой милый,—стуча ногтями по табакеркѣ, перебила его теща, — что и ты самъ по этой части плоховатъ...

— Я совсѣмъ иное дѣло, — поспѣшно и увѣренно

отвѣтилъ Усольцевъ: — я всегда былъ мотомъ, это правда. Что̀ прикажете дѣлать, копѣечки считать мнѣ противно. Но я мотъ, потому что хочу быть такимъ, а провести меня никто не можетъ. Да развѣ не я за полцѣны заказалъ для Кити серебро, а столовый сервизъ купилъ почти задаромъ?

— Это правда, — беззвучно отвѣтила графиня.

— Ну, вотъ видите... Значитъ, отправлять ихъ вдвоемъ за границу незачѣмъ. А пускай они себѣ прохлаждаются тамъ въ Царскомъ, пока дороги просохнутъ и можно будетъ ѣхать въ деревню.

— Прохлаждаются. Quel mot!—вставила графиня.

— Ну, не все-ли равно?.. Вы знаете, я думаю, это такъ же, что они, тамъ со своихъ облаковъ слѣзутъ и не тѣмъ только будутъ заниматься, чтобы розы нюхать вдвоемъ.

Графиня опять хотѣла что-то возразить, но воспоминанія прошлой молодости нахлынули на нее и расположили ее къ мягкости.

— Здѣсь они будутъ у васъ подъ крылышкомъ, — продолжалъ Николай Ивановичъ, — а на первое время это очень важно... Ну, а потомъ, въ началѣ мая, пусть ѣдутъ въ Гунцево.

Такъ и было рѣшено. Грушневъ и Кити, до тѣхъ поръ совсѣмъ и не думавшіе о томъ, какъ устроятся они послѣ свадьбы, и въ самомъ дѣлѣ все это время на облакахъ витали. Грушневъ и Кити нашли мысль Николая Ивановича прекрасной. Кити тотчасъ представила себѣ въ самомъ розовомъ свѣтѣ, какъ проведетъ она первые дни замужней жизни въ этой прелестной царскосельской дачѣ, гдѣ все такъ уютно подготовлено для уединеннаго счастья. Что уединеніе ихъ въ Царскомъ Селѣ будетъ далеко не полнымъ, про это ни она, ни женихъ пока не думали.

По мѣрѣ того, какъ подходилъ день свадьбы, они, казалось, сближались все тѣснѣе. Размолвокъ уже не было никакихъ. Длинныя бесѣды ихъ съ глазу на глазъ,

правда, часто прерываемыя докучливымъ любопытствомъ m-lle Готье, все чаще вращались около самыхъ важныхъ, серьезныхъ предметовъ. Обсуждали они и то, какъ смотрятъ они на цѣль жизни, и какъ устроятъ свой будущій уголокъ. И все, что̀ бы каждый изъ нихъ ни высказалъ другому, казалось чудеснымъ. Кити не противорѣчила, когда Павелъ Алексѣевичъ въ своихъ планахъ очень большое мѣсто отводилъ серьезнымъ занятіямъ, а Грушневъ ничуть не смущался, что въ мечтахъ Кити, нѣтъ-нѣтъ, да и проскользнетъ наивное представленіе о замужней жизни, какъ, о безконечномъ рядѣ удовольствій. Они не примѣчали, какъ, въ сущности, мало сходились ихъ вкусы, не примѣчали оттого, что любили они другъ друга цѣликомъ, со всѣми недостатками, какіе были у каждаго ихъ нихъ. Они продолжали обманывать другъ друга совсѣмъ добросовѣстно, и въ обманѣ этомъ тоже была любовь: неполная ихъ искренность происходила единственно изъ желанія какъ можно болѣе понравиться другъ другу.

Во вторникъ, на третьей недѣлѣ поста, Грушневъ поѣхалъ обѣдать къ графинѣ Надеждѣ Сергѣевнѣ, но потребности услышать отъ нея опять прежнія ядовитыя рѣчи теперь у него уже не было. Его сомнѣнія улеглись какъ-то сами собой, и онъ не посѣтовалъ на графиню даже за то, что она не сдержала слова и за ея обѣдомъ оказалось нѣсколько приглашенныхъ. Кто знаетъ, думалось ей, можетъ быть, что, обманывая такимъ образомъ ожиданія Грушнева, она тѣмъ сильнѣе вызоветъ у него желаніе видѣться съ ней съ глазу на глазъ. Въ тѣ рѣдкіе вечера, когда ему случалось бывать въ свѣтѣ, онъ неизмѣнно встрѣчалъ графиню, и на недостатокъ вниманія съ ея стороны пожаловаться не могъ. Но разговоры у нихъ шли теперь уже совсѣмъ иные, все болѣе уходившіе въ мирные вопросы искусства. Графиня, повидимому, спрятала имѣвшіяся у нея всегда въ готовности ядовитыя стрѣлы. Кити замѣтила разъ, что женихъ ея очень ужъ долго разговариваетъ съ графиней,

и за это шутя подразнила его, увѣряя, что она очень ревнива. Но теперь не оставалось уже никакого сомнѣнія для обоихъ, что упрекъ этотъ былъ лишь самой невинною шуткой.

На Страстной Усольцевы говѣли и каждый день, утромъ и вечеромъ, ѣздили въ церковь княгини Бѣломорской. Говѣлъ и Грушневъ. Въ прежніе годы онъ продѣлывалъ это какъ формальную обязанность, нисколько не смущаясь тѣмъ, что исповѣдь его ограничивалась нѣсколькими равнодушными отвѣтами на равнодушные вопросы духовника. Теперь было не то. Совершавшееся вокругъ него суетливое зрѣлище великосвѣтскаго говѣнья, эти дамы, шуршавшія платьями, эти разговоры шепотомъ во время службы и громкая болтовня потомъ, во время разъѣзда,—все это не только его не расхолаживало, а совсѣмъ напротивъ: какъ живой протестъ, въ немъ самомъ складывалось желаніе молиться. Контрастъ между этой блестящей суетой и глубокой серьезностью того, что должно было происходить въ сердцахъ молившихся, между воспоминаніемъ о крестныхъ мученіяхъ Христа и помыслами этихъ людей, занятыхъ тщеславіемъ, не только не настраивалъ Грушнева на иронію, а вызывалъ въ немъ скорбное, почти болѣзненное, чувство. Изъ маленькой полутемной церкви къ тому мѣсту, гдѣ онъ стоялъ за дверями, не громко, но явственно доносились слова, произносимыя священникомъ, и стройные, хоть и сдержанные, голоса пѣвчихъ. Что-то тихое и сладостное, какое-то вѣяніе изъ неземного міра будто шло оттуда. Стоявшихъ въ церкви это вѣяніе, должно быть, охватывало. Шумъ свѣта какъ будто стихалъ у входа. Были тутъ, казалось, искренно молящіеся, даже слезы блестѣли на иныхъ женскихъ глазахъ. Невольно Грушневъ посматривалъ на Кити. Никакого волненія она не испытывала, должно быть. Она молилась изящно, какъ она дѣлала все, но это была совершенно спокойная молитва, говорившая о приличномъ умиленіи, не болѣе. Зато его поразило, что Женя, всегда

такая жизнерадостная, молилась съ какой-то страстностью, точно на душѣ ея лежалъ тяжкій грѣхъ. Нѣсколько разъ она отирала слезы съ заплаканнаго лица.

Когда служба кончилась, Вѣра Александровна не стала пить чай у княгини, какъ дѣлали это многіе другіе. Но когда она спустилась съ лѣстницы, лакей доложилъ ей впопыхахъ, что, стоя у подъѣзда, испугавшіяся чего-то лошади рванулись и поломали карету. Вѣра Александровна и Кити нашли себѣ мѣсто въ чужомъ экипажѣ. Но куда было дѣвать Женю?

— Ничего, мама: я съ Павломъ Алексѣевичемъ пѣшкомъ дойду,—объявила она.—Погода, кстати, чудесная.

— Да ты развѣ не устала?

Про усталость Женя и слышать не хотѣла; и теперь, уже веселая, какъ всегда, она пошла подъ руку съ будущимъ родственникомъ.

— Что вы такъ плакали за обѣдней?—спросилъ ее Павелъ Алексѣевичъ.

— Ахъ, вы замѣтили...

Она застыдилась и немножко покраснѣла.

— Я сама не знаю отчего... Въ другой разъ постараюсь не плакать...

— Зачѣмъ же, коли хочется? Бѣды тутъ нѣтъ. Въ ваши годы слезы приходятъ ни вѣсть откуда, но зато и сохнутъ быстро... Вы, должно быть, ужъ очень грѣшной себя чувствуете, Женя?..

— Должно быть...—И увидавъ, что онъ улыбается, глядя на нее, она засмѣялась тоже. Было, однако, что-то принужденное въ этомъ смѣхѣ.—Увѣряю васъ, Павелъ Алексѣевичъ, что сама не знаю, откуда эти слезы взялись.

— Или, можетъ быть, — вглядываясь въ нее пристально, сказалъ мигъ спустя Грушневъ,—сбылось предсказаніе Димы Клубина?..

— Какое предсказаніе?—чуть-чуть сдвинувъ бровки, спросила она. Дима Клубинъ и его шутки теперь были за тысячу верстъ отъ ея помысловъ.

— Да то,—продолжалъ онъ шутить,—что въ васъ кто-нибудь нѣтъ-нѣтъ, да и влюбится.

— Полноте...—Она отвернулась, чтобы скрыть яркую краску, разлившуюся по ея щекамъ, но затѣмъ тотчасъ опять подняла глаза на своего спутника, и упрекъ читался въ ея взглядѣ.

— Ну, Женя, не сердитесь: я, право, не зналъ, что вы къ этимъ пустякамъ относитесь серьезно. Да и могло бы вѣдь это случиться... Кстати, я думалъ, что самъ Дима Клубинъ вамъ нравится...—Теперь она ничего уже не отвѣтила, но укоръ еще явственнѣе прежняго блестѣлъ въ ея краснорѣчивыхъ глазахъ. Грушневъ въ первый разъ замѣтилъ, какъ выразительны были эти глаза.

— Какъ странно вы на меня смотрите, Женя... У васъ такой негодующій блескъ во взглядѣ, точно я васъ въ самъ дѣлѣ оскорбилъ. Было бы это развѣ такъ ужъ удивительно, если бы Дима... ну хоть чуточку вамъ...

Она съ такой энергіей покачала головой, что Грушневъ не продолжалъ. Въ эту самую минуту они переходили черезъ Литейный и не замѣтили оба, какъ на нихъ почти наскочилъ экипажъ, хотя правившій имъ кучеръ окликнулъ ихъ громогласно. Грушневъ едва успѣлъ отскочить назадъ, крѣпко стиснувъ руку дѣвушки. Онъ перепугался не на шутку: оглобля чуть не ударила въ ея плечо. Женя смутилась тоже, но совсѣмъ не отъ испуга.

— Вы не ушиблись?—съ безпокойствомъ спросилъ онъ, когда они перебѣжали черезъ остальную часть улицы.—Ну, слава Богу! У меня, признаюсь, морозъ прошелъ по спинѣ...

— Со мной никогда ничего случиться не можетъ,—бойко и весело отвѣтила Женя.—Мнѣ все кажется, что у меня ужъ такъ на роду написано.

— А все-таки, если бы не отдернулъ я васъ изо всей силы... Нѣтъ, лучше не вспоминать: это былъ такой ужасный мигъ. И мнѣ впередъ урокъ—не загова-

ривать съ вами, когда мы переходимъ черезъ улицу. Я, вѣдь, за васъ несу отвѣтственность.

Она опять покачала головой, но уже совсѣмъ иначе, чѣмъ прежде.

— Не тяжелая это отвѣтственность, Павелъ Алексѣевичъ, могу васъ увѣрить. И совсѣмъ я это не въ шутку говорю, что сумѣю выбраться изъ чего угодно... По крайней мѣрѣ, я это чувствую...

— Вотъ вы какая... храбрая?—засмѣялся Грушненъ.

— Да, и не на словахъ только... Можетъ быть, вы когда-нибудь въ этомъ убѣдитесь.

Онъ посмотрѣлъ на нее внимательно и не отвѣтилъ: странными ему показались ея послѣднія слова. Остальную часть пути они заговаривали только урывками.

Когда, въ среду вечеромъ, Усольцевы исповѣдывались и Женя вышла изъ церкви, получивъ отпущеніе, Павелъ Алексѣевичъ, за нимъ была теперь очередь, снова замѣтилъ, что глаза у нея заплаканы, какъ въ понедѣльникъ утромъ за обѣдней, но ничего не сказалъ ей на этотъ разъ. И она молча прошла мимо него съ опущенной головой.

На Пасху всѣ они поѣхали опять къ княгинѣ Бѣломорской. Не доставало только Павла Алексѣевича. Онъ былъ во дворцѣ и пріѣхалъ къ самому концу обѣдни, заодно съ цѣлой фалангой шитыхъ мундировъ и эполетъ.

— Курскаго шталмейстеромъ сдѣлали, а дочь его—фрейлиной, — цѣлуя поблекшую руку своей супруги, говорилъ одинъ изъ пріѣхавшихъ лентоносцевъ, полный и очень лысый господинъ, очевидно, недовольный, что самъ не получилъ ничего.

— Тумакину дали Бѣлаго Орла,—слышалось съ другой стороны,—а Бѣльскому носъ наклеили, хоть его ужъ цѣлую недѣлю поздравляютъ съ Александромъ Невскимъ.

— Представьте: Долговязовъ—товарищъ министра,—жужжали въ третьей группѣ,—вотъ назначеніе!

Все это, конечно, разсказывалось только тѣмъ дамамъ, которыя, по зрѣлости лѣтъ, интересовались серьезными вопросами вообще и назначеніями въ особенности. Болѣе молодымъ доводилось слышать совсѣмъ иныя вещи, быть можетъ, еще менѣе подходящія къ великому христіанскому празднику. Грушневу было, разумѣется, не до наградъ, и не разсыпался онъ въ любезностяхъ передъ юными властительницами мужскихъ сердецъ. Среди праздничной толпы, наполнявшей маленькую гостиную передъ церковью, онъ искалъ глазами своихъ. Они стояли, очевидно, въ самой церкви. Онъ медленно продвинулся впередъ, ловя на пути сдержанныя восклицанія, въ которыхъ слышались то радость, то удивленіе, то скрытое недовольство. Графиня Надежда Сергѣевна остановила его, говоря ему въ то же время: „Passez, passez... Я, вѣдь, знаю, куда вы спѣшите. Только вы до нея не доберетесь. Видите, какая толпа, а она совсѣмъ впереди. Останьтесь лучше здѣсь до конца службы“...

Грушневъ поневолѣ остался. Въ двухъ шагахъ отъ него, принимая отъ всѣхъ поздравленія, Дима Клубинъ сіялъ въ своемъ новомъ камеръ-юнкерскомъ мундирѣ. Онъ глядѣлъ самымъ счастливымъ изъ счастливыхъ. И столько было добродушія въ его радости, что надъ нимъ и смѣяться никто не думалъ.

Но вотъ служба кончилась. Все смѣшалось среди громкихъ привѣтствій. Кое-кто христосовался по-старинному, но дѣлалось это осторожно, деликатно, точно извиняясь. Одинъ толстый генералъ Постромовъ, извѣстный какъ ревностный членъ „Славянскаго Общества“, громко лобызалъ всѣхъ попадавшихся ему въ руки, свидѣтельствуя тѣмъ о своемъ исконномъ русскомъ духѣ. Грушневъ увидѣлъ, наконецъ, ту, которая одна только и существовала для него среди этой блестящей толпы. Онъ держалъ въ своей рукѣ ея тонкіе пальчики и шепталъ ей что-то, чего она, быть можетъ, и не могла совсѣмъ, разслышать, хоть и вызывало оно свѣтлую улыбку

на ея лицѣ. А Вѣра Александровна, утомленная службой, подошла къ нимъ, подавая Грушневу руку, которую онъ поспѣшилъ поцѣловать.

— Да, да,—разсѣянно отвѣчала она на его поздравленія,—я очень люблю пасхальную обѣдню и очень рада за мужа, вѣдь ему Анну дали, вы знаете? Только ужасная здѣсь жара, мой милый. Дайте мнѣ руку и уведите меня поскорѣе.

А эта блѣдная, стройная дѣвушка, вся въ бѣломъ, неужели это была Женя, шаловливая, вѣчно смѣющаяся Женя?.. Онъ почти не узналъ ея: до того она выдѣлялась среди прочихъ почти строгимъ выраженіемъ своего личика. И было на ней въ первый разъ совсѣмъ длинное платье, отчего она казалась многимъ старше обыкновеннаго.

— Что-жъ, Женя, похристосуемся тоже,—весело сказалъ ей Грушневъ. Она протянула ему руку, и шутя онъ поднесъ эту руку къ своимъ губамъ. Но въ робкомъ взглядѣ ея глазъ, на мигъ приподнявшихся къ нему и тотчасъ затѣмъ опустившихся, опять не было ничего похожаго на шутку. Должно быть, Женя была изъ числа немногихъ, искренно и тепло молившихся здѣсь въ эту пасхальнуъ ночь.

XI.

Вѣнчали ихъ на Красной горкѣ, все въ той же церкви княгини Бѣломорской. Вся розовая, въ своихъ дорогихъ кружевахъ, съ вѣтками живыхъ померанцевыхъ цвѣтовъ въ волосахъ и на платьѣ, Кити была какъ разъ въ мѣру смущена, и что-то удивительно законченное было въ стыдливомъ наклонѣ ея головки, во всей мягкой стройности ея красиваго стана. Многіе изъ бывшихъ тутъ мужчинъ завидовали жениху, но ни одному изъ нихъ и въ голову не приходило двусмысленно острить. Даже дамы, охотницы наблюдать за мелочами,

не старались высмотрѣть, кто первый, невѣста или женихъ, ступилъ на лежавшій передъ ними кусокъ розоваго атласа; слишкомъ много искренности было въ сдержанно глубокомъ волненіи Грушнева, слишкомъ много граціи въ безукоризненномъ изяществѣ Кити Усольцевой. На всѣхъ присутствующихъ, а ихъ было много, вѣнчаніе произвело впечатлѣніе какой-то возвышающей и въ то же время необыкновенно приличной торжественности. И если совершенство во внѣшнихъ пріемахъ можетъ ручаться за будущую судьбу, молодымъ охотно предрекли бы самое безоблачное счастье. Да и на самомъ дѣлѣ одна изъ бывшихъ тутъ дамъ такъ-таки и выразила эту мысль. А сама хозяйка дома, въ качествѣ посаженой матери невѣсты, самодовольно оглядывала присутствующихъ, какъ бы говоря при этомъ: „Видите, какъ въ моемъ домѣ свято хранятъ традиціи—берите съ меня примѣръ“...

Одному только Павлу Алексѣевичу эта сановитая торжественность была не по сердцу. Ему очень хотѣлось бы, чтобы свадьбу отпраздновали не такъ пышно, а въ тѣсномъ семейномъ кругу. Но съ его желаніями не сочли нужнымъ справляться. Графиня Дарья Михайловна самымъ неопровержимымъ образомъ доказала ему, что съ тѣхъ поръ, какъ она себя помнитъ, всѣ свадьбы въ ея семьѣ справлялись именно такъ, въ присутствіи чуть не цѣлаго города, и поступить иначе было бы совершенно немыслимо. Дѣлать было нечего. И Грушневу пришлось волей-неволей преклониться предъ авторитетомъ бабушки, поддержаннымъ цѣлымъ негодующимъ хоромъ тетушекъ и кузинъ. Павелъ Алексѣевичъ смирился лишній разъ, говоря себѣ, что это уже послѣдняя уступка, и съ той самой минуты какъ его дорогая Кити станетъ его женой, оба они освободятся навсегда отъ этого гнета никому ненужныхъ уставовъ суетнаго законодательства свѣта. А когда онъ стоялъ передъ аналоемъ и маленькая церковь наполнялась звуками стройнаго пѣнія, онъ весь ушелъ въ свое тихое

счастье, и словно даже перестала для него совсѣмъ существовать вся эта обстановка тяжелой пышности, эта окружавшая его любопытная, хоть и равнодушная, толпа.

Не все, однако, прошло такъ гладко и торжественно въ послѣдніе дни передъ свадьбой. Какъ разъ за эти дни въ домѣ графини случилось нѣсколько маленькихъ событій, нарушившихъ было стройное теченіе жизни этого дома. Снерва у Дарьи Михайловны вышло совсѣмъ неожиданно столкновеніе съ m-lle Готье. Оказалось вдругъ, что француженка, передъ которой въ домѣ не стѣснялись, насплетничала хоть и не лично на графиню,—она была выше всякихъ сплетень,—но зато на ея близкихъ. Вава Масальская передала ей, что m-lle Готье позволяла себѣ разсказывать въ другихъ домахъ комическія подробности о супружескихъ несогласіяхъ Вѣры Александровны съ ея мужемъ и о поведеніи графа Вадима, котораго не разъ видѣли пріѣзжавшимъ домой въ состояніи, близкомъ къ невмѣняемости. Графиня прочла m-lle Готье нотацію, очень сухую и сдержанную, но и очень обидную. Француженка, вмѣсто ожидаемой покорности, вспылила и высказала Дарьѣ Михайловнѣ много горькихъ истинъ на счетъ ея домашнихъ и даже на счетъ ея самой.

— Вы воображаете,—между прочимъ, сказала она,—что въ домѣ у насъ никто не шевельнется безъ вашего позволенія, а между тѣмъ вы даже не видите, что у васъ подъ самымъ носомъ творится: вы и не подозрѣваете что m-lle Женя, которую вы за ребенка считаете, влюблена въ жениха своей сестры...

Графиня далѣе не захотѣла слушать, и француженка тотчасъ же получила увольненіе. Сдѣлать это было легко, но обойтись безъ привычныхъ услугъ m-lle Готье, которая такъ прекрасно читала вслухъ и писала подъ диктовку и помогала, вдобавокъ, Дарьѣ Михайловнѣ принимать гостей, было куда какъ трудно. Какъ разъ потому что графиня не хотѣла признаться, что ей

не достаетъ чего-то, она вымещала это на всѣхъ членахъ семьи. Нарушеніе обычнаго хода благоустроеннаго механизма ея дома, да и навѣтъ, взведенный на Женю, нельзя было оставить безъ вниманія. Но какъ было узнать правду и въ то же время не дать этой сплетнѣ коснуться слуха Кити?... Женя подверглась осторожному, умѣлому допросу, но допросъ этотъ не привелъ ни къ чему по той простой причинѣ, что дѣвушка сама не догадывалась, каково было ея чувство къ Павлу Алексѣевичу. А графиня, конечно, остереглась открыть ей на этотъ счетъ глаза. Брать себѣ въ повѣренные дочь она не хотѣла: это былъ бы вѣрный способъ преждевременно разгласить то, чего, вѣроятно, на самомъ дѣлѣ и не было совсѣмъ. Пришлось обратиться къ содѣйствію Николая Ивановича, а это было тѣмъ непріятнѣе, что какъ разъ въ этотъ самый день у него произошла рѣзкая сцена съ женой изъ-за денегъ, и въ пылу спора онъ даже обозвалъ Вѣру Александровну дурой.

Усольцевъ часто измѣнялъ женѣ и самымъ непозволительнымъ образомъ растратилъ ея состояніе, но до сихъ поръ держалъ онъ себя съ ней безукоризненно, выказывая ей самое изысканное вниманіе. Не мудрено, что Вѣра Александровна отъ неожиданной обиды ударилась въ слезы и пошла жаловаться матери. Графиня, хоть и была невысокаго мнѣнія объ умѣ дочери, должна была за нее заступиться.

Но дѣлать было нечего, приходилось обратиться къ содѣйствію Николая Ивановича. Онъ выслушалъ, морщась, встревоженный разсказъ тещи. При всемъ своемъ равнодушіи къ семьѣ, онъ успѣлъ замѣтить кое-что странное въ поведеніи младшей дочери за послѣдніе дни. Она вдругъ стала необычайно молчалива. То ее въ краску бросало безъ причины, то непривычная блѣдность сгоняла румянецъ съ ея щечекъ. Павла Алексѣевича она положительно избѣгала. Николай Ивановичъ нѣсколько разъ принимался бережно ее разспрашивать, и ея уклончивые отвѣты были для него почти равно-

сильны признанію. Но тещу онъ всячески постарался успокоить, говоря ей, что незачѣмъ обращать вниманіе на пустые навѣты француженки. И хотя онъ при этомъ усиленно кусалъ лѣвый усъ, Дарья Михайловна не догадалась, что онъ скрываетъ отъ нея свои подозрѣнія. Зато Усольцевъ сталъ еще пристальнѣе наблюдать за Женей. Разъ, это было за три дня до свадьбы, она безо всякаго повода бросилась къ сестрѣ и принялась обнимать ее и горячо цѣловать; слезы при этомъ такъ и хлынули изъ ея глазъ. Женя не замѣтила отца, видѣвшаго всю эту сцену изъ сосѣдней комнаты. Когда онъ потомъ вошелъ, она мигомъ отерла слезы и принудила себя засмѣяться. Николай Ивановичъ не обманулся, однако, на счетъ этого смѣха.

„Что за коммиссія съ этими дѣвчонками"! подумалъ онъ. „И что она нашла въ этомъ Грушневѣ?.. Ну, да это пройдетъ само собой. Въ шестнадцать лѣтъ эти вспышки не опасны. Надо только оставить ее въ покоѣ и не показывать, что замѣтили..."

На другой день, однако, Женя расхворалась. Вся блѣдная, какъ-то съежившись, ходила она по комнатамъ, отвѣчая на безпокойные разспросы близкихъ, что это ничего, голова только у нея разболѣлась. Когда у Кити вечеромъ собрались подруги на дѣвичникъ, Женя туда не пошла и заперлась въ своей комнаткѣ, увѣряя, что хочетъ пораньше лечь. Но до поздней ночи, не раздѣваясь, она сидѣла за письменнымъ столомъ, обѣими руками стиснувъ, горѣвшій лобъ. И цѣлыя три страницы своего дневника исписала она мелкими, лихорадочными, безумными строками...

Въ этотъ самый вечеръ еще одна непріятность случилась въ домѣ графини. Вадимъ Александровичъ, захотѣвшій вернуться изъ клуба пѣшкомъ, поскользнулся на тротуарѣ и жестоко расшибъ себѣ голову. Полубезчувственнаго, его привезли домой на извозчикѣ: узнали, кто онъ такой, по визитнымъ карточкамъ, найденнымъ у него въ карманѣ. Утромъ, правда, онъ всталъ

какъ встрепанный, съ большимъ только шрамомъ на лбу, но его самолюбивая мать была внѣ себя отъ досады, хорошо сознавая, что не избѣгнуть огласки, какъ ни строго приказывать лакеямъ держать языкъ за зубами.

На вѣнчаніе, разумѣется, графъ не поѣхалъ показывать свое распухшее лицо. Женѣ тоже очень хотѣлось не ѣхать, но въ послѣднюю минуту она пересилила себя, и никто, кромѣ развѣ ея отца, не догадался, что далеко не радость наполняла собой встревоженное сердечко его любимицы. Не догадалась объ этомъ даже Кити несмотря на ихъ близость, слишкомъ ужъ она была занята собственнымъ счастьемъ. Женя стойко продѣлала все, чего бы ни требовалъ отъ нея этотъ день. Только когда ей пришлось чокнуться съ Грушневымъ, рука у нея дрогнула, и недопитый бокалъ грохнулся на полъ.

— Счастливая примѣта, — послышалось вокругъ, и сконфуженная Женя засмѣялась вмѣстѣ съ прочими.

Въ пять часовъ былъ у графини парадный обѣдъ въ честь молодыхъ. И всѣ бывшіе тутъ заодно твердили, что Кити еще лучше теперь, чѣмъ была она въ церкви, въ бѣломъ вѣнчальномъ платѣ. И въ самомъ дѣлѣ, она сіяла тихимъ безоблачнымъ сіяніемъ полнаго счастья. Такое же счастье было на лицѣ и у Павла Алексѣевича, хоть и примѣшивалось къ нему, быть можетъ, нѣкоторое чувство нетерпѣнія. Но вотъ пробило семь. Кити, успѣвшая переодѣться въ дорожное платье и казавшаяся еще милѣе въ этомъ простомъ нарядѣ, быстро выбѣжала изъ своей комнаты, съ которой она разсталась безъ всякаго сожалѣнія. Въ послѣдній разъ графиня и Вѣра Александровна благословили ее. Подали карету, и Кити усѣлась въ нее рядомъ съ мужемъ съ такимъ ощущеніемъ на сердцѣ, какъ будто она отправлялась съ нимъ на веселую прогулку, а не вступала въ новую, полную неизвѣстности, жизнь.

На царскосельскомъ вокзалѣ ихъ опять закружила и понесла съ собой праздничная толпа. Мужская моло-

дежь осыпала Кити цвѣтами и конфектами, бывшія подруги—горячими, хоть и завистливыми, поцѣлуями. Наконецъ, поѣздъ тронулся, и они были одни.

— Ну, вотъ мы и на свободѣ, дружокъ мой,—весело заговорилъ Павелъ Алексѣевичъ и, взявъ ее за обѣ руки, тихо, бережно притянулъ къ себѣ. — Ты рада, Кити?

— Рада, конечно, — вполголоса проговорила она, наклоняясь къ мужу и кладя къ нему голову на грудь.

Они усѣлись было сперва другъ противъ друга въ тѣсномъ купэ. Но теперь Кити, какъ-бы повинуясь притягательной силѣ, пересѣла къ мужу.

— И ты думаешь, мы будемъ счастливы? — сперва цѣлуя ея руки, одну за другой, а потомъ притянувъ къ своимъ губамъ ея наклоненную головку, продолжалъ Грушневъ. Онъ говорилъ это почти шутя. Но въ этой шутливости было что-то мягкое, глубоко сердечное. — Ну, давай толковать о нашемъ житьѣ-бытьѣ вдвоемъ. До сихъ поръ мы съ тобой какъ будто парадный спектакль давали то роднѣ, то свѣту; а теперь наше счастье ужъ совсѣмъ принадлежитъ намъ самимъ, и мы сами должны о немъ позаботиться. Мѣшать намъ ужъ никто не будетъ, да и помогать тоже.

— А развѣ до сихъ поръ помогали?—улыбаясь, спросила она.

— Учили, по крайней мѣрѣ, и все хотѣли, чтобы мы по церемоніалу какому-то были счастливы, а церемоніала тутъ никакого не нужно. Видишь, мой дружокъ, какъ я представляю себѣ нашу жизнь, какъ я хотѣлъ бы, чтобъ она устроилась. Надо, чтобы все, рѣшительно все, у насъ было общимъ: и мысли, и вкусы, и знакомства, и удовольствія, чтобы мы всегда чувствовали себя много-много ближе другъ къ другу, чѣмъ ко всему остальному міру, чтобы каждый изъ насъ для себя ничего не берегъ отъ другого... хочешь, Кити, чтобъ было такъ?

Теперь, какъ разъ потому, что она безраздѣльно принадлежала ему, Грушневу вдругъ показалось, что эта торжественная минута, дававшая ему такія права надъ ней, въ сущности не значитъ ничего, что никакихъ правъ онъ даже по настоящему не имѣетъ, пока она не будетъ принадлежать ему всѣмъ своимъ духовнымъ существомъ. Обладаніе ею самой не значило ничего безъ взаимнаго проникновенія ихъ душъ. И Грушневъ съ удивленіемъ вдругъ понялъ, что до сихъ поръ этого не было между ними, и внутренній міръ его жены все-таки оставался для него чужимъ, хоть и казалось ему часто, что узналъ всѣ его тайники.

Кити не задавала себѣ такихъ вопросовъ. Она знала, что сегодняшній день составляетъ крутой поворотъ въ ея жизни, совершенно измѣняя ея прежнія обязанности, и подчинялась этому, какъ непреложному закону, безъ трепета и сомнѣній. Въ ея глазахъ Павелъ Алексѣевичъ теперь былъ совсѣмъ уже не тѣмъ, чѣмъ за нѣсколько часовъ.

Въ чемъ именно заключались его права надъ нею, она хорошенько не знала, и часто разспрашивала объ этомъ замужнихъ пріятельницъ. Ясныхъ отвѣтовъ она не получала. Одна, только, изъ этихъ пріятельницъ, двусмысленно улыбаясь, сказала ей разъ: „Не бойся... Ничего особеннаго не будетъ. Ты только почувствуешь, что у тебя закружилась голова и ты будто падаешь куда съ высокой башни“. И она все ждала, не случится ли съ ней чего-нибудь подобнаго.

Кити, прижимая къ груди мужа свое горѣвшее лицо, вдругъ увидѣла черезъ окно замерцавшіе фонари станціи.

— Какъ? это ужъ Царское?—воскликнула она, вскакивая на ноги.

Они и не замѣтили, какъ пролетѣло время.

XII.

Графиня позаботилась убрать какъ можно красивѣе и уютнѣе - гнѣздышко молодыхъ. На станцію за ними пріѣхала коляска. Дома, въ ярко освѣщенныхъ сѣняхъ, ихъ поджидала Китина горничная Настя и двое нанятыхъ Виссаріономъ Порфирьевичемъ рослыхъ лакеевъ. Его графиня заранѣе посылала въ Царское все привести въ порядокъ. Дача глядѣла весело, вся убранная цвѣтами, съ дорогою бронзой и фарфоровыми вещицами на столахъ и этажеркахъ. Кити, обрадованная какъ ребенокъ, побѣжала все показывать мужу. Необдуманно она отворила дверь въ спальню графини и остановилась на порогѣ, вся смущенная. Старинную бабушкину кровать замѣнила широкая, пышно убранная, вся покрытая шелковыми кружевами брачная постель. Комната слабо освѣщалась висѣвшимъ съ потолка розовымъ фонаремъ.

— Ея сіятельство вамъ свою комнату велѣли отвести, — объясняла между тѣмъ оставшаяся немного позади Настя.— Онѣ сами въ этой комнатѣ почивать изволили первое время послѣ ихней свадьбы.

Кити робко взглянула на мужа и покраснѣла.

— Признаюсь, мой другъ,—сказалъ Павелъ Алексѣевичъ,—я совсѣмъ не радъ, что Дарья Михайловна вздумала такъ все поставить на роскошную ногу. Мы не богаты, а такъ, чего добраго, избалуемся. Да и на что въ павлиньихъ перьяхъ щеголять?..,

— Ахъ, Павликъ... — съ невиннымъ кокетствомъ на улыбавшемся лицѣ отвѣтила Кити.—Ты сейчасъ журить принимаешься... А мнѣ, напротивъ, хотѣлось бы бабушку поблагодарить. Здѣсь, право, такъ мило...

Грушневъ ничего не возразилъ, и оба они вернулись въ гостиную, гдѣ уже былъ поданъ чай. И когда онъ увидѣлъ возлѣ себя молодую жену, съ милой неловкостью заваривавшую чай, ему показалось, что въ са-

момъ дѣлѣ какъ нельзя лучше идетъ къ ней эта обстановка и сама она—наиболѣе изящное украшеніе ихъ черезчуръ роскошнаго новоселья.

Въ половинѣ двѣнадцатаго Кити выбѣжала къ утреннему чаю, гдѣ уже болѣе часа ее дожидался мужъ. На ней была свѣтлая matinè, вся убранная кружевами и голубыми лентами, крошечный чепчикъ съ лентами того же цвѣта и голубыя туфельки съ плоскими каблуками. Она облекалась во все это съ какимъ-то особеннымъ чувствомъ самодовольства, будто это былъ мундиръ, присвоенный ея положенію новобрачной. Всего болѣе гордилась она чепчикомъ, приколотымъ къ небрежно свернутымъ волосамъ.

— Извини, что я такъ долго, — сказала она мужу, подставляя ему лобъ для поцѣлуя. Онъ нѣжно обнялъ ее, не выразивъ, однако, того восхищенія ея туалетомъ, котораго она ожидала. Самъ Павелъ Алексѣевичъ былъ одѣтъ съ иголочки, какъ всегда: онъ не признавалъ шлафрока и туфель и не находилъ вовсе, чтобы небрежность въ одеждѣ была обязательна для домашняго очага.

Кити заварила чай съ видомъ опытной хозяйки и заварила, кстати сказать, очень плохо: въ родномъ домѣ это было не по ея части. Отпивая маленькими глотками, она принялась шалить и говорить разный вздоръ, намѣренно придавая себѣ развязность, тоже входившую теперь въ ея новую роль замужней женщины. Это было очень забавно и мило, но нѣсколько неестественно, точно развязность ея была по заказу.

— Мы съ тобой гулять пойдемъ, Павликъ, не правда-ли?.. такъ, черезъ какой-нибудь часъ... Погода, кстати, славная.

— Только совѣтую тебѣ приняться за переодѣванье скорѣе,—засмѣялся Грушневъ,—а то...

— Какъ? уже упреки! И тебѣ не стыдно, Павликъ? —И говоря это, она наклонилась къ нему такъ, что не

поцѣловать ея было нельзя. Потомъ она принялась читать лежавшія на столѣ записки. Это были поздравленія отъ пріятельницъ, только что пришедшія съ утренней почтой. — Вотъ уморительно! — воскликнула Кити, добравшись до четвертой и послѣдней записочки.—Отъ Вава Масальской тоже! Какъ ей не совѣстно?..

Лукавый взглядъ на мужа подчеркивалъ эти слова. Павелъ Алексѣевичъ былъ такъ изумленъ, что не нашелъ подходящаго отвѣта.

— Ты думалъ, я не знаю про это?—все съ тою же лукавою улыбкой положила она ему руку на плечи. — И представь себѣ, я совсѣмъ даже не ревную... Это, вѣдь, конечно, давно кончено и похоронено...

Очень сложныя и смѣшанныя чувства вызвало у Грушнева неожиданное признаніе жены, напомнивъ ему слова графини Надежды Сергѣевны. Въ хрустально-чистый дѣвическій міръ Кити проникали, стало быть, эти нехорошія сплетни и не тревожили даже ея воображенія: иначе она не относилась бы къ этому такъ легко. И Кити, повидимому, вовсе этимъ не возмущалась; зато не было въ ней и той скрытности, которую графиня Длинорукова считала почти обязательной для всѣхъ дѣвушекъ.

— Коли ты все знаешь, Кити,—серьезно, почти стыдясь, отвѣтилъ Павелъ Алексѣевичъ,—скажи мнѣ, отъ кого ты это слышала и какъ собственно ты себѣ это представляла.

— Да никакъ, могу тебя увѣрить,—слегка краснѣя, перебила она его.—Я просто знала, что такія вещи бываютъ, и даже очень часто... Да, и про тебя я это слышала... отъ кого—не помню... ото всѣхъ, то-есть, отъ многихъ...

— Да скажи, пожалуйста, тебя это возмутило? ты удивилась, по крайней мѣрѣ?

— Нисколько!.. Чему тутъ удивляться? Молоденькая, взбалмошная женщина, которая, вдобавокъ, очень дурно живетъ съ мужемъ...

— И узнала ты это, — продолжалъ разспрашивать Грушневъ,—когда я былъ уже твоимъ женихомъ?

— Нѣтъ, гораздо раньше... Я должна тебѣ даже признаться, что какъ разъ послѣ этого я стала обращать на тебя больше вниманія.

Минуты двѣ прошли въ молчаніи. Павелъ Алексѣевичъ ощущалъ какую-то неловкость и, чтобы покончить съ этой неловкостью, всталъ и закурилъ, предварительно спросивъ у жены позволенія.

— Хочешь, мы пойдемъ теперь гулять? — спросилъ онъ.

Но Кити сдѣлала усталую мину: ее, въ сущности, не тянуло на воздухъ; въ особенности не хотѣлось ей разставаться со своимъ просторнымъ утреннимъ платьемъ и затягиваться въ корсетъ.

— Погода, кажется, портится, — сказала она, глядя въ окно.

— Ну, такъ я пойду одинъ... такъ на полчасика...— отвѣтилъ онъ съ чуть замѣтнымъ оттѣнкомъ грусти.— Для меня прогулка совершенная необходимость. Ты противъ этого ничего не имѣешь?

— Пойди, пойди. Только возвращайся поскорѣй. А я пока обѣдъ закажу.

— Я уже заказалъ, пока ты одѣвалась...

— Какъ? Съ перваго же дня берешь изъ моихъ рукъ мою власть?—смѣясь, воскликнула Кити.

— Дружокъ мой, власть всегда отбирается у того, кто ею не пользуется. А ты пользуйся ею, сколько угодно. Сомнѣваюсь только, чтобъ это показалось тебѣ забавнымъ...

Сказавъ это, онъ вышелъ на улицу и направился къ парку. Блѣдная сѣверная весна, обнаженная, какъ мраморная красавица, вся сіяла въ лучахъ еще холоднаго солнца. Кое-гдѣ робко пробивалась травка и чуть-чуть зеленѣли молодые побѣги. Посинѣвшій ледъ еще держался на прудахъ. Неизвѣстно чему радовались только что прилетѣвшія пташки, шумно голосившія на

деревьяхъ. Грушневу, однако, этотъ холодный прозрачный день показался чудеснымъ. Онъ любилъ раннюю весну, да и у него тоже весна была на сердцѣ. Онъ шелъ бодрою и веселою походкой, съ жадностью вдыхая свѣжій воздухъ. Но едва прошло полчаса, его неудержимо потянуло назадъ, домой, гдѣ ждало его иное, болѣе жаркое, болѣе горячее солнце.

Жену онъ засталъ прилегшей на кушеткѣ и рѣшительно не знавшей, что съ собою дѣлать. Она очень ему обрадовалась, но сочла за лучшее этого не выказывать.

— Какъ ты скоро вернулся, — сказала она съ притворнымъ удивленіемъ, опуская ноги на коверъ. И вспомнивъ, должно быть, что она часто хвалилась передъ нимъ своей страстью къ музыкѣ, она предложила ему сыграть что-нибудь въ четыре руки. На этажеркѣ, возлѣ рояля, былъ цѣлый ворохъ нотныхъ тетрадей: вальсы и Оффенбаховскія оперетки лежали тутъ вперемежку съ классическою музыкой. Кити предпочла бы взять что-нибудь легкое, зная, что это ей больше подъ силу, но выбрала увертюру къ „Эгмонту“. Она очень добросовѣстно старалась, и увертюра пошла довольно складно: Грушневъ, державшій аккомпаниментъ, удачно поспѣвалъ за женой, скрадывая ея грѣшки. Покончивъ съ „Эгмонтомъ“, они взялись было за вторую Бетховенскую симфонію, но доиграть ея не пришлось.

Въ передней раздался звонокъ, и тотчасъ вошла, впопыхахъ, маленькая, вертлявая, хоть и кругленькая, особа, бросившаяся обнимать Кити, въ то же время лукаво щурясь на ея мужа. Звали ее Марьей Дмитріевной Абаниной. Это была та самая пріятельница, которую такъ тщетно разспрашивала Кити про ея первое впечатлѣніе замужней жизни.

— Я пріѣхала сюда навѣстить сестру, — щебетала Марья Дмитріевна:—она, ты знаешь, нездорова, и кстати вздумала заѣхать къ тебѣ, пожелать тебѣ какъ можно больше счастья... По твоему лицу вижу, что на этотъ

счетъ ничего и желать не остается. Она опять лукаво взглянула на Грушнева. Маленькая особа врала безбожно, увѣряя, что пріѣхала въ Царское для сестры. Она пріѣхала исключительно для Кити, чтобы застать ее какъ разъ въ самыя первыя минуты того, что принято называть счастьемъ, и продолжать съ нею недоконченный когда-то разговоръ. Со своимъ, правда, крошечнымъ, но проворнымъ и наблюдательнымъ умкомъ, она сразу поняла двѣ вещи: во-первыхъ, что подруга ея, пока, на седьмомъ небѣ, хотя и не на долго, быть можетъ, а во-вторыхъ, что ея присутствіе очень непріятно Павлу Алексѣевичу. И за это самое она его съ мѣста возненавидѣла, разумѣется, крошечной, чисто дамской ненавистью, порой, однако, способной принести изрядный вредъ. Марья Дмитріевна при первомъ удобномъ случаѣ поспѣшила увести Кити въ спальню; запирая за собою дверь, она говорила Павлу Алексѣевичу: не идите за нами, пожалуйста, у насъ свои секреты. Начались, разумѣется, самые интимные разспросы и звонкій смѣхъ маленькой особы часто доносился до ушей Грушнева. Она не преминула, кстати, царапнуть мужа пріятельницы своею кошачьею лапочкой.

— Онъ, кажется, очень, очень серьезный, твой ненаглядный Павликъ, — говорила она Кити, цѣлуя ее и вызывая все на большую откровенность. — Меня такой мужъ пугалъ бы... Я увѣрена, при немъ ты не смѣешь говорить, что вздумается, и семь разъ переворачиваешь языкъ прежде чѣмъ сказать что-нибудь... А, вѣдь, это скучно, Кити, признайся...

Едва Марья Дмитріевна уѣхала, явилась Вѣра Александровна съ братомъ, объявляя, что ея мужъ и графиня будутъ со слѣдующимъ поѣздомъ. Вся семья должна была въ этотъ день обѣдать у молодыхъ. Женю Вѣра Александровна не привезла, потому что ей съ утра что-то нездоровилось. Кити очень пожалѣла, что не увидитъ младшей сестры, но общій веселый тонъ разговора скоро заставилъ ее позабыть объ этомъ. Ея

мать, а въ особенности Вадимъ Александровичъ, теперь совсѣмъ оправившійся отъ своего маленькаго несчастія, съ такимъ же нетерпѣніемъ, какъ Марья Дмитріевна, спѣшили разузнать во всѣхъ подробностяхъ, какъ проведены были Кити и ея мужемъ эти нѣсколько часовъ. Дядюшка не поскупился при этомъ на скромныя шуточки: онъ былъ, казалось, увѣренъ, что дорогой букетъ изъ орхидей, привезенный имъ для племянницы, давалъ ему полное право быть неприличнымъ. Грушнева коробило отъ этого любопытства, дѣлавшаго ихъ только что зажженный домашній очагъ предметомъ веселой болтовни и пошлаго шутовства. При первой возможности онъ вышелъ изъ комнаты, предоставляя роднымъ Кити допрашивать ее сколько угодно.

И они допрашивали ее долго и усердно. Вѣра Александровна то и дѣло принималась цѣловать дочь и утѣшать ее, точно Кити въ самомъ дѣлѣ нуждалась въ утѣшеніяхъ. Часы на каминѣ пробили шесть.

— Ахъ, мой дружокъ, — перебила она себя почти испуганно,—мама сейчасъ пріѣдетъ, а ты еще не одѣта! Пойди, поторопись, а то мама будетъ очень недовольна...

Кити побѣжала переодѣваться.

— Я думаю, она будетъ счастлива,—глубокомысленно произнесла Вѣра Александровна, оставшись вдвоемъ съ братомъ.

— Ну, это, мать моя, пока вилами писано,—отвѣтилъ Вадимъ.—Когда ты вышла за своего благовѣрнаго, ты въ первый день, я думаю, тоже воображала, что необыкновенно счастлива...

— Что за глупыя сравненія! Развѣ Николай Ивановичъ похожъ на Павлика?

— Конечно, не похожъ, — разсмѣялся графъ. — Въ томъ-то и бѣда: вамъ, женщинамъ, такіе негодяи, какъ твой мужъ, гораздо больше нравятся...

Когда пріѣхала графиня, Кити, разумѣется, еще не была готова. На лицѣ бабушки выразилось неудоволь-

ствіе, поплатиться за которое пришлось Грушневу. Графиня сознавала, что сдѣлала очень много для внучки и требовала вслѣдствіе того удвоеннаго вниманія къ себѣ. Но когда Кити показалась въ дверяхъ, такая свѣжая и красивая въ своемъ новомъ блѣдно-розовомъ платьѣ, гнѣвъ бабушки уже прошелъ, и она встрѣтила внучку какъ нельзя лучше, полная снисходительной нѣжности. Этотъ тонъ милостиваго снисхожденія она поддерживала все время, стараясь даже подчеркнуть перемѣну въ своемъ обращеніи съ Кити, вызванную ея новымъ положеніемъ. А Кити была въ восторгѣ отъ своей роли хозяйки и отъ того, въ особенности, что всѣ говорили съ нею теперь, какъ съ равной, какъ съ большой. Ей нравились даже грубоватыя двусмысленности, какими сыпалъ за обѣдомъ Вадимъ Александровичъ. Графинѣ приходилось не разъ останавливать сына; но дѣлала она это лишь слегка, добродушно журя его. Не совсѣмъ это было пріятно Грушневу, но онъ старался не выдавать своихъ впечатлѣній, чтобы не мѣшать общему семейному радунію. Было, впрочемъ, и нѣчто иное, отзывавшееся въ немъ почти болѣзненно: онъ смутно чувствовалъ какую-то глухую враждебность къ нему всей жениной семьи, какъ бы сплотившейся вокругъ нея и выдѣлявшей его почти, какъ чужого. Выказывалось это едва замѣтно. Всѣ присутствовавшіе были къ нему очень милы и внимательны. Но его чуткое ухо подмѣчало иной разъ, что его пока считали все-таки не своимъ и каждую минуту были готовы защитить противъ него молодую жену. И что-то возмущалось въ немъ при этой мысли. Развѣ онъ самъ не любитъ ее во сто разъ больше, чѣмъ всѣ ея родные? И развѣ грозитъ съ его стороны что-нибудь ея счастью, ея свободѣ?

Одинъ Николай Ивановичъ не выказывалъ этой готовности стать на сторону дочери противъ зятя. Шутки графа Вадима заставляли его скорѣе краснѣть, чѣмъ смѣяться. Но и Усольцевъ не годился въ союзники для

Грушнева: зато онъ его слишкомъ не долюбливалъ, и Грушневъ замѣтилъ это давно.

Неудивительно, что у Павла Алексѣевича чувство облегченія сказалось, когда въ одиннадцатомъ часу родственники жены уѣхали. Радость блеснула у него въ глазахъ, когда онъ увидѣлъ, что то же чувство отразилось и на лицѣ жены.

— Вотъ мы опять одни,—улыбаясь, сказала она, когда онъ вернулся въ гостиную, проводивъ родныхъ.— И, вѣдь, хорошо, что мы одни, не правда-ли, Павликъ?

Онъ обнялъ ее нѣжно и пламенно. Такъ закончился первый день ихъ медоваго мѣсяца.

XIII.

Прошло недѣли двѣ. Стояли безоблачные дни, такіе же безоблачные въ природѣ, какъ и въ жизни молодыхъ Грушневыхъ. Имъ обоимъ казалось, что теперь, именно теперь, пастало ихъ полное сближеніе, полное сліяніе мыслей и чувствъ, а между тѣмъ каждый новый день сближалъ ихъ еще болѣе, и они примѣчали это съ какимъ-то наивнымъ удивленіемъ. Разница съ прежнимъ была, собственно, въ томъ, что за эти двѣ недѣли внѣшній міръ пересталъ вторгаться въ ихъ уголокъ, и они почти забыли про его существованіе. Навѣщала ихъ, правда, Вѣра Александровна, но рѣдко у нихъ долго засиживалась. А Грушневъ и Кити выговорили себѣ позволеніе на первыхъ порахъ совсѣмъ не ѣздить въ Петербургъ къ роднымъ. Бывали тоже нѣкоторые изъ Китиныхъ подругъ—скорѣе, конечно, изъ любопытства, чѣмъ изъ настоящей дружбы,—но замѣтивъ, что у молодыхъ все идетъ гладко и ровно, уѣзжали съ чувствомъ зависти на сердцѣ и потомъ уже не возвращались. Каждое утро послѣ чая Павелъ Алексѣевичъ предлагалъ Кити вдвоемъ прогуляться по безлюдному, едва зазеленѣвшему парку. И хотя Кити не

совсѣмъ охотно разставалась съ просторнымъ утреннимъ платьемъ и туфлями, она послушно убѣгала переодѣться и на усталость не жаловалась. Потомъ они садились за рояль, или Грушневъ предлагалъ женѣ прочесть ей что-нибудь вслухъ. Длинные, одинокіе часы, для него по крайней мѣрѣ, пробѣгали незамѣтно. Большое наслажденіе доставляло ему дѣлиться съ молодою женой своимъ болѣе обширнымъ кругозоромъ, терпѣливо прививать ей свои музыкальные и литературные вкусы и ему казалось, что для нея тоже не меньшее наслажденіе проникать вмѣстѣ съ нимъ въ художественный міръ, который онъ такъ любовно передъ ней раскрывалъ. Его ничуть не смущало, что образованіе Кити оказывалось довольно поверхностнымъ, что ея робкія, неохотно высказываемыя сужденія порой обнаруживали не особенно тонкій вкусъ, и музыкальныя пьесы сходили у нихъ часто съ грѣхомъ пополамъ. Довоспитать жену, поднять уровень ея пониманія — что могло быть лучше и привлекательнѣе этого? А когда они утомятся, бывало, музыкой или чтеніемъ, они принимались важно разсуждать о будущемъ, строить планы на лѣто, которое они вдвоемъ проведутъ въ Гунцевѣ. Павелъ Алексѣевичъ, никогда прежде не занимавшійся хозяйствомъ, добросовѣстно хотѣлъ воспользоваться свободнымъ временемъ, чтобы поучиться, и навезъ въ Царское цѣлую кучу агрономическихъ книгъ. Онъ выписалъ, кстати гунцевскаго управляющаго, чтобы все хорошенько узнать про имѣніе жены, и пространно толковалъ съ нимъ въ присутствіи Кити, воображая, что судьба Гунцева очень занимаетъ ее.

Кити дѣлала видъ, что выслушиваетъ управляющаго съ большимъ вниманіемъ, а на самомъ дѣлѣ у нея голова начинала болѣть отъ этихъ несносныхъ разсужденій объ урожаѣ и сѣвооборотѣ. За эти двѣ недѣли она вообще много работала надъ собой, заставляя себя съ кажущимся интересомъ слушать то, что читалъ ея мужъ и что разъяснялъ онъ ей потомъ съ

такимъ усерднымъ терпѣніемъ. Вѣдь говорилъ ей все это ея милый, дорогой Павликъ и, стало быть, его слова не могли не занимать ее. Не ея была вина, коли ей не всегда удавалось вполнѣ убѣдить себя, что она любитъ серьезную музыку и цѣнитъ геніальныя произведенія поэзіи. Часто она останавливала мужа, чтобы поребячиться и посмѣяться совсѣмъ по-дѣтски, и прерывала чтеніе, спрыгивая съ мѣста и садясь къ нему на колѣни. Начавшійся у нихъ серьезный разговоръ она въ такихъ случаяхъ всегда свернетъ, бывало, на какую-нибудь мелочь, касавшуюся ея близкихъ или ея самой. Но и эти мелочи Павелъ Алексѣевичъ выслушивалъ охотно, даже сплетни, — въ нихъ тоже недостатка не было—становились почти милыми, слетая съ розовыхъ Китиныхъ губокъ.

И Павелъ Алексѣевичъ чистосердечно вѣрилъ, что начатое перевоспитаніе жены идетъ быстрыми шагами. Когда во время чтенія у нея вырывался предательскій зѣвокъ, Кити умѣла во-время подавить его, и глаза ея, иной разъ почти слипавшіеся, такъ хорошо все-таки выражали оживленное вниманіе, что Павелъ Алексѣевичъ не догадывался, какъ надоѣдаютъ порой женѣ поэмы Байрона и драмы Шекспира. Но и женское притворство подъ-конецъ утомляется. Раза два Грушневу довелось-таки примѣтить у Кити явные признаки разсѣянности и скуки.

— Ты устала Шекспира слушать?—говорилъ онъ.— Что-жъ? Скрывать этого незачѣмъ: грѣхъ это не великій. Мы что-нибудь легкое возьмемъ, хочешь? И онъ раскрывалъ какой-нибудь изъ новѣйшихъ французскихъ романовъ, въ свою очередь, искусственно вызывая въ себѣ интересъ къ чтенію. Но и это не всегда помогало. Мысли Кити, по прежнему, вращаясь въ привычномъ кругу мелкихъ наблюденій, отрывались отъ дѣйствія романа, чтобы окольнымъ путемъ вернуться къ любимому предмету—къ пересудамъ о ближнихъ.

— Какъ долго у насъ никто не былъ,—ни съ того,

ни съ сего замѣтила вдругъ Кити, перебивая мужа какъ разъ посреди знаменитой сцены Гамлета съ его матерью.

— Да, кажется, дня три...—отвѣтилъ Грушневъ, неохотно отрываясь отъ чтенія.

— Продолжай, продолжай... я только такъ...—быстро поправилась Кити.

Въ этотъ самый день какъ разъ пріѣхали Норовчатовы, еще не бывавшія у кузины въ Царскомъ, и Кити имъ очень обрадовалась. Павла Алексѣевича не было дома, когда онѣ вошли: онъ отправился въ паркъ на полчаса. Кити на этотъ разъ отказалась отъ прогулки, увѣряя, что ей нездоровится. Она и не замѣтила какъ онъ вернулся—такъ увлекъ ее разговоръ съ кузинами. Павелъ Алексѣевичъ, услыхавъ издали громкіе веселые голоса, немного удивился внезапному оживленію Кити, едва часъ тому назадъ казавшейся такою усталой.

— Ты не повѣришь, Зоя,—донеслось до ушей Павла Алексѣевича, — какая скука вѣчно слушать Шекспира и Гете, да все подобное старье, и, вдобавокъ еще, Бетховена разбирать въ четыре руки!..

— Воображаю,—смѣясь, отвѣтила Зоя.

Павелъ Алексѣевичъ невольно остановился. Его что-то словно дернуло за сердце. Но подслушивать онъ не хотѣлъ и быстрыми шагами тотчасъ направился въ маленькую гостиную, гдѣ Кити бесѣдовала съ кузинами. Она была застигнута врасплохъ, но успѣла оправиться и встрѣтила мужа съ обычнымъ сіяніемъ въ глазахъ. Это явное двуличіе его оскорбило еще болѣе разслышанныхъ имъ словъ. Но онъ ничего не замѣтилъ женѣ ни теперь, ни послѣ, когда уѣхали Норовчатовы. Его обращеніе съ ней оставалось совершенно прежнимъ. Но подавленная обида, какъ ядъ, вогнанный въ тѣло, понемногу стала разъѣдать его душевный миръ. И что-то похожее на скрытую рану защемило у него въ груди.

Невольно Грушневъ сталъ зорко слѣдить за женой

и то, чего онъ прежде не замѣчалъ, съ каждымъ днемъ все чаще поражало его проснувшуюся наблюдательность рядомъ мелкихъ, по зато неопровержимыхъ уликъ. То неискренность ему слышалась въ голосѣ Кити, когда она просила его почитать ей что-нибудь изъ любимыхъ его авторовъ, то признаки скуки видѣлъ онъ въ ея улыбавшихся глазахъ. И наивность юныхъ ея сужденій перестала казаться ему такою милой. Разъ онъ даже попробовалъ совсѣмъ ей не напоминать про ихъ занятія вмѣстѣ, и Кити весь этотъ день пролежала на кушеткѣ, разсѣянно перелистывая французскій романъ, и не скрыла своего удовольствія, когда пріѣхала къ ней какая-то дама изъ числа обитательницъ Царскаго. Все чаще Грушневу приходилось одному прогуливаться по огромному царскосельскому парку. Просыпавшаяся весна не имѣла прелестей для Кити, и, предоставленная собственнымъ вкусамъ, она предпочитала до двѣнадцати, а то и до двухъ часовъ оставаться въ постели. Павлу Алексѣевичу въ высшей степени претили эти наклонности жены, но онъ все не рѣшался открыто имъ противорѣчить, ограничиваясь мягкими, шутливыми укорами.

Не мудрено, что и къ нему незамѣтно подползла скука. Со своими привычками къ правильнымъ занятіямъ, къ установленному порядку дня, онъ скоро почувствовалъ не то пустоту, не то какую-то странную тягость въ своей незанятой жизни. Въ министерствѣ ему дали продолжительный отпускъ и тамъ дѣла никакого не предстояло. Было, правда, одно легкое средство наполнить день—зазывать къ себѣ гостей изъ Петербурга и самому ѣздить туда съ женой. Но это было плохимъ утѣшеніемъ на третьей недѣлѣ медоваго мѣсяца.

Кити, однако, къ этому средству стала прибѣгать все чаще, и Павлу Алексѣевичу то и дѣло приходилось слышать отъ нея утромъ:

— Что, Павликъ, не пригласить-ли намъ кого-нибудь отобѣдать на завтра? Вотъ хотя бы Мэри Абанину или

Норовчатовыхъ, да еще Диму... такъ уморительно слушать, когда онъ ссорится съ Зоей...

— Пожалуй, пригласимъ, коли хочешь,—уступчиво отвѣчалъ Грушневъ.

— А то поѣдемъ въ Петербургъ: я мама̀ вѣдь давно не видала, и Женю тоже...

Женя еще ни разу не была у сестры въ Царскомъ: здоровье ея все не поправлялось, и слишкомъ три недѣли её не выпускали изъ комнаты. Николай Ивановичъ сталъ не на шутку безпокоиться за младшую дочь и все тревожнѣе всматривался въ ея блѣдное личико, когда на всѣ вопросы родныхъ она не переставала отвѣчать, что это сущіе пустяки и все пройдетъ само собой. Приглашенная къ Женѣ медицинская знаменитость долго выстукивала ей грудь съ тѣмъ особеннымъ сердитымъ видомъ, какой обыкновенно бываетъ у русскихъ знаменитостей, когда они хотятъ показать, что больной отнимаетъ у нихъ время заняться другими, гораздо болѣе важными больными. Результатъ выстукиванія былъ тотъ, что, пройдя въ сосѣднюю комнату съ Вѣрой Александровной, профессоръ нашелъ безусловно необходимыми для Жени заграничное путешествіе и Соденскія воды.

— Пока это, конечно, совершенные пустяки,—объявилъ онъ,—но въ ея лѣта и такими пустяками пренебрегать нельзя. А вы знаете, что такое весна въ Петербургѣ?..

Русскіе врачи, извѣстное дѣло, считаютъ петербургскій климатъ самымъ убійственнымъ въ мірѣ и каждаго больного, котораго сами вылѣчить не умѣютъ, неизмѣнно отсылаютъ за границу, что, въ сущности, равносильно смертному приговору для тѣхъ, у кого нѣтъ денегъ на путешествіе. Не было денегъ и у Вѣры Александровны, но мужъ ея категорически объявилъ, что въ такихъ случаяхъ деньги ничего не значатъ и ни передъ чѣмъ останавливаться нельзя. Несмотря на свои натянутыя отношенія къ графинѣ, передъ которой род-

ная дочь не смѣла и заикнуться о заграничной поѣздкѣ, Николай Ивановичъ въ тотъ же день имѣлъ рѣшительное объясненіе съ Дарьей Михайловной и доказалъ ей, какъ дважды два — четыре, что путешествіе совершенно необходимо. На этотъ разъ онъ даже признался тещѣ въ затаенныхъ опасеніяхъ, которыя онъ до сихъ поръ тщательно скрывалъ.

— Вы помните, что говорили мнѣ за нѣсколько дней до свадьбы Кити?..—сказалъ онъ, между прочимъ.— Тогда я не хотѣлъ васъ тревожить напрасно... я думалъ, что это пустая вспышка и пройдетъ само собой... Но теперь я начинаю бояться, что ваши подозрѣнія были справедливы, и это глупое чувство серьезнѣе, чѣмъ я вообще воображалъ... вы понимаете, что надо увезти ее отсюда во что бы то ни стало; за границей новыя впечатлѣнія разгонятъ весь этотъ нелѣпый сумбуръ...

Дарья Михайловна не могла съ нимъ не согласиться. „Странное дѣло“, раздумывала она про себя, „я терпѣть его не могу и считаю его сумасброднымъ человѣкомъ, а между тѣмъ, всякій разъ, какъ приходится рѣшать важное дѣло, я должна признаться, что только у него одного въ семьѣ и есть здравый смыслъ“...

Тутъ же было между ними рѣшено, что въ первыхъ числахъ мая Вѣра Александровна увезетъ Женю за границу. Въ тотъ же день Николай Ивановичъ отправился въ Царское навѣстить старшую дочь и сообщить ей о предстоящемъ отъѣздѣ матери. Была у него и другая затаенная цѣль: ему хотѣлось увидѣть какое впечатлѣніе произведетъ на Грушнева неожиданное извѣстіе. Онъ намѣренно преувеличивалъ свое безпокойство насчетъ здоровья Жени.

Кити всплеснула руками. Что вы говорите, папа! Неужели она такъ опасно занемогла? А я и не подозрѣвала ничего... Мы сегодня къ вамъ собирались съ Павликомъ, но меня задержали съ самаго утра,—у насъ все были гости. Завтра я непремѣнно, непремѣнно буду у васъ.

Пока Кити говорила это, Николай Ивановичъ зорко наблюдалъ за Грушневымъ. Лицо Павла Алексѣевича выражало самое теплое участіе, но ничего похожаго на затаенную тревогу Усольцевъ у зятя не подмѣтилъ.— Онъ постарался бы скрыть отъ меня свое чувство, еслибъ у него было что скрывать... А у него и голосъ не дрогнулъ... стало быть, на его счетъ, по крайней мѣрѣ, можно быть спокойнымъ...

— Я не могу себѣ простить, что такъ долго не видалась съ Женей,—твердила между тѣмъ Кити.

На другой день, однако, пріѣхалъ къ Усольцевымъ одинъ Павелъ Алексѣевичъ. Кити опять задержали какія-то пріятельницы. Говоря это въ извиненіе жены, Грушневъ не могъ подавить чуть-чуть, правда, замѣтной иронической нотки, которую Николай Ивановичъ тотчасъ уловилъ въ его голосѣ.

— Она будетъ къ обѣду,—сказалъ Павелъ Алексѣевичъ,—если только не опоздаетъ къ поѣзду; за нее вѣдь, нельзя поручиться.

— А ты ее ужъ отпускаешь одну, безъ себя?..—замѣтилъ ему тесть,—раненько что-то.

— Не убѣжитъ, не безпокойтесь,—засмѣялся Грушневъ.—А какова Женя сегодня?—поспѣшилъ онъ добавить.—Я ее увижу, надѣюсь.

Самое искреннее участіе опять звучало въ его голосѣ. Нѣтъ, подумалъ Николай Ивановичъ, такъ не говорятъ люди, у которыхъ совѣсть не чиста...

Кити сдержала слово и пріѣхала къ обѣду нарядная и улыбающаяся. Она разсказала сколько знакомыхъ встрѣтила на поѣздѣ и какъ было ей весело. Была графиня Надежда Сергѣевна, и Мэри Абанина, и Дима, и... одного изъ бывшихъ тутъ она такъ и не назвала, вспомнивъ, что въ присутствіи мужа не надо упоминать о Лунскомъ. Ей было даже немножко совѣстно оттого, что Лунскій совершенно явно, по прежнему, сталъ опять ухаживать за нею въ вагонѣ. Конечно, это ровно ничего не значило, но... все-таки ей слѣдовало

бы показать ему, что ухаживанье это ей не нравится. А она, напротивъ, смѣялась, какъ всѣ прочіе, ничуть не останавливая его.

— У меня къ тебѣ есть порученіе отъ графини Длиннорукової,—съ живостью продолжала Кити, довольная тѣмъ, что мужъ не примѣтилъ, какъ запнулась она, умалчивая о присутствіи Лунскаго,—графиня тебя проситъ къ ней пріѣхать отзавтракать когда-нибудь надняхъ. Она собирается къ себѣ въ деревню... ты видишь, я нисколько не ревную, а имѣла бы на то право,—добавила она, смѣясь.—Ну, а теперь я пойду на Женю посмотрѣть. Отчего это она не показывается?

Женя такъ и не показывалась до самаго обѣда, ей очень хотѣлось бы совсѣмъ не встрѣчаться съ Павломъ Алексѣевичемъ. Но она пересилила себя и казалась такою же, какъ всегда, беззаботно веселой и оживленной. Плохо, однако, вторили этому оживленію ея впалыя щечки и потускнѣвшіе глаза. За обѣдомъ она нѣсколько разъ пробовала смѣяться, но смѣхъ этотъ тотчасъ переходилъ въ сухой кашель.

— Плохо, однако, вы себя ведете, Женя,—говорилъ ей Грушневъ, встревоженный ея видомъ.—Я всегда васъ такимъ молодцомъ считалъ, а выходитъ, что вы такая же хрупкая, какъ всѣ...

— Погодите, я вернусь изъ-за границы и опять буду молодцомъ,—шутливо отвѣчала Женя.

— А въ Царское къ намъ васъ не отпустятъ?—спросилъ, минуту спустя, Павелъ Алексѣевичъ.

— Нѣтъ, строго-на-строго запрещено... Да и не успѣть, черезъ три дня мы ѣдемъ.

— А жаль, очень жаль, что ты не увидишь, какъ мы тамъ устроились,—вставила Кити.

На этотъ разъ Женя не отвѣчала. Она примѣтила, что отецъ не сводитъ съ нея глазъ, и догадывалась, что ея тайна ему извѣстна. Но, впрочемъ, что эта была за тайна?.. Женя старалась увѣрить себя, что Павелъ Алексѣевичъ теперь для нея не болѣе, какъ мужъ ея

сестры, и бодрое ея сердечко пробовало стряхнуть съ себя охватившее его навожденіе. Она крѣпилась, чтобы выдержать шутливый тонъ до конца, и ей это удалось. Только голова у нея сильно разболѣлась, когда уѣхали Грушневы.

Павелъ Алексѣевичъ увидѣлъ ее вновь уже только на станціи, въ день отъѣзда; да и то имъ пришлось обмѣняться всего нѣсколькими прощальными словами. Женя была очень занята своими вещами и потомъ долго шепталась съ сестрой, цѣлуя ее и много разъ повторяя, что отъ души желаетъ ей полнаго счастья. Павлу Алексѣевичу и въ голову не приходило, что Женя избѣгала съ нимъ говорить.

Поѣздъ тронулся. Какъ ни старался Грушневъ сквозь открытое окно вагона еще разъ увидать ея личико, оно скрылось отъ его глазъ. Женя уткнулась въ самый уголъ дивана и даже не взглянула на сестру, усердно махавшую ей платкомъ на прощанье.

XIV.

Съ Варшавской станціи Грушневъ поѣхалъ къ графинѣ Надеждѣ Сергѣевнѣ, сказавъ женѣ, что вернется къ пяти часамъ.

— А, вотъ,—принялась дразнить его Кити,—не забылъ приглашенія графини... Смотри, Павликъ... Мама говоритъ, что это очень опасная женщина...

Павелъ Алексѣевичъ разсмѣялся самымъ искреннимъ смѣхомъ: опасности для себя онъ и не допускалъ. Однако, во время длиннаго переѣзда до Милліонной, гдѣ жила графиня, странное, до сихъ поръ невѣдомое чувство у него закопошилось... Его медовый мѣсяцъ, которому чрезъ нѣсколько дней долженъ былъ наступить конецъ, вышелъ совсѣмъ не такимъ, какимъ онъ рисовалъ его себѣ заранѣе. Конечно, онъ былъ безусловно счастливъ съ молодою, прелестною женой, и крошечные ея недо-

статки были ему почти такъ же дороги, какъ она сама. До сихъ поръ онъ даже никогда мысленно не называлъ ихъ недостатками. Онъ могъ слегка пожурить Кити за привычку вставать такъ непозволительно поздно; сожалѣлъ иногда, что его попытки подѣлиться съ ней своими художественными вкусами не вполнѣ удавались, но мимолетное впечатлѣніе досады тотчасъ стиралось, какъ бы исчезнувъ въ морѣ блаженства, среди котораго онъ жилъ... Ея взгляда, звука ея голоса было достаточно, чтобы разсѣять такое впечатлѣніе... И вотъ теперь онъ въ первый разъ поймалъ себя на мысли, уже явно и несомнѣнно осуждавшей его дорогую Кити. За послѣдніе дни онъ нѣсколько разъ наталкивался на доказательства ея неполной искренности съ нимъ. Грушневъ вспомнилъ, что это случалось и до свадьбы. И поводы къ такой неискренности теперь, какъ и тогда, были самые пустые: въ основѣ ихъ всегда лежало одно и то же — желаніе не уронить себя въ глазахъ мужа, скрыть отъ него свои маленькія слабости. Неужели она боялась его суда?.. Не знала, что къ этимъ слабостямъ никто на свѣтѣ не отнесется такъ снисходительно, какъ онъ?.. А между тѣмъ, какъ ни твердилъ онъ ей это всякій разъ, что ловилъ ее на какой-нибудь маленькой лжи, Кити не хотѣла или не могла отвыкнуть отъ неискренности. Никогда она ему прямо не скажетъ, что ей надоѣли чтеніе и музыка, что тянетъ ее къ чему-нибудь иному, а всякій разъ придумываетъ какой-нибудь предлогъ: то мнимая обязанность писать къ матери, то притворное нездоровье, то какой-нибудь визитъ, который ей надо отдать непремѣнно сейчасъ... Вотъ хотя бы третьяго дня, когда неожиданно къ нимъ пріѣхали обѣдать Норовчатовы и Вава Масальская съ Димой Клубинымъ: Кити сдѣлала видъ, будто это произошло невзначай. Между тѣмъ, было совершенно очевидно, что она ихъ пригласила сама...

— Неужели ты думаешь, что я запретилъ бы тебѣ звать ихъ къ обѣду?..—мягко пожурилъ онъ ее, когда

гости уѣхали.—Одного я вотъ дѣйствительно не желалъ бы—принимать у себя госпожу Масальскую, и ты знаешь это очень хорошо. Признаюсь, я даже не понимаю—какая тебѣ охота съ ней дружить?..

— Ахъ, Павликъ... мы всегда были съ ней на такой интимной ногѣ... — извинялась Кити: — и мнѣ кажется неделикатнымъ порвать эти отношенія какъ разъ теперь...

Грушневъ про себя удивился, что ей не кажется не деликатнымъ навязывать ему общество этой женщины. Но этого онъ не высказалъ.

Теперь, подъѣзжая къ дому графини Надежды Сергѣевны, онъ вспоминалъ эти мелочи и въ первый разъ что-то не совсѣмъ благородное, какая-то нравственная трусость поражала его въ поведеніи жены...

Графиню онъ засталъ одну.

— А! вотъ это мило!—встрѣтила она его на порогѣ гостиной.—Я уже думала, что вы совсѣмъ не пріѣдете, и заранѣе собиралась даже простить васъ за такую забывчивость... Влюбленнымъ мужьямъ все, вѣдь, прощается... Мы отзавтракаемъ съ вами вдвоемъ, коли вы ничего противъ этого не имѣете...

Мужъ графини, хоть онъ былъ живехонекъ и даже не въ отъѣздѣ, до такой степени постоянно отсутствовалъ, что про него никто изъ ея знакомыхъ и не спрашивалъ.

— Васъ за это, можетъ быть, пожурятъ дома...—продолжала графиня,—такъ какъ вы, я думаю, женѣ во всемъ признаетесь... И она вамъ тоже, да?.. Ахъ, кстати: я вчера ее встрѣтила и очень удивилась... встрѣтила вдвоемъ съ Абаниной на островахъ. А удивилась я оттого, что на меня, по крайней мѣрѣ, своими вѣчными сплетнями Мэри уныніе наводитъ...

Наканунѣ, отправляясь въ Петербургъ на нѣсколько часовъ, Кити увѣрила мужа, что ѣдетъ къ роднымъ провести вечеръ съ матерью и сестрой. О поѣздкѣ на острова она мужу не заикнулась, оттого, должно быть,

что онъ былъ самаго невысокаго мнѣнія о госпожѣ Абаниной и разъ даже обозвалъ ее дурой. Грушневъ это вспомнилъ и новое доказательство Китиной лживости кольнуло его въ сердце. Можетъ быть это не совсѣмъ пріятное ощущеніе и побудило его быть особенно любезнымъ съ графиней. Ее, вѣдь, въ чемъ угодно, только въ неискренности обвинять было нельзя... И завтракъ прошелъ въ самой оживленной бесѣдѣ. Графиня увѣряла его, смѣясь, что наконецъ-то ей удалось встрѣтить совершенно счастливаго человѣка.—Повѣрьте мнѣ, это въ первый разъ,—говорила она.—Я даже совсѣмъ перестала вѣрить въ существованіе такихъ людей и вотъ вы меня разубѣдили... Я очень рада, что лѣтомъ буду имѣть случай подышать съ вами однимъ воздухомъ и на васъ налюбоваться... Вы знаете, мы будемъ почти сосѣдями?.. Я на этотъ разъ ѣду не за границу, какъ всегда, а въ свою подмосковную.

Несмотря, однако, на оживленную любезность, какую выказывалъ ей Грушневъ, ожиданіе увидѣть графиню въ деревнѣ его почему-то не совсѣмъ радовало. Близость этой женщины и возможное вліяніе ея на Кити едва-ли особенно могло содѣйствовать укрѣпленію того домашняго счастья, которымъ она собиралась восхищаться.

У себя въ Царскомъ Грушневъ засталъ весь домъ полнымъ гостей. Уже изъ передней онъ разслышалъ трескотню веселыхъ голосовъ.

— Кто это у Екатерины Николаевны?—спросилъ онъ лакея.

— Марья Дмитріевна Абанина, Варвара Сергѣевна, Норовчатовы барышни, да еще Клубинъ, Дмитрій Алексѣевичъ, и съ нимъ двое какихъ-то господъ.

Все общество помѣстилось на балконѣ и распивало чай. Появленіе Грушнева, казалось, прервало какой-то очень забавный разговоръ. Увидѣвъ его, всѣ разомъ умолкли.

— Что это, я на васъ подѣйствовалъ, точно пуга-

ло?..—сказалъ онъ, стараясь глядѣть такимъ же веселымъ, какъ все это общество: — вдругъ разомъ такая полная тишина...

— Ты хочешь сказать: какъ пугало на каркающихъ воронъ?..—подавая ему руку, добавилъ Клубинъ.—Мы въ самомъ дѣлѣ каркали безъ тебя...

— Кому же это вы зло пророчили?..—здороваясь поочередно со всѣми, продолжалъ Грушневъ.

— Всѣмъ отсутствующимъ мужьямъ, въ томъ числѣ и тебѣ.

— А вы стали, кажется, большимъ поклонникомъ графини Длинноруковой?—вставила Вава.—Я давно замѣтила, еще постомъ... и на мѣстѣ Кити...

— Что за пустяки, Вава!—немного раздраженнымъ тономъ вмѣшалась Кити.—Я его не держу на привязи.

И развязная трескотня поднялась опять. Кити, видимо, подстрекала прочихъ говорить двусмысленный вздоръ. Даже присутствіе кузины не смущало ее, хоть она и останавливала нѣсколько разъ съ притворнымъ ужасомъ Диму, увѣряя, что такія вещи совсѣмъ не годятся дли ушей Зои. Кити вообще какъ-то старалась показать себя въ новой роли молодой замужней женщины, придавая себѣ необыкновенную бойкость и вслѣдствіе того чуть-чуть пересаливая. Грушневъ до сихъ поръ никогда не видалъ ее такой. И ея напускная смѣлость, какъ все фальшивое, рѣзала ему ухо.

— Кити! — даже попробовалъ онъ остановить ее, когда только-что сказанная ею двусмысленная шутка вызвала дружный взрывъ хохота.

— Онъ, кажется, обращается съ тобой, какъ съ ребенкомъ...—вмѣшалась госпожа Масальская.—Совѣтую тебѣ этого не позволять.

Кити лихо повела плечами, какъ бы желая показать, что никакой власти надъ собой она не признаетъ. Она чувствовала себя въ ударѣ какъ разъ оттого, что въ этомъ обществѣ никто, кромѣ развѣ одного Клубина, не могъ поспорить съ ней въ остроуміи. У Зои Норов-

чатовой былъ, правда, острый язычекъ, и немного оставалось для нея невѣдомыхъ тайнъ, но открыто говорить двусмысленности она не рѣшалась. И Кити царствовала безраздѣльно. Самодовольный румянецъ загорался на ея щекахъ отъ явной дани поклоненія, какую платили ей мужчины. Да и въ самомъ дѣлѣ, оттѣнокъ робости, чуть-чуть замѣтный въ ея бойкихъ рѣчахъ, придавалъ имъ особенно заманчивую прелесть.

— Дивлюсь я, право,—сказалъ ей, между прочимъ, Дима,—какъ это вы, только-что изъ-подъ вѣнца, разомъ входите въ свою новую роль?.. Должно быть, сильно вы насъ дурачите, пока вы не замужемъ, прикидывясь, будто ничего не знаете?..

Грушневъ просидѣлъ съ полчаса на балконѣ, не показывая, какъ надоѣдаетъ ему тутъ нелѣпая болтовня, на то онъ былъ слишкомъ свѣтскимъ человѣкомъ. Наконецъ, однако, терпѣніе его лопнуло и подъ какимъ-то предлогомъ онъ ушелъ къ себѣ въ кабинетъ. „Неужели она всю эту компанію удержитъ къ обѣду?..“ недоумѣвалъ онъ и позвонилъ буфетчика, чтобы узнать, не дано-ли на этотъ счетъ какихъ-либо приказаній. Но опасенія эти были напрасны: въ половинѣ седьмого вся компанія поднялась и всею гурьбой вернулась въ Петербургъ, условясь заранѣе, благо вечера стояли теперь чудесные, цѣлымъ обществомъ поѣхать на слѣдующій день въ загородный театръ.

— Мы, кажется, сильно надоѣли тебѣ?..—входя въ кабинетъ мужа, сказала, какъ бы извиняясь, Кити.

— Видишь, мой дружокъ,—холодно отвѣтилъ онъ,—я готовъ слушать вздоръ, когда этотъ вздоръ остроуменъ, но отъ такой плоской болтовни хоть у кого голова затрещитъ.

Кити чуть-чуть обидѣлась; но помня наставленіе Вава Масальской, она захотѣла постоять за себя и за своихъ пріятельницъ:

— А мы рѣшили завтра всѣ вмѣстѣ отправиться

на острова и оттуда въ Аркадію. Я поѣду съ Мэри въ ея коляскѣ. Ты ничего противъ этого не имѣешь?

— Я вотъ что тебѣ скажу, Кити,—не прямо отвѣтилъ Грушневъ,—поѣдемъ-ка на-дняхъ въ деревню, въ Гунцево... давно, вѣдь, пора. Завтра десятое число, погода дивная и дѣла у меня тамъ премного...

— Поѣдемъ, когда хочешь, — послушно отвѣтила Кити,—хотя бы завтра.

— Нѣтъ, къ чему такъ спѣшить?.. Настя, вѣдь, твоихъ вещей уложить не успѣетъ. Да и мѣшать я тебѣ не стану, коли ужъ очень тебя въ Аркадію тянетъ... Такъ поѣдемъ, въ самомъ дѣлѣ на-дняхъ... ну, хотя четырнадцатаго...

Кити вспомнила, что передъ своимъ Павликомъ она должна казаться не разбитною молодою дамой, которая смѣлымъ остроуміемъ любого мужчину за поясъ заткнетъ, а интересующейся серьезными вопросами, и объявила, что поѣдетъ въ Гунцево съ величайшимъ удовольствіемъ. Въ концѣ-концовъ, ей удалось, однако, на цѣлыхъ четыре дня оттянуть предполагавшійся отъѣздъ и въ Гунцево они отправились только восемнадцатаго.

Когда утромъ поѣздъ высадилъ ихъ на одной изъ станцій передъ Москвой, все кругомъ, и деревья, и поля, ярко зеленѣло. Свѣжая листва, омытая дождемъ, всюду разливала ароматъ. Птицы весело щебетали. Голубое небо разстилалось безоблачнымъ шатромъ. Кити устала, правда, отъ дороги, но и ей, какъ мужу, деревенскій воздухъ показался чудеснымъ. Пока рѣзвая тройка везла ихъ въ Гунцево, она счастливымъ взглядомъ любовалась знакомою картиной, и воспоминанія прошлаго лѣта свѣжею молодою струей наполнили ея головку... Ей даже казалось теперь, что когда ея Павликъ пріѣзжалъ дня на два погостить въ Гунцевѣ, она тогда смутно уже любила его, хоть и не отдала себѣ въ этомъ полнаго отчета...

— Да, Павликъ, представь себѣ,—говорила она мужу,—я почти увѣрена, что любила тебя уже тогда...

Помнишь, какъ мы съ тобой ѣздили верхомъ въ рощу и насъ захватилъ дождь?.. И пока мы ждали подъ деревомъ, чтобы прояснилось опять, и на насъ все капало съ вѣтвей, ты все боялся, какъ бы я не простудилась... помнишь?.. Вѣдь, очень намъ хорошо и весело было вдвоемъ...

— Ну, вотъ, мы опять станемъ верхомъ кататься, сколько тебѣ угодно, и старое вспоминать, и сравнивать его съ новымъ, которое, по-моему, еще лучше...— И Павелъ Алексѣевичъ всю дорогу говорилъ женѣ, какъ устроятся они въ Гунцевѣ, и пойдутъ у нихъ все такіе славные дни... Онъ подробно разсчиталъ, какъ распредѣлятъ они каждый часъ, дѣля свое время между деревенскими занятіями, которыхъ будетъ такъ много, и деревенскимъ отдыхомъ. Кити, слушая его, кивала головой и во всемъ соглашалась съ мужемъ. Одного только она не совсѣмъ понимала: откуда это у Павла Алексѣевича, почти не бывавшаго въ деревнѣ, взялась такая страстная охота хозяйничать?... Для нея всѣ эти вопросы о посѣвахъ и урожаѣ были тарабарскою грамотой; и хоть она много разъ бывала въ Гунцевѣ, Кити не вполнѣ была увѣрена, что безъ ошибки отличитъ рожь отъ овса. Да и самые мужики, по ея понятіямъ, разнились отъ балетныхъ пейзановъ тѣмъ только, что они такіе некрасивые и грязные. Они все представлялись ей чѣмъ-то вродѣ театральнаго хора, какъ толпа безличныхъ существъ, которыя иногда приходятъ на барскій дворъ просить на выпивку и которыхъ очень трудно отличить другъ отъ друга. Впрочемъ, къ этимъ безличнымъ существамъ она готова была ощущать всякія христіанскія чувства: помогать имъ и деньгами, и лѣкарствами, если нужно. Но въ чемъ эта помощь должна была заключаться, она себѣ ясно не представляла. Мужу, конечно, она всего этого не высказала и была не прочь отъ него поучиться, лишь бы можно было это сдѣлать, не выдавая своего дѣтскаго невѣдѣнія.

И вотъ, пятнадцать верстъ, отдѣлявшія Гунцево отъ станціи, были уже позади, и старинная усадьба графовъ Ардашевыхъ, пожалованная ихъ предку еще при Алексѣѣ Михайловичѣ, предстала предъ глазами Кити и ея мужа. Стариннаго, впрочемъ, на видъ въ ней было очень мало: такъ старательно подновили ее на европейскій ладъ покойный графъ и, въ особенности, Дарья Михайловна. Въ прежніе годы, когда только-что открылась Николаевская дорога, графиня часто пріѣзжала сюда на лѣто и сумѣла придать Гунцеву отпечатокъ современнаго комфорта. Въ послѣднее время она его немножко разлюбила, находя, что невообразимо скучно вѣчно слышать, какъ сосѣди жалуются на разореніе и ничего не умѣютъ придумать, чтобы поправить свои дѣла. Она, вотъ, не разоряется, хоть и ничего не смыслитъ во всей этой агрономической мудрости, и находитъ даже, что новаго придумывать ничего собственно не надо, такъ какъ жили же въ старину помѣщики и не только не разорялись, но даже вели свои дѣла прекрасно.

— Ничего нѣтъ глупѣе,—говорила она часто, когда ей случалось съ кѣмъ-нибудь заводить бесѣду о хозяйствѣ,—ничего нѣтъ глупѣе, какъ приниматься за дѣло, котораго не смыслишь. А теперь всѣ на агрономіи съ ума сходятъ, хотя никогда ей не учились.

Павелъ Алексѣевичъ тоже агрономіи по настоящему не учился, но твердо надѣялся, что съ помощью книжекъ, имъ прочитанныхъ, и не пускаясь сразу на рискованныя нововведенія, онъ сумѣетъ-таки не ударить лицомъ въ грязь и въ имѣніи жены повести хозяйство какъ слѣдуетъ. И подъѣзжая къ дому, онъ весь уже былъ охваченъ предстоящими ему деревенскими заботами. Едва вышелъ онъ изъ коляски и увидѣлъ предъ собою знакомую ему фигуру управляющаго, какъ тотчасъ же осыпалъ его вопросами о состояніи хлѣбовъ, о ходѣ полевыхъ работъ, объ удоѣ стада и т. д.

Управляющій, старательный и аккуратный малый изъ

обрусѣвшихъ нѣмцевъ, но большой поворотливостью мозга не отличавшійся, казался немного оглушеннымъ стремительностью и разнообразіемъ этихъ вопросовъ. А тутъ еще Кити перебила мужа, чтобы поскорѣе разузнать о своей любимой лошадкѣ, гнѣдой кобылѣ „Miss“, на которой она ѣздила прошлымъ лѣтомъ. Оказалось, что „Miss“, недавно ожеребилась, и это было очень скучно, такъ какъ нельзя будетъ ее такъ скоро сѣдлать. Кити, вдобавокъ, очень заинтересовалась жеребенкомъ и тутъ же стала разспрашивать о двухъ барашкахъ, которыхъ часто сама кормила бѣлымъ хлѣбомъ. Увы, барашки давно были зарѣзаны, и Кити съ укоромъ посмотрѣла на мужа, точно онъ былъ въ этомъ виноватъ. „Какое она, однако, еще дитя,“—подумалъ Грушневъ, только что узнавшій, что третьяго дня страшная гроза пронеслась надъ Гунцевымъ и градомъ побита часть ржи,—„одними пустяками интересуется... А то, что рожь побита, это ей совершенно все равно“. А Кити между тѣмъ тоже подумывала про себя, что у Павлика, должно быть, не совсѣмъ доброе сердце, коли его нисколько не трогаетъ судьба жеребенка и двухъ барашковъ. „И очень нужно ему такъ долго разспрашивать этого нѣмца, каковы хлѣба“... Это ей казалось очень сухой и скучной матеріей. Спросивъ еще, жива-ли пестрая-курочка-хохлатка, Кити оставила мужа разговаривать съ управляющимъ и поспѣшила къ себѣ переодѣваться.

XV.

— Что, Катерина Николаевна еще не готова?—спросилъ Павелъ Алексѣевичъ у горничной Насти, выходившей изъ Китиной спальни съ какими-то принадлежностями дамскаго туалета въ рукахъ. Было слишкомъ десять часовъ утра, и Грушневъ только что вернулся съ полей, усталый и сильно проголодавшійся. Въ деревнѣ онъ вставалъ рано, въ седьмомъ часу, и

добросовѣстно исполнялъ свои обязанности сельскаго хозяина.

— Онѣ еще одѣваются, сейчасъ выйдутъ,—съ ужимкою отвѣтила Настя, торопясь шмыгнуть мимо барина.

Павелъ Алексѣевичъ прошелъ на террасу, насвистывая какой-то маршъ, и усѣлся за чайнымъ столомъ въ ожиданіи жены. Не въ первый разъ ему приходилось ея дожидаться. Такъ было почти каждый день съ тѣхъ поръ, какъ они вотъ уже пять недѣль тому назадъ поселились въ Гунцевѣ. Кити обнаружила самое похвальное желаніе вести настоящую деревенскую жизнь, т.-е. вставать спозаранку и раздѣлять съ мужемъ всѣ его хозяйскія заботы. Но пока это оставалось однимъ желаніемъ, и деревенская жизнь для Кити ограничивалась питьемъ парного молока и нѣкоторой небрежностью въ туалетѣ, хотя этому туалету она всегда посвящала много времени. Раза два она ходила съ нимъ въ поле, увѣряя, что ее очень интересуетъ поглядѣть, какъ пашутъ рабочіе, и разспрашивая мужа что-гдѣ посѣяно. При этомъ она принимала сорныя травы на пару за какія-то очень полезныя растенія и различія между ячменемъ и овсомъ никакъ усвоить себѣ не могла. Ходили они, тоже вдвоемъ, въ березовую рощу, на склонѣ холма, куда прежде, еще дѣвочкой, она такъ любила отправляться за грибами. Но этихъ буколическихъ воспоминаній хватило не надолго. И скоро Кити убѣдилась, что нѣтъ никакой возможности гулять по полямъ или въ лѣсу, не промочивъ или не запыливъ ноги, обутыя въ шелковые ажурные чулочки и въ тонкія, совсѣмъ открытыя туфельки. Изъ предполагавшагося катанья верхомъ тоже ничего не вышло, потому что смирная кобыла „Miss“ не могла теперь ходить подъ сѣдломъ, а другихъ гунцевскихъ лошадей Кити боялась. И вся ея деревенская жизнь мало-по-малу свелась къ прогулкамъ въ саду, правда, очень большомъ и красивомъ, но гдѣ Павлу Алексѣевичу нечего было дѣлать, такъ какъ посадкою цвѣтовъ по клумбамъ

и безъ него отлично распоряжался садовникъ. Съ этимъ садовникомъ Кити подчасъ много толковала, сбивая его съ толку своими наставленіями и путаясь въ мудреныхъ названіяхъ растеній. Но скоро она и это бросила, убѣдясь, что и въ цвѣточной культурѣ ничего не смыслитъ. Поневолѣ вышло такъ, что, при всемъ ихъ обоюдномъ желаніи проводить весь день вмѣстѣ, Кити и Грушнева тянуло въ разныя стороны. Павелъ Алексѣевичъ посидитъ, бывало, съ женой въ старинной бесѣдкѣ изъ акацій и примется читать ей вслухъ. Но вотъ явится управляющій, или машинистъ, или скотоводъ,—служащихъ въ Гунцевѣ было не мало,—и Павлу Алексѣевичу придется оставить чтеніе и пойти рѣшать какой-нибудь неотложный вопросъ по хозяйству. А Кити безъ него примется за какой-нибудь романъ, потомъ немного пройдется по саду и присядетъ опять куда-нибудь, не рѣшаясь еще признаться самой себѣ, что ей скучно. Головка у нея понемногу опустится, и мысль унесется куда-нибудь въ неопредѣленную даль, вызывая передъ собой недавно еще блестящія дѣвическія мечты... Куда онѣ теперь дѣвались, эти мечты?.. И отчего образы, за какіе-нибудь два мѣсяца передъ тѣмъ наполнявшіе ея хорошенькую головку, стали казаться ей чужими?..

Павелъ Алексѣевичъ за чайнымъ столомъ успѣлъ пробѣжать газету и убѣдиться, что ничего въ ней нѣтъ, какъ и подобаетъ въ лѣтнее время. Онъ узналъ, правда, изъ телеграммъ, что въ Болгаріи растутъ симпатіи къ Россіи, а въ Сербіи зато австрійскія козни готовятъ русской политикѣ таинственные подвохи; узналъ и то, что въ одесскомъ клубѣ присяжный повѣренный Штахельмейеръ изрядно поколотилъ своего товарища Кохана 2-го за то, что послѣдній отбилъ у него выгодное дѣло по духовному завѣщанію милліонера Тараканова; а на кавказскихъ водахъ дѣвицу Каролину Крумбюгель, дочь богатѣйшаго овцевода Кубанской области, увезъ и тайно съ ней обвѣнчался отставной гусаръ Зу-

ботычинъ. Обогативъ себя этими интересными фактами, Грушневъ отложилъ газету въ сторону и принялся барабанить по столу. Нетерпѣніе и голодъ его, наконецъ, одолѣли, и онъ заварилъ себѣ чай собственноручно. Но едва отпилъ онъ первый глотокъ, Кити показалась въ дверяхъ.

— Извини, что я безъ тебя принялся за чай,—сказалъ Грушневъ, вставая и цѣлуя жену.

— Ахъ, я очень долго, кажется, тебя заставила ждать...—съ видомъ очаровательной, чуть-чуть угнетаемой, невинности отвѣтила Кити.—Въ самомъ дѣлѣ, уже поздно?—Она взглянула на часики и ахнула, хотя предъ тѣмъ очень хорошо знала, что дѣло подходитъ къ одиннадцати. — Это Настя такъ долго со мной провозилась...

Павелъ Алексѣевичъ искоса, какъ будто даже насмѣшливо, взглянулъ на жену, ничего, однако, не отвѣтивъ.

— Ахъ, да, я безъ корсета,—немного покраснѣвъ, сказала Кити, какъ бы оправдываясь,—и ты не понимаешь, на что такъ много времени ушло?.. Да говорю тебѣ, Настя совсѣмъ отучилась мнѣ волосы убирать. Скоро я ихъ буду носить совсѣмъ распущенными.

— Это къ тебѣ очень пойдетъ, — все съ тѣмъ же чуть-чуть замѣтнымъ оттѣнкомъ насмѣшливости отозвался Грушневъ.

Къ ея стройной фигурѣ и къ изящнымъ ея чертамъ самый простой нарядъ и любая прическа шли одинаково хорошо. Кити знала это отлично. Но прежде, когда она была въ дѣвушкахъ, это не мѣшало ей старательно заботиться о своей наружности. Теперь, вдвоемъ съ мужемъ, охота наряжаться прошла, и затаенная природная лѣнь брала верхъ даже надъ кокетствомъ. „Не все-ли равно, какъ я одѣта,—говаривала она порой:—здѣсь, вѣдь, меня никто не увидитъ“.

Кити принялась за чай, не совсѣмъ довольная тѣмъ, что въ обращеніи съ ней мужа словно замѣтно какое-

то желаніе казаться равнодушнымъ, именно казаться только. Кити хорошо знала, какъ далеко пока равнодушіе къ ней отъ сердца Павла Алексѣевича. Но за попытку выказать независимость надо было его слегка наказать. И Кити стала молча отпивать чай. Грушневъ сдѣлалъ ей какое-то замѣчаніе на счетъ журнальной статьи, которую они вмѣстѣ читали вчера, но Кити не отвѣтила. Выпивъ двѣ чашки, она поднялась и съ озабоченнымъ видомъ сказала не совсѣмъ рѣшительно:

— Я пойду къ себѣ, Павликъ... у меня дѣла много сегодня...

— Вотъ какъ?—удивился Павелъ Алексѣевичъ.

— Ты думаешь, у меня никакого дѣла быть не можетъ?.. Я получила вчера отъ мама письмо, котораго тебѣ еще не показывала, и надо ей отвѣчать. Мама пишетъ, что Женѣ гораздо лучше.

— Лучше?! Какъ я радъ!—перебилъ ее Грушневъ.

— И я тоже очень рада... Мама говоритъ, что осенью, послѣ морскихъ купаній, она, можетъ быть, пріѣдетъ съ Женей сюда, на насъ посмотрѣть. Такъ вотъ я напишу ей, что ты ничего противъ этого не имѣешь..

— Конечно, ничего не имѣю!—воскликнулъ Павелъ Алексѣевичъ.

— Ну, и еще у меня дѣло есть. Настя говоритъ, что двѣ странницы пришли, которыя по монастырямъ ходятъ... Ну, и эта бѣдная женщина тоже, Ѳедосья Карповна...

Когда она упомянула о странницахъ, Грушневъ только поморщился, но при имени Ѳедосьи Карповны онъ громко разсмѣялся.

— Вотъ ужъ нашла съ кѣмъ возиться, нечего сказать! Эта попрошайка, которая сюда чуть не пятый разъ таскается. И ты воображаешь, что это очень интересная особа?.. И съ такими людьми терять время значитъ—дѣлать добро?..

— Ахъ, Павликъ, какъ можно такъ говорить! Это святая женщина, и такая несчастная, вдобавокъ... Она

столько горя и нужды перенесла съ такимъ христіанскимъ смиреніемъ.

— Ѳедосья Карповна была мѣщанка, вдова, проживавшая въ уѣздномъ городѣ въ собственномъ маленькомъ домишкѣ. Явилась она неизвѣстно откуда уже много лѣтъ тому назадъ и очень краснорѣчиво и пространно умѣла разсказывать сердобольнымъ людямъ про свои горести и печали. Единственное ея занятіе состояло въ томъ, что она слонялась по купечеству, а то и въ сосѣднія усадьбы заходила къ помѣщикамъ, давала разные мудреные совѣты по домашнему хозяйству, знала многіе заговоры противъ всевозможныхъ болѣзней, въ томъ числѣ противъ дурного глаза, и лѣчила скотину, впрочемъ, довольно удачно. За все это, да еще, вдобавокъ, за гаданіе, она получала обильную мзду, не переставая хныкать о своей горькой сиротской долѣ. Удалось ей разжалобить такимъ образомъ и Кити.

— Ты бы лучше настоящими бѣдными занялась, коли есть у тебя на то охота,—возразилъ Грушневъ,—чѣмъ всѣхъ этихъ праздношатающихся принимать. Настоящей нужды есть по деревнямъ сколько угодно.

Кити на этотъ разъ совсѣмъ не отвѣтила и ушла съ террасы почти обиженная. Мужъ не впервые выражался неодобрительно о Ѳедосьѣ Карповнѣ, и какъ разъ потому она считала себя обязанной принять ее подъ свою защиту. Вернувшись къ себѣ, она велѣла вызвать Ѳедосью Карповну. Странницъ она приказала напоить чаемъ. Дорожная пыль такимъ густымъ слоемъ лежала на ихъ загрязненной одеждѣ, что пустить ихъ къ себѣ Кити не захотѣла, а Ѳедосья Карповна смотрѣла такою чистенькою, аппетитною старушкой, не смотря на свою горесть и нужду, что любо было на нее глядѣть. Она вошла, низко кланяясь.

— Ручку вашу, матушка Катерина Николаевна... ненаглядная моя... на васъ взглянуть, что на красное солнышко... такая вы у насъ раскрасавица...

И Ѳедосья Карповна пошла расписывать всѣ достоин-

ства Кити и внѣшнія, и внутреннія, одинаково восторгаясь ея красотой и прекраснымъ сердцемъ. Эта щедрая лесть, хоть и не очень тонкая, пожалуй, лучше обезпечивала Ѳедосьѣ Карповнѣ расположеніе ея покровительницъ, чѣмъ всѣ ея плаксивые разсказы.

— Что, мою лошадку посмотрѣли? — спросила у нея Кити.

— Какъ же-съ, матушка, какъ же-съ... примочку ей дала... черезъ три дня непремѣнно поправится...

У „Miss“ былъ подсѣдъ на лѣвой передней ногѣ.

— Вы, я слышала, больше заговорами разными лѣчите?..— полюбопытствовала Кити.

— Какъ у кого, матушка... На то вѣра очинно большая нужна; а гдѣ такой вѣрѣ теперь быть у господъ?.. все по-иностранному живутъ, по французскому...

Кити разсмѣялась.

— Гдѣ же мы по-иностранному живемъ, Ѳедосья Карповна?—спросила она.

— Ну, все какъ будто, матушка... лампадокъ не зажигаете предъ образами, постовъ не соблюдаете... ну, на то уже ваша барская воля. Милостыню обильную даете бѣднымъ людямъ, за это все вамъ Господь проститъ... А вотъ теперь, матушка, я вамъ доложу, какое у меня опять огорченіе вышло: телочка у меня была по второму году, красивая такая, кругленькая,—сдохла прошлый четвергъ, должно быть, съ глазу...

— Что же вы ее не вылѣчили?.. улыбнулась Кити, но при этомъ сунула Ѳедосьѣ Карповнѣ зеленую бумажку.

— Чужихъ только умѣю, матушка... на свое добро у меня власти нѣтъ... Ручку пожалуйте, благодѣтельница вы наша...

Такъ еще съ полчаса Кити проболтала съ Ѳедосьей Карповной и кончилось тѣмъ, что старуха-попрошайка предложила ей немножко погадать.

— Не повѣрите, матушка, сама на васъ гадала... та-

кія вамъ все карты выходятъ, что, право, чудо... такая вы, право, счастливая, что и сказать трудно...

Кити сперва колебалась, немного стыдясь предложенія Ѳедосьи Карповны. Но сердце не камень, а медовыя рѣчи старухи подстрекнули-таки ея женское любопытство. Ѳедосья Карповна вынула колоду картъ изъ кармана и принялась гадать. За этимъ полезнымъ занятіемъ засталъ свою жену вошедшій Павелъ Алексѣевичъ.

— Извини, если я помѣшалъ, — съ явною ироніей въ тонѣ сказалъ по-французски Грушневъ.

Кити вспыхнула, раздосадованная приходомъ мужа, а Ѳедосья Карповна вскочила со стула и почтительно отступила къ самой стѣнѣ.

— Что же, продолжайте... Я послушаю, что за счастье вы моей женѣ сулите, трефоваго короля, или счастливую дорогу, или кучу денегъ...

Но Ѳедосья Карповна, смиренно опустивъ голову, не поддалась на это ироническое приглашеніе. А Кити, въ порывѣ раздраженія, смѣшала карты и поспѣшила услать гадалку.

— Ступайте къ Настѣ, моя милая: она васъ чаемъ напоитъ.

Ѳедосья Карповна тотчасъ юркнула въ дверь съ быстротой, которую трудно было отъ нея ожидать, и въ дѣвичьей принялась за чаепитіе съ двумя странницами, разсказывавшими чудеса о какомъ-то далекомъ, невѣдомомъ монастырѣ, гдѣ онѣ только что были.

Павелъ Алексѣевичъ счелъ излишнимъ выразить словами, что онъ почувствовалъ, заставъ жену за гаданіемъ, это и безъ того ярко читалось въ его глазахъ.

— Я къ тебѣ вотъ зачѣмъ, Кити,—заговорилъ онъ, быстро просматривая лежавшія на столѣ книги: — помнишь, мы вчера съ тобой читали французскую статью?..

— Ну такъ что-жъ? — нѣсколько вызывающимъ тономъ отвѣтила Кити, разсердившаяся на мужа за то,

что онъ пристыдилъ ее, и ничуть не смягченная тѣмъ, что онъ не высказывалъ своего мнѣнія словами.

— Да то, мой другъ, что, ты, кажется, унесла этотъ журналъ съ собой. Я никакъ не могу его отыскать въ своемъ кабинетѣ. А Настя увѣряетъ, что ты его взяла, чтобы дочитать романъ.

— Поищи, коли книга здѣсь,—съ притворнымъ равнодушіемъ возразила Кити, не трогаясь съ мѣста.

— Ищу вотъ, да вижу пока... Да неужели ты не помнишь, взяла ты книгу или нѣтъ?

— Кажется, нѣтъ... А, впрочемъ, можетъ быть, взяла... Развѣ это не все равно?..

— Положимъ, бѣда тутъ не особенная... Да все-таки, я хотѣлъ дочитать тебѣ статью, и скучно, что не могу отыскать книгу: ты знаешь, я люблю порядокъ...

Кити ничего не отвѣтила и продолжала спокойно глядѣть, какъ мужъ тщетно шарилъ по столамъ.

— Удивительный вы, право, народъ!—проговорилъ, наконецъ, Павелъ Алексѣевичъ, котораго начинало разбирать нетерпѣніе. — Ничего вы никогда положительно не знаете... вѣчно живете среди какой-то милой безсознательности... А сплетню вамъ разскажи какая-нибудь дура, сто лѣтъ будете помнить до мельчайшихъ подробностей.

— Продолжай, продолжай... — съ горечью сказала она:—все это очень любезно и пріятно мнѣ слышать..

— Пріятно тамъ или нѣтъ, — уже не сдерживаясь, воскликнулъ Павелъ Алексѣевичъ,—а сущая это правда! Къ точности и аккуратности тебя вѣкъ не пріучить... Никогда не знаешь, который часъ... Не помнишь, что куда положила... Это, наконецъ, скучно!..

Сказавъ это, онъ вышелъ, слегка хлопнувъ дверью и, не захвативъ съ собою шляпы, быстрою, нервною походкой спустился въ садъ. Онъ не замѣтилъ даже, что идетъ дождь. Онъ чувствовалъ себя не совсѣмъ правымъ и хотѣлъ на свѣжемъ воздухѣ охладить поднявшееся въ немъ раздраженіе и овладѣть бурнымъ

теченіемъ своихъ мыслей. Разсердился онъ, наконецъ, не за пропавшую книгу, а за весь ходъ этого дня, впрочемъ, такъ походившаго на цѣлый рядъ предшествовавшихъ. Какъ водится, неудовольствіе въ немъ росло незамѣтно для него самого и вырвалось неожиданно, изъ-за самаго пустого повода.

А Кити, между тѣмъ, заливалась гнѣвными слезами, давая имъ свободно течь по разгоряченнымъ щекамъ. Для нея было совершенно очевидно, что мужъ не любитъ ее больше, и весь романъ ея жизни оконченъ самымъ непоправимымъ образомъ. Она прямо сдѣлала скачекъ къ этому послѣднему выводу, можетъ быть, для того лишь, чтобы потомъ отступить предъ его явной несообразностью и понемногу утѣшиться. Она была чистосердечно убѣждена, что мужъ поступилъ съ ней самымъ непозволительнымъ образомъ, что это обида, которую уже ничто не можетъ смыть. Изъ того, что рѣзкость послѣднихъ словъ Грушнева не соотвѣтствовала такой бездѣлицѣ, какъ исчезновеніе французскаго журнала, она смѣло заключила, что ея Павликъ неблаговоспитанный и безсердечный человѣкъ, что онъ обманулъ ее и не любилъ никогда... А всѣхъ другихъ, болѣе серьезныхъ поводовъ къ размолвкѣ Кити совсѣмъ будто и не примѣчала, намѣренно цѣпляясь за несправедливость запальчивыхъ словъ мужа, чтобы скрыть отъ себя настоящую причину его раздраженія.

Къ завтраку Кити не вышла. Когда Павлу Алексѣевичу сказали, что Екатерина Николаевна извиняется, онъ молча кивнулъ головой и занялъ свое обычное мѣсто, не разслышавъ даже, что говорилъ ему слуга объ ея мнимомъ нездоровьѣ. Онъ и не прикоснулся до ѣды и только для вида положилъ себѣ чего-то на тарелку. Но пойти къ женѣ и помириться съ ней онъ все-таки еще не былъ въ состояніи. Въ немъ что-то не успѣло еще догорѣть, хоть онъ и провелъ цѣлый часъ въ саду подъ дождемъ, не чувствуя даже, какъ капли падали на непокрытую его голову. Но это уже не было раздра-

женіе. Ощущеніе несравненно болѣе безотрадное стучало въ сердцѣ. Онъ тоже принялся сравнивать то, что было теперь съ недавнимъ радостнымъ прошлымъ: въ первый разъ онъ ясно чувствовалъ, что оно дѣйствительно прошлое. Тогда маленькіе недостатки жены совсѣмъ тонули въ свѣтломъ морѣ ихъ взаимнаго счастья. Не совсѣмъ хорошія впечатлѣнія, если они и бывали иной разъ у Грушнева, только скользили по немъ, точно смываемыя чѣмъ-то теплымъ и радостнымъ, какъ весенній дождь смываетъ съ молодой листвы налетѣвшую на нее случайно пыль. Онъ говорилъ себѣ тогда, что Кити не успѣла еще къ нему привыкнуть, а позже, когда они вдвоемъ останутся въ деревнѣ, ихъ жизнь дружно сольется въ одно общее русло. Но вотъ они уже болѣе мѣсяца въ Гунцевѣ, а между тѣмъ, все не наступаетъ желанной минуты ихъ полнаго, живого, душевнаго сліянія. Живого именно ничего нѣтъ въ ихъ совмѣстномъ деревенскомъ житьѣ: не чувствуется въ немъ того бьющаго ключа, той возбуждающей струи, которая одна только и можетъ оживить вѣчной юностью однообразное домашнее счастье... Додумавшись до этого рокового слова, Грушневъ тутъ-же поймалъ себя на немъ. — Какъ,—подумалъ онъ:—неужели въ немъ уже заговорило сознаніе однообразія? Да вѣдь самъ-то онъ живой человѣкъ, невольно сталъ онъ оправдываться предъ собой:—для него счастье возможно только дѣятельное, стремящееся впередъ... И не внѣшняя суета, не мнимое оживленіе, какое приносятъ съ собой чужіе, могутъ дать ему это счастье: оно должно быть съ нимъ дома, и дѣлиться имъ онъ хотѣлъ бы съ одной только Кити, какъ съ вѣрнымъ неразлучнымъ товарищемъ...

Мало теперь у него уцѣлѣло отъ этой дорогой надежды. То дѣятельное счастіе, о которомъ онъ мечталъ, едва-ли когда придется по вкусу Кити. И одно изъ двухъ ему осталось выбирать—либо отказаться отъ своей мечты, либо добиваться ея осуществленія уже безъ помощи жены... Говоря себѣ это, Грушневъ ни минуты не

колебался въ выборѣ. Онъ все еще сидѣлъ за столомъ, погруженный въ невеселыя мысли, какъ ему доложили, что пришелъ управляющій. Павелъ Алекѣевичъ быстро, почти радостно всталъ: ухватиться за живое дѣло, окунуться въ него, если можно—это было лучшее средство отогнать отъ себя тяжелыя думы. Весь этотъ день онъ провелъ въ полѣ, призывая къ себѣ на помощь физическое утомленіе и добросовѣстно стараясь внимательно слушать управляющаго, хотя какъ разъ сегодня гунцевское хозяйство для него потеряло всякій интересъ, и почти безсмысленными ему казались денежные разсчеты, на которыхъ настаивалъ аккуратный нѣмецъ. Потребность немедленнаго примиренія съ женой гнала его назадъ съ полей въ ту маленькую комнатку, гдѣ, можетъ быть, Кити до сихъ поръ нетерпѣливо ждетъ его возвращенія... Павелъ Алексѣевичъ долго крѣпился, чтобы выказать твердость передъ женой, и внутреннее чувство упрекало его за это, говоря ему, что для настоящей любви этого совсѣмъ не нужно, что она всегда готова простить, что всего тяжелѣе для нея отчужденіе отъ любимаго существа. И любовь пересилила въ немъ строптивость. Онъ возвращался домой съ полной готовностью примиренія, какъ вдругъ изъ-за густой листвы онъ увидѣлъ свѣтлое платье жены. Небо прояснилось, и она сошла въ садъ, съ возрастающимъ, страннымъ нетерпѣніемъ, ожидая, чтобы вернулся мужъ. Случившаяся маленькая размолвка и на ней тоже лежала нестерпимою тяжестью, но сдѣлать первый шагъ къ примиренію Кити не захотѣла бы ни за что. Теперь, увидавъ подходившаго мужа, она принудила свое лицо казаться равнодушнымъ, заранѣе подготовляясь сдѣлать видъ, будто рѣшительно ничего не случилось. Ей это не вполнѣ удалось. Но Грушневъ все-таки уловилъ ея намѣреніе, и то, полное мягкости, настроеніе, съ которымъ онъ шелъ къ женѣ, опять уступило мѣсто прежнему, какъ будто враждебному, тону, сбивавшемуся на насмѣшку.

— Я очень радъ, что ты погулять вышла,—тоже стараясь казаться равнодушнымъ, заговорилъ онъ.—Къ чему вѣчно сидѣть взаперти?

— Я совсѣмъ не люблю взаперти сидѣть,—отвѣтила Кити, обиженная его притворной развязностью. Она разсчитывала, что мужъ придетъ къ ней съ повинной, и заранѣе предвкушала свое торжество. Случись все такъ, какъ она думала, Кити съ радостью бросилась бы къ нему на шею и разыграла бы по всѣмъ правиламъ чувствительную сцену примиренія. А теперь она говорила себѣ, ожесточаясь противъ мужа, что если онъ совсѣмъ не раскаивается въ случившемся, пусть такъ: она, со своей стороны, тоже ему не уступитъ и себя въ обиду не дастъ.

— Я оставалась у себя,—продолжала Кити,—потому что шелъ дождь. А если я просидѣла такъ долго одна...

— Я былъ въ полѣ, Кити,—поспѣшилъ онъ ее перебить:—я, вѣдь, дождя не боюсь...

— Сдѣлай милость... Развѣ я тебя въ чемъ-нибудь упрекаю?.. Смотри за хозяйствомъ, ходи по полямъ сколько тебѣ угодно: ты, вѣдь, только для этого сюда и пріѣхалъ...

Слово „только“ она намѣренно подчеркнула. А между тѣмъ слезы такъ и просились къ ней на глаза, и голосъ, которому она силилась придать твердость, измѣнилъ ей и дрогнулъ: она не умѣла еще замыкаться въ броню холоднаго притворства. Грушневу вдругъ стало жаль ея: онъ понялъ, что стоитъ ему только сказать одно ласковое слово, и мигомъ растаетъ такъ нежданно выросшая между ними ледяная стѣна.

— Кити, дружокъ мой,—мягко сказалъ онъ, протягивая къ ней руки,—отчего это мы какъ будто ссоримся? Вѣдь, мы ссориться не хотѣли и только стараемся изо всѣхъ силъ другъ другу показать, что вотъ-вотъ какіе мы сердитые оба и ни за что не уступимъ...

Блѣдная улыбка показалась на ея губахъ, пока она

нерѣшительно подавала ему руки. Онъ притянулъ ее къ себѣ и осыпалъ ее поцѣлуями.

— Я, по крайней мѣрѣ, очень радъ уступить,—продолжалъ Грушневъ.—Я, можетъ быть, виноватъ передъ тобой...

— Не можетъ быть, а...

— Да, совсѣмъ, совсѣмъ даже виноватъ... Но и ты зачѣмъ такъ обижаешься? Развѣ на тѣхъ, кто насъ любитъ, обижаться можно? И все это изъ-за такихъ пустяковъ вышло...

Грушневъ умѣлъ тонко уловлять малѣйшій оттѣнокъ въ голосѣ Кити, но женщинъ, въ сущности, онъ зналъ плохо: иначе онъ не заговорилъ бы о причинахъ размолвки, и довольный тѣмъ, что Кити, склонивъ къ нему голову на плечо, дала волю слезамъ, теперь уже тихимъ и радостнымъ, новыми ласками запечатлѣлъ бы совершившееся примиреніе. Вѣдь, успѣлъ бы онъ и позже, исподволь, вернуться къ предмету ихъ ссоры, улучивъ минуту, когда жена готова была бы пожертвовать для него и не Ѳедосьей Карповной только, съ ея нелѣпымъ гаданьемъ.

Но мужчины этого почти никогда не понимаютъ и, едва разсѣются нагромоздившіяся тучи, спѣшатъ довести побѣду до конца и неопровержимо доказать, что они были правы: какъ будто женщинѣ можно доказать что-нибудь, и предъ ея обидчивымъ упрямствомъ не остаются безсильными самые убѣдительные доводы...

Кити насторожила уши: она никакъ не могла допустить, чтобы ссора у нихъ вышла изъ-за пустяковъ.

— Посуди сама,—продолжалъ, между тѣмъ, Грушневъ,—я вхожу къ тебѣ, чтобы почитать вслухъ, и застаю у тебя эту глупую ворожею. Неужели тебѣ не стыдно проводить время въ обществѣ Ѳедосьи Карповны?

Кити приподняла голову и опять посмотрѣла на мужа сухими, почти враждебными глазами.

— Нѣтъ, нѣтъ, совсѣмъ не изъ-за этого вышло,—качая головой, возразила она,—а изъ-за книги, которую

ты искалъ... И сколько ты наговорилъ обидныхъ, нехорошихъ вещей... Вотъ это дѣйствительно пустяки... Какая-то затерявшаяся книга... А, кстати, ты знаешь, я ее потомъ отыскала?

Послѣднія слова у нея опять прозвучали оживленно и весело.

— Книга, дѣйствительно, пустяки, разумѣется, и не изъ-за нея я разсердился, и ты знаешь это очень хорошо, Кити. Вся жизнь, коли хочешь, изъ мелочей слагается, и мелочи эти не сами по себѣ важны, а потому только, что онѣ иногда ярко рисуютъ характеръ, привычки... ну словомъ, цѣлую жизнь.

— А! вотъ теперь мелочи все-таки важными оказываются!—воскликнула Кити, довольная тѣмъ, что поймала мужа на противорѣчіи.—А вѣдь всего съ минуту назадъ ты самъ говорилъ...

— Такъ что же такое, что говорилъ!.. Я только хочу объяснить тебѣ, что иныя мелочи, вотъ какъ твоя привычка ничего не помнить и все терять, кое-что да значатъ. А затѣмъ я, коли хочешь, еще разъ повторю, что изъ-за пустяковъ обижаться и ссориться глупо.

— Да, да...—совсѣмъ уже раздраженнымъ голосомъ проговорила Кити, почти готовая всхлипнуть. — Когда я какую-нибудь глупую французскую книгу не могу сразу отыскать, это очень важно, а когда ты мнѣ цѣлую кучу обидныхъ словъ наговоришь...

— Ахъ, Кити, да совсѣмъ не въ этомъ дѣло,—нетерпѣливо перебилъ ее мужъ,—а въ томъ, что мнѣ непріятно было застать у тебя эту дуру и видѣть, что моя умная Кити...

Она перебила его въ свою очередь. Даже похвала не смягчила ее:

— Вотъ какъ ты несправедливъ: ты все хочешь, чтобъ я благотворительностью занималась, а когда я несчастной женщинѣ помогаю и къ ней добра, ты же меня упрекаешь.

— Да развѣ это благотворительность—терять время

съ попрошайками? Развѣ это доброе дѣло? И для своей щедрости ты не можешь найти лучшаго примѣненія? Стыдись, Кити. А помнишь, еще въ Петербургѣ, ты разъ при мнѣ съ такимъ жаромъ говорила про обязанности къ низшимъ и про разумную благотворительность, помнишь?

Кити, очевидно, и не хотѣла вспомнить. Она сердито покусывала кружево носового платка, не утирая гнѣвныхъ слезъ, катившихся съ ея рѣсницъ.

— Ну, Кити, пойдемъ. Обѣдать пора.

Она не трогалась съ мѣста.

— Я не пойду обѣдать. Если ты голоденъ, пойди одинъ.—Послѣднимъ словамъ она придала что-то обидное, даже презрительное.

— Да,—разсмѣялся Грушневъ, — охотно признаюсь, что голоденъ: за завтракомъ я куска въ ротъ не положилъ.

Она посмотрѣла на него исподлобья, ничего не отвѣтивъ.

— Такъ ты рѣшительно не хочешь?—еще разъ спросилъ онъ. Она покачала отрицательно головой.—Хорошо, въ такомъ случаѣ, я пойду одинъ. — Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по направленію къ дому, но услыхавъ за собой глухія рыданія, остановился и взглянулъ на жену. Она все не двигалась съ мѣста. Голова ея упала на грудь, и слезы горячею струей лились изъ ея глазъ... Его кольнуло въ сердце. Было что-то до того безпомощное и жалкое въ охватившемъ ее порывѣ гнѣвнаго отчаянія, что Грушневъ не смогъ долѣе притворяться: его мнимая холодность растаяла разомъ. Онъ бросился къ женѣ, и отъ насмѣшливаго укора и слѣда не осталось на его взволнованномъ лицѣ.

— Ну, Кити, дружокъ мой, перестань, не плачь,— твердилъ онъ мягкимъ, сердечнымъ голосомъ, то и дѣло прерываясь, чтобы своими поцѣлуями осушить ея мокрыя отъ слезъ щеки. Ему не стоило большого труда ее успокоить. Кити повеселѣла мигомъ: не глубоко запало

къ ней на душу раздраженіе, и все ея существо жаждало примиренія съ любимымъ мужемъ.

— Я увѣренъ, Кити,—говорилъ онъ ей уже минуту спустя,—что стоитъ намъ объясниться хорошенько, и...

— Нѣтъ, нѣтъ, пожалуйста, безъ объясненій,—перебила она его живо,—такъ лучше, повѣрь мнѣ: словъ никакихъ не нужно... Мнѣ одно, вѣдь, надо знать, что ты меня любишь попрежнему.

— Можетъ быть,—направляясь съ нею къ дому, говорилъ себѣ Грушневъ,—и въ самомъ дѣлѣ такъ лучше... Да вѣдь, нельзя же, однако, всякое недоразумѣніе заглушать одними поцѣлуями... Надо же когда-нибудь и объясниться какъ слѣдуетъ... Теперь, однако, имъ было не до того. И Павелъ Алексѣевичъ смутно чувствовалъ, что ему, чего добраго, никогда не удастся договориться съ женой до настоящей сути любого вопроса. Теперь, когда они сидѣли за столомъ другъ противъ друга и она такъ свѣтло улыбалась ему, у обоихъ было хорошо на душѣ, и безмолвное примиреніе было, пожалуй, самымъ простымъ исходомъ для маленькой размолвки, самую причину которой имъ уже трудно было хорошенько разобрать. Да, вѣдь, не всегда же могло быть такъ. И несмотря на то, что миръ, казалось, былъ заключенъ прочный, что-то похожее на разочарованіе докучливо копошилось въ сердцѣ Павла Алексѣевича, и невольно къ нему напрашивалось сознаніе, что совсѣмъ онъ не зналъ своей будущей жены въ тѣ счастливые дни, когда онъ только что сталъ ея женихомъ.

А Кити, въ свою очередь, тоже невольно сравнивала теперешнее его обращеніе съ тогдашнимъ. Онъ очень милъ, конечно, и любитъ ее, и она рада, что маленькая гроза миновала, но все-таки это совсѣмъ, совсѣмъ не то уже, что въ тѣ незабвенные дни... Тогда она была для него божествомъ, и всѣмъ, что бы ни сдѣлала и ни сказала она, онъ готовъ былъ восхищаться. А теперь въ его словахъ, а еще болѣе во взглядѣ, она часто подмѣчаетъ осужденіе себѣ, а то и

плохо скрытую насмѣшку. Онъ нѣженъ, внимателенъ къ ней, но онъ уже сталъ хладнокровно разбирать ея поступки, онъ дѣлается ея судьей, и, стало быть, она уже для него не тотъ неземной идеалъ, котораго не должно коснуться порицаніе... Что же такое случилось?.. И какъ могли за эти два мѣсяца такъ странно измѣниться ихъ отношенія? Она вполнѣ счастлива, это правда, и многимъ на ея мѣстѣ хватило бы такого счастья, но бѣда въ томъ, что она не въ силахъ оторваться отъ воспоминаній недавняго прошлаго, а воспоминанія эти говорятъ ей про счастье еще болѣе яркое и, увы! быть можетъ, навсегда утраченное...

XVI.

Разъ, послѣ завтрака, Павелъ Алексѣевичъ читалъ женѣ вслухъ на террасѣ. Вдругъ со стороны двора послышался громкій, веселый звонъ бубенчиковъ.

— Кто-бъ это могъ быть?—сказала Кити, отрываясь отъ своего вышиванія.—Насъ до сихъ поръ гости что-то не баловали...

Съ самаго пріѣзда Грушневыхъ, дѣйствительно, никто изъ сосѣдей не заѣзжалъ въ Гунцево, кромѣ мѣстнаго земскаго начальника, побывавшаго тамъ по дѣлу. И теперь Павелъ Алексѣевичъ и Кити почувствовали оба, что они обрадовались гостю. Въ головѣ у обоихъ пробѣжалъ вопросъ: да развѣ мнѣ было скучно до сихъ поръ? И они удивились оба этому неожиданному ощущенію.

Оказалось, что пріѣхала графиня Надежда Сергѣевна Длиннорукова. Имѣніе ея мужа, Воскресенское, было всего въ десяти верстахъ отъ Гунцева. Графиня съ шутливой любезностью пожурила молодыхъ сосѣдей за то, что до сихъ поръ они къ ней не заглядывали.

— Вы совсѣмъ забыли, Грушневъ, что обѣщали у меня бывать часто и привезти съ собою Кити. Стыдно,

что вы не сдержали слово—вѣдь, мы живемъ такъ близко. Вдвоемъ вы, должно быть, весь міръ позабыли, да?.. Я это отлично понимаю.

Она расцѣловалась съ Кити совсѣмъ по деревенскому, тепло и, казалось, искренно, осыпая ее любезностями насчетъ свѣжей прелести ея лица и того почти неземного счастья, среди котораго они замыкаются оба. Къ обычной непринужденности графини присоединялось столько добродушной простоты, что не вѣрить этому добродушію было, право, невозможно.

— Мы до сихъ поръ ни у кого не были,—извинялась Кити.—Впрочемъ, совсѣмъ не оттого, что мы запирались бы намѣренно, а просто не знаю, какъ это случилось... И къ намъ никто не пріѣзжалъ, кромѣ одного только Ахтубина: вы знаете, земскій начальникъ здѣшній!.. Онъ, кажется, мало интересенъ... Сосѣдей, впрочемъ, у насъ очень немного: имѣнія здѣсь всѣ почти, вѣдь, распроданы.

— Ну, кое-кто здѣсь все-таки найдется,—усаживаясь, отвѣтила графиня,—и главное, все почти знакомые. Вотъ пріѣзжайте ко мнѣ почаще: увидите, что совсѣмъ ужъ не такая здѣсь глушь. Дима Клубинъ у меня гоститъ третій день. На прошлой недѣлѣ былъ мой двоюродный братъ Либановъ. Въ августѣ будетъ Тата Блонская... Всегда кого нибудь застанете. Я хотѣла съ собой Диму привезти, да онъ не рѣшился... увѣряетъ, что не смѣетъ къ вамъ показываться оттого, что никто къ вамъ не ѣздитъ; боится помѣшать вашему tête-à-tête...

Графиня просидѣла съ небольшимъ часъ, все время не переставая держать себя съ самой очаровательной простотой. Она уѣхала, взявъ съ Кити и Грушнева слово непремѣнно отобѣдать у нея на слѣдующій день.

— Не надо, моя милая, людей дичиться,—говорила она, прощаясь съ Кити,—и создавать себѣ искусственную пустыню, это никуда не годится. Можно быть очень-очень счастливымъ и, все-таки, не оставаться вѣчно

вдвоемъ. А то берегитесь, какъ-нибудь незамѣтно подкрадется къ вамъ скука...

Кити посмотрѣла украдкою на мужа, и всѣ трое разсмѣялись. И эти послѣднія слова были тоже сказаны графиней въ самомъ безобидномъ, шутливомъ тонѣ. А между тѣмъ, несмотря на всѣ ея любезности, посѣщеніе Надежды Сергѣевны оставило на Грушневыхъ какое-то смутное чувство недовольства. Они сознавали оба, что отъ зоркаго взгляда графини не ускользнетъ ни одна, хотя бы самая неуловимая мелочь. И почему-то именно теперь они почувствовали, что въ ихъ жизни есть словно что-то, чего они постороннимъ не хотѣли бы показывать. Они были счастливы, это несомнѣнно, но все-таки не совсѣмъ такъ, какъ воображали они въ самые первые дни послѣ свадьбы, и сравненіе, просившееся къ нимъ на умъ, немножко портило ощущеніе этого счастія.

На слѣдующій день Грушневы поѣхали къ графинѣ. Павла Алексѣевича нѣсколько удивило, что Кити собиралась туда какъ будто не совсѣмъ охотно, и ему пришлось даже ей напомнить, какъ было бы невѣжливо отказаться отъ поѣздки. Кити ничего не отвѣтила и покорно усѣлась съ мужемъ въ коляску. Въ сущности, она не долюбливала графиню, хотя сама не знала хорошенько почему.

Въ Воскресенскомъ они застали не Диму Клубина только. Грушневу было не совсѣмъ пріятно увидѣть рядомъ съ нимъ на широкой террасѣ, куда они вошли, Лунскаго, о присутствіи котораго графиня наканунѣ не заикнулась. Какъ свѣтскіе люди, оба они не показали вида, что не особенно рады встрѣтиться, хотя едва-ли кому нибудь изъ нихъ эта встрѣча доставила удовольстіе. Но Кити, здороваясь съ Лунскимъ, почему-то густо покраснѣла, какъ разъ потому, должно быть, что она чувствовала на себѣ пытливый взглядъ мужа. Опять поднималось между ними то невысказанное нѣчто, та глухая недомолвка, изъ-за которой возникла

ихъ первая ссора. И опять нельзя было разсѣять сразу это маленькое облачко, какъ разъ потому, что, собственно говоря, никакой тайны не было между ними, а заговорить другъ съ другомъ про это они оба стыдились.

Лунскій, какъ всегда, глядѣлъ на прочихъ самоувѣренно и тупо, широко раскрывая глаза, и трудно было рѣшить, дерзость-ли была въ этихъ глазахъ, или одно равнодушное самодовольство придавало имъ что-то упорное, какъ бы вызывающее. Графиня Надежда Сергѣевна не даромъ слыла за образцовую хозяйку: она мигомъ сгладила эти шероховатости и завела, какъ заводятъ хорошо устроенный механизмъ, легкій, никогда не обрывавшійся и никого не утомлявшій разговоръ. Коснулся онъ всего понемножку: и сплетенъ, и политики, и послѣднихъ литературныхъ новинокъ, и даже философіи. Графиня прекрасно умѣла выставлять умъ своихъ собесѣдниковъ въ выгодномъ свѣтѣ и всѣ, даже Лунскій, нашли себѣ мѣсто въ пестрой и замысловатой бесѣдѣ; даже ему попались на языкъ двѣ-три почти удачныя фразы. Оправилась очень скоро и Кити: и здѣсь, въ чужомъ домѣ, она была опять той изящною, блестящею Кити Усольцевой, какою зналъ ее Грушневъ въ счастливые дни сватовства. Воздухъ гостиной, а, можетъ быть, и красивый лѣтній туалетъ, надѣтый по случаю поѣздки, дѣйствовали на нее словно возбуждающимъ образомъ. Время летѣло незамѣтно. И всѣ были другъ другомъ очень довольны, такъ, по крайней мѣрѣ, подумалъ бы любой посторонній человѣкъ, случайно заглянувшій въ этотъ день къ графинѣ, еслибъ онъ хотя десять минутъ прислушался къ царившей у нея оживленной болтовнѣ. Когда, однако, въ десятомъ часу Грушневы уѣхали и графиня нѣмымъ взглядомъ какъ бы спросила у Клубина его мнѣнія на ихъ счетъ, Дима сказалъ, засмѣявшись:

— Вамъ хочется знать, что я думаю объ ихъ счастьѣ и насколько его хватитъ?.. По-моему, — покачалъ онъ

головой,—никакого счастья и не будетъ... и оттого только, что прежде они то и дѣло лгали другъ передъ другомъ, а вѣчно лгать утомительно...

— Я предупреждала Грушнева,—усаживаясь въ низкое кресло, отвѣтила графиня, довольная тѣмъ, что Дима попалъ въ самую точку:—я говорила ему, что жены своей до свадьбы никогда не узнаешь, и стало быть, надо, чтобы не испытывать потомъ разочарованія, либо умѣть разгадать загадку во-время, либо заранѣе приготовиться къ непріятнымъ сюрпризамъ...

— Какъ? развѣ ужъ есть сюрпризы?—грузно захохотавъ, спросилъ Лунскій.

— Ахъ, не въ томъ смыслѣ, какъ вы думаете, Лунскій. Вы ужасный человѣкъ! Я просто съ вами говорить не хочу.

Въ эту минуту графинѣ подали телеграмму. Это графъ, ея мужъ, извѣщалъ о своемъ пріѣздѣ чрезъ три дня. Графиня прочла, сложила голубую бумажку и вздохнула.

— Неужели вы не рады, графиня?—разсмѣялся Дима.

— Очень, очень рада, напротивъ; но эта радость меланхолическая... мы слишкомъ хорошо живемъ съ мужемъ... слишкомъ ровно... Вотъ ужъ гдѣ никакихъ сюрпризовъ нѣтъ, и быть не можетъ...

Всѣ трое разсмѣялись и разговоръ принялъ другое направленіе.

Тихая іюльская ночь вѣяла душистымъ тепломъ въ лицо Грушнева и Кити, пока четверка везла ихъ обратно въ Гунцево. Копыта лошадей гулко стучали по гладко укатанной дорогѣ. Звонъ бубенчиковъ широко разливался по стоявшему кругомъ полному затишью. Среди опустѣлыхъ деревень, по которымъ они проѣзжали, какъ-то особенно громко голосили пѣтухи, точно удивлявшіеся безлюдью: весь народъ былъ на пустошахъ, гдѣ кончался сѣнокосъ. Издалека, сквозь прозрачную мглу, всю пронизанную мягкимъ сіяніемъ ночного неба, гдѣ-то на лугу вспыхивалъ догоравшій костеръ, и точно волнами набѣгалъ оттуда медовый запахъ свѣжаго сѣна.

А звѣзды такъ задумчиво, такъ покойно мерцали изъ бездонной выси, какъ будто на вѣки спустилась на заснувшую землю нѣмая ночь и никогда уже не окончиться окутавшему ее мирному безмолвію.

Павелъ Алексѣевичъ съ какимъ-то томительнымъ ощущеніемъ въ сердцѣ озирался на синюю глубь небесъ, на безпредѣльную полупрозрачную тьму; и болѣзненная жажда какого-то, еще незнакомаго, счастія заговорила въ немъ, будто внутри его что-то раскрыться хотѣло, что-то съ недоумѣвающей любовью тянулось къ этой широкой, спокойной природѣ, въ которой столько затаенной жизни чувствовалось среди дремлющей тишины... И ему захотѣлось вдругъ подѣлиться своимъ чувствомъ съ женой, найти въ ней откликъ на зазвучавшую въ немъ и сладко, и болѣзненно струну. Онъ взглянулъ на Кити, какъ бы вопрошая ее сперва мысленно. А Кити, молчавшая до сихъ поръ и вся уткнувшаяся въ уголъ коляски, неожиданно сказала:

— Ты не находишь страннымъ, что графиня Надежда Сергѣевна, одна, безъ мужа, принимаетъ у себя молодыхъ людей? Есть, право, женщины, которымъ все позволено.

Это было совсѣмъ не то, что хотѣлъ услыхать отъ нея Грушневъ, и вопросъ, готовый сорваться съ его губъ, такъ и замеръ безслѣдно. Ему было не до сплетенъ въ эту мирную душистую ночь, навѣвавшую на него столько сладостныхъ и въ то же время столько жуткихъ ощущеній.

— Привыкли къ этому,—отвѣтилъ онъ нехотя: — устали, должно быть, злословить... Не правда-ли, Кити, что за дивная ночь?

— Я нахожу, что сыро,—коротко отозвалась на это Кити, недовольная тѣмъ, что мужъ, очевидно, не хотѣлъ завязать съ ней разговоръ о двусмысленномъ поведеніи графини Длинноруковой.

Молчаніе опять водворилось въ коляскѣ. Кити полузакрыла глаза, убаюканная бубенчиками. А въ головѣ

у Павла Алексѣевича копошился недоумѣвающій вопросъ: „Странное дѣло: она склонна, вѣдь, къ сентиментальности, объ овечкахъ да о курочкахъ заботится и меня за сухость упрекаетъ, а природа ей не говоритъ ничего“... И опять онъ устремилъ глаза къ далекому небу, гдѣ готово столько неожиданныхъ разгадокъ на мучительные вопросы человѣческаго сердца...

Въ Гунцевѣ за чайнымъ столомъ шипѣлъ самоваръ и управляющій, Карлъ Францовичъ, покончивъ съ дневною работой, съ истинно-нѣмецкимъ терпѣніемъ дожидался ихъ возвращенія. Грушневъ пригласилъ его выпить съ ними чаю, и Карлъ Францовичъ, какъ всегда дѣлалъ онъ это въ присутствіи Кити, обратился къ ней со своими докладами, признавая въ ней настоящую владѣтельницу Гунцева. Кити слушала, ничего не понимая, и оттого немного раздражалась.

— Что это за комедія?—спросила она у мужа, когда управляющій вышелъ:—я ничѣмъ здѣсь не занимаюсь, ты полный хозяинъ, а этотъ глупый нѣмецъ, точно въ насмѣшку, все ко мнѣ обращается...

— Никакой насмѣшки тутъ нѣтъ, Кити,—спокойно замѣтилъ Павелъ Алексѣевичъ:—онъ думаетъ, что такъ надо. И совсѣмъ онъ не глупъ: напрасно ты такъ говоришь.

— Ну, глупъ онъ, или нѣтъ, мнѣ рѣшительно все равно. Я знаю одно только, что здѣсь я круглый нуль, и всѣ обращаются со мной, какъ съ ребенкомъ...

Грушневъ не отвѣтилъ. Но мысленно онъ добавилъ къ словамъ жены, что въ самомъ дѣлѣ она во многомъ настоящій ребенокъ, несмотря на то, что пошелъ ей уже двадцать второй годъ. Не было, вѣдь, почти ни одного вопроса, ни одного жизненнаго интереса, который занималъ бы ихъ одинаково. Ахъ, подумалъ онъ, поскорѣй бы родился у насъ ребенокъ, вотъ на этомъ бы мы сошлись... Да, съ каждымъ днемъ Павелъ Алексѣевичъ яснѣе чувствовалъ, что не только онъ по настоящему не сблизился съ женой, а напротивъ, они все больше

удаляются другъ отъ друга. Домашній міръ какъ будто не нарушался: они завтракали, обѣдали, пили чай, гуляли и катались вдвоемъ, а внутреннее отчужденіе незамѣтно росло, то и дѣло прорываясь наружу въ какомъ-нибудь холодномъ, обиженномъ замѣчаніи съ ея стороны, въ недосказанной насмѣшкѣ, которой онъ не успѣвалъ во-время скрыть.

Пріѣздъ графини Надежды Сергѣевны вызвалъ перемѣну въ жизни Грушневыхъ. Въ ихъ одиночество вторгся опять внѣшній, чужой міръ и внесъ съ собой обычную струю напускного, суетливаго оживленія. Побывалъ въ Гунцевѣ сперва Дима Клубинъ, пріѣхавшій туда уже на другой день послѣ ихъ встрѣчи у графини. Онъ былъ неистощимо забавенъ, какъ всегда, а разговоръ все-таки словно не клеился.

— Что̀, братецъ мой,—поддразнивалъ онъ Грушнева, замѣтивъ, что Павла Алексѣевича два раза вызывали въ его присутствіи по какому-то дѣлу,—настоящимъ хозяиномъ сталъ? въ агрономію повѣрилъ? А Екатерину Николаевну, я думаю, всѣ эти сѣвообороты да урожаи такъ же интересуютъ, какъ сказка про бѣлаго быка?.. Признайтесь: вамъ, вѣдь, скучновато въ деревнѣ?—обратился онъ затѣмъ къ Кити.

Грушневъ отшучивался, а Кити не признавалась, что ей скучно. Но въ ихъ отвѣтахъ звучало что-то принужденное, и обычнаго смѣха, который Клубинъ такъ привыкъ вызывать у своихъ слушателей, что-то не раздавалось на террасѣ гунцевскаго дома.

— Откровенно вамъ скажу, Екатерина Николаевна,—началъ онъ, когда они остались вдвоемъ (Грушнева только-что вызвали),—что вашъ деревенскій дуэтъ, кажется, переходитъ въ минорный тонъ. Я всегда находилъ, что деревня и одиночество никуда не годятся, а въ первые мѣсяцы послѣ свадьбы и подавно. Чтобы чувствовать себя совсѣмъ хорошо, надо быть счастли-

вымъ при свидѣтеляхъ, право. Это такъ же необходимо, какъ хоръ для оперы, чтобы поддерживать солистовъ. Обыкновенно думаютъ иначе, но ошибаются, могу васъ увѣрить. Кто, подобно вамъ, почти выросъ въ гостиной, тому присутствіе чужихъ необходимо, какъ воздухъ.

Кити не отрицала этого, но и не признавалась. А Клубинъ подумалъ, глядя на нее: „Какъ дѣйствуетъ дурно, однако, домашнее счастье... Куда дѣвалось прежнее оживленіе?.. И совсѣмъ не слышно болѣе ея грудного смѣха, которымъ всѣ такъ любовались...“ И Клубину жаль стало прежней Кити. Э, да вотъ оно что... мелькнула въ его головѣ догадка: должно быть, съ молодыми женщинами въ такихъ случаяхъ всегда перемѣна бываетъ... И Дима сталъ вглядываться въ нее еще пристальнѣе.

— Знаешь, что?—сказалъ онъ Грушневу, когда тотъ вернулся:—тебѣ бы воспользоваться сосѣдствомъ графини, чтобы почаще туда ѣздить. Она васъ живо растормошитъ, на то она мастерица большая... А потомъ сюда къ вамъ цѣлая компанія нагрянетъ,—у нея домъ, вѣдь, никогда не остается пустымъ.

— Признаюсь, — отвѣтилъ Павелъ Алексѣевичъ, — не особенно забавно ѣздить въ Воскресенское смотрѣть, какъ держитъ себя козырнымъ тузомъ этотъ Лунскій.

— Успокойся, Лунскій сегодня утромъ уѣхалъ.

— Вотъ какъ! —удивился Грушневъ.

— За то,—продолжалъ Дима,—послѣ завтра ожидаютъ графа Дмитрія Григорьевича. Ты противъ него, кажется, ничего не имѣешь?.. Это, вѣдь, самый вѣжливый человѣкъ въ цѣломъ Петербургѣ.

Не даромъ мужъ графини пользовался репутаціей необыкновенной вѣжливости. Никакое сильное душевное движеніе не могло, повидимому, нарушить удивительной, зеркальной ровности его нрава. Никто никогда не слышалъ его возвышающимъ голосъ. А если бы въ его присутствіи совершилось какое-нибудь убійство, онъ

можетъ быть, не кинулся бы на помощь къ жертвѣ, но стулъ бы ей пододвинулъ навѣрно, въ особенности, еслибъ этою жертвой была женщина.

Передъ обѣдомъ Кити ушла переодѣваться, и, оставшись съ Грушневымъ наединѣ, Клубинъ намекнулъ ему про свою догадку.

— Тебя, кажется, скоро можно будетъ поздравить, батенька?.. Оттого-то Екатерина Николаевна и чувствуетъ себя не совсѣмъ хорошо...

— Не знаю, ничего еще не знаю, — живо отвѣтилъ Павелъ Алексѣевичъ. — А какъ бы я этого желалъ, Дима, какъ горячо желалъ!..

Между Гунцевымъ и Воскресенскимъ установились оживленныя сношенія. Грушневы стали часто ѣздить къ графинѣ Надеждѣ Сергѣевнѣ. Графъ Длинноруковъ, въ качествѣ самаго вѣжливаго человѣка въ Петербургѣ, не преминулъ, конечно, тотчасъ отдать имъ визитъ, и жена его тоже не разъ побывала въ Гунцевѣ. Съ Кити она обращалась чрезвычайно мило, почти сердечно, а Павлу Алексѣевичу выказывала даже совершенно особенное вниманіе. Кити, однако, не только не была очарована любезностью графини, а втайнѣ ощущала къ ней какую-то невольную, все разраставшуюся, нелюбовь. И разъ, когда имъ приходилось ѣхать въ Воскресенское обѣдать, Кити вдругъ объявила мужу, что не поѣдетъ ни за что, а на всѣ разспросы его упрямо и раздраженно отвѣчала, что бывать въ Воскресенскомъ ей непріятно, а если онъ въ такомъ восторгѣ отъ общества графини, то пусть ѣдетъ туда одинъ. Грушневъ только повелъ плечами и отправился безъ жены. Его извиненія были приняты графиней съ недовѣрчивой улыбкой, но съ нимъ она держала себя еще любезнѣе обыкновеннаго. Про Кити она отзывалась съ какимъ-то мягкимъ состраданіемъ, почему-то называя ее неоднократно: cette pauvre chère enfant. И странное

дѣло: Грушневъ, знавшій всю подноготную графини и ничуть не обманывавшій себя на ея счетъ,—Грушневъ, самъ того не замѣчая, все сильнѣе подчинялся ея обаянію. У нея совсѣмъ мужской умъ, часто говаривалъ онъ самъ себѣ, и въ то же время столько женской, вкрадчивой прелести... Отсюда былъ одинъ только шагъ до выхода, котораго онъ пока еще не дѣлалъ, но который незамѣтно уже къ нему напрашивался: отчего Кити не такая же, какъ эта женщина?.. Его прельщали то спокойствіе, та опредѣленность мыслей и воли, которыя такъ своеобразно у графини сочетались съ кошачьей гибкостью натуры. И хотя онъ не вѣрилъ въ искренность дружбы этой женщины, но столько находилъ эстетическаго наслажденія въ ея обществѣ; было что-то до того обольстительное въ кажущейся простотѣ ея обращенія, что онъ забывалъ на время о странностяхъ въ ея жизни, о сомнительномъ значеніи иныхъ ея поступковъ. И въ тотъ самый день, когда онъ поѣхалъ къ ней безъ жены, гуляя съ нею послѣ обѣда по широкимъ аллеямъ стариннаго сада, онъ опять, какъ нѣкогда въ Петербургѣ, упивался заманчивымъ ядомъ ея рѣчей.

— Я за васъ боюсь иногда,—говорила, между прочимъ, графиня, — право, боюсь: мнѣ сдается, что настоящій романъ вашей жизни еще впереди; а чѣмъ позже такой романъ наступаетъ, вы знаете, тѣмъ хуже...

Грушневъ попробовалъ возразить, что впереди никакого романа у него быть не можетъ, что онъ, просто, хорошій мужъ, искренно любящій свою жену... Но графиня какъ-то особенно улыбнулась, и отвѣтъ его остался невысказаннымъ.

— Помните,—мигъ спустя начала она опять,—разъ, кажется, на костюмированномъ балу у княгини Бѣломорской, я васъ предупреждала, что одного всего болѣе надо бояться—сравненій съ прошлымъ?.. Большинство свадебъ такими неудачными выходятъ потому, что на первыхъ порахъ берутъ слишкомъ высокую ноту...

ну, и не выдерживаютъ, и голосъ обрывается... Великій секретъ жизненнаго счастья — сдерживать больше, чѣмъ обѣщалъ. Этотъ рецептъ годится для всего на свѣтѣ: и для политики, и для домашней жизни...

Впереди по аллеѣ послышались голоса. Кто-то шелъ къ нимъ на встрѣчу. Это былъ графъ Дмитрій Григорьевичъ съ двумя господами изъ мѣстныхъ, въ этотъ день отобѣдавшихъ въ Воскресенскомъ. Съ обычною своею неутомимой любезностью онъ показывалъ имъ садъ, не хвастаясь, конечно, его великолѣпіемъ, но подробно разсказывая о прошломъ своей усадьбы, гдѣ нѣкогда патріархъ Никонъ отдыхалъ нѣсколько часовъ и куда въ двѣнадцатомъ году, послѣ объявленія войны, императоръ Александръ I заѣзжалъ изъ Москвы къ бабушкѣ графа. Увидавъ жену съ Грушневымъ, онъ даже не улыбнулся: слишкомъ ужъ онъ привыкъ, что жена выбирала себѣ интересовавшаго ее гостя, предоставляя ему занимать остальныхъ. И этому гостю онъ всегда выказывалъ удвоенную любезность. Онъ только спросилъ у жены, не холодно ли ей, и когда она покачала головой, дѣлая видъ, что утомлена немного, онъ съ самой изысканной, но и съ самой равнодушной галантностью подалъ ей руку, чтобъ идти домой. Никто въ цѣломъ мірѣ съ такимъ достоинствомъ не мирился съ измѣнами жены, какъ графъ Дмитрій Григорьевичъ Длинноруковъ.

Часа два спустя Грушневъ подъѣзжалъ къ крыльцу Гунцевскаго дома съ какою-то смутной, не хорошей тревогою на сердцѣ. Разговоръ его съ графиней зашелъ въ этотъ вечеръ далеко, очень далеко, и совѣсть говорила ему глухо, что мысленно онъ уже измѣнилъ женѣ...

Кити выбѣжала къ нему навстрѣчу оживленная и радостная.

— Представь себѣ, что за извѣстіе! — воскликнула она, — мама будетъ завтра сюда съ Женей! Я только что телеграмму получила, а съ ней вмѣстѣ и письмо отъ Жени пришло. Онѣ были въ Остенде и отъ морскихъ

купаній она совсѣмъ оправилась. Онѣ вернулись раньше, чѣмъ думали, и Женя такъ рада, такъ ужъ рада...

Сильно обрадована этимъ была, повидимому, и Кити.

XVII.

На слѣдующее утро Грушневъ и Кити отправились на станцію встрѣчать Вѣру Александровну. Поѣздъ опоздалъ и съ каждою минутою нетерпѣніе молодой женщины усиливалось. Давно она не ощущала въ себѣ такого прилива возбужденія. Въ десятый разъ она справлялась у начальника станціи, когда же, наконецъ, придетъ поѣздъ, и, наскучивъ ожиданіемъ, принялась оживленно разсуждать съ мужемъ, какъ заживутъ они всѣ вмѣстѣ. Вдругъ, совсѣмъ близко раздался свистокъ и показался сѣроватый дымъ со стороны Петербурга. Еще минута, и шипящій локомотивъ съ трескомъ и стукомъ, тяжело дыша, какъ усталый звѣрь, остановился у платформы. Вѣра Александровна и Женя тотчасъ показались въ дверцахъ вагона; поѣздъ останавливался всего на одну минуту. Пошли объятія, возгласы, разспросы. Вѣра Александровна такъ и не отрывалась отъ старшей дочери, точно она ожидала прочесть на ея лицѣ разгадку какой-то великой тайны. А Грушневъ, на котораго теща не обращала вниманія, между тѣмъ, весело здоровался съ Женей.

— Да, я очень, очень устала,—торопясь и запыхаясь, повторяла Вѣра Александровна.—Ну, что, Кити, ничего еще нѣтъ?—добавила она шепотомъ.

Вѣра Александровна, въ самомъ дѣлѣ, казалась очень утомленною. Ея черты осунулись. Красныя пятна багровѣли на щекахъ. Прическа слегка сбилась. Еслибъ ей подали зеркало, она ужаснулась бы, вѣроятно: въ ней не было и слѣда изящной свѣтской женщины. Зато Женя глядѣла какъ настоящее лѣтнее утро: будто едва пробудившаяся заря свѣтилась на ея зарумянив-

шемся личикѣ. Стоило взглянуть на нее, и сомнѣнія не оставалось, что она вернулась изъ-за границы въ полномъ разцвѣтѣ здоровья и силъ. Она даже выросла немножко и чуть-чуть замѣтнѣе вырисовывалась ея грудь подъ туго застегнутымъ лифомъ.

— Вы молодцомъ глядите, Женя! И какъ хорошо, что вы пріѣхали раньше, чѣмъ думали! Кити совсѣмъ просіяла, когда получила вчера телеграмму.

— Развѣ она сіяетъ не всегда?—улыбнулась Женя.

— Нѣтъ, нѣтъ, конечно... Только было это для нея такой пріятной неожиданностью...

— А вѣдь, это я убѣдила маму вернуться и пріѣхать сюда къ вамъ. Никто про это даже не знаетъ—ни бабушка, которая теперь въ Баденѣ, ни папа, который у себя въ деревнѣ. Мы ни у кого позволенія не спрашивали. А мама еще въ Парижъ собиралась и хотѣла только поздней осенью вернуться. Но меня сюда къ вамъ въ Гунцево потянуло.

Вѣра Александровна, между тѣмъ, покончила съ первымъ обмѣномъ самыхъ неотложныхъ вопросовъ и привѣтствій. Поѣздъ уже давно отошелъ, а они все еще вчетверомъ стояли на платформѣ. Горничная Усольцевыхъ воспользовалась удобнымъ случаемъ, чтобъ улизнуть въ буфетъ и напиться чаю.

— Ну, поѣдемъ, Кити, поѣдемъ, чего мы тутъ стоимъ?—сказала Вѣра Александровна.—А гдѣ Ѳекла,—такъ звали горничную, — гдѣ вещи?—съ суетливымъ безпокойствомъ прибавила она.

Все оказалось тутъ, и Ѳекла, и вещи; взявъ Павла Алексѣевича подъ руку, Вѣра Александровна направилась къ выходу.

— Что, мы вамъ не помѣшаемъ? Вѣдь, мы на цѣлый мѣсяцъ,—спрашивала она зятя,—вы знаете, это, вѣдь, Женя уговаривала меня пріѣхать... Она все боялась, какъ бы я не поистратилась въ Парижѣ. Elle est très raisonnable.

Они усѣлись вчетверомъ и лошади тронулись.

— Какъ, однако же, все это бѣднымъ кажется даже послѣ Германіи,—оглядываясь, съ кисло-сладкой улыбкою начала Вѣра Александровна.—И что за блѣдное небо... А вотъ, посмотрите, Грушневъ, есть ужъ и желтые листья... Половины августа еще нѣтъ, а ужъ осенью пахнетъ. И какъ некрасивы эти сжатыя поля... Какая у васъ плѣшивая здѣсь природа...

Всѣ пятнадцать верстъ до Гунцева они все время болтали, то и дѣло перебивая другъ друга, а то и говоря всѣ разомъ. Кити была необыкновенно оживлена, и то и дѣло обнимала мать, прижимаясь къ ней. Глаза ея такъ и блестѣли. Подъ конецъ дороги только и она, и Вѣра Александровна какъ будто утомились слегка,—Вѣра Александровна отъ безсонной ночи въ вагонѣ, а Кити оттого, что поднялась раньше обыкновеннаго. Грушневу и Женѣ пришлось болтать уже вдвоемъ и они это дѣлали очень исправно.

— Что, весело было за границей, Женя?—спрашивалъ онъ.

— Ужасно весело! Только, право, не знаю отчего, потому что, собственно, никакого веселья не было... Въ Соденѣ все больше серьезно больные и какіе они всѣ кислые и вялые... На музыкѣ, представьте себѣ, почтенныя нѣмки всѣ сидятъ въ рядъ и все что-нибудь вяжутъ. И мѣсто совсѣмъ некрасивое А балы тамошніе—по два раза въ недѣлю танцовали въ кургаузѣ,—такіе уморительные, только совсѣмъ не забавные. Вы понимаете разницу?.. Я даже перестала туда ходить.

— Значитъ, было скучно?—перебилъ ее Грушневъ.

— Нѣтъ, было очень, очень хорошо. Мы съ однимъ англійскимъ семействомъ познакомились: такіе прелестные люди! И мы все ѣздили по окрестностямъ вмѣстѣ, и по горамъ карабкались. Мнѣ это было запрещено, но я не слушалась. Недурные виды есть въ Таунусѣ, я кое-что срисовала — если хотите, я вамъ покажу потомъ.

— Но, все-таки, Женя, это довольно скромное удо-

вольствіе... Впрочемъ, кто въ себѣ самомъ носитъ лучъ солнца, какъ вы, Женя, тому вездѣ хорошо...

— Я лучъ солнца?.. Пустяки какіе!..—Она разсмѣялась и потомъ чуть-чуть покраснѣла.

— Изъ Содена, — продолжала она мигъ спустя,—мы сперва въ Баденъ поѣхали недѣли на двѣ. Доктора говорили, что это для меня необходимо, какъ отдыхъ послѣ лѣченія. Только, разумѣется, это вздоръ, и никакого отдыха не требовалось. А отправились мы туда собственно за тѣмъ, чтобы съ бабушкой повидаться, а потомъ и дядя пріѣхалъ. Онъ насъ въ Остенде и повезъ, увѣряя, что это самое лучшее мѣсто для купаній. Да и въ самомъ дѣлѣ, что за чудо это вѣчно новое, вѣчно движущееся море! Я въ первый разъ, вѣдь, настоящее море видѣла. Никогда бы, кажется, не разсталась съ нимъ, кабы можно было...

— А вотъ, все-таки, разстались, сами даже захотѣли поскорѣе оттуда уѣхать... Значитъ, все-таки не такъ ужъ хорошо было?..

Женя слегка вздохнула и безсознательно принялась лѣвою рукой перебирать бахрому на своемъ платьѣ.

— Нѣтъ, очень-очень хорошо... Такое наслажденіе подставлять свое лицо этому чудному морскому вѣтру, столько въ немъ жизни и силы...—Глаза дѣвушки широко раскрылись и блеснули.—А все-таки захотѣлось домой.—Она живо оглянулась. Разговаривая, они не замѣтили, какъ подъѣхали къ Гунцеву. Старинный, бѣлый домъ глядѣлъ на нихъ такъ привѣтливо, весь залитый солнцемъ, съ широкимъ, полотнянымъ навѣсомъ надъ террасой, выходящей на дворъ. Онъ точно улыбался, встрѣчая ихъ.

— Ахъ, какъ я рада!—воскликнула Женя,—перемѣнъ здѣсь никакихъ нѣтъ—все по-старому...—И всѣхъ знакомыхъ служащихъ въ домѣ она встрѣчала съ радостною улыбкой.

Возвращаться опять въ родныя мѣста хорошо тогда только, когда въ самомъ себѣ и въ окружающихъ чув-

ствуешь перемѣну къ лучшему. Тогда вспоминаешь о прошломъ безъ сожалѣнія, и малѣйшія подробности этого прошлаго счастливымъ воспоминаніемъ отзываются въ сердцѣ. Вотъ почему такъ сладко на душѣ, когда возвращаешься туда, гдѣ протекли счастливые дѣтскіе годы, и вотъ почему тоже такъ горько подчасъ свиданіе съ родными мѣстами, когда старость уже на порогѣ, и сравненіе съ прошлымъ такъ помогаетъ измѣрить, сколько дорогихъ воспоминаній временемъ унесено безвозвратно...

А Женѣ казалось, что съ прошлаго года, когда она осенью уѣзжала изъ Гунцева, вокругъ нея все стало радостнѣе и лучше. Заграничная ея поѣздка не только возвратила ей здоровье: она исцѣлила и тотъ душевный недугъ, чуть было не омрачившій ея молодой жизни. Первое прикосновеніе горя едва зарябило зеркальную гладь ея счастливой природы, и теперь казалось, эта весенняя гроза миновала безслѣдно. Женя опять чувствовала себя такою же, какою была до помолвки сестры. Безъ зависти она смотрѣла на счастіе Кити и, при встрѣчѣ съ Павломъ Алексѣевичемъ, никакой тревоги не ощущала. Яркое солнце юности опять озаряло все ея молодое существо; и когда она вступила въ гунцевскій домъ, она точно принесла съ собою живую струю безпечнаго счастія. Гунцево словно помолодѣло въ ея присутствіи, и Павелъ Алексѣевичъ это почувствовалъ сразу.

Когда, въ началѣ девятаго часа, Грушневъ на слѣдующее утро собирался выйти на свою обычную прогулку по хозяйству, къ своему немалому удивленію, въ сѣняхъ онъ встрѣтился съ Женей.

— Какъ! вы поднялись такъ рано?—поздоровался онъ съ ней:—да еще съ дороги!

— Я всегда рано встаю, а въ деревнѣ и подавно. А Кити развѣ не встала?

— Кити?.. Она почти никогда раньше двѣнадцати не показывается.

— Такъ что по утрамъ вы всегда одни?—удивленно спросила Женя.—Бѣдный Павелъ Алексѣевичъ! Хотите, я съ вами пойду? Вы куда?

— Да такъ... по хозяйству... Каждый день есть на что посмотрѣть. Только вамъ, я думаю, это скучнымъ покажется?..

— Совсѣмъ нѣтъ, помилуйте... Утромъ я всегда любила по полямъ ходить. Вы видите, я и одѣта совсѣмъ по-деревенски.

На ней было полудлинное, совсѣмъ простенькое холстинковое платье, стянутое чернымъ кожанымъ кушакомъ. Мягкіе курчавые волосы ея были распущены.

— Вамъ все равно будетъ сперва на конюшню зайти? Мнѣ очень хотѣлось бы на лошадей взглянуть.

Они пошли на конюшню, и Женя тотчасъ узнала своихъ прошлогоднихъ знакомыхъ.

— Ахъ, вотъ и старая Miss!—воскликнула Женя.— Что, Кити попрежнему все на ней ѣздитъ?

— Кити совсѣмъ не ѣздила все лѣто. Miss подъ сѣдломъ въ этомъ году не ходитъ, а прочихъ лошадей Кити боится.

— Боится? Да тутъ славныя двѣ лошадки есть. Особенно вотъ эта, рыженькая: у нея галопъ такой чудесный. Я непремѣнно-непремѣнно поѣду. Кити я пристыжу, и мы отправимся втроемъ хотя завтра. Я нарочно амазонку привезла.

Женя долго любовалась перемѣнами на конюшнѣ, гдѣ заново были отдѣланы стойла и порядокъ былъ отмѣнный. Во всемъ гунцевскомъ хозяйствѣ, впрочемъ, Павелъ Алексѣевичъ завелъ образцовый порядокъ. Пока они разсматривали лошадей, явился управляющій, Карлъ Францовичъ, и предложилъ Грушневу взглянуть на работу новыхъ плуговъ, выписанныхъ для подъемки клеверныхъ полей.

— Ну, это мы, я думаю, до завтра отложимъ,—улыбаясь, сказалъ Павелъ Алексѣевичъ,—а мы теперь съ Евгеніей Николаевной въ лѣсъ собираемся.

— Какъ это? Вы изъ-за меня хотите дѣломъ пожертвовать? Да развѣ я маленькая, и мнѣ все игрушекъ да конфетокъ надо?.. Пойдемте въ поле на плуги смотрѣть. Положимъ, я въ этомъ ничего не понимаю, но что за бѣда? А солнца и пыли я не боюсь.

— И устать тоже не боитесь, Женя?

Она почти обиженно на него взглянула и разсмѣялась.

— Полно, вздоръ какой! Это однѣ сказки про усталость. Танцуютъ, вѣдь, на балахъ до трехъ часовъ и не устаютъ.

И они втроемъ отправились къ мѣсту, гдѣ пахали новые плуги. Женя, пока они шли, озиралась кругомъ, точно было для нея что-то новое въ знакомыхъ гунцевскихъ поляхъ. Съ живостью любознательнаго ребенка она принялась закидывать управляющаго вопросами и видно было по блеску ея глазъ, что отвѣты Карла Францовича укладывались-таки въ ея головкѣ. Грушневу невольно приходилось сравнивать ее съ Кити. Плуги работали чудесно и Павелъ Алексѣевичъ поблагодарилъ управляющаго за покупку. Не долго, впрочемъ, они простояли на клеверномъ полѣ. Павелъ Алексѣевичъ—чего грѣха таить—только для вида присмотрѣлся къ пахотѣ: ему совѣстно было подвергнуть Женю жгучимъ лучамъ солнца, хоть ей, казалось, очень весело было прислушиваться къ дѣловому разговору и учиться хозяйству.

— Пойдемте-ка лучше въ лѣсъ,—сказалъ онъ ей:—отсюда, кстати, недалеко. Навѣрно, у васъ тамъ и свое любимое мѣстечко есть?..

— Есть, разумѣется,—кивнула она головой.—Я туда отъ miss Fox убѣгала прошлымъ лѣтомъ. А вы знаете, miss Fox уже больше не живетъ у насъ.

— Такъ что вы на полной свободѣ, Женя?

— Да я, кажется, всегда была свободна. Я не помню совсѣмъ, чтобы меня къ чему-нибудь принуждали, потому ли, что отчаявались меня передѣлать по своему...

— Или оттого скорѣе,—докончилъ за нее Павелъ

Алексѣевичъ,—что вы сами знаете, что надо... Есть, вѣдь, такія счастливыя натуры, которыхъ сама природа учитъ всему... Только вотъ, Женя,—остановился онъ вдругъ предъ спускомъ къ оврагу,—я, признаться, совсѣмъ забылъ, что по этой дорогѣ надо черезъ ручей переправляться. Нечего дѣлать, я васъ на рукахъ перенесу, а то вы ноги промочите.

— А вы думаете, я сама не знала, что по этой дорогѣ ручей? Я отлично по камушкамъ переберусь. Да и посмотрите, что у меня за толстая обувь.

И она бѣгомъ спустилась по берегу оврага, нашла мѣсто, гдѣ нѣсколько крупныхъ камней облегчали переправу и на цыпочкахъ, ловко и проворно, перешла черезъ ручей. А на другомъ берегу лѣсъ стоялъ темнозеленою стѣной, кое-гдѣ словно обрызганный золотомъ. Женя уже давно стояла на опушкѣ, вся облитая солнцемъ, когда подоспѣлъ къ ней Павелъ Алексѣевичъ. Они оба окунулись въ прохладную тѣнь, медленно ступая рядомъ по узкой тропинкѣ. Августовскій день стоялъ теплый, свѣтлый, безвѣтренный. Яркіе лучи пронизывали чащу, выводя блестящіе кружки на платьѣ Жени и на ея загорѣломъ личикѣ. Сухіе мелкіе сучья хрустѣли у нихъ подъ ногами, пока они шли, невольно прислушиваясь къ каждому шороху въ безмолвномъ лѣсу, гдѣ изрѣдка только раздается сердитый окликъ какой-нибудь хищной птицы или сухой листъ, сорвавшись съ вѣтки, медленно упадетъ на мохъ. Лѣсъ занималъ довольно обширный пригорокъ, съ одной стороны отлого спускаясь къ ручью, съ другой—какъ бы сторожа крутой берегъ рѣки. Содержался онъ плохо, но это не мѣшало ему быть красивымъ, то рѣдѣя и какъ бы разступаясь, такъ что солнце проникало свободно между стволами, то сгущаясь въ безпорядочную молодую чащу, гдѣ ольха и кленъ, рябина и орѣшникъ росли вперемежку, и трудно было пробраться чрезъ сплетенныя вѣтви.

И вотъ, у крутого поворота тропинки, Женя, хорошо

знавшая всѣ закоулки лѣса, вдругъ свернула вправо. Она сдѣлала нѣсколько шаговъ, раздвигая сучья руками, и передъ Грушневымъ, скрытая до того отъ его глазъ, вдругъ показалась небольшая поляна, откуда, подъ сводомъ нависшихъ переплетенныхъ вѣтвей, взглядъ проникалъ къ берегу рѣки, блестѣвшей издали на солнцѣ.

— Вотъ мое любимое мѣстечко,—сказала Женя.— Видите, какъ здѣсь хорошо! И отдыхать тутъ отлично. Посмотрите,—трава какая мягкая, точно шелковая...— Она опустилась на землю говоря это. Грушневъ тоже усѣлся на полусгнившемъ пнѣ.

— Неужели Китти не показывала вамъ этого мѣста? Она, вѣдь, знаетъ его хорошо. Мы съ ней часто сюда ходили...

— Да мы съ Китти почти никогда не бывали въ лѣсу,—какъ бы стыдясь чего-то отозвался Павелъ Алексѣевичъ.—Она вообще неохотно, вѣдь, гуляетъ.

— И гулять не охотница и ѣздить верхомъ тоже!— воскликнула дѣвушка:—и хозяйствомъ не интересуется совсѣмъ!.. Да что же она дѣлаетъ въ деревнѣ?

— Мы съ ней много читаемъ,—все такъ же нехотя отвѣтилъ Грушневъ.

Женя быстро на него взглянула, хотѣла что-то сказать, но остановилась. Мигъ спустя она опять вскочила на ноги.

— Ну, пойдемте, домой пора. Насъ, я думаю, наши къ чаю дожидаются. Мы спустимся къ рѣкѣ и берегомъ вернемся—это будетъ короче.

Они пошли по тропинкѣ сперва отлого, потомъ все круче спускавшейся къ рѣкѣ, а чрезъ нѣсколько минутъ лѣсъ передъ ними словно оборвался, уткнувшись въ самую кручу. Подъ ихъ ногами быстро катилась рѣчка, подмывая отвѣсный берегъ и дугою заворачивая къ мельничной плотинѣ. На противоположной сторонѣ взглядъ уходилъ въ мягкую ширь скошенныхъ луговъ, за которыми волнами поднимались поля, усѣянныя коегдѣ небольшими деревеньками. И необыкновенно весе-

лымъ казался этотъ видъ съ того мѣста, гдѣ они стояли въ густой рамкѣ темнозеленаго лѣса.

— Вы, кажется, и этого мѣста не знаете, Павелъ Алексѣевичъ? — засмѣялась Женя. — Мнѣ какъ будто приходится васъ съ Гунцевымъ знакомить?.. Вотъ и хорошо, что мы съ мамашей пріѣхали.

— Да, очень хорошо,—полубезсознательно отвѣтилъ Грушневъ, весь ушедшій въ какія-то странныя, не совсѣмъ ясныя мысли.

— Ну, полюбовались и будетъ,— сказала Женя, невольно принимая на себя руководство прогулкой.

Полчаса спустя они были дома, и на вопросъ Павла Алексѣевича, не устала-ли она, Женя только покачала головой. На террасѣ ихъ поджидалъ накрытый чайный столъ, но за самоваромъ никого не было.

— Хотите, я вамъ заварю чай? — предложила дѣвушка. — Я вѣдь, умѣю, не думайте... А вы, должно быть, проголодались?..—Она принялась за чайникъ съ проворной дѣловитостью, какъ настоящая хозяйка.

Чай показался Грушневу отличнымъ.

— А что,—вдругъ живо спросила Женя,—вы, я думаю, здѣсь не однимъ хозяйствомъ занимаетесь?.. Бабушка много хорошаго завела: школа отличная, и больница тоже... Это, должно быть, по Китиной части?

Грушневъ прямого отвѣта ей не далъ.

— Въ школу лѣтомъ дѣти не ходятъ, — уклончиво поправилъ онъ ее.

— Знаю, знаю, но, вѣдь, съ перваго числа она откроется. Прошлой осенью мы съ Кити тамъ учили дѣтей, правда, скорѣе въ видѣ забавы...

Въ эту минуту въ стеклянныхъ дверяхъ показались Вѣра Александровна и ея старшая дочь.

— А! вотъ Женя за хозяйку...—сказала Кити, входя.— Хорошо, что она тебя хотя чаемъ напоила. А мы съ мама такъ поздно потому, что разговорились. Она ко мнѣ пришла, когда я еще не была одѣта, и мы не замѣтили, какъ пролетѣло время...

— Полно, Кити, мы съ тобой какихъ-нибудь десять минутъ, не больше разговаривали,—начала Вѣра Александровна.—Я встала поздно, потому что меня дорога утомила, а ты ужъ не знаю отчего. — Но замѣтивъ недовольное, почти сконфуженное, выраженіе на лицѣ дочери, Вѣра Александровна не продолжала.

Грушневъ не возразилъ ничего. Мигъ спустя Кити сдѣлала какое-то замѣчаніе насчетъ погоды и сказала, что къ обѣду будутъ гости. Потомъ Вѣра Александровна принялась разсказывать про заграничное путешествіе. Но бесѣда то и дѣло обрывалась.

— Кити,—вдругъ заговорила Женя,—поѣдемъ завтра верхомъ всѣ вмѣстѣ, хочешь?

— Да на какихъ же мы лошадяхъ поѣдемъ? Miss подъ сѣдломъ не ходитъ, а остальныя...

— Ничего, Кити, найдутся. Я возьму себѣ Забаву, а ты...

— Ну хорошо... посмотримъ,—нерѣшительно отвѣтила Кити.

На этомъ разговоръ оборвался опять.

XVIII.

Гости были тѣ же господа изъ мѣстныхъ, которыхъ Грушневъ встрѣтилъ у графини Надежды Сергѣевны два дня передъ тѣмъ. Одинъ изъ нихъ, еще молодой человѣкъ, занималъ должность земскаго начальника. Звали его Владиміромъ Ѳедоровичемъ Ахтубинымъ. Другой, Василій Семеновичъ Шварскій, былъ просто помѣщикъ, свободный отъ офиціальныхъ занятій, ворчунъ и балагуръ и, вдобавокъ, отличный хозяинъ. Для Кити ни тотъ, ни другой большого интереса не представляли. Тѣмъ не менѣе, она не только принарядилась для гостей, но и выказала имъ такую обворожительную любезность, какъ будто они принадлежали къ ея обычному кругу и забавляли ее необыкновенно. Шварскій

за обѣдомъ усердно бранилъ все, что ни попадалось ему на языкъ: и правительство, и мужиковъ, и погоду. Доставалось отъ него и владѣльцамъ Воскресенскаго, несмотря на отмѣнную любезность графа Дмитрія Григорьевича.

— Вельможа, что и говорить, его сіятельство,—разглагольствовалъ за обѣдомъ Шварскій.—Только запоздалъ на цѣлое столѣтіе: отъ него затхлостью, тлѣніемъ пахнетъ, точно онъ воскресъ отъ вѣкового сна и помнитъ времена Екатерины. Ну, скажите, на что намъ, бѣднымъ провинціаламъ, эта старомодная галантность! Намъ дѣловые люди нужны, а не куклы на пружинахъ. А супруга его—брр.!!! Однимъ взглядомъ она васъ такъ и заморозитъ. Вотъ вы, Павелъ Алексѣевичъ, совсѣмъ другое дѣло: хоть тоже изъ петербургскихъ, а работаете, стараетесь по настоящему, видите, добрая слава на вашъ счетъ ужъ пошла. Только доложу вамъ, все это понапрасну: какъ тамъ ни хозяйничай, а пѣсенка наша спѣта.

— Вы и въ хозяйство не вѣрите,—отозвался на это Грушневъ:—такъ что же, по вашему, дѣлать, коли все никуда не годится?.. и сверху намъ ждать нечего и мужикъ спился и проворовался въ конецъ, и мы сами ни къ чему не способны.

— Что?.. Да ничего-съ... ждать спокойно, пока обухомъ хватитъ по головѣ...

— А сами же вы, однако, хозяйничаете исправно?..

Въ отвѣтъ на это Шварскій только возвелъ очи къ небу, то-есть къ потолку.

— Нѣтъ ужъ, позвольте мнѣ вамъ не повѣрить,— продолжалъ Грушневъ,— складывать заранѣе оружіе никуда не годится. Я, по крайней мѣрѣ, этого дѣлать не собираюсь. Мы въ осадномъ положеніи, это правда, но плохъ тотъ гарнизонъ, который напередъ думаетъ о сдачѣ.

Женя, все время за обѣдомъ разговаривавшая съ Ахтубинымъ, то и дѣло прислушивалась къ словамъ

Павла Алексѣевича, и сочувствіе ея было на его сторонѣ.

— А вы на этотъ счетъ, какъ думаете?—спросила она у своего сосѣда.

— Да, я тоже сдаваться не собираюсь: воевать—такъ воевать! Я выросъ въ родномъ гнѣздѣ и почти не выходилъ изъ него до сихъ поръ. Представьте себѣ: даже въ Петербургѣ не бывалъ никогда. Всѣ мои воспоминанія связаны съ моимъ имѣньицемъ и разставаться съ нимъ я бы счелъ за измѣну. Въ этомъ-то и вся разница между нами, природными помѣщиками, и всякимъ пришлымъ людомъ изъ кулаковъ: для нихъ земля только доходная статья, для насъ это мать родная... Лицо Ахтубина зарумянилось, пока онъ говорилъ это, и его красивые, хоть и нѣсколько робкіе, темно-каріе глаза заблестѣли. Онъ долго еще говорилъ на ту же тему, все болѣе воодушевляясь отъ насмѣшекъ Василія Семеновича, не перестававшаго его дразнить, пока длился обѣдъ.

— Да вы не вѣрите сами въ то, что говорите, Василій Семеновичъ,—повторялъ онъ, встряхивая густыми мягкими волосами.—Вы сами живой примѣръ тому, что хозяйничать можно. И грѣшно вамъ такъ говорить, потому что подтрунивать надъ святымъ дѣломъ, какъ наше, не хорошо...

Ахтубинъ былъ скромный и не притязательный человѣкъ и самоувѣренностью не отличался. Большихъ способностей за нимъ не замѣчалось, но оказывалось ихъ ровно на столько, чтобы добросовѣстно справляться съ тѣмъ маленькимъ дѣломъ, на которое онъ былъ поставленъ. За это всѣ его любили и самъ онъ чувствовалъ себя вполнѣ счастливымъ. Женя слушала его съ удовольствіемъ и не скрывала этого. А онъ, замѣчая сочувственныя искорки въ ея темно-синихъ глазахъ, весь отдавался чарующей прелести этихъ глазъ. Онъ видѣлъ ее уже прошлымъ лѣтомъ, но тогда она была еще подросткомъ и разговориться ему съ ней не при-

шлось. Теперь она словно преобразилась, и молодая ея красота была для Владиміра Ѳедоровича настоящимъ откровеніемъ. А Женя, хотя ничего блестящаго, выдающагося Ахтубинъ не сказалъ, мысленно сравнивала его съ молодыми людьми, которыхъ она видѣла въ Петербургѣ, и сравненіе выходило въ пользу Владиміра Ѳедоровича.

Такъ весь обѣдъ и прошелъ въ бесѣдахъ о хозяйствѣ, приправленныхъ грубоватой солью замѣчаній Василія Семеновича. Бѣдная Вѣра Александровна ужасно скучала, а Кити, хоть и для нея поднимавшіеся вопросы были тарабарскою грамотой, добросовѣстно старалась находить въ нихъ интересъ и въ этомъ она почти успѣвала. А Женѣ казалось, что весь этотъ день, такъ славно начавшійся прогулкой съ Павломъ Алексѣевичемъ, выдался необыкновенно пріятнымъ и хорошимъ. Воздухъ деревни ей положительно нравился.

Послѣ обѣда Вѣра Александровна и Кити расположились со Шварскимъ на террасѣ, а Женя увела Владиміра Ѳедоровича показывать ему садъ. И все такъ же ровно и мягко текла ихъ непритязательная бесѣда. Сперва къ нимъ присоединился было Павелъ Алексѣевичъ, но скоро отъ нихъ почему-то отсталъ. Ему тоже, какъ Женѣ, Ахтубинъ казался славнымъ человѣкомъ, а между тѣмъ страннымъ образомъ этотъ славный человѣкъ ему все-таки не совсѣмъ нравился, онъ и самъ затруднился бы сказать почему.

Между тѣмъ понемногу стемнѣло: блѣдныя звѣзды высыпали на безоблачномъ небѣ, потомъ все ярче загорался ихъ дрожащій свѣтъ. Золотой серпъ мѣсяца медленно выплывалъ изъ-за деревьевъ, осыпая искрами кутавшуюся во мракѣ листву. День кончался такимъ же безмятежно-яснымъ, какимъ онъ начался, и чѣмъ-то торжественнымъ вѣяло отъ наступавшей ночи, чѣмъ-то говорившимъ о спокойствіи неземномъ,—о блаженствѣ болѣе высокомъ, чѣмъ то, какое доступно жизни человѣка...

На террасу подали чай. Кити спросила, куда дѣвалась Женя, и какъ бы въ отвѣтъ бѣлое платье младшей сестры, охваченное темно-красною лентой, показалось совсѣмъ уже вблизи, и ровный ея голосокъ, точно притаившись, чуть слышно доходилъ до сидѣвшихъ на террасѣ. Она медленно шла съ Ахтубинымъ по одной изъ дорожекъ къ дому и когда ея стройный обликъ вышелъ изъ тѣни въ полосу луннаго свѣта, лицо ея ясно говорило про сочувствіе и оживленіе. Грушневъ стоялъ на террасѣ, докуривая сигару, и смотрѣлъ на подходившихъ, невольно сдвинувъ брови. Ахтубинъ наскоро выпилъ чашку чаю и поспѣшилъ уѣхать: на другое утро ему рано приходилось отправляться въ одну изъ отдаленныхъ волостей. Когда онъ вышелъ, Женя встала, медленно, какъ бы нерѣшительно спустилась въ садъ, потомъ засмѣялась чему-то и тутъ же сорвалась у нея бойкая, красивая музыкальная фраза изъ какой-то новой оперы. Она повернула направо и поспѣшными шагами удалилась вся облитая, какъ бѣлый призракъ, дрожащимъ сіяніемъ мѣсяца. Павла Алексѣевича что-то словно кольнуло въ грудь. Онъ замѣтилъ на скамейкѣ накидку молодой дѣвушки, схватилъ ее и, бросивъ окурокъ, поспѣшилъ за нею въ садъ.

— Я боюсь, какъ бы она не простудилась! — крикнулъ онъ, оборачиваясь назадъ къ террасѣ. Черезъ минуту онъ нагналъ ее.—Накиньте это, Женя, — сказалъ онъ почти повелительно:—становится свѣжо и сыро.

— Какъ вы добры, Павелъ Алексѣевичъ,—поблагодарила она, послушно давая ему окутать свои плечи. И въ ея немного удивленномъ взглядѣ была самая искренняя, самая дѣтская благодарность.

— Въ ваши годы всѣ дѣвушки такъ неосторожны,— попробовалъ онъ улыбнуться, совсѣмъ не понимая, отчего голосъ его какъ будто дрожалъ. — Видно, еще рано было отсылать Miss Fox...—На мигъ онъ невольно залюбовался стройностью ея стана, вспоминая вдругъ, какъ ему разъ уже пришлось на балу у княгини Бѣло-

морской остановить на Женѣ восхищенный взглядъ. Ея миловидное личико, онъ тоже замѣтилъ это, въ блѣдномъ свѣтѣ мѣсяца сіяло какою-то небывалою прежде строгою красотой. Это была уже словно совсѣмъ не та веселая хохотунья Женя, съ которой онъ въ то же утро совершилъ длинную прогулку. И веселыя рѣчи имъ не приходили теперь въ голову: они шли молча рядомъ, упиваясь прянымъ запахомъ цвѣтовъ, разсаженныхъ по клумбамъ.

— Скажите, Павелъ Алексѣевичъ, — спросила она вдругъ, и голосъ ея тоже показался ему строгимъ, — вы все по прежнему любите Кити, совсѣмъ по прежнему?

— Какой странный вопросъ, Женя! Разумѣется да.

— Знаете что, Павелъ Алексѣевичъ?—мигъ спустя продолжала она:—я всего второй день у васъ въ Гунцевѣ, и мнѣ кажется почему-то,—она запнулась на секунду,—что какая-то перемѣна есть въ васъ... что Кити не совсѣмъ ужъ такъ счастлива...

У Грушнева сердце забилось отъ этихъ словъ дѣвушки. Въ первый разъ къ нему отчетливо подступало сознаніе, что въ самомъ дѣлѣ есть какая-то перемѣна въ его отношеніяхъ къ женѣ. Но мысль эту онъ отогналъ рѣшительно, сурово, и принялся настойчиво отрицать догадку молодой дѣвушки.

Оно опустила голову и не возражала.

— Это было бы такъ ужасно...—вполголоса замѣтила она.—Вѣдь, нѣтъ еще полугода что вы женаты...

Опять наступило молчаніе. Шаги ихъ, легкіе и упругіе, гулко раздавались по безмолвному саду. У Грушнева тоже копошился вопросъ, котораго онъ не рѣшался высказать. Онъ заговорилъ сперва о самыхъ безразличныхъ предметахъ: о поѣздкѣ верхомъ, которую они сдѣлаютъ завтра, о томъ, куда ея мать собирается изъ Гунцева; и вдругъ, обрывая свою рѣчь, онъ спросилъ:

— А что, нравится вамъ Ахтубинъ? — Говоря это, Грушневъ почувствовалъ, что краснѣетъ.

— Очень нравится,—былъ ея спокойный отвѣтъ.— Онъ, кажется, славный человѣкъ.

— Да, но Дима Клубинъ, напримѣръ, тоже славный, а между тѣмъ...

— Какъ можно ихъ сравнивать! — перебила она.— Этотъ совсѣмъ, совсѣмъ другой.

— Одно у нихъ все-таки есть общее, — засмѣялся Грушневъ (но смѣхъ его вышелъ натянутымъ): — вы обоимъ, кажется, очень нравитесь...

— Павелъ Алексѣевичъ, вы хотите, чтобъ я на васъ разсердилась?.. — И ея смѣхъ звучалъ откровенно и звонко.—Я вамъ уже говорила разъ: два пажа, одинъ морякъ... не помню, кто еще... Ихъ ужъ цѣлая коллекція...

— Это значитъ продолженіе все того же списка, да?— отозвался онъ на этотъ разъ весело.

— Поль! Женя!—послышался за ними голосъ Кити.— Идите домой: ужинъ поданъ.

Всю дорогу назадъ Грушневъ почему-то молчалъ. А въ душѣ у него все шевелился тревожный, докучливый вопросъ: „Неужели я Кити въ самомъ дѣлѣ не люблю такъ, какъ прежде?..“

Женя себѣ въ этотъ вечеръ никакихъ вопросовъ не задавала, когда пришла въ свою комнату въ верхнемъ этажѣ. Она только простояла долго передъ открытымъ окномъ, любуясь мерцавшими звѣздами, но и не думая вопрошать ихъ. Никакой разгадки ей не приходилось искать въ далекомъ тихомъ небѣ. Ей то засмѣяться, то запѣть хотѣлось, и то и дѣло у нея вырывались обрывки музыкальныхъ фразъ. Она просто чувствовала въ себѣ избытокъ жизни, просившійся наружу.

XIX.

Катанье верхомъ пришлось отложить. Въ два часа пріѣхала графиня Длиннорукова, дѣлая видъ, что очень рада застать въ Гунцевѣ Вѣру Александровну, хотя въ

Петербургѣ между обѣими женщинами короткости не было вовсе. Графиня слегка пожурила Кити за то, что послѣдній разъ она не была съ мужемъ въ Воскресенскомъ. И много иныхъ любезностей она наговорила молодой женщинѣ. Но Кити не могла осилить затаеннаго нерасположенія къ графинѣ и отвѣчала ей довольно холодно. Ее то и дѣло бросало въ краску и она чувствовала себя неловко. Кити не только не долюбливала графиню, она ее боялась, сознавая, что эти опытные, зоркіе глаза подвергаютъ ее немилосердной оцѣнкѣ; каждый разъ, что графиня Надежда Сергѣевна обмѣнивалась взглядомъ съ ея мужемъ, молодой женщинѣ чудилось почему-то, что есть какая-то скрытая насмѣшка въ этомъ взглядѣ, есть даже, пожалуй, тайное согласіе между ними обоими. Грушневъ былъ что-то неразговорчивъ въ этотъ день и самое его молчаніе Кити толковала невыгодно для себя. А въ голосѣ Надежды Сергѣевны были однѣ мягкія ноты, и никто, казалось, не могъ устоять противъ ея очарованія.

Вѣра Александровна такъ и не устояла. Она была уже готова видѣть въ графинѣ истиннаго друга для себя и для дочери, какъ вдругъ та удивила ее неожиданнымъ вопросомъ:

— А вы давно разстались со своимъ братомъ? Мнѣ пишутъ изъ Остенде, что онъ веселъ и любезенъ, какъ никогда, и всѣ дамы отъ него въ восторгѣ. Какъ это вы его оставляете тамъ безъ надзора? Берегитесь: а то вдругъ онъ вздумаетъ жениться...

Вѣра Александровна и въ мысляхъ не допускала такого бѣдствія, какъ женитьба брата. Но въ отвѣтъ на слова графини она бойко солгала, что это было бы для всей семьи величайшею радостью, тѣмъ болѣе, что онъ послѣдній въ родѣ...

Графиня улыбнулась и не настаивала. Вскорѣ затѣмъ она уѣхала.

Остались вдвоемъ мать съ дочерью; Грушневъ тоже

скрылся. Вѣра Александровна принялась расхваливать графиню.

— Нѣтъ, мама, нѣтъ,—упорно возражала Кити,—что бы вы ни говорили, я чувствую въ ней врага. Это женщина, которой доставляетъ удовольствіе разстраивать чужое счастіе. И я увѣрена, что она имѣетъ нехорошее вліяніе на Павлика. Въ самый день вашего отъѣзда заграницу онъ у нея завтракалъ и вернулся оттуда такимъ страннымъ, сдѣлалъ мнѣ потомъ такую непріятную сцену...

— Ты ревнуешь мужа къ этой женщинѣ?..—воскликнула ея мать.—Стыдись, Кити: она на цѣлыхъ шестнадцать лѣтъ старше тебя.

— Ахъ, это ничего не значитъ... Говорю вамъ, она опасная женщина: у нея есть какое-то непонятное обаяніе для мужчинъ.

— Да развѣ ты что-нибудь замѣтила?—спросила Вѣра Александровна.—Развѣ Поль... Онъ кажется мнѣ примѣрнымъ мужемъ: нравъ у него спокойный и ровный, и онъ совсѣмъ, совсѣмъ у твоихъ ногъ... Надо только, чтобы ты съумѣла не выпускать его изъ своей власти...

Но Кити недовѣрчиво качала головой. Помолчавъ съ минуту, Вѣра Александровна продолжала:

— Знаешь, мой дружокъ, какое самое вѣрное средство удерживать мужей отъ наклонности шалить и дѣлать глупости? Это средство—дѣти. Вотъ отецъ твой ужъ самый невозможный человѣкъ, а послѣ твоего рожденія онъ цѣлые два года оставался мнѣ безусловно вѣренъ. Вотъ и ты постарайся... А что,—добавила она вполголоса, подходя къ дочери и цѣлуя ее въ лобъ:—ничего еще нѣтъ? рѣшительно ничего? А я, признаюсь, думала... ты стала такой охотницей весь день на кушеткѣ лежать, не двигаясь съ мѣста...

Кити вздохнула и сдѣлала отрицательное движеніе головой.

— Такъ я бы тебѣ посовѣтывала, мой дружокъ, не

быть такой домосѣдкой и помнить, что жена — товарищъ мужа. Особенно Поль этого, кажется, не любитъ.

— Да, вы правы, мама,—отвѣчала Кити:—я немножко излѣнилась въ деревнѣ. Вотъ завтра мы втроемъ отправимся верхомъ кататься.

Но это „завтра“ наступило, а поѣздка все-таки не состоялась. Кити осталась дома, ссылаясь на головную боль. Женѣ пришлось съ Павломъ Алексѣевичемъ отправиться вдвоемъ. И часто потомъ они повторяли эти поѣздки, всякій разъ, что у Грушнева выдавалось свободное время: одну ее не отпускали.

— Посмотрите за ней, пожалуйста,—твердила зятю Вѣра Александровна:—она вѣдь у меня сумасшедшая...

Да и самъ Грушневъ не позволилъ бы ей кататься безъ себя. „Забава“ была славная: она прекрасно ходила подъ дамскимъ сѣдломъ, но слишкомъ тревожно поводила ушами, чтобы можно было довѣриться ея нраву. А когда молодая дѣвушка на нее садилась, она слишкомъ безпокойно рыла копытами землю и, опустивъ голову, кусала удила, покрывая ихъ бѣлою пѣной.

Сумасшедшею, впрочемъ, Женю никакъ нельзя было назвать. Она, правда, бойко и увѣренно вела свою лошадку и отлично перескакивала черезъ любую канаву, но осторожность ее не покидала никогда. И любо было глядѣть, какъ ловко сидѣла она на сѣдлѣ не отдѣляясь отъ лошади, съ упоеніемъ подставляя свѣжему воздуху свое разгоряченное лицо. Великое удовольствіе доставляли Павлу Алексѣевичу эти поѣздки, большее даже, чѣмъ сознавалъ онъ это самъ. Безъ малѣйшаго усилія онъ становился въ уровень съ ея свѣжей молодостью, точно они были настоящіе сверстники. И весело, безъ умолка звучали ихъ голоса, едва они переводили лошадей на шагъ и завязывалась у нихъ живая бесѣда. Все интересовало Женю: каждый новый предметъ, каждая новая мысль, на которую наталкивалъ ее разговоръ съ Грушневымъ, тотчасъ вызывали у нея рядъ любознательныхъ вопросовъ, сразу находя отголосокъ въ

ея пытливомъ умѣ. И Грушневу казалось, что не съ ребенкомъ онъ дѣлится своими познаніями, а что съ нимъ рядомъ дорогой товарищъ, совершенно равный ему во всемъ. Его воспріимчивое чутье ко всему изящному и красивому полубезсознательно любовалось стройными линіями ея молодаго стана, туго охваченнаго сѣрой амазонкой, гибкою законченностью всѣхъ ея движеній, хрустально-серебристымъ звукомъ ея смѣха...

Женя становилась для него мало-по-малу настоящимъ товарищемъ. Съ непритворнымъ участіемъ она входила во всѣ его хозяйскія заботы. По утрамъ она почти каждый день сопровождала его, когда онъ отправлялся въ поле. А заботу о бѣдныхъ и больныхъ, совсѣмъ оставленную ея старшею сестрой, Женя приняла на себя по нѣмому уговору съ Павломъ Алексѣевичемъ. Часто они вмѣстѣ ходили въ деревню, чтобы заглянуть въ одинъ изъ крестьянскихъ дворовъ, гдѣ была особенная нужда. И Грушневъ чувствовалъ, что сердце его точно согрѣвается въ обществѣ молодой дѣвушки, что она будитъ въ немъ, быть можетъ, недостаточно проснувшееся чувство состраданія къ ближнему.

Въ одномъ только они не совсѣмъ сходились. Женя очень скоро замѣтила, что Павелъ Алексѣевичъ въ церкви бываетъ неохотно. Уже два воскресенья прошло съ тѣхъ поръ, какъ она пріѣхала въ Гунцево, а Грушнева за обѣднею не было. Возвращаясь домой послѣ службы, она встрѣтила Павла Алексѣевича, разсуждавшаго съ управляющимъ о какихъ-то проектахъ на слѣдующій годъ.

— Здравствуйте,—протянулъ онъ ей руку, отпуская управляющаго.—Что это мы съ вами не видались сегодня?

— Я ходила къ обѣднѣ.

— Ахъ, да! — немного сконфуженно воскликнулъ онъ:—воскресенье сегодня, а я и забылъ. И Вѣра Александровна, и Кити были тамъ?—спросилъ онъ мигъ спустя, идя рядомъ съ нею.

— Мама была, а Кити нѣтъ: она еще не вставала.

— Вотъ видите,—засмѣялся онъ,—по крайней мѣрѣ, я лѣнюсь не одинъ.

Женя ничего не возразила. Минуты двѣ они шли молча.

— Откровенно признаюсь вамъ, Женя,—заговорилъ онъ опять:—ходить къ обѣднѣ только ради выполненія формальности я считаю недостойнымъ и обѣдни, и себя тоже. Молиться вѣдь тогда только можно, когда влечетъ къ этому потребность.

— Да развѣ другіе туда ходятъ ради одной формальности, какъ вы говорите?—спросила дѣвушка.

— Многіе по крайней мѣрѣ, очень многіе: привычка—великое дѣло.

— А я вотъ что у васъ спрошу,—подумавъ немного заговорила Женя, и большіе блестящіе глаза ея взглянули на него прямо:—когда вы добро дѣлаете бѣднымъ, это у васъ тоже формальность, обрядъ какой-то? или вы ихъ на самомъ дѣлѣ братьями считаете? А братья они намъ потому вѣдь, что всѣ мы дѣти одного Бога.

— Я никогда себѣ этихъ вопросовъ не задавалъ, Женя,—былъ его отвѣтъ.—То маленькое добро, какое я, можетъ быть, дѣлалъ на своемъ вѣку, потому только и заслуживаетъ этого названія, что оно творилось безъ цѣли, не мудрствуя лукаво, по одному естественному влеченію... Вотъ такою же должна быть молитва, простая, непринужденная, безкорыстная... И хотя, быть можетъ, я очень невѣрующій человѣкъ, мнѣ тоже случалось такъ молиться. Только никогда не дѣлалъ я этого по обязанности, изъ чувства какого-то долга.

— Да какъ же, Павелъ Алексѣевичъ?—живо спросила она:—вамъ случалось молиться, и вы себя считаете невѣрующимъ? Да кому же вы молились тогда?

— Можетъ быть, никому... Не моя вина, что я не въ силахъ дать на это положительнаго отвѣта...

Она подумала немного, опустивъ голову, и тихо сказала:

— А то чувство радости, какое въ васъ было на-

вѣрно, когда вамъ случалось молиться, развѣ оно васъ не убѣждаетъ, что васъ слышалъ кто-то?

— Да, Женя, въ тѣ минуты я такъ думалъ и былъ бы очень, очень радъ, если-бы могъ думать такъ всегда... Ну, а вы сами,—вы, я знаю, аккуратно бываете въ церкви, вы ужъ такъ воспитаны,—развѣ вы.. —Онъ не договорилъ. Въ его головѣ словно зажглось воспоминаніе о томъ, какъ видѣлъ онъ Женю горячо, страстно молившеюся, когда она говѣла передъ Пасхой.—Впрочемъ, нѣтъ,—поправился онъ:—я помню... я видѣлъ, какъ вы стояли на колѣняхъ и какъ искренно молились...

Его слова бросили ее въ краску.

— Я былъ такъ пораженъ этимъ, мнѣ казалось, что въ ваши годы такого религіознаго экстаза не бываетъ, меня такъ удивили ваши слезы, что я потомъ долго спрашивалъ у себя: какой вы отмаливали тяжкій грѣхъ, или какое васъ горе постигло?..

Краска на ея лицѣ еще усилилась. Ей невыразимо тяжело было про это вспоминать, но она все-таки принудила себя къ улыбкѣ.

— Не помню, что было тогда,—проговорила она съ трудомъ,—это вѣдь такъ давно ужъ... Кажется, ничего особеннаго не было...

— Для васъ, по крайней мѣрѣ,—отвѣтилъ онъ весело:—это было вѣдь наканунѣ нашей свадьбы... Вотъ если бы Кити плакала тогда, это было бы въ порядкѣ вещей...

Бѣдная Женя не знала, какъ скрыть овладѣвшее ею смущеніе. И она обрадовалась, когда Павелъ Алексѣевичъ вдругъ заговорилъ о другомъ.

— Обѣщаю вамъ, милая Женя,—сказалъ онъ,—что не стану больше пропускать ни одного праздника, по крайней мѣрѣ пока вы здѣсь. Можетъ быть, и войду во вкусъ. Видите, какое вы имѣете на меня доброе вліяніе, а?

Въ послѣднихъ его словахъ было, однако, что-то не совсѣмъ пріятное для молодой дѣвушки. Ей показа-

лось, что онъ говоритъ съ нею, какъ съ ребенкомъ, а въ послѣднее время Женя отъ этого совсѣмъ отвыкла. Ихъ разговоръ былъ прерванъ Вѣрой Александровной, шедшей къ нимъ навстрѣчу.

— Гдѣ вы такъ долго пропадали? Мы съ Кити васъ ждемъ за чаемъ давно.

— Мы все спорили,—кратко отвѣтила Женя.

— И, должно быть, очень горячо спорили? Ты совсѣмъ раскраснѣлась... и глаза у тебя такіе блестящіе...

Кити спустилась съ террасы къ нимъ навстрѣчу. Она тоже замѣтила краску возбужденія на лицѣ сестры.

— Какая ты сегодня хорошенькая, Женя,—обнимая ее, сказала она.—Вотъ уже, когда пріѣдетъ Ахтубинъ, ты совсѣмъ ему вскружишь голову.

— Да онъ развѣ пріѣдетъ?—равнодушно спросила Женя. Ахтубинъ былъ въ эту минуту безконечно далекъ отъ ея мыслей.

— Вѣроятно. Онъ и прошлое воскресенье былъ. Я думаю, онъ каждою свободною минутой радъ воспользоваться, чтобы на тебя полюбоваться. Будто ты не замѣчаешь, что произвела на него сильное впечатлѣніе?..

Женя посмотрѣла на сестру, ничуть не смутившись, и блестящіе ея глаза, должно быть, видѣли передъ собою совершенно иные образы, чѣмъ скромную, незатѣйливую фигуру Ахтубина. За чайнымъ столомъ она была необыкновенно молчалива въ это утро.

— А знаешь что, Женя?—заговорила Кити, ощущавшая, наоборотъ, какой-то необычайный приливъ оживленія:—твой примѣръ, кажется, на меня дѣйствовать начинаетъ. Съ тѣхъ поръ, какъ я проснулась сегодня, я не перестаю тебя сравнивать съ собою и нахожу, что ты много-много лучше меня. Ты на себя всѣ мои обязанности взяла, за садомъ присматриваешь, мужу помогаешь во всемъ... И какъ тебя здѣшній народъ полюбилъ, ты себѣ представить не можешь! Вчера, когда вы съ Павликомъ катались верхомъ, къ тебѣ какія-то бабы изъ сосѣдней деревни приходили. Ну, и

наслышалась я похвалъ на твой счетъ! Я себя почувствовала совсѣмъ пристыженной. И сегодня я дала себѣ слово разъ навсегда отъ своихъ дурныхъ привычекъ отучиться. Да, Павликъ,—обратилась она къ мужу, лаская его взглядомъ,—не буду тебѣ больше давать случая на меня жаловаться.

— Я на тебя никогда и не жаловался,—не отвѣчая на взглядъ жены, сказалъ Павелъ Алексѣевичъ.

— Ну, ужъ это извини: точно я не знаю... И совершенно ты правъ былъ, упрекая меня. Но теперь, говорю тебѣ, примѣръ Жени меня заразилъ.

Все это она говорила безъ всякой задней мысли, просто и непринужденно. А въ сердцѣ Павла Алексѣевича ея слова вызывали что-то очень похожее на угрызеніе совѣсти. Онъ избѣгалъ даже смотрѣть на жену, не отзываясь на ея ласковый тонъ.

А Кити въ это утро, какъ нарочно, была расположена выказывать мужу особенную ласковость. Почему-то ей казалось, что сегодня, именно сегодня, ей особенно дороги всѣ ея близкіе. Такой ужъ на нее стихъ нашелъ. Она не примѣчала даже, что ни мужъ, ни сестра не раздѣляютъ ея радостнаго настроенія. И Кити принялась за свою новую роль съ ревностью новообращенной. Едва встали изъ-за чайнаго стола, она велѣла позвать садовника и принялась съ нимъ долго разсуждать о какихъ-то обширныхъ нововведеніяхъ на будущій годъ. Садовникъ слушалъ ее молча и сумрачно, какъ слушаютъ подчиненные господъ, когда они увѣрены, что изъ получаемыхъ ими приказаній ничего не выйдетъ. Потомъ Кити пригласила къ себѣ въ кабинетъ управляющаго, Карла Францовича, и стала его разспрашивать, какъ живутъ гунцевскіе крестьяне и много-ли между ними бѣдныхъ. Очень скоро обнаружилось при этомъ, что Кити имѣетъ о крестьянской бѣдности очень смутное представленіе и смотритъ на нее съ какой-то спеціальной, дамской точки зрѣнія, между тѣмъ какъ управляющій смотрѣлъ на нее съ точки зрѣнія исключительно дѣловой, и вы-

шло, разумѣется, что они не могли другъ друга понять. Грушнева, присутствовавшаго при разговорѣ, понемногу разбирало нетерпѣніе. Нѣсколько ребяческіе пріемы Кити въ ея чистосердечномъ желаніи приняться за дѣятельность раздражали его, пожалуй, еще болѣе, чѣмъ прежняя ея безнечность.

– Всего лучше, Карлъ Францовичъ,—сказалъ онъ, наконецъ, управляющему,—прикажите конторщику составить для Катерины Николаевны полный списокъ гунцевскихъ домохозяевъ со всѣмъ, что у каждаго изъ нихъ имѣется: съ лошадьми, скотомъ, ну, понимаете, чтобы вышла полная статистика. Катерина Николаевна тогда все увидитъ ясно.

Управляющій изъ словъ Грушнева понялъ только то, что выйдетъ лишняя работа для конторщика въ такое время, когда дѣла и безъ того много, а все-таки обѣщалъ черезъ недѣлю эту статистику изготовить. Кити въ словахъ мужа поняла нѣчто совсѣмъ иное. Ей послышалась насмѣшка въ нихъ, — насмѣшка, тѣмъ болѣе обидная, что она, вѣдь, съ такимъ чистосердечіемъ принялась было за новое дѣло. И почти со слезами на глазахъ она отпустила управляющаго, сказавъ ему, что ничего не надо для нея писать, коли въ конторѣ теперь столько занятій.

XX.

Нѣсколькими часами позже въ тотъ же день Грушневъ возвращался съ дальняго хутора на бѣговыхъ дрожкахъ и, проѣзжая селомъ, остановился передъ избой мужика, къ которому наканунѣ заходилъ съ Женей провѣдать его больную жену. Ему вспомнилось живое участіе, какое принимала въ ней молодая дѣвушка; передавъ лошадь стоявшему тутъ мальчугану, онъ вошелъ въ избу. Съ самаго порога его обдало душнымъ, тяжелымъ запахомъ. Каково же было его удивленіе,

когда онъ увидѣлъ Женю у изголовья больной, шепотомъ говорившую что-то стоявшему возлѣ нея фельдшеру. Мужъ больной, хозяинъ дома, сидѣлъ на лавкѣ и привсталъ, когда Грушневъ вошелъ. На лицѣ его выражалась полная, тупая покорность. Въ люлькѣ въ противоположномъ углу полугодовой ребенокъ громко кричалъ, тщетно убаюкиваемый двѣнадцатилѣтнею дѣвочкой.

— Что, не лучше?—вполголоса спросилъ у мужичка Павелъ Алексѣевичъ.

— Гдѣ намъ знать?—качнулъ тотъ курчавою головой:—кажись, не жалуется. На все Божья воля...

— Женя, вы давно здѣсь?—все тѣмъ же шепотомъ обратился онъ къ молодой дѣвушкѣ.

— Съ часъ, не больше,—отвѣтила она.—Видите, помогаю Нилу Арсеньевичу,—такъ звали фельдшера,—какъ умѣю. Вы ужъ меня извините: безъ вашего разрѣшенія за докторомъ послала.

— А болѣзни еще не опредѣлили?—обратился онъ къ фельдшеру.

Тотъ покачалъ головой.

— Да какъ же? — съ безпокойствомъ продолжалъ Грушневъ:—пожалуй, что-нибудь инфекціонное? Женя, какъ можно такъ рисковать! И воздухъ здѣсь такой ужасный... Да и то, что вы дѣлаете теперь, неужели этого нельзя поручить какой-нибудь изъ деревенскихъ женщинъ?

Женя ничего не отвѣтила, спокойно продолжая свое дѣло.

— Онѣ не умѣютъ-съ, не то обращеніе, — отвѣчалъ за нее фельдшеръ.

— Да, вѣдь, у больной есть взрослая дочь, та самая, которая приходила къ намъ вчера.

— Она и сегодня была у меня, едва вы успѣли уѣхать,—сказала Женя, только что покончившая съ перевязкой.—Она такъ упрашивала меня зайти къ больной матери, кабы вы ее видѣли, Павелъ Алексѣевичъ, вы бы тоже не устояли.

— Можетъ быть... только вамъ бы я не позволилъ...

— А что вы сдѣлали бы на моемъ мѣстѣ?—все такъ же спокойно и рѣшительно настаивала Женя.—Развѣ вы умѣете дѣлать перевязку?

— Да что жъ вы ее въ больницу не перевозите?—съ оттѣнкомъ нетерпѣнія замѣтилъ фельдшеру Грушневъ.—Тамъ и чище, и воздухъ лучше.

Они втроемъ стояли въ углу избы, продолжая говорить шепотомъ.

— Мы съ Ниломъ Арсеньевичемъ порѣшили это до доктора оставить. Онъ сейчасъ будетъ: я за нимъ еще утромъ послала. Только мы упомянули про больницу, такъ вся семья завопила, что ее уморятъ тамъ. Безъ доктора про это и слышать не хотятъ.

— Вотъ народецъ!—обратился опять къ фельдшеру Грушневъ:—сами не умѣютъ за больнымъ ходить, а лѣчить не даютъ. Да гдѣ же дочь-то?

— Сидитъ на заваленкѣ,—отвѣтилъ фельдшеръ,—и реветъ что есть мочи.

Грушневъ нетерпѣливо повелъ плечами. Но стоило Женѣ на него взглянуть, и мягкій упрекъ, какой онъ прочелъ въ ея глазахъ, смирилъ его нетерпѣніе.

— Неужели вы не понимаете,—вполголоса сказала она ему,—что мнѣ хочется знать, знать навѣрно, велика-ли опасность? Я не могу принимать участія въ людяхъ и не полюбить ихъ хотя немножко. Ну, я и дождусь доктора, чтобъ имѣть возможность хоть что-нибудь сказать имъ въ утѣшеніе. А вы пойдите, пойдите: вамъ здѣсь дѣлать нечего.

— Безъ васъ ни за что!—вырвалось у него страстнымъ шепотомъ. И Женя почти испугалась горячаго взгляда его вспыхнувшихъ глазъ.

Какъ разъ въ эту минуту больная застонала и дѣвушка поспѣшила къ ней вернуться. Четверть часа спустя докторъ пріѣхалъ. Что вытерпѣлъ за эти четверть часа Грушневъ!.. Но за одно съ боязнью за Женю, иное чувство въ немъ сказывалось, мягкое и прими-

ряющее. „Не можетъ быть неправды въ той вѣрѣ,—говорилъ онъ себѣ,—которая внушаетъ такому молодому существу эту полную, смѣлую готовность такъ забывать себя для другихъ“...

Докторъ очень еще молодой человѣкъ, длинный и костлявый, съ жиденькою бородкой и въ синихъ очкахъ, очень долго провозился съ больной, выстукивая ее на всѣ лады и, должно быть для пущей важности, объясняясь мудреными научными терминами. Неувѣренность своихъ пріемовъ онъ пробовалъ скрадывать нѣкоторой рѣзкостью въ обращеніи, очень свойственною юнымъ питомцамъ Эскулапа.

— Ничего еще положительнаго сказать нельзя,— объявилъ онъ вполголоса Павлу Алексѣевичу:—пока это продромальный періодъ. Какъ будто начинается воспалительный процессъ, но прямой опасности нѣтъ. Только вамъ, барышня,—обратился онъ къ Женѣ,—совсѣмъ ужъ не годится здѣсь быть: воздухъ ужасный. А больную перевезти надо непремѣнно. Эй ты! какъ тебя? — подозвалъ онъ мужика, опять присѣвшаго на лавку.

Тотъ подошелъ съ худо-скрытымъ недовѣріемъ на лицѣ.

— Это твоя жена, что-ли? да? Такъ сейчасъ же ее въ больницу отправить, слышишь?

Мужикъ не отвѣчалъ, почесывая затылокъ и съ глухой враждебностью посматривая на присутствовавшихъ. Женя была возмущена суровою небрежностью въ тонѣ доктора и принялась мягко и ласково уговаривать хозяина, повторяя нѣсколько разъ, что въ больницѣ его женѣ будетъ гораздо лучше и выздоровѣетъ она навѣрно.

— Ну, матушка, барышня,—отвѣтилъ мужикъ, — на то ужъ Божья воля... какъ знать?..

Слова молодой дѣвушки на него, однако, подѣйствовали и онъ, видимо, смягчился. Павелъ Алексѣевичъ и Женя вышли на улицу; на свѣжемъ воздухѣ молодая дѣвушка почувствовала легкое головокруженіе.

— Вы устали, Женя, сознайтесь?—заботливо спросилъ Грушневъ:—вы страшно поблѣднѣли.

— Немножко устала,—призналась она.

— Экипажа своего я вамъ, къ сожалѣнію, предложить не могу: слишкомъ ужъ онъ для васъ не подходящій. Такъ обопритесь на мою руку по крайней мѣрѣ.

Она послушно исполнила это. И когда онъ почувствовалъ на своемъ локтѣ прикосновеніе ея тоненькой ручки, ему показалось, что они стали какъ-то еще ближе прежняго другъ къ другу. „О, еслибъ онъ имѣлъ право никогда уже не выпускать этой руки изъ своей!..“ Они направились къ усадьбѣ. День склонялся къ вечеру, тихій и прозрачный, одинъ изъ тѣхъ ласковыхъ августовскихъ дней, которыми иногда позднее лѣто даритъ убогую русскую природу.

— Какъ можно было такъ долго оставаться въ этой смрадной избѣ, Женя! въ самомъ дѣлѣ, на васъ жалко смотрѣть, такъ вы утомились. И щечки ваши ужъ совсѣмъ не то, что̀ всегда. А какъ подумаешь, что стоило бы вызвать изъ больницы сидѣлку, и безъ васъ бы отлично обошлись...

Женя покачала головой, почти съ укоромъ смотря на Павла Алексѣевича.

— Во-первыхъ,—отвѣтила она,—сидѣлка была занята, такъ мнѣ сказалъ фельдшеръ, а во-вторыхъ, неужели вы не понимаете, какъ пріятно бываетъ иногда сдѣлать именно лишнее, чего отъ васъ не требуютъ, хоть что-нибудь пожертвовать людямъ, которымъ мы вѣдь такъ рѣдко имѣемъ случай принести хоть какую-нибудь пользу?

За эти слова онъ хотѣлъ бы притянуть ее къ себѣ, прижать ее къ груди, сказать, какъ неизмѣримо выше она его самого. Но онъ сказалъ только, сдерживая свое волненіе:

— Я вамъ кажусь большимъ эгоистомъ, Женя, не правда-ли? Но жертвовать вами и допускать, чтобы вы собою жертвовали напрасно, — этого, воля ваша, я не

могу. И знаете, пока мы дожидались тамъ этого доктора, у меня какъ-то радостно и жутко было на душѣ, радостно потому, что вы такая хорошая, добрая, а жутко—потому что я за васъ боялся, да и стыдно мнѣ было немножко за себя...

— Отчего стыдно?—улыбнулась она.—Оттого, что у васъ на все это болѣе практическій, болѣе сухой взглядъ? Да вѣдь всѣ мужчины таковы.

— Нѣтъ, не оттого только, Женя. Помните, утромъ вы немного обидѣлись, когда я сказалъ, что буду съ васъ примѣръ брать?.. А вѣдь на повѣрку-то выходитъ, что это на самомъ дѣлѣ очень бы не мѣшало. Вѣдь то чувство, которое побуждаетъ васъ дѣлать добро, такъ искренно и просто, обманывать не можетъ... Вотъ что я говорилъ себѣ, глядя на васъ. Только и у меня есть извиненіе. Хотите, я вамъ разскажу кое-что о своемъ дѣтствѣ?

Она только кивнула головой въ отвѣтъ, но самое живое, вниманіе искрилось въ ея глазахъ.

— Двѣнадцати лѣтъ я лишился отца,—началъ Грушневъ—а матери не зналъ совсѣмъ: она умерла, когда мнѣ было всего два года. Родного дома и родительскихъ ласкъ у меня не было почти вовсе. Воспитала меня тетка, женщина суровая, хоть и дѣлавшая много добра, и потому считавшая себя доброю. Во всякомъ случаѣ, это была совершенно особая доброта, не мѣшавшая ей злословить о ближнихъ. Да слово „ближній“ и не имѣло для нея, кажется, никакого значенія.

— Почти какъ бабушка?—перебила Женя.

— Нѣтъ, тетушка моя, Марья Васильевна, была совсѣмъ иное дѣло, чѣмъ графиня. Ея нѣтъ уже на свѣтѣ и дурно вспоминать о ней я не хочу. Но одного я не могу не сказать: была она, правда, женщина строгая къ себѣ и очень набожна, но тяжело приходилось другимъ отъ ея набожности и отъ строгихъ ея правилъ. Что-то суровое было въ ея вѣрѣ и къ прочимъ она была такъ же немилосердна, какъ къ самой себѣ. Графиня Дарья

Михайловна изъ всякихъ пустяковъ создаетъ непреложные законы, но все-таки это однѣ лишь мелочи, рядъ пустыхъ формальностей, которыя внутренней жизни не портятъ. А у покойной тетушки все ея существо, вся обстановка были пропитаны какимъ-то нетерпимымъ суровымъ ханжествомъ. Графиня Дарья Михайловна, все-таки не ханжа, деспотизмъ ея довольно мягкій и, во всякомъ случаѣ, изящный, а въ свою молодость я видѣлъ иное. Самый узкій и мрачный духъ господствовалъ въ домѣ тетки, руководилъ ея отношеніями къ людямъ. Я не помню, чтобъ она улыбнулась когда-нибудь. Что же удивительнаго, коли въ университетѣ, куда я поступилъ восемнадцати лѣтъ, я радостно откликнулся на проповѣдь невѣрія?.. Въ ней я видѣлъ, по крайней мѣрѣ, освобожденіе отъ всего, что давило меня съ самаго дѣтства. А потомъ, когда я сталъ на все смотрѣть уже собственными глазами, то, что увидѣлъ вокругъ себя и въ свѣтѣ, и на службѣ... Да что, впрочемъ, къ чему вамъ разсказывать про мои разочарованія?.. Сами когда-нибудь узнаете настоящую жизнь, а пока... пока оставайтесь, ради Бога, такою же доброю, сердечною, вѣрующею...

— А вы, — спросила она,—развѣ вы не добрый, не сердечный и, пожалуй, даже болѣе вѣрующій, чѣмъ думаете сами?

Въ ея взглядѣ, сопровождавшемъ эти слова, была какая-то особенная, кроткая ласка. Недавняя блѣдность совсѣмъ теперь исчезла.

— Бѣдный, бѣдный Павелъ Алексѣевичъ,—продолжала она,—я совсѣмъ не подозрѣвала, что у васъ было такое тяжелое, грустное дѣтство...

Они подошли теперь къ самому дому, и Женя высвободила свою руку.

— Ну, да это, вѣдь, давно минувшее прошлое,—весело отвѣчалъ онъ,—прошлое, совсѣмъ почти забытое... И на свою жизнь я пожаловаться не могу. Много она

мнѣ дала хорошаго, особенно... — Грушневъ почему-то запнулся на этомъ словѣ.

— Что особенно? — спросила она, оборачиваясь на порогѣ.

Павелъ Алексѣевичъ не успѣлъ отвѣтить, да и сдѣлать это онъ, вѣроятно, затруднился бы. Звонъ бубенчиковъ раздался за воротами и тройка шумно въѣхала на дворъ.

— Это Ахтубинъ, кажется, — сказала Женя, — Кити, значитъ, вѣрно напророчила. Ну, мнѣ къ обѣду переодѣться надо. До свиданія! — И сказавъ это, дѣвушка быстро взбѣжала по лѣстницѣ. Онъ проводилъ ее взглядомъ и мысленно сказалъ ей вслѣдъ: „Дай тебѣ Богъ надолго сохранить эту невозмутимую ясность души, милая Женя...“

Ахтубина онъ встрѣтилъ почти радушно. Всякому онъ готовъ былъ въ эту минуту протянуть по дружески руку. Прежняго, не совсѣмъ добраго чувства къ молодому человѣку въ немъ и слѣда не осталось. И за обѣдомъ, и послѣ Грушневъ нисколько не мѣшалъ ему разговаривать съ Женей и увлекаться ею. Ахтубинъ и не думалъ скрывать своего немного робкаго ухаживанія, и вниманіе молодой дѣвушки, казалось, всецѣло принадлежало ему. Разумѣется, онъ былъ на седьмомъ небѣ. За обѣдомъ онъ разсказалъ, между прочимъ, что встрѣтился на дорогѣ съ земскимъ докторомъ и тотъ подробно ему передалъ про свою встрѣчу съ Женей въ деревнѣ. Поступокъ молодой дѣвушки приводилъ Ахтубина въ восторгъ. Но Кити, и въ особенности Вѣра Александровна, совсѣмъ не раздѣляли этого восторга. Послѣдняя сильно даже пожурила дочь за неосторожность, а Грушнева за то, что онъ позволилъ ей такъ долго оставаться въ избѣ.

— Ну, въ этомъ я ни душой, ни тѣломъ не виноватъ, — оправдывался Павелъ Алексѣевичъ. — Спросите Женю: ей что-нибудь не позволить, я думаю, не такъ-то легко. Не правда-ли, Женя?

И они обмѣнялись дружескимъ, сіяющимъ взглядомъ.

А Владиміръ Ѳедоровичъ принялся еще усерднѣе расхваливать молодую дѣвушку, признавая въ ея поступкѣ чуть-ли не геройство. Словомъ, все маленькое общество было въ этотъ день въ самомъ праздничномъ настроеніи. Никто даже не замѣтилъ, что у Кити не совсѣмъ еще прошло чувство оскорбленнаго раздраженія противъ мужа. Слѣды этого чувства едва-ли ускользнули-бы отъ Грушнева, но его мало безпокоило въ этотъ день, что могла думать и чувствовать жена.

Ахтубинъ только что уѣхалъ и въ гостиной, гдѣ пили чай, Павелъ Алексѣевичъ расхаживалъ взадъ и впередъ, весь погруженный въ сладкія думы, пока Вѣра Александровна и Кити разсуждали вполголоса о какихъ-то чисто дамскихъ вопросахъ. Жени не было съ ними. Но вотъ изъ залы, гдѣ стоялъ рояль, раздались тихіе, грустно-торжественные звуки знаменитаго Andante изъ бетховенской сонаты „Quasi una fantasia“— „die Mondschein-Sonate“, какъ называютъ ее нѣмцы.

Грушневъ, очень любившій эту сонату, но никогда еще не слыхавшій, какъ играетъ ее Женя, прошелъ въ залу и принялся слушать, облокотясь на рояль. Высоко поднявшійся мѣсяцъ широко вливалъ чрезъ большія окна свои мягкіе лучи, точно вторя задумчивымъ бетховенскимъ аккордамъ... А глубина залы, слабо освѣщенной двумя стоявшими на рояли свѣчами, вся уходила въ полутьму. Какими-то таинственными, почти неземными, выливались изъ тонкихъ пальчиковъ дѣвушки величаво-строгіе звуки сонаты и сама Женя казалась охваченною вѣяніемъ изъ далекаго неземнаго міра, гдѣ нѣтъ тревогъ и заботъ, куда не доходитъ людское горе, гдѣ самая радость такъ непохожа на бурную, недолговѣчную радость людей... На лицѣ ея точно отражалось торжественное спокойствіе геніальнаго бетховенскаго творенія. Она будто и не замѣтила, что вошелъ Грушневъ, вся охваченная чудною волшебною гармоніей.

Грушневъ слушалъ молча, не смѣя проронить ни слова, и въ сердце его тихо вливалась ровная волна совсѣмъ еще незнакомаго ему чувства... Она приносила ему, эта волна, какое-то новое, еще неизвѣданное счастіе, не похожее на то, какое до сихъ поръ давала ему жизнь. Женя играла не для него, онъ будто даже не существовалъ для нея, пока бетховенская музыка уносила ее на своихъ крыльяхъ. И все-таки, та неземная, безмятежная любовь, о которой говорили плавные аккорды сонаты, звучала во всемъ его существѣ, какъ благовѣстъ чего-то безконечно радостнаго... И когда послѣдняя нота замерла на клавишахъ, онъ невольно закрылъ лицо руками и тихо проговорилъ:

— Какъ это хорошо... какъ это безподобно хорошо!..

Ему плакать хотѣлось, но плакать счастливыми слезами. И когда Женя захотѣла перейти ко второй части сонаты, онъ остановилъ ее:

— Нѣтъ, дорогая моя, не играйте дальше... Останемтесь оба на этомъ сладкомъ впечатлѣніи. Тамъ другое пойдетъ: стремительная шумная страстность... Лучше, знаете что, сыграйте это andante еще разъ... Вы играете его такъ дивно хорошо!..

Женя тихо засмѣялась: она и не подозрѣвала, чтобъ ея несовершенную, ученическую игру можно было называть дивной. Но Грушневъ не промѣнялъ бы ее въ эту минуту на исполненіе самаго великаго артиста. И онъ настоялъ на своей просьбѣ. Женя послушно сыграла первую часть сонаты еще разъ. И снова таинственные звуки, какъ бы сливаясь съ лучами мѣсяца, наполнили обширную залу будто дуновеніемъ вѣчнаго, глубокаго мира... Когда она кончила вторично, онъ принялся ее благодарить, горячо притянувъ почти безсознательно къ своимъ губамъ ея руку. Удивленіе показалось на ея лицѣ, но руки она не отняла.

— А теперь прощайте,—весело сказала она, снова протягивая ему эту самую руку для пожатія:—мнѣ пора.

Очарованіе исчезло. Они были опять на землѣ.

— Хотите,—спросилъ онъ,—мы пойдемъ завтра утромъ провѣдать еще разъ вашу больную?

Она утвердительно кивнула головкой и скрылась. А Грушневъ еще съ минуту простоялъ на мѣстѣ, точно передъ его глазами все еще былъ ея легкій, чарующій образъ.

Изъ залы стеклянныя двери прямо вели въ садъ черезъ террасу. Онъ открылъ ихъ и вышелъ. Ночь была свѣжая, ясная, вся залитая холоднымъ сіяніемъ луны. Вѣтеръ, высоко гулявшій надъ землей, шелестилъ верхушками деревьевъ, срывая кое-гдѣ на пути засохшій листъ и точно возвѣщая о близкомъ уже, зломъ торжествѣ зимы. И необыкновенно свѣтло блестѣлъ въ эту осеннюю ночь яркій мѣсяцъ безоблачнаго неба, широко освѣщая полуобнаженный садъ. О свободѣ безпредѣльной, о мощномъ разгулѣ страсти говорили въ эту ночь и эти бѣлые лучи, и это могучее дыханіе вѣтра. Но подставляя имъ свой открытый лобъ, Грушневъ не ощущалъ холода и въ душѣ его продолжалъ теплиться сладкій отзвукъ бетховенской музыки. Понятно было ему, однако, и то, что говорилъ голосъ шумѣвшаго вѣтра: тотъ призывъ къ волѣ, къ безпредѣльной, непокорной волѣ, какой будто носился въ ночномъ воздухѣ. И въ немъ понемногу тоже заговорила нетерпѣливая жажда дерзкаго, безпредѣльнаго счастія, потребность скинуть съ себя всѣ оковы условнаго долга...

Въ верхнемъ этажѣ надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ онъ стоялъ, тихо, чуть слышно закрылось окно. Онъ поднялъ голову, бѣлая тѣнь промелькнула передъ его глазами, тотчасъ исчезнувъ за спущенной занавѣсью.

— Прощай, доброй ночи!—послалъ онъ мысленно ей привѣтствіе, пожелавъ ей тихихъ, золотыхъ сновъ. И глаза его еще были прикованы къ закрывшемуся окну, какъ вдругъ за его спиной раздался знакомый голосъ:

— Поль, что ты здѣсь дѣлаешь? Или ты простудиться хочешь? Ты совсѣмъ, кажется, сумасшедшій. Ушелъ, не простившись съ мама, а теперь на балконѣ

стоишь и мѣсяцемъ любуешься... Знаешь, какъ поздно? Скоро часъ.

Это была Кити. Грушневъ вздохнулъ и пошелъ вслѣдъ за нею.

XXI.

Изъ благихъ намѣреній Кити не вышло, разумѣется, ничего, хотя была, правда, сдѣлана попытка серьезно заняться благотворительностью.

— Каждый день,—сказала она Карлу Францовичу,— я буду въ двѣнадцать часовъ принимать больныхъ и бѣдныхъ, однимъ словомъ, всѣхъ, кому нужна помощь... Объявите, пожалуйста, объ этомъ по сосѣднимъ деревнямъ.

А когда управляющій на это замѣтилъ, что, пожалуй, могутъ придти и такіе, у которыхъ болѣзнь заразительная, Кити поспѣшила добавить, что этихъ людей, конечно, допускать не надо. Она не могла только разъяснить, кому придется этотъ вопросъ рѣшать.

— Да, вѣдь, у насъ при больницѣ есть фельдшеръ,— вступился Грушневъ, присутствовавшій при разговорѣ жены съ Карломъ Францовичемъ, — и докторъ пріѣзжаетъ каждую недѣлю. Такъ не лучше-ли имъ это предоставить?

— Нѣтъ, нѣтъ,—горячо заступилась Кити за свою мысль, — я хочу, чтобы ко мнѣ приходили и чтобы я сама,—понимаешь, Павликъ: сама!.. — что-нибудь для бѣдныхъ дѣлала... А то больница, докторъ—это все помимо меня, во всемъ этомъ мы съ тобой только деньгами участвуемъ...

Чувство, руководившее молодою женщиной, было такъ чисто и хорошо, что не согласиться съ ней, не уступить ея желанію было, очевидно, невозможно.

— И потомъ,—сказала она еще,—не всѣ, вѣдь, больные къ фельдшеру пойдутъ: они его даже боятся... А меня они пугаться не станутъ и явятся охотно...

Это была опять совершенная правда, и въ глазахъ мужа Кити увидѣла сочувственную, благодарную улыбку, очень обрадовавшую ее. Поднятый управляющимъ вопросъ остался, однако, неразрѣшеннымъ, и Павелъ Алексѣевичъ уже отъ себя приказалъ фельдшеру помогать Кити во время пріемовъ, а больныхъ предварительно осматривать.

— Не безпокойтесь, Нилъ Арсеньевичъ, — сказалъ онъ,—много времени это у васъ не займетъ... такъ, разочка по два въ недѣлю, не болѣе... чаще этого васъ не потребуютъ.

Такъ оно и вышло... Сперва Кити рѣшила, что лучше выбрать два какіе-нибудь дня, ну, хоть четвергъ и воскресенье, чѣмъ принимать всякій сбродъ каждый день, но на самомъ дѣлѣ ей стало не вмоготу уже отъ перваго ея пріема. А потомъ она принялась подыскивать разные предлоги, чтобы совсѣмъ уклониться отъ взятой на себя обузы. Вышло такъ, что у нея голова сильно болѣла въ тотъ самый день, когда пришли къ ней въ третій разъ больные.

— Ты лучше,—сказалъ ей улыбаясь мужъ, но сочувственнаго въ этой улыбкѣ не было уже ничего,—ты лучше намъ съ Женей это предоставь.

Кити сперва обидѣлась немножко, удивляясь, какъ это Женя, которой едва минуло семнадцать лѣтъ, можетъ справиться съ дѣломъ, которое ей не подъ силу. На слѣдующій разъ, однако, было опять придумано извиненіе. И благотворительная затѣя была окончательно сдана на руки мужу и сестрѣ.

Рвеніе Кити этимъ, впрочемъ, не ограничилось. Былъ приглашенъ къ ней батюшка, съ которымъ она пространно толковала о необходимости устроить въ Гунцевѣ общество трезвости. Ахтубинъ, отобѣдавшій наканунѣ у Грушневыхъ, много ей разсказалъ о прекрасномъ устройствѣ такихъ обществъ въ Швеціи. Молодая женщина тотчасъ съ жаромъ ухватилась за новую мысль и принялась воодушевлять батюшку примѣрами шведовъ.

Батюшка слушалъ, пощипывалъ бородку, да перебиралъ пальцами рясу, но, повидимому, сильнаго энтузіазма не испытывалъ. Состязаться съ мѣстнымъ кабатчикомъ Уваромъ Фроловымъ ему казалось задачею не по силамъ. Да и самъ онъ, грѣшнымъ дѣломъ, не прочь былъ иной разъ и выпить.

— Предпріятіе, можно сказать,—отозвался онъ на предложеніе Кити,—превосходное и всякой похвалы достойное; только осмѣлюсь вамъ доложить, какъ же мы того достигнемъ, чтобы крестьянинъ, такъ сказать, отказался отъ употребленія крѣпкихъ напитковъ?

— Очень просто, отецъ Никаноръ, — съ живостью возразила Кити:—мы отберемъ у крестьянъ подписку, чтобы они въ кабакъ не ходили, а потомъ чайную откроемъ, гдѣ получатъ они, кромѣ чая, разную пищу по дешевой цѣнѣ и гдѣ будутъ имъ читать вслухъ. Я уже выписала изъ Москвы нѣсколько хорошихъ книжекъ.

— Но кто же, осмѣлюсь спросить, станетъ производить сіе чтеніе?

— Да вы, батюшка, потомъ я, мужъ, сестра...

Батюшка сперва поправилъ на колѣняхъ рясу, а потомъ, собравшись съ духомъ возразилъ:

— Позвольте, однако, замѣтить, что вскорѣ вы съ Павломъ Алексѣевичемъ отсюда уѣдете, а у меня по причинѣ требъ и по важнымъ хозяйственнымъ заботамъ рѣшительно нѣтъ свободнаго времени. Развѣ вотъ отецъ дьяконъ?..

Но на отца дьякона была надежда плохая—онъ пилъ горькую.

Кити безпомощно взглянула на мужа, удивляясь, какъ это на каждомъ шагу самые лучшіе планы встрѣчаютъ неожиданное препятствіе.

— Брось, Кити: вѣдь, это вздоръ,—сказалъ ей Грушневъ, когда отецъ Никаноръ удалился.—Хорошо еще, что батюшка тебѣ отвѣтилъ такъ откровенно, а то другой наговорилъ бы тебѣ ради поблажки съ три короба

и ты со своимъ обществомъ стала бы предметомъ насмѣшекъ для крестьянъ.

Кити безпомощно опустила голову, сказавъ себѣ лишній разъ, что у ея милаго Павлика очень-таки черствое сердце.

Не лучше пошло дѣло и съ ученіемъ. Перваго сентября по случаю начала занятій въ школѣ былъ отслуженъ молебенъ, на которомъ присутствовали господа. Отецъ Никаноръ по настоянію Кити произнесъ небольшое поучительное слово на тему о сѣмени, падающемъ на добрую землю. Дѣти изъ пастырскаго наставленія не поняли ровно ничего, а нѣкоторые, болѣе взрослые, истолковали его даже превратно, вообразивъ, что дѣло идетъ о настоящемъ посѣвѣ хлѣбныхъ зеренъ.

— Ишь, говоритъ, что на доброй землѣ сѣять надо!— сказалъ, выходя изъ школы, двѣнадцатилѣтній сынъ мельника Лешка:—а гдѣ ея возьмешь, добрую-то землю? У батьки вона на одной полосѣ что ни посѣй, одинъ рыжикъ да щавель родятся.

Въ первые дни послѣ школьнаго торжества Кити съ Женей исправно ходили присутствовать при урокахъ и задавали дѣтямъ разные вопросы. Но очень скоро это молодой женщинѣ надоѣло. Сперва она только откладывала посѣщеніе школы съ одного дня на другой, а потомъ и совсѣмъ бросила туда ходить. Зато Грушневъ и Женя еще усерднѣе прежняго, въ виду приближавшагося отъѣзда, интересовались и дѣтьми, и больницей, и всѣмъ хозяйствомъ Гунцева, и каждое утро за чайнымъ столомъ они оживленно сообщали другъ другу свои наблюденія и рѣшали, что имъ дѣлать на слѣдующій день. Кити начинала понемногу раздражаться этою полною общностью занятій у мужа и сестры. Въ ней говорила не ревность, даже слабая тѣнь какого-нибудь подозрѣнія не западала къ ней на душу, а самолюбіе ея втихомолку страдало отъ того, что принадлежавшая ей роль помощницы мужа все болѣе переходила къ младшей сестрѣ.

Разъ, когда они сидѣли за утреннимъ чаемъ въ столовой,—Жени не было съ ними—и Павелъ Алексѣевичъ читалъ вслухъ газету, Кити обиженнымъ голосомъ вдругъ спросила у мужа:

— Что́ это ты съ нами сегодня такъ долго сидишь? Развѣ никакой благотворительной прогулки съ Женей на этотъ разъ не будетъ?

Павелъ Алексѣевичъ собирался отвѣтить, какъ Женя показалась въ дверяхъ въ шляпѣ и вся одѣтая по осеннему: погода была холодная и по временамъ накрапывалъ дождь.

— Что-жъ идемъ, Павелъ Алексѣевичъ?—спросила она, останавливаясь въ дверяхъ.

— А вы куда?—довольно кисло сказала Кити.—Что-нибудь по части христіанскаго милосердія затѣваете? Или просто ноги промочить хотите изъ любви къ искусству?

— Мы хотѣли къ той больной зайти, ты знаешь, къ женѣ Кузьмы Архипова?.. Ей гораздо лучше теперь.

Это была та самая больная, у которой Грушневъ засталъ Женю, добровольно исполнявшею должность сидѣлки.

— Воображаю, какъ вы много ей поможете своимъ визитомъ! Ты лучше посмотрѣла бы, что̀ за очаровательная погода.

Женя рѣшительно не могла понять, что вызвало раздраженіе сестры и удивленно глядѣла то на нее, то на Грушнева.

Павелъ Алексѣевичъ догадался, что означали ѣдкія слова Кити.

— Въ самомъ дѣлѣ, Женя,—сказалъ онъ, вставая,—вы лучше останьтесь-ка дома, а то, чего добраго, дождь соберется не на шутку...—Взглядъ, сопровождавшій эти слова, былъ такъ выразителенъ, что Женя не настаивала.

Она скинула кофточку и шляпу и присѣла къ столу.

Но ея уступчивость не смягчила Кити. Едва Павелъ

Алексѣевичъ вышелъ, она все съ тою же горечью въ тонѣ обратилась къ сестрѣ:

— Пожалуйста, только не думай отказываться отъ прогулки изъ-за меня. Коли тебѣ удовольствіе доставляетъ по избамъ таскаться и присматривать за хозяйствомъ, въ которомъ ты ровно ничего не смыслишь, я тебѣ не помѣха.

Вѣра Александровна удивленно посмотрѣла на старшую дочь, а Женя мягко и примирительно отвѣтила:

— Да зачѣмъ же ты мнѣ стала бы мѣшать, Кити? Развѣ тебѣ непріятно, что я стараюсь найти себѣ занятіе вмѣсто того, чтобы сидѣть весь день безъ дѣла?

— Да, удивительно пріятно вѣчно слышать, какъ Павелъ Алексѣевичъ тебя расхваливаетъ, точно онъ ставитъ тебя мнѣ въ примѣръ!..—И двѣ гнѣвныя слезинки брызнули изъ ея красивыхъ глазъ.

— Послушай, Кити,—отвѣтила Женя все такъ же мягко,—я давно тебѣ хотѣла про это сказать: отчего ты сама не дѣлаешь, какъ я? Отчего ты какъ будто сторонишься отъ всего, что интересуетъ Павла Алексѣевича.

— Отчего... отчего... Развѣ я не старалась? Развѣ я не принуждала себя и съ больными возиться, и съ управляющимъ разговаривать, и ходить въ школу? Ты думаешь, мнѣ весело было?.. И что-жъ? На всѣ мои страданія онъ отвѣчалъ однѣми насмѣшками. Это у всякаго отобьетъ охоту за что-нибудь взяться.

— Кити, повѣрь мнѣ, это тебѣ такъ кажется только. Никто и не думалъ надъ тобою смѣяться. Павлу Алексѣевичу только больно видѣть, что тебѣ въ деревнѣ скучно и ты не принимаешь никакого участія въ томъ, что его интересуетъ. А скучно тебѣ просто оттого, что ты ничего не дѣлаешь.

— Да развѣ мнѣ станетъ веселѣе,—запальчиво возразила Кити,—отъ того, что я себя принуждать буду или, какъ ты вотъ, стану воображать, будто мужу очень нужны мои совѣты по хозяйству?..

— Ничего я не воображаю, Кити, и никакихъ со-

вѣтовъ, разумѣется, Павлу Алексѣевичу не даю. Мнѣ просто удовольствіе доставляетъ принимать участіе въ жизни другихъ и кое-чему учиться. Конечно, это все пустяки и пользы отъ этого ровно никакой нѣтъ, а мнѣ все-таки пріятно слушать и Павла Алексѣевича, и даже управляющаго, и быть цѣлый день на ногахъ... Все-таки выходитъ какъ будто я что-нибудь дѣлаю...

Скромные, ласковые отвѣты младшей сестры мало-помалу совсѣмъ обезоружили Кити. Чувство обиды въ ней смягчилось и она стала прислушиваться къ совѣтамъ Жени. Кити сознавала давно, что ея образъ жизни въ деревнѣ совсѣмъ не отвѣчаетъ вкусамъ мужа. Не разъ ей приходило на умъ, что Павелъ Алексѣевичъ какъ будто охладѣлъ къ ней именно поэтому. Но до сихъ поръ она только раздражалась отъ этой мысли, упорно сравнивая настоящее съ прошлымъ и чувствуя себя глубоко несчастною оттого, что со стороны мужа она уже не видѣла прежняго поклоненія себѣ. Теперь слова младшей сестры, мягкая настойчивость, съ которою Женя указывала ей на ея неправоту передъ мужемъ, заставили ее одуматься и чистосердечно признаться въ своихъ ошибкахъ. Столько, вѣдь, было искренней любви во всемъ, что говорила Женя! И Вѣра Александровна, слушая младшую дочь, дивилась, откуда у этой семнадцатилѣтней дѣвочки такая наблюдательность?..

Кити дала себѣ слово пересилить себя и зажить съ мужемъ совсѣмъ по-новому. Когда Павелъ Алексѣевичъ вернулся, держа въ рукахъ какое-то письмо, на ея лицѣ уже не было слѣда обиженной горечи. Она встрѣтила его съ сіяющимъ лицомъ и оживленно принялась толковать, какъ проведутъ они двѣ недѣли, которыя имъ осталось еще прожить въ Гунцевѣ. Разсѣянная улыбка блуждала по губамъ Павла Алексѣевича, пока онъ ее слушалъ. Онъ уже не могъ довѣриться обѣщаніямъ Кити и, къ своему ужасу, замѣчалъ, что эти обѣщанія оставляли его равнодушнымъ. Было даже нѣчто иное—на самой глубинѣ его сердца было что-то

похожее на враждебное чувство къ ней, вызванное ея несправедливою выходкой противъ Жени. Этого онъ ей простить не могъ.

— Хорошо, мой другъ, увидимъ, — почти холодно отозвался онъ на горячія слова Кити.—А пока вотъ прочти эту записку отъ графини Надежды Сергѣевны. Сейчасъ привезли.

Графиня упрекала Кити и ея мужа за то, что они не бывали такъ давно въ Воскресенскомъ. Сама она собиралась черезъ нѣсколько дней уѣхать за границу. Записка оканчивалась приглашеніемъ у нея отобѣдать на слѣдующій день.

— Я думаю, надо будетъ поѣхать,—не совсѣмъ рѣшительно сказалъ Грушневъ,—отказаться было бы невѣжливо. А тебѣ не хочется?

— Мнѣ все равно,—отвѣтила Кити. И во взглядѣ, искоса брошенномъ ею на мужа, онъ снова прочелъ давно извѣстное ему недовѣріе.

На слѣдующій день погода стала еще хуже. Съ самаго утра мелкій, унылый дождь не переставалъ сыпать съ пасмурнаго неба. Въ послѣднюю минуту Кити рѣшительно отказалась ѣхать въ Воскресенское.

Графиня не выказала особаго сожалѣнія, увидѣвъ, что Павелъ Алексѣевичъ не привезъ съ собою жены.

— Что-жъ? Мы останемся вдвоемъ,—было ея отвѣтомъ на извиненіе Грушнева. — Надѣюсь, время вамъ не покажется слишкомъ длиннымъ. Я, вѣдь, совершенно одна теперь. Гости мои уѣхали и мужъ тоже... А жена ваша въ самомъ дѣлѣ погоды испугалась, или попросту не захотѣла пріѣхать? Я, вѣдь, давно замѣчаю, что ея расположеніемъ не пользуюсь, — добавила она съ обычною своею развязною откровенностью.

— Могу васъ увѣрить, графиня... — началъ было Грушневъ съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ.

Но она тотчасъ перебила его:

— Ахъ, пожалуйста, не давайте себѣ труда говорить

со мной этимъ оффиціальнымъ тономъ... Въ сущности я даже польщена этимъ, увѣряю васъ...

И если бы Грушневъ не зналъ такъ хорошо графини, онъ могъ бы повѣрить добродушной искренности ея смѣха. Ему, впрочемъ, не пришлось сожалѣть объ отсутствіи жены. Вдвоемъ съ графиней Надеждой Сергѣевной никому скучно не бывало: она слишкомъ хорошо умѣла расшевелить въ собесѣдникѣ чуткое любопытство своими недоговоренными, увертливыми рѣчами и въ то же время держать въ постоянной боязни, что изъ-за любезныхъ словъ, онъ вдругъ почувствуетъ неожиданный уколъ. Съ графиней надо было всегда держаться на-сторожѣ. Ея откровенность была совсѣмъ особаго рода: она къ довѣрію не располагала. И все-таки Грушневъ всякій разъ, что ему доводилось съ нею говорить съ глазу на глазъ, невольно предавался своеобразному очарованію этой женщины, въ которомъ чудилось что-то ядовитое, почти змѣиное.

Но въ этотъ день его осторожность была совершенно напрасна. Графиня и не думала прибѣгать къ своему тайному оружію. Она казалась совсѣмъ добрымъ малымъ и даже царапины, которыя доставались отъ нея отсутствовавшимъ друзьямъ, выходили какъ будто мягкими, добродушными. Домашней жизни Грушнева на этотъ разъ она вовсе не коснулась: имя Кити не было даже произнесено. Зато лично ему она выказывала такое недвусмысленное сочувствіе, такой нѣжный ѳиміамъ она расточала его самолюбію, что Павелъ Алексѣевичъ подъ конецъ далъ себя обезоружить и безъ всякаго подстрекательства со стороны его собесѣдницы, самъ того не замѣчая, пустился на признанія.

— Я не знаю, — отвѣтилъ онъ на какое-то замѣчаніе графини, — бываетъ-ли, что два человѣка, которымъ суждено жить вмѣстѣ, могли бы смотрѣть на жизнь совсѣмъ одинаково, то-есть, имѣть совсѣмъ одни и тѣ же вкусы, а не притворяться только, что оно такъ... Это, вѣдь, было-бы настоящее, полное счастіе. Сомнѣ-

ваюсь только, чтобъ оно когда-нибудь давалось людямъ.

Графиня какъ будто и не примѣтила намека.

— Да вы, Грушневъ, исключеніе, — отвѣтила она просто, — оттого вамъ и кажется, что съ вами никто не можетъ ни думать, ни чувствовать заодно. Быть исключеніемъ очень лестно, положимъ, но платить за это приходится дорогою цѣной — цѣною полнаго одиночества.

Дойдя до этой точки, разговоръ такъ и не сходилъ съ поднятой темы, незамѣтно вращаясь вокругъ личности самого Павла Алексѣевича. Графиня хорошо знала, что рѣдкому мужчинѣ устоять противъ такого доказательства глубокаго вниманія со стороны женщины и что польщенное самолюбіе открываетъ доступъ и къ сердцу. Она рѣдко пользовалась этимъ средствомъ, но зато съ постоянной удачей. И, повидимому, незамѣтныя нити, которыми она бережно опутывала Грушнева, сближали ихъ все тѣснѣе.

Изъ столовой, гдѣ они поздно сѣли обѣдать, графиня увела его въ маленькую гостиную, куда допускались только самые близкіе друзья. Ночи стояли теперь холодныя, и совсѣмъ уже по-зимнему царила теплая уютность въ небольшой комнатѣ, гдѣ занавѣсы на окнахъ были наглухо задернуты и двѣ лампы съ голубыми абажурами распространяли мягкій полусвѣтъ. Все располагало къ откровенной близости. Графиня пододвинула Павлу Алексѣевичу папиросы и закурила сама, выпуская изъ своихъ тонкихъ губъ колечки голубого дыма.

Но и великіе актеры иногда не совсѣмъ попадаютъ въ тонъ роли. Графиня была убѣждена, что знаетъ Грушнева вдоль и поперекъ и что она теперь настроила его именно такъ, какъ давно ей хотѣлось, словомъ, что наступила пора остроумную, вертлявую бесѣду переложить на иную, болѣе нѣжную... Одного только графиня, увы! не знала—она не догадывалась про новое чувство,

проснувшееся въ сердцѣ Грушнева. Въ другой разъ, быть можетъ, подъ обаяніемъ долгой бесѣды съ этою умною женщиной, Грушневъ и не устоялъ бы и неожиданно для себя очутился бы у ея ногъ. Она, вѣдь, такъ умѣло, такъ нѣжно затрогивала самыя затаенныя струны души, такъ вкрадчиво подготовляла путь къ давно ожидаемому признанію...

Но сочувственный звукъ, который она ожидала вызвать въ сердцѣ Грушнева, все-таки не прозвучалъ. Съ той самой минуты, какъ разговоръ повернулъ на скользкую дорогу сердечныхъ признаній, Павелъ Алексѣевичъ почувствовалъ въ себѣ что-то, похожее на ощущеніе холода; какое-то непонятное отчужденіе отъ этой обольстительной женщины въ немъ сказалось, точно вдругъ что-то стало между ними, что-то, не дававшее ихъ чувствамъ слиться воедино. Грушневу словно казалось, что, слушая графиню, онъ измѣняетъ чему-то близкому, дорогому... И все-таки это близкое, дорогое была... не Кити. Вѣдь, не такъ еще давно, въ послѣдній его пріѣздъ, разговоръ ихъ зашелъ еще дальше, чѣмъ теперь, не успѣвъ только коснуться чувствительной ноты, и тогда ни чей образъ не предсталъ передъ Грушневымъ и никакого отчужденія онъ не почувствовалъ. Значитъ, не жена его, не Кити удерживала его заглянуть туда, куда звала его графиня, не любовь къ ней владѣла его сердцемъ, не оставляя мѣста иному чувству. И когда, уже въ началѣ двѣнадцатаго часа, онъ разстался съ любезною хозяйкой, не вполнѣ сознавая, быть можетъ, насколько онъ оскорбилъ ее, и хмурая ночь обдала его своимъ пронизывающимъ холодомъ, онъ понялъ, что это была за любовь... То сладкое, чистое, полубезсознательное чувство, которымъ онъ такъ долго убаюкивалъ свою совѣсть, не рѣшаясь взглянуть на него прямо, — онъ зналъ теперь, что это было незаконное, неудовлетворимое чувство... Съ болѣзненнымъ стономъ онъ закрылъ себѣ лицо руками, уткнувшись въ уголъ коляски. Но еслибъ отъ него зависѣло вырвать

изъ своего сердца преступную любовь къ сестрѣ своей жены, еслибъ онъ могъ вернуть себѣ душевный миръ, позабывъ о ней, онъ ни за что, ни за что этого не сдѣлалъ бы...

XXII.

Бабье лѣто въ этомъ году выдалось необыкновенное. Послѣ нѣсколькихъ дождливыхъ, непривѣтливыхъ дней опять засіяло солнце, ласковое, яркое, почти какъ лѣтомъ. Волокнистые барашки забѣгали по блѣдно-голубому небу; въ обнаженномъ лѣсу лишь кое-гдѣ дрожалъ одинокій пожелтѣвшій листъ и точно золотыя струны пронизывали голыя вѣтки, освѣщая самые затаенные его закоулки. Тѣни не было вовсе. Природа будто раздѣлась, чтобы полнѣе отдать свои красы прощальнымъ поцѣлуямъ солнца. Стояла чудная, невозмутимая тишь; но не походила она на полдневную дремоту знойнаго лѣтняго дня, а напротивъ, все точно бодрствовало и въ полѣ, и въ лѣсу, какъ будто передъ зимнимъ сномъ Божій міръ хотѣлъ до-пьяна насладиться полною чашей жизни. Днемъ было тепло, почти жарко, а по ночамъ легкіе заморозки чуть-чуть сковывали землю и раннимъ утромъ она весело хрустѣла подъ ногами. А по зеленямъ, задернутымъ инеемъ, словно тысячи алмазныхъ каплей блестѣли въ косыхъ лучахъ солнца.

Не мудрено, что Вѣра Александровна загостилась въ Гунцевѣ, не спѣша уѣхать въ Крымъ, гдѣ она собиралась провести осень на дачѣ своей матери. Графиня давно была тамъ и уже нѣсколько разъ звала къ себѣ дочь. А Вѣрѣ Александровнѣ не только хорошо жилось въ Гунцевѣ, но она чистосердечно воображала, что ея присутствіе очень полезно Кити и ея мужу.

— Вы замѣчаете, Поль,—говорила она разъ Грушневу утромъ, оставшись съ нимъ вдвоемъ на террасѣ, гдѣ только-что отпили чай,—какая счастливая перемѣна

съ Кити? Когда я пріѣхала сюда, мнѣ показалось, что она скучаетъ немножко и очень ужъ распустила себя... У нея, конечно, нѣтъ моей энергіи—госпожа Усольцева считала себя необыкновенно энергичною женщиной—и я должна сознаться, что это не въ ея характерѣ... Но можно же взять себя въ руки и не отдаваться своимъ дурнымъ наклонностямъ... Мнѣ даже казалось, Поль,—видите какъ я съ вами откровенна—что вы не совсѣмъ даже ладили другъ съ другомъ... изъ-за различія вкусовъ это часто бываетъ даже у людей, которые очень любятъ другъ друга. Но теперь совсѣмъ ужъ не то; я, какъ мать, урезонила ее, и видите, какая она стала живая, дѣятельная, какъ старается вамъ помогать во всемъ. Вы этимъ положительно мнѣ обязаны, Поль.

Странное дѣло, однако, Павелъ Алексѣевичъ никакой особой благодарности къ тещѣ не испытывалъ; въ отвѣтъ на ея похвалы самой себѣ онъ только пробормоталъ что-то не совсѣмъ внятное. Кити, въ самомъ дѣлѣ, была уже не та что прежде: она вставала рано, хоть и стоило это ей большого труда, совершала съ мужемъ длинныя прогулки, интересовалась хозяйствомъ и взяла въ руки весь домъ, гдѣ передъ тѣмъ все велось довольно-таки спустя рукава. И Кити при этомъ никакой усталости не ощущала. Ей самой было хорошо чувствовать себя такою дѣятельною и, какъ думала она, полезною тоже. И на нее, должно быть, подѣйствовалъ живительный воздухъ этой залитой солнцемъ осени.

Одно только иногда тревожило Кити. Ей казалось порой, что ея Павликъ, прежде всегда такъ горячо желавшій, чтобъ она была ему постояннымъ товарищемъ, какъ будто равнодушенъ къ перемѣнѣ ея образа жизни. Пожаловаться на него она, правда, не можетъ: онъ всегда ласковъ съ ней и нѣженъ; всѣми своими мыслями, всѣми заботами онъ съ нею дѣлится... „то-то, всѣми-ли?“ — не разъ однако спрашивала у себя Кити, замѣчая, что странная разсѣянность словно вдругъ набѣгала на мужа и въ эти, правда, короткія минуты онъ

весь былъ охваченъ будто чѣмъ-то инымъ, можетъ быть далекимъ... Тогда онъ положительно не принадлежалъ ей вовсе. И когда она спроситъ удивленно, о чемъ онъ думаетъ, онъ опомнится, встряхнется, точно отгонитъ отъ себя нависшую тяжелую мысль... „Ужъ не графиня-ли Надежда Сергѣевна?..“ съ недоумѣніемъ раздумывала Кити, и волна ревниваго чувства касалась ея на мигъ. Графиня уѣхала недавно и въ послѣдній разъ, что онъ былъ въ Воскресенскомъ, Павликъ вернулся такъ поздно и казался такимъ разстроеннымъ... Но Кити живо отгоняла отъ себя эти нехорошія мысли. Она и графиня... она—вся солнце, вся молодость и эта почти сорокалѣтняя женщина!.. Полно, развѣ про это могла быть рѣчь? И не видитъ-ли она каждый день, какъ дорога она ему, какъ неизмѣнно принадлежитъ онъ ей...

И волна ревниваго чувства убѣгала, оставивъ послѣ себя только чуть-чуть замѣтный слѣдъ. Но загадка оставалась все-таки неразрѣшенною. Павелъ Алексѣевичъ какъ ни старался не только скрыть отъ жены свою тайну, но подавить ее въ себѣ, въ самомъ дѣлѣ принадлежать безраздѣльно своей Кити,—Павелъ Алексѣевичъ не могъ порой скрыть овладѣвшихъ имъ тяжкихъ думъ. И теперь это были истинно тяжкія думы: и стыдъ передъ женой, и упреки совѣсти, и мученія безпокойной ревности—все испыталъ онъ за эти немногіе дни. Онъ ненавидѣлъ себя за свою любовь, и любовь эта была для него все-таки дороже всего на свѣтѣ. И счастливымъ онъ себя чувствовалъ въ тѣ только минуты, когда онъ могъ одинъ, на свободѣ, весь отдаться мысли о такъ нечаянно плѣнившей его дѣвушкѣ, вызывать въ своемъ воображеніи ея стройный образъ, вспоминать каждое ея слово и съ тревогой задавать себѣ вопросъ: полюбитъ-ли она его когда-нибудь? Съ Женей онъ почти не оставался теперь съ глаза на глазъ. Они уже не совершали вдвоемъ длинныхъ прогулокъ и вмѣстѣ верхомъ уже не катались. Павелъ Алексѣевичъ самъ избѣгалъ теперь быть съ нею наединѣ, а между тѣмъ

ему все казалось, что Женя отъ него пугливо сторопится. И въ обращеніи его съ ней сказывалась какая-то прежде невѣдомая принужденность. Онъ всею душой жаждалъ ея общества, ея голоса, улыбки; онъ иногда блѣднѣлъ, услыша нечаянно ея легкіе шаги; каждый самый простой вопросъ, съ какимъ бы она ни обратилась къ нему въ присутствіи другихъ, заставлялъ тревожно биться его сердце. А Женя по прежнему держалась съ нимъ совершенно просто, какъ съ близкимъ человѣкомъ, присутствіе котораго ничуть не возмущало хрустальной чистоты ея мыслей. Болѣзненная вспышка полубезсознательнаго чувства, полгода назадъ едва не нарушившая покоя ея сердца, теперь не повторялась. Она любила мужа сестры какъ родного, даже не подозрѣвая, какова была эта любовь. Вѣдь никто не мѣшалъ ей помогать ему въ занятіяхъ, довѣрять ему свои еще полудѣтскіе, едва сложившіеся взгляды, и душевная близость съ нимъ ничуть не смущала ее. Она чистосердечно принимала эту близость за дружбу.

Такъ это могло бы долго продолжаться, не произойди одного въ сущности пустого случая. Разъ, когда въ Гунцевѣ кончали завтракать и Вѣра Александровна пустилась нерѣшительно обсуждать вопросъ о своемъ близкомъ отъѣздѣ, въ дверяхъ показалась Женя, одѣтая въ амазонку, съ хлыстомъ въ рукѣ.

— Мама, я велѣла осѣдлать „Забаву“ и поѣду сейчасъ верхомъ,—сказала она, подходя маленькими быстрыми шажками. Ноги ея, обутыя въ лакированные полусапожки, путались въ складкахъ амазонки.—Я такъ давно не каталась, а сегодня погода такая чудесная. Вѣроятно, это въ послѣдній разъ, такъ какъ мы скоро уѣзжаемъ.

— Развѣ тебя можно пустить одну?—колеблясь, произнесла Вѣра Александровна.

— Разумѣется, нельзя, — объявилъ, поднимаясь съ мѣста, Грушневъ.—Если вы даже ее пустите, я этого не позволю: „Забава“ — лошадь пугливая. Женя, погодите минуту, мы поѣдемъ вмѣстѣ.

Женя, кивнувъ головой, послушно присѣла къ столу. Ей почему-то понравился его повелительный тонъ, въ которомъ чувствовалась отеческая заботливость. Впрочемъ, она не разбирала, каковъ былъ источникъ этой заботливости.

Павелъ Алексѣевичъ вышелъ отдать приказаніе и черезъ десять минутъ была подана и его лошадь.

— Готово, Женя,—сказалъ онъ, возвращаясь,—поѣдемте. Мы, кстати, давно не катались вмѣстѣ. Онъ постарался сказать это весело и непринужденно, но противъ воли голосъ его слегка задрожалъ. Они вышли на крыльцо вмѣстѣ, и на этотъ разъ онъ не далъ конюху посадить дѣвушку, самъ подставилъ ей руку. Она чуть коснулась ея кончикомъ ножки и вспрыгнула на сѣдло.

Они отъѣхали нѣсколько шаговъ.

— А мы въ самомъ дѣлѣ съ вами очень, очень давно не катались,—заговорила она, весело озираясь.

Все кругомъ сіяло, залитое широкими волнами яркаго солнца.

Грушневъ молча, почти сумрачно кивнулъ головой.

— А хорошо сегодня, очень хорошо... Я люблю осень. Жалѣю, что скоро уѣхать придется...—Она быстро взглянула на него, улыбаясь глазами.

— А Вѣра Александровна уже рѣшила, — спросилъ Грушневъ,—когда вы отсюда отправитесь въ Крымъ?

— Нѣтъ еще, нѣтъ... Я постараюсь оттянуть на нѣсколько дней: мнѣ здѣсь очень, очень хорошо было.—И опять она остановила на немъ ясный, блестящій взглядъ своихъ темносинихъ глазъ. А солнце такъ и золотило ея смугловатыя щечки; легкій, нѣжный вѣтерокъ игралъ колечками ея волосъ и вуалемъ, приколотымъ къ шляпѣ. Спокойно и легко шла подъ нею лошадь, чувствовавшая, что поводъ держитъ увѣренная, хоть и мягкая рука. Свободно выпрямлялся ея стройный, легкій станъ, плавно вторя движеніямъ лошади. Они поѣхали рысью; чувство радости жизни, ощущеніе сладкой прелести яркаго осенняго дня, этого негаданнаго подарка уходя-

щаго лѣта, еще замѣтнѣе прежняго сказывалось на оживленномъ личикѣ дѣвушки, въ блескѣ ея глазъ, въ игрѣ ея румянца. Украдкой, какъ бы стыдясь, взглядывалъ на нее Грушневъ, сперва спѣша оторвать отъ нея восхищенные глаза, чтобы почти тотчасъ затѣмъ снова устремить ихъ на ея нѣжный, чарующій обликъ. Долго они скакали по окрестностямъ Гунцева, то унесенные быстрымъ галопомъ, то переходя опять къ болѣе спокойной ѣздѣ, чтобы перекинуться нѣсколькими словами. Давно Грушневъ не испытывалъ такого праздничнаго настроенія, такого просившагося наружу избытка счастья. Было, правда, что-то почти мучительное, какая-то неутолимая жажда чего-то въ этомъ счастьѣ. Но какими блѣдными въ сравненіи съ нимъ все-таки казались ему даже самые первые дни его жизни вдвоемъ съ Кити... Что-то пѣло у него на душѣ и заунывную, и въ то же время радостную пѣснь; ему хотѣлось безумно хохотать и по-дѣтски рѣзвиться, и біеніе жизненнаго пульса ощущалъ онъ въ себѣ, какъ никогда прежде. А то, что говорили они оба, казалось такимъ заурядным, незатѣйливымъ, почти дѣтскимъ, что это не могло служить даже слабымъ выраженіемъ того, что чувствовалъ онъ, храня какъ сокровище дорогую и въ то же время преступную тайну, которою онъ ни за что не подѣлится съ кѣмъ-либо...

Они подъѣзжали къ опушкѣ лѣса, совершивъ обширный кругъ по гунцевскимъ полямъ. На лугу вдоль ручья паслось стадо. И вдругъ, испугавшись чего-то, должно быть собаки, встрѣтившей ѣздоковъ громкимъ лаемъ, одна изъ коровъ неожиданно бросилась со всѣхъ ногъ наперерѣзъ дороги. Грушневъ не успѣлъ во-время схватить за поводъ пугливую лошадь молодой спутницы и „Забава“, вся охваченная мгновеннымъ дикимъ страхомъ, неудержимо закинулась влѣво. Это былъ всего одинъ мигъ, Женя не въ силахъ была удержать лошадь и, обезумѣвъ отъ ужаса, Грушневъ секунду спустя увидѣлъ „Забаву“ стоявшую одну, безъ своей наѣздницы,

въ десяти шагахъ отъ себя. Женя неподвижно лежала на землѣ. Въ одно мгновеніе онъ соскочилъ и кинулся къ молодой дѣвушкѣ.

— Боже мой! Вы ушиблись? Что съ вами? вы...— вырвалось изъ его груди, пока онъ бросился на колѣна, чтобы помочь ей встать на ноги.

Но Женя уже оправилась отъ перваго испуга и улыбка уже складывалась на ея поблѣднѣвшемъ лицѣ.

— Скажите, вы не слишкомъ ушиблись?—залепеталъ онъ, невольно обнимая ее.—Женя... милая...

Быстро и легко она вскочила на ноги, какъ бы стыдясь того, что случилось, и усиленно качая головой въ знакъ отрицанія.

— Кажется, ничего...—весело отвѣтила она,—видите— я цѣла и невредима.

Грушневъ все еще обнималъ ея станъ, не выпуская его изъ своихъ дрожащихъ рукъ и наклоняясь къ ея, слегка поблѣднѣвшему лицу. Ему не совсѣмъ еще вѣрилось, что все прошло благополучно. Хриплымъ отъ волненія голосомъ онъ продолжалъ тревожно разспрашивать ее, не вѣря ея успокоительнымъ отвѣтамъ. Полубезсознательно онъ сталъ цѣловать ея руки, все ближе и сильнѣе притягивая ее къ себѣ. На мигъ она склонилась къ нему на грудь и прочла въ его глазахъ то, что скрывалъ онъ отъ нея такъ долго,—его нѣжную, безумную, отчаянную любовь. На мигъ тоже въ обращенномъ къ нему взглядѣ молодой дѣвушки блеснулъ отвѣтъ на его чувство. И оба они поняли разомъ, что сердцемъ они принадлежатъ другъ другу безраздѣльно. Весь охваченный радостью Грушневъ совсѣмъ потерялъ голову и, прижимая къ себѣ ея трепещущій станъ, онъ хотѣлъ прильнуть къ ея губамъ и страстными поцѣлуями осыпать ее всю: лицо, шею, плечи; вихремъ охватило его бурное искушеніе, жажда опьяняющей запрещенной любви была въ его воспаленныхъ глазахъ.

Но Грушневъ удержался во̀-время. Онъ увидѣлъ испугъ на лицѣ дѣвушки,—испугъ, смѣнившій только-

что пробѣжавшій по немъ лучъ довѣрчиваго, нѣжнаго чувства. Онъ опомнился, и сознаніе, что онъ готовъ былъ совершить недостойный поступокъ, внести тревогу, можетъ быть, горе въ ея чистую безмятежную душу, остановило его мгновенно. Онъ выпустилъ ее изъ своихъ рукъ и въ его опущенномъ взорѣ было теперь нѣмое сознаніе вины. Она первая вернула себѣ покинувшее было ее самообладаніе.

— Поѣдемте назадъ, Павелъ Алексѣевичъ, — произнесла она твердо и просто.

— Да развѣ вы можете? и не боитесь?

— Еще бы! Конечно, могу. И видите: „Забава“ совсѣмъ теперь спокойна и будто стыдится того, что сдѣлала.

Она попробовала улыбнуться, говоря это.

Грушневъ подвелъ ее къ лошади, взялъ „Забаву“ подъ уздцы и, подставивъ дѣвушкѣ руку, бережно усадилъ ее въ сѣдло. Она поблагодарила его, оправляя на себѣ амазонку, но строгое, укоряющее выраженіе все не сходило съ ея лица. Возвращаясь домой, они чувствовали оба, что теперь стали, какъ будто болѣе чужими другъ для друга, чѣмъ прежде. Между ними легло что-то неуловимое и невысказанное, но все-таки отчетливо ясное для обоихъ, что-то такое, чего устранить было нельзя. Они почти даже не заговаривали другъ съ другомъ на всемъ обратномъ пути, точно боясь, чтобы голосъ не измѣнилъ имъ и не выдалъ ихъ тревогу. Чему-то дорогому для обоихъ, — они сознавали это,—наступилъ вдругъ конецъ. Во дворѣ передъ домомъ они увидѣли только-что отъѣхавшій отъ крыльца тарантасъ.

— Кто это здѣсь?—спросилъ Грушневъ у выбѣжавшаго слуги.

— Николай Ивановичъ Усольцевъ только что изволили пріѣхать,—было его отвѣтомъ.

— Папа! Какъ я рада! — воскликнула дѣвушка, соскакивая съ лошади съ помощью лакея,—Грушневъ на

этотъ разъ къ ней не подошелъ, — и мысленно добавила:—„Слава Богу, онъ увезетъ меня отсюда!..“

XXIII.

Николай Ивановичъ явился въ Гунцево какъ снѣгъ на голову, не предупредивъ никого. Вѣра Александровна услыхала звонъ бубенчиковъ и стукъ тарантаса у крыльца и узнавъ, кто пріѣхалъ, тотчасъ выбѣжала навстрѣчу супругу.

— Какими судьбами, Ника? — почти испуганно воскликнула она.—Вотъ ужъ не ожидала тебя увидать! И телеграммы даже не прислалъ!

Послѣ долгой разлуки съ мужемъ Вѣра Александровна всегда ощущала потребность обмѣна сердечныхъ привѣтствій и въ то же время нѣкоторую тревогу: внезапное появленіе Николая Ивановича рѣдко обходилось безъ дурныхъ вѣстей. И теперь тоже, бросясь обнимать мужа, она съ боязливымъ недоумѣніемъ всматривалась въ его запыленное лицо.

— Какая тамъ еще телеграмма! — сердито мотнувъ головой, отвѣтилъ Усольцевъ. — Я зналъ, что застану тебя здѣсь и на станціи найду лошадей, чего-жъ еще? А что ты съ радости въ обморокъ не упадешь, увидавъ меня, въ этомъ я былъ увѣренъ.

Свои мягкіе усы, на этотъ разъ не раздушеные, онъ приложилъ, однако, къ раскраснѣвшемуся лицу жены.

— А гдѣ Кити? ушла куда-то? Ну, тѣмъ лучше: мнѣ съ тобой переговорить надо. Пойдемъ къ тебѣ. Умыться я потомъ успѣю. — Это былъ очень дурной признакъ. И Вѣра Александровна встревожилась не на шутку: развѣ очень крупное событіе могло заставить Николая Ивановича отложить въ сторону заботу о своей наружности.

— Да что случилось, Ника? Я по всему вижу, что ты съ дурными вѣстями.

— Узнаешь, мой другъ, сейчасъ узнаешь,—проходя въ ея комнату отвѣтилъ Усольцевъ со злобною насмѣшкою въ глазахъ. — А Женя гдѣ? и Грушневъ тоже? Уѣхали вмѣстѣ?! И это они часто вдвоемъ катаются?

— Довольно часто. Что-жъ ты въ этомъ видишь дурного?

Усольцевъ посмотрѣлъ на жену съ сострадательнымъ изумленіемъ. Слово „дура“ чуть было не сорвалось съ его языка, но онъ удержался во-время. Повѣрять женѣ свои давнишнія опасенія онъ не захотѣлъ бы ни за что. Отъ нея онъ помощи не ждалъ. А для того, чтобы провѣрить, грозитъ-ли разыграться семейная драма, онъ разсчитывалъ на одного себя и на свою наблюдательность.

— Скажи, пожалуйста,—спросилъ онъ, всматриваясь въ жену недовольнымъ взглядомъ,—ты, кажется, здѣсь ужъ больше мѣсяца?

— Мы десятаго августа пріѣхали,—слегка обиженнымъ тономъ объяснила Вѣра Александровна и принялась разсказывать, почему она вернулась изъ-за границы раньше, чѣмъ думала.

Слушая ее, Усольцевъ насмѣшливо моталъ головой.

— Да, да, очень важныя причины! Побоялась много денегъ истратить... Захотѣлось съ Кити повидаться... И Женя тебя упрашивала... Удивительно вѣскія соображенія!

— Куда же мнѣ было дѣваться, наконецъ? Жить въ Остенде и скучно, и дорого. Ѣхать въ Парижъ, чтобы побольше денегъ прожить?

— Проживала бы ты ужъ ихъ лучше тамъ, благо онѣ у тебя водились, а то во сто разъ хуже вышло съ твоею расчетливостью! Ты, по крайней мѣрѣ, спросилась бы у кого-нибудь. А то ни мнѣ, ни матери ни слова... Махнула себѣ въ Московскую губернію и вообразила, что очень умно придумала! Я долго не зналъ даже, что ты здѣсь обрѣтаешься. Только съ недѣлю тому назадъ получилъ твое письмо.

— А я знала развѣ,—кисло возразила ему жена,— гдѣ ты странствуешь?

— Ну, я—другое дѣло: я глупостей не надѣлалъ, не безпокойся.

— Да скажи же наконецъ, что случилось?—нетерпѣливымъ голосомъ повторила свой вопросъ Усольцева.

— Что случилось? А вотъ что.—Онъ вытаращилъ свои большіе свѣтлые глаза и разставилъ ноги.—Твой любезный братецъ, графъ Вадимъ Александровичъ, жениться вздумалъ, да.

Вѣра Александровна всплеснула руками.

— И знаешь на комъ? На своей давнишней пассіи, на этой авантюристкѣ, Жюли Вельтманъ. Съумѣла-таки его окрутить эта барынька, даромъ что не первой молодости. И все это ты, моя милая, проглядѣла самымъ нелѣпымъ образомъ. Завязался этотъ романъ въ Остенде, у тебя подъ носомъ, а ты и не пронюхала ничего... И вмѣсто того, чтобы за братцемъ присматривать, изволила уѣхать... Въ твоемъ присутствіи онъ не посмѣлъ бы этого сдѣлать. Въ душѣ, вѣдь, онъ трусъ, даромъ что не разъ грозился когда-нибудь такое колѣнце выкинуть, что всѣхъ насъ удивитъ. Ну, и удивилъ же, нечего сказать! Съѣздилъ съ этою милою барыней въ Брюссель, да тамъ въ русской церкви и обвѣнчался.— Николай Ивановичъ щелкнулъ языкомъ и добавилъ:— а теперь поминай какъ звали братнино состояніе... Эта Жюли и во снѣ тебѣ его не покажетъ.

— Да, хорошую ты привезъ новость,—упавшимъ голосомъ отозвалась на это Вѣра Александровна.

Николай Ивановичъ черкнулъ спичкой, закурилъ папироску и прошелся по комнатѣ.

— Я тебѣ не все еще сказалъ,—опять началъ онъ, минуту спустя,—есть, къ сожалѣнію новость хуже... А! вотъ и Кити.

Молодая женщина въ эту самую минуту показалась въ дверяхъ и тутъ же бросилась обнимать отца. Глаза ея блестѣли отъ оживленія. Николай Ивановичъ не

могъ усомниться въ томъ, что его Кити вполнѣ счастлива, что никакая тревожная волна пока не возмутила прозрачной глади ея домашней жизни.

— Надѣюсь вы надолго къ намъ, папа?—былъ ея первый вопросъ.

— Къ сожалѣнію, дружокъ мой, очень ненадолго: мы завтра уѣзжаемъ всѣ: и мама, и Женя тоже.

Вѣра Александровна ахнула. Какъ же она успѣетъ приготовиться?..

— Вы знаете обѣ,—продолжалъ Николай Ивановичъ, усаживаясь въ кресло и не выпуская руки дочери изъ своей,—что неизмѣнное мое правило—не обращать никакого вниманія на пустяки, когда дѣло идетъ о чемъ-нибудь серьезномъ. А къ сожалѣнію, предъ нами теперь очень серьезная и очень грустная обязанность.—Усольцевъ швырнулъ въ каминъ докуренную папироску и на лицѣ его показалось нѣчто похожее на сосредоточенную грусть. Въ эту минуту онъ глядѣлъ настоящимъ отцомъ семейства.

— Когда твоя мать,—началъ онъ, опять обращаясь къ женѣ,—узнала про женитьбу Вадима...

— Какъ? дядюшка женился?—вырвалось у Кити.

— Да, представь себѣ: на этой ужасной женщинѣ, на Жюли Вельтманъ,—отвѣтила ей Вѣра Александровна.

— Не перебивайте же меня обѣ,—нетерпѣливо сказалъ Усольцевъ.—Ну, чего ты на меня такъ смотришь, Кити? Да, выкинулъ-таки штуку твой милый дядюшка, и наслѣдство его теперь въ воду кануло. Запишите себѣ это на память.

Онъ принялся опять ходить по комнатѣ и закурилъ новую папироску.

— Нечего удивляться, что на графиню это произвело такое сильное впечатлѣніе, что съ нею сдѣлался ударъ...

— Ударъ!?—воскликнули обѣ женщины разомъ.

— Ну да, развѣ я вамъ этого еще не сказалъ? Я вчера телеграмму получилъ и сейчасъ же поскакалъ сюда за тобой, Вѣра. Только не слишкомъ пугайся: я

думаю, она оправится. Такъ, по крайней мѣрѣ, въ своей депешѣ говоритъ докторъ.

Вѣра Александровна приложила къ глазамъ платокъ и вся ошеломленная, скрестивъ пальцы, опустилась на кресло. Кити машинально послѣдовала ея примѣру и тоже закрыла глаза платкомъ, хотя слезъ у нея не было.

— Да какъ же это случилось, Ника?—упавшимъ и встревоженнымъ голосомъ спросила Вѣра Александровна.

— Подробностей я, разумѣется, не знаю. Вотъ что было въ телеграммѣ, съ собой я ее не захватилъ, но содержаніе ея помню. „Съ графиней Дарьей Михайловной вчера вечеромъ случился ударъ. Подѣйствовало полученное изъ-за границы извѣстіе. Поражена правая часть тѣла. Сознаніе полное. Надѣюсь на выздоровленіе“. Подпись *Гриннеръ*, это, ты знаешь, докторъ изъ Ялты, довольно, кажется, порядочный... Сперва я хотѣлъ прямо туда поѣхать и тебѣ послать депешу, но скоро одумался: въ телеграммѣ всего не объяснишь, да тебя перепугаешь только... а своимъ присутствіемъ я немногаго достигъ бы. Не только я не помогъ бы, а пожалуй, еще хуже бы вышло. Я за больными ходить не умѣю, а она меня, вдобавокъ, терпѣть не можетъ. Я и рѣшился сюда отправиться и тебя съ Женей увезти съ собой въ Крымъ. Во-первыхъ, твоя прямая обязанность, какъ дочери, быть при ней въ такую минуту.

— Еще бы!—живо отозвалась на это Вѣра Александровна.

— При ней изъ родныхъ вѣдь никого нѣтъ, — продолжалъ Усольцевъ,—и она въ полной власти у своей горничной и стараго буфетчика Никиты. Они ее, пожалуй, ограбить могутъ... Ну, да и вообще не мѣшаетъ, особенно когда наслѣдство Вадима кануло въ воду, о твоихъ интересахъ позаботиться...

— Ника, стыдись, какъ можно!—негодующимъ голосомъ остановила его жена.

— Ахъ, мой другъ, оставь, пожалуйста, эти сентиментальности, въ которыя вѣдь ты и сама не вѣришь. Жить безъ денегъ нельзя, а помимо Дарьи Михайловны откуда намъ ихъ достать?..

Вѣра Александровна на этотъ разъ промолчала и громко высморкалась. Слезы капали у нея изъ глазъ и очень некрасивымъ глядѣло ея продолговатое лицо, на которомъ выступили красныя пятна.

— Ты понимаешь, что мѣшкать нельзя и что ѣхать мы должны завтра?—закончилъ Николай Ивановичъ.

— Папа, возьмите меня тоже съ собою, — сказала мигъ спустя Кити.

— Тебя? А мужъ твой, что онъ скажетъ? Ему скоро въ Петербургъ на службу пора...

— Ничего, папа: онъ согласится. Онъ пойметъ, что моя обязанность теперь быть у бабушки.

— Пожалуй, что ты и права...—подумавъ немного, отвѣтилъ Николай Ивановичъ.—Кто еще знаетъ, чѣмъ это кончится... А Дарья Михайловна тебя всегда любила больше всѣхъ. Ну, а скажи, пожалуйста,—поднялъ онъ вдругъ на дочь испытующій взглядъ, — ничего у тебя съ мужемъ не произошло? и въ Крымъ ты просишься не оттого, что у васъ дома не ладно, а?

Кити успѣла только отрицательно покачать головой. Дверь шумно распахнулась и Женя вбѣжала въ комнату. За нею въ нѣкоторомъ отдаленіи слѣдовалъ Павелъ Алексѣевичъ.

Усольцевъ весь просіялъ, увидавъ любимую дочь.

— А! вотъ и она!—воскликнулъ онъ, обнимая и цѣлуя ее.—Ну, дай на тебя посмотрѣть, шалунья! — Онъ взглянулъ на нее любящими глазами.—Ничего, поправилась, кажется, и выросла тоже. А перепугала ты насъ весной, нечего сказать! Довольна, что съѣздила за границу, а?

Онъ такъ закидывалъ ее стремительными вопросами, что молодая дѣвушка не успѣвала отвѣчать. Да и въ отвѣтахъ ея не было надобности: онъ съ радостью ви-

дѣлъ, что опасенія его были напрасны и румянецъ здоровья опять заигралъ на ея щекахъ. А Женя прижималась къ нему, точно искала у него защиты.

— Папа па долго сюда?—спросила она у матери.

— Нѣтъ, мы завтра утромъ ѣдемъ всѣ вмѣстѣ,—отвѣтила Вѣра Александровна.

— И я тоже ѣду съ ними,—добавила Кити:—бабушка очень больна.

Она тутъ же передала сестрѣ недобрую вѣсть, привезенную отцомъ.

— Разумѣется, мы должны ѣхать всѣ!—живо сказала Женя.

Она тотчасъ позабыла о себѣ и всѣ ея мысли устремились къ далекому черноморскому побережью, гдѣ, можетъ быть, теперь угасала жизнь бабушки.

Николай Ивановичъ былъ такъ доволенъ счастливою перемѣной съ младшею дочерью, что и зятя онъ встрѣтилъ съ небывалымъ прежде радушіемъ.

— Ужъ ты съ меня не взыщи,—сказалъ онъ, сообщивъ ему о желаніи Кити тоже ѣхать въ Крымъ. — Я тутъ не причемъ, это она захотѣла.

Павелъ Алексѣевичъ изъявилъ согласіе на отъѣздъ жены, даже не попытавшись что-либо возразить. Эта уступчивость непремѣнно возбудила бы подозрѣніе Николая Ивановича, если бы все, что онъ успѣлъ замѣтить съ самаго пріѣзда въ Гунцево, эта общая картина полнаго семейнаго мира не разсѣяла этихъ подозрѣній окончательно. Усольцевъ не могъ догадываться, что Грушнева занимала теперь одна только мысль о предстоящей разлукѣ съ Женей и что все остальное, что сама Кити для него будто перестали существовать. Грушневъ весь былъ подавленъ и этою мыслью, и еще болѣе, можетъ быть, жгучими воспоминаніями о томъ, что за какой-нибудь часъ назадъ происходило между нимъ и молодою дѣвушкой... Онъ чувствовалъ себя глубоко виноватымъ и передъ нею, и передъ женою. Онъ встревожилъ невозмутимую чистоту ея души, и какъ ни пья-

нѣло его воображеніе при воспоминаніи, что и въ ея глазахъ въ тотъ бурный, скоротечный мигъ онъ прочелъ страстно желаемый отвѣтъ, своего увлеченія онъ себѣ простить не могъ. Теперь, Грушневъ сознавалъ это, она будетъ пугливо сторониться отъ него, навсегда исчезнетъ между ними прежняя, столь дорогая ему, невинная, довѣрчивая близость. Все подтверждало это: и упорное молчаніе Жени, пока они возвращались домой, и радость ея при извѣстіи о пріѣздѣ отца. И надъ собой онъ мысленно произносилъ неумолимый приговоръ.

Николай Ивановичъ былъ совсѣмъ обезоруженъ, но и зятя, и дочь онъ все-таки подвергалъ весь этотъ день зоркому испытанію. Странное выраженіе на лицѣ Грушнева отъ него не ускользнуло. Но можно, вѣдь, было его просто объяснить сожалѣніемъ объ отъѣздѣ Кити... Раза два онъ недовѣрчиво всматривался въ блѣдныя черты зятя и невзначай ставилъ ему вопросы, въ которыхъ была незамѣтная ловушка. Грушневъ, однако, не выдалъ себя. А Женя казалась до того счастливою отъ пріѣзда отца и мысли увидѣть чудное солнце юга, что никакой тайны у нея, очевидно, не могло быть.

Бѣдная дѣвушка, тѣмъ не менѣе, весь этотъ день страдала невыразимо. И для нея раскрылась теперь завѣса, долго не дававшая ей разглядѣть, каковъ былъ настоящій смыслъ ея дружбы съ Павломъ Алексѣевичемъ. Въ эти немногіе часы она глубже заглянула въ настоящую жизнь, чѣмъ иная дѣвушка могла бы сдѣлать въ цѣлые годы. Чутье подсказало ей, къ чему вели ея невинныя бесѣды съ мужемъ сестры, что скрывалось за удовольствіемъ, какое она испытывала въ его обществѣ. Самое это чутье мигомъ научило ее скрывать свою тайну отъ постороннихъ глазъ. Этимъ она не только защищала себя,—она оберегала и семейное счастіе любимой сестры. Даже опытная наблюдательность Николая Ивановича была введена въ заблужденіе.

На слѣдующее утро всѣ въ Гунцевѣ поднялись рано: надо было спѣшить къ поѣзду. Наскоро были уложены

вещи въ два экипажа и заканчивались послѣдніе сборы къ отъѣзду. Кити усѣлась вдвоемъ съ мужемъ въ шарабанѣ, остальные умѣстились въ коляскѣ. Пятнадцать верстъ до станціи прошли быстро. До поѣзда оставалось еще слишкомъ четверть часа. Всѣ поочередно прощались съ Грушневымъ, и Николай Ивановичъ, сознавая, должно быть, что всегда былъ несправедливъ къ зятю, сердечно съ нимъ обнялся. У Кити оказалась для мужа цѣлая куча порученій, которыми она закидывала его въ послѣднюю минуту.

— Я вернусь скоро,—обѣщала она,—самое большое черезъ мѣсяцъ. И какъ жаль, что ты не можешь съ нами ѣхать... все это глупая служба! Воображаю, бѣдняжка, какъ тебѣ въ Петербургѣ скучно будетъ безъ меня.

Кити не добавила, что самая эта скука петербургской осени, когда въ городѣ нѣтъ никого изъ знакомыхъ, была не послѣднею причиной ея рѣшенія отправиться въ Крымъ.

Стукъ подходившаго поѣзда слышался между тѣмъ все громче. Носильщики заторопились, собирая вещи. Кити расцѣловалась съ мужемъ въ послѣдній разъ.

— А ты, Женя,—обратилась она вдругъ къ сестрѣ,—что жъ ты не прощаешься съ нимъ какъ слѣдуетъ? Поцѣлуйтесь же: вы не чужіе!

Грушневъ вспыхнулъ было отъ этихъ словъ, но подавилъ свое волненіе. Онъ подошелъ къ молодой дѣвушкѣ и, съ улыбкой протянувъ ей руку, скользнулъ чуть-чуть губами по ея лбу. Лицо Жени осталось поразительно блѣднымъ и безучастнымъ и рука едва отвѣтила на его пожатіе.

XXIV.

Послѣ отъѣзда Кити Грушневъ не долго оставался въ деревнѣ. Гунцево ему вдругъ опостылѣло, да и пора было вернуться въ Петербургъ на службу: и безъ того

онъ давно просрочилъ свой отпускъ. Онъ поселился въ домѣ графини, такъ какъ рѣшено было, что всю эту зиму молодая чета будетъ жить тамъ. Занялъ онъ всего двѣ небольшихъ комнаты въ нижнемъ этажѣ. Остальная часть обширныхъ хоромъ графини оставалась запертою наглухо. Дома, впрочемъ, его не бывало почти никогда. Утромъ Павелъ Алексѣевичъ торопился въ свое министерство, и никогда еще служебные товарищи не видѣли его работающимъ такъ усердно. Грушневу хотѣлось окунуться въ работу, создать себѣ какой-нибудь, хотя бы мнимый интересъ, чтобъ оторваться отъ преслѣдовавшихъ его гнетущихъ, хоть и милыхъ воспоминаній. Цѣлые дни онъ проводилъ, не видя почти никого изъ близкихъ знакомыхъ. Съ товарищами по министерству онъ не былъ на короткой ногѣ: они завидовали его быстрому повышенію, а свѣтскіе друзья почти всѣ отсутствовали. Въ знакомыхъ домахъ окна были еще забѣлены, а подъѣзды заколочены. Да въ общество Павла Алексѣевича и не тянуло. Въ своемъ одиночествѣ онъ находилъ болѣзненное наслажденіе, все оставаясь наединѣ со своею грѣшною любовью Онъ говорилъ себѣ много разъ, что надо проститься съ дорогимъ образомъ, вырвать изъ сердца невозможную роковую страсть, но образъ этотъ оставался съ нимъ неразлученъ, преступная страсть все крѣпла и росла... И всякій разъ, какъ почта приносила ему вѣсти изъ Крыма, —Кити писала довольно часто, — онъ съ жаднымъ нетерпѣніемъ разрывалъ конвертъ и быстро пробѣгалъ страницу за страницей въ надеждѣ увидать дорогое имя. Но имени этого онъ, большею частью, искалъ тщетно. Сама Женя не писала ему вовсе, а старшая сестра лишь изрѣдка упоминала о ней, говоря, что она весела и здорова.

Вотъ что, между прочимъ, Грушневъ прочелъ въ одномъ изъ первыхъ Китиныхъ писемъ:

„Намъ здѣсь очень хорошо, милый Павликъ, но вернусь я все-таки, какъ обѣщала, не позже 20 октября.

Ты, я думаю, безъ меня соскучился, и мнѣ, право, совѣстно, что я такъ веселюсь вдали отъ тебя. Вчера мы большимъ обществомъ ѣздили въ горы. Погода была великолѣпная, и Дима Клубинъ, — онъ тоже здѣсь, но уѣзжаетъ на дняхъ, — всѣхъ насъ очень забавлялъ. Я до сихъ поръ никогда еще не чувствовала, какъ пріятно иногда хорошенько утомиться. Я встаю рано, цѣлые дни провожу на воздухѣ, много ѣзжу верхомъ и катаюсь на лодкѣ. Ты, можетъ быть, удивишься, что мы ведемъ такую жизнь, когда бабушка такъ больна; но мы застали ее въ гораздо лучшемъ положеніи, чѣмъ думали. Языкомъ она теперь опять совсѣмъ владѣетъ: иногда только она затрудняется подыскать слово. Правда, ходить она еще не можетъ, но докторъ говоритъ, что и это вернется. Но зиму она должна будетъ провести здѣсь: климатъ Петербурга былъ бы для нея опаснымъ.

„А нравъ и привычки у нея остались все тѣ же, и это тоже очень хорошій признакъ, какъ увѣряетъ докторъ. Она по прежнему стоитъ на стражѣ приличій, и всѣ у нея въ домѣ должны ходить по стрункѣ. Мнѣ одной разрѣшено дѣлать все, что ни вздумается. За то про бѣднаго дядю она и слышать не хочетъ; даже его имени здѣсь никто не смѣетъ упомянуть. На дняхъ отъ него пришло изъ Парижа письмо. Бабушка и читать его не стала. Это, кажется, третье покаянное посланіе. Тонъ, однако, какъ будто становится немножко независимѣе: видно, онъ сталъ писать подъ диктовку жены. Самъ онъ ни за что не сталъ бы такія длинныя письма сочинять, да еще на такомъ отборномъ французскомъ языкѣ. Мама пришла въ негодованіе. Юлію Александровну она бранитъ на всѣ лады. Но я, признаюсь, этого не понимаю. Какъ будто дядя въ сорокъ лѣтъ не имѣлъ права жениться на комъ угодно! И Клубинъ, встрѣчавшій Юлію Александровну за границей, говоритъ, что она женщина обворожительная и съ прекрасными манерами. Я увѣрена, что если она пріѣдетъ въ Петербургъ и станетъ

у себя принимать, рѣшительно всѣ къ ней поѣдутъ. Что касается меня, я очень хотѣла бы съ нею познакомиться. Быть чопорнымъ, по моему, очень глупо, въ особенности у насъ, гдѣ добрая половина общества состоитъ Богъ вѣсть изъ кого и гдѣ въ сущности можно все себѣ позволить. По моему, такія немного сомнительныя особы, какъ Юлія Александровна, все-таки гораздо лучше какой-нибудь графини Надежды Сергѣевны, которой однако всѣ покланяются. И намъ слѣдовало бы радоваться за дядюшку, что свадьба оторветъ его, по крайней мѣрѣ, отъ той гадкой женщины, къ которой отъ скуки онъ ѣздилъ каждый день. Не понимаю, что за удовольствіе мужчины находятъ въ обществѣ этихъ балетныхъ танцовщицъ! До свиданія, милый Павликъ. Цѣлую тебя. *Твоя Кити.*"

Къ письму дочери Вѣра Александровна сдѣлала отъ себя длинную приписку:

„Вы не можете себѣ представить, милый другъ,—писала она по-французски,—какъ мы хорошо сдѣлали, что пріѣхали. Мама была такъ дурно окружена, что всего можно было опасаться. Вѣдь наслѣдство Вадима для насъ теперь пропало: эта гадкая авантюристка захочетъ, конечно, въ Петербургѣ держать открытый домъ и прибрать къ рукамъ деньги мужа. И вся наша надежда теперь на маменькино состояніе, котораго она, конечно, не отдастъ сыну. Первымъ ея дѣломъ, когда она оправилась, было послать телеграмму къ Виссаріону Порфирьевичу. Его ждутъ здѣсь съ часа на часъ. Слава Богу, мамѣ теперь гораздо лучше. Ее все занимаетъ мысль, какъ бы наказать Вадима, на котораго она чрезвычайно сердита, и это очень, очень хорошій признакъ. Я тоже нахожу, хоть и сильно привязана къ брату, что для его поступка „имени нѣтъ". Лучше ужъ было ему оставаться съ этою балетною танцовщицей, съ которою онъ жилъ восемь лѣтъ. Она тоже совершенная дрянь, но все-таки она ему не жена, и это, по крайней мѣрѣ, не бросало бы тѣнь на нашу фамилію. Пред-

ставьте себѣ, что на дняхъ мама получила отъ этой женщины письмо, т.-е. не отъ Жюли, а отъ танцовщицы,— ее зовутъ Лиза Сумлянская,—вы, конечно, ее видѣли не разъ въ театрѣ. Это Сумлянская третья, ее всѣ знаютъ: она очень хорошенькая. Такъ вотъ она мамашѣ написала, и, разумѣется, очень безграмотно, жалуясь на Вадима и требуя денегъ въ видѣ вознагражденія. Мама вышла изъ себя отъ этой наглости и съ ней едва не сдѣлался второй ударъ. Но, къ счастью, все обошлось благополучно. Прощайте, милый другъ, будьте здоровы. Не знаю еще, когда пріѣдемъ. Мнѣ, признаюсь, очень хотѣлось бы въ Петербургъ, но маму нельзя пока оставить одну. Ваша преданная *В. Усольцева*".

Презрительная улыбка показалась на лицѣ Грушнева, когда онъ дочиталъ. Негодованія онъ не испытывалъ: слишкомъ много онъ видѣлъ на своемъ вѣку, чтобы наивное себялюбіе Вѣры Александровны возмутило его. Онъ почувствовалъ только, какъ далекъ, безконечно далекъ отъ него весь тотъ складъ жизни, тотъ міръ дрянныхъ разсчетовъ и мелкой злобы, среди которыхъ протекла жизнь этихъ близкихъ и все-таки нравственно такъ чужихъ ему людей. Вѣра Александровна была, въ сущности, даже не дурная женщина, она была лишена только способности понимать, что ея раздраженію противъ брата, ея видамъ на материнское наслѣдство, занимавшимъ ее гораздо больше, чѣмъ самая болѣзнь матери, онъ сочувствовать не можетъ.

А его Кити, его дорогая Кити... Правда, корыстное чувство у нея не просвѣчиваетъ такъ явно, какъ у матери, на то она слишкомъ еще молода. Но что за пустые, что за ребяческіе мотивы побуждаютъ ее относиться снисходительно, почти даже сочувственно къ нелѣпой женитьбѣ графа Вадима! Авантюристкѣ, забравшей его въ руки, она все готова простить изъ-за того, что у нея хорошія манеры и въ миломъ петербургскомъ обществѣ ее, вѣроятно, ожидаетъ успѣхъ. Кити даже прямо высказывала желаніе сблизиться съ

этою женщиной... Грушневъ желчно усмѣхнулся, заранѣе представляя себѣ, какъ легко будетъ опытной обворожительницѣ опутать его Кити своею мнимою сердечностью и ослѣпить ее своимъ мишурнымъ блескомъ... Развѣ только мамаша да бабушка этого не допустятъ...

Недѣлю спустя Вѣра Александровна извѣщала зятя о пріѣздѣ Виссаріона Порфирьевича:

„Куроѣдовъ здѣсь со вчерашняго дня,—писала она,— и мамà разговоръ съ нимъ очень взволновалъ. Она прямо объявила ему, что хочетъ лишить сына наслѣдства и все оставить мнѣ. А вы знаете, какъ мамà всегда настойчива насчетъ всего, что ни пришло бы ей въ голову. Не думайте, пожалуйста, чтобъ я подбивала ее на это: я никогда не пойду противъ брата, хотя надо признаться, что онъ и безъ того довольно богатъ. Мама пришла къ этому рѣшенію сама со своею обычною, страстною энергіей. Но, повидимому, это не такъ легко исполнить. Куроѣдовъ ей объяснилъ, что есть какіе-то законы, не позволяющіе завѣщать родовыя имѣнія. И хотя всякій законъ, по словамъ Виссаріона Порфирьевича, можно обойти, тутъ разныя препятствія оказываются. Но объ этомъ мы поговоримъ съ вами при свиданіи. Я увѣрена, что Куроѣдовъ найдетъ средство все уладить. Намѣреніе мамы еще болѣе окрѣпло вслѣдствіе одного извѣстія, которое привезъ Виссаріонъ Порфирьевичъ. Представьте себѣ, что братъ выдалъ какому-то господину довѣренность на управленіе всѣми своими имѣніями, и этотъ господинъ уже распорядился, чтобы мамѣ оттуда болѣе не высылались деньги, какъ это дѣлалось прежде. Какъ вамъ это нравится? Это все Юлія Александровна надѣлала, отъ нея всего можно ожидать. Ваша преданная *В. Усольцева*.

„P. S. Вы не можете себѣ представить, какая умница Женя. Сегодня я имѣла съ нею длинный разговоръ и она просто меня поразила. Для нея женихъ объявился, только говорю я вамъ объ этомъ, конечно, совсѣмъ по секрету, я вовсе не думаю выдавать ее. Но какъ разъ

по этому поводу у насъ происходилъ разговоръ, и вы не повѣрите, какъ разумно она судитъ объ этихъ вещахъ".

Дочитанное письмо выпало изъ рукъ Павла Алексѣевича. Возможность замужества для Жени до сихъ поръ какъ-то совсѣмъ не приходила къ нему въ голову. Рано или поздно, однако, это должно было случиться. Но кто же? Кто этотъ женихъ?.. спрашивалъ онъ себя съ мучительною тревогой. И что же отвѣтила Женя?.. Этого, самаго важнаго, Вѣра Александровна и не договаривала. Чѣмъ заслужила она похвалы матери?.. Неужели тѣмъ, что дала свое согласіе?.. Вѣрѣ Александровнѣ это показалось бы верхомъ благоразумія... Ну, что-жъ?...—со злобною насмѣшкой на губахъ, продолжалъ размышлять Грушневъ:—это, по крайней мѣрѣ, исходъ, полный, окончательный исходъ... Пора же отрезвиться, наконецъ, отъ этихъ сумасшедшихъ бредней... Но иронія надъ собой плохо ему помогала. Въ холодномъ ужасѣ онъ стоялъ предъ внезапно открывшимся вопросомъ, точно подъ самыми его ногами неожиданно пропасть разверзлась.

Не долго, однако, заставила себя ждать разгадка. Уже на слѣдующій день письмо Кити дополнило то, чего не досказывала ея мать. Беззаботно и легко, въ числѣ другихъ новостей, молодая женщина, какъ-бы мимоходомъ, касалась роковаго извѣстія. Подъ ея перомъ оно принимало какую-то шутливую окраску.

„Представь себѣ, — стояло въ концѣ ея письма, — у сестры женихъ объявился, несмотря на то, что ей только семнадцать лѣтъ, и не одинъ даже, а цѣлыхъ два, но о второмъ, положимъ, говорить не стоитъ: это ни кто иной, какъ Дима Клубинъ".

У Грушнева вырвалось радостное восклицаніе, когда онъ прочелъ это имя. Развѣ можно было говорить серьезно о Клубинѣ, какъ о женихѣ?.. Но кто же тотъ первый?.. И онъ съ лихорадочною поспѣшностью опять принялся за письмо

„Мы уже давно примѣчали,—продолжала Кити,—что Дима сталъ какимъ-то страннымъ, задумчивымъ и то и дѣло пощипывалъ свои крошечные усики. Третьяго дня вечеромъ, когда мы возвращались съ прогулки, онъ съ Женей нарочно отсталъ отъ прочихъ и съ ней объяснился. Ты не повѣришь, какъ потомъ мы всѣ хохотали, узнавъ объ этомъ, да и самъ онъ тоже хохоталъ,—надо ему отдать справедливость. Дима Клубинъ въ роли жениха! Развѣ это возможно? И какое же это было необыкновенное объясненіе! Дима не могъ выдержать роли и сдѣлалъ предложеніе на половину шутя. И сестра тоже шутя ему отказала, увѣренная, что онъ не огорчится и не разсердится. Но въ этомъ она ошиблась: бѣдный Дима все-таки огорчился и цѣлый часъ потомъ ходилъ повѣся носъ. Однако, на другой же день онъ былъ такимъ же, какъ всегда, забавнымъ, милымъ Димой. Не надолго хватило ему горя! А, можетъ быть,—кто знаетъ?—чувство къ сестрѣ было въ немъ живѣе, чѣмъ мы думали: онъ объявилъ намъ, что уѣзжаетъ завтра. Но ты спросишь у меня: кто же другой, то-есть, собственно говоря, первый, настоящій женихъ? И ты опять удивишься, я думаю. Это Ахтубинъ, пріѣхавшій сюда уже съ недѣлю,—пріѣхавшій, очевидно, только для Жени. Онъ и не думалъ этого скрывать и, должно быть, его появленіе заставило Диму поспѣшить. Но Дима все-таки опоздалъ, хотя всего на нѣсколько часовъ. Въ тотъ же день, только утромъ, Ахтубинъ явился къ намъ съ очень торжественнымъ и смущеннымъ видомъ и, встрѣтивъ меня въ первой комнатѣ, тотчасъ попросилъ у меня аудіенціи. Мнѣ первой онъ открылся. И вотъ что тебя удивитъ всего болѣе. Я, конечно, оставила ему мало надежды и отказалась отъ роли посредницы. Но Женя и особенно мама отнеслись къ этому совсѣмъ иначе. Я думала, признаюсь, что Женя просто разсмѣется, а она выслушала Владиміра Ѳедоровича серьезно, почти благосклонно, отвѣта, положимъ, не дала, но обѣщала подумать. А мама,—та даже очень принялась ду-

мать объ этомъ. Съ нашими небольшими средствами,— говорила она,—нельзя отказывать Ахтубину: онъ, положимъ, человѣкъ не свѣтскій, но хорошей фамиліи и совсѣмъ порядочный и не бѣдный къ тому же. А гдѣ мнѣ Женю еще вывозить? Да и найдешь-ли потомъ другого жениха? Я не совсѣмъ этого мнѣнія, но, можетъ быть, мама и права. А сама Женя отнеслась къ этому точно ей не семнадцать, а тридцать пять лѣтъ и ей надо ухватиться за послѣдній случай выйти замужъ. Согласія она, положимъ, не дала, но видно, что она много объ этомъ раздумываетъ. Кто знаетъ, можетъ быть, Ахтубинъ ей нравится"...

Долго еще послѣ того, какъ онъ дочиталъ, Грушневъ просидѣлъ неподвижно, точно въ письмѣ жены была тайная сила, приковывавшая его къ мѣсту. Грушневъ не былъ въ состояніи ни думать, ни рѣшить что-нибудь. Онъ пробовалъ оторваться отъ этого навожденія, сказать себѣ, что стыдно, позорно для него быть въ плѣну у своей нелѣпой страсти. Но воля оставалась безсильною. Вдругъ бѣшеный крикъ вырвался у него изъ груди и, какъ сумасшедшій, онъ вскочилъ съ мѣста, такъ что стулъ шарахнулся объ полъ. Быстрыми, неровными шагами онъ принялся ходить взадъ и впередъ, то и дѣло схватывая себя за голову. Мало-по-малу въ немъ складывалось сознаніе, что онъ тѣшилъ себя безумною мечтой, что Женя не любила его ни теперь, ни даже въ ту незабвенную минуту, когда ему показалось, что онъ прочелъ въ ея глазахъ горячій отвѣтъ на свое чувство...

Мысль эта понемногу возвратила ему власть надъ собою. Безжалостно онъ возсоздалъ въ своей памяти все, что происходило между нимъ и Женей, подыскивая все новыя доказательства для своей горестной догадки. И спокойствіе къ нему вернулось наконецъ, но это было лишь безотрадное спокойствіе отчаянія.

Прошла еще недѣля. Вѣстей изъ Крыма уже не приходило. Зато разъ, когда онъ пѣшкомъ возвращался

изъ министерства, на Морской онъ встрѣтился съ Димой Клубинымъ. Тотъ окликнулъ его своимъ обычнымъ веселымъ тономъ.

— Что ты мрачнымъ такимъ глядишь и не узнаешь друзей?—спросилъ у него Дима.

Грушневъ взглянулъ на него отуманенными глазами и словно очнулся.

— А ты какъ всегда,—сказалъ онъ,—въ отличномъ расположеніи духа? Счастливая натура, никогда не унываешь!

Клубинъ улыбнулся почти грустно.

— А! ты знаешь! Видно, тебѣ успѣли оттуда написать? Что-жъ, насильно милъ не будешь. Это очень старо, но, къ сожалѣнію, не перестаетъ быть вѣрнымъ. Знаешь что, Грушневъ? Я порой готовъ былъ бы высѣчь себя. Я, вѣдь, предчувствовалъ, каковъ будетъ отвѣтъ Евгеніи Николаевны, и все-таки полѣзъ на добровольный срамъ. И вотъ вѣдь что обиднѣе всего: никто меня даже не пожалѣетъ, въ томъ числѣ и она, потому что всѣ увѣрены, что такой человѣкъ, какъ я, по настоящему и полюбить не можетъ.

Клубинъ прекомично вздохнулъ. Они пошли рядомъ и Грушневъ захотѣлъ воспользоваться случаемъ, чтобы выпытать кое-что у пріятеля насчетъ Ахтубина. Это ему удалось вполнѣ. Дима крѣпко не долюбливалъ своего негаданно упавшаго съ неба соперника и воспользовался случаемъ, чтобы расписать его Грушневу въ самыхъ непривлекательныхъ чертахъ.

— Да-съ, мой милый, — закончилъ онъ, — бываютъ такіе казусы, а на женскій вкусъ положительно указки нѣтъ. Въ толкъ не возьму, чѣмъ могъ понравиться Евгеніи Николаевнѣ этотъ неотесаный чурбанъ, который ступить не умѣетъ какъ слѣдуетъ, краснѣетъ поминутно и, конечно, ужъ не забавенъ ничуть. А вѣдь цѣлые часы бесѣдовала съ нимъ вдвоемъ!

За что такъ честилъ Дима бѣднаго Ахтубина, это ужъ приходится оставить на его совѣсти. Владиміръ

Ѳедоровичъ совсѣмъ не заслуживалъ такого пелестнаго отзыва. Но ревность, извѣстное дѣло, справедливостью не отличается, и Клубинъ далъ волю своей накопившейся желчи. Павелъ Алексѣевичъ слушалъ его съ жаднымъ вниманіемъ, а глаза у него такъ и горѣли.

— Ты, стало-быть, думаешь, она его полюбила? — воскликнулъ онъ наконецъ, и вся, долго сдерживаемая, наболѣвшая страсть вырвалась у него въ этихъ словахъ.

Теперь только Дима замѣтилъ что-то страшное въ воспаленныхъ глазахъ Грушнева.

— Да тебѣ-то что?—спросилъ онъ, въ свою очередь: — или ужъ очень безпокоитъ тебя мысль, что сестра твоей жены выйдетъ за человѣка не нашего круга? Не узнаю я, право, Вѣры Александровны: твоя теща, чего грѣха таить, одна изъ самыхъ тщеславныхъ женщинъ въ Петербургѣ, а готова согласиться на такую неподходящую свадьбу.

— Такъ свадьба ужъ рѣшена?—хриплымъ голосомъ спросилъ Павелъ Алексѣевичъ.

— Ахъ, Боже мой—отвѣтилъ Дима,—тебѣ бы, кажется, это лучше знать! Со мною не совѣтовались. А впрочемъ, пусть выходитъ за кого хочетъ: мое дѣло теперь сторона. Поговоримъ лучше о чемъ-нибудь другомъ.

Но, какъ водится въ такихъ случаяхъ, разговоръ о другомъ не завязался, и, сдѣлавъ двѣ-три неудачныя попытки отпустить острое словцо, Дима на углу Невскаго распростился съ товарищемъ. Пожимая ему руку, онъ добавилъ однако:

— А какую штуку отпустилъ твой почтенный дядя, Вадимъ Александровичъ! Забавно будетъ глядѣть, какъ начнутся военныя дѣйствія между новою графиней и твоею родней. Ты знаешь, молодые вчера пріѣхали изъ Парижа...

— Въ самомъ дѣлѣ?—равнодушно отозвался на это Грушневъ и быстрыми шагами пошелъ по Невскому.— Надо взять себя въ руки,—твердилъ онъ себѣ на пути

домой.—Какой я мужчина, коли не въ состояніи подавить въ себѣ эту нелѣпую...

Онъ даже мысленно не договорилъ слово любовь, точно испугавшись этого слова. Я такъ себя распустилъ въ послѣднее время, что скоро всѣ станутъ читать на моемъ лицѣ про что я думаю... И все-таки онъ не переставалъ думать объ этомъ, не отрываясь ни минуты отъ дорогого образа Жени, который становился для него не отрадой только, но и мученіемъ...

XXV.

Кити почти сдержала слово и опоздала всего только на пять дней. Двѣ недѣли Грушневъ оставался безъ писемъ изъ Крыма и когда въ пасмурное осеннее утро онъ спѣшилъ на Николаевскій вокзалъ встрѣчать жену, его охватывало не столько нетерпѣніе увидѣть ее, сколько тревожное желаніе поскорѣе разсѣять мучившую его неизвѣстность насчетъ Жени. Обнимая Кити и съ живостью разспрашивая ее, какъ совершила она длинное путешествіе, онъ чувствовалъ, что лжетъ, выказывая ей радость, что совсѣмъ иныя слова къ нему просятся на языкъ. Большого усилія воли стоило ему принудить себя къ этому двуличію, чтобы сперва разузнать про Вѣру Александровну, про здоровье бабушки, не произнося даже имени той, которая одна только занимала всѣ его помыслы. Ему стыдно было за свое притворство, но онъ выдержалъ роль до конца; и самой Кити пришлось удивиться, какъ это онъ совсѣмъ не спрашиваетъ про Женю.

— Ты, кажется, даже не интересуешься узнать, что дѣлаетъ сестра?..—сказала она съ шутливымъ укоромъ:— а вы вѣдь еще такими друзьями были въ деревнѣ...

— Напротивъ, очень интересуюсь! Ну, что ея свадьба?

Сердце его сжалось и перестало биться, пока онъ не услыхалъ отвѣта Кити.

— Свадьбы, кажется, не будетъ,—сказала она, совсѣмъ не подозрѣвая, какъ подѣйствуютъ ея слова на мужа. Она смотрѣла на него веселымъ, беззаботнымъ взглядомъ любящей жены, которая очень рада увидать мужа послѣ шестинедѣльной разлуки, но которая, однако, эти шесть недѣль провела очень пріятно вдали отъ него.—Что съ тобой, Павликъ?—удивленно спросила она, почувствовавъ, что онъ сильно, почти до боли сжалъ ея руку своею.

— Ничего...—сконфуженно отозвался онъ.—Видишь, толпа какая... Я побоялся, чтобы тебя не толкнули. Такъ что же твоя сестра?.. Отказала-таки Ахтубину?

— Не совсѣмъ отказала, но и не рѣшилась дать ему слово... Она долго боролась съ собою, потому что мама, представь себѣ, очень настаивала... Я не понимаю, съ чего она вздумала торопиться выдавать Женю замужъ?.. И по моему сестра очень благоразумно поступила, не правда-ли?

— Разумѣется... Я самъ тебѣ говорилъ это, помнишь, въ одномъ изъ своихъ писемъ. Мнѣ хотѣлось даже самой Женѣ написать, но я этого не сдѣлалъ, чтобы не разсердить Вѣру Александровну. Да и никакого права я, въ сущности, не имѣлъ вмѣшиваться въ это. Впрочемъ, Женя такъ умна и разсудительна, что въ моихъ совѣтахъ не нуждается: она самостоятельна не по лѣтамъ.

Говоря все это, онъ усаживалъ жену въ карету, но внутренній голосъ не переставалъ твердить ему, что все это, отъ перваго слова до послѣдняго, одна сплошная ложь, что ложь была даже въ беззаботно-развязномъ тонѣ, съ какимъ онъ расхваливалъ любимую дѣвушку. И успѣхъ его лицемѣрія былъ полный: Кити нашла, что мужъ ея даже черезчуръ равнодушенъ къ судьбѣ ея сестры.

— Ты, кажется,—спросила она,—ни разу Женѣ не писалъ?

— Не писалъ... да...

— Она, я думаю, на это обидѣлась.

— Да Женя мнѣ сама не писала... Я могъ бы обидѣться тоже...

Онъ сумѣлъ даже улыбнуться, говоря это, и лишній разъ повторилъ себѣ, что въ этой улыбкѣ все та же недостойная, трусливая ложь.

Разговоръ между тѣмъ принялъ иное направленіе. Кити стала разсказывать про здоровье бабушки, которая все замѣтнѣе поправлялась, да про знакомыхъ, которыхъ она видѣла въ Крыму, да про новости дня. Свѣтскія и политическія сплетни такъ и посыпались съ ея красивыхъ губъ. Она похорошѣла за эти два мѣсяца, сознавала это вполнѣ и удивлялась, что мужъ ей этого не говоритъ.

— Ну, какъ ты меня находишь? — спросила она, когда ихъ карета подкатывала къ крыльцу.

— Ты прелесть, какъ всегда,—отвѣтилъ онъ.

Но ей почудилось, что въ этомъ отвѣтѣ какъ будто не доставало теплоты. Онъ могъ бы наклониться къ ней и поцѣловать ее лишній разъ, подумала она. Но въ эту самую минуту соскочившій съ козелъ лакей отворилъ дверцу кареты.

— Я тебѣ ничего еще не сказала, — полчаса спустя говорила Кити, усаживаясь съ мужемъ за чайный столъ,—про дѣловые вопросы. Я привезла съ собою четыре тысячи, этого хватитъ на первое время.

Грушневъ сдѣлалъ нетерпѣливый жестъ.

— Я тебя не понимаю,— продолжала Кити, — тамъ, въ Гунцевѣ, ты выбивался изъ силъ, чтобы лишнюю копѣйку достать отъ этого глупаго хозяйства, которое такъ мало даетъ. А тутъ, когда мы безъ всякаго труда получаемъ отъ бабушки деньги...

— Вотъ именно, мой другъ,—перебилъ ее мужъ, — слишкомъ ужъ безъ труда... Въ Гунцевѣ работать нужно, хотя бы головой, чтобы добиться чего-нибудь, и я этого не стыжусь. А тутъ мы просто милостыню получаемъ, какъ нищіе...

— Милостыню?.. отъ родной бабушки?.. Вѣдь мы ея наслѣдники! Ахъ, да, ты знаешь, это теперь совсѣмъ рѣшено: Куроѣдовъ все устроилъ. Дядюшка, я думаю, будетъ очень недоволенъ.

— Кстати, Вадимъ Александровичъ въ Петербургѣ,— сообщилъ ей Грушневъ.

— Въ самомъ дѣлѣ?.. Ну, что-жъ? Гдѣ онъ остановился? Въ Европейской гостинницѣ, конечно? Говорятъ, онъ домъ хочетъ купить... Ахъ, какъ это смѣшно, что весь свой вѣкъ съ самаго рожденія онъ провелъ въ этомъ домѣ, а теперь не смѣетъ сюда показаться.

Грушневъ оставилъ это замѣчаніе безъ отвѣта. Минуту спустя онъ сказалъ:

— Знаешь, Кити... Мнѣ очень не хотѣлось бы, чтобы мы оставались здѣсь въ нижнемъ этажѣ. Къ чему намъ эти огромныя комнаты, эта меблировка? Перейдемъ лучше наверхъ.

— Ахъ, нѣтъ, Павликъ! Бабушка такъ рѣшила, да признаться, и мнѣ здѣсь очень нравится. И не будетъ вѣдь это стоить ровно ничего, за квартиру мы не платимъ, прислуга бабушкина, поваръ тоже... Вотъ одно развѣ освѣщеніе...

На это было трудно что-нибудь возразить. Кити, очевидно, не могла понять, что жить на хлѣбахъ тяжело.

— Признаюсь,—замѣтила она немного погодя,—мнѣ очень хотѣлось бы повидаться съ дядей. Только я совсѣмъ не знаю, какъ это устроить. Ты къ нему не поѣдешь?

— Разумѣется, нѣтъ! Съ какой стати? Особенно при теперешнихъ натянутыхъ отношеніяхъ.

— А онъ тоже едва-ли сюда явится. Это однако-жъ очень скучно...

И говоря это, она глядѣла на мужа съ очаровательною безпомощностью, какъ бы ожидая, что онъ придумаетъ способъ ловко возстановить порванныя отношенія. Но Грушневъ молчалъ.

— Видишь, Павликъ,—добавила она нерѣшительно,—

во-первыхъ, мнѣ было-бъ очень забавно поглядѣть, какимъ сталъ теперь дядя послѣ женитьбы, а во-вторыхъ... во-вторыхъ, я тебѣ вотъ что скажу. Я вовсе не хотѣла бы, чтобъ изъ-за этой глупой свадьбы у насъ вышла семейная ссора... И, въ сущности, мама этого тоже не хочетъ... Дядя всегда вѣдь былъ къ намъ очень добръ.

Эти слова жены Грушневъ тоже оставилъ безъ отвѣта.

Желаніе Кити исполнилось скорѣе, чѣмъ она думала. Уже три дня спустя, когда они сидѣли съ мужемъ за завтракомъ, въ передней раздался звонокъ и вошедшій слуга доложилъ, что пріѣхалъ графъ Вадимъ Александровичъ. Кити почти вскрикнула отъ удовольствія и бросила на мужа торжествующій взглядъ.

На всей наружности графа лежалъ тотъ отпечатокъ чего-то старательно подновленнаго, какой недавняя женитьба обыкновенно придаетъ мужчинамъ не первой молодости. Въ пріемахъ его зато не было обычной увѣренности. Онъ, видимо, не зналъ, какъ встрѣтитъ его племянница и словно немного робѣлъ. Грушневъ всталъ и протянулъ ему руку совсѣмъ просто, какъ будто никакихъ семейныхъ несогласій и не было. Но Кити придала себѣ какой-то особый сдержанный видъ, точно она не вполнѣ была увѣрена, можно-ли съ дядюшкой обращаться по прежнему.

— Вчера я случайно узналъ, что ты вернулась, — съ преувеличенною любезностью началъ графъ, цѣлуя у племянницы руку, — и, какъ видишь, поспѣшилъ къ тебѣ. Ну, что? Всѣ здоровы? Какова мать? Я, вѣдь, не имѣю никакихъ извѣстій.

Кити все еще немного сдержанно, но уже видимо смягчаясь, сообщила краткія свѣдѣнія о всѣхъ членахъ семьи.

— Господи, что за оффиціальный тонъ! — усаживаясь, воскликнулъ графъ, — право, точно статья въ

„Правительственномъ Вѣстникѣ“. Что, скажи пожалуйста, мои письма тамъ получались?

— Да... три письма... Или, можетъ быть, вы четвертое послали?

— Нѣтъ, будетъ съ васъ и трехъ... Можно было, кажется, хоть словечко отвѣтить.

— Бабушка всѣмъ намъ строго-на-строго запретила къ вамъ писать,—возразила Кити.—Еслибъ она узнала, что вы теперь здѣсь...

— Какъ! — воскликнулъ онъ, — и это контрабанда? Послушай, вѣдь это ни на что не похоже! Что же я, наконецъ, такое сдѣлалъ? Въ сорокъ лѣтъ можно, кажется, жениться, не спросясь мамаши! Довольно долго я былъ у нея въ полномъ повиновеніи.

— Вотъ вы ее и избаловали, дядюшка,—улыбаясь и совсѣмъ уже примирительно отвѣтила Кити.

Такого отвѣта Вадимъ Александровичъ отъ нея не ожидалъ. Онъ думалъ, что Кити совсѣмъ на сторонѣ Вѣры Александровны и графини и такими же непреклонными глазами смотритъ на его женитьбу. Ея очевидная уступчивость тотчасъ придала ему увѣренности въ себѣ.

— Я думаю,—сказалъ онъ, возвышая голосъ, — что когда до сорока лѣтъ даешь матери распоряжаться какъ угодно своимъ состояніемъ, никогда не вмѣшиваясь ни во что, можно, наконецъ, хотя бы въ мои годы, напомнить ей, что все-таки отцовскія имѣнія не ея, а мои. Я знаю вѣдь, что тамъ у васъ всѣ были внѣ себя, когда узнали, что я новаго управляющаго взялъ и захотѣлъ быть у себя настоящимъ хозяиномъ. Ну, что же, пускай сердятся. Когда-нибудь гнѣвъ на милость преложатъ.

— Не думаю, дядюшка,—покачала Кити головой.— Вы знаете, какой у бабушки характеръ... Да и разсердили вы ее очень.

— Разсердилъ?—Потому, что позволилъ себѣ въ собственныхъ имѣніяхъ распоряжаться? Ну, а я не дол-

женъ сердиться, по твоему, что выписали туда cette canaile de Куроѣдовъ и съ нимъ разные фокусы затѣяли, чтобы меня наслѣдства лишить? И это послѣ того, какъ я тебѣ въ приданое Гунцево отдалъ!

Тутъ Грушневъ счелъ долгомъ вмѣшаться. Къ немалому ужасу Кити онъ сказалъ рѣшительно и спокойно:

— Гунцево жена вамъ отдастъ, графъ, я за нее ручаюсь.

— Отдастъ!—громко захохоталъ Вадимъ Александровичъ, хлопнувъ ладонью по столу. — Развѣ графы Ардашевы берутъ назадъ свои подарки? Хорошо ты меня знаешь!

И тутъ же, не давъ Грушневу времени отвѣтить, онъ обратился къ племянницѣ:

— Знаешь что, Кити? Собственно говоря, надо вѣдь намъ помириться съ сестрой и матерью тоже. Я затѣмъ къ тебѣ и пріѣхалъ, и ты должна мнѣ въ этомъ помочь.

Супруга Вадима Александровича долго учила его въ это самое утро, какъ съ должною ловкостью, дипломатично завязать мирные переговоры. Но у графа лопнуло терпѣніе и безъ всякаго смягчающаго перехода онъ прямо заговорилъ о томъ, что было у него на душѣ. А Кити этого только и ждала: ей тоже хотѣлось заключить миръ, и едва-ли не главнымъ ея мотивомъ было желаніе поскорѣе увидать новоиспеченную тетушку.

— Очень бы я рада была вамъ помочь, дядюшка,— отвѣтила молодая женщина, — только не знаю, право, какъ приступить къ дѣлу. Я напишу мамà. А вы гдѣ живете?

— Ты къ намъ хочешь пріѣхать? — живо спросилъ обрадованный графъ.

— Отчего же нѣтъ, дядюшка? Я познакомлюсь съ вашею женой и тогда...

— Ну, вотъ и прекрасно!—воскликнулъ графъ, при-

нимаясь совсѣмъ уже по прежнему обнимать племянницу.—Пріѣзжай...

Онъ не ожидалъ такого быстраго успѣха, не ожидалъ этого и Грушневъ.

Послѣ ухода графа Кити призадумалась.

— Знаешь что, Павликъ?—заговорила она вдругъ.— Я, кажется, сейчасъ большую глупость сдѣлала. Очень нужно мнѣ было обѣщать дядюшкѣ поѣхать къ нему знакомиться съ его женой: она первая ко мнѣ пріѣхала бы.

Павелъ Алексѣевичъ опять ничего не отвѣтилъ.

— Что-жъ ты молчишь, Павликъ? И отчего ты такимъ угрюмымъ смотришь? Да и все время, что дядюшка здѣсь былъ, ты какимъ-то букой глядѣлъ... Что съ тобой?

— Да то, мой другъ,—проговорилъ онъ сухо, почти рѣзко,—что я тебя рѣшительно не понимаю! Одно изъ двухъ: или ты заодно со своими, то-есть съ графиней и Вѣрой Александровной, и тогда незачѣмъ тебѣ съ дядюшкой любезничать, какъ ты сейчасъ вотъ дѣлала; или ты не согласна съ ними и находишь, какъ я вотъ, что всякій имѣетъ право жениться на комъ угодно, и въ такомъ случаѣ все рѣшается очень просто: оставь дядюшку съ его супругой въ покоѣ, не дѣлай имъ непріятностей и визитами съ ними не считайся.

— Никакихъ непріятностей я имъ, кажется, и не дѣлала!—возбужденнымъ голосомъ возразила Кити.—Совершенно напротивъ: я была гораздо любезнѣе съ дядюшкой, чѣмъ ты. И все-таки я не могу не быть на сторонѣ мама и бабушки и нахожу, что онѣ совершенно правы.

— Прекрасно, мой другъ,—Грушневъ сказалъ это съ тѣмъ особымъ спокойствіемъ въ голосѣ, которое постоянно выводило Кити изъ себя,—но тогда не принимай къ себѣ графиню Юлію Александровну и въ особенности не ѣзди къ ней сама; третьяго исхода нѣтъ.

— Ахъ, какой ты несносный съ этими вѣчными категорическими взглядами! Ты только ищешь случая ко

мнѣ придраться. Развѣ нельзя быть одного мнѣнія съ мама и съ бабушкой и все-таки не держаться съ дядей такъ враждебно, какъ онѣ? И какъ будто ты не понимаешь, отчего я не хочу, чтобы вышла окончательная ссора между дядей и нами?

— Отлично понимаю,—насмѣшливо, почти враждебно отвѣтилъ Грушневъ:—дядюшка, вѣдь, такъ щедръ на дорогіе подарки... И, кто знаетъ, вдобавокъ, будутъ-ли у него еще дѣти и не придется-ли, чего добраго, получить отъ него наслѣдство ..

Кити вспылила. Запальчивый отвѣтъ готовъ былъ сорваться у нея съ языка, а изъ глазъ брызнули слезы. Но Павелъ Алексѣевичъ невозмутимо продолжалъ:

— Все это, пожалуй, еще не такъ важно... Главное, самое главное, что намъ очень хочется на Юлію Александровну посмотрѣть... Еслибъ она была некрасива или не умѣла одѣваться, мы ее и въ грошъ не ставили бы; но такъ какъ мы слышали, что она на этотъ счетъ многихъ изъ здѣшнихъ дамъ за поясъ заткнетъ, насъ и разбираетъ любопытство... А я на твоемъ мѣстѣ ее принимать не сталъ бы, только не изъ-за того, что она вышла за графа безъ позволенія бабушки, а просто потому, что она скверная женщина. Только, вѣдь, для тебя эта точка зрѣнія недоступна...—Сказавъ это, Павелъ Алексѣевичъ вышелъ.

А Кити долго еще просидѣла на мѣстѣ, то и дѣло отирая гнѣвныя слезы, не перестававшія струиться изъ ея покраснѣвшихъ глазъ. Въ сердцѣ ея сказывалось искреннее горе. Послѣ шестинедѣльной разлуки съ мужемъ она съ ужасомъ разомъ измѣрила пропасть, образовавшуюся между ними, какъ будто за эти шесть недѣль осеннимъ холодомъ повѣяло на ихъ счастье и поблекло оно, какъ растеніе, охваченное морозомъ.

Но уже на слѣдующій день ей готовилось утѣшеніе. Графиня Юлія Александровна не стала дожидаться, чтобы племянница явилась къ ней, и пріѣхала сама, одѣтая съ тою очаровательною простотой, какую знаютъ

однѣ парижанки, да и то самаго лучшаго общества. И во всемъ у нея была та же простота—въ словахъ, въ манерахъ, въ самомъ голосѣ, такъ и захватывающемъ за душу своими контральтовыми нотами. „Очаровательница, хоть куда“... говорила себѣ Кити, не безъ зависти оглядывая костюмъ графини и сознавая, что ей далеко до этого совершенства. Юлія Александровна не только не казалась сконфуженною, но она сумѣла даже самую Кити освободить отъ нѣкотораго охватившаго ее чувства неловкости. Кончилось тѣмъ, что обѣ молодыя женщины разстались пріятельницами и графиня обѣщала племянницѣ прислать фасонъ новой кофточки для гулянья, такъ чудесно облегавшей ея стройную талію.

XXVI.

Не прошло и недѣли, какъ между тетушкой и племянницей установились самыя короткія отношенія. Онѣ называли другъ друга уменьшительными именами и видѣлись почти каждый день. Кити не обманывалась насчетъ истинныхъ мотивовъ предупредительности графини, но воспользоваться ею она была не прочь. Кстати, городъ былъ еще довольно пустъ и почти всѣ ея пріятельницы отсутствовали.

Когда, однако, графиня пригласила ее разъ съ нею вмѣстѣ поѣхать въ оперу, Кити предпочла отказаться подъ благовиднымъ предлогомъ: выставлять передъ всѣми на показъ свою дружбу съ новоиспеченною теткою было все-таки рано. Изъ-за этого маленькаго случая Кити снова пришлось выслушать не совсѣмъ пріятное замѣчаніе отъ мужа. Павелъ Алексѣевичъ съ холодною ироніей сказалъ женѣ, что друзей своихъ никогда стыдиться не надо, а лучше ужъ не сближаться съ тѣми, съ кѣмъ не хочешь показываться въ обществѣ. Кити запальчиво принялась доказывать мужу, что онъ совершенно неправъ, что всѣ его непреклонные прин-

ципы никуда не годятся, потому что нельзя, вѣдь, не соображаться съ мнѣніемъ общества; но убѣдясь, что всѣ ея доводы не дѣйствуютъ, она опять прибѣгла къ слезамъ. Только на этотъ разъ она осушила ихъ быстро: Кити начинала привыкать къ маленькимъ столкновеніямъ съ мужемъ.

Графиня записала у себя въ памяти отказъ племянницы поѣхать съ нею, но не обидѣлась этимъ отказомъ ничуть. Дня два спустя она даже повторила приглашеніе, но на этотъ разъ уже въ Малый театръ, гдѣ давалась какая-то оперетка. И теперь Кити уже не могла отказаться, тѣмъ болѣе, что въ Маломъ театрѣ уже не та публика и показываться тамъ можно, пожалуй, и съ людьми не совсѣмъ избраннаго круга. А между тѣмъ, цѣль, какой добивалась Юлія Александровна, была достигнута и Кити добровольно приняла на себя роль посредницы въ семейной распрѣ. Она написала въ Крымъ и матери, и Дарьѣ Михайловнѣ, не скупясь на похвалы по адресу новой графини. Не подозрѣвала она, что за послѣдствія будетъ имѣть ея миротворное вмѣшательство.

Петербургъ, однако, мало-по-малу наполнялся. Пріѣхали Норовчатовы, Мери Абанина, Вава Масальская. Возобновились середы у графини Лили, были уже разосланы приглашенія на вечеръ у княгини Бѣломорской, гдѣ должна была показаться въ первый разъ ея внучка, Лина. Ноябрь приходилъ къ концу. Свѣтское повѣтріе заразило Кити, и парѣ ея вороныхъ сильно доставалось съ утра до вечера. Въ день ея именинъ, 24-го числа, у нея перебывало много молодежи; цвѣты и конфекты въ коробкахъ самой разнообразной формы наполняли ея гостиную, гдѣ за годъ передъ тѣмъ происходили чопорные пріемы графини Дарьи Михайловны. Кити всю мебель переставила по-своему, внесла что-то причудливо-молодое, какой-то шаловливый безпорядокъ въ парадныя хоромы бабушки. И гости, и разговоры были тоже не совсѣмъ прежніе: и тѣ, и другіе тоже помо-

лодѣли, и сдержанное злословіе съ полупрозрачными намеками смѣнилось громкою болтовней съ приправой откровенныхъ двусмысленностей.

Пріѣхала въ числѣ прочихъ гостей и графиня Юлія Александровна, и Кити почувствовала себя не совсѣмъ ловко, увидѣвъ въ дверяхъ ея стройную фигуру, одѣтую, какъ всегда, мастерски. Это было первое рѣшительное появленіе графини въ свѣтѣ, — такъ думала Кити. Но она безпокоилась напрасно. Графиня успѣла уже подготовить себѣ почву, и все въ ней было до такой степени безукоризненно, отъ парижскаго выговора до парижскихъ перчатокъ, что самые взыскательные судьи признали бы ее вполнѣ достойною того избраннаго міра, куда открыли ей доступъ увлеченіе графа Вадима и ея собственная ловкость. Мужчины въ особенности, едва познакомясь съ нею, тотчасъ платили ей откровенную дань поклоненія. И когда Юлія Александровна, какъ бы невзначай, ввернула въ разговоръ, что, по счастливому случаю, она нашла себѣ домъ на Сергіевской — не квартиру только, а цѣлый домъ и переѣдетъ туда, какъ скоро онъ будетъ отдѣланъ, — всеобщая любезность повысилась еще на лишній тонъ: никому не хотѣлось напередъ закрывать себѣ эти гостепріимныя двери. Словомъ, устыдиться своей новой тетушки Кити не пришлось.

— А что вашъ мужъ, Екатерина Николаевна? — спросилъ вдругъ Дима Клубинъ, немного удивленный, что Грушнева нѣтъ въ гостиной жены.

— Занятъ, какъ всегда, въ эти часы, — отвѣтила Кити и тотчасъ заговорила о другомъ.

Весь этотъ день они, въ самомъ дѣлѣ, мало оставались вдвоемъ. Только утромъ они просидѣли вмѣстѣ за чаемъ и Кити была такъ довольна полученными телеграммами и подарками—въ томъ числѣ подаркомъ мужа, прелестнымъ рабочимъ столикомъ изъ краснаго дерева, настоящимъ произведеніемъ Жакоба, — что солнечное выраженіе все это утро не покидало ея розо-

ваго лица. Мѣшали ей только по настоящему разговориться съ ея Павликомъ то и дѣло приходившія поздравительныя записки и депеши. И благодаря этому они говорили другъ съ другомъ лишь урывками, à bâtons rompus, какъ люди, которымъ въ сущности, говорить не о чемъ. Послѣ чая они собирались къ обѣднѣ, но оказалось, что было уже поздно: въ Петербургѣ Кити понемногу опять привыкла вставать не раньше одиннадцати. Павелъ Алексѣевичъ поѣхалъ въ свое министерство, а у Кити съ трехъ часовъ начался пріемъ. Затѣмъ пріѣхали гости къ обѣду и вечеромъ; и весь этотъ день—день первыхъ именинъ Кити послѣ ея замужества—прошелъ въ такомъ же сумбурѣ, какъ проходила вся жизнь въ этомъ домѣ въ прежніе годы.

Павелъ Алексѣевичъ съ недоумѣніемъ спрашивалъ себя, какъ это онъ, еще за нѣсколько мѣсяцевъ такъ возмущавшійся складомъ этой жизни, теперь ничуть не тяготится этимъ вторженіемъ праздныхъ чужихъ людей, весь этотъ день мѣшавшихъ ему остаться наединѣ съ женой!.. Онъ какъ будто сталъ равнодушенъ къ этому. По крайней мѣрѣ онъ не испытывалъ ничего подобнаго тому, что ощущалъ нѣкогда, когда былъ еще женихомъ Кити. „Да развѣ я не люблю ея больше?“... съ тревогой спрашивалъ онъ у себя.—„Развѣ у меня болѣе нѣтъ потребностей дѣлиться съ нею всѣмъ, что я чувствую и думаю?..“

Вопросъ такъ и остался безъ отвѣта, потому, можетъ быть, что настоящаго, вполнѣ правдиваго отвѣта онъ боялся. Кити себѣ въ этотъ день такихъ вопросовъ не задавала: на это у нея не хватило времени—ни минуты не было, чтобы заглянуть въ себя.

Но такъ было съ нею, впрочемъ, не сегодня только: ее словно вихрь закружилъ,—пока еще вихрь сравнительно тихій: большихъ пріемовъ еще не было; однако и безъ нихъ вся ея жизнь проходила въ суетливомъ движеніи. Оттого, должно быть, она и не замѣчала перемѣны въ мужѣ. Ей не давали опомниться. Иной разъ,

правда, когда она услышитъ отъ него холодное, пропическое замѣчаніе, или въ выраженіи его губъ уловитъ нѣчто совсѣмъ иное, чѣмъ прежнюю влюбленную улыбку, горькое чувство зашевелится въ ея сердцѣ, и то запальчивое слово сорвется у нея съ языка, то слеза заблеститъ на рѣсницахъ. Но чувство это скоро проходило, стертое пестрыми впечатлѣніями ея суетливой жизни.

Съ тѣхъ поръ какъ пріѣхала Кити, Грушневъ слышалъ про Женю чаще прежняго: сестры переписывались усердно. И всякій разъ, какъ почта приносила ей отъ Жени письмо, Кити прочитывала его мужу вслухъ, совсѣмъ не подозрѣвая, что за сладкую муку она ему причиняетъ. Каждое слово, написанное дѣвушкою, звучало въ его ушахъ, какъ чудная музыка. Онъ съ жадностью упивался всѣмъ, что бы ни говорила она о себѣ, и малѣйшія подробности ея жизни въ Крыму его фантазія разукрашивала цвѣтами поэзіи. Невыразимую радость доставляло ему то, что всякій разъ Женя спрашивала сестру про него, не догадываясь, быть-можетъ, что онъ про это узнаетъ. Простыя, безхитростныя слова дѣвушки онъ толковалъ по-своему, отыскивая въ нихъ тайный смыслъ. И его скрытая упорная надежда—надежда, которой онъ внутренно стыдился—то замирала въ немъ, то возрождалась снова.

Разъ, когда онъ сидѣлъ вдвоемъ съ Кити за завтракомъ, ей сразу подали два большихъ пакета, оба изъ Крыма: одно было отъ Вѣры Александровны, другое—отъ Жени. Кити пробѣжала ихъ, и на лицо ея легло озабоченное выраженіе.

— Не понимаю, что это значитъ,—сказала она, откладывая дочитанныя письма:—мама окончательно рѣшила провести всю зиму тамъ. Она говоритъ, что нельзя оставить бабушку одну, потому что все-таки здоровье ея не совсѣмъ поправилось, а для Жени она тоже считаетъ южный климатъ полезнымъ. Выходитъ, какъ будто, она изъ-за нея безпокоится. А когда я была еще въ Ко-

реизѣ, мама хотѣла пріѣхать сюда въ декабрѣ. Вѣдь Женѣ надо еще поучиться: будущую зиму ее станутъ вывозить. Впрочемъ, мама увѣряетъ, что и тамъ онѣ нашли хорошихъ учителей. Только я все-таки безпокоюсь, Павликъ... Ты какъ объ этомъ думаешь?

Павелъ Алексѣевичъ поблѣднѣлъ и ему стоило невѣроятныхъ усилій подавить свое волненіе. Онъ совершенно иначе толковалъ принятое рѣшеніе, отстраняя самую мысль о нездоровьѣ Жени. „Конечно,—думалъ онъ про себя,—я ея не увижу цѣлый годъ, и тогда... тогда все, разумѣется, будетъ позабыто... Ну, что-жъ?.. тѣмъ лучше, пожалуй... Это она, она убѣдила мать остаться въ Крыму“...

— Я не знаю, что и сказать тебѣ,—произнесъ онъ хриплымъ голосомъ въ отвѣтъ на вопросъ жены.—Ты позволишь мнѣ прочесть письмо твоей сестры?

Онъ постарался сказать это непринужденнымъ тономъ, но его голосъ, не повинуясь ему, замѣтно дрожалъ.

Кити, однако, этого не замѣтила и передала ему письмо.

Долго, очень долго онъ перечитывалъ строчку за строчкой, не будучи въ силахъ оторваться отъ ея почерка и въ то же время не понимая самыхъ простыхъ ея словъ. Мысль о томъ, что онѣ не увидитъ ея, безраздѣльно овладѣла его мозгомъ, и какъ ни твердилъ онъ себѣ, что это самая лучшая развязка, что-то внутри его возмущалось противъ такой развязки.

— Ну, что-жъ, ты дочиталъ?—спросила, наконецъ, Кити.

Онъ кивнулъ головой и отвѣтилъ, самъ не зная, какъ складывались у него слова.

— Я думаю, тутъ незачѣмъ читать между строками: надо понимать все это просто, какъ оно написано.

Проговоривъ это, онъ вышелъ и, придя къ себѣ въ кабинетъ, упалъ на кушетку и застоналъ, какъ больной. И странное дѣло, съ этого дня, несмотря на всѣ его прекрасныя намѣренія, въ его обращеніи съ Кити опять

стало просвѣчивать иной разъ что-то почти враждебное. Онъ будто раздражался противъ нея изъ-за принятаго ея матерью рѣшенія, будто видѣлъ въ ней какую-то помѣху тому несбыточному, невозможному счастью, къ которому, однако, жадно устремлялись всѣ его помыслы.

И вотъ, въ одинъ декабрьскій вечеръ, какъ разъ послѣ довольно рѣзкаго объясненія между нимъ и женой, Кити вошла къ нему въ кабинетъ совсѣмъ растерянная.

— Неожиданное извѣстіе!—воскликнула она. — Онѣ ѣдутъ. Я получила депешу изъ Харькова... Онѣ будутъ сюда послѣ завтра... Къ кому ты это писалъ?—добавила она, замѣтивъ, что онъ комкаетъ въ рукахъ какую-то бумагу.

— Къ Же... къ твоей сестрѣ,—отвѣтилъ онъ, разрывая на клочки недоконченное письмо: — теперь писать уже незачѣмъ.

Она съ удивленіемъ посмотрѣла на него, до того странною показалась ей нервная поспѣшность, съ которою онъ это сдѣлалъ. Но подозрѣніе все-таки не запало къ ней въ душу.

— Мы поѣдемъ вмѣстѣ встрѣчать ихъ—не правда-ли?—сказала она, уходя изъ кабинета.

Онъ утвердительно кивнулъ головой, избѣгая отвѣта словами, чтобы голосъ не выдалъ его волненія.

— Какъ странно, однако, — заговорила опять Кити останавливаясь въ дверяхъ,—что тебѣ пришло въ голову писать Женѣ какъ разъ теперь, когда она ѣдетъ. Это было вѣдь твое первое письмо къ ней... Кажется, очень длинное письмо.

— Я, вѣдь, думалъ, — съ трудомъ произнесъ Грушневъ,—что не увижусь съ нею почти годъ...

Еще одно какое-нибудь лишнее, неосторожное слово, произнесенное этимъ дрожащимъ, неестественнымъ голосомъ—и тайна его могла обнаружиться. Но Кити вышла изъ комнаты и на этотъ разъ не догадавшись ни о чемъ.

Два дня спустя Павлу Алексѣевичу пришлось ѣхать одному встрѣчать тещу на Николаевскій вокзалъ. Кити нездоровилось и она осталась дома. Когда поѣздъ остановился и пассажиры высыпали на платформы и вокругъ него раздались громкія привѣтствія, радостные возгласы, поцѣлуи, онъ почти съ испугомъ оглядывалъ длинный рядъ вагоновъ, боясь, какъ бы не прочли всѣ, не прочла бы въ особенности Вѣра Александровна, преступную тревогу на исказившихся чертахъ его лица. Его охватывала иная, еще болѣе мучительная, боязнь— какъ встрѣтится онъ съ *нею*, что скажетъ ему прежде всегда такой прямой, ласковый взглядъ ея глубокихъ глазъ?..

— Павелъ Алексѣевичъ! мы здѣсь!—окликнули его сзади.—А гдѣ Кити?

Это былъ голосъ Вѣры Александровны.

Грушневъ обернулся и быстро подошелъ къ тещѣ.

— Кити извиняется, — цѣлуя у нея руку, проговорилъ онъ,—она чувствуетъ себя не совсѣмъ здоровою. А вы какъ?

— Я ничего... Вы говорите, она нездорова? Ничего серьезнаго, надѣюсь? Или, можетъ быть... Она вопросительно-пытливо на него посмотрѣла, сдѣлавъ, что называется, une figure de circonstance.

Но онъ покачалъ головой.

— Да, мы очень счастливо совершили путешествіе. Я даже почти не устала и Женя тоже. Ты не устала, Женя? Ну, пойдемте... Багажный билетъ я отдала Ѳеклѣ...

Она посмотрѣла на стоявшую возлѣ нея дочь.

Въ первую минуту Грушневъ только украдкой взглянулъ на дѣвушку, но и этого было довольно, чтобы разсѣять его тревогу. Въ глазахъ у обоихъ блеснуло что-то сочувственное, близкое. Въ этотъ мигъ свиданія послѣ долгой разлуки ни онъ, ни она не въ силахъ были скрыть своей радости, настроить себя на притворное равнодушіе. Они молча протянули другъ другу руку.

„Стало быть,—мелькнуло у него въ головѣ,—она все прежняя“... И непослушная мысль досказала: „она не потеряна для меня“.

И еще разъ, когда былъ оконченъ первый обмѣнъ привѣтствій съ Вѣрой Александровной и Грушневъ подалъ ей руку, чтобы вести ее къ выходу, онъ протянулъ лѣвую Женѣ и крѣпко, по-дружески пожалъ ея тонкіе пальчики. Во взглядѣ его уже не было неувѣренности, и глаза, ласковые и прямые, такъ и просили отвѣтнаго взгляда у дѣвушки.

Женя исполнила эту нѣмую просьбу: что-то мягкое, лучистое, привѣтливое было опять въ ея глазахъ, какъ въ то уже далекое утро, когда она съ матерью пріѣхала въ Гунцево. Но она все-таки ихъ тотчасъ опустила.

Сходя по ступенькамъ на улицу, Грушневъ обратился къ ней съ совсѣмъ обыкновеннымъ вопросомъ и голосъ его прозвучалъ весело. Онъ спрашивалъ про ея здоровье и про то, довольна-ли она поѣздкою въ Крымъ. Онъ хотѣлъ спросить и про сватовство Ахтубина, но говорить объ этомъ въ присутствіи ея матери, говорить шутливымъ тономъ было невозможно. Это надо было отложить до той минуты, когда они останутся вдвоемъ, съ глаза на глазъ.

Вотъ они въ старой четырехмѣстной каретѣ Усольцевыхъ и онъ видитъ передъ собою ничуть не смущенное, дышащее молодою свѣжестью личико дорогой дѣвушки, и совсѣмъ празднично у него стало на сердцѣ. А Вѣра Александровна, не давая ему говорить съ Женей, все болтала о длинномъ путешествіи, въ которомъ не было, впрочемъ, никакихъ приключеній, о петербургскомъ холодѣ послѣ крымскаго тепла, о томъ, кто изъ знакомыхъ здѣсь, и есть-ли какія-нибудь новости. Грушневъ не слушалъ ея, да этого и не было нужно. Вѣра Александровна продолжала трещать, а онъ молча упивался присутствіемъ Жени, какъ сладкимъ опьяняющимъ напиткомъ.

— Ахъ да, я не сказала вамъ еще,—вдругъ оборва-

ла себя Вѣра Александровна, не успѣвъ даже получить отъ Грушнева отвѣта на свои торопливые разспросы, — отчего мы такъ неожиданно пріѣхали. Вы знаете, вѣдь, мы думали тамъ остаться на всю зиму. Ну, ужъ это по Китиной милости... Какъ могла она подружиться съ этою дрянною женщиной? Вы не можете себѣ представить, какъ разсердилась мама, когда пришло Китино письмо съ извѣстіемъ, что къ ней пріѣзжала Юлія Александровна и она была у нея тоже. Скажите, пожалуйста, онѣ видятся теперь часто? Да? почти каждый день? Я была въ этомъ увѣрена. Съ мама чуть второй ударъ не сдѣлался... Такъ разскажите, пожалуйста, какова эта женщина и правда-ли, что она такъ хорошо одѣвается?

Но Грушневъ разсказать не успѣлъ: карета подкатила къ подъѣзду.

XXVII.

Вѣра Александровна не преувеличивала ничуть: письмо дѣйствительно разстроило графиню Дарью Михайловну до того, что доктору пришлось прописать ей сильное успокоивающее средство. Долго не раздумывая, она тотчасъ же рѣшилась отправить въ Петербургъ Вѣру Александровну.

— Поѣзжай, мой другъ, какъ можно скорѣе, — объявила она дочери,—и положи конецъ этому безобразію. Я эту проходимку не пустила бы къ себѣ черезъ порогъ, а эта дурочка Кити вздумала подружиться съ нею и разныя глупости мнѣ пишетъ, будто я сама не знаю, что всѣ эти авантюристки умѣютъ прекрасно одѣваться и льстить кому нужно... Платья у нея отъ Ворта и настоящій парижскій акцентъ,—есть чѣмъ восхищаться, нечего сказать! Точно, право, Кити меня не знаетъ... Нѣтъ, пожалуйста, моя милая, выгони ты эту особу изъ

моего дома и Вадиму объяви, что его женитьбы я ему не прощу никогда, до самой гробовой доски. Слышишь?

Вѣра Александровна ничего не возразила и принялась укладываться. Она знала по опыту, что когда Дарья Михайловна на что-нибудь рѣшилась, для близкихъ ея оставалось только одно: безпрекословно исполнить ея волю. Въ сущности, она была не прочь вернуться въ Петербургъ и приняться за обычную суетливую жизнь, которую она, правда, называла каторгой, но безъ которой обходиться не умѣла.

На счетъ Жени Вѣра Александровна и не задумывалась: она и не подозрѣвала, что творилось въ душѣ ея младшей дочери. Догадлива Вѣра Александровна не была, а мужъ, который могъ бы раскрыть ей глаза, давно уѣхалъ изъ Кореиза. Николай Ивановичъ воображалъ, что съ избыткомъ исполнилъ свой долгъ передъ семьей, и когда для графини опасность миновала и рѣшено было, что жена и дочь проведутъ зиму въ Крыму, онъ нашелъ, что желанный часъ свободы для него снова пробилъ и на мѣсяцъ укатилъ въ Парижъ. Тамъ онъ наслаждался теперь утонченными плодами высшей цивилизаціи, дѣля свое время между бульварными театрами, лучшими ресторанами и женщинами всякаго пошиба—отъ кокотокъ всѣхъ оттѣнковъ вплоть до странствующихъ grandes-dames, иностранныхъ и русскихъ.

А сама Женя?.. Что почувствовала она, узнавъ, что черезъ нѣсколько дней будетъ въ Петербургѣ и снова увидитъ того, чей образъ она тщетно старалась все это время изгнать изъ своей памяти? Она твердо и добросовѣстно исполнила свой долгъ и почти готова была отдать свою руку человѣку, правда, хорошему, но совсѣмъ для нея чужому, для того, чтобы навсегда, безвозвратно порвать съ овладѣвшимъ было ею недозволеннымъ чувствомъ. И если въ послѣднюю минуту что-то возмутилось въ ней противъ этой жертвы, она все-таки честно боролась со своею любовью, не позволяя даже въ воображеніи вызывать передъ нею дорогія воспоминанія. А

когда мать объявила ей, что черезъ два дня онѣ уѣзжаютъ, Женя покорно склонила голову и эти два дня стала усерднѣе прежняго молиться. Она вѣрила въ себя и особенно въ то, что помощь свыше не оставитъ ея...

И вотъ она въ родномъ домѣ, гдѣ протекло ея дѣтство, гдѣ все говоритъ ей о безмятежныхъ, счастливыхъ дняхъ, когда никакихъ тревогъ она еще не знала. И все-таки, едва переступивъ порогъ этого дома, она почувствовала, какъ милы ей эти самыя тревоги, и въ душу ея прокралось боязливое чувство тайной радости. Теперь только она по настоящему понимала, какъ дорогъ Павелъ Алексѣевичъ. И съ трепетомъ она спрашивала себя: хватитъ-ли у нея силъ, чтобы скрыть, какъ счастлива, что видитъ его опять?..

А Грушневъ весь безраздѣльно отдавался охватившей его радости. Онъ и не спрашивалъ себя въ первую минуту встрѣчи, что будетъ потомъ, хотя бы завтра. Горячо любимая дѣвушка была опять съ нимъ подъ одною кровлей—и сердце его ликовало. Пусть ожидаютъ его впереди мученія совѣсти, постыдная, хоть и неизбѣжная ложь, горячечный трепетъ безнадежной страсти,—онъ привѣтствовалъ этотъ бурный трепетъ, онъ съ удвоенною силой чувствовалъ въ себѣ біеніе жизни. И когда вчетверомъ они усѣлись за чайный столъ и Вѣра Александровна пустилась въ безконечное объясненіе съ Китти, пересыпая упреки, какіе она дѣлала ей отъ имени Дарьи Михайловны, разспросами насчетъ знакомыхъ, Павелъ Алексѣевичъ опять, какъ въ деревнѣ, почувствовалъ, что у него съ Женей свой особый кругъ интересовъ и мыслей, и снова уединился вдвоемъ съ нею, какъ дѣлалъ это въ Гунцевѣ. У нихъ пошла своя оживленная дружеская бесѣда, въ которую не проникали городскія новости и сплетни; и Грушневъ старался придать этой бесѣдѣ прежнюю свободную непринужденность. Женя мысленно благодарила его за это, говоря себѣ, что, можетъ быть, ихъ совмѣстная жизнь войдетъ въ ровную колею, и ей нечего бояться увидѣть снова

въ его глазахъ то, что прочла въ нихъ во время послѣдней ихъ прогулки верхомъ. Она не догадывалась, какихъ усилій надъ собою стоило Павлу Алексѣевичу его притворное спокойствіе, какъ принуждалъ онъ свой голосъ не выдавать его затаенной тревоги. А между тѣмъ, онъ почти съ ужасомъ чувствовалъ, глядя на сидѣвшую передъ нимъ дѣвушку, что не вернуть ему прежнихъ мирныхъ, счастливыхъ отношеній, что при одномъ взглядѣ на нее жадная страсть загорается въ его жилахъ. Она казалась ему еще милѣе, еще прелестнѣе, чѣмъ прежде. Въ ея тонкихъ чертахъ было словно что-то законченное, говорившее ему, что жизнь не даромъ коснулась ея молодой головки, и въ ея недавно еще прозрачныхъ, безмятежныхъ глазахъ онъ чуялъ теперь готовый вспыхнуть огонь.

Но прежде всего надо было узнать—узнать поскорѣе,—что было тамъ въ Крыму, и какъ она едва не стала невѣстой Ахтубина. У нея спросить объ этомъ было нельзя; только отъ матери онъ могъ узнать правду, и весь этотъ день онъ караулилъ минуту, чтобъ остаться наединѣ съ Вѣрой Александровной.

— Qu'avez vous, mon cher?—спросила она его, наконецъ, замѣтивъ, что ему не сидится на мѣстѣ:—Vous ne pouvez rester tranquille un seul instant...

Они были теперь одни: Китти только-что вышла. Но онъ все не рѣшался прямо задать ей вопросъ, такъ долго просившійся къ нему на языкъ. Окольнымъ путемъ, какъ бы крадучись, онъ довелъ ее до того, что сама она ему разсказала про сватовство Ахтубина. Онъ жадно ловилъ каждое ея слово, а Вѣра Александровна какъ нарочно тянула, пересыпая разсказъ ненужными подробностями.

— Вы ее приневоливали, значитъ!—воскликнулъ онъ, наконецъ, выведенный изъ терпѣнія и принимаясь нервно ходить по комнатѣ.—Я васъ не понимаю, право! Выдавать семнадцатилѣтнюю дѣвочку, почти насильно, за человѣка совершенно чужого...

— Я ее и не думала приневоливать,—перебила его, въ свою очередь, теща,—я совсѣмъ даже не стояла особенно за эту свадьбу. Мой мужъ этого хотѣлъ, а не я... Да сядьте же, мой другъ, сядьте! Что вы, право, все ходите? Это, просто, на нервы дѣйствуетъ. Конечно, незачѣмъ торопиться, когда дѣвушкѣ всего семнадцать лѣтъ... Но зачѣмъ тоже упускать хорошаго человѣка?.. Мнѣ казалось притомъ, что Ахтубинъ ей нравится.

— И вамъ до сихъ поръ это кажется? — спросилъ онъ съ притворнымъ спокойствіемъ, опять усаживаясь возлѣ тещи.

— Ахъ, мой другъ, какіе вы странные вопросы задаете! Разумѣется, она въ него влюблена не была, — на то она еще слишкомъ молода. Но разговаривала она съ нимъ цѣлые часы, — видно, находила удовольствіе въ его обществѣ. Да и кто этихъ дѣвочекъ разберетъ?.. Можетъ-быть, она сама по-настоящему не знала, нравится-ли ей Ахтубинъ... И по-моему, чтобы быть счастливою съ мужемъ, совсѣмъ не надо быть особенно влюбленною въ него до свадьбы...

— Бѣдная Женя! —съ горечью воскликнулъ Грушневъ. — Воображаю, какъ вы мучили ее этою любимою темой всѣхъ мамашъ... Ну, чѣмъ же все это кончилось?

— Кончилось очень просто. Я вижу, она все не рѣшается — ни да, ни нѣтъ, и все тревожнѣе становится, съ каждымъ днемъ блѣднѣетъ... Я даже за ея здоровье безпокоилась... И бѣднаго Ахтубина мнѣ стало жаль: вѣдь эта исторія цѣлыхъ три недѣли продолжалась. Ну вотъ, я разъ позвала ее къ себѣ и хорошенько разспросила. Вмѣсто отвѣта, она въ слезы. Я въ толкъ не возьму, что съ нею: совсѣмъ, вѣдь, это на нее не похоже. Я ей говорю: Женя, дружокъ, тебя, вѣдь, никто не заставляетъ за него выходить, такъ рѣши какъ-нибудь, рѣши сама... А она все твердитъ: „Не могу, не могу... Скажите ему, что потомъ... ну, хоть черезъ полгода я дамъ рѣшительный отвѣтъ. А теперь я не

въ силахъ... Я много, много старалась, но не могу... не могу себя приневолить"...

— Она это сказала, да? — живо воскликнулъ Грушневъ, и радость блеснула въ его глазахъ.

Онъ ясно видѣлъ теперь причину ея колебаній, гораздо лучше ея матери понималъ весь тайный смыслъ этой несвойственной ей нерѣшительности.

— Ей надо еще уроки брать, — сказалъ онъ, — а не выходить замужъ: она еще совершенный ребенокъ.

Въ эту минуту послышался стукъ подъѣхавшей кареты, и тотчасъ затѣмъ раздался громкій звонокъ.

— Кто это? Неужели ко мнѣ? Я не велю принимать.

И Вѣра Александровна вяло поднялась съ мѣста.

— Это, должно быть, Юлія Александровна, — сказалъ Грушневъ, выглянувши въ окно: — я узнаю ея лошадей.

— Юлія Александровна? — повторила изумленная Усольцева. — Какъ она смѣетъ? да еще въ самый день моего пріѣзда!

— Она не къ вамъ, а къ Кити, — успокойтесь. Она не знаетъ даже, что вы здѣсь.

— И Кити ее приметъ?... даже послѣ того, что я ей говорила сегодня?..

— Да согласитесь, что нельзя же такъ вдругъ, послѣ того, какъ она бывала здѣсь чуть не каждый день...

Вѣра Александровна опустила голову, почти соглашаясь съ нимъ. Да и поздно уже было отказывать графинѣ: карета не отъѣзжала и сидѣвшую въ ней даму вѣроятно уже приняли.

— А что у нея за чудная упряжь! — невольно восхищалась Вѣра Александровна, тоже выглянувъ въ окно. — Скажите: правда, что она сняла цѣлый домъ на Сергіевской?

Грушневъ утвердительно кивнулъ головой.

— И вы думаете, къ ней станутъ ѣздить?

— Она очень осторожно и ловко ведетъ свои дѣла:

никому не навязывается, а потихоньку, какъ нельзя скромнѣе, прокрадывается въ общество. И я много уже на ея счетъ похвалъ наслышался. Пока у нея знакомыхъ немного, но къ концу зимы, повѣрьте мнѣ, у нея весь городъ будетъ. Варвара Сергѣевна Масальская усердно занимается вербовкой.

— Это ужасно, ужасно!.. — вполголоса проговорила Вѣра Александровна.

Кити вошла чуть слышно, немного конфузясь.

— Мама, у меня Жюли... Вы на меня не сердитесь, пожалуйста: я не могла отказать. Я велѣла просить ее къ себѣ въ кабинетъ.

Кабинетъ свой Кити устроила въ бывшей гостиной своей матери: на эту зиму Вѣра Александровна должна была поселиться наверху.

— Что-жъ дѣлать?... Дай ей только понять, что это въ послѣдній разъ, что ее больше принимать не станутъ.

— Какъ хотите, мама, а я этого сдѣлать не могу. Я во всемъ готова васъ слушаться, но быть невѣжливою съ Юліей Александровной я не могу. Скажите лучше ей сами.

— Ты хочешь, чтобы я... я ее видѣла! — изумилась Вѣра Александровна.

— Ну да... что-жъ тутъ ужаснаго? Это по крайней мѣрѣ сразу опредѣлитъ ваши отношенія и, главное, вы убѣдитесь, что это совсѣмъ не такая женщина, какъ вы думаете. Она очень скромная, милая и приличная.

— Да, и вдобавокъ очень хорошо одѣтая!—иронически засмѣялась госпожа Усольцева.—Ну, веди ее сюда. Je lui dirai son fait... А вы, Поль, останьтесь, не уходите.

— Нѣтъ,—засмѣялся Грушневъ,—я лучше вамъ предоставлю чинить судъ и расправу въ моемъ отсутствіи, это не по моей части.

Проходя черезъ переднюю въ свой кабинетъ, онъ

услышалъ доносившіеся сверху звуки рояля: это Женя играла „Die Lotos-Blume“ Шумана. Весь охваченный сладкою прелестью мелодіи, онъ взбѣжалъ по лѣстницѣ на верхній этажъ. Когда онъ вошелъ, Женя уже кончила, но руки ея, какъ бы въ раздумьѣ, еще лежали на клавишахъ. Она обернулась къ нему съ удивленнымъ, почти испуганнымъ взглядомъ.

— Я пришелъ послушать васъ, Женя,—сказалъ онъ, входя,—я такъ люблю эту вещь.

— Я кончила...

— Ну, сыграйте еще, пожалуйста. Я такъ давно васъ не слышалъ.

— Хорошо,—просто отвѣтила она,—только я сыграю что-нибудь другое... эту вещь я люблю играть только для себя,—добавила она вполголоса.

Стихотвореніе Гейне, на которое написанъ романсъ Шумана, мгновенно пришло къ нему на память, и сама Женя показалась ему олицетвореніемъ цвѣтка лотоса, вполнѣ распускающагося только въ тихую ночь подъ лучами мѣсяца... Она по памяти начала маршъ изъ *Тангейзера* въ шумной, блестящей передѣлкѣ Листа. Грушневъ никакъ не ожидалъ, чтобъ изъ-подъ ея нѣжныхъ пальчиковъ могла вылиться такая могучая сила звуковъ.

— Вы хотите показать мнѣ, какіе вы сдѣлали въ Крыму успѣхи...—шутливо сказалъ онъ, когда она кончила.

Но Женя его словъ уже не разслышала. Мысли ея унеслись далеко: она сама не знала хорошенько—куда...

Грушневъ чувствовалъ, что между ними все еще есть какая-то невидимая стѣна, что въ ней что-то словно отъ него сторонится. И ему опять захотѣлось заговорить съ нею, какъ прежде, въ тѣ золотые дни, когда они стояли другъ къ другу такъ близко, какъ разъ потому, что сами не подозрѣвали этой близости.

— Ну, Женя,—началъ онъ,—разскажите мнѣ теперь про себя, про все, что дѣлали вы эти три мѣсяца... Я

вѣдь, въ сущности, ничего не знаю про васъ, то-есть, знаю одни внѣшніе факты изъ вашей жизни, а то, что въ васъ самихъ происходило, вашъ собственный внутренній міръ—про это только вы однѣ можете разсказать.

— Да ничего не было особеннаго, увѣряю васъ...— все какъ бы сторонясь отъ него, отвѣтила Женя.

— Какъ ничего?—шутливо возразилъ онъ:—васъ чуть-чуть было не просватали!

Кровь разлилась по ея щекамъ отъ этихъ немногихъ словъ, но почти тотчасъ отхлынула опять. И Грушневъ внутренно упрекнулъ себя, что сказалъ это, и сказалъ въ такомъ легкомъ, шутливомъ тонѣ. Но дѣлать было нечего: неосторожныя слова сорвались съ языка и надо было теперь же покончить съ этимъ вопросомъ, стоявшимъ между ними, какъ что-то враждебное, словно пугавшее ихъ обоихъ. Еще маленькое усиліе—и чувство неловкости будетъ устранено.

— Я вѣдь зналъ про то, что было тамъ въ Крыму,— продолжалъ онъ,—черезъ матушку вашу и черезъ Китины письма. Одно для меня осталось тайною, и это одно— для меня главное: то, что думаете вы обо всемъ этомъ... ваше собственное чувство...

Она страшно поблѣднѣла теперь и легкая дрожь будто пробѣжала по всему ея тѣлу.

— Можно вѣдь говорить про это, Женя,—поспѣшилъ онъ добавить,—когда все кончено...

Она сдѣлала усиліе надъ собою, чтобы отвѣтить.

— Ничего не кончено,—проговорила она слабо, качая головой,—я Ахтубину не отказала... я только отсрочила свой отвѣтъ...

— Только отсрочили!—поблѣднѣвъ въ свою очередь, воскликнулъ онъ.—И, стало быть, пожалуй... Да нѣтъ, это неправда: я вѣдь слышалъ отъ вашей матери, какъ вы приневоливали себя...

— Объ одномъ васъ прошу,—склонивъ головку, чуть слышно перебила она его:—не говорите со мной про это никогда.

— Послушайте, Женя,—и невольно онъ схватилъ ее за руки, и руки эти почти безсознательно, неподвижно остались въ его рукахъ, безжизненныя и холодныя, какъ ледъ,—будьте откровенны со мною, какъ тогда, помните, въ деревнѣ. Вы теперь не такая уже. Что-то стоитъ между нами и мѣшаетъ намъ быть по прежнему друзьями, а лучшаго, болѣе вѣрнаго друга у васъ нѣтъ, могу васъ увѣрить... только друга, помните это: я преданъ вамъ, какъ родной сестрѣ... Не лишайте же меня, по крайней мѣрѣ, тѣхъ правъ, какія даетъ близкое родство.

Пока онъ говорилъ, она склоняла голову все ниже, и руки ея, которыя онъ выпустилъ изъ своихъ, соскользнули къ ней на колѣна. Теперь она подняла на него глаза—и такую молящую, довѣрчивую скорбь онъ прочелъ въ ея нѣжномъ взглядѣ, что ему стало стыдно за себя и за все то, что почувствовалъ онъ въ это утро при встрѣчѣ съ нею.

— Хорошо,—проговорила она тихо,—будемте друзьями... Мы друзьями были вѣдь всегда... Только еще разъ прошу васъ: никогда не напоминайте мнѣ про то... вы знаете...

Въ отвѣтъ онъ только схватилъ ея руку и молча пожалъ ее. А въ ея глазахъ мало-по-малу заблестѣла улыбка, какъ солнце въ лѣтній день иной разъ улыбается изъ-за тучъ, и рѣзвая юность, на мигъ будто покинувшая ея лицо, снова засіяла на немъ.

— Ахъ, Поль, вы здѣсь! – послышался вдругъ изъ-за раскрывшихся дверей голосъ Вѣры Александровны.— Кити васъ ищетъ.

— Ну, а чѣмъ окончилось ваше объясненіе?—спросилъ Грушневъ, вставая.

Вѣра Александровна глядѣла немного сконфуженно. Красныя пятна были у нея на щекахъ.

— Да ничѣмъ особеннымъ,—нехотя отвѣтила теща.— Она въ самомъ дѣлѣ, кажется, не совсѣмъ такая ужасная особа, какъ я думала.

Судъ и расправа Вѣры Александровны надъ женою брата вышли неожиданно мягкими. Когда она увидѣла передъ собой изящную графиню въ очень простомъ темномъ шелковомъ платьѣ, сшитомъ однако на-диво, и та скромно, но безъ робости подошла къ ней, — Вѣра Александровна сразу поняла, что попросту выгнать эту женщину изъ дома, какъ выгоняютъ наглую попрошайку, было совершенно невозможно: на то слишкомъ ужъ лежала на ней печать самой законченной и притомъ заграничной, не русской элегантности, проглядывавшей во всемъ, даже въ шуршаніи ея платья, даже въ легкомъ стукѣ ея каблуковъ по паркету. Графиня Юлія Александровна заранѣе приготовилась къ этой встрѣчѣ. Она знала о пріѣздѣ госпожи Усольцевой, догадывалась, что та везетъ изъ Крыма бабушкины громы и сразу рѣшилась взять, что называется, быка за рога и подъ предлогомъ визита къ племянницѣ какъ-нибудь встрѣтиться съ разгнѣванною Вѣрой Александровной. Графъ Вадимъ хотѣлъ было самъ поѣхать объясниться съ сестрой, но графиня плохо довѣряла его дипломатическимъ способностямъ.

— Я просила вашу дочь,—начала она,—представить меня вамъ, чтобы дать мнѣ случай выразить мою признательность за встрѣченный мною въ этомъ домѣ любезный пріемъ.

— Что касается меня,—сухо отвѣтила Вѣра Александровна, — то я вашей благодарности не заслуживаю,—она подчеркнула слово „благодарность“.—Не скрою отъ васъ, я смотрю на *все это* совершенно иными глазами, чѣмъ моя дочь...

Сперва она хотѣла было сказать прямо: „смотрю на женитьбу моего брата“, но замѣнила этотъ черезчуръ рѣзкій оборотъ неопредѣленнымъ выраженіемъ „все это“.

Вѣра Александровна встрѣтила невѣстку стоя и руки ей не подала. Но та ничуть не казалась озадаченною этимъ нелюбезнымъ пріемомъ: она приготовилась къ худшему.

— Я знаю,—ровнымъ, ни мало не дрогнувшимъ голосомъ отвѣтила она,—что женитьба Вадима была встрѣчена его семьею недружелюбно. И какъ ни тяжело для меня это, я вполнѣ становлюсь на точку зрѣнія его родныхъ и готова съ уваженіемъ отнестись даже къ ихъ предразсудкамъ. Когда вступаешь въ семью,—поспѣшила она добавить, воспользовавшись тѣмъ, что Вѣра Александровна сразу не нашла, что отвѣтить,—надо умѣть подчиняться ея взглядамъ.

И лицо ея, пока она говорила это, ни на секунду не утрачивало выраженія улыбающагося достоинства. Не легко ей было, конечно, играть такую сцену, но главное было достигнуто: она принудила Вѣру Александровну вступить съ нею въ объясненіе и почти съ первыхъ же словъ сумѣла ввернуть фразу о своемъ вступленіи въ семью Ардашевыхъ.

— Я очень рада, что вы такъ благоразумны,—отвѣтила Вѣра Александровна, пропуская эту фразу мимо ушей,—но въ такомъ случаѣ вы должны понять, какъ поразило это извѣстіе мою мать и меня тоже. И если уже вы такъ расположены подчиняться взглядамъ нашей семьи, то нѣсколько странно, что первымъ дѣломъ брата послѣ его свадьбы былъ приказъ по всѣмъ его имѣніямъ—болѣе не слушаться распоряженій его матери...

Графиня мысленно поблагодарила судьбу за этотъ неожиданный поворотъ въ ихъ бесѣдѣ. „Она заговорила о деньгахъ,—подумала супруга графа Вадима,—стало быть дѣло мое выиграно“...

И какъ бы подчиняясь необходимости, въ виду предстоящаго ей длиннаго разговора, Вѣра Александровна опустилась на кушетку. Графиня и Кити тоже сѣли.

— Я думаю,—сказала графиня,—вамъ представили это обстоятельство не совсѣмъ такъ, какъ оно было. Не говоря уже о томъ, что мужъ мой въ такихъ лѣтахъ, когда выходятъ изъ-подъ опеки, ничего, кажется, непочтительнаго для графини Дарьи Михайловны не было

въ его приказѣ управляющему выслать ему необходимыя деньги. Вадимъ, напротивъ, могъ бы быть оскорбленъ—говорю вамъ это съ полной откровенностью—узнавъ, что мать собирается лишить его наслѣдства.

Щеки Вѣры Александровны замѣтно покраснѣли и она принялась нюхать одеколонъ: этотъ вопросъ уже лично касался ея и изъ положенія обвинительницы она сразу переходила къ роли обвиняемой.

— Графиня Дарья Михайловна,—продолжала между тѣмъ совершенно спокойнымъ тономъ Юлія Александровна,—позабыла должно быть, что по закону родовыхъ имѣній завѣщать нельзя...

Она сказала это какъ бы вскользь, точно упоминая о какомъ-то, вовсе не касавшемся ея происшествіи, но, замѣтивъ протестующее движеніе рукой, сдѣланное Вѣрой Александровной, она поспѣшила добавить въ самомъ примирительномъ тонѣ:

— Разумѣется, я говорю объ этомъ такъ только... безъ малѣйшаго намѣренія когда-либо воспользоваться своимъ правомъ. Могу васъ увѣрить,—она теперь уже стала называть Вѣру Александровну: chère madame, и въ голосѣ ея зазвучали теплыя ноты,—что мужу и въ голову не придетъ оспаривать завѣщаніе матери: на то онъ черезчуръ почтительный сынъ. Онъ, кажется, доказалъ это своимъ сорокалѣтнимъ послушаніемъ, живѣйшее его желаніе—помириться съ семьей и получить отъ матери прощеніе...

— Я думаю!—перебила ее Вѣра Александровна, воображавшая быть можетъ, что это ироническое восклицаніе очень умно и умѣстно.

— Но вы согласитесь, однако, что добиваться прощенія у графини Дарьи Михайловны—это съ моей стороны большое доказательство христіанскаго смиренія. Моя семья, конечно, не принадлежитъ къ вашему кругу, но это очень почтенная семья. Мой отецъ умеръ отъ ранъ, полученныхъ подъ Севастополемъ, а моя мать, моя бѣдная мать...—И, не договоривъ, она утерла сле-

зинку. — Что́ же касается меня лично, — продолжала она,—я не стану васъ утруждать разсказами о себѣ. Да такіе разсказы ни къ чему и не ведутъ—имъ обыкновенно не вѣрятъ. Вамъ, можетъ быть, наговорили обо мнѣ много разнаго вздора. Я не хочу про это даже знать. Со временемъ вы будете имѣть, вѣроятно, случай измѣнить свое мнѣніе на мой счетъ. Вы спросите у себя: виновата-ли дѣвушка, когда ее выдаютъ въ восемнадцать лѣтъ за человѣка, совсѣмъ ей незнакомаго, съ грубыми привычками и который вдобавокъ на цѣлыя двадцать лѣтъ старше ея, — виновата-ли эта дѣвушка, если два года спустя она была вынуждена развестись съ мужемъ?..

— Съ тѣхъ поръ прошло десять лѣтъ, Юлія Александровна, слишкомъ десять лѣтъ... — замѣтила госпожа Усольцева.

— Не будемъ говорить объ этомъ,—живо возразила графиня и тотчасъ затѣмъ опустила глаза:—когда-нибудь вы все узнаете. А теперь я хотѣла только еще добавить,—она встала, какъ бы собираясь проститься,—что мужъ всегда готовъ не только забыть о правахъ на материнское наслѣдство, но и доказать вамъ теперь же, какъ преданъ онъ вамъ и любитъ васъ. И если вы когда-нибудь окажетесь въ затруднительныхъ обстоятельствахъ...

Вѣра Александровна тоже поднялась было, но при послѣднихъ словахъ графини обѣ дамы почему-то, какъ бы невольно, опять усѣлись, и у нихъ начался довольно пространный разговоръ, окончившійся предложеніемъ графини Жюли дать Китиной матери взаймы пять тысячъ.

Графиня вернулась домой съ торжествующимъ видомъ.

— Ну, Вадимъ, я, кажется все устроила,—объявила она мужу,—только это будетъ стоить большихъ денегъ...

— Ахъ, что такое деньги!.. чортъ съ ними! Для меня главное—помириться съ Вѣрой. А то эти семей-

ныя непріятности... терпѣть ихъ не могу... А ты молодецъ, право, молодецъ!

На другой же день онъ отправился къ сестрѣ и привезъ ей обѣщанныя деньги. И въ обращеніи его съ родными была опять прежняя, нѣсколько безалаберная развязность.

— Ну, что, Вѣра?—говорилъ онъ.—А я выкинулъ-таки колѣнце и поотбилъ у васъ немного вашей дурацкой спѣси. Помнишь, я говорилъ, что удивлю васъ всѣхъ, а вы не хотѣли вѣрить? И еще удивлю, посмотри только: дай время—и весь городъ будетъ къ моей женѣ на поклонъ ѣздить.

XXVIII.

Вѣра Александровна не торопилась писать къ матери въ Крымъ; ей нечего было гордиться тѣмъ, какъ она выполнила порученіе графини. Ей оставалось только одно — ждать, чтобы время помогло Дарьѣ Михайловнѣ помириться съ неизбѣжностью. „Дойдетъ вѣдь до нея,— разсчитывала госпожа Усольцева, — молва объ успѣхахъ Юліи Александровны, и гордость ея мало-по-малу смирится“.

А успѣхи эти были несомнѣнны. Медленно, но вѣрно новая графиня завоевывала себѣ доступъ въ петербургское общество. Одна за другою открывались для нея завѣтныя двери. Княгиня Бѣломорская, правда, оставалась пока непреклонною, но и эту послѣднюю твердыню свѣтской недоступности Юлія Александровна надѣялась современемъ отвоевать. Устраивать пріемы у себя она пока не спѣшила, ограничиваясь маленькими вечеринками и обѣдами персонъ на девять, не больше; но вечеринки были съ приправою музыки и пѣнія, исполнявшихся первоклассными артистами, а обѣды готовилъ настоящій художникъ поваръ. Юлія Александровна вербовала себѣ напередъ вѣрную, хоть и небольшую ар-

мію сторонниковъ, привлеченныхъ хорошею музыкой и превосходною кухней.

Во всемъ этомъ Вѣра Александровна ей содѣйствовала, насколько могла. Она сама теперь была заинтересована въ успѣхахъ невѣстки: чѣмъ полнѣе они будутъ, тѣмъ легче проститъ ей разгнѣванная мать.

Впрочемъ, гнѣвъ Дарьи Михайловны теперь мало тревожилъ ея дочь: и безъ того у нея дома было довольно заботъ.

Она стала за послѣднее время сильно безпокоиться насчетъ Кити. Ей казалось, что въ жизни Грушневыхъ творится что-то неладное. Правда, это были одни лишь мелкіе, едва уловимые признаки начинающагося разлада, но материнское чутье, на этотъ разъ зоркое и догадливое, тревожилось и этими съ вида ничтожными признаками.

Не разъ, когда она невзначай входила къ дочери, она заставала ее торопливо утирающею слезы, не успѣвшія высохнуть на ея разгорѣвшемся лицѣ. И что это были злыя, гнѣвныя слезы—объ этомъ говорилъ страстный блескъ ея глазъ. И потомъ, какъ бы съ тѣмъ, чтобы забыться, Кити еще неудержимѣе отдавалась водовороту свѣтской суеты. Вѣра Александровна заботливо разспрашивала ее, но отвѣта не получала.

А между тѣмъ, повидимому, Кити не на что было жаловаться: Грушневъ не только по-прежнему оставался хорошимъ мужемъ, но въ его обращеніи съ Кити теперь былъ даже лишній оттѣнокъ внимательной ласковости. Онъ словно хотѣлъ загладить какую-то вину передъ женой. Съ тѣхъ поръ, какъ пріѣхала Вѣра Александровна, на него будто миромъ повѣяло. Недавніе бурные порывы улеглись. Любимая дѣвушка опять была съ нимъ подъ однимъ кровомъ. И знать, что она вблизи отъ него, что ему не грозитъ разлука съ нею, — этого пока съ него было довольно. Ему казалось, что Женя теперь отдана на его попеченіе и, какъ вѣрный стражъ, онъ долженъ оберегать ее отъ горя и тревогъ и ни за что уже, ни за что, онъ не позволитъ себѣ, какъ въ

тотъ памятный злополучный день, чѣмъ-либо возмутить хрустальную чистоту ея сердца.

Грушневъ добросовѣстно старался быть для Кити хорошимъ любящимъ мужемъ. Онъ, правда, не мечталъ уже слить въ одно полное созвучіе ихъ разнородные наклонности и вкусы, — эту надежду онъ давно оставилъ, но если и недоступно для него то высокое счастье, какое мерещилось ему, когда онъ сталъ женихомъ Кити, развѣ нельзя ему удовлетвориться заурядною семейною жизнью, какою живетъ большинство людей?.. Вѣдь у жены его все-таки хорошая, честная натура, и не ея вина, коли на его жажду идеала у нея нѣтъ полнаго отвѣта. О, еслибъ одно лишь случилось... еслибъ у нихъ поскорѣе родился ребенокъ!.. Тогда бы нашлось у нихъ общее дѣло, одинаково высокое и чистое для обоихъ: вѣдь материнская любовь никогда не можетъ быть заурядною.

Но Кити не знала, что дѣлалось въ умѣ ея мужа и чувствовала лишь одно, что, несмотря на всѣ его старанія, отъ его ласковости будто холодомъ вѣяло. И какъ разъ оттого, что онъ такъ видимо старался, что въ его обращеніи такъ явно сквозило что-то снисходительное, она чувствовала себя оскорбленною гораздо болѣе даже, чѣмъ въ то недавнее время, когда его слова иной разъ звучали рѣзко или затаенная насмѣшка сквозила въ нихъ. Тогда онъ раздражался противъ нея, спорилъ съ нею, когда ему не нравился какой-нибудь ея поступокъ, и стало быть, съ его стороны было все-таки желаніе примирить ихъ не всегда согласные вкусы. А теперь онъ какъ будто махнулъ на нее рукой: вѣдь одно полное равнодушіе способно къ такой невозмутимой ровности нрава. И пробудившаяся подозрительность молодой женщины болѣзненно доискивалась, гдѣ ея соперница. Кити готова былъ ревновать мужа даже къ его служебнымъ занятіямъ и оскорбленное чувство втайнѣ уже подсказывало ей желаніе отомстить, хоть она и не знала, за что.

Вѣра Александровна примѣчала все это и тревожилась за будущее. Всякій разъ, какъ имъ доводилось быть вдвоемъ, она заботливо принималась исповѣдывать дочь.

— Ахъ, мама,—отвѣтила ей разъ Кити, — все это я сама знаю прекрасно. Вы мнѣ все повторяете, что Павликъ отличный человѣкъ и любитъ меня отъ всего сердца. Да мнѣ развѣ отъ этого легче? И что это за любовь, когда все у насъ идетъ съ нимъ врозь — и мысли наши, и вкусы?.. И что бы вы ни говорили, я увѣрена, что другая женщина имъ завладѣла. Ничего серьезнаго, конечно, еще нѣтъ, но сознавать, что онъ предпочитаетъ мнѣ другую, можетъ быть эту противную графиню Длиннорукову... Вѣдь она вернулась, вы слышали? И кто еще знаетъ, — не у нея-ли онъ проводитъ время, когда разсказываетъ мнѣ, что сидитъ у себя въ министерствѣ?..

Кити не догадывалась, до какой степени ошибалась она насчетъ графини. Прежнее ея расположеніе къ Павлу Алексѣевичу не только исчезло давно, но его даже смѣнила рѣшимость чувствительно наказать Грушнева за нанесенную ей обиду. Графиня примѣтила съ тайнымъ злорадствомъ признаки начинающагося охлажденія между Павломъ Алексѣевичемъ и Кити, и планъ отмщенія сложился у нея въ головѣ мигомъ. Она не забыла, какъ Лунскій увлекался прежде старшею Усольцевой и долго она не могла этого простить Кити. Но теперь обстоятельства измѣнились: въ жизни графини Лунскій отошелъ на задній планъ, то-есть, попросту говоря, успѣлъ ей надоѣсть, хоть она и сохранила съ нимъ дружескія отношенія, какъ неизмѣнно дѣлала она съ отставными любовниками. Отъ прежней ревности не осталось и слѣда, и графиня рѣшилась воспользоваться для своихъ цѣлей не совсѣмъ, быть можетъ, угасшимъ чувствомъ Лунскаго къ Кити. Она усердно раздувала эти тлѣющія искры.

— Вы, кажется, — говорила она ему не разъ, —

совсѣмъ не обращаете больше вниманія на Кити Грушневу, которая вамъ прежде такъ нравилась... А это напрасно: теперь самая пора... Elle est tout-a-fait mûre pour un roman...

Кити ничуть не удивилась, когда замѣтила нѣсколько болѣе живой оттѣнокъ въ обращеніи съ ней Лунскаго. Поклоненіе мужчинъ, даже когда оно переходило за черту обычнаго свѣтскаго ухаживанія, ей казалось совершенно въ порядкѣ вещей. Пугаться было нечего, хоть ей и была хорошо извѣстна репутація Лунскаго, привыкшаго къ легкимъ, дерзкимъ побѣдамъ. Вѣдь она сознавала себя вполнѣ честною, вѣрною женою, и Лунскій не смотря на многочисленные успѣхи и на свою несомнѣнную породистую красоту, нисколько не тревожилъ ея спокойнаго воображенія. Чего же было ей бояться? Она принимала его охотно у себя и, встрѣчаясь съ нимъ въ свѣтѣ, разрѣшала себѣ легкое, въ сущности ничего не значившее кокетничанье.

Передъ самыми праздниками пріѣхалъ изъ-за границы Николай Ивановичъ. Онъ былъ очень недоволенъ, что жена вернулась изъ Крыма въ Петербургъ и поторопился высказать ей это самымъ откровеннымъ образомъ.

— Не понимаю, чего ты вздумала сюда притащиться! — сказалъ онъ ей послѣ первыхъ, не особенно теплыхъ привѣтствій. — Все было такъ хорошо устроено — и вдругъ безъ меня перерѣшили! Остались бы тамъ съ Женей въ Кореизѣ, ухаживали бы за Дарьей Михайловной и здоровья набрались бы въ тепломъ климатѣ. Для Жени зима на югѣ была очень кстати: я опять нахожу ее блѣдной.

Но Вѣра Александровна виноватой признать себя не хотѣла. Пріѣхала она вѣдь не по собственному капризу, а по настоянію матери.

— И какая же тутъ бѣда?—твердила она, въ сознаніи своей правоты; — расходовъ большихъ не будетъ, за квартиру мы не платимъ...

— Ахъ, у тебя на умѣ все твои глупыя экономіи,

какъ будто все дѣло въ однѣхъ только деньгахъ! Да и увѣренъ я, что въ концѣ концовъ ты этихъ самыхъ денегъ сумѣешь просадить изрядное количество на туалетъ и на пріемы.

— Пріемовъ у меня никакихъ не бываетъ и живемъ мы какъ нельзя скромнѣе...

— А что касается до этой глупой исторіи съ женитьбой Вадима, — продолжалъ Усольцевъ, не слушая ея, — то хотѣлъ бы я знать, — чѣмъ твой пріѣздъ тутъ поможетъ? Далъ этотъ дуракъ окрутить себя ловкой бабенкѣ и, конечно, когда-нибудь раскается. А намъ-то что за дѣло? Что семья наша чортъ знаетъ съ кѣмъ породнилась — этого ужъ ничѣмъ не поправишь; а помѣшать этой барынѣ пролѣзть въ большой свѣтъ, какъ желала бы Дарья Михайловна, это ужъ, воля твоя, отчаянная нелѣпость. Да и не удастся это, бьюсь о закладъ. Гдѣ тебѣ съ такою особой тягаться!..

Вѣрѣ Александровнѣ пришлось выдвинуть въ свою защиту послѣдній аргументъ: ея присутствіе было нужно для Кити.

Тутъ Николай Ивановичъ насторожилъ уши, заставивъ жену подробно разсказать, что она успѣла замѣтить страннаго въ отношеніяхъ дочери и зятя. Все мрачнѣе становилось его лицо, пока она говорила. Его догадки совсѣмъ расходились съ предположеніями Вѣры Александровны, но передавать ихъ женѣ онъ не счелъ нужнымъ. Онъ обѣщалъ себѣ только еще зорче наблюдать за Грушневымъ и Женей.

Но очень скоро Николай Ивановичъ убѣдился въ неосновательности своихъ подозрѣній. Женя, казалось, вся ушла въ свои занятія: ей надо было наверстать потерянное время, и учителя къ ней ходили каждый день. Оттого должно быть такъ измѣнилось выраженіе ея лица, на которомъ почти уже никогда не вспыхивала шаловливая улыбка. Многимъ старше она стала глядѣть, точно не мѣсяцы, а цѣлые годы прошли со времени ея поѣздки за границу. Но это могло быть объя-

снено прилежнымъ ученьемъ. Даже на праздникахъ она не захотѣла поѣхать на полудѣтскіе вечера, куда ее приглашали. Раза два только она была въ театрѣ. Зато въ церковь она стала часто ходить. Когда ея мать и старшая сестра не успѣвали побывать у обѣдни, она съ горничной отправлялась пѣшкомъ въ сосѣдній приходъ.

— Какою ты серьезною стала, шалунья, — не разъ говаривалъ ей отецъ.

Николай Ивановичъ былъ не особенно доволенъ перемѣной съ младшею дочерью: ему жаль было прежней рѣзвой хохотуньи.

Но все-таки, какъ онъ ни старался отыскать слѣды затаенной тревоги на слегка поблѣднѣвшихъ чертахъ дѣвушки, ничего похожаго на скрытое горе, на борьбу съ собою онѣ не выдавали.

Взглядъ ея былъ по прежнему чистъ, голосъ звучалъ все также откровенно.

А Грушневъ... Грушневъ, правда, какъ будто сторонился отъ тестя, но близости вѣдь между ними никогда и не было. Усольцевъ недолюбливалъ зятя и говорилъ себѣ, что должно быть и Павелъ Алексѣевичъ къ нему не слишкомъ расположенъ. „Служебныя непріятности, вѣроятно...“ объяснялъ онъ себѣ мрачный видъ Грушнева. Впрочемъ, разспрашивать не стоитъ, „вѣдь не скажетъ ни за что...“ „Охъ ужъ эти мнѣ серьезные люди—всѣ они лицемѣры да скрытники...“

Онъ и не подозрѣвалъ, что за мучительная борьба происходила въ сердцѣ Павла Алексѣевича. И если Грушневъ былъ вынужденъ скрывать отъ чужихъ глазъ все еще не побѣжденное чувство, — не лицемѣріе, конечно, и не страхъ за себя тоже побуждали его такъ строго наблюдать за собой.

Онъ далъ себѣ слово, что Женя останется для него святынею, лишь бы ему дано было поклоняться ей, какъ святынѣ. И какого бы труда это ни стоило, онъ

сдержитъ это слово. Они даже видѣлись далеко не каждый день, обмѣниваясь лишь немногими короткими словами. Но съ него и этого было довольно.

Мимолетная улыбка, легкое пожатіе руки, нѣсколько вопросовъ о томъ, что дѣлала она за послѣдніе дни, что ее интересовало всего болѣе изъ прочитаннаго — этимъ немногимъ ограничивались теперь ихъ встрѣчи. Для Грушнева было даже какое-то странное наслажденіе во всемъ этомъ, точно онъ нарочно отвѣдывалъ лишь крошечными, рѣдкими глотками сладкаго запретнаго напитка.

Разъ, въ воскресенье, уже въ началѣ января, Женя пошла вдвоемъ съ горничной къ обѣднѣ въ приходскую церковь. Матери ея нездоровилось, а Кити еще не вставала.

Дѣвушка стала въ сторонѣ, за колонной и вся, было, ушла въ молитву, какъ вдругъ, случайно поднявъ глаза, она увидѣла стоявшаго впереди Грушнева. Онъ вошелъ, должно быть, уже послѣ нея.

Невольно съ этой минуты она слѣдила за нимъ, пораженная, что этотъ недавно еще не вѣровавшій человѣкъ молится такъ горячо. Здѣсь, гдѣ среди толпы простого народа не могли, какъ онъ думалъ, видѣть его ни чьи знакомые глаза, Грушневъ не приневоливалъ себя, и давившее чувство выливалось наружу свободно. Глубокое, неутѣшное горе было въ его молитвѣ, только выражалось оно сдержанно и спокойно. Но Женя, хоть и не могла видѣть его лица, понимала, что дѣлалось въ его душѣ, что за скорбь наклоняла его голову и не разъ побуждала его становиться на колѣна. Эта скорбь чувствовалась даже въ томъ, какъ онъ крестился. И жалость къ нему поднялась въ ея сердечкѣ, — жалость къ этому сильному, твердому человѣку, котораго сокрушало теперь одинокое горе. Сама она не могла уже болѣе молиться. Когда послѣ обѣдни они встрѣтились на паперти въ тихой улыбкѣ, съ которою она протянула ему руку, было что-то до того участли-

вое и близкое, что и онъ улыбнулся въ отвѣтъ, молча благодаря ее.

— Гдѣ вы стояли?—спросилъ онъ: — я васъ не видѣлъ.

— Вы не могли меня видѣть: я была позади васъ, хоть и очень близко. Меня скрывала отъ васъ колонна.

У него промелькнуло въ умѣ, что должно-быть она замѣтила, какъ онъ молился, и легкая краска показалась на его лицѣ. Женя отпустила горничную и взяла его подъ руку.

— Помните,—началъ онъ почти весело,—какъ мы съ вами въ первый разъ шли вдвоемъ тоже изъ церкви? А много воды съ тѣхъ поръ утекло, Женя... я, по крайней мѣрѣ, чувствую, что состарѣлся.

Она только быстро кивнула головой, не желая возвращаться къ этому воспоминанію, отъ котораго тотчасъ заалѣли ея щечки.

— Не знаю, состарѣлись-ли вы,—мигъ спустя заговорила она,—но измѣнились вы—это правда. Вы прежде такъ молиться не умѣли. И я вамъ тоже напомню одинъ нашъ разговоръ въ деревнѣ, когда я васъ спрашивала, зачѣмъ вы не ходите въ церковь, а вы говорили, что не можете дѣлать это и какъ простой обрядъ.

— Да, теперь это не обрядъ для меня... Я вотъ что думаю, Женя: для того, чтобы мы научились обращаться туда, къ небу, надо, чтобъ мы горе узнали — такое горе, въ которомъ не помогаютъ людскія утѣшенія.

И про себя онъ добавилъ мысленно, что ему утѣшеніе уже дано, что много долгихъ дней прошло съ тѣхъ поръ, какъ онъ въ послѣдній разъ былъ вмѣстѣ съ нею въ такомъ близкомъ сердечномъ общеніи...

Она не отвѣтила, склонивъ только пониже головку.

— А вѣдь мы ужасно рѣдко съ вами видимся, Женя, точно живемъ мы на противоположныхъ краяхъ города. И жизнь ваша стала для меня теперь какъ будто чужою...

Что могла она ему сказать на это? Много добрыхъ

и теплыхъ словъ готово было у нея вылиться, но вѣдь это значило—опять возвращаться къ тому, что когда-то было, но чего быть уже не должно. И все-таки сердце ея сжалось отъ мысли, что этотъ близкій, дорогой ей человѣкъ страдаетъ и у нея даже не найдется для него ласковаго слова.

— Я для васъ чужою не буду никогда, Павелъ Алексѣевичъ,—сказала она просто, и на этотъ разъ ея глаза устремились на него откровенно и прямо, — теперь даже меньше чѣмъ прежде... Мы стали вѣровать съ вами одинаково—стало быть, мы еще ближе другъ къ другу, чѣмъ были...

Они подходили къ дому. У крыльца она еще разъ пожала ему руку и, войдя въ сѣни, быстро взбѣжала по лѣстницѣ.

XXIX.

— Мнѣ надо переговорить съ вами, Поль,—сказала Вѣра Александровна, съ озабоченнымъ видомъ входя въ кабинетъ зятя,—переговорить о Кити: она меня очень безпокоитъ.

— Да развѣ Кити нездорова?—спросилъ Грушневъ, пододвигая тещѣ кресло.

— Нѣтъ, слава Богу. Я совсѣмъ не о томъ... Мнѣ, кажется, Поль... — И не зная, какъ приняться за объясненіе, Вѣра Александровна стала нюхать одеколонъ изъ принесеннаго съ собою флакончика.—Мнѣ кажется, что съ нѣкоторыхъ поръ она какъ будто... или, скорѣе, вы... вы, Поль, къ ней... охладѣли немножко...

Разговоръ этотъ происходилъ въ то самое воскресенье, когда утромъ въ церкви Грушневъ встрѣтился съ Женей. Онъ весь еще былъ подъ впечатлѣніемъ этой встрѣчи, и воспоминаніе о ней настраивало его какъ-то особенно мягко.

— Если вы находите, что я въ чемъ-нибудь вино-

ватъ передъ нею, скажите, пожалуйста, въ чемъ моя вина: я сдѣлаю все зависящее отъ меня, чтобы Кити была счастлива. Боюсь только, что это не въ моей власти.

— Ахъ, Поль,—вздыхая, продолжала Вѣра Александровна,—отъ васъ многое, очень многое зависитъ. Конечно, и у Кити есть свои недостатки—у кого ихъ нѣтъ?.. но вы слишкомъ на десять лѣтъ ея старше, и вы должны руководить ею и въ то же время быть къ ней снисходительнымъ.

Вѣра Александровна принялась выкладывать передъ зятемъ длинный рядъ своихъ материнскихъ наблюденій. То она видѣла со стороны зятя холодность, почти невниманіе къ дочери, то, напротивъ, онъ предоставлялъ ей слишкомъ много свободы.

— Напрасно,—говорила она между прочимъ,—вы ей даете такъ часто выѣзжать безъ себя: молодая женщина въ ея годы еще неопытна и неосторожна... Въ свѣтѣ не отъ кого ей получать совѣты—развѣ только совѣты очень дурные... И ея самолюбіе, я думаю, страдаетъ отъ того, что вы ее такъ часто оставляете одну.

— Я очень занятъ, вы знаете,—отвѣтилъ Грушневъ,—я не могу всѣ вечера проводить въ свѣтѣ.

— Ну да, ну да, конечно... Но все-таки служба ваша не столь важное дѣло, какъ домашнее счастіе. Кити оскорблена тѣмъ, что вы какъ будто оставляете ее на второмъ планѣ, и я знаю, что это ужъ успѣли замѣтить. Мнѣ передавали...

— Вотъ какъ? Пошли уже сплетни?—перебилъ ее Грушневъ.

— Ахъ, зачѣмъ вы называете это сплетнями... Нельзя вѣдь мѣшать людямъ имѣть глаза и закрывать имъ ротъ.

Вѣра Александровна долго бы еще, можетъ быть, говорила на эту благодарную тему, если бы въ дверяхъ кабинета вдругъ не показалась Кити, только что вернувшаяся домой послѣ цѣлаго ряда визитовъ. Она внесла съ собою въ кабинетъ мужа струю морознаго воздуха и за одно съ нею другую, неуловимую струю какого-то

праздничнаго оживленія. Одѣта она была очень къ лицу, и ея нарядное шелковое платье тоже какъ-то весело шелестило по ковру. Но что-то недоброе было въ этомъ весельѣ, какое-то скрытое, нехорошее торжество блестѣло въ ея красивыхъ глазахъ.

Грушневъ подошелъ и поцѣловалъ ее въ лобъ съ особенною сердечною лаской. Она тотчасъ почувствовала что-то непривычное въ этомъ поцѣлуѣ и взглянула на него съ недовѣрчивымъ удивленіемъ.

— Ты, должно быть, привезла много пріятныхъ впечатлѣній,—сказалъ Павелъ Алексѣевичъ все такъ же ласково:—по твоимъ глазамъ видно. Давно не было въ нихъ такого блеска.. А оживленіе къ тебѣ очень идетъ, Кити. Ну, разсказывай же, гдѣ ты была, что слышала...

Все это онъ говорилъ съ самою искреннею привѣтливостью въ голосѣ и въ выраженіи лица. Онъ сознавалъ, что Вѣра Александровна была совершенно права и что ему надо устранить отчужденіе, возникшее между нимъ и женою за послѣднее время. Не ея краснорѣчіе, впрочемъ, на него подѣйствовало: что-то доброе и примиряющее, готовность лучше прежняго любить всѣхъ окружающихъ принесъ онъ съ собой утромъ изъ церкви.

Но Кити не отозвалась на его настроеніе.

— Откуда взялась у тебя,—вдругъ сказала она, медленно снимая перчатки,—такое желаніе узнать, что я дѣлала? Я къ этому не привыкла...

— Зачѣмъ иронія, Кити?.. Мы сегодня не видались съ самаго утра... Что-жъ удивительнаго, коли я хочу знать...

— Ну да,—перебила она его все съ тѣмъ же оттѣнкомъ почти враждебной насмѣшливости,—не мудрено, что мы не видались. Ты къ обѣднѣ пошелъ въ десять часовъ въ приходскую церковь, потомъ сталъ заниматься какими-то очень важными дѣлами... въ такія минуты, я вѣдь знаю, къ тебѣ подходить нельзя... потомъ ты уѣзжалъ куда-то—тоже должно быть по важному дѣлу... Что-жъ? Я не могу быть такою, какъ ты—вѣчно заня-

тою чѣмъ-нибудь очень серьезнымъ: благомъ отечества или заботой о какихъ-то несчастныхъ... Вотъ Женя другое дѣло: она была бы для тебя совсѣмъ подходящею. А я пустая женщина, у которой одинъ вѣтеръ въ головѣ... Я вѣдь знаю, что ты обо мнѣ такъ думаешь. Скоро и совсѣмъ видѣться перестанемъ...

Грушневъ далъ ей договорить. Онъ былъ глубоко огорченъ ея словами и въ особенности тѣмъ, что она упомянула про сестру: она сама не догадывалсь, до какой степени это была правда. И онъ чувствовалъ тоже, что въ ея горькихъ словахъ не одна только вспышка несправедливаго раздраженія,—вина была и за нимъ, а не за нею только.

— Развѣ ты мнѣ всего этого не можешь сказать,— отвѣтилъ онъ,—иначе, въ болѣе мягкомъ, дружескомъ тонѣ? Развѣ я для тебя...

— Ахъ, другъ мой,—перебила она, пожимая плечами,—не все-ли равно, въ какомъ я тонѣ говорю, коли въ моихъ словахъ правда? А если тебѣ въ самомъ дѣлѣ хочется узнать, гдѣ я была и что слышала,—изволь, я сейчасъ вернусь и все разскажу тебѣ, дай только отколоть шляпу.

Съ этими словами она вышла, все такъ же весело шелестя хвостомъ своего тяжелаго платья. Было что-то, какъ бы вызывающее въ этомъ шелестѣ, такъ показалось Грушневу.

Едва Кити скрылась за дверью, онъ переглянулся съ Вѣрой Александровною.

— Prenez garde, mon cher... je vous ai prévenu,—сказала она и, поднявшись съ кресла, тоже ушла вслѣдъ за дочерью.

Зловѣщее предостереженіе тещи однако ничуть не испугало его: недовѣріе къ женѣ и не западало къ нему на душу. Случись ему усомниться въ ней, онъ предпочелъ бы открытый разрывъ боязливой защитѣ своего домашняго очага; быть вѣчно на сторожѣ, пускать въ

ходъ дипломатическія хитрости — это въ высшей степени претило его прямой натурѣ.

Оставшись одинъ, Павелъ Алексѣевичъ сталъ ходить по комнатѣ, перебирая въ головѣ всѣ сложныя неуловимыя причины, въ концѣ концовъ приведшія его къ этому разладу съ женой. Не раздраженіе противъ Кити въ немъ говорило, а скорбное обличеніе собственной неправоты—неправоты, тѣмъ болѣе глубокой, что она даже не подозрѣвала, какъ давно онъ уже измѣнилъ ей въ сердцѣ. Не ея вѣдь была вина, коли онъ такъ плохо разгадалъ ея натуру, становясь ея женихомъ. И если даже попытки перевоспитать ее сперва не удавались, надо было не бросать начатаго дѣла, а съ терпѣливою любовью довести его до конца. И оно удалось бы навѣрно: любовь всесильна... но въ томъ-то и дѣло, что любовь... Ахъ, какое онъ имѣетъ право осуждать жену, когда именно этой любви, всепрощающей, нѣжной, въ немъ не было и вмѣсто нея онъ отдавалъ Кити жалкій призракъ увядшаго чувства, воображая въ своемъ ослѣпленіи, что она этимъ удовлетворится!.. Нѣтъ, пока еще не поздно, надо переломить себя, стойко и честно нести принятую обязанность, постараться исправить сдѣланныя ошибки.

Кити, однако, не возвращалась. Онъ разслышалъ стукъ шаговъ въ передней: кто-то былъ у Кити, должно быть, и теперь уходилъ. Грушневъ отправился на ея половину и засталъ ее въ гостиной.

— Ахъ, извини, Павликъ,—сказала она, смѣясь,—что я не пришла, какъ обѣщала: у меня сейчасъ былъ дядя, и представь себѣ, какъ уморительно: онъ увѣряетъ, что онъ самый несчастный человѣкъ въ Петербургѣ. Онъ не знаетъ, куда дѣваться отъ вѣчныхъ пріемовъ. Жена, правда, не тащитъ его съ собою, когда уѣзжаетъ, но зато домъ у нихъ полонъ гостей съ утра до ночи. Дядя жалѣетъ о своей комнатѣ, гдѣ никто ему не мѣшалъ, и о своей холостой жизни... еще немножко и онъ признался бы, что сдѣлалъ великую глупость, женившись.

— Ну, и подѣломъ ему,—равнодушно отозвался на это Павелъ Алексѣевичъ.

— Да, не на долго имъ хватило супружескаго счастья,—все тѣмъ же веселымъ, задорнымъ тономъ продолжала Кити,—еще меньше, чѣмъ намъ.

— Какъ тебѣ не стыдно!.. и ты говоришь это серьезно, Кити?.. Ты и Юлія Александровна,—что за сравненіе!..

Въ этихъ словахъ было столько задушевной грусти, что у Кити пропала охота смѣяться.

— Разумѣется, я этого серьезно не говорю, — отвѣтила она, и въ ея голосѣ зазвучало что-то почти теплое.—Неужели ты разучился понимать шутки?

— Шутки бываютъ различныя, мой другъ, и когда у насъ въ самомъ дѣлѣ начались какія-то маленькія несогласія, я не хотѣлъ бы, чтобы ты смотрѣла на это такъ легко.

Но Кити въ эту минуту все-таки была неспособна понять настроеніе мужа и смотрѣть его глазами на ихъ взаимныя отношенія. Она, казалось, все еще дышала воздухомъ гостиныхъ, въ которыхъ перебывала въ этотъ день, а воздухъ этотъ весь былъ пропитанъ отголосками пряной болтовни, легкаго злословія и двусмысленныхъ намековъ. Въ ея ушахъ еще звенѣли обрывки игривыхъ остротъ и выраженія открытаго восторга отъ ея красоты. И это было уже совсѣмъ не то поклоненіе, какое окружало ее, когда она была дѣвушкой. Взгляды и слова мужчинъ теперь ясно говорили, какъ они цѣнятъ ее. Ее забавляла эта опьяняющая, хоть и немного оскорбительная лесть. Еще недавно, за самые послѣдніе мѣсяцы, она сумѣла пріобрѣсти то особое, исключительное обаяніе, неуловимое, какъ ароматъ духовъ, какое придаетъ женщинѣ замужество и умѣнье поддерживать ухаживаніе мужчинъ, вызывая у нихъ затаенныя желанія. Кити ничуть не возмущалась этимъ. Сегодня,—особенно сегодня, — она отвѣдала изъ чаши свѣтскаго успѣха и ей невольно приходило въ голову

сравненіе между ея спокойнымъ Павликомъ, давно уже не восторгавшимся ею, и — этой обильной чарующею жатвой лести.

— Ну, не сердись, Павликъ: право не на что,—сказала она съ какою-то кошачьею нѣжностью въ позѣ. Я лучше разскажу тебѣ, что слышала и видѣла сегодня,— хочешь?

И она принялась разсказывать, правда, избѣгая упомянуть, что всего больше она говорила съ Лунскимъ, котораго встрѣтила подъ рядъ въ трехъ домахъ: онъ, очевидно, съ намѣреніемъ слѣдовалъ за нею, и это ее забавляло. Про это мужу, очевидно, говорить было нельзя. И Кити ничуть не смущалась, осторожно выпуская изъ своего разсказа даже имя Лунскаго.

Грушневъ слушалъ плохо, думая о томъ, какихъ усилій ему будетъ стоить найти между ними что-нибудь общее, на чемъ они могли бы становиться съ одинаковымъ интересомъ, съ одинаковою любовью. О, еслибъ у нихъ былъ ребенокъ, — тогда все разрѣшилось бы само собою. Онъ перенесъ бы на этого ребенка весь тотъ избытокъ любви, котораго уже не могъ отдать всецѣло Кити. И тогда, тогда уже на всю остальную жизнь онъ замкнется на одномъ этомъ чувствѣ и всего себя посвятитъ воспитанію этого ребенка. Сердце Кити—онъ упорно хотѣлъ этому вѣрить — тоже забьется живѣе, возрожденное чистою материнскою любовью.

Но пока это были лишь однѣ мечты, которымъ, быть можетъ, еще не скоро суждено сбыться. Надо было теперь же устроить по новому ихъ совмѣстную жизнь, стараться не видѣть маленькихъ недостатковъ жены, помириться съ мыслью, что она не въ силахъ осуществить когда-то грезившійся ему идеалъ. И онъ далъ себѣ слово не пожалѣть для этого усилій.

Но уже на самыхъ первыхъ дняхъ онъ могъ убѣдиться, какъ не легко выполнить эту задачу. Нельзя было сразу наверстать потерянное время, воскресить прежнее взаимное довѣріе. Въ душѣ Кити что-то на-

глухо заперлось отъ него. Всѣ его слова, всѣ поступки она готова была истолковать въ дурную сторону. Съ какимъ-то злорадствомъ она, наперекоръ ему, сильнѣе прежняго отдавалась охватившему ее вихрю, — словно дразнила мужа своею неутомимою жаждой удовольствій и успѣха. А въ дѣйствительности на тѣхъ же самыхъ вечерахъ, съ которыхъ она привозила домой напускное лихорадочное оживленіе, бѣдная Кити зачастую скучала и на сердцѣ у нея втайнѣ щемило отъ сознанія все растущаго домашняго разлада. Кити иной разъ сама не знала, что за безпокойный духъ вселился въ ней, заставляя ее искать все новыхъ развлеченій. Были въ ней и самолюбивое желаніе убѣдиться лишній разъ, что другіе лучше мужа цѣнятъ ея умъ и красоту, и неудовлетворенная потребность увлеченія, и тайная злоба противъ мужа, котораго все-таки ей такъ хотѣлось любить. Не разъ откровенное ухаживаніе Лунскаго, его грубоватыя шутки претили ея врожденной наклонности къ тонкому изяществу. Тѣмъ не менѣе, она отдавалась теченію, становилась такою-же, „какъ всѣ“, похожею на тѣхъ самыхъ женщинъ, которыхъ про себя строго осуждала.

Грушневъ и не догадывался про эти сложныя ощущенія жены. Онъ видѣлъ только, что она отходитъ отъ него все дальше, но гордость не дозволяла ему остановить ее во время. Разъ, уже подъ конецъ января, Кити собиралась на устроенное Мери Абаниной катанье на тройкахъ, въ которомъ должны были принять участіе самыя элегантныя изъ молодыхъ женщинъ ея круга —тѣ именно, которыхъ въ эту зиму причудливая мода дѣлала предметомъ особаго поклоненія: это былъ какъ разъ тотъ кружокъ молодыхъ дамъ, общество которыхъ казалось Грушневу особенно нежелательнымъ для Кити. Въ этомъ кружкѣ принята была какъ отличительная черта, допускавшаяся только между его участниками — особая свобода обращенія, какое-то полное товарищество между дамами и мужчинами. Предположено было ѣхать

большимъ обществомъ въ одинъ изъ загородныхъ ресторановъ, гдѣ должны были устроиться танцы и гдѣ за ужиномъ будутъ слушать цыганъ. Это была какъ разъ одна изъ свѣтскихъ parties de plaisir, стоящихъ на рубежѣ полнаго неприличія. Но Грушневъ только отсовѣтовалъ Кити поѣхать, не захотѣвъ положительно запретить ей это. Кити же, именно дожидавшаяся запрещенія, не послушалась простого совѣта.

— Vous avez bien tort, mon cher, — замѣтила ему Вѣра Александровна, оставшись съ нимъ вдвоемъ: — совсѣмъ не годится для Кити это общество, и вы имѣете полное право не пускать ея туда: она еще такъ молода...

— Я въ тюремщики не гожусь,—спокойно отвѣтилъ Грушневъ, — и не хочу, чтобы дома она чувствовала себя, какъ въ тюрьмѣ.

— Такъ поѣзжайте съ нею по крайней мѣрѣ сами,— настаивала теща.

— Нѣтъ, ужъ покорно благодарю... это вовсе не по мнѣ.

Вѣра Александровна повела плечами и, посмотрѣвъ съ состраданіемъ на зятя, мысленно сказала, что умываетъ себѣ руки. У нея были свои рецепты для супружеской жизни, и если Грушневу не угодно было ими пользоваться — отвѣчать за послѣдствія было уже его дѣломъ. Но какъ разъ эти рецепты, эта жалкая техника супружеской жизни, въ сущности никогда не спасшая ни одной женщины отъ паденія, Грушневу претила въ высшей степени.

Кити хоть и очень веселилась на катаньѣ, привезла оттуда ощущеніе какой-то нравственной тошноты, какое-то ноющее чувство одиночества. Лунскій все время не отставалъ отъ нея, и надо было, чтобы не показаться смѣшною и не отставать отъ прочихъ, шутливо отвѣчать на его порой дерзкія рѣчи. Ее какъ будто даже намѣренно оставляли вдвоемъ съ нимъ, какъ бы давая оффиціальное признаніе ихъ начинавшемуся сближенію. Если такая молоденькая женщина, какъ она, уже

стала показываться въ свѣтѣ безъ мужа, то въ глазахъ ея близкихъ пріятельницъ это значило, что для нея наступило время стать героиней двусмысленнаго романа. И благополучной развязкѣ этого романа всѣ старались помочь, чтобы потомъ, конечно, тѣмъ сильнѣе обрушиться на Кити съ веселымъ злословіемъ.

Прошло еще нѣсколько дней. Разъ, въ исходѣ четвертаго часа, Грушневъ ранѣе обыкновеннаго вернулся изъ министерства; на вопросъ его, дома-ли кто-нибудь изъ членовъ семьи, ему сказали, что Екатерина Николаевна часъ назадъ уѣхала вдвоемъ съ госпожей Масальской, а Вѣра Александровна отправилась дѣлать визиты. Николай Ивановичъ никогда не возвращался ранѣе обѣда въ тѣ рѣдкіе дни, когда ему случалось обѣдать дома.

— Евгенія Николаевна однѣ у себя наверху,—добавилъ швейцаръ.

Сверху доносились звуки рояля: Женя брала урокъ музыки. Павелъ Алексѣевичъ прошелъ къ себѣ въ кабинетъ и усѣлся за письменный столъ, доставъ изъ портфеля цѣлый ворохъ бумагъ. Но работа ему не давалась. Странное чувство одиночества съ болѣзненною тяжестью легло къ нему на грудь. Для него не диковинка была заставать домъ пустымъ и знать, что жена рыскаетъ гдѣ-то по городу, уносимая круговоротомъ совершенно чуждыхъ ему интересовъ и заботъ. Но сегодня, въ этотъ пасмурный январьскій день онъ ощущалъ одиночество какъ-то живѣе. Тусклый свѣтъ чуть-чуть вливался въ окна, мрачныя январьскія сумерки постепенно надвигались. Онъ бросилъ работу и сталъ ходить по обширной комнатѣ, невольно прислушиваясь къ звукамъ рояля, доходившимъ сверху, и мысль его унеслась туда, къ милой дѣвушкѣ, такой же одинокой, какъ и онъ, въ большомъ опустѣломъ домѣ.

Но вотъ музыка прекратилась. Въ передней раздались шаги, потомъ хлопнула дверь въ сѣняхъ. Учитель, должно быть, вышелъ. Мертвая тишина водвори-

лась въ домѣ. Темнота все сильнѣе обступала Грушнева, точно окутывая его со всѣхъ сторонъ, и онъ ощущалъ эту темноту не глазами только, а всѣмъ существомъ, словно она и надъ жизнью его надвигалась. И ему вдругъ болѣзненно захотѣлось увидѣть ее, любимую дѣвушку, которой онъ невольно причинилъ столько горя и которая тамъ наверху, быть можетъ, томится не меньше его. Къ чему, въ самомъ дѣлѣ, послужила рѣшимость избѣгать съ ней встрѣчаться, осуждать и себя, и ее на эту безотрадную жизнь, гдѣ у нихъ обоихъ не съ кѣмъ подѣлиться тѣмъ, что думаютъ и чувствуютъ они оба?..

Грушневъ вышелъ на лѣстницу и поднялся наверхъ. Растворивъ дверь, онъ увидѣлъ Женю, неподвижно сидѣвшую у окна съ опущенною головой, съ руками на колѣнахъ. Она вся съежилась, будто застыла, точно скованная холодомъ. Въ комнатѣ было почти темно. Услышавъ, что кто-то вошелъ, она подняла глаза на мигъ и, не сказавъ ни слова, опустила ихъ опять.

— Что съ вами, Женя?—началъ онъ тихо, почти беззвучно.—Я не привыкъ заставать васъ такъ, безъ всякаго дѣла, погруженною въ какія-то недобрыя мысли...

— Ничего, такъ... призадумалась нежножко.

Она встряхнула головкой и попробовала улыбнуться, но удивительно грустнымъ вышло у нея и то, и другое.

Грушневъ присѣлъ рядомъ съ нею, глядя на нее озабоченными глазами.

— Я совсѣмъ не узнаю васъ съ нѣкоторыхъ поръ, Женя: какою-то невеселою, молчаливою вы стали... Куда дѣвался вашъ прежній звонкій смѣхъ?

— Не знаю, должно-быть разучилась смѣяться или музыка такъ на меня дѣйствуетъ.

— Да вы ужъ не больны-ли?.. Руки у васъ совсѣмъ холодныя.

Онъ взялъ ея руку, а когда онъ выпустилъ ее изъ своей, опять эта рука безжизненно упала.

— Вы мало выходите что-то... Не годится для васъ эта жизнь взаперти, право, не годится.

Она опять встряхнула волосами, теперь уже бодро и рѣшительно поднявъ голову.

— Вы правы,—сказала она.—Не хорошо на себя эту лѣнь напускать. Я просто измѣнилась за послѣднее время. И вотъ, если бы вы не пришли теперь, я, можетъ быть, цѣлый часъ просидѣла бы здѣсь неподвижно.

Женя встала, подошла къ рояли, опустила крышку и убрала нотныя тетради.

— Видите, и этого даже не привела въ порядокъ послѣ урока,—разсмѣялась она.—А вѣдь не хорошо быть такою апатичною и неряшливою, Павелъ Алексѣевичъ, не правда-ли?

Грушневъ все озабоченнѣе вглядывался въ ея нѣжное личико, ему не нравилась притворная шутливость ея тона, въ которомъ слышалось затаенное горе.

— Я васъ только что хотѣлъ попросить сыграть мнѣ что-нибудь,—сказалъ онъ,—ну, хоть одну изъ этихъ чудныхъ Шопеновскихъ прелюдій, которыя вы играете такъ хорошо.

Лицо ея вдругъ измѣнилось, словно тѣнь на него легла.

— Нѣтъ, не могу, Павелъ Алексѣевичъ. Извините меня на этотъ разъ.—Она сказала это такъ серьезно и рѣшительно, что онъ не настаивалъ.—Давайте болтать, коли хотите,—снова принуждая себя къ веселости, добавила она и вернулась на прежнее мѣсто.

— Я не болтать сюда пришелъ, Женя, а...

Онъ не договорилъ. Какъ разъ въ эту минуту лакей вносилъ въ комнату лампу. Поставивъ ее на столъ, онъ неслышными шагами удалился и затворилъ за собою дверь. Личико Жени при свѣтѣ лампы показалось Грушневу еще блѣднѣе прежняго. Она чуть-чуть вздрогнула, когда вошелъ слуга, точно свѣтъ дѣйствовалъ на нее непріятно.

— У васъ нервы разстроены, Женя. Берегитесь, не

заболѣйте въ самомъ дѣлѣ. Не давайте себя во власть этому нехорошему унылому настроенію: вы вѣдь такая храбрая всегда...

— Что-жъ, вы посовѣтуете мнѣ выѣзжать побольше, веселиться, бывать въ театрѣ?.. Это поможетъ, да?

— Да вотъ, напримѣръ, всю эту зиму вы, кажется, ни разу на конькахъ не катались. А въ прошломъ году вы такъ это любили.

— Въ прошломъ, да... — чуть слышно промолвила она и опять замолчала.

Грушневъ почувствовалъ, какъ неестественно и натянуто было все, что говорили они оба, какъ нелѣпы эти совѣты развлечься, стряхнуть съ себя грустное настроеніе, когда онъ зналъ очень хорошо, что вызвало въ ней эту перемѣну.

— Ахъ, Женя,—далъ онъ, наконецъ, волю накопившемуся въ немъ чувству,—когда я былъ тамъ внизу одинъ въ своемъ кабинетѣ и слышалъ, какъ вы брали здѣсь урокъ, а вокругъ меня все темнѣе становилось, мнѣ, казалось, будто тьма на цѣлую мою жизнь надвигается, да и на вашу тоже... И вотъ мы оба сидимъ одиноко, въ разныхъ углахъ этого большого дома и не смѣемъ другъ передъ другомъ высказаться открыто, даже встрѣчаться избѣгаемъ. Вѣдь, что за нелѣпость, право! На что это принужденіе? Я думалъ сперва, когда вы пріѣхали изъ Крыма, что съ меня будетъ довольно знать, что вы здѣсь, вблизи отъ меня... И говоришь себѣ этотъ вздоръ вѣдь для того только, чтобы себя же обмануть... Нѣтъ, больше я не могу терпѣть молча. Пусть это нехорошо, позорно даже, а я хочу, чтобъ вы знали все...

Она сперва пугливо на него посмотрѣла, какъ будто не догадываясь, что онъ скажетъ. Потомъ лицо ея покрылось румянцемъ: она поняла. Ей хотѣлось остановить его, но языкъ не повиновался, и тайная радость, которой она сама стыдилась, прокрадывалась къ ней въ душу.

— Я вѣдь и безъ того знаю...—вполголоса произнесли ея дрожащія губы.

— Зачѣмъ же мы оба молчимъ? Зачѣмъ подвергаемъ себя этой ненужной пыткѣ? Вѣдь жизнь насъ и безъ того разлучитъ—и очень скоро, можетъ быть. Такъ на что же намъ лишать себя хоть маленькой радости быть откровенными другъ съ другомъ и дѣлиться всѣмъ, что у насъ на сердцѣ, какъ мы дѣлали это въ деревнѣ?

— Нельзя, Павелъ Алексѣевичъ, нельзя...

— Опять нельзя! Опять эти помѣхи, которыя мы сами наставили себѣ на пути. Прежде въ этомъ домѣ все слышно было словечко „надо“, а теперь другое, такое же „нельзя“. Вы не догадываетесь, Женя, что выстрадалъ я за эту зиму?

— А мнѣ, вы думаете, легко?

Онъ схватилъ себя за голову, услышавъ это.

— Да, да, вы правы: я мерзкій, отвратительный эгоистъ; я пришелъ мучить васъ, когда по настоящему я долженъ бы нести самъ заслуженное наказаніе за то, что я испортилъ вашу жизнь. Я во всемъ виноватъ! Знаю, знаю...

Но въ глазахъ ея онъ не прочелъ укора себѣ,—напротивъ, въ нихъ было такое мягкое, почти радостное участіе, что бремя его вины показалось ему легкимъ.

— Женя... милая... ангелъ мой... простите меня, простите,—страстно лепетали его губы, и почти безсознательно онъ сталъ покрывать горячими поцѣлуями ея похолодѣвшія руки.

Дверь въ сосѣднюю комнату была открыта. Эта комната была кабинетомъ Николая Ивановича, и уже нѣсколько минутъ Усольцевъ стоялъ въ дверяхъ незамѣченный ими. Они не разслышали его шаговъ по ковру кабинета. Николай Ивановичъ теперь зналъ все, чего онъ добивался такъ долго.

— А! Ты здѣсь, Грушневъ,—сказалъ онъ, входя.—То-то я былъ у васъ внизу и не засталъ. А у меня есть до тебя дѣло.

Николай Ивановичъ сдѣлалъ видъ, что ничего не замѣтилъ. Онъ даже постарался разсѣять замѣшательство зятя, и, уведя его съ собою въ кабинетъ, непринужденно заговорилъ съ нимъ о своемъ дѣлѣ. Все оказалось совершенно пустяками: Усольцеву нужна была какая-то справка по министерству, гдѣ служилъ зять.

Грушневъ не обманулся, конечно, насчетъ того, что тайна его стала извѣстною, а Николай Ивановичъ, когда остался одинъ, крѣпко призадумался. „Долго же онъ морочилъ меня,—говорилъ онъ себѣ,—чуялъ мой носъ, что тутъ не ладно, да все не успѣвалъ я уличить этого молодчика“... Усольцевъ продолжалъ считать зятя лицемѣромъ. „Ну, а теперь одинъ исходъ, — закончилъ онъ свои размышленія:—надо послать за Ахтубинымъ и урезонить Женю“...

XXX.

Ахтубина вызывать не пришлось. Три дня спустя онъ самъ пріѣхалъ изъ Москвы: слишкомъ ужъ его разбирало нетерпѣніе узнать о своей участи, и первымъ его дѣломъ, разумѣется, было явиться къ Усольцевымъ. Вѣра Александровна, а въ особенности ея мужъ встрѣтили его радушно, совсѣмъ по-родственному. Случайно вернувшись домой раньше обыкновеннаго и услыхавъ отъ швейцара, что Ахтубинъ у жены, Николай Ивановичъ немедленно пошелъ туда и сердечно расцѣловался съ молодымъ человѣкомъ.

— Надолго къ намъ, надѣюсь?—спросилъ онъ.—Вы, кажется, въ первый разъ въ Петербургѣ?..

Петербургъ и его достопримѣчательности совсѣмъ не интересовали Ахтубина и, немного робѣя, онъ поспѣшилъ освѣдомиться о Женѣ.

— Она сейчасъ придетъ. Я велѣла сказать ей, что вы здѣсь,—отвѣтила за мужа Вѣра Александровна.

Но Женя долго не показывалась, и на лицѣ моло-

дого человѣка выражалась уже боязнь не увидать ея вовсе. Наконецъ, она вошла спокойною, ровною поступью и привѣтливо, почти съ улыбкою на губахъ протянула Ахтубину руку. Онъ не догадался, сколько усилій надъ собою ей стоила эта улыбка, какъ дорого она дала бы, чтобы совсѣмъ избѣгнуть встрѣчи съ молодымъ человѣкомъ. Она знала напередъ, чего потребуетъ отъ нея отецъ, и отвѣтить, какъ онъ захотѣлъ бы, она рѣшиться не могла. Все-таки ей было тяжело огорчить своимъ отказомъ этого честнаго, хорошаго человѣка. Ей было жаль его, какъ разъ потому, что сама она познала горе безнадежной любви.

Послѣ своего объясненія съ Грушневымъ Женя чувствовала себя еще несчастнѣе прежняго. Упреки совѣсти теперь присоединились къ тому, что̀ выстрадала она за послѣдніе мѣсяцы. Не разъ она говорила себѣ, что ей надо принести покаяніе за свою недозволенную любовь, не разъ она готова была добровольно принести себя въ жертву; но сдѣлать это она не была въ силахъ, и жажду искупленія смѣняла въ ея сердцѣ новая волна бурнаго чувства. И вотъ теперь рѣшительная минута настала. А непокорная воля все еще не была побѣждена, и она не знала даже, что ей сказать Ахтубину.

Молодой человѣкъ пришелъ къ ней на помощь. Ни словомъ онъ ей не напомнилъ про то, что было въ Крыму—про данное ею полуобѣщаніе. Отвѣта онъ и не думалъ требовать. Одно только ясно читалось на его лицѣ—полная, безграничная преданность, забота не о себѣ, даже не о своемъ чувствѣ, а только о ней самой. Это была вполнѣ безкорыстная любовь, непритязательная и терпѣливая. Женя, сперва испугавшаяся-было его пріѣзда, мало-по-малу развернулась въ его присутствіи, и опять они заговорили другъ съ другомъ попрежнему, какъ хорошіе друзья. И Николаю Ивановичу, къ великой его радости, пришлось въ этотъ день опять услыхать давно умолкнувшій было ея серебристый смѣхъ.

Для него, однако, этого было недостаточно. Едва

уѣхалъ Ахтубинъ, онъ позвалъ Женю къ себѣ въ кабинетъ и приступилъ къ объясненію, которое все откладывалъ съ того самаго дня, когда ему довелось невольно подслушать разговоръ Грушнева съ Женей. Онъ ужъ зналъ напередъ, что причинитъ ей страданіе и ему было невыразимо больно за нее. Все-таки, какъ разъ поэтому, можетъ быть, онъ заговорилъ съ нею сурово, почти рѣзко.

— Женя, ты у меня всегда была молодцомъ,—началъ онъ,—докажи это и теперь и обѣщай мнѣ выйти за Ахтубина. Онъ для этого вѣдь только и пріѣхалъ.

Она молчала, не глядя на отца, вся блѣдная и словно застывшая.

— Прежде я только совѣтовалъ тебѣ,—продолжалъ онъ,—а теперь я этого ожидаю отъ твоего благоразумія, даже я этого требую.

— Требуете? Даже послѣ того, что я вамъ сказала тогда въ Корензѣ,—помните?

— Помню. Но ты очень хорошо знаешь, что говорила тогда неправду. Не потому только вѣдь ты не согласилась, что Ахтубина ты не любила...

Онъ тщетно дожидался отвѣта; Женя промолчала опять. Губы у нея были стиснуты, глаза сухо блестѣли; грудь замѣтно колыхалась.

— Да, ты говорила неправду, Женя,—строгимъ голосомъ повторилъ Усольцевъ,—теперь я это знаю. Опомнись, Женя. Развѣ ты не видишь, что ждетъ тебя впереди? Ты любишь мужа своей сестры! Я не стану говорить тебѣ, что это грѣхъ: я не попъ и не святоша. Это не грѣхъ, а несчастіе. Опомнись, пока еще не поздно. Кити, славу Богу, еще ничего не знаетъ, но каждую минуту она можетъ догадаться. И что-жъ тогда? Горе и стыдъ для всѣхъ насъ! Ты умнѣе и тверже сестры, но какъ разъ оттого ты и должна принести себя въ жертву. Повѣрь, не легко мнѣ это говорить: ты вѣдь всегда была моею любимицей. Но я долженъ спасти тебя, пока еще не ушло время. Это вѣдь единственный исходъ—пойми это, Женя.

— Но вѣдь я не люблю его, папа... не могу его полюбить... И что же я буду ему за жена, коли въ моемъ согласіи будетъ обманъ!..

Слезы брызнули изъ ея глазъ; вся безпомощная, она опустилась на стулъ. Увидавъ эти слезы, Николай Ивановичъ разомъ смягчился.

— Душа моя, — повторилъ онъ, наклоняясь къ ней и гладя ея волосы рукой, — я знаю, тяжело это, очень тяжело. Но что же дѣлать, коли иного средства нѣтъ?.. Неужели ты сама не хочешь и себя, и сестру, и всѣхъ насъ избавить отъ непоправимаго горя? Вѣдь тебѣ надо во что бы то ни стало и на всегда уйти отъ этого наважденія, отъ этой невозможной любви, — а это будетъ тогда только, когда между вами встанетъ неодолимое препятствіе. Ты говоришь, что не можешь полюбить Ахтубина. Почему ты знаешь? Онъ, кажется, хорошій человѣкъ. И развѣ Богъ, которому ты молишься такъ горячо, развѣ Онъ не поможетъ тебѣ? Ты говорила не разъ, что охотно взяла бы на себя любой крестъ, посланный Богомъ, — такъ вотъ онъ предъ тобою, этотъ крестъ. Бери его въ руки и смирись.

Слезы текли у нея уже не такъ бурно и съ мягкою, недоумѣвающею покорностью въ глазахъ она смотрѣла теперь на отца.

— Ты, можетъ быть, находишь,—продолжалъ онъ,— что я не имѣю права такъ говорить и призывать тебя къ этой суровой жертвѣ? Я вѣдь былъ нехорошимъ отцомъ и нехорошимъ мужемъ. Я долга своего не исполнялъ—я это знаю, но какъ разъ поэтому я знаю тоже и цѣну честно прожитой жизни.

Долго еще говорилъ Николай Ивановичъ; все нѣжнѣе становился его голосъ, все чаще прерывалъ онъ себя, чтобы приласкать тихо плакавшую Женю. Мало-по-малу она успокоилась: не такъ ужъ страшною ей казалась жертва, какую ожидалъ отъ нея отецъ.

— Я постараюсь, папа,—чуть слышно повторяла она. —Можетъ быть я и сдѣлаю, какъ вы хотите... только

чтобъ это не было сейчасъ... Дайте мнѣ время все обдумать и приготовиться къ этому, а пока... всего лучше было бы уѣхать опять къ бабушкѣ въ Крымъ...

— Хорошо, мой дружокъ, хорошо,— отвѣтилъ Усольцевъ,—я тебя не тороплю. И въ самомъ дѣлѣ, такъ будетъ всего лучше.

На слѣдующій день Ахтубинъ обѣдалъ у Усольцевыхъ. Другихъ приглашенныхъ не было. Даже Кити не присутствовала на обѣдѣ. Вскорѣ послѣ того, какъ вышли изъ-за стола, Вѣра Александровна устроила такъ, чтобы молодые люди остались вдвоемъ. Но Ахтубинъ не воспользовался этимъ, чтобы возобновить свое предложеніе: даже намекомъ онъ не напомнилъ ей про обѣщаніе дать рѣшительный отвѣтъ. Торопить ее онъ не хотѣлъ. Онъ былъ ей благодаренъ, что она не лишала его надежды.

Женя тоже благодарила его мысленно. Длинный разговоръ ихъ вышелъ совсѣмъ непринужденнымъ, точно это былъ простой дружескій разговоръ, ничуть не касавшійся ея будущей судьбы, и когда они разстались, доброе чувство къ этому хорошему, не притязательному человѣку въ ней было сильнѣе прежняго, а у него была тихая радость на сердцѣ.

— Что-жъ, у васъ, кажется, все рѣшено?—спросила Вѣра Александровна у дочери.

Женя покачала головой. Но внутреннее сознаніе ей все-таки подсказывало, что она почти уже связала себя, что нѣмое обѣщаніе все время подразумѣвалось въ ихъ длинной бесѣдѣ.

Когда на слѣдующее утро Женя проснулась, все случившееся вчера предстало передъ нею въ совершенно иномъ свѣтѣ. Она почти уже лишила себя права располагать собою, и ужасъ охватилъ ее при этой мысли.

Наканунѣ, послѣ объясненія съ отцомъ, она готова была бодро идти навстрѣчу предстоявшей ей жертвѣ; она принимала ее на себя добровольно съ тѣмъ упоеніемъ, съ какимъ первые христіане шли на мученичe-

скую смерть. А теперь ропотъ молодой любви опять заговорилъ въ ней, жажда запрещеннаго счастья въ ней проснулась. Она долго и страстно молилась, въ надеждѣ отогнать это ощущеніе, но молитва не давалась ей. Вмѣсто знакомыхъ словъ вѣрующаго смиренія, иныя, непокорныя слова складывались у нея на сердцѣ. Когда отецъ зашелъ къ ней въ комнату и спросилъ: „Ну, что, Женя, рѣшилась?“ — у нея не хватило твердости отвѣтить прямо.

— Дайте мнѣ еще обдумать, папа, — сказала она, стараясь скорѣе отдѣлаться отъ его разспросовъ.

Это была первая ложь въ ея жизни. Никогда еще она не чувствовала себя такою дурною и неискреннею. Но сказать отцу правду, сказать, что ничего она не рѣшитъ, не повидавшись еще разъ съ Грушневымъ, Женя не могла.

Между тѣмъ, весь этотъ день она лихорадочно поджидала минуты, когда ей можно будетъ свидѣться съ Павломъ Алексѣевичемъ. Но, какъ на зло, все утро ей нельзя было сойти внизъ незамѣченною. Николай Ивановичъ долго не уходилъ изъ дома, точно онъ сторожилъ ее. Потомъ одинъ за другимъ пришли два учителя и ей нельзя было найти предлога, чтобы не брать урока. Потомъ, когда она осталась, наконецъ, одна, Павла Алексѣевича не было. Часы тянулись мучительно, а въ сердцѣ дѣвушки все сильнѣе поднималась бурная волна непокорства.

Что же дѣлалъ, что чувствовалъ все это время Грушневъ? Послѣдніе дни были для него едва-ли не самыми тяжелыми въ его жизни. Онъ зналъ, что его тайна извѣстна отцу Жени и что наступилъ, стало быть, конецъ его безумнымъ мечтамъ. Онъ не обманывался на счетъ притворнаго спокойствія, съ какимъ встрѣтилъ его тесть, когда засталъ его съ Женей вдвоемъ. Что Николай Ивановичъ сумѣетъ отнять у него самую возможность видѣть любимую дѣвушку—въ этомъ Грушневъ не сомнѣвался. А между тѣмъ его чувство къ Женѣ хлынуло

у него теперь изъ сердца, какъ струя горячаго ключа. И не одно только желаніе встрѣчаться съ Женей, поддерживать съ нею прежнее духовное общеніе говорило въ немъ теперь,—его загорѣвшаяся кровь требовала большаго: полнаго обладанія любимою дѣвушкой жаждала она, и у него уже создавался цѣлый планъ бѣгства за границу вдвоемъ съ нею. А что будетъ затѣмъ, какъ сложится потомъ ихъ жизнь—надъ этимъ онъ и не задумывался. Онъ зналъ одно только, что для него это будетъ жизнь полнаго, безграничнаго наслажденія. Хотя совѣсть громко ему говорила, что нечестное дѣло онъ задумалъ, Грушневъ упорно не хотѣлъ слушать ее. Пророчество графини Надежды Сергѣевны исполнялось: его уравновѣшенная натура сорвалась, наконецъ, съ цѣпи и, потерявъ устои, готова была опрометью, безъ оглядки ринуться впередъ, не боясь уже ни вины, ни позора.

Окружающіе будто перестали существовать для него. Съ женою онъ былъ разсѣянъ и неразговорчивъ, даже не замѣчая признаковъ совершавшагося въ ней перелома. Даже то обстоятельство, что Кити и Вѣра Александровна то и дѣло шушукались между собою, таинственно обмѣниваясь какими-то важными соображеніями,—даже и это не возбудило его вниманія. Въ душѣ у Кити переломъ дѣйствительно начинался, но Грушневъ весь былъ въ области одной неугомонной мысли и когда узналъ о пріѣздѣ Ахтубина, то сказалъ себѣ, что медлить уже нельзя, и всѣ приготовленія къ скорому отъѣзду были сдѣланы. Лихорадочная поспѣшность этихъ приготовленій не давала ему одуматься. Всѣ его помыслы, всѣ усилія теперь были устремлены къ одной цѣли, заслонявшей отъ него все остальное—и завѣты его прошлаго, и преданность родинѣ, и обязанности предъ семьей.

И вотъ онъ близокъ теперь къ достиженію этой цѣли. Не безъ труда онъ выхлопоталъ себѣ заграничный отпускъ, вызывая недоумѣніе начальства своимъ необъ-

яснимымъ желаніемъ уѣхать зимою и не обращая вниманія на прозрачные намеки, что этимъ онъ можетъ испортить дальнѣйшіе виды на карьеру. Никогда еще Грушневу не случалось такъ много лгать, какъ за два послѣдніе дня. Но и ложь уже не вызывала въ немъ смущенія. Получивъ отпускъ, онъ въ нѣсколько часовъ досталъ заграничный паспортъ и взялъ у банкира золото и переводы на Лондонъ. Онъ вернулся домой послѣ долгихъ, торопливыхъ скитаній по городу, вернулся съ тѣмъ, чтобы переговорить съ Женей и убѣдить ее въ необходимости отъѣзда. Колебаній онъ не испытывалъ никакихъ: иного исхода для нихъ обоихъ вѣдь не было. Ей предстояло выйти за нелюбимаго человѣка, ему не оставалось даже возможности примириться съ женой и обезпечить себѣ мирную, хоть и безцвѣтную, семейную жизнь. Впрочемъ, онъ и не подыскивалъ доводовъ, чтобъ извинить предъ собою принятое рѣшеніе. Одна страсть, неудержимая и слѣпая, говорила въ немъ и, не оглядываясь, онъ шелъ, куда она вела его.

Онъ уже хотѣлъ идти наверхъ къ Женѣ, какъ легкій стукъ послышался въ дверяхъ. Онъ вздрогнулъ, не догадавшись, что это была Женя. Радостное восклицаніе вырвалось у него, когда онъ увидѣлъ ее. Она сперва, какъ будто боялась войти. Нѣжно взявъ ее за руки онъ ввелъ ее въ кабинетъ, запирая за нею дверь.

— Не пугайтесь, Женя,—сказалъ онъ,—некому насъ стеречь: дома никого нѣтъ.

Но теперь уже никакого страха не было на ея лицѣ. Въ глазахъ у нея блестѣла рѣшимость. Она не смутилась даже оттого, что онъ такъ прямо намекалъ на необходимость остерегаться домашнихъ.

— Ну, что? Скажите, что было за эти дни? Я васъ такъ давно вѣдь не видѣлъ.

— Я пришла сказать вамъ, — отвѣтила она прямо, не колеблясь,—что сегодня же мнѣ приходится дать рѣшительный отвѣтъ Ахтубину.

— И вы не рѣшили еще,—бурно воскликнулъ онъ,—

каковъ будетъ этотъ отвѣтъ! Такъ я рѣшу за васъ, Женя: я васъ не отпущу—знайте это! Я... я тебя не отдамъ никому, дорогая моя...

Онъ стремительно привлекъ ее къ себѣ, обнимая ее обѣими руками. Женя не противилась. Только въ отвѣтъ на страстное пламя его взгляда что-то недоумѣвающее, какое-то робкое сомнѣніе было въ ея потемнѣвшихъ глазахъ. Онъ осыпалъ ее, всю неподвижную и трепещущую, бурными ласками, точно ему долгій голодъ надо было поспѣшно утолить. Она не испугалась этого взрыва страсти, вдругъ точно обжегшей ее своимъ горячимъ дыханіемъ. Она лишь покорно и стыдливо прятала къ нему голову на грудь, какъ бы ища у него защиты отъ него самого. Но стремительная радость, такъ и горѣвшая въ его поцѣлуяхъ, не находила себѣ отклика въ ея сердцѣ.

— Никому, никому я не отдамъ тебя, Женя... — повторялъ онъ нѣсколько разъ, отрывая свои губы отъ ея пылавшаго лица.—Ты будешь моею... моею навсегда...

Она не возражала. Вѣдь она пришла сюда, чтобы Грушневъ за нее рѣшилъ ея судьбу. Она вѣдь напередъ знала, каково будетъ его рѣшеніе. Ей оставалось только покориться.

— Ну, Женя, теперь послушай, — усаживая ее въ кресло и становясь передъ нею на колѣна, продолжалъ онъ,—слушай, дорогая моя... Здѣсь, ты понимаешь, мы оставаться не можемъ. Вѣчно лгать, прятаться отъ всѣхъ—это было бы ужасно. Я все это обдумалъ за эти мучительные дни, когда я не видалъ тебя и зналъ только то, что отецъ и мать приневоливаютъ тебя выйти за этого человѣка. Намъ одно осталось — уѣхать, уѣхать вдвоемъ, завтра же.

— Уѣхать?—спросила она, и легкая дрожь вдругъ пробѣжала по всему ея тѣлу.—Куда же?

— За границу, конечно. Здѣсь мы жить уже не можемъ, ты это понимаешь сама. Все прежнее для насъ кончено. Новый воздухъ, новые люди намъ нужны...

Недоумѣніе въ ней все болѣе росло. Она только теперь видѣла ясно, къ чему вела эта очаровавшая ее сладкая, хоть и роковая любовь.

— Ты говоришь: новый воздухъ, новые люди...— твердила она.—Да что же насъ ждетъ тамъ, среди этихъ новыхъ людей? Это значитъ оторваться отъ родины, отъ всего, что намъ дорого...

— Любовь вѣдь насъ ждетъ тамъ и счастье... счастье, которому и конца не будетъ...

— Какъ? — продолжала она будто недоконченную мысль:—ты навсегда оставишь родную страну и все, что тебя такъ интересовало, и всѣ твои виды на будущее? И въ замѣнъ всего этого у тебя останусь только я? И ты не будешь раскаиваться?

— Да что же это все значитъ въ сравненіи съ нашей любовью!—воскликнулъ онъ.—Нѣтъ, Женя, нѣтъ... поздно раздумывать... мы не можемъ вѣдь жить другъ безъ друга... Ни передъ чѣмъ я не остановлюсь, ничего не пожалѣю. Такъ знай же это — и онъ обнялъ ее, опять прильнувъ къ ея губамъ — завтра мы ѣдемъ. У меня ужъ и паспортъ есть, въ которомъ ты записана какъ моя жена.

— Какъ? И тутъ ложь? и тутъ обманъ?

Глаза ея широко раскрылись, точно изъ этого близкаго загадочнаго будущаго подползли къ ней какія-то невѣдомыя, ужасающія тѣни.

Грушневъ ничего не успѣлъ возразить. Въ сѣняхъ раздался громкій звонокъ, и мигъ спустя явственно дошли до него изъ передней слова Кити: „Что, Павелъ Алексѣевичъ дома?“

Грушневъ вскочилъ на ноги, а Женя, вырвавшись изъ его объятій, бросилась къ дверямъ.

Не прошло и минуты, какъ въ противоположныхъ дверяхъ показалась Кити, вся радостная и сіяющая.

— Я пришла тебѣ новость сообщить,—сказала она,— важную, счастливую новость..—Ты догадываешься, конечно.

XXXI.

Въ это самое утро совершилось великое событіе въ жизни Кити. Приглашенная къ ней медицинская знаменитость признала ее беременною. Давно уже Кити догадывалась про это, но не рѣшалась сообщить мужу, такъ какъ не разъ уже ее обманывали надежды. Наконецъ, она узнала навѣрно, что въ ея жизни предстоитъ великій поворотъ. Тихая и въ то же время торжественная радость охватила ее. Кити чувствовала, что съ этой минуты вступаетъ на новый, какъ бы священный путь и всю ее проникало сознаніе высоты предстоявшихъ ей новыхъ обязанностей. Проснувшееся въ ней за послѣднее время недовольство собою и своею праздною жизнью сказалось въ ней громко и отчетливо. Она стыдилась теперь всего, что было съ нею за послѣднія недѣли—всей этой шумной, нехорошей суеты, и стыдилась тѣмъ сильнѣе, что какъ разъ еще вчера, вчера...

При воспоминаніи о томъ, что было наканунѣ, ужасъ и негодованіе охватывали ее всю, и въ то же время ощущеніе глубокой вины передъ мужемъ вызывало горячую краску на ея лицѣ. Да, она была виновата и передъ мужемъ и передъ собою. Все что ни дѣлала и ни говорила она за послѣднее время, должно вѣдь было неминуемо привести къ этому послѣднему отвратительному случаю, одна память о которомъ вызывала дрожь во всемъ ея тѣлѣ. Своею легкомысленною неосторожностью она вѣдь дала этому Лунскому право вообразить, что она одна изъ тѣхъ женщинъ, отъ которыхъ можно добиться успѣха. И самое это слово „успѣхъ“, въ томъ особомъ смыслѣ, какой придаютъ ему мужчины, казалось ей отвратительнымъ. Какъ не остановила она Лунскаго во-время?.. Какъ не предостерегли ее двусмысленные намеки пріятельницъ?.. Она, Кити Грушнева, преданная мужу всею душой, дошла до того, что вчера

этотъ человѣкъ посмѣлъ, оставшись съ нею вдвоемъ, открыто признаться въ своихъ надеждахъ и, не обращая вниманія на ея негодующій отвѣтъ, обвилъ ея станъ обѣими руками и привлекъ ее къ себѣ.

Это было вчера въ ея домѣ. Она съ непростительнымъ легкомысліемъ, получивъ отъ Лунскаго записку, въ которой онъ жаловался, что уже два раза не заставалъ ея, отвѣтила, что будетъ ждать его у себя въ половинѣ четвертаго. И, когда онъ засталъ ее одну въ слабо освѣщенной гостиной, онъ вообразилъ, конечно, что былъ отданъ приказъ не принимать никого другаго и что, стало быть, онъ можетъ позволить себѣ все. Когда она почувствовала на своихъ губахъ его горячій поцѣлуй и его наглые глаза такъ и впились въ ея лицо, въ ней поднялось отвращеніе не къ нему только, но и къ той недозволенной, позорной любви, какую сулилъ ей этотъ человѣкъ и которую иныя женщины могутъ называть счастьемъ.

Невѣроятныхъ усилій ей стоило вырваться изъ его крѣпкихъ объятій. Вся трепещущая, грозная въ своемъ испугѣ, она указала ему на дверь. Но сразу онъ ей не повиновался: его грубый смѣхъ, не довѣрявшій искренности ея гнѣва, все еще звучалъ въ ушахъ Кити. Когда онъ, наконецъ, вышелъ, услыхавъ отъ нея такую отповѣдь, какую едва-ли онъ когда-либо получилъ отъ другой женщины, она упала на кресло въ полномъ изнеможеніи. Такого страшнаго напряженія воли, такого ужаса она не испытывала никогда и торжественно дала себѣ слово, что это будетъ ея первою и послѣднею ошибкой. Кити не старалась извинить себя въ собственныхъ глазахъ, и выказанная твердость не скрадывала отъ ея совѣсти вину передъ мужемъ. Если она и не измѣнила ему прямо, то была уже измѣна въ ея легкомысленномъ обращеніи съ этимъ человѣкомъ, какъ бы вызывавшемъ его на большую смѣлость. Теперь, когда заря святого материнскаго чувства обновляла ее всю новымъ радостнымъ свѣтомъ, она шла къ мужу

повѣдать ему о своемъ счастьи и повиниться ему въ своемъ непростительномъ поведеніи. Въ первую минуту она хотѣла даже все разсказать ему, но это было, очевидно, невозможно: это вѣдь значило вызвать неизбѣжное столкновеніе между нимъ и Лунскимъ и, быть можетъ, навсегда отравить ихъ совмѣстную жизнь.

Кити со стыдливымъ румянцемъ на щекахъ повѣдала мужу объ ожидавшемъ ихъ счастьѣ. Грушневъ слушалъ ее молча: онъ сразу не былъ въ состояніи перейти къ праздничному настроенію, какимъ была исполнена Кити—до того рѣзокъ былъ переходъ къ этому неожиданному извѣстію отъ всего того, что минуту передъ тѣмъ происходило между нимъ и Женей.

— Ты какъ будто не радъ, Павликъ?...—настаивала Кити огорченная его молчаніемъ.

Онъ словно опомнился. Невольно онъ провелъ рукой по лбу, точно заставляя себя понять всю важность того, что говорила жена.

— И на этотъ разъ это совершенная правда? Ты вполнѣ увѣрена, Кити?...—могъ онъ только проговорить, растерянно глядя на жену.

Лишь когда она еще разъ подтвердила это извѣстіе, оно нашло отголосокъ и въ его сердцѣ, Грушневъ обнялъ жену, цѣлуя ее въ лобъ и въ то же время говоря себѣ, что онъ совершаетъ какъ бы святотатство: онъ чувствовалъ еще на губахъ поцѣлуи ея сестры. А между тѣмъ въ сердце его прокрадывалось сознаніе, что тому, другому, за нѣсколько минутъ еще пламенно желанному счастью наступилъ конецъ, что для него уже не можетъ быть и рѣчи о бѣгствѣ съ любимою дѣвушкой и что вся его жизнь отнынѣ принадлежитъ болѣе высокому и чистому счастью—счастью быть отцомъ. Нужды нѣтъ, что это счастье незваннымъ гостемъ являлось въ его жизни, отрывая его отъ опьяняющихъ наслажденій, до которыхъ, казалось, было уже рукой подать. Онъ скоро будетъ отцомъ, и отъ этого новаго долга, отъ обязанности возрастить и воспитать своего ребенка

онъ не имѣетъ права отказаться... Не даромъ вѣдь такъ часто онъ взывалъ къ этому, теперь осуществившемуся, исходу, въ надеждѣ заново скрѣпить ослабѣвшій было союзъ съ женой. Теперь его молитва услышана; и въ собственныхъ глазахъ и въ глазахъ любимой дѣвушки онъ тоже былъ бы достоинъ презрѣнія, еслибъ отвернулся отъ своихъ новыхъ обязанностей...

— Я не догадывалась прежде, что это за счастье, Павликъ, что за великая, чистая радость!.. И я чувствую себя недостойною такого счастья... Мнѣ хотѣлось бы стать совсѣмъ иною, чѣмъ была я до сихъ поръ—смыть съ себя все это прежнее, нехорошее, суетливое... И знаешь что? На первой недѣлѣ поста я говѣть собираюсь, и ты меня очень обрадовалъ бы, если бы говѣлъ вмѣстѣ со мною.

— Конечно... конечно... — поспѣшилъ онъ отвѣтить, еще разъ цѣлуя жену и вспоминая, какъ далекъ онъ былъ отъ этой мысли всего за какую-нибудь четверть часа. Поистинѣ, странныя шутки творитъ съ нами жизнь,—подумалъ онъ,—перебрасывая насъ съ одного берега на другой, какъ ничтожную былинку". Куда дѣвались его недавніе, такъ горячо имъ взлелѣянные планы?.. Судьбѣ пришлось однимъ неожиданнымъ ударомъ, какъ дѣлаетъ она это такъ часто, разрушить эти планы. Простой вѣсти о приближавшемся, давно желанномъ событіи, надежды черезъ нѣсколько мѣсяцевъ увидать маленькое существо въ колыбели хватило на то, чтобы перевернуть вверхъ дномъ всѣ его виды на будущее. Грушневъ смирился. Задуманный имъ тяжкій грѣхъ противъ семьи приходилось искупить добровольнымъ отреченіемъ. И какъ разъ оттого, что Кити оставалась въ такомъ полномъ невѣдѣніи его замысла, что она такъ довѣрчиво говорила съ нимъ о будущемъ, онъ еще сильнѣе чувствовалъ свою виновность.

— Да, Кити,—сказалъ онъ,—намъ обоимъ обновиться надо: намъ святое дѣло предстоитъ, и мы должны къ нему подготовиться.

— Ахъ, Павликъ, тебѣ это не трудно,—было ея отвѣтомъ:—ты всегда занятъ былъ однѣми серьезными мыслями... А я вотъ иное дѣло: я стыжусь себя, Павликъ, особенно за эти послѣдніе мѣсяцы. Я виновата предъ тобою во многомъ: я была нетерпѣлива, легкомысленна, иногда неискренна съ тобой; я отдавала все свое время пустякамъ... Я сознаю все это теперь, точно у меня глаза вдругъ открылись. Но я хочу, искренно и твердо, хочу исправиться, и ты мнѣ помоги въ этомъ, Павликъ: ты вѣдь сумѣешь...

Говоря это, она обвила шею мужа своими красивыми бѣлыми руками и, склонивъ къ нему голову на грудь, заплакала тихими слезами. Грушневу показалось, что эти руки, точно цѣпи, навсегда уже приковываютъ его къ семейному очагу, отъ котораго онъ хотѣлъ было оторваться. Но онъ не возмущался противъ мягкой власти этихъ цѣпей, такъ нѣжно возвращавшихъ его къ покинутому долгу: что-то покорное и безпомощное было во всемъ существѣ Кити, льнувшей къ нему, точно она защиты у него искала. Въ сердцѣ Грушнева словно растаяло что-то—какая-то сковавшая, было, его ледяная кора.

Цѣлый часъ они пробесѣдовали вдвоемъ, оба чувствуя, какъ виноваты они другъ передъ другомъ. Хотя полной, настоящей своей вины ни одинъ изъ нихъ исповѣдать не могъ, но они разстались примиренными. Кити вышла изъ кабинета мужа съ легкимъ, праздничнымъ чувствомъ на душѣ, и ей казалось, что вина ея стерта и прощена Тѣмъ, Кто имѣетъ право забывать и прощать; а Грушневъ, если въ немъ и не было праздничнаго настроенія и голова его тяжело поникла на грудь, когда онъ остался одинъ, — все-таки говорилъ себѣ, что его постигла заслуженная участь и что однимъ только отреченіемъ онъ можетъ искупить свою грѣшную любовь. Но къ отреченію не онъ одинъ вѣдь принужденъ: она, ни въ чемъ неповинная дорогая дѣвушка, тоже должна будетъ покорно нести свою одинокую долю.

Но въ чемъ же виновата она? И не вдвойнѣ-ли тяжкая отвѣтственность падаетъ на него за то, что онъ не сумѣлъ подавить въ себѣ недозволенную любовь и разрушилъ, быть можетъ, навсегда покой ея жизни?..

Эта мысль всего болѣе мучила Павла Алексѣевича и онъ долго боролся съ нею, не рѣшаясь на то, что предстояло ему теперь сдѣлать. Ему надо вѣдь было, не теряя времени, пойти къ Женѣ, сказать ей все, что случилось, и повиниться, что онъ съ легкомысліемъ юноши хотѣлъ увлечь ее на скользкій путь, даже не зная, что путь этотъ закрытъ для него самого. Да, ему предстояла еще эта тяжелая обязанность, и медлить было нельзя. Она, можетъ быть, тамъ, наединѣ съ собой, борется съ упреками нетронутой совѣсти, готовая пожертвовать всѣмъ, даже чистотою своего сердца, для его любви. Павелъ Алексѣевичъ овладѣлъ собой и заставилъ себя исполнить этотъ тяжкій долгъ. Онъ поднялся на верхъ, прошелъ столовую, потомъ гостиную Вѣры Александровны. Тамъ не было никого. Онъ повернулъ въ корридоръ и слабо постучалъ въ двери,— это были двери въ комнату Жени, куда онъ до сихъ поръ не заходилъ никогда. Никто не отозвался оттуда. Тогда онъ тихо вошелъ и увидѣлъ дѣвушку на колѣняхъ предъ кіотомъ съ образами. Вся погрузившаяся въ молитву, она не разслышала, какъ онъ постучался. Но теперь она повернула къ нему блѣдное лицо съ широко раскрывшимися глазами, и поднялась на ноги. На чертахъ ея было какое-то странное, несвойственное ей выраженіе, что-то до того чуждое земныхъ радостей или горя, что Грушневъ испугался.

— Женя!—проговорилъ онъ, запирая за собою дверь: — на тебѣ лица нѣтъ!

— Я молилась и, кажется, была услышана.

— Да развѣ молитва накладываетъ печать такого... нѣтъ, даже не горя—это хуже, чѣмъ горе: это—отреченіе отъ самой жизни!

— Да, это правда...—чуть слышно сказала она: —я

и хотѣла отречься... Одну минуту я въ монастырь собиралась.

— Женя!—воскликнулъ онъ въ ужасѣ.

— Не пугайся, — покачала она головой: — въ монастырь я не пойду; въ монахини я не гожусь. Я только рѣшилась исполнить желаніе отца...

Грушневъ пришелъ къ ней, чтобы сказать, что имъ обоимъ надо отречься другъ отъ друга. Но теперь, когда онъ услыхалъ изъ ея же устъ, что она уже рѣшилась на такое отреченіе, черты его исказились и руки затряслись, какъ въ лихорадкѣ.

— Не удивляйся этому,—продолжала она мягко, и въ голосѣ ея не было ни горечи, ни даже сожалѣнія,— и не сердись на меня за то, что я передумала: такъ вѣдь лучше, лучше для всѣхъ насъ... И ты это поймешь тоже...

Она подошла къ нему совсѣмъ близко: какая-то невыразимая ласка была на ея глазахъ—только не о земной любви говорила уже эта ласка.

— Я вѣдь тогда уже, внизу у тебя, смутно чувствовала, что не бывать тому, чего ты хотѣлъ. Можетъ быть, это было бы и счастье, но для меня нѣтъ счастья тамъ, гдѣ есть обманъ. За тѣмъ я и молилась, чтобы мнѣ дано было это понять и рѣшиться. И видишь: я спокойна. Не старайся переубѣждать меня,—теперь никому уже меня не переубѣдить.

— Ахъ, Женя,—было его горестнымъ отвѣтомъ,—и я спокоенъ тоже... только это спокойствіе могилы. Вѣдь и я шелъ сюда, чтобы сказать тебѣ, что я тоже перерѣшилъ... За этотъ часъ и въ моей жизни вдругъ все круто повернулось: я узналъ отъ Кити, что у насъ скоро будетъ ребенокъ...

— Какъ? И ты объ этомъ говоришь, какъ будто горе тебя постигло!—воскликнула Женя, и глаза ея вдругъ заблестѣли.—Да вѣдь это радость, великая радость! Все, значитъ, устроится, и дома будетъ новая привязанность, общая для васъ обоихъ; и Кити ты полюбишь опять...

— Да, Женя, случись это раньше, я былъ бы несказанно счастливъ, но теперь слишкомъ ужъ дорога цѣна, какую мнѣ надо заплатить за это счастье. Про себя я уже не говорю, — съ собою я справлюсь... Но вѣдь ты, моя дорогая... ты должна будешь стать женою человѣка, котораго не любишь...

Блескъ въ ея глазахъ опять потухъ. Въ нихъ снова было то неземное спокойствіе, какимъ вѣетъ отъ яснаго ночного неба. Она подошла еще ближе къ нему и коснулась рукой его локтя.

— Обо мнѣ не сожалѣй: вѣдь ты видишь, что я не горюю. Я на Бога надѣюсь. Онъ меня не оставитъ. И Ахтубинъ вѣдь такой хорошій человѣкъ...

Гнѣвныя искры на мигъ зажглись въ зрачкахъ Грушнева при этихъ словахъ дѣвушки.

— Тебя сердитъ, что когда-нибудь я полюблю, можетъ быть, Владиміра Ѳедоровича? Вѣдь это нехорошее чувство. Неужели даже мнѣ ты не можешь искренно и безкорыстно пожелать добра? Помнишь, ты еще не такъ давно говорилъ мнѣ, что мы будемъ друзьями,— такъ будемъ же ими на самомъ дѣлѣ, будемъ искренно желать другъ другу настоящаго добра, такого счастья, отъ котораго совѣсть оставалась бы спокойною.

Онъ склонилъ голову и медленно, бережно, робко поднесъ ея руку къ своимъ губамъ.

— Ахъ, Женя!.. Отъ такого сокровища отказываться—развѣ это легко?

Онъ зналъ, что она навсегда потеряна для него. И если даже отъ него зависѣло бы вернуть прежнее, увлечь ее съ собой въ бурный потокъ незаконнаго счастья, онъ не захотѣлъ бы этого. Но въ немъ еще не было того спокойствія, того неземного упоенія принесенною жертвой, какое проникало все существо Жени.

— Ты всегда была выше и лучше меня,—сказалъ онъ. —Ты, сама того не зная, научила меня вѣрить и молиться. А вѣдь я... я только горе тебѣ принесъ, бѣдная моя.

Она кивнула головой.

— Нѣтъ, не горе: я всегда буду вспоминать о томъ, что было, какъ о свѣтломъ времени. Надѣюсь только, что научусь вспоминать безъ сожалѣнія. И не сердись на меня за это слово: говорятъ вѣдь, что истинная любовь безкорыстна.

Въ комнатѣ понемногу темнѣло. На улицѣ густыми хлопьями валилъ снѣгъ. Тусклое небо грустно смотрѣло въ окно. Грушневъ чувствовалъ, что и въ его жизни померкло что-то и его точно засыпаютъ холодные безконечные хлопья...

— Ну, Женя,—глубоко вздохнувъ продолжалъ онъ, помолчавъ немного,—такъ простимся же съ прошлымъ, простимся навсегда и оба начнемъ по новому жить... Можетъ быть, и сбудется твоя надежда и мы станемъ счастливы оба...

Онъ робко протянулъ къ ней руки, нѣмымъ взглядомъ прося у нея послѣдняго поцѣлуя. Она поняла и довѣрчиво склонила къ нему головку. И это въ самомъ дѣлѣ былъ совсѣмъ братскій, чистый поцѣлуй, походившій на благословеніе. Они словно обѣщали другъ другу, когда уста ихъ слились, что между ними на вѣки останется та истинная, святая, неугасимая любовь, которая ничего не требуетъ для себя и которою такъ рѣдко умѣютъ любить на землѣ.

ЖИВАЯ ЗАГАДКА

ПОВѢСТЬ

К. Головинъ (К. Орловскій).

Живая загадка

ПОВѢСТЬ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Спб. Т-ва Печатн. и Издат. дѣла „Трудъ“. Фонтанка, 86.
1902.

I.

— Осенью 187... года,—такъ началъ свой разсказъ Алексѣй Дмитріевичъ Возницынъ,—мнѣ привелось отправиться въ Петербургъ, гдѣ я не бывалъ предъ этимъ очень долго, лѣтъ пять или больше. Сидя въ покойномъ вагонѣ Николаевской дороги, я, признаюсь, отдавался не слишкомъ веселымъ, да и къ тому же довольно малодушнымъ размышленіямъ. На поѣздѣ я знакомой души не встрѣтилъ, а знакомиться въ дорогѣ я не охотникъ. Можетъ-быть нѣсколько часовъ, проведенныхъ въ безмолвномъ одиночествѣ, да еще безсонная ночь въ придачу, и навѣяли на меня эти невеселыя мысли. Только я говорилъ себѣ, что, чего добраго, и въ Петербургѣ меня ждетъ такое же одиночество. Когда-то у меня тамъ и родня водилась, и пріятелей было не мало, но съ тѣхъ поръ много воды утекло, а Петербургъ забывчивъ. Да и въ немъ, какъ въ любомъ большомъ городѣ, быстро катится жизнь и незамѣтно уноситъ съ собою и привычныхъ людей, и привычныя отношенія. Когда самъ плывешь по теченію, рѣдко примѣчаешь эту перемѣну въ обстановкѣ: кое-кого унесетъ далеко впередъ, кое-кто отстанетъ позади, на ихъ мѣстѣ очутятся новыя лица, а все-таки, кажется, будто тѣснишься все въ прежней толпѣ и все та же струя несетъ тебя вдоль знакомыхъ береговъ. Но стòитъ на короткое время убраться куда-нибудь подальше отъ петербургской возни, и не отыщешь уже ни за что своего прежняго мѣста. Гдѣ бы оно ни было, впереди или въ

самомъ хвостѣ, давно его успѣли занять, да и все вокругъ перемѣнилось и какъ будто перепуталось. Замѣтьте, господа, все, что въ жизни случается безъ вашего участія, всегда вамъ кажется путаницей! А вѣдь непріятно видѣть себя заживо выключеннымъ изъ списковъ? Вмѣсто радушной встрѣчи слышишь, напримѣръ, вотъ какія привѣтственныя слова: „Въ Петербургъ вернулись, вотъ какъ? Да когда же вы уѣхали? Ахъ, да! Давно васъ было что-то не видать“. Или, напримѣръ, въ такомъ родѣ: „Очень радъ, очень радъ! А я, представьте себѣ, думалъ, будто вы навсегда за границу уѣхали“. Я къ тому же вовсе и не за границей провелъ эти пять лѣтъ, а преспокойно въ деревнѣ проживалъ. У меня, вы можетъ быть слыхали, въ Курской губерніи имѣньице есть. Было оно у меня порядкомъ-таки запущено, потому что я, какъ оно и прилично россійскому дворянину, заглядывалъ туда рѣдко и не надолго, а прикащикъ мой обкрадывалъ меня какъ нельзя усерднѣе. Ну, въ одинъ прекрасный день я и пришелъ къ заключенію, что такъ долѣе жить нельзя; осѣнила меня вдругъ эта благая мысль и, какъ у чистокровнаго русскаго, пришла она ко мнѣ въ голову ни съ того, ни съ сего. Источники доходовъ, благодаря прикащику, стали замѣтно изсякать. И показалось мнѣ, что вся моя жизнь была непростительнымъ балагурствомъ, что надо этому положить конецъ и возродиться на спасительномъ воздухѣ деревни. Я былъ не старъ еще—мнѣ всего тогда пошелъ тридцать первый годъ—и не случилось со мной никакихъ особенно непріятныхъ приключеній. Въ отставку мнѣ подавать не приходилось ни въ какомъ отношеніи. На службѣ мнѣ не то чтобы везло, а такъ себѣ; любимая женщина меня вонъ не выгоняла, въ то время я впрочемъ ни въ кого и влюбленъ не былъ. И все-таки, несмотря на это, мнѣ вдругъ захотѣлось уткнуться въ свой родной уголъ, словно подстрѣленному звѣрю, который тащится въ свою берлогу.

Я и провелъ эти пять лѣтъ въ Курскомъ имѣніи почти безвыѣздно. За хозяйство принялся, въ земствѣ участвовалъ, и едва даже совсѣмъ было не записался въ серьезные люди. Изрѣдка только, раза два, я разрѣшалъ себѣ маленькія поѣздки за границу. Проку изъ моего хозяйничанья особеннаго, конечно, не вышло. На деревенскую жизнь тоже надо особое призваніе имѣть; а когда такое призваніе сказывается поздненько, оно по большей части сулитъ одни разочарованія. Ну, да не въ томъ дѣло! Какъ бы то ни было, мнѣ пришлось вернуться въ Петербургъ. И разсчитывалъ я тамъ поселиться на цѣлую зиму: деревня успѣла-таки мнѣ понаскучить.

Итакъ, я былъ опять на берегахъ Невы. Мои предчувствія сбылись. Я не то, чтобъ оказался совсѣмъ чужимъ въ родномъ городѣ,—многихъ изъ прежнихъ знакомыхъ я повстрѣчалъ опять, и кое-кто изъ нихъ даже какъ-будто мнѣ обрадовался, только въ прежнюю колею мнѣ попасть не удалось. Мнѣ все казалось, словно я играю роль въ какой-то комедіи и опоздалъ выходомъ. И какъ ни стараюсь я доиграть пьесу до конца, я все что-то не попадаю въ тактъ и чувствую, что совсѣмъ уже не нуженъ на сценѣ. Словомъ, я скучалъ. Завелись у меня и новые знакомые и терся я усердно въ петербургской толпѣ, но прежняго оживленія я уже не ощущалъ. Люди, съ которыми я встрѣчался и разговоры этихъ людей мнѣ казались пустыми, и во мнѣ поднималась какая-то насмѣшка: въ однихъ я видѣлъ какую-то притворную дѣловитость, въ другихъ — напускное балагурство. Просто, должно-быть, я постарѣлъ немножко, самъ того не примѣчая.

Такъ прошло мѣсяца два. Разъ вечеромъ я нашелъ у себя на столѣ небольшую записку на плотной, какъ пергаментъ, и сильно раздушенной бумагѣ. Адресъ мой былъ написанъ незнакомою мнѣ женскою рукой. Я равнодушно вскрылъ конвертъ и прочелъ слѣдующее:

„Я только-что узнала, что вы здѣсь и непремѣнно

хочу васъ видѣть у себя. Вы меня, должно-быть, давно позабыли; но постарайтесь немного порыться въ своей памяти, и вы, можетъ-быть, припомните маленькую Зину Свирскую и нашу Московскую деревню „Колонтаевку“, гдѣ вы провели нѣсколько дней лѣтъ десять тому назадъ. Какъ видите, я со своей стороны васъ не позабыла. Вы, конечно, знаете, что я давно замужемъ, и мужъ говоритъ, что вы были когда-то съ нимъ пріятелями. И онъ, и я, мы будемъ вамъ очень рады. Такъ докажите мнѣ, что вы умѣете помнить старинныхъ друзей и пріѣзжайте къ намъ завтра вечеромъ пораньше совсѣмъ запросто.

„З. Волжанская“.

Зинаида Павловна Волжанская была въ то время еще очень молоденькая женщина—ей всего минуло двадцать шесть лѣтъ—и вдобавокъ она была очень не дурна собой: такъ по крайней мѣрѣ о ней отзывались другіе, потому что мнѣ самому ее въ Петербургѣ встрѣчать не приходилось. Тѣмъ не менѣе, прочтенная мною записка вызвала во мнѣ не совсѣмъ пріятное воспоминаніе. Знакомство мое съ Зинаидой Павловной было самое мимолетное. Когда я встрѣтился съ нею въ усадьбѣ ея отца, покойнаго генерала Свирскаго, она была еще почти ребенкомъ; а я, несмотря на свои тогдашнія двадцать пять лѣтъ, разыгралъ предъ нею совсѣмъ не блестящую роль—я влюбился въ этого ребенка безъ памяти и сумѣлъ-таки получить отъ нея урокъ самаго назидательнаго свойства. Съ тѣхъ поръ мы почти вовсе не видались. Когда Зинаида Павловна стала выѣзжать, я былъ за границей; потомъ я узналъ, что она вышла замужъ за одного изъ моихъ знакомыхъ Виктора Петровича Волжанскаго. Узнавъ про это, я, помнится, сильно пожималъ плечами. Волжанскій былъ на много ея старше и по моимъ понятіямъ совсѣмъ не годился ей въ мужья. Человѣкъ онъ былъ самый дюжинный, ума болѣе чѣмъ ограниченнаго и, вдобавокъ,

обладалъ нравомъ далеко не уживчивымъ. Пріятелемъ моимъ онъ никогда не считался, хоть его супругѣ и угодно было величать меня этимъ именемъ. Словомъ, я мысленно отвернулся отъ предмета своей мимолетной и, къ счастію, давно уже потухшей страсти и пришелъ къ самому невыгодному для нея заключенію о поводахъ къ этой свадьбѣ. Состояніе у Волжанскаго было изрядное, стало-быть на этотъ счетъ сомнѣнія у меня не оставалось—Зиночка Свирская выходила за него по разсчету. Я внутренно покипятился немножко, произнóся надъ нею этотъ приговоръ, и затѣмъ съ горделивымъ равнодушіемъ схоронилъ ее въ своей памяти. Съ тѣхъ поръ я видѣлъ ее лишь мелькомъ. Раза два мы обмѣнялись немногими равнодушными словами и вскорѣ затѣмъ я уѣхалъ въ деревню. И охота же была этой госпожѣ писать ко мнѣ вдругъ въ такомъ задушевномъ тонѣ, какъ будто намъ въ самомъ дѣлѣ было про что вспоминать вдвоемъ, и мой пріѣздъ послѣ долгой отлучки могъ ее хоть чуточку обрадовать.

Признаюсь, ея записка меня немного разсердила: меня всегда раздражаетъ неискренность. И сперва я рѣшилъ было, что къ ней не поѣду, но утро вечера мудренѣе, и на слѣдующій день это рѣшеніе какъ-то само собою исчезло. Отправился я къ ней однако довольно поздно, въ исходѣ одиннадцатаго часа. Спѣшить было незачѣмъ, а то, чего добраго, она пожалуй вообразила бы, что я ужъ очень обрадовался ея приглашенію. Я даже нарочно взялъ билетъ въ Александринскій театръ, куда обыкновенно не ѣзжу, и просидѣлъ тамъ скучнѣйшую четырехъ-актную пьесу. Я хотѣлъ показать Зинаидѣ Павловнѣ, что мнѣ совсѣмъ не польстило ея причудливое желаніе меня видѣть у себя. Что дѣлать! я не свободенъ отъ мелочнаго самолюбія. А между тѣмъ чего грѣха таить, пока длилась пьеса, которую я слушалъ очень невнимательно, мнѣ просто на мѣстѣ не сидѣлось, и не мало мнѣ понадобилось стойкости, чтобы не уѣхать раньше конца. Токова уже

наша природа: изрядная доля нашей власти надъ собою идетъ на то, чтобы приневоливать себя къ мелкимъ и глупымъ уступкамъ дрянному и упрямому самолюбію.

II.

Итакъ, въ исходѣ одиннадцатаго часа я поднимался во второй этажъ дома на Большой Конюшенной, гдѣ жили Волжанскіе. У подъѣзда стояли двѣ кареты и сани. Скидывая шубу, я спросилъ у швейцара, много ли гостей у Зинаиды Павловны.

— Какіе тамъ гости!—грубовато отвѣтилъ онъ мнѣ.— Тѣ же господа, что всегда здѣсь бываютъ.

Мнѣ пришлось удовлетвориться этимъ загадочнымъ отвѣтомъ. Да и чортъ меня дернулъ про это спрашивать. Признаюсь, я немного робѣлъ при мысли о встрѣчѣ съ Зинаидой Павловной, и мнѣ заранѣе хотѣлось знать, при какой обстановкѣ я ее увижу. Чуть-чуть у меня даже сердце забилось, когда я звонилъ у дверей. Смѣшно это въ тридцать пять лѣтъ, да что дѣлать! И лѣстница, и квартира роскошью и убранствомъ не отличались. Лѣстница была устлана простенькимъ ковромъ; передняя была крошечная. Я прошелъ довольно плохо освѣщенную комнату, гдѣ меблировка мнѣ показалась совсѣмъ невзрачною. „Не балуетъ жену Волжанскій, нечего сказать“ подумалъ я съ нѣкоторымъ злорадствомъ, входя во вторую гостиную, откуда мнѣ слышался сдержанный говоръ. Здѣсь все глядѣло уютно. Комната была небольшая, но убрана со вкусомъ. Низкая мебель, обитая темно-синимъ шелкомъ, стояла въ красивомъ безпорядкѣ; шелковыя занавѣсы оконъ были наглухо задернуты, шаги точно утопали въ мягкомъ коврѣ; на столахъ горѣли двѣ лампы съ абажурами, проливая тихій, задумчивый свѣтъ. Гостей было точно немного: Зинаида Павловна меня не обманула, пригласивъ меня къ себѣ запросто. Вокругъ ломбернаго стола

четверо сидѣли за картами. Сама хозяйка не играла и, помѣстившись на низкомъ диванѣ, вела неторопливую бесѣду съ высокимъ, необыкновенно сухимъ господиномъ, и фигура, и лицо котораго глядѣли совсѣмъ деревянными—до того онъ весь застылъ въ какой-то неподвижности. Даже глаза у него не моргали и губы его едва шевелились, когда онъ говорилъ,—нѣтъ, не говорилъ даже, а ронялъ слова короткія, словно застывшія. Я узналъ въ немъ дипломата, почти всегда отсутствующаго изъ Петербурга и потому вѣроятно тамъ очень цѣнимаго. Звали его барономъ Пихнеромъ. Я встрѣчался съ нимъ изрѣдка, но мы прежде не были съ нимъ знакомы. Онъ слылъ за человѣка очень умнаго, хотя по моему мнѣнію былъ просто скученъ со своей отрывистой рѣчью и такимъ же отрывистымъ беззвучнымъ смѣхомъ. Весь онъ словно высохъ на своемъ кочевомъ поприщѣ блуждающаго по Европѣ дипломата.

Увидавъ меня, Зинаида Павловна немного привстала и съ любезною непринужденностью протянула мнѣ руку.

— Какъ вы поздно,—сказала она мягкимъ, бархатнымъ, будто скользящимъ голосомъ; онъ такъ и ласкалъ васъ, этотъ голосъ, словно даже гладилъ васъ по головкѣ. Глаза ея, темносиніе и глубокіе, на мигъ остановились на мнѣ и тотчасъ какъ-то стыдливо опустились—это были совсѣмъ еще молодые, хоть и не блестящіе глаза, мягкіе, невинные, почти дѣвическіе; и тотчасъ мнѣ припомнилось какъ прежде, десять лѣтъ тому назадъ, они глядѣли точно также, нѣжно и невинно. Только въ ту пору часто въ нихъ загоралась шаловливая искорка, а теперь она словно потухла. Зинаида Павловна очень измѣнилась съ тѣхъ поръ, хоть и несомнѣнно похорошѣла. Въ ея тихихъ, спокойныхъ движеніяхъ никто бы не узналъ прежнюю шалунью, которая вся, казалось, сыпала огонькомъ причудливой рѣзвости. Правильныя, густыя дуги бровей глядѣли такъ спокойно и увѣренно, точно никакое волненіе ни разу не заставляло ихъ вздрогнуть. Когда-то курчавые, не-

покорные волосы темно-каштановаго цвѣта были теперь гладко зачесаны назадъ безо всякаго убора — Зинаида Павловна могла похвастаться своими волосами. Исчезли и двѣ прелестныя ямочки, такъ шаловливо прежде появлявшіяся возлѣ угловъ рта, какъ скоро улыбалась шестнадцатилѣтняя Зиночка. Теперь всѣ черты ея правильнаго, округленнаго лица ложились гладко, спокойно и законченно, точно ихъ дорисовалъ кто-то за эти десять лѣтъ. Что-то тихое, покорное, быть можетъ даже грустное читалось и въ матовомъ цвѣтѣ ея лица, и въ легкой поволокѣ глазъ; только небольшія колечки волосъ, свободно завивавшіяся надъ висками, говорили о прежней задорно-веселой шалуньѣ.

— Вы видите,—продолжала она, усаживая меня возлѣ себя,—у меня не вечеръ сегодня, а просто нѣсколько друзей собралось... Я васъ однако упрекать не стану. Хорошо, что вы всетаки пріѣхали. Мы вѣдь тоже друзья, не правда ли, старинные друзья?

Она чуть-чуть улыбнулась, говоря это, и тотчасъ прибавила:

— Ахъ да, васъ надо перезнакомить со всѣми.

Съ дамами, сидѣвшими за карточнымъ столомъ, я, впрочемъ, былъ уже знакомъ. Одна изъ нихъ, Ольга Николаевна Стрѣльцова, была совсѣмъ еще молоденькая женщина, кругленькая и миловидная, съ мелкими подвижными чертами, большая хохотунья и сплетница, а въ сущности очень недобрая особа, хотя въ двадцать пять лѣтъ хорошенькой женщинѣ, казалось бы, чего быть недоброю. Другая дама была извѣстная всему Петербургу умница, княжна Елизавета Сергѣевна Мурина, въ дни своей давно минувшей молодости слывшая красавицей, но во-время не успѣвшая подцѣпить жениха потому, должно-быть, что и тогда она пугала мужчинъ своимъ острымъ язычкомъ и репутаціей ученой дѣвицы. Приданымъ княжну судьба обдѣлила. Она пристроилась у одного изъ маленькихъ дворовъ и въ пятьдесятъ пять лѣтъ, все такая же умная и немножко злая, она по

прежнему внушала страхъ, немилосердно карая не только каждую людскую слабость, но и каждое неудачное слово, сказанное въ ея присутствіи. Живя на скудныя средства и знакомая съ цѣлымъ городомъ, она аккуратно выѣзжала каждый день на вечера и на обѣды, поражая всѣхъ своею отборною французскою рѣчью и обиліемъ свѣдѣній, какія у ней успѣли накопиться о каждой сколько-нибудь извѣстной личности въ любой изъ европейскихъ столицъ. Ея полная, внушительная особа, всегда облеченная въ тяжелое платье темнаго цвѣта, ея зоркіе глаза, отъ которыхъ ничто не ускользало, и блѣдныя, тонкія губы, такъ немилосердно ронявшія вѣжливую насмѣшку, были настоящимъ пугаломъ для застѣнчивыхъ молодыхъ людей, нетвердо усвоившихъ себѣ законы свѣтской тактики. Когда-то красивое лицо теперь немного заплыло, посѣдѣвшіе волосы подъ кружевною наколкой ложились вокругъ него гладкими строгими прядями, но въ сѣрыхъ глазахъ все еще вспыхивалъ почти молодой огонекъ.

Обоихъ мужчинъ я видѣлъ въ первый разъ. Одинъ изъ нихъ, Петръ Ивановичъ Лихвинъ, какъ мнѣ его назвала хозяйка, ничѣмъ особеннымъ повидимому не отличался. Это былъ полный господинъ съ обрюзглымъ лицомъ и огромною лысиной, часто смѣявшійся жиденькимъ подобострастнымъ смѣхомъ, судя по всѣмъ признакамъ, балагуръ и прихлебатель, какихъ можно встрѣтить въ любомъ петербургскомъ домѣ. За то другой сразу меня поразилъ красотой своего высокаго, правильнаго лба, надъ которымъ вились густые, небрежно зачесанные волосы, и холоднымъ, какъ бы усталымъ блескомъ своихъ большихъ глазъ, которыми онъ часто вскидывалъ не то равнодушно, не то презрительно. Сейчасъ видно было, что жизнь баловала его какъ одного изъ своихъ любимцевъ. И въ самомъ дѣлѣ, Евгеній Ипполитовичъ Зарайскій—такъ звали его—былъ настоящимъ баловнемъ судьбы. Счастливая наружность соединялась въ немъ съ недюжиннымъ талантомъ, доставившимъ

ему безъ труда легкіе и быстрые успѣхи. Зарайскій былъ живописецъ, и его имя легкокрылая молва тѣмъ скорѣе протрубила на всѣ лады, что слава его нашла себѣ въ женщинахъ усердныхъ поклонницъ. Мнѣ его имя стало извѣстнымъ не по однѣмъ его картинамъ: Зарайскій былъ женатъ на одной моей родственницѣ и бросилъ жену по какой-то загадочной причинѣ, оставивъ ее почти безъ гроша. Я смутно зналъ про эту исторію, и хотя вовсе не видался съ его женой, усвоилъ себѣ на его счетъ не слишкомъ лестное мнѣніе. Мы поздоровались холодно, когда насъ познакомили. „Ну, думалъ я про себя, охота же была Зинаидѣ Павловнѣ меня приглашать сегодня, весело будетъ, нечего сказать".

Я усѣлся возлѣ хозяйки дома. Она предложила мнѣ закурить, прочіе мужчины всѣ тоже курили. Разговоръ шелъ самый незначительный, вялый и натянутый въ то же время, хотя всѣ эти люди, очевидно, знали другъ друга хорошо и видѣлись часто. Баронъ говорилъ съ видомъ человѣка утомленнаго жизнью и безполезностью того дѣла, которымъ ему приходилось заниматься. Онъ вполнѣ усвоилъ себѣ ту холодную кисловатую иронію, какая свойственна всѣмъ русскимъ дипломатамъ, когда имъ минуло сорокъ и они долго оставались за границей. Несмотря на увѣренность въ себѣ, которою было проникнуто каждое его слово, раза два онъ сбился, перепутавъ Вѣнскій конгрессъ съ Парижскимъ, и даже приписалъ князю Бисмарку какое-то извѣстное изреченіе Талейрана. За это ему тотчасъ досталось отъ княжны, не пропускавшей мимо ушей ни единаго слова, хотя все ея вниманіе, казалось, было сосредоточено на игрѣ.

Зинаида Павловна нѣсколько разъ обращалась ко мнѣ, стараясь меня втянуть въ разговоръ; но политическая бесѣда дипломата меня не интересовала. За то мои глаза не переставали слѣдить за каждымъ мимолетнымъ выраженіемъ, скользившимъ по лицу Зинаиды Павловны, точно мнѣ хотѣлось воскресить въ памяти

это самое лицо, какимъ я видалъ его въ давнопрошедшіе годы, и выяснить себѣ, отчего оно такъ перемѣнилось. И я никакъ не могъ рѣшить, выиграло оно или нѣтъ отъ этой перемѣны. Господинъ Лихвинъ глупо посмѣивался, разрѣшая себѣ иногда плоскія шуточки, и обыгрывалъ всѣхъ. Княжна ставила ремизы и, видимо, сердилась. Ольга Николаевна съ очаровательною наивностью избалованной дамочки постоянно дѣлала ошибки, извиняясь за нихъ предъ своими партнерами. Зарайскій держалъ себя очень странно, даже неприлично. Онъ съ напускною рѣзкостью бранилъ дамъ за ихъ промахи въ игрѣ, увѣряя, что садиться за карты съ женщинами значитъ завѣдомо терять и время, и деньги.

— Удивляюсь я, право,—говорилъ онъ,—отчего это женщины ничего не въ состояніи дѣлать внимательно, точно всѣ ихъ способности уходятъ на умѣнье одѣваться.

Ему, очевидно, все спускали. Даже старая княжна словно предъ нимъ лебезила.

— Вы гораздо избалованнѣе любой женщины,—улыбаясь, отвѣтила на одну изъ его выходокъ госпожа Стрѣльцова.

— Я никого не просилъ меня баловать и потому не обязанъ быть за то благодарнымъ. Да и знаете что, Ольга Николаевна, вѣдь вы, извините за правду—про княжну я вотъ этого не скажу—вы любите, чтобы съ вами дурно обращались.

— Вотъ какъ!..—захохотала Ольга Николаевна и при этомъ прищурила глазки.—Кто вамъ сказалъ?

— Да не вы однѣ такая, и сказалъ мнѣ это просто собственный опытъ. Женщины тѣхъ только любятъ, кого онѣ немного побаиваются.

Княжна посмотрѣла на него изъ-подлобья.

— А вы ихъ развѣ научили бояться себя?—спросила она своимъ низкимъ, пытливымъ голосомъ.

Зарайскій повелъ плечами.

— Ахъ, княжна, вы не повѣрите, до какой степени я равнодушенъ къ тому, какъ на меня смотрятъ.

Я уловилъ на лету быстрый взглядъ, брошенный въ эту минуту на Зарайскаго Зинаидой Павловной. Въ этомъ взглядѣ было что-то похожее на отвращеніе, даже на ненависть.

— Вы равнодушны и къ тому, какъ смотрятъ на ваши картины?—шутя сказала госпожа Стрѣльцова.

— Ну, вотъ: это совсѣмъ другое дѣло, Ольга Николаевна. Вы, вѣдь, знаете, что на свѣтѣ у меня одна только привязанность—мое искусство.

При этихъ словахъ Зарайскаго хозяйка дома опять вскинула на него глазами. Да, я не ошибся: въ этихъ глазахъ, въ самомъ дѣлѣ, была ненависть. „Отчего же тогда, подумалъ я, она его принимаетъ у себя, какъ близкаго знакомаго и даетъ право ему держать себя такъ самоувѣренно и дерзко“...

Партія кончилась. Играющіе встали и размѣстились вокругъ хозяйки. Начался общій разговоръ. Зарайскій попрежнему напускалъ на себя тонъ развязный до неприличія. Я замѣтилъ, что Зинаида Павловна какъ бы избѣгала съ нимъ разговаривать. Она прямо не отвѣтила ни на одно изъ его замѣчаній. За то раза два какъ бы вскользь, не обращаясь къ нему, она проронила нѣсколько колкихъ, насмѣшливыхъ словъ, очевидно, по его адресу. Зарайскій сдѣлалъ видъ, что этого не замѣчаетъ. „Странныя у нихъ отношенія“, подумалъ я опять.

Госпожа Стрѣльцова то и дѣло къ нему приставала, увѣряя, что онъ опасный человѣкъ и ей доподлинно извѣстно, что онъ на своемъ вѣку много погубилъ бѣдныхъ, неопытныхъ женщинъ. Сперва онъ отшучивался, а потомъ, выведенный, должно-быть, изъ терпѣнія, отвѣтилъ ей съ нѣкоторою рѣзкостью:

— Ахъ, Ольга Николаевна! Эти бѣдныя, неопытныя существа, которыхъ вы такъ жалѣете, сами того только и добиваются, какъ бы ихъ погубилъ кто-нибудь... Дайте

имъ простое, спокойное счастье, и они умрутъ съ тоски, да кстати испортятъ жизнь тому, кто попробовалъ дать имъ такое счастье. Вѣдь мучиться самимъ и другихъ мучить при этомъ для нихъ первое удовольствіе.

Сказавъ это, онъ всталъ и взялся за шляпу. Съ Зинаидой Павловной онъ простился очень холодно. Едва Зарайскій скрылся за дверью, всѣ оставшіеся въ гостиной заговорили о немъ, и, какъ водится, заговорили въ самомъ недружелюбномъ тонѣ.

— Онъ совсѣмъ невозможенъ,—повела на него первую аттаку княжна, обмахиваясь вѣеромъ.—Я не понимаю, какъ вы его пускаете къ себѣ въ домъ.

— Онъ старинный пріятель мужа,—коротко отвѣтила Зинаида Павловна.

— Нѣтъ, я его нахожу очень забавнымъ,—возразила Ольга Николаевна,—онъ совсѣмъ на другихъ не похожъ.

— Онъ просто дурно воспитанъ,—замѣтила княжна.

— Да, но хорошо воспитанныхъ людей такъ много, они такъ скучны. Съ нимъ была какая-то ужасная исторія. Подробностей я не знаю, но, говорятъ, онъ былъ героемъ настоящей драмы, а драма въ нашъ вѣкъ такая рѣдкость...

— Драма не рѣдкость,—сказала княжна,—а перевелись актеры, которые бы умѣли ихъ порядочно разыгрывать. Такіе герои, какъ вашъ Зарайскій, годятся только для фарса.

— Но тѣмъ, кому съ нимъ приходится играть,—вставилъ я,—отъ этого не легче.

— Ахъ, извините,—отвѣтила княжна,—я и забыла совсѣмъ, что его жена приходится вамъ кузиной.

Княжна про это, разумѣется, не забыла, но она не могла упустить случая лишній разъ позлословить. Оказалось, что исторію Зарайскаго она знала хорошо—княжнѣ была извѣстна вся подноготная Петербурга. И когда Ольга Николаевна стала ее упрашивать разсказать эту исторію, она поспѣшила удовлетворить любопытство молодой женщины. Я замѣтилъ, что Зинаида

Павловна не сказала при этомъ ни слова и выслушала разсказъ княжны съ ледянымъ равнодушіемъ. Вотъ каковъ былъ этотъ разсказъ. Зарайскій женился лѣтъ за шесть предъ тѣмъ, и женился по любви, какъ оно и подобаетъ молодому художнику, не пріобрѣвшему еще славы. Онъ былъ тогда очень небогатъ, и картины его еще не успѣли войти въ моду. Невѣста его, Маша Ветлугина, принесла ему приданое небольшое, и они зажили тихо, скромно и счастливо. Родилась у нихъ дѣвочка, но умерла уже на второмъ году. Зарайскій, между тѣмъ, быстро пошелъ въ гору: его картины вдругъ какъ-то разомъ пріобрѣли ему извѣстность; онъ свелъ знакомства въ высшемъ кругу, въ немъ стали заискивать. Нравился онъ особенно женщинамъ, конечно, не только какъ живописецъ. Княжна подчеркнула двусмысленный характеръ его успѣховъ и дала понять, что на первыхъ порахъ Зарайскій пользовался своею наружностью, какъ доходною статьей, увиваясь преимущественно около дамъ очень зрѣлаго возраста. Княжна объяснила это ничуть не смутившись. Зарайскіе теперь зажили на широкую ногу. Онъ тратилъ большія деньги, въ томъ числѣ, конечно, и приданое жены; но та все ему прощала, довольная тѣмъ, что онъ удѣлялъ ей хоть крохи своей любви. Но скоро она лишилась и этого нищенскаго счастья. Мужъ ея встрѣтился какъ-то съ женщиной, вызвавшею у него такой взрывъ страсти, что онъ себя отдалъ ей безъ оглядки. Смиренная, покорная любовь бѣдной жены была забыта. Онъ разошелся съ нею холодно и грубо, бросилъ ее нищею; и теперь, когда ему улыбнулся успѣхъ и получаетъ онъ такъ много, она живетъ на жалкіе гроши, которые зарабатываетъ шитьемъ. „Говорятъ,—закончила княжна,—та женщина, съ которою онъ сошелся, торжествуетъ, зная все это, точно въ ея глазахъ нужда его жены—какое-то доказательство ея полной власти надъ нимъ“.

— Кто-же эта дама?—сгорая отъ любопытства, спросила госпожа Стрѣльцова.

— Представьте себѣ, какъ я ни старалась, я не могла узнать. Увѣряютъ, что она очень красива; ну, да это всегда говорятъ въ такихъ случаяхъ. На самомъ дѣлѣ такіе мужчины, какъ Зарайскій, обыкновенно, попадаютъ въ руки далеко не красавицъ.

— Я бы желала знать, кто эта женщина,— медленно произнесла Зинаида Павловна, — чтобы дать ей почувствовать все мое презрѣніе.

— Ахъ, моя милая, зачѣмъ ее презирать? — быстро проговорила госпожа Стрѣльцова. — Повѣрьте, всякая изъ насъ на ея мѣстѣ сдѣлала бы то же.

— На этомъ замѣчаніи разговоръ оборвался; всѣмъ какъ-то стало вдругъ неловко. Послѣ короткаго молчанія княжна принялась разсказывать какой-то политическій анекдотъ, тоже очень скабрезнаго свойства. Подзадоренный этимъ, дипломатъ отпустилъ двѣ-три фразы, отмѣченныя самымъ мефистофельскимъ цинизмомъ, и при этомъ засмѣялся деревяннымъ смѣхомъ. Но вотъ пробило двѣнадцать. Всѣ какъ-то разомъ почувствовали, что надо разъѣхаться, потому что говорить, собственно, не о чемъ. Я хотѣлъ послѣдовать общему примѣру и протянулъ уже хозяйкѣ руку на прощаньи. Но Зинаида Павловна меня удержала.

— Останьтесь,—проговорила она тихо, вскинувъ на меня своими мягкими, темно-синими глазами,—мы съ вами и двухъ словъ не сказали за весь вечеръ.

Я, разумѣется, остался.

III.

Слишкомъ часъ мы проболтали вдвоемъ какъ старинные друзья. Говорила, впрочемъ, больше она. Чарующею лаской казались мнѣ ея простыя, задушевныя рѣчи. Я не успѣлъ даже подстеречь, какъ незамѣтною струей вливалось въ мое сердце чувство невольнаго очарованія. Я упивался ея голосомъ. Спокойный блескъ

ея лучистыхъ глазъ лелѣялъ меня какъ чистый блескъ мѣсяца въ ясную, лѣтнюю ночь; такъ и хотѣлось отдаться всею душой этимъ прозрачнымъ глазамъ, въ которыхъ такъ невозмутимо отражалась ея душа, нетронутая жизнью. Съ непринужденною веселостью припомнила она мнѣ нашу первую давнишнюю встрѣчу, и, слушая ее, я совсѣмъ позабылъ теперь про глупую, смѣшную роль, тогда разыгранную мною. Предъ моимъ воображеніемъ возставало снова это ребяческое прошлое, но возставало уже со всею прелестью незабвенныхъ, юныхъ воспоминаній. И порой ея слова прерывались легкимъ, задушевнымъ смѣхомъ, звѣнѣвшимъ какъ чистое серебро; а между тѣмъ, внимая ей, не трудно было догадаться, какъ нерадостно сложилась ея жизнь, какою сухою мѣщанскою прозой было ея замужество. Ни слова похожаго на жалобу она не проронила. Но уже потому, какъ она избѣгала говорить о настоящемъ, даже упоминать про мужа, какъ она охотно возвращалась къ милымъ воспоминаніямъ дѣвическихъ годовъ,—видно было, что этимъ настоящимъ она похвалиться не могла. И отъ того только, что въ ней свѣжимъ ключомъ била непочатая молодость, ея натура даже среди этой будничной обстановки осталась такою прозрачною и свѣтлою.

— Помните тотъ вечеръ,—сказала она между прочимъ,—когда мы такъ долго гуляли вдвоемъ въ нашей рощѣ и вы едва было...

Она остановилась и чуть-чуть вздохнула.

— Да, хорошее это было время. И какъ странно все тогда могло повернуться, право, смѣшно даже подумать...

Она тихо засмѣялась съ едва замѣтнымъ оттѣнкомъ грусти. Признаюсь, я былъ радъ это слышать. Ея слова не то чтобы пріятно щекотали мое самолюбіе — мнѣ было не до такого мелкаго, дряннаго ощущенія,—но моя когда-то осмѣянная любовь теперь словно торжествовала побѣду. Я могъ вспомнить о ней почти съ

гордостью. И необыкновенно мизерною представилась мнѣ фигура господина Волжанскаго, котораго шальная судьба невзначай подарила такимъ счастьемъ. Въ томъ, что я чувствовалъ, конечно, было мало геройскаго, но что дѣлать—я себя за героя и не выдаю...

Часы на каминѣ только-что пробили половину второго, какъ вдругъ растворились двери въ сосѣднюю комнату и въ нихъ показался этотъ самый господинъ Волжанскій съ кислымъ, угрюмымъ лицомъ, въ просторномъ, неряшливо сидѣвшемъ пиджакѣ свѣтло-сѣраго цвѣта. Мутные глаза съ недовольнымъ видомъ остановились на мнѣ и принужденная усмѣшка искривила его широкія губы.

— Ага, вотъ кто съ тобой сидитъ,—безцеремонно проговорилъ онъ, обращаясь къ женѣ,—а я думалъ у тебя все еще гости. Bonsoir, mon cher,—подошелъ онъ ко мнѣ лѣнивою, качающеюся походкой и протянулъ мнѣ свою пухлую руку съ обгрызанными ногтями на красныхъ пальцахъ.—Очень радъ, очень радъ.

Совсѣмъ онъ не былъ радъ меня видѣть и даже не скрывалъ этого. Викторъ Петровичъ тяжело усѣлся въ кресло и зѣвнулъ. Я посмотрѣлъ на него и не могъ подавить слегка насмѣшливую улыбку—больно ужъ неказисто глядѣлъ мой счастливый соперникъ. Жидкія, рыжеватыя бакенбарды, какъ мочалки, висѣли вдоль его оплывшаго лица: сквозь мясистыя губы виднѣлся рядъ неправильныхъ, почернѣвшихъ зубовъ; красныя вѣки съ блѣдными рѣсницами то и дѣло моргали надъ оловянными сѣрыми глазами.

— Что, АлексѣйДмитріевичъ,—заговорилъ онъ, засовывая руки въ карманы просторныхъ штановъ,—опять въ Петербургъ изволили вернуться? и на долго?.. Ты знаешь, Зина, вѣдь, мы съ нимъ большіе пріятели.

Викторъ Петровичъ почему-то захихикалъ. Было что-то дерзкое, принужденно развязное въ его тонѣ. Съ чего онъ вздумалъ говорить о какой-то небывалой пріязни между нами.

— И съ женой вы, кажется, давно знакомы? — онъ перекинулъ ногу на ногу и развалился въ креслѣ.

— Я познакомился съ Зинаидой Павловной гораздо раньше, чѣмъ съ вами,—отвѣтилъ я почти враждебно. Волжанскій меня бѣсилъ.

— Да, да, она мнѣ разсказывала,—опять захихикалъ онъ и тутъ же вторично зѣвнулъ. Викторъ Петровичъ, очевидно, хотѣлъ меня выжить, но я не обратилъ на это никакого вниманія и остался сидѣть на зло ему.

— Зачѣмъ ты не пришелъ раньше? – спросила у него жена.

— Вотъ еще, слуга покорный! Очень весело слушать вашу пустую болтовню. И кто былъ у тебя? Все тѣ же?

Зинаида Павловна ему назвала гостей.

— Ага, Зарайскій! Ну этотъ ничего себѣ—человѣкъ неглупый, талантливый, а дурака этого барона я не выношу и старую эту ученую княжну тоже. А зачѣмъ ты госпожу Стрѣльцову принимаешь, я просто въ толкъ не возьму. Охота тебѣ съ пустою, да еще съ развратною бабенкой связываться. Хорошему она тебя научитъ, нечего сказать!

— Мнѣ пришлось удивиться кроткому терпѣнію, съ какимъ Зина — я мысленно уже называлъ ее Зиной — выносила непозволительный тонъ своего мужа.

— Меня ты знаешь, мой другъ,—сказала она тихо,— чему-нибудь научить мудрено.

— Гм.! надѣюсь,—самодовольно пробормоталъ онъ.— А такихъ барынь въ порядочные дома все-таки пускать бы не надо—каждому мужчинѣ на шею вѣшаться готова. Со мной бы стала кокетничать, кабы я поддался ей... право... Чего смотритъ ея мужъ, не понимаю!

— Не надо осуждать другихъ, мой другъ,—все также кротко отвѣтила ему жена, — и всякимъ слухамъ тоже вѣрить не надо.

— Ну, ты разсказывай тамъ! какъ будто я не знаю. Дуракъ ея мужъ, просто дуракъ. Я бы на его мѣстѣ...

Онъ запнулся.

— Ну, что бы вы сдѣлали на его мѣстѣ?—подстрекнуло меня что-то его спросить.

— Я? Да очень просто. По-моему жена... должна мужа бояться, должна знать, что если тамъ чего... онъ ей не спуститъ. Это всегда отъ мужа зависитъ. И вотъ я, напримѣръ, твердо держусь правила, чтобы моя жена это знала и чувствовала, что я ни передъ чѣмъ не остановлюсь, понимаете, ни передъ чѣмъ!

Сказавъ это, онъ почти свирѣпо посмотрѣлъ на меня. Я внутренно расхохотался. „Вотъ тоже испугать меня вздумалъ“, мелькнуло у меня въ головѣ. Невольно мы съ Зинаидой Павловной обмѣнялись мимолетнымъ взглядомъ и въ ея глазахъ я прочелъ сочувственную улыбку. Эта улыбка и наглое бахвальство ея мужа меня раззадорили. На зло ему я рѣшился остаться тутъ и возобновилъ свой прерванный разговоръ съ его женой. Какое-то давно небывалое оживленіе охватило меня. Я говорилъ бойко, кажется, даже остроумно; по крайней мѣрѣ Зинаида Павловна отъ души хохотала. Волжанскій только хлопалъ ушами; раза два онъ пробовалъ вставить свое слово, но мы на него не обращали вниманія. Рѣчи мои лились рѣкой. Я намѣренно придалъ имъ оттѣнокъ развязнаго ухаживанья. Мало-по-малу у меня закружилась голова, я понемногу какъ бы пьянѣлъ отъ собственнаго воодушевленія, да и признаться, Зинаида Павловна явно меня поощряла. Нечего грѣха таить, шальныя, задорныя мысли стали бродить у меня въ головѣ. Дать хорошій урокъ этому наглецу, такъ глупо похвалявшемуся своею властью надъ женой, мнѣ казалось чѣмъ-то похвальнымъ, даже блестящимъ. И я мечталъ ужъ о роли мстителя за бѣдную, непонятую женщину, которой должно быть не легко жилось съ этимъ грубымъ самодуромъ. Викторъ Петровичъ, очевидно, приходилъ въ ярость и мысленно посылалъ меня къ чорту. Но остатокъ уваженія къ приличіямъ не позволялъ ему это выказать. И все ярче разгорались мои

глаза, все оживленнѣе текли мои рѣчи. Но вотъ пробило два. Довольный собой и, бросивъ искоса насмѣшливый взглядъ на Волжанскаго, я всталъ и раскланялся.

— Надѣюсь, вы станете бывать у насъ часто,—сказала мнѣ на прощаньи Зинаида Павловна, и рука ея отвѣтила на крѣпкое пожатіе моей. Волжанскій что-то пробормоталъ сквозь зубы и съ кислымъ лицомъ проводилъ меня до дверей.

— Семенъ,—крикнулъ онъ сердито лакею,—потуши лампы въ гостиной!

Я вернулся домой влюбленный по уши въ Зинаиду Павловну.

IV.

Разумѣется, мнѣ не спалось въ эту ночь. Неугомонная мысль упорно переносила меня въ туманную даль прошлаго, живо рисуя предо мной давно поблѣднѣвшіе образы, теперь снова воскреснувшіе во всемъ обаяніи свѣжей прелести молодыхъ годовъ. Опять возникали предо мной забытыя картины. Я припомнилъ, какъ десять лѣтъ назадъ я подъѣзжалъ къ усадьбѣ генерала Свирскаго, сельцу Колонтаевкѣ, лежащему верстахъ въ тридцати отъ Москвы среди волнистыхъ полей Звенигородскаго уѣзда. Отецъ, старинный товарищъ генерала, отправилъ меня къ нему уладить какое-то давно тянувшееся дѣло по нашимъ смежнымъ имѣніямъ въ Курской губерніи. Генералъ былъ человѣкъ упрямый и капризный и, несмотря на старинную дружбу съ моимъ отцомъ, никакъ не хотѣлъ уступить своихъ правъ въ мелочномъ спорѣ. Отцу надоѣло судиться и, рѣшивъ уступить, онъ послалъ меня съ мировой. Самъ онъ поѣхать не могъ: его сильно мучила подагра. Была у него, впрочемъ, иная задняя мысль. Ему хотѣлось женить меня на старшей дочери генерала, Александрѣ Павловнѣ,

про которую онъ много наслышался, какъ о дѣвушкѣ прекрасно воспитанной и умницѣ первой руки. Онъ не скрылъ отъ меня своихъ намѣреній. „Понравится тебѣ невѣста, говорилъ онъ, отпуская меня, такъ и посватайся, даю тебѣ на то мое благословеніе. Приданое у нея хорошее: у Павла Сергѣевича—такъ звали генерала—всего двѣ дочери, а дѣла у него въ отличномъ порядкѣ“...

Съ этимъ я и поѣхалъ въ Колонтаевку. Женитьба не то чтобъ очень меня прельщала, но былъ я отъ нея и не прочь. Успѣлъ я ужъ изрядно пожить и надѣлать глупостей. Отецъ не безъ основанія находилъ, что мнѣ пора остепениться. Да и мнѣ самому безалаберное, холостое житье успѣло-таки понадоѣсть. Я ѣхалъ по гладкой и пыльной дорогѣ, не слишкомъ подгоняя лѣнивую тройку. На сердцѣ у меня было смутное чувство безпокойства и неловкости, точно я собирался совершить не совсѣмъ хорошее дѣло. И сказать правду, не слишкомъ заманчивою представлялась мнѣ роль будущаго жениха, ѣдущаго въ чужой домъ подъ благовиднымъ предлогомъ высмотрѣть богатую невѣсту. День былъ жаркій; сухой вѣтеръ посылалъ мнѣ въ лицо теплыя пахучія волны съ расцвѣтавшихъ луговъ, поднимая столбомъ тонкую, сѣрую пыль по дорогѣ. Іюнь только-что начался, дружно зеленѣли поля, по которымъ густо темнѣла колосившаяся рожь; по блѣдному небу бѣжали круглыя сѣроватыя тучки: солнце немилосердно жгло меня и какая-то насмѣшка чудилась мнѣ въ его палящемъ свѣтѣ, точно оно собиралось обличить мои затаенные помыслы.

За поворотомъ дороги я увидалъ передъ собою Колонтаевку. Бѣлый господскій домъ съ колоннами весело глядѣлъ, весь залитый солнцемъ, и его ярко-зеленая крыша рѣзко выдѣлялась среди темной чащи окружавшаго его сада. Усадьба была небольшая, скорѣе похожая на дачу, но все въ ней казалось уютно и красиво: и самый домъ, стоявшій на пригоркѣ, и садъ,

отлого спускавшійся къ быстрой рѣчкѣ, притоку Москвы, и свѣже выкрашенный частоколъ вокругъ этого сада. Словомъ, была сразу видна заботливая рука тароватаго хозяина. Я совсѣмъ ужъ подъѣзжалъ къ усадьбѣ, какъ вдругъ навстрѣчу мнѣ показалась скакавшая на маленькой караковой лошадкѣ совсѣмъ молоденькая дѣвушка въ темно-синей амазонкѣ. Мы скоро поравнялись. Она лихо правила лошадью. Ея тоненькій станъ—на видъ ей нельзя было дать болѣе пятнадцати лѣтъ — ловко и граціозно выпрямлялся надъ сѣдломъ. Вѣтеръ игралъ ея темнокаштановыми волосами, мягкими кольцами свободно падавшими на тоненькую шею. Она носила ихъ совсѣмъ коротко—они едва доходили до плечъ. На меня она не обратила вниманія. Она бросила только мимолетный, слегка насмѣшливый взглядъ на мой запыленный ветхій тарантасикъ. Но тутъ же ее постигло наказаніе за эту насмѣшку: едва повернула она голову, вѣтеръ сорвалъ ея матроскую шляпу и немилосердно закружилъ ее по дорогѣ. Дѣвушка осадила лошадь и, очевидно, не знала, что дѣлать. Разумѣется, я воспользовался случаемъ, чтобы дать ей о себѣ выгодное мнѣніе и, выскочивъ изъ экипажа, бросился догонять шляпу, все дальше уносимую вѣтромъ среди цѣлаго облака пыли. Дѣвушка громко хохотала мнѣ вслѣдъ. Но когда я ей поднесъ сильно запыленную шляпу, въ ея загорѣвшихся синихъ глазахъ читалась досада. Она поблагодарила меня даже какъ-то капризно и сухо, своенравно встряхнувъ при этомъ головкой. Непослушныя пряди волосъ то и дѣло забѣгали ей въ лицо. Я взялся подержать ея лошадь, пока она справится со шляпой; но она мигомъ ее надѣла, быстрымъ, нетерпѣливымъ движеніемъ откинувъ назадъ свои развѣвавшіяся кудри. Я успѣлъ, однако, разглядѣть ея лицо. Это было совсѣмъ еще дѣтское личико, на которомъ нѣжно игралъ прозрачный румянецъ, чуть-чуть подернутый загаромъ; и каждая черта на этомъ личикѣ такъ и прыгала, такъ и искрилась отъ избытка жизни, отъ необузданнаго

молодого задора. Въ углахъ ея чуть-чуть оттопыренныхъ ярко-красныхъ губокъ шаловливо углублялись двѣ крошечныя ямочки. Круглый подбородокъ, тоненькій, слегка вздернутый носикъ и даже густыя дуги бровей—во всемъ этомъ была какая-то полудѣтская незаконченность очертаній и въ то же время какое-то прелестно-своенравное, но уже недѣтское кокетство. Никогда я еще не видывалъ такихъ глазъ, и мягкихъ, и шаловливыхъ въ то же время. Должно-быть въ моемъ взглядѣ она тотчасъ прочла внезапно охватившее меня восхищеніе, только она опять насмѣшливо улыбнулась и, схвативъ поводья, сказала:

— Ну, теперь хорошо. Спасибо вамъ, даже очень спасибо.

— Хорошо, что я вамъ попался навстрѣчу,—отвѣтилъ я, находя, что она благодаритъ меня ужъ черезчуръ развязно.

— Ну, я бы и безъ васъ обошлась,—задорно возразила она, — и не то со мною бывало. И кивнувъ мнѣ головкой, она рѣшительнымъ движеніемъ повернула лошадь.

— Мы должно быть скоро увидимся,—счелъ я нужнымъ добавить,—я къ вамъ въ Колонтаевку. Вы, конечно, дочь Павла Сергѣевича?

Но она не отвѣтила и тутъ же пустила свою лошадь галопомъ. Я еще цѣлую минуту простоялъ на мѣстѣ, упорно глядя ей вслѣдъ и любуясь, какъ ловко вторила ея изящная фигурка плавнымъ движеніямъ лошади. „Какъ жаль“, думалось мнѣ, пока я усаживался въ тарантасъ, „что не эта дѣвочка моя суженая. Впрочемъ, что за пустяки,—вѣдь она еще совершенный ребенокъ“. Минутъ пять спустя я подъѣзжалъ къ крыльцу колонтаевскаго дома. Старикъ Свирскій принялъ меня какъ нельзя лучше, обнялъ меня, даже слегка прослезился, заговоривъ о моемъ отцѣ, и сказалъ, пробѣжавъ письмо, которое я ему привезъ отъ батюшки:

— Полно, Алеша! — ты позволишь мнѣ тебя такъ

называть? Вѣдь, я тебя еще крошечнымъ помню.—Какъ не стыдно твоему батюшкѣ меня старика обижать, точно мнѣ отъ него подарковъ надо. Да я про этотъ глупый споръ и забылъ совсѣмъ.

Павелъ Сергѣевичъ, однако, видимо былъ очень доволенъ не столько, можетъ быть, самою уступкой, сколько тѣмъ, что ёго уважили. Не даромъ вѣдь онъ цѣлыхъ два года велъ съ моимъ отцомъ процессъ. Впрочемъ, старикъ мнѣ полюбился сразу. Маленькій, полненькій, съ густыми, бѣлыми усами и рѣденькими волосиками на лысой головѣ, онъ все еще глядѣлъ необыкновенно бодро, несмотря даже на то, что у него была отнята правая нога, которой лишился онъ подъ Севастополемъ. Голубые маленькіе глазки смотрѣли необыкновенно прытко, а сморщенныя щеки румянились какъ будто отъ мороза. Генералу стукнуло шестьдесятъ пять, но не будь онъ безъ ноги, онъ бы казался совсѣмъ молодцомъ.

— Ты, надѣюсь, у насъ погостишь, — продолжалъ онъ, взявъ меня за локоть,—я тебя такъ скоро не отпущу, и скучно тебѣ не будетъ: у насъ здѣсь молодежи всегда много.

Сказавъ это, онъ позвонилъ и тутъ же велѣлъ позвать старшую дочь. Минутъ десять спустя вошла Александра Павловна. Это была стройная двадцатилѣтняя дѣвушка съ очень правильными, мнѣ даже показалось, съ черезчуръ правильными чертами лица. Совсѣмъ ужъ она не походила на младшую сестру. Сейчасъ было видно, что она была отлично воспитана. Она твердо знала, когда и какъ надо сказать каждое слово, и говорила его спокойно и отчетливо, съ явнымъ намѣреніемъ быть любезною, но и съ не менѣе явною увѣренностью, что она все дѣлаетъ и говоритъ именно такъ, какъ нужно. Видно было, что она отлично заучила какъ надо занимать гостей, когда слѣдуетъ улыбнуться, когда встать и уйти. И выраженіе ея красиваго лица всегда послушно вторило ея словамъ, и

все-таки казалось, что она и говоритъ, и улыбается, и любезна съ вами, потому что этого требуетъ приличіе. Увы! Александра Павловна мнѣ очень не понравилась, и я опять пожалѣлъ, что ей нельзя помѣняться съ младшею сестрой.

Мы чинно разговорились съ Александрой Павловной, какъ необыкновенно благовоспитанные молодые люди. Она повѣдала мнѣ, что очень любитъ деревню, потому что лѣтомъ лучше деревни ничего быть не можетъ, но что зимой она не менѣе любитъ и Петербургъ, гдѣ она много выѣзжала со своею теткой — мать ея давно скончалась. Одинаково нравились ей и балы, и вечера безъ танцевъ, и итальянская опера, и концерты съ серьезною музыкой, потому что тамъ бываютъ всѣ, и все это входитъ въ обязательную программу зимнихъ развлеченій. И нравилось ей все это ровно въ мѣру, какъ слѣдуетъ; словомъ, она выражала вполнѣ приличныя чувства благовоспитанной дѣвицы. Обоимъ намъ было разумѣется очень скучно. Генералъ слѣдилъ за нашимъ разговоромъ, одобрительно покачивая головой и лишь изрѣдка вставляя свое слово. „Что, какова моя Саша“? будто вопрошали меня его глаза. Онъ былъ, очевидно, вполнѣ увѣренъ въ ея совершенствахъ. Къ счастію, намъ пришлось недолго вести эту оффиціальную бесѣду. Въ гостиную веселою гурьбой ворвалась молодежь, только-что вернувшаяся съ прогулки, — двѣ кузины Свирскихъ, похожія одна на другую какъ двѣ капли воды и въ то же время какъ бы похожія на всѣхъ барышень въ мірѣ,—до того все у нихъ было заурядно и манеры, и разговоръ, и самыя лица, молодой сосѣдъ-помѣщикъ, немного застѣнчивый и всѣмъ готовый обижаться, двое гимназистовъ, то и дѣло смѣявшихся невпопадъ и громко, и неловко въ то же время, да еще одинъ юноша въ пажескомъ кителѣ, удивительно некрасивый малый съ плоскимъ лицомъ и необыкновенно красными руками. Это былъ отдаленный родственникъ Свирскихъ, Петя Калугинъ, круглый сирота, отпущенный къ нимъ на

лѣто. Урывками пошелъ безсвязный шумный разговоръ, показавшійся мнѣ чрезвычайно глупымъ. И всегда такимъ кажется пріѣзжему человѣку разговоръ людей, давно привыкшихъ другъ къ другу. На меня всѣ они словно косились оттого, можетъ-быть, что хозяинъ дома выказывалъ мнѣ явное благоволеніе. Да и мнѣ стало какъ-то неловко: барышни со мной жеманились, помѣщикъ на мои любезные вопросы отвѣчалъ коротко и будто неохотно, а съ тремя школьниками я и не заговаривалъ, конечно. Александра Павловна болѣе не угощала меня своими впечатлѣніями, предпочитая шушукаться съ кузинами. „Да гдѣ же младшая дочь генерала“, думалось мнѣ, „что она не показывается?“ Я очень обрадовался, когда насъ позвали обѣдать. Въ столовой я, наконецъ, увидѣлъ Зину. Она стояла тамъ со своею гувернанткой, престарѣлою англійскою миссъ, сухою и костлявою съ необыкновенно длинными зубами, какіе бываютъ у немолодыхъ лошадей. Зина совсѣмъ уже не походила на ту бойкую дѣвочку, которую я встрѣтилъ за часъ предъ тѣмъ. Она держалась прямо и чинно, говорила мало и глядѣла смиренницей. Одѣта она была почти по-дѣтски: въ полудлинномъ свѣтломъ платьѣ съ синими полосками и съ такимъ же синимъ широкимъ кушакомъ. Волосы были у нея гладко зачесаны подъ гребень и собраны въ сѣтку. Да и глаза ея словно потухли; только ножки ея, выглядывавшія изъ-подъ платья, обнаруживали порой свойственную ей шаловливую живость, — онѣ, казалось, такъ и хотѣли запрыгать. Удивительно прелестно глядѣли эти ножки, стройныя и узкія, въ высокихъ кожаныхъ сапожкахъ, какіе тогда только-что стали носить.

— Вотъ и вторая моя дочка,—познакомилъ меня съ Зиной генералъ,—егоза какихъ мало.

Но Зина совсѣмъ не смотрѣла егозой. Она поднялась на цыпочки, поцѣловала отца въ щеку, поклонилась мнѣ холодно и чинно и не протянула даже руки. Про нашу встрѣчу она не упомянула ни словомъ. „Вотъ

такъ барышня“, подумалъ я, „какую на себя важность напускаетъ“; и немного раздосадованный я обратился къ ней съ развязною улыбкой.

— Мы съ вами, Зинаида Павловна, ужъ познакомились кажется?! Что, шляпа ваша, послѣ нашей встрѣчи больше не улетала?

Разумѣется, прочіе ее стали разспрашивать, но Зина ни чуть не смутилась и съ неимовѣрнымъ хладнокровіемъ разсказала про нашу встрѣчу, а меня подарила такимъ гордымъ и равнодушнымъ взглядомъ, что въ неловкомъ положеніи очутился я.

„Ну,—сказалъ я себѣ,—дѣвочка эта ой, ой! Съ нею надо держать ухо востро“.

За обѣдомъ, гдѣ я сидѣлъ между генераломъ и Сашей, я говорилъ очень много и очень увѣренно, такъ и стараясь блеснуть предъ всею этою неоперившеюся молодежью своею двадцатипятилѣтнею опытностью. Въ сущности, хотя я съ Зиной не обмѣнялся ни словомъ, все мое краснорѣчіе было по ея адресу. Но она не обратила на меня никакого вниманія, все время усердно болтая со своимъ сосѣдомъ пажикомъ Калугинымъ, котораго я мгновенно возненавидѣлъ. За то Александра Павловна въ точности исполняла свою роль хозяйки и поддерживала со мной вполнѣ свѣтскую бесѣду, то-есть говорила о предметахъ, которые ни меня, ни ее нисколько не интересовали. Старикъ Свирскій намъ то и дѣло поддакивалъ, но по его лицу все-таки было замѣтно, что онъ не совсѣмъ доволенъ, что выходило у насъ съ Александрой Павловной не совсѣмъ такъ, какъ бы ему хотѣлось. „Чего добраго“, опять промелькнуло у меня въ головѣ, „и генералъ не прочь за меня просватать старшую дочь! Да что, Богъ съ ней; вотъ ея сестра, такъ совсѣмъ другое дѣло“.

И къ моей неописанной радости мы съ Зиночкой успѣли подружиться въ тотъ же вечеръ. Вотъ какъ это случилось. Едва мы встали изъ-за стола, молодежь высыпала въ садъ. Послѣ знойнаго дня наступилъ чуд-

ный, тихій вечеръ. Солнце косыми лучами заливало багрянымъ золотомъ свѣжую зелень деревьевъ, чуть-чуть колыхаемую лѣнивымъ вѣтеркомъ. Безоблачное небо ласково глядѣло на землю своею невозмутимою синевой. И на душѣ становилось легко отъ этого яснаго радостнаго вечера. Барышни затѣяли партію въ крокетъ. Кто-то замѣтилъ, что мнѣ должно-быть не особенно весело будетъ участвовать въ этой дѣтской забавѣ, и Александра Павловна тотчасъ любезно предложила мнѣ вмѣсто игры съ нею прогуляться по саду. Но я рѣшительно объявилъ, что не стану мѣшать общему удовольствію, тѣмъ болѣе, что играю въ крокетъ не хуже другихъ. Чего они, въ самомъ дѣлѣ, со мной вздумали обращаться, какъ съ важною особой? Конечно, я много старше ихъ всѣхъ, но въ двадцать пять лѣтъ я въ серьезные люди записываться еще не думалъ. И не прочь я былъ показать свое умѣнье этой молодежи, очевидно, ко мнѣ не благоволившей. Мнѣ пришлось играть въ одной партіи съ Зиной и заодно съ ней мы разбили противниковъ на голову. Мнѣ удавались самые невѣроятные удары. Да и нельзя было мнѣ не отличиться, глядя на охватившее ее вдругъ оживленіе. Вся она, какъ истый ребенокъ, отдалась игрѣ, точно это было настоящее важное дѣло. Глазки ея такъ и загорались, когда, вся легкая и граціозная, она ударяла молоткомъ объ шаръ, на который упирался кончикъ ея хорошенькой ножки. Нельзя было ею не залюбоваться. И вдругъ, охваченные возбужденіемъ игры, мы оба почувствовали какое-то товарищеское сближеніе. Она совсѣмъ перестала меня дичиться и по-дружески совѣтовалась со мной насчетъ каждаго замысловатаго удара. Интересъ игры ее точно сблизилъ со мной. Да и выказанное мною умѣнье должно-быть возвысило меня въ ея глазахъ.

— Вы, въ самомъ дѣлѣ, отлично играете,—объявила она со смѣющимися глазами,—съ вами весело.

Наступившія сумерки прекратили нашу потѣху. Стали играть въ горѣлки. Случай и тутъ поставилъ меня

въ одну пару съ Зиной. „Ну“, думалъ я, „не отдамъ ее никому, когда намъ придется бѣжать“. И, въ самомъ дѣлѣ, я ее не уступилъ. Горѣлъ какъ разъ ненавистный мнѣ пажикъ; но какъ ни старался онъ поймать мою даму—бѣгать онъ былъ мастеръ большой — я таки за себя постоялъ и, ловко совершивъ обходное движеніе, поймалъ Зину за локоть. Она посмотрѣла на меня какъ-то робко и покорно и, опершись на мою руку, медленно вернулась со мною на мѣсто. И съ этой минуты она совсѣмъ перемѣнилась въ обращеніи со мной, словно признавъ мое превосходство надъ прочими. Пока длилась игра, мы уже не разлучались, и всякій разъ, что намъ приходилось бѣжать, сама Зина теперь всячески мнѣ помогала, не даваясь никому. Удивительная ловкость была у этой дѣвочки. Быстрая и легкая, она неслась по гладкой травѣ, увертываясь отъ ловившихъ ее рукъ. А когда мы стояли рядомъ и я держалъ ее за разгорѣвшуюся ручку, сладкій трепетъ морозомъ пробѣгалъ по всему моему тѣлу. Я пробовалъ заговорить съ ней, но ей было не до этого.

— Смотрите,—скажетъ только она мнѣ, быстро окидывая меня откровеннымъ дружескимъ взглядомъ,—теперь наша очередь...

И мы опять пускались бѣжать, и снова насъ точно влекла другъ къ другу какая-то неудержимая сила. Когда, утомленные бѣготней, мы всѣмъ обществомъ отправились на террасу пить чай, мы съ Зиной были уже настоящими друзьями. И хотя мы съ ней путнымъ словомъ не обмѣнялись за весь вечеръ — слишкомъ много ужъ было безсвязнаго хохота и шумной болтовни — я все-таки былъ какъ нельзя болѣе доволенъ всѣмъ этимъ днемъ. Давно я не ощущалъ такого сладкаго откровеннаго веселья. И когда гости уѣхали, а домашніе разошлись по своимъ комнатамъ, мнѣ было рѣшительно не до сна. Я сошелъ въ садъ, весь утопавшій въ мягкомъ блескѣ мѣсяца, весь залитый опьяняющимъ запахомъ сирени. И такимъ я себя вдругъ почувствовалъ моло-

дымъ, совсѣмъ даже ребячески молодымъ, что сердце во мнѣ забилось отъ охватившей меня вдругъ жажды какого-то неизвѣданнаго, дерзостнаго и въ то же время невиннаго счастья. И соловей, защелкавшій гдѣ-то въ кустѣ, словно вторилъ моему чувству своею пѣснью, будто замирающею отъ сладостнаго упоенія. Я обогнулъ уголъ дома и очутился передъ освѣщеннымъ окномъ нижняго этажа. Меня скрывалъ высокій кустъ жасмина, но я могъ разглядѣть, что дѣлалось за окномъ. Чья-то легкая тѣнь промелькнула по комнатѣ, половица слабо заскрипѣла подъ легкими шагами. Сердце почему-то забилось сильнѣе. „Не комната ли это Зины", промелькнуло у меня въ головѣ, и я замеръ на мѣстѣ, устремляя на окно свой воспаленный взглядъ. Но какъ бы на зло мнѣ огонь въ комнатѣ исчезъ: свѣчу должно-быть потушили. Все стихло... Еще нѣсколько минутъ я простоялъ какъ бы выжидая чего-то. Лучъ мѣсяца широкою полосой озарялъ одинъ уголъ комнаты. И вдругъ въ эту полосу вступило что-то бѣлое и воздушное. Окно медленно безъ шума растворилось, и темная головка высунулась изъ него, какъ бы вопрошая ночь, всю дрожавшую въ бѣломъ свѣтѣ мѣсяца. Это была Зина, вся облитая серебристымъ блескомъ, игравшимъ на ея розовомъ личикѣ, Зина, полураздѣтая, чутко и боязливо прислушивавшаяся къ ночной тишинѣ. Тяжелый жукъ пролетѣлъ мимо окна, и она, какъ бы испугавшись, еще внимательнѣе прислушалась. „Кто, тамъ?" шепотомъ пронесся ея голосокъ, но только сонная птица, взмахнувшая крыльями, отвѣтила на ея вопросъ. Я не смѣлъ шевельнуться и отъ охватившаго меня волненія зажмурилъ глаза. Когда я раскрылъ ихъ опять, видѣніе исчезло, окно было закрыто и бѣлая занавѣсь опущена.

V.

Когда на слѣдующее утро я сошелъ въ столовую, я тамъ за чаемъ засталъ одну только Зину. Александра

Павловна вставала поздно, какъ оно и подобаетъ столичной барышнѣ, выѣзжающей уже третій годъ. А генералъ по утрамъ пилъ чай у себя въ комнатѣ.

— Вотъ мы съ вами какіе,—весело привѣтствовала меня Зина, протягивая мнѣ свою тонкую ручку,—раньше всѣхъ на ногахъ. Она заботливо меня разспросила, какъ я люблю пить чай, крѣпкій или нѣтъ, и сколько именно мнѣ положить кусковъ сахару. Разумѣется, чай, налитый ею, мнѣ показался отличнымъ, а ломоть свѣжаго хлѣба, на который она намазала масла, и того лучше. Одѣта была она въ это утро въ малороссійскій костюмъ. Необыкновенно шла къ ней вышитая разноцвѣтными шелками рубашка, прелестно обрисовывавшая ея молодую грудь. Вся она дышала искристымъ оживленіемъ и обращалась со мной такъ непринужденно, какъ будто мы были съ ней старинные пріятели. Меня сильно подмывало сказать ей, какъ неожиданно я увидѣлъ ее прошлою ночью всю облитую луннымъ сіяніемъ. Но откровенный взглядъ ея невинныхъ глазъ приводилъ меня въ смущеніе, и я застыдился не совсѣмъ чистыхъ помысловъ, дразнившихъ мое воображеніе. Да и оставили насъ вдвоемъ очень недолго. Черезъ нѣсколько минутъ вошла ея гувернантка, а вслѣдъ за нею явился и неизбѣжный пажикъ. Признаюсь, мнѣ было немного досадно, что съ нимъ Зина держалась точь-въ-точь какъ со мной. Шутила и хохотала съ нимъ совершенно такъ же. „Стало-быть моя особа“, думалъ я, „для нея ничуть не занимательнѣе этого семнадцатилѣтняго мальчугана съ неловкими, угловатыми пріемами неотесаннаго школьника“. И какъ ни разсыпался я предъ нею развязною болтовней человѣка, хорошо знающаго свѣтъ, мои старанія пропадали даромъ. Но вотъ явились и генералъ, тяжело переступавшій съ помощью двухъ костылей, и его старшая дочь. Павелъ Сергѣевичъ со мной расцѣловался, спросилъ у меня, какъ я провелъ ночь, и опять, какъ вчера, предоставилъ меня въ распоряженіе Александры Павловны, покуривая изъ длиннаго чубука и

внимательно слѣдя за нашею бесѣдой своими прищуренными глазами. Пошелъ опять несносный, заурядный разговоръ, который я поддерживалъ съ грѣхомъ пополамъ. Александра Павловна была такъ же невозмутима, такъ же убійственно любезна, какъ вчера. Зина скоро удалилась. Англичанка засадила ее за уроки и почти до самаго обѣда я ея ужъ не видалъ. Вяло тянулся нескончаемый день, хотя любезные хозяева дѣлали, что могли, подчуя меня своимъ гостепріимствомъ. Послѣ завтрака генералъ удалился въ кабинетъ, чтобы всхраппуть часа два, оставивъ меня вдвоемъ со старшею дочерью. Александра Павловна добросовѣстно водила меня по всѣмъ угламъ усадьбы, какъ бы вызывая меня на восхищеніе. И ни на минуту не забыла она свою роль отмѣнно благовоспитанной дѣвицы, съ успѣхомъ прошедшей всю школу свѣтскаго приличія. Я ужъ не могъ сомнѣваться, что стоило мнѣ сказать слово, и Павелъ Сергѣевичъ протянетъ ко мнѣ свои объятія и прижметъ меня къ сердцу, какъ нареченнаго зятя. Но слова этого я, разумѣется, не сказалъ, дѣлая лишь невѣроятныя усилія, чтобы скрыть томившую меня скуку. А равнодушная, леденящая улыбка такъ и не сходила съ красивыхъ, но ничего невыражавшихъ устъ Александры Павловны. Наконецъ, уже за часъ передъ обѣдомъ ко мнѣ на выручку явился все тотъ же сосѣдъ помѣщикъ, очевидно влюбленный въ Сашу. Этого нельзя было не замѣтить по тревожной застѣнчивости его обращенія и по тѣмъ безпокойнымъ, недружелюбнымъ взглядамъ, какіе онъ бросалъ на меня. Я внутренно благословилъ его пріѣздъ и пошелъ бродить по саду въ смутной надеждѣ встрѣтить тамъ Зину. И предчувствіе меня не обмануло: изъ-за чащи деревьевъ мелькнуло предо мною ея темносинее платье. Я ускорилъ шагъ и увидѣлъ ее сидящею на качалкѣ, висѣвшей между двумя липами. На колѣняхъ ея лежала книга.

— Вотъ вы куда скрылись, Зинаида Павловна, — началъ я, прислонившись къ одному изъ деревьевъ.

— А меня развѣ искали?—спросила она, широко раскрывъ свои чудные глаза.

— Искалъ васъ, кажется, только я,—было моимъ отвѣтомъ. И какъ ни старался я глядѣть увѣренно и развязно, я почувствовалъ, что краска заливаетъ мнѣ лицо.—За то искалъ я васъ усердно.

Она посмотрѣла на меня слегка щурясь, и лукавый огонекъ блеснулъ сквозь ея длинныя рѣсницы.

— Что васъ цѣлый день не было видно?—продолжалъ я, не отрывая отъ нея своихъ восхищенныхъ глазъ.

— Я училась,—съ дѣтскою важностью проговорила она и принялась тихо раскачиваться взадъ и впередъ.

— Я думаю, вамъ надоѣло ученье, особенно въ такую чудную погоду.

— Отчего надоѣло? совсѣмъ нѣтъ, — вѣдь надо учиться.

Зина, очевидно, была еще совершеннымъ ребенкомъ, совсѣмъ не понимавшимъ, что ею можно заинтересоваться.

— Помилуйте!—воскликнулъ я, и взглядъ мой упорно слѣдилъ за ея стройными ножками, такъ задорно глядѣвшими изъ-подъ синяго платья, — въ ваши годы жизнь такъ богата удовольствіями и такъ хочется свободы...

— Какой свободы? Развѣ вы думаете меня держатъ въ неволѣ?

Она упорно не хотѣла меня понять. Невозмутимо, совсѣмъ по дѣтски откровенно смотрѣли на меня ея лучистые глазки. И вдругъ не знаю съ какой стати, я очертя голову, понесъ такую чепуху, что самому мнѣ стало совѣстно. Я увѣрялъ ее, что молодымъ бываешь только разъ, что надо пользоваться каждымъ днемъ этой счастливой поры, что она уже взрослая дѣвушка, и есть для нея иное, несравненно болѣе важное, чѣмъ эти глупые книги и уроки. Словомъ, я говорилъ какъ записной любезникъ и говорилъ съ жаромъ, съ увле-

ченіемъ. Но выходило оно, кажется, очень глупо, — до того мало шли мои увѣренныя рѣчи къ ея замкнутому дѣтскому мірку. И она слушала меня, слушала, широко раскрывъ глаза и очевидно совсѣмъ не понимая, съ чего я вздумалъ сыпать предъ нею кудрявыми, любезными фразами свѣтскаго балагура. Она откинула назадъ головку и высоко подняла руки, держась ими за веревки, на которыхъ висѣла качалка. Мало-по-малу ея губки сложились въ едва замѣтную, насмѣшливую улыбку.

— Вотъ вы какой,—сказала она, какъ бы задумавшись,—хотите, чтобъ я бросила учиться; берегитесь, я папà скажу, чтò за дурные совѣты вы мнѣ даете.

— Чтò жъ, батюшка вашъ скажетъ, что я правъ; вы ужъ не ребенокъ. Родители этого только никогда не примѣчаютъ.

— Чтò жъ по вашему я должна дѣлать?

Теперь у нея улыбались и глаза; и въ нихъ какъ будто заискрилась новая, забавлявшая ее мысль.

— Я вамъ скажу, по крайней мѣрѣ, чего вы не должны дѣлать, Зинаида Павловна,—разсмѣялся я въ отвѣтъ,—вы не должны по цѣлымъ днямъ лишать меня своего милаго общества...

Она посмотрѣла на меня съ удивленіемъ, потомъ удивленіе смѣнилось какимъ-то загадочнымъ, шаловливымъ блескомъ и румянецъ чуть-чуть усилился на ея щечкахъ. Она при этомъ слегка закусила себѣ губку, и на мигъ задорная, торжествующая искорка показалась у нея въ глазахъ. Въ ребенкѣ точно проснулась женщина.

— Зина, Зина, гдѣ вы?—послышался издали голосъ пажика Калугина,—обѣдать зовутъ.

Она живо посмотрѣла на часы.

— Ахъ Господи, слишкомъ пять. Вотъ мы какъ съ вами заболтались!

Ловко и быстро она соскользнула на землю, но я успѣлъ помочь ей въ этомъ, и моя рука на мигъ обхватила ея тонкій станъ. Чуть-чуть, едва замѣтно я

притянулъ ее къ себѣ, и сладкая тревожная волна поднялась у меня къ самому сердцу. Она зардѣлась и, выскользнувъ отъ меня, побѣжала по направленію, откуда слышался голосъ. А я пошелъ къ дому другою дорогой,—мнѣ стыдно было встрѣтиться съ этимъ мальчикомъ. Да и лицо мое должно быть выдавало овладѣвшее мною смущеніе.

Обѣда намъ пришлось, однако, дожидаться еще цѣлыхъ полчаса. Барышни куда-то скрылись. Генералъ былъ у себя въ кабинетѣ и бесѣдовалъ съ пріѣзжимъ сосѣдомъ. Разговоръ этотъ, должно быть, былъ не изъ совсѣмъ пріятныхъ: по крайней мѣрѣ у обоихъ лица глядѣли какъ-то натянуто, а у Павла Сергѣевича даже брови нахмурились, и частенько онъ нетерпѣливо постукивалъ костылемъ. Словомъ, въ воздухѣ чувствовалось что-то недоброе. Въ домѣ какъ будто случился какой-то переполохъ.

Сестры, наконецъ, явились. Я тотчасъ же примѣтилъ, что у Александры Павловны глаза были заплаканы. „Неужели“, подумалъ я, „она ужъ приревновала меня къ младшей сестрѣ, и пролитыя слезы вызваны моимъ холоднымъ обращеніемъ съ ней“. Увы! это лестное для меня объясненіе было совершенно невѣрно. Нечего, однако, забѣгать впередъ...

По лицу младшей сестры, напротивъ, то и дѣло пробѣгала лукавая, торжествующая улыбка. Зина вдругъ какъ-то преобразилась. Она смотрѣла теперь совсѣмъ уже взрослою дѣвушкой. Что-то законченное и увѣренное было во всѣхъ ея движеніяхъ. И успѣла она даже принарядиться къ обѣду. Малороссійскій костюмъ былъ замѣненъ легкимъ платьемъ изъ какой-то воздушной ткани цвѣта crême, убраннымъ темно-красными лентами. Пурпуровая роза алѣла у нея въ волосахъ; двѣ такія же розы были спереди приколоты къ лифу. За обѣдомъ одна только Зина и поддерживала разговоръ, она смотрѣла избалованнымъ, очаровательнымъ бѣсенкомъ, точно она не хотѣла примѣтить общаго хмураго

настроенія. Павелъ Сергѣевичъ раза два на нее удивленно вскидывалъ глазами.

— Что̀ съ тобой, Зина,—спросилъ онъ даже,—чему ты такъ обрадовалась?

Но Зина не унималась. Она и съ отцомъ какъ будто кокетничала. И Павла Сергѣевича ея веселость мало-по-малу заразила. Сейчасъ было видно, что она его любимица. Александра Павловна на этотъ разъ совсѣмъ забыла про свою роль благовоспитанной хозяйки и мною не занималась нисколько. Я мысленно отъ души поблагодарилъ ее за это: такъ, по крайней мѣрѣ, никто не мѣшалъ мнѣ болтать съ Зиной. И какъ съ ней говорилось легко и непринужденно, — не то что съ ея старшей сестрой! Между нами оффиціальнаго тону не было и въ поминѣ. Она дразнила меня такъ усердно,— да и не меня только, а и всѣхъ остальныхъ,—что ея чопорная британская миссъ попробовала ее даже остановить негодующимъ возгласомъ:—Oh, Zina for shame! Причемъ это oh! вышло у нея удивительно похоже на кошачье мяуканье.

Подъ конецъ обѣда мы такъ расходились, что совсѣмъ даже перестали обращать вниманіе на прочихъ. Вдругъ Зина остановилась и вся сіяющая отъ шаловливаго оживленія спросила у сестры:

— Что́, Саша, идетъ?

— Ну, вотъ еще! ты проиграешь,—отвѣтила та.

— Объ этомъ ужъ не безпокойся,—самоувѣренно засмѣялась Зина.

— Что это у васъ, пари?—спросилъ я въ свою очередь,—можно полюбопытствовать о че́мъ?

Зина комично погрозила мнѣ пальчикомъ.

— Много будете знать... помните? У насъ съ нею свои дѣла есть; до васъ они не касаются. А вы мнѣ лучше вотъ что́ скажите,—вдругъ становясь серьезною добавила она,—отвѣтьте прямо, да или нѣтъ?

— То-есть какъ это? — спросилъ я, немного озадаченный.

— Вы ужъ не разспрашивайте, а отвѣчайте прямо. Я загадала про себя и мнѣ хочется знать, выйдетъ-ли по моему... Ну такъ какъ же? Рѣшайтесь...

— Пожалуй, да, — отвѣтилъ я и скорчилъ при этомъ, должно-быть, довольную глупую мину.

Она чуть-чуть захлопала въ ладоши.

— Я такъ и думала, что вы это скажете...

Какъ я ни приставалъ къ ней, чтобъ она мнѣ объяснила въ чемъ дѣло, Зина мнѣ не выдала своей маленькой тайны. А я, самъ того не примѣчая, все сильнѣе и безотчетнѣе отдавалъ себя во власть маленькой обворожительницы.

Послѣ обѣда генералъ затѣялъ было со мной какой-то серьезный разговоръ про сельское хозяйство или про что-то въ этомъ родѣ—теперь ужъ не помню про что именно, тѣмъ болѣе, что и тогда я слушалъ его разсѣянно. Меня тянуло въ садъ, куда скрылась молодежь.

— Ну, Алеша,—сказалъ Павелъ Сергѣевичъ,—я вижу, тебѣ не до этого, ступай-ка лучше въ садъ. Только постой, скажи мнѣ,—онъ схватилъ меня за локоть,—какъ ты находишь мою Сашу?

— Александра Павловна дѣвица прекрасная,—отвѣтилъ я, стараясь не глядѣть ему въ лицо.

— Да, да, она у меня предобрая, славная такая, послушная... Ну, ну ступай, тебѣ со мной не сидится, отпустилъ онъ меня и при этомъ слегка вздохнулъ.

Всю колонтаевскую молодежь я засталъ у самаго берега рѣчки, гдѣ Зина съ Петей Калугинымъ возились и хохотали, стоя на маленькомъ плоту. Сосѣдъ, влюбленный въ Сашу,—кстати, пора вамъ сказать его имя и фамилію: звали его Андрей Гавриловичъ Суздальцевъ—оставался съ Александрой Павловной на берегу. Онъ почему-то повеселѣлъ и на меня даже не смотрѣлъ уже съ прежнею враждебностью, а въ глазахъ его такъ и читалось откровенное, немного глупое восхищеніе Сашей. Удивительно какъ всѣ влюбленные смотрятъ глупо! А у самой Александры Павловны со-

всѣмъ исчезла ея привычная оффиціальность. Съ молодымъ Суздальцевымъ она держалась просто, развѣ только съ легкимъ оттѣнкомъ преувеличенной стыдливости.

— Зинаида Павловна,—воскликнулъ я,—что вы дѣлаете? Да вы въ воду упадете, утонете. Какъ можно быть такой неосторожной?

Зина, стоя на колѣняхъ, нагибалась впередъ, стараясь поймать ручкой своего зонтика пышный цвѣтокъ водяной лиліи. Отъ моихъ испуганныхъ словъ всѣ почему-то разсмѣялись. А Саша даже переглянулась со своимъ кавалеромъ, и въ ея благовоспитанныхъ глазахъ мелькнуло что-то почти лукавое.

— Ничего ей не сдѣлается,—закричалъ мнѣ въ отвѣтъ несносный пажикъ, —рукава себѣ развѣ вымочитъ немножко, это не бѣда!

Я съ радостью бы побилъ глупаго мальчишку.

— Ахъ, это несносно! Не могу зацѣпить, да и только,— объявила Зина, которой цвѣтокъ на своемъ длинномъ плавучемъ стеблѣ упорно не давался,—помогите мнѣ, Петя.

— Нѣтъ ужъ, слуга покорный,—отвѣтилъ тотъ, — стану я съ этою дрянью возиться, да себѣ руки пачкать. Бросьте это, Зина, да поѣдемте-ка всѣ въ рощу, какъ было рѣшено.

Зина надула губки. Она опять теперь глядѣла совершеннымъ ребенкомъ.

— Зинаида Павловна,—объявилъ я,—позвольте мнѣ вашему горю пособить. Можетъ-быть мнѣ удастся.

Петя Калугинъ фыркнулъ и сошелъ съ плота на берегъ.

— Ну, извольте М-г Возницынъ. Коли вамъ угодно, ступайте: вамъ и книги въ руки.

— То-есть не книги, а шестъ,—сказалъ я, взбираясь на плотъ.—Вѣдь шестъ у васъ есть?

Зина посмотрѣла на меня, и на этотъ разъ благодарная, откровенная улыбка засвѣтилась въ ея глазахъ.

— Неужели вы станете безпокоиться изъ-за этихъ пустяковъ,—сказала она серьезно.

— Помилуйте, когда это можетъ доставить вамъ хотя крошечное удовольствіе...

Шестъ оказался. Рѣчка была неглубокая, и мнѣ безъ труда удалось отчалить отъ берега. Минуты черезъ двѣ сорванный цвѣтокъ былъ у меня въ рукахъ, и я съ торжествомъ поднесъ его Зинѣ. Правда, я при этомъ выпачкался изрядно, но все-таки я былъ собою необыкновенно доволенъ. Странно было только, что Александра Павловна немного хихикала, переглядываясь съ Суздальцевымъ. Пажикъ состроилъ сердитую мину. За то отъ Зины я получилъ въ награду самую обворожительную улыбку. Она покраснѣла немного, принимая отъ меня цвѣтокъ, и тутъ же воткнула его къ себѣ въ поясъ на мѣсто красовавшихся тамъ розъ.

— Настоящая русалка,—недовольнымъ тономъ пробормоталъ Петя Калугинъ,—вотъ тоже охота на себѣ эту дрянь носить!...

Но Зина его не слушала и, взявъ меня подъ руку, направилась со мной къ дому, гдѣ всѣхъ насъ ужъ ждали лошади, чтобъ ѣхать въ рощу. Въ четырехмѣстной коляскѣ помѣстилась Саша съ тремя кавалерами, то-есть съ Андреемъ Гаврилычемъ, съ пажикомъ и со мной; Зина въ маленькомъ кабріолетикѣ усѣлась со своею англичанкой, такъ все было устроено самимъ генераломъ. Отпуская насъ Павелъ Сергѣевичъ объявилъ, что сперва объѣдетъ поля, а потомъ завернетъ къ намъ въ рощу, гдѣ всѣ мы вмѣстѣ будемъ пить чай.

VI.

До рощи было не болѣе трехъ верстъ, и бойкія лошадки генерала довезли насъ туда въ какихъ-нибудь десять минутъ. За это короткое время я успѣлъ, однако, окончательно убѣдиться въ вѣрности своей догадки насчетъ Суздальцева. Онъ не спускалъ съ Александры Павловны своихъ восторженныхъ глазъ; и стоило взгля-

нуть на его лицо, чтобы прочесть на немъ безграничное, хоть и немного робкое поклоненіе. „Ага“, подумалъ я, „вотъ почему стало-быть этотъ господинъ дарилъ меня вчера и сегодня такими недружелюбными и въ то же время боязливыми взглядами!.. Должно-быть Павелъ Сергѣевичъ къ нему неособенно благоволитъ... А, можетъ-быть, до моего пріѣзда акціи почтеннаго сосѣда стояли повыше, и я, какъ нѣкогда Цезарь, „пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ“... Но какъ ни лестно для моего самолюбія было это предположеніе, я торжествовалъ при этой мысли очень хладнокровно. Моя побѣда меня совсѣмъ не занимала, и я былъ готовъ отступить предъ соперникомъ, даже оказать ему великодушную помощь.

— Ну, вотъ мы и пріѣхали!—сказала Саша, когда наша коляска остановилась на маленькой лужайкѣ среди кудрявой березовой рощи, весело и нарядно глядѣвшей въ свѣжемъ убранствѣ молодой зелени. Роща была саженая и старательно подчищалась. Красиво тянулись рядами березы по небольшому пригорку вдоль крутого берега рѣчки. Въ тихомъ воздухѣ носился крѣпкій запахъ молодого листа. Низкое солнце мягко золотило траву на лужайкѣ и, пронизывая вѣтви березъ, багровыми пятнами ложилось на бѣлые стволы.

— Что́-жъ мы будемъ дѣлать, Саша?—спросила по-англійски миссъ Спрингъ—такъ звали гувернантку: она почему-то воображала, что всегда нужно дѣлать что-нибудь опредѣленное. Ея британская натура не могла обходиться безъ строгихъ условныхъ рамокъ.

— Да ничего, будемъ гулять пока,—засмѣявшись объявила Зина, болѣе рѣшительная, чѣмъ старшая сестра.

И сдѣлалось какъ-то само собой, что мы съ Зиной пошли въ одну сторону къ берегу рѣчки, а Саша и Суздальцевъ направились въ другую—вверхъ по пригорку. Почтенная англичанка не сочла нужнымъ кому-либо изъ насъ навязывать свою докучливую охрану.

Она страстно любила ботанику и принялась по лужайкѣ собирать полевые цвѣты.

— Спасибо вашей наставницѣ,—сказалъ я Зинѣ,— что она оставляетъ насъ вдвоемъ.

Мы, однако, не были одни. За нами какъ тѣнь слѣдовалъ молодой Калугинъ. Явная досада читалась въ его насупленныхъ бровяхъ. Онъ неоднократно пробовалъ заговорить съ Зиной, но та отвѣчала ему крайне сухо. Онъ, видимо, надоѣдалъ ей.

— Ну, Богъ съ вами, коли вы сегодня такая,—вдругъ сорвалось у него съ языка. И не скрывая своего раздраженія, онъ разомъ повернулъ направо кругомъ и удалился крупными шагами.

— Что̀ съ нимъ?—спросилъ я у Зины.—Какой онъ странный! Впрочемъ тѣмъ лучше, и не понимаю, право, какъ вы терпѣливо сносите его выходки. „Да не влюбленъ-ли, чего добраго, въ нее этотъ мальчишка“, добавилъ я мысленно, „вѣдь всѣ они здѣсь влюблены въ кого-нибудь. Ну, да гдѣ ему до Зины...“ Петя Калугинъ вызывалъ во мнѣ презрительное состраданіе.

— Ахъ, онъ славный мальчикъ,—добродушно сказала Зина,—немножко плохо воспитанъ, да что дѣлать. Вѣдь, родныхъ у него, кромѣ насъ, никого нѣтъ, и папа взялъ его къ намъ на лѣто. Мы всѣ стараемся его приласкать.

„Что̀ за добрая дѣвочка“, подумалъ я; и Зина показалась мнѣ еще милѣе.

— Знаете что̀, Зинаида Павловна,—продолжалъ я и при этомъ намѣренно улыбнулся,—я думаю Андрей Гаврилычъ намъ очень благодаренъ, что мы оставили его вдвоемъ съ вашею сестрой. Вѣдь я кое-что примѣтилъ, а?

— Вотъ вы какой догадливый,—разсмѣялась она и захлопала въ ладоши.

— Ну да, ну да, пусть онъ себѣ наслаждается. Я отъ души ему желаю счастья. А что̀,—будьте со мной откровенны пожалуйста,—ваша сестрица къ нему благоволитъ?

— Не знаю, право,—Зина нерѣшительно на меня посмотрѣла,—можетъ-быть.

— Ну и прекрасно... Всѣмъ намъ, значитъ, будетъ хорошо.

Я былъ въ томъ особомъ счастливомъ настроеніи, когда любому, совсѣмъ даже незнакомому человѣку желаешь полнаго счастья. И коли я прежде ошибался, когда воображалъ, что Саша заинтересована мною и ревнуетъ меня къ младшей сестрѣ, не все ли мнѣ было равно теперь?! Я былъ вдвоемъ съ этою прелестною дѣвочкой, и никто не мѣшалъ мнѣ отдаться безъ оглядки упоительному, мягкому чувству, такою сладкою волной заливавшему мнѣ сердце. Тихій, ясный вечеръ какъ нельзя лучше вторилъ моему настроенію. Солнце закатывалось за берегомъ рѣчки и такъ ласково слало оно намъ улыбку своихъ прощальныхъ лучей. Розоватое облачко длинною и тонкою пеленой разстилалось надъ нимъ, а выше понемногу темнѣлъ невозмутимо ясный сводъ вечерняго неба, какъ огромный куполъ величаваго собора, поднимавшійся надъ стволами березъ. Одно за другимъ исчезали солнечныя пятна на землѣ. Только на верхушкахъ березъ еще догоралъ блескъ заката, но и онъ сталъ потухать. И ровная, прозрачная мгла окутала природу, какъ чудное праздничное одѣяніе. Все сильнѣе разносился по воздуху возбуждающій запахъ и отъ деревьевъ, и отъ росистой земли. Одинъ за другимъ замолкали щебетавшіе голоса пташекъ въ лѣсной чащѣ; лишь кукушка изрѣдка выводила свой тревожный возгласъ, да кроткая горлица гдѣ-то въ чащѣ боязливо ворковала. Слабый шелестъ тихо пробѣгалъ по вѣтвямъ. Роща засыпала, и въ то же время пробуждалась въ ней чудная, таинственная, ночная жизнь: то майскій жукъ стремительно пролеталъ надъ травой, то беззвучно проносился ночной мотылекъ, то сычъ издали вскрикивалъ пугливо. А за рѣчкой все куталось и заволакивалось тѣнью, и какъ волшебныя привидѣнія выступали среди надвигавшейся ночи мягкія очертанія за-

снувшихъ полей. Мѣсяцъ еще не поднимался на востокѣ, но вокругъ насъ все еще было свѣтло тѣмъ особымъ ровнымъ свѣтомъ безъ лучей, который въ лѣтнія сумерки навѣваетъ на душу такую сладкую томительную нѣгу.

Хорошо намъ было вдвоемъ. Откровенность, съ которою мы заговорили про Сашу, будто насъ сблизила вдругъ. У насъ была теперь общая маленькая тайна, и мы безмолвно какъ бы согласились помогать Сашѣ и Суздальцеву. А, вѣдь, ничто такъ не сближаетъ, какъ тайна. Мы бродили вдоль берега безъ цѣли, любуясь прелестью вечера, упиваясь свѣжимъ росистымъ запахомъ полей. Зина невольно оперлась на мой локоть и невольно тоже я тѣснѣе прижалъ къ себѣ ея тоненькую ручку.

Про что мы тогда говорили, я не помню теперь. Помню только смутныя впечатлѣнія чего-то милаго и свѣтлаго, отзывавшагося во мнѣ какъ отголосокъ нашихъ безсвязныхъ рѣчей. Припоминаю ея чистый дѣвическій смѣхъ, звонкимъ серебромъ разливавшійся по сонному воздуху, да жуткое чувство тепла и нѣги отъ легкаго прикосновенія ея руки, ея одежды. Гдѣ вы, чудныя минуты первыхъ восторговъ проснувшейся любви, особенно чудныя, когда они настаютъ въ сладкую пору первыхъ лѣтнихъ дней? Какъ все это далеко теперь и глупо, и все-таки мило!

Надъ самымъ берегомъ стояла скамейка. Мы усѣлись на ней, прислушиваясь къ веселому журчанью рѣчки. Не дремала волна, говорливо струясь, точно она вторила нашей бесѣдѣ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ была избушка сторожа, а на рѣкѣ, привязанная къ колу, стояла небольшая лодка. „Какъ быстро, однако, течетъ жизнь“, думалось мнѣ, „вчера еще я не зналъ совсѣмъ этой дѣвочки, а теперь...“

Теперь въ цѣломъ свѣтѣ не было существа мнѣ милѣе. Неглубокимъ, конечно, было мое вспыхнувшее чувство, но завладѣло оно мною съ неудержимою силой.

Оно было свѣжо и молодо, какъ этотъ іюньскій вечеръ, какъ недавно развернувшійся листъ, какъ сама эта прелестная дѣвочка, гибкая и стройная, съ нѣжными очертаніями розоваго личика, надъ которымъ курчавились непослушныя, мягкія кольца волосъ. Не было и тѣни робости въ ея обращеніи со мной. Довѣрчиво и въ то же время шаловливо смотрѣли на меня ея игривые глазки. Конечно, она еще не раздѣляла моего чувства, не понимала его даже. Но кто знаетъ, думалось мнѣ тогда, не вспыхнетъ ли вдругъ и въ ея безмятежномъ сердцѣ сочувственная искра. Припоминаю теперь, какъ я сладко мечталъ въ этотъ незабвенный вечеръ. Мнѣ даже не жаль моего тогдашняго увлеченія,—до того оно мнѣ дорого и мило до сихъ поръ.

Мы сидѣли такъ близко, что я чувствовалъ на своемъ лицѣ ея легкое дыханье и колѣно ея не разъ касалось моего... По всѣмъ моимъ жиламъ пробѣгала жгучая волна. И тянуло меня обвить рукой ея станъ, прильнуть къ ея лицу горячими губами, сказать ей, какъ дорога она мнѣ, но я не смѣлъ нарушить безмятежной чистоты ея дѣвичьяго сердца, и только глаза мои выдавали мою тревогу. Рукой я прикоснулся до ея тонкихъ пальцевъ, долго, долго не выпуская ихъ. Она не отняла своей руки и только вопросительно-серьезно взглянула на меня.

— Зина,—произнесъ я дрожавшимъ голосомъ и самъ удивился, какъ посмѣлъ я ее такъ назвать,—какъ жаль, что этотъ вечеръ не повторится.

— Отчего не повторится?—невинно спросила она.

— Да оттого, что я долженъ уѣхать, можетъ-быть, завтра...

— Ужъ завтра?

— Да не могу же я у васъ загоститься...

Я весь просіялъ, услыхавъ этотъ короткій вопросъ и, придвинувшись къ ней еще ближе, добавилъ весь дрожа отъ волненія:

— Я унесу отсюда дорогое, сладкое воспоминаніе,

но кто знаетъ, скоро ли увижу я васъ опять. Да и къ чему это воспоминаніе, когда вы...—я остановился и договорилъ понизивъ голосъ:—когда здѣсь меня некому вспомнить.

— Вы думаете?—проронила она и потупилась, а пальчики ея судорожно заиграли складкой ея платья.

Можетъ-быть въ этотъ короткій мигъ и ея сердце слабо забилось въ отвѣтъ на мое, но тутъ же она вдругъ приподняла голову и озираясь сказала:

— Посмотрите какъ стемнѣло. Поздно, должно-быть. Пойдемте. Насъ ждутъ остальные.

Я вздохнулъ и поднялся съ мѣста, подавая ей руку Она оперлась на нее сильнѣе, чѣмъ за полчаса предъ тѣмъ, точно она устала немножко. Мы пошли къ лужайкѣ, болтая какъ старые друзья. Мѣсяцъ теперь поднялся надъ небосклономъ и полосы блѣднаго свѣта скользили между стволами, блестками играя на низкихъ сучьяхъ и серебря легкое платье Зины. Она опять предстала предо мной какъ наканунѣ, когда я увидѣлъ ее черезъ окно ея комнаты. И мое воображеніе снова нарисовало ее полуодѣтою, залитою этими серебряными лучами... Почти ужъ подходили мы къ лужайкѣ и будто прощаясь съ милою дѣвушкой, которая въ присутствіи другихъ будетъ уже не настолько моей, я взялъ ея маленькую ручку и прильнулъ къ ней жадными губами. О, кабы я могъ расцѣловать всю ее отъ маленькихъ ножекъ до кончиковъ темныхъ волосъ! Въ ея взглядѣ сказалось опять скорѣе удивленіе, чѣмъ гнѣвъ. И хоть она отстранилась отъ меня въ наказаніе за мою дерзость, улыбка скользнула по ея смутившемуся личику.

На лужайкѣ мы застали общество уже за чаемъ. На травѣ былъ разостланъ коверъ. Самоваръ весело шипѣлъ. Насъ встрѣтили насмѣшливыми разспросами, гдѣ и зачѣмъ мы такъ долго пропадали. Къ моему удивленію, генерала тутъ не было. Пока мы гуляли съ Зиной, неожиданно вышелъ маленькій несовсѣмъ пріятный случай. Едва въѣхалъ Павелъ Сергѣевичъ въ рощу, онъ

наткнулся на старшую дочь, шедшую подъ руку съ Суздальцевымъ. Это его, видимо, разсердило. „Да гдѣ же миссъ Спрингъ, гдѣ Зина и Алексѣй Дмитріевичъ“, спросилъ онъ раздраженнымъ голосомъ. Но предъ Суздальцевымъ онъ сдержалъ свой родительскій гнѣвъ и поѣхалъ распекать бѣдную англичанку, которую настигъ все за тѣмъ же невиннымъ занятіемъ собиранія полевыхъ цвѣтовъ. Все это, смѣясь, намъ разсказала Саша. Въ ней и тѣни не было теперь ея прежней благовоспитанной оффиціальности. Павелъ Сергѣевичъ не пожелалъ остаться въ рощѣ, объявивъ, что становится сыро, и у него, чего добраго, разыграется подагра. Уѣзжая онъ строго-на-строго поставилъ всѣмъ на видъ, чтобы за чаемъ не засиживались и поскорѣе возвращались домой.

— А гдѣ же Петя?—спросила Зина, принимаясь за стаканъ густого молока.

Пажика никто не видалъ. Онъ исчезъ куда-то, весь отдавшись вспышкѣ ревниваго гнѣва.

Мы наскоро отпили чай. Миссъ Спрингъ не переставала насъ торопить. Да и Саша, какъ послушная дочь, не хотѣла сердить Павла Сергѣевича. Генералъ, кстати, распорядился, чтобы на возвратномъ пути англичанка ѣхала вмѣстѣ съ нами въ коляскѣ.

„А Зина и одна доѣдетъ отлично“, сказалъ онъ, „она, вѣдь, править мастерица.“

Это было мнѣ какъ нельзя болѣе на руку, и я взялся проводить Зину домой. Но когда остальные усѣлись въ коляскѣ, иная мысль мнѣ вдругъ пришла въ голову.

— Знаете что́,—предложилъ я Зинѣ,—вернемтесь-ка домой не въ экипажѣ, а въ лодкѣ, а кабріолетъ вашъ довезетъ сторожъ. Хотите?

Грести я умѣлъ отлично и не прочь былъ похвастаться этимъ предъ Зиной. Она согласилась.

— Только смотрите,—сказала она, сходя со мной къ берегу,—не застряньте съ лодкой въ камышахъ. Рѣчка наша узкая и не глубокая.

Я увѣрилъ ее, что никакіе камыши мнѣ не страшны. Мы сбѣжали къ рѣкѣ, съ трудомъ достучавшись сторожа, уже сладко задремавшаго въ своей хатѣ. Мы усѣлись въ лодкѣ. Зина взялась за руль, а я мѣрно принялся ударять веслами по водѣ.

Лодка тихо скользила по гладкой поверхности извилистой рѣчки. Надо было, въ самомъ дѣлѣ, остерегаться камышей, кое-гдѣ завладѣвшихъ половиной ея тѣснаго русла. Да и не хотѣлось мнѣ спѣшить. Слишкомъ ужъ хорошо было дышать свѣжимъ ночнымъ воздухомъ, сіявшимъ въ бѣломъ свѣтѣ мѣсяца. Кругомъ царилъ покой іюньскаго вечера, но была какая-то страстная нѣга въ этомъ покоѣ, точно ею былъ наполненъ еле колыхавшійся воздухъ, и запахъ луговъ и полей, и самое небо, гдѣ слабо мерцали звѣзды. Луна золотистымъ столбомъ отражалась въ водѣ, и столбъ этотъ все шелъ впереди насъ, какъ бы указывая намъ путь. На берегу трещали кузнечики, да гдѣ-то коростель выводилъ свою пискливую однообразную ноту. Изъ сосѣдней деревни доносился порою неугомонный собачій лай. И по обоимъ берегамъ, всѣ залитыя мѣсяцемъ, широко раскинулись волнистыя очертанія полей. Вдали бѣлѣла церковь на самомъ небосклонѣ. Вдругъ совсѣмъ близко отъ насъ раздался чей-то голосъ: „Митрошка, ай, Митрошка“, протяжно зазвучавшій среди ночной тиши.

„Ау“, послышалось въ отвѣтъ, и все замерло опять въ непробудномъ молчаніи.

Мы тоже говорили не много. И сердце, и голова у меня были такъ переполнены ощущеніями, что казалось струна какая-то во мнѣ была натянута до-нельзя. А въ такія минуты слова не просятся на языкъ. Еще немножко, и я не въ состояніи былъ бы выдержать сладкой, томительной нѣги, отъ которой я весь замиралъ, какъ бы цѣпенѣя отъ счастія. И все-таки хотѣлось, если не словъ, то звуковъ, чтобы вылить въ нихъ избытокъ радостныхъ ощущеній. Мысль не работала, а сердце такъ

и рвалось впередъ. И вдругъ, не знаю почему, мнѣ въ голову пришелъ извѣстный романсъ, и, приподнявъ весло, я вполголоса запѣлъ: „Я помню все—и голосъ милый, и ласки, ласки безъ конца...“ Пѣть громко рѣшительно нельзя было въ этотъ тихій вечеръ, чтобы не нарушить торжественнаго безмолвія природы. Зина улыбнулась и на второй строфѣ стала мнѣ вторить. У нея былъ вѣрный голосокъ, чистый и звонкій, какъ хрусталь.

Съ добрый часъ мы проѣхали короткое разстояніе до усадьбы. И когда мы причалили къ берегу, я нехотя поднялся съ мѣста: мнѣ жаль было нарушить охватившее меня очарованіе. Выходя изъ лодки, Зина оперлась на мой локоть, и я почувствовалъ, что рука ея дрожала.

Самъ я едва держался на ногахъ отъ волненія. Мы медленно стали подниматься, точно намъ тяжело было идти вверхъ по отлогому склону. И вдругъ Зина слегка оступилась объ корень старой ракиты. Тутъ—не знаю, какъ это случилось—у меня голова пошла кругомъ и почти безсознательно я привлекъ ее къ себѣ и дрожащія мои губы лихорадочнымъ, но робкимъ поцѣлуемъ скользнули по ея щекѣ. Она испуганно вырвалась отъ меня и бросилась впередъ въ гору. Я не посмѣлъ остановить ее. Минуту спустя я увидѣлъ ее на террасѣ, гдѣ насъ дожидался генералъ. Лицо ея не говорило о гнѣвѣ и весело раздавался ея смѣхъ.

За то Павелъ Сергѣевичъ насъ пожурилъ изрядно, и мнѣ почудилось даже, что онъ глядитъ на меня съ какимъ-то удивленнымъ укоромъ. По крайней мѣрѣ прежняго добродушія въ его обращеніи со мной теперь не было. Суздальцевъ успѣлъ уже уѣхать, и всѣ мы рано разошлись по своимъ комнатамъ.

Долго простоялъ я передъ открытымъ окномъ, безсознательно вглядываясь въ тихую ночь, словно я дожидался отъ нея какого-то отвѣта. Но мѣсяцъ невозмутимо сіялъ. Лишь изрѣдка легкій шелестъ пробѣгалъ

по деревьямъ. Ночной воздухъ не навѣялъ покоя на мое взволнованное воображеніе. Вдругъ въ нижнемъ этажѣ надъ моимъ окномъ я услышалъ голосъ Саши—комната дѣвушекъ приходилась какъ разъ подъ моей.

— Что, Зина, ты выиграла?—спросила она. Но младшая сестра не отвѣтила. Только мигъ спустя до меня долетѣли первыя ноты чудной фразы Маргариты изъ дуэта ея съ „Фаустомъ; „O silenzio, o mistero". Сперва ея голосокъ слегка дрожалъ, но мало-по-малу звуки его становились все увѣреннѣе.

— Ахъ, какъ хорошо, Саша, какъ хорошо,—проговорила она чуть слышно, докончивъ очаровательную мелодію Гуно.

Тутъ все стихло опять. Окно въ нижнемъ этажѣ закрылось.

VII.

Счастье мое было непродолжительно. Уже со слѣдующаго утра все пошло на иной ладъ. Встрѣтили меня какими-то уклончивыми, словно укоряющими взглядами. Разговоръ за чайнымъ столомъ то и дѣло обрывался. Миссъ Спрингъ глядѣла величественно и строго. Саша вся ушла въ какое-то молчаливое достоинство. И у самого Павла Сергѣевича не было уже прежняго радушія. Словомъ, на меня очевидно косились, будто я провинился. Но всего хуже было то, что съ Зиной мнѣ и разговориться порядкомъ не удалось. Десяти минутъ не прошло послѣ моего появленія въ столовой, какъ миссъ Спрингъ ее увела подъ какимъ-то предлогомъ. Я тщетно искалъ встрѣтиться съ нею и въ домѣ, и въ саду. Зина не показывалась. Меня разбирало и нетерпѣніе, и какое-то смутное чувство неловкости „Коли оно такъ пойдетъ", раздумывалъ я, „мнѣ надо будетъ отсюда поскорѣе убраться".

Но я твердо рѣшился постоять за себя. Увѣренный

въ томъ, что Зина со мной за одно, я не останавливался ни предъ какими препятствіями,—нельзя же было дать такъ глупо оборваться начавшемуся сближенію. И вотъ, продолжая безпокойно шнырять изъ комнаты въ комнату, я, наконецъ, засталъ молодую дѣвушку за роялемъ. Зина была къ счастью одна. Я присѣлъ на стулѣ возлѣ нея и дослушалъ прелестный этюдъ Шопена, полный задушевной грусти. И съ какимъ чувствомъ она играла... Должно-быть ея настроеніе отвѣчало скорбной мелодіи великаго композитора. Когда она кончила, я предложилъ ей спѣть что-нибудь вдвоемъ.

— Да, вѣдь, у меня нѣтъ голоса,—отговаривалась она.

Что-то робко-пугливое было въ ея тонѣ, совсѣмъ не походила она на вчерашнюю Зину.

— Полноте, я, вѣдь, слышалъ, какъ вы напѣвали вечеромъ у себя въ комнатѣ,—настаивалъ я.

— Да и нѣтъ у насъ музыки на два голоса,—нерѣшительно добавила Зина.

— Это все равно, я сумѣю подобрать второй голосъ.

— Попробуемъ, коли хотите.

И она достала среди кипы нотъ старинный романсъ: „Я помню чудное мгновенье“.

Но едва мы начали второй куплетъ, въ гостиную вошла миссъ Спрингъ и, шумя платьемъ, усѣлась въ двухъ шагахъ отъ насъ, смотря на меня въ упоръ своими выпученными телячьими глазами. Послѣдній аккордъ еще не прозвучалъ, какъ она сухимъ тономъ обратилась къ своей воспитанницѣ:

— Зина, тридцать пять минутъ третьяго, намъ пора приняться за англійскій урокъ.

Она послушно встала. Я былъ раздосадованъ до нельзя. „Что это значитъ“, подумалъ я, топнувъ ногой, когда закрылась дверь, „тутъ цѣлый заговоръ противъ меня. Впрочемъ, англійскій урокъ“, говорилъ я себѣ, „вѣдь, не вѣчно будетъ продолжаться. И захоти только она, всѣ старанія ея Цербера окажутся тщетными“.

И въ самомъ дѣлѣ, мнѣ удалось подстеречь Зину, когда часъ спустя она выходила изъ классной.

— Зинаида Павловна,—остановилъ я ее, стараясь улыбнуться,—что́ это вамъ какъ будто сегодня не позволяютъ оставаться со мной?

Глаза ея пристально, какъ-то загадочно посмотрѣли на меня.

— Кто это вамъ сказалъ?—спросила она.

— Точно я не вижу! Замѣтить это, право, не трудно... Но если вы только захотите быть такою же милою, какъ вчера...

Мнѣ не дали договорить: въ дверяхъ показалась Александра Павловна.

— Зина, папа тебя спрашиваетъ,—обратилась она къ сестрѣ.

Это было рѣшительно невыносимо, и я тутъ же сообразилъ, что Саша, конечно, не откажется объяснить мнѣ, въ чемъ дѣло. Вѣдь она должна быть мнѣ благодарной за вчерашній вечеръ.

— Александра Павловна,—началъ я съ принужденною шутливостью въ голосѣ,—чѣмъ, скажите, я заслужилъ такую немилость?

— Немилость?! Я васъ не понимаю.

— Да какъ же, съ самаго утра я замѣчаю, что едва заговорю я съ вашей сестрой, ее подъ какимъ-нибудь предлогомъ удаляютъ: то урокъ надо учить, то зовутъ ее къ Павлу Сергѣевичу. Согласитесь, что это странно.

Александра Павловна на меня посмотрѣла опять такими же благовоспитанными, строгими глазами, какъ въ день моего пріѣзда.

— Алексѣй Дмитріевичъ,—отвѣтила она холодно,—Зина такой еще ребенокъ, что въ ея обществѣ удовольствія вы кажется никакого найти не можете... Вы забываете, что ей учиться надо...

Я могъ бы возразить, что вчера вечеромъ Александра Павловна ни чуть не удивилась моей долгой прогулкѣ съ Зиной, дававшей ей возможность остаться наединѣ

съ господиномъ Суздальцевымъ. Но я сдержалъ себя, или, вѣрнѣе, оробѣлъ немножко отъ прочитанной мнѣ нотаціи. Да и къ чему было настаивать? Я ужъ не сомнѣвался, что домашнія власти рѣшили не допускать новыхъ встрѣчъ между Зиной и мной.

Однако я заупрямился, твердо полагаясь на Зину. Предъ обѣдомъ опять наѣхали гости. Это была все та же молодежь, что и въ первый день; не было только Суздальцева, видимо подвергшагося опалѣ. За то явились два пожилые сосѣда, благодаря которымъ разговоръ за обѣдомъ исключительно вращался около такихъ интересныхъ вопросовъ, какъ урожай, молочные удои и цѣны на хлѣбъ. Молодежь промежь себя хихикала вполголоса, не смѣя мѣшать бесѣдѣ старшихъ. Я безбожно скучалъ и утѣшался лишь мыслью, что вечеромъ будетъ не то: въ саду затѣютъ игру, и тамъ, особенно при гостяхъ, строгой гувернанткѣ нельзя ужъ будетъ неотлучно слѣдить за своею воспитанницей. И въ самомъ дѣлѣ, среди юной части общества уже обсуждался проектъ катанья на лодкахъ и вечерней прогулки въ рощу.

Но мои ожиданія и тутъ не сбылись. Пошелъ дождь и всѣмъ пришлось сидѣть дома. Правда, въ залѣ устроились такъ-называемые petits jeux, но это было все-таки не то, что на открытомъ воздухѣ. И пристальные глаза несносной англичанки, вдобавокъ, то и дѣло слѣдили за мной. Едва я перекидывался двумя-тремя словами съ Зиной, я чувствовалъ устремленный на меня ихъ упорный неодобрительный взглядъ. Петя Калугинъ тоже не сводилъ съ меня глазъ, не то злобно, не то насмѣшливо на меня глядѣвшихъ.

— Алексѣй Дмитріевичъ,—вдругъ послышался изъ кабинета голосъ Павла Сергѣевича—Алешей онъ меня уже не называлъ,—не хотите ли съ нами старпками маленькую партію соорудить, а то я думаю вамъ не больно весело въ кошки-мышки играть съ этою молодежью.

Нечего было дѣлать. Приходилось заявить себя серьез-

нымъ человѣкомъ и усѣсться за ералашъ—винта тогда еще не знали. Игралъ я безбожно и то и дѣло терпѣлъ замѣчанія отъ своихъ партнеровъ. А изъ залы, точно дразня меня, доносился молодой смѣхъ и веселый говоръ звонкихъ голосовъ.

— Что̀, Павелъ Сергѣевичъ,—сдавая карты, сказалъ одинъ изъ стариковъ,—у васъ Суздальцева не видать сегодня?

— Не знаю, — сухо отвѣтилъ генералъ, — онъ и то каждый день сюда жалуетъ.

— Кажется, молодой человѣкъ больно ужъ по дочкѣ вашей, Александрѣ Павловнѣ, сокрушается. Извините, что я такъ откровенно, по-сосѣдски, только право жаль на него глядѣть. И чѣмъ онъ не женихъ, — отличный малый и состояньице есть...

Павелъ Сергѣевичъ вздохнулъ и посмотрѣлъ на меня съ укоромъ.

— Такъ-то оно такъ,—промолвилъ онъ,—поживемъ, увидимъ. Свадьбу, вы знаете, Богъ строитъ.

— Ахъ, молодой человѣкъ, молодой человѣкъ,—обратился онъ ко мнѣ, — ни на что не похоже, какъ вы играете.

Я только-что подвелъ его туза подъ чужую козырную двойку.

Цѣлыхъ шесть роберовъ мы сыграли. Пробило два часа, и молодежь давно разошлась, когда я, наконецъ, всталъ изъ-за стола съ проигрышемъ въ тридцать рублей и съ ломотой во всѣхъ членахъ отъ долгаго сидѣнія. Я ушелъ къ себѣ въ самомъ скверномъ настроеніи. Дѣла мои шли до того плохо, что поправить ихъ почти не было надежды.

Расположенія генерала я лишился. Въ домѣ всѣ догадывались о моей любви къ Зинѣ, и не только не думали ее поощрять, но, очевидно, даже смотрѣли на нее, какъ на что-то смѣшное. Знакомы вы, господа, съ тѣмъ скверным ощущеніемъ, когда вамъ кажется, что за вашею спиной надъ вами смѣются? Такое именно ощу-

щеніе и было у меня всю эту безсонную ночь. Разсудокъ то и дѣло твердилъ, что мнѣ надо уѣхать, какъ можно скорѣе, и, разумѣется, я все-таки не уѣхалъ.

Увѣряютъ, что утро обыкновенно съ собой приноситъ благія рѣшенія. Но со мной вышло не такъ. Напротивъ, безсонница нашептала мнѣ самую нелѣпую, самую шальную мысль—написать Зинѣ, чтобы просить у нея свиданія. Чего я собственно добивался, мнѣ и сказать трудно: жениться на Зинѣ мнѣ тогда и въ голову не приходило. Слишкомъ хорошо я зналъ, что предложеніе мое встрѣтили бы самымъ рѣшительнымъ отказомъ,—всѣ на нее смотрѣли какъ на совершеннаго ребенка. И все-таки мнѣ неудержимо хотѣлось лишній разъ повидаться съ нею, высказать ей чувства, переполнявшія мое сердце. Какой-то чарующій призракъ словно манилъ меня, неопредѣленныя, сладкія грезы туманили мое воображеніе.

Я усѣлся за письменный столъ и принялся строчить. Десять листовъ почтовой бумаги я изорвалъ, все недовольный тѣмъ, что̀ у меня выходило. И вотъ что̀ я, наконецъ, написалъ — я до сихъ поръ твердо помню свое нелѣпое посланіе:

„Милая, дорогая Зина“.

„Называю васъ такъ потому что—знайте это—вы для меня дороже всего на свѣтѣ, хоть я увидалъ васъ въ первый разъ всего два дня тому назадъ. И что̀ бы ни случилось, я никогда, никода не забуду тотъ чудный вечеръ, который мы провели вмѣстѣ. Вчера вы какъ будто избѣгали меня, и вы не можете себѣ представить, что̀ за муки я перенесъ за весь этотъ день. Дайте же мнѣ случай переговорить съ вами съ глазу на глазъ. Умоляю васъ не отказывать мнѣ въ этомъ. Я увѣренъ, что вы не откажете, что вы все-таки такая же милая и добрая, какъ въ тотъ вечеръ. Съ нетерпѣніемъ ожидаю вашего отвѣта, вашего приговора“.

„Навсегда вашъ А. Возницынъ“.

Я былъ очень недоволенъ и этою редакціей. Но все-таки, спрятавъ письмо въ карманъ, я сошелъ внизъ съ ободряющею надеждой на сердцѣ. Безъ надежды, вѣдь, жить нельзя, какъ безъ воздуха. Я старался улучить минуту, когда можно будетъ отдать Зинѣ мое письмо. И счастье мнѣ улыбнулось еще разъ. Я встрѣтилъ Зину въ саду и остановилъ ее. Можно было тутъ же не откладывая приступить къ желанному объясненію, но языкъ мнѣ не повиновался. И я только проговорилъ дрожащимъ голосомъ:

— Зинаида Павловна, позвольте мнѣ передать вамъ вотъ это...

Она покраснѣла, но приняла записку и быстрымъ движеніемъ ее спрятала. А я, весь сгорая отъ стыда, поспѣшилъ удалиться, какъ провинившійся. Часъ спустя, встрѣтившись со мною опять въ столовой предъ самымъ обѣдомъ, она мимоходомъ шепнула мнѣ:

— Въ девять часовъ будьте въ саду подъ липами, тамъ, гдѣ мы разговаривали третьяго дня, помните?...

Она проговорила это какъ ни въ чемъ не бывало, съ самымъ невиннымъ выраженіемъ на лицѣ. Поразительное въ ней было самообладаніе для шестнадцатилѣтней дѣвушки. Я тотчасъ словно ожилъ и за весь обѣдъ говорилъ безъ умолку, глядя на всѣхъ съ какимъ-то побѣдоноснымъ видомъ. Послѣ обѣда мнѣ на мѣстѣ не сидѣлось. Павелъ Сергѣевичъ завелъ со мной какой-то дѣловой разговоръ, но я его рѣшительно не слушалъ. Въ восемь часовъ я былъ уже въ саду. То и дѣло посматривая на часы, я должно-быть походилъ на заговорщика, поджидающаго кого-то. Небо что-то хмурилось и съ безпокойствомъ я оглядывалъ низкія тучи, нависшія надъ садомъ. „Чего добраго, еще пойдетъ дождь и всѣ мои планы разстроятся“, думалось мнѣ. Когда человѣку не везетъ, онъ такъ и ожидаетъ, что судьба ему устроитъ какую-нибудь каверзу. А того, что̀ на самомъ дѣлѣ должно было случиться, я и не предвидѣлъ. Темнѣло понемногу. Я прислушивался къ каж-

дому шороху. Десять разъ ужъ подходилъ къ знакомому мѣсту подъ липами, въ надеждѣ увидать Зину. Тамъ не было никого. Но вотъ въ небольшомъ отдаленіи отъ меня за кустами сирени послышались легкіе шаги. Я остановился. Тамъ за этими кустами тянулась дорожка, обсаженная высокими кленами. Она вела къ тому самому мѣсту, гдѣ должно было произойти наше свиданіе. „Это она“, подумалъ я, и хотѣлъ уже отправиться туда съ другой стороны, какъ вдругъ въ полутьмѣ я увидѣлъ чью-ту фигуру, поднимавшуюся со скамейки—прежде я ея не замѣтилъ.

— Куда ты, постой,—заговорила она грубоватымъ, насмѣшливымъ голосомъ, въ которомъ я тотчасъ узналъ голосъ этого дрянного мальчишки, Пети Калугина.— Видно я не ошибся. Ты ему назначила свиданіе... Чудесно!..

Онъ смѣлъ ей говорить „ты“, этотъ дерзкій мальчишка. И вообразите себѣ мое негодованіе, когда я слышалъ отвѣтъ Зины, проговорившей тихимъ, почти умоляющимъ голосомъ.

— Не вини меня, Петя, я тебѣ все объясню.

— Посмотримъ, какъ ты объяснишь. Я вѣдь знаю, всѣ вы, дѣвочки, лгать мастерицы. Не кокетничала ты развѣ съ этимъ пріѣзжимъ франтомъ третьяго дня? И какъ я разсказалъ про это дядюшкѣ, и надъ тобой присмотръ учинили, ты потихоньку ему свиданіе назначила. Вотъ оно что. Попробуй-ка отвертѣться.

„Такъ вотъ откуда все вышло“, подумалъ я, услыхавъ это. „Но Зина, конечно, сумѣетъ отъ него отдѣлаться“. Каково же было мое изумленіе, когда она отвѣтила на его дерзкія рѣчи самымъ ласковымъ тономъ, въ то же время чуть-чуть засмѣявшись:

— Ахъ, Петя, какой ты странный. Точно ты не знаешь, въ чемъ дѣло. Вѣдь я тебѣ объясняла это вчера еще. Надо было Сашу отъ него избавить. Папа вздумалъ было ее выдать за него замужъ и Андрею Гавриловичу отказалъ. А Саша Андрея Гавриловича любитъ,

какъ будто ты не знаешь. Ну мы съ Сашей и порѣшили, что я постараюсь ему вскружить голову, чтобы разстроить папашину затѣю. Ну, и, кажется, вскружила, — она звонко разсмѣялась,—это было очень весело, Петя.

— Тебѣ, разумѣется, весело,—возразилъ онъ недовѣрчиво,—а мнѣ-то каково было!

— Господи, да ты какъ будто не знаешь, что я люблю тебя, тебя одного, глупый ты этакій.

Въ ея голосѣ слышались и насмѣшливость, и ласка.

— Ну докажи это, докажи,—настаивалъ онъ, очевидно смягчившись.

— Какихъ тебѣ еще доказательствъ нужно?—лукаво спросила она, и вдругъ, о ужасъ! среди вечерней тишины я разслышалъ звукъ поцѣлуя. — Я вѣдь для того только и назначила ему свиданіе, чтобы всю правду ему наконецъ сказать въ лицо. Даже я была бы очень, очень рада, еслибъ онъ въ эту минуту былъ здѣсь и все слышалъ...

Она опять засмѣялась, и невинный звукъ ея дѣтскаго смѣха врѣзался мнѣ въ самое сердце. Итакъ, вотъ какъ жалко разбивались всѣ мои мечты! Далѣе оставаться тутъ и слушать спокойно я не былъ въ состояніи.. Въ порывѣ слѣпого озлобленія, я сперва было чуть не ринулся впередъ, чтобы дать волю накипѣвшему, мстительному чувству и обличить ея недостойное поведеніе. Но меня тотчасъ удержало сознаніе глупой роли, которую бы я неминуемо разыгралъ. Не мстить мнѣ приходилось, а укрыться какъ можно скорѣе. „По крайней мѣрѣ никто не узнаетъ, что я былъ тутъ и все слышалъ“, думалось мнѣ. И бережно неслышными шагами я направился къ дому. Тамъ на террасѣ я засталъ цѣлое общество за чаемъ. Должно-быть видъ у меня былъ необыкновенно растеряный. По крайней мѣрѣ Саша у меня спросила, что̀ со мной, и зачѣмъ я такъ долго не являюсь пить чай. Отъ чаю я, разумѣется, отказался и, объявивъ, что у меня раз-

болѣлась голова, поспѣшилъ къ себѣ на верхъ. Мнѣ почудилось, что мнѣ вслѣдъ кто-то хихикнулъ.

Не стану описывать, что̀ я перечувствовалъ въ эту ночь. И теперь мнѣ тяжело про то вспоминать. Стыдъ, нестерпимо униженный стыдъ давилъ меня всею своею тяжестью. Даже негодовать я былъ не въ силахъ. Въ гнѣвѣ все-таки есть хотя жалкое утѣшеніе, сознаніе какого-то протеста, а во мнѣ осталось одно только желаніе укрыться поскорѣе отъ чужихъ глазъ и спасти хотя бы свое достоинство.

Когда, на слѣдующее утро, я сошелъ внизъ, мнѣ удалось придать себѣ развязную небрежность тона, хотя, должно-быть, на лицѣ моемъ и остался слѣдъ отъ трехъ безсонныхъ ночей. Я объявилъ, что уѣзжаю въ это утро. Всѣ выразили мнѣ приличное сожалѣніе. Павелъ Сергѣевичъ даже облобызался со мной, но не удерживалъ меня никто. А Зина—удивительная, право, была эта дѣвочка—встрѣтила меня въ это утро какъ ни въ чемъ не бывало и, узнавъ, что я покидаю Колонтаевку, сказала даже съ самою пріятною улыбкой на лицѣ:

— Какъ жаль, а мы сегодня опять въ рощу собираемся, такая чудесная погода.

Впрочемъ, и я не выдалъ себя предъ ней и отвѣтилъ на ея слова самымъ холоднымъ равнодушнымъ взглядомъ.

Часъ спустя меня не было уже въ Колонтаевкѣ. Убогій тарантасикъ опять катилъ меня по пыльной дорогѣ. И снова по обѣимъ ея сторонамъ тянулись однообразныя, волнистыя поля.

VIII.

Все, только-что разсказанное мною, отчетливо припоминалось мнѣ, пока я безпокойно ворочался на кровати послѣ вечера, проведеннаго у Волжанскихъ. И странное

дѣло, образы прошлаго не только не вызывали у меня горькаго чувства; въ нихъ было что-то привлекательное, отъ нихъ вѣяло словно весной. Когда случится нашему брату бобылю про старину вспомнить и пахнетъ на него вдругъ какою-то чудною свѣжестью изъ прелестной дали юныхъ годовъ, какимъ дорогимъ покажется ему каждый отрывокъ изъ этихъ воспоминаній, даже самыхъ заурядныхъ! Такъ и рвешься туда, въ эту заманчивую даль, такъ и силишься ее воскресить. Случается вѣдь, что въ иную глухую осень облетѣвшія вѣтви кустовъ пускаютъ новые побѣги. Какъ знать, говорилъ я себѣ, можетъ-быть въ тотъ незабвенный вечеръ въ сердцѣ этого полуребенка Зины что-то было готово откликнуться на мое чувство. И будь она чуть-чуть постарше тогда... какъ знать: вѣдь, не даромъ же она теперь такъ задушевно со мной заговорила о прошломъ и будто сожалѣніемъ звучали ея слова. Мнѣ хотѣлось вѣрить, что хотя бы на одинъ короткій мигъ ея сердце тогда принадлежало мнѣ. И за одинъ этотъ мигъ я готовъ былъ простить ей все, забыть про жалкій конецъ моего романа. Но чѣмъ, однако, объяснить странную перемѣну ея поведенія со мной. Что было тутъ, капризное своеволіе избалованнаго ребенка или природная наклонность ко лжи и обману? Прежде я совсѣмъ не задумывался надъ этимъ вопросомъ. Я даже неохотно вспоминалъ про мою исторію съ Зиной. Теперь было уже не то. Вопросъ этотъ овладѣлъ мною и неудержимо требовалъ разрѣшенія. Что дѣлать! Я былъ опять влюбленъ и влюбленъ какъ настоящій мальчикъ, безъ оглядки, безъ памяти. И я не только не боролся съ возродившимся чувствомъ, я привѣтствовалъ его, какъ желаннаго гостя: вѣдь оно давало мнѣ право считать себя опять молодымъ...

Но какъ ни ломалъ я себѣ голову, Зина оставалась для меня неразрѣшимою загадкой. И ключъ къ этой загадкѣ могла дать мнѣ только она сама. Я рѣшился при первомъ же нашемъ свиданіи заговорить съ ней

о прошломъ. У меня даже сомнѣній не было, что она скажетъ мнѣ теперь всю правду. Къ чему, въ самомъ дѣлѣ, ей было скрытничать?

Случай мнѣ благопріятствовалъ. Въ слѣдующее же мое посѣщеніе — было это дня три спустя — я засталъ ее одну.

Я воспользовался этимъ и почти съ первыхъ же словъ навелъ разговоръ на старинныя воспоминанія. Предлогомъ мнѣ послужила Александра Павловна, про которую я освѣдомился съ необыкновеннымъ участіемъ. Мы съ нею не видались съ самой встрѣчи въ Колонтаевкѣ. Я узналъ отъ ея сестры, что она давно замужемъ за Суздальцевымъ и чрезвычайно счастлива.

— Неужели вы про это не слыхали?—въ свою очередь спросила Зинаида Павловна.—Впрочемъ, гдѣ вамъ про нее слышать: она живетъ безвыѣздно въ деревнѣ... мужъ ея,—прекрасный мужъ. Они поселились въ Колонтаевкѣ тотчасъ послѣ смерти бѣднаго папа.

Я давно зналъ про кончину Павла Сергѣевича, случившуюся уже лѣтъ за шесть предъ тѣмъ, но выразилъ приличное соболѣзнованіе, примѣтивъ облако грусти, скользнувшее по лицу Зинаиды Павловны.

Да, сестра очень довольна своею жизнью,—продолжала она,—у нея одно только теперь на умѣ—дѣти и хозяйство. Не правда-ли, кто бы могъ это подумать?

— Александра Павловна прежде, кажется, очень любила свѣтъ,—замѣтилъ я немного разсѣянно.

Мнѣ хотѣлось перейти поскорѣе на иную, болѣе интересную тему.

— Ахъ, Алексѣй Дмитріевичъ, развѣ въ молодости мы знаемъ сами, что̀ и кого мы полюбимъ? Саша теперь совсѣмъ иная стала. И такая у нея тихая, ровная жизнь. А это хорошо, не правда-ли, хорошо? А, впрочемъ, кому какъ,—у каждаго свое счастье.

— Вы бы съ ней не помѣнялись,—отвѣтилъ я, разсмѣявшись.

— Мѣняться ни съ кѣмъ не приходится,—возразила

она съ мягкою, почти грустною улыбкой.—У меня, вы знаете, дѣтей нѣтъ. Впрочемъ, и я, вѣдь, счастлива...

Она вскользь посмотрѣла на меня. Мы оба помолчали немного. Мнѣ становилось неловко.

— Представьте себѣ,—заговорила она опять, и на этотъ разъ уже весело,—что вы чуть-чуть было не разстроили счастья Саши. Папа вообразилъ тогда, что вы пріѣхали къ намъ съ намѣреніемъ посвататься, — вы видите какъ я съ вами откровенна,—и бѣдному Андрею Гавриловичу онъ совсѣмъ было отказалъ.

Я развязно перекинулъ ногу на ногу и смѣясь перебилъ Зинаиду Павловну.

— Я думаю, вы всѣ очень скоро убѣдились, что занимала меня... совсѣмъ не ваша старшая сестра. И мнѣ сдается, что, замѣтивъ это, вы съ ней устроили противъ меня цѣлый заговоръ.

Зинаида Павловна посмотрѣла на меня съ такою откровенною невинностью въ глазахъ, что предо мною словно была не замужняя женщина, а тотъ шестнадцатилѣтній ребенокъ, въ котораго я когда-то безъ памяти влюбился.

— Вы, стало-быть, отгадали,—улыбнулась она въ отвѣтъ,—и вы простили намъ обѣимъ нашу маленькую шалость?

Я отвѣтилъ не сразу и съ нѣкоторымъ смущеніемъ повертѣлъ въ рукахъ шляпу.

— Это была жестокая шалость, Зинаида Павловна,—сказалъ я, избѣгая ея взгляда,—я уѣхалъ отъ васъ, не стану этого скрывать теперь, съ тяжелою горечью на сердцѣ. Откровенно признаюсь вамъ, была минута, когда я подумалъ... вы будете смѣяться надо мной, да что дѣлать! коли исповѣдываться, такъ говорить ужъ всю правду. Въ тотъ вечеръ, помните, я имѣлъ глупую дерзость вообразить...

— И вы не ошиблись, Алексѣй Дмитріевичъ,—живо перебила она меня.—Я тоже хочу быть откровенной не на половину только. Вѣдь все это давно прошло, и мнѣ

уже нечего стыдиться того, что было десять лѣтъ назадъ.

И я услыхалъ отъ нея то самое признаніе, за которое я такъ дорого бы далъ въ тотъ незабвенный вечеръ.

— Записка ваша,—добавила она,—у меня свято хранится до сихъ поръ. Хотите я вамъ ее покажу?

— Нѣтъ, ради Бога, не заставляйте меня краснѣть лишній разъ. Вы не повѣрите, какъ жестоко я бранилъ себя за эту непозволительную глупость.

Мы оба отъ души смѣялись, припоминая все это. А между тѣмъ у меня, несмотря на шутливый тонъ нашего объясненія, сердце и билось, и щемило его немножко, и съ тревогой я спрашивалъ себя, что̀ за судьба ожидаетъ впереди мое воскреснувшее чувство.

— И скажите мнѣ,—заговорила она опять, — отчего вы не пришли тогда къ назначенному мѣсту? Вѣдь я сдержала слово и дожидалась васъ.

Я посмотрѣлъ на нее съ нѣмымъ изумленіемъ.

— Мнѣ остается вамъ сдѣлать еще одно признаніе,— сказалъ я, понизивъ голосъ,—мнѣ довелось услышать вашъ разговоръ съ Петей Калугинымъ.

И мигомъ нахлынуло на меня все, что̀ я перечувствовалъ въ тотъ вечеръ. А въ ея мягкихъ, влажныхъ глазахъ я читалъ нѣмую мольбу за провинившагося когда-то ребенка.

— Мнѣ нечего говорить вамъ,—закончилъ я,—что̀ я перенесъ тогда, невольно подслушавъ вашъ разговоръ. Теперь, конечно, я готовъ посмѣяться съ вами надъ своимъ тогдашнимъ дурачествомъ. Но въ тотъ вечеръ мнѣ было не до смѣха.

— И что̀ же, вы меня, конечно, обвиняете въ намѣренномъ обманѣ? Вы имѣете право обвинять меня, и все-таки—вы бы ошиблись.

Глаза ея свѣтились такъ ясно; столько въ нихъ читалось правдивости, что сомнѣваться въ ея искренности я не могъ.

— Съ Петей у насъ была старинная дѣтская дружба,—

продолжала она,—намъ обоимъ казалось тогда, что мы влюблены другъ въ друга, вы знаете, какъ бываютъ влюблены дѣти, и мнѣ тогда было ужасно совѣстно предъ нимъ, потому что я чувствовала себя виноватой... виноватой за то, что наканунѣ будучи съ вами... она засмѣялась... полноте, къ чему мы вспоминаемъ про всѣ эти ребячества. Теперь, вѣдь, старины не вернуть. Петя давно меня забылъ. А вы, развѣ вамъ не все равно теперь? Скажу одно только: я была совершенно искренна и съ вами, и съ нимъ. Вамъ этому трудно будетъ повѣрить, конечно, потому, что вы не можете знать, что̀ происходитъ въ сердцѣ глупой шестнадцатилѣтней дѣвочки. Бѣда именно въ томъ, что я была тогда дѣвочкой и плохо и васъ и себя понимала. А случись все это годъ или два спустя... Кто знаетъ, что̀ было бы тогда.

У меня вдругъ отлегло на сердцѣ и стало такъ хорошо, такъ сладко, что я и словъ не находилъ, и глядѣлъ на Зинаиду Павловну въ нѣмомъ восхищеніи.

— Ну, а что сталось съ героемъ вашего романа,— спросилъ я съ притворною развязностью,—съ этимъ Петей Калугинымъ?

— Ахъ, я давно его потеряла изъ виду. Онъ теперь въ Ташкентѣ. У него была какая-то исторія, нехорошая исторія. Лучше про это не говорить. Онъ былъ недурной, но взбаломошный мальчикъ.

И помолчавъ немного она добавила, улыбнувшись опять:

— Вы видите, какъ со всѣми нами распорядилась судьба: всѣхъ насъ отпустила въ разныя стороны, и даже развязки никакой не вышло. Да и въ жизни всегда такъ. Не требуйте отъ нея заключительнаго аккорда. Она, какъ современная музыка, вся на диссонансахъ построена.

„Ну“, сказалъ я себѣ „увидимъ еще, обойдется-ли у насъ безъ заключительнаго аккорда“.

Нечего и говорить, что разговоръ этотъ только подлилъ масла въ огонь. Я ушелъ отъ Зинаиды Павловны

съ отуманенною головой и съ какимъ-то сладкимъ трепетомъ на сердцѣ. Мы стали видѣться часто. У нея собирались раза по два въ недѣлю. Гостей у нея бывало немного, большею частью все тѣ же, которыхъ я встрѣтилъ у нея въ первый разъ. Конечно, я предпочелъ бы ее видѣть наединѣ. Но случая къ тому какъ-то не представлялось. Днемъ она не принимала почти никогда. И я покорно тянулъ свою лямку домашняго друга, ничѣмъ не отличавшагося въ ея глазахъ отъ обычныхъ посѣтителей ея дома—такъ, по крайней мѣрѣ, я думалъ. Я мирился пока съ этою скромною ролью. Чувство мое находилось еще въ той начальной порѣ, когда любовь не предъявляетъ большихъ требованій и довольствуется идеальными наслажденіями. Да можетъ-быть это и есть настоящая любовь, безкорыстная и чистая, вся уходящая въ робкое поклоненіе дорогому существу. Позже у нея отростаютъ крылья, она стремится все дальше и все ненасытнѣе становятся ея желанія. Но когда наступаетъ эта бурная пора, иной разъ почти съ сожалѣніемъ вспоминаешь о первыхъ болѣе спокойныхъ дняхъ, когда бываешь счастливъ улыбкой на любимомъ лицѣ, да вскользь пророненнымъ ласковымъ словомъ. Въ надеждѣ видѣть ее чаще я сталъ усердно посѣщать всевозможные балы и рауты. Зинаида Павловна много выѣзжала и среди однообразной скуки свѣтскаго вечера иной разъ мнѣ удавалось на минуту уловить ея вниманіе, перекинуться съ ней двумя, тремя незначительными словами. Но съ меня и этого было довольно. И самая мимолетная встрѣча надолго оставляла какой-то свѣтлый лучъ въ моемъ сердцѣ.

Разумѣется въ кружкѣ Зинаиды Павловны всѣ очень скоро догадались про мое чувство, и тотчасъ оно было признано какъ нѣчто законное и дающее мнѣ право считаться однимъ изъ членовъ этого кружка. У меня установились даже какія-то странныя, товарищескія отношенія съ ея прочими друзьями. Госпожа Стрѣльцова откровенно со мною кокетничала съ какимъ-то

оттѣнкомъ дружескаго состраданія, точно само собой разумѣлось, что можно со мной кокетничать совсѣмъ безопасно. Княжна Мурина охотно дарила меня насмѣшливыми замѣчаніями. А Зарайскій сталъ обращаться со мной какъ съ младшимъ товарищемъ, даже съ оттѣнкомъ покровительства. Сперва я выносилъ это лишь съ нетерпѣніемъ—совсѣмъ онъ не приходился мнѣ по сердцу,—но мало-по-малу я и къ этому привыкъ. Словомъ, я обратился въ такую же неизбѣжную принадлежность гостиной Зинаиды Павловны, какъ то кресло, въ которое она садилась. Одинъ мужъ ея, ни чуть не скрываясь, выказывалъ мнѣ ворчливую неблагосклонность. Но я скоро замѣтилъ, что на Виктора Петровича никто не обращалъ вниманія, что, несмотря на всю свою напускную дерзость, онъ самъ въ домѣ игралъ очень невидную роль. Раза два въ присутствіи Зарайскаго онъ вздумалъ было пѣтушиться, но тотъ его разомъ осаживалъ съ добродушнымъ, но довольно презрительнымъ спокойствіемъ, и Викторъ Петровичъ, немного пофыркавъ, становился шелковымъ. „Эге, братъ“, думалъ я, „ты значитъ для виду только храбришься, стòитъ на тебя прикрикнуть, и ты поджимаешь хвостъ“. И я тоже принялъ небрежный тонъ въ обращеніи съ Волжанскимъ. Но, странное дѣло, со мной онъ продолжалъ глядѣть волкомъ. И хотя особыхъ стычекъ у насъ не происходило, онъ явнымъ образомъ меня не жаловалъ.

Зинаида Павловна держалась со мной необыкновенно ровно, привѣтливо и радушно. Да она и со всѣми была такою. Исключеніе составлялъ одинъ Зарайскій: съ нимъ она какъ будто утрачивала привычное спокойствіе. Въ его присутствіи гнѣвное нетерпѣніе то и дѣло пробѣгало по ея лицу, а иной разъ, напротивъ, оно становилось точно каменнымъ, до того застывало оно въ явно враждебной холодности. И все-таки Зарайскаго встрѣчалъ я у нея едва-ли не чаще всѣхъ прочихъ. Удивительныя у нихъ были отношенія, точно сотканныя изъ дружбы и непріязни, если только два эти чувства

могутъ ужиться вмѣстѣ. Но что̀ меня всего болѣе удивляло—эта была поразительная, невозмутимая кротость Зинаиды Павловны съ ея невыносимымъ мужемъ. Мнѣ казалось непонятнымъ, что она такъ легко мирилась съ его нравомъ, мелочно раздражительнымъ и безцеремоннымъ часто до дерзости. И все-таки Зинаида Павловна была, очевидно, совершенно счастлива. Въ ней не скрывалось даже тайнаго желанія чего-нибудь иного, точно жизнь ея навсегда улеглась въ эту узкую будничную рамку. Неужели, думалось мнѣ, она такъ и застыла въ этомъ спокойномъ однообразіи, и страсть никогда не замутитъ зеркальную гладь ея сердца. Я ужъ готовъ былъ обвинить ее въ безсердечіи, почти негодовалъ на нее за то, что свое счастье она цѣнила такъ низко.

Да, это была невозмутимо спокойная женщина. На этотъ счетъ сомнѣній быть не могло. Стоило взглянуть на нее, когда, вся дышавшая свѣжею прелестью, съ равнодушною улыбкой на устахъ, она внимала жужжавшимъ вокругъ нея льстивымъ рѣчамъ. Держать себя такъ увѣренно и просто, смѣяться такъ беззаботно могутъ тѣ только женщины, которыхъ жизнь удовлетворила вполнѣ, которымъ нечего искать за порогомъ своего дома. И такою она была съ этимъ невозможнымъ мужемъ въ полномъ разцвѣтѣ своей молодой красоты, среди окружавшаго ее успѣха. Да, она была для меня неразрѣшимою загадкой. И я уже говорилъ себѣ, что я напрасно стараюсь заглянуть въ тайникъ ея души, что въ этой душѣ ничего нѣтъ, кромѣ желанія пройти черезъ жизнь, какъ проходятъ мимо равнодушнаго зрѣлища, любуясь имъ можетъ-быть, но не жертвуя ни минутой своего завиднаго спокойствія.

Разъ—это было въ половинѣ января—я встрѣтилъ ее на балу у княгини ***. Въ гостиную, гдѣ я стоялъ, разговаривая съ какимъ-то иностранцемъ, изъ залы мягкою волной доносились звуки вальса; ихъ почти заглушали тяжелыя шелковыя портьеры у дверей и пе-

стрый говоръ многихъ голосовъ. Признаюсь, я до сихъ поръ люблю эту пахучую, душную атмосферу гостиныхъ, всю наполненную блескомъ освѣщенія и брилліантовъ и полувнятными звуками уклончивыхъ, смѣшливыхъ рѣчей. Удивительно свободнымъ чувствуешь себя среди этой нарядной толпы, и какъ-то легко высказывать признанія подъ сдержанный шумъ ея говора. Зинаида Павловна вошла, немного утомленная вальсомъ, и, увидавъ меня, опустилась на кресло, указывая мнѣ мѣсто возлѣ себя. На ней было свѣтло-голубое шелковое платье, все убранное бѣлыми кружевами и небольшими букетами изъ чайныхъ розъ. Брилліантовое ожерелье искрилось огнями на ея шеѣ, но чудные ея глаза искрились еще ярче. Такого блеска я въ нихъ до тѣхъ поръ не видалъ. Это были опять прежніе огненные глаза шалуньи Зины. Голова ея слегка откинулась назадъ. Она медленно обмахивалась вѣеромъ. Во всей ея позѣ, въ полуопущенныхъ вѣкахъ, въ изгибѣ тонкой шеи была какая-то тихая нѣга и въ то же время будто страстью вѣяло отъ нея въ эту минуту, но страстью какъ бы сдержанною и стыдливою. Предо мною была будто совсѣмъ иная, новая женщина. У меня голова закружилась, точно раздушенный воздухъ гостиной, и звуки музыки, и говоръ, стоявшій кругомъ, вливали въ меня какое-то опьяненіе. Во мнѣ поднялась вдругъ такая жажда молодости и счастья, точно цѣлыхъ десять годовъ у меня слетѣли съ плечъ, и я опять былъ на порогѣ жизни, полной задорныхъ надеждъ и безконечной вѣры въ будущее. Мы проболтали съ ней слишкомъ четверть часа—на балу это цѣлая вѣчность—и въ безсвязныхъ нашихъ словахъ было что-то захватывающее, возбуждающее, точно насъ охватила и понесла съ собою какая-то неудержимая волна. Губы ея чуть-чуть улыбались, не знаю, впрочемъ, отъ сочувствія или отъ насмѣшки. Но вотъ къ ней подошелъ какой-то военный, напоминая ей, что они вмѣстѣ танцуютъ третью кадриль. Она медленно поднялась съ мѣста и уходя кивнула мнѣ головой.

— Завтра,—сказала она, смѣясь,—вы мнѣ доскажете всѣ эти сумасбродныя вещи...

И ея длинный шлейфъ скрылся за дверями гостиной. Очарованіе мигомъ исчезло. Я тоже хотѣлъ пробраться въ танцовальную залу, какъ вдругъ примѣтилъ устремленный на меня лорнетъ княжны Муриной, стоявшей въ нѣсколькихъ шагахъ.

— Берегитесь,—сказала она, когда я подошелъ,—вы знаете, можно ожечься и льдомъ, и даже очень.

— Ахъ, княжна,—возразилъ я засмѣявшись,—вы не повѣрите, какъ бы дорого я далъ, чтобы когда-нибудь хорошенько обжечься.

— Ну, это ужъ ваше дѣло: я вамъ мѣшать не стану.

Мы усѣлись рядомъ въ углу. Мнѣ почему-то показалось, что княжна можетъ разсѣять мои недоразумѣнія, и меня вдругъ охватила потребность быть откровеннымъ съ нею. По гостиной то и дѣло сновали разноцвѣтныя платья и черные фраки, но помѣшать намъ они не могли. Свѣтская толпа служитъ лучшимъ прикрытіемъ, чѣмъ любыя ширмы. Въ ея присутствіи признанія даже какъ будто вырываются легче.

— Придите ко мнѣ на помощь, княжна,—заговорилъ я,—вы знаете Зинаиду Павловну, вѣдь, лучше меня. Я разгадать ее не въ силахъ.

— Еще бы! Можно найти ключъ къ надписи на какомъ-нибудь невѣдомомъ языкѣ, но къ женщинѣ вы его не найдете. Эту надпись разобрать нельзя потому, что текстъ ея мѣняется каждый день.

— Ради Бога не шутите, княжна,—скажите, можно развѣ допустить, что такая женщина, какъ она, счастлива съ такимъ мужемъ, какъ Волжанскій? А между тѣмъ взгляните на нее. Вѣдь ея будто никогда и не коснулись ни горе, ни разочарованіе, ни любовь. Или ей въ самомъ дѣлѣ ничего не нужно, чѣмъ бы наполнить эту пустую жизнь.

— Ахъ, бѣдный мой Алексѣй Дмитріевичъ, — пристально взглянувъ на меня, сказала княжна,—я могу

вамъ только повторить—берегитесь. Ну, и къ какому заключенію вы пришли?—добавила она, помолчавъ немного, не сводя съ меня зоркихъ глазъ.

— Въ томъ-то и дѣло, что объяснить себѣ это я не въ силахъ. Можно развѣ допустить, что эта ясная улыбка, эти невозмутимые глаза скрываютъ тайное горе?

Княжна покачала головой.

— Тайное горе?! Конечно нѣтъ,—сказала она, будто роняя слова невзначай со своихъ умныхъ, равнодушныхъ губъ.—Но за то можетъ быть тайное счастье...

— Что̀ вы хотите этимъ сказать,—воскликнулъ я и чуть было не вскочилъ съ мѣста.

— Ровно ничего. Пожалуйста, никогда не ищите у меня заднихъ мыслей: злословія я терпѣть не могу, Зина самая прелестная женщина въ мірѣ, въ этомъ мы убѣждены оба, не правда-ли? Ну, а теперь дайте мнѣ руку и доведите меня до лѣстницы, становится поздно.

Мы вышли молча. Ядовитый намекъ княжны меня совсѣмъ озадачилъ,—до того онъ мнѣ казался нелѣпою клеветой. А все-таки я не могъ осилить въ себѣ охватившее меня непріятное ощущеніе. Въ сосѣдней комнатѣ, почти совершенно пустой, мы увидѣли Зарайскаго въ оживленной бесѣдѣ съ госпожей Стрѣльцовой. Она усиленно обмахивалась вѣеромъ и, казалось, была въ восхищеніи отъ того, что̀ вралъ ей Зарайскій. На лицѣ ея горѣлъ румянецъ, глаза оживленно блестѣли.

— Что̀, княжна,—сказалъ я, проходя мимо, — нѣтъ-ли тутъ завязки маленькаго романа?

— На этотъ счетъ не безпокойтесь: имъ обоимъ не хватило бы терпѣнія довести его до конца.

Вдругъ она высвободила свою руку изъ моей и, отвернувшись, воскликнула:

— Зина, моя милая, я не успѣла вамъ еще сказать, какъ вы прелестны сегодня! Я только любовалась вами издали.

Зинаида Павловна была въ двухъ шагахъ отъ насъ, но я сперва ея не примѣтилъ. Теперь только меня по-

разила внезапная блѣдность ея лица и холодный, почти злой блескъ ея глазъ. Лѣвая ея рука судорожно сжимала вѣеръ.

— Что̀ съ вами,—продолжала съ видимымъ участіемъ княжна,—у васъ какъ будто лихорадка. Вы должно-быть устали?

Зина не отвѣтила и, рѣзко обернувшись въ мою сторону, сказала:

— Алексѣй Дмитріевичъ, отыщите, пожалуйста, мужа, онъ должно-быть играетъ. Передайте ему, что я сейчасъ уѣзжаю.

Когда минутъ пять спустя я настигъ Зинаиду Павловну уже въ сѣняхъ, окутанную въ бархатную ротонду на бѣломъ мѣху, на лицѣ ея не было уже и слѣда волненія. Оно опять глядѣло ровно и спокойно какъ всегда; Викторъ Петровичъ слѣдовалъ за мной съ вѣчнымъ своимъ кислымъ видомъ. Онъ принялся было уже брюзжать, но стоило женѣ бросить на него долгій, утомленный взглядъ, и со своимъ сердитымъ обычнымъ послушаніемъ онъ, шлепая калошами, послѣдовалъ за ней въ карету.

IX.

Дѣла мои подвигались туго, или даже, лучше сказать, совсѣмъ не подвигались. Я никакъ не могъ выбиться съ Зинаидой Павловной изъ колеи слишкомъ ужъ безмятежной дружбы. Затишье въ природѣ чудесная вещь, да и въ жизни оно иногда не лишено прелести, когда хочется отдохнуть среди мирнаго счастья, но для влюбленнаго оно, согласитесь, не особенно привлекательно. Впрочемъ, и на моемъ горизонтѣ поднималась тучка. Викторъ Петровичъ все безцеремоннѣе выказывалъ мнѣ свою враждебность. Онъ явно начиналъ ревновать ко мнѣ жену, и будь онъ у себя дома полнымъ хозяиномъ, чего добраго, онъ далъ бы своимъ людямъ

приказъ меня не принимать больше. Оно было бы, пожалуй, и лестно для моего самолюбія, кабы не было увы! такъ не заслуженно. Въ присутствіи постороннихъ онъ держалъ себя еще хоть сколько-нибудь прилично. Но когда онъ заставалъ насъ вдвоемъ съ Зинаидой Павловной—случалось это впрочемъ довольно рѣдко—Викторъ Петровичъ ужъ не былъ въ состояніи скрыть свое пугливое раздраженіе. То и дѣло онъ вскакивалъ съ мѣста, безпокойно прохаживался по комнатѣ, перебивалъ нашъ разговоръ, очевидно стараясь быть язвительнымъ, судорожно крутилъ усы; словомъ, велъ себя, какъ водевильный Отелло, до крайности неблаговоспитанный и смѣшной. И странное дѣло, Зинаида Павловна не только не пугалась его гнѣва, а какъ будто намѣренно старалась натравить насъ другъ на друга. Ревность мужа ее очевидно забавляла. Какъ дѣло у насъ не дошло до открытаго разрыва, я до сихъ поръ не понимаю.

Разъ, впрочемъ, у насъ произошла съ нимъ совершенно нелѣпая сцена. Я пріѣхалъ къ Волжанскимъ въ четвертомъ часу и, услыхавъ отъ лакея, что Зинаида Павловна выѣхала, собирался уже выйти на лѣстницу, какъ вдругъ распахнулась дверь въ гостиную и въ ней появилась сердитая фигура Виктора Петровича съ измятымъ лицомъ и выпученными глазами.

— Что̀-жъ это вы, Алексѣй Дмитріевичъ,—воскликнулъ онъ, останавливая меня, — жену спрашиваете, а про меня и не заикнетесь, точно меня совсѣмъ не существуетъ. Вамъ сказано вѣдь, что я дома. Войдите же, войдите! или вы меня знать не желаете?

Удивительно глупымъ мнѣ показался его хриплый, надорванный басъ. Нечего было дѣлать. Я скинулъ пальто и вошелъ. Викторъ Петровичъ провелъ меня въ кабинетъ жены и, захлопнувъ за нами дверь, принялся ходить взадъ и впередъ, то и дѣло толкая на пути колѣномъ который-нибудь изъ стульевъ.

— Это ни на что̀ не похоже,—говорилъ онъ, сильно

размахивая рукою,—вы мой давнишній пріятель, а жену знаете безъ году недѣлю...

— Извините,—перебилъ я его, усаживаясь,—я вамъ уже сказалъ, что съ Зинаидой Павловной знакомъ цѣлыхъ десять лѣтъ.

— Ну да, ну да, видѣли ее когда она была дѣвчонкой; можетъ-быть даже влюбились въ нее тогда, точно я не понимаю, и теперь вздумали подогрѣвать старинныя воспоминанія. Вы, можетъ-быть, считаете меня однимъ изъ тѣхъ мужей, у которыхъ подъ носомъ можно отбивать женъ. Не на того, батенька, напали, предупреждаю васъ. Я вѣдь слышу, какъ вы всегда тамъ спрашиваете у людей: „Зинаида Павловна у себя?“,—онъ даже позволилъ себѣ передразнить мой голосъ,—и чуть вамъ говорятъ, что ея нѣтъ дома, маршъ за дверь, а про меня ни слова. Пора съ этимъ кончить.

— То-есть, какъ это кончить?—спокойно возразилъ я, уже приготовившись къ вѣроятной кровавой развязкѣ.—Потрудитесь выражаться точнѣе.

— Кажется, я говорю понятно. Я желаю, чтобы вы, пріѣзжая къ намъ, ну словомъ, чортъ возьми,—я вѣдь, знаете, всѣхъ этихъ деликатныхъ оборотовъ рѣчи не признаю, чтобы вы за моей женой не ухаживали.

— Вы, кажется, сами не знаете, что̀ говорите, милый мой,—небрежно отвѣтилъ я, рѣшившись его окончательно взбѣсить,—и я вамъ не могу позволить... „Конечно“, думалъ я при этомъ, „очень непріятно драться съ мужемъ той женщины, въ которую влюбленъ, но что̀ же дѣлать съ такимъ олухомъ. И коли онъ не хочетъ войти въ свою роль, я не отступлю передъ его угрозами“.

— Вы не позволите,—воскликнулъ онъ,—ха, ха, прекрасно! Хотѣлъ бы я знать, что̀ такое вы сдѣлаете.

— Я не позволю вамъ говорить со мною этимъ тономъ!—вспылилъ я окончательно.

Онъ тотчасъ опѣшилъ, по крайней мѣрѣ мнѣ такъ показалось.

— То-есть, какъ же это, какъ же, я не понимаю,— сказалъ онъ, понизивъ голосъ.

Богъ вѣсть, однако, до чего довело бы это нелѣпое объясненіе, еслибы въ сосѣдней комнатѣ не послышались шаги и тотчасъ затѣмъ не явилась бы Зинаида Павловна, только-что вернувшаяся съ прогулки. За нею показалась высокая фигура Зарайскаго. Зинаида Павловна вся раскраснѣлась отъ мороза. Сквозь опущенную короткую вуаль ея смѣющіеся глаза сыпали искрами.

— А, вотъ кто съ тобой,—сказала она, весело подходя къ мужу и кивнувъ мнѣ головкой,—вы хорошо сдѣлали, Алексѣй Дмитріевичъ, что вошли.

— Это я его втащилъ почти насильно,—грубоватымъ голосомъ отвѣтилъ Викторъ Петровичъ.

— Ну и спасибо тебѣ за это... А я, представь себѣ, встрѣтила на лѣстницѣ Евгенія Ипполитовича и тоже попросила его войти.

Скинувъ перчатку, она поднесла свою бѣлоснѣжную ручку къ губамъ мужа, и тотъ, почти укрощенный, ее звонко поцѣловалъ.

— Ты какъ будто не въ духѣ?—продолжала она, ласково всматриваясь въ его лицо.

— Нѣтъ, ничего... Мы съ Алексѣемъ Дмитріевичемъ разговаривали о... политикѣ. А ты знаешь, что въ политическихъ спорахъ я всегда горячусь.

Зинаида Павловна улыбнулась и, объявивъ, что пойдетъ къ себѣ скинуть шляпу, скрылась за дверью. На порогѣ она обернулась къ намъ и спросила, не хотимъ ли мы чаю.

— Хорошо, такъ вели подать, Витя,—сказала она мужу, получивъ отъ насъ утвердительный отвѣтъ.

„И она называетъ еще уменьшительнымъ именемъ этого противнаго олуха“, подумалъ я. Не стоитъ и говорить, что въ отсутствіи Зинаиды Павловны наша бесѣда втроемъ была не слишкомъ занимательна. Зарайскій перелистывалъ альбомъ, Викторъ Петровичъ фальшиво напѣвалъ какую-то арію, а я мысленно бла-

годарилъ судьбу, что благополучно отдѣлался отъ нелѣпой дуэли съ мужемъ любимой женщины. Черезъ пять минутъ Зинаида Павловна вернулась. Слуга внесъ лотокъ съ чайнымъ приборомъ, и почти немедленно вслѣдъ затѣмъ явилась княжна Мурина.

— Можно къ вамъ, моя милая?—сказала она въ дверяхъ.—Такая рѣдкость васъ застать дома въ этотъ часъ.

Княжна положила муфту на стулъ, подошла къ Зинѣ и нѣжно, будто онѣ цѣлый вѣкъ не видались, поцѣловала ее въ губы, объявивъ, что сегодня она какъ-то особенно прелестна. Потомъ княжна каждаго изъ насъ подарила любезнымъ взглядомъ. Словомъ, она была въ припадкѣ особенной, почти нѣжной мягкости. А въ такія минуты,—всѣ это мы знали—ея надо было особенно бояться. Ея острый язычекъ жалилъ тѣмъ больнѣе, чѣмъ слаще были ея слова и улыбки; и злословіе не заставило себя ждать. Съ притворнымъ ужасомъ она разсказала два очень соленые анекдота и потомъ съ мягкимъ состраданіемъ напустилась на госпожу Стрѣльцову, называя ее при этомъ „cette pauvre chére Olga“. Затѣмъ, испуганно вскинувъ глазами на Зарайскаго, она сдѣлала видъ, будто опомнилась вдругъ, и прибавила почти шопотомъ:

— Ахъ, я не должна была бы про это говорить въ вашемъ присутствіи, Евгеній Ипполитовичъ. Вы, я знаю, въ такомъ восхищеніи отъ этой бѣдной, бѣдной Ольги, un engouement d'artiste...

— Я вами, княжна, тоже восхищаюсь!—не совсѣмъ любезно возразилъ Зарайскій.

Княжна вздохнула.

— Дайте мнѣ чаю, Зина,—сказала она,—мнѣ надо согрѣться. У васъ, впрочемъ, всегда согрѣешься: стóитъ къ вамъ зайти, сейчасъ почувствуешь что-то ласковое, доброе. Право, такихъ домовъ, какъ вашъ, немного. Вотъ Евгеній Ипполитовичъ слыветъ за ужаснаго человѣка—онъ вѣдь презлой, презлой, а у васъ онъ со-

всѣмъ ручнымъ становится... Да, бѣдная Ольга. Я ужасно боюсь, какъ бы все это не кончилось дурно. Ея мужъ одинъ изъ тѣхъ, который долго смотритъ на все сквозь пальцы, а потомъ вдругъ...

— Стрѣльцовъ совершенный дуракъ, — рѣзко оборвалъ ее Волжанскій,—ему по дѣломъ.

— Да,—вмѣшался я,—въ такихъ случаяхъ вина всегда на сторонѣ мужа,—и я принялся съ жаромъ защищать собственно не Ольгу Николаевну, а женщинъ вообще. Это входило въ мою роль влюбленнаго, да и былъ я не прочь, становясь защитникомъ слабаго пола, Виктору Петровичу высказать кое-какія непріятныя истины.

— Позвольте, милый мой,—остановилъ онъ меня, — я совсѣмъ не то хотѣлъ сказать. Вы готовы, я знаю, заступаться за каждую барыньку, которой угодно блажить. А по-моему вотъ оно какъ. Когда у мужа есть деньги и онъ ихъ не жалѣетъ, отъ него всегда зависитъ жену въ рукахъ держать, потому въ домашней жизни, какъ на войнѣ, деньги — c'est le grand ressort...

— У васъ какой-то турецкій взглядъ на женщинъ,— возразилъ я презрительно.

— Турецкій тамъ или не турецкій, а коли взялъ себѣ жену безъ гроша, какъ вотъ этотъ Стрѣльцовъ, надо быть махровымъ болваномъ, чтобы позволить женѣ дурить, да своевольничать.

— Стало-быть,—ехидно, но тихо промолвила княжна,—вы признаете это право за тѣми женщинами, у которыхъ есть свое состояніе? Чудесная мораль.

— Этого я не сказалъ,—отвѣтилъ Волжанскій, нѣсколько озадаченный.

— Впрочемъ,—безжалостно продолжала княжна,— можетъ-быть вы и правы. Для нашего вѣка эта мораль, пожалуй, годится. То, что̀ прежде называли любовью, страстью, теперь стало не болѣе какъ прихотью, а прихоть себѣ могутъ позволить только тѣ, у кого есть деньги.

У княжны былъ свой любимый конекъ—испорченность современнаго общества—и къ этой щекотливой темѣ она возвращалась съ явнымъ наслажденіемъ и съ нѣкоторымъ, свойственнымъ ей, сдержаннымъ цинизмомъ.

— Maintenant on veut avoir l'amour a la minute comme le chocolat,—закончила она свою отповѣдь.

— Долговѣчны бываютъ только тѣ отношенія, гдѣ нѣтъ ровно никакого чувства, а есть развѣ лѣнь мѣнять свои привычки!—И, сказавъ это, она улыбнулась очень мило.

Я тотчасъ замѣтилъ, что слова ея производили непріятное впечатлѣніе на Зинаиду Павловну. Она ничего не возразила, но вся какъ-то выпрямилась и холодно посмотрѣла на княжну. Зато Евгеній Ипполитовичъ измѣнилъ на этотъ разъ своему обычному, легкому, насмѣшливому тону. Слова княжны его почему-то задѣли за живое. Краска показалась на его лицѣ, глаза вспыхнули, и онъ заговорилъ взволнованнымъ голосомъ.

— Вы ошибаетесь, княжна, не всѣ люди, къ счастью, таковы. Есть на свѣтѣ настоящая любовь, умѣющая приносить въ жертву и себя, и другихъ тоже, потому что любовью назвать можно только такое чувство, которое ни предъ чѣмъ не останавливается. И знаете что̀, княжна? Когда женщина хочетъ увѣриться, любятъ ли ее въ самомъ дѣлѣ, пусть она потребуетъ отъ того, кто ее любитъ, чтобъ онъ доказалъ ей это, хотя бы совершивъ для нея преступленіе... И вотъ, кто это сдѣлалъ для любимой женщины, кто пожертвовалъ для нея своею совѣстью, тотъ ужъ ей не измѣнитъ.

Послѣднія слова Евгеній Ипполитовичъ произнесъ почти шепотомъ.

— Браво,—воскликнулъ Викторъ Петровичъ,—безнравственно, нечего сказать, но горячо, я это люблю. Зина, вѣдь, онъ хорошо говоритъ, а?

И Викторъ Петровичъ тяжело разсмѣялся.

Два дня спустя я получилъ отъ Зинаиды Павловны

коротенькую записку, въ которой она меня просила непремѣнно быть у нея въ слѣдующее утро. „У меня есть до васъ маленькая просьба“,—писала она.

Я засталъ ее одну, блѣдную, съ непривычнымъ волненіемъ на лицѣ. У нея въ этотъ день сильно болѣла голова. Просьба, съ которою она ко мнѣ обратилась, меня чрезвычайно удивила.

— Я слышала отъ васъ,—сказала она,—что жена Зарайскаго вамъ доводится родственницей.

— Да, но мы съ ней почти никогда не видимся.

— Ну, такъ вы съѣздите къ ней для меня. Вы меня этимъ много обяжете...

Оказалось, что у Зинаиды Павловны явилось странное желаніе повидаться съ моею бѣдною кузиной. Ей много наговорили про ея тяжелую судьбу, и Зинаидѣ Павловнѣ вдругъ захотѣлось помочь бѣдной Машѣ Зарайской подъ предлогомъ заказа какой-то работы. Сперва эта просьба меня совсѣмъ озадачила. Я сталъ ее уговаривать, что незачѣмъ ей для этого ѣздить самой къ Машѣ, взбираться куда-нибудь на пятый этажъ, что можно помочь ей косвенно, и я берусь это устроить. Но Зинаида Павловна стояла на своемъ.

— Нѣтъ, ужъ сдѣлайте по моему. Я никогда васъ до сихъ поръ ни о чемъ не просила. Послать ей деньги такъ, просто, вѣдь нельзя,—она оскорбится, а я все такъ устрою, что ея достоинству страдать не придется. Мы съ вами съѣздимъ вмѣстѣ... послѣ завтра, коли хотите!

При мысли совершить эту поѣздку вдвоемъ съ обожаемою женщиной всѣ мои сомнѣнія разсѣялись.

— Только вы меня ей не называйте,—добавила Зинаида Павловна,—пусть я буду... ну хоть ваша двоюродная сестра. Сочините какую-нибудь фамилію, это ужъ ваше дѣло.

Я заѣхалъ за ней въ условленный день.

Лошади насъ быстро мчали. Всю дорогу—Маша Зарайская жила у Пяти Угловъ—Зинаида Павловна была

какъ-то сумрачна и молчалива, отвѣчала мнѣ коротко и очевидно разсѣянно. Какая-то упорная мысль овладѣла ею. Первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ я ее зналъ, я примѣтилъ что-то недоброе, почти жесткое въ выраженіи ея глазъ. Одѣта она была очень скромно, въ простое суконное платье темнаго цвѣта.

— Мы пріѣхали!—долженъ былъ я ей сказать, когда остановилась карета.

Она будто опомнилась отъ тяжелаго забытья и пошла со мною по обширному неопрятному двору, на которомъ талый снѣгъ былъ плохо счищенъ. Стояла оттепель. Пасмурный день тяжело висѣлъ надъ Петербургомъ. Мы стали подниматься по темной крутой лѣстницѣ.

— Я сказалъ кузинѣ,—объяснилъ я своей спутницѣ, — что пріѣду къ ней съ одной моей дальней родственницей, которая закажетъ ей работу для дѣтскаго пріюта, гдѣ она начальница. Вы мнѣ вѣдь говорили, что вы участвуете въ одномъ благотворительномъ обществѣ. Зовутъ васъ—забылъ вамъ это сказать—Анна Андреевна Варнавина. Это не вымышленное имя, — у меня, въ самомъ дѣлѣ, есть такая родственница.

Мнѣ вдругъ стало почему-то жутко и стыдно отъ нашего страннаго посѣщенія и оттого въ особенности, что надо было являться сюда подъ чужимъ именемъ. Но она только молча кивнула головой, ей это очевидно было все равно.

Маша Зарайская занимала всего двѣ небольшія, но довольно свѣтлыя комнаты въ четвертомъ этажѣ. Она приняла насъ просто и скромно и въ то же время съ какимъ-то сдержаннымъ достоинствомъ, и вся она была необыкновенно скромная и простая. Невысокаго роста, худощавая, съ порѣдѣвшими волосами и уже поблекшими, но еще красивыми чертами лица, вся ея наружность говорила о безвыходномъ, но спокойно и твердо перенесенномъ горѣ. Въ первую минуту Зинаида Павловна пристально на нее вглядѣлась, точно она хотѣла запечатлѣть у себя въ памяти ея черты, и опять у нея

показалось то недоброе, жесткое выраженіе, которое я уже подмѣтилъ. Но тотчасъ затѣмъ лицо ея сгладилось, глаза стали мягкими и привѣтливыми, и въ голосѣ прозвучало что-то доброе и задушевное. Мы остались у Маши добрыхъ полчаса. Зинаида Павловна не ограничилась однимъ заказомъ дѣтскаго бѣлья для пріюта—съ этимъ было покончено очень скоро. Она принялась разспрашивать Машу, какъ ей живется и сколько она зарабатываетъ, а затѣмъ обѣщала ей пріискать и другіе заказы. И все это она сдѣлала такъ просто и мило, что кажется совсѣмъ очаровала бѣдную женщину. По крайней мѣрѣ по лицу Маши было видно, что она вѣритъ сердечной искренности незнакомой ей дамы и благодарна ей за выказанное участіе. Да и я тоже, признаюсь, въ эту минуту объяснилъ себѣ причуды Зинаиды Павловны самыми хорошими побужденіями—желаніемъ помочь бѣдной женщинѣ, про горькую судьбу которой она случайно узнала.

Выходя отъ Маши, Зинаида Павловна глубоко вздохнула. — Да,—какъ бы подумала она вслухъ,—странно иногда складывается жизнь! И зачѣмъ это бѣдное, безотвѣтное существо обречено на это жалкое одиночество...

Потомъ она вдругъ посмотрѣла на меня засіявшими глазами и добавила:

— Благодарю васъ отъ души. А теперь вотъ о чемъ я васъ попрошу. Устройте такъ, чтобъ она приняла отъ меня не только условленную плату, но сверхъ того еще небольшую сумму денегъ, ну хоть двѣсти рублей...

„Ахъ, какая она добрая, славная“, твердилъ я про себя, глядя на нее восхищенными глазами.

И когда мы опять были рядомъ съ ней въ каретѣ, я сдерживать себя уже не могъ и далъ волю чувству, давно просившемуся мнѣ на языкъ.

— Ахъ, Зина, Зина,—сказалъ я, хватая ее за руку,—извините, что я смѣю васъ такъ называть. Но мы, вѣдь, друзья, не правда ли, настоящіе друзья. Мнѣ отрадно

и въ то же время горько смотрѣть на васъ, на всю вашу жизнь. Вѣдь, вы тоже одиноки, хотя и кажетесь счастливы. Вамъ не съ кѣмъ подѣлиться избыткомъ вашего сердца и ума!...

Она глядѣла на меня въ какомъ-то нѣмомъ изумленіи. Но я не понялъ ея взгляда и продолжалъ:

— Знайте, что есть человѣкъ, которому вы можете довѣриться, который готовъ для васъ на всякую жертву...

— Что̀ вы хотите сказать, Алексѣй Дмитріевичъ,— перебила она меня,—я васъ не понимаю.

И губы ея очевидно не знали, сложиться ли имъ въ улыбку или выразить досаду.

— Неужели вы не догадываетесь,—воскликнулъ я въ отвѣтъ,—что я безумно люблю васъ.

И мои дрожавшія губы прильнули къ ея рукѣ. А глаза мои въ то же время умоляли ее о прощеніи,—я почти испугался собственной дерзости. Но во взглядѣ ея не было гнѣва; было въ нихъ одно изумленіе, точно вырвавшіяся у меня слова поразили ее своею неожиданностью.

— Я не должна, я не хочу этого слышать,—тихо сказала она, бережно отнимая у меня руку.—Если вы меня въ самомъ дѣлѣ любите, вы это поймете: вы обязаны уважать и меня, и моего мужа...

— Вашъ мужъ, полноте... Развѣ я могу допустить...

Но она мнѣ не дала договорить.

— Ни слова болѣе, Алексѣй Дмитріевичъ,—холодно и строго произнесла она,—если вы не хотите, чтобъ я раскаивалась въ моемъ довѣріи къ вамъ.

Я такъ дорожилъ этимъ довѣріемъ, такъ боялся утратить ея дружбу — на иное чувство съ ея стороны я пока не имѣлъ еще права разсчитывать, —что охватившее меня волненіе мигомъ затихло отъ одного ея взгляда. Ея власть надо мной была полная и стряхнуть съ себя эту власть я даже не пытался.

X.

Нѣсколько дней спустя я обѣдалъ у Волжанскихъ вмѣстѣ съ Ольгой Николаевной Стрѣльцовой, барономъ Пихнеромъ и неизбѣжнымъ Зарайскимъ. Послѣ нашей поѣздки къ бѣдной женѣ художника мы съ Зинаидой Павловной не видались. И входя къ ней, признаюсь, я слегка безпокоился насчетъ ожидавшаго меня пріема. Но мои опасенія были напрасны. Зинаида Павловна встрѣтила меня какъ ни въ чемъ не бывало. Къ ея обычной привѣтливости прибавился даже какъ будто новый, едва уловимый оттѣнокъ—что-то болѣе задушевное и близкое. Я бы почувствовалъ себя вполнѣ довольнымъ, примѣтивъ этотъ оттѣнокъ, еслибы не копошился у меня безпокойный вопросъ: „Какъ можетъ она попрежнему дружески принимать къ себѣ Зарайскаго, послѣ того, какъ она познакомилась съ его женой и увидала ея безотрадную обстановку... Что̀ дѣлать,—уговаривалъ я себя, любая женщина, вѣдь, соткана изъ противорѣчій!..

А Зарайскій на этотъ разъ, какъ нарочно, держалъ себя особенно развязно. Я мысленно сравнилъ его съ павлиномъ, распустившимъ хвостъ,—до того вся его особа дышала самодовольствомъ. Да и было ему отъ чего охорашиваться. Госпожа Стрѣльцова не переставала кокетничать съ нимъ самымъ недвусмысленнымъ образомъ: то она приставала къ нему, то прикидывалась испуганною какимъ-либо слишкомъ забористымъ словцомъ, то заговаривала съ нимъ вполголоса. Словомъ, они помѣнялись ролями—ухаживанье все было съ ея стороны. Зарайскій — надо отдать ему справедливость — принималъ этотъ фиміамъ съ поразительнымъ хладнокровіемъ. Правда, вертлявая болтовня хорошенькой Ольги Николаевны, видимо, его забавляла, но въ небрежной веселости, съ которою онъ ей отвѣчалъ, не было ничего особенно лестнаго для ея самолюбія. Боль-

шою оригинальностью задорный умокъ Ольги Николаевны не отличался. Но была у нея, помимо несомнѣнной красоты, живость и бойкость рѣчи, было много своеобразнаго изящества и въ ней самой, и во всѣхъ ея пріемахъ, изящества, которому не мѣшала при этомъ удивительная развязность обращенія. Все это мужчина цѣнитъ обыкновенно высоко; и вскружить голову она могла и не такому орлу, какъ Зарайскій. Евгеній Ипполитовичъ, однако, повидимому, устоялъ противъ ея обольщенія, хотя искристая болтовня за обѣдомъ, а, можетъ-быть, и выпитое вино, его слегка раззадорили. Мы просидѣли у Волжанскихъ до поздняго часа. Болтовня, пестрая и затѣйливая, какъ разноцвѣтный узоръ, не унималась ни на минуту. Волжанскій грузнымъ смѣхомъ отзывался на чужія шутки. Дипломатъ отпускалъ двусмысленныя остроты съ такимъ холоднымъ приличіемъ, точно онѣ выходили изъ его губъ замороженными. Одна хозяйка дома какъ будто приневоливала себя, вторя общему оживленію. Не разъ я замѣтилъ это—брови ея чуть-чуть сдвигались, и выраженіе досады волной пробѣгало по ея красивымъ чертамъ.

Съ Зарайскимъ она держалась еще холоднѣе обыкновеннаго. За то мнѣ она выказывала особенную милость и, прощаясь со мной, сказала вполголоса, такъ, чтобы прочіе не могли этого слышать:—завтра я буду у себя весь день, мнѣ что-то нездоровится.

Разумѣется я воспользовался этимъ разрѣшеніемъ. Когда я вошелъ къ ней въ третьемъ часу на слѣдующій день, заботливо освѣдомляясь о ея здоровьѣ, она встрѣтила меня съ улыбкой, увѣряя, что чувствуетъ себя теперь совсѣмъ хорошо и благодаритъ меня за то, что я пріѣхалъ. Но сквозь улыбку я могъ ясно прочесть выраженіе затаенной скорби. Я сразу почувствовалъ, что съ нею какая-то перемѣна случилась, что предо мной какъ будто иная женщина, довѣрчивая, почти слабая, готовая откликнуться на мое чувство. Она словно искала во мнѣ опору. „Наконецъ“, думалось мнѣ,

„наконецъ исчезло то гордое самообладаніе, въ которое она какъ бы замыкалась отъ меня“. Оно стаяло, казалось мнѣ, какъ весенній снѣгъ отъ солнечныхъ лучей. И въ самомъ дѣлѣ, когда я снова заговорилъ о своей любви, она выслушала меня покорно и ласково; и глаза ея сочувственно и робко свѣтились, не отворачиваясь отъ моего запылавшаго взгляда.

— Такъ повѣрьте же мнѣ свое горе,—твердилъ я, наклоняясь къ ней все ближе, — лучшаго, болѣе преданнаго друга вы не найдете...

Я надѣялся услышать, наконецъ, трепетныя, полувнятныя слова, которыхъ я такъ жаждалъ. Но вдругъ въ сосѣдней комнатѣ раздались быстрые шаги и въ дверяхъ показалась осанистая фигура княжны Муриной. Глупая случайность опять разстроила всѣ мои надежды. Я мысленно проклиналъ княжну, нетерпѣливо выслушивая ея медовыя, хитросплетенныя фразы, и во мнѣ поднималась сердитая насмѣшка.

„Ну“, думалъ я, „добрые люди такъ охотно вѣрятъ каждой сплетнѣ насчетъ любой женщины, а, вѣдь, на повѣрку-то выходитъ, что совсѣмъ не такъ легко сойти съ прямой торной дороги и перестать быть честной. И мужу не приходится объ этомъ особенно стараться: безъ него всегда найдутся мелкія случайныя помѣхи... гость явится невпопадъ, прислуга вѣчно на-сторожѣ... Вся жизнь усѣяна мелкими препятствіями, и этихъ слабыхъ преградъ всегда хватитъ на то, чтобы защитить такъ-называемую честь даже самаго ничтожнаго мужа.

Я ушелъ отъ Зины сильно раздосадованный, немного развѣ утѣшаясь мыслью, что мнѣ придется увидѣть ее въ тотъ же вечеръ. Она пригласила меня въ свою ложу въ Михайловскій театръ, куда она собиралась ѣхать съ княжной и съ Викторомъ Петровичемъ. Давали какую-то ходульную французскую пьесу на вѣчную тему о супружеской невѣрности. Волжанскій откровенно зѣвалъ, выслушивая длинныя отчаянныя тирады актера въ роли обманутаго мужа.

— Какъ все это глупо,—объявилъ онъ вдругъ,—запереть бы ему свою благовѣрную на ключъ и проучить ее хорошенько, а то вздумалъ хныкать, болванъ.

— Одного я не понимаю,—смѣясь замѣтила Зина,—какъ они до сихъ поръ не успѣли привыкнуть къ своему положенію. Пора бы, кажется, убѣдиться, что оно неизбѣжно.

Волжанскій пожалъ плечами и вышелъ, объявивъ, что ему хочется покурить. Начинался антрактъ.

— Вашъ мужъ, кажется, въ эту неизбѣжность не вѣритъ,—замѣтила княжна.

Зинаида Павловна загадочно улыбнулась и, нагнувшись ко мнѣ, сказала въ полголоса:

— Алексѣй Дмитріевичъ, представьте себѣ, я завтра собираюсь въ маскарадъ въ Большой Театръ, я тамъ еще никогда не бывала и мнѣ немножко страшно. Вы, можетъ-быть, не откажетесь со мной туда поѣхать. Я буду васъ ждать въ одиннадцать часовъ у княжны, только надо, чтобы никто про это не зналъ, обѣщаете?

Лукавый блескъ показался въ ея глазахъ. Я былъ въ восторгѣ, чувствуя, что развязка приближается и разумѣется совсѣмъ не слушалъ, что̀ говорилось на сценѣ. Никогда я не ощущалъ въ себѣ такой увѣренности въ побѣдѣ. Шальныя мысли такъ и бродили у меня въ головѣ. Я шутилъ съ обѣими дамами увѣренно и развязно. И когда Викторъ Петровичъ снова вошелъ въ ложу, я искренно о немъ пожалѣлъ.

Въ слѣдующій вечеръ за десять минутъ до одиннадцати я звонилъ у дверей небольшой квартиры княжны. Обѣ дамы встрѣтили меня, какъ заговорщики встрѣчаютъ товарища. Зина была въ простомъ черномъ платьѣ. Лицо ея показалось мнѣ немного блѣднымъ, и въ движеніяхъ ея было что-то лихорадочно порывистое.

— Мы поѣдемъ сейчасъ,—торопливо сказала она, надѣвая маску, убранную кружевами, и атласное домино съ приколотымъ къ нему крошечнымъ букетомъ изъ фіалки.

Мы поѣхали. Дорогой она была необыкновенно молчалива, словно вся она ушла куда-то далеко, совсѣмъ даже не сознавая, что съ ней происходитъ.

Я взялъ ложу въ первомъ ярусѣ и повелъ ее туда. Она послушно, но какъ-то безжизненно опиралась на меня и, усѣвшись въ ложѣ, боязливо прислонилась къ перегородкѣ, направляя свой лорнетъ на сновавшую предъ нами толпу. Надо признаться, удивительно скучны и неоживленны петербургскіе маскарады. Пары двигались такъ вяло и молчаливо, какъ будто онѣ шли въ похоронной процессіи; чѣмъ-то мрачнымъ вѣяло отъ маскараднаго веселья. Да и мнѣ становилось жутко, до того очевиднымъ было разсѣянное невниманіе Зины ко всѣмъ моимъ словамъ. Выходило совсѣмъ не то, чего я такъ страстно ждалъ весь этотъ день, сулившій мнѣ столько счастья. Кабы я могъ догадаться, что̀ за разочарованіе меня стерегло впереди.

Вдругъ Зинаида Павловна вся выпрямилась, какъ бы впиваясь глазами въ черную толпу, наполнявшую обширную залу. Ея взглядъ, должно-быть, нашелъ въ этой толпѣ что-то, разомъ овладѣвшее всѣмъ ея вниманіемъ. Лорнетъ затрясся въ ея приподнятой рукѣ. Я направилъ свой бинокль въ ту самую двигавшуюся точку, которая, очевидно, приковала къ себѣ ея глаза, и увидалъ въ десяти шагахъ отъ насъ Зарайскаго, шедшаго въ парѣ съ какою-то маской. Это была женщина невысокаго роста, повидимому, молодая и стройная. Изъ-подъ чернаго капюшона виднѣлись непослушныя волнистыя пряди пепельно-бѣлокурыхъ волосъ. Такіе именно волосы—я тотчасъ сказалъ себѣ это—у Ольги Николаевны Стрѣльцовой. Они приближались къ нашей ложѣ; но въ пылу оживленной болтовни, очевидно, насъ не узнавали. Зарайскій весь наклонился къ своей дамѣ и говорилъ ей, должно-быть, что-то очень забавное. Его большіе влажные глаза такъ и свѣтились. Зинаида Павловна откинулась назадъ и стремительно поднялась съ мѣста,

— Пройдемтесь по корридору,—сказала она мнѣ глухимъ, неестественнымъ голосомъ и оперлась на мою руку. Мнѣ показалось, что она едва держится на ногахъ, выходя со мною изъ ложи.

Мы пошли по корридору. Она торопила меня, съ нетерпѣливымъ волненіемъ стараясь поскорѣе пробраться черезъ толпу. Ея задрожавшая рука тяжело опиралась на мой локоть.

— Вы узнали, кто это былъ съ Зарайскимъ?—спросилъ я.

Она не отвѣтила и только покачала головой,—„скорѣй, скорѣй“, то и дѣло шептала она.

Изъ корридора мы спустились въ залу. Едва мы прошли нѣсколько шаговъ, какъ намъ попалась навстрѣчу полная фигура господина Лихвина. Зина мгновенно высвободила свою руку изъ моей и, быстро проговоривъ: „Извините меня, я скажу ему только два слова“, остановила Петра Ивановича, совсѣмъ не ожидавшаго, что какая-нибудь маска подаритъ его своимъ вниманіемъ. Обрюзглое лицо стараго холостяка широко и самодовольно улыбнулось; но два-три слова, сказанныя Зиной, тотчасъ согнали эту улыбку. Онъ, очевидно, смекнулъ, что заговорила она съ нимъ вовсе не ради маскарадной интриги. Зина быстро увлекла его впередъ, то и дѣло безпокойно оборачиваясь въ мою сторону. Мнѣ показалось, что она хочетъ скрыться отъ меня. И какъ ни жгло меня безпокойное желаніе узнать причину ея непонятнаго волненія, я поотсталъ немного, давая ей исчезнуть въ толпѣ. Я легко могъ отыскать ее и предпочелъ слѣдить за ней, оставаясь незамѣченнымъ, но отыскалъ я ее не скоро. Два раза я обошелъ всю залу, поднимаясь въ бельэтажъ, безпокойнымъ взглядомъ пронизывалъ вереницы паръ,—но букетъ изъ фіалокъ на атласномъ домино мнѣ все еще не попадался на глаза. Наконецъ, я увидѣлъ Зину, притаившуюся у дверей, ведущихъ въ фойэ. Проходившія пары задѣвали ее, но она, повидимому, не сознавала, что во-

кругъ нея происходитъ—до того вся она застыла въ неподвижномъ, страстномъ вниманіи. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея, на бархатномъ диванѣ, я увидѣлъ Зарайскаго все съ тою же маской, съ которою онъ шелъ подъ руку въ залѣ. Да, это были тѣ же волнистые, пепельные волосы. Такъ вотъ что возбудило странную перемѣну въ ней; вотъ кого она искала въ толпѣ!.. Я весь остолбенѣлъ отъ ужасной догадки, вдругъ сказавшейся мнѣ и такимъ неожиданнымъ свѣтомъ озарившей всю жизнь Зинаиды Павловны. Но мнѣ не хотѣлось вѣрить этой догадкѣ. Я отгонялъ ее, какъ отвратительный призракъ. И сердце мучительно билось у меня въ груди, пока я стоялъ въ двухъ шагахъ отъ Зины въ трепетномъ лихорадочномъ ожиданіи.

Она меня не примѣчала; она забыла, вѣроятно, про мое существованіе. Прошло нѣсколько минутъ, тянувшихся мучительно долго. Но вотъ Зарайскій, не перестававшій весело болтать со своею дамой, поднялся съ мѣста и, сказавъ ей что-то на ухо, отошелъ на нѣсколько шаговъ. И въ то же мгновеніе Зина—теперь еще послѣ цѣлыхъ пяти лѣтъ эта сцена такъ жива въ моей памяти, какъ будто это случилось вчера—Зина быстро подошла къ нему и вѣеромъ коснулась его локтя. Онъ обернулся съ улыбкой на губахъ. Никогда не забуду выраженія его лица, сіявшаго самодовольною веселостью. И вдругъ, отъ немногихъ словъ, проговоренныхъ ею, лицо это разомъ измѣнилось: губы задрожали, глаза потухли, игривый блескъ въ нихъ смѣнился глубокимъ выраженіемъ, въ которомъ была и скорбь, и словно какая-то мольба. Бережно, нѣжно онъ подалъ ей руку, совсѣмъ не такъ, какъ подавалъ онъ ее женщинѣ, которую онъ только что-покинулъ. То, что говорилъ онъ Зинѣ, уводя ее изъ фойэ, не походило на легкій маскарадный разговоръ. Это были уже иныя рѣчи, исполненныя внимательнаго участія; рѣчи, какія только говорятся близкому, дорогому существу. Маска, съ которою только-что предъ этимъ шутилъ Зарайскій, тоже

приподнялась съ дивана и съ очевиднымъ любопытствомъ слѣдила за всѣмъ этимъ. И когда Зина скрылась съ Зарайскимъ, маска проводила ихъ короткимъ, недобрымъ смѣхомъ.

Я принялся слѣдить за Зиной съ какимъ-то отчаяннымъ упорствомъ. Мною овладѣло томительное, упрямое желаніе узнать всю истину, точно мнѣ доставляло наслажденіе растравлять въ себѣ болѣзненно-горькое чувство разочарованія. Но скоро я потерялъ ее изъ виду, и какъ ни старался потомъ я отыскать ее въ толпѣ, но уже не могъ. Безцѣльно бродилъ я взадъ и впередъ, какъ бы любуясь крушеніемъ всего, чѣмъ тѣшилъ я себя такъ долго. Есть какая-то горькая прелесть въ насмѣшливомъ созерцаніи своихъ обманутыхъ надеждъ, точно стоишь передъ развалинами собственнаго счастья, восхищаясь ихъ печальною красотой.

Вдругъ меня кто-то взялъ подъ руку. Я обернулся. Это была та самая маска, которую я за полчаса предъ тѣмъ видѣлъ съ Зарайскимъ.

— Ты напрасно ищешь свою даму,—насмѣшливо сказала она,—ея давно здѣсь нѣтъ.

Я тотчасъ узналъ госпожу Стрѣльцову. На этотъ счетъ ошибки не могло быть: измѣнить свой голосъ она не умѣла или, можетъ-быть, не считала нужнымъ.

— Она уѣхала?—спросилъ я.

— Да, уѣхала съ нимъ, съ Зарайскимъ. Я думала, тебѣ интересно будетъ про это узнать и отыскала тебя.

— Спасибо,—иронически отвѣтилъ я.

— Что̀-жъ,—продолжала она смѣяться,—мы оба въ одинаковомъ положеніи—насъ обоихъ покинули. Такъ будемъ же заодно.

— Ты собираешься мстить?

— Мстить! нѣтъ, для такихъ трагическихъ чувствъ у меня нѣтъ мѣста. Я хотѣла только убѣдиться въ давнишней своей догадкѣ и... убѣдилась.

— Въ какой догадкѣ? говори яснѣе.

— Такъ сейчасъ вотъ всю правду тебѣ сказать.

Ея смѣющіеся глаза сквозь маску уставились на меня.

— Какіе вы всѣ мужчины уморительные! Не знаешь ты меня совсѣмъ почти, а готовъ вѣрить каждому моему слову и даже не спрашиваешь у себя, не собираюсь ли я наговорить тебѣ небылицы, такъ просто изъ ревности.

— Да ты же увѣряла сейчасъ, что мстить не думаешь.

— Да, но быть покинутою для другой, согласись, не особенно пріятно.

— Ты развѣ любишь Зарайскаго?

— Можетъ-быть да, можетъ-быть нѣтъ. Да, впрочемъ, какое тебѣ дѣло? Можетъ-быть пріѣхала я сюда, чтобы наблюдать за ней и кстати раскрыть тебѣ глаза. Я знала, что вы будете здѣсь вмѣстѣ. Вѣдь я давно замѣчаю, что ты безъ памяти въ нее влюбленъ... Ну, я и занялась такъ усердно Зарайскимъ, чтобы вывести ее изъ себя и заставить сдѣлать какую-нибудь глупость, которая бы выдала мнѣ ея тайну. Вотъ она и попалась въ ловушку.

Она говорила все это самымъ веселымъ тономъ, точно дѣло шло о какомъ-то забавномъ приключеніи.

— Ну, теперь будетъ съ тебя,—объявила она вдругъ отнимая свою руку. Она кивнула мнѣ головой и потомъ, какъ бы одумавшись, добавила шопотомъ: — Ты догадываешься теперь, кто была женщина, изъ-за которой Зарайскій бросилъ свою жену?

И, сказавъ это, она скрылась въ толпѣ.

Да, я догадался объ этомъ уже ранѣе, въ ту самую минуту, когда Зинаида Павловна, остановивъ Зарайскаго, такъ страстно и нервно съ нимъ заговорила. Гнусная, жестокая правда била мнѣ въ глаза своимъ отвратительнымъ свѣтомъ... И все-таки я не хотѣлъ этому вѣрить. Обдуманный, низкій обманъ упорно не мирился съ тѣмъ, какъ представлялъ я себѣ характеръ Зины, не мирился съ открытымъ взглядомъ ея глазъ, съ безмя-

тежнымъ теченіемъ ея жизни. Неужели могла она вести эту двойную игру: обманывать и мужа, и меня, и въ то же время сохранять это поразительное, невозмутимое спокойствіе. Недавно еще, когда мы были съ нею у Маши Зарайской, она такъ сердечно отнеслась къ бѣдной женщинѣ: добрыя, сочувственныя слезы навертывались ей на глаза, когда она выслушивала простой откровенный разсказъ Маши. И это, стало-быть, тоже былъ обманъ, — безцѣльный, непонятный обманъ? Къ чему ей было искать случая увидѣть несчастную женщину, если сама она была виновницей ея горя? И зачѣмъ стала бы она такъ холодно издѣваться надъ моимъ возродившимся чувствомъ, опутывать меня сѣтью лживой дружбы? Вѣдь я не мѣшалъ ея счастью, стоялъ въ сторонѣ отъ ея жизни, и сама она искала со мной сближенія. Я цѣпялся за эти необъяснимыя противорѣчія и твердилъ себѣ, что слишкомъ поторопился ее обвинить, что настоящей правды я все-таки не знаю. Малодушная надежда все еще теплилась во мнѣ. И несмотря на все, что̀ перенесъ я въ этотъ вечеръ, я не въ силахъ былъ вырвать изъ сердца рабскую, униженную любовь къ этой женщинѣ. Я жаждалъ увидѣть ее вновь, готовый вѣрить каждому ея слову...

XI.

Доказать мнѣ осталось немного...

Видѣть ее мнѣ уже не было суждено. На другой день я поспѣшилъ навѣдаться къ ней. Но мнѣ сказали, что Зинаида Павловна нездорова и не принимаетъ. Такъ было и во второй, и въ третій день. Каждое утро я говорилъ себѣ, что сегодня кончатся мои терзанія, что я увижу ее и все отъ нея узнаю; и моя вѣра въ нее не только не слабѣла,—она становилась все покорнѣе, она какъ милостыню готова была принять самыя бездоказательныя оправданія.

Это были скверные дни. Видѣвшіе меня за это время должно-быть читали на моемъ лицѣ выраженіе горькаго стыда, смѣнявшагося робкою надеждой.

Прошла цѣлая недѣля. И вотъ въ одинъ солнечный февральскій день,—масляница была въ самомъ разгарѣ и улицы наполняла шумная толпа—я встрѣтился на Невскомъ съ господиномъ Лихвинымъ. Петръ Ивановичъ остановилъ меня и съ веселымъ видомъ спросилъ:

— Слышали новость? Зинаида Павловна уѣхала вчера за границу.

— Уѣхала? Какими судьбами?

— Да, да, я обѣдалъ у нея третьяго дня, и она мнѣ сказала, что доктора ее посылаютъ на югъ. Она чувствовала себя нехорошо все это время.

— И въ самомъ дѣлѣ она была нездорова?—тревожно спросилъ я.—Какъ вы ее нашли? Что̂ она измѣнилась, похудѣла?

Петръ Ивановичъ ухмыльнулся.

— Не безпокойтесь, сказалъ онъ,—вы знаете, дамы... кто ихъ разберетъ.

При этихъ словахъ онъ двусмысленно хихикнулъ.

— Я проводилъ ее на поѣздъ,—добавилъ Лихвинъ.

— И Викторъ Петровичъ тоже поѣхалъ?—спросилъ я, помолчавъ немного.

— Нѣтъ, остался здѣсь. Вы знаете, Волжанскій терпѣть не можетъ путешествій.

— И кто же еще провожалъ Зинаиду Павловну, баронъ Пихнеръ, Зарайскій?

Я нарочно упомянулъ о баронѣ, чтобы не сразу назвать Евгенія Ипполитовича.

— Были только княжна Мурина да я. Зарайскаго, вѣдь, нѣтъ ужъ въ Петербургѣ. Онъ третьяго дня уѣхалъ тоже въ Италію, кажется.

Лихвинъ опять противно хихикнулъ.

— Какъ же вы всего этого не знаете. Вы такъ вѣдь дружны съ Волжанскимъ?

Я не отвѣтилъ на этотъ вопросъ и поспѣшилъ

разстаться съ господиномъ Лихвинымъ, который разиня ротъ продолжалъ стоять на тротуарѣ, удивленный, что я такъ рѣзко оборвалъ съ нимъ бесѣду.

Я опрометью бросился на извощика и, торопя его, поскакалъ къ княжнѣ Муриной. У меня въ головѣ мелькнула догадка, не сговорилась-ли Зинаида Павловна съ Зарайскимъ, чтобы съѣхаться съ нимъ за границей. Одна княжна могла разсѣять мои недоумѣнія.

И она ихъ въ самомъ дѣлѣ разсѣяла.

Княжна приняла меня, какъ обыкновенно принимаютъ людей, которыхъ постигло семейное горе или, по крайней мѣрѣ, крупная денежная потеря. На ея лицѣ такъ и читалось соболѣзнованіе. Я сразу приступилъ къ дѣлу. Когда приходится вырвать гнилой зубъ, незачѣмъ откладывать эту операцію въ долгій ящикъ. Я про все разсказалъ княжнѣ. Она слушала молча, не спуская съ меня внимательныхъ глазъ и по временамъ нюхая одеколонъ изъ граненаго флакончика.

— Помните, я говорила вамъ: берегитесь,—проронили ея слегка улыбнувшіяся губы, когда я кончилъ.

— Какъ,—воскликнулъ я,—неужели вы тогда уже?..

— Ахъ, Алексѣй Дмитріевичъ, какой вы странный,—перебила меня княжна.—Вы хотите, чтобъ я вамъ съ точностью опредѣлила часъ и минуту, когда у меня сложилась... даже не увѣренность, а простая догадка. Я сама не знаю, какъ я пришла къ этому заключенію. Рядъ самыхъ ничтожныхъ случаевъ — слово, взглядъ, пойманные на лету. Ну, наконецъ, странное равнодушіе Волжанскаго, который такъ комично ревновалъ жену къ вамъ и не думалъ даже подозрѣвать Зарайскаго. Вѣдь подозрѣнія мужа всегда идутъ по ложному слѣду. И когда я примѣтила, что Зина такъ явно къ вамъ благоволитъ, я и спросила себя вдругъ, не дѣлается-ли это... извините меня... чтобъ отвести Виктору Петровичу глаза.

Я былъ совсѣмъ уничтоженъ этими словами. От-

правляясь къ княжнѣ—чего грѣха таить—я все еще надѣялся, и вотъ что̀ мнѣ приходилось выслушать вмѣсто ожидаемаго утѣшенія.

— И вы думаете,—настаивалъ я,—что началось это давно. Но какъ же объяснить тогда явно враждебный тонъ въ обращеніи Зинаиды Павловны съ Зарайскимъ? А если тутъ была искусная игра, какъ допустить столько испорченности, такой разсчитанный холодный обманъ?

Я въ эту минуту совершенно забылъ, что самъ хотѣлъ воспользоваться такимъ же обманомъ, ничуть не возмущаясь участью, какую я готовилъ Виктору Петровичу. Тогда я смотрѣлъ на себя, какъ на естественнаго врага законнаго мужа. Теперь у меня было съ этимъ мужемъ какое-то товарищество въ несчастіи.

— Вотъ, вы опять,—улыбнулась княжна,—съ вашею мужскою логикой, точно вы не знаете, что для женщинъ она не годится, что какъ ни разгадывай ихъ, все останется въ ихъ дѣйствіяхъ нѣчто скрытое, неразъяснимое, какъ въ природѣ есть вещества, которыя не поддаются анализу.

Княжна и тутъ не могла воздержаться, чтобы не прихвастнуть своею ученостью.

— Ну, а эта странная поѣздка къ женѣ Зарайскаго, какъ ее вы объясните, мимолетнымъ состраданіемъ или, чего добраго, какою-то злобною причудой, которая ее подстрекала потѣшиться видомъ своей жертвы?..

— И то, и другое можетъ быть; а, пожалуй, опять то необъяснимое нѣчто.

Мы оба помолчали.

— А что̀ вы теперь намѣрены дѣлать?—вдругъ спросила княжна, поправляя складку на своемъ платьѣ.

Это значило, что разговоръ нашъ по ея мнѣнію истощенъ; по крайней мѣрѣ такъ это я понялъ.

— Да ничего, я думаю,—было моимъ отвѣтомъ,—отдаться въ распоряженіе времени: оно навѣрное занесетъ меня въ такое мѣсто, о которомъ я и не помышляю теперь.

Сказавъ это, я всталъ и простился. Не стану описывать, что̀ я почувствовалъ тогда. Угадать это нетрудно. Скажу только, что Петербургъ мнѣ сталъ невыразимо противенъ. И три дня спустя поѣздъ увозилъ меня опять въ мой покинутый деревенскій уголъ. Наединѣ съ собою мнѣ стало однако еще хуже, еще невыносимѣе. И мѣсяца два спустя я уѣхалъ за границу размыкать горе или скорѣе вытрясти его изъ себя, таскаясь по желѣзнымъ дорогамъ и шумнымъ городамъ. Я нарочно искалъ людныхъ мѣстъ. И что̀-жъ! Какъ чеканъ на монетѣ стирается отъ человѣческихъ рукъ, мои болѣзненныя воспоминанія сгладились понемногу среди людской толкотни. И мало-по-малу легкая насмѣшка—это послѣднее утѣшеніе побѣжденныхъ—стала подниматься во мнѣ, когда я вспоминалъ о недавнемъ прошломъ.

До меня стали, между тѣмъ, доходить слухи про госпожу Волжанскую. Она съ Зарайскимъ поселилась въ какомъ-то мѣстечкѣ на италіанскомъ прибрежьѣ и провела съ нимъ тамъ зиму. Лѣтомъ они странствовали по Альпамъ. Но вдругъ у нихъ произошла размолвка—и если вѣрить дамскимъ сплетнямъ,—произошла по винѣ Зинаиды Павловны. Зарайскій, въ свою очередь, какъ увѣряли меня, увеличилъ собою число жертвъ ея причудливаго нрава.

Два года спустя я былъ снова въ Петербургѣ, и къ моему немалому изумленію мнѣ довелось узнать, что Волжанскіе опять живутъ вмѣстѣ, какъ примѣрная чета, и Викторъ Петровичъ попрежнему безгранично увѣренъ въ своемъ супружескомъ счастьѣ. Неумолимая городская молва, на время обрушившаяся на Зинаиду Павловну, съ ней тоже помирилась. Ее принимаютъ всюду, и прежніе друзья, за исключеніемъ Зарайскаго, опять собираются въ ея гостиной. Княжна Мурина дала мнѣ понять, что Зинаида Павловна и меня приметъ у себя охотно. Но на этотъ разъ я уже не послѣдовалъ ея любезному зову.

И что-жъ, спросите вы, можетъ-быть, вотъ и все?

Гдѣ же тутъ развязка? Не моя вина, отвѣчу я вамъ, что ея нѣтъ. Заволновалась слегка жизнь, какъ волнуется гладкая поверхность озера отъ брошеннаго съ берега камня, и опять все улеглось, такъ что даже ряби не видно. Но камень, можетъ-быть, остался на сердцѣ у людей, какъ остался онъ на днѣ озера. Еслибы вы меня спросили, сожалѣю-ли я о прошломъ, стыжусь-ли я своей непростительной слабости? Захотѣлъ-ли бы я вычеркнуть это прошлое изъ моей жизни такъ, чтобъ его и не было совсѣмъ? Я бы отвѣтилъ вамъ: нѣтъ, пусть остается все какъ было, ни про что́ я не сожалѣю и ничего не стыжусь; и какъ ни горько было обмануто мое чувство, теперь, на порогѣ старости, воспоминаніе о немъ остается мнѣ все-таки дорогимъ и милымъ.

ПОЩЕЧИНА.

РАЗСКАЗЪ.

К. Головинъ (К. Орловскій).

ПОЩЕЧИНА.

РАЗСКАЗЪ.

Изданіе А. Ф. Маркса.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Спб. Т-ва Печатн. и Издат. дѣла „Трудъ“. Фонтанка, 86.
1902.

I.

Звонъ великопостныхъ колоколовъ пробудилъ Сережу Горянцева отъ утренней дремоты. Былъ чистый понедѣльникъ. Наканунѣ, послѣ придворнаго бала, окончившагося ровно въ полночь, онъ поѣхалъ къ одному изъ полковыхъ товарищей, гдѣ собралась веселая компанія отпраздновать, какъ слѣдуетъ, послѣдній день масляницы. Тамъ, чуть не до пяти часовъ, шла крупная игра, и Горянцевъ, которому сильно везло, остался въ большомъ выигрышѣ. Возвратился онъ домой уже за пять, а теперь, когда Сережа проснулся ровно въ десять, онъ чувствовалъ себя совершенно бодрымъ и свѣжимъ, послѣ недолгаго, но крѣпкаго сна. Онъ потянулся съ минуту въ кровати, и, вскочивъ на ноги, поспѣшилъ окунуть лицо въ лахань. Прикосновеніе холодной воды вызвало у него удвоенное ощущеніе бодрости и молодой силы, и мигомъ впечатлѣнія истекшаго дня ярко воскресли у него въ памяти. Это былъ одинъ изъ самыхъ удачныхъ дней за всѣ пять лѣтъ, проведенныхъ имъ въ полку. Никогда еще въ его жизни такъ высоко не поднималась носившая его съ собой волна успѣха. Его сѣрые красивые глаза самоувѣренно блеснули въ отвѣтъ на это воспоминаніе, и довольная улыбка заиграла-было на губахъ, оттѣненныхъ мягкими бѣлокурыми усами. Но блескъ этотъ потухъ тотчасъ, улыбка исчезла. Что-то почти болѣзненное присоединилось къ счастливымъ воспоминаніямъ минувшаго дня, что-то портившее ихъ праздничную радость.

А за послѣднее время ему, въ самомъ дѣлѣ, необыкновенно везло. Какъ разъ за эту зиму его положеніе и въ полку, и въ обществѣ, поднялось замѣтно. На первыхъ порахъ, когда послѣ университета онъ поступилъ вольноопредѣляющимся, а потомъ такъ и остался въ полку, гдѣ сразу полюбился товарищамъ, Сережѣ Горянцеву приходилось не легко. Связей у него въ Петербургѣ не было никакихъ, да и въ деньгахъ тоже недостатокъ ощущался большой. Приходилось себя обрѣзывать во всемъ, съ нѣмецкою аккуратностью беречь каждую копѣйку, и терпѣть за то не мало насмѣшекъ. Не будь Горянцевъ такимъ всеобщимъ любимцемъ за открытый, веселый, совсѣмъ необидчивый нравъ, онъ едва ли бы могъ удержаться въ полку. Теперь было совсѣмъ уже не то. Веселое добродушіе его натуры, готовность полѣзть за товарища въ огонь и воду, дѣлали его популярнымъ, а за лихую, красивую ѣзду онъ былъ у начальства на самомъ лучшемъ счету. Завелись у него и многочисленныя знакомства въ свѣтскомъ кругу, и недостатка въ деньгахъ уже не было, или, вѣрнѣе, не чувствовалось. Словомъ, онъ былъ теперь среди товарищей въ самомъ первомъ ряду, какъ одинъ изъ наиболѣе блестящихъ офицеровъ. Недавно переведенный къ нимъ изъ другого полка, молодой князь Суздальскій—красавецъ собою, лихой наѣздникъ, заразительно веселый, когда ему хотѣлось быть такимъ, и въ то же время умѣвшій осадить хоть кого приступомъ леденящей холодности, ни съ кѣмъ такъ близко не сошелся, какъ съ Сережей. Съ нимъ однимъ Суздальскій былъ совсѣмъ нараспашку, съ полною задушевною искренностью повѣряя ему самые затаенные помыслы, даже тѣ, которыхъ онъ внутренно стыдился. Горянцевъ платилъ ему тѣмъ же лишь на половину. Иной разъ его подмывало совсѣмъ обнажить душу передъ Суздальскимъ, но онъ всегда умѣлъ во-время остановить неосторожное признаніе.

А было въ его жизни кое-что, въ чемъ признаваться даже самому себѣ не всегда хотѣлось. Иной разъ

въ самый разгаръ безудержнаго веселья къ нему толкнется въ сердце острое, колючее сознаніе, что въ этомъ весельи что-то нехорошее таится на днѣ. Такъ, когда онъ немилосердно вышучивалъ добродушнаго толстяка, Колю Разрубина, который былъ такъ смѣшонъ своей вѣчной неловкостью въ женскомъ обществѣ, онъ часто стыдился про себя этой немилосердной и незаслуженной травли. Когда онъ цѣлый мѣсяцъ, а не то и годъ, заставлялъ дожидаться уплаты по какому-нибудь счету, и въ то же время аккуратно платилъ карточные долги, ему часто приходило въ голову, какъ нелѣпо и несправедливо установившееся въ его кругу житейское правило, что какому-нибудь мастеровому можно, пожалуй, и не платить вовсе, а съ богатымъ товарищемъ, которому проигралъ, разсчитаться надо во что̀ бы то ни стало. Въ прошлую зиму, ровно годъ назадъ, когда этотъ добрѣйшій Иванъ Ѳедоровичъ Телѣгинъ, сосѣдъ Горянцева по курскому имѣнію и старинный другъ его отца, пріѣхалъ въ Петербургъ со своею двадцатилѣтнею Вѣрочкою,—какъ холодно обошелся онъ съ ними, съ какою жестокою умышленною тонкостью далъ имъ понять, что разсчитывать на него, какъ на будущаго жениха дочери, незачѣмъ. А три года передъ тѣмъ, когда Сережа въ послѣдній разъ побывалъ лѣтомъ въ деревнѣ,—какъ искренно увлекался онъ тогда молодою дѣвушкою, ея робкою, едва распускавшеюся прелестью. Оба они были еще слишкомъ молоды, чтобы думать о свадьбѣ, но Горянцевъ недвусмысленно давалъ понять и Вѣрочкѣ и ея отцу, что въ недалекомъ будущемъ, черезъ годъ или два, эта свадьба непремѣнно состоится. Вѣрочка хранила въ сердцѣ невысказанное на словахъ обѣщаніе, и считала себя почти невѣстою Сережи. Въ деревенской тиши три года прошли незамѣтно, не принеся съ собою никакихъ перемѣнъ, и дѣвушка твердо вѣрила, что не измѣнился и Горянцевъ: онъ писалъ вѣдь ей не разъ за эти три года, хоть и не особенно часто.

А для него, между тѣмъ, эти года были временемъ полнаго, быстраго расцвѣта. И теперь самая мысль о женитьбѣ на Вѣрочкѣ ему казалась чѣмъ-то совершенно нелѣпымъ и смѣшнымъ. Какое мѣсто заняла бы она среди женщинъ того круга, гдѣ онъ постоянно бывалъ,—Софи Мендеръ, княгини Бетси Краснохолмской, баронесы Шварценбахъ, Мери Свольской... Одни только эти бѣдные провинціалы, закисшіе въ своей деревенской глуши, могли этого не понимать. Вѣдь неизмѣримо далеко было отъ прежняго Сережи, застѣнчиваго, молоденькаго офицерика, до теперешняго блестящаго Горянцева, котораго знаетъ весь Петербургъ, и кому завидуютъ многіе изъ сверстниковъ. Боязливо-строгія правила, выработанныя съ дѣтства, подъ вліяніемъ отца, незамѣтно для Сережи смягчились и ослабли въ полковой обстановкѣ, гдѣ никто не задумывался надъ тратами, и долги считались ни во что. Въ числѣ офицеровъ полка былъ одинъ, старше его лѣтъ на шесть, и представлявшій съ нимъ полную противоположность. Звали его Полабинымъ. Это былъ сухощавый, невысокаго роста человѣкъ, съ тонкими, какъ у дѣвушки, руками и совсѣмъ мелкими, необыкновенно подвижными чертами некрасиваго лица. Но съ виду тщедушная его фигура скрывала силу и упругость чрезвычайную. Ловокъ онъ былъ какъ кошка. На скачкахъ бралъ какое угодно препятствіе, и любую строптивую лошадь укрощалъ маленькою, но желѣзною рукою. Несмотря на болѣзненную почти блѣдность, никакой усталости онъ не боялся. Послѣ безсонной ночи, проведенной за карточнымъ столомъ, голова его оставалась свѣжа, и сколько бы онъ ни выпилъ, владѣть собою Полабинъ не переставалъ. Въ полку его не любили, и въ то же время боялись за острый языкъ, всегда готовый на язвительный отвѣтъ. Полабину Сережа понравился, и онъ взялся выдрессировать его по-своему. Разъ въ его присутствіи Горянцевъ схватилъ за плечи какого-то расходившагося пьянаго нахала и съ такою силою толкнулъ,

что тотъ со всего размаху отлетѣлъ и чуть было не разбился объ стѣну. Такая расправа съ рослымъ дѣтиною, который былъ цѣлою головою выше Сережи, внушила Полабину уваженіе къ молодому товарищу: ни передъ чѣмъ на свѣтѣ онъ такъ не преклонялся, какъ передъ физической силой. Сережа отъ него понемногу научился, что, живя въ Петербургѣ и нося мундиръ ихъ полка, въ деньгахъ нуждаться смѣшно, что можно широко жить, не получая доходовъ, и карточная игра для небогатаго человѣка—вѣрное средство не оставаться безъ денегъ. Для всего этого одно только нужно—владѣть собою и смотрѣть на жизнь какъ на партію, въ которой, конечно, не каждая карта возьметъ, но въ проигрышѣ остаются одни дураки.

— Проигрываешься въ пухъ, знаешь отчего,—твердилъ онъ Сережѣ;—оттого, что вбилъ себѣ въ голову, что непремѣнно надо сегодня же сорвать кушъ. И оттого-то лѣзутъ на стѣну, когда не везетъ. Разумѣется, это глупо до-нельзя. Надо деньги такъ разсчитать, свои или занятыя,—это конечно, все равно,—чтобы ихъ разъ на пятнадцать или на двадцать хватило и, какъ скоро положенную сумму продулъ, имѣть твердость встать со стола, не отыгрываясь. Зато, когда повезетъ,—а это случится когда-нибудь,—иди, не бойся, бери штурмомъ, но непремѣнно, чтобы изъ выигранныхъ денегъ отложить что-нибудь—ну, тамъ пятьсотъ, тысячу рублей, и ужъ ни подъ какимъ видомъ ихъ не спускать. И вотъ съ этой системой, другъ мой, всегда въ барышѣ останешься; карты—это та же, вѣдь, жизнь, гдѣ хладнокровіемъ все возьмешь, потому что огромное большинство горячится. И нечестнаго тутъ ровно ничего нѣтъ: бараны на то и созданы, чтобы ихъ стричь. И во всемъ это такъ, повѣрь мнѣ.

Эта мораль мало-по-малу оказывала свое дѣйствіе. Полабинъ свою теорію о „баранахъ“ примѣнялъ ко всему рѣшительно, и къ службѣ, и къ товарищамъ, и къ свѣту, гдѣ онъ бывалъ часто, и въ особенности къ

женщинамъ. Щадилъ онъ одного Сережу, щадилъ за прямодушіе и наивность,—какъ разъ за тѣ свойства, которыя онъ силился въ немъ искоренить. Онъ повезъ его и въ свѣтъ, добросовѣстно стараясь вытравить въ немъ застѣнчивость, дѣлясь съ нимъ десятилѣтнею опытностью. Сережа входилъ во вкусъ. Его все сильнѣе тянулъ въ искусственный міръ, гдѣ за яркимъ блескомъ обстановки не видишь скрытыхъ тревогъ и страданій, гдѣ всѣ лица, всѣ движенія выдрессированы, какъ лошади въ циркѣ, гдѣ нѣтъ даже отдаленнаго намека на заботу о деньгахъ и на необходимость себѣ отказывать въ чемъ-либо. За-одно съ прежнею застѣнчивостью у Горянцева пропадала и боязнь должать. У него былъ теперь одинъ изъ лучшихъ парадеровъ въ полку, уступленный товарищемъ за карточный проигрышъ, жеребецъ хорошаго завода, котораго онъ старался беречь, запрягая его только разъ въ день, когда надо было показаться и пустить пыль въ глаза. Деньги всегда имѣлись, какъ скоро нужно было поднести дорогой подарокъ или принять участіе въ свѣтскомъ пикникѣ. Были, конечно, и долги, которыхъ онъ пересталъ бояться, съ тѣхъ поръ, какъ замѣтилъ, что ростовщики неохотно даютъ только въ первый разъ, а потомъ сами навязываются съ услугами. И зеленаго стола пересталъ онъ бояться, слѣдуя буквально совѣтамъ Полабина.

Словомъ, къ тому времени, когда начинается этотъ разсказъ, Сережа Горянцевъ былъ на вершинѣ успѣха во всемъ, что̀ составляетъ внѣшнюю, показную сторону жизни. По службѣ онъ шелъ отлично: недавно его сдѣлали полковымъ адъютантомъ. Въ свѣтѣ онъ усвоилъ себѣ ту вѣжливую наглость, съ помощью которой въ мужчинахъ вселяешь увѣренность, что даромъ не сойдетъ насмѣшливое словцо, а въ женщинахъ—что не поможетъ имъ самое испытанное двоедушіе. И при всемъ этомъ онъ всетаки не переставалъ слыть за прекраснаго малаго, „un excellent garçon“, съ которымъ никогда

не бываетъ скучно, и который не откажетъ товарищу дать взаймы радужную.

„Какой несносный этотъ звонъ“!—подумалъ Горянцевъ, продолжая умываться, и невольно прислушиваясь къ унылымъ, мѣрнымъ ударамъ колокола. Было что-то навязчивое въ этомъ звонѣ, что-то напоминавшее о совершенно иной жизни, о какихъ-то докучливыхъ обязанностяхъ. Когда-то, въ далекіе уже дѣтскіе годы, совершенно иныя чувства пробуждалъ въ немъ призывъ великопостнаго колокола. Ему хорошо помнилось, какъ въ деревнѣ, послушный вліянію набожной матери, онъ съ мягкимъ умиленіемъ внималъ этому призыву: потомъ и въ университетскіе годы, тамъ, въ Москвѣ, по старой привычкѣ, онъ все еще съ какимъ-то смутнымъ и въ то же время добрымъ ощущеніемъ не то раскаянія, не то любви, прислушивался къ строгому голосу великопостныхъ колоколовъ. Теперь было не то: Сережа не сдѣлался, правда, открыто невѣрующимъ,—онъ только совершенно пересталъ отзываться на тотъ особый рядъ мыслей, какой навѣвалъ унылый великопостный звонъ. Слишкомъ ужъ былъ далекъ этотъ рядъ мыслей отъ теперешней его жизни, и напоминаніе про старое, давно забытое, его раздражало.

„Взять бы другую квартиру на будущій годъ,—продолжалъ онъ раздумывать,—подальше отъ церкви“... И онъ почти съ ненавистью окинулъ взглядомъ свои двѣ небольшія комнаты, спальню и кабинетъ, недавно, въ эту самую зиму меблированные заново и, разумѣется, въ долгъ. Необыкновенно мизернымъ ему показалось убранство этихъ комнатъ, такъ далеко отстававшее отъ широкой роскоши богатыхъ товарищей. Горянцевъ жилъ въ казармахъ и очень хорошо зналъ, что снять какую-нибудь иную квартиру ему не по средствамъ.

„Проклятая бѣдность“!—стиснувъ зубы, сказалъ онъ себѣ, и разгорѣвшійся, озлобленный взглядъ остановился на кожаномъ бумажникѣ, съ вечера оставленномъ на столикѣ, возлѣ кровати. Оттуда торчала цѣлая пачка

ассигнацій: это былъ его вчерашній выигрышъ, или, вѣрнѣе, только часть этого выигрыша. Всей суммы проигравшій Разрубинъ выплатить не могъ. А сумма была изрядная,—цѣлыхъ четыре тысячи. Но сознаніе, что ему теперь надолго хватитъ наличныхъ денегъ, не разогнало озлобленія молодого человѣка. Къ этому озлобленію прибавилось только нѣчто иное: онъ вспомнилъ, какимъ растеряннымъ глядѣлъ этотъ бѣдный, добрый Коля Разрубинъ, всегда такой осторожный за картами, и нечаянно, вдругъ такъ зарвавшійся вчера.

„Что̀ за мерзость,—опять сказалъ себѣ Горянцевъ,—жить на выигранныя деньги, смотрѣть на удовольствіе, какъ на средство наживы!.. Холодно разсчитывать, что кто-нибудь изъ товарищей, просидѣвъ за картами часа три и при этомъ выпивъ изрядно, непремѣнно зарвется и дастъ себя остричь, какъ барана... Подлая мерзость! Вѣдь пользоваться своимъ хладнокровіемъ, чтобы слабонервныхъ обирать—это почти то же, что шулерство...

И онъ снова окинулъ комнату сердитымъ взглядомъ.

„Ну, вотъ, женюсь“,—добавилъ онъ мысленно, и что-то смѣлое, вызывающее блеснуло въ его глазахъ,—женюсь на Варѣ Чертолиной, и всему этому безобразію конецъ“...

И воображеніе, быстро закусивъ удила, унесло его впередъ, къ ожидавшей его широко обезпеченной жизни...

„Это будетъ, наконецъ, жизнь вполнѣ порядочнаго человѣка“...

Но выступившая передъ нимъ блестящая картина не разсѣяла его недовольства собою: что-то ѣдко-насмѣшливое, горькое искривило его красивыя губы, при воспоминаніи, какъ вчера на балу, во дворцѣ, онъ почти сталъ объявленнымъ женихомъ Вари. Танцуя съ ней мазурку, онъ такъ недвусмысленно говорилъ ей про свое давнишнее поклоненіе, и она выслушивала это съ такой ободряющею улыбкою, что стоило ему еще сказать одно рѣшающее слово, и будущее его связано навсегда.

Онъ могъ сказать это слово вчера же, но что-то его удержало—тайное ли желаніе подольше насладиться своею властью надъ этой капризною, недоступною дѣвушкою, или, быть можетъ, послѣднія колебанія вполнѣ установившейся воли. Варя Чертолина была одна изъ самыхъ блестящихъ невѣстъ Петербурга, одинаково заманчивая и крупнымъ приданымъ, и видными связями: ея родной дядя, графъ Александръ Иларіоновичъ, занималъ очень высокій постъ и могъ вытянуть въ люди кого угодно. Разъ онъ даже сказалъ это, въ присутствіи молодого человѣка, многозначительно улыбнувшись всѣмъ своимъ широкимъ, морщинистымъ, притворно-добродушнымъ лицомъ. Варя отказывала многимъ, и благодаря этому, должно быть, не вышла замужъ до двадцати пяти лѣтъ. Успѣхъ у нея былъ такой громкій съ самаго появленія въ свѣтѣ, и самоувѣренное, мастерское по тонкости кокетство придавало такую своеобразную прелесть ея подвижнымъ, выразительнымъ чертамъ, что, конечно, ей стоило только захотѣть—и давно она была бы подъ вѣнцомъ. Видѣть ее возлѣ себя съ такой покорной, даже смущенной радостью на разгорѣвшемся лицѣ—это, конечно, было для Сережи очень лестной побѣдой. И все-таки, хоть и находился Горянцевъ, какъ всѣ, подъ обаяніемъ ума Вари и ея тонкаго изящества, онъ полной радости не испытывалъ. Если бы кто-нибудь изъ близкихъ наивно спросилъ его, любитъ ли онъ молодую дѣвушку, онъ разсмѣялся бы, вѣроятно, въ отвѣтъ. Развѣ такое обыденное, затасканное чувство, какъ влюбленность, могло годиться для избалованной, гибкой тѣломъ и душою, своенравной Вари! Ей самой оно показалось бы чѣмъ-то устарѣлымъ и смѣшнымъ: слишкомъ хорошо она знала, каково истинное счастье большинства ея замужнихъ сверстницъ, въ томъ числѣ и тѣхъ, кто счастья этого искалъ помимо мужа. Она дастъ мужу деньги, положеніе; станетъ принимать безукоризненно, и взамѣнъ всего этого узнаетъ недоступныя свѣтской дѣвушкѣ наслажденія—

а вѣдь не узнать ихъ вовсе женщинѣ нельзя... Нельзя не выйти замужъ: это было бы смѣшно и нелѣпо.

II.

И Сережа все это сознавалъ отлично: онъ тоже иллюзій себѣ не дѣлалъ, а все-таки на порогѣ рѣшенія чего-то ему было словно жаль, чего-то пустого, безсмысленнаго, конечно, но юнаго, хорошаго и свѣжаго въ то же время...

Тяжелые шаги послышались въ кабинетѣ: это былъ деньщикъ Горянцева.

— Сидоренко, одѣваться!—крикнулъ ему Сережа.

Вошелъ рослый, почти въ сажень, дѣтина, съ необычайно глупымъ и въ то же время плутовато-преданнымъ лицомъ.

— Письмо къ вашему благородію, — сказалъ онъ, входя.

И всякаго поразилъ бы его удивительно тонкій, почти дискантовый голосъ, всегда вызывавшій смѣхъ полковыхъ товарищей Горянцева.

Сережа съ перваго взгляда узналъ, чей былъ этотъ почеркъ, мелкій, быстрый и нервный, и чуть-чуть задрожавшими пальцами торопливо вскрылъ конвертъ. Содержаніе записки онъ пробѣжалъ въ одинъ мигъ, и румянецъ выступилъ на его щекахъ, глаза покрылись влагой и, блеснувъ на секунду, почему-то опустились.

„Мужъ сегодня уѣзжаетъ съ почтовымъ, я останусь дома одна отъ трехъ до пяти. Можетъ быть, вамъ захочется узнать, что́ отвѣчу я на вашъ странный вопросъ—помните, четыре дня назадъ, когда мы катались съ горъ?“

Вмѣсто подписи стояли двѣ только буквы: „В. Р.“. Это—начальныя буквы имени жены Коли Разрубина, Веты, съ которой онъ обвѣнчался всего годъ передъ тѣмъ. Этотъ добрякъ, увалень Коля, вдругъ, невзначай вздумалъ жениться на 17-лѣтней дѣвочкѣ, у которой была

такая сладкая, таинственная поволока на темносинихъ глазахъ, которая всѣмъ своимъ тонкимъ, дѣвственно-трепетнымъ тѣломъ, нервной, почти электрическою живостью въ движеніяхъ и во взглядѣ, словно такъ и тянулась къ невѣдомой ей страсти, знойной, какъ то южное солнце, подъ которымъ она выросла. Темные волосы, матовый цвѣтъ лица, гдѣ вспыхивалъ порой быстрый румянецъ, гибкость стана,—все это говорило о южной, горячей крови. И такая жена у Коли Разрубина, лѣниваго, рыхлаго, съ вѣчно улыбающимся лицомъ, отличнаго малаго, всегда довольнаго собою и другими. Всю эту зиму у Сережи Горянцева тлѣла на душѣ зародившаяся алчная любовь къ молоденькой женщинѣ, сохранившей и въ замужествѣ что-то дѣвственное и въ очертаніяхъ фигуры, и въ выраженіи глазъ. И самый этотъ видъ невинной дѣвушки, сливавшійся въ ней съ безсознательною жаждою страсти, придавалъ Ветѣ Разрубиной особенную, незаурядную прелесть. Съ первой же ихъ встрѣчи Сережа опьянѣлъ сразу отъ ея вкрадчивой, возбуждающей красоты, и сначала добросовѣстно пытался ея избѣгать: Коля былъ одинъ изъ его лучшихъ друзей. Онъ раньше всѣхъ прочихъ товарищей съ нимъ сблизился и не разъ выпутывалъ изъ бѣды, давая взаймы деньги. Ухаживать за его женою было чѣмъ-то недостойнымъ, даже низкимъ.

Но какъ ни твердилъ себѣ это Горянцевъ, онъ не устоялъ противъ соблазна этихъ лучистыхъ глазъ, такъ обманчиво глядѣвшихъ еще совсѣмъ по-дѣвичьи, а порою вспыхивавшихъ такимъ обольстительнымъ пламенемъ. Молодая женщина и не думала скрывать, что Горянцевъ ей нравится. Не замѣчалъ этого одинъ только мужъ, влюбленный въ свою дѣвочку, какъ онъ называлъ ее, съ чисто юношескою довѣрчивостью. Коля Разрубинъ и не догадывался, что́ за тайная жажда запретныхъ наслажденій поднимается подчасъ въ полудѣтской, съ виду, груди его молоденькой Веты, какъ далеко заходятъ ея совсѣмъ недѣтскія грезы. Онъ не

замѣчалъ даже, сколько холодности было въ ея ласкахъ. А Горянцевъ чувствовалъ, что и его самого все сильнѣе проникаетъ жгучее до боли желаніе овладѣть этимъ юнымъ существомъ, въ которомъ безсознательно развращенное воображеніе такъ странно мирилось съ чарующей невинностью облика.

Разъ послѣ шумной „partie de plaisir“, затѣянной на святкахъ, Горянцеву пришлось случайно ѣхать назадъ въ городъ вдвоемъ съ Ветой: онъ думалъ, по крайней мѣрѣ, что это было случайно. Почти у самаго Троицкаго моста одна изъ пристяжныхъ запуталась ногой въ постромкахъ и чуть-было не понесла. Молодая женщина испугалась, или притворилась испуганной, и прильнула всѣмъ тѣломъ къ Сережѣ, только-что заставившаго ее громко разсмѣяться какою-то двусмысленною шуткой. Неожиданное прикосновеніе ея упругаго стана зажгло мгновенно въ немъ кровь, и онъ невольн обнялъ молодую женщину, и не отнялъ руки даже послѣ того, какъ ямщикъ успокоилъ расходившихся лошадей. Ѣхавшіе сзади успѣли замѣтить, что съ ихъ санями что-то неладно, и Коля Разрубинъ, нагнавъ ихъ, выскочилъ и бросился впередъ къ зашалившимъ лошадямъ.

— Ничего, Коля, ничего!—весело и совершенно спокойно остановила его молодая женщина.—Сейчасъ все придетъ въ порядокъ. Не правда ли, Сергѣй Николаевичъ?

Горянцевъ удивился этому поразительному спокойствію. Выраженія лица молодой женщины онъ не могъ ясно разглядѣть, но въ голосѣ ея слышалась улыбка, безбоязненная и задорная, и рука его все не выпускала прижимавшагося къ нему тонкаго стана. А Коля, убѣдившись, что опасности никакой нѣтъ, добродушно посовѣтовалъ Горянцеву получше наблюдать за ямщикомъ, и вернулся къ своимъ санямъ. До самаго подъѣзда Разрубиныхъ Сережа и Вета почти не разговаривали. Молодой человѣкъ почувствовалъ, какъ они вдругъ сблизились, и его встревожило это сближеніе.

— Вы не слишкомъ перепугались? — спросилъ онъ только, отнимая руку.

— Я не пуглива!—отвѣтила она, и при свѣтѣ фонаря онъ ясно разглядѣлъ электрическій блескъ ея глазъ.

Когда они простились, обѣщавъ другъ другу свидѣться опять на слѣдующій день, сперва на каткѣ, а вечеромъ на балу, ея ручка крѣпко отвѣтила на его пожатіе. И за всю эту зиму много накопилось такихъ мелкихъ впечатлѣній, все безнадежнѣе погружавшихъ Горянцева въ волну запретной страсти. Онъ уже не боролся со своимъ чувствомъ. Очертя голову, онъ самъ теперь сталъ призывать блаженную минуту, когда можно будетъ отвѣдать жгучей струи опьяняющихъ наслажденій. Горянцевъ сознавалъ, что готовится совершить позорный, низкій поступокъ. Отвращеніе къ самому себѣ въ немъ поднималось не разъ. Но онъ шелъ къ своей цѣли, не оглядываясь, только жмуря глаза порою, точно передъ слишкомъ яркимъ, обличительнымъ свѣтомъ.

На масляницѣ, когда они вдвоемъ катались съ горъ, и Вета, стоя на колѣняхъ позади него, опиралась обѣими руками на его плечи, и онъ чувствовалъ на своей шеѣ ея сладкое дыханіе, на спинѣ прикосновеніе молодой груди, Горянцевъ вдругъ спросилъ, оборачиваясь къ ней:

— А что, Лизавета Григорьевна, если я нарочно опрокину сани?

— Не опрокинете,—чуть-чуть засмѣявшись искристымъ смѣхомъ, отвѣтила она.

— А, право, хочется,—засмѣялся онъ тоже, и въ его голосѣ что-то злое слышалось. — Да такъ опрокинуть, чтобы намъ обоимъ убиться до смерти...

Онъ посмотрѣлъ на нее опять, и она вздрогнула.

— Полноте, не говорите пустяковъ, — совсѣмъ ужъ инымъ, холоднымъ голосомъ сказала она.

Горянцевъ промолчалъ. Но когда они докатились, и Вета выпрыгнула изъ санокъ, онъ остановилъ ее, сжавъ руку до боли.

— Послушайте!—онъ нагнулся къ самому ея уху.— Я долѣе сдерживаться не въ силахъ... Я...

— Что—вы?.. — она перебила его задорною трелью смѣха.

— А если бы я попросилъ васъ не на шутку—онъ впился въ нее блестящимъ, почти наглымъ взглядомъ, пуститься со мною по такому же быстрому скату, и...

— Вы сейчасъ наговорите глупостей, — остановила его она и быстро ускользнула на своихъ конькахъ.

Съ тѣхъ поръ прошло четыре дня. И вотъ его давнишнее мучительное желаніе исполнялось. Онъ перечитывалъ ея записку, страстно вдыхая въ себя тонкій запахъ духовъ, которымъ вѣяло отъ плотной бумаги. Но почему-то за-одно съ радостью что-то болѣзненное, что-то ужалившее его въ самую глубь совѣсти проникло къ нему въ душу изъ этихъ же плѣнительныхъ строкъ.

III.

— Здравствуй, Горянцевъ! Ты еще не одѣтъ?—раздался изъ кабинета хриплый голосъ Полабина, и по ковру зазвенѣли шпоры.

Сережа будто очнулся. Онъ встряхнулъ головою, какъ бы желая освободиться отъ внутренняго голоса, мѣшавшаго ему безраздѣльно отдаться радости, и, поспѣшно спрятавъ записку, вышелъ къ пріятелю.

— Послѣ вчерашней побѣды хорошенько выспался, какъ всѣ побѣдители?—беззвучно засмѣялся Полабинъ, пожимая руку Сережи своею маленькою, холодною, какъ ледъ, рукою, съ длинными выхоленными ногтями. Лицо у него было совершенно безцвѣтно, съ блѣдными, тонкими, искривленными губами, прямымъ носомъ и маленькими острыми глазами. И носъ этотъ, и губы, и заостренный подбородокъ, говорили объ энергіи недюжинной. Чѣмъ либо смутить этого человѣка было не легко.

— Видъ, однако, не особенно у тебя торжествующій,— продолжалъ Полабинъ, и, чиркнувъ спичкой, засунулъ себѣ папироску въ лѣвый уголъ рта. У него была привычка такъ курить. — А, вѣдь, признайся, эти четыре тысячи пришлись тебѣ очень кстати. Чтó, Разрубинъ сполна расплатился?

— Почти, — нéхотя проронилъ Горянцевъ, которому очень непріятно было напоминаніе о вчерашнемъ выигрышѣ.

— То-то „почти"... А сегодня въ деревню отправился. Должно быть, за фондами. Непремѣнно заверну сегодня къ Лизаветѣ Григорьевнѣ...

Говоря это, онъ пристально, исподлобья, взглянулъ на товарища. У того глаза вспыхнули на мигъ и тотчасъ опустились.

— А ты къ ней не собираешься?

— Не знаю! какъ придется,—съ притворнымъ равнодушіемъ отвѣтилъ Сережа.—Сидоренко, чаю! — крикнулъ онъ деньщику и бокомъ присѣлъ на стулъ, разсѣянно забарабанивъ пальцами по спинкѣ.

Полабинъ продолжалъ стоять.

— Ну, да я не за этимъ!—онъ выпустилъ струйку голубоватаго дыма.—Мы съ тобой вмѣстѣ обѣдаемъ у графа Александра Иларіоновича?..—спросилъ онъ.

— Нѣтъ! Онъ меня не приглашалъ.

— Пригласитъ!.. Должно быть, вчера не успѣлъ тебѣ сказать. И, пожалуйста, не вздумай ломаться! Ты догадываешься, вѣдь, кто тамъ будетъ? Обѣдъ этотъ устроился вчера только, на балу. Кстати, поздравляю тебя съ успѣхомъ!

Полабинъ оперся лѣвымъ колѣномъ на кресло и опять всмотрѣлся въ товарища. Сережа поморщился: ему въ первый разъ были въ тягость покровительственные совѣты его ментора. Да и рѣзало ему какъ-то слухъ это напоминаніе о его почти совершившейся помолвкѣ. Такъ ужъ далеко было отъ этого ряда мыслей до тѣхъ жгучихъ ощущеній, черезъ которыя онъ толь-

ко-что прошелъ. И въ эту минуту Варя Чертолина и ея сановный дядя стали ему какъ-то вдругъ ненавистны.

— Что же чаю?—недовольнымъ голосомъ повторилъ онъ приказъ входившему Сидоренкѣ, у котораго въ рукахъ была записка.

— Слушаю-съ, ваше благородіе!—Вотъ, письмо сейчасъ принесли!

— Ага! Вотъ оно, приглашеніе,—сказалъ Полабинъ. —Узнаю почеркъ графа.

Графъ Александръ Иларіоновичъ писалъ необыкновенно крупно, по-военному. Въ почеркѣ была у него та же притворно-добродушная развязность — cette rondeur de bon enfant,—какъ и во всякомъ его обращеніи.

— Ну, стало быть, все какъ слѣдуетъ!

Полабинъ снялъ колѣно съ кресла и прошелся по комнатѣ.

— Въ семь часовъ мы у графа, и, надѣюсь, ты поведешь свои дѣла рѣшительно. Вотъ-то обрадуются твои кредиторы!

Сережа поморщился опять, и Полабинъ теперь это замѣтилъ.

— Ты, кажется, принимаешь кисло-сладкій видъ, un air digne. Заранѣе вкушаешь будущія грандёры: напрасно, Сережа! Намъ-то другъ передъ другомъ стѣсняться!.. Ну, слушай — до половины одиннадцатаго ты занимайся ухаживаніемъ, а я съѣзжу устроить одно дѣлишко. Потомъ я пріѣду за тобой, и мы катимъ вмѣстѣ къ княгинѣ Бетси. Тамъ будутъ всѣ наши дамы—Софи Мендеръ, баронесса Шварценбахъ, Мери Свольская.

— И опять ужинъ, и опять до трехъ часовъ ночи! Какая скука!—воскликнулъ Сережа.

— Вотъ и скука! А давно ли ты мечталъ въ этотъ кружокъ попасть? Vous vous êtes bien vite dégouté, mon cher... И совсѣмъ ты не угадалъ. Никакого ужина у

княгини Краснохолмской не будетъ. Я придумалъ всей компаніей въ тройкахъ ѣхать на Каменный.

— Къ Фелисьену? Это по твоему веселѣе?

— Да что ты въ самомъ дѣлѣ? Или у тебя уже завелись добродѣтели женатаго человѣка? У насъ будетъ какъ нельзя забавнѣе, и вотъ почему. Я знаю, туда собирается другая компанія — Равичъ везетъ двухъ француженокъ цыганъ слушать. Двѣ богемы столкнутся. А мы привеземъ съ собою третью — великосвѣтскую... А такъ какъ ты знаешь про отношенія Равича къ Софи Мендеръ—выйдетъ преинтересно... Я, конечно, постараюсь устроить встрѣчу трогательною!

Полабинъ закурилъ вторую папироску и разсмѣялся необыкновенно злымъ, хоть и негромкимъ смѣхомъ.

Гадливое чувство поднималось въ груди Сережи, пока онъ разсѣянно слушалъ, весь въ плѣну у мечты объ ожидавшемъ его свиданіи. Полабинъ казался ему необыкновенно противнымъ въ эту минуту. Но вылиться наружу возмущенное чувство не успѣло: въ дверяхъ показался князь Суздальскій, а вслѣдъ за нимъ входилъ Сидоренко съ чаемъ.

Суздальскій и Полабинъ не были друзьями; это замѣтилъ бы всякій. Съ виду они казались близкими товарищами; но въ глазахъ у Полабина, когда онъ пожалъ руку князя, была какая-то полускрытая враждебная усмѣшка, а на лицѣ Суздальскаго промелькнуло что-то почти брезгливое, и руку эту онъ протянулъ какъ-то неохотно, словно торопясь ее отдернуть.

„Знаю, какого ты мнѣнія на мой счетъ, — будто говорилъ быстрый недобрый взглядъ Полабина; — но повѣрь, мой милѣйшій, это мнѣ рѣшительно все равно“... Только равнодушіе это было притворное, и Полабинъ, въ сущности, ненавидѣлъ молодого князя за холодное презрѣніе къ себѣ, какое онъ въ немъ чувствовалъ. А Суздальскій и не давалъ себѣ труда разбирать, какъ относится къ нему товарищъ. Его равнодушіе къ Полабину было вполнѣ искреннимъ.

— Что, порѣшили, наконецъ, на счетъ Вельскаго? Выходить ему изъ полка?

Полабинъ спросилъ это, стараясь придать себѣ и своему голосу что-то независимое и насмѣшливое, хотя онъ, въ сущности, зналъ, что его личное мнѣніе цѣнится товарищами невысоко; и бѣсило это его до крайности.

— По-моему нѣтъ, — коротко отвѣтилъ князь, и голубые его глаза открыто устремились на Полабина.

Въ наружности князя Бориса Алексѣевича не было ничего особенно внушительнаго. Невысокаго роста и некрѣпкаго сложенія, онъ не поражалъ здоровьемъ и силою, какъ Сережа, и стальною упругостью тѣла, какъ Полабинъ. Его превосходство было внутреннее, духовное. Оно сказывалось въ благородномъ спокойствіи выраженія, въ сознаніи независимой правоты, которая чувствовалась всѣми, кто съ нимъ имѣлъ дѣло.

— Вотъ какъ! слышишь, Горянцевъ? — притворно закипятился Полабинъ. — Я такъ и зналъ, что Борисъ это скажетъ. Человѣкъ получилъ нравственную пощечину, и предпочелъ извиниться, чѣмъ выйти на барьеръ. Чудесно!

— Если бы онъ получилъ не только нравственную, а настоящую пощечину, я бы сказалъ то же, — все съ тѣмъ же спокойствіемъ отвѣтилъ Суздальскій.

— Прекрасно!—Полабинъ нервно прошелся по комнатѣ.—Если бы, по крайней мѣрѣ, исторія эта осталась въ нашемъ кругу! Но про нее знаетъ весь городъ!

— А по-твоему, — отчеканилъ князь, — оскорбленіе только тогда что-нибудь значитъ, когда оно огласилось!

Полабинъ хотѣлъ возразить, но Суздальскій его остановилъ:

— Скажи, прямо, — дуэль по-твоему нравственная обязанность передъ другими въ доказательство того, что человѣкъ не трусъ, или, напротивъ, послѣднее и къ тому же очень печальное средство защитить себя отъ мерзавца, когда иной защиты нѣтъ?.. Вельскій былъ

кругомъ виноватъ, и по-моему онъ прекрасно сдѣлалъ, что извинился.

— Да, коли онъ трусъ,—рѣзко возразилъ Полабинъ.

— Трусъ?.. Значитъ, когда сдѣлаешь гадкій поступокъ, надо, вдобавокъ, убить или искалѣчить того, кому нанесъ обиду? Это по-твоему хорошо? И ты позволяешь себѣ называть Вельскаго трусомъ, когда онъ себя десятки разъ велъ какъ настоящій молодецъ... Если ужъ выходить ему изъ полка, такъ за то развѣ, что онъ гадко поступилъ съ Лабунинымъ... И не извинись онъ, я бы первый... Да, впрочемъ, что̀ тутъ толковать! Мы съ тобой въ этомъ не сойдемся! А твое мнѣніе, Сережа? — обратился онъ къ Горянцеву, все время молчавшему.

— Да не знаю, право! Исторія скверная,—покусывая лѣвый усъ, неохотно отвѣтилъ Сережа.

— Да, скверная! И знаешь почему?.. Потому что товарищъ, котораго мы всѣ любимъ, и которому все дано отъ жизни—и умъ, и богатство, и положеніе — столько времени злоупотреблялъ всѣмъ этимъ, чтобы всячески преслѣдовать, унижать бѣднаго Лабунина — вотъ какъ ты, Сережа, съ Разрубинымъ поступаешь. Ну, мы про это съ тобою еще поговоримъ. И когда у Лабунина терпѣніе, наконецъ, лопнуло—вѣдь, и слабое существо, коли его довести до отчаянія, способно огрызнуться—онъ при всѣхъ сказалъ Вельскому дерзость... Ты помнишь, Горянцевъ, какъ Алеша Вельскій поблѣднѣлъ и затрясся всѣмъ тѣломъ? Я былъ увѣренъ, что онъ бросится на Лабунина и сомнетъ его. А выраженіе лица у Лабунина въ эту минуту помнишь?—и бѣшенство, и отчаяніе, какъ у затравленнаго звѣря. Ну, и слава Богу, что Вельскій удержался... Вотъ тутъ-то онъ себя настоящимъ молодцомъ и показалъ, потому что настоящій молодецъ тотъ, кто собой владѣетъ. Вѣдь убей онъ Лабунина,—а убилъ бы онъ его навѣрняка,—что̀ же, лучше это было бы? Полноте, господа, пора старые эти предразсудки бросить. Я, кажется, не трусъ, и Горянцевъ тоже, а на мѣстѣ Вельскаго мы оба...

— Ну, за себя я не поручусь,—вставилъ Сережа.

Полабинъ закусилъ себѣ губу до боли.

— И я, вѣдь, не трусъ, — сказалъ онъ, и что-то нехорошее заискрилось въ его маленькихъ зрачкахъ. — А по-моему... Ну, господа, не стану спорить. Пожалуй, заводите новые порядки, и посмотримъ тогда, что станется съ нашимъ мундиромъ. До свиданья!

Онъ надѣлъ фуражку и протянулъ руку Горянцеву и князю.

— Чаю не хочешь?—спросилъ Сережа.

— Нѣтъ, спѣшу. А вечеромъ не забудь! выйдетъ прекомично.—Онъ пристегнулъ палашъ, приложился къ козырьку и вышелъ.

Суздальскій посмотрѣлъ ему молча вслѣдъ и повернулся къ Сережѣ, который маленькими глотками отпивалъ чай.

— Что это у васъ,—спросилъ онъ, —затѣяно на сегодняшній вечеръ? Заговоръ какой?

— Ничего, пустяки!—слегка покраснѣвъ, отдѣлался Сережа отъ вопроса.

— Какъ его ни возмутила затѣя Полабина, разсказывать о ней Суздальскому ему не хотѣлось. Вѣдь, онъ самъ почти согласился въ ней участвовать, молчаливо, по крайней мѣрѣ, согласился, до того не хотѣлось ему отрываться отъ носившихся передъ нимъ сладкихъ грезъ.

— Собираемся къ Бетси Краснохолмской, — сказалъ онъ небрежно.

— Что-жъ! Это не въ диковинку! и я тамъ буду.

Онъ почему-то вздохнулъ и задумался.

— Что съ тобою?—спросилъ Горянцевъ.

— Эхъ, Сережа! надоѣла эта мнѣ жизнь дурацкая! Эта мнимая близость съ товарищами, которыхъ мы иногда... просто не уважаемъ, возня съ женщинами, которыхъ не ставимъ ни въ грошъ, этотъ смѣхъ безъ веселья, балагурство безъ остроумія... Ну,—оборвалъ онъ вдругъ, — я не затѣмъ пришелъ, чтобы философію разводить. Это, вѣдь, тоже преглупое занятіе... Я собирался

тебѣ сказать, Сережа, что вчера былъ очень, очень тобою недоволенъ. Я слѣдилъ за твоей игрою—и ты положительно втравилъ Разрубина въ проигрышъ. Да, втравилъ... потому что когда имѣешь дѣло съ слабымъ противникомъ, который вести игры не умѣетъ, да еще выпилъ изрядно, пользоваться этимъ—то же, что драться неравнымъ оружіемъ... Коли тебѣ нужны были деньги,—занялъ бы ты лучше у меня.

Горянцевъ отрицательно качнулъ головой, отворачивая отъ пріятеля запылавшее лицо.

— Ты знаешь, я никогда не занимаю у товарищей!

— Знаю! и это хорошо! Но обыгрывать человѣка, который во всѣхъ отношеніяхъ слабѣе тебя, это... боюсь даже назвать по имени. И обѣщай мнѣ, что ты дашь ему отыграться.

Суздальскій всталъ.

— Ты всегда былъ хорошимъ, честнымъ малымъ — честнымъ, какъ я это понимаю, а не такъ, какъ всѣ; за это я тебя и полюбилъ такъ. Мнѣ не хотѣлось бы, чтобъ у тебя даже зашевелилось на душѣ нехорошее чувство. Такъ дай мнѣ слово!

Онъ протянулъ руку пріятелю и посмотрѣлъ на него пристально—и съ укоромъ, и съ ласкою въ то же время.

Сережа обѣщалъ, и не одними словами только. Въ глазахъ его что-то искреннее, прямое блеснуло, и рука крѣпко и горячо отвѣтила на пожатіе товарища. Въ эту минуту онъ былъ именно такимъ, какимъ его всегда хотѣлъ видѣть Суздальскій.

Борисъ вторично пожалъ ему руку и вышелъ.

Но едва стихъ за дверями звукъ его шаговъ, слова пріятеля будто стерлись въ головѣ Сережи, и новая лихорадочная волна, приносившая съ собою обѣщаніе безконечнаго счастья, залила ему всю грудь.

IV.

Ровно въ три часа сани Горянцева подкатили къ подъѣзду двухъ-этажнаго дома на Моховой, гдѣ жили

Разрубины. Сережа поспѣшно отстегнулъ полсть и позвонилъ. Ему отперли тотчасъ.

— А Николай Семеновичъ только-что уѣхать изволили, — съ добродушной усмѣшкою объявилъ стоявшій въ сѣняхъ широколицый лакей Разрубина.

— Хорошо! Доложи барынѣ! — кивнувъ головой, отвѣтилъ Горянцевъ, и вслѣдъ за лакеемъ быстро поднялся во второй этажъ.

Лакей пошелъ докладывать, и шаги его затерялись по мягкому ковру кабинета.

„Неужели, — мелькнуло въ головѣ у Сережи, — она приметъ его тамъ, въ кабинетѣ мужа, гдѣ столько хорошихъ часовъ онъ провелъ въ дружеской бесѣдѣ съ этимъ добрымъ, довѣрчивымъ Колей“? Что-то очень похожее на дрожь пробѣжало по всему его тѣлу при этой мысли. Невольно онъ закрылъ глаза рукою, какъ бы желая отогнать нахлынувшее тяжелое ощущеніе. Но мигъ спустя онъ уже овладѣлъ собою, внутренно смѣясь надъ своимъ малодушіемъ. Вѣдь всего нѣсколько минутъ передъ тѣмъ онъ рвался сюда всею силою неудержимаго, хищнаго желанія. И три часа, истекшіе послѣ его разговора съ Суздальскимъ, онъ не переставалъ лихорадочно торопить нестерпимо медленно тянувшееся время.

— Пожалуйте! — сказалъ вернувшійся лакей, показываясь на этотъ разъ въ дверяхъ гостиной: — Елизавета Григорьевна у себя.

Горянцевъ быстро прошелъ черезъ пустую гостиную и бережно растворилъ дверь въ другую маленькую комнату, куда дневной свѣтъ лишь слабо проникалъ сквозь полуопущенныя тяжелыя шолковыя занавѣси. Это былъ кабинетъ молодой женщины, убранный необыкновенно строго, съ преднамѣреннымъ отсутствіемъ чего-либо блестящаго, всякихъ дорогихъ бездѣлушекъ. Темные обои, нѣсколько картинъ и портретовъ въ черныхъ рамкахъ, мебель, обитая оливковымъ шолкомъ — все это не вызывало образа едва расцвѣтающей молодости, а го-

ворило скорѣе о долгихъ годахъ, протекшихъ въ уединеніи, можетъ быть—въ раскаяніи. Шкафъ изъ стараго рѣзного дуба съ полками книгъ свидѣтельствовалъ о строгихъ вкусахъ хозяйки. И съ перваго взгляда обитавшее здѣсь маленькое, тонкое существо совсѣмъ подходило къ этой обстановкѣ. Смуглое личико Веты, ея большіе глаза, неподвижные, пока она молчала, тоже глядѣли строго, а чистыя линіи ея молодого стана придавали ей что-то почти отшельническое. Но стоило ей только засмѣяться своимъ тихимъ груднымъ смѣхомъ, звучавшимъ какимъ-то затаеннымъ задоромъ, и все ея существо мгновенно измѣнялось. Въ глазахъ электрическій огонь зажигался, какъ молнія по безоблачному южному небу, и въ каждомъ ея движеніи, и въ каждомъ словѣ, въ каждой черточкѣ подвижного личика пробуждалось что-то безпокойное, что-то говорившее о страстномъ зноѣ юга, безъ его лѣнивой нѣги.

Когда Сережа вошелъ, она сидѣла откинувшись къ спинкѣ глубокаго низкаго кресла. Слегка опущенные глаза были устремлены въ сторону оконъ и не взглянули даже на вошедшаго. Руки скрестились на колѣняхъ. Суконное темносѣрое платье совсѣмъ плотно облегало станъ, отчетливо вырисовывая его нѣжное изящество. Ноги, обутыя въ зеленые полусапожки, выдвинулись впередъ.

Что-то неподвижно усталое было въ ея позѣ. Но мигъ спустя, едва Горянцевъ успѣлъ сдѣлать два шага по комнатѣ, она поднялась съ мѣста и, чуть слышно, будто исподтишка засмѣявшись, протянула ему руку.

— Вы аккуратны,—сказала она. — А мужъ всего только десять минутъ, какъ уѣхалъ на поѣздъ.—Она посмотрѣла на часы:—нѣтъ, четверть часа будетъ.

— Вы не боитесь, что онъ опоздалъ?—невольно вырвалось у Сережи.

— Вы, кажется, этого боитесь,—устремила она на Горянцева свои глаза, въ эту минуту съ откровенною

дерзостью глядѣвшіе на молодого человѣка. — Нѣтъ, можете успокоиться: не опоздаетъ! Хотите чаю?

И, не дождавшись отвѣта, молодая женщина нажала пуговку звонка.

— Чаю!—приказала она вошедшему лакею.—И отоприте дверь настежъ. Что за привычка ее вѣчно запирать!

И опять она смѣло, съ вызовомъ взглянула на Сережу. „Такъ гораздо лучше“,—читалось въ ея глазахъ.

— Вы не повѣрите,—добавила она громко, когда лакей вышелъ,—какъ этотъ человѣкъ глупъ. А представьте себѣ, я люблю глупую прислугу... Ну, садитесь и закуривайте! Вотъ вамъ пепельница! Да разсказывайте, коли имѣете, что̀ разсказать!

Она тряхнула кудрявой головкой и снова опустилась на свое кресло. Но прежняго спокойствія въ ея позѣ уже не было. Она смотрѣла теперь вертлявымъ бѣсёнкомъ-шалуномъ.

— Скажите,—вдругъ перебила она Сережу на какой-то шутливой фразѣ:—что̀ подумали вы, когда получили сегодня мою записку? Очень удивились?

— Очень!

Горянцевъ хотѣлъ придать этому короткому отвѣту что-то развязно-самоувѣренное, но противъ воли словечко „очень“, срываясь съ его губъ, искренно выдало его скрытую тревогу. Борьба съ собою не улеглась и теперь. Все его существо жадно тянулось къ запретному счастью, до котораго ему было рукой подать: и въ то же время это самое счастье внушало ему отвращеніе, и онъ ненавидѣлъ въ эту минуту и самого себя, и эту женщину, которую онъ жаждалъ покрыть поцѣлуями. И не въ силахъ былъ онъ отогнать отъ себя образъ товарища, котораго поѣздъ уносилъ къ Москвѣ. Честное лицо Коли глядѣло на него съ обычною добродушной усмѣшкой, и въ этой улыбкѣ ему чудился укоръ. Онъ хотѣлъ стряхнуть съ себя навожденіе, силился говорить съ Ветой въ развязномъ тонѣ, а его

будто сковывало что-то, будто, леденило струившійся по его жиламъ огонь.

— Странный вы человѣкъ, Сергѣй Викторовичъ,— сказала она, сперва пристально вглядѣвшись въ него:— задаете непозволительные вопросы, и...

— Самъ удивленъ, что собираетесь мнѣ отвѣтить,— притворно засмѣявшись, досказалъ онъ за нее.

Но Вета словно уже не слушала. Она внимательно разсматривала свою правую руку.

— Ахъ!—воскликнула она:—чернильное пятно!.. это еще когда я вамъ писала!

Она поднялась, но Горянцевъ удержалъ ее.

— Дайте мнѣ эту руку!—сказалъ онъ, и глаза его обожгли молодую женщину:—ту самую руку, которая сегодня утромъ мнѣ написала эти радостныя слова.. Дайте! Я смою съ нея это пятнышко! гдѣ оно?!

И онъ поцѣловалъ ее въ самую ладонь, крѣпко стискивая ея руку. Волна проснувшейся страсти разомъ снесла всѣ его сомнѣнія, всѣ упреки совѣсти.

— Оставьте! Идутъ!—прошептала она, слабо отдергивая руку и улыбаясь въ то же время изъ самой глубины своихъ темныхъ глазъ.

Лакей вошелъ съ подносомъ и, поставивъ столикъ съ чайнымъ приборомъ передъ кресломъ Веты, беззвучно удалился.

Молодая женщина принялась заваривать чай, быстро перебирая маленькими ручками чашки и тарелочки съ печеньемъ. Ручки эти съ розовыми ногтями и маленькими ямочками на чуть-чуть выгнутыхъ пальчикахъ мелькали передъ воспаленнымъ взоромъ молодого человѣка, и вся она, тонкая, упругая, почти хрупкая, въ плотно облегавшемъ ее платьѣ, смотрѣла какимъ-то сказочнымъ существомъ — полудѣвушкой и полубѣсёнкомъ—существомъ, казавшимся такимъ чистымъ и нетронутымъ и въ то же время сулившимъ столько жгучихъ радостей.

У Сережи все сильнѣе туманилась голова. Вета не

переставала болтать, такъ и дразня его задорными нотками въ голосѣ и блестящими искрами, сыпавшимися изъ ея глазъ.

Сережа отвѣчалъ лишь коротко, словно цѣпенѣя отъ охватившаго его сладкаго дурмана.

— Ну, вотъ,—она подала ему чашку,—а я пойду уничтожить слѣды моего неосторожнаго писанія... Вы все-таки не смыли пятна...

Она засмѣялась, и острые ея жемчужные зубки блеснули изъ-подъ ея губъ.

Вета беззвучно исчезла. Дверь въ сосѣднюю комнату только скрипнула чуть-чуть. А Горянцевъ оставался неподвижнымъ, не дотрогиваясь до чашки. Голова его опустилась на руки; пальцы принялись невольно ерошить волосы, и вновь образъ товарища предсталъ передъ нимъ, но теперь уже блѣдный, съ грустью на лицѣ. И въ сильно забившееся сердце Горянцева такъ и стучался неугомонный голосъ, не перестававшій твердить о нарушенныхъ священныхъ правахъ дружбы.

— Да... это гнусно... Я поступаю подло...—говорилъ онъ себѣ, все глубже уходя въ свои тяжелыя мысли...

Онъ не разслышалъ, какъ она вернулась. И вдругъ неожиданно онъ почувствовалъ, какъ двѣ нѣжныя тонкія руки сзади обвились вокругъ его шеи...

Огонь зажегся по всему его тѣлу. Онъ вскочилъ на ноги, увидѣлъ ее передъ собою, всю смѣющуюся, всю облитую свѣтомъ грѣшной чувственной любви, съ распущенными, спадавшими ей на плечи волосами. Онъ почти вскрикнулъ отъ какого-то радостнаго и въ то же время болѣзненно дикаго ощущенія, и крѣпко, яростно не обнялъ только, а стиснулъ ее всю. Вета послушно склонила къ нему свою головку, спокойная, какъ ребенокъ на рукахъ у матери. А изъ-подъ шелковистыхъ рѣсницъ синіе глаза лукаво манили, суля неизвѣданное блаженство.

Звѣрь проснулся въ немъ...

V.

Было уже за̀ шесть, когда Сережа вернулся домой. У себя на столѣ онъ нашелъ письмо отъ отца. Весь еще въ плѣну у только-что испытанныхъ жгучихъ ощущеній, онъ принялся читать разсѣянно, почти нéхотя, самъ удивляясь, отчего у него такъ дрожатъ пальцы. Сережа не отдавалъ себѣ яснаго отчета, что подъ сладкою пѣною счастья сочилось у него иное, горькое чувство тревожнаго недовольства собою и чего-то очень похожаго на презрѣніе къ этой женщинѣ... Первыя же строки отца протрезвили его разумъ.

Викторъ Николаевичъ Горянцевъ былъ человѣкъ прямолинейныхъ, несложныхъ правилъ, которыхъ онъ всю жизнь держался. Зная это, Сережа за послѣднее время писалъ ему рѣдко и далеко не вполнѣ искренно. Викторъ Николаевичъ хорошенько не зналъ, какую жизнь ведетъ въ Петербургѣ сынъ, но что-то неладное ему, все-таки, чуялось въ короткихъ, уклончивыхъ письмахъ Сережи. Читать ему наставленій онъ, однако, не думалъ. Отставной морякъ, потерявшій лѣвую руку подъ Севастополемъ, и видѣвшій тамъ гибель своего дорогого черноморскаго флота, Викторъ Николаевичъ былъ не мастеръ писать красно, и многословія не жаловалъ. Зато въ каждой его строчкѣ чувствовалось простое, непоколебимое міросозерцаніе, не допускавшее уклоненій и компромиссовъ. И для взволнованнаго сердца Сережи письмо отца было какъ ударъ о подводную скалу для корабля, которымъ завладѣли волны. Ставшій теперь ему чужимъ, когда-то дорогой и близкій, домашній строй цѣликомъ, какъ живой, выступалъ передъ нимъ. Викторъ Николаевичъ извѣщалъ о помолвкѣ племянницы, выросшей у него въ домѣ, говорилъ вкратцѣ, какъ идутъ дѣла, обѣщая къ половинѣ марта выслать денегъ — очень небольшія были эти деньги, всего триста рублей, — и разсказывалъ, какъ полюбовно окончился давнишній споръ о землѣ съ со-

сѣдней деревней. И во всемъ этомъ чувствовалась здоровая простота честной, незамысловатой жизни, гдѣ всѣ домашніе—въ самомъ дѣлѣ близкіе, дорогіе люди, гдѣ всѣ отношенія къ окружающему мірку проникнуты искреннимъ благожелательствомъ и непоколебимою правдой. Насмѣшливое чувство зашевелилось-было на сердцѣ у Сережи, когда онъ читалъ про всѣ эти мелкія дѣла, столь чуждыя блестящей шумной средѣ, гдѣ вращалась за послѣднее время его собственная жизнь. Но чувство это замерло тотчасъ, заслоненное невольнымъ ощущеніемъ стыда. Кузина, выходившая замужъ, была, правда, некрасивая и ничѣмъ не выдающаяся дѣвушка, и споръ о землѣ съ крестьянами казался Сережѣ очень ужъ мизернымъ. Но эта неизящная и не особенно умная даже кузина, Маша, была такимъ добрымъ, безконечно преданнымъ существомъ, и ожидавшее ее совсѣмъ ужъ негромкое счастье наполняло такою искреннею радостью Виктора Николаевича! И мать, столько лѣтъ уже больная, лишенная даже возможности писать, такъ сердечно посылала черезъ мужа благословеніе почти забывшему ее сыну... За всю эту зиму, гдѣ столько разнообразныхъ интересовъ наполняло его жизнь, онъ вспомнилъ о ней едва-ли хоть разъ. „Для конца я приберегъ тебѣ еще новость“,—говорилъ, затѣмъ, Викторъ Николаевичъ:—„Иванъ Ѳедоровичъ мнѣ вчера сообщилъ, что дочь его помолвлена съ однимъ сосѣдомъ. Фамилія его Ральскій. Впрочемъ, тебѣ это все равно: ты его не знаешь. Ужасно мнѣ было совѣстно передъ Иваномъ Ѳедоровичемъ. Казалось мнѣ, что онъ сожалѣетъ о другомъ женихѣ; да и Вѣрочка едва-ли съ большою радостью выходитъ за этого Ральскаго... Я ее видѣлъ на дняхъ — она что-то не смотритъ счастливой невѣстою. Не хочу тебя ни въ чемъ упрекать, Сережа: ты, вѣдь, не виноватъ, коли разлюбилъ Вѣрочку. И слова по-настоящему вы другъ другу не давали. А мнѣ все-таки тяжело сознавать, что сынъ мой, да и я самъ, какъ будто, не сдержали обѣ-

щанія, хоть и прямо невысказаннаго. Мнѣ впервые пришлось это почувствовать: никогда въ жизни я никому по доброй волѣ не причинялъ горя и обиды. Ну, да, видно, ужъ не судьба“...

Вѣрочка Телѣгина! Какъ далеко было это имя теперь для Сережи; какимъ чужимъ, постылымъ оно звучало! Могла она развѣ своею деревенскою, непритязательною, хоть и свѣжею красотой состязаться съ огненною прелестью Веты?.. И все-таки, на самой глубинѣ души у Сережи, какъ будто, сожалѣніе зашевелилось, какъ будто сознаніе, что онъ оттолкнулъ отъ себя хрустально-чистое существо, у котораго все-таки было что-то своеобразно милое, какая-то особая невинная привлекательность, которой недоставало Ветѣ... И, вѣдь, онъ испортилъ, быть можетъ навсегда, непоправимо испортилъ, бѣдную жизнь этого ничѣмъ передъ нимъ невиноватаго существа...

— Горянцевъ, я за тобой! Ты, надѣюсь, готовъ?— раздался изъ передней голосъ входившаго Полабина.— Какъ! Еще не одѣтъ, и преспокойно читаешь какое-то письмо? Да вѣдь безъ четверти семь! Мы опоздаемъ...

Они, однако, не опоздали. Вороной рысакъ Горянцева ровно въ четверть восьмого подвезъ ихъ къ дому графа Александра Иларіоновича, гдѣ обѣдали въ семь, но всегда дожидались лишнихъ четверть часа. Дорогою пріятели не разговаривали. Полабинъ тщетно старался расшевелить Сережу шутками насчетъ предстоящаго свиданія съ Варей.

— А, вѣдь, умѣетъ-таки графъ быстро вести дѣло, когда захочетъ. Стремительная аттака на тебя, нечего сказать! И, вѣдь, не возьму въ толкъ, изъ-за чего такая прыть! Видно, сія барышня очень ужъ по тебѣ сгораетъ, хоть и совсѣмъ на нее это не похоже. Ну, да сердце дѣвичье, — буде такой совершенно излишній органъ у современныхъ барышень имѣется—бездонная пучина, преисполненная тайнъ, а порой и чего-нибудь похуже...

Сережа на все это только морщился, да „помалкивалъ“. Варя Чертолина стала ему вдругъ ненавистной, онъ самъ бы не могъ сказать — почему. И когда онъ увидѣлъ ее стоявшею въ углу гостиной и оживленно разговаривающею, увидѣлъ одѣтою, какъ всегда, мастерски, съ какою-то ею одной свойственною изящною оригинальностью, онъ почувствовалъ къ ней почти отвращеніе. „Ложь“, — подумалъ онъ, — все ложь. И красивая поза, и спокойное выраженіе глазъ, и мнимый интересъ, съ какимъ она ведетъ разговоръ, будто даже не замѣчая меня совсѣмъ, и этотъ сдержанный смѣхъ, какъ разъ въ пору, и самый ея туалетъ, съ виду простой, а надъ которымъ она просидѣла, можетъ быть, болѣе часа“. Варя была въ платьѣ темнаго цвѣта, съ небольшимъ вырѣзомъ на шеѣ, и платье это казалось ей совсѣмъ не по лѣтамъ—оно будто ее старило. Зато, когда она стояла, бесѣдуя съ совѣтникомъ австрійскаго посольства, оно словно обливало ея станъ, вырисовывая его изящные, будто змѣиные изгибы. И темный цвѣтъ былъ выбранъ нарочно, по случаю перваго дня великаго поста, и для того, въ особенности, чтобы не подчеркнуть характеръ этого обѣда, въ сущности очень похожаго на смотрины.

— А, молодые люди! — громко привѣтствовалъ съ обычнымъ радушіемъ графъ Александръ Иларіоновичъ входившихъ пріятелей.—Не слишкомъ рано, и все-таки какъ разъ въ пору, именно какъ слѣдуетъ такимъ элегантнымъ юношамъ.—Лѣвый глазъ у графа, при этихъ словахъ, какъ-то добродушно прищурился, и его богатырскіе выхоленные усы чуть-чуть запрыгали надъ мясистымъ ртомъ. Онъ взялъ Сережу за локоть и подвелъ къ дамамъ, оставляя Полабина нѣсколько позади, какъ лицо въ данномъ случаѣ второстепенное. Дамы эти были: жена графа, очень набожная и въ то же время злоязычная особа; его сестра, до-нельзя полная— Софья Иларіоновна Чертолина, слывшая не безъ основанія самою практическою женщиною въ Петербургѣ,

и вѣчно усталая, разсѣянная, суетящаяся Лили Боровская—дальняя ихъ родственница, разъ навсегда признанная всѣми „une femme charmante“, хотя рѣшительно никто не могъ сказать, въ чемъ этотъ „charme“ заключался. Семейный характеръ обѣда еще усиливался присутствіемъ двухъ племянниковъ графа—лицеиста Миши Сурикова и дипломата Вани Горбина, изъ которыхъ послѣдній уже дѣлалъ карьеру, а первый объ этомъ пока мечталъ. Австрійскій совѣтникъ и Полабинъ одни только слегка нарушали этотъ семейный характеръ. Но такъ именно было надо, чтобы не слишкомъ чувствовалась подготовка будущей свадьбы, и присутствіе чуждаго элемента не дало обѣду выйти натянутымъ.

Будущая невѣста, не дрогнувшая бровью при видѣ жениха, съумѣла, однако, устроить такъ, чтобы за двѣ короткія минуты, пока всѣ не пошли въ столовую, уединиться съ Сережею и сказать ему нѣсколько словъ, напоминавшихъ о ихъ близости. И сдѣлала она это совершенно просто, закончивъ свой разговоръ съ австрійцемъ красивой фразой, казавшейся очень умной, хотя въ ней ровно никакого смысла не было.

— Я увѣрена, — вполголоса заговорила она, — что вчера, послѣ бала, вы не уѣхали домой, и сочли нужнымъ еще нѣсколько часовъ провести самымъ непозволительнымъ образомъ.

— Я люблю контрасты, Варвара Андреевна, — отвѣтилъ Горянцевъ.

— Да?.. Только, я думаю, контрасты эти, въ сущности, очень другъ на друга похожи... Вѣдь мы всѣ непозволительно живемъ, — всѣ съ утра до вечера, и намъ когда-нибудь за это очень дурно придется. И знаете, что̀?—она сдѣлала видъ, что всматривается въ него пристально:—вы очень блѣдны сегодня, какъ будто даже больны. И это къ вамъ очень идетъ. Есть что-то грубое въ здоровомъ видѣ. Только берегитесь, надо всего въ мѣру... Ахъ, пойдемте!—Вошедшій лакей доложилъ, что поданъ обѣдъ, и она взяла Сережу подъ руку.

„Что̀ это, участіе или насмѣшка“?—спросилъ у себя Горянцевъ, пока они шли въ столовую.

Онъ сразу вошелъ въ тонъ небрежной шутливости, изъ-подъ которой должно было чувствоваться сдержанное поклоненіе. И это ему не стоило никакого труда. Воздухъ, которымъ дышалось въ домѣ графа, заразилъ его. Уже во время закуски австріецъ успѣлъ разсказать два изъ тѣхъ неприличныхъ анекдотовъ, до которыхъ такъ падки такъ-называемыя порядочныя женщины; поддержалъ эту тему и Полабинъ, а Лили Боровская подчеркнула впечатлѣніе всеобщей испорченности, замѣтивъ, между прочимъ, „que nous faisons de la pénitence à rebours“.

И за обѣдомъ было все то же. Полабинъ приводилъ въ ужасъ госпожу Чертолину, въ сущности ее очень забавляя; австріецъ заговорилъ о французской литературѣ, и по этому поводу о французскихъ нравахъ, коснувшись и политическихъ сферъ. Графъ подхватилъ было эту тему снисходительнымъ тономъ, разсказавъ недавній случай изъ оффиціальнаго міра, гдѣ подъ видомъ благодушія просвѣчивала самая злая иронія. Но когда лицеистъ воспользовался этимъ, чтобы отпустить громкую фразу насчетъ властей предержащихъ,— онъ воображалъ себя либераломъ, хотя въ его головѣ мечты о кокоткахъ смѣнялись надеждами на камеръ-юнкерскій мундиръ; — когда затѣмъ австрійскій дипломатъ съ нѣкоторымъ ехидствомъ захотѣлъ поглубже разузнать подкладку разыгравшейся исторіи, — графъ, спохватившись, очень ловко повернулъ разговоръ на почву свѣтскихъ безвинныхъ сплетенъ. Варя дѣлала видъ, что не слушаетъ, хотя, въ сущности, оцѣнивала по достоинству всю прелесть сыпавшихся вокругъ нея скандальныхъ анекдотовъ, и завела со своимъ кавалеромъ запутанную бесѣду, гдѣ было понемножку всего: и литературы, и замѣчаній о дамскихъ туалетахъ, и философіи Нитцще, и даже религіи. Она увѣряла Сережу, что очень интересуется его вѣрованіями, хотя

истинно вѣрующій человѣкъ ужаснулся бы тона, какимъ она говорила это, давая чувствовать, сколько презрительнаго равнодушія ей внушаетъ религіозный вопросъ.

Горянцевъ не ударилъ лицомъ въ грязь, и вполнѣ оставался на уровнѣ этого умственнаго изысканнаго разврата. Странное дѣло, онъ ощущалъ даже какое-то злобное удовольствіе, оттого, что ему такъ легко было превозмочь свое отвращеніе къ Варѣ и дѣлать видъ, будто и въ немъ—одинъ только себялюбивый разсчетъ и готовность все осмѣивать: и нравственные принципы, и тѣхъ, кто ихъ нарушаетъ. Подъ конецъ обѣда въ немъ какъ-то вдругъ сложилось рѣшеніе стать мужемъ Вари. „Это вѣдь ничему не помѣшаетъ,—думалъ онъ про себя;—совсѣмъ даже напротивъ... Въ сущности, есть только двѣ вещи, изъ-за которыхъ стоитъ жить—женщины и блестящее общественное положеніе, а все остальное...“

И мысленно онъ махнулъ рукою на это остальное. А когда графъ Александръ Иларіоновичъ, за кофеемъ, предлагая ему сигару, намекнулъ, что для него подходитъ время бросить фронтовую службу и подумать о чемъ-нибудь посолиднѣе, а самъ онъ, графъ, не прочь оказать ему необходимое содѣйствіе,—лѣвый глазъ сановника при этомъ сильно щурился, и его толстыя щеки тряслись,—Сережа рѣшился, далѣе не откладывая, ковать желѣзо во-время.

И ему была дана полная возможность это исполнить. Тотчасъ послѣ обѣда графиня уѣхала ко всенощной, боясь опоздать на ефимоны. Вслѣдъ за нею вскорѣ уѣхалъ и Полабинъ, напомнивъ Сережѣ, что заѣдетъ за нимъ въ одиннадцать.

— А вы куда?—спросила Варя, и узнавъ, что онъ собирается къ Бетси Краснохолмской, она съ притворнымъ ужасомъ вскинула плечами.—Вы рѣшительно ни одного вечера не можете провести тихо, благоразумно!

Какъ вамъ не стыдно!..—она будто считала уже себя въ правѣ дѣлать ему наставленія.

— Современемъ исправлюсь,—въ томъ же тонѣ притворной серьезности отвѣтилъ Сережа,—когда будетъ у меня достаточно причины оставаться дома.

И онъ усѣлся возлѣ дѣвушки, самъ удивляясь, какъ у него хватало наглости разыгрывать эту жалкую комедію мнимаго сближенія. Имъ не мѣшали. Австріецъ, окончательно убѣдившись, что здѣсь ему ничѣмъ не пополнить своихъ дипломатическихъ наблюденій надъ изнанкою правящихъ сферъ, тоже долго не засидѣлся. Лили Боровская, которой некуда было въ этотъ вечеръ ѣхать, чтобы исполнять свою оффиціальную роль свѣтской обворожительницы, усѣлась за особымъ столомъ съ обоими молодыми людьми, даря имъ свои драгоцѣнныя улыбки. Юноши были, разумѣется, на седьмомъ небѣ, хотя въ сущности, разговоръ съ блестящей молодой дамой ихъ забавлялъ не слишкомъ. А графъ увелъ къ себѣ въ кабинетъ сестру, съ которой ему всегда было о чемъ говорить: кто знаетъ, быть можетъ, на этотъ разъ темой ихъ разговора были оставшіеся вдвоемъ молодые люди.

А Горянцевъ и Варя бесѣдовали другъ съ другомъ какъ совершенно близкіе друзья. Молодая дѣвушка совсѣмъ уткнулась въ глубину кресла, придавъ всей своей позѣ что-то внимательное, интимное, непринужденное. Маленькая ея ручка лѣниво играла вѣеромъ, вѣки слегка были опущены, голосъ понизился почти до шопота.

— Удивляюсь, право,—говорила она, и на тонкихъ ея чертахъ что-то необыкновенно искреннее читалось:— какъ это васъ никогда, никогда не тяготитъ эта вѣчно суетливая и въ то же время незанятая жизнь. Неужели васъ не тянетъ иной разъ къ чему-нибудь новому, настоящему, чему можно было бы отдать и сердце, и умъ?

Горянцевъ тихо засмѣялся:

— А съ вами развѣ не то же? Развѣ постоянная роль салонной звѣзды не должна надоѣсть?

Глаза у Вари чуть-чуть блеснули.

— Во-первыхъ,—проговорила она, слегка стиснувъ зубы и принимаясь бить лѣвой ножкой о коверъ:—я совсѣмъ ужъ не такъ давно играю эту роль, и могла бы не устать...

Но вдругъ ея лицо измѣнилось, и что-то мягкое, доброе на немъ засвѣтилось.—А во-вторыхъ,—она еще понизила голосъ:—кто вамъ сказалъ, что моя свѣтская служба мнѣ не въ тягость? Развѣ вы такъ хорошо меня уже знаете?

Взглядъ, сопровождавшій эти слова, какъ будто приглашалъ узнать ее поближе.

— Это въ васъ говоритъ великопостное настроеніе,— отшутился Горянцевъ.

По всему существу Вари пробѣжала точно электрическая струя. Она выпрямилась вся, коснулась вѣеромъ Сережиной руки и возразила живо:

— Вотъ это нехорошо!.. Вы отвѣтили, какъ человѣкъ, у котораго нѣтъ сердца. Или вы не понимаете, что есть минуты, когда этотъ вѣчно насмѣшливый тонъ не у мѣста. Я хотѣла раскрыть передъ вами свое сердце, а вы точно сковали его холодной рукой!

На этотъ взрывъ чувства нельзя было не отвѣтить тѣмъ же. И Сережа сдѣлалъ это почти искренно.

— Ради всего на свѣтѣ, не останавливайтесь на полусловѣ! Я бы никогда не утѣшился, если бы лишился счастья услыхать вашу исповѣдь.

— Счастья? Вотъ какъ! даже счастья!—она умолкла на мигъ, и принялась снова за прерванную исповѣдь.

— Вы думаете,—заговорила она медленно,—что насъ можетъ удовлетворить,—впрочемъ, нѣтъ—я прямо скажу,—меня: многихъ это удовлетворяетъ... Вы думаете во мнѣ нѣтъ потребности, даже жажды, услышать, наконецъ, искреннее, сердечное слово, на которое можно было бы отвѣтить тѣмъ же?

Исповѣдь продолжалась довольно долго. Но, увы, это была самая заурядная исповѣдь, очень напоминавшая заученный урокъ. Горянцевъ слушалъ внимательно, все ожидая, когда развернется передъ нимъ настоящая душа этой умной и, какъ онъ думалъ, этой оригинальной дѣвушки. Но оригинально выходило то лишь, что звучало уклончивымъ языкомъ свѣта, въ чемъ сердечной струны не слышалось. Желая поразить слушателя искренностью, Варя невольно выдавала ему свое вышколенное бездушіе.

„Она чертовски умна,—подумывалъ онъ, когда ей попадалось на языкъ особенно острое замѣчаніе,—но сердца въ ней ни-ни“. И все-таки, чѣмъ болѣе длился этотъ разговоръ, тѣмъ сильнѣе онъ ихъ связывалъ обоихъ полу-высказанными намеками на то, что должно было совершиться вскорѣ.

— Какъ я радъ, что мы такъ сходимся!—вдругъ почему-то вырвалось у Сережи.—Какъ вы думаете, Варвара Андреевна, хватило бы у васъ смѣлости попробовать, можемъ ли мы сойтись во всемъ?

— Можетъ быть! Не знаю... Я про это не думала...—было ея отвѣтомъ. Но улыбка, сопровождавшая этотъ будто колеблющійся отвѣтъ, недвусмысленно говорила о ея согласіи.

— Господинъ Полабинъ за вами пріѣхалъ,—доложилъ лакей, показываясь въ дверяхъ.

Сережа всталъ.

— И вотъ какъ прерываются,—тоже поднимаясь съ мѣста и слегка вздохнувъ, отвѣтила Варя,—самыя искреннія, самыя хорошія бесѣды!... Ну, да ничего! Я васъ не удерживаю! Обѣщаніе свято—помните это! Мы вскорѣ возобновимъ этотъ разговоръ. Кстати, не отобѣдаете ли вы у насъ въ воскресенье?—и она крѣпко, по-мужски, пожала ему руку.

IV.

Зоркій глазокъ Полабина пристально вглядѣлся въ Сережу, когда тотъ подсѣлъ къ нему въ извощичьи сани. При яркомъ свѣтѣ полнаго мѣсяца лицо Горянцева казалось совсѣмъ каменнымъ, до того оно было блѣдно и неподвижно. Напускное оживленіе, охватившее его, было, во время долгаго разговора съ Варей, вдругъ почему-то остыло.

— Ну, что?—спросилъ Полабинъ,—какъ дѣла?

— Ничего!—коротко и беззвучно отвѣтилъ Сережа, плотнѣе укутываясь въ шинель.

— Гм!—пробормоталъ Полабинъ:—больно ты сегодня уже неразговорчивъ. Точно воды набрался въ ротъ. Ну, разсказывай же!

Сережа отвернулся, не отвѣтивъ. Скрытое чувство отвращенія къ товарищу опять у него заговорило въ груди. Онъ стиснулъ зубы, какъ бы желая вернуть себѣ упрямую рѣшимость идти напроломъ, подавляя въ себѣ ропотъ возмущенной совѣсти.—„Нечего оглядываться назадъ“, твердилъ онъ себѣ мысленно.—„Когда ставка сдѣлана, игры не бросаютъ“...

Но онъ не могъ уже вернуть себѣ задорный цинизмъ, какой навѣяла на него искусственная, душная атмосфера гостиной, гдѣ его будто околдовывала та странная дѣвушка, вся проникнутая ложью, но ложью такой обаятельной, такою блестящею. Свѣжій ли ночной воздухъ, будто разгонявшій своимъ чистымъ дыханіемъ суетливое вѣяніе испорченнаго свѣта, мѣсяцъ ли, безпощадно ярко озарявшій улицу, дѣйствовали на Сережу, какъ бы отрезвляя его, но теперь онъ съ ненавистью къ себѣ вспоминалъ весь этотъ проведенный имъ день, въ который онъ такъ много обманывалъ и себя, и другихъ.

— Нельзя ли оставить этотъ допросъ до другого раза!—нехотя отвѣтилъ онъ на повторенное настояніе

Полабина, всматриваясь въ него холодно, почти враждебно.

— Вотъ какъ!—сухо засмѣялся тотъ.—Запираться отъ меня хочешь, что-ли? Собираешься выходить въ люди, такъ по боку стариннаго товарища? А кому, позволь узнать, ты обязанъ, что теперь открыты настежь передъ тобою всѣ-двери? А?

— Можетъ быть, лучше было бы, кабы ты никогда мнѣ ихъ не открывалъ,—глухо проронилъ Горянцевъ.

Полабинъ отвернулся въ свою очередь, принимаясь насвистывать какой-то мотивъ.

— А что твое намѣреніе побывать сегодня у Елизаветы Григорьевны? Я заѣзжалъ въ четвертомъ часу, но меня не приняли! Подозрительно мнѣ что-то показалось. Ужъ не ты ли, чего добраго?

Но онъ прочелъ такую нешуточную угрозу въ глазахъ товарища, что далѣе не настаивалъ.

— Въ тотъ же день,—пробормоталъ онъ сквозь зубы:—стать женихомъ, а нѣсколькими часами ранѣе... Ce serait diablement fort... Отъ тебя я этого не ожидалъ!

Молчаніе опять водворилось на нѣсколько минутъ. Извощикъ медленно тащился по набережной.

— Ну, пошелъ! — нетерпѣливо крикнулъ ему Полабинъ.

Они проѣхали мимо памятника Петра. До княгини Бетси оставалось уже недалеко. Ея домъ былъ на Англійской набережной. Горянцеву казалось, что на сердцѣ у него все наростаетъ какая-то тяжесть. Онъ ясно сознавалъ теперь, что чувство это давило его весь этотъ день, что даже горячія ласки страстно любимой женщины его не разогнали, и воспоминаніе о ея поцѣлуяхъ точно жгло его теперь, какъ позорное клеймо.

— Послушай, — сказалъ онъ хриплымъ голосомъ, когда они уже почти подъѣзжали къ подъѣзду.—Брось ты эту нелѣпую поѣздку на Острова!

— Отчего нелѣпую!—осклабился Полабинъ:—презабавно будетъ!

— Ставить въ неловкое положеніе эту бѣдную Софи Мендеръ, которая ни тебѣ, ни мнѣ, не сдѣлала никакого зла,—что тутъ забавнаго?

— Про это позволь уже мнѣ знать...

У Полабина были свои причины, правда, очень мелкія, искать случая отомстить госпожѣ Мендеръ, очень холодно встрѣтившей его попытку добиться ея благосклонности. Такія обиды онъ прощалъ не скоро.

— И охота же тебѣ,—продолжалъ онъ,—сантиментальную жалость чувствовать къ каждой потерянной женщинѣ! Вольно ей измѣнять мужу съ этимъ глупымъ верзилой Равичемъ. За грѣшки свои надо казниться. Больно ужъ ты размякъ за послѣднее время! Ну, вотъ мы и пріѣхали!

„Да,—пронеслось въ головѣ у Горянцева,—за свои грѣхи надо казниться! Когда сдѣланъ первый шагъ, нечего отвертываться отъ дальнѣйшихъ... Это слабость, малодушіе... Потерянная женщина никакой жалости не заслуживаетъ“...—съ какимъ-то ожесточеніемъ повторилъ онъ мысленно слова Полабина.

Они вошли.

Княгиню Бетси и ея гостей они застали въ кабинетѣ князя вокругъ длиннаго зеленаго стола, за игрою въ рулетку.

— Cinque, rouge, impaire et manque!—раздался хрипловатый, изящно-усталый голосъ князя, когда молодые люди подходили къ играющимъ.

— Присядьте, господа!—торопливо здороваясь, проговорилъ онъ.—Вы, конечно, примете должное участіе въ этомъ полуночномъ занятіи? Полабинъ, вотъ свободное мѣсто возлѣ баронессы. А вы, Горянцевъ...

— Сюда,—перебила мужа княгиня,—между Софи и мною. Здравствуйте! Какъ вы поздно!—Было почти двѣнадцать.

Она уронила въ пепельницу докуренную папироску и подала Сережѣ крошечную руку, съ многочисленными кольцами.

— А вы спросите, княгиня, гдѣ онъ былъ,—ввернулъ Полабинъ.

Софи Мендеръ, совсѣмъ маленькая бѣлокурая женщина съ миловидными, необыкновенно кроткими чертами, вопросительно устремила на Сережу свои прекрасные темные глаза. Она была вообще любопытная особа, и Горянцевъ съ нѣкоторыхъ поръ интересовалъ ее, какъ разъ отъ того, можетъ быть, что изъ всѣхъ членовъ кружка княгини Бетси она знала его всего менѣе.

— Такъ гдѣ же вы были? исповѣдывайтесь!—снисходительно и будто лѣниво спросила хозяйка дома.

Горянцевъ съ полнымъ хладнокровіемъ отвѣтилъ, что засидѣлся у графа Александра Иларіоновича, гдѣ обѣдалъ.

— А!—проронили тонкія губы княгини.—Понимаю! Это продолженіе вчерашней мазурки...

Горянцевъ сдѣлалъ видъ, будто не понялъ, и съ какимъ-то вопросомъ обратился къ Софи. Вопросъ былъ самаго безразличнаго свойства, но почему-то госпожа Мендеръ отвѣтила на него оживленно, явно желая завязать разговоръ.

— А, вѣдь, есть на свѣтѣ еще люди, собирающіеся жениться,—пробормоталъ супругъ госпожи Мендеръ, полный и вѣчно скучающій офицеръ генеральнаго штаба.—Пора бы отъ этой глупой привычки отстать.

Онъ былъ, разумѣется, единственнымъ человѣкомъ въ Петербургѣ, не знавшимъ о романѣ своей жены съ Равичемъ. Но супружеское его счастье отъ такого невѣдѣнія не выиграло. Горянцевъ пропустилъ мимо ушей и это замѣчаніе, продолжая бесѣдовать со своей бѣлокурой сосѣдкою. Прежде онъ не обращалъ на нее вниманія, а теперь, зная, что за злую шутку ей готовитъ Полабинъ, Сережа хотѣлъ убѣдиться, заслуживаетъ ли она его участія. Развязно болтая съ ней, онъ самъ удивлялся, какъ это онъ такъ свободно можетъ говорить всякій вздоръ, когда еще нѣсколько минутъ

передъ тѣмъ, подъѣзжая къ дому княгини, онъ весь былъ охваченъ давящимъ сознаніемъ, будто его закрутилъ какой-то злой вихрь, противъ воли его заставлявшій весь этотъ день совершать одинъ нехорошій поступокъ за другимъ. И Горянцевъ почти любовался своей хладнокровной властью надъ собою.

— Ne faites, donc, pas la cour à Sophie...—нетерпѣливо сказала баронесса Шварценбахъ, очень недовольная тѣмъ, что пріостановилась игра.

Баронесса—пышная, уже слегка отцвѣтавшая красавица,—относилась къ игрѣ чрезвычайно серьезно, старательно отмѣчая на карточкѣ каждый выходившій нумеръ.

— Посовѣтуйте мнѣ, на что поставить, — спросила она у подсѣвшаго къ ней Полабина, который вмѣсто отвѣта сказалъ ей вполголоса такую неприличную фразу, что она вѣеромъ съ ужасомъ отъ него отмахнулась.

— Князь, вамъ до неприличія везетъ сегодня,—обратилась она къ Суздальскому, который, игралъ до того разсѣяно, что постоянно забывалъ подбирать свои выигрыши.—Я буду ставить вмѣстѣ съ вами. Можетъ быть вы мнѣ принесете счастье.

Суздальскій отвѣтилъ только холоднымъ взглядомъ, и когда игра возобновилась, не сдѣлалъ никакой ставки. Въ этотъ вечеръ общество княгини Бетси и ея друзей ему особенно претило. Какъ-то живѣе обыкновеннаго онъ чувствовалъ все притворство этой мнимой близости тона, за которымъ не было ни настоящей дружбы, ни искренняго веселья; между тѣмъ онъ самъ, вѣдь, постоянно вращался въ этомъ кружкѣ, повинуясь какой-то лѣнивой привычкѣ... и ему стыдно становилось за себя.

Въ кружкѣ княгини Бетси играли часто. Почти каждый вечеръ собирались то въ ея домѣ, то у одной изъ ея пріятельницъ, намѣренно обособляясь среди петербургскаго свѣта. У многихъ изъ непринадлежавшихъ къ кружку эти вечера, считавшіеся такими исключительными и элегантными, вызывали тайную зависть и

сильное желаніе туда проникнуть. А между тѣмъ, непрошенная гостья—скука, все-таки, прокрадывалась на эти вечера, гдѣ было столько громкаго смѣха и откровеннаго цинизма. Грубоватая соль очень прозрачныхъ двусмысленностей и возбужденіе азартной игрой едва спасали отъ тоски этихъ людей, стоявшихъ на вершинѣ общественнаго положенія и воображавшихъ себя избранниками судьбы. Особенно скучали мужчины все болѣе убѣждавшіеся, что чужія жены ничуть не забавнѣе собственныхъ, когда съ ними встрѣчаешься такъ часто и небрежность языка позволяетъ даже забывать, что онѣ—чужія. Конечно, ревности они не чувствовали вовсе. и присутствіе неженатыхъ молодыхъ людей, присяжныхъ ухаживателей за ихъ женами, они въ душѣ привѣтствовали. И пока имъ не приходилось въ этомъ раскаиваться: товарищество съ женщинами, говорятъ, лучшее противоядіе любви. Молва не касалась княгини Бетси и ея друзей. Одна Софи Мендеръ составляла исключеніе.

Игра шла въ этотъ день необыкновенно вяло; то-и-дѣло вспыхивали обрывки шутливыхъ разговоровъ, загоравшіеся и потухавшіе, какъ ракеты.

Горянцевъ совсѣмъ бросилъ играть и пересѣлъ съ госпожою Мендеръ на широкій кожаный диванъ, все яснѣе сознавая особую прелесть этой кроткой, маленькой женщины, которой онъ до сихъ поръ почти не замѣчалъ. Софи была не умна и даже не особенно красива. Но такая искренняя способность любить свѣтилась въ ея лучистыхъ глазахъ, что осудить ее, заподозрить въ порочности ея полу-безсознательную натуру было не возможно. И когда раза два до слуха Горянцева дошелъ тяжелый, размашистый смѣхъ ея мужа, онъ охотно извинялъ ея увлеченіе даже этимъ грубоватымъ, ограниченнымъ красавцемъ Равичемъ. И все сильнѣе онъ повторялъ себѣ, что нельзя дать совершиться замыслу Полабина.

— Cessons, plutôt, ma chère! Nous ne sommes pas disposés ce soir,—обратилась къ хозяйкѣ дома малень-

кая вертлявая Мери Свольская, самая бойкая изъ дамъ кружка.—Надо придумать что-нибудь позабавнѣе. Полабинъ увѣряетъ, что ночь такая чудная! Пошлемте за тройками!

Горянцевъ насторожилъ уши и попробовалъ отговорить отъ поѣздки. Но Полабинъ такъ ловко съумѣлъ возбудить у дамъ внезапное желаніе прокатиться на морозномъ воздухѣ, что его возраженія были замяты разомъ, несмотря на то, что его поддержалъ и Суздальскій.

— Мы цѣлыхъ двѣ недѣли не слушали цыганъ!— настаивала Мери Свольская. — И я не понимаю, какъ вы, князь, съ вашею артистическою душою относитесь къ этому такъ холодно.

— Не всѣ любятъ одно и тоже искусство,—чуть-чуть улыбнувшись, отвѣтилъ Суздальскій.—Да и скоро часъ...

— Что-жъ такое! Тогда только и хочется хорошенько забавляться, когда прочіе спятъ! Dècidement vous avez des instincts bourgeois.

— En tout cas, ce ne sont pas des instincte canaille!— съ преувеличенно вѣжливымъ поклономъ отвѣтилъ князь.

Мери не обидѣлась нисколько.

— Слышите, Бетси, какія намъ любезности говоритъ Суздальскій?

— Суздальскій невозможенъ,—проронила княгиня.— Его пора давно наказать.

Тройки пріѣхали необыкновенно быстро. У Краснохолмскихъ былъ лакей, умѣвшій въ нѣсколько минутъ добывать что̀ угодно. Зато дамы, хоть и спѣшили очень, просуетились еще цѣлыхъ двадцать минутъ, болтая вздоръ и укутываясь въ шубки.

VII.

Въ послѣднюю минуту Горянцевъ сдѣлалъ еще попытку удержать Софи Мендеръ отъ поѣздки.

— У меня дурныя предчувствія!—сказалъ онъ шутливо, хотя ему совсѣмъ было не до шутокъ.—Изъ этого катанья ничего хорошаго не выйдетъ... Мы всѣ стараемся только подогрѣть себя на веселье, а въ сущности никому изъ насъ веселиться не хочется...

Такіе доводы не могли, конечно, подѣйствовать. Софи только, смѣясь, покачала головой.

— Вы ошибаетесь! Мнѣ, по крайней мѣрѣ, очень хочется цыганъ послушать!

Онъ нагнулся къ ней и сказалъ уже совсѣмъ инымъ, почти взволнованнымъ голосомъ:

— Я серьезно совѣтую вамъ не ѣхать, Софья Аркадьевна... Кто знаетъ, на кого мы тамъ можемъ наткнуться...

Она посмотрѣла на него широкимъ удивленнымъ взглядомъ.

— Наткнуться?.. Чтó хотите вы этимъ сказать? И зачѣмъ вы меня пугаете!

На секунду онъ колебался, не раскрыть ли ей всю истину. Но это было совершенно невозможно, въ особенности въ присутствіи ея мужа. Да и съ какой стати! Чтò ему въ сущности было за дѣло до всего этого? И холодное насмѣшливое чувство опять поднялось въ немъ. Онъ добавилъ только, снова придавая своему голосу смѣшливую интонацію:

— А чтò скажетъ вашъ мужъ! Я увѣренъ, ему сильно не хочется, чтобы вы замѣтили, какъ онъ грозно на васъ взглянулъ?

На зло, однако, Анатолій Петровичъ — такъ звали мужа Софи—въ самую эту минуту подошелъ къ женѣ и сказалъ съ своимъ обычнымъ грубоватымъ смѣхомъ:

— Ну, матушка, поѣзжай, коли хочешь до трехъ часовъ этимъ безобразнымъ цыганскимъ визгомъ наслаждаться. А я домой, да и на боковую.

Софи посмотрѣла на Горянцева, какъ бы призывая его въ свидѣтели равнодушія мужа, и поспѣшила въ переднюю.

— А жаль, что не поѣдетъ съ нами этотъ болванъ,—

проговорилъ Сережѣ Полабинъ.—Вотъ хорошо было бы, кабы онъ присутствовалъ при встрѣчѣ своей благовѣрной съ этимъ пьянымъ олухомъ Равичемъ... Я заранѣе потираю себѣ руки отъ удовольствія!..—и онъ прошелъ мимо, что-то насвистывая.

А Горянцевъ вздрогнулъ отъ его словъ. Онъ чувствовалъ на себѣ отвѣтственность за то, что̀ могло случиться.

Теперь онъ только вполнѣ отчетливо сознавалъ всю низость затѣянной Полабинымъ шутки. А не помѣшать злу—почти, вѣдь, то же, что участвовать въ немъ...

Въ сѣняхъ онъ столкнулся съ Борисомъ Суздальскимъ. На мигъ они остались вдвоемъ. Прочіе мужчины уже вышли на улицу, а сверху доносились оживленные голоса дамъ.

— Горянцевъ!—сказалъ пріятелю Борисъ.—Я понялъ, на что̀ они намекали во время игры. Ты собираешься жениться?.. Это всѣмъ извѣстно, и одному мнѣ ты ничего не сказалъ.

Укоръ слышался въ голосѣ Суздальскаго.

— Извини, Борисъ, ничего еще не рѣшено! И ты, конечно, будешь первымъ...

Но, почувствовавъ на себѣ пристальный взглядъ Суздальскаго, Сережа невольно опустилъ глаза.

— Любезный мой,—холодно перебилъ князь,—я не имѣю ни права, ни охоты вступаться въ твои дѣла. И если мой вопросъ тебѣ показался неумѣстнымъ...

— О, нѣтъ! Конечно, нѣтъ!—поспѣшилъ оправдаться Сережа.

— Хорошо! — еще холоднѣе прежняго отвѣтилъ князь. — Въ такомъ случаѣ я обязанъ тебя предупредить — ты знаешь, я условныхъ деликатностей не признаю. Варя Чертолина — моя кузина, правда, очень дальняя, но съ самаго дѣтства я хорошо съ нею знакомъ. Не такая она дѣвушка, чтобы видать тебѣ съ нею счастье... Впрочемъ, твое дѣло: я вовсе не осуждаю браковъ по разсчету. Это просто дѣло вкуса. По-

моему, всѣ вкусы равноправны... не всѣ только одинаково симпатичны!

Дамы теперь нахлынули сверху. Разговора продолжать было нельзя, и этотъ вынужденный перерывъ еще яснѣе далъ почувствовать Сережѣ, какъ порвалось что-то между нимъ и Суздальскимъ.

Всѣ поспѣшили размѣститься по тройкамъ, Горянцеву пришлось ѣхать съ Софи и княгинею. Четвертое мѣсто занялъ Борисъ.

Лошади тронули. Вѣтеръ теперь совершенно стихъ. Надъ опустѣлыми улицами стояла полная, неумолимо-зоркая тишина лунной ночи. Голубоватыя блѣдныя тѣни ложились на бѣлую снѣжную пелену. Будто алмазный вѣнецъ блестѣлъ вокругъ полнаго мѣсяца. На душѣ Горянцева эта свѣтлая ночь, такъ широко раскинувшаяся надъ спящимъ городомъ, вызывала ощущеніе чего-то давящаго,—некуда было уйти отъ ея спокойнаго. назойливаго свѣта.

Они ѣхали въ первой тройкѣ. Лошади скакали быстро, спустившись на Неву. Сани беззвучно скользили по льду. Сзади слышались веселые бубенчики остальныхъ троекъ. Все сильнѣе Сережа ощущалъ глухое чувство омерзѣнія къ себѣ и полную невозможность освободиться отъ него. Всѣ событія дня вихремъ проносились въ его головѣ, теперь только представляясь ему въ настоящемъ свѣтѣ. Поступки его за весь этотъ день выступали передъ нимъ въ полной уродливой наготѣ. Никакой поэзіи не было уже въ его любви къ Ветѣ Разрубиной. Угаръ честолюбивыхъ надеждъ, призракъ свѣтскаго блеска, прежде скрывавшіе отъ Сережи некрасивыя стороны его сватовства за Варю, исчезли тоже. И лицо будущей невѣсты будто дразнило его, складываясь въ презрительную улыбку.

— Что̀ вы такъ упорно молчите, Горянцевъ?—спросила, наконецъ, княгиня Бетси.—Неоплатные долги или испорченный желудокъ? Если бы я знала напередъ, что вы будете такимъ скучнымъ, я бы васъ съ собой не взяла.

Сережа сдѣлалъ неудачную попытку отшутиться. И удивительно натянутымъ прозвучалъ его смѣхъ.

Бетси оставила его въ покоѣ. И онъ опять уткнулся бы въ свое тяжелое молчаніе, но теперь заговорила съ нимъ Софи...

— Вы были гораздо любезнѣе тамъ, у княгини!— сказала она, улыбаясь.

— Я на васъ сержусь за то, что вы меня не послушались!

— Не говорите пустяковъ! Не все ли равно, что бы я ни сдѣлала! Вы, въ сущности, совсѣмъ меня не знаете.

Эти простыя слова кольнули его больнѣе, чѣмъ могъ бы то сдѣлать упрекъ.

— Какъ! Что! зачѣмъ вы не хотѣли, чтобы мы поѣхали? — съ проснувшимся любопытствомъ спросила княгиня.

— Боюсь, какъ бы мы не встрѣтили тамъ не совсѣмъ пріятное общество. Туда, кажется, собиралась цѣлая компанія съ француженками.

— Ахъ! и вы подумали, мы этого побоимся?—засмѣялась княгиня.—Напротивъ, мы будемъ очень рады! Представьте себѣ, какъ я часто ни ужинала въ ресторанѣ, мнѣ никогда не удавалось тамъ встрѣтиться съ настоящими кокотками... Очень бы мнѣ хотѣлось видѣть, на что онѣ похожи!

— Ты навѣрно знаешь, кто тамъ будетъ?—спросилъ Горянцева Борисъ, подчеркивая вопросъ пристальнымъ взглядомъ.

— Догадываюсь, по крайней мѣрѣ!..

Строгій взглядъ товарища опять на немъ остановился.

Еще нѣсколько минутъ и они пріѣхали. Глухой шумъ, стукотня шаговъ, запахъ кухни обдали ихъ тотчасъ.

Трое оффиціантовъ-татаръ выбѣжали къ нимъ навстрѣчу.

— Большой номеръ свободенъ?—спросилъ у одного изъ нихъ князь Краснохолмскій.

— Сейчасъ, ваше сіятельство! Тамъ собирался цыганъ слушать одинъ господинъ съ дамами. Только это ничего-съ! Для вашего сіятельства очистимъ залу.

— Пожалуйста! — холодно-лѣниво отвѣтилъ князь, скидывая шинель.—И цыгане здѣсь? Отлично! Мы хотѣли за ними послать. Такъ устрой ужъ такъ, чтобы они для насъ пѣли!..—Онъ проговорилъ это тономъ, не допускавшимъ возможности отказа.

И дамы, услыхавъ про цыганъ, защебетали хоромъ:

— Les bohémiens? c'est justement cequ'il nous faut!

— Конечно, нельзя ихъ уступить другимъ!

И княгиня Бетси добавила смѣясь:

— Это для какихъ-то француженокъ заказано!—увѣряетъ Горянцевъ. Разумѣется, мы имъ не уступимъ!

— Да, княгиня! Но можетъ выйти исторія!—вмѣшался Суздальскій.

— Такъ вотъ что,—рѣшила княгиня.—Давайте слушать цыганъ всѣ вмѣстѣ! Avec ces dames... Будетъ презабавно!..

Но до этого еще не доросъ кружокъ княгини Бетси. Мужчины запротестовали.

Да и не оказывалось, повидимому, никакой надобности уступать. Оффиціантъ провелъ все общество въ залъ, гдѣ успѣлъ уже собраться цыганскій хоръ.

Дамы шумно усѣлись въ углу комнаты, съ большимъ вниманіемъ разсматривая цыганокъ въ лорнетъ, хотя всѣхъ почти участницъ хора онѣ знали въ лицо. Ихъ почему-то интересовало подробное изученіе этихъ смуглыхъ лицъ съ усталою наглостью въ чертахъ.

— Лучшей пѣвицы нѣтъ сегодня, — проговорила княгиня. — Таней ее, кажется, звать! Полабинъ, не правда ли?

Но княгиня напрасно отыскивала его глазами. Полабинъ куда-то скрылся, и она поручила мужу узнать, отчего не было Тани.

— Она больна,—отрапортовалъ князь, обмѣнявшись нѣсколькими шуточками съ цыганками.

Заговорили съ ними и прочіе мужчины, за исключеніемъ Бориса Суздальскаго и Сережи.

— Comme c'est ennuyeux!—съ недовольнымъ видомъ произнесла княгиня.—Какъ будто эти цыганки бываютъ когда-нибудь больны!.. А гдѣ Полабинъ? Онъ такъ, вѣдь, хорошо умѣетъ подтягивать!

Полабина, однако, не оказывалось, и княгиня Бетси съ удвоеннымъ неудовольствіемъ откинулась на спинку стула. Хоръ началъ: „Задремалъ тихій садъ...“

Краснохолмскій не переставалъ шептаться съ одной изъ цыганокъ, мѣшая ей пѣть. Не успѣли цыганки окончить романсъ, какъ раздался изъ корридора чей-то рѣзкій голосъ.

— Это что́ значитъ!—крикъ былъ такъ громокъ, что изъ залы можно было разслышать слова.—Я послалъ за хоромъ, а ты, дуракъ, говоришь, что тамъ княгиня какая-то его потребовала! Да чортъ съ ней, съ твоей княгиней!

Голосъ приближался къ дверямъ.

Софи Мендеръ вдругъ поблѣднѣла: она узнала, кто это тамъ кричитъ въ корридорѣ. Узнали голосъ теперь Горянцевъ и Борисъ. И въ перемежку съ крикомъ слышались совсѣмъ уже близко къ дверямъ залы слова Полабина, который, повидимому, старался удержать кричавшаго. Еще одинъ мигъ — и пьяный Равичъ ворвался бы въ комнату. Горянцевъ поймалъ на лету брошенный на него испуганный, умоляющій взглядъ Софи. Онъ кинулся впередъ къ дверямъ. За нимъ послѣдовалъ Борисъ. Едва успѣлъ онъ раскрыть двери, какъ тутъ же передъ его глазами выросла крупная фигура конвойца Равича съ искаженнымъ до бѣшенства пьянымъ лицомъ. Равичъ былъ необыкновенно рослый человѣкъ, съ грубыми, но красивыми чертами лица. Неподвижные, хоть и воспаленные темные глаза, крупный носъ, густая черная борода и такіе же жесткіе, вскло-

коченные волосы обличали въ немъ южанина. Родомъ онъ былъ изъ Бессарабіи, не то сербъ, не то молдаванинъ по происхожденію. Необыкновенно мизернымъ, при всей своей кошачьей ловкости, глядѣлъ передъ нимъ вертѣвшійся вокругъ него Полабинъ.

— Послушай, Равичъ!—твердилъ онъ.—Нельзя! говорю тебѣ, нельзя! Тамъ княгиня Бетси съ цѣлымъ обществомъ.

— Наплевать!—хрипѣлъ Равичъ, отстраняя Полабина, который полушопотомъ добавилъ:

— Тамъ еще Софья Аркадьевна...

— Говорю тебѣ—наплевать!—громче прежняго повторилъ тотъ.

Двери въ залу оставались раскрытыми, и тамъ каждое слово можно было разслышать. Дамы суетились, предвидя неизбѣжный скандалъ. Софи Мендеръ не въ силахъ была скрыть охватившаго ее растеряннаго волненія. Княгиня Бетси успокаивала ее съ подавленной улыбкой на губахъ.

Равичъ, не слушая Полабина, хотѣлъ войти. Но ему заслонилъ дорогу Сережа.

Онъ чувствовалъ за собою обязанность спасти все общество, спасти въ особенности бѣдную Софи отъ грозившей разыграться исторіи. Да онъ, впрочемъ, и не раздумывалъ, что̀ ему дѣлать—онъ просто повиновался безсознательному инстинкту.

— Извольте не кричать, господинъ Равичъ!—проговорилъ онъ спокойно, удерживая конвойца за руку.

— Чего тамъ не кри-чать!—хрипѣлъ тотъ по прежнему.

— Идите къ себѣ! Вы не имѣете права здѣсь бушевать! Здѣсь дамы!

— Какія дамы! Пустите!—стараясь вырвать руку, закричалъ Равичъ.

— Вы совершенно пьяны! Я васъ не пущу!

— Не пустите? Хотѣлъ бы я видѣть!

Лицо пьянаго силача налилось кровью, рука судо-

рожнымъ движеніемъ вырвалась изъ державшей ее руки Горянцева и со всего размаху ударила Сережу по щекѣ.

И его теперь охватило бѣшенство. Онъ ринулся впередъ, чтобы отомстить за оскорбленіе—Равичъ невольно подался назадъ, какъ бы испуганный тѣмъ, что онъ сдѣлалъ,—рука Сережи поднялась для удара, но его противника держали уже съ обѣихъ сторонъ схватившіе его Суздальскій и Полабинъ. Подбѣжали на шумъ и другіе.

— Я прикажу васъ связать,—сквозь зубы сказалъ Равичу Суздальскій.

Рука Сережи остановилась. Бить по лицу человѣка, у котораго свобода движенія отнята, это показалось ему тѣмъ же, что бить лежачаго.

Странное дѣло—спокойствіе теперь вернулось и къ Равичу. Хмѣль его прошелъ. Онъ устыдился своего, почти невольнаго, поступка.

— Я готовъ на все, что вамъ будетъ угодно,—сказалъ онъ подавленнымъ голосомъ.—Извиниться... дать вамъ удовлетвореніе...

— Извиниться?—хихикнулъ Полабинъ.—Точно Горянцевъ приметъ твои извиненія! Я буду, коли хочешь, твоимъ секундантомъ, Сережа! А ты, Равичъ, ступай!

И Равичъ далъ себя теперь уговорить безъ труда. Медленно, пристыженно онъ вернулся къ дверямъ своего кабинета, откуда высовывались перепуганныя и въ то же время любопытныя головы двухъ сильно напудренныхъ женщинъ.

Секунда прошла въ оцѣпенѣломъ молчаніи. Столпившіеся вокругъ Сережи люди глядѣли на него съ растеряннымъ недоумѣніемъ. Всѣ, очевидно, не знали, что теперь должно случиться, что имъ сдѣлать и что сказать. Одинъ Борисъ выдвинулся впередъ и крѣпко пожалъ Сережѣ руку.

— Ты хорошо поступилъ!—сказалъ онъ.—Благодарю тебя отъ имени всѣхъ!..

Горянцевъ самъ чувствовалъ, что поступилъ хорошо, заступившись за всѣхъ, хотя онъ смутно сознавалъ въ то же время, что всѣ прочіе, словно, ждутъ чего-то. И нѣмое ожиданіе это неминуемо обратится въ грозный судъ, если онъ не исполнитъ того, чего требовалъ обычай.

— Я къ твоимъ услугамъ, Горянцевъ,—повторилъ свое предложеніе Полабинъ.

И Сережѣ показалось, будто скрытая насмѣшка звучала въ этихъ словахъ. Его мгновенно взорвало. Вѣдь, то, что онъ сдѣлалъ, было единственнымъ чистымъ, истинно хорошимъ поступкомъ за весь этотъ день, и какъ разъ за это его готовы осудить тѣ самые люди, которыхъ онъ только что спасъ отъ непоправимаго скандала.

— Allons-nous en! Quelle affreuse histoire!—донесся до его слуха голосъ княгини Бетси.

— Oui, oui, Dépêchons-nous! — вторили ей прочія дамы.

Грубый эгоизмъ всякой толпы овладѣвалъ уже этимъ избраннымъ кружкомъ его ближайшихъ друзей, которые объ одномъ только помышляли, какъ бы имъ поскорѣе спасти себя отъ всякаго участія въ происшедшемъ столкновеніи, — его одного, своего защитника, предоставивъ въ жертву злословной молвѣ. И какъ разъ потому, что жалкая трусость этихъ людей такъ беззастѣнчиво выступала передъ нимъ, Сережа почувствовалъ себя выше и лучше ихъ въ эту минуту, и въ немъ возрастало желаніе—какъ бы въ отместку имъ—поступить какъ разъ наперекоръ требованіямъ ихъ условной морали.

За его спиной уже слышалось осторожное шуршанье платьевъ торопившихся дамъ. Спѣшили уѣхать, даже не простившись съ нимъ. Но ему было все равно. Чѣмъ открытѣе высказывалось отреченіе отъ него близкихъ людей, тѣмъ болѣе онъ самъ отворачивался отъ нихъ, освобождался отъ всякихъ обязанностей передъ ними.

Иной, болѣе высокій долгъ выросталъ передъ Горянцевымъ. Чувство понесеннаго оскорбленія стушевывалось передъ сознаніемъ, сколько дурного и постыднаго сдѣлалъ онъ въ этотъ день. Онъ совершилъ цѣлый рядъ отвратительныхъ поступковъ. Соблазнилъ жену своего лучшаго друга, и въ то же время лгалъ отдавшейся ему Ветѣ Разрубиной, которую, въ сущности, любилъ только похотью своей воспаленной крови, а не искреннимъ безкорыстіемъ преданнаго сердца. Онъ сталъ женихомъ дѣвушки, которую не любилъ даже этой грубою любовью, обольщенный призракомъ ея денегъ, ея высокаго положенія. Правда, ее онъ не обманывалъ: то, чего требовала отъ него невѣста, онъ могъ ей дать и не любя ея. Но въ самыхъ лживыхъ увѣреніяхъ, какими онъ обмѣнивался съ нею, было что-то позорное, какое-то принесеніе себя въ жертву постыдному идолу озолоченнаго тщеславія. И теперь онъ уже не любовался, какъ тогда, своимъ холоднымъ цинизмомъ. Онъ глубоко презиралъ себя за все это, тѣмъ болѣе презиралъ, что никто изъ его свѣтскихъ друзей не укорилъ бы его за совершенное имъ въ этотъ день. И если единственный его хорошій, безкорыстный поступокъ награжденъ незаслуженнымъ оскорбленіемъ, а впереди его ждутъ презрительныя насмѣшки товарищей и свѣта,—онъ получилъ только заслуженное возмездіе за совершенное имъ зло. Пусть онъ передъ обществомъ прослыветъ за труса—за то пощечина Равича смыла съ него тяжкое обличеніе собственною совѣстью. И гордо поднявъ голову, Сережа посмотрѣлъ въ упоръ на Полабина.

— Благодарю тебя! Я драться не намѣренъ!—И не давъ ему времени отвѣтить, онъ обратился къ Суздальскому:—Борисъ! мнѣ съ тобой переговорить надо! Поѣдемъ домой вмѣстѣ.

Въ глазахъ Суздальскаго онъ прочелъ недоумѣніе, только совсѣмъ иное, чѣмъ во взглядѣ Полабина. Борисъ молча кивнулъ головой, и приказалъ татарину нанять извощика.

VIII.

— Борисъ!—началъ Сережа, едва они отъѣхали:—два раза сегодня вечеромъ я прочелъ въ твоихъ глазахъ, что ты мною недоволенъ—помнишь, когда ты со мною заговорилъ о твоей кузинѣ Чертолиной, и потомъ, когда ты догадался, что̀ за гадкую шутку затѣялъ Полабинъ.

— Ахъ! это было, значитъ, дѣло Полабина!—воскликнулъ Суздальскій. —Какой негодяй!—сквозь зубы добавилъ онъ.

— А ты подумалъ, это моя выдумка?—съ горечью спросилъ Горянцевъ.—Впрочемъ,—продолжалъ онъ,—и я виноватъ кругомъ! Я зналъ, что готовится, и не помѣшалъ во-время. Я поступилъ скверно, какъ мальчишка! За то теперь, Борисъ,—и, говоря это, Сережа поднялъ голову, открыто всматриваясь въ товарища,—теперь я твоего порицанія не заслуживаю. То, что я сдѣлалъ сейчасъ, вотъ единственный поступокъ за весь этотъ день, котораго я не стыжусь.

— Я тебя и не порицаю,—отвѣтилъ Суздальскій.

Но въ тонѣ, какимъ онъ это сказалъ, Сережа разслышалъ оттѣнокъ недоумѣнія. А самъ онъ, какъ разъ въ эту минуту, ощущалъ мучительную потребность въ ободряющемъ словѣ. У него была настоящая жажда услышать посторонній судъ и почерпнуть въ немъ силу довести до конца принятое рѣшеніе. Сережѣ теперь нечего было скрываться отъ товарища. И все то нехорошее, что онъ чувствовалъ за собою, просилось теперь наружу. Надо было, во что бы то ни стало, очиститься передъ собой, сбросить съ себя давившее сознаніе позорной виновности. Сережа понималъ въ эту минуту, въ первый разъ, можетъ быть, за всю свою жизнь, что постыдна сама вина, а не только ея огласка.

— Нѣтъ!—продолжалъ онъ, качая головой.—Ты втайнѣ, можетъ быть, все-таки безсознательно меня

осуждаешь. А я, вѣдь, сдѣлалъ то самое, что ты сегодня утромъ такъ хвалилъ въ поступкѣ Вельскаго съ Лабунинымъ.

— Вельскій былъ кругомъ виноватъ... это совсѣмъ другое дѣло!—вырвалось у Бориса.

— По-твоему, стало быть,—съ живостью возразилъ Сережа,—какъ разъ потому, что я былъ правъ, на мнѣ лежитъ нравственная обязанность вызвать Равича и по возможности убить его? Хотя, представь себѣ, я ни малѣйшей злобы противъ него не ощущаю.

— Я этого не говорю, но...

— Нѣтъ! говоришь! или, по крайней мѣрѣ, думаешь!—съ жаромъ перебилъ его Сережа. — По-твоему—и ты совершенно правъ—дуэль послѣднее средство защиты, когда иного нѣтъ... Но защиты—кого? себя или другихъ, болѣе слабыхъ? Если бы Равичъ оскорбилъ женщину, я бы вызвалъ его въ ту же минуту. Но онъ нанесъ оскорбленіе человѣку, который постоять за себя можетъ, и который принялъ это оскорбленіе, какъ заслуженное возмездіе за все, что онъ сдѣлалъ дурного за весь тотъ день. Да, Борисъ! Я былъ совершенно правъ, заступившись за эту бѣдную Софи. И какъ разъ поэтому я почувствовалъ, что Равичъ будто смылъ съ меня всю грязь съ моей жизни. Понимаешь это, Борисъ? Понимаешь?.. Знать, что велъ себя какъ подлецъ, какъ истинный подлецъ, и что никто за это не скажетъ мнѣ ни слова порицанія! И вдругъ, за единственный хорошій, честный поступокъ...—онъ остановился, переводя духъ.—Видишь, Борисъ,—мигъ спустя, заговорилъ онъ опять,—понять вдругъ, что за рядъ мерзостей былъ въ моемъ такъ-называемомъ успѣхѣ, и почувствовать, что вновь получилъ право уважать себя, оттого, что понесъ незаслуженное оскорбленіе,—это... это... Я не скажу—радость, конечно, но какое-то особое, возвышающее ощущеніе.

— Ты правъ, Сережа! ты правъ!—горячо теперь отвѣтилъ Суздальскій.—Ты хорошій человѣкъ, и я тебя

понимаю!—онъ схватилъ Горянцева за руку, и хотѣлъ эту руку пожать, но Сережа ее отнялъ.

— Нѣтъ!.. Ты меня все-таки не понимаешь... И совсѣмъ не хорошій я человѣкъ... Въ этомъ-то все дѣло... Не могу тебѣ сказать, что со мной было сегодня, и вчера, и всѣ эти дни, потому что здѣсь другіе замѣшаны... Но знай одно: я натворилъ много, много скверныхъ вещей, и не только не стыдился этого, а любовался собой, своимъ гадкимъ, дряннымъ цинизмомъ. А теперь у меня пелена будто спала съ глазъ. Я хочу страдать незаслуженно, потому что въ этомъ для меня—очищеніе! Понимаешь?

Борисъ опять схватилъ его за руку, и теперь Сережа ее уже не отнималъ. Это нѣмое пожатіе было для него какъ будто возвращеніемъ честнаго имени и права на уваженіе товарища.

Долго еще послѣ того, какъ они вернулись въ казармы, пріятели горячо толковали. Почти свѣтало, когда Борисъ простился съ Сережей. Для бѣднаго малаго сочувствіе любимаго товарища было въ эту минуту поддержкой, безъ которой онъ не могъ бы выдержать своего тяжкаго испытанія. Едва Борисъ вышелъ, Сережа упалъ на диванъ и уткнулъ голову въ обѣ руки, какъ бы уйдя весь въ мучительное созерцаніе того, что̀ случилось и что̀ его ждало впереди. Онъ могъ еще свободно выбрать любой исходъ—драться съ Равичемъ и на половину смыть оскорбленіе,—да, на половину только,—пощечину вѣдь, по настоящему, не смыть ничѣмъ, въ какомъ бы правомъ дѣлѣ ее ни получить,—или остаться вѣрнымъ своему рѣшенію и дать обрушиться на себя всему негодованію полка, всему презрительному смѣху петербургскаго общества. Но въ первомъ случаѣ, если онъ даже и спасетъ на половину свою честь, онъ лишится того чувства самоудовлетворенія, которое теперь помогаетъ ему идти навстрѣчу тяжкимъ униженіямъ. Честь!—онъ горько разсмѣялся, когда это слово пронеслось у него въ головѣ.—А гдѣ

была она, эта честь, когда онъ, какъ измѣнникъ, страстно цѣловалъ, прижималъ къ груди жену Коли Разрубина? Гдѣ была она, когда изъ-за житейскихъ выгодъ онъ сдѣлалъ предложеніе Варѣ Чертолиной, и тѣ же уста, на которыхъ еще не остыли поцѣлуи Веты, расточали нелюбимой дѣвушкѣ лживыя увѣренія. И за это никто бы его, вѣдь, не осудилъ... Многіе бы ему позавидовали даже. А теперь, когда онъ наказанъ безвинно,—то самое общество, которое онъ хотѣлъ защитить, обратилось противъ него съ своимъ ядовитымъ злорѣчіемъ.

Оставалось, правда, еще одно средство — выйти на барьеръ и дать себя убить, не защищаясь. Тогда, по крайней мѣрѣ, никакого пятна не останется на его памяти. Убитыхъ не осуждаютъ,—твердилъ онъ себѣ съ тайной горечью, и заранѣе, съ болѣзненнымъ наслажденіемъ представлялъ себѣ, какъ сразитъ его пуля противника, и онъ уже не увидитъ и не услышитъ того, что произойдетъ затѣмъ. Жизни ему не было жаль. Что, однако, если Равичъ не убьетъ его, а какъ-нибудь искалѣчитъ, если потомъ ему придется страдать многіе, многіе дни, выдержать, быть можетъ, мучительную операцію?.. Страха смерти въ немъ не было, но передъ физическимъ страданіемъ онъ испытывалъ неодолимый ужасъ. Онъ какъ бы чувствовалъ напередъ, что въ его молодое, здоровое тѣло вонзилась пуля, и рисовалъ себѣ, какъ рука хирурга будетъ зондировать рану и врѣзываться въ его тѣло, чтобы достать ее... Сережа невольно вздрогнулъ, и тотчасъ поймалъ себя на этомъ ощущеніи.

— Я трусъ!—громко воскликнулъ онъ, вскакивая.— Да! Я трусъ! трусъ! И они совершенно правы будутъ презирая меня.

Какъ раненый звѣрь, онъ съ дикимъ воплемъ пробѣжался по комнатѣ, стараясь припомнить такіе случаи изъ своей жизни, которые бы наглядно доказывали, что онъ не трусъ.

Да! на медвѣжьей охотѣ, еще мѣсяцъ назадъ, когда его первая пуля только задѣла звѣря, и тотъ шелъ прямо на него, онъ твердой рукою пустилъ второй и послѣдній зарядъ медвѣдю прямо въ лѣвый глазъ и убилъ его наповалъ. Сердце у него не дрогнуло тогда, и рука тоже. А два года назадъ, когда вдвоемъ съ Полабинымъ, онъ случайно наткнулся въ ресторанѣ на скверную исторію и заступился за совершенно незнакомаго ему молодого малаго, на котораго набросился какой-то пьяный нахалъ, онъ не задумался, что рискуетъ своимъ положеніемъ и вытолкалъ изъ комнаты этого человѣка, злоупотреблявшаго физическою силой. Полабинъ этого бы не сдѣлалъ, Сережа зналъ это очень хорошо, и съ этой минуты товарищи стали его уважать больше прежняго. А въ чемъ, въ сущности, сегодняшняя исторія отличалась отъ тогдашней? Отчего сегодня позоръ, а въ тотъ день—общія громкія похвалы? Оттого только, что онъ тогда вышелъ побѣдителемъ? и весь вопросъ, стало быть, сводится къ силѣ кулака. Есть чѣмъ гордиться, нечего сказать!..

И Сережа усѣлся опять успокоенный. Принятое рѣшеніе въ немъ крѣпло.

IX.

Когда въ полку распространилась вѣсть о вчерашнемъ событіи, сперва не хотѣли вѣрить, что Сережа Горянцевъ отказался драться. Это было совершенно невозможно; это не вязалось съ его характеромъ. И какъ разъ за то, что такого поступка отъ Сережи ожидать было нельзя, на него обрушились всѣ, когда убѣдились, что все было именно такъ, какъ разсказывалъ Полабинъ. Вспышка презрительнаго негодованія охватила всѣхъ товарищей, разжигаемая этимъ самымъ Полабинымъ. Никто такъ озлобленно не выражался про Сережу, какъ именно онъ. Полабинъ сознавалъ, что слу-

чившаяся исторія можетъ задѣть, пожалуй, и его, и потому старался топить Сережу, чтобы тѣмъ лучше себя выгородить. Одинъ Борисъ Суздальскій за Сережу горячо заступился. Но даже авторитетъ Бориса не могъ побѣдить общаго настроенія. Съ Полабинымъ у него произошелъ обмѣнъ довольно колкихъ замѣчаній. Но въ первую минуту, въ пылу спора, всѣ пропустили мимо ушей оскорбительныя слова Бориса по адресу Полабина. Презрѣніе, долго копившееся въ душѣ Суздальскаго, вылилось теперь все. Полабинъ долго отмалчивался, пробуя свернуть объясненіе на шутку. Но когда Суздальскій сказалъ ему въ упоръ, что въ случившемся виноватъ онъ, и обозвалъ его поступокъ съ Софи Мендеръ подлостью, Полабинъ, сильно поблѣднѣвъ, отвѣтилъ сквозь зубы, что послѣ наединѣ переговоритъ обо всемъ этомъ съ княземъ.

Ровно въ два часа Горянцева вызвали къ полковому командиру. Полковой командиръ, всегда очень благоволившій къ Горянцеву, принялъ его съ выраженіемъ грустной строгости на лицѣ, преувеличенно любезно прося его разсказать все какъ было.

— Я вполнѣ могу довѣриться только вашимъ словамъ,—сказалъ онъ при этомъ.—Вы постоянно выказывали себя такимъ прекраснымъ офицеромъ, что... ну, словомъ, прошу ничего отъ меня не утаивать.

И онъ принялся слушать, а на лицѣ его, замѣчательно полномъ и здоровомъ, выраженіе строгой грусти все усиливалось. Сережа говорилъ сухо, сдержанно, точно дѣло шло не о немъ.

— И что̀ же вы намѣрены дѣлать? — съ неменьшею сухостью спросилъ командиръ, когда онъ кончилъ.— Меня увѣряли, будто вы не думаете воспользоваться своимъ правомъ на удовлетвореніе?

Онъ наклонилъ голову и, получивъ утвердительный отвѣтъ, продолжалъ:

— Видите ли, г. Горянцевъ! Я былъ всегда сторонникомъ миролюбивыхъ развязокъ, и, какъ вашъ на-

чальникъ, могъ бы радоваться подобной развязкѣ и теперь... Но вы понимаете, что дѣло получило такую огласку, и честь мундира, который мы съ вами оба носимъ...—Онъ видимо затруднялся высказаться прямо.

Сережа хотѣлъ-было разъяснить ему мотивы своего рѣшенія, но онъ вдругъ почувствовалъ, что это было совершенно невозможно.

— Я знаю, ваше превосходительство, чего требуетъ отъ меня мундиръ, и сегодня же подамъ въ отставку,— коротко отвѣтилъ онъ начальнику.

Это былъ первый безвозвратный шагъ на пути къ разрыву со всѣмъ его прошлымъ. Сережа зналъ, что за этимъ шагомъ быстро послѣдуетъ рядъ другихъ, и, не давая себѣ задуматься надъ будущимъ, онъ принялся за прошеніе. Не предвидѣлъ онъ того лишь, что̀ должно было случиться теперь же, пока онъ судорожнымъ почеркомъ заканчивалъ оффиціальную бумагу. Изъ передней донесся глухой женскій голосъ, и минуту спустя дама подъ густою вуалью вошла къ нему въ кабинетъ.

— Сережа, это правда, что̀ я слышала?—приподнимая вуаль и бросаясь къ нему, тревожно проговорила Вета.—Ты будешь драться?

Появленіе молодой женщины не только не обрадовало, но подлило новой горечи въ его переполненное сердце. Онъ понялъ вдругъ разомъ, что настоящая виновница случившагося — она, и что недавняя страсть вся, до послѣдней капли исчезла, и не возвратиться ей никогда. Онъ едва не отстранилъ отъ себя Вету.

— Ну, говори же! Разсказывай!—страстно прижималась она къ нему. — Какой ты странный сегодня!.. Ты забылъ, какъ вчера, еще вчера...

Ея губы жаждали сомкнуться съ его губами. Но Сережа не отвѣтилъ на ихъ нѣмую мольбу.

— Помню!—сказалъ онъ горько.—Слишкомъ хорошо помню! Ты хочешь знать все? Ну, изволь! Садись тутъ!— Онъ подвелъ ее къ дивану.

Она испуганно, скрестивъ руки, принялась слушать, впиваясь въ него горящими глазами.

— Очень нужно было изъ-за этихъ женщинъ впутываться въ такую исторію! И въ особенности изъ-за этой дуры Софи... Всѣ, вѣдь, знаютъ, что Равичъ—ея любовникъ! Что̀-жъ тутъ было скрывать? Напротивъ, было бы очень весело, еслибы она растерялась и надѣлала глупостей!

— А ты бы желала, — холодно проговорилъ онъ,— чтобы тебя сейчасъ кто-нибудь у меня засталъ?

— Я — и Софи Мендеръ! — обиженно воскликнула молодая женщина!..

— Конечно! Это совсѣмъ другое дѣло! Ты—добродѣтельная женщина!..

Онъ прямо ненавидѣлъ ее въ эту минуту.

— Сережа!—опять воскликнула она.

— Ну, а теперь я тебѣ скажу, что драться не буду! Ты довольна?

Она сама не могла бы сказать, вполнѣ ли она этимъ довольна. Инстинктъ, заставляющій каждую почти женщину втайнѣ предпочитать кровавыя развязки, заговорилъ въ ней. Она была почти разочарована.

— И знаешь, отчего я драться не буду? — продолжалъ Сережа.—Оттого, что пощечина Равича въ моихъ глазахъ—искупленіе за то, что̀ я сдѣлалъ вчера, за мой подлый поступокъ съ твоимъ мужемъ... И это „вчера“ не повторится болѣе, никогда не повторится!..

Она сперва не захотѣла вѣрить, хотя злоба блеснула на ея полудѣтскихъ чертахъ. Но Горянцевъ такъ недвусмысленно выказалъ ей не холодность только, а ненависть, какую она въ немъ возбуждала теперь, что Вета должна была, наконецъ, покориться и понять.

Она вышла съ отчаяніемъ и желаніемъ мести на душѣ.

А между тѣмъ она была единственнымъ существомъ, готовымъ выказать ему сочувствіе, несмотря на случившееся наканунѣ,—она и еще Борисъ Суздальскій.

И въ этотъ, и въ ближайшіе дни быстро посыпались на Сережу явныя доказательства полной утраты имъ прежняго блестящаго положенія въ петербургскомъ обществѣ. Товарищи избѣгали съ нимъ заговаривать, почти даже отъ него отворачивались. Многіе изъ знакомыхъ, встрѣчаясь съ нимъ на улицѣ, дѣлали видъ, что его не-знаютъ. Какой-то статскій господинъ, часто бывавшій у княгини Бетси и прежде въ немъ заискивавшій, не отдалъ ему даже поклона. Горянцевъ самъ пересталъ кланяться знакомымъ, все болѣе сторонясь отъ людей. Овладѣвавшее имъ чувство презрѣнія къ этимъ людямъ помогало ему выносить уколы самолюбія. Онъ какъ-то воодушевлялся даже гордымъ упоеніемъ борьбы съ обществомъ, среди котораго постоянно вращался за послѣдніе годы. Какъ разъ потому, что такъ быстро и незаслуженно рухнуло это положеніе, исчезла, какъ театральная декорація, окружавшая его мнимая дружба многочисленныхъ знакомыхъ, весь этотъ непрочный блескъ разомъ утратилъ для него всякую цѣну. Рѣшимость, какъ можно скорѣе покончить съ Петербургомъ надолго, быть можетъ, навсегда уйти въ свой родной уголъ, выросла у Сережи какъ-то сама собою. Надъ всѣмъ надо было поставить крестъ, въ томъ числѣ конечно, и надъ Варей Чертолиной. Онъ и не сомнѣвался, что невѣста поспѣшитъ къ нему повернуться спиной, и раздумывалъ, какъ бы ему самому сдѣлать первый шагъ къ разрыву. Но Чертолины его предупредили. Отъ Софьи Иларіоновны онъ получилъ въ четвергъ записку, въ которой она съ сожалѣніемъ извѣщала, что сынъ ея, семнадцатилѣтній гимназистъ, заболѣлъ корью, и вслѣдствіе того предположенный на воскресенье обѣдъ не состоится. Съ холодной усмѣшкой онъ разорвалъ на клочки раздушенную бумажку, не почувствовавъ даже сожалѣнія. Ему казалось, что, порывая одну за другой нити, связывавшія его съ Петербургомъ, онъ точно свободу себѣ возвращаетъ и выздоравливаетъ отъ заразившаго его повѣтрія. Борисъ

Суздальскій подкрѣплялъ его въ этомъ настроеніи. Онъ часто заходилъ къ нему въ первые три дня.

— Я тоже,—повторилъ Борисъ,—уѣду отсюда, если только...

Суздальскій не договорилъ.

Слухъ о его столкновеніи съ Полабинымъ не дошелъ еще до Сережи. Когда узнали въ полку, что Полабинъ вызвалъ князя, всѣ засуетились, на этотъ разъ добросовѣстно стараясь уладить дѣло. И Полабинъ далъ уговорить себя безъ труда. Онъ готовъ былъ удовольствоваться самымъ легкимъ извиненіемъ. Дуэль съ Суздальскимъ, даже при самомъ благопріятномъ исходѣ, была равносильна необходимости выйти изъ полка. Но ко всеобщему удивленію несговорчивымъ оказался Борисъ.

— Полабину было непріятно то, что я ему сказалъ,— неизмѣнно отвѣчалъ онъ на всѣ примирительныя попытки,—такъ пусть онъ теперь не уклоняется отъ дуэли, потому что я ни слова не возьму назадъ изъ сказаннаго мной, и, пожалуй, повторю это еще разъ.—И переговоры не повели ни къ чему. Дуэль должна была состояться въ четвергъ. Наканунѣ только узналъ про это Сережа, и тотчасъ бросился къ товарищу.

— Какъ! Ты изъ-за меня стрѣляешься! — воскликнулъ онъ. — Я этого не допущу! Позволь мнѣ занять твое мѣсто. Я вѣдь не трусъ, какъ ты, быть можетъ, думаешь, и я радъ буду держать этого мерзавца подъ дуломъ своего пистолета. А коли онъ меня убьетъ, туда мнѣ и дорога!

Но Борисъ про это и слышать не хотѣлъ.

— У меня давнишніе счеты съ Полабинымъ,—спокойно отвѣчалъ онъ.—Пора подвести имъ итогъ!

— Да ты пойми,—твердилъ Горянцевъ,—я съ Равичемъ не хотѣлъ драться, потому что эту дуэль мнѣ навязывали, какъ исполненіе формальнаго долга! Да и вовсе не нужна мнѣ была кровь этого человѣка!.. Я даже ненависти къ нему не испытываю никакой! А проливать чужую или свою кровь изъ-за формальныхъ причинъ—

нелѣпое безобразіе. Но Полабинъ — другое дѣло! Его дѣйствительно наказать надо!

— Ну, я его и накажу! Стрѣляю я, вѣдь, не хуже его! А потомъ, коли хочешь, если онъ останется живъ и невредимъ, твоя будетъ очередь!

И помѣшать дуэли Сережѣ не удалось. Исходъ ея вышелъ печальный: оба противника были ранены на смерть.

X.

Въ первыхъ числахъ марта Викторъ Николаевичъ Горянцевъ тревожно поджидалъ въ своей Ольшанкѣ сына. Изъ письма Сережи старый морякъ хорошенько разобрать не могъ, отчего это онъ вдругъ такъ неожиданно бросилъ службу, и Викторъ Николаевичъ, какъ ни радовался увидать сына, чуялъ что-то недоброе. А теперь, когда пріѣздъ Сережи почему-то затянулся, безпокойство его съ каждымъ днемъ росло. Но вотъ, наконецъ, пришла телеграмма съ извѣстіемъ, что Сережа будетъ на другой день съ утреннимъ поѣздомъ. Отецъ поѣхалъ его встрѣчать на станцію. Онъ горячо обнялъ сына единственною уцѣлѣвшею рукой, но, увидавъ его въ статскомъ, не могъ удержаться, чтобы не окинуть Сережу долгимъ вопрошающимъ взглядомъ.

— Послѣ, батюшка!—сказалъ молодой человѣкъ, сразу понявшій, что̀ означаетъ этотъ взглядъ.—Понемножку все вамъ объясню... А теперь вы мнѣ скажите про себя и про маму.

Они усѣлись въ тарантасъ, и Викторъ Николаевичъ коротко, будто нехотя, отвѣтилъ на торопливые разспросы Сережи, не переставая вглядываться въ него украдкою, какъ-то искоса. Что-то обидное ему чудилось въ самой одеждѣ сына. Безъ мундира Сережа казался ему далеко не такимъ молодцеватымъ красавцемъ, какъ въ послѣдній пріѣздъ. И старикъ не утерпѣлъ. До

Ольшанки было всего шесть верстъ, но они не успѣли проѣхать и половины, какъ Викторъ Николаевичъ уже прямо спросилъ:

— Такъ что-жъ! говори!.. Коли меня, отца твоего, стыдишься,—какъ тебѣ чужихъ было не стыдно? Все хочу знать! Слава Богу, не пугливаго я десятка! Въ Севастополѣ одиннадцать мѣсяцевъ подъ ядрами прожилъ... Имѣю, кажется, право требовать, чтобы единственный сынъ моей старой головы не срамилъ...

Сережа не утаилъ ничего. Но это признаніе едва ли не обошлось ему труднѣе, чѣмъ все, что̀ перенесъ онъ тамъ, въ Петербургѣ, за послѣднія недѣли. Онъ видѣлъ, какъ все ниже опускается сѣдая голова отца, какъ негодующія гнѣвныя восклицанія то-и-дѣло готовы у него сорваться и онъ сдерживаетъ ихъ лишь съ величайшимъ трудомъ.

— Какъ!—воскликнулъ онъ:—и ты далъ Суздальскому изъ-за тебя стрѣляться, и...

— Батюшка!—тихо перебилъ его Сережа.—Еслибы вы знали, что̀ перенесъ я, когда увидѣлъ Бориса раненымъ на смерть и присутствовалъ при его послѣднихъ минутахъ... Онъ промучился цѣлыхъ три дня, и хоть не вернулось къ нему полнаго сознанія, мнѣ все мерещился упрекъ въ его полуоткрытыхъ неподвижныхъ глазахъ... Я любилъ его какъ родного брата! А когда онъ изъ-за меня...—Слезы заглушили молодого человѣка.

— Нечего хныкать! ты не баба,—сурово отозвался Викторъ Николаевичъ, а у него самого навертывались слезы. Онъ бы не пережилъ, быть можетъ, Сережи, еслибы его постигла судьба Бориса. Но въ эту минуту старому моряку казалось, что легче было бы лишиться сына, чѣмъ услыхать, что онъ не захотѣлъ драться.

— Просто не понимаю,—твердилъ онъ про себя.—Въ мое время молодежь такъ не разсуждала.

— А какъ вы думаете, батюшка, легко мнѣ теперь? и много я выигралъ отъ того, что не подчинился обычаю? Смерть во сто разъ лучше того, что я перенесъ!

Старый морякъ не возражалъ. До Ольшанки они доѣхали молча. Мать Сережи, Катерина Ѳедоровна, не встававшая уже пятый годъ, встрѣтила сына съ открытою радостью, которой никакое иное чувство не мѣшало высказаться. Недоумѣніе мужа она не раздѣляла. „Кто знаетъ еще, — думалось ей,—увидала бы я сына до смерти, кабы не пріѣхалъ онъ теперь“! Близкая могила точно бросала на нее заранѣе предсмертную тѣнь; но въ этой тѣни ничего не было грустнаго или горькаго. Больная точно вся свѣтлѣла отъ ожиданія недалекаго конца. И Сережа, цѣлуя ее, на мигъ даже совсѣмъ позабылъ о своемъ личномъ горѣ. Передъ возможною утратою матери стушевалось и оно.

Дни потекли въ Ольшанкѣ мирные, спокойные, ровные. Жизнь будто не шла, а притаилась въ неподвижности, какъ иная, хоть и прозрачная, но тихая рѣка, на глади которой незамѣтно теченіе. Въ состояніи больной замѣтныхъ перемѣнъ не было. Она все такъ же покорно улыбалась, когда сынъ ее навѣщалъ. Викторъ Николаевичъ, не суетясь, занимался своими маленькими дѣлами, которыя были, въ сущности, настолько же чужія, какъ свои. Къ нему то-и-дѣло навѣдывался кто-нибудь изъ крестьянъ за совѣтомъ или съ просьбою разрѣшить сосѣдскій, либо семейный споръ. Викторъ Николаевичъ, никакой должности въ уѣздѣ не занимавшій, пользовался среди крестьянъ всеобщимъ довѣріемъ. Приходили въ Ольшанку за совѣтомъ и больные. Но это было уже не по части отставного моряка: завѣдывала этимъ племянница его Маша, которая и теперь, ставъ невѣстой, не забывала своихъ добровольныхъ медицинскихъ обязанностей. Счастье ея вообще глядѣло необыкновенно спокойнымъ и негромкимъ. Женихъ, котораго всѣ знавшіе его звали попросту Володей, хотя ему какъ разъ стукнуло тридцать, тоже казался очень скромнымъ, заурядным малымъ, изъ тѣхъ, которыхъ хвалятъ всѣ, потому что иного про нихъ сказать нечего. Володя наѣзжалъ каждый день, и всѣ

въ Ольшанкѣ были ему рады, хотя особеннаго ничего съ собою онъ не приносилъ. Сережѣ немного будничнымъ казалась эта слишкомъ уже незатѣйливая жизнь. И раза два онъ даже чуть-чуть подтрунилъ надъ кузиной Машей за чрезмѣрную невозмутимость и за страсть возиться съ больными. Но, услыхавъ ея кроткіе отвѣты, въ которыхъ и тѣни обидчивости не слышалось, Сережа устыдился своихъ насмѣшекъ. Ольшанка, правда, совсѣмъ не походила на Петербургъ съ его вѣчно суетливой толкотней, но, въ сущности, не было ли такъ лучше? Не здоровѣе, не чище ли былъ спокойный воздухъ, которымъ здѣсь дышалось?

И Сережа мало-по-малу входилъ во вкусъ этой неторопливо катившейся жизни. Вѣдь главное, настоящее въ ней было—миръ для себя и польза для другихъ. Пустою ее назвать было нельзя. И единственнымъ человѣкомъ въ Ольшанкѣ, не участвовашимъ въ ея тихомъ движеніи, оказывался Сережа. Онъ обрадовался было, впервые уловивъ въ себѣ зародившееся сочувствіе къ маленькимъ интересамъ окружавшихъ его людей. Стало быть, и онъ способенъ на безкорыстное, неэгоистическое чувство.

Но въ то же время сознаніе собственной безполезности его давило. Ему искренно хотѣлось принять участіе въ скромной работѣ маленькаго ольшанскаго улья. Но какъ взяться за дѣло? Всѣ мѣста въ этомъ ульѣ были заняты. И Сережѣ чувствовалось, что ему дадутъ работу такъ только, для виду, какъ даютъ ее новичку въ министерствѣ. Выходило такимъ образомъ, что даже въ незатѣйливомъ ольшанскомъ міркѣ для блестящаго петербуржца не оказывалось дѣла.

Весна, между тѣмъ, наступила, яркая, радостная, широкая. Быстро стаяли снѣга. Ручьи шумно побѣжали по оврагамъ, и какъ-то необыкновенно быстро, на глазахъ у всѣхъ зазеленѣли поля. И главная забота жителя деревни — состояніе этихъ полей радовало взоръ и сулило урожай. Сережа сразу понялъ, какою простою,

недвусмысленною становится здѣсь, въ деревнѣ, жизненная задача, которая одна общая у всѣхъ, задача—выростить и собрать всѣмъ необходимый хлѣбъ. Нѣтъ тутъ ни колебаній, ни вопросовъ, нѣтъ тутъ въ особенности лжи. И ему сильнѣе прежняго захотѣлось войти въ общую колею, стать помощникомъ отца.

Но тотъ какъ-то добродушно отклонялъ эти предложенія сына.

— Гдѣ тебѣ!—повторялъ Викторъ Николаевичъ.— Этого нельзя, вѣдь, сразу, не подготовившись!

И тайная обида просачивалась въ сердце молодого человѣка. Онъ принялся за чтеніе—кстати, въ Ольшанкѣ была довольно большая библіотека — надо было хоть этимъ наполнить время.

Скуки къ себѣ въ душу Сережа подпустить не хотѣлъ. Отецъ давалъ ему просимыя книги, но все-таки съ какой-то полу-скептическою улыбкою на губахъ.

— Да я, вѣдь, бывшій студентъ! Не забудьте, папа!— вырвалось какъ-то у молодого человѣка.—И не собираюсь я весь вѣкъ недорослемъ оставаться. Опредѣлюсь куда-нибудь, или въ земство пойду...

Викторъ Николаевичъ ничего не отвѣтилъ, но опять посмотрѣлъ на сына съ загадочнымъ сомнѣніемъ на лицѣ.

И такъ было неоднократно. Сережу особенно мучило это невысказанное безмолвное осужденіе. А теперь имъ приходилось какъ разъ чаще оставаться вдвоемъ. Послѣ свадьбы кузина Маша переѣхала въ усадьбу мужа, откуда она, правда, наѣзжала часто, но старинный уютный ольшанскій домъ все-таки глядѣлъ опустѣлымъ. И съ глазу на глазъ съ Викторомъ Николаевичемъ Сережѣ было еще тяжелѣе прежняго. Часто избѣгая даже глядѣть на отца, онъ чувствовалъ на себѣ скорбный, тяжелый взглядъ. И вотъ, разъ, въ первыхъ уже числахъ мая, Сережа какъ-то вдругъ спросилъ у Виктора Николаевича:

— А что̀, свадьба Вѣрочки состоялась?

— Нѣтъ, напротивъ! разстроилась, даже совсѣмъ!— коротко отвѣтилъ старый морякъ.

— Какъ же это? Отчего?—переспросилъ Сережа.

— Не знаю, право! А тебѣ что̀?

— Такъ!—на этотъ разъ отдѣлался уклончивымъ отвѣтомъ Сережа, и въ свою очередь спросилъ отца:

— А отчего вы совсѣмъ перестали видѣться съ Иванòмъ Ѳедоровичемъ?

— Довольно понятно!—сурово отозвался Викторъ Николаевичъ.

„Да, въ самомъ дѣлѣ,—сказалъ себѣ молодой человѣкъ.—Съ какой стати я этимъ интересуюсь“. Но лгать самому себѣ онъ не захотѣлъ, и сразу признался передъ собою, что встрѣча съ Вѣрочкою ему доставила бы удовольствіе.

И встрѣча эта состоялась скорѣе, чѣмъ онъ думалъ— на слѣдующій же день.

Раннимъ утромъ Сережа осѣдлалъ своего гнѣдого жеребца, привезеннаго изъ Петербурга, и шагомъ поѣхалъ въ сосѣднюю дубовую рощу, тянувшуюся какъ разъ вдоль межи Ивана Ѳедоровича. Нерадостныя думы клонили внизъ голову молодого человѣка. Не внималъ онъ и тихой прелести майскаго утра, точно разносившаго во всю ширь полей бодрящую улыбку весенняго солнца. Сквозь прозрачную бахрому разорванныхъ легкихъ облаковъ оно свѣтило, но не жгло, косыми еще лучами пронизывая нечастый дубовый лѣсъ и не разгоняя наполнявшей его душистой свѣжести. Вдругъ, издали еще, за поворотомъ дороги Сережа увидѣлъ шедшую къ нему навстрѣчу легкую фигуру. Не трудно было угадать, чьи это были упругіе, быстрые шаги, кто приближался къ нему въ свѣтломъ лѣтнемъ платьѣ. Онъ пришпорилъ лошадь и поскакалъ навстрѣчу къ Вѣрочкѣ. И сразу какъ-то у него просвѣтлѣло на сердцѣ. Давно онъ пересталъ думать о ней, какъ о близкомъ, миломъ существѣ, и послѣдняя ихъ встрѣча, годъ назадъ, оставила ему воспоминаніе, котораго приходилось

стыдиться. А между тѣмъ, самъ не зная почему, Сережа чувствовалъ, что въ забытой подругѣ дѣтства онъ встрѣтитъ именно то, чего не было теперь въ его жизни,—открытое, неподдѣльное сочувствіе.

И онъ не ошибся. Увидѣвъ Сережу, Вѣрочка посмотрѣла на него прямымъ взглядомъ своихъ тихо свѣтившихся глазъ, и золотые огоньки будто забѣгали по ея каримъ зрачкамъ. Горечи, упрека не было и тѣни на ея лицѣ, когда они поровнялись, и въ ея голосѣ, когда, протягивая руку, Вѣрочка отвѣтила на его первый вопросъ,—какъ это въ такой ранній часъ онъ встрѣчаетъ ее за цѣлыхъ двѣ версты отъ ихъ усадьбы:

— Я привыкла рано вставать—будто вы забыли, Сергѣй Викторовичъ?—и занята тѣмъ, что въ деревнѣ въ эту пору лучшее занятіе—попросту гуляю и на свѣжее утро любуюсь. У васъ въ Петербургѣ время привыкли терять посложнѣе, не правда ли? — добавила она, чуть-чуть засмѣявшись своимъ золотымъ голоскомъ.

Сережѣ вспомнилось вдругъ, что въ дѣтствѣ еще онъ именно такъ называлъ ея голосъ. — Ну, очень радъ,—отвѣтилъ онъ такъ же просто и открыто, соскакивая съ лошади и принимаясь ее привязывать къ дубовому суку.—Вы позволите съ вами пройтись—такъ, по старой памяти?

Она утвердительно качнула головкой и, подойдя къ лошади, сказала:—Какой онъ у васъ славный... и добрый, и умный, должно быть...

— Да, мы знаемъ другъ друга хорошо. Я съ нимъ разстаться не захотѣлъ, пріѣзжая сюда. Это единственный уцѣлѣвшій мой товарищъ.

— Един...—Она не договорила, понявъ, что готова коснуться больного мѣста въ его жизни, хотя до нея дошли только смутные слухи про то, что произошло въ Петербургѣ.

— Послушайте,—началъ онъ прямо, быстро поднимая наклоненную голову и вглядываясь ей въ лицо,—

мнѣ передъ вами скрывать нечего. Я вижу, вы меня щадить хотите, а мнѣ именно пощады-то и не нужно. Нужно мнѣ одно изъ двухъ—открытая вражда или открытая дружба. Можетъ быть, хотя я и нехорошій человѣкъ,—да, Вѣра, не качайте головой,—очень нехорошій,—можетъ быть, какъ разъ теперь я не совсѣмъ пересталъ заслуживать... дружбы.

Она не отвѣтила, догадавшись, что любой отвѣтъ будетъ неумѣстенъ, и постаралась только улыбкѣ своихъ глазъ придать что-то еще болѣе кроткое. Это былъ почти тотъ же взглядъ, что у доброй кузины Маши, только золотыя искорки и красиво изогнутая линія розовыхъ губокъ придавали ему что-то иное, болѣе цѣнное и не такъ ужъ заурядно доброе.

И Сережа разсказалъ ей свою исторію, разсказалъ то, по крайней мѣрѣ, что можно было повѣдать ея дѣвичьимъ ушамъ. Но дѣло было не въ подробностяхъ, а въ томъ, какъ взглянетъ она на чувство, руководившее имъ въ роковую минуту встрѣчи съ Равичемъ—на охватившую его вдругъ жажду искупить незаслуженнымъ оскорбленіемъ все совершенное имъ зло. Женщина это, быть можетъ, пойметъ: ей доступнѣе, чѣмъ мужскому сердцу, постичь добровольное отреченіе отъ права отмстить за себя. Многимъ дѣвушкамъ, конечно, эта странная жертва показалась бы унизительной. Она лишила бы въ ихъ глазахъ всякаго обаянія того, кто ее принесъ. Но Вѣрочка, быть можетъ, не такова. Насколько онъ знаетъ ее съ дѣтскихъ годовъ, ей, вѣдь, совершенно чужда всякая условность.

Дѣвушка слушала молча, слегка поникнувъ головкой, и краска понемногу выступала на ея изящно округленномъ личикѣ. Раза два, пока длился разсказъ, ее будто охватывало мгновенное волненіе, и, вздрогнувъ, она широко поднимала на молодого человѣка большіе, открытые глаза. Когда онъ кончилъ, она, скрестивъ руки и поблѣднѣвъ, вдругъ спросила:

— И неужели никто... Никто васъ тамъ, въ Петер-

бургѣ, не понялъ? Никто, кромѣ этого бѣднаго Бориса Суздальскаго?..

— Я нарушилъ обычай, Вѣра, а за обычай люди безпощаднѣе стоятъ, чѣмъ за убѣжденія... особенно, когда у нихъ послѣднихъ не водится... Да и легче, вѣдь, судить по внѣшности: я получилъ оскорбленіе и не дрался—стало быть, я трусъ. Это, по крайней мѣрѣ, очень несложно!

— Вы! Вы—трусъ? — воскликнула она. — Да стоитъ на васъ взглянуть хорошенько, чтобъ этому не повѣрить ни за что. Да неужели они не поняли тамъ, что страдать, какъ вы страдали,—это въ десять разъ хуже любой опасности!

О, какъ онъ былъ ей благодаренъ за эти искреннія слова!—Въ ихъ искренности онъ не сомнѣвался. То, чего онъ не нашелъ даже въ прямомъ, честномъ Викторѣ Николаевичѣ, сразу дала ему эта, оскорбленная имъ нѣкогда, простая деревенская дѣвушка.

— Благодарю васъ,—сказалъ онъ, горячо пожавъ ей руку и вглядываясь въ нее заблестѣвшими глазами, — вы мнѣ возвратили право себя не стыдиться, Вѣра.

— Вы этого права никогда не теряли,—было ея быстрымъ отвѣтомъ.—Да неужели же все дѣло въ чужомъ мнѣніи, а не въ голосѣ собственной совѣсти... для истинно честныхъ людей, по крайней мѣрѣ?

— Да, если бы всѣ думали, какъ вы...

— Многіе такъ думаютъ, я въ этомъ убѣждена... Не смѣютъ только высказать этого.

— Вы смѣете, потому что на это нужна та смѣлость, которая только у васъ, женщинъ, бываетъ,—и къ блеску его глазъ присоединилось теперь нѣчто иное, почти неуловимое, но снова вызвавшее краску на ея щекахъ.— Скажите,—рѣшился онъ вдругъ спросить, а они дошли уже до опушки лѣса и возвращались къ тому мѣсту, гдѣ произошла ихъ встрѣча,—когда я пріѣхалъ сюда, я слышалъ... что вы собираетесь...

Краска стала еще ярче на ея лицѣ, но она все-таки бодро отвѣтила, засмѣявшись даже:

— Выходить замужъ? хотѣли вы спросить.—Ну, да, это было и прошло,—какъ очень многое проходитъ. Я убѣдилась, что...—Вѣрочка запнулась на мигъ:—ну, просто, что мы съ женихомъ не сходимся характерами. И разстались мы очень мирно—я могла бы даже обидѣться такой спокойной развязкой.

Она проговорила это очень смѣло и быстро, но Сережа понялъ, какого труда ей стоили эти слова, въ которыхъ ему чувствовалась неполная правда. Молодой человѣкъ догадался, что его пріѣздъ не совсѣмъ былъ чуждъ новому рѣшенію Вѣрочки.

— Простите,—сказалъ онъ, и улыбка невольно проскользнула на его губахъ, — что я позволилъ себѣ коснуться вашей маленькой тайны.

— Мы товарищи дѣтства, полноте!—отвѣтила она, краснѣя.

— Ну, такъ еще одна просьба, Вѣра,—могу я пріѣхать къ вамъ, въ Теплое... могу я проводить васъ туда, хоть сейчасъ вотъ?

— Сейчасъ?—она показалась удивленной его вопросомъ:—ну, да, да, разумѣется—можете...

И когда они дошли до того мѣста, гдѣ была привязана лошадь, Сережа взялъ ее подъ уздцы и продолжалъ идти рядомъ съ дѣвушкой по дорогѣ къ усадьбѣ Ивана Ѳедоровича. Легкое кружево облаковъ теперь исчезло, солнце поднялось выше. Оно глядѣло прямо на молодыхъ людей, и обоимъ имъ казалось, что радостное свѣтило поднялось и надъ ихъ недавно еще затуманенной жизнью.

ИСКУПЛЕНІЕ.

РОМАНЪ.

К. Головинъ (К. Орловскій).

ИСКУПЛЕНІЕ.

РОМАНЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Спб. Т-ва Печатн. и Издат. дѣла „Трудъ". Фонтанка, 86.
1902.

Wenn man das Böse thut, sieht man für klein es an;
Mann sieht, wie gross es ist, erst wenn es ist gethan.
Rückert.

I.

Майское солнце опускалось въ сѣрыя волны Финскаго залива, и пронзительный сѣверный вѣтеръ, тоже совершенно майскій, шумѣлъ въ свѣжихъ вѣтвяхъ едва зеленѣвшихъ деревьевъ, всегда недовѣрчивыхъ къ петербургской веснѣ. На Елагинской стрѣлкѣ въ тотъ вечеръ было немного гуляющихъ, и эти немногіе безуспѣшно боролись съ пробиравшею ихъ дрожью, да боязливо поглядывали на зловѣщую тучу, нависшую надъ узкою полосой багроваго заката. И съ моря, и съ блѣдно-голубого неба вѣяло стужей.

Въ числѣ прочихъ, молодой человѣкъ довольно высокаго роста крупными отрывистыми шагами ходилъ взадъ и впередъ по берегу. Онъ защищался отъ стужи какъ могъ, наглухо застегнувъ свое лѣтнее пальто; его красивое продолговатое лицо даже слегка посинѣло отъ холода. Знакомыхъ у него тутъ не было; по крайней мѣрѣ онъ не обмѣнивался поклонами съ немногими бывшими тутъ молодыми людьми.

„Хороши, нечего сказать, петербургскія удовольствія“, пробормоталъ онъ, усиливая шагъ, чтобы согрѣться, „въ особенности послѣ Италіи!“ Но лицо его не выражало при этомъ неудовольствія или скуки. И въ открытомъ взглядѣ карихъ глазъ, и на совершенно прямыхъ, немного крупныхъ, но красивыхъ губахъ, была та неизмѣнная полуулыбка, которая свидѣтельствуетъ о томъ, что человѣку живется легко, что жизнь предъ нимъ лежитъ

скатертью,—и всегда лежала. Было въ нихъ еще нѣчто,—та особенная, чисто-русская смѣсь немного вялаго добродушія съ легкою насмѣшливостью, такъ долго сохраняемая людьми, которые не встрѣтили въ жизни ни особыхъ разочарованій, ни особенной борьбы.

Рѣдкія коляски, обладательницы которыхъ считали обязанностью любоваться хмурымъ закатомъ, стали однако уѣзжать одна за другой, и нашъ герой тоже собирался отыскать свои дрожки, какъ вдругъ, на дорогѣ къ ново-деревенскому мосту, онъ остановился какъ вкопанный. Тутъ, за группой деревьевъ, стояла одинокая коляска, и должно-быть лицо сидѣвшей въ ней дамы было ему очень знакомо, такъ какъ онъ быстро повернулся къ ней и, приподнявъ шляпу, радостно воскликнулъ:

— Софья Сергѣевна, вы? А я здѣсь уже съ полчаса мерзну и не догадывался, что вы такъ близко!

— Орленевъ! почти въ то же мгновеніе вырвалось и у нея, и ея рука живо протянулась къ нему. На лицѣ ея въ одинъ мигъ смѣнилось нѣсколько послѣдовательныхъ впечатлѣній. Лицо это, строгое, немного исхудалое, вдругъ озарилось радостнымъ лучемъ при восклицаніи молодого человѣка. Но лучъ этотъ тотчасъ же угасъ, и по ея тонкимъ чертамъ будто пробѣжало тяжелое воспоминаніе. Она однако тутъ же его отогнала; по крайней мѣрѣ, легкая морщина на ея лбу мгновенно исчезла и черты приняли ровное привѣтливое выраженіе.

— Вы давно здѣсь?—спросила она.

— Я третьяго дня пріѣхалъ.

— И вчера уже про *насъ* вспомнили? Вотъ это мило!

Опытное ухо примѣтило бы въ небольшомъ словѣ „насъ“ преднамѣренное и слегка ироническое удареніе, въ отвѣтъ на которое веселая улыбка показалась на лицѣ Орленева.

— Еще бы! Вы мой лучшій другъ въ Петербургѣ,—

конечно, „другъ“,—настаивалъ онъ, увидя, что она погрозила ему пальцемъ.

— Вы надолго здѣсь? Что вы намѣрены дѣлать?—быстро разспрашивала она.—Прошу разсказывать все какъ слѣдуетъ, по порядку.

— Да развѣ я знаю? Вы помните мою всегдашнюю неохоту заглядывать въ будущее. Сегодня я здѣсь, а надолго ли, Богъ вѣсть. Вотъ я вамъ лучше что-нибудь разскажу изъ прошлаго за эти длинныя пять лѣтъ, которыя мы съ вами...

— Которыя вы провели за границей,—немного сухо перебила она и глаза ихъ вдругъ встрѣтились, и будто многое передали другъ другу, что не было высказано на словахъ, но что было такъ понятно для обоихъ. Они оглянули другъ друга, какъ бы желая увѣриться, что за слѣды эти пять лѣтъ оставили на ихъ лицахъ.

Тонкія черты Софьи Сергѣевны не только остались красивыми, онѣ казались еще лучше, еще изящнѣе выточенными, какъ будто надъ ними работалъ рѣзецъ великаго мастера. Но жизнь онѣ за то утратили. Казалось, онѣ окончательно сложились и замерли. Красота не оставила ихъ, но это была неподвижная сухая красота.

Все это Орленевъ въ одинъ мигъ прочелъ на ея лицѣ, и живо воскресъ предъ нимъ образъ той женщины, какою онъ зналъ ее прежде. А ея взглядъ, между тѣмъ, вынесъ о немъ совершенно иной приговоръ. Его черты тоже опредѣлились и стали рѣзче, крупнѣе; но говорили онѣ про здоровье и силу, про увѣренность въ себѣ и въ своемъ будущемъ. Тѣ самые годы, которые унесли съ собою ея молодость, сдѣлали изъ него вполнѣ зрѣлаго мужчину, бодро выступающаго по торной жизненной дорогѣ.

— Я уже знаю изъ вашихъ писемъ, продолжала она,—что вамъ въ Италіи жилось хорошо, и съ удовольствіемъ вижу, что вы меня не обманывали.

Слова были сказаны ласково, но во взглядѣ, сопровождавшемъ ихъ, какъ будто читался укоръ.

— Какъ вамъ сказать? На это отвѣтить трудно, я вѣдь, не изъ тѣхъ, которые постоянно задаютъ себѣ вопросы, хорошо ли имъ, или нѣтъ.

— Да, вѣдь, это самое лучшее доказательство полнаго счастія. Однако,—прибавила она, плотнѣе закутываясь,— становится все холоднѣе. Куда вы отсюда?

— Я просто въ городъ собирался.

— Въ такомъ случаѣ я васъ довезу. Садитесь. Если насъ встрѣтятъ мои знакомые, они васъ примутъ, я въ томъ увѣрена, за племянника, котораго я собираюсь вывозить. Что-жъ? Каждый возрастъ имѣетъ свои преимущества.

Орленевъ молча сѣлъ рядомъ съ нею. Коляска тронулась.

— Я, въ самомъ дѣлѣ, очень, очень рада васъ снова видѣть здѣсь, и, главное, васъ видѣть такимъ же добрымъ и веселымъ, какимъ вы были прежде.

— Вы, кажется, очень скоро все это во мнѣ нашли,— смѣясь возразилъ Орленевъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не ошибаюсь. Это сейчасъ замѣтно. Вы не хандрите, не злитесь, и слава Богу. Пять лѣтъ отсутствія хоть кого измѣнятъ и я, признаюсь, всегда немного боялась нашей встрѣчи.

— Да неужели вы могли думать, что мое чувство къ вамъ...

— Пожалуйста, не забывайте,—шутливымъ голосомъ остановила она его,—что я для васъ старшій другъ,— и только. Ни о какомъ иномъ чувствѣ не можетъ быть и рѣчи. Неужели это такъ трудно послѣ всего того, что вы мнѣ торжественно обѣщали, помните, пять лѣтъ назадъ? Я мать семейства. У меня взрослая дочь.

— А я и забылъ спросить васъ про Настю. Да ей теперь скоро семнадцать лѣтъ. А я такъ недавно ее носилъ на рукахъ! Что, она также мила теперь, какъ была ребенкомъ?

— Современемъ, года черезъ два, изъ нея, я думаю,

что-нибудь выйдетъ. А пока она все еще ребенокъ. Да вотъ, вы увидите.

— И чѣмъ дольше она будетъ такой, тѣмъ лучше. А Петръ Михайловичъ все государственнымъ человѣкомъ глядитъ?

— Мужъ работаетъ еще болѣе прежняго,—немного сухо отвѣчала она.—Впрочемъ, онъ не измѣнился ни на волосъ. Вы, однако, все меня разспрашиваете, Орленевъ, а про себя, кажется, соблюдаете дипломатическую тайну?

Орленевъ сталъ говорить о своей жизни за границей, но связнаго разсказа изъ его словъ все-таки не вышло. Люди, встрѣчающіеся послѣ долгой разлуки, рѣдко умѣютъ сразу передать другъ другу все пережитое ими. Разговоръ то и дѣло уклонялся въ сторону, и Софья Сергѣевна, казалось, слушала Орленева съ такою непринужденною веселостью, что онъ мало-по-малу увлекся и перешелъ на богатую тему игривыхъ анекдотовъ.

— У васъ, однако,—перебила она его,—замѣчательно счастливый характеръ. Какъ за эти пять лѣтъ, и въ ваши годы, ни одного такого воспоминанія, которое бы хотя нѣсколько отзывалось драмой?

— Да почему вы знаете?—смѣясь возразилъ онъ.

— Можетъ-быть, конечно! Впрочемъ, нѣтъ, я по вашимъ глазамъ вижу, что нѣтъ; завидная жизнь, въ самомъ дѣлѣ! А знаете что, Орленевъ, вы, въ сущности, сами того не подозрѣвая, полнѣйшій эгоистъ.

— Еще бы! Вы только теперь догадались?

— Нѣтъ, вы не притворяйтесь, вы самый безсознательный и въ то же время самый милый эгоистъ. Вы мухи не обидите, это правда, но вы и не полюбите никогда.

— Не полюблю? И вы мнѣ это говорите, вы!—Это восклицаніе у него вырвалось полусерьезнымъ, полушутливымъ тономъ. Но во взглядѣ, которымъ его вдругъ смѣрила Софья Сергѣевна, было столько горечи, что у него прошла охота смѣяться. Они промолчали нѣсколько минутъ.

— Ну, а когда вы думаете жениться?—вдругъ спросила она.

— Вотъ неожиданный вопросъ!

— Вопросъ, на который меня уполномочиваетъ старинная дружба. Знайте, что я буду отнынѣ хлопотать о вашей женитьбѣ. Куда вы собираетесь лѣтомъ?

— Въ деревню, разумѣется; я столько времени тамъ не бывалъ.

— Ну такъ обѣщайте же мнѣ, когда вы справитесь съ дѣлами, пріѣхать къ намъ въ Покровское недѣли на три. Я уѣзжаю черезъ нѣсколько дней. Вы увидите любопытное зрѣлище,—моего мужа въ качествѣ сельскаго хозяина.—Говоря это, она опять казалась веселой.

— Къ вамъ? на три недѣли?

— Вы боитесь скуки или чего-нибудь иного?

— Я, вы знаете, не трусливаго десятка,—возразилъ онъ, подражая ея шутливому тону.

— Ну, такъ вы докажите это и пріѣзжайте. Отвѣтственность будетъ лежать на мнѣ.

Они переѣхали мостъ, коляска повернула къ Литейной.

— Я не могу сегодня просить васъ къ себѣ,—сказала она,—я обѣщала княгинѣ Старобѣльской быть у нея вечеромъ. Хотите поѣхать туда со мной?

— Помилуйте, такъ вдругъ, послѣ пятилѣтняго отсутствія! За кого меня примутъ? Я лучше попрошу васъ меня высадить здѣсь. Я живу у Вологдина. Завтра я непремѣнно заверну къ вамъ.

Они разстались, и Орленевъ направился пѣшкомъ къ квартирѣ своего пріятеля Вологдина.

II.

Мало на свѣтѣ вещей, на которыхъ лежалъ бы такой отпечатокъ непривѣтливости и скуки, какъ на жильѣ холостяка, и притомъ не молодого, когда въ него вступаешь

въ отсутствіе хозяина. И стулъ не поставленный на мѣсто, и брошенная недочитанная газета, и окурокъ сигары на каминѣ,—во всемъ этомъ какая-то неряшливая торопливость, какое-то безпричинное нетерпѣніе. Все это ясно говоритъ, что здѣсь хохочутъ, курятъ, спятъ, но не живутъ люди; что это лишь временный ночлегъ, какъ почтовая станція, какъ дорожная палатка.

Ни роскошь, ни комфортъ не могутъ изгладить этого впечатлѣнія. Какъ бы мягки ни были кресла, какъ бы изящны ни были украшенія, они не сдѣлаютъ изъ этой кочевой стоянки уютнаго привѣтливаго жилья. Орленеву живо представилось все это, когда онъ вошелъ въ красивый кабинетъ Вологдина. Хозяина не было дома. Кто же сидитъ у себя въ майскій вечеръ? Часы лѣниво стучали на каминѣ, старинное оружіе висѣло надъ кавказскою тахтой; какой-то старикъ, настоящее произведеніе фламандскаго мастера, хмурился въ золоченой рамкѣ, и всѣ эти предметы, дорогіе и изящные, какъ будто спрашивали другъ у друга: зачѣмъ и для кого насъ собрали здѣсь, и кому дѣло до того, что мы почтенны лѣтами, и надъ нами когда-то, очень давно, работала искусная рука? Холодно было на улицѣ въ этотъ весенній вечеръ, но холоднѣе показалось Орленеву въ кабинетѣ пріятеля, несмотря на мягкій коверъ и на термометръ, показывавшій 15°. Непріятно проводить вечерніе часы въ гостинницѣ, среди чужого города, куда васъ только-что занесъ поѣздъ желѣзной дороги.—Но еще непріятнѣе вынужденное, незанятое одиночество у себя дома. Даже на Орленева, не знавшаго хандры, повѣяло скукой. Онъ спросилъ чаю и помѣстился съ газетой въ покойномъ креслѣ. Но газета осталась нечитанною. Серебряный англійскій самоваръ долго и напрасно шипѣлъ; Орленевъ не дотронулся до поданной ему саксонской фарфоровой чашки. Мысль его была занята женщиной, съ которою онъ только-что разстался, она уносила его далеко, въ прежніе годы; чарующіе образы первой молодости воскресали предъ нимъ одинъ

за другимъ, и среди этихъ милыхъ, но поблекшихъ воспоминаній какой-то полунасмѣшливый голосъ будто дразнилъ его вопросомъ: „ну, а когда вы думаете жениться“? И невольно его воображеніе останавливалось на немъ, рисуя ему иныя, но тоже заманчивыя картины. Обстановка холоднаго, хотя и роскошнаго одиночества этой комнаты вызывала въ немъ смутную потребность спокойнаго, осѣдлаго счастья, которое съ собой приноситъ одна семейная жизнь.

Пока нашъ герой увлекается призраками минувшихъ годовъ попробуемъ и мы вслѣдъ за нимъ заглянуть въ его прошлое. Это прошлое не было особенно богато событіями, но и отдѣльные люди не менѣе народовъ счастливы, когда у нихъ нѣтъ исторіи. И въ самомъ дѣлѣ, съ ранняго дѣтства судьба баловала его, но къ счастью для него не избаловала. Евгеній Орленевъ былъ единственнымъ сыномъ очень достаточныхъ родителей; не мудрено, что они въ немъ души не чаяли, что отецъ и мать равно старались напередъ сравнять и вымостить для него жизненную дорогу. Да и ребенокъ былъ изъ тѣхъ, отъ которыхъ всегда бываютъ безъ ума родители. Евгеній былъ одаренъ такимъ запасомъ ласковой веселости, что всѣ въ домѣ его обожали,—и прислуга, и даже чужіе, для которыхъ балованный мальчикъ обыкновенно бываетъ истиннымъ бичемъ. Очень счастливыя дѣти становятся заносчивыми, самолюбивыми до крайности, и въ концѣ-концовъ непригодными для жизни. Но съ Евгеніемъ этого не случилось. Теплое солнце, которое ему свѣтило, не развило въ немъ этихъ сорныхъ травъ. Онъ шелъ на встрѣчу ко всѣмъ, съ кѣмъ ни знакомился, какъ будто само собой разумѣлось, что имъ и ему сближеніе можетъ принести только одно хорошее. И странное дѣло, ему не случалось разочароваться въ людяхъ, быть-можетъ потому, что онъ многаго отъ нихъ не требовалъ. Какое-то чутье помогало ему избѣгать тѣхъ, которые могли не поддаться обаянію его свѣтлаго нрава.

Немудрено, что столкновеній у него не было ни съ кѣмъ: онъ не любилъ злословить, не осмѣивалъ никого, въ спорѣ не старался убѣдить противника, какъ скоро замѣчалъ, что тотъ начинаетъ горячиться. Для всего этого онъ былъ слишкомъ равнодушенъ и къ чужимъ мнѣніямъ, и къ чужимъ слабостямъ.

Евгеній выработалъ себѣ особенный взглядъ на жизнь, всего лучше, какъ онъ думалъ, обезпечивающій счастье. Слѣдуетъ жить настоящимъ, говаривалъ онъ, не оглядываясь назадъ и не слишкомъ заглядывая впередъ. Когда оно хорошо, слѣдуетъ его удерживать какъ можно дольше; когда дурно — стряхивать съ себя, какъ дождевыя капли съ одежды. И эта система ему удавалась; вся жизнь его была рядомъ „настоящихъ“ минутъ, связанныхъ между собою чувствомъ отвращенія ко всему, что приноситъ тревогу или досаду.

Въ Москвѣ, гдѣ протекла молодость Евгенія, полгорода были въ родствѣ съ семьей Орленевыхъ. Евгеній выросъ въ привольномъ кругу обширной родни и не избѣжалъ общей участи: пятнадцати лѣтъ онъ былъ по уши влюбленъ въ свою троюродную сестру, девятнадцатилѣтнюю Соню Арбатову. Его первая любовь, какъ оно почти всегда и бываетъ, была лишь робкимъ, но восторженнымъ боготвореніемъ высшаго существа. Соня, выѣзжавшая уже второй годъ, была тогда въ полномъ цвѣту своей правильной, немного холодной красоты; тѣмъ не менѣе она, царица тогдашнихъ московскихъ баловъ, снисходительно принимала дань своего юнаго поклонника. Эта первая вспышка полудѣтской страсти не оставила, конечно, глубокихъ слѣдовъ въ душѣ молодого человѣка; самъ герой этого невиннаго романа, мирно законченнаго замужествомъ Сони, думалъ, вѣроятно, что отъ него останется лишь сладкое воспоминаніе о прежнихъ ребяческихъ грезахъ. Но судьба рѣшила иначе: все это было однимъ предисловіемъ къ будущей завязкѣ. Цѣлыхъ пять лѣтъ молодые люди не видались и до Евгенія доходили лишь смутные слухи

о томъ, что его дорогая Соня — одна изъ самыхъ блестящихъ молодыхъ женщинъ петербургскаго свѣта.

Прямо съ университетской скамьи Евгеній отправился за границу, гдѣ пробылъ болѣе года. Его отецъ, большой поклонникъ англійскихъ нравовъ, считалъ такое путешествіе необходимымъ довершеніемъ воспитанія. Евгенію оно выяснило его призваніе. Съ ранняго дѣтства въ немъ сильно звучала чуткая ко всѣмъ впечатлѣніямъ артистическая струнка. Но быть можетъ потому именно, что его первыя робкія попытки встрѣчали не отпоръ, а громкое одобреніе со стороны близкихъ, онъ немного стыдился своего молодого таланта и не вѣрилъ въ свои силы. Новая природа, новый міръ искусства, вдругъ охватившій его за границей, открыли ему глаза. Выйдя въ первый разъ изъ Palazzo Pitti, онъ вдругъ почувствовалъ себя художникомъ и со страстью молодости отдался искусству. Онъ работалъ много, безпорядочно бродилъ по мастерскимъ, искалъ совѣтовъ и, что всего рѣже, слушался ихъ.

Рядъ неудачныхъ опытовъ еще усилилъ его стремленіе впередъ, и когда двадцати трехъ лѣтъ Орленевъ изъ Италіи пріѣхалъ въ Петербургъ, онъ былъ, конечно, новичкомъ, ему не доставало школы, но въ его произведеніяхъ была та творческая искра, которую школа дать не въ состояніи. Онъ для виду зачислился на службу, но жить онъ хотѣлъ только для своей кисти.

Въ Петербургѣ онъ, разумѣется, поспѣшилъ къ своей блестящей кузинѣ, и невольный трепетъ овладѣлъ имъ, когда онъ въ ея прихожей дожидался пока его примутъ. Каждый, кому случалось послѣ нѣсколькихъ лѣтъ разлуки встрѣтиться съ женщиной, любимой въ золотые годы первой молодости, знакомъ съ этимъ чувствомъ; въ немъ есть отголосокъ милыхъ воспоминаній и боязнь увидѣть свой бывшій идеалъ разбитымъ, и неопредѣленное ожиданіе будущихъ тревогъ. Орленевъ засталъ у Софьи Сергѣевны многочисленное общество. Всѣ эти незнакомые ему люди казались очень оживленными; во

всѣхъ углахъ гостиной болтали, курили, смѣялись. Недопитыя кофейныя чашки показывали, что едва успѣли отзавтракать, хотя было почти три часа. Хозяйка дома пошла навстрѣчу къ Орленеву и приняла его радушно, какъ бы по-товарищески. Его поразила спокойная увѣренность въ себѣ, сквозившая въ ея голосѣ и движеніяхъ.

Нелегко сразу освоиться въ кругу незнакомыхъ людей очень короткихъ между собою. Орленевъ долго не могъ освободиться отъ этого неловкаго ощущенія, несмотря на то, что Софья Сергѣевна всячески его ободряла. Обстановка, среди которой онъ засталъ ее, производила на него странное, почти тяжелое впечатлѣніе. Развязный тонъ, допущенный въ ея домѣ, ея товарищеское обращеніе съ бывшею тутъ молодежью казались ему чуть ли не поруганіемъ святыни. Не такою представлялась она его воображенію, не такимъ рисовалъ онъ себѣ ея свѣтлый образъ, въ какомъ явилась предъ нимъ теперь эта вѣтреная, насмѣшливая и всетаки прелестная женщина. Ему чудилось, что идеалъ его развѣнчанъ: небесно-чистое существо, увы, стало земнымъ, и въ то же время безпокойный, мишурный блескъ, окружавшій ее теперь, имѣлъ для него какую-то необъяснимую притягательную силу.

Вернувшись къ себѣ Орленевъ твердо рѣшился не бывать больше у своей кузины. Онъ былъ вполнѣ разочарованъ въ ней, такъ онъ по крайней мѣрѣ думалъ, и бранилъ себя за свое раздраженіе. Какое ему было дѣло до этой госпожи и не все ли ему равно, что предметъ его давно забытой страсти принялъ непривлекательный для него образъ столичной львицы? И въ то же время его манили къ себѣ ея черные страстные глаза и вызывающая безпокойная красота ея подвижного лица, ея насмѣшливыхъ губъ. Конечно, она не походила на дѣвушку, которую онъ прежде любилъ; но кто знаетъ, промѣнялъ ли бы онъ ея тревожное обаяніе на прежнее спокойствіе ея дѣвственной красоты?

Онъ, однако, не возвращался къ ней, пока случай ихъ не свелъ на выставкѣ картинъ. Она такъ мило и откровенно упрекала его за долгое отсутствіе, что устоять, очевидно, было нельзя. И страннымъ образомъ, это легкомысленное существо, какъ онъ называлъ ее про себя, выказало такое серьезное пониманіе живописи и такъ заинтересовалось его собственными опытами, что вполнѣ сбило съ толку сложившееся въ немъ мнѣніе. Онъ долженъ былъ обѣщать принести ей свои этюды и, разумѣется, сдержалъ слово на другой же день. Онъ засталъ ее одну. Два часа пролетѣли въ самой оживленной бесѣдѣ, и онъ оставилъ ее, очарованный мѣткостью ея ума и полнымъ отсутствіемъ всякой принужденной условности.

Съ этого дня онъ сдѣлался постояннымъ гостемъ въ ея домѣ и сталъ, самъ того не замѣчая, все живѣе интересоваться разгадкой противорѣчій, которыми, казалось, была такъ богата ея подвижная натура. Софья Сергѣевна, разумѣется, очень скоро примѣтила, какое впечатлѣніе она производитъ на молодого художника. Ей нравилось его робкое поклоненіе, въ которомъ она и не думала подозрѣвать опасность. Ея чувство къ нему было снисходительною привязанностью старшей сестры, а онъ, между тѣмъ, какъ всѣ очень молодые люди, наслаждался сознаніемъ своей покорности и ея неизмѣримаго превосходства. Одно его тревожило: среди кажущагося оживленія ея жизни онъ подмѣчалъ несомнѣнные признаки усталости и недовольства; чутье ему подсказывало, что она несчастлива. Нѣсколько разъ ему случалось увидать на ея лицѣ слѣды недавно пролитыхъ слезъ, и въ немъ загоралось негодованіе противъ всего того, что могло вносить огорченіе въ ея жизнь, противъ мужа, не умѣвшаго беречь и защищать ее.

Страннымъ въ особенности, даже ненавистнымъ казался ему этотъ мужъ. Петръ Михайловичъ Криницкій, повидимому, стоялъ какъ-то въ сторонѣ отъ жены. Онъ рѣдко, и то на короткое время, присутствовалъ на ея

пріемахъ. Онъ не мѣшалъ ей конечно; но за то въ его всегда ровномъ беззвучномъ голосѣ нельзя было уловить и тѣни чувства, когда онъ обращался къ женѣ. Въ его отношеніяхъ къ ней не было, правда, и слѣда деспотизма. Но отчего же тогда,—спрашивалъ у себя Евгеній,—онъ такъ замѣтно сторонится отъ нея? Отчего онъ допускаетъ, чтобъ она окружала себя цѣлой ордой самой пустой молодежи? Отчего, наконецъ, она плачетъ? Онъ готовъ былъ потребовать отчета въ этихъ слезахъ у этого безсердечнаго мужа, у всѣхъ обычныхъ посѣтителей ея дома; всѣхъ ихъ онъ равно ненавидѣлъ.

Въ числѣ этихъ посѣтителей былъ, впрочемъ, одинъ, который все это подмѣчалъ такъ же, какъ Евгеній, но которому знаніе жизни подсказывало отвѣты на эти недоумѣнія. Это былъ Алексѣй Николаевичъ Вологдинъ, молодой дипломатъ, лѣтъ тридцати, извѣстный въ Петербургѣ какъ одинъ изъ самыхъ острыхъ и безпощадныхъ насмѣшниковъ. Всѣ его принимали охотно, хотя въ сущности никто терпѣть не могъ. Вологдинъ зналъ это очень хорошо и становился оттого еще болѣе желчнымъ. Этотъ съ виду безсердечный человѣкъ былъ влюбленъ безъ памяти въ Софью Сергѣевну, но чувство свое онъ бережно скрывалъ: онъ слишкомъ былъ увѣренъ, что любовь его встрѣтятъ только насмѣшкой. А между тѣмъ онъ ясно сознавалъ, что въ жизни Софьи Сергѣевны готовится роковой поворотъ.

Разъ, Орленевъ, войдя къ ней безъ доклада, засталъ ее въ одну изъ тѣхъ минутъ, когда женщина бываетъ не въ силахъ побороть свое волненіе. Она и не думала скрывать отъ него своихъ слезъ. Полная безпомощность выражалась на ея блѣдномъ лицѣ. Онъ потерялъ голову, и будто повинуясь чужой силѣ опустился предъ ней на колѣни и страстнымъ движеніемъ притянулъ ея руку къ своимъ губамъ.

— Софья Сергѣевна, что съ вами? Вы несчастны, давно, давно я объ этомъ догадывался...

Ея волненіе передалось ему. Въ голосѣ его слышались слезы. Она не отняла своей руки. Ей было хорошо отъ близости человѣка, беззавѣтно, рабски ей преданнаго.

Онъ почти шопотомъ повторилъ свой вопросъ, лаская ее своимъ мягкимъ голосомъ, какъ мать, старающаяся успокоить больного ребенка.

— Встаньте, Орленевъ, вы сумасшедшій, проговорила она, между тѣмъ какъ онъ продолжалъ цѣловать ея похолодѣвшія руки.

— Неужели вы не знаете, что я давно люблю васъ! воскликнулъ онъ. — Я отдалъ бы свою жизнь, чтобъ оградить васъ отъ всякаго горя!

Это признаніе было такъ неожиданно, оно такъ захватило ее врасплохъ, что она не успѣла опомниться и остановить его. Страннымъ образомъ, она и не думала сердиться на него. Она считала его такимъ молодымъ и неопытнымъ въ сравненіи съ собой, что любовь его казалась ей чѣмъ-то вродѣ сыновней привязанности.

— Сядьте, Орленевъ, успокойтесь, повторяла она нѣсколько разъ;—вы злоупотребляете тѣмъ, что застали меня въ такую минуту. Ну вотъ, если вы непремѣнно того хотите, я буду откровенна съ вами, какъ не была ни съ кѣмъ. Но только не дѣлайте такихъ нелѣпыхъ ребяческихъ сценъ.

Она улыбалась, говоря это, она продолжала считать его чуть не мальчикомъ, а между тѣмъ, еслибъ она прислушалась къ учащенному біенію своего сердца, Софья поняла бы, какъ дорога ей стала преданность этого мальчика.

Откровенность, которую она ему обѣщала, была очень загадачнаго свойства. Другой на его мѣстѣ, конечно, ясно понялъ бы ея несвязныя слова. Орленевъ въ нихъ услышалъ лишь то, что его дорогая Соня несчастна и что ему выпала радостная доля ея утѣшителя. Съ него этого было слишкомъ достаточно; онъ и не допытывался до настоящихъ причинъ ея горя и, уходя отъ

нея, онъ ничего не зналъ о ея внутренней жизни, но за то онъ пріобрѣлъ несомнѣнное право быть свидѣтелемъ ея слезъ.

Эти новыя, довольно невинныя отношенія продолжались долго, не приводя ни къ какой развязкѣ.

Снисходительное довѣріе съ одной стороны, восторженная преданность съ другой, долго скрадывали отъ обоихъ случившуюся перемѣну. Евгеній, самъ того не зная, все болѣе пріобрѣталъ господство надъ ней; она съ каждымъ днемъ утрачивала передъ нимъ свое самообладаніе. Когда женщина полюбила, разница въ лѣтахъ менѣе всего другого можетъ удержать мужчину въ предѣлахъ почтительной зависимости.

Хотя Евгеній и сталъ въ кружкѣ Софьи Сергѣевны вполнѣ своимъ человѣкомъ, онъ не могъ свыкнуться съ образомъ жизни этого кружка. Тонъ его по прежнему коробилъ молодого художника; картежная игра далеко за-полночь, фамильярность безъ дружбы, смѣхъ безъ веселости,—все это ему претило въ высшей степени. Онъ не понималъ, какое удовольствіе могла находить въ этомъ обществѣ Софья Сергѣевна, и часто высказывалъ ей свое удивленіе, какъ это она, такъ богато одаренная природой, окружаетъ себя этою пустою, нѣсколько грубоватою средой. Она покорно выслушивала эти упреки, высказываемые все съ большею настойчивостью. Наконецъ, разъ она не вытерпѣла.

— Перестаньте,—сказала она ему,—неужели вы не знаете, что я давно все это понимаю лучше васъ? Неужели вы не видите, что я хочу забыться и для того только мнѣ нуженъ этотъ шумъ?

Орленевъ пробовалъ возражать, но она остановила его цѣлымъ потокомъ софизмовъ, которыхъ у всякой женщины довольно въ запасѣ, когда ей хочется заглушить въ самой себѣ неподкупное сознаніе правды.

Софья Сергѣевна была одною изъ тѣхъ довольно многочисленныхъ женщинъ, которыя въ ранней моло-

дости создаютъ себѣ очень высокій, но за то крайне смутный идеалъ счастья, и не дѣлаютъ притомъ никакихъ усилій, чтобъ осуществить или хотя выяснить его, какъ будто счастье должно имъ достаться само собой. Съ юныхъ лѣтъ избалованная успѣхомъ она смотрѣла на него, какъ на законную дань. Вмѣстѣ съ тѣмъ сердце ея оставалось совершенно спокойнымъ; самая многочисленность ея побѣдъ въ ея глазахъ унижала ихъ цѣну. Не удивительно, что она отдала свою руку Криницкому, не обдумавъ хорошенько, что за человѣкъ ея мужъ и можетъ ли онъ удовлетворить ея требованіямъ. Какъ всѣ разборчивыя невѣсты, Софья Сергѣевна болѣе четырехъ лѣтъ кружила головы, не выходя замужъ. Ей не попадался на встрѣчу тотъ неизвѣстный, при видѣ котораго заговорило бы ея дремлющее сердце. Она рѣшила наконецъ, что, видно, ея туманный идеалъ не болѣе какъ призракъ; она вдругъ разочаровалась въ немъ и вышла замужъ, чтобъ испробовать новую жизнь и новыя ощущенія. Криницкій былъ такимъ женихомъ, которому позавидовали бы ея московскія подруги; онъ былъ многимъ старше ея обычныхъ поклонниковъ и его спокойная серьезность возбуждала въ ней если не любовь, то по крайней мѣрѣ невольное уваженіе. Какъ оно всегда и бываетъ, это отреченіе отъ прежнихъ грезъ очень скоро повело за собой реакцію: молодая женщина стала винить и судьбу, и людей за то, что бракъ ей далъ лишь ноющее чувство неудовлетворенныхъ ожиданій. Съ мечтами юности не разстаешься, когда того захочешь; онѣ мстятъ за то, что имъ не повѣрили; ихъ укоряющій голосъ становится неотвязчивымъ съ той самой минуты, когда съ ними совершенъ безповоротный разрывъ.

Петръ Михайловичъ Криницкій былъ примѣрнымъ мужемъ; ему, до тридцати пяти лѣтъ не думавшему о женитьбѣ, въ Сонѣ Арбатовой особенно нравилось гордое спокойствіе, съ которымъ она относилась къ привычному ей поклоненію, и ему казалось, что молодую дѣ-

вушку можетъ удовлетворить та сдержанная, тусклая привязанность, на которую только онъ и былъ способенъ. Въ своей домашней жизни онъ походилъ на тѣхъ государственныхъ людей, которые исполнены самыхъ лучшихъ намѣреній, но не знаютъ, какъ взяться за дѣло, чтобы пріобрѣсти народную любовь. Онъ не стѣснялъ нисколько прихотей жены, но эта свобода не доставила популярности его слишкомъ отеческой власти. Ни во вкусахъ, ни въ привычкахъ у него общаго ничего не было съ женой, а перевоспитать ее онъ не умѣлъ, какъ не могъ онъ измѣнить и давно усвоеннаго имъ склада. Черезъ какой-нибудь годъ послѣ свадьбы онъ жилъ уже особнякомъ отъ жены. Это невмѣшательство принесло свои неизбѣжные плоды: Софья Сергѣевна дала себя увлечь въ самый водоворотъ свѣтскихъ удовольствій, домъ ея наполнился цѣлой толпой друзей, пріобрѣтенныхъ на скорую руку. Говорили въ городѣ, что Софья Сергѣевна помогаетъ карьерѣ мужа, но это была чистая клевета. Бѣдный Петръ Михайловичъ все чаще удалялся въ тишь своего рабочаго кабинета, а его жена не находила облегченія отъ гнетущей тоски и негодовала на мужа за то, что онъ не умѣлъ или не хотѣлъ ей протянуть руку помощи.

Таково было ея настроеніе, когда въ ея безцѣльной жизни, какъ электрическій свѣтъ въ глухой темнотѣ, блеснула молодая любовь Орленева. Она узнала о ней ранѣе, чѣмъ онъ самъ, и это открытіе обрадовало ее, какъ позднее осуществленіе давно брошенной мечты. Эта любовь казалась ей чѣмъ-то нравственно - чистымъ среди цѣлаго моря будничныхъ и мелкихъ ощущеній, чѣмъ-то искупающимъ безконечное сплетеніе эгоизма и тщеславія. Она и не думала бороться съ этимъ чувствомъ. Немудрено, что ихъ обоихъ застала врасплохъ неизбѣжная, роковая минута, когда страсть не удовлетворяется болѣе обмѣномъ душевныхъ изліяній. Голосъ природнаго чувства долго заслонялся у Евгенія самообольщеніемъ платонической любви. Когда этотъ

голосъ заговорилъ громко, у Софьи Сергѣевны не нашлось силы для отпора.

Конечно, она была виновата кругомъ. Но кто въ состояніи опредѣлить, какое неизмѣримо-малое обстоятельство въ данную минуту наклоняетъ въ ту или другую сторону неустойчивые вѣсы человѣческой воли? Кто можетъ съ увѣренностью сказать, гдѣ и когда начинается измѣняемость? Большею частью въ борьбѣ съ дурнымъ чувствомъ мы уступаемъ гораздо ранѣе, чѣмъ становимся виновными, и въ минуту рѣшенія мы на самомъ дѣлѣ обезоружены уже давно...

Отношенія, возникшія въ минуту страстнаго порыва, довольно скоро вошли въ ровную колею. Софья Криницкая сознавала, какъ непрочна, обыкновенно, любовь очень молодого человѣка къ женщинѣ нѣсколькими годами его старшей. Чтобы не дать ей угаснуть отъ пресыщенія, Софья умѣряла въ себѣ чувство, сильнѣе развивавшееся съ каждымъ днемъ, и старалась придать ему оттѣнокъ будто материнской заботливости. Она стала совѣтницей Евгенія во всемъ, она поощряла его къ работѣ, какъ бы воспитывая его талантъ и въ свою очередь находила въ его художнической дѣятельности удовлетвореніе своей любви къ изящному. Этотъ обмѣнъ нравственныхъ вліяній облагораживалъ въ ея глазахъ незаконность ея любви. Примѣшивая чувство благодарности къ любви Орленева, она думала крѣпче привязать его къ себѣ. И это ей удалось. Нѣсколько лѣтъ длились эти отношенія до того безмятежныя, что они пріобрѣтали какой-то оттѣнокъ законности. Хотя давно минули первыя увлеченія, Орленевъ и не думалъ возвратить себѣ свободу, а Софья мало-по-малу перешла къ скромной роли испытаннаго друга, хотя многихъ усилій стоила ей, тридцатидвухлѣтней женщинѣ, эта добровольная узда, наложенная на ея страстность, которой не умѣряли года.

Разумѣется, отношенія Орленева къ Софьѣ не могли остаться безусловною тайной. О нихъ догадывались

многіе, но такъ мало было въ нихъ пищи для злословія, что къ нимъ понемногу привыкли. Софья не утратила правъ на тѣ внѣшніе признаки уваженія, потеря которыхъ для большинства гораздо чувствительнѣе потери самой чести. Ея домашняя жизнь не измѣнилась, она даже стала какъ будто спокойнѣе. Мужъ, погруженный въ служебные интересы, не догадывался; напротивъ, изъ числа друзей его жены Орленевъ, быть можетъ, ему нравился всего болѣе. Обычные посѣтители дома Криницкихъ были такъ равнодушны ко всему, что не мѣшало ихъ удовольствію, что не давали себѣ труда глубже заглядывать во внутреннюю жизнь гостепріимной хозяйки. Одному Вологдину зоркая ревность подсказывала правду; но любовь его поневолѣ была безкорыстною: онъ былъ почти доволенъ тѣмъ, что молодая женщина казалась счастливѣе, и, страннымъ образомъ, питалъ къ своему сопернику какое-то непонятное дружеское влеченіе. Такимъ образомъ, этихъ двухъ людей сблизило какъ разъ то чувство, которое должно было поселить между ними непримиримую вражду.

Всему, однако, на свѣтѣ приходитъ конецъ. Софья Криницкая стала замѣчать, что давно уже нѣтъ полнаго созвучія между ея любовью и чувствомъ Евгенія. Она сознавала, что рано или поздно должна наступить роковая минута разрыва и захотѣла предупредить ее. Да и совѣсть ея вдругъ заговорила. Ея дочери шелъ двѣнадцатый годъ. Она была ея единственнымъ ребенкомъ, и Софья Сергѣевна вдругъ почувствовала всю важность своихъ материнскихъ обязанностей. Она всегда горячо любила дочь, но пока Настя не выходила изъ дѣтства она не сознавала какъ несовмѣстимо достоинство матери съ ея образомъ жизни. Теперь мысли объ этомъ вдругъ нахлынули на ея пылкое воображеніе. Но, быть-можетъ, ими она старалась отъ себя скрыть другую главную причину своей внезапной рѣшимости, боясь получить наглядное доказательство того, что Евгеній тяготится ихъ связью.

Когда она впервые съ нимъ заговорила про это, она

высказала ему, въ чемъ ее упрекала совѣсть относительно дочери, но еще болѣе настаивала на томъ, что талантъ Евгенія глохнетъ въ петербургской средѣ, что ему нужно обновить свои силы подъ южнымъ небомъ. Она сразу увидѣла, что ей нечего ждать отъ него особыхъ возраженій. Евгеній оцѣнилъ ея доводы и легко подчинился имъ; и это согласіе, хотя оно и было выражено словами живѣйшей преданности, стоило ей не мало горькихъ слезъ.

Евгенія годы не измѣнили. Онъ попрежнему льнулъ къ одной солнечной сторонѣ жизни. Его долгая связь съ чужою женой не вызывала въ немъ голоса совѣсти: въ этой связи было такъ мало трагическаго, она повидимому не нарушала ничьихъ правъ, и Евгеній все болѣе убѣждался въ томъ, что слезы и отчаяніе, которыя такъ часто приводитъ съ собою любовь, не болѣе какъ пугало больного воображенія. Завязка и конецъ его романа совершились такъ просто и легко, что Евгеній не могъ вѣрить, будто удовлетворенная страсть требуетъ, рано или поздно, тяжелой расплаты. Рѣшено было, что онъ уѣдетъ: его кисть, въ самомъ дѣлѣ, требовала новаго вдохновенія, и пять лѣтъ проведенныхъ имъ за границей довершили его развитіе, выработали у него замѣчательную технику. Поклонникъ изящной формы, онъ и въ искусствѣ, какъ въ жизни, избѣгалъ всего рѣзкаго; его кисть любила нѣжныя очертанія и теплый колоритъ, который такъ рѣдко дается русскимъ. Его любимыми мастерами были Грэзъ и изъ современниковъ Гансъ Макартъ. Онъ скоро пріобрѣлъ извѣстность, и въ то же время съ каждымъ годомъ яснѣе прояснялся эпикурейскій характеръ его таланта. Итальянскіе нравы мало способствовали тому, чтобы придать особую серьезность его взгляду на отношенія къ женщинамъ. Когда онъ вернулся въ Россію, пять лѣтъ спустя, Евгеній окончательно усвоилъ себѣ изящное сибаритство, для котораго жизненная мудрость состоитъ въ умѣньи легко сплетать и расплетать часто мѣняющіяся узы.

III.

— Ты, кажется, задремалъ тутъ у меня за газетой!— вдругъ послышался насмѣшливый голосъ Вологдина. Орленевъ такъ погрузился въ свои воспоминанія, что не замѣтилъ вошедшаго.

Вологдинъ былъ не высокаго роста, человѣкъ худощавый и черноволосый. Его безбородое, продолговатое и блѣдное лицо,—одно изъ тѣхъ лицъ, на которыхъ лѣта мало оставляютъ слѣдовъ,—носило отпечатокъ усталости и равнодушія. Только небольшіе темные зрачки безпокойно бѣгали по сторонамъ, да на тонкія искривленныя губы часто набѣгала ироническая улыбка.

— Просто замечтался,—возразилъ Орленевъ, бросая газету;—теперь весна, да вашъ Петербургъ къ тому же такой веселый.

— Что, какъ истый художникъ, ты впалъ въ нѣмецкую „Schwärmerei"? Это такъ идетъ къ твоему мечтательному нраву. Ну, я тебѣ мѣшать не стану. И Вологдинъ направился къ рабочему столу и медленно разложилъ предъ собой письменныя принадлежности.

— Ты гдѣ веселился сегодня? - спросилъ Орленевъ, которому вдругъ захотѣлось поболтать.

— Я просто былъ у Старобѣльской и наблюдалъ, какъ добрые люди ломали себѣ голову, чтобы найти, о чемъ говорить другъ съ другомъ. Если ты это называешь веселымъ...

— Стало-быть, я хорошо сдѣлалъ, что не слушался Софьи Сергѣевны Криницкой и не поѣхалъ съ ней туда?

Вологдинъ рѣзко обернулся къ Евгенію и посмотрѣлъ ему прямо въ лицо.

— А, ты видѣлъ Софью Сергѣевну?—живо спросилъ онъ. Но, не дождавшись отвѣта, продолжалъ прежнимъ сухимъ насмѣшливымъ тономъ:—а ты напрасно туда не поѣхалъ. Много про тебя говорили, восторгались твоею

послѣднею картиной, твоими дамами, купающимися при лунномъ свѣтѣ...

— То-есть моими русалками!—недовольнымъ голосомъ перебилъ его Орленевъ.

— Ну, ты называй ихъ тамъ, какъ хочешь. А по-моему это парижскія кокотки, которыя вздумали подъ твоею игривою кистью пошалить въ лунную ночь. Много про нихъ было спору. Тебя чуть ли не вторымъ Ари Шефферомъ величали, и милѣйшая княгиня Болховская, для которой доступно развѣ искусство шить платья въ три тысячи франковъ, даже замѣтила, что твой талантъ счастливое исключеніе въ нашъ вѣкъ грубаго реализма. Много она понимаетъ!

— Ты меня, разумѣется, бранилъ, какъ и слѣдуетъ пріятелю?

— Всячески бранилъ, любезный другъ, и сама княгиня Старобѣльская наконецъ согласилась, что все-таки ce n'est pas du grand art, въ которомъ она столько же смыслитъ, сколько я въ китайской литературѣ.

— Ты, конечно, по обыкновенію, наговорилъ всѣмъ кучу дерзостей. Удивляюсь, какъ тебя еще принимаютъ въ порядочныхъ домахъ.

— Привычка должно-быть. А, впрочемъ, кто знаетъ! можетъ быть нашимъ дамамъ нравится, когда имъ, ради перемѣны, говорятъ непріятности въ лицо. Все-таки есть надежда услыхать что-нибудь и про другихъ.

Орленевъ пожалъ плечами. Вологдинъ принялся писать.

— А мое настоящее мнѣніе на счетъ тебя вотъ каково,—вдругъ заговорилъ онъ опять,—весь твой идеализмъ разсчитанъ лишь на то, чтобы бить въ чувственную струнку, и вотъ почему ты имѣешь успѣхъ, особливо у дамъ. Онѣ, конечно, не сознаются въ этомъ, хоть я имъ это и высказалъ прямо; но всѣмъ имъ нравишься ты, потому что отъ твоихъ картинъ пахнетъ древомъ познанія добра и зла. Впрочемъ, госпожа Соханская, этотъ ангелъ чистоты и добродѣтели, нашла

тебя безнравственнымъ, хоть и была на выставкѣ два раза, все ради твоихъ русалокъ.

— Но во всякомъ случаѣ потрудись мнѣ сказать, отчего ты продолжаешь такъ усердно посѣщать это самое общество?

— А вотъ спроси у манежной лошади,—желчно возразилъ Алексѣй Николаевичъ,—отчего ее болѣе не тянетъ на приволье степей.

— А по-моему, Вологдинъ, горечь твоихъ словъ ни что̀ иное, какъ раздраженіе, варьяціи на любимую тему о зеленомъ винограде̂.

Вологдинъ опять къ нему обернулся, пристально на него посмотрѣлъ, но не отвѣчалъ ничего.

— Меня бѣситъ въ тебѣ,—продолжалъ Евгеній,—это казенное глумленіе, потому что ты, въ сущности, и умный, и не злой человѣкъ.

— Благодарю за комплиментъ,—рѣзко перебилъ его Вологдинъ.

— Да, не злой, а прикидываешься ты какимъ-то обличителемъ, какъ будто всѣ женщины на самомъ дѣлѣ....

— Нѣтъ, не всѣ! есть такія, для которыхъ любовь не шутка; но, къ несчастію, онѣ всегда попадаются въ плохія руки: къ дураку мужу или, что еще хуже... А впрочемъ, Богъ съ ними! Какое мнѣ до нихъ дѣло! Я за всѣми готовъ признать смягчающія обстоятельства, потому что всѣ онѣ, въ сущности, одинаковы: и добра, и зла, по настоящему, никакого нѣтъ, или не тамъ оно, гдѣ его ищутъ. А я его искать не намѣренъ.... и баста!

И рука Вологдина снова забѣгала по бумагѣ. Раздраженіе слышалось въ скрипѣ его пера.

— Ну, а что тебѣ сказала Криницкая?—опять неожиданно спросилъ онъ у Евгенія.

— Звала меня къ себѣ въ деревню и взяла съ меня обѣщаніе.

— И ты поѣдешь?

— Вѣроятно поѣду.

Вологдинъ опять уставился на него, потомъ нетерпѣливо махнулъ рукой и снова отвернулся.

— До свиданья, Вологдинъ, — послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія сказалъ Евгеній,—ты здѣсь продолжай сердиться, а мнѣ спать пора.

— Желаю тебѣ тѣхъ золотыхъ сновъ, которые одни, конечно, посѣщаютъ твои безмятежныя ночи. Орленевъ собирался уйти, но Вологдинъ опять остановилъ его.

— Но послушайся моего совѣта, Евгеній, не ѣзди къ Криницкимъ.—Въ его голосѣ не слышалось болѣе иронической ноты.

Орленевъ снова пожалъ плечами и вышелъ

— Неужели и я буду такимъ черезъ какихъ-нибудь десять лѣтъ?—думалъ Евгеній, укладываясь въ постель. Неужели и я стану брюзжать и говорить дерзости, чтобы дать волю накопившейся желчи? Этотъ Вологдинъ былъ когда-то веселымъ, добрымъ малымъ,—и вотъ что̀ изъ него вышло! И призракъ ожидавшей его безотрадной жизни изсушеннаго стараго холостяка долго не давалъ Орленеву уснуть.

На другой день Орленевъ, вопреки обѣщанію, не былъ у Софьи Сергѣевны. У него столько было дѣла въ городѣ, что извинительно было отложить свое посѣщеніе. Но когда, въ исходѣ пятаго часа слѣдующаго дня, Орленевъ подъѣхалъ къ дому, гдѣ жили Криницкіе, онъ засталъ тамъ уже суматоху недавняго отъѣзда. Швейцаръ сообщилъ, что барыня уѣхала съ почтовымъ поѣздомъ, и передалъ Евгенію записку, оставленную для него Софьей Сергѣевной.

„Вы не сдержали своего слова, писала она,—а я, въ свою очередь, уѣхала ранѣе, чѣмъ думала. Надѣюсь, вы не забудете своего другого обѣщанія, быть у насъ въ деревнѣ. Буду ожидать васъ въ началѣ іюля и, помните, непремѣнно съ кистью и палитрой: у насъ въ Покровскомъ есть очень милые виды, и вы, конечно, не побрезгаете нашею невзрачною природой, хоть она, быть-

можетъ, и покажется вамъ съ артистической точки зрѣнія провинціальною простушкой. До свиданья.

С. Криницкая".

Прочтя записку, Орленевъ поневолѣ вспомнилъ, съ какими чувствами онъ въ прежніе годы приближался къ этому дому; между тѣмъ какъ теперь онъ равнодушенъ къ тому, что не засталъ ея и свидится съ ней только черезъ два мѣсяца....

Съ этими мыслями онъ всходилъ по лѣстницѣ англійскаго клуба, куда поѣхалъ обѣдать.

Еслибъ Орленевъ страдалъ болѣзненнымъ самолюбіемъ, онъ бы тутъ лишній разъ убѣдился, что не бываетъ пророка въ своемъ отечествѣ. Несмотря на то, что его картины давно пользовались извѣстностью, его появленіе въ клубѣ едва замѣтили. Кое-кто спросилъ про имя этого красиваго молодого человѣка и затѣмъ узнавъ, что это живописецъ Орленевъ, спросившіе безмятежно возвращались къ своему обѣду или къ своей газетѣ. Два-три человѣка пожелали съ нимъ познакомиться. Одинъ изъ нихъ, совершенно дряхлый старикъ, безпрестанно что-то жевавшій своимъ кривымъ, беззубымъ ртомъ, подробно его разспрашивалъ, не родственникъ-ли онъ какому-то Орленеву, когда-то служившему въ павлоградскихъ гусарахъ и, убѣдившись, что нѣтъ, съ недовольнымъ лицомъ отошелъ прочь. Другой господинъ въ золотыхъ очкахъ и съ очень благонамѣренными бакенбардами сталъ такъ рѣшительно излагать Евгенію свои оригинальные взгляды на искусство, что нашему герою стало жутко отъ его словъ. Извѣстная басня Крылова невольно пришла ему на умъ, и онъ припомнилъ какъ иначе чествовали его въ Италіи, когда онъ выставилъ во Флоренціи своихъ *Дѣвочекъ играющихъ въ жмурки*. „А тамъ, подумалъ онъ, имѣли бы право быть строгими".

Отобѣдавъ на-скоро, Евгеній пробѣжалъ нѣсколько газетъ, но какъ на зло ему все попадались извѣстія о разныхъ печальныхъ происшествіяхъ. „Поѣздъ соско-

чилъ съ рельсъ по винѣ стрѣлочника"; знаменитый разбойникъ гдѣ-то сбѣжалъ изъ острога; „саранча появилась въ Херсонской губерніи"; городъ Великія Трущобы сгорѣлъ до тла, и все въ этомъ родѣ. Орленевъ не вытерпѣлъ и бросилъ газеты. Онъ собирался оставить клубъ, какъ вдругъ ему навстрѣчу попался невысокаго роста, сухой и худощавый господинъ, лицо и походка котораго одинаково выражали какую-то напряженную заботливость. Его высокій, узкій лобъ былъ совершенно лысымъ; но по его чертамъ трудно было бы опредѣлить лѣта, и жесткія, щетинистыя бакенбарды были такого же безукоризненно-чернаго цвѣта, какъ рѣдкіе короткіе волосы.

— Евгеній Александровичъ, какъ я радъ, не ожидалъ васъ здѣсь встрѣтить,—сказалъ онъ, очевидно, желая быть любезнымъ, но сказалъ это совершенно такимъ голосомъ, какимъ спросилъ бы у официанта стаканъ воды.

— Я уже два раза былъ у васъ, Петръ Михайловичъ, но, къ сожалѣнію, не засталъ дома,—отвѣчалъ Евгеній, которому эта встрѣча не доставляла особаго удовольствія.

— Жена васъ просила быть у насъ въ деревнѣ и вы, кажется, ей обѣщали. Надѣюсь, вы обѣщаете и мнѣ. Я думаю уѣхать въ отпускъ въ первыхъ числахъ іюля, и можетъ-быть мнѣ удастся въ Покровскомъ съ вами свидѣться.

— Орленева слегка покоробило отъ этихъ любезностей мужа Софьи Сергѣевны, и онъ хотѣлъ отдѣлаться отъ него двумя, тремя вѣжливыми фразами, но это ему не удалось. Евгеній неосторожно упомянулъ о многосторонности офиціальныхъ занятій Петра Михайловича, и тотъ, хоть и не былъ вовсе разговорчивъ по природѣ, удобно помѣстился на одномъ изъ мягкихъ дивановъ, закурилъ сигару и усадилъ Орленева рядомъ съ собой, очевидно приготовляясь къ длинной бесѣдѣ.

Да, Евгеній Александровичъ, говорилъ онъ, щуря близорукіе глаза,—вы не повѣрите, просто вырваться нельзя. И какъ разъ весною. Это не то, что ваша сво-

бодная жизнь. Двѣнадцатаго апрѣля—шутка сказать—исполнилось тридцать три года моей служебной дѣятельности. Я поставилъ себѣ за правило сохранять на память все написанное мной со дня поступленія на службу; представьте себѣ, цѣлые три шкафа наполнены сверху донизу. Да, приходится завидовать вамъ, господамъ художникамъ.

— Орленевъ чуть замѣтно улыбнулся, представивъ себѣ три шкафа, наполненные твореніями Петра Михайловича.

Петръ Михайловичъ былъ въ духѣ, потому что въ этотъ самый день онъ закрылъ, въ качествѣ предсѣдателя, работы утомительной комиссіи „о преобразованіи формъ дѣлопроизводства", имѣвшей ровно девяносто одно засѣданіе и уже длившейся пять лѣтъ.

— Да, вотъ, скажите,—вдругъ перешелъ онъ на другую тему,—вы долго жили за границей:—отчего это вся тамошняя печать съ какимъ-то презрительнымъ недоброжелательствомъ отзывается о Россіи? Вѣдь, мнѣ, напримѣръ, хорошо извѣстно, до какой степени несправедливы эти обвиненія въ бездѣятельности. Слѣдовало бы, напротивъ, удивляться, какъ у насъ здѣсь успѣваютъ справиться съ массою дѣлъ по управленію такой громадной страной.

Петръ Михайловичъ былъ изъ числа тѣхъ нашихъ государственныхъ людей второго разбора, которые дѣлаютъ себѣ иллюзіи на счетъ плодотворности своихъ работъ и крѣпко вѣрятъ, что отъ ихъ почина зависитъ благосостояніе страны, что имъ не подчиняются развѣ погода да урожай. Эти люди многочисленны, хотя, по степени вліянія, они обыкновенно уступаютъ другимъ,—тѣмъ, которые, наоборотъ, въ глубинѣ души относятся крайне скептически къ издѣліямъ канцелярскаго пера. Криницкій былъ самый добросовѣстный труженикъ петербургскаго офиціальнаго міра, и слѣдуетъ ему воздать справедливость:—этотъ человѣкъ, неумѣлый въ практической жизни, въ бумажномъ дѣлѣ былъ настоя-

щею силой, и къ тому же силой просвѣщенною. Онъ всегда боролся съ рутиннымъ формализмомъ и никогда не измѣнялъ тому, что въ данномъ случаѣ казалось ему справедливымъ. Несмотря на эту стойкость, онъ довольно быстро поднялся по административной лѣстницѣ; трудно было не признать въ немъ знатока своего дѣла. Но за то до самыхъ первыхъ ступеней онъ не достигъ. Въ пятьдесятъ два года онъ былъ на вершинѣ своей карьеры, и въ офиціальномъ мірѣ всѣ очень хорошо понимали, что ему никогда не сдѣлать того послѣдняго, окончательнаго шага, который отдѣлялъ его отъ настоящихъ руководителей; на этотъ счетъ бюрократическое чутье у насъ, какъ извѣстно, сильно развито.

Орленевъ крайне неопредѣленно отвѣчалъ Петру Михайловичу. Къ политическимъ вопросамъ, нечего грѣха таить, онъ относился съ полнымъ равнодушіемъ.

— Я не знаю,—сказалъ онъ, чтобы какъ-нибудь отдѣлаться,—на что̀ намъ вѣчно хлопотать, чтобы насъ за границей любили, какъ будто мы ученики, которымъ нужно выставить хорошій баллъ за поведеніе. Если мы успѣваемъ, тѣмъ лучше для насъ—и безъ чужого одобренія обойдемся, если нѣтъ...

— Однако,—перебилъ его Петръ Михайловичъ,—на справедливость къ себѣ мы все-таки имѣемъ право. Не хотятъ знать, что̀ нами сдѣлано въ эти двадцать лѣтъ, какъ наша жизнь стала непохожа на прежнюю.

Орленевъ улыбнулся. Мало-по-малу, пока шелъ ихъ разговоръ, въ клубной залѣ разставили карточные столы, вокругъ которыхъ теперь шла оживленная игра.

— Вотъ посмотрите,—сказалъ онъ вставая, — какъ бьютъ ключомъ общественные интересы. Что, вы думаете это въ самомъ дѣлѣ очень разнится отъ того, что̀ было двадцать лѣтъ назадъ?

И, когда онъ выходилъ изъ клуба, ему казалось, что года, проведенные за границей, пробѣжали въ нѣсколько часовъ, и онъ снова засталъ въ Петербургѣ ту же самую тогда прерванную партію

IV.

Теперь мы попросимъ читателя перенестись съ нами въ глубь Тульской губерніи, на берега небольшой извилистой рѣки Шата, составляющей здѣсь, какъ извѣстно, грань черноземной полосы. На отлогомъ пригоркѣ, возлѣ самой рѣки, стоитъ усадьба Криницкихъ—Покровское. Это была совершенно новая усадьба, съ иголочки, изъ тѣхъ, какія стали въ послѣднее время кое-гдѣ появляться близъ линій желѣзныхъ дорогъ. Небольшой каменный домъ, съ четырьмя балконами и широкими венеціанскими окнами, выходившими въ садъ, былъ несомнѣннымъ подражаніемъ тѣхъ причудливо изящныхъ виллъ, которыя какъ грибы растутъ въ окрестностяхъ городовъ Запада. Маркизы, синія съ бѣлымъ, привѣтливо глядѣли со всѣхъ оконъ солнечной стороны. Цвѣтникъ, разбитый по всѣмъ правиламъ садоводства, съ группами пестрыхъ декоративныхъ растеній, чистыя, будто выглаженныя, дорожки молодого сада, небольшой фонтанъ передъ домомъ и два громадные фонаря у крыльца на дворѣ,—все это рѣзко отличало Покровское отъ неряшливыхъ, старинныхъ построекъ сосѣднихъ усадьбъ. Въ ночной темнотѣ изъ оконъ верхняго этажа было ясно видно дальнее мерцаніе огней желѣзной дороги. Вся эта обстановка образованной жизни странно поражала глазъ, какъ что-то чужое, исскуственное среди незатѣйливой сельской картины, гдѣ и природа, и людское жилье будто споконъ вѣка оставались нетронутыми. Покровское только за пять лѣтъ передъ тѣмъ было куплено Криницкими, и Софья Сергѣевна все въ немъ устроила на новый ладъ. На мѣстѣ ветхихъ деревянныхъ построекъ явились прочныя каменныя; запущенный фруктовый садъ былъ расчищенъ, а по склону пригорка насадили группы молодыхъ кустовъ и деревьевъ и развели ярко-зеленый англійскій газонъ. На мощеномъ скотномъ дворѣ по-

явились тирольскія коровы, и Петръ Михайловичъ, пристрастившійся къ раціональному хозяйству, усердно занимался расчетами по устройству образцовой фермы. Софья Сергѣевна полюбила этотъ уголокъ: хоть молодыя деревья не давали пока тѣни, за то было рукой подать до старинной рощи, далеко тянувшейся по косогору, и такъ хорошо было глядѣть на широкіе луга за рѣкой, когда они были залиты лучами вечерняго солнца. Въ жизни Софьи Сергѣевны за послѣдніе годы вообще случилась рѣзкая перемѣна; она почти бросила свѣтскія знакомства, вся посвятила себя дочери, и порой въ деревенской тиши ей удавалось забывать прежнія волненія и какъ бы возрождаться въ здоровой, отрезвляющей семейной средѣ.

Былъ знойный день въ самомъ началѣ іюля. Бѣлые барашки медленно тянулись по темносинему небу. Стояла полная тишина: листъ не колыхался, птицы забились въ чащу вѣтвей. Только стаи мошекъ будто ныряли въ стоячемъ воздухѣ, да залетная пчела лѣниво жужжала и билась объ окна. Обитатели Покровскаго укрылись въ прохладной гостинной, выходившей окнами на сѣверъ. Петръ Михайловичъ, пріѣхавшій только на дняхъ изъ Петербурга, игралъ въ шахматы со старикомъ сосѣдомъ, Степаномъ Дмитріевичемъ Гашинымъ: шахматы были, можетъ-быть, единственною страстью Петра Михайловича. На немъ былъ просторный бѣлый сюртукъ, неловко сидѣвшій на его костлявомъ туловищѣ. Съ Софьей Сергѣевной, на другомъ концѣ гостиной, неторопливымъ голосомъ велъ бесѣду плотный, крѣпко сложенный молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати шести, съ густою бѣлокурою бородой и слегка прищуренными, необыкновенно мягкими сѣрыми глазами. Это былъ сынъ Гашина, Александръ, недавно окончившій въ Москвѣ курсъ на медицинскомъ факультетѣ и попавшій волею судебъ въ мировые судьи родного уѣзда. Старикъ Гашинъ, ближайшій сосѣдъ Криницкихъ, былъ когда-то гвардейскимъ офицеромъ, но давно бросилъ службу

ради хозяйства, которое, однако, въ его рукахъ плохо спорилось. До обѣда оставалось еще слишкомъ два часа, и Софья Сергѣевна немного тяготилась обязанностью поддерживать неизбѣжный разговоръ, но, тѣмъ не менѣе, съ обычною спокойною привѣтливостью ободряла своего молодого, нѣсколько застѣнчиваго собесѣдника.

— Куда Настя исчезла?—вдругъ спросилъ у жены Петръ Михайловичъ, только что сдѣлавшій шахъ и матъ своему противнику.

При этомъ вопросѣ молодой Гашинъ невольнымъ движеніемъ обернулся къ Петру Михайловичу и безпокойно посмотрѣлъ на дверь, выходящую въ садъ.

— Она въ рощу пошла рисовать,—отвѣчала Софья Сергѣевна.—Вы, стало-быть, находите,—обратилась она снова къ молодому Гашину,— что здѣшнимъ крестьянамъ теперь живется хуже, чѣмъ въ прежніе годы?

— Не то, что хуже,—немного запинаясь и краснѣя сказалъ Александръ,—а, пожалуй что, труднѣе.

— Я васъ не понимаю,—вмѣшался Петръ Михайловичъ,—въ вашихъ словахъ какъ бы противорѣчіе.

— Тогда, ваше превосходительство, было крѣпостное право, и потому что его нѣтъ теперь, стало, конечно, лучше. А въ то же время бѣдность увеличивается, земля дорожаетъ, надѣлы малы...

— Пьянство, семейные раздѣлы,—перебилъ его отецъ.

— Вотъ, батюшка вашъ,—началъ опять Петръ Михайловичъ,—жалуется, что хозяйничать становится все труднѣе, рабочіе недобросовѣстны... И въ самомъ дѣлѣ, многія имѣнія приходятъ въ упадокъ и продаются. Кто же правъ наконецъ? Если мѣропріятія послѣднихъ лѣтъ расшатали благосостояніе владѣльцевъ, то они, по крайней мѣрѣ, должны были обезпечить довольство рабочаго класса. Такъ ли?

— Такъ-то такъ, ваше превосходительство,—ободряясь возразилъ молодой Гашинъ,—но извольте видѣть, крестьянамъ оттого не легче, что банки продаютъ заложенныя имѣнія. Здѣшній мужикъ, извѣстное дѣло, безъ земли

обходиться не можетъ, а что прикажете ему дѣлать, когда съ каждымъ годомъ на нее цѣны дорожаютъ, и на грѣхъ еще, пожалуй, выпадетъ неурожай. Кто посильнѣе, тому еще ничего, обернется, пожалуй, разбогатѣетъ даже, а иному послѣднюю лошаденку приходится отдать.

— Узду сняли, вотъ что,—вмѣшался старикъ Гашинъ,—поводья распустили и хотятъ, чтобы тройка везла.

Старикъ Гашинъ и при крѣпостномъ правѣ не былъ особенный мастеръ держать поводья, а теперь и подавно не могъ справиться съ усложнившимся управленіемъ. Его добродушное, широкое лицо и робкіе немного заплывшіе глазки ясно говорили, что онъ не рожденъ быть начальникомъ.

— Вѣдь что можетъ быть лучше нашихъ мѣстъ, казалось бы?—продолжалъ онъ:—край всегда былъ самый помѣщичій; что ни усадьба—разливанное море, и крестьяне были исправные. Кое кто, я вотъ напримѣръ, еще перебивается, а то, кромѣ самыхъ богатыхъ, земли въ аренду роздали, по фруктовымъ садамъ скотъ пасется, и того гляди, публикація, да и съ молотка. Вотъ Марьино тоже, говорятъ, продается.

— Ну, его Шатовъ и купитъ,—спокойно возразилъ Александръ.

— Да, Шатовъ—сила!

— Кулакъ, вы хотите сказать, батюшка? Вотъ, такіе люди не пропадаютъ.

— А предводителя вашего, Семена Кирилловича, здѣсь кажется очень не любятъ?—спросила хозяйка у молодого Гашина.

— Не знаю мнѣнія уѣзда, ваше превосходительство, а своего не скрываю.

— Семенъ Кирилловичъ,—сказалъ Криницкій,—образцовый хозяинъ. Онъ живое опроверженіе сѣтованій, напрасныхъ, смѣю думать, сѣтованій на бездоходность земледѣлія, а потому самому онъ человѣкъ достойный и полезный.

— Онъ все, что вамъ угодно, ваше превосходительство,—съ жаромъ возразилъ Александръ,—конный заводчикъ, винокуръ, директоръ банка, но не сельскій хозяинъ; полагаю, что это скромное занятіе...

Рѣчь молодого человѣка была прервана громкимъ стукомъ подъѣхавшаго экипажа. Молодцоватый кучеръ бойко и круто осадилъ тройку кровныхъ лошадей, которыя, фыркая и звеня бубенчиками, били копытами у подъѣзда.

— Да вотъ онъ самъ,—выглянувъ въ окно, сказалъ Гашинъ,—легокъ на поминѣ!

— Семенъ Кириловичъ Шатовъ,—доложилъ слуга, и почти въ ту же минуту на балконѣ показалось бѣлое кисейное платье и въ гостиную вошла дочь Софьи Сергѣевны, Настя.

V.

Раннимъ лѣтомъ изрѣдка природа насъ даритъ совершенно яснымъ утромъ, когда и молодая зелень, и прозрачный воздухъ дышатъ жизнью и свѣжестью, и все-таки надъ этою юною жизнью царитъ какое-то дивное спокойствіе, будто весь этотъ цвѣтущій міръ и не чаетъ, что можетъ подуть вѣтеръ или наступить гроза. Такое впечатлѣніе нетронутой свѣжести и чарующаго спокойствія сказывалось при первомъ взглядѣ на Настю. Она шла легко и ровно, въ каждомъ ея движеніи было что-то законченное и въ то же время простое, какъ въ музыкальной фразѣ Гайдновской симфоніи. Іюльское солнце вызвало яркій румянецъ на ея лицѣ, на которомъ нѣжная, прозрачная бѣлизна сквозила черезъ легкій оттѣнокъ загара; но гармоническая прелесть этого лица оставалась спокойною, мирною прелестью. Ея большіе черные глаза не искрились изъ-подъ опущенныхъ длинныхъ рѣсницъ, а будто грѣли своими теплыми лучами. Шелковистые пепельные волосы были распущены и длинныя ихъ пряди, перевитыя синею лентой, ложились кольцами на ея тонкія плечи.

Увидѣвъ ее, Гашинъ не могъ осилить своего смущенія. Онъ неловко, отрывисто всталъ, сдѣлалъ шагъ къ ней навстрѣчу и остановился, какъ вкопанный. Она прямо и твердо подошла къ нему и подала ему руку, пока другую у нея цѣловалъ подоспѣвшій къ ней его отецъ.

— Александръ Степановичъ,—сказала она,—вы не забыли, надѣюсь, своего обѣщанія мнѣ привезти новую оперу Мусоргскаго, которую такъ мнѣ расхваливали?

Александръ былъ горячій поклонникъ русской музыки послѣдняго изданія.

— Привезъ, конечно, Настасья Петровна,—отвѣчалъ молодой человѣкъ, и бросился за нотной тетрадью, оставленной въ передней.

Въ гостиную между тѣмъ входилъ довольно полный, невысокій господинъ, лѣтъ сорока. Въ своемъ туго-застегнутомъ черномъ сюртукѣ и бѣлыхъ коломянковыхъ штанахъ, съ форменною фуражкой въ рукѣ, Семенъ Кирилловичъ Шатовъ глядѣлъ молодцомъ. Онъ держался прямо, будто на вытяжкѣ; большая голова съ коротко остриженными черными волосами и густыми бакенбардами на здоровомъ лицѣ слегка откидывалась назадъ, и гладко выбритый подбородокъ какъ-то особенно рѣшительно торчалъ впередъ надъ крѣпко накрахмаленнымъ воротничкомъ. Широкій, слегка полысѣвшій лобъ и маленькіе прыткіе глазки одинаково выражали энергію и умъ. Хоть онъ и бывалъ иногда слишкомъ развязенъ и говорилъ порой слишкомъ внушительно, Семенъ Кирилловичъ, вообще, казался человѣкомъ хорошаго общества, умѣлъ попадать въ тонъ, и когда слѣдовало, оставлять замашки провинціальнаго властелина. У Криницкихъ его принимали охотно, хотя Софья Сергѣевна его не особенно долюбливала; но въ деревнѣ она поставила себѣ за правило держать открытый домъ, а Шатовъ былъ къ тому же несомнѣнно умный и живой собесѣдникъ.

Въ рукопожатіи, которымъ онъ обмѣнялся съ Пет-

ромъ Михайловичемъ, была замѣчательная смѣсь почтительности къ петербургскому чиновнику высшаго полета съ дружескою фамильярностью богатаго и потому независимаго сосѣда.

Fine day for hay making, почему-то сказалъ онъ по-англійски—Шатовъ очень любилъ пощеголять знаніемъ этого языка,—потомъ быстро подошелъ къ хозяйкѣ и плавнымъ движеніемъ поднесъ ея руку къ губамъ, потомъ также быстро повернулся на каблукахъ, пожалъ руку Насти и объявилъ, что привезъ ей обѣщанные рѣдкіе экземпляры душистыхъ орхидей изъ своей теплицы. Степана Дмитріевича онъ съ видимымъ участіемъ спросилъ—хороша ли у него рожь въ этомъ году, въ отвѣтъ на что̂ Гашинъ лишь грустно покачалъ головой. Затѣмъ онъ дружески, но съ оттѣнкомъ покровительства, подалъ руку Александру; тотъ отвѣтилъ ему съ замѣтною холодностью.

— Что вы ее такъ балуете,—сказала ему Софья Сергѣевна, когда лакей внесъ бережно укутанные соломой и хлопчатою бумагой горшки орхидей.

— Помилуйте, я такъ радъ, что хоть чѣмъ-нибудь могу угодить Настасьѣ Петровнѣ. Къ сожалѣнію, половина того, что я выписываю, пропадаетъ благодаря нашему прелестному климату. Вы не повѣрите, что за возня со здѣшнимъ народомъ.

— Да ваши оранжереи, однако, такая прелесть....

— Вамъ ли это говорить, Софья Сергѣевна,—перебилъ ее Шатовъ,—когда ваше Покровское въ какихъ-нибудь три, четыре года стало волшебнымъ замкомъ! Петръ Михайловичъ,—обратился онъ къ Криницкому,—а я и забылъ вамъ передать газеты, которыя сейчасъ захватилъ для васъ прямо съ почты. Я по дорогѣ заѣхалъ на станцію, какъ разъ къ приходу поѣзда: нужно было отдать тамъ кое-какія приказанія и отправить двѣ—три телеграммы.—Онъ отдалъ Криницкому нѣсколько писемъ и газетъ, и снова подошелъ къ хозяйкѣ.

— Кстати, я долженъ вамъ сказать, къ вамъ какой-

то гость изъ Москвы пріѣхалъ. Тамъ на станціи я встрѣтилъ одного молодого человѣка, который разспрашивалъ про дорогу въ Покровское и нанималъ сюда ямщика. Высокій, брюнетъ, недуренъ собой, описывалъ пріѣзжаго Шатовъ.

— Не Орленевъ-ли это?—спросилъ Петръ Михайловичъ, уже пробѣжавшій одно изъ полученныхъ писемъ.— Да какъ же онъ не прислалъ телеграммы? Мы бы ему лошадей выслали. На что̀ это похоже?

— Орленевъ! Какъ я рада!—воскликнула Настя.— Представьте себѣ,—живо обратилась она къ молодому Гашину,—это, вѣдь, знаменитый живописецъ Орленевъ! Онъ у насъ цѣлыя три недѣли прогоститъ.

Отъ этихъ словъ Насти у Александра немного ёкнуло на сердцѣ. Но у каждаго молодого человѣка, неиспорченнаго предвзятыми понятіями, всегда найдется хоть въ уголкѣ души поклоненіе таланту, и Гашинъ все-таки обрадовался близкой встрѣчѣ съ художникомъ, про котораго много наслышался.

— Это, кажется, очень трудно будетъ разбирать,— продолжала Настя, перелистывая ноты и немного испуганная невѣроятными аккордами и эксцентричнымъ счетомъ въ партитурѣ Мусоргскаго.

Софья Сергѣевна тѣмъ временемъ встала, чтобъ отдать приказанія на счетъ комнаты, назначенной для пріема Орленева, а Шатовъ вступилъ со Степаномъ Дмитріевичемъ въ разговоръ о хозяйствѣ, пока Криницкій съ напряженнымъ вниманіемъ прочитывалъ газеты.

— Что, Степанъ Дмитричъ,—говорилъ Шатовъ,— какъ дѣла? все жалуетесь?

— Да, что прикажете дѣлать, Семенъ Кириллычъ, какъ ни стараюсь, а, вѣдь, не добьюсь того, чтобы хоть самъ восемь хлѣбъ у меня родился. А меньше, сами знаете, нѣтъ расчета. Въ аренду лучше сдать.

— То-есть разорить имѣніе.

— Самъ знаю, что такъ. Да вѣдь пишутъ же, что

почва все непремѣнно возвратитъ, что̀ въ нее ни положено. А мнѣ не дается въ руки какъ кладъ. Неурожай да и только.

— Вы бы на молочное хозяйство обратили больше вниманія.

— Да и насчетъ этого то же. Казалось-бы вѣрная статья, все напередъ расчитано, а не тутъ-то было. И племенныхъ телятъ выписывалъ, и кормовыя травы развожу, а все толку нѣтъ.

Въ отвѣтъ на эти жалобы Семенъ Кирилловичъ лишь поигралъ толстою часовою цѣпочкой.

— А что́ жъ, Степанъ Дмитричъ,—спросилъ онъ, помолчавъ немного,—вы не думаете ли продать свою Ольховку?

— И покупатель, можетъ-быть, нашелся бы легко? сказалъ Гашинъ въ отвѣтъ, пристально взглянувъ на Шатова, и говоря это замѣтно покраснѣлъ.—Нѣтъ, покорно благодарю. Хорошо ли, плохо ли я хозяйничаю, со стариннымъ гнѣздомъ не разстанусь. Слишкомъ привыкъ, что вокругъ дома, гдѣ живу, куда ни глянешь все свое. Да и крестьянъ не хочу видѣть въ чужихъ рукахъ.

— Да, вѣдь, они у васъ на выкупѣ.

— Положимъ что такъ. А все-таки будто не совсѣмъ чужіе. Ну, я и думаю когда-нибудь все это сыну передать, и старую усадьбу, и старые порядки...

— Да Александръ Степановичъ не очень, кажется, на счетъ старыхъ порядковъ-то: ему не до хозяйства.

— Эхъ, батюшка, Семенъ Кирилловчъ, перемелется—мука будетъ. И я былъ молодъ; только тогда мы больше, конечно, инымъ увлекались, а не разными идеями, а вотъ теперь остепенился, корни пустилъ. Повѣрьте, яблоко отъ дерева не далеко упадетъ.

До нихъ сталъ доноситься жидкій звонъ надтреснутаго колокольчика. Скоро изъ-за пыли на дорогѣ показался небольшой тарантасъ съ парой лошаденокъ.

— Вотъ и гость ѣдетъ, должно-быть,—сказалъ Ша-

товъ подходя къ окну. — Нечего сказать, господинъ Орленевъ довольно смиреннымъ образомъ изволитъ вступать въ ваши владѣнія,—дополнилъ онъ, обращаясь уже къ вошедшей хозяйкѣ дома.

VI.

Орленевъ живо выскочилъ изъ своего тарантасика и, предоставивъ слугамъ розобраться съ вещами, тотчасъ прошелъ въ гостиную. Петръ Михайловичъ принялъ Евгенія съ распростертыми объятіями, насколько его натура была вообще способна на это радушное движеніе. Софья Сергѣевна встрѣтила его холоднѣе. Несмотря на двукратное приглашеніе, ей немного страннымъ казалось видѣть этого человѣка, въ качествѣ друга дома, подъ своимъ кровомъ. Орленевъ, если онъ и примѣтилъ этотъ оттѣнокъ, нисколько имъ не смутился.

— Я нарочно къ вамъ упалъ какъ снѣгъ на голову,— весело отвѣчалъ онъ на упреки хозяевъ.—Терпѣть не могу впередъ обязываться телеграммой. Запылило меня, правда, и пекло немножко въ этомъ допотопномъ открытомъ экипажѣ, но это ничего, не бѣда.

Увидѣвъ Настю онъ быстро подошелъ къ ней.

— Какъ вы выросли!—сказалъ онъ, подавая ей обѣ руки.—Неужели это вы, та Настя,—вы, которую я шесть лѣтъ тому назадъ... Онъ почему-то оборвалъ свое восклицаніе.—Или теперь васъ ужъ слѣдуетъ называть Анастасіей Петровной? Нѣтъ! не правда ли? Можно по-старому, и вы для меня прежняя Настя, а я—старый дядя Женя? Или, еще лучше, мы хорошіе, давнишніе пріятели?

И говоря это, онъ взялъ ее за голову и поцѣловалъ въ лобъ. Настя, повидимому, находила, что это въ порядкѣ вещей; она ему не противилась и даже не покраснѣла.

— А я вамъ,—продолжалъ онъ шутить,—какъ малень-

кой дѣвочкѣ изъ Москвы цѣлый ворохъ конфектъ привезъ. Поневолѣ забудешь съ годами, какъ дѣти растутъ. Ну, сердитесь на меня сколько угодно, а я не могъ себѣ васъ представить иначе, какъ ребенкомъ, и очень милымъ ребенкомъ, котораго всегда ровно въ девять часовъ отсылали спать.

Посыпались вопросы. Орленевъ мигомъ оживилъ Покровское своимъ присутствіемъ; даже Петръ Михайловичъ смѣялся, когда Евгеній сталъ разсказывать, какъ онъ было усердно принялся за хозяйство, не умѣя отличить яровыхъ отъ озимыхъ полей. Одну Софью Сергѣевну его веселость не заразила. Снова обратившись къ Настѣ, онъ замѣтилъ нотную тетрадь, которую она разсѣянно перелистывала.

— Что̀ это такое?—спросилъ онъ.—*Борисъ Годуновъ!*... Неужели эти маленькіе пальчики станутъ брать такіе сумбурные аккорды?

— А вы знаете оперу Мусоргскаго?—вмѣшался Александръ.

— Грѣшный человѣкъ — нѣтъ. Пробовалъ какъ-то разбирать, да терпѣнья не хватило. Съ меня и этого опыта было достаточно. Меня морозъ пробираетъ по спинѣ отъ одного взгляда на эту партитуру.

— Вы однако, надѣюсь,—замѣтила улыбаясь Настя,— не обо всемъ судите по такому легкому знакомству?

— Я вообще судить не люблю. Судить опасно. Когда мнѣ что-нибудь или кто-нибудь не нравится, я просто отворачиваюсь.

— Напрасно вы, однако, Евгеній Александровичъ,—сказалъ молодой Гашинъ,—отворачиваетесь отъ родного искусства, особенно вы, который...

— Что-жъ!—весело отвѣтилъ Евгеній,—потому только что я написалъ десятокъ посредственныхъ картинъ, я по вашему обязанъ платить лепту удивленія и, простите меня, скуки всякому, кому угодно насъ подарить безобразнымъ произведеніемъ? Слуга покорный! Если мои картины не нравятся, никто ими любоваться не обязанъ.

Отчего же долженъ я слушать музыку, которая рѣжетъ мнѣ ухо? Впрочемъ,—добавилъ онъ, замѣтивъ по лицу Александра, что его этотъ споръ задѣлъ за живое,—я въ судьи не гожусь. Не мое призванье.

И, обратившись къ Софьѣ Сергѣевнѣ, онъ просилъ указать ему комнату, чтобы переодѣться до обѣда.

Когда онъ черезъ полчаса спустился опять изъ верхняго этажа, онъ засталъ Софью Сергѣевну одну на балконѣ. Мужчины съ Настей отправились въ садъ.

— Какъ тутъ у васъ хорошо и прохладно!—сказалъ онъ, садясь противъ нея на плетеный стулъ.—Столько свѣта и воздуха! И какъ все это легко, изящно. Ничто не просится подъ глазъ, но все его незамѣтно ласкаетъ. Видно, что здѣсь все дѣло вашихъ рукъ.

— Нѣтъ, Орленевъ, вы, пожалуйста, не льстите. Мнѣ въ самомъ дѣлѣ хочется знать, какъ нравится мое Покровское такому избалованному человѣку, какъ вы.

—Стиля тутъ конечно нѣтъ,—улыбаясь отвѣчалъ Евгеній,—и русскаго стиля въ особенности. Но къ чему онъ намъ? Въ нашей молодой странѣ не нужна строгая форма. Цвѣтовъ у васъ видимо-невидимо, а что можетъ быть лучше цвѣтовъ? Все здѣсь вокругъ васъ будто улыбается счастьемъ.

— Вотъ оно мое счастье! прервала его Софья Сергѣевна, указавъ на Настю, платье которой мелькнуло изъ-за кустовъ бузины. — Какъ вы ее находите, Орленевъ?

— Вы мнѣ говорили, помните тогда весной, что со временемъ она будетъ недурна. Вы къ ней несправедливы. У ней болѣе, чѣмъ красота; это слово для нея не годится, оно слишкомъ грубо для нея. Вся она—и душой, и внѣшностью—чудная гармонія, отъ которой на сердцѣ становится легко.

— Какая у этихъ художниковъ страсть къ преувеличенію! Она просто добрый ребенокъ, котораго я воспитала довѣріемъ и свободой. Я старалась быть ея другомъ, и это мнѣ удалось, а для меня,—добавила она

понизивъ голосъ,—она была настоящимъ ангеломъ-хранителемъ...

Появленіе Насти прервало ихъ разговоръ.

— Что, мама,—начала она,—не показать ли Евгенію Александровичу садъ?

— Послѣ, мой другъ, успѣешь. Сейчасъ обѣдъ подадутъ.

— А что,—спросилъ Евгеній у Софьи Сергѣевны,—у васъ всегда такъ людно, какъ сегодня? Настоящая vie de château....

— De chateau de cartes,—смѣясь возразила Софья Сергѣевна.—Откровенно говоря, обязанности гостепріимства иногда немного утомительны. Я совсѣмъ отвыкла отъ общества, да нечего дѣлать. Знаете, Орленевъ, что я превратилась въ настоящаго профессора агрономіи? Мы здѣсь пресерьезно занимаемся фермерствомъ.

— Представьте себѣ,—вмѣшалась Настя,—что мама встаетъ здѣсь въ семь часовъ и сама за всѣмъ присматриваетъ. Управляющему это даже очень непріятно. А что,—вдругъ спросила она,—вы согласитесь снять одинъ изъ нашихъ маленькихъ видовъ? У меня здѣсь есть одно любимое мѣсто въ лѣсу. Вы должны непремѣнно обѣщать.

— Она сама очень недурно рисуетъ,—сказала мать, поправляя на ея лбу нависшую прядь волосъ.

Орленевъ, конечно, обѣщалъ. Между тѣмъ на поворотѣ аллеи показались соломенныя шляпы мужчинъ, и послышался голосъ Петра Михайловича что-то объяснявшаго.

— Что-жъ, Семенъ Кирилловичъ,—говорилъ онъ, подходя къ балкону,—какъ вы находите мои жатвенныя машины? Убѣдились ли вы въ моемъ расчетѣ? Не правда-ли, Адамъ Карлычъ,—обратился онъ къ управляющему, почтительно шедшему позади,—съ каждой десятины получается барыша...

— Двое рублей и семьдесятъ одинъ съ половиной копѣйка,—отчетливо, съ сильнымъ нѣмецкимъ акцентомъ,

отчеканилъ свой отвѣтъ Адамъ Карловичъ. Это былъ высокій худощавый нѣмецъ, съ рыжеватою бородой, краснымъ лицомъ и необыкновенно плоскими желтыми волосами. Рядомъ съ ними шелъ докторъ, жившій у Криницкихъ, пухленькій человѣчекъ съ сердитымъ и кислымъ лицомъ.

Шатовъ собирался что-то возразить, но раздался громкій звонокъ къ обѣду, и все общество перешло въ столовую.

— Настоящій замокъ,—шепнулъ Орленевъ Софьѣ Сергѣевнѣ,—со всѣми вассалами, приличными вашему сану. Даже лейбъ-медикъ налицо. Все какъ слѣдуетъ.

По правую сторону хозяйки помѣстился Шатовъ, по лѣвую Степанъ Дмитріевичъ. Орленева Петръ Михайловичъ усадилъ рядомъ съ собой; на противоположномъ концѣ стола сѣла Настя, возлѣ молодого Гашина. Начало обѣда прошло, какъ водится, молчаливо; мужчины усердно занимались ѣдой; только Шатовъ, хоть и сильно проголодался, не переставалъ любезничать съ хозяевами, говорилъ комплименты Настѣ и расхваливалъ повара. Орленевъ, между тѣмъ, молча изучалъ новыя для него лица; его зоркій глазъ, привычный къ наблюденію, умѣлъ разбирать черты незнакомыхъ ему людей. Онъ любилъ упражняться въ этомъ и дѣлалъ это вовсе не изъ природной насмѣшливости, а просто ради удовольствія разрѣшить задачу. Ошибаться ему случалось очень рѣдко.

„Что за голова для этюда“! думалъ онъ, глядя на Степана Дмитріевича, „что за великолѣпный лобъ съ этими курчавыми бѣлыми волосами. Крупный, орлиный носъ, здоровыя щеки, богатырскіе усы,—старый рубака, какъ вылитый. Подъ кисть Рембрандта просится. Но за то губы слишкомъ мягки, безъ очертанія и глаза какъ у ребенка. Сила и вялость, слитыя вмѣстѣ и душа на распашку, конечно. А этотъ—его сынъ—высокій, узкій лобъ, безпокойные глаза, лицо часто бросаетъ въ краску а губы то и дѣло подергиваетъ. Горячъ и упрямъ: сей-

часъ видно—добрый малый, но еще не установился. Своихъ мыслей немного, но за то тѣ, что есть, засѣли крѣпко".

Одно лицо Шатова не выдало Орленеву своей тайны; но въ немъ была такая смѣсь самодовольства и пронырливости, что оно равно годилось для продувного сельскаго писаря и для разбогатѣвшаго уѣзднаго магната, хорошо сознающаго свое достоинство.

Все это мигомъ промелькнуло въ головѣ Орленева. За то, когда его взглядъ упалъ на опущенные глаза Насти, онъ долго не могъ оторваться отъ ея прелестнаго личика.—„Что за чистота линій! Это Грёзъ—и такой Грёзъ, котораго ему не удалось написать. Что за очертаніе губъ—ихъ ни одна кисть не съумѣла бы передать. Дѣтская непринужденность во всемъ ея существѣ; ротикъ такъ и хочетъ порѣзвиться, а вмѣстѣ съ тѣмъ эти глаза—чистые и глубокіе, какъ у Мадонны! Она и ея мать—какое противорѣчіе! И еще говорятъ про наслѣдственность! Та—безпокойная, страстная; пылкая натура сквозитъ до сихъ поръ, несмотря на обѣтъ быть матерью—и только. А дочь—ни одной тревожной мысли не промелькнуло за этими длинными черными рѣсницами, брови ни разу не дрогнули, выраженіе глазъ никогда ничего не скрывало. А когда они полюбятъ эти чудные глаза..." Тутъ мысли замечтавшагося художника были остановлены на ходу обращеннымъ къ нему вопросомъ Софьи Сергѣевны.

— Орленевъ, о чемъ вы задумались? Семенъ Кирилловичъ предлагаетъ вечеромъ поѣхать на Авдѣеву мельницу чай пить. Это верстъ пять отсюда. Хотите? Или вы слишкомъ устали съ дороги?

— Разумѣется поѣду и съ величайшимъ удовольствіемъ. А что мельница эта—одна изъ Покровскихъ достопримѣчательностей. Вашъ мѣстный Петергофъ?

— А вотъ увидите. Я хвастать не хочу. Адамъ Карловичъ, вы распорядитесь на счетъ экипажей. (Управляю-

щій въ отвѣтъ только моргнулъ красною вѣкой своего лѣваго глаза). Докторъ, вы поѣдете?

Докторъ что-то неопредѣленное промычалъ въ носъ.

— У васъ больные? Ну, тогда, конечно, нельзя,—пополнила она его неясный отвѣтъ, стараясь и съ нимъ быть любезною.

— Напрасно, докторъ, напрасно!—подтрунивалъ надъ нимъ Шатовъ:—служеніе человѣчеству—великое дѣло, но и чистымъ воздухомъ подышать не мѣшаетъ. Или вы предпочитаете дома какихъ-нибудь лягушекъ рѣзать?

— Я уже сказалъ ея превосходительству,—рѣзко и нетерпѣливо отвѣтилъ докторъ,—что у меня больные.

— Какіе тутъ больные въ такую погоду, да еще въ сѣнокосъ! Погодите, вотъ послѣ завтра Казанская, такъ всѣ эти больные у кабаковъ будутъ валяться. У меня третьяго дня мой старшій выводчикъ на конномъ заводѣ тоже больнымъ объявился, говоритъ, что смерть ему пришла. А я у него спросилъ: „что, Сидоръ, а въ кабакъ пошелъ бы“? и велѣлъ ему дать три рубля на чай: онъ у меня вѣдь молодецъ. Ну, мой Сидоръ и былъ таковъ, цѣлый день прогулялъ, а сегодня какъ ни въ чемъ не бывало. Вотъ мое лѣченіе!

Шатовъ разсмѣялся, но смѣхъ его не нашелъ отголоска. Немного сконфуженный, онъ обратился къ Степану Дмитріевичу.

— Вотъ вы, батюшка, все на своихъ рабочихъ жалуетесь. А у меня посмотрѣли бы, какъ по стрункѣ ходятъ.

— Вы, Семенъ Кирилловичъ,—слегка обиженнымъ тономъ отвѣчалъ Гашинъ,—человѣкъ новаго времени; вы, что и говорить, свѣжая сила. Вамъ и книги въ руки. А намъ только вѣкъ кое-какъ доживать приходится, да косточки сложить. Мы къ уваженію привыкли и судиться съ народомъ не умѣемъ.

— Э, помилуйте, не во времени дѣло и ужъ не въ судѣ конечно. Хотѣлъ бы я видѣть, чтобъ меня къ мировому притянули! При какихъ угодно порядкахъ,

съ твердостью да съ деньгами все сдѣлать можно. Мои старшины, напримѣръ (Шатовъ, не хуже любого французскаго министра, всѣхъ у себя въ уѣздѣ любилъ называть „своими“), даромъ что народъ прожженный, а какъ предо мной дрожатъ. И всѣ знаютъ, что кому изъ господъ дворянъ угодно ко мнѣ обратиться съ законнымъ требованіемъ, конечно, все мигомъ будетъ исполнено.

Шатовъ при случаѣ не прочь былъ прихвастнуть.

— А ужъ коли рѣчь зашла о новомъ времени,— неожиданно закончилъ онъ,—то настоящій представитель его вовсе не я, а вашъ сынокъ Александръ Степанычъ.

Александръ не выдержалъ.

— Да, Семенъ Кириллычъ,—сказалъ онъ,—мы съ вами люди совершенно различныхъ лагерей, хоть вамъ и угодно на земскомъ собраніи выдавать себя за передового...

— Ахъ, батюшка,—добродушно воскликнулъ Шатовъ, —куда махнули! Охотники, нечего сказать, мы до этихъ кличекъ! Я просто хочу, чтобъ у меня въ уѣздѣ порядокъ былъ, люди не зѣвали по великорусскому, а дѣло дѣлали, а это, разумѣется, значитъ быть самымъ передовымъ изъ передовыхъ...

— Вы совершенно правы,—замѣтилъ Петръ Михайловичъ,—и необходимо, чтобы всѣ образованные, такъ сказать, лучшіе люди дружно шли по этому пути. И вы,—обратился онъ къ Александру,—какъ одна изъ нашихъ молодыхъ силъ, вы, облеченный довѣріемъ земства, должны бы сочувствовать Семену Кирилловичу. Именно молодые члены дворянскаго сословія должны, согласно видамъ правительства, руководить общественнымъ развитіемъ.

— Извините меня, ваше превосходительство,—тихо возразилъ Александръ,—но то дворянство, о которомъ вы говорите, отжило свой вѣкъ. Что бы мы ни дѣлали, наши имѣнія рано или поздно должны перейти въ иныя руки, мы уступимъ мѣсто новымъ людямъ, и

пусть этими людьми будутъ наши крестьяне, а не какіе-нибудь кулаки и аферисты.

— Какъ? что?—въ одинъ голосъ воскликнули Криницкій и старикъ Гашинъ. Шатовъ только посмѣивался да игралъ часовою цѣпочкой.

— Да, крестьяне,—продолжалъ молодой человѣкъ.— Хорошо ли это, дурно ли, не мое дѣло судить, а что съ этимъ помириться необходимо, въ этомъ я увѣренъ. А намъ, дѣтямъ прежнихъ помѣщиковъ, остается одно— честно помогать сѣрому люду, образовывать его и привыкнуть къ мысли, что и намъ пришла очередь трудиться.

— Что за трогательное смиреніе!—насмѣшливо сказалъ Шатовъ.—Одного только не понимаю: вы, вотъ, изволите говорить, что трудиться надо, а въ награду за это сулите намъ разореніе—заманчивая будущность, нечего сказать! Изъ-за чего же вы будете трудиться?

— Пожалуй, можно и коммерческими оборотами въ банкахъ заняться,—рѣзко отвѣтилъ молодой Гашинъ.— Это то же чисто дворянское дѣло и ужь вовсе не разорительно....

На Орленева съ самаго начала непріятно дѣйствовалъ этотъ разговоръ заряженный электричествомъ.

— Что̀ вы, право,—обратился онъ полушутливо къ Александру, встряхивая своими густыми, темнорусыми волосами, — будто панихиду поете! Настоящее такъ хорошо, а вамъ грезятся въ будущемъ такіе ужасы.

И совершенно невольно онъ взглянулъ на сидѣвшую противъ него молодую дѣвушку. Вотъ дуракъ, подумалъ онъ, случай ему доставилъ сосѣдство этого прелестнаго существа, а онъ о какихъ-то крестьянахъ думаетъ вмѣсто того.... Хороша молодежь нечего сказать?

Должно-быть и Александръ подумалъ то же самое въ эту минуту; только онъ не возражалъ Орленеву, а робко поднявъ глаза къ Настѣ обратился къ ней съ какимъ-то вопросомъ. У нихъ завязался разговоръ и повидимому она отвѣчала ему охотно, почти дружески.

„Неужели ей нравится этотъ неотесанный провинціалъ?—продолжалъ съ самимъ собою разсуждать Орленевъ. Нѣтъ, взглядъ также спокоенъ, въ глазахъ ни малѣйшей искры.... Она добра съ нимъ, какъ и со всѣми, вотъ и все....“

Онъ, однако, не утерпѣлъ и вмѣшался въ ихъ разговоръ. Не большого труда стоило ему, баловню успѣха, отвлечь вниманіе молодой дѣвушки и своею легкою, остроумною болтовней вызвать на ея лицѣ сочувственную улыбку. Александръ до самаго конца обѣда погрузился въ недовольное молчаніе.

Между тѣмъ разговоръ сталъ общимъ. Шатовъ все болѣе оживлялся и сыпалъ анекдотами. Въ этихъ разсказахъ всегда проглядывало глумленіе надъ тѣми, которые имѣютъ слабость увлекаться какими-то теоріями въ какой бы то ни было сферѣ, и сознаніе того, что онъ, Шатовъ, отъ такой слабости вполнѣ свободенъ.

— Посудите сами,—говорилъ онъ,—коли мнѣ нужно до чего-нибудь дойти, не все ли мнѣ равно по какой я пойду дорогѣ, лишь бы до цѣли добраться. А вѣдь сколько добрыхъ людей на свѣтѣ, которымъ непремѣнно хочется на своемъ поставить и на проломъ идти, хоть подъ ногами у нихъ можетъ-быть окажется яма, а стоило бы имъ сдѣлать только маленькій обходецъ,—и цѣль достигнута. На охотѣ, вѣдь, никогда почти звѣрь или птица не поднимутся съ того именно мѣста, откуда ихъ поджидаютъ, а сколько такихъ, которые весь вѣкъ простоятъ въ ожиданіи и ничего не застрѣлятъ, между тѣмъ какъ дичь проскочитъ у нихъ подъ носомъ.

— А вы всегда бьете навѣрняка?—спросилъ Степанъ Дмитріевичъ

— Скорѣй на удачу. Когда дробью стрѣляешь, нельзя знать напередъ, какая дробинка въ цѣль попадетъ. Ну, я въ жизни и старался всегда бить дробью. Хоть она и мелка, а попади она въ самое сердце—все-таки убьетъ.

— А, вѣдь, это тоже своего рода теорія,—смѣясь замѣтила Софья Сергѣевна.

— Вы мнѣ немного тѣхъ игроковъ напоминаете,— сказалъ Орленевъ,—которые разомъ покрываютъ всѣ ставки, чтобы не ошибиться.

— Жизнь не рулетка,—отвѣчалъ Шатовъ.—Случается и такъ, что ставка мала, а выигрышъ большой.

— Ну, извините,—вставилъ Криницкій,—къ сельскому хозяйству ваше правило не относится. Въ томъ-то и бѣда, что у насъ, вопреки всѣмъ требованіямъ науки, хотятъ работать безъ оборотнаго капитала. А земля скупа, никому не повѣритъ въ долгъ.

— Наша русская земля, Петръ Михайловичъ, очень капризное существо. Иной за ней вѣкъ ухаживаетъ и ничего отъ нея не добьется, а другой сразу всѣ милости получитъ. Мы, русскіе, привыкли натискомъ брать. Такъ ли, Адамъ Карловичъ?

— Ничего дѣлать нельзя безъ раціональный хозяйства,—рѣшительно произнесъ Адамъ Карлычъ и пристально посмотрѣлъ на Шатова своими оловянными глазами.

— Знаю я ваше раціональное хозяйство! Дорогія машины вмѣсто дешевыхъ рукъ, безполезная роскошь въ содержаніи скота, паровые плуги, зерносушилки...

— Орленевъ, вы знаете что̀ такое зерносушилка?— вдругъ спросила Софья Сергѣевна.

— Каюсь откровенно, нѣтъ,—разсмѣялся тотъ.

— Стыдно!—погрозила она ему пальцемъ.—А я знаю, и даже Настя знаетъ.

— Мнѣ жаль, что такой просвѣщенный человѣкъ, какъ вы,—началъ опять Криницкій,—возстаете противъ введенія у насъ улучшенныхъ пріемовъ хозяйства. Адамъ Карлычъ вамъ скажетъ, что только ими достигается одновременно выгода и прогрессъ.

Адамъ Карловичъ хотѣлъ что-то сказать, но, встрѣтивъ насмѣшливый взглядъ лукавыхъ глазокъ Шатова только смиренно опустилъ свой взглядъ на тарелку, какъ бы призывая ее во свидѣтели.

— Ваше превосходительство,—немного торжественно

отвѣчалъ Шатовъ,—просвѣщайте насъ, и мы охотно пойдемъ по слѣдамъ вашимъ. А пока мы по одежкѣ протягиваемъ ножки.

Сообразивъ, однако, что не мѣшаетъ во-время уступить мнѣнію такого лица какъ Криницкій, Шатовъ ловко повернулъ разговоръ въ другую сторону и до конца обѣда былъ неистощимо забавенъ. Ему нужно было переговорить съ Петромъ Михайловичемъ по важному дѣлу, въ которомъ вліяніе Криницкаго въ Петербургѣ могло оказать значительную помощь. Должно быть ему удалось склонить Криницкаго въ свою пользу; по крайней мѣрѣ, когда послѣ обѣда онъ вышелъ изъ кабинета Петра Михайловича, гдѣ долго они оба пробесѣдовали, лицо Шатова сіяло и онъ съ глубокимъ чувствомъ пожималъ руку государственнаго человѣка, говоря ему: „стало быть, ваше превосходительство, вы мнѣ позволите надѣяться“...

— Я всегда,—отвѣтилъ Криницкій,—къ услугамъ тѣхъ, которые, подобно вамъ, своими предпріятіями обогащаютъ край и своимъ положеніемъ доставляютъ правительству надежныя гарантіи.

Дѣло шло о крупномъ казенномъ подрядѣ.

Въ восемь часовъ были поданы лошади. Шатова и Степана Дмитріевича съ Александромъ Софья Сергѣевна посадила съ собой въ коляску. Орленевъ долженъ былъ ѣхать съ Настей въ ея маленькомъ кабріолетѣ.

— Поручаю вамъ Настю, — сказала ему Софья Сергѣевна.—Только править я вамъ не позволяю. Она у меня на этотъ счетъ молодецъ, а на васъ, кажется, надежда плоха.

Экипажи тронулись. Немного позади, нетерпѣливо пофыркивая, шла тройка Шатова, а вслѣдъ за ней ѣхалъ сильно подержанный тарантасъ Гашиныхъ. Авдѣева мельница была на полдорогѣ отъ ихъ усадьбы, и гости послѣ чаю собирались къ себѣ домой.

VII.

Настя ловко подобрала вожжи и пустила лошадь мелкою рысцой. Видно было, что та привыкла къ ея рукѣ; помахивая хвостомъ и качая слегка головой, не молодая ужъ сѣрая кобыла шла ровно и легко, увѣреннымъ ходомъ старыхъ животныхъ, которыя сознаютъ, конечно, что они гораздо лучше своихъ господъ понимаютъ, что имъ нужно дѣлать и куда везти.

Почти съ самой усадьбы дорога тянулась лѣсомъ. Это былъ не сплошной старинный боръ, а пестрая смѣсь лиственныхъ породъ, гдѣ изрѣдка попадались хмурыя ели. Березы кое-гдѣ бѣлѣли среди черныхъ стволовъ, и нѣжная кудрявая листва клена и липы весело зеленѣла вокругъ черствыхъ дубовыхъ вѣтвей. Кое-гдѣ попадались лужайки, и тамъ, гдѣ заросль становилась рѣже, сквозь чащу виднѣлся крутой берегъ рѣки.

Вечеръ былъ дивный. Косые солнечные лучи украдкой пробирались между стволовъ и освѣщали низко растущую вѣтку, или яркимъ пятномъ ложились на траву, а тамъ, на полянѣ, вдругъ заливали верхушки цѣлой группы деревьевъ. Странныя длинныя тѣни, будто ползущіе великаны, пересѣкали дорогу. Хорошъ лѣсъ весною, когда только что успѣлъ онъ одѣться въ сочную зелень и полнымъ хоромъ раздаются въ немъ звуки молодой жизни. Но лучше еще онъ въ своей торжественной тиши, когда природа уже справила свою весеннюю свадьбу и замолкли въ немъ голоса радости и любви; онъ смотритъ будто строже, онъ постарѣлъ и смирился предъ неизбѣжною участью впереди и, бодрый еще, но уже спокойный, онъ будто нашептываетъ слова покорности, мира.

И эта покорность, и этотъ миръ были на душѣ Евгенія. Бываютъ въ жизни минуты, когда отъ будущаго нечего требовать и, кажется, что его нечего бояться,— короткія и рѣдкія минуты драгоцѣнны именно своею

краткостью. Хорошо въ жизни увлеченіе борьбой и напряженіе дѣятельности; но еще, можетъ быть, лучше отдаться на мигъ убаюкивающему чувству неподвижности, какъ на спокойныхъ водахъ залива, когда едва вздымается лѣнивая волна, а кругомъ вездѣ свободная гладь. Орленевъ могъ оглянуться на свое прошлое съ полнымъ удовлетвореніемъ, его не тревожило ни одно воспоминаніе, его имя пріобрѣтало извѣстность, а предъ нимъ широкая неспѣшная дорога и полная возможность наслаждаться минутой.

Разговоръ его съ Настей былъ незатѣйливаго свойства. Она говорила съ нимъ совершенно просто и свободно, будто съ членомъ семьи, къ которому она издавна привыкла. Въ его обращеніи съ ней не было и тѣни того обязательнаго ухаживанья, безъ котораго рѣдко обходится встрѣча хорошенькой дѣвушки съ молодымъ человѣкомъ.

— Мы съ вами много здѣсь гулять будемъ, Настя,— говорилъ онъ.—Я большой охотникъ до длинныхъ прогулокъ. И вы то же? Ну, и прекрасно. Мы вмѣстѣ порисуемъ. Кто былъ вашъ учитель?

Она назвала учителя.

— Гм.! грубоватъ немного. Талантъ есть, правда; но изъ тѣхъ, которые воображаютъ будто ими свѣтъ начался, и все хотятъ въ искусствѣ найти какіе-то новые пути. Tout chemin même à Rome, положимъ, во всемъ гдѣ угодно, только не въ искусствѣ.

— Я много видѣла его картинъ. Онѣ очень оригинальны.

— Оригинальны, спора нѣтъ,—улыбаясь отвѣтилъ онъ.—И уродливость бываетъ оригинальна.

— Онъ говорилъ мнѣ, что всегда, прежде всего, стремится къ правдѣ. Развѣ правда не нужна въ живописи?

— Ну, задали вы мнѣ вопросъ! Объ этомъ цѣлые томы разной чепухи написаны. Правда—великое слово, потому что смыслъ она имѣетъ часто очень различный, а иногда и просто никакого. Вы не понимаете? нѣтъ?

Видите, положимъ я стану съ васъ портретъ рисовать. Какъ вы думаете, если я все вниманіе обращу на то, чтобы въ точности скопировать каждую складку вашего платья, вашу шляпу, прическу, — словомъ напишу васъ какъ вы теперь, съ вѣрностью фотографіи, портретъ будетъ хорошъ? Или долженъ я прежде всего стараться уловить то особое, настоящее выраженіе, въ которомъ только вы и сказываетесь вполнѣ. Вы не знаете развѣ, что у каждаго изъ насъ есть особенная черта, въ которой и выражается весь человѣкъ и найти которую не легко, потому что слишкомъ часто она скрывается, а у молодой дѣвушки и подавно. Вы, можетъ-быть, думаете, что вы всегда одна и та же Настя. Далеко нѣтъ; а поймать настоящую, сокровенную Настю, то-есть ту, которая всѣхъ милѣе и лучше,—вотъ это и есть дѣло художника.

Она поневолѣ заслушалась и дала лошади перейти на шагъ. Такъ съ нею не говорилъ до тѣхъ поръ никто.

Вдругъ Орленевъ ахнулъ отъ удивленія. Дорога круто повернула направо. Лѣсной пригорокъ, по которому они ѣхали, обрывался, чаща порѣдѣла, и предъ ними явилась, будто въ сказкѣ, блестящая отъ вечерняго солнца поверхность небольшого озера. Рѣчка, притокъ Шата, образовавшая это озеро, налѣво замыкалась высокою плотиной, а дальше, внизъ за плотиной, широкою полосой тянулись луга. Весь берегъ озера, съ той стороны, откуда ѣхали Орленевъ и Настя, былъ покрытъ лѣсомъ, круто спускавшимся къ самой водѣ. На другомъ отлогомъ берегу широко раскинулись поля желтѣвшей, почти уже спѣлой ржи. Только ракиты, группами стоящія у плотины, рѣзко выдѣлялись, и дальше за озеромъ виднѣлись соломенныя крыши деревни. На плотинѣ стояло большое, почти новое зданіе. Это и была Авдѣева мельница. Широкая картина просторной волнистой мѣстности странно поражала глазъ послѣ узкой рамки лѣса. Въ этотъ вечеръ она каза-

лась еще необычайнѣе отъ рѣзкихъ переливовъ тѣней. Надъ солнцемъ нависла большая сизая туча, и его лучи будто изподлобья глядѣли изъ-за нея, заливая яркою краской озеро и луга, между тѣмъ какъ на крутой лѣсистый берегъ пятномъ ложилась облачная тѣнь.

— Что вы такъ отстали?—спросила у нихъ Софья Сергѣевна, когда подъѣхали Орленевъ и Настя. — Не случилось-ли чего? Успокоившись на этотъ счетъ, Софья Сергѣевна обратилась къ Евгенію:—Что, стоитъ посмотрѣть на здѣшнія мѣста? Хороша Авдѣева мельница?

— Видъ-то хорошъ,—вставилъ Шатовъ,—а что черезъ полчаса у насъ гроза будетъ, въ этомъ вы можете быть увѣрены.

Въ самомъ дѣлѣ, навстрѣчу къ большой мрачной тучѣ, засѣвшей со стороны заката, съ востока шла медленно другая, зловѣщая блѣдножелтоватаго цвѣта, и по краю неба изрѣдка показывался дрожащій блескъ зарницы.

— Полноте, Семенъ Кирилычъ,—живо сказала Настя,— вы только маму напугаете и изъ-за васъ вся прогулка разстроится.

— Что, Федоръ, какъ ты думаешь? пронесетъ мимо? обратилась Софья Сергѣевна къ своему кучеру. Въ подобныхъ случаяхъ почему-то всегда любятъ прибѣгать къ авторитету этихъ доморощенныхъ метеорологовъ.

— Какъ знать, ваше превосходительство,—былъ довольно загадочный отвѣтъ Федора, — можетъ и пронесетъ. Коли вѣтеръ съ деревни подуетъ,—рѣшилъ онъ, глубокомысленно посмотрѣвъ на небо, — безпремѣнно мимо пройдетъ.

— Ну, дѣлать нечего,—сказала Софья Сергѣевна,— будь, что будетъ. Пока наша судьба рѣшится, мы сойдемъ къ берегу и здѣсь намъ все приготовятъ къ чаю.

Она направилась съ Шатовымъ и Евгеніемъ по узкой тропинкѣ, спускавшейся къ плотинѣ. Настя шла впереди съ обоими Гашиными. Она смутно чувствовала,

что Александръ чѣмъ-то обиженъ и считала обязанностью приласкать его и ободрить.

Тропинка совсѣмъ оставила лѣсъ и снова повернула направо. Тутъ они стояли уже прямо лицомъ къ закату.

Солнце спустилось за край тучи, небосклонъ побагровѣлъ и высокія поля вокругъ озера мигомъ освѣтились. Только лѣсная тѣнь все росла и росла, и все ближе подползала къ водѣ, будто собираясь выкупаться въ озерѣ и прикрыть его отъ солнечныхъ лучей.

— Дивно!—сказалъ Евгеній;—что за быстрая смѣна освѣщенія! Вотъ попробовать бы уловить на полотнѣ эти переливы. А нѣтъ, нельзя, природа не ждетъ.

Авдѣева мельница, несмотря на окружавшую ее веселую мѣстность, пользовалась въ народѣ дурною славой. Здѣсь, лѣтъ за сорокъ передъ тѣмъ, совершено было, какъ увѣряли, ужасное и неразгаданное дѣло. На мельницѣ жилъ тогда арендаторомъ богатый мужикъ изъ вольныхъ, Авдѣй Савельевъ. Онъ взялъ къ себѣ въ хозяйки изъ Покровскаго дѣвушку съ барскаго двора Аграфену. До него, правда, доходили слухи, что Аграфена пользовалась особыми милостями молодого покровскаго барина, да онъ на это не посмотрѣлъ, потому-ли что не вѣрилъ тому, или что красота Груни побѣдила въ немъ всѣ сомнѣнія. Человѣкъ онъ былъ нрава суроваго и рѣшительнаго, и думалъ, конечно, что послѣ свадьбы молодая жена будетъ у него въ рукахъ. Года два они жили хорошо. Авдѣй богатѣлъ, а жена не выходила у него изъ повиновенія. Вдругъ неожиданно для всего сосѣдства Авдѣй пропалъ безъ вѣсти. Цѣлые два дня мельница оставалась заколоченною. Аграфены никто не видалъ, а работники были усланы въ городъ съ мукой. Ночью на третій день,— дѣло было осенью и вѣтеръ дулъ немилосердный,— на мельницѣ вспыхнулъ пожаръ. Отстоять ничего не успѣли, все сгорѣло до тла. Въ развалинахъ нашли обуглившійся, совсѣмъ неузнаваемый трупъ женщины, а самого Авдѣя на слѣдующій день озеро выбросило

на берегъ. Совѣсть-ли его замучила, привелось-ли ему по несчастному случаю утонуть, никто не зналъ. Страшное событіе такъ и осталось темнымъ. Говорили, правда, въ народѣ, что Авдѣй уже съ мѣсяцъ предъ тѣмъ сталъ присматривать за женой и разъ накрылъ ее въ рощѣ съ бариномъ; увѣряли даже, что, подкарауливъ барина, онъ пустилъ въ него изъ ружья, да свидѣтелей въ лѣсу не было, а баринъ про это никому не заикался, хоть и долго послѣ того ходилъ съ перевязанною рукой. Съ тѣхъ поръ слишкомъ тридцать лѣтъ мельница не отстраивалась заново; не было охотниковъ жить на проклятомъ мѣстѣ, и народу даже не любо было проѣзжать вечеромъ по запущенной плотинѣ. Тамъ, какъ разсказывали, лѣса въ то время были и гуще, и больше теперешнихъ,—ребята шалили по ночамъ. Но все то было и быльемъ поросло. Когда Петръ Михайловичъ купилъ Покровское, онъ поставилъ новую мельницу на плотинѣ, и толстый ефремовскій мѣщанинъ держалъ ее за тысячу рублей; хоть и говорили мужики, что мельницѣ не сдобровать, онъ мало обращалъ вниманія на ихъ толки.

Все это Софья Сергѣевна гораздо подробнѣе разсказала Евгенію, пока они шли къ плотинѣ.

— Вотъ почему,—закончила она,—до сихъ поръ сохранилось названіе Авдѣевой мельницы. Что, не дурна легенда?

— Такъ хороша, что по моему слѣдовало даже оставить это мѣсто въ его прежней запущенности, ради сохраненія колорита,—отвѣчалъ Евгеній.

— И отказаться отъ тысячерублевой аренды? Полноте! - замѣтилъ Шатовъ.

—Вы ужасный человѣкъ,—полушутя возразила Софья Сергѣевна,—ни капли поэзіи! Впрочемъ, и такъ видъ не дуренъ; а я, признаюсь, не особенная охотница до деревенскихъ развалинъ. Къ нашимъ краямъ онѣ не идутъ. Не правда-ли, Орленевъ? А, впрочемъ, что васъ спрашивать!—вдругъ отрѣзала она смѣясь: — для васъ

природа существуетъ только какъ коллекція мотивовъ для полотна.

Они подошли къ самой плотинѣ. Все озеро лежало передъ ними и солнечный шаръ отражался въ немъ огненною струей, между тѣмъ какъ съ берега все наростали черныя тѣни. Зловѣщимъ и грознымъ, какъ пламя пожара, казался багровый закатъ среди тучъ, все ниже и гуще спускавшихся къ землѣ. Вдали поля и луга мало-по-малу исчезали въ надвигавшейся мглѣ, а на самомъ краю, на пригоркѣ, окна и крестъ сельской церкви, будто маякъ среди тьмы, блестѣли яркимъ отблескомъ заката. Вдругъ на востокѣ длинною полосой сверкнулъ блѣдный свѣтъ наступавшей грозы и вслѣдъ за тѣмъ, среди полнаго безмолвія, какъ угроза раздался отдаленный раскатъ.

— Вотъ первое предостереженіе,—сказалъ Шатовъ.

— За то какъ хорошо,—отозвалась Настя,—именно здѣсь хорошо при этой обстановкѣ. Евгеній Александровичъ, посмотрите, что за яркія южныя краски. И какая тишина! Все будто притаилось и ждетъ чего-то.

Она съ Александромъ стояла на самомъ берегу, вся освѣщенная заходящимъ солнцемъ. Багровые лучи играли на ея лицѣ, окрашивая ея бѣлое платье.

— Да—отвѣчалъ подходя къ ней Орленевъ,—тутъ есть что-то трагическое, несвойственное русской деревнѣ.

— А легенда про Авдѣеву мельницу? забыли?—сказала ему Софья Сергѣевна.—Какой вамъ еще трагедіи нужно?—Однако вернемтесь. Гроза, кажется, собирается не на шутку.

Какъ бы въ отвѣтъ ей молнія ярче прежняго освѣтила пригорокъ, на которомъ стояла деревня, и почти тотчасъ затѣмъ раздался протяжный раскатъ.

Мигомъ природа будто пробудилась; вѣтеръ, какъ дрожь испуга, пробѣжалъ по вѣтвямъ и тотчасъ затихъ опять. Всѣ поспѣшили назадъ къ тому мѣсту, гдѣ стояли экипажи. Пока они шли по лѣсной тропинкѣ, все чаще поднимались рѣзкіе, короткіе порывы начинав-

шагося вѣтра; то здѣсь, то тамъ онъ будто ударялъ по деревьямъ, какъ неопытная рука нерѣшительно ударяетъ по струнамъ прежде, чѣмъ пройдетъ по нимъ стройнымъ напѣвомъ. И все громче слышался, на тысячу ладовъ, голосъ пробудившагося лѣса; сперва листья осины и липы забили свою легкую трель; потомъ по самой чащѣ вѣтвей пошелъ безпокойный, испуганный говоръ, а тамъ и сами стволы застонали, какъ бы стараясь дружнѣе сомкнуться и пропустить вѣтеръ надъ своею головой. Солнце едва только сѣло, но темнота уже со всѣхъ сторонъ надвигалась. Сѣрая, градовая туча быстро неслась съ востока, а подъ нею черное небо безпрестанно свѣтилось электрическимъ блескомъ.

— Софья Сергѣевна, мы васъ такъ не отпустимъ домой,—сказалъ Шатовъ, когда они дошли до поляны, гдѣ ихъ ожидали лошади,—мы васъ проводимъ со Степаномъ Дмитричемъ: каждую минуту становится темнѣе.

Хоть Софья Сергѣевна и отказывалась, рѣшено было, что они станутъ провожать до большой пасѣки, гдѣ былъ поворотъ, а оттуда уже коляска Криницкихъ поѣдетъ не лѣсомъ, а полями, что будетъ хоть и подальше, но за то безопаснѣе. Орленева и Настю Софья Сергѣевна посадила съ собою. Остальные поѣхали сзади до перекрестка.

VIII.

Гроза надвигалась все ближе. Молніи голубоватыми струйками бороздили небо. Лѣсъ стоналъ подъ ударами вѣтра, тучи спустились такъ низко, что едва было видно дорогу; лошади должны были идти шагомъ.

— Берегись, Ѳедоръ,—кричалъ изъ своей коляски Шатовъ кучеру Криницкихъ,—держи правѣе, тутъ рытвина.

Дамы перепугались не на шутку. Вѣтки, оторванныя вихремъ, то и дѣло попадали въ коляску. Наконецъ добрались до пасѣки. Здѣсь на большой полянѣ начиналась другая дорога, которая вела полемъ въ сосѣд-

нюю деревню. Экипажи повернули направо и минутъ черезъ пять были уже въ открытой мѣстности на перекресткѣ съ большимъ почтовымъ трактомъ. Тутъ Шатовъ и Гашины простились съ Софьею Сергѣевной.

— Я сожалѣю,— сказала она,—что, по милости этой прогулки, вы остались безъ чаю. До свиданія, надѣюсь до скораго..

Экипажи разъѣхались въ разныя стороны.

Шатовъ, не обращая вниманія на грозовые раскаты, весь углубился въ разсчеты затѣяннаго крупнаго предпріятія, какъ вдругъ его кучеръ, дюжій молодецъ съ разбойничьимъ лицомъ и здоровенною черною бородой, осадилъ лошадей и повернулся къ барину.

— Ваше высокородіе, Семенъ Кирилычъ,—сказалъ онъ,—проѣхать нельзя. Коробьевскій мостъ, вишь, разломало, а въ бродъ опасно въ такую темь.

— Коробьевскій мостъ! скоты какіе!—закричалъ Шатовъ, высовываясь изъ коляски.—Задамъ же я имъ подлецамъ!

— Должно-быть,—спокойно продолжалъ кучеръ,—обозами разломало. Къ Казанской въ городъ на ярмарку собираются. А нечего дѣлать, придется на Соколиху проѣхать.

— На Соколиху! да, вѣдь, это три версты крюку. Чего старшина зѣваетъ? Поѣзжай въ Коробьевку. Знаетъ онъ, каналья, что здѣсь отъ предводителя дорога, и мостъ у него подъ самымъ носомъ провалился. Ступай!

— На сѣнокосѣ должно-быть, ваше высокородіе, съ дѣвками хороводится теперь, старшина-то,—съ философскимъ спокойствіемъ замѣтилъ кучеръ.—Эй, вы! подобралъ онъ лошадей и лихо въѣхалъ въ сосѣднюю деревню Коробьевку.

Долго они провозились, пока явился къ нимъ сонный и оторопѣлый староста. Шатовъ бранился, кричалъ, что всю деревню разнесетъ и строго-на-строго приказалъ ему завтра же въ усадьбу къ десяти часамъ утра привести старшину, котораго погрозился на десять су-

токъ въ кутузку запереть, а ему, старостѣ, окаянному ротозѣю, и не то будетъ...

Между тѣмъ тарантасъ Гашиныхъ по узкому проселку ѣхалъ въ Ольховку.

— Саша, это наши поля кажется пошли?—обратился старикъ Гашинъ къ сыну.—Аверьяновскій межникъ проѣхали?—спросилъ онъ у кучера, но отвѣта не получилъ.

— Да, наши поля,—продолжалъ онъ, стараясь разглядѣть мѣстность, — вотъ оврагъ. Да что это такое? Саша, посмотри: рожь вся перепутана? Да это градъ былъ! а мы до сихъ поръ капли дождя не видали.

— Тутъ дѣйствительно, кажись, маленько градъ прошелъ,—равнодушно замѣтилъ кучеръ, кнутомъ показывая на помятыя поля.

— Паши мы послѣ этого землю,—продолжалъ старикъ.—Бросить хозяйство приходится, нечего дѣлать. А это что̀ такое,—громче воскликнулъ онъ, услыхавъ топотъ и ржанье лошадей и слабый звонъ колокольчика.

— Это мы ихъ спужали, ваше высокородіе,—отвѣчалъ кучеръ.—Крестьянскій, вишь, табунъ у самой дороги во ржи прилегъ, а вотъ теперь должно-быть, заслышавъ насъ, лошаденки и ускакали подальше.

— Въ рожь? въ рожь? А гдѣ же пастухи?

— Въ деревню, должно-быть, спрятались отъ ненастья,—засмѣялся кучеръ въ отвѣтъ,—а не то и въ кабакъ пошли, благо рукой подать. Вотъ онъ, сердечный.

— Бездѣльники! Я ихъ,—закричалъ Степанъ Дмитріевичъ и невольнымъ движеніемъ едва не выскочилъ изъ экипажа, но голосъ его даже въ гнѣвѣ былъ добродушный, а движеніе нерѣшительное.

— Что̀ вы, батюшка, бросьте,—останавливалъ Александръ.

— И въ самомъ дѣлѣ брошу, все брошу,—продолжалъ старикъ.—Саша, да что-жъ ты ко всему этому такъ равнодушенъ,—вдругъ обратился онъ къ сыну, ко-

торый всю дорогу упорно молчалъ, забившись въ уголъ тарантаса,—будто тебя это не касается?

— Ахъ, оставьте, батюшка, не то у меня въ головѣ,— неохотно проговорилъ Александръ.

— Не то? знаю, что у тебя въ головѣ, знаю. И ты, чего добраго, въ самомъ дѣлѣ влюбился въ эту дѣвочку? Неужели ты думаешь... да что тутъ толковать: влюбленнаго не вразумишь! Посуди самъ: мать стараго Арбатовскаго рода, отецъ сановникъ, состояніе хорошее,—и выдадутъ они за тебя единственную дочь? Принимаютъ они насъ здѣсь по сосѣдству, а ты попробуй-ка сунься къ нимъ въ Петербургѣ!.. Эй, братъ, выкинь дурь изъ головы...

— Объ одномъ васъ прошу, батюшка: оставьте этотъ разговоръ. Мнѣ право не до того, чтобы слушать нравоученія.

Старикъ покачалъ головой и затихъ. Онъ вообще не умѣлъ давать сыну отпоръ, и когда ему приходилось отъ него услышать рѣзкое слово,—а случалось это довольно часто, хоть Александръ и былъ горячо привязанъ къ отцу,—онъ только вздыхалъ, да задумывался надъ своею безпомощностью.

Софья Сергѣевна доѣхала благополучно. Гроза прогремѣла довольно скоро. Вѣтеръ мало-по-малу разогналъ тучи; дождя не было вовсе. Когда коляска подъѣзжала къ дому, уже вызвѣздило и только вдали на небосклонѣ изрѣдка мигала зарница.

— А что̀, Софья Сергѣевна,—шутилъ Орленевъ, высаживая дамъ,—вѣдь это пожалуй дурное предзнаменованіе? Какъ разъ въ день моего пріѣзда—гроза и разстроенная прогулка?..

— Зато посмотрите,—отвѣчала она въ томъ же тонѣ,— небо уже прояснилось. Вамъ стало-быть нечего бояться.

За чаемъ Софья Сергѣевна живо разсуждала съ управляющимъ насчетъ работъ слѣдующаго дня, дразнила Орленева его полнымъ незнаніемъ деревенскаго быта, съ явнымъ самодовольствомъ подчивала варенцомъ

и простоквашей, которые у нея были особенно хороши,— словомъ, казалась самою опытною и усердною хозяйкой. Орленеву даже почудилось, что она какъ бы съ намѣреніемъ въ его присутствіи старается придать себѣ этотъ видъ. По крайней мѣрѣ, когда онъ всматривался въ нее украдкою, онъ подмѣчалъ на ея лицѣ съ трудомъ сдерживаемое нервное безпокойство; какъ разъ послѣ того, какъ она скажетъ что-нибудь самымъ веселымъ, непринужденнымъ тономъ, черты ея вдругъ, не повинуясь волѣ, примутъ напряженно-усталое выраженіе. И едва встали изъ-за стола, она объявила, что голова у нея заболѣла послѣ грозы и ушла къ себѣ.

Орленевъ вышелъ на террасу подышать ночнымъ воздухомъ. Настя стояла тамъ облокотясь на перила. Петръ Михайловичъ усѣлся въ углу и при свѣтѣ фонарей читалъ газету, изрѣдка покашливая. Вѣтеръ совершенно стихъ. Воздухъ, какъ оно всегда и бываетъ послѣ грозы, будто обновился; онъ весь наполненъ былъ свѣжестью росистой зелени и въ то же время теплою южною нѣгой. Въ травѣ мелькали свѣтящіеся жучки. Небольшая струя фонтана среди цвѣточныхъ клумбъ искрилась въ лучахъ мѣсяца. И среди этой чудной тиши мотыльки вились около цвѣтовъ, напиваясь пахучимъ воздухомъ, нетопыри беззвучно проносились мимо, вся природа будто дышала полною грудью, и таинственно, шопотомъ сказывалась въ ней волшебная ночная жизнь.

Полный мѣсяцъ обливалъ своимъ тихимъ свѣтомъ молодую дѣвушку, выдѣляя ее среди полутѣни; его лучи серебрили ея волнистые пепельные волосы. Вся бѣлая и блестящая, она казалась призракомъ, но призракомъ всего того, что есть святого и чистаго, что въ молодые дни является воображенію не утратившему еще вѣру въ будущее.

Оба они долго стояли, молча любуясь, она—лунною ночью, онъ—еще болѣе ею. Вдругъ тихо, какъ бы продолжая давно начатый разговоръ, онъ спросилъ у нея:

— Что, Настя, хорошо жить на свѣтѣ?

Она только медленно кивнула въ отвѣтъ головой и потомъ на него подняла свои большіе откровенные глаза.

— Вы удивляетесь этому странному вопросу, Настя? значитъ, то же чувство у обоихъ насъ оказалось въ одно время. Вы знаете, что если привести въ колебаніе струну среди такой тишины, другая струна, на другомъ инструментѣ сама собою повторяетъ тотъ же звукъ? Ну, и съ людьми, я думаю, бываетъ то же самое.

— А какъ хорошо было бы,—сказала она,—еслибъ это созвучіе могло повторяться часто.

— Да, Настя, конечно. И для васъ та пора придетъ, когда всякая ваша мысль, даже не высказанная, найдетъ отраженіе въ мысли другого. А теперь я васъ объ одномъ попрошу. Мнѣ такъ бы хотѣлось услыхать то, что̀ мы чувствуемъ здѣсь въ эту дивную ночь. Да, услышать—звуки тоже, вѣдь, возсоздаютъ ощущенія. Я не музыкантъ, но вы, я знаю, играете хорошо. У васъ есть здѣсь *Сонъ въ лѣтнюю ночь?* Да? Ну, такъ, пожалуйста, сыграйте увертюру. Вы мнѣ доставите большое наслажденіе.

Она удивленно посмотрѣла ему въ блиставшіе глаза.

— Хорошо, Евгеній Александровичъ, но вы шутите, говоря, что я своей игрой...

— Не въ одной игрѣ дѣло,—живо перебилъ онъ ее:— эта музыка такъ подходитъ къ нашему теперешнему настроенію.

Она пошла съ нимъ въ большую гостиную и открыла рояль. Сначала ея пальцы робко ударяли по клавишамъ, но скоро и на нее подѣйствовало созвучіе этой волшебной музыки съ волшебнымъ вечеромъ. Странно и таинственно лились звуки по большой комнатѣ среди ночной тишины. Они вызывали изъ сказочнаго міра воздушныя созданія шекспировской фантазіи. Зала наполнилась этими легкими неземными существами, и они

будто купались въ бѣлыхъ лучахъ, которые мѣсяцъ слалъ въ широкія окна.

Настю поразилъ тотъ восторгъ, который выразился на лицѣ Евгенія, когда она кончила.

— Всегда играйте такъ, какъ теперь, — сказалъ онъ.—Слушая васъ, я былъ совершенно счастливъ. Когда-нибудь подъ вашими пальцами выльются и иные, не столь безмятежныя чувства...

Онъ вышелъ, и она долго неподвижно глядѣла ему вслѣдъ. Странное и незнакомое томительное чувство защемило ей грудь. Сама не зная почему, будто стыдясь чего-то, она наклонила голову и медленно пошла къ себѣ.

А онъ, между тѣмъ, стоялъ у открытаго окна въ своей комнатѣ, и, забывшись, глядѣлъ на звѣздное небо. И лучи мѣсяца, входя въ его комнату, будто тихо повторяли нѣжно таинственные аккорды Мендельсоновской увертюры.

IX.

На слѣдующее утро Орленевъ всталъ поздно. Внизу онъ засталъ одну Настю. Чай отпили давно; Софья Сергѣевна ушла къ себѣ; утренніе часы она посвящала чтенію и перепискѣ. Петръ Михайловичъ отправился въ поле.

Настя сидѣла на балконѣ и рисовала. На ней было свѣтло-сѣрое холстинковое платье, опоясанное чернымъ кожанымъ кушакомъ. Волосы были собраны на затылкѣ въ шелковую сѣтку.

— Мама проситъ васъ ее извинить,—сказала Настя, поздоровавшись съ нимъ.—До двѣнадцати часовъ, когда подаютъ завтракъ, она всегда уходитъ къ себѣ. У насъ здѣсь такъ заведено, что до завтрака всѣ и свои, и чужіе, совершенно свободны. Мама сказала, что вы, конечно, не разсердитесь.

— Еще бы! въ деревнѣ да церемониться. А я вамъ вотъ что предложу. Если вамъ не скучно будетъ промѣнять на мое общество голову вотъ этого старика, которую вы такъ усердно срисовываете, пойдемте въ рощу. Да кстати, мы захватимъ вашъ альбомъ и карандаши. Кто знаетъ, можетъ быть и пригодятся.

Улыбка удовольствія пробѣжала по ея лицу въ отвѣтъ на его слова. Они вышли изъ сада и, миновавъ усадьбу, минутъ черезъ десять, были уже на опушкѣ лѣса. День былъ сѣренькій, не жаркій; облака тонкимъ, полупрозрачнымъ слоемъ заволокли небо, вѣтра не было совсѣмъ; словомъ было то, что англичане называютъ a young ladies' weather.

Орленевъ разговорился и, одно за другимъ, сталъ передавать ей впечатлѣнія и воспоминанія изъ своего прошлаго. Разсказывалъ онъ смѣло и живо, какъ всегда, когда ему приходилось касаться дорогого ему искусства, а около этой главной оси вращалась вся его прошлая жизнь. Ему нравилась та полная непринужденность, которая сразу установилась между нимъ и Настей, и еще болѣе та покорная довѣрчивость, съ которой она его слушала. До того ему не случалось сближаться съ очень молоденькими дѣвушками, и эта короткость имѣла для него всю прелесть новизны.

— Знаете, однако, Настя,—говорилъ онъ шутя,—вы для меня настоящее, и притомъ очень милое открытіе. Кто бы могъ угадать, какія разнообразныя и оригинальныя мысли родятся въ головѣ у дѣтей! А мы на нихъ смотримъ какъ на красивыя и дорогія игрушки, до которыхъ и дотронуться нашему брату нельзя, между тѣмъ какъ онѣ для насъ, мужчинъ, вѣчная книга о семи печатяхъ.

Она удивленно на него посмотрѣла.

„Я совсѣмъ и не подозрѣвала, думалось ей, что открывая предъ нимъ эту книгу, я сдѣлаю что-то необыкновенное“.

— Вамъ на дняхъ минуло семнадцать лѣтъ, свѣта

вы не знаете и не можете знать, учили васъ, конечно, такъ, какъ у насъ учатъ барышень—сочинять на французскомъ языкѣ описанія разныхъ неиспытанныхъ ими чувствъ, а все-таки...

— Вотъ вы и ошибаетесь, перебила она смѣясь:— учили меня очень серьезно, хотя, можетъ-быть, и немногому выучили, и ужъ вовсе не писанію разныхъ афектированныхъ сочиненій. Была у меня, правда, года два тому назадъ гувернантка, M-lle Bontemps, которая меня хотѣла заставить написать les sentiments qu'a éprouvé Napoléon en débarquant a Sainte Helene, но я наотрѣзъ отказалась: я не хотѣла себѣ ломать голову надъ выраженіемъ чувствъ, которыя мнѣ были также незнакомы, какъ самый островъ Св. Елены.

— Ну, вотъ видите, и васъ за это навѣрно бранили.

— Да, и M-lle Bontemps мнѣ съ тѣхъ поръ постоянно говорила: vous n'avez pas l'ombre d'imagination, ma chère. Но этимъ дѣло и ограничилось. M-lle Bontemps скоро отъ насъ ушла, и я до сихъ поръ оставалась безъ гувернантки, съ одною мамà.

— И какое счастье для васъ! Никто не искажалъ вашихъ природныхъ наклонностей, никто не гнулъ и не выпрямлялъ васъ по-своему, и вы росли свободно, какъ лѣсное дерево. Да, Настя, всегда оставайтесь такою какъ теперь: вы сами не знаете, какъ мило и привлекательно въ васъ это полное отсутствіе всего дѣланнаго и условнаго.

Настя заговорила про мать, и въ словахъ ея выражалось полное и безграничное чувство благодарности и довѣрія къ ней. Видно было, что дочь привыкла ничего отъ нея не скрывать, что ни тѣни боязни не было въ ихъ отношеніяхъ. Софья Сергѣевна въ глазахъ Насти стояла на недосягаемой высотѣ. Слушая ее, Орленевъ невольно сравнивалъ настоящую Софью съ этимъ идеализованнымъ образомъ, и странное чувство вызывало въ немъ это сравненіе.

„Она стало-быть съумѣла, думалъ онъ, дать своей

дочери то, чего сама не имѣла, и остаться безупречною, какою всегда должна быть мать! Можно, стало-быть, чистую воду почерпать и изъ мутнаго источника".

— А что,—вдругъ спросила Настя,—какъ вы нашли папа?

Евгеній невольно улыбнулся.

— Да такъ, какъ и всегда, я думаю. Даже въ деревнѣ, гдѣ ему дѣлать нечего, ищетъ случая хлопотать и трудиться.

Поняла-ли Настя или нѣтъ слегка ироническій тонъ отвѣта, только она почти съ упрекомъ посмотрѣла на Орленева и, понизивъ голосъ, продолжала:

— Ахъ, нѣтъ, Евгеній Александровичъ, онъ совсѣмъ не таковъ, какъ прежде. Неужели вы не замѣтили, какъ онъ похудѣлъ? Я за него очень безпокоюсь. Бѣдный папа! Онъ слишкомъ много работаетъ, а въ его года ужъ отдыхъ нуженъ.

Орленева поразило различіе въ ея тонѣ, когда она говорила про отца и про мать. Въ ея отношеніи къ отцу былъ какой-то оттѣнокъ сострадательной нѣжности.

Петръ Михайловичъ,—успокаивалъ онъ ее,—изъ тѣхъ людей, которымъ суждено прожить долго: бумажная работа не волнуетъ кровь и не разстраиваетъ нервы.

Онъ не могъ съ особымъ сочувствіемъ относиться къ Петру Михайловичу, который въ его глазахъ былъ не болѣе какъ машина для сухой бюрократической работы.

— Я вижу,—отвѣчала Настя,—что вы не понимаете папа. Своему бумажному дѣлу, какъ вы его называете, онъ преданъ всѣмъ сердцемъ, и если бы вы знали, что это за доброе, любящее сердце.

Орленеву стало немножко совѣстно предъ ней; ему показалось даже, что самъ Петръ Михайловичъ сталъ ему дорогъ оттого, что къ нему такъ привязана Настя.

Настѣ говорилось съ нимъ легко. Никакой робости предъ нимъ она не ощущала. Сама того не подозрѣвая, она раскрыла ему всѣ свои молодыя впечатлѣнія, и стран-

нымъ образомъ, не смотря на разницу лѣтъ, чутье ее часто наводило какъ разъ на тѣ самые взгляды, которые сознательно раздѣлялъ Евгеній.

Такъ, болтая какъ давнишніе пріятели, они дошли до небольшого пригорка. Вокругъ поляны густое чернолѣсье медленно опускалось къ оврагу, и промежь стволовъ взглядъ далеко проникалъ въ лѣсную глубь. Съ одной только стороны лѣсъ разступался и глазъ свободно обнималъ волнистыя поля; виднѣлись церковь, деревня, а за ними садъ и постройки какой-то усадьбы. У самаго того мѣста, гдѣ лѣсъ будто служилъ рамкой для этой картины, стоялъ большой вѣтвистый ясень, первенецъ лѣса, многими десятками лѣтъ опередившій всѣ окружавшія его деревья.

— Я увѣренъ, — сказалъ Евгеній, остановившись у самаго края пригорка,—что случай насъ привелъ какъ разъ къ тому любимому мѣсту, про которое вы говорили?

— Совсѣмъ не случай, а я сама нарочно васъ вела сюда. Оно тѣмъ хорошо, что стоитъ повернуться къ лѣсу и покажется, будто здѣсь полная глушь, и, хоть вѣкъ прожди, никто не придетъ къ этому тихому мѣсту. А съ другой стороны, напротивъ, такъ оживленно, на пять верстъ по крайней мѣрѣ все видно. А я люблю контрасты.

— А я вамъ, Настя, вотъ что скажу: вы потому и любите это мѣсто, что оно на васъ самихъ похоже или лучше на вашу жизнь: до сихъ поръ она такая же тихая и немного тѣсная какъ эта поляна; будущее предъ вами, напротивъ, широко и полно оживленія, и до него—вамъ рукой подать.

Легкій румянецъ набѣжалъ на лицо Насти и совершенно невольно она взглянула на него, но уже не прямо, а украдкой, желая избѣжать его встрѣчнаго взгляда.

— У васъ конечно,—продолжалъ онъ,—тутъ въ альбомѣ найдутся какія-нибудь наброски этого мѣста? да? Ну вотъ посмотримъ.

Онъ сѣлъ на траву, согнулъ колѣни и сталъ перелистывать альбомъ.

— Недурно, очень недурно,—говорилъ онъ всматриваясь въ ея рисунки.—Видна, конечно, нѣкоторая робость, да это ничего, пройдетъ. Штрихъ вѣренъ и, главное, какъ тонко и нѣжно! Онъ повернулъ еще два-три листа:. а вотъ онъ самъ, вашъ старый другъ—ясень! Освѣщеніе охвачено какъ слѣдуетъ, и вотъ эта вѣтка безподобна. Погодите, я вамъ сейчасъ докончу вашъ рисунокъ. Дайте мнѣ карандаши.—Онъ пересѣлъ на другое мѣсто, откуда всего лучше видно старое дерево.—Вы именно отсюда рисовали должно-быть, — спросилъ онъ.

Художническая жилка въ немъ забилась, и онъ весь углубился въ задачу, усиливая, гдѣ слѣдовало тоны ея рисунка своимъ бойкимъ штрихомъ.

Она опустилась на колѣни, рядомъ съ нимъ, нагнулась къ его плечу и внимательно слѣдила за его рукой. Ея голова была такъ близка отъ него, что онъ могъ чувствовать ея дыханіе на своей щекѣ. Но для Орленева въ эту минуту, хоть онъ только поправлялъ незатѣйливые опыты дѣвочки, не существовало ничего на свѣтѣ кромѣ листа бумаги, по которому бѣгалъ его карандашъ и стараго ясеня, на вѣтвяхъ котораго онъ старался уловить переливы тѣней.

Что, Настя, кажется, не дурно выходитъ,—вдругъ обернулся онъ къ ней, когда работа была окончена, и въ тотъ же мигъ онъ почувствовалъ очаровательную близость милой дѣвушки и его взглядъ невольно остановился на тонкихъ очертаніяхъ ея профиля, на мягкой линіи ея немного согнутой шеи. Невольно, какъ бы повинуясь чужой силѣ, Настя мгновенно встала и отвернула отъ этого взгляда свое зарумянившееся лицо.

Онъ улыбнулся и сказалъ необыкновенно тихимъ и мягкимъ голосомъ:

— Не правда-ли, Настя, мы будемъ часто приходить сюда? Когда вамъ только будетъ угодно, я готовъ

заниматься съ вами. Этотъ широкій видъ я непремѣнно сниму или лучше мы его напишемъ вмѣстѣ. Хотите?

Долго они оставались тутъ, сидя подъ тѣнью стараго ясеня и не замѣчая какъ летѣло время. Онъ разсказывалъ ей, какъ зародилось и росло въ немъ его призваніе, и ему казалось, что никогда, даже въ сердцѣ присяжныхъ знатоковъ, онъ не находилъ слушателя, который съ такимъ тонкимъ пониманіемъ оцѣнивалъ бы его слова, какъ эта дѣвочка, едва вышедшая изъ дѣтства. Вдругъ сквозь густую листву упалъ на нихъ лучъ уже высокаго солнца, успѣвшаго на мигъ разсѣять облака, и Настя испугалась, замѣтивъ какъ далеко уже подвинулся день.

— Должно-быть очень поздно,— воскликнула она;— посмотрите какъ солнце высоко. Было въ самомъ дѣлѣ уже половина двѣнадцатаго и они поспѣшили спуститься съ пригорка, чтобы полями скорѣе вернуться домой.

Едва они поровнялись съ дорогой изъ Ольховки, усадьбы Гашиныхъ, какъ справа послышался стукъ небольшого экипажа и вслѣдъ затѣмъ показалась фигура Александра, ѣхавшаго на бѣговыхъ дрожкахъ. Поровнявшись съ ними, онъ остановилъ лошадь. Лицо молодого человѣка казалось недовольнымъ и озабоченнымъ. Съ Орленевымъ онъ поздоровался довольно сухо.

— Вы къ намъ, Александръ Степанычъ?—спросила Настя, подавая ему руку.

— Я въ Покровское, но только не къ вамъ,—отвѣчалъ тотъ.—Мнѣ нужно видѣть вашего доктора.

— А къ намъ къ завтраку не зайдете?

— Едва ли успѣю,—съ видимымъ замѣшательствомъ извинялся онъ. — У насъ больные въ Ольховкѣ есть, мнѣ и хочется посовѣтоваться съ товарищами по ремеслу, моего умѣнья не хватаетъ. Да кстати нужно ему вотъ эти книги отвезти, и онъ показалъ на небольшой свертокъ, лежавшій предъ нимъ на дрожкахъ.—Мы съ нимъ, вѣдь, одного выпуска.

— Все это, кажется, не мѣшаетъ,—сказалъ Евгеній

все время подмѣчавшій сумрачное настроеніе молодого Гашина, — и намъ грѣшнымъ удѣлить часть вашего времени.

— Очень даже мѣшаетъ, Евгеній Александровичъ,— отвѣчалъ тотъ, съ трудомъ сдерживая раздраженіе:—въ половинѣ второго у меня дома три дѣла по участку назначены къ слушанію. До свиданья, Настасья Петровна.

— А когда вы у насъ будете?—спросила молодая дѣвушка.

— Не знаю, право: завтра въ городъ собираюсь,—былъ его нелюбезный отвѣтъ.—До свиданія.

Онъ ударилъ лошадь вожжей и поѣхалъ.

— Что̀ съ нимъ? Какой онъ странный сегодня,—сказала Настя, удивленная его обращеніемъ.

— И вы не догадываетесь? Хотите я вамъ сейчасъ раскрою его тайну? Онъ просто въ васъ по уши влюбленъ.

— Евгеній Александровичъ, какъ вамъ не совѣстно!— съ упрекомъ отвѣтила она и лицо ея все залилось краской.

Одного неосторожнаго слова было достаточно, чтобъ оскорбить ея слухъ, какъ достаточно малѣйшаго прикосновенія, чтобы стереть нѣжную пыль съ блестящаго крыла насѣкомаго.

Но Орленевъ не понялъ ея восклицанія и продолжалъ въ томъ же насмѣшливомъ тонѣ:

— Васъ это удивляетъ, потому что нашъ молодой другъ такъ нелюбезно отвѣчалъ на ваше приглашеніе? Что̀ дѣлать, Настя, любовь странное и причудливое существо. Иному она всегда готова улыбнуться, а для другихъ она—вѣчная, безнадежная каторга и въ чемъ только эти несчастные отъ нея не ищутъ спасенія! Они бѣгутъ отъ нея, скрываются, проклинаютъ ее — и все напрасно. Да и, въ самомъ дѣлѣ, я, вы знаете, неохотно смѣюсь надъ чужими слабостями, но что онъ, бѣдняжка, вздумалъ! Онъ и вы, Настя, развѣ это возможно? Онъ можетъ быть славный малый, но ограниченный, неразвитой.

Орленевъ самъ бы затруднился объяснить почему онъ, всегда снисходительный или, по крайней мѣрѣ, равнодушный, съ такимъ ожесточеніемъ сталъ нападать на Александра.

Настя не дала ему договорить.

— Перестаньте, Евгеній Александровичъ, мнѣ больно слышать отъ васъ такія рѣзкія, несправедливыя слова, отъ васъ, котораго я всегда считала...—Она остановилась, припомнивъ вдругъ, что для нея это „всегда“ началось только со вчерашняго дня. — Вы не знаете Гашина и судите о немъ такъ потому, что вамъ, можетъ-быть, не нравится его внѣшность. А между тѣмъ это самый честный и полезный человѣкъ, котораго даже и папà уважаетъ, несмотря на то, что часто осуждаетъ его взгляды, а вы знаете, что папа очень разборчивъ въ людяхъ.

— Извините меня,—перебилъ ее Орленевъ,—я право не догадывался, что вы такъ горячо за него заступитесь.

Но повидимому насмѣшливое выраженіе не сошло съ лица Евгенія, когда онъ говорилъ это. По крайней мѣрѣ Настя покачала головой и продолжала защищать Александра.

— Вамъ нечего предо мной... извиняюсь и заступаюсь я вовсе не за него, а за правду. Еслибы вы знали, сколько онъ дѣлаетъ добра при своихъ ограниченныхъ средствахъ! Онъ на свой счетъ школу завелъ и больницу содержитъ, чего не дѣлаютъ и люди, которые гораздо богаче его. Онъ одинъ, можетъ-быть въ цѣломъ околоткѣ успѣлъ внушить крестьянамъ полное довѣріе къ себѣ и они постоянно къ нему обращаются за совѣтомъ. Его слово—для нихъ законъ.

Настя совершенно забыла то, что̀ въ словахъ Евгенія касалось собственно ея. Чувство справедливости въ ней громко заговорило. Но чѣмъ живѣе она отстаивала Александра, тѣмъ менѣе Орленевъ былъ готовъ оцѣнить его достоинства.

— Преклоняюсь предъ доблестями господина Га-

шина,—отвѣчалъ онъ,—тѣмъ болѣе, что онѣ нашли въ васъ такую краснорѣчивую защитницу. Но признаюсь вамъ откровенно, я мало довѣряю всѣмъ этимъ сердобольнымъ резнителямъ о благѣ меньшей братіи, которые большею частью просто недовольны своимъ личнымъ положеніемъ и воображаютъ, что умѣнье произносить сентиментальныя рѣчи даетъ имъ право быть заносчивыми.

Настя удивленно посмотрѣла на него.

— Гашинъ заносчивъ! Гашинъ фразёръ! да вы совершенно ошибаетесь на его счетъ. И вы истолковываете въ дурную сторону то, что̀ онъ дѣлаетъ для крестьянъ, между тѣмъ какъ я вамъ только-что сказала.... Неужели вы такъ недовѣрчивы къ людямъ и васъ самихъ не тревожитъ мысль о томъ, какія обязанности лежатъ на насъ, богатыхъ людяхъ, относительно тѣхъ, которые нуждаются въ нашей помощи?

Говоря это она все болѣе оживлялась и румянецъ ярче выступалъ на ея щекахъ.

Орленевъ закусилъ себѣ губу.

— Конечно да,—сказалъ онъ немного смутившись,—хотя моя жизнь до сихъ поръ не влекла меня въ эту сторону и рѣдко наталкивала на людскія страданія. Не судите обо мнѣ по одному неосторожному слову.

— Я и не думаю осуждать васъ,—возразила Настя нерѣшительно, и ея глаза еще шире раскрылись, такъ страннымъ ей казалось что ей, почти ребенку, можно произнести судъ надъ Орленевымъ.

— Видите, Настя,—продолжалъ онъ,—мы, художники, не походимъ на остальныхъ людей и общая мѣрка для насъ не годится. Мы въ жизни видимъ то, что̀ можетъ вдохновить воображеніе, то-есть все яркое, красивое, блестящее. Не мудрено, что горе и бѣдность насъ мало привлекаютъ; онѣ не пригодны для искусства. Но мы все-таки, повѣрьте мнѣ, хорошіе люди, и сердце въ насъ не черствое.

Но доводы эти плохо убѣдили Настю; по крайней

мѣрѣ прежній дружескій разговоръ уже не возобновлялся.

У самаго входа въ садъ они встрѣтили Петра Михайловича въ разговорѣ съ докторомъ. Увидавъ отца, Настя бросилась къ нему.

— Вы не устали, папа? Вы кажется много ходили? озабоченно спрашивала она, пока онъ легкимъ движеніемъ руки гладилъ ея шелковистые волосы.

— Нѣтъ Настя, что ты обо мнѣ безпокоишься?— Итакъ, докторъ, я васъ попрошу мнѣ приготовить смѣту. Я совершенно съ вами согласенъ, что мѣста въ больницѣ недостаточно.

Докторъ поклонился и направился къ дому. Настя пошла за нимъ и живо стала его о чемъ-то разспрашивать.

— Сядемъ здѣсь, Евгеній Александровичъ,—сказалъ Криницкій,—я въ самомъ дѣлѣ усталъ; и своимъ обычнымъ деревяннымъ голосомъ онъ освѣдомился о томъ, какъ Орленеву нравится Покровское.

— Ваша дочь сказала мнѣ,—началъ Евгеній,—что ее озабочиваетъ ваше здоровье.

— Она вамъ сказала это? Въ самомъ дѣлѣ? Да неужели докторъ что-нибудь сболтнулъ?

— Нѣтъ,—успокаивалъ его Орленевъ,—это были одни, надѣюсь, безпричинныя опасенія.

— Я бы ни за что̀ не хотѣлъ, чтобы жена и дочь узнали въ чемъ дѣло и изъ-за меня безпокоились. Я ничѣмъ не хочу портить моей Настѣ эти драгоцѣнные молодые годы.

Эти слова такъ мало подходили къ натурѣ Петра Михайловича, что Орленевъ посмотрѣлъ на него въ совершенномъ изумленіи.

— Вы удивляетесь этому? Мои дни сочтены, Евгеній Александровичъ. У меня зародилась такая болѣзнь, борьба съ которою безполезна. Можно только ускорить или замедлить конецъ. У меня гипертрофія сердца, и я это знаю вотъ уже съ полгода.

— И вы все-таки даже здѣсь, въ деревнѣ, не бросаете своихъ офиціальныхъ занятій?

— Что́ дѣлать, привычка. Вы бы развѣ бросили свою кисть даже ради здоровья? Непосредственной опасности нѣтъ. Только Настя бы не узнала: пусть она теперь веселится, плакать всегда успѣетъ.

Орленеву показалось въ эту минуту, что до сихъ поръ онъ былъ крайне несправедливъ въ своихъ сужденіяхъ о Криницкомъ.

На балконѣ показалась Софья Сергѣевна. Орленевъ и Петръ Михайловичъ направились къ ней.

— Вы поздно встаете для деревни, Орленевъ,—сказала она, взявъ мужа подъ руку.—Мы постараемся васъ перевоспитать. А теперь пойдемте въ столовую, завтракъ поданъ. Я для васъ, Орленевъ, приготовила хорошее извѣстіе: я получила сегодня письмо отъ Вологдина; онъ ѣдетъ сюда и прогоститъ у насъ съ недѣлю. Вы, надѣюсь, рады?

Евгенію, однако, это извѣстіе не доставило особеннаго удовольствія.

— Ни слова, пожалуйста, про то, что я вамъ сейчасъ сказалъ,—шепнулъ ему на ухо Криницкій, когда они садились за столъ.

X.

Жизнь въ Покровскомъ очень понравилась Орленеву. Несмотря на то, что домъ рѣдкій день оставался безъ гостей, это была совершенно ровная жизнь, пріятно убаюкивающая нервы. Покровское, съ правильнымъ распредѣленіемъ дня, со строгимъ порядкомъ въ веденіи хозяйства, походило на хорошо устроенный механизмъ, который безъ шума и тренія производитъ работу. Этимъ механизмомъ руководила умѣлая рука Софьи Сергѣевны, незамѣтно для мужа; она входила во всѣ подробности, даже по управленію фермой, и не

давала Адаму Карловичу слишкомъ надувать владѣльца, черезчуръ склоннаго къ дорогимъ агрономическимъ опытамъ. Евгеній не могъ налюбоваться спокойствіемъ и ловкостью, съ которыми эта избалованная свѣтская женщина держала въ рукахъ всѣ нити своего маленькаго царства. „Я и не подозрѣвалъ въ ней этихъ административныхъ способностей“, неоднократно говорилъ онъ себѣ, когда заставалъ ее среди занятій, повидимому, ей вовсе несвойственныхъ. А она, со своей стороны, рѣдко упускала случай полунасмѣшливо обращаться къ нему и спрашивать, находитъ ли онъ по-прежнему, что она ни за какое дѣло не захочетъ приняться серьезно? Очевидно было, что прежняя Софья исчезла безслѣдно, а на ея мѣсто явилась совсѣмъ иная женщина, заботливая и умѣлая хозяйка, вполнѣ довольная своимъ мирнымъ господствомъ въ тѣсной обстановкѣ домашней жизни. Она была проста и любезна съ людьми провинціальнаго круга, и не только для виду, а на самомъ дѣлѣ интересовалась тѣми маленькими вопросами, изъ которыхъ состояла незатѣйливая провинціальная жизнь. А съ дочерью, когда онѣ вмѣстѣ занимались или послѣ обѣда въ саду затѣвали игру въ croquet, она казалась почти ровесницей, также беззаботно веселою, какъ дочь, будто никогда и не пронеслась надъ нею, въ ея прошломъ, гроза недозволенной страсти.

И все-таки опытный глазъ Евгенія не довѣрялъ этому превращенію. Ему сдавалось, что за этою спокойною внѣшностью все еще таятся, на самой глубинѣ души, непотухшія искры. Трудно сказать, что̀ его наводило на эту мысль; во всякомъ случаѣ, это были едва уловимые признаки. Иногда во время самаго радушнаго и непринужденнаго разговора съ нимъ, она вдругъ обрывала на полусловѣ или совсѣмъ неожиданно вставляла ироническое, почти ѣдкое слово. Они были, конечно, друзьями, и каждаго изъ нихъ живо интересовало все, что̀ касалось другого. Но чуть онъ намекомъ

вспомнитъ прошлое, чуть онъ пытается глубже заглянуть въ ея душевное настроеніе, она тотчасъ, почти испуганная, уклонится въ сторону, и въ ея голосѣ зазвучитъ странная суровая нота.

Эти маленькія шереховатости не ускользали отъ Орленева, но и не особенно тревожили его; онъ не ломалъ себѣ головы надъ разрѣшеніемъ противорѣчія, на которое онѣ указывали. Иные люди умѣютъ зорко наблюдать и все-таки остаются непроницательными, какъ скоро у нихъ нѣтъ повода сильно интересоваться разгадкой. День проходилъ незамѣтно въ живой, непринужденной бесѣдѣ, въ прогулкахъ, въ работѣ, и никогда еще, такъ казалось Евгенію, кисть его, повинуясь его настроенію, не давала полотну такого нѣжнаго и свѣтлаго колорита. И въ этой жизни не было однообразія: время, хоть и быстро текло, но успѣвало каждый день отмѣчать какимъ-нибудь новымъ пріятнымъ впечатлѣніемъ. Къ чему же тутъ было еще трудиться объясненіемъ странныхъ причудъ женскаго сердца, когда въ особенности—Орленевъ это чувствовалъ—стоило въ этомъ сердцѣ коснуться одной скрытой пружины и разомъ могла быть нарушена гармонія этой жизни. Нѣтъ, лучше, во сто разъ лучше забыть прошлое, вычеркнуть его, чтобы оно не стояло, какъ призракъ, мѣшающій чистому и тонкому удовольствію—умственному общенію съ этою женщиной, которая такъ чутко отзывается на каждую чужую мысль и такъ умѣетъ ее ловить на лету.

Впрочемъ, за тотъ недостатокъ радушія, который все-таки иногда сквозилъ въ обращеніи съ нимъ Софьи Сергѣевны, его съ избыткомъ вознаграждала Настя. Маленькая размолвка изъ-за Александра скоро была забыта, и Евгеній сумѣлъ возбудить къ себѣ такое довѣріе молодой дѣвушки, что она охотно раскрывала предъ нимъ всѣ недоумѣнія своей молодой мысли. Онъ даже самъ, того не замѣчая, старался избѣгнуть всего, что̀ могло спугнуть эту довѣрчивость. Для него общеніе съ молодымъ, еще нераспустившимся существомъ имѣло

неизъяснимую прелесть. Онъ любовался ею, какъ знатокъ наслаждается высокимъ художественнымъ произведеніемъ. Конечно, онъ не повѣрилъ бы, еслибы кто-нибудь за мѣсяцъ предъ тѣмъ ему предсказалъ, что онъ станетъ цѣлые часы проводить вдвоемъ съ семнадцатилѣтнею дѣвочкой, воспитывать ея артистическое пониманіе, исправлять ея робкіе опыты; что онъ, знавшій женщинъ наизусть, будетъ подлаживать свои взгляды и слова къ кругозору этой дѣвочки и дорожить ея мнѣніемъ о себѣ. А дорожилъ онъ имъ на самомъ дѣлѣ гораздо болѣе, чѣмъ самъ о томъ догадывался. Пока онъ лишь съ любопытствомъ заглядывалъ въ ея полудѣтскій міръ, какъ перелистываютъ еще неразрѣзанную книгу. Но каждый лишній день сближалъ ихъ все болѣе. Евгеній не задумывался надъ тѣмъ, какъ это сближеніе могло отразиться на молодой дѣвушкѣ... Для Насти, на первыхъ порахъ, оно не сказалось никакими тревожными ощущеніями. Новое для нея чувство незамѣтно подкрадывалось къ ней. Ея дѣтство прошло такъ мирно, что ничто не могло предостеречь ее вовремя и помочь ей узнать это чувство, когда оно явилось. Но малѣйшаго повода было достаточно, чтобы пробудить въ ней дремлющее сознаніе.

Да и вся обстановка Покровскаго была такова, что должна была усилить то удовольствіе, которое ей доставляли разговоры и прогулки съ Евгеніемъ. Общество, собиравшееся у Криницкихъ, не могло ее интересовать. Немудрено, что она живо чувствовала превосходство Орленева надо всѣми привычными гостями Покровскаго. Александръ за все это время не являлся; его отецъ неоднократно извинялъ его отсутствіе, и Настя, мало-по-малу, перестала о немъ думать.

Разъ Орленевъ,—онъ уже слишкомъ десять дней гостилъ у Криницкихъ,—ходилъ взадъ и впередъ съ Софьей Сергѣевной по старинной липовой аллеѣ, единственному уцѣлѣвшему остатку прежней усадьбы. Евгеній передъ тѣмъ только-что принесъ ей одинъ изъ

видовъ Покровскаго, оконченный имъ наканунѣ, и по этому поводу возникъ между ними одинъ изъ ихъ многочисленныхъ споровъ. Онъ передавалъ ей, между прочимъ, про новыя, затѣянныя имъ картины, мысль о которыхъ зародилась у него въ Покровскомъ.

— Представьте себѣ,—говорилъ онъ,—что какъ разъ здѣсь у меня все просятся подъ кисть самые яркіе, почти волшебные сюжеты. Казалось бы, что можетъ быть трезвѣе и будничнѣе здѣшней природы? А вотъ нѣтъ, на зло ей мое воображеніе настроено на фантастическую струнку. Согласитесь, что человѣкъ—неразрѣшимое противорѣчіе.

— Можетъ-быть,—возразила она, лукаво посмѣиваясь—только въ васъ, Орленевъ, это противорѣчіе немудрено разгадать. Вы—какъ себѣ родились въ воскресенье, такъ и тянете все ту же праздничную ноту, вопреки всему, что́ кругомъ васъ живетъ. И счастливы вы потому, что это вамъ пока удавалось. А не мѣшало бы вамъ когда-нибудь сойти съ вашего языческаго неба и прислушаться къ тому, что кругомъ васъ дѣлается. И не только прислушаться, а самому приложить руки къ дѣлу.

— Да съ какихъ поръ вы меня стали причислять къ тунеядцамъ? былъ немного удивленный вопросъ Орленева.—Работать кистью развѣ не значитъ по-вашему работать?

Конскій топотъ за оградой сада остановилъ готовый отвѣтъ Софьи Сергѣевны, и тотчасъ затѣмъ на дорогѣ показалась на гнѣдомъ жеребцѣ крѣпкая фигура Александра Гашина. Увидавъ хозяйку Покровскаго, онъ остановился.

— Вы къ намъ, надѣюсь? любезно сказала ему Софья Сергѣевна.—Вы насъ совершенно забыли. Войдите здѣсь, черезъ калитку, прямо въ садъ. Лошадь вашу отведутъ въ конюшню.

— Вотъ вамъ, Орленевъ, обратилась она вполголоса къ Евгенію, пока Александръ соскакивалъ съ лошади,—

этотъ молодой человѣкъ, на котораго вы, конечно, смотрите какъ на существо низшаго разряда, не сторонится отъ работы, и даже иногда отъ очень черной работы. И, повѣрьте мнѣ, онъ гораздо лучше и полезнѣе такихъ бѣлоручекъ, какъ мы съ вами.

Орленева такъ озадачила эта неожиданная выходка, что онъ не замѣтилъ, какъ подошелъ къ нимъ Александръ, и не протянулъ ему руки. Но Софья Сергѣевна выказала Александру, быть-можетъ преднамѣренно, столько радушной любезности, что молодой Гашинъ, хоть и былъ очень обидчивъ по природѣ, не примѣтилъ разсѣянности Орленева. Какъ всѣ влюбленные, онъ легко переходилъ отъ полнаго отчаянія къ преувеличеннымъ надеждамъ. Онъ живо извинился предъ ней, что дѣла,—и при этомъ словѣ онъ замѣтно покраснѣлъ,—такъ долго ему мѣшали бывать въ Покровскомъ.

— Прошлое забыто,—отвѣчала ему Софья Сергѣевна, направляясь съ нимъ къ дому,—и теперь вы, надѣюсь, перестанете на насъ дуться.

Орленевъ шелъ за ними, не вмѣшиваясь въ разговоръ. У самаго дома они встрѣтились съ Настей. Молодая дѣвушка еще усилила ободряющее впечатлѣніе, произведенное на Александра любезнымъ пріемомъ Софьи Сергѣевны. Она была съ нимъ проста и непринужденна, какъ всегда, хотя, быть-можетъ, съ лишнимъ оттѣнкомъ привѣтливости; она чувствовала, что по ея винѣ Александръ намѣренно избѣгалъ Покровское за послѣднее время и мнимую эту вину она хотѣла загладить: ей всегда было невыносимо сознаніе, что она, хотя бы невольно, кого-либо огорчила. Эта непринужденная привѣтливость, всякому другому лучше знающему жизнь, послужила бы яснымъ доказательствамъ, какъ несбыточны были надежды Александра. Но бѣдный малый былъ плохой знатокъ женскаго сердца и—увы! онъ не понялъ, какъ неизмѣримо далеко была Настя отъ того, чтобъ отозваться на его тревожное чувство.

Страннымъ образомъ и Орленевъ ошибся на этотъ

счетъ. Почему его бѣсилъ пріемъ, оказанный Александру, онъ самъ затруднился бы сказать. Но онъ не могъ воздержаться, чтобы не сдѣлать молодому Гашину колкаго замѣчанія: очень уже дѣйствовали на его щекотливые нервы размашистые пріемы и дышащая здоровьемъ фигура Александра. За весь этотъ день онъ будто искалъ случая съ нимъ сразиться на словахъ; но какъ на зло, молодой человѣкъ будто и не примѣчалъ этой враждебности. Онъ весь отдался самому радужному настроенію, говорилъ болѣе всѣхъ, съ увлеченіемъ разсказывалъ про устроенную имъ сельскую школу, и даже почувствовалъ небывалую дружбу къ Шатову, пріѣхавшему къ обѣду. Ни Софья Сергѣевна, ни ея дочь, не могли объяснить себѣ язвительнаго, вызывающаго настроенія, въ которомъ находился Орленевъ. Настя иногда съ упрекомъ вскидывала на него удивленными глазами. А Шатовъ, глядя на него, чуть замѣтно посмѣивался.

Вы, кажется,—сказалъ онъ Орленеву послѣ обѣда,—не охотникъ до нашего юнаго прогрессиста? Что дѣлать: такихъ у насъ много развелось,—поневолѣ съ ними считаться будешь. А поглядишь на нихъ—пошумитъ немного, а тамъ и ожирѣетъ, да успокоится, даже пожалуй взятки станетъ брать. Русская природа—великое дѣло!

— Покорно благодарю за лестный отзывъ о природѣ, которая и въ насъ съ вами, кажется, сидитъ.

— Мы съ вами—да эти господа? помилуйте, что тутъ общаго!—былъ негодующій отвѣтъ Шатова.—А впрочемъ,—разсмѣялся онъ,—каждый изъ насъ свое родное всегда бранить готовъ, на этотъ счетъ мы, дѣйствительно, истые Русскіе. А замѣтили вы,—перешелъ онъ вдругъ на другой тонъ, слегка прищуривъ лѣвый глазъ,—какимъ сегодня козыремъ глядитъ нашъ юный другъ? и какъ здѣсь его принимаютъ хорошо? чего добраго?

Но Орленеву не пришлось отвѣчать на это, не совсѣмъ умѣстное, замѣчаніе Шатова. Къ нимъ подошелъ Криницкій и увелъ Семена Кириловича въ сторону.

— Я прочелъ вашу записку,—началъ Петръ Михайловичъ,— чрезвычайно дѣльно и ясно, только вы совсѣмъ упустили изъ вида законъ семнадцатаго года и поэтому...

Верхняя губа дрогнула у Шатова. Онъ вовсе не „упустилъ изъ вида“ законъ, но ожидалъ, что можно будетъ его безъ особаго труда обойти, какъ плохо защищенную непріятельскую позицію.

— Въ виду этого,—продолжалъ хладнокровно Криницкій,—я сдѣлалъ въ вашемъ проэктѣ нѣсколько измѣненій. Вотъ они.

Измѣненія оказались не по вкусу Шатова, котораго они лишали значительной доли барыша. Но онъ не высказалъ ни малѣйшаго неудовольствія.

— Для меня всего важнѣе,—сказалъ онъ,—что вы согласны со мною въ принципѣ, и не будете противиться осуществленію моей мысли. А тамъ, подробности всегда можно уладить. Кстати,—позвольте мнѣ заявить также о небольшомъ пожертвованіи со стороны моего завода въ пользу дѣтскихъ пріютовъ.

Пожертвованіе было въ пятнадцать тысячъ, и Криницкій взялся заявить о томъ куда слѣдовало.

Слава Богу, не онъ одинъ можетъ помочь дѣлу, подумалъ Шатовъ. Найдутся и такіе, которымъ не такъ дорогъ будетъ законъ семнадцатаго года, а главное, чтобъ этотъ Криницкій, котораго всѣ давно признали за идеалъ правоты, не вздумалъ идти противъ меня въ министерствѣ, а на этотъ счетъ я, кажется, могу быть спокоенъ.

Шатовъ даже согласился принять участіе въ игрѣ въ croquet, устроившейся послѣ обѣда. Ему пришлось быть въ одной партіи съ Орленевымъ и Настей. Евгеній, извѣстный какъ плохой игрокъ, въ этотъ вечеръ надѣлалъ чудеса.

Противники были разбиты на голову, и Шатовъ не могъ не замѣтить, съ какою необыкновенною энергіей Орленевъ направлялъ свои удары въ особенности противъ шара молодого Гашина.

— Браво, Орленевъ, сколько огня!—насмѣшливо замѣтила ему Софья Сергѣевна, когда игра окончилась.— Я васъ не узнаю сегодня.

— Евгеній Александровичъ,—говорила Настя Орленеву, когда разъѣхались гости,—зачѣмъ вы такъ безжалостно нападали на Гашина? Я и не подозрѣвала, что вы такой злой. Что́ онъ вамъ такое сдѣлалъ?

— Ничего не сдѣлалъ, и въ этомъ мое извиненіе. Мстить не хорошо, а въ своихъ симпатіяхъ мы не вольны. Но вамъ я обѣщаю, что больше не буду. Впрочемъ, онъ, вѣдь, ничего не замѣтилъ. Онъ былъ въ какомъ-то наивно-радостномъ настроеніи. Признаюсь вамъ откровенно, хоть вы на меня за то и сердитесь, слушать не могу этихъ такъ называемыхъ горячихъ головъ, у которыхъ всякое слово и движеніе вѣчно тономъ выше, чѣмъ бы слѣдовало.

Настя, повидимому, не сердилась.

— Вы должны быть снисходительны, Евгеній Александровичъ,—отвѣчала она.—Гашинъ не привыкъ къ нашему обществу, и если онъ даже немного смѣшонъ, вспомните, какой онъ добрый и хорошій человѣкъ.

„А, смѣшонъ“! подумалъ Орленевъ, „вмѣстѣ съ этимъ прилагательнымъ, я готовъ, пожалуй, выслушать самые лестные отзывы о господинѣ Гашинѣ“. Въ самомъ дѣлѣ, слова Насти въ этотъ разъ уже вовсе не походили на тотъ сочувственный отзывъ объ Александрѣ, который Орленеву уже разъ пришлось отъ нея выслушать.

XI.

Въ этотъ вечеръ Софья Сергѣевна рано ушла къ себѣ. Она усѣлась за письменнымъ столомъ, но перо выпало изъ ея рукъ и воспоминанія унесли ее далеко за эту комнату, въ давно минувшіе годы, какъ вдругъ, уже въ исходѣ одиннадцатаго часа, къ ней постучались въ дверь.

— Можно, несмотря на поздній часъ?—послышался голосъ Орленева.

— Войдите,—сказала она, и невольно провела рукою по лбу, какъ бы желая сгладить на немъ слѣды тревожившихъ ее мыслей. Усталое и безпокойное выраженіе на ея лицѣ не успѣло, однако, во время исчезнуть и не ускользнуло отъ зоркаго глаза Орленева.

— Я вижу,—сказалъ онъ,—что своимъ приходомъ не помѣшалъ вамъ. Перо ваше давно высохло, и на бумагѣ передъ вами не написано ни строчки.

— Не только не помѣшали,—отвѣчала она, стараясь улыбнуться,—но даже помогли. У меня дурная привычка по вечерамъ долго засиживаться у этого стола и воображать, что я занята, между тѣмъ какъ у меня работаетъ одно воображеніе, какъ у институтки. Въ мои года это непозволительно.

Она пересѣла на кресло въ неосвѣщенный уголъ комнаты, куда не доходилъ блѣдный свѣтъ лампы горѣвшей на столѣ.

— Едва прошелъ часъ съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались,—продолжалъ онъ, озабоченно вглядываясь въ ея взволнованное лицо,—и я застаю васъ здѣсь въ совершенно иномъ настроеніи, чѣмъ вы были весь этотъ день.

— Настроеніе у женщинъ, вы знаете, быстро и безпричинно мѣняется,—отвѣтила она, дѣлая тщетное усиліе дать своему голосу веселую интонацію.

— У другихъ, можетъ-быть, но съ вами безпричинныхъ перемѣнъ не бываетъ.—Помните, какъ вы смѣялись, когда мы, послѣ обѣда, играли въ саду, и надо мной, и надъ промахами Шатова? А теперь.

— И теперь совершенно то же. Попробуйте сказать что-нибудь смѣшное, и вы увидите какъ я вамъ буду вторить.

Орленевъ покачалъ головой и сталъ молча ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Что-жъ,—продолжала она,—вамъ ничего въ голову

не приходитъ? или вы думаете, что ваша прогулка здѣсь сама по себѣ уже такъ забавна?

— Помилуйте, Софья Сергѣевна,—прервалъ онъ ее, останавливаясь передъ нею,—знаете, что, еслибъ я не былъ такъ увѣренъ въ искренности вашей дружбы ко мнѣ, я бы часто могъ изъ вашихъ словъ вывести странныя заключенія?

— Право?

— Вы, можетъ-быть, сами не замѣчаете,—продолжалъ онъ улыбаясь,—что съ тѣхъ поръ какъ я въ Покровскомъ, вы держитесь относительно меня какого-то полунасмѣшливаго тона?

— А вы стали обидчивы, Орленевъ? Я этого не подозрѣвала.

— Обидчивъ, я? помилуйте,—разсмѣялся онъ,—и, вдобавокъ, съ вами! Я, напротивъ, и вы знаете это не хуже меня, исполненъ самой живой благодарности къ вамъ. Я не забуду никогда, что вамъ, вамъ одной я обязанъ тѣмъ, чѣмъ я сталъ теперь, и если я гожусь на что-нибудь, если мое имя, быть можетъ, меня переживетъ,—то это дѣло вашихъ рукъ. Вы во мнѣ воспитали художника. Мнѣ выпала рѣдкая доля быть совершенно довольнымъ своею жизнью, потому что я нашелъ ей цѣль и содержаніе, которыхъ почти всѣ тщетно доискиваются весь свой вѣкъ.

— Вы довольны, Орленевъ, и прекрасно. Тогда конечно и желать лучшаго нечего, и въ ея голосѣ опять прозвучала плохо скрытая ироническая нота.

— И потому самому,—продолжалъ онъ, все болѣе оживляясь,—мнѣ хотѣлось бы и васъ также видѣть вполнѣ счастливою, вполнѣ примиренною съ жизнью. Когда я сюда пріѣхалъ, мнѣ казалось, что и на этотъ счетъ сбылось мое желаніе. Вокругъ васъ здѣсь все такъ хорошо и вы сами такъ освоились съ окружающею васъ рамкой.

— Вы въ самомъ дѣлѣ такъ живо этимъ интере-

суетесь? прервала его тѣмъ же голосомъ Софья Сергѣевна.

— Еслибъ я могъ допустить, что я ошибаюсь,—живо возразилъ онъ, и вдругъ оборвалъ на этомъ словѣ, опять пристально вглядываясь въ ея лицо.

— По вашимъ чертамъ проходитъ иногда, вотъ какъ сегодня вечеромъ, напряженное и горькое выраженіе, и чего-чего бы я не далъ, чтобъ согнать его навсегда!

— Успокойтесь, Орленевъ,—тихо отвѣчала она,—вы не ошиблись, могу васъ въ томъ увѣрить. Я совершенно счастлива или, еще лучше, какъ вы это такъ хорошо сказали, совершенно примирена.

Орленевъ долго глядѣлъ на нее молча, но лицо ея вполнѣ подтверждало ея слова. Онъ медленно поднесъ къ своимъ губамъ ея руку.

— Какъ у васъ руки холодны,—сказалъ онъ почти съ нѣжнымъ участіемъ,—мнѣ это не нравится.

— Ничего, это со мной вечеромъ всегда бываетъ. А, впрочемъ, закройте окно. Становится, кажется, свѣжо.

Орленевъ подошелъ къ окну и выглянулъ на тихую мглистую ночь. Мѣсяцъ еще не всходилъ. Легкій, теплый вѣтерокъ струился въ окно и будто съ ласкою касался его волосъ.

— Что за чудный воздухъ! Неужели онъ вамъ показался холоднымъ? И Евгеній напивался имъ полною грудью, не думая притворять окно.

— Подойдите сюда, ночью стоитъ полюбоваться. Я не думалъ, что у васъ бываютъ такія ночи здѣсь, въ Тульской губерніи.

Софья Сергѣевна подошла къ окну. Нѣсколько минутъ они простояли рядомъ, облокотясь на подоконникъ и наслаждаясь мирнымъ блескомъ звѣздъ среди ночной тишины.

— Правда, хорошо,—вполголоса проговорила она, чувствуя какъ ночной воздухъ убаюкиваетъ ея расходившіеся нервы.

Вдругъ въ головѣ Евгенія промелькнуло давно за-

бытое воспоминаніе. Ему представилось, какъ много лѣтъ предъ тѣмъ, въ другую лѣтнюю ночь, та же женщина, тогда горячо любимая и цвѣтущая красотой, стояла рядомъ съ нимъ какъ теперь, у открытаго окна, а его рука тихо влекла ее къ его груди. Ему припомнилось ея платье, прическа: все это, какъ нарочно, было какъ разъ совершенно такимъ же, какъ теперь. Его воображеніе не могло осилить этотъ призракъ, такъ неидущій къ окружавшей его дѣйствительности.

— Помните,—вдругъ заговорилъ онъ шепотомъ, нагнувшись къ ней, и глаза его заискрились въ полутьмѣ,— помните ту, давнишнюю, но вѣчно памятную, блаженную ночь, когда... Соня!—воскликнулъ онъ, схватывая ее за обѣ руки.

Она мигомъ вырвалась, остановилась посреди комнаты и почти грозно выпрямилась передъ нимъ.

— Не подходите ко мнѣ,—отрывисто проговорила она, — не напоминайте мнѣ этого! Какъ вы смѣете вызывать это ужасное прошлое! Я не хочу его помнить, вы знаете это, оно должно заглохнуть, умереть, оно для меня не существуетъ...

Говоря это она была блѣдна, какъ полотно. Всѣ мускулы ея лица дрожали отъ напряженія. Въ голосѣ слышались и гнѣвъ, и оскорбленная горесть, и съ трудомъ сдерживаемая, все еще не убитая страсть.

Орленевъ совсѣмъ растерялся. Онъ не ожидалъ, что одно его слово вызоветъ наружу этотъ бурный порывъ. Да и что̀ могъ онъ сказать, чтобъ ее успокоить?

Но волненіе ея было непродолжительно. Усиліемъ воли ей удалось снова отогнать нахлынувшія воспоминанія. Заблестѣвшіе глаза потухли, голосъ опять сталъ ровнымъ.

— Орленевъ,—продолжала она, успѣвъ уже совладать съ собою,—вы мнѣ обѣщали забыть прошлое. Надѣюсь, что вы въ послѣдній разъ мнѣ дали поводъ

напомнить вамъ это. Только при этомъ условіи мы можемъ оставаться друзьями.

Онъ, разумѣется, поспѣшилъ дать ей самыя успокоительныя завѣренія, и она со своей стороны напрягла всѣ усилія, чтобы снова войти въ обычную спокойную колею и изгладить впечатлѣніе этой бурной сцены. Когда онъ вышелъ изъ ея кабинета, она вполнѣ, повидимому, вернула себѣ рѣдко измѣнявшее ей самообладаніе. Такъ по крайней мѣрѣ казалось. Но едва притворилась за нимъ дверь, она упала навзничь на диванъ, и горячія слезы хлынули изъ ея глазъ. Долго и тщетно она боролась со своимъ волненіемъ, и воспоминанія прошлаго, одно горше другого, длинною вереницей вертѣлись въ ея головѣ.

А онъ между тѣмъ, всходя по лѣстницѣ въ свою комнату, небрежно насвистывалъ *la donna ê mobile.*

XII.

Вологдинъ пріѣхалъ на слѣдующее утро съ раннимъ поѣздомъ. Его уже давно ждали въ Покровскомъ, но избалованный старый холостякъ, когда ему приходилось пускаться въ дорогу, всегда откладывалъ со дня на день.

Разумѣется, онъ былъ крайне недоволенъ своимъ путешествіемъ, жаловался на усталость, на скверные вагоны и даже, Богъ ему прости, на московскую кухню. Однимъ словомъ, онъ былъ несносенъ, какъ всегда. Тѣмъ не менѣе всѣ ему очень обрадовались. Съ годами Криницкіе и Вологдинъ такъ привыкли другъ къ другу, что его присутствіе въ ихъ домѣ казалось необходимостью, и мало-по-малу съ обѣихъ сторонъ изъ этой привычки возникла настоящая, преданная дружба.

— Надѣюсь только, — говорилъ онъ, не оставляя своего ворчливаго тона,—что вы меня не прогоните черезъ строй вашихъ здѣшнихъ сосѣдей. Я знаю, у васъ

страсть къ гостепріимству. Но меня по крайней мѣрѣ избавьте.

— А мы намѣрены,—вставила Софья Сергѣевна, — васъ на дняхъ повезти съ собой на праздникъ у здѣшняго предводителя. Онъ такъ насъ упрашивалъ, что я дала слово поѣхать съ Настей. Вы тамъ какъ разъ увидите сливки уѣзднаго общества.

Вологдинъ сдѣлалъ комическій жестъ отчаянія.

— Позвольте,—сказалъ онъ,—здѣшній предводитель, это должно быть Шатовъ?

— Конечно; вы его знаете?

— Еще бы! Симочка Шатовъ—мой бывшій товарищъ! Что, онъ попрежнему шутъ гороховый?

— Во-первыхъ, отучитесь, Вологдинъ, отъ дурной привычки называть людей почтенныхъ лѣтъ уменьшительными именами. Во-вторыхъ, Семенъ Кирилычъ не только не шутъ гороховый...

— Знаю, знаю! вѣчно по уши во всевозможныхъ предпріятіяхъ! дѣлецъ первой руки, и никто достовѣрно не знаетъ: милліонеръ ли онъ, или разорился въ пухъ.

— По-моему,—вмѣшался Петръ Михайловичъ, — Шатовъ образцовый хозяинъ и предводитель какихъ мало.

— И важенъ до нельзя, конечно. Ну, я буду очень радъ его видѣть въ новой роли представителя священныхъ началъ собственности, порядка и,—вѣроятно семейства? Онъ женатъ, конечно?

— Женатъ на княжнѣ Азанбековой. Но она рѣдко показывается и все хвораетъ.

— Ну да, это затворница, и забитая, и капризная въ то же время. У такихъ мужей всегда такія жены. Ну, а здѣсь въ Покровскомъ,—вдругъ оборвалъ Вологдинъ,—у васъ по крайней мѣрѣ никого нѣтъ въ качествѣ постояннаго жильца?

— Успокойтесь, комната у васъ будетъ своя. Я знаю, какой у васъ милый и общительный нравъ. А гость у насъ въ самомъ дѣлѣ есть и къ тому же одинъ изъ вашихъ лучшихъ друзей.

Вотъ какъ! Я до сихъ поръ за собой не подозрѣвалъ слабости имѣть друзей вообще и лучшихъ въ особенности,

— У насъ живетъ Орленевъ,—добавила Настя, и при этомъ имени тотчасъ покраснѣла и опустила глаза на книгу, которую держала въ рукахъ.

— Орленевъ? да я полагалъ, что онъ давно уѣхалъ за границу?—сказалъ Вологдинъ, и съ удивленіемъ замѣтилъ, какъ яркая краска выступила на лицѣ молодой дѣвушки.

— Онъ, напротивъ, совсѣмъ раздумалъ уѣзжать,—отвѣтила Софья Сергѣевна,—и намѣренъ поселиться въ Россіи.

Лицо Вологдина мгновенно приняло сдержанное, недовольное выраженіе, и его глаза съ недоумѣніемъ переходили отъ спокойнаго лица Софьи Сергѣевны къ зарумянившимся щекамъ ея дочери.

— Послѣ его успѣха на выставкѣ это не удивительно,—продолжала Софья Сергѣевна.

— Гм! успѣха! онъ бы лучше сдѣлалъ, еслибы продолжалъ любоваться итальянскимъ небомъ и поучился стилю тамошнихъ мастеровъ.

Полчаса спустя Вологдинъ вмѣстѣ съ Настей прохаживался по террасѣ; ему хотѣлось убѣдиться въ томъ, справедливо ли было зародившееся въ немъ странное подозрѣніе. Но въ словахъ и въ голосѣ молодой дѣвушки ни что не обличало тревоги. Вдругъ, пока они разговаривали, въ дверяхъ показался Орленевъ.

— Признаюсь,—сказалъ ему Вологдинъ послѣ обычныхъ привѣтствій,—не ожидалъ тебя здѣсь встрѣтить. Надѣюсь, мы уживемся подъ общею кровлей, хоть ты и по опыту знаешь, какой я несносный ворчунъ.

— Я съ своей стороны очень радъ.

— И я радъ, конечно, хоть и удивленъ. А ты здѣсь на всѣ лѣто?

— Не безпокойся, Вологдинъ,—смѣясь отвѣтилъ Евгеній,—скоро я тебя избавлю отъ своего присутствія. Я на-дняхъ уѣзжаю.

Настя быстро и удивленно вскинула глазами на Евгенія. Она хотѣла что-то сказать, но тотчасъ остановилась, и снова румянецъ показался на ея щекахъ. И Орленевъ, и Вологдинъ это замѣтили. Повинуясь какъ бы чужой силѣ, она встала, поспѣшно спустилась въ садъ и исчезла за поворотомъ аллеи.

„Странно, подумалъ ей вслѣдъ Вологдинъ, пока онъ велъ съ Евгеніемъ разговоръ самаго безразличнаго содержанія,—тутъ что-то неладно. Неужели эта дѣвочка, которую мать считаетъ еще ребенкомъ“?... И Вологдинъ далъ себѣ слово зорко наблюдать за Настей.

Она между тѣмъ ушла въ самую глубь сада, гдѣ близь рѣшетки, со всѣхъ сторонъ окруженной деревьями, стояла бесѣдка изъ акацій. Сюда она часто приходила читать въ жаркіе дни, и порой, забывъ о книгѣ, задумывалась на цѣлые часы, глядя на широкіе луга, гдѣ шелъ сѣнокосъ, или еще чаще погружалась въ волшебный міръ неясныхъ, еще молодыхъ грезъ. Что за призраки носились тогда передъ ней, она сама не знала, да и врядъ ли знаетъ о томъ любая дѣвушка въ ту счастливую пору, когда сердце еще не забилось и даетъ волю свободной игрѣ проснувшагося воображенія. Настя любила это мѣсто, потому что здѣсь она чувствовала себя вполнѣ свободною, и потому еще болѣе, что здѣсь на-дняхъ она долго, долго вдвоемъ оставалась съ Орленевымъ, пока онъ читалъ ей своимъ мягкимъ и звучнымъ голосомъ еще незнакомаго ей Гетевскаго *Фауста*. Ей казалось теперь, когда она вошла въ бесѣдку, что мѣсто это вдругъ измѣнилось, и сама она уже не прежняя Настя, и все это близкое прошлое такъ далеко, далеко... Что случилось и съ ней, и съ прочими, она не могла бы сказать. Одно только было ясно: если онъ уѣдетъ, чему-то настанетъ конецъ и чего-то, дорогого ей, въ ея жизни уже не будетъ. Вдругъ, пока она старалась выяснить себѣ то, что смутно она ощущала, чья-то тѣнь пересѣкла дорогу у бесѣдки и упала на каменный столъ, гдѣ предъ тѣмъ

свѣтлые кружки дрожали и передвигались отъ слабаго вѣтра, шелестившаго въ вѣтвяхъ. Она подняла голову; предъ нею, заслоняя входъ, стоялъ Орленевъ.

— Настя, что вы здѣсь дѣлаете? Зачѣмъ вы ушли такъ вдругъ,—спросилъ онъ необыкновенно мягко и, подойдя къ ней, бережно положилъ свою руку на ея голову.

— Евгеній Александровичъ,—робко сказала она,—вы въ самомъ дѣлѣ хотите на дняхъ уѣхать?

Онъ сѣлъ рядомъ съ ней на скамейку, и улыбнулся ей въ отвѣтъ, смотря ей прямо въ глаза, тотчасъ опустившіеся отъ его взгляда.

— А вамъ развѣ хотѣлось бы, чтобъ я еще остался въ Покровскомъ?—въ свою очередь спросилъ онъ.

— Настя не отвѣчала. Только кончикъ ея ножки судорожно бился о песокъ.

— Я очень радъ,—продолжалъ онъ,—если наши прогулки и мои уроки оставятъ по себѣ добрую память. И я про нихъ часто буду вспоминать, и, когда я стану ломать себѣ голову надъ какою-нибудь очень трудною работой, мнѣ все будетъ представляться милая ученица, которая такъ довѣрчиво меня слушала и такъ легко и быстро перенимала то, чему я училъ.

Все это было сказано самымъ беззаботнымъ, почти равнодушнымъ тономъ, а между тѣмъ Евгеній, говоря это, ощущалъ какое-то непонятное сладостное чувство и совершенно иныя, болѣе нѣжныя слова къ нему просились на языкъ... А Настя продолжала молчать, упорно глядя на землю.

— Но мы еще успѣемъ окончить съ вами,—продолжалъ онъ,—эскизъ Авдѣевой мельницы. Я хочу, чтобы вашъ первый опытъ масляными красками вышелъ на славу.

— Нѣтъ,—сказала она,—не нужно. Я не стану больше злоупотреблять вашимъ терпѣніемъ; вы уѣдете черезъ день или много два; гдѣ же успѣть?

— Да я совсѣмъ не спѣшу отсюда. Времени у меня

довольно, и нигдѣ, повѣрьте, мнѣ не будетъ такъ хорошо, какъ, здѣсь, въ Покровскомъ...Я такъ только, самъ не знаю отчего, сказалъ Вологдину, что уѣзжаю на-дняхъ... Въ сущности, это очень неопредѣленный и растяжимый срокъ...

Въ отвѣтъ на эти слова ея глаза на мигъ весело блеснули.

— Мама будетъ очень рада,—сказала она.

— Ну, это другой вопросъ. Признаюсь, я совсѣмъ и за былъ, что я не имѣю права располагать гостепріимствомъ Софьи Сергѣевны... Знаете что, Настя? если вы не боитесь длиной прогулки, день сегодня не слишкомъ жаркій и солнце не печетъ,—мы бы съ вами теперь же могли пойти къ Авдѣевой мельницѣ, а ваша пролетка свезла бы туда политру, кисти и все прочее. Мы успѣемъ вернуться къ обѣду. Вы не устанете?

— О нѣтъ, нѣтъ, конечно,—живо воскликнула она и побѣжала къ конюшнѣ, чтобы заказать экипажъ. Его глаза долго и жадно преслѣдовали ея стройный и легкій станъ, пока ея платье мелькало за кустами и странное, давно не испытанное чувство овладѣло имъ, пока онъ дожидался ея возвращенія. Правда, онъ почти стыдился этого чувства. Его дразнилъ внутренній, слегка насмѣшливый голосъ и подсказывалъ ему, какъ неестественны отношенія, возникшія между нимъ, тридцатичетырехлѣтнимъ мужчиной, которому непростительно увлеченіе, и этой дѣвочкой, еще совсѣмъ не испытавшей жизни. Что-то похожее на упрекъ было въ этомъ голосѣ. Но въ то же время онъ увѣрялъ себя, что не для него одного обаятельна прелесть едва распустившейся молодости. Онъ припоминалъ, какъ многіе изъ самыхъ громкихъ представителей искусства, уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ, отдавались нѣжной полуотеческой дружбѣ къ своимъ юнымъ поклонницамъ; кому-жъ, какъ не художнику, всего сильнѣе ощущать поэтическую свѣжесть чарующей молодости? Вѣдь, самъ великій Гете долго и усердно переписывался съ ребенкомъ, пятнадцатилѣтней Беттиною Брентано.

Орленевъ не успѣлъ довести до конца своихъ размышленій, какъ предъ нимъ уже стояла Настя. Изъ лѣса, которымъ они пошли, видно было какъ по ржаному полю копошились жнецы, и, одинъ за другимъ, ряды колосьевъ падали подъ ударами серпа. Орленевъ и Настя подошли къ опушкѣ, чтобы ближе налюбоваться пестрою картиной жатвы. Нива подходила къ самому лѣсу, и вездѣ, куда ни попадалъ глазъ, мелькали темносиніе сарафаны и яркіе головные платки женщинъ; онѣ то исчезали за густымъ валомъ колосьевъ, то вдругъ приподнимались, держа надъ головой тяжелый, еще несвязанный снопъ. Сборъ хлѣба, да и всего того, что даетъ земля, всегда носитъ отпечатокъ веселости и оживленія, а вѣдь, жатва, въ сущности, та же смерть, да еще огульная, сплошная смерть. Но когда спѣлый плодъ ложится подъ серпъ или падаетъ съ дерева, съ этимъ не связана грустная мысль разрушенія. Напротивъ, природа радостно отдаетъ человѣку то, что создала, какъ будто она сознаетъ, что не даромъ приноситъ эту богатую жертву.

Все это мелькнуло въ головѣ Орленева, и онъ тотчасъ передалъ это Настѣ.

— Какъ странно, откликнулась она,—представьте себѣ, я только что подумала то же самое. Ей за послѣднее время часто приходилось замѣчать, что мысли ея служили какъ бы отголоскомъ того, что̀ говорилъ Евгеній.—А знаете почему это такъ?—продолжала она:—смерть только потому печальна, что отъ нея пользы никому нѣтъ, что она—безслѣдное исчезновеніе.

— Помилуйте, Настя,—возразилъ онъ,—что вамъ за грустныя мысли приходятъ въ голову?

Настя покачала головой.

— Нѣтъ, не грустныя; мнѣ слишкомъ хорошо на свѣтѣ. Одно только меня тревожитъ, мнѣ бы такъ хотѣлось не для себя одной жить, мнѣ кажется, что я не имѣю права быть счастливою и веселою, когда столько бѣдныхъ и несчастныхъ, которымъ я и помочь не умѣю.

— Помилуйте, вамъ ли себя въ чемъ упрекать, Настя? Ваше время такъ наполнено...

— Ну да,—живо перебила она,—чтеніе, музыка, рисованіе. Да развѣ все это не для меня самой? Развѣ этимъ я кому-нибудь приношу пользу?

— Ахъ, Настя, то, что̀ вы говорите,—мило, очень мило, но,-повѣрьте мнѣ, то, чего вы хотите, самопожертвованіе и трудъ, въ свое время вы ихъ узнаете. Къ чему искать ихъ? Они и безъ того слишкомъ рано придутъ, эти непрошенные гости!

— Посмотрите, вотъ,—продолжалъ онъ, помолчавъ немного,—на этого рослаго парня въ бѣлой рубахѣ, который стоитъ такъ молодцевато возлѣ оврага и шутитъ съ бабами вмѣсто того, чтобъ имъ помогать.

— Что, вы думаете совѣстно ему, что женщины работаютъ, а онъ баклуши бьетъ? Думаетъ онъ себѣ, благо полоса будетъ сжата и безъ него, что слѣдуетъ ему воспользоваться свободнымъ денькомъ, чтобы душу отвести и побалагурить. Вотъ вамъ простонародный идеалъ счастья, и хорошо еще, когда его не ищутъ въ кабакѣ или просто на печкѣ. А для насъ развитыхъ, культурныхъ людей, этотъ же идеалъ достигается болѣе изящнымъ образомъ, благородными наслажденіями искусства.

Настя посмотрѣла на него съ недоумѣніемъ и не отвѣчала. Ей иногда казался страннымъ его легкій, почти небрежный взглядъ на жизнь, но осуждать его или даже просто не соглашаться съ нимъ она не смѣла.

— А замѣчательная голова у этого парня,— продолжалъ онъ.—Что за полное выраженіе здоровой физической силы; и еще говорятъ, что это—народъ забитый! Вы меня извините, если я съ него сдѣлаю набросокъ? Это всего потребуетъ какихъ-нибудь десяти минутъ, а кто знаетъ, впослѣдствіи можетъ пригодиться.

Онъ досталъ карандашъ и бумагу и, усѣвшись на камнѣ, принялся рисовать. Настя между тѣмъ ушла немного впередъ по тропинкѣ, отдѣлявшей поле отъ

лѣсной опушки. Здѣсь не сжатая еще рожь плохо росла, благодаря сосѣдству лѣса, но зато роскошнымъ ковромъ пестрѣли между рѣдкихъ колосьевъ полевые цвѣты: василекъ и ромашка, донникъ, пунцовый макъ и павилика, а рядомъ, вдоль самаго лѣса, обильно цвѣлъ пахучій шиповникъ. Настю прельстила эта яркая смѣсь; она принялась собирать цвѣты. Легко и празднично было у нея на душѣ; ей нравился просторъ далеко раскинувшагося поля, нравился, потому что онъ какъ бы помогалъ ей пустить на свободу, въ ширь и въ даль, свое воображеніе, а мечты, извѣстное дѣло, тѣмъ милѣе, чѣмъ неопредѣленнѣе вызываемые ими образы.

— Настя, куда вы? пойдемте, я кончилъ,—послышался голосъ Орленева.

Дѣвушка остановилась. Она не знала, куда дѣвать нарванные ею цвѣты и, слегка приподнявъ платье, собрала туда весь пестрый ворохъ. Орленевъ подошелъ къ ней.

— А, вотъ вы чѣмъ занимались! Ради Бога, не трогайте, останьтесь такъ!—воскликнулъ онъ, замѣтивъ, что она хочетъ опустить платье и уронить цвѣты. Дайте на себя хоть на мигъ полюбоваться. Вы и не подозрѣваете, какъ вы похожи теперь на самого прелестнаго Грэза, котораго я когда-либо видѣлъ. И его очарованный, блестящій взглядъ обнималъ всю стройную фигуру Насти,—и граціозныя складки ея приподнятой одежды, и соломенную шляпу, повисшую на ея лѣвой рукѣ.— Еслибы можно было васъ нарисовать въ эту самую минуту, именно такъ, какъ вы теперь стоите! Я давно хотѣлъ просить у васъ позволенія это сдѣлать, но никогда еще не видалъ я васъ такою, какъ теперь. Вы должны позволить мнѣ снять вашъ портретъ именно въ этой позѣ. Или еще лучше: здѣсь все-таки еще чего-то недостаетъ; сядьте сюда, вотъ на пригорокъ, подъ эту липу,—мы сейчасъ довершимъ вашъ уборъ.

Она невольно и молча повиновалась ему, вся дрожащая отъ смущенія, а онъ не опускалъ съ нея своего горящаго, заискривающагося взгляда.

— Вѣнокъ нужно на вашу голову,—вѣнокъ изъ васильковъ: это какъ нельзя лучше пойдетъ къ вашему свѣтлому платью. Давайте плести; я на этотъ счетъ, правда, не мастеръ, но какъ-нибудь вмѣстѣ успѣемъ.

Онъ взялъ цѣлый пукъ васильковъ съ ея колѣнъ и принялся за работу.

— Нѣтъ, вы не умѣете,—засмѣялась она, видя его неудачныя попытки,—вотъ такъ, посмотрите, мигомъ будетъ готово.

— Неужели такъ хорошо?—спросила она, робко накинувъ на голову вѣнокъ.

— Безподобно, прелесть! вы настоящая сказочная царевна. А теперь ужъ позвольте распустить ваши волосы и туда вплести вотъ эти два-три цвѣтка бѣлаго шиповника.

Она дала ему освободить свои волосы изъ-подъ сѣтки, и густыя пряди свѣтлою волной опустились на ея плечи.

— А сюда, въ поясъ, еще пучекъ цвѣтовъ вмѣстѣ съ колосьми ржи. Вотъ такъ!—и его дрожащая отъ волненія рука живо собрала букетъ и воткнула его въ поясъ молодой дѣвушки. Убирая ее и восторгаясь ею, онъ думалъ, конечно, что въ немъ говорило чувство художника, воспріимчивое къ изяществу ея поэтическаго облика. Но отчего же тогда такъ искрился его взглядъ и такъ лихорадочно билось его сердце.

Долго ли они оставались тутъ, подъ липой, и что они говорили другъ другу, оба они едва-ли потомъ сумѣли бы припомнить. Только ему казалось, что разомъ вернулись къ нему золотые дни первой молодости, а передъ Настей будто впервые раскрывался загадочный міръ, куда заглянуть такъ хорошо и въ то же время такъ страшно. Въ этотъ мигъ разница въ лѣтахъ между ними исчезла, оба они равно довѣрчиво и равно безсознательно отдались свѣжему и сладкому чувству, охватившему ихъ какъ струя весенняго воздуха.

Они пошли къ мельницѣ полемъ, которое тутъ кли-

номъ врѣзывалось въ лѣсъ. Увидавъ Настю, женщины бросали работу и обступали ее.

— Что, барышня, на насъ пришла поглядѣть,—говорили бабы;—здравствуй, милая, здравствуй. Посмотри, ржица-то какъ уродилась на моей полосѣ. Съ утра спины не разгибала и къ вечеру не кончу.

— Ты не ври, Акулина,—перебила другая,—у прочихъ дѣла, почесть, меньше, что ли? А ты все наровишь балясы точить, такъ и не мудрено, что отстанешь.

— Не вѣрь, матушка, не вѣрь, это онѣ меня бѣдную все донимаютъ.

Поднялся цѣлый хоръ привѣтствій барышнѣ и взаимныхъ пересудъ и насмѣшекъ.

Настя весело отвѣчала на поклоны и стала разспрашивать бабъ.

— А что, дочка твоя, Матрена, все хвораетъ? Помогло лѣкарство? Ну хорошо, такъ я еще пришлю. А твой мужъ, Анна?

Очень молодая еще, невысокая женщина, съ худымъ блѣднымъ лицомъ и правильными чертами, поднялась съ земли, держа на рукахъ грудного ребенка.

— Плохъ, матушка, Настасья Петровна, вотъ какъ плохъ! Мучусь съ нимъ, просто бѣда. Какъ топоромъ ногу расшибъ, еще къ Троицѣ, по сей часъ не встаетъ. Ну, а теперь, сами изволите знать, въ эту пору, безъ хозяина трудно. И пахали, и сѣно косили все мы со свекровью, да все неуправка.—Анна говорила это спокойно, не жалуясь, какъ-будто все это такъ и должно быть. Настя долго съ ней говорила, утѣшая ее, и обѣщала прислать чаю для больного мужа. Ей особенно нравилась эта молодая, слабая женщина съ большими строгими глазами. — Я сама къ тебѣ вечеромъ зайду,—прибавила она.

Анна молча поклонилась.

— А докторъ былъ у васъ?

— Былъ, матушка. Черезъ день заходитъ, жаловаться не можемъ. Да не въ его власти, значитъ, сами это

знаемъ.—И слабая улыбка показалась на ея губахъ.—Третій мѣсяцъ ходитъ. На то Божья воля.—И она отвернулась и принялась тихо качать проснувшагося ребенка.

Настя пошла дальше по полю, но почти тотчасъ ее догнала и остановила другая женщина, бойкая и быстроглазая.

— А это, барышня,—спросила она, смѣясь и показывая на Евгенія,—женишокъ что-ли твой? Дай тебѣ Богъ здоровья и счастья, краля ты наша, и ему тоже! Вишь какой пригожій,—по тебѣ, матушка, и женихъ!

— Лукерья, а Лукерья! — раздались сзади голоса бабъ.—Что ты за барышней погналась? Вишь, балагурить охотница!

Настя была очень рада, что Лукерью отозвали. Она почувствовала, какъ у нея кровь бросилась въ лицо, и не знала, какъ скрыть свое смущеніе. Но еще болѣе неловко чувствовалъ себя Орленевъ, такъ неожиданно для него было это привѣтствіе. Слова Лукерьи мигомъ разсѣяли все волшебное обаяніе прогулки.

Тѣмъ не менѣе, онъ заговорилъ первый, но уже много спустя, когда они снова вступили въ лѣсъ, и заговорилъ о самыхъ безразличныхъ предметахъ. Настя ему отвѣчала, и тоже будто твердила заученный урокъ. Непринужденность между ними исчезла и мысли ихъ далеко расходились врознь. Будущее, въ первый разъ такъ ясно высказавшееся Настѣ, и смущало ее, и въ то же время ей улыбалось. А Евгенію оно являлось зловѣщимъ призракомъ, грозящимъ превратить въ драму такъ беззаботно начатую идиллію...

Когда они дошли до Авдѣевой мельницы, было уже слишкомъ поздно, чтобы рисовать. День незамѣтно прошелъ, и они едва успѣли, погоняя лошадь, во-время пріѣхать къ обѣду. Они спѣшили домой, какъ провинившіяся дѣти, и Евгенію въ первый разъ померещилось непріятное сознаніе возможной отвѣтственности.

XIII.

Опасенія эти были, однако, напрасны. Петръ Михайловичъ, встрѣтившій молодыхъ людей у подъѣзда, слегка пожурилъ ихъ и сталъ подшучивать надъ дочерью за то, что ей вдругъ, среди бѣлаго дня, захотѣлось въ такую даль, какъ Авдѣева мельница.

— Не понятно, право,—говорилъ онъ, и легко потрепалъ Настю по щекѣ, а такая фамильярность вовсе не входила въ его привычки, даже съ дочерью,—какъ это вдругъ Евгеній Александровичъ развилъ въ тебѣ охоту къ безконечно длиннымъ прогулкамъ. Все природой любуетесь, а?

Настя покраснѣла до ушей, но въ то же время ее ободрилъ веселый тонъ Петра Михайловича.

— Я теперь,—сказала она улыбаясь,—стала масляными красками рисовать, и на-дняхъ вы увидите въ гостиной мама мою первую работу.

— Посмотримъ и полюбуемся,—смѣялся ей въ слѣдъ Петръ Михайловичъ, пока Настя побѣжала въ свою комнату, чтобы живо переодѣться къ обѣду, и еще болѣе, чтобы дать остыть своему разгорѣвшемуся лицу. Когда она вернулась, на ея тонкихъ чертахъ осталась лишь нѣжная краска оживленія; но всякій, знавшій прежнюю Настю, легко могъ бы замѣтить, что съ молодою дѣвушкой за послѣдніе дни случилось что-то необычайное, что ея лучистые глаза уже не говорили прежнимъ спокойнымъ языкомъ.

Софья Сергѣевна, однако, ничего этого не примѣчала, такъ далека была она отъ мысли, что присутствіе Евгенія въ ея домѣ могло нарушить мирное теченіе жизни ея дорогого ребенка. Съ самимъ Орленевымъ, котораго она почти не видѣла съ утра, она держала себя какъ-то особенно мягко и ласково; ей, видно, хотѣлось стереть бурныя впечатлѣнія прошлаго вечера. Да и онъ, въ свою очередь, говоря съ ней, казался необычайно смиреннымъ

и покорнымъ, будто и онъ желалъ загладить какую-то вину. Настя весело отшучивалась, когда ее поддразнивалъ отецъ. Словомъ, всѣ за столомъ были въ самомъ праздничномъ настроеніи.

— А вы знаете, мама,—вдругъ сказала Настя,—Евгеній Александровичъ съ завтрашняго дня принимается за мой портретъ.

— Вы ее балуете, Орленевъ. Во всякомъ случаѣ я этимъ очень довольна; такъ вы у насъ, все-таки, останетесь нѣсколько лишнихъ дней, не правда ли? а то Вологдинъ увѣряетъ, что вы уже послѣ завтра собирались уѣзжать. Благодари Евгенія Александровича, Настя.

Подозрѣніе, зародившееся у Вологдина, между тѣмъ, все расло. Онъ съ намѣреніемъ заговорилъ про недавнія произведенія Орленева, надѣлавшія въ Петербургѣ столько шума, и старался вызвать пріятеля на споръ ироническими замѣчаніями на его счетъ. Но самообладаніе Орленева ему не измѣнило. Вологдинъ увѣрялъ, что мнимое вдохновеніе художника ничто иное, какъ пріятное возбужденіе нервной системы, легко вызываемое при самомъ полномъ хладнокровіи, и что живописцы и поэты, почти безъ исключенія, эгоисты первой руки. Евгеній отвѣчалъ улыбаясь, что дипломатія плохая школа для пониманія искусства.—Ты похожъ на слѣпого,—сказалъ онъ,—который отрицаетъ свѣтъ, потому, что ему онъ не нуженъ. Для тебя вкусный обѣдъ и хорошая сигара верхъ наслажденія,—и прекрасно, я тебѣ не мѣшаю. Но позволь же другимъ находить удовольствіе въ иныхъ, тебѣ, можетъ быть, недоступныхъ ощущеніяхъ...

Подъ конецъ обѣда Софьѣ Сергѣевнѣ подали записку.

— Вотъ пріятное извѣстіе,—сказала она, пробѣжавъ нѣсколько строкъ, красивымъ женскимъ почеркомъ набросанныхъ на плотномъ, какъ пергаментъ, листкѣ сѣрой бумаги, съ громаднымъ вензелемъ въ одномъ изъ угловъ.—Надѣюсь, оно разгонитъ ваше мрачное настрое-

ніе, Вологдинъ; княгиня Лиза Болховская мнѣ пишетъ, что пріѣдетъ къ намъ въ пятницу. Я и не знала, что она въ деревнѣ.

Имѣніе Болховскихъ, большое торговое село Сухарево, было верстахъ въ двадцати отъ Покровскаго.

Вологдинъ всплеснулъ руками.—Вотъ плоды этихъ ужасныхъ желѣзныхъ дорогъ, воскликнулъ онъ.—Въ какую глушь ни спасайся, вездѣ настигнутъ васъ милый Петербургъ и его милыя обитательницы! И здѣсь придется любезничать и говорить остроумныя вещи.

— Откровенно вамъ скажу, Вологдинъ, что пока вашъ разговоръ не остроуменъ, а только несносенъ. Даже такую прелестную женщину, какъ Лиза Болховская, вы не можете оставить въ покоѣ. Ворчать, какъ вы, позволительно старикамъ, у которыхъ падагра, и государственнымъ людямъ въ отставкѣ.

Едва успѣли встать изъ-за стола, пріѣхалъ Степанъ Дмитріевичъ. Пока Софья Сергѣевна терпѣливо выслушивала его обычныя сѣтованія, а Петръ Михайловичъ въ десятый разъ доказывалъ Орленеву пользу кормовыхъ травъ въ хозяйствѣ, Вологдинъ подсѣлъ къ Настѣ: ему хотѣлось незамѣтно для нея самой подвергнуть молодую дѣвушку испытанію. Онъ заговорилъ съ ней самымъ невиннымъ образомъ про ея занятія въ деревнѣ и тотчасъ замѣтилъ, что Настя отвѣчаетъ ему разсѣянно и, очевидно, занята другимъ.

— Алексѣй Николаевичъ,—вдругъ перебила она его,—съ какихъ поръ начались у васъ такія враждебныя отношенія съ Орленевымъ?

Вологдину этого только и хотѣлось.

—Враждебныя отношенія?—разсмѣялся онъ.—Ни чуть не бывало. Но я не могу равнодушно видѣть, какъ мой благородный другъ, несмотря на свои уже почтенныя лѣта, ударяется въ сентиментальность, будто онъ бѣлокурый нѣмецкій юноша и только-что прочелъ Шиллера. А онъ между тѣмъ самый положительный изъ смертныхъ. Ну

какъ же вы хотите, чтобъ я, зная его слабость, не поддразнивалъ его?

Настя ничего не отвѣчала. Но гнѣвный блескъ ея всегда спокойныхъ глазокъ говорилъ за нее достаточно ясно.

— Мы оба, — продолжалъ Вологдинъ, будто и не замѣчая этого,—изъ тѣхъ людей, которымъ жизнь мало оставила иллюзій. Ну, посудите сами, не смѣшонъ ли показался бы я вамъ, еслибы сталъ прикидываться горячимъ энтузіастомъ?

— Во-первыхъ,—на этотъ разъ живо перебила его Настя,—Евгеній Александровичъ и не думаетъ чѣмъ-либо прикидываться; во-вторыхъ, онъ и вы—совершенно иное дѣло.

— Вотъ вы и ошибаетесь! Мы оба,—чего грѣха таить,—старые холостяки, для которыхъ несомнѣнно въ жизни лишь то, что дважды два четыре, а въ этой истинѣ, согласитесь, мало поэтическаго.

— Вы, я знаю, очень любите себя выставлять съ дурной стороны; но зачѣмъ же вы навязываете другимъ взгляды, въ которые вы сами не вѣрите?

— Вѣрить? очень трудно было бы сказать, во что я вѣрю...

— Что, онъ опять парадоксами сыплетъ?—перебилъ Вологдина, незамѣтно подшедшій къ нимъ Орленевъ.

— Алексѣй Николаевичъ, по обыкновенію, на себя клевещетъ,—сказала Настя,—и на васъ тоже, прибавила она, и выраженіе ея глазъ явно говорило, какъ мало эта клевета на нее дѣйствуетъ.

Вологдинъ продолжалъ въ томъ же полуязвительномъ, полушутливомъ тонѣ.

— Извини меня, если я откровенно высказываю твои убѣжденія или вѣрнѣе твое отсутствіе убѣжденій; но я, ты знаешь, не люблю, чтобы другіе ошибались ни на мой, ни на чужой счетъ.

— Какого ты мнѣнія обо мнѣ,—холодно и медленно возразилъ Евгеній,—мнѣ совершенно все равно, тѣмъ

болѣе, что все это опять-таки одинъ изъ твоихъ напускныхъ припадковъ желчи. Но вотъ что я тебѣ скажу, на этотъ разъ уже не въ шутку. Есть люди, которыхъ разочарованіе и горе, а можетъ-быть просто несчастный умственный складъ, привели къ полному отрицанію всего возвышеннаго, которые не вѣрятъ въ справедливость и добро, потому что все это мѣшаетъ ихъ безсильному озлобленію и ихъ гордости еще болѣе безсильной. Эти люди глубоко несчастны и достойны состраданія. Но есть иные, которымъ нѣтъ повода жаловаться на судьбу, которыхъ не наука привела къ отрицанію, и все-таки они ко всему относятся съ насмѣшкой, такъ, ради шутки, ради остраго словца, и для нихъ уже нѣтъ извиненія: потому что всѣмъ этимъ шутить нельзя, потому что на мѣстѣ разрушенныхъ убѣжденій у нихъ остается лишь одна пустота легкомыслія и безсердечія.

— Браво, хоть на каѳедру ступай! Спору нѣтъ, Орленевъ, ты научился говорить, но ты мнѣ вотъ что скажи теперь въ заключеніе: ты самъ, положа руку на сердцѣ, во что-нибудь вѣришь?

— Ты меня исповѣдывать собираешься?—довольно нерѣшительно проговорилъ Орленевъ.

— Нѣтъ, я просто вотъ что припоминаю: мѣсяца два назадъ, въ Петербургѣ, у меня вечеромъ разъ собралось нѣсколько человѣкъ старинныхъ пріятелей, и ты очень остроумно тогда посмѣивался надъ однимъ молодымъ малымъ, который, такъ-же вотъ какъ ты сегодня, все прибѣгалъ къ разнымъ туманнымъ выраженіямъ. Добро, справедливость, идеалъ у него не сходили съ языка. „Гдѣ онъ, вашъ пресловутый идеалъ, говорилъ ты, какого онъ цвѣта и объема? Существуетъ лишь то, что выражается мѣрою и вѣсомъ, точно такъ же, какъ нѣтъ на свѣтѣ ничего такого, что цѣнилось бы иначе, какъ за деньги“. Помнишь, это сравненіе имѣло даже большой успѣхъ? Конечно, это было сказано послѣ ужина, въ мужскомъ кругу....

— Евгеній Александровичъ, это правда?—спросила

Настя, и Орленева поразило необыкновенно серьёзное, почти торжественное выраженіе ея миловиднаго лица.

— Ахъ, Настя, мало-ли что срывается съ языка! Неужели приходится отвѣчать за каждое необдуманное слово!..

Настя не дала ему договорить. Она отвернулась и медленно вышла.

— Что, братецъ мой, вывелъ я тебя на чистую воду? а?—сказалъ Вологдинъ, трепля Евгенія по плечу.

Когда стало темнѣть, Софья Сергѣевна съ Вологдинымъ и Степаномъ Дмитріевичемъ усѣлись за преферансъ.

— Ты съ нами не будешь играть?—спросилъ у Орленева Вологдинъ.

— Нѣтъ, я пойду лучше послушать Настю. Изъ залы тихо доносились звуки знаменитаго adagio бетховенской сонаты quasi una fantasia.

„Да, такъ я и повѣрю, что ты идешь туда музыку слушать, вслѣдъ ему подумалъ Вологдинъ. Не могу понять, какъ это Софья Сергѣевна ничего не примѣчаетъ“. И замечтавшійся Вологдинъ тутъ же объявилъ девять безъ козырей и остался безъ четырехъ.

Въ самомъ дѣлѣ, не ради одной музыки Орленевъ приблизился къ роялю. Молодая дѣвушка, казалось, и не замѣтила какъ онъ вошелъ: голова ея слегка опустилась на грудь,—она играла по-памяти, а пальцы ея ровно скользили по клавишамъ. Она будто отрѣшилась отъ всего окружающаго и мысли ея унеслись высоко вслѣдъ за торжественно грустною фразой Бетховена, звучавшей неземнымъ спокойствіемъ вѣчности. Орленевъ не спускалъ съ нея глазъ, но ему не удалось встрѣтить ея взгляда. Когда она едва слышно взяла послѣдній аккордъ, и такая тишина была кругомъ, что этотъ почти неуловимый звукъ долго и таинственно дрожалъ въ темной залѣ, она съ минуту осталась въ неподвижности предъ клавишами, потомъ встала и молча заперла рояль.

— Куда вы? спросилъ Орленевъ. — Сыграйте еще, пожалуйста!

Она покачала головой.

— Я немного устала,—проговорила она.—Я пройду къ себѣ.

— Настя,—остановилъ онъ ее, ближе подходя къ ней, и голосъ его при этомъ слегка дрогнулъ,—вы недовольны мною за то, что сейчасъ сказалъ Вологдинъ. Не придавайте такого значенія этимъ пустымъ словамъ.

— Я не имѣю никакого права осуждать васъ,—тихо проговорила она.—Мое мнѣніе для васъ не можетъ имѣть вѣса.

— Зачѣмъ вы это говорите, Настя? Вы знаете, какъ я дорожу этимъ мнѣніемъ. Вашей чистой душѣ правда дается сама собой, потому что вы сами—вся правда.

— Нѣтъ, Евгеній Александровичъ,—прервала она его и строгое выраженіе не сходило съ ея лица, — не мнѣ судить про вашъ образъ мыслей. Да я и не сужу. Вамъ лучше знать, гдѣ истина. Но каковы бы ни были убѣжденія, сегодня они должны быть тѣ же, что и вчера. Говорить одно и думать иное...

— Да развѣ можно требовать, чтобы никогда, хотя бы въ шутку, не вырвалось какое-нибудь глупое слово, которое ничего общаго не имѣетъ съ настоящимъ убѣжденіемъ?

— Вы сами, кажется, сегодня доказывали, что есть вещи, которыми не шутятъ. И какъ же знать, когда вы шутите, если вы черезъ какой-нибудь часъ станете смѣяться надъ тѣмъ, что прежде горячо отстаивали?

Она сказала это почти съ горечью, и Орленевъ не нашелся, что ей отвѣчать. Эта простая логика была сильнѣе самыхъ блестящихъ фразъ.

Непривычная тревога завладѣла имъ, когда позже въ тотъ же вечеръ онъ вернулся въ свою комнату. Онъ ясно теперь сознавалъ, какое чувство влекло его къ Настѣ и наполняло его жизнь въ Покровскомъ давно неиспытанною радостью. И тѣмъ сильнѣе сказалось оно, что ея спокойное довѣріе къ нему теперь, быть-можетъ, надолго было нарушено. И въ то же время

иной голосъ заговорилъ въ немъ; до сихъ поръ онъ отдавался почти безсознательно обаянію молодой дѣвушки, не думая о завтрашнемъ днѣ. Зачѣмъ, казалось ему, портить чистое впечатлѣніе минуты заботой о томъ, куда можетъ его привести увлеченіе? Но теперь уже нельзя обманывать себя на счетъ будущаго. Между нимъ и Настей неодолимымъ препятствіемъ стоятъ воспоминанія прошлыхъ дней. Съ той минуты, какъ онъ овладѣетъ ея любовью, — а любовь эта уже принадлежала ему, онъ зналъ это, — онъ, быть-можетъ, обречетъ на горе ея молодую жизнь...

Простой выводъ изъ этого, конечно, такъ сразу не сказался ему. Орленевъ не умѣлъ подчиняться неизбѣжнымъ послѣдствіямъ своихъ поступковъ; этому не научила его жизнь. Онъ старался заглушить преслѣдовавшій его докучливый голосъ, и, разумѣется, не находилъ выхода изъ непримиримыхъ противорѣчій.

— Орленевъ, я пришелъ съ тобой переговорить,— вдругъ раздался голосъ Вологдина, и рука его легла на плечо Евгенія.

— Что̀ тебѣ надо?—раздраженно спросилъ Орленевъ, не замѣтившій, какъ вошелъ пріятель.

— Я въ третій разъ съ тобой заговариваю, но ты, кажется, такъ погруженъ въ свои мысли. Впрочемъ, шутки въ сторону, я къ тебѣ по серьёзному дѣлу.

— Нельзя ли отложить до завтрашняго дня?

— Нѣтъ, Орленевъ, съ непріятными вопросами нужно кончать сразу. Потрудись мнѣ сказать, когда ты ѣдешь отсюда.

— Что̀ тебѣ такъ дался мой отъѣздъ?—Орленевъ попробовалъ разсмѣяться, но смѣхъ его вышелъ неестественнымъ.

Вологдинъ усѣлся и посмотрѣлъ ему прямо въ лицо.

— Ты, кажется, долженъ понять, что тебѣ здѣсь оставаться нельзя, и потому, надѣюсь, уволишь меня отъ непріятныхъ объясненій.

— Послушай, Вологдинъ, я давно привыкъ къ твоимъ странностямъ. Но въ этотъ разъ, особенно ужъ если тебѣ угодно со мной разговаривать этимъ торжественнымъ тономъ, я желалъ бы узнать, въ чемъ могутъ заключаться эти объясненія.

Орленевъ облокотился на столъ и не спускалъ съ Вологдина своего раздраженнаго, почти вызывающаго взгляда.

— Изволь,—холодно отвѣтилъ Вологдинъ,—я буду выражаться кратко и, надѣюсь, ясно. Ты понимаешь или нѣтъ, что твое присутствіе здѣсь угрожаетъ спокойствію цѣлаго семейства, спокойствію купленному дорогою цѣной? Ты, надѣюсь, безъ намѣренія занимаешься тѣмъ, что кружишь голову семнадцатилѣтней дѣвочки. Не мнѣ, кажется, открывать тебѣ глаза на счетъ того, что, къ сожалѣнію, ты дѣлаешь это съ успѣхомъ. Мнѣ съ перваго дня это стало яснымъ.

— Мнѣ лично ты говори, что тебѣ угодно. Но съ какого права ты вставляешь сюда имя Насти?

Вологдинъ вспыхнулъ.

— А, съ какого права!—горячо перебилъ онъ. — Ты знаешь, что я преданъ Криницкимъ—ну хоть преданностью цѣпной собаки. И я огрызаюсь на всякаго, кто коснется хоть волоса на головѣ Софьи Сергѣевны.

— Вологдинъ, прекратите этотъ разговоръ. Я не ручаюсь за себя, что буду терпѣливо выслушивать эти неумѣстные намеки.

— Ты укрываешься за приличія! Это извѣстная уловка, и мнѣ стыдно за тебя, что ты за нее хватаешься. Приличіе неумѣстно тамъ, гдѣ идетъ дѣло о цѣломъ будущемъ женщины, которую ты, кажется, обязанъ уважать не на словахъ только: вѣдь, прошлое мнѣ извѣстно, ты знаешь это, ты не сотрешь этого изъ моей памяти. Къ чему между нами, съ глазу на глазъ, эта притворная тайна?

— Еще разъ повторяю тебѣ, Вологдинъ, что въ подобныя объясненія я входить не могу и не стану.

— О, конечно,—язвительно отвѣтилъ Вологдинъ:—это возмущаетъ твои рыцарскія понятія. Но въ то же время они не мѣшаютъ тебѣ, эти понятія, влюбить въ себя неопытную дѣвушку, женитьба на которой почти была бы преступленіемъ!

Вологдинъ прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ.

— Что же ты не отвѣчаешь?—спросилъ онъ, остановившись передъ Евгеніемъ.

— Ты кончилъ? Ну такъ я отвѣчу тебѣ, что есть отношенія, не допускающія посторонняго вмѣшательства, и что я никогда до сихъ поръ не совѣтовался ни съ кѣмъ, чтобы знать, чего требуетъ отъ меня чувство долга.

— Надѣюсь въ такомъ случаѣ,—возразилъ насмѣшливо Вологдинъ,—что этому гордому правилу ты не измѣнишь и теперь. Но знай напередъ, что и я не остановлюсь ни передъ какими соображеніями, какъ скоро мнѣ придется отстаивать противъ тебя хозяйку того дома, гостепріимствомъ котораго ты пользуешься такъ странно.

И дверь съ шумомъ затворилась за Вологдинымъ.

XIV.

Когда на слѣдующее утро небольшое общество Покровскаго собралось за чайнымъ столомъ, его охватило, повидимому, какое-то сѣрое настроеніе. Петръ Михайловичъ былъ недоволенъ только что полученными донесеніями Адама Карловича. Орленевъ, Вологдинъ и Настя почти не говорили другъ съ другомъ; странная натянутость вдругъ установилась между ними.

— Что съ вами сегодня? — обратилась ко всѣмъ разомъ Софья Сергѣевна.—Будто на васъ всѣхъ осенью повѣяло.

А между тѣмъ и Софьѣ Сергѣевнѣ было не по себѣ. Наканунѣ она старалась возстановить простыя и дружескія отношенія къ Орленеву, а сегодня, какъ разъ послѣ

безсонной ночи, ей почуялось, что она ищетъ невозможнаго, что, пригласивъ Орленева въ Покровское, она поступила съ непростительною опрометчивостью. Ей хотѣлось себѣ самой доказать, что присутствіе этого человѣка подъ ея кровлей уже не вызываетъ въ ней тревожныхъ ощущеній, и каждый день ей приходилось все болѣе убѣждаться въ своей ошибкѣ. Онъ, конечно, вошелъ въ свою роль стариннаго друга какъ нельзя лучше, но чѣмъ невозмутимѣе было его спокойствіе, тѣмъ болѣе оно ее раздражало.

И съ истинно женскою непослѣдовательностью Софья Сергѣевна внутренно даже упрекала Евгенія за то, что онъ принялъ ея зовъ и пріѣхалъ.

Всѣ поспѣшили наскоро окончить завтракъ и разойтись. У самыхъ близкихъ людей бываютъ минуты, когда ихъ неудержимо и безсознательно тянетъ врознь. Орленевъ приказалъ осѣдлать себѣ лошадь и пустился безо всякой цѣли—то нетерпѣливо погоняя, то рѣзко останавливая ее—по волнистымъ окрестностямъ Покровскаго. Онъ всегда находилъ, что ѣзда верхомъ—лучшее средство для приведенія въ порядокъ разстроеннаго мозга, когда разсудокъ отказывается дать ясный отвѣтъ на сомнѣнія воли,—а это почти всегда значитъ то, что воля отказывается этотъ отвѣтъ выслушать. На этотъ разъ, однако, Евгенію не удалось покончить со своею нерѣшимостью. Чѣмъ яснѣе ему представлялась необходимость его отъѣзда, тѣмъ усерднѣе онъ придумывалъ кажущіяся препятствія. Жизнь такъ постоянно баловала его, что онъ поневолѣ довѣрялъ ей и насчетъ будущаго, и ждалъ того счастливаго случая, который неминуемо долженъ выпутать его изъ затрудненія, точно такъ же какъ записной игрокъ упорно ждетъ завѣтную карту. Иные люди примѣняютъ и къ жизни пріемы азартной игры. Слишкомъ четыре часа сряду рыскалъ онъ по рощамъ и полямъ, и привезъ домой, вмѣсто рѣшенія, одну лишь усталость.

Между тѣмъ, едва Орленевъ ускакалъ отъ крыльца

Покровскаго дома, подъѣхалъ Александръ Гашинъ и спросилъ, можно ли видѣть Петра Михайловича. Аккуратный до щепетильности, Криницкій терпѣть не могъ, чтобъ его тревожили во время занятій и пріѣзжали въ Покровское въ утренніе часы. Онъ принялъ молодого человѣка довольно сухо, и Александръ, вошедшій съ особенною поспѣшностью въ его кабинетъ, увидѣлъ предъ собой не радушнаго хозяина, а начальника, готовящагося выслушать утомительный докладъ.

— Вашъ управляющій, — живо началъ молодой человѣкъ,—вчера прислалъ мнѣ жалобу на Покровскихъ крестьянъ, и я счелъ долгомъ назначить это дѣло къ слушанію уже на сегодняшній день, тѣмъ болѣе...

— Позвольте, Александръ Степанычъ, — перебилъ его Криницкій,—я не допускаю, чтобы ради иска моей конторы дѣлались исключенія. Любезность и судоговореніе общаго ничего не имѣютъ.

Александра поразилъ сухой тонъ Петра Михайловича.

— Здѣсь и нѣтъ вовсе любезности,—поспѣшилъ онъ возразить,—а просто спѣшность начатаго вами иска.

— А, хорошо!—и лицо Петра Михайловича приняло еще болѣе офиціальный видъ.—Такъ что же вамъ отъ меня угодно?

— Я уже сказалъ вамъ, что искъ этотъ будетъ разбираться сегодня, то-есть черезъ два часа. Въ виду этого я и поспѣшилъ сюда, чтобы заблаговременно переговорить съ вами и посовѣтывать вамъ прекратить это дѣло.

Петръ Михайловичъ былъ очень добрый человѣкъ. Но привычка видѣть передъ собой лишь почтительно-усердныя фигуры въ тѣ часы, которые были посвящены „дѣлу“, и извѣстная торжественность обстановки, разъ навсегда заведенная въ предѣлахъ канцелярскаго міра, придавали въ его глазахъ оттѣнокъ неправильности всему этому разговору. Такія выраженія какъ „посовѣтывать прекратить дѣло“ рѣзали его офиціальное ухо. Бюрократическая жилка въ немъ забилась. Петръ Ми-

хайловичъ выпрямился во весь свой невысокій ростъ и проговорилъ съ нѣкоторымъ величіемъ:

— Дѣло, про которое вы говорите, начато моимъ управляющимъ, а не мною. Если вамъ нужны какія-нибудь личныя разъясненія, обратитесь къ Адаму Карловичу.

Александра въ свою очередь покоробило.

— Никакихъ разъясненій мнѣ не нужно, ваше превосходительство, дѣло говоритъ за себя. И если я позволилъ себѣ васъ обезпокоить, то единственно съ тою цѣлью, чтобъ избавить васъ отъ непріятности проиграть его, такъ какъ по моему мнѣнію, откровенно говоря, жалоба Адама Карловича неправильна.

— Въ такомъ случаѣ, достойнѣйшій Александръ Степановичъ, вы дали себѣ напрасный трудъ. Никакой непріятности, какъ вы изволите говорить, для меня изъ вашего рѣшенія возникнуть не можетъ, особенно по такому копѣечному дѣлу. Я разумѣется не сомнѣваюсь въ томъ, что рѣшите вы его по совѣсти.

— Надѣюсь, ваше превосходительство.

— Но входить во всѣ эти мелочи я не намѣренъ, и не могу. Я довѣрился Адаму Карловичу и потому оспаривать его взглядовъ не стану. Еще разъ переговорите съ нимъ, и я увѣренъ, что несправедливости онъ не допуститъ.

Проговоривъ это съ тѣмъ выраженіемъ лица, которое обыкновенно бываетъ у государственныхъ людей на офиціальныхъ портретахъ, гдѣ они написаны въ мундирѣ при орденахъ. Петръ Михайловичъ сталъ играть костянымъ ножемъ на столѣ въ знакъ того, что аудіенція кончена.

Александръ раздраженный тѣмъ, что такъ дурно были приняты его добрыя намѣренія поспѣшилъ вернуться въ Ольховку. Искъ, начатый Адамомъ Карловичемъ былъ однимъ изъ тѣхъ многочисленныхъ споровъ, которые въ деревняхъ безпрестанно возникаютъ, благодаря упрямству нѣмцевъ - управляющихъ. Крестьяне

села Покровскаго и сосѣднихъ деревень были обязаны убирать хлѣбъ въ усадьбѣ Криницкихъ за право пастьбы на господскомъ выгонѣ. За два дня передъ тѣмъ, одна небольшая деревня, самая бѣдная въ околоткѣ, не явилась на работу: народу у нея было мало, и домохозяева боялись опоздать сборомъ своего собственнаго хлѣба. Адамъ Карловичъ тотчасъ оштрафовалъ эту деревню на порядочную сумму и, въ добавокъ, приказалъ не пускать ея стадо на пастбище. При разбирательствѣ обнаружилось, что эти крутыя мѣры были приняты изъ-за давнишняго личнаго неудовольствія Адама Карловича на провинившихся. Зная крестьянъ хорошо, Александръ предвидѣлъ, что это „копѣечное" дѣло можетъ имѣть совсѣмъ не шуточныя послѣдствія, и потому старался уговорить Петра Михайловича. Потерпѣвъ неудачу, онъ долженъ былъ волею-неволею отказать въ искѣ.

Послѣдствія между тѣмъ оказались очень скоро. Едва покровскіе крестьяне узнали про рѣшеніе мирового судьи, они объявили, что коли такъ, то и они работать не станутъ на господъ, и тотчасъ бросили уборку хлѣба. Къ вечеру на селѣ происходила мірская сходка, а на слѣдующее утро и остальныя деревни не явились на работу, но за то на улицѣ села передъ избой старосты шелъ безпорядочный говоръ крестьянской толпы.

Адамъ Карловичъ растерялся, да и было отъ чего. При уборкѣ хлѣба, извѣстное дѣло, малѣйшее замедленіе опасно, а русскаго мужика, когда онъ заупрямится, уломать не легко. Послали за старшиной; но того встрѣтили насмѣшками.

— Ты, знамо дѣло,—говорили ему,—все за господъ; не даромъ тебя Семенъ Кирилычъ-то на должность поставилъ. Ты міру не угодникъ. Ступай, по-добру по-здорову, старый чортъ, а то хуже будетъ.

Старшина почесалъ затылокъ да и поскакалъ къ предводителю доложить о случившемся. Шатовъ, по обыкновенію, вспылилъ, приказалъ закладывать лоша-

дей, и черезъ часъ уже ѣхалъ въ Покровское водворять порядокъ.

Это вмѣшательство мѣстной офиціальной власти было до крайности непріятно Криницкому. Нарушеніе правильнаго хода его хозяйства само по себѣ мало его безпокоило, но того непріятнаго обстоятельства, что у него, такъ высоко стоящаго на административной лѣстницѣ, понадобилось содѣйствіе власти, онъ спокойно перенести не могъ. Пока онъ разсуждалъ съ Шатовымъ, дѣлая надъ собою усиліе, чтобы скрыть свое раздраженіе, подъѣхалъ къ крыльцу и Александръ,—до него также успѣла дойти вѣсть о покровскихъ безпорядкахъ. Въ сѣняхъ онъ встрѣтился съ Шатовымъ, выходившимъ изъ кабинета Петра Михайловича.

— А, вотъ и виновникъ здѣшней передряги,— воскликнулъ Семенъ Кирилычъ.—Хороши вы, батюшка, нечего сказать! А еще здѣсь считаетесь домашнимъ человѣкомъ, а тамъ, себѣ того.—И не докончивъ своей фразы, Шатовъ лукаво подмигнулъ лѣвымъ глазомъ...— Подите теперь, расхлебывайте кашу! Удивляюсь, право, какъ у васъ хватило духа, чтобы сюда явиться.

— Я сюда и явился, чтобъ ее расхлебывать, Семенъ Кирилычъ. Если вы думаете, что мнѣ легко и пріятно было отказывать въ искѣ Петра Михайловича, вы очень ошибаетесь. Да что дѣлать, я праваго виноватымъ признать не могу.

— Вы только напрасно не разсудили заранѣе,—насмѣшливо сказалъ Орленевъ, вошедшій между тѣмъ въ сѣни вмѣстѣ съ Вологдинымъ,—что изъ такого ничтожнаго вопроса едва ли стоило вызывать цѣлый бунтъ.

Александра передернуло. Противъ Орленева у него давно уже накопилась желчь, и онъ не прочь былъ при случаѣ его оборвать.

— Семену Кирилычу я отвѣтилъ, потому что, хоть мы съ нимъ и расходимся во многомъ, онъ все-таки имѣетъ здѣсь право голоса. Но вы, г. Орленевъ, кажется, тутъ совершенно посторонній, хотя бы вамъ не

мѣшало знать, что для суда не можетъ существовать крупныхъ и мелкихъ дѣлъ, а бываютъ только правыя и неправыя.

— Кто сей?—вполголоса спросилъ у Шатова Вологдинъ. Тотъ ему объяснилъ и прибавилъ:—Сорви-голова и молокососъ изъ передовыхъ.

— Гм! пока этого не вижу,—отвѣтилъ Вологдинъ.

— Софья Сергѣевна, вы! да какъ вы не боитесь выходить на улицу!--воскликнулъ Шатовъ, увидавъ на крыльцѣ хозяйку Покровскаго, спокойно отдававшую приказанія Адаму Карловичу.

— Вы, кажется, шутите, Семенъ Кирилычъ. Чего мнѣ бояться? Благодарю васъ за то, что пріѣхали,—обратилась она къ Александру и протянула ему руку.—Пожалуйста, не воображайте, что мы на васъ сердимся, вы поступили совершенно, какъ слѣдовало, и мнѣ, напротивъ, совѣстно, что мы съ мужемъ не познакомились съ дѣломъ и не остановили излишняго усердія Адама Карловича.

— Что жъ, не разошлась еще сходка? не перестали еще шумѣть? разспрашивалъ управляющаго Шатовъ, желавшій хоть чѣмъ-нибудь выказать свою дѣятельность.

— Какое!—отвѣчалъ тотъ,—до вечера будетъ разговоръ, и потомъ въ кабакъ. А рожь, и нашъ и мужицкій, пускай стоитъ.

— За становымъ надо послать, актъ составить, вотъ что!—воскликнулъ Семенъ Кирилычъ.

— Ради Бога, не дѣлайте этого,—сказалъ молодой Гашинъ.—Вы все этимъ испортите.

— Кажется, и портить-то ничего не осталось.

— Ну, а если становому наговорятъ разныхъ дерзостей и, чего добраго, побьютъ? что тогда? уголовное дѣло затѣвать? Между тѣмъ какъ теперь стоитъ съ ними поговорить какъ слѣдуетъ, и завтра же всѣ будутъ на работѣ.

— Посмотримъ, какъ вы это устроите!

— Не угодно ли вамъ будетъ сходить вмѣстѣ со мной на село?—насмѣшливо спросилъ Александръ. Но Семенъ Кирилловичъ уклонился отъ непосредственныхъ переговоровъ съ крестьянами, и молодой Гашинъ, увѣривъ всѣхъ, что онъ ручается за успѣхъ, отправился на сходку,

— Молодецъ!—проговорилъ ему вслѣдъ Вологдинъ.

Когда Александръ сталъ подходить къ избѣ, передъ которой собрались крестьяне, мужицкій говоръ мгновенно стихъ. Многіе изъ стоявшихъ тутъ, впрочемъ довольно нерѣшительно, сняли шапки, иные недовѣрчиво переглядывались.

— Вишь, посредственникъ идетъ. Чего ему надо? вполголоса сказалъ рыжій высокій дѣтина съ краснымъ лицомъ.

— Какой посредственникъ, судья! тѣхъ, вишь, порѣшили.

— А по нашему все одно, вставилъ немолодой уже мужикъ съ хитрымъ и въ то же время глуповатымъ лицомъ,—какъ ни называй, все значитъ членъ; разбирай тутъ, благо развелось ихъ теперь оченно довольно.

Извѣстно, что всѣхъ выборныхъ должностныхъ лицъ крестьяне черноземной полосы безразлично называютъ „членомъ“.

— Что, братцы,—обратился къ нимъ Александръ и поклонился міру,—денекъ-то какой хорошій Богъ послалъ! какъ разъ для уборки.

Мужики молчали и переглядывались украдкой. Кто былъ поглупѣе—посмѣивался.

— Извѣстное дѣло, первый сортъ денекъ-то,—наконецъ проговорилъ черноволосый бойкій парень, бывавшій въ Петербургѣ, и выступилъ впередъ изъ кучки.

— Такъ что-жъ вы здѣсь на улицѣ стоите?—продолжалъ Александръ.—И бабы тоже, кажись, не на работѣ? Или ждете, чтобы рожь высыпалась?

Мужики опять промолчали, и одинъ только старикъ,

вздыхая, и почему-то оглядываясь на синее небо и на поля, нерѣшительно проговорилъ:

— Спѣла, батюшка, что и говорить, спѣла, и сыпаться начинаетъ.

— Такъ что же зѣваете?

— Да вотъ ждемъ, что міръ рѣшитъ, опять сказалъ бойкій черноволосый питерщикъ.

— Что-жъ ему рѣшать?—возразилъ Александръ.— Развѣ то, сколько вина поставить на выпивку и ненастья дожидаться, чтобы рожь жать?

Въ толпѣ послышался смѣхъ.

— А вѣдь баринъ ладно говоритъ, сказало нѣсколько голосовъ.

— Что-жъ вы своихъ полосъ не пожалѣете?

И рады бы да обжечься боимся, вотъ что,—проговорилъ одинъ приземистый мужиченокъ, сурово глядѣвшій изподлобья.

— Вотъ какъ?—Это почему?

— Условіе у насъ съ конторою барской заключено,— напередъ господское поле убирать. Ну, а на свое пойдемъ, такъ онъ-то, Нѣмецъ ихній, и станетъ ругаться, и жалобу мировому подастъ.

— Вотъ тебѣ, батюшка, и придется насъ разбирать съ нимъ,—веселѣе подхватили другіе.

— И пойдетъ возня,—закричали сиплые недовольные голоса.

— Туда-сюда, работа пусть стоитъ, а ты ступай къ мировому, а того и гляди еще присудятъ.

— Я, кажется, никогда еще праваго не осуждалъ. А кто условіе нарушать станетъ, разумѣется, за то не похвалю.

— Много вами довольны, батюшка. Ужъ вы, извѣстное дѣло, за бѣднаго человѣка постоите, отвѣтилъ все тотъ же бойкій мужикъ. Видно было, что онъ хотѣлъ еще что-то прибавить, да почесалъ затылокъ и промолчалъ.

— Такъ вы, стало-быть, обязаны теперь господскую

рожь жать?—опять началъ Александръ, подождавъ немного.

— Обязаны, конечно, обязаны,—почти въ одинъ голосъ послышалось въ толпѣ!—Ужъ какъ обязаны-то, добавилъ одинъ старичекъ, видитъ Богъ, все работаемъ и все конца нѣтъ.

— Ну, ты не ври, дядя Михѣй,—рѣзко его оборвалъ черноволосый, бывшій очевидно однимъ изъ заправилъ сходки.—Ужъ коли говорить, ваше благородіе,—обратился онъ къ Гашину, такъ настоящимъ дѣломъ. Обязались, такъ нечего клянчить. Только и то правда, что оченно мы обижены отъ господъ.

— Ужъ какъ обижены-то,—злобно проговорили нѣкоторые, и тотчасъ сердитый безпорядочный говоръ, какъ вѣтеръ по вѣтвямъ, пошелъ по толпѣ.

— Тише,—обратился къ нимъ питерскій ораторъ,—видите господа, съ его благородіемъ про дѣло толкуютъ, а вы тутъ горланите, озорство одно.

— Да Петръ Михайлычъ не такой человѣкъ, чтобы кого напрасно обидѣть,—сказалъ Александръ.

— Петромъ Михайлычемъ много довольны,—продолжалъ ораторъ,—что и говорить, баринъ настоящій. Да вотъ ихъ Нѣмецъ треклятый, Адамъ Карловъ, все народу обиду дѣлаетъ. По этому самому предмету и толкуемъ здѣсь, потому, значитъ, коли намъ угожденія не будетъ, и мы на работу не пойдемъ.

— Не пойдемъ! Зачѣмъ пойти!—закричали въ толпѣ. Раздраженіе очевидно росло.

— И толковать нечего, плюнуть да и только,—проговорилъ маленькій сердитый мужичекъ, и отошелъ въ сторону.

— Значитъ на господъ работать не станете, потому не хочется,—началъ опять Александръ, какъ унялись крики,—а на себя потому—боязно? А хлѣбъ пусть стоитъ. Молодцы! Хорошо придумали.

— Да зачѣмъ же Калитинское стадо на выгонъ не пущаютъ,—пропищалъ какой-то мужикъ.

— А ты развѣ Калитинскій?

— Нѣтъ, да я такъ только,—сконфузился тотъ.

— Видите, ваше благородіе,—опять выступилъ сельскій дипломатъ,—въ мірѣ разсуждаютъ, что коли съ деревней Калитиной вопреки условію поступаютъ, такъ и мы, значитъ, работать не станемъ.

— А васъ за это, ты думаешь, по головкѣ погладятъ?

— Да небось и не казнятъ. Вотъ по калитинскому дѣлу мужичковъ, слышно, оправдали.

— Я ихъ оправдалъ, потому что ихъ оштрафовали неправильно. Но вамъ я скажу, что кто безъ причины станетъ отказываться отъ условленой работы, того оправдывать не стану. Вы никакого права не имѣете здѣсь шумѣть, когда обязались.

— Будь что будетъ,—послышалось въ толпѣ; но теперь уже это были немногочисленные и нерѣшительные голоса.

— Да вотъ что будетъ, придетъ полиція и всѣхъ васъ соберетъ, актъ составлять—одинъ день пропалъ, потомъ всю деревню ко мнѣ въ участокъ позовутъ—другой день, а тамъ и штрафъ за прогулъ. И изъ-за чего все это? Изъ-за Калитинскаго стада? Стало-быть твоего сосѣда побили, а ты свою спину подавай?

Въ толпѣ молчали. Теперь уже всѣ скинули шапки. Бойкій мужикъ, стоявшій передъ Александромъ, упорно глядѣлъ на землю.

— А само Калитинское стадо,—продолжалъ Александръ,—Петръ Михайловичъ уже съ часъ назадъ приказалъ снова пустить на выгонъ. Такъ и выйдетъ, что Покровскіе взбаламутились курамъ на смѣхъ, сами не зная изъ-за чего.

— Да это не мы,—вдругъ сказалъ одинъ молодой парень,—это они вотъ, Невѣровскіе, насъ подбиваютъ.

— Какіе еще тамъ Невѣровскіе?

Оказалось, что въ толпѣ было нѣсколько человѣкъ изъ чужой деревни, совсѣмъ непричастной къ дѣлу. Они, впрочемъ, поспѣшили убраться домой, иначе легко

могло кончиться тѣмъ, что ихъ самихъ побили бы Покровскіе.

Съ добрыхъ два часа уже Александръ возился со сходомъ. Но мало-по-малу, то пошучивая съ крестьянами, то угрожая имъ, онъ убѣдилъ ихъ разойтись и на слѣдующее утро явиться на работу.

Усталый и запыленный онъ направился къ дому.

Я уже слышала, что вы все уладили,—встрѣтила его у крыльца Софья Сергѣевна.—Очень васъ благодарю, что вы избавили насъ отъ спора, а мужу при его положеніи это было бы такъ непріятно.

Александръ хотѣлъ было тотчасъ уѣхать въ Ольховку, но Софья Сергѣевна его задержала.

— Такъ я васъ и отпущу,—сказала она ему,—вы у насъ отобѣдаете и я васъ представлю княгинѣ Болховской, которая сейчасъ пріѣхала.

XV.

Княгиня Лизавета Петровна Болховская или просто, какъ всѣ ее называли, княгиня Лиза, слыла въ Петербургѣ всеобщею любимицей и вполнѣ заслуживала эту завидную участь. Привѣтливость одинаковая для всѣхъ совершенно вошла въ ея натуру, и это была чисто природная, непринужденная привѣтливость, безо всякаго усилія или разсчета. Не мудрено, что враговъ у нея не было даже среди женщинъ. Никто не задавалъ себѣ вопроса: умна ли княгиня, и есть ли въ ея жизни нѣчто, за что могло бы уцѣпиться злословіе; всѣ подчинялись обаянію ея ровнаго, милаго нрава. Это обаяніе подѣйствовало и на Александра: онъ, какъ многіе провинціалы, всегда представлялъ себѣ петербургскихъ барынь съ какою-то неприступною броней ледяной величавости. Каково же было его удивленіе, когда онъ услыхалъ мягкій, ласкающій голосъ княгини, когда его, всегда застѣнчиваго съ женщинами, ободряли внимательные

ея вопросы, въ которыхъ не было и оттѣнка снисхожденія, а было скорѣе немного боязни выказать собственное незнаніе мѣстныхъ порядковъ. Въ самомъ дѣлѣ, княгиня въ этомъ отношеніи обладала самымъ милымъ невѣдѣніемъ; и это казалось тѣмъ страннѣе, что она, въ то же время, была женщина практическая и въ дѣлахъ понимала толкъ. Ей одной мужъ ея, князь Анатолій, былъ обязанъ тѣмъ, что большое состояніе Болховскихъ не разстраивалось: лошади и балетъ—дорогія удовольствія!

Вологдинъ посмѣивался немного, прислушиваясь къ длинному разговору княгини съ Александромъ.

— Посмотрите,—говорилъ онъ послѣ обѣда Софьѣ Сергѣевнѣ,—она еще вскружитъ ему голову. Ничего подобнаго ему и во снѣ не снилось. Вы, кажется, при всей своей добротѣ, его любезностями не избаловали. А ей онъ чуть не цѣлую лекцію о земствѣ читаетъ и княгинюшка наша слушаетъ внимательно, хоть и мало понимаетъ, вѣроятно.

И въ самомъ дѣлѣ, княгиня не только слушала, но очаровывала бѣднаго Александра, какъ однѣ свѣтскія женщины умѣютъ очаровывать. Конечно, уже полчаса спустя, она совсѣмъ забыла и про него, и про все то, что онъ ей такъ добросовѣстно излагалъ. Впрочемъ, на этотъ разъ Александръ былъ рѣшительно героемъ дня. Онъ выказалъ такое умѣніе говорить и ладить съ народомъ, что поневолѣ даже Шатовъ долженъ былъ признать за нимъ нѣкоторыя способности въ трудномъ дѣлѣ обращенія съ крестьянами. Самъ Петръ Михайловичъ открыто превозносилъ его за это, объявивъ, что на другой же день Адамъ Карловичъ будетъ уволенъ за свое излишнее рвеніе. А между тѣмъ Петръ Михайловичъ никакъ не могъ примириться съ тѣмъ, что онъ, столько писавши разныхъ проэктовъ объ улучшеніи крестьянскаго быта, въ сущности знакомъ съ нимъ гораздо менѣе, чѣмъ этотъ молодой и даже не особенно дальній провинціалъ.

Княгиня завершила милостивую аудіенцію молодого

Гашина приглашеніемъ бывать у нея въ Сухаревѣ, и легкимъ поворотомъ головы обратилась къ Шатову.

Разговоръ ея съ Александромъ, естественнымъ образомъ, приводилъ къ общимъ соображеніямъ о хозяйствѣ, и княгиня стала разспрашивать Шатова про блестящіе результаты, достигнутые имъ въ своемъ имѣніи. Но Шатовъ, знавшій княгиню еще съ Петербурга и не охотно говорившій про собственныя дѣла, отдѣлался двумя-тремя словами, и ловко перешелъ на иныя, менѣе серьезныя, но за то чисто петербургскія темы. Разговоръ сталъ общимъ.

— Орленевъ,—вдругъ обратилась Софья Сергѣевна къ Евгенію,—вы показали бы княгинѣ одинъ изъ вашихъ здѣшнихъ эскизовъ.

Орленевъ безъ труда согласился исполнить ея желаніе и тотчасъ принесъ небольшую картину, оконченную наканунѣ.

— Это лишь набросокъ сдѣланный наскоро, — сказалъ онъ, подавая его княгинѣ.

Набросокъ, былъ, впрочемъ, совершенно законченнымъ ландшафтомъ. Онъ изображалъ одинъ изъ незатѣйливыхъ видовъ окрестностей Покровскаго, но легкая кисть Орленева съумѣла ему придать необычайную, почти южную прелесть. Будничная мѣстность преобразилась отъ разлитаго на ней теплаго и нѣжнаго свѣта. Прозрачный воздухъ будто дышалъ нѣгой, и вдали, на склонѣ пригорка, ложились мглистые, голубоватые отливы, болѣе свойственные долинѣ Арно, чѣмъ русскимъ черноземнымъ полямъ.

— Посмотрите, Вологдинъ,—сказала она,—что за нѣжные тоны. Наша русская школа не пріучила насъ къ этому колориту.

— Да не потому ли это, княгиня,—отвѣчалъ Вологдинъ,—что сразу не узнаешь, что имѣешь тутъ передъ глазами,—италіанскій ли видъ или русскую деревню? Вѣдь это синее небо—не русское небо, это яркое солн-

це—не наше, а вотъ вамъ и осина, похожая, какъ двѣ капли воды, на пирамидальный тополь.

— Да что-жъ, Вологдинъ, по вашему это не хорошо?

— Помилуйте, княгиня, развѣ я браню Орленева за то, что онъ нашу скромную природу считаетъ долгомъ немного переодѣвать по-италіански? Это примѣненіе маскарада къ живописи; вотъ и все.

— Полно, строгій критикъ! разсмѣялся Орленевъ.— Я самымъ невиннымъ образомъ далъ немного воли своей кисти, а онъ тутъ нашелъ, Богъ вѣсть, какія заднія мысли.

Разговоръ перешелъ на болѣе общую тему о задачахъ искусства. Вологдинъ доказывалъ, что новое время требуетъ и новаго направленія, болѣе строгаго въ служеніи истинѣ, и доказывалъ это, по своему обыкновенію, съ помощью самыхъ невѣроятныхъ парадоксовъ.

— Мы постарѣли,—говорилъ онъ,—мы туго поддаемся увлеченію. Небесная чистота Рафаэлевскихъ мадоннъ для насъ теперь недоступна, потому что мы въ нее не вѣримъ, и въ Мадоннѣ видимъ портретъ натурщицы, съ которой ее писалъ Рафаэль. Нашъ Богъ—мы сами и его то мы ищемъ въ искусствѣ со всею его уродливостью, пожалуй со всею его грязью.

— Уродливый богъ, покорно благодарю за эту новую религію,—возразилъ Орленевъ.

— Вы говорите ужасныя вещи,—полушутя и слегка испуганно сказала княгиня Лиза.

— Да позвольте, княгиня, развѣ милліоны людей не молятся уродливымъ идоламъ и не чувствуютъ при этомъ религіознаго умиленія? А попробуйте имъ показать сикстинскую Мадонну, что, вы думаете они придутъ въ восторгъ? И развѣ они не такое же право имѣютъ судить объ этомъ, какъ и мы, цивилизованные люди?

— Значитъ,—возразилъ Орленевъ,—по-твоему выходитъ, что оселъ былъ правъ, когда ему не нравилось

пѣніе соловья? Вотъ мужику, напримѣръ, самое большое удовольствіе пьянствовать въ кабакѣ: стало-быть я, ради вкуса этого досточтимаго джентльмена, долженъ бы заниматься изображеніемъ крестьянскихъ попоекъ?

— Напрасный это былъ бы трудъ, милый мой, потому что ты, въ гостиныхъ воспитанный, такъ же мало понимаешь этого джентльмена, какъ онъ тебя. А по моему вотъ что: въ искусствѣ никто не правъ, потому что всѣ правы. А платятъ тебѣ хорошо за твои картины, значитъ ты великій художникъ, потому что угодилъ вкусу публики.

— Съ тобой, Вологдинъ, и говорить не стоитъ.

— Что вы такъ углубились въ изученіе картины Евгенія Александровича? вдругъ обратилась княгиня къ Александру, который въ это время пристально вглядывался въ красивый ландшафтъ Орленева.

— Я, княгиня?—будто опомнившись сказалъ Александръ.—Я, признаюсь, и не умѣю и не люблю шутить, говоря про искусство.

— Право? вы стало-быть имъ занимаетесь?

Александръ застѣнчиво улыбнулся.

— Не то чтобъ очень, я рисую иногда, да про это говорить не стоитъ; настоящаго таланта у меня нѣтъ. Но есть у меня на этотъ счетъ очень опредѣленныя и очень дорогія убѣжденія, которыхъ я, признаюсь, выставлять на показъ не люблю.

— Напрасно,— ободряла его княгиня,—я такъ рада услыхать что-нибудь новое про это.

— Новаго тутъ ничего нѣтъ. Это давно извѣстное, хоть и не всѣми признанное мнѣніе. По моему, тотъ, кому данъ талантъ, несетъ великую отвѣтственность: кому много дано, отъ того много и потребуется. И вотъ поэтому художникъ обязанъ посвятить себя не удовольствію только, а пользѣ. Онъ долженъ не забавлять, а учить. Искусство—серьезное дѣло; это своего рода священство.

— Браво, Александръ Степанычъ,—вставила Софья Сергѣевна:—вы никогда еще не были такъ краснорѣчивы.

Пока говорилъ Вологдинъ, Орленевъ просто отшучивался. Но теперь его почему-то задернуло за живое и онъ сталъ возражать съ горячностью, ему вовсе не свойственною.

— Вы изволите выражаться очень высокимъ слогомъ,— началъ онъ, — вы даже чуть-ли не приводите священное Писаніе; но я желалъ бы однако точнѣе узнать отъ васъ, въ чемъ заключаются по вашему эти обязанности?

— Въ томъ, что каждый, по-моему, а художникъ тѣмъ болѣе, долженъ въ наше время работать на общую пользу, содѣйствовать общему движенію впередъ. Далеко не все равно, что̀ выйдетъ изъ подъ его кисти или его пера: его произведеніе тогда только въ самомъ дѣлѣ хорошо, когда оно служитъ идеѣ, а не удовлетворяетъ одно праздное воображеніе.

— Ага, понимаю, — съ плохо скрытой ироніей воскликнулъ Орленевъ,—вы хотите, чтобы мы писали иллюстрацію на передовыя газетныя статьи. Пусть музыка будетъ плоха, лишь бы она отзывалась марсельезой. Пусть картина будетъ уродлива, лишь бы она представляла страданія какого-нибудь бѣдняка. Соціальный вопросъ въ минорномъ тонѣ съ семью бемолями или съ яркимъ освѣщеніемъ желтой охрой!

Александръ съ трудомъ сдерживалъ свою досаду. Видно было, что оба противника не только расходились во взглядахъ, но искали случая дать выраженіе взаимной антипатіи.

— Все можно представить въ смѣшномъ видѣ, — отвѣчалъ Гашинъ,—и вы на это мастеръ. Въ то минувшее время, когда искусство, какъ и всѣ блага жизни, существовало лишь для небольшого кружка избранныхъ, оно должно было, конечно, принаровляться къ ихъ изысканности. Но теперь у васъ публика иная, не

столь изящная, но за то куда какъ многочисленнѣе. Служа ей, вы не только находите популярность, вы совершаете доброе дѣло. Вы должны любить эту публику, хоть она и грубовата, воспитывать ее и не брезгать ея вкусами.

Орленева подмывало все сильнѣе. Ему захотѣлось во что̀ бы то ни стало сразить противника.

Настя присутствовала при спорѣ, и Евгеній сознавалъ, что она жадно ловитъ каждое произнесенное слово. Ее онъ долженъ привлечь на свою сторону, какъ будто сама она была цѣною побѣды.

— Вы знаете, — тихо возразилъ онъ, — я спорить не люблю. Но вы затронули то, что̀ мнѣ всего дороже,—свободу и достоинство моего призванія. Вы хотите, чтобы художникъ подчинялся грубому вкусу публики и въ то же время воспитывалъ ее. Развѣ вы не видите, что въ этомъ явное противорѣчіе?

Александръ пробовалъ возражать, но увлекшійся Орленевъ не далъ ему развить своей мысли. Онъ говорилъ хорошо, съ пыломъ убѣжденія.

— То, чего вы хотите, — закончилъ онъ, — было бы смертью искусства и, къ сожалѣнію, мысли, подобныя вашимъ, распространяются повсюду. Неряшливость формъ, грубость содержанія,—вотъ куда онѣ ведутъ. Искусству, такъ какъ я его понимаю, дѣла нѣтъ до политической борьбы и до мелкихъ явленій будничной жизни; оно касается ихъ мимоходомъ, но погружаться въ нихъ оно не должно, подъ страхомъ утраты своей независимости. Оно выше всего этого; для него нѣтъ времени и мѣста. Оно знаетъ лишь вѣчныя свойства человѣческаго духа, всегда неизмѣнныя, и высшую красоту природы, такую же неизмѣнную, какъ и оно. Красота—то же добро, та же правда; возсоздавать ее значитъ быть вѣрнымъ правдѣ. Не можетъ быть двухъ искусствъ — одного для образованныхъ людей, другого для толпы. Оно всегда одно, какъ истина одна, и тѣмъ хуже для тѣхъ, которымъ оно недоступно...

Спокойныя черты Евгенія воодушевились, пока онъ говорилъ это. Софья Сергѣевна взглянула случайно на дочь и ее поразило восторженное и въ то же время смущенное выраженіе лица Насти, будто отражавшее горячія слова Орленева. Глаза ихъ встрѣтились и Настя не выдержала взгляда матери. Почти въ ту же минуту она встала и вышла изъ гостиной. Софья Сергѣевна удивленно посмотрѣла вслѣдъ дочери, и странное, неясное подозрѣніе вдругъ зашевелилось въ ея головѣ.

— Я не могу продолжать этого спора, — возразилъ Александръ, вставая тоже.—Вамъ, какъ знатоку по этой части, конечно, не трудно одержать надо мною верхъ,— прибавилъ онъ не безъ ироніи. — Мнѣ кажется только, что вы оказываете плохую услугу своему дѣлу, посвящая свой талантъ однимъ изящнымъ вкусамъ богатыхъ любителей. Нашъ вѣкъ даетъ безсмертіе лишь тому, кто знаетъ иные, болѣе суровые мотивы.

Ему не возражалъ никто. Только легкая насмѣшка показалась на губахъ Орленева.

— Александръ Степановичъ, на пару словъ,—сказалъ Шатовъ, уводя его въ сторону.

— Mais c'est un pétroleur que ce petit jeune homme,— почти испуганно проговорила княгиня Лиза.

— Совсѣмъ нѣтъ, княгиня,—отвѣтилъ Вологдинъ.— Я увѣренъ, что черезъ десять лѣтъ онъ будетъ очень почтеннымъ и довольно жирнымъ отцомъ семейства. А пока онъ одинъ изъ многихъ, воображающихъ, что они нашли новый путь оттого, что сбились съ дороги. Съ тѣхъ поръ, какъ открыта Америка, всѣ хотятъ быть маленькими Колумбами. А потомъ, вы знаете,—nous autres Russes, nous avons le fanatisme du laid.

Всѣ разсмѣялись.

— Да, очень печально, — возразила княгиня, — что подобные взгляды такъ распространены.

— Тутъ нѣтъ ничего удивительнаго, княгиня. Наша передовая молодежь хочетъ быть передовою вездѣ, даже въ искусствѣ, гдѣ быстротою никого не обгонишь. Та-

кимъ молодымъ людямъ, какъ господинъ Гашинъ, нашъ кругъ, наши понятія и даже нашъ языкъ не симпатичны, и, право, мы за нихъ на то сердиться не должны. До эманципаціи они были просто дворянчиками, болѣе или менѣе дурно воспитанными; теперь отъ дворянства у нихъ осталось только немного лѣни и очень разстроенныя дѣла, и когда они видятъ насъ, они всегда будто слегка обижаются. А, впрочемъ, они предобрые малые эти первые всходы нашего tiers-état.

— Положимъ такъ, но что̀ же тутъ общаго съ искусствомъ?—спросилъ Орленевъ.

— А вотъ что̀: этимъ господамъ показалось, что изящество формы имѣетъ какой-то черезчуръ аристократическій характеръ, и вотъ они противъ него и протестуютъ, воображая, что это необыкновенно либерально. А впрочемъ, княгиня,—вдругъ закончилъ Вологдинъ,—чего грѣха таить: Les dieux s'en vont.

— Et ce n'est pas vous qui les retiendrez,—возразила она вставая, и тутъ же стала прощаться, выражая надежду скоро опять увидать милыхъ хозяевъ Покровскаго.

— А вы будете ее вывозить въ этомъ году? — спросила она у Софьи Сергѣевны, показывая на Настю: — она необыкновенно мила.

— Не знаю, право, — отвѣтила Софья Сергѣевна, — вѣроятно придется.

— Не надолго, впрочемъ,—неизвѣстно зачѣмъ прибавила княгиня,—у васъ ее скоро возьмутъ, она такая прелесть.

И княгиня уѣхала, поцѣловавъ Настю и обѣщавъ Шатову быть непремѣнно у его жены въ день ихъ церковнаго праздника.

— Такъ вы скажите вашему батюшкѣ, — говорилъ Шатовъ Александру, когда они вмѣстѣ отошли въ сторону,—что всѣ данныя на счетъ залога вашей Ольховки въ нашемъ банкѣ будутъ готовы къ 24-му числу у меня въ Глѣбовѣ. Вы тоже будете, надѣюсь?

Александръ извинился.

— Вы все ёжитесь и дуетесь,—шутливо продолжалъ Шатовъ.—Ну со мной, положимъ, это не бѣда. А вотъ здѣсь, признаться, охота вамъ, право, выкидывать такія колѣнца, особенно въ виду извѣстныхъ обстоятельствъ... Сначала отцу надѣлали цѣлую исторію, теперь въ присутствіи дочери...

Но Александръ не далъ ему договорить.

— Это, кажется, уже совсѣмъ не относится къ вопросу о залогѣ Ольховки,—рѣзко оборвалъ онъ Шатова.

Проводивъ княгиню, Вологдинъ прошелъ на террасу и тамъ засталъ Настю задумчиво стоявшую у перилъ.

— Васъ очень заинтересовалъ этотъ споръ? — спросилъ онъ.—Вы, кажется, до сихъ поръ все еще мысленно повторяете то, что было сказано нами.

Настя утвердительно качнула головой.

— А меня, кажется, — продолжалъ онъ,—вы строго осуждаете?

— Я жалѣю васъ, Алексѣй Николаевичъ. Вы такой умный и добрый, а всегда будто стараетесь казаться совершенно инымъ.

„Бѣдняжка!—подумалъ Вологдинъ,—она обо мнѣ жалѣетъ, а еслибъ она знала, кому она подарила свою первую любовь, и какъ бы дорого я далъ, чтобъ избавить ее отъ того, что ждетъ ее впереди!“

XVI.

Три слѣдующіе дня тяжело и медленно протянулись надъ Покровскимъ. Какое-то смутное недовольство легло на его обитателей; будто фальшивый аккордъ прозвучалъ въ ровной жизни Покровскаго и не разрѣшался ничѣмъ. Случается, что въ отношенія самыхъ близкихъ людей вкрадывается, повидимому безъ причины, томительное ощущеніе какой-то невысказанной размолвки; они сознаютъ его, какъ въ знойный лѣтній день предчувствуешь наступленіе еще далекой грозы,

хоть и не могутъ отдать себѣ отчета, какъ оно возникло и къ чему приведетъ. Софья Сергѣевна хотѣла забыть то, что произошло нѣсколько дней передъ тѣмъ между ею и Орленевымъ. Она старалась держаться съ нимъ еще проще, чѣмъ прежде. А между тѣмъ, она съ каждымъ днемъ яснѣе сознавала, за какую неисполнимую задачу принялась, когда ей казалось такъ легко и возможно установить на твердой почвѣ дружбы свои новыя отношенія къ Евгенію.

Тонкое чутье Орленева подсказывало ему, что происходило въ душѣ Софьи. И онъ тоже начиналъ тяготиться своею жизнью въ домѣ Криницкихъ. Все болѣе страннымъ и неловкимъ ему казалось его положеніе въ этомъ домѣ, и все труднѣе для него становился выходъ изъ этого положенія. А между тѣмъ, онъ оставался, хоть и зналъ, что съ каждымъ днемъ все болѣе впутываетъ и себя и другихъ въ безисходныя затрудненія. Онъ и ждалъ развязки, и боялся ея; онъ почти не заговаривалъ съ Настей, и въ то же время ощущалъ болѣзненную потребность объясненія съ нею.

Разъ, когда Софья Сергѣевна была вдвоемъ съ Вологдинымъ на террасѣ, она увидѣла Настю, медленно проходившую, съ книгой въ рукѣ, по липовой аллеѣ. Она подозвала дочь.

— Настя, ты не видала Евгенія Александровича?— спросила она.

Одного этого имени было достаточно, чтобы взволновать молодую дѣвушку: она испуганно посмотрѣла на мать и тотчасъ опустила глаза.

— Онъ, кажется, уѣхалъ верхомъ,—вполголоса отвѣтила Настя.

— А что-жъ твой портретъ? когда, вы за него приметесь?

— Не знаю, право, мама; когда нибудь.

И сказавъ это, Настя отошла отъ балкона и продолжала свою прогулку.

Нѣсколько минутъ Софья Сергѣевна молча глядѣла

ей въ слѣдъ. Тяжелыя мысли непрошенными гостями тѣснились въ ея головѣ.

— Васъ не поражаетъ странная перемѣна въ Настѣ?— вдругъ спросила она Вологдина.

— Я думаю въ эти годы такія перемѣны не рѣдкость для молодыхъ дѣвушекъ,—отвѣчалъ онъ.—Вѣдь Настѣ пошелъ осьмнадцатый годъ.

— Но безъ причины ничего не бываетъ,—озабоченно продолжала она.—Настя всегда была откровенна со мной, я знала каждую ея мысль.

— Да и скрывать нечего было до сихъ поръ,—вставилъ онъ.

— До сихъ поръ? Что вы хотите сказать, Вологдинъ!—Я въ самомъ дѣлѣ безпокоюсь за нее; она стала молчалива, задумчива. Что вы такъ странно говорите, Вологдинъ, будто недомолвками?

— Что же мнѣ сказать вамъ, Софья Сергѣевна?— Я примѣчаю какъ вы: я, вѣдь, Настю знаю съ дѣтства.

— Нѣтъ, у васъ что-то на умѣ, Вологдинъ.

— То же самое, что и у васъ, я думаю. Вы говорите, что эта перемѣна недавно случилась. Съ кѣмъ здѣсь въ Покровскомъ могла встрѣтиться Настя? Развѣ этотъ идеалъ мироваго судьи, вашъ господинъ Гашинъ, который, повидимому, къ намъ жалуетъ въ Покровское не спроста?

Софья Сергѣевна покачала головой.

— Нѣтъ, Вологдинъ, вы не то говорите, что думаете... а причина должна быть...

Она призадумалась. Ей вдругъ вспомнились разныя мелкія обстоятельства, случившіяся за послѣдніе дни и оставленныя ею безъ вниманія. Теперь они представлялись ей въ полномъ свѣтѣ.

— Неужели?...—проговорила она вполголоса, какъ бы самой себѣ,—неужели, Вологдинъ, вы хотѣли намекнуть на...

Она не досказала вопроса. Она не рѣшилась произвести имя, которое просилось на языкъ.

Вологдинъ не отвѣчалъ и бережно стряхнулъ длиннымъ ногтемъ мизинца пепелъ со своей папиросы.

— Нѣтъ, моя Настя не могла его полюбить... Вологдинъ, да говорите же! Вы видите, въ какое положеніе меня приводятъ ваши полунамеки... Я знаю, что у васъ именно это на умѣ...

Бѣдная женщина не старалась даже скрыть своего волненія. Она стала ходить взадъ и впередъ по балкону, вызывая одно за другимъ впечатлѣнія недавнихъ дней и стараясь найти въ нихъ опроверженіе своей страшной догадкѣ...

— Успокойтесь, Софья Сергѣевна,—уговаривалъ ее Вологдинъ,—я ничего не сказалъ и ничего не скрываю. Что могъ я узнать въ эти три-четыре дня, чего бы вы, не знали раньше... Поговорите съ Настей, она сама вамъ скажетъ свою тайну, если тайна у нея есть.

— Съ Настей? и вы думаете, мнѣ легко будетъ разспрашивать ее? Я не хочу допустить, чтобъ онъ... вѣдь онъ честный человѣкъ, Вологдинъ...

„Она его любитъ до сихъ поръ, подумалъ Вологдинъ; всю истину ей открыть нельзя. Но онъ долженъ уѣхать какъ можно скорѣй“, рѣшилъ онъ самъ съ собой и живо упрекнулъ себя за то, что по его винѣ родилось у нея это подозрѣніе. А Софья тщетно старалась успокоиться. „Этого не можетъ быть, твердила она себѣ. Она ребенокъ“... И Софья припоминала въ подтвержденіе этого, что съ самаго пріѣзда Орленевъ обращался съ Настей какъ съ ребенкомъ, положимъ, какъ съ милымъ ребенкомъ... Да, но ея дочь и Орленевъ были такъ часто вдвоемъ за все это время, и онъ, казалось, находилъ удовольствіе въ ея обществѣ. Въ голосѣ, въ движеніяхъ, въ глазахъ Насти явилось какое-то небывалое прежде оживленіе... Правда, за самые послѣдніе дни между ними будто произошла размолвка... Но что же это могло доказывать? Чѣмъ больше Софья Сергѣевна убѣждала себя въ невозможности своего подозрѣнія, тѣмъ ярче выступали предъ ней эти мелочи, незамѣчен-

ныя прежде. И все-таки она не рѣшалась обвинить Евгенія, ей хотѣлось вѣрить, что ея опасенія напрасны. Она отказалась отъ мысли переговорить съ Настей: зачѣмъ, въ случаѣ ошибки, вносить тревогу въ жизнь дочери и вызывать не существующую быть-можетъ опасность?

Въ слѣдующій день, 24 іюля, былъ церковный праздникъ въ имѣніи Шатова, Глѣбовѣ, и въ то же время было рожденье его жены. Марья Петровна Шатова, изъ захудалаго татарскаго рода князей Азамбековыхъ, была молодая еще, но вполнѣ уже отцвѣтшая женщина. Судя по ея блѣдному желтоватому лицу, на которомъ всѣ мелкія черты приняли какое-то удлиненное, кисловато-плаксивое выраженіе, трудно было догадаться, что она когда-нибудь цвѣла. А между тѣмъ, когда ее выпустили изъ Смольнаго, она считалась красавицей и была даже замѣчена дворомъ. Еще труднѣе, конечно, было рѣшить, зачѣмъ она вышла замужъ за Шатова. Это не былъ, строго говоря, ни бракъ по любви, ни бракъ по разсчету, а такъ себѣ, бракъ безъ повода, что̀, къ сожалѣнію, вовсе не рѣдкость. Любовь была равно чужда меркантильной природѣ Шатова и вялой натурѣ его супруги. Разсчетъ, если онъ и былъ, оказался ошибочнымъ; богатая и знатная тетка молодой княжны, которая могла бы, пожалуй, доставить Шатову и связи, и наслѣдство, рано умерла, не завѣщавъ племянницѣ ни гроша. Все положеніе Шатова было дѣломъ его рукъ. Жену онъ держалъ въ черномъ тѣлѣ. Она хныкала, хворала, а потомъ съежилась и высохла физически и нравственно. Въ деревнѣ и въ городѣ она жила затворницей, но затворницей почетною. Она мало показывалась, но у нея весь уѣздъ бывалъ съ поклономъ, и въ день ея рожденія сливки мѣстнаго общества постоянно собирались въ Глѣбовѣ. Въ этомъ году обѣщались быть Криницкіе и княгиня Лиза, и Шатовъ былъ радъ случаю блеснуть этими гостями предъ уѣздомъ. Впрочемъ, какъ полустоличный, полудеревенскій

баринъ, онъ не былъ охотникъ до тѣхъ провинціальныхъ торжествъ, когда всѣ власти, отъ вице-губернатора до становаго, собираются на убійственный обѣдъ. Приглашенныхъ бывало немного; въ Глѣбовѣ и общество, и кухня имѣли несомнѣнный европейскій характеръ.

Вологдинъ и Орленевъ выѣхали впередъ, часа въ два. Дамы собирались только къ обѣду. Петръ Михайловичъ остался дома; ему нездоровилось.

Усадьба Шатова стояла на совершенно плоской мѣстности. Въ длинномъ одноэтажномъ домѣ съ многочисленными службами не было ровно ничего живописнаго, несмотря на аллею изъ стриженыхъ липъ, которая прямо съ большой дороги вела въ Глѣбово. Но зато весь наружный видъ усадьбы отличался необыкновенною прочностью и солидностью постройки, а это у насъ на Руси довольно рѣдкое качество. Видно было, что Глѣбово, какъ и его хозяинъ, пользовалось отличнымъ здоровьемъ; распущенности въ немъ не было и слѣда, и даже дворовые мальчишки, случайно попадавшіеся около дома, глядѣли чинно и опрятно. Каждаго въѣзжающаго въ Глѣбово такъ и обдавало солидностью, и онъ исполнялся довѣрія къ практическому смыслу хозяина.

— Здѣсь будто не русскими бумажками, а долларами пахнетъ,—замѣтилъ Вологдинъ Евгенію, когда они подъѣзжали къ дому.

Ихъ ввели въ кабинетъ Шатова, большую квадратную комнату съ массивною кожаною мебелью. Они застали хозяина объясняющимъ мѣстному товарищу прокурора, никогда не бывавшему на охотѣ, превосходство новой системы ружей и высокія качества породы собакъ, полученной отъ скрещенія шотландскаго сетера съ лягавою. Товарищъ прокурора слушалъ это также внимательно, какъ будто передъ нимъ адвокатъ защищалъ преступника по интересному дѣлу. Это былъ невысокій человѣкъ, довольно жидкій, но за то необыкновенно серьозный. Замѣтивъ входившихъ, Шатовъ бро-

сылъ ружье на диванъ, извинился, что не тотчасъ ихъ провели въ гостиную къ женѣ, и познакомилъ ихъ со всѣми присутствующими. Тутъ былъ предсѣдатель управы почтенный старичокъ недальняго ума, съ которымъ Шатовъ ладилъ тѣмъ лучше, что водилъ его за носъ, и два члена правленія банка, правая и лѣвая рука Семена Кирилловича: онъ имъ доставилъ и выборныя должности по земству, и они во всемъ такъ спѣлись, что думали и говорили попарно не хуже Добчинскаго и Бобчинскаго. Тутъ былъ Ардаліонъ Эсперовичь Дымовской, богатый баринъ и великій охотникъ предъ Богомъ и людьми, владѣлецъ единственной уцѣлѣвшей въ уѣздѣ своры гончихъ и борзыхъ, и маленькій, тщедушный князекъ Сорокинъ-Досужевъ, съ розовымъ, какъ у красной дѣвицы, личикомъ, но кутила и буянъ первой руки, спустившій почти все состояніе и исключенный изъ полка за какую-то исторію. Тутъ былъ, наконецъ, краса уѣзда Константинъ Ивановичъ Бахваловъ, первый говорунъ на всѣхъ выборахъ и дамскій любимецъ, когда-то что-то напечатавшій, и разъ даже имѣвшій не совсѣмъ пріятное столкновеніе съ негласными блюстителями порядка за неосторожную рѣчь, въ которой его поклоненіе Англіи выразилось въ слишкомъ практической формѣ. Этимъ онъ, впрочемъ, гордился и любилъ повѣдать о томъ на ушко дамамъ, слушавшимъ его съ замираніемъ сердца. Степанъ Дмитріевичъ и еще два помѣщика, ничѣмъ не отличавшіеся, довершали это избранное общество. Бѣдный Степанъ Дмитріевичъ очень опустился за это время; хозяйство его скрипѣло, какъ несмазанное колесо, и волей-неволей ему приходилось заложить въ банкъ Шатова свою Ольховку.

— Ну, батюшка, выстроилъ же ты себѣ палаты,— сказалъ Вологдинъ;—и слѣдовало бы тебѣ назвать это Шатовъ-House, а вовсе не Глѣбово.

— Что за палаты,—возразилъ Шатовъ,—такъ себѣ домишко, правда, довольно прочный и, главное, хорошо застрахованный: сдѣлали что̀ могли.

— Со всѣми, такъ сказать, новыми усовершенствованьями, — замѣтилъ предсѣдатель,—и матеріалъ, доложу вамъ — камень, желѣзо, кирпичъ, — все первый сортъ. Вотъ когда у насъ домъ управы строился,—тоже Семенъ Кириллычъ все для земства ставилъ и самъ архитектора выписалъ.

Шатовъ строго посмотрѣлъ на предсѣдателя.

— Жаль, господа,—обратился онъ къ двумъ пріѣзжимъ,—что вы не осенью сюда пожаловали, а то бы Ардаліонъ Эсперовичъ намъ охоту устроилъ на славу. Здѣсь всякаго звѣря довольно.

Ардаліонъ Эсперовичъ, красивый мужчина съ густою бородой и атлетическими мускулами, поднялся во весь ростъ съ дивана, на которомъ онъ разсказывалъ тщедушному князьку, какъ онъ разъ безъ ружья съ одною рогатиной уложилъ медвѣдя; онъ выразилъ полную готовность быть къ услугамъ общества лично со всѣми своими собаками, и въ то же время съ нѣкоторымъ состраданіемъ посматривалъ на худощавыя фигуры Вологдина и Орленева, не особенно годныя на его взглядъ для сильныхъ ощущеній медвѣжьей охоты.

— А ты пока,—обратился онъ къ Шатову,—водочки бы намъ велѣлъ подать. А то вѣдь у тебя едва обѣда дождешься, по столичному.

— Мы вотъ сейчасъ немного закусимъ,—отвѣчалъ Шатовъ,—а потомъ кому угодно будетъ, господа, поглядѣть на моихъ лошаденокъ.

Все общество шумно повалило въ сосѣднюю комнату, гдѣ на кругломъ столѣ была приготовлена обильная закуска. Дымовской, предсѣдатель и Степанъ Дмитріевичъ принялись уписывать сочный балыкъ съ истинно уѣзднымъ аппетитомъ. Прочіе разговорились, только для виду касаясь разнообразныхъ яствъ. Одинъ лишь маленькій князь не устоялъ противъ замысловатой бутылочки съ польскою старою водкой, отъ чего его розовыя щеки скоро приняли багровый оттѣнокъ. Онъ даже вдругъ почувствовалъ особую нѣжность къ серьозному

товарищу прокурора и сталъ жаловаться на то, что въ деревнѣ житья нѣтъ отъ скуки, а ему, какъ и всякому порядочному человѣку, нужны-таки занятія.

— Вы бы на службу поступили,—совѣтовалъ ему товарищъ прокурора.

— По канцеляріямъ, помилуйте! Мнѣ чиновникомъ сдѣлаться!

Товарищъ прокурора не зналъ обидѣться ли ему, но князь продолжалъ заискивающимъ тономъ:

— Вотъ дѣятельность какъ ваша—это я понимаю, тутъ все есть: и независимость, и польза для общества, и наконецъ быстрое повышеніе: лишь бы говорить бойко.

Вологдинъ стоялъ рядомъ съ ними и невольно услышалъ разговоръ.

— Да вы бы въ самомъ дѣлѣ попробовали,—сказалъ онъ князю совершенно серьозно,—васъ слѣдователемъ назначатъ; это, правда, скучновато, но за то вѣдь не надолго.

Этотъ намекъ не пропалъ даромъ, и весь день князь уже не отставалъ отъ представителя обвинительной власти, чтобъ узнать какъ и гдѣ это можно устроить.

Шатовъ между тѣмъ увелъ Степана Дмитріевича въ сторону.

— Что-жъ,—спросилъ онъ,—вы познакомились съ нашими условіями?

— Да, рѣшился, нечего дѣлать,—грустно отвѣчалъ тотъ.

— А лучше бы вы сдѣлали, еслибы продали мнѣ Ольховку. Послушайтесь моего совѣта.—Но увидавъ, что старикъ упорно глядитъ внизъ и не отвѣчаетъ, Шатовъ прибавилъ:—А, впрочемъ, какъ знаете. Оцѣнку мы вамъ сдѣлаемъ настоящую, по-сосѣдски. Въ обиду васъ не дадимъ.

И съ оттѣнкомъ покровительства Шатовъ потрепалъ старика по плечу.

— Тоже молотка не минуетъ,—сказалъ одинъ изъ

двухъ банковыхъ Аяксовъ на ухо другому, щурясь на Степана Дмитріевича.

— Такъ или иначе, Семену Кириллычу достанется, отвѣчалъ тотъ.—Какъ бѣльмо на глазу у него Ольховка. Хорошая земля, а доходовъ—шишъ!

Ораторъ Бахваловъ тѣмъ временемъ что-то горячо доказывалъ стоявшимъ около него землевладѣльцамъ безъ рѣчей. Его красивая голова откинулась назадъ, а рука благороднымъ движеніемъ играла лорнеткой, висѣвшею на бѣломъ жилетѣ.

— Да, господа,—закончилъ онъ,—мы должны основать въ губерніи общество сельскаго хозяйства. Пока не будетъ у насъ, такъ сказать, центра всѣхъ экономическихъ и умственныхъ интересовъ. Mon cher,—вдругъ обратился онъ къ Дымовскому,—c'est une question du plus haut intérêt.

Ардаліонъ Эсперовичъ только-что собирался положить себѣ въ ротъ сочный кусокъ голландскаго сыру.

— Что̀, что̀ такое?—спросилъ онъ.

— Константинъ Ивановичъ, вотъ, предлагаютъ общество,—робко началъ предсѣдатель управы.

— Знаю, знаю, успѣемъ!—разсмѣялся Дымовской и вернулся къ своему сыру.—Уволь, батюшка, отъ душеспасительныхъ бесѣдъ,—обратился онъ къ Бахвалову.—Ты и на земскомъ собраніи довольно намъ уши прожужжалъ.

Бахваловъ немного обидѣлся.

— Вы изволите видѣть,—грустнымъ, немного пѣвучимъ голосомъ сказалъ онъ стоявшему возлѣ него Евгенію,—какое у насъ, въ провинціи, живое сочувствіе къ общественнымъ интересамъ. Что̀ хотите вы сдѣлать, пока этотъ духъ безпечнаго индиферентизма господствуетъ у насъ? Повѣрите ли, и въ нашемъ, такъ сказать, землевладѣльческомъ краю рѣдкое земское собраніе...

Но Орленевъ не успѣлъ узнать, что происходитъ на земскомъ собраніи. Въ дверяхъ показался дворецкій, и Шатовъ, увидавъ его, громко воскликнулъ:

— Господа, лошадей вывели,—кому угодно на заводъ?

— Вотъ это дѣло,—живо сказалъ Дымовской, прервавъ свой разсказъ о томъ, какъ онъ въ одинъ день затравилъ двадцать волковъ и сорокъ четыре зайца,—посмотримъ на лошадокъ! Скажи, братъ, по душѣ,—спросилъ онъ вполголоса у Шатова,—сколько взялъ ты съ этого болвана Крапивникова за своего воронаго? Вѣдь съ порокомъ, а?

Но Шатовъ въ отвѣтъ только усмѣхнулся. Орленевъ, Вологдинъ, Ардаліонъ Эсперовичъ и маленькій князь съ прокуроромъ отправились на заводъ. Остальные, руководимые Бахваловымъ, предпочли прохладу гостиной Марьи Петровны прогулкѣ по іюльскому солнцу.

Нужно Шатову отдать справедливость, онъ не хвастался, водя гостей по своей отличной усадьбѣ и показывая имъ своихъ чистокровныхъ рысаковъ. Напротивъ, онъ торжествовалъ смиренно, дѣлая видъ будто все у него такъ себѣ, неважно и не заслуживаетъ вниманія. Только когда Ардаліонъ Эсперовичъ хотѣлъ у него сторговать гнѣдую кобылу, Шатовъ не могъ воздержаться отъ того, чтобы не приврать немножко, увѣряя, что купцы за нее давали шестьсотъ рублей. Было, можетъ-быть, на чуточку аффектаціи въ томъ, что онъ то и дѣло заговаривалъ по-англійски съ двумя британцами, служившими у него на заводѣ, будто великое наслажденіе ему доставляло слышать въ отвѣтъ себѣ почтительное „yes, sir“ въ самомъ сердцѣ Т—ской губерніи. Но все-таки нельзя было не похвалить хозяина Глѣбова: и заводъ, и вся усадьба были на славу.

— Однако, господа,—вдругъ сказалъ Шатовъ,—пора къ дамамъ. Сейчасъ пять часовъ, а въ половинѣ шестого мы садимся за столъ. Софья Сергѣевна и княгиня Болховская сейчасъ пріѣдутъ.

И все общество отправилось на половину хозяйки.

XVII.

Марья Петровна Шатова приняла своихъ гостей съ оттѣнкомъ томной слезливости, какъ будто ея судьба должна была въ самомъ дѣлѣ во всѣхъ вызывать состраданіе. Разговоръ ея вращался преимущественно около жалобъ на свое здоровье и средствъ излѣченія отъ своихъ мнимыхъ болѣзней. Она къ каждому охотно обращалась за совѣтомъ и всегда выслушивала его съ грустнымъ недовѣріемъ.

— Побольше воздуха и движенія,—говорилъ ей Бахваловъ,—вы слишкомъ мало выходите, добрѣйшая Марья Петровна. Вѣрьте мнѣ, англичане обязаны своимъ прекраснымъ здоровьемъ лишь дѣятельной жизни.

Предсѣдатель управы, въ то же время, добросовѣстно увѣрялъ ее, что у него есть чудесныя капли, которыя вылѣчиваютъ чуть ли не ото всѣхъ болѣзней. Его супруга, довольно полная и не молодая особа, съ трудомъ боролась съ одолѣвавшею ее дремотой, а ея двѣ некрасивыя дочери въ углу шушукались съ хорошенькою племянницей хозяйки, разбитною брюнеткой, получавшей у Шатовыхъ довольно поверхностное воспитаніе.

Едва успѣли вновь вошедшіе перезнакомиться со всѣми и размѣститься, къ дому подъѣхала коляска Софьи Сергѣевны. Шатовъ бросился принимать Криницкихъ, и съ трудомъ превозмогъ свою досаду, узнавъ, что Петръ Михайловичъ не будетъ. Софья Сергѣевна прошла съ удивительною стойкостью черезъ церемоніалъ представленія ей присутствующихъ; всѣхъ она подарила ласковымъ словомъ, пока Настя просто и мило, какъ всегда, знакомилась съ барышнями, которыя въ душѣ не могли надивиться отсутствію изысканности въ ея туалетѣ.

Княгиня Лиза опоздала, по закоренѣлой петербургской привычкѣ; но хотя ея дожидались по крайней мѣрѣ съ полчаса, на нее, очевидно, сердиться было нельзя, особенно послѣ извиненій, проговоренныхъ такимъ

очаровательнымъ голоскомъ. Едва она пріѣхала, началось торжественное шествіе въ столовую. Шатовъ повелъ подъ руку Софью Сергѣевну, Вологдинъ хозяйку дома, сосѣдями княгини были Орленевъ и Константинъ Ивановичъ, а на долю Насти достались товарищъ прокурора и маленькій князь. Прочіе размѣстились, какъ знали. Многолюдные обѣды рѣдко бываютъ веселыми, а въ деревнѣ, въ жаркій іюльскій день, да еще когда общество за столомъ между собою мало знакомо, они совершенно невыносимы. Впрочемъ, Шатовъ сдѣлалъ, что могъ, дабы избѣгнуть казенной торжественности уѣздныхъ пиршествъ. Все было умѣренно и прилично.

Софья Сергѣевна нѣсколько разъ всматривалась украдкой въ свою дочь и въ Орленева, но не успѣла прочесть на ихъ лицахъ ничего особеннаго. Евгеній, казалось, былъ исключительно занятъ своею милою сосѣдкой, а Настя самымъ добросовѣстнымъ образомъ старалась отвѣчать на любезности, которыми ее осыпали и справа и слѣва.

Бахваловъ между тѣмъ разсказывалъ княгинѣ Лизѣ, какъ онъ едва не принялъ мученическій вѣнецъ за свой неудачный припадокъ либерализма.

— Это ужасно, — сказала княгиня съ видимымъ участіемъ.

— Но, должно-быть, такъ хорошо страдать за свои убѣжденія,—сказалъ Вологдинъ, до котораго дошли отрывки разсказа.

— Было бы хорошо, еслибы не было такъ безполезно,—грустно отвѣчалъ ораторъ, не знавшій сочувствіемъ или ироніей звучали слова Вологдина.

— И неужели все это оттого только, что вы такъ выразились въ собраніи?—спросила княгиня, привыкшая къ свободѣ, безнаказанно господствующей въ петербургскихъ гостиныхъ.

— Съ тѣхъ поръ,—торжественно продолжалъ Бахваловъ,—я наложилъ на себя обѣтъ молчанія.

Шатовъ и предсѣдатель управы переглянулись,

вспомнивъ, конечно, что этотъ обѣтъ такъ и остался обѣтомъ.

— Да и къ чему терять слова, когда въ нашемъ земствѣ исключительно господствуютъ мелкіе личные интересы и наше дворянство все болѣе идетъ врознь и распадается? Не такъ ли, господа?—неожиданно обратился онъ къ двумъ членамъ банка, сидѣвшимъ недалеко отъ него.

— Совершенно вѣрно,—поспѣшилъ отвѣтить старшій изъ нихъ.

— Правду изволите говорить, Константинъ Ивановичъ,—подхватилъ другой, и оба въ то же время подумали, что имъ, получающимъ двойные оклады, нечего особенно сѣтовать на положеніе дѣлъ.

— Позвольте однако,—вмѣшался предсѣдатель,— я съ этимъ вполнѣ согласиться не могу. Вотъ наше земство, напримѣръ, много жертвуетъ на школы, и даже недавно—три стипендіи...

— Знаю, знаю,— съ улыбкой пренебреженія остановилъ его ораторъ, махнувъ рукой въ сторону предсѣдателя,— школы! больницы! мелочи всякія, копѣечная благотворительность, лоскутки къ заплатѣ тамъ, гдѣ нужны для новаго вина и новые мѣхи...

И княгинѣ показалось на мигъ, что на самомъ дѣлѣ все это очень печально.

Подали шампанское, и хозяинъ дома, чтобъ остановить не совсѣмъ удобный разговоръ, провозгласилъ нѣсколько офиціальныхъ тостовъ, и не преминулъ также выпить за здоровье Петра Михайловича, дорогого и высокаго гостя, почтившаго уѣздъ своимъ присутствіемъ.

На обоихъ концахъ стола, гдѣ сидѣла молодежь, шампанское развязало языки. Послышалось хихиканье. Ардаліонъ Эсперовичъ имѣлъ повидимому большой успѣхъ своими невѣроятными разсказами о баснословныхъ охотахъ, а маленькій князь сталъ очень усердно пріударять за хорошенькой племянницей Шатова, которая не безъ удовольствія принимала эту дань поклоненія, за-

бывъ, очевидно, про то, что разоренный князекъ все-таки не женихъ, хоть и съ двойной фамиліей.

Послѣ обѣда все общество потянулось въ садъ. Молодежь, въ томъ числѣ и Орленевъ, принялась играть въ lawn tennis. Надъ садомъ уже густѣли лѣтнія сумерки. Вскорѣ на потемнѣвшемъ небѣ заблестѣла ракета. Вдали, за кустами, послышался хоръ доморощенныхъ пѣсенниковъ. Слуги съ фитилями бросились зажигать иллюминацію. На лужайкѣ передъ домомъ двигались фигуры крестьянскихъ дѣвушекъ, разодѣтыхъ по-праздничному, и мѣстный піитъ, сынъ діакона и въ то же время землемѣръ, прочелъ, къ общему удовольствію, стихотвореніе, посвященное имъ доблестямъ владѣльца Глѣбова. Въ послѣднихъ стихахъ слово „благодѣтель" не совсѣмъ удачно отвѣчало на риѳму „предводитель".

— C'est très joli,—сказала княгиня немного сконфуженному Шатову.—Ces gens du peuple ont tant de coeur.

— А вѣдь не дурно было бы,—въ свою очередь подошелъ къ нему Вологдинъ, — еслибы для довершенія удовольствія можно было устроить маленькій балетецъ по-старинному, avec les danseuses du crû, благо ночь такая теплая? Вѣдь жаль стараго добраго времени и крѣпостныхъ дѣвокъ, а?

Шатовъ терпѣть не могъ подшучиваній, но онъ слишкомъ хорошо зналъ, что съ Вологдинымъ надо быть осторожнымъ и только пожалъ плечами, отходя прочь.

Иллюминація удалась вполнѣ. Круглые разноцвѣтные фонари затѣйливыми узорами вились по чернымъ вѣтвямъ деревьевъ, смоляныя бочки трещали по угламъ лужайки, а на самой срединѣ ея громадный щитъ изображалъ блестящій вензель Семена Кирилловича и его супруги. Одно только не совсѣмъ вышло какъ слѣдовало: какъ ни старались пускать ракеты и шутихи, фейерверкъ оказался какимъ-то хилымъ. Огненныя струи съ трескомъ поднимались изъ-за куста, и вдругъ на лету, будто подкошенныя, безсильно мелкими искрами

падали на землю. Впрочемъ, таковъ почти всегда исходъ деревенскихъ фейерверковъ.

— Пойдемте,—сказала Марья Петровна, укутываясь въ бурнусъ.—Сыро становится.—И ей казалось, что и ея жизнь, какъ эти неудачныя ракеты, не успѣла блеснуть полнымъ свѣтомъ и раскинуться яркою полосой.

Въ гостиной, между тѣмъ, поставили ломберные столы. Молодежь осталась въ саду. Бахваловъ продолжалъ на террасѣ, покуривая отличную сигару, оплакивать современные порядки. Между нимъ и товарищемъ прокурора установилось даже нѣчто вродѣ турнира краснорѣчія. Прочіе занялись винтомъ. Софья Сергѣевна и княгиня Лиза, желая быть вполнѣ любезными, тоже сѣли играть съ хозяиномъ дома и съ Вологдинымъ.

Настя и Орленевъ невзначай очутились вдвоемъ. Рѣдкіе фонари слабо догорали среди густой листвы. Безлунная темная ночь со всѣхъ сторонъ обступила и будто окутала ихъ своимъ непроницаемымъ покровомъ тѣни и безмолвія.

Нѣсколько минутъ они шли рядомъ молча. Въ первый разъ они ощущали странную неловкость въ обществѣ другъ друга. А между тѣмъ у обоихъ какъ разъ въ эту минуту, когда имъ невзначай пришлось остаться наединѣ въ чужомъ домѣ, сказывалось желаніе выяснить возникшее между ними недоразумѣніе. Они будто предчувствовали, что иного случая уже имъ не представится.

— Я очень радъ возможности переговорить съ вами, Настя,—тихо началъ Евгеній,—за послѣдніе дни мы такъ мало были вмѣстѣ...

Она не отвѣчала ни на эти слова, ни на обращенный къ ней его тревожный взглядъ. А сердце ея забилось отъ ожиданія его дальнѣйшихъ словъ: отъ того, что онъ скажетъ теперь, зависѣло, быть-можетъ, все ея будущее.

— Мнѣ немного уже остается прожить съ вами

здѣсь,—продолжалъ онъ,—и не хотѣлось бы оставить въ Покровскомъ по себѣ недобрую память.

Она быстро взглянула на него и хотѣла возразить что-то, но голосъ ея замеръ. Они были на поворотѣ дороги; тутъ, окруженная липами, стояла каменная скамья.

— Сядьте тутъ, Настя, и выслушайте меня.

— Что бы вы не думали обо мнѣ теперь, если мы разстанемся не объяснившись, вы надолго, быть-можетъ навсегда, сохранили бы на мой счетъ ошибочныя мнѣнія. А этого я не хочу.

Она сѣла, невольно повинусь ему.

— Въ ваши годы,—продолжалъ онъ, стоя предъ ней,—рѣзко судятъ о людяхъ. И это совершенно понятно. Вы нетерпимы, потому что знаете жизнь только съ ея свѣтлой, чистой стороны. Вотъ почему многое и во мнѣ, въ моихъ словахъ и мнѣніяхъ, вамъ показалось легкомысленнымъ и дурнымъ.

— Нѣтъ, не то, совсѣмъ не то, живо—перебила она.—Вы не поняли...

Онъ покачалъ головой.

— Вы напрасно отрицаете это, Настя. Осуждая меня, вы были совершенно правы, и, еслибы вы меня знали лучше, вы были бы еще строже.

— Помилуйте...—вполголоса проговорила она,—да какое я имѣю право?...

— Вы имѣете на то полное право. Вы, такая чистая и прямая, не можете и не должны мириться съ тѣмъ, что возмущаетъ васъ. Лѣта тутъ ничего не значатъ, и вы знаете, какъ я дорожу вашимъ мнѣніемъ.

— Да нѣтъ, увѣряю васъ,—опять прервала она, и не договорила. Ей такъ хотѣлось высказать ему, что ее давно мучитъ тѣнь недовѣрія, выросшая между ними за послѣдніе дни, что она тревожно ждетъ того слова, которое помогло бы ей разсѣять эту тѣнь. Но какая-то робость мѣшала ей.

— Между нами—продолжалъ онъ,—лежитъ цѣлая

пропасть, Настя, хоть вы этого и не замѣчаете. Одно только полное довѣріе съ вашей стороны могло бы сгладить противорѣчіе между вашей чистой нетронутой жизнью и жизнью такого человѣка, какъ я. Двухъ-трехъ словъ моихъ было достаточно, чтобы напугать васъ. Что же было бы тогда, если бы вы меня знали, какъ я себя знаю? Вы видите, я каюсь съ полною откровенностью.

Но страннымъ образомъ, чѣмъ болѣе онъ обвинялъ себя, тѣмъ сильнѣе росло въ ней желаніе высказать ему то полное, слѣпое довѣріе, про которое онъ говорилъ.

Должно-быть Евгеній понялъ это, по крайней мѣрѣ онъ продолжалъ, уже улыбаясь и болѣе увѣреннымъ голосомъ:

— И все-таки я не дурной человѣкъ, Настя. Я прежде всего художникъ, то-есть какъ всѣ художники я сильнѣе прочихъ людей ощущаю разнородныя впечатлѣнія—и хорошія, и дурныя. Мы живемъ воображеніемъ, а это, вы знаете, шаткая опора. Судить объ насъ по одному слову, даже по одному дѣлу нашему, значило бы ошибиться навѣрно.

Онъ замолчалъ и посмотрѣлъ на нее, какъ бы выжидая отвѣта.

— Что̀ могу я сказать вамъ? робко проговорила она.— Уже въ тотъ вечеръ, помните, когда вы спорили съ Александромъ Степанычемъ, вы такъ хорошо говорили про то, чѣмъ должно быть искусство...

— Не правда ли, вы тогда были за меня?—радостно перебилъ онъ ее.—Ну вотъ видите, Настя, одно только можетъ спасти нашего брата-художника отъ вѣчнаго скитанія и въ жизни, и въ мысли, одно только можетъ дать ему твердое направленіе—чистая, положимъ, дѣтская душа, вотъ какъ ваша, и полное неизмѣнное довѣріе...

Онъ не договорилъ и не ждалъ уже отвѣта, такъ ясно было то, что̀ отвѣчалъ ему ея взглядъ, полный этого довѣрія.

— Теперь вы мнѣ вѣрите, Настя?—снова началъ онъ, слегка пожимая ея похолодѣвшую руку.—Вы не станете уже думать, что я говорю неискренно и хочу казаться не тѣмъ, что я на самомъ дѣлѣ?

— Я никогда этого не думала... я съ самаго дня вашего пріѣзда...

Бо́льшаго она сказать была не въ силахъ. Да и къ чему тутъ были слова? Развѣ всѣ сомнѣнія не исчезли?

И горячимъ, невольнымъ движеніемъ онъ притянулъ къ своимъ губамъ ея маленькую, трепещущую ручку. Она и не думала отнимать ее.

— Настасья Петровна, гдѣ вы?—послышался вдругъ голосъ Шатова.—Ваша матушка васъ ищетъ. Она уѣзжать собирается.

Орленевъ вскочилъ со своего мѣста, будто змѣя его ужалила.

— Что̀ съ вами, Евгеній Александровичъ?—спросила у него Настя смѣясь,—съ какихъ поръ вы такъ боитесь мама̀?

Она встала и пошла навстрѣчу къ Шатову. Евгеній продолжалъ стоять, какъ вкопанный.

Когда указные три робера были окончены, Софья Сергѣевна объявила, что пора ѣхать и тутъ же хватилась Насти.

— Я ее оставила въ саду съ m-r Орленевымъ,—сказала хорошенькая племянница Шатова, только что вошедшая въ гостиную.

Софью Сергѣевну эти простыя слова кольнули въ самое сердце.

— Когда? давно?—спросила она съ безпокойствомъ, но тотчасъ уже ровнымъ голосомъ обратилась къ Шатову:—Семенъ Кириллычъ, потрудитесь, пожалуйста, сказать Настѣ, что мы сейчасъ ѣдемъ.

Она вопросительно посмотрѣла на Вологдина, но тотъ упорно глядѣлъ внизъ, играя однимъ изъ мѣлковъ.

Шатовъ и княгиня Лиза переглянулись. Семенъ Кирилловичъ поспѣшилъ отправиться въ поиски за Настей.

Когда она вошла въ гостиную въ сопровожденіи Шатова, одного взгляда на ея лицо было достаточно, чтобы выдать Софьѣ Сергѣевнѣ ея тайну. Оно сіяло разсвѣтомъ счастія, но спокойнаго, торжествующаго счастія.

Софья Сергѣевна поторопилась уѣхать.

— Вологдинъ, вы съ нами сядете,—сказала она, выходя на крыльцо. Она почему-то боялась именно теперь остаться наединѣ съ дочерью.

— Ѳедоръ, — говорилъ Шатовъ кучеру, усаживая дамъ,—ты смотри у Воробьевскаго моста держи правѣе. Вся дорога хороша, одно что мостъ не надеженъ.

— Ужъ вы не извольте безпокоиться, ваше высокородіе, — отвѣчалъ тотъ подбирая вожжи, — дѣло свое знаемъ.

Орленевъ не засталъ уже почти никого въ гостиной. Только княгиня Лиза еще прощалась, собираясь тоже уѣхать.

— Гдѣ вы пропадали весь вечеръ?—спросила она его, лукаво улыбаясь, и вдругъ добавила показывая на карточный столъ:—вы хорошо дѣлаете, что не садитесь играть. Vous ne savez pas cacher votre jeu.

Евгеній приказалъ подавать тарантасъ и тоже поспѣшилъ оставить Глѣбово.

Между тѣмъ четверка Криницкихъ ровною крупною рысью шла по дорогѣ въ Покровское. Въ коляскѣ царствовало полное молчаніе. Настѣ хотѣлось бы кинуться на шею матери и признаться ей во всемъ, но развѣ это было возможно въ присутствіи Вологдина? И когда она украдкой глядѣла на мать, ее удивляло строгое, почти суровое выраженіе на чертахъ Софьи Сергѣевны. Что-то леденящее, неумолимое было въ этихъ чертахъ, и странное предчувствіе, что мать воспротивится осуществленію ея мечты, защемило сердце молодой дѣвушки.

Когда Вологдинъ ихъ оставилъ вдвоемъ въ гостиной покровскаго дома, Настя собиралась начать свою тревожную и вмѣстѣ съ тѣмъ радостную исповѣдь, но снова остановило ее строгое выраженіе на лицѣ матери

и странное, не испытанное еще чувство боязни сказалось въ ней. Она стояла въ недоумѣніи передъ Софьей Сергѣевной, не зная съ чего начать.

— Ты хочешь мнѣ что-то сказать, Настя? я это по твоимъ глазамъ вижу,—спросила у нея Софья Сергѣевна.

— Да, мама, я...

Софья Сергѣевна перебила ее.

— Завтра ты мнѣ все скажешь, мой другъ, а теперь поздно. Я очень устала.

Она боялась этого неизбѣжнаго объясненія и старалась отсрочить его хотя бы на нѣсколько часовъ. Поцѣловавъ Настю въ лобъ, она направилась къ себѣ. Поразительно холоднымъ показался Настѣ этотъ поцѣлуй.

— Вы меня сегодня не перекрестили, мама, — удивленно сказала она.

Софья Сергѣевна вернулась, перекрестила дочь и долго всматривалась въ ея лицо, поправляя въ то же время нависшія на ея лобъ пряди волосъ, какъ бы затѣмъ, чтобы лучше прочесть то, что таилось за этимъ лбомъ.

Настя еще нѣсколько минутъ простояла въ недоумѣніи среди комнаты послѣ ухода матери. Но счастливая улыбка снова заиграла на ея губахъ и радужныя мысли отогнали налетѣвшее было дурное предчувствіе. Такъ ее засталъ всю застывшую въ неподвижности Петръ Михайловичъ, который весь вечеръ проработалъ въ своемъ кабинетѣ.

— Что, мама ушла?—спросилъ онъ.—А ты все еще здѣсь? Тебѣ весело было въ Глѣбовѣ?—И Настѣ показалось, что отецъ тоже улыбается въ отвѣтъ на ея улыбку.

— Да, весело...—разсѣянно проговорила она, и потомъ вдругъ живо прибавила,—ахъ, папа, я и не знаю, какъ вамъ сказать, я такъ счастлива...

— Ну и прекрасно, и я тоже счастливъ, дружокъ мой... Онъ горячо поцѣловалъ ее.—Ты мнѣ завтра все это разскажешь, а теперь поди къ себѣ: поздно. И совершенно непривычное оживленіе и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣжность озарили сухое лицо Петра Михайловича.

А Настя, когда она пришла въ свою комнату и стала раздѣваться, долго еще прислушивалась къ радостнымъ голосамъ, которые такъ сладко пѣли у нея на сердцѣ...

XVIII.

Было уже около двухъ часовъ ночи когда Орленевъ подъѣхалъ къ Покровскому. Кучеръ его, молодой парень, не твердо знавшій мѣстность, сбился съ пути и долго плуталъ по разнымъ проселкамъ. Но Евгеній не обращалъ вниманія на продолжительность этого ночного странствія. Онъ слишкомъ былъ занятъ впечатлѣніями вечера, проведеннаго въ Глѣбовѣ, и, страннымъ образомъ, впечатлѣнія эти не были радостнаго свойства. Настя всею душой принадлежала ему, всякое недоразумѣніе между ними исчезло, но за то чѣмъ ближе казалась развязка, тѣмъ невозможнѣе она становилась. Что принесутъ съ собой ближайшіе дни? Каково будетъ его неизбѣжное объясненіе съ Софьей и что скажетъ онъ ей, когда она потребуетъ у него отчета за то, что онъ, какъ воръ подъ ея кровлей, завладѣлъ сердцемъ ея дочери? То, чего онъ жаждалъ всѣ эти дни теперь въ его власти, но сокровище это въ его рукахъ, какъ заколдованный кладъ, становилось проклятіемъ для него незаконно захваченнымъ, обманнымъ стяжаніемъ. Мрачнымъ и него степріимнымъ почудился ему неосвѣщенный покровскій домъ, когда, послѣ долгаго ожиданія, его впустилъ, наконецъ, заспанный дворецкій и съ огаркомъ въ рукахъ сталъ ему свѣтить по темной лѣстницѣ. Даже на усталомъ и недовольномъ лицѣ слуги Орленевъ прочелъ будто укоризну. И онъ вспомнилъ, какъ беззаботный и веселый онъ три недѣли передъ тѣмъ вступилъ въ этотъ домъ. А теперь? Если бы все прошлое стало извѣстнымъ, если бы всѣ его мысли и поступки сдѣлались вдругъ гласными, развѣ обитатели этого дома всѣ до единаго не отвернулись бы отъ него съ ужасомъ и пожалуй

съ презрѣніемъ? Гордость его возмущалась упреками Вологдина. А развѣ Вологдинъ не былъ правъ? Развѣ не злоупотребилъ онъ гостепріимствомъ Криницкихъ самымъ недостойнымъ образомъ?

Вопросы эти засѣли у него въ головѣ, и громко, неотступно требовали разрѣшенія. Въ первый разъ въ своей жизни онъ встрѣчался лицомъ къ лицу съ суровыми требованіями долга. Ему было рукой подать до счастія, и какое это было сладкое, неиспытанное еще счастіе—онъ понималъ только теперь. Жениться на молодой дѣвушкѣ, основать свой домашній очагъ съ этимъ милымъ довѣрчивымъ существомъ,—чего бы онъ не далъ, чтобъ это стало возможнымъ! А неумолимое прошлое стояло поперекъ дороги и вѣчно будетъ стоять. Зачѣмъ же онъ долженъ отказаться отъ всего этого потому только, что когда-то онъ имѣлъ несчастіе встрѣтиться съ ея матерью? А между тѣмъ онъ ясно сознавалъ, что долженъ отказаться отъ Насти, и не только въ будущемъ, а теперь же, сейчасъ. Ему нельзя, даже хотя на короткое время, отсрочить свой отъѣздъ; онъ обязанъ постараться о томъ, чтобъ она его забыла, если онъ ее и никогда не забудетъ.

— Я поступилъ какъ мальчишка, я позволилъ себѣ увлечься, какъ будто я не зналъ, на что иду,—упрекалъ онъ самого себя, и живо вспомнилось ему съ чувствомъ горечи и стыда, какъ за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ онъ добивался любви молодой дѣвушки.

— Пора кончить,—рѣшилъ онъ,—пока я могу еще съ честью оставить этотъ домъ. Она молода, она быть можетъ и пожалѣетъ обо мнѣ на первыхъ порахъ, но молодость возьметъ свое.

И онъ горько улыбнулся, сказавъ себѣ это, но въ то же время и гордился тѣмъ, что одержалъ побѣду надъ своимъ увлеченіемъ.

Евгеній раскрылъ окно и вдохнулъ въ себя чистый пахучій воздухъ. Ночь была свѣжа, и отъ росистой травы влажная струя неслась къ нему въ окно. А на

темномъ небѣ такъ спокойно блестѣли звѣзды. Невозмутимостью и покоемъ на него повѣяло съ этого далекаго безстрастнаго неба. Тамъ все такъ стройно повинуется разъ навсегда положеннымъ законамъ, а въ жизни людей такая странная, безпорядочная измѣнчивость и малѣйшій нежданный толчекъ можетъ сбить съ пути самую твердо-установленную жизнь... И въ душѣ Евгенія сказывалось грустное, но въ то же время гордое наслажденіе добровольной жертвой.

На слѣдующее утро Софья Сергѣевна не вышла къ чаю и велѣла просить Вологдина сойти къ ней въ кабинетъ.

— Вологдинъ,—живо обратилась она къ нему, запирая за нимъ дверь на замокъ,—я позвала васъ, потому что не знаю, на что рѣшиться. Вы первый возбудили мои подозрѣнія; помогите же мнѣ теперь найти исходъ и спасти Настю. Я не могу простить себѣ, что допустила до этого...

— Но что же такое случилось, Софья Сергѣевна?

— Настя любитъ этого человѣка, чего же вамъ еще? Развѣ вы не замѣтили вчера вечеромъ этого радостнаго выраженія на ея лицѣ? Я уже сомнѣваться не могу и не понимаю, какъ вы до сихъ поръ скрывали отъ меня то, что знали.

— Я ничего не зналъ, Софья Сергѣевна, и къ чему было васъ тревожить своими догадками? Развѣ мы съ вами помѣшать въ силахъ?

Она живо встала и глаза ея загорѣлись отъ негодованія.

— И вы, стало-быть, находите, что я должна оставаться безучастною свидѣтельницей, когда моя единственная дочь...—Она не досказала и закрыла лицо руками.

Вологдинъ покачалъ головой.

— Вмѣшательство тутъ не поможетъ, сказалъ онъ.— Вся надежда теперь на него, если только онъ захочетъ понять, къ чему онъ обязанъ.

— Вы хотите, чтобъ я сама просила его отсюда уѣхать? А какъ объясню я Настѣ его внезапный отъѣздъ?

— Ей вы ничего не объясняйте; неполныя объясненія слишкомъ опасны. Тутъ помогутъ лишь время и ея довѣріе къ вамъ.

— Софья Сергѣевна, можно войти?—послышался за дверью голосъ Орленева. Онъ прошелъ къ ней, миновавъ столовую, гдѣ въ это время Петръ Михайловичъ разговаривалъ съ Настей.

Вологдинъ отворилъ дверь и тотчасъ вышелъ изъ комнаты.

— Я пришелъ сказать вамъ,—началъ Орленевъ, садясь противъ Софьи,—что къ крайнему своему сожалѣнію вынужденъ оставить Покровское раньше, чѣмъ думалъ. Вчерашняя почта мнѣ принесла важныя извѣстія изъ деревни, и какъ мнѣ ни жаль съ вами разстаться, я долженъ ѣхать сегодня съ вечернимъ поѣздомъ.

Эти слова, произнесенныя самымъ непринужденнымъ тономъ, такъ поразили Софью Сергѣевну, что она не нашла отвѣта.

Она пристально вглядѣлась въ его спокойное лицо, какъ бы стараясь прочесть на немъ слѣды тревоги и борьбы. Орленевъ избавилъ ее отъ необходимости сказать что-либо и продолжалъ, увѣряя ее, что дни, проведенные въ Покровскомъ, останутся для него навсегда дорогимъ воспоминаніемъ; а въ головѣ между тѣмъ у него копошился вопросъ: знаетъ она или нѣтъ?

— Вы совершенно рѣшились уѣхать сегодня?—почему-то спросила она, хотя и сознавала всю ненужность этихъ словъ, вовсе не отвѣчавшихъ ея настроенію. Нѣсколько минутъ разговоръ между ними продолжался въ этомъ принужденномъ тонѣ, не выходя изъ обмѣна офиціальныхъ любезностей, и оба въ то же время думали про себя: какъ странно, что между ними могъ понадобиться этотъ условный, лживый языкъ.

Когда Евгеній шелъ къ Софьѣ, онъ готовился къ бурному объясненію и его удивляло теперь, что такъ просто разрѣшаются ихъ натянутыя отношенія.

Софья, однако, не вытерпѣла. Она вспомнила вдругъ, чѣмъ былъ этотъ человѣкъ въ ея жизни, и ей представилось невозможнымъ такъ разойтись съ нимъ теперь, какъ съ первымъ встрѣчнымъ, сохраняя на душѣ невысказанное сомнѣніе.

— Орленевъ,—вдругъ сказала она нетвердымъ голосомъ и коснулась его локтя своею рукою,—зачѣмъ вы говорите неправду? Развѣ вы надѣетесь меня обмануть, да и къ чему оно вамъ? Вы уѣзжаете отсюда, потому что любите мою дочь.

Евгеній не смутился. Онъ только опустилъ глаза и понизилъ голосъ, отвѣчая ей:

— Я не хотѣлъ говорить съ вами про это изъ понятнаго чувства деликатности. Я думалъ, что вы не знаете и что съ моимъ отъѣздомъ вамъ никогда и не придется услышать про эту злополучную любовь.

— Вамъ легко говорить это, Орленевъ,—запальчиво отвѣтила она.—Вы скоро забудете, я это знаю. За васъ я не безпокоюсь. Но забудетъ ли Настя такъ же скоро, какъ вы?

Орленевъ не возражалъ ей. Что онъ не совсѣмъ равнодушно выслушивалъ эти упреки можно было замѣтить лишь по легкому дрожанію его рукъ.

— Да и какъ могли вы не открыться мнѣ раньше? Вѣдь не со вчерашняго дня все это началось. Рано или поздно, я должна была узнать. Къ чему же было скрывать то, отчего вы сами не могли ожидать счастливаго исхода?

Онъ посмотрѣлъ ей въ лицо и мысленно поблагодарилъ ее за помощь, какую она ему оказывала этими послѣдними словами.

— Въ томъ-то и дѣло, — сказалъ онъ грустно, улыбаясь,—что узналъ я объ этомъ именно со вчерашняго дня. То-есть узналъ я собственно, что это было настоя-

щее, глубокое чувство и что На... что ваша дочь,—поправился онъ, — готова на него отвѣтить. Я находилъ удовольствіе, этого мало, наслажденіе въ ея миломъ обществѣ съ самаго дня моего пріѣзда. Но я думалъ, что это не болѣе какъ мирное чувство, вызванное тѣмъ обаяніемъ, которому подчинится, конечно, всякій, кто ее узнаетъ. Вчера только въ глѣбовскомъ саду я увидѣлъ, что ошибся...

Софья Сергѣевна его слушала спокойно, хотя воспоминанія прошлаго бурною толпой нахлынули въ ея голову. Этотъ самый человѣкъ, когда-то ею любимый, теперь, не краснѣя, признавался въ любви къ ея дочери. Но она осилила это недоброе чувство. Настя, по крайней мѣрѣ, будетъ ограждена отъ этого человѣка, а это, вѣдь, конечно, главное...

— Разкажите мнѣ, какъ все было,—проговорила она такимъ ровнымъ голосомъ, что самъ Евгеній ошибся насчетъ дѣйствія произведеннаго его признаніемъ.

Онъ сталъ говорить ей, какъ, самъ того не замѣчая, онъ поддался своему чувству къ Настѣ и до самой послѣдней минуты не догадывался, что молодая дѣвушка его полюбила.

— Я вѣрю вамъ,—отвѣчала ему Софья,—потому что хочу вамъ вѣрить. Но посудите сами, Орленевъ, возможно ли въ ваши годы это слѣпое увлеченіе, извинительное развѣ въ двадцать лѣтъ?

— Я не оправдываюсь, Софья Сергѣевна. Вы въ правѣ осудить меня. Но вотъ что я скажу вамъ въ отвѣтъ. Если все, что вы слышали теперь—неправда, если я забылъ все, чѣмъ я вамъ обязанъ, почему же тогда я добровольно покидаю вашъ домъ и каюсь въ своей винѣ, коли вамъ угодно считать ее виною?

— Извините меня,—возразила она помолчавъ немного и подала ему руку. — Я такъ поражена всѣмъ этимъ, что, быть-можетъ, несправедлива къ вамъ... Вы честный человѣкъ, Орленевъ, я знаю это...

— Надѣюсь, Софья Сергѣевна, — отвѣтилъ онъ вставая.

Она посмотрѣла ему въ глаза и горькая улыбка показалась на ея губахъ.

— Ахъ, Орленевъ, Орленевъ,—сказала она; — могла ли я думать, что придетъ день, когда я стану радоваться вашему отъѣзду?

И она снова протянула ему руку.

— А теперь пойдемте. Надо объяснить все это мужу.

Когда Настя увидала мать, входившую съ Орленевымъ въ столовую, она поспѣшила скрыться. Петръ Михайловичъ терпѣть не могъ, чтобы нарушали установленныя привычки, и долгое отсутствіе жены, Евгенія и Вологдина ему казалось страннымъ, почти неприличнымъ; но онъ объяснялъ его тѣмъ, что готовятся, повидимому, важныя событія. Понятно, что онъ удивился неожиданному рѣшенію Орленева и даже немного обидѣлся этимъ. Совсѣмъ не то ожидалъ онъ услыхать въ это утро.

— У васъ спѣшныя дѣла, — сухо проговорилъ онъ въ отвѣтъ на извиненія молодого человѣка, — конечно, дѣла прежде всего. А я думалъ, что вы у насъ еще погостите.

И проговоривъ это такимъ голосомъ, какимъ бы онъ прочелъ какой-нибудь протоколъ засѣданія, Петръ Михайловичъ удалился въ свой кабинетъ, а Евгеній пошелъ къ себѣ, чтобы привести въ порядокъ свои вещи.

Настю поразила необычайная перемѣна въ установленномъ ходѣ дня. Никто изъ домашнихъ не показывался; Софья Сергѣевна тоже заперлась у себя. Одинъ Вологдинъ сидѣлъ на террасѣ и хмурился болѣе обыкновеннаго, усердно перебирая газеты. Настя смутно чувствовала, что чѣмъ-то недобрымъ повѣяло въ Покровскомъ. Ея безпокойство съ каждымъ часомъ росло. Проходя черезъ сѣни, она вдругъ замѣтила, что по лѣстницѣ несутъ уложенный чемоданъ Орленева. На ея вопросъ ей отвѣтили, что Евгеній Александровичъ из-

волитъ сегодня уѣзжать съ вечернимъ поѣздомъ. Она поспѣшила къ матери, чтобы спросить, что это могло значить.

Софья Сергѣевна ей подтвердила, что Евгеній возвращается къ себѣ въ имѣніе, ни словомъ не намекнувъ о настоящихъ причинахъ его отъѣзда.

Въ корридорѣ она встрѣтилась съ Орленевымъ.

Увидивъ ее, лицо его болѣзненно сжалось отъ необычайнаго усилія надъ собой. „Да,—подумалъ онъ,—разстаться съ ней, чтобы навсегда потерять ее и не имѣть даже возможности оправдаться передъ ней,—вотъ гдѣ настоящее наказаніе!“—Но онъ превозмогъ это томительное ощущеніе, и голосъ его не дрогнулъ, когда онъ заговорилъ съ ней.

— Вы уже знаете, конечно,—началъ онъ,—что я уѣзжаю сегодня. Какъ мнѣ это ни тяжело, я долженъ уѣхать.

— Да, я слышала, что васъ вызываютъ по дѣлу,—съ плохо скрытою горечью проговорила она.

„Она думаетъ, что я поступаю такъ ради какихъ-нибудь денежныхъ разсчетовъ“!—промелькнуло у него въ головѣ.

— Да, Настя,—отвѣтилъ онъ, стараясь придать ласковый тонъ своему голосу,—вотъ какова жизнь! Могъ ли я догадываться вчера, что черезъ двадцать четыре часа меня не будетъ въ Покровскомъ, а между тѣмъ я иначе поступить не могу. Вы знаете,—и онъ попробовалъ улыбнуться:—не такъ живи, какъ хочется...

Она недовѣрчиво вскинула на него глазами.

— Вы уѣзжаете... въ имѣніе... надолго?—нерѣшительно и чуть слышно спросила она.

— Что будетъ со мной,—я не знаю,—проговорилъ онъ въ отвѣтъ.—Мы увидимся, конечно, въ Петербургѣ, осенью? и вы позволите мнѣ по-дружески сказать вамъ до свиданія?

Онъ протянулъ ей руку и посмотрѣлъ на нее. Ея

рука лишь слабо коснулась его пальцевъ и не отвѣчала на его пожатіе.

Она поспѣшно ушла къ себѣ и уже не показывалась. Но изъ окна своей комнаты она трепетно слѣдила за приготовленіями къ отъѣзду, видѣла, какъ выносили вещи и подавался экипажъ, прислушивалась къ слабѣвшему звону колокольчика.

— Помни, Орленевъ, — говорилъ ему, прощаясь съ нимъ, Вологдинъ, — одно хозяйственное правило. Когда хотятъ рубить лѣсъ, дѣлаютъ это всегда зимой, пока еще не проснулся весенній сокъ и не пошелъ по стволу. Боюсь, что ты позабылъ примѣнить это правило, какъ слѣдуетъ, къ жизни.

Орленевъ почти радовался тому, что поѣздъ съ ближайшей станціи отходилъ въ пятомъ часу и что ему не придется присутствовать на обѣдѣ. Онъ торопился покончить съ этимъ невыносимо-тяжелымъ днемъ. Прощаясь съ хозяевами, онъ обмѣнялся съ ними обычными пожеланіями и увѣрялъ Петра Михайловича, что съ нетерпѣніемъ будетъ ожидать зимы, чтобъ увидѣться съ ними въ Петербургѣ. Но эти радушныя слова звучали грустно въ его ушахъ какъ похоронный звонъ.

Онъ очень удивился, увидавъ на станціи Шатова.

— Какъ, вы тоже въ Москву? — спросилъ у Семена Кирилловича Орленевъ.

— Да, какъ видите. Только разница между нами та,— и Шатовъ лукаво прищурился—что я уже вчера рѣшилъ, что поѣду, а вы кажется этого не подозрѣвали.

Въ вагонѣ они сѣли вмѣстѣ, и Шатовъ разговорился. На первыхъ порахъ Орленевъ долженъ былъ дѣлать усиліе надъ собой, чтобы слушать и отвѣчать изъ вѣжливости. Но мало-по-малу крупная соль рѣчей Семена Кирилловича ему даже пришлась по вкусу. Она его отвлекла отъ мрачнаго хода собственныхъ мыслей;—такъ мало было общаго между насмѣшливымъ остроуміемъ Шатова и тѣмъ настроеніемъ, которое Евгеній вынесъ изъ Покровскаго. Шатовъ не упомянулъ вовсе про Кри-

ницкихъ, на то у него было слишкомъ много такта, ихъ имя даже не было произнесено, а между тѣмъ подъ вліяніемъ разсказовъ Семена Кирилловича Орленеву стало казаться, что вовсе уже не такъ неодолимы препятствія, стоящія между нимъ и Настей. Практическая мораль Семена Кирилловича производила свое дѣйствіе, и всегдашній оптимизмъ Евгенія мало-по-малу снова вступалъ въ свои обычныя права.

XIX.

Послѣ отъѣзда Орленева жизнь въ Покровскомъ продолжала идти старою колеей, будто ничего особеннаго въ ней и не произошло. Всѣ чувствовали однако, что какое-то недоразумѣніе тяготѣло надъ этою жизнью.

У Петра Михайловича стала проявляться непривычная ему вовсе неровность характера. Софья Сергѣевна была, правда, нѣжнѣе и ласковѣе съ дочерью, чѣмъ когда-либо, но все-таки не вызывала ее на откровенность. Имя Орленева вовсе не произносилось въ Покровскомъ, будто съ общаго согласія. Молодая дѣвушка теперь еще старательнѣе прежняго хранила свою тайну, она дала себѣ слово забыть про Евгенія и Софья Сергѣевна надѣялась, что память о немъ сама собой понемногу замретъ.

Однако, Софья Сергѣевна ошибалась. Настя молчала, но зато она упорно перебирала въ памяти малѣйшія подробности своего знакомства съ Орленевымъ, стараясь истолковать себѣ его поведеніе. Въ этомъ она находила какое-то мучительное удовольствіе. Разумѣется, чѣмъ болѣе она думала объ этомъ, тѣмъ менѣе она находила разгадку. Она старалась увѣрить себя, что ошиблась на счетъ его чувства, что оно не шло далѣе полуотеческой дружбы къ дѣвочкѣ, которую онъ зналъ почти съ пеленокъ. И въ самомъ дѣлѣ, какъ могла она подумать, что онъ полюбилъ ее, почти ребенка, и женится на

ней... И все-таки ей въ то же время казалось, что она ошибиться не могла и что онъ во всякомъ случаѣ былъ не совсѣмъ правъ, допустивъ ее до этого заблужденія.

Все это Настя повторяла себѣ на тысячу ладовъ, и постоянное, исключительное преобладаніе одного помысла наконецъ повліяло на ея здоровье. Лицо ея поблѣднѣло; ея тонкія черты удлинились, и глаза будто глубже ушли и стали глядѣть не по лѣтамъ серьезно изъ-подъ длинныхъ, теперь всегда опущенныхъ рѣсницъ. Она меньше прежняго выходила и совершенно бросила свои любимыя мѣста въ лѣсу. По цѣлымъ часамъ она засиживалась безо всякаго дѣла. Верхомъ она перестала ѣздить совсѣмъ. Одна только музыка еще болѣе прежняго занимала ее.

Петръ Михайловичъ озабоченно слѣдилъ за всѣми этими перемѣнами. На этотъ разъ онъ оказался дальновиднѣе жены. Онъ вполнѣ понималъ, что происходило въ Настѣ, и ему страннымъ казалось, что Софья, повидимому, такъ безучастно относится къ дочери.

— Неужели ты не примѣчаешь,—спросилъ онъ однажды у жены,—это было въ началѣ августа и Вологдинъ недавно уѣхалъ,—что за странная перемѣна съ Настей? И какъ разъ со времени отъѣзда Орленева?

Софья Сергѣевна ожидала этого объясненія и приготовилась къ нему.

— Я думаю, мой другъ,—отвѣчала она,—что Евгеній Александровичъ произвелъ на нее сильное впечатлѣніе. Оно, впрочемъ, и понятно: они такъ много оставались вдвоемъ, а Настя здѣсь никого не видитъ. Я виню себя, что не предвидѣла этого и дала установиться такой короткости.

— Ты, однако, никогда мнѣ про это не говорила?

— Я и теперь не придаю этому большого значенія. Это не болѣе какъ вспышка, которая пройдетъ сама собой.

Петръ Михайловичъ удивленно посмотрѣлъ на жену.

— Вотъ какъ?—сказалъ онъ.—А я, напротивъ, полагалъ, что это кончится свадьбой и, признаюсь, этого желалъ. Молодые люди, какъ мнѣ казалось, полюбили другъ друга, и я былъ очень радъ, что судьба Насти устроится такъ хорошо и просто.

Этого Софья Сергѣевна не предвидѣла. Она поблѣднѣла и не могла побороть своего волненія.

— Ты хочешь выдать за него Настю?—воскликнула она.—Вѣдь, это невозможно—она еще такъ молода!

— Такъ вотъ что̀!—перебилъ онъ.—Теперь я все понимаю: ты, стало-быть, противъ этого и, вѣроятно, сказала это Орленеву. Вотъ почему онъ и уѣхалъ. Да, я припоминаю теперь, какое разстроенное лицо у него было въ то утро, когда онъ съ тобой вышелъ изъ твоего кабинета. А я, признаюсь, былъ крайне удивленъ его неожиданнымъ рѣшеніемъ уѣхать.

Петръ Михайловичъ усиленно зашагалъ по комнатѣ. Софья не знала, что̀ отвѣтить и не могла простить себѣ, что дала зародиться этой мысли у мужа.

— Вѣдь ты знаешь, конечно,—продолжалъ онъ, какъ бы вдругъ припоминая все, что̀ было раньше,—ты знаешь, что они объяснились тамъ, въ Глѣбовѣ? Настя сама мнѣ все разсказала. И на другой же день вдругъ этотъ странный отъѣздъ! И что̀ же ты ему сказала, когда онъ заговорилъ съ тобой про Настю?

Вопросы Петра Михайловича такъ быстро слѣдовали одинъ за другимъ, что уже нельзя было очевидно дать иное направленіе его мыслямъ.

— Я сказала ему,—отвѣтила Софья,—то самое, что и тебѣ.

— То-есть, что Настя слишкомъ молода? Да, вѣдь, это совершенные пустяки, можно подождать до весны, когда ей минетъ осьмнадцать лѣтъ. Если въ этомъ только затрудненіе, то я не понимаю, какъ ты могла, не сказавъ мнѣ ни слова, такъ странно отвѣтить. А я, напротивъ, скажу тебѣ, что ты ошибаешься на ея счетъ.

Настя любитъ Орленева и я со своей стороны желаю, чтобъ эта свадьба состоялась.

— Эта свадьба не можетъ состояться!—вырвалось у Софьи Сергѣевны.

— Отчего? Если у тебя есть какіе-нибудь доводы, выскажи ихъ. Какъ? Орленевъ уже болѣе десяти лѣтъ у насъ принятъ какъ другъ дома, ты сама его приглашаешь сюда. Настя его любитъ, и мы станемъ вдругъ ему отказывать ни съ того, ни съ сего? Да, вѣдь, это чистое безразсудство! Или есть какія-нибудь иныя мнѣ неизвѣстныя причины?..

Петръ Михайловичъ остановился передъ женой и пытливо устремилъ на нее свои близорукіе глаза. Краска выступила на его лицѣ. Видно было, что его память усиленно стала работать.

Софья перепугалась не на шутку. Стоило произнесть одно необдуманное слово, и могло обнаружиться все, что она тщательно скрывала столько лѣтъ. Необычайныхъ усилій ей стоило принудить къ спокойствію задрожавшіе мускулы своего лица.

— Причины такъ просты и очевидны,—сказала она,— что ты и безъ меня ихъ легко могъ найти. Орленевъ очень милый человѣкъ, положимъ, но все-таки ни одна мать не согласилась бы выдать за него дочь, не подумавъ хорошенько, особенно такую молодую дѣвушку, какъ Настя. Для него на первомъ планѣ всегда будетъ его талантъ, а художники обыкновенно плохіе мужья. Я не полагаю вообще, чтобъ его правила были особенно строгаго свойства...

— Взвѣсить... подумать... это, конечно, иное дѣло. Я не мѣшаю тебѣ отложить свое рѣшеніе, хотя у васъ, женщинъ, право, иногда бываютъ странныя и безосновательныя недоумѣнія. Но знай, что мнѣ Орленевъ нравится, и я не допущу отказа безъ надлежащихъ основаній по одному только капризу.

На этомъ пока дѣло остановилось. Но Софьѣ Сергѣевнѣ будущее представлялось въ грозномъ свѣтѣ, и

она долго и тревожно обдумывала слова мужа. Она знала по опыту, что два-три раза, когда Петру Михайловичу случалось въ былые годы высказаться рѣшительно, онъ стоялъ на своемъ и никакія убѣжденія на него не дѣйствовали. Люди со слабою волей порой упрямѣе другихъ. Петръ Михайловичъ, впрочемъ, не счелъ нужнымъ теперь же передавать Настѣ о своемъ разговорѣ съ женой; онъ разсудилъ, что лучше пока не давать пищи надеждамъ, быть-можетъ, несбыточнымъ.

Время шло, лѣто подвигалось къ осени, не принося съ собой для Покровскаго никакихъ перемѣнъ. Настя становилась все грустнѣе и молчаливѣе. Софья Сергѣевна примѣчала это тѣмъ съ большимъ безпокойствомъ, что ей не съ кѣмъ было подѣлиться своими опасеніями. Съ отъѣздомъ Вологдина Покровское опустѣло. Сосѣди наѣзжали рѣдко, и Софья Сергѣевна не дѣлала уже никакихъ усилій, чтобы зазывать ихъ къ себѣ. Шатовъ былъ въ отсутствіи. Княгиня Лиза уѣхала въ Крымъ. Одинъ Александръ довольно часто бывалъ у Криницкихъ, и общество молодого человѣка доставляло Настѣ даже нѣкоторое удовольствіе. Съ нимъ, по крайней мѣрѣ, ей было лучше, чѣмъ съ остальными. Его поклоненіе ей было безгранично и въ то же время смиренно. Онъ былъ доволенъ и тѣмъ, что ему дозволяли бывать въ Покровскомъ и оказывать ей разныя маленькія услуги; съ нимъ можно было сидѣть молча, и въ его покорномъ взглядѣ ея тайная грусть всегда находила сочувствіе. Настя въ душѣ была ему благодарна за эту тихую преданность. Она платила ему за то внимательнымъ участіемъ, когда онъ говорилъ съ ней про свою негромкую дѣятельность. Иногда они играли въ четыре руки. Александръ былъ не особенно силенъ по этой части, но за то онъ дома по цѣлымъ часамъ сидѣлъ за плохимъ старымъ роялемъ и усердно разучивалъ свою партію, чтобы потомъ не ударить передъ нею лицомъ въ грязь. Настя, совсѣмъ не подозрѣвавшая этого, поздравляла его съ дѣлаемыми успѣхами. Бѣд-

ный малый несказанно мучился, переходя отъ надежды къ отчаянію, а Настя самымъ невиннымъ и спокойнымъ образомъ принимала это поклоненіе. Молодыя дѣвушки тогда только даютъ себѣ трудъ догадываться, когда внушаемое ими чувство можетъ найти у нихъ отголосокъ если не въ сердцѣ, то по крайней мѣрѣ въ самолюбіи. Софья Сергѣевна, конечно, догадывалась, но она тоже не мѣшала; порой слова ея мужа такъ пугали ее на счетъ будущаго, что она готова была выдать дочь хотя бы за Александра, не обращая вниманія на неравенство положеній, чтобъ избѣгнуть того, что, быть-можетъ, грозило ей впереди.

Разъ, въ дождливый осенній день, — молодые люди только что окончили allegro третьей Бетховенской симфоніи, и надо признаться съ грѣхомъ пополамъ,—Александръ не выдержалъ и вдругъ обратился къ Настѣ съ поблѣднѣвшимъ отъ волненія лицомъ, пока его рука безсознательно перебирала лежавшую передъ нимъ партитуру.

— Настасья Петровна,—вырвалось у него,—вы найдете меня дерзкимъ, я чувствую, что не имѣю права говорить этого, но скрывать отъ васъ я долѣе не въ силахъ...

Она посмотрѣла на него съ изумленіемъ.

Бѣдный Александръ почувствовалъ, будто почва у него ускользаетъ изъ-подъ ногъ. Онъ продолжалъ уже съ рѣшимостью отчаянія, не взвѣшивая и почти не сознавая того, что говорилъ:

— Я люблю васъ давно, Настасья Петровна, люблю вопреки надеждѣ и разуму. И все-таки я не могу убѣдить себя въ томъ, что это безразсудно, и что никогда... никогда...

Онъ не договорилъ, такъ ясно было то, что онъ прочелъ въ ея строгомъ и въ то же время удивленномъ взглядѣ.

— Александръ Степановичъ,—произнесла она съ видимымъ трудомъ, невольно отодвигаясь отъ него, я — этого отъ васъ услышать не ожидала...

— Да, да,—прервалъ онъ ее,—я зналъ, что иного отвѣта... стало быть нѣтъ надежды ни теперь, ни послѣ... Но скажите, по крайней мѣрѣ, что вы не сердитесь, что я васъ не огорчилъ...

Онъ путался и дѣлалъ усилія надъ собой, выговаривая эти безсвязныя слова.

Ей стало жаль его. Она взглянула въ его честные, немного мутные глаза, и почувствовала себя какъ бы виноватой предъ нимъ.

— Вы меня огорчаете тѣмъ,—сказала она тихо, — что я должна, понимаете вы, должна просить васъ забыть все это и никогда не говорить со мной такимъ образомъ... Мы всѣ васъ такъ уважаемъ, что мнѣ, право, больно...

— О, никогда, увѣряю васъ, никогда вы ничего подобнаго отъ меня не услышите! Я и не мечтаю о такомъ счастіи, оно не для меня, но я не могъ осилить себя и не высказаться передъ вами... Это въ первый и въ послѣдній разъ, Настасья Петровна,—прибавилъ онъ, и губы его задрожали.. — Вы меня уже не увидите...

— Зачѣмъ это? что вы? сдѣлаемъ оба какъ будто вы ничего мнѣ сейчасъ не сказали.

— Нѣтъ, Настасья Петровна, это вамъ легко говорить, и я благодарю васъ за ваши добрыя слова. Но я уже не въ состояніи быть съ вами попрежнему и увѣрить себя, что здѣсь ничего не происходило. Прощайте, Настасья Петровна. Вы мнѣ позволите протянуть вамъ руку въ послѣдній разъ?

Она не удерживала его, и когда онъ вышелъ она долго стояла въ раздумьѣ съ нотною тетрадью въ рукахъ. „Она еще такъ молода, думалось ей, а вотъ уже два человѣка, съ которыми ей приходится такъ странно разставаться, и оба они ее любили... Да, удивительнымъ образомъ слагается жизнь!“

Петра Михайловича поразило, что Александръ, ни съ кѣмъ не простившись, уѣхалъ изъ Покровскаго.

Настя разсказала отцу про то, что случилось. Онъ разсердился не на шутку и тотчасъ прошелъ къ женѣ.

— Нечего сказать,—раздраженно проговорилъ онъ, передавъ ей о сватовствѣ Александра,—изо всего этого я вижу, какъ ты послѣдовательна въ своихъ дѣйствіяхъ. Про Орленева ты и слышать не хотѣла, а этому молокососу, который, положимъ, очень хорошій человѣкъ, но уже никакъ для Насти не годится, ты будто покровительствовала. Иначе давно бы слѣдовало тебѣ прекратить его посѣщенія, не доводя до такихъ сценъ. Странно, очень странно!

Петръ Михайловичъ, казалось, былъ сильно не въ духѣ и, выходя отъ жены, даже хлопнулъ дверью, чего съ нимъ прежде никогда не случалось. Вообще онъ становился раздражительнымъ часто безъ причины. Вечеромъ того же дня Софья Сергѣевна могла лишній разъ въ томъ убѣдиться. Часовъ въ семь воздухъ вдругъ потеплѣлъ, поднялся сильный западный вѣтеръ и надъ Покровскимъ разразилась гроза, послѣдній отголосокъ лѣта. Часа черезъ два верховой принесъ извѣстіе, что молнія ударила въ Авдѣеву мельницу и всю ее спалило. Какъ на зло срокъ застрахованія истекъ нѣсколькими днями раньше, и по разсѣянности его не возобновляли.

Узнавъ объ этомъ, Петръ Михайловичъ, всегда равнодушный къ денежнымъ потерямъ, необыкновенно вспылилъ, кипятился цѣлый часъ и такъ разнесъ управляющаго, что тотъ только руками разводилъ. Въ то же время яркія пятна выступили на его лицѣ и все тѣло дрожало отъ гнѣва. Словомъ, это былъ какой-то странный небывалый припадокъ. Софья Сергѣевна перепугалась и велѣла просить къ себѣ доктора. Она потребовала у него категорическаго отвѣта на счетъ здоровья мужа.

— Извольте, — мрачно и сухо, какъ всегда, отвѣчалъ докторъ,— я до сихъ поръ не считалъ нужнымъ говорить съ вами про это, потому что вы меня не спрашивали. Вашъ мужъ страдаетъ расширеніемъ сердца. Эта болѣзнь, правда, смертельная, я не скрою этого отъ

васъ, но при извѣстныхъ условіяхъ жизнь паціента можетъ быть сохранена надолго.

— Какія же это условія?—съ безпокойствомъ спросила она.

— Весьма простыя и удобоисполнимыя. Тутъ прежде всего требуется полное спокойствіе и отсутствіе всего раздражающаго. Вы видѣли, какъ сегодня Петръ Михайловичъ вспылилъ сравнительно изъ-за пустяковъ. Не скрою отъ васъ, что всякое сильное волненіе, всякое потрясающее извѣстіе могло бы въ данномъ случаѣ имѣть послѣдствія самыя роковыя.

XX.

Декабрь стоялъ на дворѣ, и былъ на этотъ разъ настоящимъ декабремъ, снѣжнымъ и морознымъ, какъ слѣдуетъ. И самъ Петербургъ въ этомъ году болѣе обыкновеннаго веселился, хотя дѣлалъ онъ это съ тѣмъ отпечаткомъ офиціальности, безъ котораго не обходится даже веселье этого милаго города.

У княгини Старобѣльской былъ утренній пріемъ, какъ всегда, по субботамъ. Нѣсколько человѣкъ сидѣли у нея въ гостинной вокругъ дивана, на которомъ помѣщалась она и вела, понизивъ голосъ, неторопливую бесѣду. Входившему не сразу удавалось разглядѣть ихъ лица; въ комнатѣ господствовалъ полумракъ, несмотря на три лампы съ абажурами, обращенными вверхъ, распространявшія тусклый и мягкій свѣтъ. Сама княгиня, женщина лѣтъ сорока пяти, сохранила несомнѣнные признаки красоты на своихъ тонкихъ, будто выточенныхъ чертахъ. Въ нихъ была удивительная смѣсь оживленія и спокойствія; голосъ ея никогда не ускорялъ своего темпа, глаза никогда не выражали нетерпѣнія или скуки, — часто имъ приходилось скрывать и то и другое,—и все-таки княгиня однимъ своимъ присутствіемъ умѣла оживлять разговоръ и возвышать его надъ

уровнемъ текущей заурядности. Всѣ чувствовали, что вниманіе ея ничѣмъ не отвлекалось; говоря съ однимъ она то словомъ, то взглядомъ, поддерживала общую нить бесѣды. Ее считали примѣрною хозяйкой, но ея и немного боялись: неумѣстное слово, неосторожный отзывъ не проходили никогда безнаказанно, точно такъ же какъ ея зоркій глазъ умѣлъ ловить мимолетныя выраженія на лицахъ и попадать всегда, куда слѣдовало. Молодые люди съ нѣкоторымъ трепетомъ входили въ ея гостиную; княгиня охотно брала ихъ подъ свое покровительство, но за то всѣ, заслужившіе ея немилость, знали, что приговоры ея не отмѣнялись никогда.

— Куда вы, Бантышевъ? — обратилась княгиня къ высокому господину, который только-что всталъ, окончивъ длинный разговоръ съ Лизой Болховской и, повидимому, собирался уйти. Это былъ извѣстный литераторъ Бантышевъ, правда, давно ничего не писавшій, но зато слывшій въ Петербургѣ за лучшаго знатока всевозможныхъ рѣдкостей.

— Bonjour messieurs, prenez donc place,—привѣтствовала она легкимъ наклоненіемъ головы двухъ очень молодыхъ людей, которые съ видимою застѣнчивостью остановились передъ нею и замѣтно робѣли.

— Я обѣщалъ побывать сегодня у Орленева,—отвѣчалъ Бантышевъ,—и посмотрѣть вещицы, которыя онъ привезъ изъ Парижа.

— Вещицы! я увѣрена, что это прелесть,—сказала княгиня Лиза.

Бантышевъ пожалъ плечами,

— Школы нѣтъ,—сказалъ онъ.—Все это блеститъ, какъ свѣжая позолота, но и не долговѣчно какъ она.

— Вы хвалите только тѣхъ, кто умеръ по крайней мѣрѣ триста лѣтъ назадъ,—замѣтила бойкая дама лѣтъ тридцати пяти, съ красивыми, подвижными, но рѣзкими чертами, и плечи ея при этомъ, необыкновенно стройныя плечи, едва замѣтно дрогнули будто отъ холода;

это легкое, непроизвольное движеніе у нея повторялось часто.

— Орленевъ будетъ сейчасъ сюда, вы напрасно къ нему торопитесь, — сказала княгиня Старобѣльская и обратилась съ легкою ироніей къ бойкой дамѣ.

— Что дѣлать, княгиня, Бантышевъ ото всѣхъ требуетъ такого же строгаго отношенія къ искусству, какого придерживается онъ самъ. Наши живописцы не успѣли его научить терпимости.

— Да, но за то терпѣнію они меня научили,—отвѣчалъ Бантышевъ и подошелъ къ стоявшему среди комнаты круглому столу, за которымъ одна изъ многочисленныхъ племянницъ княгини Зинаиды Степановны разливала неизбѣжный чай, давая убѣжище молодежи.

Застѣнчивые молодые люди между тѣмъ кое-какъ усѣлись, очевидно не зная, что дѣлать со своими шляпами.

— Я сама очень нетерпима, вы знаете,—возразила княгинѣ Старобѣльской молодая дама,—и въ другихъ цѣню эту черту. Терпимость лишь красивое названіе для равнодушія.

— Да, княгиня, въ этомъ грѣхѣ васъ упрекнуть нельзя,—смѣясь вставилъ генералъ Славинъ, который передъ тѣмъ что-то очень живо разсказывалъ Лизѣ Болховской.

Княгиня Екатерина Алексѣевна Смоленская, къ которой обращались эти слова, была въ самомъ дѣлѣ очень оригинальная особа, заслужившая даже прозвище „enfant terrible“. Ей доставляло какое-то особенное удовольствіе говорить не стѣсняясь самыя невозможныя рѣзкости, и нерѣдко людямъ очень сильнымъ приходилось слышать изъ ея капризныхъ устъ весьма недвусмысленныя истины, высказанныя съ притворнымъ легкомысліемъ, между тѣмъ какъ она на самомъ дѣлѣ очень хорошо взвѣшивала каждое слово.

— И вотъ, напримѣръ,—обратилась она къ Славину,— я не могла бы спокойно выслушивать тѣ ужасныя вещи,

которыя вы такъ мило разсказываете Лизѣ, точно эти мерзости совершенно въ порядкѣ вещей и вы сами ими любуетесь.

Изящныя губки княгини Екатерины Алексѣевны съ особеннымъ наслажденіемъ произнесли несвойственное имъ крѣпкое слово.

— Я очень радъ, что вы слышали,—отвѣчалъ Славинъ. — Доброму примѣру и вамъ не мѣшаетъ поучиться.

— И хуже всего то, запальчиво возразила княгиня,— что вы на самомъ дѣлѣ такъ думаете.

Генералъ опустилъ глаза съ притворнымъ смиреніемъ.

— Вы совершенно угадали. Я всегда любуюсь искусствомъ, и когда я вижу, что дамы не только играютъ на биржѣ,—этимъ ужъ никого не удивишь,—но едва не устраиваютъ заграничный заемъ и не дѣлятся барышами съ иностранными евреями, развѣ это не искусство? „Il n'y a plus d'enfants", когда-то говорили. Скоро придется сказать „il n'y a plus de femmes."

— Такіе серьезные люди какъ вы, генералъ,—уже совсѣмъ враждебно сказала молодая княгиня,—и воспитываютъ такихъ нравственныхъ женщинъ, какъ тѣ, про которыхъ вы говорите.

Генералъ разсмѣялся.

— Благодарю, во-первыхъ, за пріятную роль воспитателя, и скажу, во-вторыхъ, что графиня Броницкая, ваша пріятельница, которой я сегодня разсказывалъ эту исторію, хотя для виду и выказала негодованіе, но въ душѣ сожалѣла, что не ей пришла въ голову такая счастливая мысль.

— Княгиня, да вѣдь это большой прогрессъ,—вмѣшался Вологдинъ,—въ доброе старое время одни мужчины брали взятки; теперь это вопіющее неравенство, повидимому, устранено. Вѣдь, взятки даются лишь тѣмъ, кто пользуется властью.

— Вы развращаете молодежь, Вологдинъ,—замѣтила

княгиня Лиза, взглянувъ на двухъ молчаливыхъ юношей, все еще непроронившихъ ни слова.

— Даже взятки облагораживаются, проходя черезъ руки дамъ,—сказалъ одинъ изъ нихъ, желая быть и остроумнымъ, и любезнымъ; но за то былъ награжденъ такимъ взглядомъ хозяйки дома, что кровь вдругъ прилила къ его щекамъ, и онъ неизвѣстно почему сталъ возиться со своею лѣвою перчаткой.

— Говорятъ, ваша тетушка Арбатова будетъ принимать въ этомъ году для своей внучки, — обратилась Зинаида Степановна къ княгинѣ Смоленской, желая замять разговоръ.

Княгиня Екатерина Алексѣевна не успѣла отвѣтить, какъ въ гостиную вошелъ Орленевъ и тотчасъ сдѣлался предметомъ общаго милостиваго вниманія.

Орленевъ только съ мѣсяцъ передъ тѣмъ вернулся изъ заграницы, куда его снова потянуло отъ тоски, овладѣвшей имъ послѣ отъѣзда изъ Покровскаго.

Его счастливой натурѣ стоило лишь окунуться въ освѣжающую струю новыхъ впечатлѣній, чтобы стряхнуть съ себя докучливыя воспоминанія прошлаго. Онъ вернулся изъ Парижа, какъ всегда, бодро глядя впередъ и привезъ съ собой цѣлый запасъ плановъ и набросковъ для будущихъ картинъ. Судьба продолжала ему улыбаться и въ Петербургѣ: неувлекающіеся жители Невы будто сдѣлали ради него исключеніе, и Орленеву вполнѣ удалось вкусить отъ сладкихъ плодовъ той недолговѣчной извѣстности, которая несравненно болѣе настоящей славы лелѣетъ самолюбіе современнаго художника. Немудрено, что среди этихъ лестныхъ успѣховъ Покровское и самъ милый образъ Насти понемногу стали блѣднѣть въ его памяти, хотя часто и приходилось ему—у всякаго бываютъ слабыя минуты—ощущать какую-то непривычную гнетущую тоску, очень похожую на угрызеніе совѣсти.

Для кружка княгини Зинаиды Степановны Орленевъ былъ, въ самомъ дѣлѣ, находкой. Онъ доставлялъ пищу

той потребности восторгаться, которая свойственна всѣмъ женщинамъ вообще, а тѣмъ болѣе женщинамъ съ оттѣнкомъ серьезности. Это былъ, по крайней мѣрѣ, настоящій талантъ, далеко оставлявшій за собой всѣ маленькіе доморощенные кумиры гостиныхъ. Немудрено, что ему не давали покоя съ разными приглашеніями и любили имъ украшать свои вечера и обѣды, еще болѣе, можетъ-быть, изъ тщеславія, чѣмъ изъ желанія его видѣть у себя. И теперь Зинаида Степановна жаловалась на то, что онъ ее совсѣмъ забываетъ,—онъ, въ самомъ дѣлѣ, уже цѣлую недѣлю не былъ у нея—а княгиня Смоленская, когда ее познакомили съ нимъ, не преминула вспомнить, что онъ ей доводится по Арбатовымъ какою-то отдаленною родней, и тутъ же принялась очаровывать его по-своему, странною помѣсью ласковаго, почти товарищескаго добродушія со свойственною ей задорною насмѣшливостью; а княгиня Екатерина Алексѣевна очень и очень немногихъ удостоивала милостиваго вниманія.

— Вы его совсѣмъ избалуете,—вставая обратился къ дамамъ Вологдинъ,—неужели, какъ скоро вамъ удалось напасть на дѣйствительный талантикъ, вамъ непремѣнно хочется его тутъ же убить своею любезностью?

На выходки Вологдина давно было принято не обращать вниманія, и Орленевъ продолжалъ наслаждаться расточаемымъ ему ѳиміамомъ, какъ вдругъ хозяйка дома поднялась на встрѣчу къ маленькой, совершенно сухой, но необыкновенно бодрой старушкѣ въ нарядномъ платьѣ темнаго цвѣта, медленно входившей въ гостиную въ сопровожденіи молоденькой дѣвушки. Это была статсъ-дама Наталья Андреевна Арбатова, постоянная московская жительница, недавно переѣхавшая изъ своихъ стародавнихъ палатъ на Пречистенкѣ въ свой петербургскій домъ, такой же старый, но за то неудобный какъ всякое опустѣвшее жилье. Дѣлала она это, чтобы исполнить свои обязанности бабушки относительно Насти Криницкой, которую она теперь и привезла съ

собой къ Зинаидѣ Степановнѣ. Софья Сергѣевна что-то хворала въ эту зиму и охотно предоставляла матери выѣзжать съ Настей, которою та не мало гордилась. Старушка Арбатова была одною изъ послѣднихъ уцѣлѣвшихъ представительницъ минувшаго общества, среди котораго заповѣдныя приличія уважались какъ долгъ, а иногда и гораздо болѣе долга, и которая во всякомъ случаѣ умѣла стойко держать себя и не любила нѣжиться, какъ наше избалованное поколѣніе. Княгиня Зинаида Степановна охотно выказывала Натальѣ Андреевнѣ особенное уваженіе, приличное ея семидесятипятилѣтнему возрасту и еще болѣе той бодрости тѣла и духа, которой она не утратила до сихъ поръ. Старость у насъ, какъ извѣстно, не пользуется ни вліяніемъ ни уваженіемъ; но Арбатова съ такою невозмутимою стойкостью переносила въ новое время свои старинныя привычки и преданія немного угловатой, но за то внушительной сановитости, что передъ этою маленькою старушкой всѣ охотно преклонялись, какъ передъ живымъ памятникомъ прошлаго.

— Я привезла вамъ внучку, княгиня,—сказала Наталья Андреевна, садясь возлѣ хозяйки дома, пока Настя проходила черезъ обязательный церемоніалъ представленія, нѣсколько смущаясь отъ устремленныхъ на нее пытливыхъ глазъ.

Наталья Андреевна продолжала говорить, извиняя свою дочь въ томъ, что плохое здоровье не дозволяетъ ей теперь выѣзжать:

— Я такъ давно не была въ Петербургѣ,—заключила она,—что почти всѣ мнѣ теперь незнакомы и даже мои племянницы едва меня помнятъ.

Эти слова относились къ княгинѣ Смоленской въ видѣ укора за то, что та еще не была у тетки. Княгиня Екатерина Алексѣевна вообще мало стѣснялась исполненіемъ условныхъ обязанностей.

Наталья Андреевна сохранила отличную память, и когда очередь дошла до Орленева, она тотчасъ припом-

нила, что и онъ тоже доводится ей отдаленнымъ племянникомъ. Про его картины она, правда, никогда не слыхала, но за то она могла бы въ точности перечислить всю ихъ общую многочисленную родню.

— Я знаю,— сказала она ему,— что теперешняя молодежь не охотно вспоминаетъ про старшихъ; но для меня, надѣюсь, вы сдѣлаете исключеніе, я такъ любила вашу покойницу мать.

И Наталья Андреевна тутъ же напомнила Евгенію про всю имъ давно забытую московскую родню. Отъ ея словъ какъ бы вѣяло слабымъ запахомъ высохшихъ цвѣтовъ или давно нетронутой, запыленной книги. Орленевъ, впрочемъ, съ первыхъ же словъ обезпечилъ себѣ податливую благосклонность старушки. Его художническому чутью нравились ея поблекшія, но выразительныя черты и нѣсколько торжественная осанка ея старческаго тѣла; а старые люди бываютъ чутки ко внѣшнимъ признакамъ уваженія, которыми современная молодежь ихъ уже не балуетъ.

Отдавъ охотно дань своей почтенной родственницѣ, Евгеній хотѣлъ было обратиться къ Настѣ; при входѣ ея въ гостиную онъ не успѣлъ съ нею поздороваться, да и, быть-можетъ, нѣкоторое смущеніе не позволило ему прямо ей протянуть руку. Онъ старался уловить ея взглядъ, но страннымъ образомъ глаза ихъ не встрѣчались, и прежде чѣмъ онъ успѣлъ заговорить съ нею, племянница хозяйки увела ее къ чайному столу, гдѣ была молодежь и гдѣ кавалергардъ Азаріевъ такъ удачно забавлялъ барышень, сообщая имъ свои замѣчанія насчетъ всѣхъ, кто бы ни входилъ въ гостиную.

Орленевъ было подсѣлъ къ княгинѣ Лизѣ, но та скоро остановила его и, указывая на чайный столъ, куда удалилась Настя, сказала ему смѣясь:

— Allez donc faire votre cour, vous en mourez d'envie.

Приходилось волею-неволей повиноваться. Евгеній подошелъ къ столу съ улыбкой на лицѣ, хотя на сердцѣ у него и было немного жутко и онъ въ то же время

стыдился необычайной для него робости. Племянница княгини Зинаиды Степановны хотѣла тотчасъ его представить молодой дѣвушкѣ, но та предупредила ее.

— Мы знакомы,—холодно отвѣтила она на поклонъ Евгенія и смѣясь обратилась снова къ своему сосѣду.

На ея личикѣ ни одна черта не дрогнула; присутствующіе могли подумать, что Евгеній для нея совершенно посторонній. А онъ, глядя на нее, внутренно бѣсился, сравнивая ея полное спокойствіе съ тревогой, которую онъ подавить былъ не въ силахъ.

— Ахъ да, вы даже, кажется, родственники,—извинилась племянница княгини, подавая Орленеву чашку чаю, задрожавшую въ его рукѣ.—Не правда ли?—обратилась она къ Настѣ.

— Очень отдаленные,—равнодушно отвѣтила та.

Орленева закидали вопросами про его путешествіе, заранѣе восторгаясь картинами, которыя онъ въ Петербургѣ выставитъ слѣдующею весной. Но это общее любопытство на этотъ разъ ему казалось несноснымъ въ виду полнаго невниманія Насти. Ему захотѣлось во что̀ бы то ни стало принудить ее заговорить съ нимъ, хотя бы для того, чтобы вызвать съ ея стороны выраженіе явной враждебности.

— А вы, Настасья Петровна,—вдругъ обратился онъ къ ней, стараясь придать развязно-дружескій тонъ своему голосу, — надѣюсь, продолжаете заниматься живописью?

Она отвѣчала не тотчасъ и на мгновеніе удивленно взглянула на него.

— Я никогда ею серьезно не занималась, — сказала она; и для него этотъ короткій отвѣтъ въ сущности значилъ: „я не понимаю, съ какого права вы обращаетесь ко мнѣ съ этимъ вопросомъ“.

Ее тотчасъ осыпали упреками за то, что она не дорожитъ талантомъ, который у ней, конечно, есть, и это ей говорили люди, видѣвшіе ее въ первый разъ.

Настя отвѣчала полушутя, съ самообладаніемъ рѣдкимъ въ ея годы, и въ то же время бѣдная дѣвушка съ нетерпѣніемъ ожидала, когда встанетъ бабушка и кончится для нея эта пытка. Она въ первый разъ ощущала тотъ неумолимый гнетъ общества, налагающій клеймо неприличія на все, что обнаруживаетъ признаки тревоги или волненія.

Но Евгеній и теперь ее не оставилъ въ покоѣ.

— Я еще не успѣлъ побывать у Софьи Сергѣевны,— снова началъ онъ.

На этотъ разъ она не дала ему договорить, и глаза ея гнѣвно заискрились, когда она перебила его:

— Мама все это время была нездорова и едва ли она могла бы принять васъ.

Теперь даже остальныхъ равнодушныхъ зрителей ихъ встрѣчи удивилъ оттѣнокъ враждебности въ ея взглядѣ еще болѣе чѣмъ въ ея словахъ. А у Евгенія этотъ намекъ на нездоровье Софьи вызвалъ цѣлый рядъ воспоминаній, и тутъ его впервые поразило, какъ сильно измѣнилось личико Насти съ тѣхъ поръ какъ они разстались въ Покровскомъ. Будто годы прошли съ того времени, такъ далеко, казалось, исчезла съ этого, все еще милаго, но уже строго глядѣвшаго лица недавняя улыбка расцвѣтавшей весны. И перемѣна эта была его дѣломъ.

— Вы ужасно разсѣяны, Евгеній Александровичъ,— послышался рядомъ съ нимъ красивый, но замѣчательно низкій женскій голосъ.—Вы два раза не отвѣчаете на мой вопросъ. Онъ быстро всталъ и обернулся.

Это была княгиня Смоленская, незамѣтно для него подошедшая къ столу.

— Виноватъ, княгиня, я не разслышалъ,—проговорилъ онъ извиняясь,—вы хотѣли спросить у меня?..

— Нѣтъ, ужъ въ третій разъ я не повторю,—разсмѣялась она,—да и вопросъ въ сущности очень не интересный.—И ему показалось, что она пытливо и слегка насмѣшливо посмотрѣла на него, говоря это.—Скажите

пожалуйста, — продолжала она, замѣтивъ, что Настя поднялась со своего мѣста,—эта молодая дѣвушка, не правда ли, дочь нашей общей кузины Софьи Криницкой?

— Вы, кажется,—опять начала княгиня, получивъ утвердительный отвѣтъ,—всегда были очень дружны съ Криницкими. Почему же эта дѣвочка какъ будто сторонится отъ васъ, избѣгаетъ даже разговаривать съ вами? Не правда ли какъ странно?

— Очень странно, княгиня. Но у дѣтей, вы знаете, бываютъ иногда безпричинныя и необъяснимыя антипатіи.

— Конечно, бываютъ. Но она совсѣмъ не похожа на ребенка. У нея такое рѣшительное и въ то же время мягкое выраженіе въ глазахъ. Она мнѣ нравится. Извините, я скажу ей пару словъ.

И княгиня подошла къ Настѣ. Орленевъ не могъ разслышать, что она сказала молодой дѣвушкѣ. Но должно-быть это было что-то очень любезное, судя по тому, что она такъ ласково пожимала руку Насти и та, повидимому, благодарила ее.

Наталья Андреевна между тѣмъ простилась съ хозяйкой дома. Всѣ встали; старуха Арбатова снова обратилась къ Орленеву и вторично напомнила ему обѣщаніе побывать у нея. Онъ еще разъ попытался заговорить съ Настей, но молодая дѣвушка не дала ему на то случая, и уловить ея взглядъ ему не удалось.

Княгиня Смоленская замѣтила это.

— Положительно вы съумѣли заслужить ея нерасположеніе. И, судя по ея лицу, какая это должна быть глубокая вражда! Я люблю такія прямыя натуры, которыя и любятъ, и ненавидятъ открыто.

Они вмѣстѣ спустились по лѣстницѣ, оживленно разговаривая; съ княгинею Екатериною Алексѣевной офиціальныя предисловія, неизбѣжныя при новомъ знакомствѣ, длились не долго. Тѣхъ, кто ей нравился, она скоро выводила изъ общей избитой колеи на тѣ изви-

листые проселки, которыми любилъ странствовать ея причудливый умъ.

— Куда вы отсюда?—спросила она его, накидывая соболью шубку,—хотите я васъ довезу?

Орленева нѣсколько удивило такое предложеніе со стороны женщины, которую онъ встрѣчалъ въ первый разъ. Но княгиня не захотѣла слушать возраженій.

— Полноте,—сказала она,—въ мои годы да съ моимъ характеромъ не справляются съ тѣмъ, что принято, а поступаютъ, какъ вздумается. Во-первыхъ, вы мнѣ приходитесь чѣмъ-то въ родѣ троюроднаго брата, но это впрочемъ ни васъ, ни меня ни къ чему не обязываетъ. Во-вторыхъ, у васъ настоящій и оригинальный талантъ, а это такая рѣдкость, особенно въ нашемъ кругу, что я хочу, не теряя времени, узнать васъ покороче. Да я вообще терять время не люблю. Вотъ и моя карета. Пойдемте.

Однако, несмотря на любезность княгини, полную своеобразной прелести, Орленевъ не могъ позабыть только-что видѣнное имъ строгое личико, на которомъ онъ прочелъ и приговоръ себѣ, и слѣды горя, впервые встрѣченнаго въ ея молодой жизни благодаря ему...

XXI.

Знакомство начатое такимъ не совсѣмъ зауряднымъ образомъ очень скоро привело къ дружбѣ. Насколько это была искренняя дружба—трудно рѣшить; по крайней мѣрѣ Орленевъ находилъ все болѣе удовольствія въ обществѣ княгини и она повидимому ощущала то же самое. Въ одномъ только между ними была существенная разница. Княгиня давно уже видѣла Евгенія насквозь, а для него ея жизнь и сама она оставались книгой о семи печатяхъ. Правда, насчетъ прошлаго княгини, довольно богатаго событіями, этотъ пробѣлъ

болѣе или менѣе могла пополнить городская молва. Но за то эта самая молва давала лишь крайне смутное понятіе о томъ, что за женщина собственно была она, и не мудрено, что этотъ вопросъ сильно интересовалъ Евгенія именно по своей загадочности.

Княгиня была, казалось, довольно эксцентричная, но во всякомъ случаѣ прямодушная натура, она позволяла себѣ многое, потому что не любила условныхъ стѣсненій. „Взбалмошная, но за то откровенная и въ сущности добрая женщина",—вотъ какъ судили объ ней, знавшіе ее мимоходомъ. Но при болѣе долгомъ знакомствѣ приходилось усомниться въ этомъ прямодушіи и въ этой добротѣ. Княгиня любила рѣзко осуждать неблаговидные мотивы чужихъ поступковъ и надо сознаться, она была необыкновенно проницательна въ отысканіи такихъ мотивовъ. Но стоило лишь поддаться ея высоконравственной проповѣди, и она ироническимъ словомъ, какъ холодною водой, обдавала довѣрчиваго слушателя. Орленеву это приходилось испытать не разъ. Испорченность петербургскаго общества находила въ княгинѣ неумолимую обличительницу, но чуть Евгенію случалось ей вторить, и слова ея, и голосъ тотчасъ принимали насмѣшливый оттѣнокъ. Когда она была искренна, никто не зналъ, въ томъ числѣ, вѣроятно и она сама.

Орленевъ очень часто бывалъ у княгини, хоть удовольствіе, которое онъ находилъ въ ея обществѣ, и было исключительно умственнаго свойства. Быть-можетъ она была и не прочь съ нимъ перейти за предѣлы этой черезчуръ безмятежной области, но она была слишкомъ умна и осторожна, чтобы сдѣлать первый шагъ на такомъ скользкомъ пути. Позволительно думать, однако, что искренность дружбы ея къ Орленеву оттого не выигрывала. Но мужчины на этотъ счетъ, даже самые опытные, не отличаются дальновидностью.

— Знаете ли, что на вашемъ мѣстѣ,—сказала она ему разъ,—я ужасно боялась бы за свое будущее. Вы до сихъ поръ, кажется, ни въ чемъ себѣ не отказывали

и въ то же время не вынесли изъ жизни ничего такого, что помучило бы немного вашу совѣсть. Вѣдь такое баснословное счастіе вѣчно продолжаться не можетъ.

— Что-жъ, вы мнѣ горе сулите?

— Не то чтобы горе. Такіе люди, какъ вы, рѣдко горюютъ. Но вотъ, я хотѣла бы васъ видѣть въ такомъ положеніи: пойдете вы направо—вамъ придется пожертвовать чѣмъ-нибудь очень дорогимъ, а налѣво—такую жертву возложить на другого. Я почти убѣждена, что вы выбрали бы послѣднее.

И глаза княгини заблестѣли, будто одна такая возможность ей доставляла большое удовольствіе.

— Благодарю за хорошее мнѣніе обо мнѣ,—разсмѣялся Евгеній.

— А вотъ, поживемъ, увидимъ. Устоять противъ искушенія не легко, а совершенно неиспробованная совѣсть, вотъ какъ ваша, очень ненадежная опора.

И княгиня со своей стороны всячески старалась еще болѣе ослабить эту опору. Несмотря на свою кажущуюся строгость, она часто успѣвала облегчить своимъ друзьямъ тотъ не всегда удобный шагъ, которымъ люди разстаются разъ навсегда съ докучливыми предразсудками совѣсти. Видѣть, какъ они совершаютъ этотъ saut perilleux, какъ она выражалась, ей доставляло особое удовольствіе; будто сознаніе чужой слабости еще болѣе возвышало ее въ собственныхъ глазахъ.

Разумѣется, княгиня очень скоро подмѣтила странность отношеній Орленева къ Криницкимъ. Ея опытный глазъ ей сразу подсказалъ, что это не была простая взаимная холодность людей мало знакомыхъ, тѣмъ болѣе, что до нея прежде доходили слухи про двусмысленную роль, которую Евгеній въ былые годы игралъ въ жизни Софьи. Княгиня вѣрила этимъ слухамъ тѣмъ охотнѣе, что сильно не долюбливала свою троюродную сестру и не совсѣмъ безъ причины: лѣтъ десять назадъ въ жизни княгини, едва овдовѣвшей, произошло нѣчто, о чемъ она и до сихъ поръ вспоминала съ отвраще-

ніемъ. Она едва не вышла тогда замужъ такимъ страннымъ образомъ, что одинъ слухъ объ этой несостоявшейся свадьбѣ долго тѣшилъ злорадство ея знакомыхъ, и до сихъ поръ воспоминаніе объ этомъ лежало на ея прошломъ, какъ плохо смытое пятно.

Въ десять лѣтъ многое забывается, но княгиня не могла простить Софьѣ, что та особенно явно дала ей почувствовать свое порицаніе, когда разнеслась вѣсть о странномъ намѣреніи княгини. И поступила такъ съ ней та самая Софья Криницкая, которая нѣсколько лѣтъ сряду, если вѣрить молвѣ... И княгиня не только вѣрила этой молвѣ, но возмущалась тою безукоризненною чистотой, которой имя Софьи было до сихъ поръ окружено.

Орленевъ между тѣмъ тщетно старался пріучиться къ мысли, что между нимъ и Настей навѣки все кончено. При каждой новой встрѣчѣ съ нею,—а случай, на зло ему, довольно часто приводилъ къ такимъ встрѣчамъ,—въ немъ все сильнѣе сказывалось болѣзненное желаніе оправдаться передъ ней. Ея обидная презрительная холодность еще болѣе вызывала его на это невозможное объясненіе. Онъ сталъ избѣгать случая ее видѣть, но и это, разумѣется, не помогало. Страсть вспыхнула съ новою силой. Онъ упрекалъ себя за такое ребяческое, безсмысленное увлеченіе. И скоро онъ замѣтилъ, что сознаніе невозможности того счастія, котораго ему хотѣлось, въ немъ постепенно слабѣетъ. Онъ до сихъ поръ не зналъ въ жизни неодолимыхъ препятствій, и вмѣсто того, чтобы преклониться передъ необходимостью, онъ сталъ невольно задумываться надъ тѣми косвенными путями, которыми все-таки можно было добиться цѣли. Когда въ первый разъ эта мысль промелькнула въ его головѣ, онъ отогналъ ее, какъ нѣчто совершенно безсмысленное. Но мысль явилась снова и показалась ему теперь уже чѣмъ-то, правда, неисполнимымъ, но уже не столь безусловно дурнымъ. Мало-по-малу она засѣла въ его головѣ, какъ

опредѣленное требованіе, и когда совѣсть упрекала его, онъ успокаивался самою невозможностью исполненія. То, чему никогда не суждено сбыться, можетъ быть, пожалуй, ребяческою игрой празднаго воображенія, но дурного и опаснаго въ такихъ грезахъ нѣтъ, конечно, ничего. Такъ, по крайней мѣрѣ думалъ Евгеній.

— Отчего вы не женитесь, Орленевъ?—спрашивала у него княгиня Лиза Болховская, которую онъ разъ засталъ дома одну.

Евгеній по обыкновенію хотѣлъ отшутиться, но княгиня принялась настаивать и явно намекнула ему про Настю.

— Помилуйте, княгиня, это совершенно невозможно,— былъ не совсѣмъ рѣшительный отвѣтъ Евгенія.

— Отчего невозможно?—Я, вѣдь, знаю, что вы къ ней очень неравнодушны... Помните, когда мы съ вами встрѣтились прошлымъ лѣтомъ?... вѣдь, это не трудно было замѣтить. И я совершенно увѣрена, что Криницкіе будутъ очень рады.

Пока она говорила это, доложили о пріѣздѣ Софьи Сергѣевны. Орленевъ схватился было за шляпу, но разсудивъ, что рано или поздно эта встрѣча неизбѣжна, рѣшился остаться.

Софья протянула ему руку и заговорила съ нимъ самымъ непринужденнымъ тономъ, выражая удовольствіе его видѣть какъ разъ въ одинъ изъ своихъ первыхъ выѣздовъ.

— А вы насъ совершенно забыли,—снова обратилась она къ нему, спустя нѣсколько минутъ разговора съ княгиней.—Я была, правда, больна, но не настолько, чтобы мнѣ нельзя было принять васъ.

Говоря это она посмотрѣла ему прямо въ глаза, какъ бы подчеркивая эти слова. „Я желаю,—казалось, хотѣла она сказать,—чтобы между нами о прошломъ не было помину и наши отношенія были, по крайней мѣрѣ для постороннихъ, попрежнему дружескими.“

Орленевъ понялъ это и молча поклонился. За все

время, пока они оставались втроемъ, разговоръ не выходилъ, правда, изъ круга безразличныхъ вопросовъ, но за то это былъ, повидимому, совершенно дружескій, беззаботный разговоръ, какой бываетъ между людьми не особенно близкими, прошлое которыхъ не завѣщало имъ никакихъ общихъ, а тѣмъ менѣе тяжелыхъ воспоминаній.

Вошедшій слуга доложилъ о пріѣздѣ княгини Екатерины Алексѣевны. Лиза Болховская вопросительно посмотрѣла на Софью; ей хорошо были извѣстны натянутыя отношенія обѣихъ кузинъ.

— Я буду очень рада увидѣть Катю Смоленскую, мы больше года не встрѣчались,—сказала Софья.

И въ самомъ дѣлѣ, при входѣ Екатерины Алексѣевны, онѣ обмѣнялись самыми дружескими увѣреніями.

Я иногда вижу вашу дочь, Sophie,—сказала княгиня,—и могу васъ поздравить, я рѣдко встрѣчала такихъ милыхъ дѣвушекъ, какъ ваша Настя. Вотъ плоды деревенскаго воспитанія. Я всегда находила...

И тутъ княгиня пустилась излагать свои взгляды на женское воспитаніе и на благотворное вліяніе деревни.

— Говорятъ, ваше Покровское—такая прелесть,—закончила она.

— Уголокъ Европы среди захолустья,—подтвердила Лиза Болховская.—Я тоже была лѣтомъ въ этихъ краяхъ и провела нѣсколько весьма пріятныхъ часовъ въ Покровскомъ. Тамъ было цѣлое общество: Евгеній Александровичъ, Вологдинъ...

— Вы тоже гостили въ Покровскомъ?—тотчасъ обратилась Екатерина Алексѣевна къ Орленеву.

Софья отвѣчала за него, и по ея словамъ можно было заключить, что Орленевъ и Криницкіе большіе друзья.

— А я и не подозрѣвала,—какъ бы мимоходомъ вставила Екатерина Алексѣевна со своимъ обычнымъ движеніемъ плечъ и тотчасъ перемѣнила разговоръ.

— Семенъ Кириллычъ Шатовъ,—снова доложилъ слуга, когда гости княгини Лизы уже собирались уѣхать.

Княгиня посмотрѣла на часы.

— Скоро пять,—нерѣшительно проговорила она.— Сказать, что я сейчасъ выѣзжаю и очень извиняюсь. Орленевъ,—обратилась она къ Евгенію,—вы встрѣтите Семена Кириллыча внизу: пожалуйста, объясните ему... онъ можетъ разсердится... а я буду очень рада его видѣть въ другой разъ.

Орленевъ спустился по лѣстницѣ вмѣстѣ съ Екатериной Алексѣевной. Софья подъ какимъ-то предлогомъ осталась въ гостиной еще на нѣсколько минутъ.

— Я вижу,—сказала княгиня,—что вы съ кузиной Софи очень дружны. Какъ же объяснить тогда явное нерасположеніе къ вамъ ея дочери?—спросила она, улыбаясь.

— Я уже вамъ сказалъ, это дѣтскій капризъ.

— Должно-быть... Ну, а этотъ Шатовъ, кто онъ такой? Это извѣстный аферистъ Шатовъ, тотъ самый, который сказалъ, что въ Россіи быть бѣднымъ значитъ быть дуракомъ?

— Во всякомъ случаѣ это изреченіе на него очень похоже,—разсмѣялся Орленевъ въ отвѣтъ.

— Онъ тоже изъ тамошнихъ, изъ сосѣдей Покровскаго?—продолжала княгиня.—Я была бы рада съ нимъ познакомиться.

Желаніе это Евгеній могъ тотчасъ исполнить. Они встрѣтили Шатова въ сѣняхъ и, передавъ ему извиненіе Лизы Болховской, Орленевъ тутъ же представилъ его княгинѣ.

— Кто эта дама?—спросилъ у Евгенія Семенъ Кириллычъ, когда княгиня отъѣхала.—Что за умница, должно-быть, какой у нея взглядъ, такъ и проникаетъ всего на сквозь. Вотъ ужъ кого провести, вѣроятно, не легко.

Когда Орленевъ ему назвалъ княгиню, Шатовъ будто припомнилъ что-то и немного призадумался.

Они вышли вмѣстѣ изъ дома Болховскихъ. Семенъ Кириллычъ очень обрадовался встрѣчѣ съ Евгеніемъ и предложилъ ему вмѣстѣ отобѣдать. Евгеній согласился съ удовольствіемъ; онъ не прочь былъ послушать житейски—мудрыя рѣчи Семена Кирилловича. Шатовъ на нихъ и не скупился, получая мимоходомъ отъ Евгенія нѣкоторыя полезныя указанія на счетъ дѣловой атмосферы Петербурга. Евгеній былъ совершенно чуждъ міра спекуляціи, но потому именно онъ могъ, самъ того не подозрѣвая, сообщать цѣнныя свѣдѣнія о тѣхъ не гласно вліятельныхъ кружкахъ, гдѣ совершаются финансовыя обходныя движенія. Такія бесѣды Шатовъ называлъ „рекогносцировками“ и мастерски умѣлъ ими пользоваться.

— Пріятно васъ слушать,—говорилъ ему Орленевъ подъ конецъ обѣда.—Вы, я думаю, у насъ въ Россіи единственный человѣкъ, который ни на что не жалуется. А то, право, и здѣсь, и въ деревнѣ, и въ газетахъ, и въ разговорахъ вѣчная элегія о какомъ-то всеобщемъ раззореніи, точно, право, у насъ только-что произошло татарское нашествіе.

— Я думаю это оттого,—смѣясь отвѣчалъ Шатовъ,—что я никогда на одну карту всего не ставлю. Ну, какая-нибудь одна возьметъ, и замѣтьте, при нѣкоторомъ счастіи: у меня это и всегда самая крупная. Не слѣдуетъ скупиться на мелочи или на мелочь, какъ хотите. All's well that ends well. А впрочемъ, закончилъ онъ, съ удовольствіемъ выпивая стаканъ отличнаго бургонскаго,—и при татарскомъ нашествіи было вѣрное средство выходить сухимъ изъ воды, это—ѣхать въ Орду съ подарками.

XXII.

— Знаете, Орленевъ,—говорила ему нѣсколько дней спустя княгиня Екатерина Алексѣевна,—что вашъ пріятель Шатовъ былъ у меня вчера.

— Шатовъ вовсе ужъ не такой мой пріятель,—перебилъ ее смѣясь Орленевъ, — чтобъ я принималъ на свою отвѣтственность этотъ признакъ излишняго рвенія, который прошу васъ приписать его провинціальной наивности.

Княгиня покачала головой и улыбнулась.

— Онъ совсѣмъ не провинціалъ, — сказала она, — и ужъ тѣмъ болѣе не наивенъ. Онъ мнѣ даже очень понравился; это одинъ изъ немногихъ людей, которые знаютъ, чего хотятъ.

— Да, но онъ хочетъ большею частью такихъ вещей, которымъ вы не особенно сочувствуете.

Княгиня разсмѣялась.

— Какъ вы меня мало знаете,—сказала она.—Я, напротивъ, очень люблю тѣхъ людей, которые себѣ въ жизни скроили правила нравственности, вполнѣ пригодныя для своихъ наклонностей. Тогда, по крайней мѣрѣ, нѣтъ этихъ глупыхъ сомнѣній, этой маленькой борьбы съ самимъ собою, которая всегда лишь признакъ слабости или, что еще хуже, трусости. Никогда не нужно самого себя стыдиться, это главное.

Говоря это, княгиня усердно занялась маленькой собачкой, удобно расположившейся на ея колѣняхъ.

— Что̀-жъ я хотѣла, однако, сказать вамъ?—начала она опять спустя минуту.—Да вотъ что̀. Знаете-ли, чему я обязана посѣщеніемъ господина Шатова? представьте себѣ,—моей дружбѣ съ графиней Броницкой, про которую онъ какими-то судьбами узналъ, и его желанію, чтобъ я ему дала случай,—какъ бы это выразить? сойтись съ этою добровольной покровительницей всѣхъ полезныхъ (и она подчеркнула это слово) предпріятій.

И сказавъ это княгиня опять разсмѣялась и продолжала играть съ собачкой.

— Я не подозрѣвалъ въ немъ такой дерзости,—сказалъ Орленевъ.

— А я, напротивъ, ему дала слово; конечно, онъ только мимоходомъ намекнулъ на это. Я даже на-

мѣрена, ради любопытства, помочь ему. Мнѣ такъ часто случалось смотрѣть на биржевую комедію съ благонамѣренною окраской, что я не прочь на этотъ разъ заглянуть за кулисы.

— Я начинаю подозрѣвать,—сказалъ Орленевъ,—что вы часто въ душѣ смѣетесь надъ нами, а мы слушаемъ васъ такъ довѣрчиво.

— Въ самомъ дѣлѣ, вамъ это кажется?—насмѣшливо возразила она.—Впрочемъ, услуга за услугу. Шатовъ мнѣ такъ соблазнительно расписалъ окрестности Покровскаго, что я поручила ему пріискать мнѣ тамъ имѣніе. Я хочу тоже подышать дивнымъ воздухомъ этихъ мѣстъ, которымъ вы прошлымъ лѣтомъ такъ наслаждались. Кстати,—продолжала она помолчавъ немного,—вы мнѣ никогда не разсказывали про ваше пребываніе у кузины. Вы тамъ, кажется, довольно долго гостили?

— Я именно тамъ познакомился съ Шатовымъ,—отвѣчалъ уклончиво Орленевъ.

— Да, да, онъ мнѣ сказалъ.—Я даже изъ его словъ вывела совсѣмъ неожиданное заключеніе: то, что вы,—и она проговорила это медленно, вдругъ пристально взглянувъ на Евгенія,—не на шутку заинтересовались дочерью Софьи Криницкой, этой маленькой,—какъ ее зовутъ,—Настей, кажется?

— Допуская даже, что вы правы въ своемъ предположеніи,—отвѣчалъ онъ, и ее поразилъ сдержанный тонъ его голоса,—что̀ же вы находите въ этомъ необычайнаго?

— Я, помилуйте, ничего!—Пріятно видѣть такую свѣжесть чувствъ въ ваши годы. Мнѣ часто говорили, что для мужчинъ очень опытныхъ есть какая-то особенная прелесть въ совершенно неразвитыхъ дѣвушкахъ. Да я вамъ отъ души желаю счастья и даже помогу вамъ, если хотите. Женатые художники, говорятъ, никуда не годятся; но эта дѣвочка, по крайней мѣрѣ, не будетъ мѣшать вашему таланту, если и не станетъ вдохновлять его.

Орленевъ не отвѣчалъ. Легкая краска только выступила на его блѣдныхъ щекахъ.

Княгиня помолчала немного и снова украдкой взглянула ему въ лицо.

— Впрочемъ,—продолжала она,—я напрасно заговорила про это съ вами, Орленевъ. Я была, признаюсь, вполнѣ увѣрена, что это одна изъ тѣхъ невинныхъ вспышекъ, въ которыхъ люди вашихъ лѣтъ охотно сознаются.—Извините меня, если я ошиблась.

И княгиня рѣзко повернула разговоръ въ другую сторону, какъ бы дѣлая усиліе, чтобы не коснуться вновь предмета тягостнаго для ея слушателя.

Когда, вскорѣ затѣмъ Орленевъ оставилъ домъ княгини, онъ почти у самаго подъѣзда наткнулся на Петра Михайловича, котораго онъ за все это время вовсе не встрѣчалъ. Петръ Михайловичъ замѣтно осунулся съ прошлаго лѣта, лицо его сморщилось, волосы посѣдѣли и весь онъ какъ будто съежился.

— Что-жъ вы про насъ забыли, Евгеній Александровичъ,—началъ онъ, протягивая руку и стараясь придать своему голосу любезное выраженіе.

Орленевъ извинился и обѣщалъ заѣхать на-дняхъ.

— А ваше здоровье?—озабоченно спросилъ онъ.

Петръ Михайловичъ поморщился.

— Ничего,—сказалъ онъ,—такъ себѣ!

Но потомъ, вспомнивъ про то, что онъ сообщилъ Орленеву въ деревнѣ, прибавилъ съ живостью:

— Вы про это только, пожалуйста, въ присутствіи жены не упоминайте.

Какъ ни тяжело казалось Евгенію ѣхать къ Криницкимъ, онъ былъ почти радъ этимъ настояніямъ Петра Михайловича. Они какъ бы снова давали ему утраченное право гражданства въ этомъ домѣ.

Когда, дня три спустя, Евгеній отправился къ Софьѣ, онъ былъ, однако, очень доволенъ, что засталъ ее не одну. Оба они какъ нельзя лучше вошли въ свою роль и самымъ мирнымъ образомъ обмѣнялись замѣ-

чаніями о тѣхъ ходячихъ вопросахъ, которые жизнь всякаго большого города ежедневно ставитъ на очередь для досужаго празднословія. Точно также они могли бы говорить другъ съ другомъ, еслибы познакомились наканунѣ. Странными и неестественными казались ему эти безмятежныя отношенія, вдругъ установившіяся между имъ и Софьей. Но въ тоже время онъ благодарилъ ее въ душѣ за то, что она такъ легко перешла къ этимъ отношеніямъ, избавляя себя и его отъ докучливыхъ воспоминаній прошлаго. „Умныя женщины всегда находятъ способъ и себя, и другихъ вывести изъ щекотливаго положенія, думалось ему. Въ сущности, рѣшилъ онъ самъ съ собой, все это было для нея вовсе не такъ ужъ тяжко, какъ я сперва думалъ“. И мысль, что Софья помирилась съ наступившей развязкой, убаюкивала его совѣсть.

Въ передней Орленевъ встрѣтился съ Шатовымъ, выходившимъ изъ кабинета Петра Михайловича. Семенъ Кириллычъ былъ очень не въ духѣ и что-то сердито бормоталъ про себя.

— Что съ вами?—спросилъ у него Евгеній, выходя съ нимъ на лѣстницу.

— Такъ, ничего,—отвѣчалъ неохотно Шатовъ:—невыносимы только эти безсмысленныя формальныя препятствія, которыми усѣяли намъ путь безо всякой пользы для кого бы то ни было. Да, впрочемъ, что тутъ толковать!—и онъ махнулъ рукой.

— Вы же мнѣ сами говорили,—улыбаясь возразилъ Евгеній,—что всегда разомъ ставите на нѣсколько картъ. Чего же тогда унывать, Семенъ Кириллычъ? Туза вашего побили, за то, можетъ-быть, дама возьметъ. Не такъ ли?

Но Семенъ Кирилловичъ только усмѣхнулся въ отвѣтъ и не счелъ нужнымъ пускаться въ откровенности.

Шатовъ встрѣтилъ у Петра Михайловича самый рѣшительный отпоръ въ своихъ финансовыхъ планахъ

„для общей пользы“, какъ онъ выражался. Криницкій не только отказалъ ему въ содѣйствіи, но и прямо объявилъ, что будетъ всячески препятствовать разрѣшенію того, о чемъ просилъ Шатовъ; и дѣлалъ онъ это вовсе не изъ недовѣрія къ Семену Кириллычу, а просто изъ-за разныхъ формальныхъ затрудненій. Петръ Михайловичъ былъ однимъ изъ самыхъ строгихъ почитателей буквы закона. Шатовъ внутренно бѣсился, что потратилъ столько времени на прямую атаку непріятельской позиціи и что былъ отбитъ лишь благодаря тупому упрямству этого „идолопоклонника Свода Законовъ“, какъ онъ про себя называлъ Криницкаго. Даже богатыя пожертвованія, назначенныя въ пользу богоугодныхъ учрежденій, не оказали своего обычнаго дѣйствія. Впрочемъ, унывать не слѣдовало. На мирномъ поприщѣ финансовыхъ побѣдъ обходныя движенія еще полезнѣе, чѣмъ на войнѣ.

И обходное движеніе удалось. Княгиня Екатерина Алексѣевна взялась быть путеводительницей Шатова по тѣмъ плохо извѣстнымъ путямъ, которыхъ законъ ни указать, ни предвидѣть не могъ. Дѣлала же она это изъ одного любопытства; ей хотѣлось лишній разъ убѣдиться въ силѣ незримыхъ пружинъ и въ полной немощи явныхъ, и на этотъ разъ быть самой участницей въ ходѣ этой тайной работы. Лично она была вполнѣ безкорыстна; зачѣмъ же не доставить себѣ пріятное зрѣлище изнанки общественной жизни?!

Она съ торжествующимъ видомъ сообщила Евгенію про успѣхъ своего посредничества. Это было на праздникахъ, на одномъ изъ большихъ вечеровъ. Они помѣстились въ слабо освѣщенной проходной комнатѣ, гдѣ можно было такъ хорошо разговаривать и въ то же время наблюдать за пестрой толпой въ большой залѣ.

— И всего забавнѣе то,—такъ закончила она свой разсказъ,—что я держала въ рукахъ одинъ изъ концовъ этой длинной цѣпи вліяній, и такимъ образомъ я,—которой до всей этой исторіи нѣтъ никакого дѣла,—такъ,

шутки ради, разрѣшила сложный финансовый вопросъ помимо тѣхъ многочисленныхъ инстанцій, отъ которыхъ эти вопросы зависятъ.

— И это вамъ доставляетъ удовольствіе, княгиня?

— Еще бы! Развѣ не весело лишній разъ убѣдиться, какъ не нужна вся эта декорація законности, существующая для того, чтобы морочить близорукую публику? Криницкій, говорятъ, составилъ длинную записку для того, чтобы Шатову отказали, а Криницкаго, вы знаете, обыкновенно слушаютъ, c'est une specialite, и вотъ я, которая ничего не знаю про ихъ законы, сказала два слова Софи Броницкой и та въ свою очередь, переговоривъ съ Шатовымъ, шепнула кому слѣдуетъ, и на зло всѣмъ имъ, этимъ канцелярскимъ докамъ, все устроено въ двѣ недѣли людьми не имѣющими и понятія о финансахъ! Развѣ это не безподобно?

— Вы такъ это живо разсказываете, что невольно залюбуешься; а вѣдь, въ сущности, все это очень печально, и очень дурно.

— Еще бы не дурно! Но вотъ съ тѣмъ, чтобъ это было печально, я никакъ согласиться не могу. Развѣ мы съ вами оттого хуже, что все на свѣтѣ купить можно,—впрочемъ нѣтъ, не все, вдругъ рѣзко прибавила она,—и развѣ не весело глядѣть, какъ другіе между собой дѣлятъ указанную имъ добычу и чувствовать, какъ подобные разсчеты отъ насъ самихъ далеки?

Орленевъ не отвѣчалъ. Онъ даже хорошенько не разслышалъ послѣднихъ словъ княгини.

Мимо дверей, возлѣ которыхъ они сидѣли, только-что прошла Настя. Княгиня поймала на лету его взглядъ, тревожно обращенный въ ту сторону.

— А вотъ это въ самомъ дѣлѣ не хорошо и не достойно мужчины,—сказала она презрительно улыбнувшись,—желать чего-нибудь и не смѣть даже самому себѣ въ томъ признаться.—Вотъ это по-моему непростительная слабость.

И, сказавъ это, княгиня встала и исчезла въ толпѣ наполнявшей залу.

XXIII.

Княгиня Екатерина Алексѣевна узнала черезъ Шатова про то, что происходило лѣтомъ въ Покровскомъ.

Конечно, Семенъ Кирилловичъ, осторожный какъ всегда, только намекнулъ ей на отношенія Орленева къ Настѣ. Но для княгини и этихъ отрывочныхъ указаній было достаточно.

Зная кое-что изъ прошлой жизни Софьи, ей не трудно было угадать настоящую причину неожиданнаго отъѣзда Орленева и наступившаго за тѣмъ охлажденія. Что молодая дѣвушка не отвергла его любви, въ этомъ княгиня не сомнѣвалась ни минуты. А если Софья и теперь старалась поддержать съ нимъ отношенія кажущейся дружбы, то и это, конечно, не трудно было объяснить; и вотъ у княгини зародилась смѣлая мысль устранить препятствія, мѣшавшія сближенію молодыхъ людей. Это было бы задачей достойной ея ловкости; и княгиня напередъ обѣщала себѣ успѣхъ, представляя себѣ, какъ мало-по-малу Орленевъ заглушитъ укоряющій голосъ совѣсти.

Говоря съ Евгеніемъ, она неоднократно косвенными намеками напоминала про его безнадежную любовь. Она дѣлала это словно невзначай, какъ разъ въ ту минуту, когда онъ могъ всего менѣе ожидать такого намека, и тотчасъ перемѣняла разговоръ, если самъ онъ не уклонялся. Эти булавочные уколы оставляли въ немъ смутное чувство безсилія въ виду препятствія и стыда за то, что онъ не можетъ побѣдить его.

Евгенія между тѣмъ попрежнему все дразнилъ тотъ же неотступный и неразрѣшенный вопросъ.

Неужели Настя для него потеряна навсегда и требованія долга могутъ быть удовлетворены только этою цѣной? Въ минуту увлеченія легко сказать себѣ, что приносишь такую жертву своей совѣсти. Но можно-ли

спокойно видѣть, какъ дни уходятъ за днями, унося съ собою надежду на счастье, и знать, что помимо этого счастья другого нѣтъ и быть не можетъ? За послѣднее время Евгеній бросилъ даже свою палитру, его кисть блѣднѣла и вдохновеніе истощалось. Въ его кабинетѣ стоялъ наглухо задернутый зеленою тафтой портретъ Насти, написанный по наброску, снятому съ нея въ счастливые дни Покровскаго. Онъ теперь просиживалъ цѣлые часы безъ работы, прикованный къ этимъ дорогимъ чертамъ. Бывали минуты, когда ему казалось ребячествомъ это подчиненіе слѣпому чувству. Не могъ же онъ помириться съ тѣмъ, что вся его блестящая будущность померкнетъ изъ-за того только, что его мечтою завладѣла эта дѣвочка. Безъисходныхъ положеній не существуетъ въ жизни, въ этомъ онъ всегда былъ убѣжденъ; и если невозможность счастья только усиливаетъ чувство, значитъ сама эта невозможность — призракъ, и какъ всѣ призраки рано или поздно исчезнетъ. Онъ не рѣшался еще прямо устранить препятствія, но развѣ они не могутъ устраниться сами собой благопріятнымъ стеченіемъ обстоятельствъ? Какъ всѣ люди, непривычные къ борьбѣ, Евгеній всегда разсчитывалъ на содѣйствіе извнѣ, хоть онъ и не зналъ, конечно, откуда оно можетъ придти. Оптимизмъ и тутъ помогалъ ему надѣяться, что будущее само собой разрѣшитъ задачу, не требуя ни жертвы его чувства, ни разрыва съ совѣстью.

Еслибъ отъ воли Евгенія зависѣло теперь же покончить со своимъ прошлымъ и жениться на молодой дѣвушкѣ, онъ, вѣроятно, остановился-бы передъ такимъ рѣшительнымъ поступкомъ. Но обстоятельства сложились такъ, что этотъ исходъ представлялся мало вѣроятнымъ; а самое дурное дѣло кажется почти невиннымъ, когда совершить его нѣтъ возможности. Орленевъ зналъ очень хорошо, что примиреніе его съ Софьей только кажущееся. Онъ не подозрѣвалъ, что въ домѣ Криницкихъ у него союзникъ въ лицѣ Петра

Михайловича, и что ради мужа Софья волей-неволей должна была дѣлать видъ, будто отношенія ея къ Орленеву не измѣнились. Въ душѣ она не переставала обвинять его, и тѣмъ сильнѣе возмущалась, что онъ такъ легко помирился со своимъ двусмысленнымъ положеніемъ въ ея семействѣ. Одно утѣшало ее.—Настя, повидимому, сама теперь отказалась отъ него, и съ этой стороны, по крайней мѣрѣ, уже не грозила опасность. Софья радостно подмѣчала, какъ ея дочь избѣгаетъ всякаго случая встрѣчаться съ Евгеніемъ: воспоминанія прошлаго лѣта быть-можетъ и не скоро изгладятся, думалось Софьѣ,—но за то они останутся надолго стѣной между Настей и Евгеніемъ.

И Настя въ самомъ дѣлѣ твердо рѣшилась забыть про Евгенія. Правда, обычныя удовольствія ея лѣтъ не имѣли для нея прелести, и жизнь, еще недавно такая радужная, представлялась ей теперь безотрадною, длинною, полосой, въ которой нѣтъ уже ни радостей, ни цѣли. Тѣмъ не менѣе молодая дѣвушка не позволяла себѣ даже того особаго ноющаго утѣшенія, которое приносятъ съ собою слезы; она не носилась со своею грустью, старалась, напротивъ, отъ нея освободиться. Свое лицо она пріучила къ спокойствію; все въ ней попрежнему было ровно и просто, и лишь поблѣднѣвшія щеки да глаза, немного ушедшіе въ глубь, свидѣтельствовали, что ея ранняя весна не расцвѣла, какъ слѣдуетъ.

Софья Сергѣевна однако заботливо слѣдила за дочерью, когда онѣ бывали въ обществѣ.

Въ началѣ зимы состояніе ея здоровья не дозволяло ей выѣзжать, но за то теперь она дала себѣ слово не допускать какихъ-либо неожиданныхъ встрѣчъ между Настей и Евгеніемъ. Несмотря на увѣренія Орленева, несмотря на то, что не было, повидимому, никакого повода тревожиться, смутное недовѣріе къ будущему, неопредѣленное ожиданіе бури, ея не покидало.

Такъ проходила недѣля за недѣлей, не принося съ

собою ничего новаго. Только все тяжелѣе и для Орленева, и для Насти становилось однообразное теченіе дней. У обоихъ, пока безсознательно, стало сказываться болѣзненное желаніе какой-то развязки, хотя бы эта развязка была и окончательнымъ разрывомъ.

XXIV.

Былъ, однако, въ Петербургѣ одинъ домъ, гдѣ молодымъ людямъ приходилось встрѣчаться не передъ лицомъ посторонних. Это былъ домъ Натальи Андреевны Арбатовой. Орленевъ бывалъ у нея нѣсколько разъ и обезпечилъ себѣ ея расположеніе. Старушка расхваливала на всѣ лады этого образцоваго племянника, хотя и оставалась, попрежнему, вполнѣ равнодушной къ его начинающейся извѣстности. Онъ былъ въ ея глазахъ милымъ и почтительнымъ молодымъ человѣкомъ, послушно внимавшимъ ея длиннымъ разсказамъ про московскую старину, но живописецъ-ли онъ, или музыкантъ—она разобрать не могла. Немудрено, что у ней родилась мысль женить его на своей Настѣ, и родилась тѣмъ скорѣе, что она встрѣтила поддержку у Петра Михайловича. Страннымъ образомъ, она была гораздо болѣе привязана къ зятю и внучкѣ, чѣмъ къ родной дочери; у нея было нѣсколько дѣтей, и Софью, свою младшую дочь, она любила меньше всѣхъ остальныхъ. Ей до сихъ поръ она не могла простить, что, будучи еще въ дѣвушкахъ, Софья одна въ ея домѣ позволяла себѣ давать отпоръ неограниченному самовластію матери. Выдавая ее за Криницкаго, Наталья Андреевна очень обрадовалась, что сбыла съ рукъ свою гордячку. „Провозилась я съ тобой, нечего сказать“, говорила она тогда невѣстѣ-дочери; „полъ-Москвы за тобой увивалось, а что въ этомъ толку, до двадцати двухъ лѣтъ въ дѣвкахъ просидѣла и все по милости одной твоей гордости“.

Довольно холодныя отношенія молодой четы для нея не были тайной, и при случаѣ она всегда становилась на сторону зятя. „Ты мужа своего цѣнить не умѣешь“, часто говаривала она дочери, — „тебя избаловали твои успѣхи, ты объ томъ только и думаешь, чтобы вокругъ тебя была толпа поклонниковъ. Повѣрь мнѣ, наплачешься ты еще отъ этого“. Впрочемъ, живя постоянно въ Москвѣ, Наталья Андреевна не могла знать всѣхъ подробностей жизни дочери, да и Софья никогда съ ней не была откровенна. До ея слуха не доходили сплетни про Орленева, и когда Петръ Михайловичъ съ ней въ первый разъ заговорилъ про молодого человѣка, она тотчасъ изъявила свое согласіе.

— Я хотѣлъ бы пристроить Настю, пока живъ,—сказалъ ей Петръ Михайловичъ.

— Ну, это пустяки,—возразила Наталья Андреевна, не терпѣвшая въ своемъ присутствіи напоминаній о смерти,—а, конечно, пристроить Настю не мѣшаетъ; по-моему чѣмъ скорѣе выходитъ дѣвушка замужъ, тѣмъ лучше.

— Вы только Сонѣ про это не говорите: она, неизвѣстно почему, и слышать не хочетъ про Орленева.

И Петръ Михайловичъ разсказалъ ей, какъ рѣшительно Софья воспротивилась его желанію устроить эту свадьбу.

— Ну, это мы еще посмотримъ,—возразила Наталья Андреевна, раздраженная мыслью о возможномъ сопротивленіи дочери,—это одна изъ фантазій моей разборчивой принцессы. Я сама берусь все устроить: не даромъ же я, слава Богу, трехъ дочерей выдала замужъ.

Съ этого дня Наталья Андреевна усердно принялась за осуществленіе своего замысла. Она часто зазывала Орленева къ себѣ, и обращеніе ея съ нимъ приняло оттѣнокъ такой заискивающей ласки, что Евгеній легко бы догадался въ чемъ дѣло, еслибъ онъ могъ допустить, что родная мать Софьи хочетъ выдать за него внучку. Софья Сергѣевна, не подозрѣвавшая этого, иногда отпу-

скала Настю къ матери безъ себя. Но обращеніе молодой дѣвушки съ Евгеніемъ было попрежнему сдержанно.

Они обмѣнивались двумя-тремя ничего незначащими словами, когда имъ приходилось встрѣчаться. А между тѣмъ Настѣ такъ болѣзненно хотѣлось услышать объясненіе его страннаго поступка съ ней: она чувствовала, что, еслибы только онъ далъ ей это объясненіе, она готова простить ему и теперь.

Но всякій разъ, когда въ его присутствіи ея рѣшимость слабѣла, Настя припоминала, какъ жестоко ошиблась въ немъ и упрекала себя, что въ ея сердцѣ такъ упорно таится надежда. Если самъ онъ не ищетъ случая загладить прошлое,—не доказывало ли это, что онъ среди своихъ успѣховъ и не думалъ тревожиться размолвкой, про которую вѣроятно и забылъ?

Разъ какъ-то она была вдвоемъ съ Натальей Андреевной въ ея уборной, когда доложили о пріѣздѣ Орленева.

— Пойди, мой дружокъ, прими его вмѣсто меня,— сказала Наталья Андреевна, и особенно нѣжно поглядѣла на внучку.

Но молодая дѣвушка отказалась на отрѣзъ.

— Да, вѣдь, Орленевъ для тебя не чужой,—настаивала Наталья Андреевна,—вы, кажется, довольно видѣлись тамъ, въ Покровскомъ.

Настя не возражала. Она побаивалась бабушки, и не ей, конечно, она бы призналась въ настоящей причинѣ своей неохоты встрѣтить Евгенія съ глазу на глазъ. Все время, пока Орленевъ оставался у Арбатовой, она упорно молчала и Наталья Андреевна не могла не замѣтить странной натянутости между молодыми людьми. Старуха приписала это одному изъ тѣхъ пустыхъ капризовъ, которымъ такъ охотно поддаются молодыя дѣвушки. Наталья Андреевна вообще не легко отказывалась отъ принятаго рѣшенія.

Пока она съ такою обязательностью доставляла моло-

дымъ людямъ случай встрѣчаться, княгиня Екатерина Алексѣевна со своей стороны разсудила, что домъ Натальи Андреевны самое удобное мѣсто для сближенія Орленева и Насти. Тутъ она могла ему содѣйствовать, не возбуждая подозрѣній Софьи. Сказавъ себѣ это, Екатерина Алексѣевна вдругъ стала выказывать самую нѣжную почтительность давно забытой теткѣ. Она, ненавидѣвшая карточную игру, теперь цѣлые вечера просиживала за неизмѣнною партіей старухи. Наталья Андреевна, съ невозмутимымъ эгоизмомъ старости, охотно принимала эту неожиданную дань, не задаваясь вопросомъ о причинахъ такой неожиданной любезности.

Разъ,—было это въ началѣ февраля,—Екатерина Алексѣевна сидѣла за ералашемъ съ Натальей Андреевной и двумя лысыми старичками, какъ всегда, очень строгими къ ошибкамъ партнеровъ. Настя разливала чай. Несмотря на присутствіе двухъ-трехъ молодыхъ людей, молчаніе нарушалось лишь объявленіемъ мастей, и упреками, что княгиня Екатерина Алексѣевна сходила не съ той карты. Было очень скучно, да что дѣлать? Дома, въ которыхъ молодежь приноситъ эту маленькую безмолвную жертву почтеннымъ лѣтамъ стариковъ, теперь стали такою рѣдкостью, что жаловаться на то было бы, право, грѣшно.

Въ исходѣ одиннадцатаго часа, стало-быть очень поздно для привычекъ хозяйки, вошелъ Орленевъ и тотчасъ подсѣлъ къ играющимъ.

Чашка чаю, которую Настя готовила для бабушки, задрожала въ ея рукѣ.

— Отнеси назадъ барышнѣ,—сказала Наталья Андреевна дворецкому, подавшему ей чай.—Настасья Петровна знаетъ, что я всегда пью безъ сахару.

Княгиня между тѣмъ въ полголоса говорила съ Евгеніемъ.

— Вы опять, княгиня, пропустили чужую даму,— сердито ей замѣтилъ сидѣвшій противъ нея старикъ.— Съ вами играть нельзя.

И оба старика съ недовольнымъ видомъ посмотрѣли на Евгенія, мѣшавшаго игрѣ.

— Настя, моя милая,—обратилась къ ней Екатерина Алексѣевна,—сыграйте намъ что-нибудь. Мнѣ такъ хочется васъ послушать.

Настя покорно встала и подошла къ роялю. Она взяла лежавшую на немъ тяжелую нотную тетрадь, но тотчасъ, не дойдя до стула, уронила ее. Орленевъ поспѣшно наклонился, чтобы поднять, но молодая дѣвушка быстрымъ движеніемъ предупредила его, будто боясь получить ноты изъ его рукъ.

— Du Chopin, je vous prie, vous le jouez si bien.

Настя долго перелистывала тетрадь, будто отыскивая что-то, а на самомъ дѣлѣ затѣмъ, чтобы собраться съ силами. Она взяла нѣсколько громкихъ аккордовъ и бойко, по памяти, начала одинъ изъ самыхъ блестящихъ шопеновскихъ вальсовъ. Игра ея была безукоризненно чиста и отчетлива, но за то звучала какъ-то безжизненно и сухо. Вдругъ она нечаянно повернула голову и увидѣла стоявшаго возлѣ нея Орленева. Она мигомъ смутилась; блестящая гамма оборвалась, и Настя объявила, что сегодня играть не въ состояніи.

— Пальцы меня не слушаются, бабушка,—извинялась она, стараясь улыбнуться.

И Наталья Андреевна, и княгиня примѣтили всѣ эти мелочи и невольно переглянулись. А старики подумали, вѣроятно, что тѣмъ лучше, коли музыка не будетъ мѣшать игрѣ.

Конецъ вечера прошелъ еще молчаливѣе. Разъѣхались довольно рано, но княгиня почему-то осталась послѣ всѣхъ съ хозяйкой.

— Вы знаете, тетушка,—сказала она, какъ бы шутя вслѣдъ уходившей Настѣ,—мнѣ иногда приходитъ въ голову, что было бы такъ хорошо, еслибъ она вышла за Орленева. Я ихъ обоихъ право очень люблю,—и Екатерина Алексѣевна принялась тутъ же расхваливать молодыхъ людей.

Старуха ее слушала сначала довольно недовѣрчиво.—„Что ей въ голову пришло мнѣ совѣты давать“, думала про себя Наталья Андреевна. Но голосъ княгини былъ такъ вкрадчивъ, и она повидимому такъ случайно и добродушно заговорила про это, что Наталья Андреевна смягчилась.

— Я сама объ этомъ думала,—призналась она наконецъ.—Но бѣда въ томъ, что Настя, кажется... Вы замѣтили, конечно, какъ сегодня вечеромъ?...

— Разумѣется замѣтила,—улыбаясь сказала княгиня,—но только я это иначе толкую. Вы съ Настей уже говорили?

— Конечно, нѣтъ. Зачѣмъ говорить?

— Я имѣю основаніе думать,—продолжала княгиня,—что Настя къ нему давно неравнодушна, уже съ прошлаго лѣта.

И Екатерина Алексѣевна подробно разсказала, что ей было извѣстно, конечно умолчавъ о настоящихъ причинахъ отъѣзда Евгенія изъ Покровскаго.

Наталья Андреевна слушала внимательно.

— Очень благодарю васъ, что вы мнѣ все это сообщили,—отвѣчала она.—Вы, стало-быть, думаете, что самъ Орленевъ?... Тогда, конечно, становится понятнымъ странное поведеніе Насти... Какая же она скрытница, однако!

— И если вы мнѣ позволите вамъ дать совѣтъ, тетушка,—опять начала княгиня,—вамъ бы не слѣдовало до поры до времени принимать Орленева. Иначе, пожалуй, дѣло затянется. А я пока, если хотите, разузнаю про его намѣренія и скажу вамъ.

— Да, вы правы, моя милая, я его принимать не стану,—подумавъ немного, отвѣчала старуха.

Екатерина Алексѣевна приняла это за согласіе на свое предложеніе и тотчасъ простилась съ теткой.

Когда, недѣлю спустя, Орленевъ заѣхалъ вечеромъ къ Натальѣ Андреевнѣ, швейцаръ ему сурово объявилъ, что барыня нездорова и не принимаетъ, хотя

окна были освѣщены и у подъѣзда стояли двѣ кареты.

А Наталья Андреевна, между тѣмъ, тщетно старалась добиться признанія внучки. Изъ недомолвокъ Насти она тѣмъ не менѣе убѣдилась, что между нею и Орленевымъ существуетъ какое-то странное недоразумѣніе.

То, въ чемъ не успѣла Наталья Андреевна, вполнѣ удалось княгинѣ.

Нѣсколько дней послѣ своего разговора со старухой Арбатовой, княгиня поѣхала къ Софьѣ Сергѣевнѣ и прямо вошла въ гостиную, гдѣ застала молодую дѣвушку одну. Матери ея не было дома.

— Если вы ничего особеннаго не дѣлаете, дружокъ мой,—начала княгиня,—я увезу васъ съ собой. Погода чудесная и мы съ вами покатаемся въ саняхъ, вы давно хотѣли посмотрѣть оранжереи на островахъ: теперь, какъ разъ, камеліи въ полномъ цвѣту.

Настя съ удовольствіемъ согласилась, и княгиня была, казалось, въ восхищеніи отъ прогулки. Она болтала самымъ веселымъ и добродушнымъ образомъ, точно между ней и молодой дѣвушкой не было никакой разницы въ лѣтахъ и положеніи.

Настѣ давно не было такъ хорошо, какъ во время этой прогулки. Это былъ одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ зимнихъ дней, когда свѣже-выпавшій снѣгъ ярко блеститъ нетронутою бѣлизной, а солнечные лучи придаютъ морозному воздуху какую-то особенно живительную силу. Это ощущеніе свѣжести и жизни сказалось и молодой дѣвушкѣ. Ея щеки разрумянились и глаза глядѣли шире и радостнѣе.

— Если вамъ весело со мной,—вдругъ начала княгиня, только что разсказавшая что-то очень забавное,—я повезу васъ, если хотите, на выставку въ академію; она открывается на дняхъ и мы туда поѣдемъ на первой недѣлѣ поста. Со мной будутъ Вологдинъ и Бантышевъ, которые, вы знаете, такіе знатоки. Я увѣрена,

что это вамъ доставитъ удовольствіе, а мама ваша туда врядъ ли поѣдетъ. Она, кажется, все въ этомъ году хвораетъ. Васъ отпустятъ со мной, надѣюсь?

— Конечно,—отвѣчала Настя и поблагодарила княгиню.

— Орленевъ тоже выставитъ, кажется, двѣ или три картины,--замѣтила Екатерина Алексѣевна какъ бы мимоходомъ, и тотчасъ обратила все свое вниманіе на группу цвѣтущихъ камелій, стоявшихъ въ углу оранжереи.— Посмотрите, Настя, какъ онѣ хороши, это кажется даже пахучія.

Садовникъ, водившій ихъ по оранжереѣ, любезно предложилъ дамамъ нѣсколько цвѣтковъ.

— Мнѣ будетъ очень интересно посмотрѣть на работу Евгенія Александровича,—опять начала княгиня.— Мы вѣдь съ нимъ такъ дружны, а представьте себѣ, я не видала до сихъ поръ ни одной его картины. Что, у него въ самомъ дѣлѣ такой необыкновенный талантъ?

— Я не судья въ этомъ, княгиня,—отвѣчала Настя, внимательно разсматривая цвѣты, которые держала въ рукахъ.

— Что за уклончивый отвѣтъ! Я, вы понимаете, вѣдь только спрашиваю про ваше личное мнѣніе, а оно должно быть у всякаго, даже непосвященнаго. Орленевъ у васъ такъ долго гостилъ прошлымъ лѣтомъ и, вѣроятно, рисовалъ у васъ много.

Настя ничего не отвѣтила, такъ какъ слова княгини можно было въ сущности и не принять за вопросъ.

— Знаете что, Настя!—продолжала княгиня будто шутя.—Вамъ оттого не нравятся картины Орленева, что вы недолюбливаете его самого. Молодыя дѣвушки охотно судятъ о произведеніи по его автору. Что, я угадала? Посмотрите мнѣ прямо въ глаза—вотъ такъ!— и княгиня ласковымъ движеніемъ повернула къ себѣ лицо молодой дѣвушки.

— Я думаю, что имѣю право оставаться вполнѣ

равнодушной къ Орленеву,—проговорила Настя, стараясь побороть смущеніе.

Княгиня смѣясь покачала головой и погрозила ей пальцемъ.

— Позвольте мнѣ не вѣрить этому равнодушію. Я вѣдь кое-что замѣтила, встрѣчаясь съ вами въ обществѣ.

Настя снова отвернулась и немилосердно принялась отрывать лепестки пышной махровой камеліи.

— Да къ тому же, повторяю вамъ, мы съ нимъ большіе друзья, и немудрено, что я черезъ него самого многое узнала, чего, быть-можетъ, вы и не подозрѣваете.

Теперь Настя живо повернулась къ княгинѣ: она не смогла во время остановить невольное движеніе.

— Пожалуйста не безпокойтесь,—мягко и съ участіемъ проговорила княгиня.—Про васъ онъ едва упомянулъ. Одно имя ваше для него кажется священно. Но для насъ, женщинъ, иногда и полуслова довольно...

И княгиня, ласково улыбаясь, пристально посмотрѣла на молодую дѣвушку. Настѣ теперь хотѣлось бы поскорѣе услышать, что узнала княгиня, но та, будто нарочно, медлила.

— Не знаю, въ правѣ ли я передать вамъ чужую тайну,—нерѣшительно проговорила она.—Конечно, эта тайна близко касается васъ... Скажите, пожалуйста,— вдругъ спросила она,— вы никогда не задавали себѣ вопроса, почему Орленевъ такъ неожиданно уѣхалъ?

Молодой дѣвушкѣ показалось вдругъ, что княгиня ее всю видитъ насквозь и въ то же время ее такъ увлекло желаніе узнать наконецъ истину, что она своихъ словъ уже взвѣшивать не могла.

— И вы можете разрѣшить мнѣ этотъ вопросъ?—въ свою очередь живо спросила она.

Но княгиня прямо не отвѣтила.

— Я вполнѣ понимаю,—уклончиво сказала она,—что вы нашли страннымъ его отъѣздъ и оттого и перемѣ-

нились въ отношеніи къ нему. На вашемъ мѣстѣ всякая дѣвушка поступила бы такъ же.

— Вы стало-быть знаете, княгиня?—опять спросила Настя.

— Я думаю, вы обвиняли Евгенія Александровича напрасно. Онъ долженъ былъ уѣхать, потому что въ самый тотъ день онъ просилъ вашей руки у Софьи Сергѣевны, и ваша мать ему не только отказала, но взяла съ него слово не говорить съ вами про это.

— Какъ? въ самомъ дѣлѣ?—почти вскрикнула Настя, и осталась какъ вкопанная. „Такъ вотъ, подумала она, отчего онъ такъ странно обращался съ нею! И чувство раскаянія и стыда овладѣло Настей.

— Онъ и теперь не хотѣлъ, чтобъ я вамъ сказала про это. Но мнѣ стало жаль его. Вы видите, что его обвинять ни въ чемъ нельзя и, кстати будь сказано, вы сами держались съ нимъ такъ за все это время, что онъ не смѣлъ даже заговорить съ вами. Глубокое чувство всегда застѣнчиво.

И княгиня, не сомнѣваясь уже въ полной довѣрчивости Насти, какъ бы нехотя, уступая ея просьбамъ, подробно описала ей мнимыя признанія Орленева. Упорство Софьи Сергѣевны она въ то же время бережно и мягко подвергала удивленному порицанію.

Для Насти это были давно не испытанныя счастливыя минуты. Она забыла даже про то, что главное препятствіе—отказъ ея матери—не устранено вовсе. Одно, главное, она теперь узнала: Евгеній не виноватъ передъ нею, онъ любитъ ее и никогда не переставалъ любить, а она, напротивъ... какъ ей загладить теперь все свое поведеніе съ нимъ въ эту зиму?

XXV.

Петръ Михайловичъ, которому Настя тотчасъ передала свой разговоръ съ Екатериной Алексѣевной, вполнѣ

подтвердилъ слова княгини. Онъ даже признался, что самъ охотно бы согласился на предложеніе Орленева, если-бы жена не предупредила его своимъ отказомъ. Теперь, когда это обстоятельство сдѣлалось извѣстнымъ Настѣ, онъ не имѣлъ уже повода скрывать его отъ дочери.

— Дружокъ мой,—сказалъ онъ нѣжно,—я буду очень радъ, если все уладится. Мнѣ не совсѣмъ ясно, почему мама была такъ противъ этого; со временемъ и она конечно уступитъ, но только теперь, я думаю, лучше съ ней еще про это не говорить, пока Евгеній Александровичъ самъ не возобновитъ своего предложенія.

Настѣ было очень больно сознавать, что она скрываетъ отъ матери свою первую большую радость. Но чутье ей подсказывало, что отецъ былъ правъ и Софья Сергѣевна отвѣтитъ такъ же рѣшительно отказомъ и теперь, какъ она сдѣлала тогда. Впрочемъ, это тягостное чувство отчужденія отъ матери блѣднѣло передъ счастливою мыслью, что ей не за что винить Евгенія.

Софья Сергѣевна между тѣмъ мало-по-малу успокоивалась на счетъ будущаго. Зима приходила къ концу и ей удалось создать между ея семьей и Орленевымъ тѣ офиціально-вѣжливыя отношенія, которыя ставятъ гораздо большія преграды сближенію, чѣмъ открытый разрывъ. Раннею весной они уѣдутъ за границу и такимъ образомъ опасность будетъ устранена безъ столкновенія и борьбы. Конечно, на ней самой эти тяжелые мѣсяцы оставили замѣтный слѣдъ. Постоянныя усилія надъ собой, вѣчная боязнь за будущее и въ особенности—горечь воспоминаній, такъ не похожихъ на это жалкое настоящее,—все это подтачивало ея здоровье и отравляло ей жизнь. Но главное все-таки достигнуто. Софья Сергѣевна вздохнула свободнѣе и на послѣднихъ дняхъ масляницы предоставила мужу выѣзжать съ Настей. Ей самой нуженъ былъ отдыхъ.

Въ субботу, передъ постомъ, Наталья Андреевна устроила у себя вечеръ для внучки. Странное зрѣлище

представлялъ ея старинный домъ съ ветхой мебелью, когда заблистали огни и столпились гости въ комнатахъ, давно не видавшихъ свѣта и не слыхавшихъ людского говора. Онъ какъ нельзя болѣе походилъ на свою хозяйку: оба они будто удивлялись, что предстали снова передъ лицомъ общества, такъ не похожаго на то, къ которому они привыкли. Вѣрная семейнымъ преданіямъ, Наталья Андреевна не забыла ни одного изъ своихъ многочисленныхъ родственниковъ; и многія старческія лица, которыхъ нигдѣ не приходилось встрѣчать, снова въ этотъ вечеръ, послѣ долгихъ лѣтъ, показались въ блескѣ освѣщенія, какъ запыленныя картины, вынесенныя на дневной свѣтъ изъ темнаго угла.

Когда Орленевъ подошелъ къ хозяйкѣ, его поразилъ ея крайне холодный пріемъ. Его даже смутилъ явный оттѣнокъ враждебности, проглядывавшій въ ея безмолвномъ наклоненіи головы. Сидѣвшая возлѣ хозяйки княгиня Екатерина Алексѣевна при этомъ насмѣшливо на него взглянула, словно она хотѣла подчеркнуть то, что выражалось на лицѣ хозяйки. Съ Настей онъ ограничился, по обыкновенію, нѣмымъ поклономъ. Она посмотрѣла на него съ удивленіемъ, но тотчасъ сказала себѣ, что Екатерина Алексѣевна, конечно, ничего не успѣла передать ему. Тѣмъ не менѣе, когда онъ отошелъ, она еще разъ украдкой взглянула на него, какъ бы желая прочесть на его лицѣ подтвержденіе словъ княгини.

Орленеву было какъ-то не по себѣ въ этотъ вечеръ. Онъ слонялся изъ комнаты въ комнату, переходилъ отъ одной группы къ другой, нисколько не интересуясь тѣмъ, что онъ слышалъ и видѣлъ. Такъ было съ нимъ всякій разъ, когда онъ встрѣчался въ обществѣ съ Настей; но въ этотъ вечеръ тоска имъ овладѣла сильнѣе обыкновеннаго. Евгеній удалился въ небольшую гостиную, гдѣ случайно не было никого, и отъ нечего дѣлать принялся разсматривать на столѣ фотографіи. Должно быть, мысли его ушли очень далеко отъ окру-

жавшей его обстановки; по крайней мѣрѣ онъ не замѣтилъ, какъ вошла Екатерина Алексѣевна.

— А, вотъ вы гдѣ! — начала княгиня усаживаясь возлѣ него;—точно вы, право, двадцатилѣтній юноша, которому въ первый разъ случилось попасть на балъ и который отъ излишка застѣнчивости принимается за альбомы,—что съ вами?

— Я, просто, уѣзжать собирался, княгиня.

— Въ такомъ случаѣ мнѣ еще разъ приходится спросить васъ, что съ вами?..—и княгиня разсмѣялась.— Или на васъ можетъ быть произвела такое сильное впечатлѣніе странная неблагосклонность Натальи Андреевны? Бѣдный!

— Да, я, кажется, впалъ въ немилость,—и Орленевъ попробовалъ улыбнуться.

— Еще бы! — ваше странное поведеніе съ Настей Криницкой не того бы заслуживало. Вы какъ будто намѣренно ее избѣгаете. А между тѣмъ эта дѣвочка настоящее сокровище. Я па дняхъ съ ней долго разговаривала и успѣла въ этомъ убѣдиться.

— Послушайте, княгиня,—взволнованнымъ голосомъ отвѣтилъ Орленевъ,—вы нѣсколько разъ, уже не знаю съ какой стати, заговаривали со мной про эту молодую дѣвушку. Если вы полагаете, что этотъ вопросъ меня сколько-нибудь интересуетъ...

— То,—живо перебила княгиня,—мнѣ бы не слѣдовало до него касаться, не правда-ли? Какой вы странный человѣкъ, Орленевъ! Ну скажите—зачѣмъ эта офиціальная щепетильность, да еще со мною? Неужели вы не видите, что я хочу помочь вамъ найти счастіе, которое у васъ передъ глазами и котораго вы почему-то не примѣчаете?

— Полноте, княгиня,—я признаюсь не ожидалъ, что вы, при своей проницательности, выберете эту странную тему для насмѣшекъ. Кажется,—съ горечью прибавилъ онъ,—вы легко могли убѣдиться насколько дружелюбны отношенія между Настей Криницкой и мною.

— Вы или непозволительно упрямы, или непозволительно слѣпы, Орленевъ,—шутливо отвѣтила княгиня, и вдругъ рѣзко перемѣнила тонъ и стала говорить серьезно,—я могу вамъ сказать только одно: эта дѣвушка васъ любитъ и любитъ такъ тепло, такъ искренно, что врядъ-ли вамъ въ цѣлой жизни удастся встрѣтить еще разъ такое чувство.

Орленевъ хотѣлъ остановить ее, но княгиня живо продолжала:

— Я знаю это изъ самаго вѣрнаго источника—отъ нея самой; и княгиня повторила ему, немного по своему, недавній свой разговоръ съ Настей. Теперь Орленевъ не скрывалъ уже, что слушаетъ ее со вниманіемъ.

— А что вы ее любите,—добавила она,—на этотъ счетъ я полагаюсь на свидѣтельство своихъ глазъ, которые меня до сихъ поръ никогда не обманывали. Повторяю вамъ, до счастья вамъ рукой подать, и для вашего поведенія есть только одно имя—нерѣшительность, а вамъ извѣстно, какого я высокаго мнѣнія объ этомъ прекрасномъ свойствѣ.

Орленевъ всталъ и обѣими руками уперся объ столъ.

— Вы не знаете, княгиня, чего вы хотите,—воскликнулъ онъ.

Княгиня смѣрила его взглядомъ и медленно проговорила:

— А если я знаю, понимаете вы, все знаю и все-таки скажу вамъ: рѣшайтесь! Если вы уже позволили себѣ объ этомъ мечтать и до сихъ поръ не были въ силахъ съ этою мечтой разстаться—не возражайте мнѣ, вѣдь я это знаю,—то останавливаться на полпути ни что иное какъ трусость, и самый дурной ея видъ—трусость передъ самимъ собою. Конечно лучше,—добавила она, понизивъ голосъ,—никогда не желать запрещеннаго плода. Но желать и не смѣть его взять, какъ это по вашему называется?

Проговоривъ это, и не дожидаясь отвѣта, она встала

и направилась къ дверямъ. Но вдругъ она повернулась къ нему опять и, посмотрѣвъ на мигъ ему прямо въ смущенные глаза, она проговорила самымъ беззаботнымъ тономъ:

— Ахъ да, я и забыла предупредить васъ. Я увѣрила Настю, что вы тамъ, въ Покровскомъ, просили ея руки у матери и только потому уѣхали, что Софья Сергѣевна вамъ отказала; вамъ не мѣшаетъ это знать на всякій случай, et là-dessus, bonne chance.

И сказавъ это, княгиня разсмѣялась и вышла.

Орленева слова княгини поразили глубоко. Вотъ она, стало-быть, та негаданная помощь со стороны, которую онъ считалъ почти невозможною, въ то же время надѣясь на ея появленіе! Но зачѣмъ княгиня такъ старается прочистить ему дорогу? Что побуждаетъ ее вступаться въ его отношенія къ Настѣ? Онъ задумался надъ этимъ вопросомъ, разсѣянно перебирая альбомъ, и въ то же время стараясь убѣдить себя, что ему нѣтъ дѣла до тайныхъ поводовъ княгини.

Послышался легкій шелестъ женскаго платья. Евгеній, будто пробужденный отъ сна, мигомъ поднялся съ кресла. Настя Криницкая проходила черезъ комнату вмѣстѣ съ другою дѣвушкой; у самой выходной двери Настя примѣтила Орленева. Она пропустила впередъ подругу и остановилась, какъ бы затѣмъ, чтобы поправить вѣтку фуксіи, отцѣпившуюся на ея бѣломъ платьѣ.

Онъ бросился помогать ей.

— Благодарю васъ,—проговорила она, торопясь покончить съ вѣткой. Но непослушная вѣтка, на зло ей, не поддавалась ея дрожащимъ пальчикамъ, и ей пришлось, волей неволей, принять его помощь.

Глаза ихъ встрѣтились, что̀ давно съ ними не случалось, и все ея лицо озарилось робкою, но за то самою привѣтливою улыбкой. Сердце у нея крѣпко билось въ груди, и ей казалось, что вотъ, вотъ, сейчасъ должно произойти что-то неожиданное и почти страшное. Ей

даже на мигъ захотѣлось зажмурить глаза, какъ передъ опасностью.

— Анастасія Петровна,—началъ онъ, и будто мольба слышалась въ его голосѣ—мнѣ съ вами давно, за всю эту зиму, и двухъ словъ не удалось сказать. Я даже и теперь едва смѣю заговорить съ вами.

Она опять взглянула на него и, насколько онъ могъ прочесть ея мысли, въ нихъ было живое и нѣсколько боязливое желаніе услышать что онъ скажетъ. Да, лицо ея сквозь улыбку ясно говорило, какъ тяжело ей было за всѣ эти длинные мѣсяцы пріучить себя къ враждебности противъ него. А въ рукѣ ея между тѣмъ все сильнѣе дрожалъ вѣеръ изъ слоновой кости.

— Я прошу объ одномъ,—продолжалъ онъ.—Сдѣлаемъ оба, какъ будто всей этой зимы не было и мы теперь встрѣчаемся въ первый разъ послѣ—послѣ Покровскаго.

Онъ проговорилъ это еще болѣе нерѣшительно, едва слышно. Она только слегка наклонила голову. Ей хотѣлось бы такъ много сказать ему, чтобы загладить свое поведеніе, но развѣ не лучше было забыть, вычеркнуть изъ памяти всю эту зиму.

Онъ подвинулся къ столу, какъ бы приглашая ее сѣсть, и Настя невольно за нимъ послѣдовала, будто ее влекла посторонняя сила.

Ни Евгеній, ни Настя такъ и не вернулись къ прошлому; никакихъ разъясненій они другъ другу не дали. Разговоръ ихъ былъ самый простой и незатѣйливый, съ довѣрчивою непринужденностью прежнихъ дней. Страннымъ, конечно, имъ казалось это неожиданное возвращеніе къ милымъ воспоминаніямъ минувшаго лѣта, но въ то же время такъ хорошо было чувствовать, что они снова друзья и разрыва между ними какъ ни бывало. Евгеній весь отдался этому сладкому чувству, не думая пока о томъ, что будетъ дальше; онъ не повторилъ Настѣ, что сказала ему княгиня, ему ни за что не хотѣлось вмѣшивать ложь въ чистое наслажденіе этой давно желанной минуты.

Одно было не хорошо: ихъ не на долго оставили вдвоемъ. Въ комнату вошло нѣсколько человѣкъ. Одинъ очень услужливый господинъ усердно расхваливалъ княгинѣ Лизѣ Болховской висѣвшую на стѣнѣ картину. Дама, мало знакомая Настѣ, подошла къ ней и воображала, конечно, что доставляетъ ей большое удовольствіе своимъ лестнымъ отзывомъ о ея туалетѣ. Какъ все это звучало странно и неумѣстно послѣ того, что тутъ сейчасъ происходило!—Настя и Орленевъ почувствовали это одновременно и улыбнулись другъ другу, чтобы выразить это общее имъ ощущеніе. Какъ бы согласившись они встали и Настя оперлась рукой объ его локоть, какъ будто она привыкла идти объ руку съ нимъ. Они перешли въ другую комнату, гдѣ молодежь столпилась около буфета. Ей захотѣлось чаю, и онъ съ какимъ-то особымъ наслажденіемъ досталъ и подалъ ей крошечную чашку. Въ малѣйшемъ движеніи, въ самомъ пустомъ словѣ былъ невысказанный, но понятный знакъ примиренія. „То, что мы говоримъ, дѣлаемъ, конечно, совершенные пустяки“, будто выражали другъ другу ихъ глаза, „но мы очень хорошо знаемъ, что есть во всемъ этомъ загадочный смыслъ, и въ немъ-то настоящая суть“. И хорошо имъ было обоимъ ощущать, среди этой болтающей молодой толпы, сдержанное, но радостное чувство сближенія.

Въ сосѣдней залѣ заиграли мазурку.

— Настя,—почти шепотомъ сказалъ онъ ей, въ первый разъ называя ее вновь этимъ именемъ,—хотите вы мнѣ сдѣлать большое удовольствіе? я давно, давно не танцую, но на этотъ только разъ, съ вами?

— Я право не знаю,—отвѣтила она,—я, кажется, обѣщала.

И въ самомъ дѣлѣ, очень молодой человѣкъ, видимо робѣвшій, подошелъ къ Настѣ съ намѣреніемъ предъявить ей свои права.

— Вы извините Анастасію Петровну на этотъ разъ,—сказалъ ему Орленевъ,—мнѣ эта мазурка давно обѣ-

щана, а я какъ очень старинный и даже старый знакомый, да вдобавокъ почти какъ дядя...

Молодой человѣкъ хотѣлъ было протестовать, но по тону извиненій Насти вѣроятно убѣдился, что даже для этой милой дѣвушки право—не болѣе какъ пустое слово.

Орленевъ и Настя заняли мѣста въ залѣ. Какъ странно и неожиданно казалось это имъ обоимъ! За часъ передъ тѣмъ они не говорили другъ съ другомъ, а теперь?... Имъ думалось, что всѣ глаза устремлены именно на нихъ, и всѣ посторонніе тоже удивляются, видя ихъ вмѣстѣ.

— Вотъ теперь наше примиреніе окончательно подписано, — сказалъ Орленевъ, усаживаясь съ нею. И тотчасъ же подумалъ, что слова эти должны были непріятно отозваться въ ней; у него они были простымъ выраженіемъ чувства недовѣрія къ прочности всего, что произошло въ этотъ вечеръ. Въ самомъ дѣлѣ, не сонъ ли это? Неужели сама Настя тутъ рядомъ съ нимъ, и его рука во время вальса ложится вокругъ ея стана, и онъ попрежнему называетъ ее этимъ милымъ именемъ? И снова къ нему подступало на мигъ сознаніе незаконности всего этого.

Но молодость и обстановка брали свое. Все вокругъ, казалось, было блескъ и оживленіе. Орленеву давно не приходилось участвовать въ весельи молодежи, и это давно неиспытанное физическое ощущеніе усиленной жизненной струи сказалось въ немъ тѣмъ громче и ударило ему въ голову, какъ шипучее вино. Онъ хотѣлъ на мигъ быть также беззаботно молодымъ, какъ эти юноши вокругъ и въ самомъ дѣлѣ, ему удалось вернуть свѣжія впечатлѣнія былыхъ, давно прошедшихъ дней. Да, онъ никогда, быть-можетъ, не цѣнилъ такъ молодости, какъ именно теперь. Какъ хорошо было заглядывать въ мягкіе бархатные глаза своей сосѣдки и слушать ея ласкающій голосъ, никогда еще не звучавшій такой сладкою музыкой, какъ въ

этотъ вечеръ. Отрывки разговора, все прерываемаго фигурами мазурки, серебристый смѣхъ, отвѣчавшій на его замѣчанія, все это было для него волшебнымъ очарованіемъ. И когда его рука обнимала ея станъ, ему казалось, что вся она отдается ему, и никогда передъ тѣмъ, даже въ ея присутствіи, онъ не испытывалъ такъ живо млѣющую и жгучую прелесть близости любимаго существа. Развѣ въ такія минуты думаютъ о завтрашнемъ днѣ, развѣ думаютъ вообще? И вся жизнь не становится ли однимъ могучимъ и сладкимъ ощущеніемъ?

— Настя, вы когда-нибудь читали Дона-Карлоса Шиллера?—неожиданно спросилъ онъ подъ самый конецъ мазурки.

— Конечно, читала.

— Ну такъ помните вы послѣднія слова Позы, когда онъ прощается съ королевой:

O, Königin, das Leben ist doch schön.

— Мнѣ вдругъ это теперь пришло въ голову.

Она улыбнулась и не спросила почему онъ вспомнилъ про этотъ стихъ.

— Конечно, я и не думаю съ вами прощаться, Настя,— весело прибавилъ онъ и повелъ ее въ столовую, гдѣ подавали ужинъ.

XXVI.

Орленевъ вернулся къ себѣ въ какомъ-то странномъ блаженномъ чаду. Онъ не ложился спать въ эту ночь, все повторяя въ своемъ воображеніи малѣйшія подробности вечера. Если когда-нибудь, въ теченіи всей жизни, онъ былъ совершенно счастливъ, то именно въ эти немногіе послѣдніе часы. Ахъ, еслибы можно было на долго удержать это радостное ощущеніе, не заглядывая впередъ!

Но человѣку не дано останавливаться на одномъ,

хотя бы самомъ свѣтломъ впечатлѣніи. Жизнь неудержимо влечетъ впередъ, не давая покоя ни волѣ, ни воображенію. Борьбу съ самимъ собою можно отсрочить, но рано или поздно она наступаетъ и требуетъ разрѣшенія. Евгеній зналъ теперь, какъ чисто и глубоко чувство внушенное имъ молодой дѣвушкѣ. Теперь только онъ понялъ всю его цѣну и не могъ не сказать себѣ, какъ ничтожны и мелки въ сравненіи съ нимъ были всѣ его порывы и колебанія. И неужели онъ все-таки долженъ отказаться отъ этого счастья, полнаго обладанія которымъ все сильнѣе требовало его сердце? Можно отрекаться отъ далекаго недосягаемаго блаженства, но каково жертвовать имъ тому, кто только что успѣлъ предвкусить его сладость и кому оно дается само-собой? Орленевъ въ сотый разъ повторялъ себѣ все, что до сихъ поръ удерживало его, и что-жъ? Теперь эти самые доводы блѣднѣли въ его глазахъ передъ дѣйствительностью. Они безсильно отпадали одинъ за другимъ. Какъ, изъ-за соображеній отвлеченной морали, ради какихъ-то поблекшихъ воспоминаній, онъ долженъ пожертвовать своимъ будущимъ, и не своимъ только? Вѣдь, ея счастье тоже связано съ его рѣшеніемъ. Ея любовь къ нему устояла противъ сомнѣній! Настя не отчаивалась въ немъ даже въ виду того, что онъ, казалось, забылъ о ней. Неужели онъ выкажетъ менѣе твердости, чѣмъ она, и позорнымъ образомъ уклонится отъ отвѣтственности! Да и ради чего онъ это сдѣлаетъ? Развѣ прошлое налагаетъ на него, въ самомъ дѣлѣ, какія-то вѣчныя священныя обязанности... Вѣдь, Софья не можетъ потребовать, чтобы память о давно-минувшей любви осталась навсегда нетронутою святыней, и ради этой любви приносилось бы въ жертву счастье ея же дочери. Ей будетъ тяжело, конечно, свыкнуться съ новымъ положеніемъ, но что значатъ эти потухающія воспоминанія въ сравненіи съ будущимъ Насти? Да полно, сохранились-ли они въ сердцѣ ея матери? Вѣдь Софья выслушала его признанія въ Покровскомъ съ полнымъ

хладнокровіемъ. Его любовь къ Настѣ оскорбитъ, быть-можетъ, ея самолюбіе? Но это мелочное, дрянное соображеніе—и сама она это пойметъ рано или поздно. И если даже онъ этимъ самымъ нарушитъ долгъ совѣсти, если онъ совершитъ то, что ему въ Покровскомъ казалось преступленіемъ, то онъ возьметъ на себя эту вину, онъ долженъ ее взять! Отступить передъ нею было бы малодушіемъ, и пусть онъ въ будущемъ за то понесетъ наказаніе. Эта вина все-таки лучше и выше мелочной щепетильности. У него хватитъ силы, чтобъ искупить свой грѣхъ. Онъ одинъ, во всякомъ случаѣ, вынесетъ его на своихъ плечахъ, а счастье Насти онъ всегда съумѣетъ отстоять!

На слѣдующій день ему принесли записку отъ Екатерины Алексѣевны, которая просила его заѣхать на выставку въ слѣдующій вторникъ, часа въ три, предупреждая что сама туда поѣдетъ съ княгинею Болховской, и давая ему понять, что ее будетъ сопровождать Настя. Его поразила странная настойчивость, съ которою Екатерина Алексѣевна старалась сблизить его съ молодою дѣвушкой. Но и въ этотъ разъ онъ не остановился на этой докучливой мысли.

Во вторникъ, въ указанный часъ, Лиза Болховская, Бантышевъ и Вологдинъ собрались у Екатерины Алексѣевны. За Настей княгиня заѣхала на пути въ академію. Выставка открылась за недѣлю передъ тѣмъ и общее любопытство не успѣло еще охладѣть. Разношерстная толпа пестрыми кучками сновала по обширнымъ заламъ. Иные добросовѣстно останавливались передъ каждою картиной, тщательно отыскивая въ каталогѣ ея названіе. Случалось, что недоумѣвали, находя, что „видъ города Венеціи, освѣщеннаго луною“ на дѣлѣ неожиданно оказывался великорусскимъ лугомъ рѣзкаго зеленаго цвѣта, на которомъ работали крестьянскіе парни въ изодранныхъ рубахахъ. Но большинство, мимоходомъ, разсѣянно взглядывало на произведенія родного искусства, останавливаясь лишь передъ

счастливыми избранниками городской молвы. За то ужъ вокругъ этихъ перловъ моднаго творчества никогда не рѣдѣла толпа, и забавно было слышать, какъ изъ нея то и дѣло сыпались выраженія офиціальнаго восторга, и панургово стадо любителей прекраснаго силилось облечь въ оригинальную форму казенные возгласы одобренія. Длинноволосый сѣдой старичекъ, съ обязательною для художника неряшливостью въ одеждѣ, что-то пространно объяснялъ сердитому господину въ очкахъ, лицо котораго носило отпечатокъ язвительности его заранѣе оплаченной рецензіи; оба они съ насмѣшливымъ состраданіемъ поглядывали на длинную вереницу непатентованныхъ оцѣнщиковъ, и презрительно улыбались, когда до нихъ доходили иные наивные отзывы.

Руководимыя Бантышевымъ, Екатерина Алексѣевна и Лиза Болховская не теряли времени на подробный обзоръ посредственностей. Княгиня Лиза иногда останавливалась въ восхищеніи передъ солнечнымъ закатомъ, или лунною ночью, въ которыхъ не пожалѣли красокъ. Но Бантышевъ останавливалъ эти порывы.

Помилуйте, княгиня, — говорилъ онъ, — это годится развѣ для декораціи. Все это дѣлано, это природа изъ вторыхъ рукъ, шаблонные эффекты, при совершенномъ отсутствіи настоящей школы. Это солнце не грѣетъ, а только развѣ портитъ зрѣніе, а вотъ лучше посмотрите — и Бантышевъ подводилъ дамъ къ какому-нибудь заброшенному маленькому пейзажу, въ которомъ-то и были, по его мнѣнію, настоящіе признаки таланта. Знатоки, извѣстное дѣло, всегда идутъ туда, гдѣ не предупредили ихъ похвалы толпы.

Вологдинъ обратилъ вниманіе на одну небольшую картину, возбуждавшую живой интересъ. Въ каталогѣ она значилась подъ названіемъ „Поминки“, и привлекала вниманіе главнымъ образомъ благодаря изображенному на ней подгулявшему духовенству. Впрочемъ, живописецъ, въ самомъ дѣлѣ, обнаружилъ изобрѣта-

тельность въ воспроизведеніи разнообразныхъ оттѣнковъ нетрезвости.

— Вотъ это дѣйствительно свое, народное, иностраннаго вліянія здѣсь нѣтъ и слѣда,—сказалъ Вологдинъ.

Княгиня Лиза брезгливо отвернулась.

— Ma chère, il faut vous habituer à cela,—насмѣшливо замѣтила ей Екатерина Алексѣевна,—l'avenir est à la caricature.

За это она была тутъ же награждена негодующимъ взглядомъ двухъ барышень въ круглыхъ шляпкахъ и черныхъ платьяхъ сомнительной чистоты: молодежь обоего пола какъ-то особенно сурово восхищалась этимъ образчикомъ „трезваго искусства".

Настя довольно разсѣянно проходила по выставкѣ. Она нетерпѣливо ждала, когда они дойдутъ, наконецъ, до того № 372, подъ которымъ просто значилось въ въ каталогѣ: „Орленевъ, Солнечный закатъ". Несмотря на этотъ незамысловатый сюжетъ, единственная картина, выставленная Евгеніемъ, привлекала вниманіе, и ради нея два художественные критика уже обмѣнялись въ газетахъ мѣткими эпитетами какъ „жалкій невѣжа" и „академическій Китаецъ".

Она стояла въ самой послѣдней залѣ въ углу. Это была картина довольно большихъ размѣровъ. Настя съ перваго же взгляда узнала Авдѣеву мельницу. Да, это было знакомое озеро съ плотиной и старыми ракитами, такое, какимъ оно предстало передъ Евгеніемъ и Настей, когда они въ первый разъ вмѣстѣ подъѣзжали къ его берегамъ. Поразившее ихъ тогда странное освѣщеніе было передано съ замѣчательною вѣрностью. Сила и бойкость тѣмъ болѣе возбуждали удивленіе, что Орленевъ не былъ пейзажистомъ. Въ глазахъ Насти это была не только лучшая, эта была единственная вещь на выставкѣ, и ее возмущало то спокойствіе, съ которымъ бывшіе съ ней отзывались о картинѣ. Она даже посмотрѣла съ негодованіемъ на княгиню Лизу, когда та сказала:

„C'est très joli, il a beaucoup de talent“...

— Оно эффектно, конечно, какъ все, что онъ пишетъ,—сказалъ Бантышевъ,—но вѣрно ли это—другой вопросъ.

Настѣ захотѣлось увѣрить его, что сама она видѣла это освѣщеніе.

— Это озеро въ нашемъ имѣніи,—живо сказала она.

— Я не сомнѣваюсь въ томъ, что оно настоящее,—улыбаясь отвѣтилъ Бантышевъ.—Но вы знаете, что въ искусствѣ правды недостаточно, нужно правдоподобіе.

Екатерина Алексѣевна молча простояла передъ картиной, ничѣмъ не выразивъ своего впечатлѣнія.

— Пойдемте, однако, нужно еще посмотрѣть акварели,— сказала она, направляясь въ сосѣднюю залу.

Настя пошла за ней, но нѣсколько мгновеній спустя она вернулась, пользуясь тѣмъ, что вниманіе прочихъ было обращено въ другую сторону. Ей хотѣлось вдоволь насмотрѣться: вѣдь, Орленевъ выбралъ для своего сюжета то самое мѣсто, гдѣ въ первый разъ они провели вдвоемъ нѣсколько часовъ.

Она неподвижно стояла передъ картиной, невольно прислушиваясь къ разговору двухъ молодыхъ людей позади нея.

— Что за кисть,—говорилъ одинъ,—что за богатая палитра и въ то же время какое полное отсутствіе дѣланности.

Настя дружелюбно посмотрѣла на говорившаго, хотя ей въ то же время казалось, что картина Евгенія стоитъ выше всякаго даже похвальнаго отзыва.

— Да, братецъ мой, нечего и говорить, талантъ,—отвѣчалъ другой,—жаль только, что тратитъ онъ его на пустяки, на разные пейзажи, да на русалокъ, какъ въ прошломъ году, чтобы барскій вкусъ потѣшить! А вотъ бы онъ настоящую жизнь рисовалъ, оно подѣльнѣе бы вышло. Вмѣсто того, чтобы тамъ въ Италіи благодушествовать, этимъ господамъ слѣдовало бы почаще въ анатомическій театръ заглядывать да смотрѣть, что у нихъ

подъ носомъ, хотя бы на какой-нибудь Сѣнной дѣлается. Пойдемъ, однако, пора.

Зала опустѣла. Вдругъ за молодою дѣвушкой послышались шаги и знакомый голосъ проговорилъ:

— Какъ, Настя, я застаю васъ здѣсь одну?

И лицо Евгенія ясно говорило про радость встрѣтить ее именно тутъ, передъ его картиной.

— Княгиня въ сосѣдней залѣ, гдѣ акварели,—отвѣтила Настя.—Какъ вамъ удалось передать этотъ необычайный закатъ?—прибавила она съ блестѣвшими отъ восхищенія глазами.—И озеро, и поля, и лѣсъ, все это схвачено именно такъ, какъ мы съ вами это видѣли въ тотъ вечеръ—помните?

Вы по этому можете судить—помню ли я,—сказалъ Орленевъ, указывая на картину.

Она подошла ближе къ полотну.

— Здѣсь вотъ мы съ вами остановились, когда выѣхали изъ лѣса, а тамъ ниже были мама и прочіе.

И этотъ первый вечеръ до самыхъ ничтожныхъ мелочей воскресъ въ ея памяти, и оба они перенеслись къ тѣмъ счастливымъ минутамъ первой встрѣчи, которая, быть-можетъ, дороже самыхъ живыхъ воспоминаній, уже сказавшейся любви.

— Я написалъ это по тому эскизу, который вы тогда начали и не кончили. Вы конечно даже не замѣтили, что я его тогда увезъ тайкомъ изъ Покровскаго?

— Съ этимъ краденымъ добромъ я не разстанусь ни за что и никогда,—добавилъ онъ, улыбаясь.

— А вы знаете, что самой Авдѣевой мельницы уже нѣтъ,—принялась она разсказывать:—ее молніей сожгло и, представьте себѣ, уже въ сентябрѣ. Не вѣрьте послѣ этого народнымъ предсказаніямъ!

Она говорила это такъ беззаботно и весело, какъ будто передъ нимъ стояла прежняя Настя, какою онъ ее зналъ въ самые первые дни его жизни въ Покровскомъ. Теперь только казалось ей, что безвозвратно прошли недавно прожитые сумрачные дни.

Княгиня Екатерина Алексѣевна между тѣмъ хватилась Насти.

— Вы не видали, Вологдинъ, куда она прошла?— спросила княгиня.

Но Вологдинъ не слышалъ вопроса, онъ разговорился съ молодымъ человѣкомъ, котораго замѣтилъ на другомъ концѣ залы и въ которомъ тотчасъ узналъ Александра Гашина. Александръ сообщилъ ему, что оставилъ должность мирового судьи и хочетъ посвятить себя дѣятельности врача. Бѣдный малый, повидимому, очень упалъ духомъ съ прошлаго лѣта. Ему не хотѣлось оставаться въ сосѣдствѣ Покровскаго, да и въ Ольховкѣ не было ему дѣла впереди: онъ предвидѣлъ, что рано или поздно она должна перейти въ цѣпкія руки Семена Кирилловича.

— Ну, вотъ, я и пріѣхалъ сюда искать мѣста,—закончилъ онъ свой разсказъ.

— А вы здѣсь, Настя!—съ видомъ удивленія сказала Екатерина Алексѣевна, возвращаясь съ княгинею Лизой и съ Бантышевымъ. — Мы не знали, куда вы исчезли.— И улыбка злорадства показалась на ея лицѣ, когда она замѣтила Евгенія въ обществѣ молодой дѣвушки.

— Какъ хорошо, что вы пріѣхали, Евгеній Александровичъ,—продолжала она, подавая Орленеву руку.— Знаете, что я вамъ предложу—отобѣдайте у меня вмѣстѣ съ Бантышевымъ. Мы вдоволь наговоримся про то, что здѣсь видѣли. Это будетъ такъ хорошо.

— И васъ, Настя, я тоже не отпущу домой, я сейчасъ напишу вашей матери, что вы у меня обѣдаете. Такъ рѣшено, не правда ли?

И княгиня весело взяла руку Бантышева, чтобы направиться къ выходу. Орленевъ повелъ Настю и молодой дѣвушкѣ теперь вся выставка казалась въ какомъ-то праздничномъ освѣщеніи. Каждаго встрѣчнаго она готова была подарить ласковымъ словомъ.

У самаго выхода на лѣстницу она примѣтила Александра и тотчасъ подошла къ нему.

— Надѣюсь, вы къ намъ заѣдете, Александръ Степанычъ,—проговорила она,—мама будетъ такъ рада васъ видѣть.

Ей въ эту минуту хотѣлось, чтобы всѣ вокругъ нея были довольны и веселы. Но молодой человѣкъ покачалъ головою и отвѣтилъ:

— Я едва ли успѣю, Анастасія Петровна. Я опредѣлился земскимъ врачомъ въ Черниговскую губернію, а больные, вы знаете, не ждутъ.

XXVII.

Екатерина Алексѣевна ошиблась, думая, что обѣдъ у нея будетъ посвященъ обсужденію выставки. Орленеву было не до художественныхъ споровъ, и онъ готовъ былъ согласиться съ какимъ угодно изъ парадоксовъ Бантышева, лишь бы ему дали спокойно насладиться обществомъ его милой сосѣдки. Бантышевъ, вѣроятно, нашелъ разговоръ за столомъ довольно безцвѣтнымъ: его остротамъ, по крайней мѣрѣ, не вторилъ никто. Ему давали говорить, сколько угодно, но слова его едва ли не были гласомъ вопіющаго въ пустынѣ.

Вскорѣ послѣ обѣда княгиня подъ какимъ-то предлогомъ увела Бантышева, оставивъ молодыхъ людей вдвоемъ.

Неизвѣстно почему они оба, такъ часто прежде встрѣчавшіеся, вдругъ почувствовали, что сегодняшняя ихъ встрѣча совсѣмъ уже не похожа на всѣ прошлыя и для нихъ съ этой самой минуты наступаетъ что-то новое, неожиданное и въ то же время давно желанное.

Каждое слово на этотъ разъ пріобрѣтало иное, таинственное значеніе, будто говорили они какимъ-то условнымъ языкомъ, настоящій смыслъ котораго былъ понятенъ только для нихъ однихъ.

А между тѣмъ, Евгеній все какъ-то не рѣшался произнести то послѣднее, рѣшительное слово, которое

къ нему просилось на языкъ. Вся обстановка говорила за него это слово; оно носилось въ воздухѣ, какъ послѣдній разрѣшающій аккордъ, котораго требуетъ ухо. А на его губахъ оно задерживалось непонятнымъ, безсознательнымъ чувствомъ стыда, и разговоръ его съ Настей долго вращался въ заколдованномъ кругу, лишь намекая на то, что обоимъ хотѣлось такъ полно и отчетливо высказать.

Настя замѣтила даже, что Орленевъ будто робѣетъ передъ ней. А ей казалось между тѣмъ, что для него теперь все должно быть такъ просто и понятно, и всякія недомолвки для нихъ уже не нужны.

— Отчего вы только одну эту картину выставили?— вдругъ спросила она.

— Я въ послѣднее время совсѣмъ не работалъ. У меня только была одна вѣчная неугомонная мысль. Да я бы и не хотѣлъ, рядомъ съ тѣмъ видомъ, которымъ мы съ вами такъ часто любовались, выставить что-нибудь иное. Я зналъ, что вы тамъ будете, и мнѣ хотѣлось хоть этимъ вамъ напомнить про себя въ то время, когда я не зналъ еще, удастся ли мнѣ, когда-нибудь, опять говорить съ вами попрежнему.

Она слегка наклонилась надъ столомъ и стала что-то чертить на листѣ бумаги.

— Да мы съ вами и тамъ, въ Покровскомъ, часто во многомъ не соглашались, помните?

И чуть замѣтный оттѣнокъ лукавства показался въ ея улыбкѣ.

— Ну, а теперь, Настя?

Она весело покачала головой.

— Теперь вы сами знаете... Я, вѣдь, очень упрямая...

— И вдобавокъ нетерпимая? Да!

— Я не отчаяваюсь въ вашемъ обращеніи,—проговорила она краснѣя, къ чему же нетерпимость?

Ему такъ хотѣлось броситься къ ней, расцѣловать ея тонкія руки и молить ее и о любви, и о прощеніи— онъ чувствовалъ, что ему нужно было и то и другое,—

а между тѣмъ его все еще удерживало глухое сознаніе вины.

— Да, вы были правы, тысячу разъ правы, когда вы такъ строго обо мнѣ судили тамъ, въ Покровскомъ.

Онъ проговорилъ это почти грустно. Она удивленно посмотрѣла на него, такъ странно звучали теперь эти слова, въ которыхъ будто слышалось раскаяніе.

Изъ сосѣдней комнаты, гдѣ была княгиня, вдругъ донесся до ихъ слуха голосъ Петра Михайловича.

— Это папа за мной пріѣхалъ,—сказала она вставая.

— Какъ, уже?—воскликнулъ онъ,—а я надѣялся здѣсь съ вами провести весь вечеръ... И у обоихъ въ умѣ промелькнулъ вопросъ: „неужели все такъ и кончится ничѣмъ не разрѣшившись?“

Но ихъ попрежнему оставили вдвоемъ. Петръ Михайловичъ усѣлся и, повидимому, вступилъ съ княгиней въ разговоръ. Значитъ, нѣсколько минутъ еще имъ можно было провести наединѣ.

— Пожалуйста, не идите туда,—продолжалъ онъ, останавливая ее;—мы поговоримъ еще, пока васъ не позовутъ.

Она снова сѣла и принялась чертить, онъ нагнулся надъ ея плечомъ, слѣдя за движеніемъ ея руки, какъ будто въ тѣхъ причудливыхъ узорахъ, которые ея карандашъ выводилъ на бумагѣ, онъ могъ прочесть что-нибудь для него важное. Нѣсколько секундъ прошло въ молчаніи.

— Вы знаете, что папа васъ очень любитъ, Евгеній Александровичъ,—почему-то сказала она, приподнимая голову. Онъ нагнулся къ ней такъ близко, что ея волосы коснулись его щеки.

— И не отказалъ бы въ томъ, можетъ быть, о чемъ я такъ давно хотѣлъ просить?

Его нерѣшительность мигомъ исчезла. У нея вдругъ сперлось дыханіе. „Неужели сейчасъ онъ скажетъ это“? почти испуганно подумала она, и опять нагнулась къ столу.

— Настя, вы знаете, о чемъ я хочу просить васъ?— чуть слышно продолжалъ онъ, бережно дотрогиваясь до ея плеча.

Она не сразу отвѣчала. Но вдругъ она мигомъ рѣшилась. Къ чему было скрывать отъ него свое радостное согласіе?

— А вы развѣ не знаете моего отвѣта?—проговорила она, смотря прямо на него и отдавая свои руки въ его распоряженіе.

Въ эту минуту Орленевъ совсѣмъ забылъ про Софью и про все, что оставалось еще впереди. Сама Настя ему напомнила про мать.

— Она такъ меня любитъ,—сказала молодая дѣвушка,—что, конечно, согласится. Мы съ папа уговоримъ ее.

Въ головѣ Орленева мигомъ сложилось рѣшеніе тотчасъ переговорить съ Петромъ Михайловичемъ. Его слѣдовало немедленно привлечь на свою сторону; случай помогалъ Евгенію, и имъ нужно было воспользоваться.

Петръ Михайловичъ не только далъ свое согласіе, онъ сдѣлалъ это съ видимою радостью, онъ даже не скрылъ отъ Евгенія, что давно ожидалъ этого.

— Не безпокойтесь на счетъ согласія жены,—сказалъ онъ горячо пожимая руку Евгенія,—я за нее ручаюсь. Завтра, конечно, вы будете у насъ

И тутъ же было рѣшено, что на слѣдующій день помолвка молодыхъ людей будетъ объявлена.

Княгиня торжествовала. Ей тутъ же сообщили про то, что случилось, и ея поздравленія казались очень теплыми и искренними.

Вернувшись домой, Петръ Михайловичъ сказалъ Настѣ, чтобъ она дожидалась въ гостиной, пока онъ переговоритъ съ ея матерью. Онъ предвидѣлъ сопротивленіе и не хотѣлъ, чтобы дочь присутствовала при спорѣ. Дѣйствительность превзошла его ожиданія. Софья не поняла сначала, такъ далеко она была отъ мысли о возможности этой помолвки. Но когда мужъ

ей прямо сказалъ всю истину, она была не въ силахъ удержать бурный порывъ своего негодованія.

— Орленевъ, говоришь ты,—воскликнула она,—сватается за Настю? Это не можетъ быть, этого не будетъ никогда.

Петръ Михайловичъ еще не видѣлъ своей жены въ такомъ возбужденіи. Онъ приписалъ его нервному разстройству, причиненному долгимъ нездоровьемъ.

— Успокойся, мой другъ,—сказалъ онъ, стараясь быть ласковымъ,—я знаю, что ты предубѣждена противъ Орленева. И повѣрь мнѣ, еслибъ я видѣлъ хоть тѣнь разумнаго довода съ твоей стороны, я бы не далъ слова.

— Ты далъ слово!—почти вскрикнула она, вся дрожа отъ гнѣва.

Петра Михайловича прямой отпоръ всегда выводилъ изъ себя.

— Ты, можетъ быть, скажешь,—рѣзко проговорилъ онъ,—что я не имѣлъ права сдѣлать это безъ твоего позволенія. Я—отецъ Насти, которому давно извѣстно, какъ она любитъ Евгенія.

Софья Сергѣевна успѣла опомниться и ухватилась за этотъ якорь спасенія.

— Ты забываешь,—тихо проговорила она, — что я, какъ мать...

— Э, пустяки,—перебилъ онъ ее,—мать не имѣетъ права изъ одной прихоти мѣшать счастію дочери. Снисходительность къ твоимъ нервамъ имѣетъ же свои предѣлы. Ты, кажется, послѣ того, что̀ было въ Покровскомъ, успѣла бы найти какую-нибудь дѣльную и убѣдительную причину. Не могла же ты не замѣтить, какъ эта бѣдная дѣвочка мучилась все это время. А ты, напротивъ, будто нарочно избѣгала говорить со мною про это. И теперь я категорически ставлю тебѣ вопросъ: что имѣешь ты противъ этой свадьбы? Предупреждаю тебя, что я отговорками не удовлетворюсь. Я своему слову измѣнять не привыкъ.

Пока говорилъ ея мужъ, Софьѣ удалось осилить

волненіе и привести въ порядокъ свои мысли. Его она и не слушала. О прямомъ отказѣ, конечно, и думать было нечего. Къ счастію, у нея былъ иной исходъ. Того, чего она здѣсь не достигнетъ, она добьется отъ самого Орленева: она не хотѣла вѣрить, чтобъ онъ въ самомъ дѣлѣ рѣшился на этотъ безобразный поступокъ. Ни минуты она не допускала возможности осуществленія этой ужасной свадьбы.

— Хорошо,—сказала она, какъ бы успокоившись.— Позови Настю. Я согласна.

— Вотъ какъ,—почти насмѣшливо отвѣчалъ Петръ Михайловичъ,—и ты не считаешь нужнымъ объяснить мнѣ ни твоего отказа, ни твоего неожиданнаго согласія?

— Чего-жъ тебѣ еще,—раздражительно проговорила она,—если я покоряюсь твоей волѣ?

Петръ Михайловичъ пожалъ плечами и привелъ Настю въ комнату матери.

Софья Сергѣевна обняла дочь и перекрестила ее. Но у нея не достало силъ придать задушевность своему поздравленію, и Настѣ ласки матери показались такъ же холодными, какъ холодны были обнимавшія ее руки. Когда Софья осталась одна, она дала волю своему негодованію. Но мало-по-малу иное чувство зародилось у нея и побѣдило даже то отвращеніе, которое возбуждалъ въ ней поступокъ Орленева. Эта негаданная развязка впервые возбудила въ ней жгучее сознаніе своей прошлой вины.

„Вотъ оно наказаніе,—думалось ей,—позднее и ужасное! И тѣмъ ужаснѣе, что получаетъ она его изъ рукъ того человѣка, ради котораго она стала виновною, и въ чьихъ глазахъ, по крайней мѣрѣ, она должна была казаться безупречною“!

XXVIII.

Орленевъ собирался ѣхать къ Криницкимъ и ходилъ взадъ и впередъ по своему кабинету, съ безпокойствомъ

спрашивая себя, какъ встрѣтится онъ съ Софьей. Вдругъ въ его передней раздался звонокъ. Камердинера его случайно не было дома и онъ самъ отомкнулъ дверь. Онъ остолбенѣлъ, увидавъ Софью.

„Впрочемъ, тѣмъ лучше, сказалъ онъ себѣ. Мы, по крайней мѣрѣ, съ нею объяснимся разъ навсегда“.

Софья молча прошла въ кабинетъ и отказалась отъ пододвинутаго ей кресла.

— Я пріѣхала къ вамъ за тѣмъ,—начала она,—чтобы вы не давали себѣ напраснаго труда быть у насъ сегодня.

Она остановилась, какъ бы выжидая отвѣта. Но онъ только слегка наклонилъ голову, въ знакъ того, что онъ приготовился ее терпѣливо выслушать.

— Вы не ожидали, конечно,—продолжала она,—что я соглашусь на... на то, о чемъ вы просили вчера мужа?

Онъ былъ почти доволенъ явною враждебностью ея словъ. Она, по крайней мѣрѣ, упрощала ихъ отношенія. Послѣ того, что было вчера, онъ уже не колебался. Рѣшительный шагъ былъ сдѣланъ, еще немного твердости, и побѣда за нимъ. И, стало-быть, чѣмъ рѣзче и враждебнѣе будетъ она, тѣмъ лучше.

—Я думаю,--спокойно отвѣтилъ онъ,—что мнѣ удастся васъ убѣдить въ неизбѣжности вашего согласія и вы, какъ умная женщина, покоритесь этой неизбѣжности.

— А я, напротивъ, твердо убѣждена въ томъ, что вы сами возьмете назадъ свое предложеніе. Я убѣждена въ этомъ, потому, что говоря съ вами, я все-таки еще надѣюсь имѣть дѣло съ порядочнымъ человѣкомъ.

— Послушайте, Софья Сергѣевна,—возразилъ онъ, и лобъ его при этомъ сморщился,—будемъ стараться оба говорить другъ съ другомъ спокойно, безъ горечи: это, повѣрьте, лучше для насъ обоихъ.

— Я хочу только напомнить вамъ, что было сказано

вами въ день вашего отъѣзда изъ Покровскаго. Я и теперь хочу вамъ вѣрить, какъ вѣрила тогда. И если вы тогда поняли, что, какъ честный человѣкъ, вы не можете стать моимъ зятемъ....

— Теперь и тогда большая разница,—живо перебилъ онъ ее.—То, что мнѣ казалось вспышкой воображенія, которую легко потушить, сдѣлалось глубокимъ чувствомъ, тѣмъ болѣе глубокимъ, что сама Настя....

— И вы мнѣ это говорите, мнѣ?—воскликнула она.

— Я говорю это вамъ, какъ матери, и во имя этого материнскаго чувства прошу васъ вспомнить, что не обо мнѣ одномъ идетъ здѣсь рѣчь.

— Вамъ дѣла нѣтъ до моихъ отношеній къ дочери,—запальчиво проговорила она,—какъ смѣете вы произносить ея имя! Вы должны бы себя самого стыдиться, если уже въ отношеніи ко мнѣ...

Она остановилась, лицо ея вдругъ приняло болѣе мягкое выраженіе: не гнѣвными словами могла она, конечно, чего-нибудь достигнуть.

— Да впрочемъ, я не для того сюда пришла, чтобы дѣлать вамъ упреки. Я не хочу отчаиваться въ васъ. Вы увлеклись, положимъ такъ. Не будемъ вспоминать прошлое... Но вы должны понять, какія невозможныя отношенія возникли бы изъ этой свадьбы. Развѣ я могу быть вашею тещей, Орленевъ?

Евгеній отвѣтилъ лишь вѣжливыми, ничего незначащими фразами. Его начинало разбирать нетерпѣніе, такимъ безполезнымъ и нелѣпымъ былъ въ его глазахъ весь этотъ разговоръ. Но Софья будто не замѣчала, что, слушая ее и отвѣчая, онъ только исполняетъ обязательную форму учтивости. Быть можетъ, она и вправду надѣялась, или, по крайней мѣрѣ, ей хотѣлось истощить всѣ доводы, чтобы тронуть и убѣдить его. Гордая женщина снизошла до того, что стала взывать къ его жалости. Орленевъ тщетно старался остановить ее. Эти слова просьбы и примиренія ему было тяжелѣе выслушивать, чѣмъ самые язвительные укоры.

— Вы хотите невозможнаго,—нѣсколько разъ повторялъ онъ.—Мнѣ больно говорить вамъ это. Но сдѣланнаго не передѣлаешь.

Она не унималась.

— Я знаю, это вамъ будетъ тяжело, очень тяжело. Но сравните съ этимъ длинные годы, которые пришлось бы, можетъ быть, и мнѣ, и дочери прожить при такихъ невозможныхъ отношеніяхъ. Развѣ такая жизнь вамъ самимъ принесетъ счастіе?

Онъ съ трудомъ удерживался, чтобы не перебить ее рѣзкимъ словомъ. Пора кончить, думалъ онъ, нетерпѣливо выслушивая ее, надо выдти изъ этого заколдованнаго круга невозможныхъ требованій. Сознаніе его вины передъ ней громко говорило въ немъ, но въ то же время и раздражало его. Неужели эта женщина будетъ вѣчно стоять поперекъ его счастія.

Онъ скоро и порывисто зашагалъ по комнатѣ, и руки его судорожно сжимались отъ нестерпимой муки, причиняемой ея словами.

— Ради Бога, Софья Сергѣевна, перестаньте. Неужели вы не видите, что мы всѣ въ безвыходномъ положеніи? Зачѣмъ еще усиливать его тягость?

— Вы, пожалуй, еще потребуете,—съ горечью проговорила она, — чтобъ я сама нашла за васъ такой выходъ, отъ... отъ котораго бы не слишкомъ страдало ваше самолюбіе?

— Самолюбіе! — раздраженно воскликнулъ онъ, — развѣ вы не видите, что я люблю ее, люблю, какъ сумасшедшій! Вы бы должны знать, кажется, что страсть не разсуждаетъ и не покоряется.

Не такой доводъ, конечно, могъ успокоить Софью. Ея глаза сверкнули негодованіемъ, и костяной ножикъ, который она держала въ рукѣ, съ шумомъ упалъ на полъ.

— И вы не краснѣете, дѣлая мнѣ это признаніе,— проговорила она сквозь зубы...

Но, сказавъ это, она тотчасъ опомнилась и глубокое презрѣніе выразилось на ея лицѣ.

— Я, въ самомъ дѣлѣ, теряю время,—сказала она, отвертываясь отъ него.—Не воображайте, однако, чтобъ я дала совершиться тому, на что̀ вы надѣетесь. Берегитесь!

Эти слова убили въ сердцѣ Орленева послѣднюю искру состраданія къ ней.

— Заранѣе предупреждаю васъ,—сказалъ онъ холодно, — что я подчиняюсь всѣмъ условіямъ, какія вамъ угодно будетъ мнѣ поставить. Я съ готовностью сдѣлаю все, что̀ можетъ облегчить для васъ затруднительность вашего положенія.

— Мы увидимъ,—злобно проговорила она,—сохраните ли вы свое теперешнее спокойствіе, когда мужъ мой узнаетъ отъ меня всю истину, понимаете вы, всю истину...

Орленева взорвало отъ этой прямой угрозы.

— Извольте,—сказалъ онъ рѣшительно,—объясните вашему мужу то, что̀ въ теченіе столькихъ лѣтъ вы отъ него скрывали! Вы, конечно, забыли, какія послѣдствія можетъ имѣть такое признаніе для страдающаго болѣзнью сердца.

Софья не отвѣчала. Она посмотрѣла ему прямо въ глаза, и на ея лицѣ онъ могъ прочесть всю полноту того отвращенія, которое онъ въ эту минуту внушалъ ей. Но онъ спокойно вынесъ этотъ взглядъ, какъ бы принимая на себя всю отвѣтственность за свой поступокъ. Она сдѣлала нѣсколько шаговъ по направленію къ выходу. Но вдругъ вся затряслась отъ волненія и должна была опереться на стулъ, чтобы не упасть. Онъ хотѣлъ поддержать ее, но она вырвала свою руку.

— Оставьте меня,—сказала она ему слабымъ голосомъ и, собравшись съ силами, быстро пошла къ двери.

Онъ долго оставался неподвижнымъ, упорно глядя ей въ слѣдъ. Чувство раздраженія, поддерживавшее его во время разговора съ Софьей, мгновенно упало и смѣнилось жалостью къ несчастной женщинѣ, когда-то имъ любимой. Но онъ не поддался этому чувству; не время было теперь останавливаться надъ безплодными

сожалѣніями. „Лѣсъ рубятъ, щепки летятъ“,—промелькнуло у него въ головѣ, и онъ почти успокоился на мысли, что счастіе даромъ не дается и что его не можетъ хватить на всѣхъ.

Къ Криницкимъ, между тѣмъ, уже наѣхали гости. Княгиня Екатерина Алексѣевна постаралась, чтобы вѣсть о помолвкѣ Насти разнеслась по городу. Софьѣ пришлось съ видомъ радости принимать поздравленія, и нѣсколько часовъ сряду она выносила эту пытку. Всего хуже было то, что въ присутствіи дочери она должна была постоянно насиловать себя и сознавать, какъ все громче поднимается въ ней дурное, злобное чувство противъ дорогого ребенка—чувство, котораго она не можетъ высказать и не въ силахъ побѣдить.

А Настю все это время занимала только мысль, что женихъ ея такъ долго не показывается. Но вотъ наконецъ и онъ. На лицѣ Орленева уже не было слѣдовъ недавняго бурнаго объясненія; но, входя въ домъ Криницкихъ, онъ тревожно спрашивалъ себя, на что рѣшилась Софья и не прибѣгла ли она къ отчаянному средству, которое сведетъ въ могилу ея мужа, а его самого навсегда разлучитъ съ Настей. Но у Криницкихъ ничто не обличало тревоги. Лишній разъ Орленеву пришлось удивиться необыкновенному самообладанію, которое не покидаетъ женщинъ въ самыя тяжелыя минуты. Даже бровь не дрогнула у Софьи, когда онъ подошелъ къ ней, и ему пришлось невольно преклониться передъ ея рѣдкою твердостью.

XXIX.

Софья порывалась во всемъ признаться мужу. Нѣсколько разъ въ слѣдующее утро она подходила къ его двери съ тѣмъ, чтобы начать свою исповѣдь. Но грозныя слова доктора ей приходили на умъ и хотя здоровье Петра Михайловича, повидимому, не измѣни-

лось къ худшему, она не рѣшалась подвергнуть его такому опасному испытанію. У нея было, однако, еще одно средство—посредничество ея матери; хоть она и знала, какъ ненадежно это средство, она рѣшилась къ нему прибѣгнуть.

Наталья Андреевна молча и холодно выслушала дочь. Ея лицо осталось такимъ безучастнымъ, какъ будто это былъ самый обыкновенный разсказъ. Но едва Софья заикнулась о своемъ намѣреніи открыться мужу, Наталья Андреевна ее живо остановила.

— И не смѣй обо этомъ думать! Ты, право, говоришь, какъ недавно выпущенная институтка. Мнѣ за тебя стыдно. Сказать мужу, вотъ выдумала! каково ему будетъ про это узнавать чрезъ осьмнадцать лѣтъ!

— Вотъ почему я и обращаюсь къ вамъ, чтобы вы мнѣ помогли разстроить эту свадьбу.

— За кого ты меня принимаешь? Развѣ въ мои годы разстраиваютъ свадьбы? Съумѣй осилить себя, докажи, что ты умная женщина и никогда не позволяй своему лицу выдавать, что у тебя на душѣ,—вотъ тебѣ мой совѣтъ и повѣрь, что благоразумнѣе этого ты ничего не придумаешь.

И Наталья Андреевна, понюхавъ табаку изъ старинной эмалевой табакерки, откинулась назадъ въ своемъ креслѣ въ полной увѣренности, что она съумѣла бы разыграть эту трудную роль.

— Вамъ легко это говорить,—возразила Софья.

— Легко!—прервала ее мать,—конечно, нѣтъ! А ты думаешь, можно весь вѣкъ прожить будто въ саняхъ катаясь по гладкой дорогѣ? Не отказывать себѣ ни въ чемъ, а чуть что не ладно вышло,—въ слезы, да съ повинною головой? Я, кажется, ни словомъ тебя не попрекнула за то, что ты сейчасъ мнѣ сказала, хотя мнѣ, родной матери, ты про это до сихъ поръ не заикнулась. Ну такъ съумѣй и впередъ молчать. Въ мое время знали какъ хранить тайну—а было что хранить, не по вашему. А теперь вамъ непремѣнно нужно, чтобъ у васъ

дома какая-нибудь драма вышла и былъ случай расхныкаться, а по всему городу пусть идетъ себѣ про васъ трескотня. И все изъ-за вашихъ противныхъ нервовъ— хорошо, нечего сказать!

И въ сознаніи превосходства своего поколѣнія, Наталья Андреевна наотрѣзъ отказала дочери въ своемъ содѣйствіи. По ея понятіямъ, молва и огласка, вотъ чего слѣдовало бояться пуще огня и чего нужно было избѣжать, хотя бы цѣною самой тяжелой жертвы. Высказавъ это съ непреклонною рѣзкостью, Наталья Андреевна, однако, смягчилась, и голосъ ея слегка задрожалъ, когда она прибавила, какъ бы въ утѣшеніе дочери:

— Это трудно, мой дружокъ, сама знаю, что трудно. Да развѣ жить вообще легко? Или ты думаешь, хоть я, напримѣръ, мало наплакалась, пока, наконецъ, плакать разучилась?

И Наталья Андреевна вздохнула глубоко и замотала головой.

Софья не упала духомъ, хотя теперь ей уже нельзя было сомнѣваться, что опоры у нея нѣтъ и не будетъ, и что одна смерть можетъ помочь ей. Да о смерти она думала часто, хоть и не останавливалась никогда на мысли о возможности ускорить такую развязку. Пока ей суждено вести среди семьи одинокую безотрадную жизнь, она стойко вынесетъ это бремя и ни съ кѣмъ не подѣлится своею тайной.

Понятно, однако, что такое настроеніе Софьи накладывало свою печать на весь домъ Криницкихъ и отражалось даже на ея дочери. Настѣ приходилось часто спрашивать у себя, отчего эти недѣли передъ свадьбой вовсе уже не кажутся ей непрерывною цѣпью радужныхъ дней, какою рисовало ихъ ея воображеніе. Орленевъ дѣлалъ все, чтобы разсѣять грустныя недоумѣнія невѣсты; но самъ онъ едва могъ скрыть отъ нея, какъ не легко было подчасъ и ему. Постоянныя усилія надъ собой, вѣчный страхъ передъ Дамокловымъ мечемъ, плохо уживаются съ непринужденностью моло-

дого чувства. Но дѣлать было нечего: какъ ни темна была дорога впереди, надо было идти не оглядываясь. Можно было надѣяться лишь на медленное примиряющее дѣйствіе времени. И Евгеній старался утѣшить себя мыслью, что Софья, рано или поздно, свыкнется со своимъ положеніемъ. Развѣ въ жизни не часто бываетъ, что ужасы, которые мерещутся въ будущемъ, разсѣиваются и исчезаютъ, какъ туманныя облака вдали на горномъ скатѣ?

На Софью онъ, впрочемъ, пожаловаться не могъ. Въ присутствіи другихъ она обращалась съ нимъ быть можетъ нѣсколько холодно, но вполнѣ непринужденно. Правда, когда имъ случалось невзначай оставаться вдвоемъ, она мигомъ перемѣнялась и лицо ея выражало самое ледяное, неумолимое презрѣніе.

Евгеній относился къ этому съ кажущимся равнодушіемъ. Онъ старался увѣрить себя, что чужое мнѣніе для него ничего не значитъ. Но онъ зналъ въ то же время, что это была ложь передъ самимъ собою; онъ сталъ, напротивъ, съ боязливою чуткостью подмѣчать внѣшніе признаки осужденія на лицахъ постороннихъ, даже тамъ, гдѣ его не было вовсе. Сколько разъ онъ опускалъ глаза передъ зоркимъ взглядомъ Натальи Андреевны, хотя старушка и дѣлала видъ, будто ничего не знаетъ. Сколько разъ его рука дрожала отъ пожатія руки Петра Михайловича! Въ поздравленіяхъ совершенно чужихъ людей ему слышалась насмѣшка, а Екатерину Алексѣевну и Вологдина онъ просто избѣгалъ. Онъ долго не могъ забыть, какъ бывшій пріятель, когда они встрѣтились послѣ его помолвки, не протянулъ ему руки и только на одинъ мигъ вскинулъ на него глазами. Стоило ему вспомнить про этотъ взглядъ, и кровь у него приливала къ лицу. Орленевъ стыдился своего малодушія, и въ сердцѣ его вскипала ненависть къ Софьѣ, ради которой онъ переносилъ эти униженія. Чтобъ освободиться хоть на время отъ живого упрека, которымъ была для него Софья, онъ уѣхалъ

на нѣсколько дней въ деревню, подъ предлогомъ необходимости все приготовить тамъ для пріема жены; рѣшено было, что молодые проведутъ въ усадьбѣ Орленева первый мѣсяцъ послѣ свадьбы. Эти нѣсколько дней протянулись цѣлыя двѣ недѣли.

Настя повѣрила, конечно, его объясненіямъ насчетъ долгаго отсутствія. Въ ея глазахъ онъ прочелъ однако какое-то недоумѣніе. А ему предстояло между тѣмъ подготовить ее и къ иному разочарованію. Настя полагала, что послѣ своей поѣздки въ деревню они вернутся въ Петербургъ и будутъ проводить лѣто съ ея родными. Объ этомъ, конечно, нечего было и думать. Евгеній давно условился съ Софьей, что они съ Настей уѣдутъ за границу на неопредѣленное время. Не легко было, однако, убѣдить въ необходимости этого Петра Михайловича и Настю. Орленевъ старался доказать имъ, что развитіе его таланта требуетъ изученія древнихъ мастеровъ и заманчивымъ образомъ рисовалъ Настѣ прелести заграничнаго путешествія. Несмотря, однако, на всѣ эти доводы и на поддержку, оказанную ему Софьей, и Петръ Михайловичъ и Настя не могли освободиться отъ грустной мысли, что ближайшимъ послѣдствіемъ этой свадьбы будетъ разлука, тяжелая для обоихъ.

Наконецъ, давно ожидаемый день наступилъ. Ихъ вѣнчали на красной горкѣ, въ домашней церкви княгини Старобѣльской. Евгенію хотѣлось, чтобы свадьба происходила въ кругу самой тѣсной родни и, если можно, въ приходской церкви. Но это было, очевидно, несбыточною мечтой. Тѣсный кругъ Арбатовской родни обнималъ добрую четверть петербургскаго общества, и Наталья Андреевна ни за что не соглашалась исключить изъ числа приглашенныхъ хотя бы самую отдаленную и невзрачную кузину.

Свадьба внучки, конечно, не могла ее радовать. Но преклоняясь передъ тѣмъ, что въ ея глазахъ было неумолимымъ закономъ, Наталья Андреевна настойчиво требовала, чтобъ обстановка вѣнчанія ни въ чемъ не

отступала отъ обязательной торжественности. Сама ея маленькая сухая особа была вся торжественность въ этотъ день, когда въ бѣломъ платьѣ изъ тяжелаго шелка и со стариннымъ жемчужнымъ ожерельемъ на морщинистой шеѣ она исполняла свои обязанности посаженой матери. Ея непреклонная осанка даже подѣйствовала на Софью: и она тоже, хоть и съ рѣшимостью отчаянія, безукоризненно исполнила свою роль среди этой обманчивой праздничной обстановки. Она двигалась и говорила, будто повинуясь давленію какой-то внутренней пружины. Но эти безсознательныя дѣйствія выходили у нея съ поразительною естественностью. Даже Орленевъ ошибся насчетъ того, что она чувствовала: такъ странно было видѣть ее спокойною, почти улыбающеюся, въ эти дни передъ свадьбой, когда предстоявшая роковая перемѣна должна была сказаться въ ней особенно сильно. Шумъ и бѣготня во всемъ домѣ, приготовленіе къ отъѣзду, нелѣпые совѣты и поздравленія чужихъ,—весь этотъ безсмысленный и неизбѣжный сумбуръ постоянно напоминалъ про то, что ей было такъ ненавистно. А между тѣмъ, у нея оставалось только одно желаніе—дотянуть до конца, какъ у человѣка идущаго вверхъ по крутой горѣ напрягаются силы, чтобы скорѣе докончить съ послѣднимъ, самымъ труднымъ подъемомъ. Только разъ, наканунѣ свадьбы, у нея вырвалось горькое слово.

— Вы будете ее любить?—вдругъ спросила она у Евгенія, когда они нечаянно остались вдвоемъ. Въ первый разъ за эти два мѣсяца ея голосъ будто смягчился, и Орленевъ, поддаваясь ея мнимо-примирительному настроенію, сталъ живо увѣрять ее, что посвятитъ всего себя счастію Насти.

— Въ самомъ дѣлѣ?—рѣзко оборвала она.—Вы, вѣдь, такъ умѣете заботиться о чужомъ счастьѣ..... И вашему слову такъ можно вѣрить...

За то въ слѣдующій, рѣшительный день, она была безукоризненна. Пальцы ея не дрогнули, когда она

благословляла дочь. Твердою поступью Софья вошла въ церковь и заняла свое мѣсто. Только ей казалось, что вокругъ нея происходитъ не свадьба, а ее ведутъ на казнь, и что палачъ, а не священникъ стоитъ передъ аналоемъ, а собравшіеся тутъ пришли сюда смотрѣть, какъ она станетъ умирать. И она болѣзненно ждала минуты, когда ее схватятъ и голова ея ляжетъ на плаху...

— Славою и честію вѣнчаяй,—раздался съ мягкою внушительностью голосъ священника, старавшагося придать возможно болѣе изящества обряду.

Софья какъ бы очнулась ото сна. Она вся дрогнула и почувствовала, что вотъ сейчасъ дикій крикъ вырывается изъ ея груди. Однако нѣтъ,—ничего особеннаго не произошло. Только стоявшая возлѣ нея дама, подумавъ, что она устала, шепнула ей:—Ne voulez vous pas, vous appuyer sur ma chaise?

А въ сонмѣ родныхъ и друзей, видѣвшихъ въ этомъ только одну изъ многихъ вполнѣ приличныхъ свадьбъ, шелъ между тѣмъ всегдашній обмѣнъ пересудъ и замѣчаній.

— Comme il est bien,—замѣтила одна полная дама Екатеринѣ Алексѣевнѣ.—Elle sera très heureuse.

— Vous croyez?—шепнула княгиня въ отвѣтъ, и ея глаза на половину закрылись, останавливаясь на говорившей и будто сомнительно вопрошая будущее.

— Какъ хороша невѣста!—шушукала интересная барышня изъ числа не особенно блестящихъ родственницъ.

— Блѣдна немножко,—отвѣтила пышная, какъ маковъ цвѣтъ, кузина изъ Москвы.

— Да всѣ невѣсты такія бываютъ,—со вздохомъ продолжала первая.—Вотъ когда Варю Сапѣгину вѣнчали, она тоже...

— Еще бы!—неосторожно перебила ее краснощекая барышня,—у той женихъ былъ такой старикъ, лѣтъ за пятьдесятъ!

Она совершенно упустила изъ виду, что этотъ самый пятидесятилѣтній женихъ, извѣстный богачъ генералъ Полуектовъ, былъ предметомъ долгой и неуспѣшной осады со стороны ея собесѣдницы.

— Вы видѣли, кто первый ступилъ на атласъ, женихъ или невѣста?—живо спрашивала у Лизы Болховской одна очень хлопотливая близорукая дама, почему-то думавшая, что это обстоятельство имѣло большое значеніе для будущаго молодыхъ.

— Не все ли равно?—отвѣчала княгиня.—C'est un mariage d'inclination.

— Все-таки, все-таки!—настаивала дама.—Эти mariages d'inclination часто дурно кончаются. Вѣдь, онъ, не правда ли, гораздо ея старше.

Но княгиня Лиза, не любившая злословія, на этотъ разъ не отвѣтила?

И въ толпѣ мужчинъ шелъ тоже неугомонный шепотъ, хотя здѣсь и не столько интересовались женихомъ и невѣстой, а болѣе обмѣнивались замѣчаніями дѣлового свойства, да игривыми шутками, которыя свадебный обрядъ самъ по себѣ наводилъ на умъ.

Отрывки этой болтовни иногда долетали до слуха Евгенія. Онъ стоялъ у аналоя, весь проникнутый торжественностью службы. Онъ думалъ о томъ, какъ бы искупить своею будущею жизнью прошлую вину: ему хотѣлось бы произнести какую-нибудь страшную клятву, которая обезпечила бы счастіе молодой жены и самого его навѣки обязала служить этому счастію. Ему казалось, что онъ герой фантастической легенды; сверхъестественная сила даетъ ему то, чего онъ такъ долго желалъ, но даетъ призракъ, а не дѣйствительность, и сейчасъ вотъ вся эта праздничная обстановка разлетится, какъ дымъ, оставивъ его лицомъ къ лицу съ чѣмъ-то неопредѣленнымъ и ужаснымъ... Онъ почти ожидалъ услыхать вдругъ погребальное, вмѣсто свадебнаго, пѣніе; онъ со страхомъ оглядывался на

стоявшихъ въ церкви, и его не удивило бы, если кто-нибудь выступилъ бы изъ этой нарядной толпы и грознымъ голосомъ обличилъ его передъ всѣми.

Но обрядъ шелъ своимъ чередомъ. Въ церкви слышался шелестъ дамскихъ платьевъ, да слабое жужжаніе веселыхъ разговоровъ. Священникъ сказалъ жениху и невѣстѣ подать руку другъ другу и повелъ ихъ вокругъ аналоя. Рука Евгенія, холодная какъ ледъ, задрожала, когда до нея коснулись пальчики Насти. „Нѣтъ, это не обманъ, ее у меня уже не отнимутъ“, промелькнуло у него въ головѣ, и онъ взглянулъ на нее,—до этой минуты онъ стоялъ рядомъ съ нею, не рѣшаясь поднять на нее глаза. На личикѣ Насти не было и слѣда тревоги: оно все, казалось, сосредоточилось въ молитвѣ, и ни одна посторонняя, безпокойная мысль не мѣшала тихому, благодарному чувству, которому вполнѣ отдалось ея сердце.

— Тверже держи вѣнецъ, смотри, уронишь,—въ эту самую минуту сказалъ одинъ изъ шаферовъ Евгенія другому, невысокому офицеру, который весь покраснѣлъ отъ усердія, стараясь ловко обходить аналой вслѣдъ за женихомъ, держа вѣнецъ надъ его головой.

— Затянулся же ты, братецъ, въ свой мундиръ,—продолжалъ тотъ же голосъ,—ты красенъ, какъ ракъ.

Эти пустыя слова странно прозвучали въ ушахъ Евгенія и мигомъ унесли его торжественное настроеніе. Вотъ о чемъ говорили и чѣмъ занимались вокругъ него! И ему стало тотчасъ же стыдно за свой нелѣпый ужасъ. Развѣ кто-нибудь изъ присутствовавшихъ думалъ о томъ, что свадьба эта не простое зрѣлище, какъ прочія? И кому дѣло до того, что Евгеній имѣлъ всего менѣе права обмѣниваться съ Настей Криницкою обручальнымъ кольцомъ?

И когда священникъ имъ сказалъ поцѣловаться, его страхъ исчезъ и онъ съ улыбкою на лицѣ коснулся ея губъ и отвѣтилъ на взглядъ, обращенный къ нему съ нѣмымъ, немного боязливымъ вопросомъ.

Раздались поздравленія, еще негромкія, сдержанныя церковною обстановкой. Подали карету молодымъ.

Евгеній быстро двинулся къ выходу съ женой, и глаза его теперь уже самоувѣренно, почти съ вызовомъ глядѣли на окружавшихъ.

„Попробуйте отнять ее у меня“, казалось говорили они. „Еслибы можно было теперь, сейчасъ же на поѣздъ“. подумалъ онъ. Но предстояло еще неизбѣжное торжество въ домѣ Криницкихъ, потомъ завтракъ и прощанье.

Самоувѣренность Евгенія не выдержала этой новой пробы.

Когда Екатерина Алексѣевна, чокнувшись съ нимъ, сказала ему: „avouez que vous me devez un peu de reconnaissance“, ему почудилась насмѣшка въ этихъ словахъ его пособницы. А Наталья Андреевна, когда разъѣхались чужіе и Настя ушла переодѣваться, увела его въ сторону и сказала, не скрывая волненія: — Береги ее, — она давно стала говорить ему „ты“,— „за нее ты отвѣчаешь. Помни, чтб за грѣхъ ты взялъ на свою душу“. — Дрожащій голосъ старухи, всегда вѣрной строгимъ приличіямъ, показался ему болѣе грознымъ, чѣмъ какія бы то ни было осужденія постороннихъ.

Пришелъ наконецъ желанный часъ отъѣзда. Самые близкіе собрались на вокзалѣ Николаевской дороги къ курьерскому поѣзду. Странною кажется обыкновенно въ такія минуты желѣзнодорожная суматоха,—такъ не похожа суета отъѣзжающихъ на торжественность этого единственнаго въ жизни прощанья съ прошлымъ. Но Орленевъ былъ радъ толпѣ; она служила ему убѣжищемъ отъ семейства, въ которое онъ вторгся почти насильно. Шумъ и бѣготня накладывали свой будничный отпечатокъ на послѣднія минуты передъ отъѣздомъ.

Раздался третій звонокъ. Поѣздъ тронулся. Теперь она его, исключительно его, и нечего уже скрывать, и

нечего бояться. Отчего же онъ сидѣлъ противъ молодой жены опустивъ голову? Отчего онъ не смѣлъ обнять ее и притянуть къ себѣ? Онъ только взялъ ея руку и бережно цѣлуя ее, шепотомъ сказалъ, будто просилъ жену о прощеніи:

— Не правда ли, Настя, мы будемъ счастливы?

Она молча положила свою голову на его плечо и почувствовала, какъ горячая слеза, давно невѣдомая его глазамъ, скатилась на ея трепещущую руку.

XXX.

Когда намъ приходится ѣхать въ новый край и въ первый разъ увидѣть мѣста извѣстныя своею живописностью, мы обыкновенно рисуемъ ихъ напередъ въ своемъ воображеніи. Но дѣйствительность почти никогда не соотвѣтствуетъ ожиданіямъ. И съ Настей случилось то же. Ея замужняя жизнь принесла ей не то чтобы разочарованіе, а какое-то странное удивленіе. Она была счастлива, конечно, но совсѣмъ не такъ, какъ ожидала. Правда, ея мужъ въ качествѣ художника представлялся ей прежде какимъ-то высшимъ существомъ, непохожимъ на остальныхъ людей. На дѣлѣ герой ея романа оказался очень обыкновеннымъ смертнымъ, и этотъ смертный вдобавокъ обнаруживалъ несомнѣнные признаки усталости. Да и было впрочемъ отчего устать. Послѣ долгихъ колебаній и тяжелой борьбы съ самимъ собою, Орленевъ видѣлъ въ своей новой жизни какъ-бы пристань, въ которой можно остановиться и отдохнуть, забывъ о прошломъ и не безпокоясь о будущемъ. Онъ не только не уносился впередъ съ женой, подымая ее на высоту, напротивъ, онъ хотѣлъ, чтобъ и она, подобно ему, довольствовалась тѣми благами, какія даетъ вполнѣ обезпеченная жизнь среди разнообразныхъ впечатлѣній чужой страны. Даже его художественное вдохновеніе оказалось лишь

плодомъ чуткаго и выработаннаго вкуса, не идущаго далѣе внѣшняго изящества формъ. Идеальная струнка была, повидимому, чужда его эпикурейской природѣ. Прошло довольно времени, пока Настя созналась въ этомъ передъ собой, но она слишкомъ любила мужа, чтобы съ этимъ не помириться. Въ ея рукахъ оказалось болѣе низкопробное золото, чѣмъ то, о которомъ она мечтала, но какое бы ни было его достоинство, оно все-таки было ей дорого. Правда, нерѣдко ей приходилось съ недоумѣніемъ выслушивать иные отзывы мужа, въ которыхъ слишкомъ проглядывала черствость, очень сходная съ моралью Семена Кирилловича. Правда, ей казалось иногда, что онъ уже черезчуръ дорожитъ мелочными успѣхами самолюбія и съ чисто русскимъ смиреніемъ заискиваетъ въ иностранцахъ. Но любовь, извѣстное дѣло, не безпристрастный судья. Такъ хорошо было подъ его руководствомъ любоваться великими памятниками италіанскаго возрожденія и, слушая его чтеніе, знакомиться съ его любимыми авторами, словамъ которыхъ его мягкій, богатый голосъ придавалъ особенную прелесть. Конечно, и тутъ его вкусъ не всегда совпадалъ съ тѣмъ, что подсказывало ей собственное чутье. Ее не привлекала столь любимая имъ чувственная живопись венеціанцевъ, а циническое остроуміе Бальзака иногда коробило ея молодую впечатлительность. Но передъ ней открывался незнакомый ей до того художественный міръ и, входя въ него, она охотно подчинялась указаніямъ мужа, который теперь дѣлился съ ней сужденіями своего опытнаго и тонкаго вкуса.

Слишкомъ два года провели они за границей. Настя была бы не прочь сократить путешествіе. Несмотря на разнообразіе новыхъ впечатлѣній, ее часто тянуло домой; здоровье отца особенно безпокоило ее. Но Евгеній всегда находилъ убѣдительные доводы, чтобы продлить ихъ отсутствіе изъ Россіи. Настя, пожалуй, и легко согласилась бы съ нимъ, еслибъ одно ее не тревожило.

Въ отвѣтъ на подробныя описанія своей жизни съ мужемъ, она получала отъ Софьи Сергѣевны лишь рѣдкіе и сухіе отвѣты. Про Евгенія въ нихъ не упоминалось никогда; мать будто не хотѣла знать, что Настя замужемъ. Часто она про это заговаривала съ мужемъ, но и онъ какъ бы нехотя отвѣчалъ ей, ограничиваясь довольно странными объясненіями вродѣ того, что Софья Сергѣевна съ трудомъ соглашалась на свадьбу дочери, и до сихъ поръ, вѣроятно, не вполнѣ довольна этимъ.

— Ты знаешь,—говорилъ онъ,—какъ она настойчива въ своихъ мнѣніяхъ. Современемъ это уладится.

Но время шло и ничего не улаживалось.

— Ты бы попробовалъ написать ей,—уговаривала Настя Евгенія, удивляясь, что мужъ подъ разными предлогами никогда не писалъ Софьѣ Сергѣевнѣ. Эта необычайная холодность ей казалась тѣмъ страннѣе, что прежде,—она помнила это,—они были друзьями.

Когда у Насти родился сынъ, она понадѣялась, что мать откликнется, по крайней мѣрѣ, на эту великую радость. Но и тутъ она обманулась. Софья Сергѣевна ограничилась самымъ офиціальнымъ поздравленіемъ. Она, повидимому, осталась вполнѣ равнодушною къ рожденію внучка.

Разъ, зимой,—они жили тогда во Флоренціи,—къ Настѣ пришло отъ Петра Михайловича письмо, въ которомъ онъ убѣдительно просилъ дочь вернуться, говоря, что здоровье его становится плохимъ и что даже, можетъ быть, не далекъ конецъ. Взволнованная этимъ извѣстіемъ, Настя объявила мужу, что они тотчасъ должны ѣхать въ Петербургъ, и никакія отговорки Орленева на нее уже не дѣйствовали. Впрочемъ, думалъ онъ, рано или поздно это было неизбѣжно и за эти два съ половиною года Софья, конечно, успѣла если не забыть, то по крайней мѣрѣ смириться.

Первая встрѣча прошла довольно благополучно. Материнское чувство побѣдило у Софьи всѣ остальныя. Она такъ обрадовалась свиданію съ дочерью, что даже

въ ея обращеніи съ Орленевымъ не замѣтно было натянутости.

Петръ Михайловичъ былъ, повидимому, вовсе не такъ уже боленъ, какъ можно было ожидать по его письму. Онъ довольно мало измѣнился; иногда только появлялись у него признаки нервности, мало свойственные его сухой натурѣ. Онъ едва не расплакался, обнимая дочь. Врачебная знаменитость, къ которой онъ обращался, выразилась про него съ тою загадочною туманностью, которой охотно прикрывается научное безсиліе. Но все-таки не было особыхъ причинъ тревожиться.

Орленевъ былъ какъ нельзя болѣе доволенъ исходомъ свиданія. У него будто гора съ плечъ свалилась.

— Ты видишь,—говорилъ онъ женѣ, возвращаясь домой,— ты безпокоилась напрасно, и никакихъ недоразумѣній между твоею матерью и мною на самомъ дѣлѣ нѣтъ.

Но онъ черезчуръ торопился праздновать побѣду. Уже ближайшіе дни разсѣяли его самообольщеніе, и случилось это тѣмъ скорѣе, быть можетъ, что осторожность ему измѣнила. Побѣду слѣдуетъ доводить до конца; но это мудрое военное правило не всегда пригодно для семейной жизни. Орленевъ слишкомъ поспѣшилъ вступить въ свои родственныя права у Криницкихъ, и его самодовольная развязность тотчасъ вызвала отпоръ. До пріѣзда дочери, Софья много поработала надъ собой и приготовила цѣлый планъ дѣйствій, съ тѣмъ чтобъ установить хотя сносныя отношенія со своимъ негаданнымъ зятемъ.

Но дѣйствительность рѣдко осуществляетъ заранѣе обдуманные планы, а женскіе въ особенности. Ежедневное соприкосновеніе съ замужнею жизнью дочери снова подняло у Софьи исчезнувшую на мигъ горечь. Ее возмущало самое счастіе Насти, хоть она и не обманывала себя на счетъ того, что не одно негодованіе, а иное болѣе личное, недоброе чувство говорило въ ней. А

тутъ, вдобавокъ, приходилось ей читать на лицѣ Евгенія сознаніе торжества, и видѣть, какъ онъ, не стѣсняясь, будто кичится передъ ней своимъ краденымъ счастьемъ. Разъ, дней десять послѣ возвращенія Насти, Софья была вдвоемъ съ дочерью у себя въ кабинетѣ. Вдругъ въ сосѣдней комнатѣ послышались знакомые быстрые шаги. Евгеній постучался въ дверь. „Можно войти, конечно?“ весело спросилъ онъ, и не дождавшись отвѣта вошелъ въ кабинетъ. Это было точь въ точь какъ прежде, въ давно прошедшіе годы. И голосъ, и спѣшная, легкая походка были совершенно тѣ же. Софью вдругъ обдало этимъ воспоминаніемъ; иногда самыя пустыя мелочи живо вызываютъ образъ прошлаго, и лицо ея задрожало отъ набѣжавшей мысли, и снова легло на него ожесточенное, ледяное выраженіе, какъ передъ свадьбой Насти. Орленевъ развязно усѣлся и заговорилъ самымъ беззаботнымъ образомъ; онъ даже обратился къ женѣ съ какою-то шуткой; онъ не догадался во-время, что происходило въ душѣ Софьи. Зато Настя тотчасъ замѣтила перемѣну на лицѣ матери, и въ отвѣтъ на нее, испугъ выразился на ея чертахъ. Она боязливо, вопросительно глядѣла на мужа, и въ первый разъ въ ея головѣ промелькнула догадка, что между нимъ и матерью есть нѣчто болѣе, чѣмъ простое недоразумѣніе... А Софья все молчала, и только руки ея, судорожно вертѣвшія костяной ножикъ, выдавали ея волненіе, и все сумрачнѣе глядѣли ея глаза подъ сдвинутыми бровями. Орленева тоже обдало холодомъ отъ этого страннаго упорнаго взгляда и онъ въ свою очередь удивленно посмотрѣлъ на жену. Съ минуту продлилось молчаніе.

— Настя, оставь насъ вдвоемъ, — жесткимъ, рѣжущимъ голосомъ обратилась Софья къ дочери: — мнѣ нужно переговорить съ твоимъ мужемъ.

Настя вышла, снова взглянувъ на мужа. Но на этотъ разъ его глаза были опущены, и только пальцы его лѣвой руки барабанили по столу.

Онъ, однако, заговорилъ первый, когда дверь притворилась за Настей.

— Что случилось? почему вы услали Настю?—спросилъ онъ.

— Вы недавно въ Петербургѣ,—сказала она,—но я уже успѣла замѣтить, что вы не отдаете себѣ отчета, каковы должны быть наши отношенія, и потому я вынуждена объяснить вамъ то, что вы сами, конечно, могли бы сказать себѣ.

И говоря это холодно и отчетливо, она смѣрила его такимъ взглядомъ, что онъ невольно отъ нея отодвинулся.

— Я охотно избавила бы и васъ и себя отъ всякаго объясненія, но что́ же дѣлать, если, благодаря вамъ, оно становится необходимымъ? Лучше съ нимъ покончить какъ можно скорѣе. Намъ, къ сожалѣнію, придется встрѣчаться довольно часто, и если вы желаете, въ чемъ я не сомнѣваюсь, оградить свою... жену отъ тяжелыхъ открытій, вы не должны забывать, что для меня и въ моемъ домѣ вы самый чужой изъ чужихъ.

— Но позвольте, Софья Сергѣевна,—прервалъ онъ ее, и гнѣвная краска показалась на его щекахъ,—ради своей же дочери, которую вы, кажется, любили когда-то, вы должны бы пересилить себя и не создавать невозможныхъ натянутыхъ отношеній. Вѣдь, отъ васъ, поймите же это, зависитъ ея спокойствіе, и ему вы могли бы принести нѣкоторую жертву, не слишкомъ тяжелую при вашемъ самообладаніи. Я полагалъ, что въ два года вы успѣли свыкнуться съ этою мыслью и обдумать все это...

— Вы хотите учить меня, какъ мнѣ любить дочь! Я должна себя осилить и принести эту жертву. Вы это полагали! Въ два года, говорите вы, я могла успѣть... Я, стало-быть, по вашему, виновата въ томъ, что́ случилось? Не вамъ, кажется, мнѣ ставить условія... Вы! вы должны подчиниться тѣмъ, которыя вамъ поставлю я, какъ бы они для васъ ни были унизительны. Или,

вы думаете, можно, какъ вы это сдѣлали, воспользоваться тѣмъ, что я вынуждена молчать, и сохранить право на что-нибудь похожее на уваженіе? Можно украсть у меня дочь? да, украсть, и знайте это, еслибы Настя когда-нибудь открыла истину, она бы отвернулась отъ васъ, а не отъ меня, и ея любовь смѣнилась бы презрѣніемъ! Вы, я думаю, видите, что такія перемѣны возможны. И я требую отъ васъ, если уже я не могу быть вполнѣ избавлена отъ вашего присутствія, чтобы вы оставляли меня вдвоемъ съ дочерью въ тѣ рѣдкія минуты, когда я могу ее видѣть съ глазу на глазъ, слышите-ли, требую, чтобы тогда вы не смѣли, какъ вотъ сейчасъ, выставлять свои права зятя, какъ будто между нами могутъ быть родственныя отношенія!..

Орленевъ до крови укусилъ себѣ нижнюю губу.

— Извольте,—проговорилъ онъ дрожащимъ отъ бѣшенства голосомъ.—Я буду для васъ, какъ вы говорите, самымъ чужимъ изъ чужихъ. Я готовъ уѣзжать изъ своего дома каждый разъ, когда вы окажете ему высокую честь своего посѣщенія. Но и на васъ падетъ отвѣтственность за послѣдствія. Возвращаясь сюда, я добросовѣстно хотѣлъ возстановить миръ между нами, и не моя будетъ вина, если рано или поздно ваша дочь узнаетъ, что она ошиблась въ своемъ безграничномъ уваженіи къ вамъ.

И, не давъ ей времени отвѣтить, Евгеній вышелъ изъ комнаты.

XXXI.

Тяжелое время наступило для Орленева. Да и на самой его домашней жизни отражалась его размолвка съ Софьей. Онъ сталъ часто выѣзжать, оставляя дома жену, чтобы дать ей возможность видѣться съ матерью. Но Софья Сергѣевна плохо вознаграждала Настю за отсутствіе мужа. Хоть она и увѣряла себя, что свои чувства къ

Орленеву она не перенесетъ на дочь, ни въ чемъ не виноватую передъ ней, на этотъ счетъ она себя завѣдомо обманывала. Прежней задушевности она не могла возстановить. И она, и Настя долго не хотѣли сознаваться передъ собой, какъ тяжело и неловко имъ было въ обществѣ другъ друга. Скрытый разрывъ шелъ все дальше и глубже. Софья даже стала подъискивать предлоги, чтобы не видѣть дочери, а чутье Насти подсказало ей, что между нею и матерью все сильнѣе растетъ отчужденіе. Орленевъ тревожно подмѣчалъ, какъ облако грусти все тяжелѣе ложилось надъ счастливою жизнью его молодой жены. Его старанія развлечь Настю были тщетны. Ее печалила не одна размолвка съ матерью, ее пугали таинственныя причины размолвки, и въ этой тайнѣ она чуяла бѣду. Настя чувствовала, что мужу извѣстно нѣчто, чего онъ ей сказать не можетъ или не хочетъ; и сознаніе, что между ними стоитъ это нѣчто медленно подрывало ея довѣріе къ мужу. Она даже не разспрашивала его, такъ боялась она услышать такой отвѣтъ, который слишкомъ подтвердилъ бы ея смутныя опасенія.

Съ отцомъ за то она была откровенна. Она почему-то привыкла относиться къ нему съ нѣжнымъ полусознательнымъ состраданіемъ, будто онъ ей казался обиженнымъ.

— Какъ это я тебя съ нѣкоторыхъ поръ застаю все одну по вечерамъ?—спросилъ онъ однажды, заѣхавъ къ дочери.

— Мама хотѣла быть у меня сегодня вечеромъ, и вотъ Евгеній....

Она запнулась, ей непріятно было признаться, что онъ намѣренно уѣзжалъ, когда ожидали Софью Сергѣевну; но Петръ Михайловичъ досказалъ ея мысль.

— И твой мужъ,—проговорилъ онъ морщась,—не хотѣлъ встрѣтиться съ тещей? Это ты хотѣла сказать?

Не получивъ отвѣта, Петръ Михайловичъ прошелся по комнатѣ.

— А мама такъ и не пріѣхала? — спросилъ онъ опять.

— Ты знаешь,—вполголоса сказала Настя,—что мама теперь очень рѣдко у меня бываетъ.

— Скажи мнѣ, пожалуйста, — помолчавъ немного спросила она,—отчего обращеніе мама со мной такъ перемѣнилось?

Онъ снова прошелся, будто не слышалъ ея словъ. Потомъ онъ вдругъ остановился передъ Настей и почти боязливо вскинулъ на нее глазами. На лбу у него показалась, незнакомая ей до того, глубокая болѣзненная морщина.

— Съ какихъ поръ ты замѣтила перемѣну?—спросилъ онъ.

— Не знаю какъ и сказать тебѣ, папа,—отвѣтила она, покачавъ головой.—Только въ первый разъ мнѣ это показалось давно ужъ, вы помните, когда мы проводили лѣто въ Покровскомъ за годъ передъ моей свадьбой?

— Когда именно? Ты не можешь опредѣлить точнѣе?

— Да кажется, если не ошибаюсь, съ того самаго вечера, когда мы были у Шатовыхъ и Евгеній со мною объяснился въ Глѣбовскомъ саду. И хотя на слѣдующій день онъ уѣхалъ, она все-таки не перестала держаться со мной такъ строго, какъ будто я провинилась. Это продолжалось долго, до самой зимы.

— И потомъ возобновилось опять, когда ты стала невѣстой?

— Да. Но тутъ уже было не то, была не одна строгость, а страшно сказать папа,—будто она меня разлюбила. И вотъ я слишкомъ два года замужемъ, а мама все не можетъ простить.

Морщина все глубже бороздила лобъ Петра Михайловича.

— Простить!—глухо пробормоталъ онъ.

— Положимъ я была виновата въ томъ, что долго не говорила ей про свое чувство къ Евгенію и потомъ,

вопреки ея желанію, за него вышла. Но развѣ это такой ужъ непростительный грѣхъ? И зачѣмъ же именно за Евгенія я не должна была идти? Какъ хотите, папа, а тутъ что-то необъяснимое. Вѣдь, до самаго того дня, когда онъ сдѣлалъ предложеніе, и вы, и мама принимали его такъ охотно.

Петръ Михайловичъ машинально кивнулъ головой. Его глаза упорно были устремлены на дочь, а между тѣмъ, они смотрѣли въ давно прошедшую даль, какъ бы силясь тамъ что-то разглядѣть...

— Если мама такъ не хотѣлось, чтобы мы полюбили другъ друга, она могла не допустить до всего этого ранѣе... Вѣдь, скажите, папа, вы давно уже догадывались, не правда ли? И какъ же это мама одна ничего не примѣчала? И вдругъ съ того самаго дня, послѣ ея разговора съ Евгеніемъ, такая перемѣна... Я помню еще, какъ оба они были взволнованы, выходя изъ ея кабинета. Какъ будто это ей показалось такъ странно и неожиданно.

— Богъ знаетъ, о чемъ они тамъ говорили,—глухо произнесъ онъ вставая съ мѣста.

— Какъ, папа, чтб же вы думаете?—испуганно вскрикнула Настя.

— Тебѣ мужъ говорилъ, что онъ тогда просилъ твоей руки?—продолжалъ онъ, и все напряженнѣе глядѣли его усталые глаза.

— Нѣтъ, не мужъ, мы никогда съ нимъ про это не заговаривали, мнѣ передала княгиня Екатерина Алексѣевна; такъ неужели вы думаете, что это была неправда?

И съ каждымъ произносимымъ ею словомъ выраженіе испуга на ея лицѣ усиливалось. Но вдругъ оно смѣнилось ужасомъ: Петръ Михайловичъ вмѣсто отвѣта зашатался и почти упалъ на кресло съ видомъ страданія прижимая руку къ груди.

— Папа, папа, чтб съ вами?—вскрикнула она наклонясь надъ нимъ.

— Ничего, это пройдетъ. Дай воды,—простоналъ онъ. Онъ поблѣднѣлъ, какъ мертвецъ и до ея слуха доходили судорожныя, учащенныя біенія его сердца.

Настя до тѣхъ поръ не подозрѣвала, что отцу грозитъ близкая опасность. Она дала себѣ слово не заговаривать съ нимъ больше о предметѣ, который, очевидно, волновалъ его. Но его недомолвки оставили у нея глубокій слѣдъ, и она тоже принялась теперь подбирать воспоминанія прошлаго, стараясь найти въ нихъ объясненіе тѣхъ противорѣчій, которыя теперь только стали поражать ее своею странностью.

Нѣсколько дней спустя она опять была вечеромъ одна; это съ ней теперь случалось довольно часто. Она неохотно показывалась въ обществѣ, предоставляя мужу извинять ея отсутствіе. Она только что кончила первый томъ какого-то романа и пошла доставать слѣдующій. Это была уже не новая книга, въ поношенномъ переплетѣ, изъ библіотеки Евгенія, которую недавно перевезли въ городъ. Едва она раскрыла книгу, на ея колѣни выпалъ оттуда довольно толстый конвертъ, очевидно, давнымъ-давно положенный туда для отмѣтки. Конвертъ былъ вскрытъ, и длиннымъ письмомъ, въ немъ сохранившимся, должно быть, не особенно дорожили. Настя хотѣла его бросить въ каминъ, но рука ея вдругъ остановилась. Она узнала почеркъ матери и внимательно разсмотрѣла адресъ и штемпель на помятомъ конвертѣ. Оно было адресовано ея мужу, въ Римъ, и послано изъ Петербурга, шесть лѣтъ тому назадъ. Судя по толщинѣ конверта оно писано было, повидимому, на трехъ листахъ, знакомымъ ей сжатымъ, но красивымъ, твердымъ почеркомъ. Стало быть слишкомъ три года послѣ отъѣзда Евгенія,—она хорошо помнила этотъ отъѣздъ,—мать еще переписывалась съ нимъ, и судя по объему письма, переписывалась усердно. Стало быть, тогда они были въ самомъ дѣлѣ друзьями, а не простыми знакомыми, которыхъ связываетъ привычка видѣться часто. Ей захотѣлось прочесть письмо. Тутъ, очевидно, не

могло быть ничего предосудительнаго. Письмо было старинное, заброшенное, отъ ея матери къ ея же мужу. Тайны тутъ не было, конечно, никакой. Она, тѣмъ не менѣе, оставила конвертъ нетронутымъ возлѣ себя на столѣ. Прошелъ цѣлый часъ, нечитанная книга спокойно лежала у нея на колѣняхъ; мысли ея бродили, тщетно стараясь проникнуть въ глухія потемки необъяснимаго прошлаго. Такъ засталъ ее мужъ, видимо довольный проведеннымъ вечеромъ. Поцѣловавъ жену, онъ сталъ оживленно разсказывать: онъ не примѣчалъ, что она сидитъ неподвижно передъ нимъ и не отвѣчаетъ ему ни слова. Казалось, онъ привезъ съ собою отголосокъ той лести, которую ему расточали въ обществѣ; и только благодаря этому, онъ могъ забывать грозу, готовую въ любой мигъ нагрянуть на него дома. Онъ былъ тогда въ полномъ расцвѣтѣ извѣстности.

— Я не понимаю, какъ ты можешь такъ упорно сидѣть дома,—въ сотый разъ повторялъ онъ ей.—Мнѣ было бы такъ пріятно тебя вывозить и показать имъ всѣмъ, что я тобой только и дорожу и въ грошъ не ставлю всѣ ихъ дешевыя любезности.

И Евгеній снова поцѣловалъ ее въ лобъ, въ подтвержденіе этихъ не совсѣмъ искреннихъ словъ; въ первый разъ послѣ ихъ свадьбы она не отвѣчала на его ласку. Вдругъ, приподнявъ голову, онъ увидѣлъ конвертъ на столѣ и тотчасъ узналъ почеркъ. Его лицо мгновенно измѣнилось.

— Откуда это? ты прочла?—дикимъ задыхающимся голосомъ спросилъ онъ.

— Разумѣется нѣтъ,—и съ ея лица тоже сошла краска, когда она всмотрѣлась въ блуждающіе встревоженные глаза мужа.

Онъ схватилъ конвертъ и быстро развернулъ бумагу. Тутъ онъ вздохнулъ свободно.

— Ахъ, это ничего, пустяки, ты можешь прочесть, коли хочешь,—сказалъ онъ, стараясь вернуть себѣ спокойствіе и подавая ей письмо.

Она не взяла его.

— Нѣтъ, зачѣмъ читать,—сказала она, и глаза ея удивленно глядѣли на мужа,—мнѣ вовсе не нужно знать, что тутъ написано. Но почему же ты испугался такъ, когда подумалъ, что я прочла? Стало-быть есть иныя письма, которыхъ я читать не могу?

— Ты сама можешь убѣдиться,—прервалъ онъ ее,—какъ мало интересно содержаніе этого письма. А если я сперва колебался, дать ли тебѣ письмо, такъ потому только, что Софья Сергѣевна иногда мнѣ сообщала разныя подробности про своихъ родныхъ, а къ чему воскрешать эти, давно забытыя, сплетни?

— Значитъ, ты съ мама долго переписывался? Да, вѣдь, переписка бываетъ только между близкими людьми, а теперь...

По лицу Евгенія пробѣжало едва замѣтное и тотчасъ подавленное выраженіе не то стыда, не то досады.

— Что-жъ изъ этого?—возразилъ онъ.—Развѣ переписка къ чему-нибудь обязываетъ? И мало развѣ людей, которые сегодня очень дружны, а черезъ нѣсколько лѣтъ становятся совершенно чужими?

И Евгеній постарался отвлечь разговоръ въ другую сторону. Но какъ ни сыпалъ онъ блестками своего остроумія, ему не удалось согнать съ лица Насти слѣды овладѣвшей ею тяжелой мысли. Она не обращала вниманія на его принужденную веселость и все та же загадка просилась ей на умъ. Ея воображеніе было слишкомъ безукоризненно чисто, чтобъ она могла сразу понять истину. Подозрѣніе ея не упало на мать. Но она уже не сомнѣвалась въ томъ, что въ прошломъ есть нѣчто, чего ей не хотятъ сказать и въ чемъ какимъ-то страннымъ образомъ замѣшанъ ея мужъ.

XXXII.

Въ Петербургѣ господствовало чрезвычайное возбужденіе, совсѣмъ несвойственное берегамъ Невы. Россія была наканунѣ войны. Даже у тѣхъ людей, для которыхъ въ жизни существуетъ лишь двѣ цѣли, развлеченіе и выгода, вдругъ оказывался неожиданный запасъ воинственнаго патріотизма. Только и было рѣчи, что про святость призванія Россіи и про готовность жертвовать собой. Даже въ присутствіи дамъ, которыя въ точности не знали что такое Болгарія и которымъ православіе было извѣстно лишь въ формѣ посѣщенія нарядныхъ домашнихъ церквей по воскресеньямъ, приходилось пѣть въ одинъ голосъ про братьевъ славянъ и про защиту правой вѣры. Малѣйшее насмѣшливое замѣчаніе, всякое немного холодное слово не проходило даромъ въ томъ самомъ обществѣ, которое воспитано на холодности и глумленіи: по меньшей мѣрѣ приходилось услышать кличку „дипломатъ“, а кличка эта въ то время сдѣлалась почти браннымъ словомъ.

Война была объявлена. Лихорадочная, порой суетливая дѣятельность охватила Петербургъ. Съ часу на часъ ожидали извѣстія о переходѣ черезъ Дунай.

Въ главномъ комитетѣ Краснаго Креста только что кончилось засѣданіе, и по оживленному говору въ обширной залѣ, гдѣ съѣхавшіеся члены Общества теперь стояли разбившись на кучки, можно было заключить, что на этотъ разъ это не было однимъ изъ тѣхъ формальныхъ засѣданій, куда отправляются, чтобы молча выслушать докладъ, думая совершенно о другомъ. Снаряжали одинъ изъ первыхъ санитарныхъ отрядовъ. На всѣхъ лицахъ былъ живой неподдѣльный интересъ къ дѣлу. Нѣсколько дамъ провожали уѣзжавшую великую княгиню. Среди генеральскихъ мундировъ и нарядныхъ платьевъ мелькали темныя одежды сестеръ и фигуры молодыхъ врачей, и у всего этого разнороднаго люда была въ эту минуту одна только, всѣхъ одушевлявшая, забота.

Княгиня Старобѣльская, предсѣдательница одного изъ отдѣловъ, долго и внимательно разговаривала съ однимъ блѣднымъ молодымъ человѣкомъ, лицо котораго носило слѣды недавней болѣзни.

— Вы напрасно ѣдете, докторъ,—говорила она ему,—вы же мнѣ сейчасъ признались, что у васъ былъ тифъ. Для васъ опасность вдвое больше. Погодите, пока окрѣпнете.

Улыбка, скользнувшая по губамъ молодого человѣка, ясно говорила, что эта опасность ему не кажется грозною.

Къ княгинѣ подошла Настя Орленева, одна изъ самыхъ ревностныхъ участницъ ея отдѣла. Она тотчасъ узнала молодаго человѣка, несмотря на то, что такъ измѣнилось его исхудавшее лицо. Она хотѣла ему протянуть руку, но его поклонъ былъ такъ холоденъ, что рука ея остановилась на полпути.

— Вы знакомы съ докторомъ Гашинымъ?—спросила княгиня.

— Мы сосѣди по имѣнію,—отвѣчала Настя. Княгиня отошла отъ нихъ и стала разспрашивать о чемъ-то одну изъ сестеръ милосердія.

— То-есть мы были сосѣдями, — горько возразилъ Александръ.— Ольховка уже не моя. По крайней мѣрѣ, я могу уѣхать, не оставляя за собой ни семейныхъ, ни личныхъ заботъ.

— Да, я слышала, вашъ батюшка... — съ участіемъ нерѣшительно проговорила Настя.

— Мой бѣдный отецъ не выдержалъ этого. Онъ не умѣлъ приноровиться къ новымъ порядкамъ, они его и убили. Для него, никогда прежде не знавшаго долговъ, невыносимо было, что его добро неминуемо должно перейти въ чужія руки... Но впрочемъ, Анастасія Петровна,—добавилъ онъ почти рѣзко,—я напрасно про это вамъ разсказываю, вы этимъ интересоваться не можете.

— Зачѣмъ вы такъ говорите? — съ упрекомъ отвѣчала она,—не я только, вы это знаете, а вся наша семья...

— Вы всегда были добрыми сосѣдями, я это помню,— холодно возразилъ онъ и насмѣшка слышалась въ его голосѣ:—у меня въ самомъ дѣлѣ достаточно поводовъ благодарить судьбу за это сосѣдство.

Настя простояла нѣсколько секундъ молча. Ей больно было это слышать; ей такъ хотѣлось сказать ему на дорогу теплое слово дружбы и участія. Но онъ стоялъ передъ ней, угрюмо смотря внизъ, и нисколько не желая помочь ей.

— Вы скоро ѣдете?—спросила она.

— Поѣду-съ, Настасья Петровна, когда прикажутъ. Вѣроятно на-дняхъ. Чѣмъ скорѣе, конечно, тѣмъ лучше; мнѣ, говорю вамъ, не съ кѣмъ прощаться ни здѣсь, ни въ цѣлой Россіи.

— Вы были больны? Вы такъ... — она не досказала.

— Я измѣнился, вы находите? Можетъ быть. Насмотрѣлся я тамъ, въ Черниговской губерніи, на всякія людскія страданія и убѣдился, что человѣкъ, если только захочетъ, существо выносливое. Меня тифомъ не удивишь, провозился я съ нимъ... по крайней мѣрѣ буду знать, какъ другихъ лѣчить.

Настю поразила странная перемѣна въ этомъ человѣкѣ и не одна наружная перемѣна. Куда дѣвалась его прежняя застѣнчивая нерѣшительность въ разговорѣ съ нею?

— Теперь я по крайней мѣрѣ здѣсь, и съ дѣлами покончилъ, и дѣлъ уже у меня въ цѣломъ мірѣ не будетъ,—продолжалъ онъ.—А правда и то, что бумажная возня у нотаріусовъ мнѣ тяжелѣе пришлась, чѣмъ возня съ болѣзнью.

— Александръ Степановичъ, — робко сказала она,— мнѣ и незачѣмъ говорить вамъ, чего я отъ души вамъ желаю: вернитесь съ сознаніемъ принесенной пользы. Васъ бы слѣдовало пока удержать здѣсь, но вы, конечно, не послушаетесь, да и правда, что бываютъ въ жизни минуты, когда хочется идти навстрѣчу опасности, и

мѣшать тогда не слѣдуетъ. А легко на душѣ, когда жертвуешь собою, и пожалуй счастливы тѣ, кого ничто не удерживаетъ.

Александръ съ изумленіемъ слушалъ эти странныя слова. Но онъ не успѣлъ возразить ей; къ нимъ подходили Екатерина Алексѣевна и княгиня Лиза.

— А, вотъ вы гдѣ, Настя! Съ докторомъ,—воскликнула княгиня,—а я васъ ищу; впрочемъ, вы давно, вѣдь, знакомы? Да? Я все боюсь, Настя, какъ бы вы не вздумали сами когда-нибудь ѣхать на Дунай съ санитарнымъ отрядомъ, въ самомъ дѣлѣ! Не смѣйтесь, докторъ,—обратилась она все тѣмъ же шутливымъ тономъ къ Александру, хотя тотъ и не думалъ смѣяться.

Княгиня Лиза, между тѣмъ, принялась разсматривать выставленные образцы лазаретныхъ принадлежностей и подозвала его къ себѣ. Хотя Александру уже много разъ приходилось давать объясненія любознательнымъ дамамъ, онъ былъ почти радъ случаю прекратить свой разговоръ съ Настей.

— Il est très bien, ce jeune médecin, — продолжала Екатерина Алексѣевна, — хоть есть у него нѣкоторая аффектація холодности, какъ у всѣхъ этихъ докторовъ изъ передовыхъ, но я это даже люблю. Кстати, мнѣ Шатовъ разсказывалъ, что онъ былъ когда-то очень влюбленъ въ васъ? Правда? Нечего краснѣть, мой другъ, это со всѣми бываетъ.

Настя сама не знала, почему она съ нѣкоторыхъ поръ стала ощущать какое-то безпричинное отчужденіе отъ княгини Екатерины Алексѣевны. Только всякій разъ, что онѣ встрѣчались, у нея сказывалось желаніе прекратить разговоръ съ княгиней, какъ можно скорѣе.

Но княгиня, повидимому, этого не замѣчала.

— Вы знаете,—продолжала она,—что я на-дняхъ купила имѣніе этого господина Гашина, и стало-быть теперь ближайшая сосѣдка Покровскаго? Шатовъ долго-долго туда мѣтилъ, а я сумѣла-таки его предупредить. Этотъ молодой человѣкъ что-то очень не хотѣлъ про-

дать его именно Шатову, и я воспользовалась. Провести Шатова,—не правда ли, какъ это весело?

Настѣ, однако, это вовсе не казалось особенно веселымъ и она только изъ вѣжливости отвѣчала нѣсколько безразличными словами.

— А вотъ что я вамъ скажу, мой другъ,—продолжала княгиня, принимая озабоченный видъ,—вы должно-быть нездоровы. На васъ лица нѣтъ. Я давно замѣтила, и я не понимаю, какъ вашъ мужъ.... вамъ бы нужно себя поберечь, а не ѣздить на всѣ наши засѣданія, потому что, entre nous soit dit, все-таки отъ нашего присутствія толку никакого нѣтъ. Я вашему мужу выговоръ сдѣлаю. Онъ дурной мужъ. И зачѣмъ же онъ тогда, два года тому назадъ, такъ добивался сдѣлаться вашимъ мужемъ? Я вѣдь помню все, что̀ онъ тогда мнѣ твердилъ... А скажите откровенно, Настя, вѣдь, онъ все-таки не дурной мужъ, не правда ли?

Въ разговорѣ съ княгиней всегда трудно было угадать, когда она перестаетъ шутить. Настя, впрочемъ, не задумывалась надъ этимъ. Но ее оскорбили слова княгини и небрежный тонъ, которымъ они были сказаны, и она отвѣчала довольно сухо:

— Я не понимаю, княгиня, ни смысла, ни повода вашего вопроса.

— Настя, Настя,—смѣясь погрозила пальцемъ княгиня, хотя брови у нея при этомъ сдвинулись,—неужели вы не видите, что я шучу? Посудите сами—стала ли бы я такъ говорить, еслибы могла предполагать?.. Полноте! А, вотъ и Шатовъ съ вашимъ мужемъ—легки на поминѣ!

Орленевъ казался погруженнымъ въ очень важный разговоръ съ Семеномъ Кирилловичемъ, съ которымъ онъ за послѣднее время часто видѣлся. Когда онъ подошелъ къ женѣ, лицо его однако выражало нетерпѣніе.

— Кажется, намъ давно бы пора уѣхать,—проговорилъ онъ недовольнымъ тономъ, какъ будто ему пришлось дожидаться жены.

Всѣ направились къ выходу.

— Шатовъ, отчего вы надѣли вицъ-мундиръ?—спрашивала у него Екатерина Алексѣевна.

— Я сейчасъ былъ у министра, которому отвозилъ нашъ адресъ.

Шатовъ казался сегодня необыкновенно важнымъ.

— Ахъ да! я и забываю васъ поздравить. Я прочла въ газетахъ вашу рѣчь о необходимости жертвъ ради святого дѣла. Прекрасно! Искренно и тепло сказано.

У Шатова ни одинъ мускулъ на лицѣ не дрогнулъ, хоть и жутко ему было это слышать.

— Вы за собой увлекли всю губернію,—безжалостно продолжала княгиня съ самымъ серьезнымъ видомъ,—вы же сами говорили, что прежде тамъ вовсе не интересовались славянскимъ дѣломъ. Это большая заслуга, Семенъ Кириллычъ, не правда ли, Орленевъ?

— Еще бы княгиня,—разсмѣялся Евгеній,—вы слышали, даже адресъ прислали.

— А вы перестали на меня сердиться за Ольховку? Мы съ вами будемъ добрыми сосѣдями?

— Помилуйте, княгиня, мнѣ ли на васъ сердиться, въ особенности теперь,—и Шатовъ улыбнулся, посмотрѣвъ ей прямо въ глаза.

— Я съ удовольствіемъ вижу, что вы умѣете цѣнить мои услуги,—вполголоса, но все-таки насмѣшливо отвѣтила она.

Внезапный переходъ Шатова въ патріотическій лагерь былъ послѣдствіемъ того, что недѣли съ двѣ передъ тѣмъ ему былъ сданъ подрядъ на поставку продовольствія въ дѣйствующую армію, и это, въ свою очередь, было достигнуто при косвенномъ содѣйствіи княгини.

— Вы знаете, Екатерина Алексѣевна,—сказалъ, подходя къ ней, Орленевъ,—что я три дня сряду къ вамъ заѣзжалъ и васъ какъ-то никогда не было дома.

— Въ самомъ дѣлѣ? Впрочемъ, да, я теперь очень занята по Красному Кресту. Знаете что? Отобѣдайте се-

годня у меня запросто. Настя васъ, я думаю, отпуститъ. Вы слышите, Настя? Вы позволяете своему мужу провести со мной сегодня часа два съ глазу на глазъ? Вы не станете ревновать? нѣтъ?

Настя не отвѣчала, да она была, кстати, избавлена отъ дальнѣйшаго разговора: карета Орленевыхъ была подана.

На пути домой они не говорили вовсе. Они оба были недовольны другъ другомъ, хоть имъ трудно было бы объяснить себѣ почему. Оба чувствовали, что между ними вкралось что-то таинственное и холодное, будто въ ихъ домѣ образовалось пустое, темное пространство, и ни одинъ изъ нихъ не смѣетъ туда ступить ногой или разглядѣть, что такое скрывается въ этой темнотѣ. Послѣ неудовлетворительнаго объясненія, даннаго имъ Настѣ по поводу найденнаго ею письма, это странное ощущеніе усилилось у обоихъ. Настя долго боролась съ мыслью, что тайна эта—ничто иное какъ давнишній проступокъ мужа, котораго онъ ей повѣдать не хочетъ и про который знаетъ, однако, ея мать. Но мало-по-малу подозрѣніе это сложилось въ ней какъ нѣчто опредѣленное и ее оскорбляло, что мужъ скрываетъ отъ нея истину, какъ будто онъ могъ сомнѣваться въ ея всепрощающей любви. Евгеній не зналъ, конечно, что за мысль копошилась у Насти. Онъ не подозрѣвалъ, что она разъ даже рѣшилась спросить у матери, знаетъ ли она про Евгенія нѣчто такое, что бы тяготѣло надъ его жизнью, какъ прошлая вина, а Софья Сергѣевна запальчиво отвѣтила: „Съ чего ты это взяла? Ничего я не знаю, никогда меня про это не спрашивай“. Такой отвѣтъ, разумѣется, не разсѣялъ опасеній Насти. Но за то на всей ихъ недавно еще счастливой жизни легла печать недомолвки, не высказаннаго упрека, и Настя все больше уходила въ себя, становилась все молчаливѣе. Этого онъ не могъ не замѣтить. А самъ онъ дѣлался безпричинно раздражительнымъ и часто выѣзжалъ одинъ, уже не ради

Софьи Сергѣевны, а для того лишь, чтобы не оставаться дома вдвоемъ съ женой.

При такихъ условіяхъ домъ Екатерины Алексѣевны становился для него убѣжищемъ, гдѣ онъ отдыхалъ отъ постояннаго напряженія своей домашней жизни. Хоть онъ и плохо вѣрилъ въ искренность ея дружбы, онъ находилъ удовольствіе въ ея непринужденномъ, порой даже рѣзкомъ обращеніи. Она была въ его глазахъ чѣмъ-то вродѣ хорошаго товарища, но онъ не замѣчалъ, что давно равенства между ними уже не было и этотъ товарищъ игралъ имъ, какъ мячикомъ, онъ все болѣе подчинялся ея вліянію, хоть и не чувствовалъ къ ней ровно никакой привязанности.

Евгеній поздно вернулся съ обѣда княгини, на которомъ онъ съ нею вовсе не оставался вдвоемъ, какъ она увѣряла. Ничего особеннаго, конечно, ни онъ, ни она, не имѣли передать другъ другу. Тѣмъ не менѣе часы пробѣжали въ пріятной болтовнѣ, шипучей, какъ вино, и Евгеній самъ не сознавалъ, что удовольствіе, которое онъ находилъ въ этомъ, очень было сходно съ тѣмъ опьянѣніемъ, въ которомъ ищешь средство на время забыться.

Должно быть ему стало совѣстно передъ женой, только онъ счелъ нужнымъ извиниться за свое долгое отсутствіе. Настя ему не отвѣчала.

— Знаешь, мой другъ,—сказалъ онъ,—что̀ я начинаю примѣчать? Ты, кажется, чего добраго, меня стала ревновать къ Екатеринѣ Алексѣевнѣ. Полно, Настя, она почти вдвое тебя старше: ей ровно тридцать семь лѣтъ.

У Насти, между тѣмъ, и слѣда не было ревности. Совсѣмъ иное, болѣе сложное чувство говорило въ ней, и ей больно стало, что Евгеній такъ грубо ошибается.

— Ты, однако, считаешь долгомъ передо мной извиниться,—сказала она, стараясь придать своему голосу тонъ шутки.

Евгеній пожалъ плечами и молча прошелся по комнатѣ.

— Мнѣ иногда кажется страннымъ, продолжала она,— что у тебя съ княгиней установился какой-то обмѣнъ дружескихъ секретовъ, между тѣмъ, какъ ты слишкомъ хорошо ее знаешь, чтобъ ей въ самомъ дѣлѣ довѣрять.

— Почему ты не взлюбила княгиню?

— Я сама не знаю. Прежде, когда я была дѣвушкой, она мнѣ очень нравилась. Она мнѣ казалась такою оригинальною, прямою натурой. А теперь мнѣ сдается, что вся ея откровенность и, пожалуй, рѣзкость, очень и очень разсчитаны. И въ то же время я не люблю, признаюсь, ея черезчуръ безцеремоннаго тона. Представь себѣ, что сегодня, подъ видомъ шутки, она у меня спросила, счастлива ли я съ тобой.

— И ты, конечно, отвѣтила, что нѣтъ?

— Тебѣ, Женя, по крайней мѣрѣ, не слѣдовало бы этимъ шутить.

На этотъ разъ голосъ Насти выдалъ ея волненіе. Орленевъ не возразилъ, только надъ его бровями появилась на мигъ глубокая морщина.

— Она не хорошая женщина, и не даромъ мама ее такъ не любитъ,—продолжала Настя.

— Ну, если ты станешь руководствоваться мнѣніемъ Софьи Сергѣевны...

— Пожалуйста, Женя, не говори ничего дурного про мамà, при мнѣ не говори! Я и безъ того такъ страдаю изъ-за твоихъ отношеній къ ней.

— А мнѣ, ты думаешь, они доставляютъ удовольствіе?—горько возразилъ Евгеній: — и я, по-твоему, въ нихъ виноватъ?

— Женя, я одного не могу понять, зачѣмъ ты со мной скрытничаешь. Неужели ты мнѣ боишься признаться во всемъ, думаешь, что моей любви не хватитъ, если—если даже ты когда-нибудь сдѣлалъ что-нибудь такое, чего ты стыдишься теперь?

Еслибы Настя могла предвидѣть, какое дѣйствіе произведутъ ея слова, она бы лишній разъ принудила себя къ молчанію. Евгеній вскочилъ съ своего мѣста,

яркій румянецъ показался на его лицѣ, и онъ почти вскрикнулъ, отвѣчая на ея неосторожный вопросъ.

— Такъ вотъ оно что! вотъ что̀ у тебя на умѣ! И ты, стало быть, моя жена, меня подозрѣваешь въ какомъ-то безчестномъ поступкѣ!

Она въ ужасѣ смотрѣла на него, пока онъ боролся со своимъ волненіемъ. Но уже черезъ нѣсколько секундъ ему удалось его осилить.

— Въ другой разъ, когда-нибудь,—сказалъ онъ холодно и сдержанно—мы возобновимъ этотъ разговоръ. Теперь, виноватъ, я къ тому не способенъ,—твои слова уже слишкомъ для меня неожиданны.

Никогда еще, съ того дня, какъ она вышла замужъ, Евгеній не говорилъ съ ней этимъ враждебнымъ, насмѣшливымъ тономъ. Ей было и больно и совѣстно передъ нимъ. И когда онъ вышелъ, не сказавъ болѣе ни слова, ей показалось, будто въ жизни ея только что порвалась главная нить и никогда уже ей больше не видать того счастья, что̀ было позади.

Три дня спустя у Орленевыхъ весь домъ былъ въ тревогѣ—ребенокъ у нихъ заболѣлъ. Цѣлыхъ два часа его била лихорадка. Онъ тяжело, съ усиліемъ дышалъ, а его широко раскрытые глазенки такъ странно безжизненно глядѣли. Тотчасъ послали за докторомъ Раухманомъ, извѣстнымъ спеціалистомъ по дѣтскимъ болѣзнямъ.

Докторъ Раухманъ, маленькій сердитый господинъ, съ рѣзкими манерами, объявилъ, что у ребенка начинается крупъ, но что отчаиваться нечего. Страшная томительная боязнь охватила бѣдную Настю. Всю ночь она просидѣла у кровати, слѣдя за каждымъ движеніемъ ребенка. Въ домѣ всѣ были на ногахъ. То и дѣло горничная и няня проходили по комнатамъ въ той безцѣльной суетѣ, которую приноситъ съ собою болѣзнь. Евгеній то входилъ въ дѣтскую, то опять уходилъ, видя, что въ немъ не нуждаются. По лицу жены онъ понималъ, что онъ ей скорѣе мѣшаетъ. Онъ чувствовалъ,

что въ цѣломъ домѣ онъ менѣе всѣхъ можетъ принести пользу, и ему было стыдно и неловко отъ сознанія своей безпомощности. Къ тремъ часамъ ночи ребенку будто стало лучше, и когда Настя начала уговаривать мужа пройти къ себѣ и прилечь въ уборной, онъ былъ почти радъ, что ему можно уйти оттуда, гдѣ его присутствіе въ тягость и ему самому, и женѣ.

На слѣдующее утро онъ постучался къ Настѣ. Ея спальня была заперта на ключъ.

— Что, каково? Мнѣ сказали, что лучше.

— Да, лучше, не безпокойся,—отвѣчала она.

— Ну, слава Богу, вѣроятно пройдетъ. Да ты сама прилягъ, дружокъ мой. Ты устанешь.

— Не безпокойся,—тихо повторила Настя.

И онъ отошелъ отъ двери, сознавая внутренно, что онъ не можетъ прочувствовать и сотой доли того, что испытала жена въ эту ночь, что онъ, въ сущности, не раздѣляетъ съ ней ея тревоги и горя. И ему казалось, что въ голосѣ жены ясно высказывалось, какъ хорошо она понимаетъ это и какимъ мелкимъ и безсердечнымъ онъ представляется ей.

Нужно было, однако, наполнить день чѣмъ-нибудь, а день какъ на зло тянулся лѣниво и бой часовъ уныло и медленно звучалъ. Евгеній сталъ дожидаться въ гостиной, пока пріѣдетъ докторъ; отъ нечего дѣлать, онъ принялся за какой-то французскій романъ, и ему опять представился живо контрастъ между дѣятельнымъ безпокойствомъ жены и его безпомощнымъ равнодушіемъ.

Въ одиннадцать часовъ пріѣхалъ докторъ и объявилъ, что пока еще ничего сказать нельзя, и онъ вернется опять въ три часа. „Три часа!“—Евгеній вспомнилъ про свое обѣщаніе быть у Екатерины Алексѣевны. Ребенку лучше, дома нечего дѣлать, отчего же не выѣхать? Въ часъ онъ долженъ былъ завтракать съ Шатовымъ. И онъ позавтракалъ съ большимъ удовольствіемъ, и весело разговорился, не переставая въ то же время

стыдиться самого себя. Въ три онъ былъ у дома, гдѣ жила княгиня. Но швейцаръ ему сказалъ, что Екатерина Алексѣевна съ утра переѣхала въ Царское. Вчера еще, однако, она ему говорила, что будетъ его ждать... А теперь она не потрудилась даже извиниться. Съ легкимъ чувствомъ обиженнаго раздраженія, въ которомъ онъ не хотѣлъ даже себѣ признаться, Евгеній вышелъ опять на улицу, наполненную блескомъ яркаго майскаго дня. Блескъ этотъ только еще усиливалъ скрытую досаду Евгенія.

XXXIII.

Настя была въ дѣтской у кроватки больного сына, когда, неожиданно для нея, въ исходѣ двѣнадцатаго часа, въ дверяхъ показалась ея мать. Софья Сергѣевна болѣе недѣли не видала дочери, и почему-то вздумала къ ней заѣхать теперь, въ этотъ ранній необычный часъ. Ей не сказали, что жизнь ребенка въ опасности, и она собиралась выразить Настѣ все свое неудовольствіе за то, что дочь не была у нея такъ долго. Ее поразило нѣмое горе на лицѣ Насти, не двинувшейся съ мѣста при входѣ матери.

— Что съ тобою? ты сегодня деревянная какая-то,— сказала она недовольнымъ тономъ, удивленная тѣмъ, что ея неожиданный пріѣздъ не произвелъ на дочь никакого впечатлѣнія.

— Вы видите, мама, я не отхожу отсюда,—тихо отвѣтила Настя, показывая на кроватку, и безпокойно оглядываясь на мать: она боялась, какъ бы шелестъ платья Софьи Сергѣевны не встревожилъ ребенка, который только-что заснулъ.

Софья поняла этотъ взглядъ и подошла къ кровати, приподнявъ свой шелковый шлейфъ. Но въ каждомъ ея движеніи все еще проглядывало неудовольствіе.

— Что съ нимъ?—спросила она у дочери, и вопросъ

показался бы рѣзкимъ, еслибъ онъ не былъ сдѣланъ шепотомъ.

Настя тотчасъ уловила этотъ странный оттѣнокъ и съ удивленіемъ посмотрѣла на мать.

— Вчера,—отвѣчала она,—докторъ говорилъ, что начинается крупъ и почти не подавалъ надежды. Сегодня онъ не высказывается почему-то, и вообще находитъ, что лучше. Лихорадка только не проходитъ, вотъ что не хорошо.

— Крупъ! — возразила Софья, усаживаясь противъ дочери,—какой это крупъ! Онъ вздоръ говоритъ, это просто отъ зубовъ, должно-быть.

Она нагнулась и внимательно посмотрѣла на ребенка, но въ ея холодномъ взглядѣ не было и тѣни участія. Настя съ какимъ-то страннымъ безпокойствомъ слѣдила за ней, будто присутствіе матери грозило ребенку опасностью.

— Сходи въ переднюю, Настя, и прикажи моему лакею уѣхать и вернуться сюда за мной къ тремъ часамъ. Я пока здѣсь останусь.—Софья Сергѣевна поймала на лету тревожное выраженіе глазъ Насти, когда та встала и направилась къ дверямъ.

— Не бойся за него, съ нимъ ничего не случится. Или ты думаешь, я не знаю какъ смотрятъ за дѣтьми?

Пока Настя отсутствовала, Софья оставалась неподвижною возлѣ кровати и упорно глядѣла на спящаго внучка. Ея брови сдвинулись, и странныя, недобрыя мысли завертѣлись у нея въ головѣ. Больное дитя ея дочери было въ то же время „его“ сыномъ, и одного этого было довольно, чтобы заглушить въ ней всякое чувство жалости. Тревога дочери не находила въ ней отголоска. Она сидѣла тутъ мрачная и окаменѣлая; ей казалось, что если ребенку суждено умереть, то это будетъ вполнѣ законная и заслуженная кара.

Она не замѣтила, какъ дочь снова вошла. Настя остановилась позади нея и съ испугомъ глядѣла на суровое лицо матери.

— А, ты здѣсь,—вдругъ сказала Софья, приподнявъ голову;—какъ ты странно вошла, будто подкрадываясь...

И ей померещилось, что дочь поняла все, что у нея было на умѣ.

— Ты можешь быть увѣрена,—продолжала она,—что еще долго перемѣны не будетъ. И по-моему, опасности никакой нѣтъ. Но все-таки, такъ какъ я вижу, что ты безпокоишься, я у тебя останусь. Только пока я почитаю газеты.

Ей не хотѣлось оставаться вдвоемъ съ дочерью.

Настя опять заняла свое мѣсто у кровати. Ребенокъ попрежнему спалъ. Въ комнатѣ было темно и душно. Домъ весь замеръ въ тяжеломъ безмолвіи. Только муха иногда уныло жужжала у окна, да сквозь затянутыя тяжелыя занавѣси слабо доходилъ стукъ экипажей на улицѣ. А въ сосѣдней комнатѣ Софья Сергѣевна продолжала сидѣть, не читая газеты, которая была у нея въ рукахъ, и сумрачное непреклонное выраженіе не сходило съ ея лица.

Докторъ пріѣхалъ ранѣе, чѣмъ его ожидали. Настя быстро пошла къ нему навстрѣчу, и съ безпокойствомъ спросила, хорошо ли, что такъ долго спитъ ребенокъ.

— Посмотримъ, посмотримъ,—съ оттѣнкомъ нетерпѣнія сказалъ докторъ.—Только вы, пожалуйста, не тревожьтесь—это, повѣрьте, нисколько не поможетъ.

Софья Сергѣевна прошла вслѣдъ за нимъ въ дѣтскую. Настя вся похолодѣла отъ ужаса, когда рука доктора не особенно нѣжно прикоснулась до лба ея сына, а потомъ онъ сталъ щупать пульсъ и считать секунды съ такимъ невозмутимымъ хладнокровіемъ, какъ будто онъ исполняетъ самую пустую и обычную формальность. Ребенокъ проснулся, но его отяжелѣвшія вѣки снова опустились, и со слабымъ хриплымъ вздохомъ онъ повернулся въ другую сторону.

— Что̀, что̀ вы находите?—съ безпокойствомъ спросила Настя.

Докторъ отвѣчалъ не тотчасъ. Онъ все еще глядѣлъ

на часы и машинально повернулъ голову въ сторону Софьи. Она стояла, скрестивъ руки на груди, и каменное выраженіе на ея неподвижномъ лицѣ странно противорѣчило тревогѣ дочери.

Настя повторила вопросъ.

— Ничего,—сухо отвѣтилъ онъ, кладя часы въ карманъ жилета, — перемѣны все нѣтъ; но взглядъ, брошенный имъ Софьѣ, лучше всякихъ словъ объяснилъ его настоящее мнѣніе.

— Да скажите хоть что-нибудь положительное,—настаивала бѣдная мать.

— Что̀ же докторъ можетъ сказать, мой другъ? Не сочинять же ему небылицы, чтобы тебя успокоить.

— Мамаши всегда хотятъ знать все заранѣе, особенно такія молодыя мамаши,—шутя возразилъ онъ, стараясь придать оттѣнокъ задушевности своему деревянному смѣху.

Но въ дверяхъ онъ обернулся и шепнулъ Софьѣ Сергѣевнѣ:

— Ça sera fini dans quelques heures, madame. Preparez votre fille.

Настя замѣтила, что, уходя, онъ что-то сказалъ матери. Она стала разспрашивать Софью Сергѣевну, умоляя передать ей неразслышанныя ею слова.

— Я по его глазамъ видѣла, что онъ не хотѣлъ мнѣ сказать всю правду. Не скрывайте отъ меня того, что̀ вы знаете; у меня дурныя предчувствія.

— Полно ребячиться, Настя, кто вѣритъ предчувствіямъ? Отъ доктора не зависитъ сдѣлать чудо, да онъ и не знаетъ, что̀ случится. Когда будетъ опасность, онъ скажетъ. Къ чему тревожиться заранѣе?

Настю поразилъ равнодушный тонъ этихъ словъ.

— Мама, мама,—едва не заплакала она, — да развѣ вы не видите, что я внѣ себя отъ одной мысли объ опасности, а вы со мною говорите, будто дѣло идетъ о какомъ-нибудь чужомъ ребенкѣ! Коли для васъ это все равно, вѣдь, онъ не вашъ сынъ, вы хоть меня пожалѣйте. Съ

той самой минуты, когда вы сюда вошли, я увидѣла, что вамъ совсѣмъ не жаль ни его, ни меня!

И Настя всплеснула руками.

— Я, кажется, съ тобой здѣсь съ самаго утра,— холодно возразила Софья,—ты бы лучше позаботилась узнать, гдѣ твой мужъ весь этотъ день пропадаетъ. Его мѣсто здѣсь, когда его сынъ боленъ, а вотъ уже слишкомъ три часа, какъ онъ глазъ не кажетъ.

Какъ ни велико было горе Насти, она не вытерпѣла этого прямого обвиненія.

— Я знаю, мама,—съ упрекомъ сказала она,—вы пользуетесь всякимъ случаемъ, чтобы сказать что-нибудь дурное про Женю. Мнѣ и безъ того тяжело... Хотя бы сегодня вы меня избавили отъ подобныхъ намековъ. Когда онъ здѣсь, говорите ему въ лицо, что̀ хотите, онъ съумѣетъ отвѣчать, а то эти вѣчные заглазные упреки...

— Хотѣла бы я видѣть, какъ бы онъ мнѣ отвѣтилъ!— гнѣвно воскликнула Софья.—И ты со мною такъ говоришь, ты, которую я любила и люблю больше всего на свѣтѣ! Ты меня въ грошъ не ставишь въ сравненіи съ человѣкомъ, котораго ты и не знала вовсе три года назадъ, да и теперь развѣ ты знаешь, каковъ онъ въ самомъ дѣлѣ?

Настю эти слова взорвали.

— Да я его жена, я ему вѣрю и буду вѣрить! Я всю правду вамъ теперь выскажу, коли вы того хотите. Вы сдѣлали все, чтобы поселить недовѣріе между нами; благодаря вамъ, и вамъ однѣмъ, я стала несчастною, но я горой буду стоять за него, несмотря на всѣ ваши обвиненія. Да и какія это обвиненія? развѣ вы мнѣ сказали что-нибудь положительное?

Софья поблѣднѣла отъ гнѣва.

— По моей милости ты несчастна,—перебила она дочь,—вотъ какъ! И мужу своему ты вѣришь, а не мнѣ?

— Да,—запальчиво продолжала Настя,—потому, что вы стали дурно относиться къ нему только съ того дня, когда онъ въ Покровскомъ вамъ сказалъ, что хочетъ на мнѣ жениться, а до тѣхъ поръ...

Настя не докончила, такъ испугала ее страшная перемѣна на лицѣ матери.

— Что̀ до тѣхъ поръ? И онъ увѣрилъ тебя, что тамъ, въ Покровскомъ, у меня просилъ твоей руки? Такъ скажи же ему отъ меня, что это ложь! Хотѣла бы я видѣть, какъ онъ посмѣлъ бы въ моемъ присутствіи сдѣлать тебѣ предложеніе.

Слова эти громомъ поразили Настю. Она въ оцѣпенѣніи посмотрѣла на мать, ноги у нея подкосились, и она упала на кресло, закрывъ лицо руками.

Софья тотчасъ раскаялась въ своей горячности. Она поняла, что увлеклась и едва не выдала всей своей тайны. Но поправить это было уже поздно.

— Карета вашего превосходительства пріѣхала,—доложилъ за дверью лакей Орленевыхъ. Софья вышла, не простившись съ дочерью, и Настя не двинулась съ мѣста, чтобы проводить ее.

Она теперь даже забыла про ребенка. Одна мысль овладѣла ею. Стало быть это была ложь! Что̀ же тогда произошло тамъ, въ Покровскомъ?—Настя чувствовала, что на этомъ, повидимому, мелкомъ обстоятельствѣ держится все ея довѣріе къ мужу. Вѣдь оно одно произвело тогда передъ свадьбой рѣшительный поворотъ въ ея поведеніи. Правда, не Орленевъ, а Екатерина Алексѣевна тогда сказала ей про это, но, вѣдь, и Евгеній зналъ, конечно, про ея разговоръ съ княгиней, и съ тѣхъ поръ онъ постоянно избѣгалъ всѣхъ объясненій съ нею. А если такъ, и все-таки слова княгини оказывались ложью, то стало быть... Настя боялась довести свои мысли до конца, чтобы разомъ не рухнули всѣ тѣ доводы, которыми она такъ долго силилась побѣдить все ближе подступавшее къ ней подозрѣніе.

Орленевъ засталъ ее въ слезахъ. Она почти испугалась, увидя его, и быстро поднялась съ мѣста, отирая опухшіе глаза. Съ первыхъ же ея словъ онъ узналъ, что Софья Сергѣевна была здѣсь. Но долгихъ усилій ему стоило, чтобы добиться всей истины. Настя боялась

ему признаться, какое дѣйствіе произвело на нее пустое, какъ казалось, обвиненіе Софьи Сергѣевны.

И въ самомъ дѣлѣ, когда она ему, наконецъ, передала слова матери, голосъ его задрожалъ отъ гнѣва.

— Такъ вотъ какъ! ей не довольно, что ты безпокоишься за больного сына, ей нужно тебя еще доводить до слезъ, распуская клеветы обо мнѣ, въ моемъ отсутствіи. И ты ей повѣрила? Что̀ же по-твоему тамъ происходило въ Покровскомъ, и какъ объясняешь ты перемѣну въ обращеніи Софьи Сергѣевны со мною?

Но Евгеній тщетно добивался отвѣта. Настя не смѣла высказать своихъ недоумѣній, ни ему, ни самой себѣ.

— Я вижу, приходится, наконецъ, серьезно переговорить съ Софьей Сергѣевною,—процѣдилъ онъ сквозь зубы.—Пора всему этому положить конецъ.

И Евгеній вышелъ, хлопнувъ за собой дверью. Долго онъ ходилъ по своему кабинету, обдумывая, какъ предотвратить грозу, собиравшуюся надъ его домашнимъ очагомъ. Онъ грызъ ногти, гнѣвно стучалъ ногою объ полъ, но вопросъ остался все также не разрѣшеннымъ.

— Будетъ что будетъ!—наконецъ, воскликнулъ онъ,— во что̀ бы то ни стало ее нужно принудить къ молчанію!—И онъ приказалъ заложить себѣ дрожки.

Между тѣмъ, къ Настѣ вбѣжала няня.

— Матушка, Настасья Петровна, войдите сюда, посмотрите, что̀ у насъ дѣлается!..

Настя бросилась за нею въ дѣтскую. Ребенокъ попрежнему спалъ, и казалось спалъ тихо и крѣпко. Но это былъ уже сонъ, послѣ котораго нѣтъ пробужденія. Страшная истина долго не сказывалась Настѣ. Когда она поняла, наконецъ, она припала къ кровати, и страстныя рыданія огласили комнату. Это маленькое, теперь бездыханное существо, оно, можетъ быть, было единственнымъ на цѣломъ свѣтѣ, которому бѣдная женщина могла посвятить свою такъ рано подкошенную жизнь.

Но ей нельзя было даже вполнѣ отдаться горю. Ее ожидалъ новый тяжелый ударъ. Пріѣхалъ вѣстовой

отъ Криницкихъ съ извѣстіемъ, что Софья Сергѣевна, вернувшись домой, застала мужа очень больнымъ. Велѣно было тотчасъ сказать Анастасіи Петровнѣ, чтобъ она пріѣхала. Посланный не умѣлъ объяснить, что случилось съ Петромъ Михайловичемъ,—только съ самаго утра,—разсказывалъ онъ,—его превосходительство изволили не такъ хорошо себя чувствовать, и не было у нихъ аппетиту. А въ четвертомъ часу имъ вдругъ дурно сдѣлалось, и они совсѣмъ даже говорить не могли, а только стонать изволили, и все рукой себя за лѣвый бокъ придерживали. И генеральша сейчасъ за докторомъ Твороговымъ послали.

Настю это извѣстіе не ошеломило. Напротивъ, совокупность несчастій въ одинъ и тотъ же день будто придала ей бодрость и силы. Тутъ нечего было горевать—надо было дѣйствовать, и если можно, помочь. И, не дожидаясь пока запрягутъ ея лошадей, она взяла извозчика и поѣхала къ Криницкимъ.

XXXIV.

Швейцаръ Криницкихъ хотѣлъ остановить Евгенія, сказавъ ему, что генералу плохо, и доктора Творогова ожидаютъ сейчасъ. Но Орленевъ не обратилъ вниманія на эти слова. Онъ прошелъ на верхъ прямо въ кабинетъ Софьи. Ни въ прихожей, ни въ гостиныхъ не было ни души, только издали доходилъ стукъ открывавшихся дверей, да скрипъ сапоговъ по корридору. Евгеній хотѣлъ пройти дальше, но слѣдующая дверь оказалась запертою. Онъ постучался, ему не отвѣчали. Онъ сталъ ходить взадъ и впередъ, тщетно стараясь успокоиться, но раздраженіе его не унималось. Такъ прошло съ полчаса; наконецъ въ сосѣдней комнатѣ показалась торопливая фигура одного изъ слугъ. Орленевъ рѣзко спросилъ у него про барыню; тотъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него, отвѣчая, что ея превосходительство у

Петра Михайловича, который очень боленъ. „А впрочемъ, прикажете доложить?“

Евгеній махнулъ нетерпѣливо рукой. Ему дѣла не было до болѣзни Петра Михайловича, и онъ пропустилъ мимо ушей объясненія слуги. Опять прошло полчаса, и Евгеній все дожидался, разсѣянно перелистывая книгу. Онъ не зналъ хорошенько, что скажетъ Софьѣ. Онъ только видѣлъ ясно, что такъ оно далѣе идти не можетъ, и ему нужно разъ навсегда рѣшительно высказаться передъ ней.

Наконецъ, она вошла, блѣдная и встревоженная. Суровое, гордое выраженіе исчезло съ ея лица. На немъ лежала печать мягкой покорности передъ горемъ.

— Вы здѣсь?—удивленно спросила она и остановилась на порогѣ; на этотъ разъ никакого вызова не было въ ея голосѣ.

Но Евгеній и не замѣтилъ этого. Ему представлялась все та же Софья, которая испортила его жизнь, и онъ не думалъ о пощадѣ или о примиреніи.

— Да, я здѣсь, и дожидаюсь васъ болѣе часа. Я бы остался до ночи, еслибы вы не вошли. Я хочу, наконецъ, объясниться съ вами и заставить васъ понять ваши обязанности.

— Я думаю, теперь не время для объясненій,—тихо отвѣтила она, и голосъ ея былъ замѣчательно беззвученъ.—Вы знаете, конечно, что мужъ опасно заболѣлъ?

— Мнѣ дѣла нѣтъ до вашего мужа, я ждать и откладывать не стану. Вы обязаны меня выслушать.

Софья сдѣлала нѣсколько шаговъ по направленію къ нему и вся выпрямилась передъ нимъ. На мигъ огненныя искры опять заблестѣли въ ея потускнѣвшихъ глазахъ.

— Вы забываете, съ кѣмъ говорите, Евгеній Александровичъ. И все-таки, вы видите, я не уклоняюсь отъ того, что вамъ угодно называть объясненіемъ. Я васъ слушаю.

Орленева подмывало все болѣе. Онъ стоялъ передъ

ней со скрещенными руками, и чѣмъ спокойнѣе казалась она, тѣмъ болѣе росло его раздраженіе.

— Я пріѣхалъ сюда, потому что засталъ жену въ слезахъ послѣ ея разговора съ вами. Вы снова насказали ей тамъ разныхъ сплетней на мой счетъ. Для меня ваше мнѣніе безразлично, наши счеты покончены давно. Но я не могу допустить, чтобы вы портили жизнь Насти, мучили ее разными подозрѣніями, вы же знаете, кажется, что открыть ей глаза нельзя; ради васъ же самихъ, ради васъ и вашего мужа.

Такъ быстро лились эти запальчивыя слова, что возражать не было возможности. Когда Евгеній остановился, Софья, къ немалому его удивленію, только презрительно вскинула на него глазами и отвѣтила попрежнему спокойно, не возвышая голоса.

— Я думаю, что для васъ самихъ открыть Настѣ глаза было бы не совсѣмъ удобно. Впрочемъ, попробуйте. А мой бѣдный мужъ врядъ ли долго будетъ мѣшать вашему желанію быть вполнѣ откровеннымъ. Но что же собственно я обязана выслушать, — и она намѣренно подчеркнула эти слова, — что собирались вы отъ меня требовать?

— Вы, кажется, Софья Сергѣвна, могли бы насъ обоихъ избавить отъ болѣе пространныхъ объясненій. Когда вы, два мѣсяца назадъ, не захотѣли примиренія со мной, я подчинился вашимъ условіямъ и не мѣшалъ вамъ съ тѣхъ поръ въ моемъ отсутствіи пользоваться своими материнскими правами. Хорошею матерью вы были для Насти, нечего сказать! Вы увѣрили ее, что въ моемъ прошломъ есть какая-то постыдная тайна, вы измучили ее, пустивъ ея воображеніе въ погоню за призраками, вы сдѣлали все, чтобы разстроить нашу домашнюю жизнь! И вотъ чего я долѣе терпѣть не стану, хотя бы мнѣ пришлось вамъ отказать отъ дома и къ вамъ болѣе не пускать жены.

Теперь и Софьѣ Сергѣевнѣ измѣнило ея хладнокровіе.

— Я разстроила вашу домашнюю жизнь,—запальчиво воскликнула она.—А вы забыли, какою цѣной она была куплена и что сдѣлали вы съ моею собственною жизнью? Вы забыли, что у меня оставалось одно только—любовь къ дочери, и что вы отравили и запачкали эту любовь.

— Да, вотъ что значитъ,—не менѣе страстно возразилъ онъ, — на все смотрѣть съ точки зрѣнія своего узкаго эгоизма. Вы хотѣли бы, чтобъ и Настя, и я, мы вѣчно приносили себя въ жертву вамъ, и потому только, что когда-то я имѣлъ несчастіе быть вашимъ...

Онъ не договорилъ. Чья-то рука судорожно схватила его руку. Настя стояла между имъ и матерью.

— Молчи, ради Бога, молчи!—умоляла она его.—Я все поняла теперь. Мама, бѣдная, какъ мнѣ жаль васъ!

Софья вся замерла на мѣстѣ и будто окаменѣла при видѣ дочери. Вся кровь отхлынула отъ ея лица.

— Зачѣмъ я услышала это,—продолжала Настя.—Мама, душечка, простите меня. Когда я проходила гостиную, меня поразилъ громкій говоръ и я невольно прислушалась... Здѣсь всѣ двери настежь.

Софья не трогалась съ мѣста. Только рука ея, опиравшаяся на спинку кресла, слегка вздрагивала. Но когда Настя бросилась къ ней и хотѣла обнять ее, она отшатнулась отъ дочери, слабымъ движеніемъ рукъ отстраняя ее.

— Оставь меня... И ты у меня просишь прощенія!—глухо проговорила она.—Мнѣ просить, не тебѣ, я сдѣлала все, что могла, лишь бы ты не узнала, но видно я не съумѣла или такъ уже было суждено...

Голосъ бѣдной женщины осѣкся, она отвернулась отъ дочери, и голова ея тяжело оперлась на приподнятыя руки.

Настя лежала на колѣняхъ передъ ней, обнимая ея станъ и тщетно стараясь отнять руки, скрывавшія лицо

матери: ей такъ хотѣлось поцѣловать эти блѣдныя губы, для которыхъ всякая ласка дочери теперь получала удвоенную цѣну.

— Мама,—говорила она шепотомъ,—я для васъ все прежняя Настя, и буду любить васъ попрежнему. Мнѣ такъ горько было, что вы разлюбили меня, я не понимала тогда почему. Тяжелую, хоть и невольную вину мнѣ нужно искупить.

— Тебѣ-ли искупать чужую вину, — сквозь слезы проговорила Софья и спрятала лицо на плечѣ дочери.

— Докторъ Твороговъ пріѣхалъ,—доложилъ изъ сосѣдней комнаты дворецкій, не входя изъ осторожности въ кабинетъ.

Обѣ женщины мгновенно поднялись и вспомнили позабытаго ими въ этотъ мигъ Петра Михайловича. Орленева уже не было въ комнатѣ.

Докторъ Твороговъ, звѣзда первой величины на медицинскомъ небѣ, былъ невысокій, но довольно сутуловатый мужчина, съ жиденькою бородкой на полномъ грубоватомъ лицѣ и съ необыкновенно мягкимъ голосомъ, поражавшимъ своею неожиданною нѣжностью всѣхъ, кто въ первый разъ видѣлъ его плотную фигуру. Странно было слышать, какъ всѣ его мнѣнія выражались условно, въ видѣ совѣта, между тѣмъ какъ рѣшительность такъ и искрилась въ его умныхъ сѣрыхъ, немного заплывшихъ глазахъ.

Съ больнымъ онъ обошелся, какъ съ нѣжно любимымъ совсѣмъ безпомощнымъ ребенкомъ. Петръ Михайловичъ, хотя къ нему и вернулось сознаніе, съ трудомъ могъ отвѣчать; впрочемъ, докторъ, разспрашивая его какъ-то особенно кротко, все твердилъ, чтобы больной не утомлялся, и говоря съ нимъ охотно прибѣгалъ къ нѣжнымъ уменьшительнымъ оборотамъ. На больного онъ оказалъ замѣчательное вліяніе, будто его слова уже были ободряющимъ лѣкарствомъ. А глаза его между тѣмъ зорко оглядывались въ сторону обѣихъ женщинъ; и имъ казалось, что онъ видитъ ихъ насквозь и тутъ

же разгадалъ всю происходившую въ ихъ домѣ семейную драму.

— Тутъ нужно средство, котораго я прописать не въ силахъ,—сказалъ онъ Софьѣ, отводя ее въ сторону,—полное, безусловное душевное спокойствіе,—и толстыя его губы сложились въ сахарную улыбку, между тѣмъ, какъ его взглядъ кололъ ее будто иголками.

— И тогда можно спасти?—нерѣшительно спросила Настя.

— Можно усилить благопріятныя условія для жизни, вотъ и все. Я не пророкъ, а угадчикъ.

— Ахъ, если можно только продлить на нѣсколько дней, стоитъ-ли изъ-за этого тревожить больного?

— Коли хотите, вся наша жизнь только отсрочка неизбѣжной развязки,—отвѣтилъ докторъ и, посмотрѣвъ на часы, тотчасъ схватился за шляпу.

XXXV.

Позже, въ тотъ же вечеръ, Настя вошла въ кабинетъ мужа. Орленевъ сидѣлъ у письменнаго стола, оперевъ голову на лѣвую руку. Скрипъ его пера странно, порывисто звучалъ. Онъ не замѣтилъ ее, пока ея рука не прикоснулась до его плеча. Тутъ онъ вскочилъ съ мѣста и скомкалъ лежавшій передъ нимъ исписанный листъ.

— Отчего ты бросаешь это письмо?—спросила она.

— Теперь оно уже не нужно.

— Ты ко мнѣ писалъ?

— Да. Благодарю тебя, что ты пришла. Я не смѣлъ тебѣ на глаза показаться. Ты добра, какъ всегда.

Настя еще никогда не видѣла мужа такимъ робкимъ. Онъ стоялъ какъ обвиненный. Они были такъ близко другъ отъ друга, что онъ слышалъ ея дыханіе, между тѣмъ онъ чувствовалъ, что непроходимая пропасть легла между ними.

— Есть вещи, которыя писать слишкомъ больно,— продолжалъ онъ.—На словахъ все-таки легче.

Теперь только онъ рѣшился посмотрѣть на нее. И лицо Насти глядѣло такъ мягко, въ ея глазахъ было такое полное отсутствіе суровости и осужденія, что онъ обманулся насчетъ ея чувствъ.

— Не правда ли, Настя, ангелъ мой, ты все-таки простишь?

И его рука хотѣла обвить ея станъ. Онъ и тутъ поддался своей всегдашней увѣренности, что на свѣтѣ все можетъ быть заглажено и забыто.

Но она отстранила его руку и отступила назадъ. Правда, это было чуть замѣтное движеніе,—она не умѣла сурово отталкивать,—но оно все-таки остановило его.

— Мнѣ ни прощать, ни судить тебя нельзя. Ты знаешь, я судить не смѣю, да и не передо мной ты виноватъ.

— Передъ тобою, Настя, передъ тобою одной я чувствую себя виновнымъ! горячо сказалъ онъ.—Ты одна имѣешь право требовать меня къ отчету и тебѣ одной я подчиняюсь. Мнѣ дѣла нѣтъ до другихъ, я не признаю ихъ суда.

Настя грустно покачала головой.

— Не говори такъ гордо, Евгеній. Смирись и ищи прощенія у тѣхъ, кого ты оскорбилъ,—у Бога и у моей бѣдной матери. У меня власти нѣтъ, чтобы загладить прошлое. Я могу только жалѣть о тебѣ и, насколько хватитъ силъ, искупить то, въ чемъ мы съ тобой согрѣшили.

Эти тихія слова, въ которыхъ и слѣда не было горечи, больнѣе всякаго упрека отозвались у Евгенія. Онъ начиналъ понимать, что Настя уходитъ отъ него на такую высоту, куда не подняться ему никогда, и вся прежняя его пылкая любовь снова волной нахлынула на его сердце.

— Настя, дорогая моя,—воскликнулъ онъ,—я знаю,

что передъ тобой я кругомъ виноватъ. Но, вѣдь, я любилъ тебя, и какъ любилъ! это не оправданіе, конечно, но все же объясненіе моего поступка. Да не только любилъ, Настя, а теперь люблю всѣмъ моимъ существомъ и не отпущу тебя ни за что отъ себя. Я, можетъ быть, иногда былъ дурнымъ мужемъ, я, вѣдь, знаю, что не стою твоего мизинца, но ты всегда прощала и теперь простишь.

Снова рука его потянулась къ ней, и хотя все еще оттѣнокъ стыда и боязни былъ въ его голосѣ, вновь вспыхнувшая страсть говорила все громче со всегдашнею самонадѣянностью страсти.

Настя опять покачала головой и глубоко вздохнула.

— Еслибы отъ меня это зависѣло, Женя, все было бы забыто, все было бы прощено, и ни слова упрека ты отъ меня не услышалъ бы. Да я и не затѣмъ пришла къ тебѣ, чтобъ упрекать. Ты, вѣдь, самъ не знаешь, Женя, какъ дорогъ ты мнѣ теперь и всегда былъ дорогъ—не знаешь, потому что иначе ты не извинялся бы передо мной, какъ дѣлаешь теперь. Хоть я и плакала, можетъ быть иногда, изъ-за тебя, все это смыто давно тою любовью, которая не помнитъ обидъ, потому что ее исчерпать нельзя, а иной любви я, Женя, не понимаю. Но вотъ чего не сотрешь и не поправишь никакимъ прощеніемъ. У меня было два кумира въ жизни—ты и мама; въ моихъ глазахъ оба вы, и ты и она, были выше всякаго суда и всякой вины. Теперь эти кумиры разбиты твоею рукой, Женя, и навсегда разбиты. Ну, посуди самъ, могу ли я васъ обоихъ сдѣлать такими опять, какими я васъ считала? То, что я къ вамъ чувствовала, было чисто, какъ стекло, но и хрупко тоже, какъ оно. Я знаю, что мнѣ вѣчно будетъ жаль своего разбитаго кумира и буду я его вѣчно сравнивать съ дѣйствительностью, а съ этимъ чувствомъ счастья для насъ быть не можетъ. Мнѣ не довольно полууваженія и полудовѣрія, мое счастіе должно быть чисто, съ инымъ я не уживусь.

Голосъ Насти звучалъ все такъ же мягко и грустно, но твердость въ немъ слышалась все-таки, и по мѣрѣ того, какъ она говорила, непреклонная рѣшимость высказывалась у нея все яснѣе. Евгеній слушалъ ее молча; руки его опустились, какимъ-то холодомъ повѣяло на него, когда Настя замолчала, и безсильное отчаяніе завладѣло имъ. Да, Настя отходила отъ него, онъ чувствовалъ это, и каждое ея слово отдаляло ее болѣе, и глубже становился разрывъ. Онъ отвернулся, тряхнулъ головой, и, какъ бы желая освободиться отъ тяжелаго сна, безсознательно повелъ рукой по глазамъ.

— Что же будетъ съ нами дальше?—спросилъ онъ глухо.

Ей вдругъ стало невыразимо жаль его, потому, можетъ быть, что онъ съ такою покорностью выслушивалъ ея приговоръ. Она приблизилась къ нему и оперлась рукой на его локоть.

— Женя,—сказала она,—ты долженъ понять, какъ тяжело мнѣ говорить такъ съ тобой, тяжелѣе, можетъ быть, чѣмъ тебѣ. Ты долженъ подчиниться тому, что я скажу сейчасъ, потому что никакого другого исхода нѣтъ—для меня нѣтъ. Я не могу быть уже твоею женой послѣ того, что я узнала.

— Разводъ? ты хочешь развода?—беззвучно спросилъ онъ.

Настя удивленно на него посмотрѣла, какъ будто эта мысль не могла никакъ придти въ голову ни ему, ни ей.

— Зачѣмъ? развѣ, ты думаешь, я ищу свободы отъ тебя? Да на что мнѣ свобода послѣ того, какъ я была твоей женой? Нѣтъ, ты все-таки меня не понимаешь, Женя,—не къ свободѣ я иду навстрѣчу, а къ наказанію. Совѣсть моя требуетъ жертвы, и я покоряюсь ей; а ты думаешь—я хочу отомстить тебѣ и разойтись съ тобой! Для меня впереди ничего нѣтъ, Женя, ничего кромѣ горя и молитвы.

— Да отъ твоихъ словъ какъ бы могилой вѣетъ!—

съ безпокойствомъ воскликнулъ Евгеній, и обѣ свои руки положилъ ей на плечи. Она не противилась ему на этотъ разъ.

— Настя, посмотри мнѣ прямо въ лицо—что ты затѣяла? О чемъ тебѣ молиться, тебѣ, чистой и безупречной.

Она невольнымъ движеніемъ опустила къ нему голову на грудь.

— За тебя молиться мнѣ и за мать, за несчастную, грѣшную мать! вѣдь она, бѣдная, смириться не умѣетъ. А что будетъ со мной, я и сама не знаю.

— Нѣтъ, у тебя какія-то недобрыя мысли, Настя. У тебя всегда была жажда принесенія себя въ жертву; ты ищешь ея, и ради чего ищешь? То бездушное, темное нѣчто, тотъ отвлеченный долгъ, которому ты поклоняешься, ему всегда жертвы нужны, и теряются онѣ безъ пользы и отвѣта, и взамѣнъ ихъ ничего не даетъ это пустое небо, до котораго и не доходятъ людскія мольбы! Опомнись, Настя, вѣдь счастье впереди возможно, оно здѣсь у тебя, на землѣ, а не тамъ гдѣ-то...

— Женя, Женя, не говори такъ,—и слова ея зазвучали теперь мягче и нѣжнѣе,—мнѣ, вѣдь, самой горько отрываться отъ тебя... Но счастья на землѣ для меня нѣтъ, нѣтъ и быть не можетъ послѣ нынѣшняго дня. Оно было у меня, правда, и спасибо тебѣ хотя бы за это короткое и незаконное счастіе.

Слезы у нея показались на глазахъ, и тихая и покорная, она приникла на мигъ къ его груди, какъ ребенокъ къ груди матери. Онъ крѣпко прижалъ ее къ себѣ, и еще разъ его губы страстно прижались къ ея задрожавшимъ губамъ.

Но это былъ лишь короткій мигъ, послѣднее прощаніе съ земною радостью. Она медленно приподняла голову и высвободилась изъ его рукъ.

— Ты видишь, какъ я еще нетверда въ своемъ рѣшеніи,—проговорила она, и слабая улыбка показалась на ея лицѣ,—теперь мнѣ будетъ легче, по крайней мѣрѣ.

— И ты думаешь, я такъ отпущу тебя? Ты думаешь, я подчинюсь требованіямъ этого мнимаго долга?

Но она снова вполнѣ овладѣла собой, и его горячія слова не могли уже поколебать ее.

— Надо, Женя, пойми, что надо. Мы, вѣдь, не врагами разстанемся. Я переѣду къ матери, пока отецъ будетъ живъ, а тамъ... тамъ увидимъ.

— Ты никогда не любила меня, вотъ что. Ты и не знаешь, что такое настоящая страсть, если тебѣ такъ легко разставаться со мной изъ-за призрачныхъ обязанностей.

Теперь онъ забылъ про свою вину и помнилъ только, что ему надо во что бы то ни стало удержать возлѣ себя любимую женщину. Но власти надъ ней у него не было ужъ никакой.

— Мнѣ ты думаешь легко, Женя, и я ли тебя не любила!—горько произнесла она.

Бурнымъ потокомъ полились его страстныя слова. Она слушала его молча, покорно, и все грустнѣе становилось ея блѣдное лицо. Онъ понялъ наконецъ, что ему не удастся поколебать ее и что всѣ его горячія слова причиняютъ ей напрасную боль, не измѣняя ни на волосъ ея спокойную рѣшимость.

— Я вижу,—отвѣтила она только,—что тебѣ, бѣдный мой Женя, много еще придется пожить и перестрадать, пока ты научишься, что есть у насъ иной законъ, чѣмъ наша воля. Не слишкомъ грусти: вѣдь мы увидимся еще много разъ. А тамъ, можетъ быть, ты и привыкнешь понемножку, и самъ поймешь, что вмѣстѣ намъ жить ужъ нельзя.

Онъ стоялъ, не двигаясь съ мѣста, и мрачно глядѣлъ внизъ. Едва ли онъ разслышалъ ея послѣднія слова. Онъ уже не старался удержать ее; но когда, на порогѣ, она еще разъ обернулась къ нему, она увидѣла его полулежащимъ на креслѣ, лицо его припало къ столу, и слабый, хриплый звукъ, очень похожій на стонъ, дошелъ до ея слуха.

XXXVI.

Третье Плевненское побоище разразилось надъ Дунайскою арміей. Еще длиннѣе и чаще прежняго потянулись вереницы повозокъ съ ранеными и больными. Врачи и сестры милосердія выбивались изъ силъ въ переполненныхъ до крайности лазаретахъ, и послѣ тѣхъ двухъ кровавыхъ дней, среди наступившаго военнаго затишья начался безконечный рядъ мелкихъ вседневныхъ подвиговъ, гдѣ трудъ и самоотверженіе требовались не для боя и не на нѣсколько часовъ, а каждый часъ, безъ конца и безъ отдыха, подъ вѣчною угрозой тяжелой, медленной смерти на больничной койкѣ.

При Систовскомъ лазаретѣ въ числѣ другихъ сестеръ была тогда очень еще молоденькая, невысокая женщина, особенно неутомимая въ своемъ заботливомъ уходѣ за больными, несмотря на свою очевидную физическую слабость. Любили ее всѣ чрезвычайно, и иному, даже тяжело-раненому солдатику, совѣстно было, когда изъ-за него она просиживала длинные ночные часы, и ея нѣжныя и исхудалыя ручки подавали ему пить или поправляли на немъ перевязку. Нерѣдко случалось и то, что совсѣмъ уже безнадежный больной за нѣсколько часовъ до смерти умолялъ, чтобы прислали къ нему хоть на минутку сестрицу Орленеву, увѣряя, что если дадутъ ему на нее посмотрѣть въ послѣдній разъ, ему станетъ полегче.

Военный докторъ изъ нѣмцевъ, старикъ, не особенно ученый, но за то добрый и усердный, въ ней души не чаялъ и постоянно журилъ ее за то, что она себя такъ мало бережетъ.

— Ну, вамъ ли, скажите пожалуйста,—говорилъ онъ ей чуть не по десяти разъ въ день,—всю эту работу исполнять? — Вы, вѣдь, совсѣмъ еще ребенокъ, да еще балованный. Посмотрите на себя, вы исхудали здѣсь совсѣмъ, а глаза ваши горятъ точно въ лихорадкѣ. Не хорошо, право, не хорошо!

И въ самомъ дѣлѣ мягкіе, бархатные глаза Насти расширились и блестѣли теперь, и блескъ этотъ поражалъ своею неестественностью при видѣ ея впалаго блѣднаго лица.

— Ничего, докторъ,—отвѣчала она,—я привыкла. Я два мѣсяца здѣсь и здорова, какъ видите.

— Здоровы, здоровы! Вы все одно твердите,—ворчалъ докторъ.—Sie sollen nicht den Himmel versuchen.

Почтенный докторъ, какъ человѣкъ далеко не современный, не стыдился часто упоминать про „Himmel“.

Въ жаркій сентябрьскій день Настя возилась съ распредѣленіемъ только что прибывшаго транспорта больныхъ, какъ одна изъ старшихъ сестеръ обратилась къ ней:

— Вы слышали, Анастасія Петровна, новый докторъ, изъ Яссъ, кажется, сегодня пріѣхалъ, молодой человѣкъ, блѣдный такой, высокаго роста. Только, когда онъ посмотрѣлъ на списокъ нашихъ сестеръ и прочелъ ваше имя „Анастасія Петровна Орленева“, онъ вскрикнулъ, какъ сумасшедшій и ни о чемъ другомъ ужъ не спрашивалъ.

— Вы не знаете, какъ его фамилія?

— Какъ же, слыхала. Докторъ Гашинъ. Я у него и спросила, желаетъ ли онъ васъ видѣть, а онъ на меня такъ странно посмотрѣлъ и сказалъ: „послѣ, успѣю“. Ну и пошелъ къ себѣ на квартиру.

Настя ничего не возразила сестрѣ, а въ головѣ у нея тотчасъ зародились прошлыя воспоминанія, и странною показалась ей, какъ разъ теперь, эта неожиданная встрѣча.

Свидѣлась она съ Александромъ только подъ вечеръ. Онъ извинился, что не зашелъ къ ней раньше. Видно было, что онъ ощущалъ передъ ней какую-то неловкость, будто не зная, какъ объяснить себѣ ея присутствіе и какимъ тономъ заговорить съ ней.

— Вы находите,—сказала ему Настя,—что уходъ за

больными слишкомъ сѣрая работа для такого избалованнаго существа, какъ я?

— Нѣтъ, не то, Анастасія Петровна, а очень счастливымъ людямъ, въ вашемъ положеніи, все-таки въ голову едва ли придетъ за нее взяться.

Теперь въ его взглядѣ было уже не одно изумленіе, была какъ будто и жалость. Настя ему не отвѣчала. Они прошли молча нѣсколько шаговъ.

— А я очень довольна, что мы съ вами встрѣтились,— начала она опять, приподнимая опущенную голову;— хотя, конечно, никому изъ насъ не мерещилось никогда, что мы встрѣтимся при такихъ условіяхъ...

Александръ какъ разъ подумалъ то же въ эту минуту и, страннымъ образомъ, онъ тотчасъ же понялъ, что эта женщина, такъ любимая имъ когда-то, стоитъ теперь неизмѣримо выше всякаго земного чувства. Быть можетъ потому именно онъ почти избѣгалъ ея за цѣлый этотъ день, что въ немъ самомъ давнишнее чувство не умерло до сихъ поръ.

— Пойдемте за городъ, если вамъ дѣлать нечего,— сказала она.—Вечеръ такой чудный.

Скоро они оставили за собой болгарскій городокъ и прошли къ самому берегу Дуная, пробираясь по узкой дорогѣ вдоль плетней. Тишина была вокругъ. Надъ рѣкой тяжело носился туманъ. Острый запахъ сырой зелени поднимался съ окрестныхъ полей и огородовъ. Они невольно перенеслись къ прошлымъ днямъ, и здѣсь, среди мрачной обстановки тяжелой войны, припомнились имъ родныя, далекія мѣста и далекое то время, когда оба они еще не знали трудностей жизни. Но, если три послѣдніе года тяжело отозвались на немъ, она, напротивъ, казалось, не вынесла изъ нихъ ни горечи, ни сожалѣнія, и говорила о прошломъ такъ спокойно и бодро, какъ будто это прошлое не унесло съ собою навсегда и ея молодыхъ надеждъ. Они остановились на краю холма, откуда взглядъ далеко расходился по сторонамъ, гдѣ горы и поля уже окутывались во мглу

осеннихъ сумерекъ. Она присѣла на камень у дороги и стала разспрашивать Александра про то, что онъ слышалъ и видѣлъ за три мѣсяца, проведенные имъ на службѣ Краснаго Креста. Повидимому, для нея и не было уже на свѣтѣ иной заботы, какъ то дѣло, которому она себя посвятила.

Вдругъ Александру показалось, что она вздрогнула.

— Что мы дѣлаемъ съ вами!—воскликнулъ онъ,—и я, докторъ, до того заслушался васъ, что позволяю вамъ здѣсь оставаться. Пойдемте скорѣе домой, вы простудитесь.

— Помилуйте, вечеръ такой теплый.

— Не полагайтесь на эту теплоту! Да вы притомъ же въ одномъ платьѣ. Сентябрьскіе вечера на Дунаѣ опасны, да еще здѣсь, у самой рѣки.

— А кто вамъ сказалъ, что я не ищу опасности?—отвѣтила она тихо, смотря ему прямо въ глаза.

— Пойдемте, я не хочу этого и слышать, вы не имѣете права такъ говорить.

И онъ почти насильно увелъ ее. Безпокойство за нее такъ овладѣло имъ, что онъ не понялъ даже настоящаго смысла ея послѣднихъ словъ.

Онъ проводилъ Настю до ея квартиры.

— Вы увидите, что тревожились напрасно, и что со мной ничего не случится,—почти весело сказала она, прощаясь.

Слова эти, однако, не оправдались. Когда Настя пришла на слѣдующее утро въ помѣщеніе лазарета, на ней лица не было. Старый докторъ сильно пожурилъ ее и настоялъ на томъ, чтобъ она вернулась къ себѣ и прилегла.

— У васъ лихорадка,—озабоченно говорилъ онъ, щупая ей пульсъ.—Съ этимъ шутить нельзя. Я сейчасъ зайду къ вамъ и возьму васъ подъ свою команду.

Александръ тоже навѣдался къ ней и испугался не на шутку, увидавъ ее. У нея сильно разболѣлась голова, странное изнеможеніе овладѣло ею. Она уже не

противилась совѣтамъ и дала уложить себя. Оба доктора не отходили отъ нея, не смѣя подѣлиться другъ съ другомъ своими опасеніями. Черезъ часъ она уснула.

— Что вы думаете? вы опытнѣе меня,—спросилъ теперь Александръ у своего старшаго товарища, боясь услышать подтвержденіе того, что думалъ онъ самъ.

Тотъ въ отвѣтъ только покачалъ головой.

— И я этому виноватъ! Она простудилась вчера. Я былъ тутъ и не помѣшалъ.

— Не думаю, почтеннѣйшій Herr Collega. Тутъ иная причина—der Grund liegt tiefer. Она трудилась черезъ силу. Ей жить не хочется, вотъ гдѣ бѣда.

Къ вечеру больной стало хуже. Начался бредъ. Александръ вмѣстѣ съ сестрой милосердія, присланной старикомъ нѣмцемъ, провелъ всю ночь возлѣ ея кровати. Каждый разъ, когда ему приходилось слышать одно имя, часто повторяемое ею, горькое, жгучее чувство овладѣвало имъ. Онъ понималъ, благодаря кому это, горячо любимое имъ, существо занесено сюда, въ самое гнѣздо заразы.

Нѣсколько разъ въ теченіе ночи заходилъ старикъ нѣмецъ. Александръ все надѣялся еще услышать отъ него утѣшительный отзывъ, но старикъ попрежнему лишь невольно качалъ головой. И хуже всего было то, что нельзя было точно опредѣлить характеръ болѣзни. Это не былъ тифъ, ни обыкновенная придунайская лихорадка; тутъ было внезапное крушеніе жизни, давно подточенной горемъ и утомленіемъ.

На слѣдующее утро, однако, стало повидимому лучше. Жаръ будто стихъ, сознаніе возвратилось. Просыпаясь, она глубоко вздохнула. „Ахъ, какой это былъ тяжелый длинный сонъ!“ прошептала она. Александра она тотчасъ узнала и поблагодарила.

— Какъ я рада, что вы тутъ,—сказала она ему, дѣлая усиліе, чтобы приподняться въ кровати.—Вы какъ будто ко мнѣ присланы оттуда, ото всѣхъ моихъ... Обѣщайте мнѣ, послѣ, когда вы назадъ вернетесь, разска-

зать имъ обоимъ, и мама, и мужу, какъ вы меня нашли, и какъ все было. Скажите имъ, что я ихъ все люблю и не переставала любить...

Александръ, не поднимавшій на нее глазъ, пока она говорила, хотѣлъ увѣрить ее, что ей лучше и она поправится.

— Не говорите этого, Александръ Степанычъ. Я, вѣдь, чувствую, что умираю. И жалѣть вы обо мнѣ не должны. Мнѣ тяжело было дѣлать все, что я здѣсь дѣлала, теперь, я могу въ этомъ сознаться. А отсюда мнѣ некуда было идти, развѣ туда.—И она вскинула глазами вверхъ.

— Не утомляйтесь... не говорите...—попробовалъ онъ ее остановить.—Вы поправитесь, уѣдете отсюда,—прибавилъ онъ, стараясь казаться бодрымъ.

Но онъ самъ не вѣрилъ своимъ словамъ. Настя это чувствовала не хуже его.

— А вы мнѣ все-таки обѣщайте,—начала она, помолчавъ немного,—исполнить то, о чемъ я васъ просила. Я знаю, вамъ непріятно будетъ свидѣться съ мужемъ. Но для меня... Вы можете себя осилить, не правда ли? Вы побываете у него, да?

Онъ только кивнулъ головой. Онъ чувствовалъ, что у него навертываются слезы.

— А теперь дайте мнѣ перо и бумагу. Вотъ тамъ лежитъ, на столѣ. И книгу подложите, или что-нибудь.

— Вы писать хотите?

— Да, нужно. Ужъ вы не запрещайте, докторъ. Два слова только... на прощанье. Вѣдь, вы ему отошлете?

И Настя опять попробовала улыбнуться, хотя себѣ самой она все повторяла тревожный вопросъ: неужели я его ужъ такъ и не увижу? и трудно ей было покориться этому безропотно.

Александръ устроилъ ей все такъ, какъ она просила. Но рука ей не повиновалась, и ей пришлось отказаться отъ письма.

— Не могу. Слишкомъ слаба,—прошептала она вздыхая.—Послѣ, можетъ-быть.

И голова ея снова упала на подушку.

— Александръ Степанычъ,—опять сказала она, спустя минуту,—не правда ли, вы распорядитесь... вы знаете, на счетъ того?.. Вы мнѣ пришлете священника? Я знаю, вы мнѣ хотите сказать, что я поправлюсь и потому это не нужно. Вѣдь, это всегда говорятъ. Ну, положимъ, такъ. А все-таки я хочу пріобщиться. Такъ вы все устроите, не правда ли? А теперь вы меня оставьте одну, хоть на часокъ. Вѣдь, мнѣ лучше, гораздо лучше? Ну, я этимъ и воспользуюсь, чтобы все обдумать и приготовиться.

Александръ вышелъ, приказавъ сестрѣ оставаться въ сосѣдней комнатѣ.

Настѣ предстояла еще трудная борьба съ собой: отреченіе отъ надежды снова увидѣть мужа. Хоть она и разсталась съ нимъ навсегда, упорное желаніе все-таки пріютилось въ ея сердцѣ, и теперь, во время болѣзни, заговорило сильнѣе. Ей почему-то казалось, что онъ непремѣнно пріѣдетъ, и она не можетъ покинуть этотъ міръ, не простившись съ нимъ. Надо было не только отказаться отъ этой мечты, но и покориться необходимости. А передъ ней, какъ нарочно, теперь поднялись одинъ за другимъ образы прошлаго изъ тѣхъ ясныхъ дней, когда началось ея знакомство съ Евгеніемъ. Она стояла опять съ нимъ у берега озера противъ Авдѣевой мельницы и яркій іюльскій закатъ освѣщалъ небосклонъ... А вотъ она съ нимъ на террасѣ, и среди благоухающей ночи разливается серебристый блескъ мѣсяца. А тамъ поляна со старымъ ясенемъ, подъ тѣнью котораго они въ первый разъ вмѣстѣ рисовали. И пролѣсокъ близь ржапого поля, гдѣ она плела вѣнокъ изъ васильковъ. И Глѣбовскій садъ, гдѣ онъ сказалъ ей, какъ она дорога ему... Всѣ эти картины волшебною, пестрою вереницей кружились въ ея головѣ, и будто слабый отголосокъ давно произнесен-

ныхъ словъ раздавался надъ ея ухомъ. И во всемъ этомъ не было ни одного тяжелаго воспоминанія; одними радужными цвѣтами окружалось прошлое; все темное и грустное будто исчезло изъ ея памяти.

Когда священникъ вошелъ къ ней вмѣстѣ съ сестрой милосердія, на ея опущенныхъ вѣкахъ и на полуоткрытомъ ртѣ не исчезъ еще слѣдъ пробѣжавшей по нимъ улыбки.

— Хворать изволите,—грубоватымъ басомъ заговорилъ священникъ, полный мужчина, со здоровымъ краснымъ лицомъ,—не хорошо, не хорошо! Ну, Богъ дастъ поживете, поправитесь — онъ сильно произносилъ на ȣ.

Она раскрыла глаза и ей жаль стало своей радужной мечты,— дѣйствительность опять вступала въ свои суровыя права. „А, вѣдь, это недоброе чувство“, тотчасъ упрекнула она себя и постаралась воскресить въ себѣ покорное религіозное настроеніе, хотя служитель церкви, быть можетъ, и наружностью своею и голосомъ мало способствовалъ поддержанію этого настроенія...

Обрядъ былъ не продолжителенъ. Священникъ, не мудрствуя лукаво, съ добродушною поспѣшностью, выслушивалъ ея исповѣдь и произносилъ слова молитвъ, мало прибавляя къ нимъ своего: слишкомъ ужъ часто ему приходилось отправлять свои обязанности, да и сознавалъ онъ, можетъ-быть, что для нея своихъ словъ у него не было. Она въ нихъ и не нуждалась. Иной голосъ слышался ей, и на нее какъ бы повѣяло миромъ, такимъ миромъ, котораго нѣтъ даже въ самыхъ чистыхъ радостяхъ жизни.

Обрядъ ее, однако, утомилъ; она заснула до вечера. Александръ все еще надѣялся. Хотя силы не возвращались, больная не страдала почти вовсе. Весь остатокъ дня онъ провелъ рядомъ съ ея комнатой, ожидая, когда она проснется. Въ восемь часовъ, узнавъ, что онъ тутъ, она его подозвала.

— Вамъ гораздо лучше, Анастасія Петровна,—ска-

залъ онъ, замѣтивъ, что въ ея глазахъ уже не было лихорадочнаго блеска.

— Можетъ-быть. Я, кажется, покрѣпче теперь. И я хотѣла этимъ воспользоваться, чтобы просить васъ передать мужу и матери вотъ это въ знакъ памяти, коли писать мнѣ уже нельзя. — И она подала ему бумажку, въ которой были двѣ отрѣзанныя пряди ея волосъ. — Не грустите, Александръ Степанычъ,—прибавила она,— мнѣ совсѣмъ не тяжело. Да изъ-за этого вѣдь не умираютъ. А на всякій случай все-таки я хочу, на словахъ по крайней мѣрѣ, всѣмъ распорядиться. Завѣщаніе мое будетъ не сложное.—И она сказала ему, кому она проситъ отдать всѣ бывшія съ ней вещи.—Насчетъ остальнаго, что тамъ мнѣ принадлежитъ въ Россіи, и распоряжаться нечего. Дѣтей у меня вѣдь нѣтъ. А вотъ эти бездѣлицы можетъ-быть и будутъ имѣть цѣну для тѣхъ немногихъ, кто меня любилъ. И васъ тоже, Александръ Степанычъ, я прошу отъ меня принять это кольцо.—Она сняла со своей лѣвой руки золотое кольцо съ бирюзой. — Мама его мнѣ подарила, когда я была дѣвочкой.

Она видѣла, съ какимъ усиліемъ онъ старался отъ нея скрыть свое горе.

— Не падайте духомъ, Александръ Степанычъ. Здѣсь тысячи людей умираютъ и всѣ они вѣдь нужнѣе меня.—И можетъ-быть,—мысленно прибавила она,—съ нихъ обоихъ не взыщется изъ-за того, что я добровольно ухожу отсюда.

Я кажется все вамъ сказала, Александръ Степанычъ,— опять начала она.—А теперь доброй ночи и будемте оба надѣяться. Да вотъ еще про что я забыла. Напишите мама, чтобы меня положили въ Покровскомъ, на косогорѣ, у ограды. Оттуда видъ такой славный, видъ на рѣку. Вы помните?

И она съ трудомъ протянула ему руку. Онъ прильнулъ къ ней губами и поспѣшно вышелъ, чтобы дать волю слезамъ.

Эта ночь была послѣднею. Къ утру ея не стало. Она отошла тихо, безъ страданій, хоть и тяжело ей было, что послѣдніе часы она уже не могла говорить. Но пока не потухли ея глаза, ими по крайней мѣрѣ она старалась еще благодарить тѣхъ, кто ее окружалъ.

Два дня спустя, когда уполномоченный Краснаго Креста въ Систовѣ вернулся къ себѣ, чтобъ отобѣдать, ему доложили, что цѣлыхъ три часа у него на квартирѣ дожидается пріѣзжій изъ Бухареста господинъ. Какъ всякое лицо, облеченное хотя крошечною властью, уполномоченный счелъ долгомъ принять юпитерскій видъ, когда онъ предсталъ передъ своимъ нежданнымъ посѣтителемъ.

— Мнѣ сказали въ Бухарестѣ,—началъ тотъ,—что въ числѣ сестеръ милосердія, состоящихъ при Систовскомъ лазаретѣ, находится Анастасія Петровна Орленева.

Уполномоченный сдѣлалъ невольное движеніе, услышавъ это имя, и тотчасъ перебилъ говорившаго:

— Позвольте узнать вашу фамилію?

— Я мужъ той дамы, про которую спрашиваю, и полагаю, что вы мнѣ можете сообщить...

Должно-быть лицо озабоченнаго представителя Краснаго Креста было очень выразительно. Орленевъ понялъ.

— Я это предчувствовалъ,—пробормоталъ онъ.

Офиціальный представитель милосердія былъ бы, можетъ-быть, и радъ душевно найти приличныя слова утѣшенія. Но состраданіе заглушалось въ немъ ощущаемою неловкостью; да и можно ли требовать, чтобы совершенно чужой человѣкъ возбуждалъ въ насъ особенно теплое участіе?

— Одинъ изъ нашихъ молодыхъ врачей, докторъ Гашинъ, пользовалъ вашу жену,—нашелся онъ только сказать. — Я сейчасъ пошлю за нимъ, и онъ все передастъ вамъ. Свою квартиру я отдаю въ ваше распоряженіе.

Даже среди его глубокой скорби, Орленева покоробило отъ этого имени. Неужели должно было случиться

такъ, чтобъ этотъ именно человѣкъ былъ свидѣтелемъ ея кончины? Да и Александръ не былъ расположенъ къ мягкости, когда онъ увидѣлъ того, въ комъ подозрѣвалъ главнаго виновника смерти любимой женщины. Холодно и непріязненно онъ передалъ Евгенію про ея послѣднія минуты, вручивъ ему то, что она предназначила мужу. Видно было, какого труда ему стоило отдавать въ руки Евгенія дорогую прядь ея волосъ.

Евгеній молча выслушалъ его разсказъ, и какъ ни явна была презрительная враждебность въ словахъ разсказчика, Орленевъ протянулъ ему руку.

— Благодарю васъ, Александръ Степановичъ,—сказалъ онъ.—Вы сдѣлали, я увѣренъ, что могли. А теперь поведите меня къ ней.

Но Александръ не принялъ руки Евгенія.

— Ея здѣсь уже нѣтъ,—отвѣчалъ онъ.—Мы телеграфировали Софьѣ Сергѣевнѣ и получили отвѣтъ, что она будетъ сюда. Гробъ отправили къ ней на встрѣчу въ Бухарестъ. По желанію вашей супруги, ее похоронятъ въ Покровскомъ.

Снова прошло около двухъ лѣтъ. Миръ давно былъ подписанъ и забыто было все, что такъ сильно волновало Россію. Въ Петербургѣ зеленѣло хмурое невское лѣто. Въ дождливый іюньскій день, по Большой Морской шелъ человѣкъ ужъ не первой молодости, съ зонтикомъ въ рукахъ и съ такимъ выраженіемъ на лицѣ, которое отвѣчало какъ нельзя болѣе сѣрому петербургскому лѣту. Вдругъ онъ остановился, узнавъ своими прищуренными глазками молодого человѣка съ густою русою бородой, проѣзжавшаго на извозчикѣ.

— Александръ Степановичъ!—обозвалъ онъ его.

Молодой человѣкъ сошелъ съ дрожекъ.

— А, это вы, Алексѣй Николаевичъ,—сказалъ онъ, пожимая руку Вологдина.—Не ожидалъ васъ встрѣтить здѣсь въ эту пору года, да еще на улицѣ подъ дождемъ.

— Что дѣлать, мои долгія странствія меня научили, что вездѣ одинаково скверно живется. А вы давно здѣсь?

— Да вотъ, послѣ того какъ расквитались съ послѣдствіемъ войны, я прямо съ Дуная на Волгу, съ чумой возиться. А теперь думаю въ Петербургѣ остаться.

Минутъ съ пять они говорили о постороннихъ вещахъ, не касаясь того вопроса, который у обоихъ вертѣлся на языкѣ.

— А что Софья Сергѣевна?—не вытерпѣлъ, наконецъ, Александръ.

Лицо Вологдина сдѣлалось еще сумрачнѣе.

— Она живетъ теперь почти безвыѣздно въ Покровскомъ,—отвѣчалъ онъ.—Бываютъ въ жизни такіе удары, отъ которыхъ не оправляются никогда. Она себя посвятила всецѣло благотворительности, и не той бездушной, офиціальной благотворительности, которая здѣсь такъ въ ходу; она помнитъ, гдѣ умерла ея дочь и какъ-бы исполняетъ дѣло, завѣщенное ей Настей. Ну, разскажите же мнѣ, какъ все это было—вѣдь вы одинъ были при ней въ послѣдніе дни ея жизни?

Александръ разсказалъ, и совершенно иначе звучали его слова, чѣмъ два года назадъ, когда онъ о томъ же передавалъ Евгенію.

— А гдѣ теперь господинъ Орленевъ?—спросилъ Гашинъ.

— Вотъ этотъ ужъ отъ всякаго удара оправится, горько отвѣчалъ Вологдинъ.—Его проняло кажись сначала, а годъ спустя онъ уже былъ въ Парижѣ, у ногъ какой-то театральной знаменитости и пожиналъ лавры, выставляя тамъ красивые образчики женскаго тѣла. Одинъ старикъ англичанинъ, говорятъ, большія деньги заплатилъ за его купальщицу. Что жъ, по крайней мѣрѣ, онъ не собьется съ дороги. Только вотъ бѣда: княгиня Смоленская, та самая, что купила вашу Ольховку, кажется забрала его совсѣмъ въ руки. Странное дѣло, попадаются эти господа въ концѣ концовъ всегда въ сѣти сорокалѣтнихъ красавицъ. И туда имъ и дорога. Онъ даже лѣто проводитъ у нея въ имѣніи, и какъ разъ въ Ольховкѣ, въ трехъ шагахъ отъ Покров-

скаго. Хорошъ! И тамъ они втроемъ съ Шатовымъ въ разныя спекуляціи пустились и, конечно, Семенъ Кирилловичъ ихъ нѣтъ, нѣтъ, да и надуетъ.

— А что Шатовъ, все предводительствуетъ?

— Нѣтъ, забаллотировали. И дѣла у него, какъ выходитъ на повѣрку, на волоскѣ висѣли. И подрядъ былъ, и все имѣнія разныя покупалъ, а вдругъ—несостоятельность на носу. Только выручили его опять дамы, Богъ вѣсть какими путями. Казенную ссуду получилъ и теперь чуть изъ петли вылѣзъ, новый заводъ строитъ. Не пропадетъ, не безпокойтесь. Вѣдь у насъ на Руси денежныя дѣла—это хожденіе по натянутому канату. Тутъ не балансъ нуженъ, а ловкость въ гимнастическомъ искусствѣ. До свиданія.

И лицо Алексѣя Николаевича, несмотря на теплое пожатіе руки, снова приняло холодно-кислое выраженіе, столь свойственное россійскимъ дипломатамъ, когда имъ за сорокъ лѣтъ.

Въ Покровскомъ, у самой церковной ограды, стоитъ одинокая могила. Надъ нею склонились двѣ плакучія ивы, какъ бы защищая ее отъ вѣтра и бурь. Но солнца онѣ заслонить не могутъ, и въ каждый свѣтлый день оно весело играетъ на бѣломъ мраморѣ, гдѣ подъ именемъ „Настя“ значатся только два числа, между которыми протекла ея короткая жизнь. Почти каждый день сюда приходитъ исхудалая постарѣвшая не по лѣтамъ женщина, постоянно одѣтая въ черное. Она долго остается здѣсь, молясь и вспоминая. Раскаянье не даетъ успокоиться горю. Смягчилось гордое сердце, и находитъ въ немъ отголосокъ всякая чужая скорбь, но себѣ она не можетъ отпустить давнишняго грѣха, хоть и мнится ей иногда, что могила ей говоритъ о прощеніи, а сквозь опущенныя вѣтви деревьевъ вѣчно улыбается природа, для которой нѣтъ неутѣшнаго горя и неискупленной вины.

ДВѢ СТАТУИ.

РАЗСКАЗЪ.

К. Головинъ (К. Орловскій).

ДВѢ СТАТУИ.

РАЗСКАЗЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Спб. Т-ва Печатн. и Издат. дѣла „Трудъ“. Фонтанка, 86.
1902.

I.

Художникъ Залѣсовъ стоялъ въ своей мастерской передъ двумя завѣшанными статуями и смотрѣлъ на нихъ съ какою-то странною робостью, точно онъ не смѣлъ обнажить даже передъ собою свои недавно оконченныя созданія. А солнце, яркое февральское солнце, назойливо вливалось въ широко раскрытое окно, (такъ и просилось облить золотыми лучами ихъ мраморную наготу), точно завѣса, скрывавшая ихъ, дразнила его нетерпѣніе. Это было не наше русское, скромное солнце, а побѣдное, могучее солнце Вѣчнаго города. Мастерская русскаго ваятеля находилась въ новомъ кварталѣ Рима, во второмъ этажѣ одного изъ тѣхъ огромныхъ заурядныхъ домовъ, которые такъ быстро вырастаютъ по окраинамъ города, грозя опошлить даже это святилище несравненной красоты. Залѣсовъ проводилъ въ Римѣ уже третій годъ и, несмотря на то, что онъ былъ русскій, совсѣмъ уже не по-русски сумѣлъ пробить себѣ дорогу. У него было то, что порой гораздо выгоднѣе славы,—у него былъ успѣхъ. Его мастерскую считали долгомъ посѣщать всѣ праздные иностранцы, обыкновенно заходящіе посмотрѣть на студіи итальянскихъ мастеровъ. Бездѣлки его рѣзца шли уже по дорогой цѣнѣ. И когда онъ входилъ въ театральную или концертную залу, лестный шопотъ доносился до его ушей.

Съ перваго взгляда на Залѣсова, на его стройную и въ то же время крѣпкую фигуру, на его здоровое

лицо съ крупными, но красивыми чертами, и мягкимъ блескомъ немного прищуренныхъ, сѣрыхъ глазъ, на его бѣлыя выхоленныя руки,—съ перваго взгляда все говорило въ немъ о баловнѣ судьбы, котораго она пока только нѣжила, не успѣвъ испортить. И онъ давалъ себя убаюкивать ровному теченію жизни, весело, хоть и лѣниво немножко плылъ по вѣтру, не тревожа себя далекими задачами, но и не давая въ себѣ угаснуть свѣтильнику любви къ идеалу.

И вотъ ему казалось, что теперь имъ сдѣланъ первый крупный шагъ на пути, что въ этихъ двухъ статуяхъ, которыя стоятъ передъ нимъ завѣшанными, онъ впервые поднялся надъ уровнемъ талантливаго изящества; кто знаетъ? быть можетъ, даже коснулся полной, вѣчной красоты. Онъ думалъ такъ еще въ тотъ день, когда, окончивъ работу, онъ бережно закуталъ свои созданія въ темно-зеленое покрывало, какъ бы отворачиваясь отъ нихъ на время. Съ тѣхъ поръ прошло семь дней, семь долгихъ дней, въ которые его не переставало мучительно тянуть къ двумъ статуямъ, и болѣзненно ему хотѣлось убѣдиться, вѣрно ли было его первое впечатлѣніе. Но онъ не поддавался этому влеченію, пока не выйдетъ назначенный имъ срокъ, онъ хотѣлъ дать остыть первому чувству нѣмого восторга. Опредѣленный имъ день наступилъ, день, котораго ждалъ не онъ одинъ, а весь любительскій Римъ, знавшій уже, что русскій ваятель недавно окончилъ два крупныхъ произведенія. И все-таки Залѣсовъ оставался въ нерѣшительности, боясь, какъ бы теперь онъ не взглянулъ иными, отрезвленными глазами на свои дѣтища и какъ бы не разсѣялся прельстившій его самообманъ.

Но долго медлить было нельзя. Черезъ какой-нибудь часъ нахлынетъ сюда любопытная публика, онъ долженъ подготовить себя къ ея суду, прежде нея убѣдившись, удалась ли ему затѣянная смѣлая идея.

Въ обширной, свѣтлой мастерской, убранной съ роскошной небрежностью, все было подготовлено съ утра

къ пріему посѣтителей. Но душа художника къ нему подготовлена не была: въ ней все было смущеніе, недовѣріе къ себѣ...

И вотъ, наконецъ, боязливой рукой, жмуря глаза, онъ отдернулъ сперва одно, потомъ другое покрывало. Двѣ статуи засіяли, ослѣпительно-бѣлыя въ рѣзкомъ освѣщеніи полуденнаго солнца. Прежде всего Залѣсову бросилась въ глаза невозможность этого, черезчуръ грубаго, освѣщенія. Онъ опустилъ занавѣсъ надъ половиной окна, и съ помощью слуги передвинулъ статуи, погружая ихъ въ мягкую, полупрозрачную тѣнь.

Залѣсовъ долго простоялъ на мѣстѣ, пожирая свои произведенія нѣмымъ, но безпокойнымъ взглядомъ.

Слѣва отъ него, ближе къ окну, стояла классическая богиня красоты, другая статуя олицетворяла красоту иную, духовную красоту вѣчной материнской любви. Смѣлую до дерзости мысль онъ задумалъ воплотить въ своихъ изваяніяхъ: онъ захотѣлъ изобразить два рѣзко противоположныхъ типа,—пластическую красоту греческой Афродиты и небесный, безпорочный идеалъ Мадонны. И въ священномъ трепетѣ онъ недоумѣвалъ теперь, удалось ли ему выразить контрастъ этихъ двухъ образовъ, создать въ нихъ какъ бы два полюса женственности и отыскать для этихъ образовъ новыя, свѣжія, незаурядныя черты. Мало-по-малу въ немъ росло сознаніе, что онъ этого достигъ, что онъ не былъ простымъ подражателемъ, что для идеи своей онъ нашелъ живую, своеобразную форму. Свою Афродиту онъ задумалъ не какъ воплощеніе зрѣлой, уже законченной красоты, подобно Венерѣ Милосской, ея прелесть была иная, не вполнѣ еще распустившаяся, безсознательная прелесть дѣвушки. Легкое изящество стана, невполнѣ доразвившаяся грудь,—все это говорило о свѣжей, о невинной еще юности. А между тѣмъ въ загадочной, какъ будто недосказанной улыбкѣ, скользившей по лицу, въ положеніи руки, поддерживавшей спадавшую одежду, была какая-то затаенная увѣренность въ обая-

ніи своей молодой красоты, какое-то задорное кокетство, какъ бы для виду только скрывавшее передъ жаднымъ взглядомъ полуобнаженное дѣвственное тѣло. И какою воздушной, почти прозрачной; казалась одежда юной богини, едва державшаяся на лѣвомъ плечѣ, какими поразительно-мягкими прядями опускались на спину волны роскошныхъ волосъ. Полуприкрытая и, казалось, стыдливая Венера, какою создалъ ее Залѣсовъ, была, быть-можетъ, болѣе полнымъ олицетвореніемъ чувственности, чѣмъ условный обликъ богини, всю одежду которой составляетъ ея знаменитый поясъ. Художникъ долго упивался своимъ произведеніемъ и перенесъ горѣвшій счастьемъ взглядъ на вторую статую. Голова Мадонны была чуть-чуть наклонена, ее почти окутывало покрывало, строгими складками опускавшееся до ногъ. Залѣсовъ намѣренно лишилъ себя въ изображеніи Мадонны всѣхъ средствъ поразить глазъ, какія свойственны ваянію. Онъ скрылъ очертанія тѣла своей Мадонны, обнаживъ только руки и сосредоточивъ всю силу вдохновенія на чертахъ лица. И, все-таки, какъ онъ сумѣлъ придать спокойное величіе и въ то же время смиреніе неземной любви не только этимъ чертамъ, но всей фигурѣ безропотно скорбящей Мадонны! Какъ ея чистая благородная красота, возвеличенная страданіемъ, ярко отличалась отъ красоты языческой богини!.. Да, онъ выполнилъ свою задачу, онъ нашелъ два противоположныхъ, но одинаково совершенныхъ выраженія женской красоты, онъ можетъ быть доволенъ собою. Это уже не простое искусство талантливаго мастера, это настоящее высокое художество, и онъ стоитъ у преддверія той славы, того счастья, какія даются не людскою молвой, а внутреннимъ сознаніемъ чистоты и совершенства своихъ воплощенныхъ идеаловъ...

Улыбка торжества показалась на лицѣ Залѣсова, и рука его почти самодовольно принялась гладить изящно обстриженную бороду. Но вотъ позади себя онъ разслышалъ чей-то слабый кашель: кто-то, должно-быть, во-

шелъ незамѣтно. Онъ нетерпѣливо обернулся, его выраженіе досады тотчасъ исчезло съ его лица. Передъ нимъ стоялъ маленькій человѣкъ, неряшливо одѣтый, съ рѣдкими, плохо зачесанными волосами, спадавшими на мягкій ненакрахмаленный воротничекъ рубашки, съ жидкой грязновато-бѣлой бородкой. Этотъ невзрачный человѣкъ былъ извѣстный художникъ Ѳаддей Тимофеевичъ Ѳоминъ, учитель и другъ Залѣсова, въ которомъ онъ почиталъ не одинъ только недюжинный талантъ, но и умѣнье всегда правдиво оцѣнить всякое произведеніе творчества. Строгій къ себѣ, неподатливый ко вкусамъ дня, Ѳоминъ успѣлъ создать сравнительно немного и еще менѣе сумѣлъ выгодно помѣстить свои творенія. Публика не толпилась въ его мастерской, успѣхъ не обогатилъ его золотыми волнами, но всѣ, кто высоко ставилъ художество и его задачи, цѣнили старика и преклонялись передъ его суровымъ судомъ.

— Ѳаддей Тимофеевичъ, — воскликнулъ Залѣсовъ, протягивая старику обѣ руки,—вотъ обрадовали-то, а я ужъ думалъ, вы на меня сердитесь... столько времени глазъ не кажете.

— Съ какой стати буду я на васъ сердиться?—ворчливо пробормоталъ Ѳоминъ.—Не являлся къ вамъ просто оттого, что зналъ, какъ вы заняты, а теперь, видите, пришелъ какъ разъ въ тотъ самый день, когда весь городъ будетъ глазѣть на вашу новую работу, и нарочно поторопился, чтобы не застать у васъ кучи зѣвакъ...

— Спасибо, спасибо,—горячо отблагодарилъ его Залѣсовъ, хоть и разслышалъ въ тонѣ старика недовольную, ироническую ноту.—И прекрасно сдѣлали, что пришли пораньше: можно будетъ потолковать съ вами на свободѣ, услышать вашъ приговоръ. Вы знаете, вѣдь, какъ дорожу я вашимъ мнѣніемъ.

Въ словахъ художника было смиренное признаніе авторитета его стараго учителя, но выраженіе лица не вторило этимъ словамъ: въ немъ читалась теперь почти гордая увѣренность въ себѣ. Ѳоминъ не отвѣтилъ ни-

чего, онъ только вскинулъ на бывшаго ученика строгими глазами.

— Я цѣлую недѣлю, — продолжалъ Залѣсовъ, — не рѣшался взглянуть на двѣ эти вещицы, чтобы хладнокровно, съ безпристрастіемъ судьи, оцѣнить свою работу. Стоило это мнѣ большихъ усилій, но выдержалъ-таки.

— Похвально, похвально,—все тѣмъ же сдержанно ворчливымъ тономъ отвѣтилъ Ѳоминъ.—Что-жъ, остались довольны?

Его старческіе, но все еще живые глаза съ безпощадною проницательностью впились въ сіявшее лицо Залѣсова.

— Нѣтъ, нѣтъ, вы мнѣ свое мнѣніе скажите, скажите прямо. Вы знаете, что за идею я хотѣлъ воплотить въ этихъ двухъ статуяхъ, я говорилъ вамъ про это давно. За вами теперь рѣшить, сумѣлъ ли я выполнить задачу.

И, схвативъ старика за локоть, онъ хотѣлъ ближе подвести его къ статуямъ, но старикъ не тронулся съ мѣста.

— Мнѣ и отсюда хорошо видно,—сказалъ онъ,—да и стою я здѣсь уже давно, успѣлъ наглядѣться и на вашу работу, и на васъ самихъ. Не сомнѣваюсь, что вы удовлетворены вполнѣ...

— А вы нѣтъ?—живо и тревожно спросилъ Залѣсовъ.

— Помните,—какъ бы не разслышавъ вопроса, продолжалъ старикъ,—я не отвѣтилъ вамъ ничего, когда вы излагали мнѣ свою тему. Не хотѣлъ я вамъ отсовѣтовать за нее взяться, потому что съ творчествомъ это ни къ чему не ведетъ. Художникъ долженъ самъ пробивать себѣ дорогу, проводники ему только мѣшаютъ. Вы поняли, что значило мое молчаніе...

Счастливое выраженіе исчезло съ лица Залѣсова.

— Нѣтъ, даю вамъ честное слово, ничего я не понялъ тогда...

— То-есть не захотѣли понять,—неумолимо возразилъ

Ѳоминъ.—Вы задумали изобразить контрастъ, создать двѣ фигуры, дополняющія одна другую, и это ужъ никуда не годится. Произведеніе искусства прежде всего должно быть цѣльнымъ, должно говорить само за себя; коментаріи только вредятъ. А тутъ вашей идеи понять нельзя, коли посмотрѣть на каждую вашу статую въ отдѣльности. И что будетъ, скажите, коли ихъ купятъ порознь, и всякаго, кто взглянетъ на одну изъ нихъ, вы пошлете затѣмъ любоваться другой.

— Развѣ каждая изъ моихъ фигуръ,—перебилъ Залѣсовъ,—не выражаетъ собою цѣльную идею? Положимъ, идея эта въ моей головѣ раздвоилась, и я захотѣлъ олицетворить ее въ двухъ образахъ. Это смѣло, правда, но винить себя за это я не могу. Никого я, вѣдь, не принуждаю разгадывать мою затаенную мысль. Пусть любитель пластической красоты остановитъ свой выборъ на моей Венерѣ, а тотъ, кому идеалъ духовной красоты нравится больше...

Художникъ не договорилъ своей фразы, до того онъ былъ пораженъ взглядомъ, исполненымъ скорби, какой бросилъ на него старикъ.

— И вы думаете,—страстнымъ голосомъ заговорилъ Ѳоминъ,—что это настоящая классическая Венера, а та, другая, настоящая Мадонна? Посмотрите: это—современная разбитная дѣвица, которая вся горитъ желаніемъ запретнаго плода. И вы нарочно прикрыли ее на половину этимъ искушающимъ покрываломъ, чтобы тѣмъ вѣрнѣе зажечь нечистую похоть въ глазахъ зрителя. Вы не посмѣли ее выставить въ полной наготѣ, потому что вамъ чуждо пониманіе истинной красоты человѣческаго тѣла, которая чиста и священна, какъ всякая настоящая безусловная красота, потому что, вѣдь, искусство не бьетъ на соблазнъ, не шевелитъ страсти, а успокаиваетъ полнымъ созвучіемъ законченной гармоніи... А ваша Мадонна, развѣ это безконечно-чистый образъ, почти недоступный для творчества, оттого что дѣвственность и материнство въ немъ соединяются въ

одно. Это—тоже фигура, вся выхваченная изъ современности и лишь принаряженная въ условный костюмъ.

— Да нѣтъ же, нѣтъ!—глубоко огорченнымъ голосомъ воскликнулъ Залѣсовъ.—Развѣ вы не видите, что все здѣсь говоритъ объ иной, о безтѣлесной, религіозной красотѣ. Нарочно, вѣдь, я скрылъ очертанія тѣла, слегка лишь обозначивъ ихъ благородное изящество, и всѣ свои усилія сосредоточилъ на выраженіи лица, чтобы на этомъ лицѣ запечатлѣть покорное страданіе и божественную чистоту.

— Полно,—съ укоромъ въ голосѣ настаивалъ старикъ,—вы тѣшите себя мнимымъ идеаломъ какой-то сверхъестественной духовной красоты, а сами, вотъ, сейчасъ проговорились объ изящныхъ контурахъ тѣла, полускрытыхъ подъ складками одежды... Полно, вы мечтаете о высокихъ цѣляхъ, о недосягаемой почти высотѣ творчества, а воображеніе ваше такъ и въ плѣну у чувственныхъ идеальчиковъ модной современности. Изящные контуры тѣла и святости Мадонны!.. Стыдитесь! Да и ваша языческая богиня тоже не съ Олимпа сошла, а привыкла лишь вызывать сомнительныя улыбки на лицахъ прохожихъ гдѣ-нибудь на парижскомъ бульварѣ. Алтарь, которому вы служите, сами, можетъ быть, того не подозрѣвая, не высокое искусство, невозмутимо прекрасное въ своемъ неувядающемъ величіи, а кумиръ быстро мѣняющагося вкуса, вѣтреной, ни во что не вѣрящей и ни о чемъ не мыслящей толпы.

— Нѣтъ, это уже слишкомъ, этого я не заслужилъ, Ѳаддей Тимофеевичъ.—И онъ почти насильно подвелъ старика къ пьедесталамъ, надъ которыми высились статуи.—Взгляните-ка, вотъ! Развѣ нѣтъ здѣсь полной гармоніи формъ, непринужденности позы, изящества и въ то же время правдивости линій?..—Онъ указывалъ рукою на свою Венеру, какъ бы лаская очаровательно-нѣжныя контуры ея тѣла.—Что? Эти руки, эти пальчики, развѣ это не живетъ, развѣ это не хорошо? Развѣ не легка, не воздушна эта скользящая одежда? А эти

ноги, чуть-чуть какъ бы дотрогивающіяся до земли? Отыщите въ нихъ какую-нибудь ошибку... И эти волосы, будто шелковистые въ своей мягкости, развѣ это не сама правда?.. Ну, а теперь повернитесь и взгляните сюда! Онъ указалъ на Мадонну.—Неужели васъ не поражаетъ контрастъ? Тамъ волшебная грація чувственности, здѣсь все цѣломудріе, вѣра, спокойствіе и чистота. Смѣшно вамъ, быть можетъ, что я самъ расхваливаю свою работу, но здѣсь для заурядной скромности не мѣсто,—не мѣсто потому, что я вложилъ въ свои произведенія всю свою душу, весь свой идеалъ...

— Идеалъ? Душу?!—И старикъ грустно покачалъ головой. — Нѣтъ, Владиміръ Степановичъ, не говорите этого. Души именно я здѣсь и не вижу, хоть и готовъ отдать справедливость совершенству вашей техники. Но что техника, если она не служитъ выразительницей идеи? А идея, хотя она у васъ и была въ головѣ, не вышла наружу. Здѣсь одно только—безукоризненное внѣшнее изящество. Вы сами признавали это сейчасъ. Изящество,—вотъ чѣмъ ограничивается вашъ идеалъ, а кому одного изящества довольно, тому не за чѣмъ стремиться къ красотѣ настоящаго, чистаго искусства...

Залѣсовъ всплеснулъ руками.

— Какъ, вы-ли это говорите, Ѳаддей Тимофеевичъ, вы, говорившій мнѣ нѣсколько лѣтъ назадъ совсѣмъ иныя рѣчи? Тогда вы еще не были данникомъ старинныхъ образцовъ, не закрѣпощали себя классической традиціи. Въ искусствѣ вы тогда видѣли орудіе прогресса, затѣмъ, чтобы оно двигалось заодно съ требованіями вѣка.

Глаза у старика заблестѣли.

— Да, прежде, когда я былъ моложе, я точно вѣрилъ, что искусство призвано служить не одной красотѣ, а вести людей къ усовершенствованію: время было таково. Все стремилось тогда впередъ, и служить этому движенію я не считалъ недостойнымъ искусства. Но вѣкъ состарился заодно со мной, прежніе идеалы за-

быты, и теперь, вмѣсто высокихъ задачъ, одного требуютъ отъ искусства—рабски слѣдовать за вкусомъ, хотя бы этимъ вкусомъ руководили одни плотскія вожделѣнія. Нѣтъ, убереги насъ Богъ отъ такой современности. Когда я увидѣлъ, что мою святыню, подъ предлогомъ реализма, хотятъ низвести до уличныхъ идеаловъ, я унесъ ее съ собой далеко назадъ, потому что равнодушная, но строгая красота древней пластики все-таки выше и чище мелкаго современнаго разврата...

Чуть-чуть насмѣшливая улыбка показалась на губахъ Залѣсова. „Устарѣлъ, заглохъ“, подумалъ онъ про себя.

— Ахъ, маэстро, маэстро,—сказалъ онъ и слегка потрепалъ бывшаго учителя по плечу,—недалеко вы уйдете съ такими взглядами, или вѣрнѣе, такъ ужъ далеко, что совсѣмъ потеряютъ васъ изъ виду...

— Пусть, пусть!.. Я самъ знаю, что меня забыли,—пробормоталъ Ѳоминъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, конечно, не забыли!—И сомодовольный, почти покровительственный оттѣнокъ послышался въ голосѣ Залѣсова. — Утратилось только нѣкоторое взаимное пониманіе между вами и публикой. А что ни говори, публика нашъ судья, мы работаемъ для нея, на ея приговоры нѣтъ апелляціи.

— Гм... пожалуй, что есть... Но кто теперь думаетъ о потомствѣ... Быстрыхъ успѣховъ надо...

Онъ проговорилъ это тихо, почти скорбно, но, вдругъ оживившись, добавилъ.

— А, впрочемъ, пожалуй, я готовъ признать и этого судью: пусть онъ рѣшитъ между нами, и если вы останетесь имъ довольны, этимъ судомъ... Кстати, и сегодня же у васъ соберутся цѣнители,—онъ презрительно произнесъ это слово,—черезъ нѣсколько минутъ они, можетъ-быть, явятся, и вотъ что я вамъ предложу. Скройтесь-ка на время отъ нихъ гдѣ-нибудь, вотъ хоть за этой дверью,—онъ указалъ на дверь въ дальнемъ углу комнаты,—тутъ, кстати, есть драпировка, ее

можно опустить... васъ не замѣтятъ, а вы услышите все. Я приму вашихъ гостей вмѣсто васъ и какъ-нибудь извиню ваше отсутствіе... Что, согласны?

Залѣсовъ отвѣтилъ не сразу. Предложеніе ему, видимо, пришлось не по вкусу. Онъ собирался воспринять тотъ изысканный ѳиміамъ, который такъ хорошо умѣетъ подарить равнодушное, но зато отборное космополитическое общество, среди котораго у него насчитывалось всего болѣе почитателей. Суровый взглядъ старика, однако, слѣдилъ такъ неотвязчиво за каждымъ измѣненіемъ на его лицѣ, такъ неумолимо прочитывалъ его затаенныя мысли, что онъ, наконецъ, рѣшился.

— Хорошо,—сказалъ онъ,—пусть будетъ по-вашему. Дайте мнѣ только сперва распорядиться насчетъ пріема гостей. Батиста!—кликнулъ онъ слугу.

Рослый итальянецъ явился въ тотъ же мигъ и, вышколенный на славу, прослушалъ съ необыкновеннымъ подобострастіемъ приказаніе своего господина.

— Видно,—проворчалъ Ѳоминъ,—вы ждете къ себѣ не настоящую публику, а только избранную. Приговоръ выйдетъ, пожалуй, еще менѣе компетентнымъ, чѣмъ я думаю.

Залѣсовъ только повелъ плечами въ отвѣтъ и молча вышелъ. Батиста проворно сталъ накрывать на столъ, уставляя его разными причудливыми яствами и бутылочками съ виномъ и ликерами.

II.

Черезъ десять минутъ стала собираться публика. Это были далеко не исключительно тѣ избранные цѣнители, о которыхъ говорилъ Ѳоминъ. Были тутъ, правда, разноплеменные представители того большого свѣта, на сужденія которыхъ не особенно полагался старый ворчунъ. Но къ нимъ присоединились и люди иного рода.

Три-четыре заправскихъ художника, необыкновенно шумливыхъ и развязныхъ, какая-то барыня среднихъ лѣтъ, черезчуръ разрумяненная и слишкомъ ужъ разодѣтая въ пухъ, и какой-то господинъ, неловко застѣнчивый и столь же неловко рѣшительный въ своихъ движеніяхъ, съ цѣлою гривой плохо зачесанныхъ волосъ и огромною бородой на мясистомъ лицѣ,—лицѣ, несомнѣнно, русскомъ. Ѳоминъ зналъ ихъ всѣхъ или почти всѣхъ. На общее удивленіе по случаю отсутствія хозяина онъ отвѣтилъ, извиняя своего друга, какимъ-то не особенно удачнымъ предлогомъ, но онъ и не старался придумывать извиненія.

— Вотъ какъ,—здороваясь съ Ѳоминымъ черезчуръ громко, заговорилъ длинноволосый господинъ,—самого маэстро, стало-быть, не будетъ? Скромничаетъ, что-ли? Ну, да и безъ него обойдемся. Посмотримъ, посмотримъ, что за новое диво соизволилъ онъ произвести на свѣтъ.

Сказавъ это, онъ безцеремонно подвинулся впередъ, почти расталкивая стоящую передъ статуями группу. Это былъ извѣстный критикъ Твердохлѣбовъ, судившій и рядившій безапелляціонно обо всемъ рѣшительно—о художествѣ, о музыкѣ, о литературѣ, хотя надъ изученіемъ всего этого онъ потрудился немного. Его громкія слова заставили всѣхъ обернуться, и старый англичанинъ, необыкновенно сдержанный и холодный, неподвижно стоявшій передъ Венерой Залѣсова, подарилъ его изумленно-негодующимъ взглядомъ своихъ аристократическихъ глазъ. Обернулись на Твердохлѣбова съ насмѣшливымъ укоромъ и два довольно-таки растрепанныхъ итальянскихъ художника, музыкальное ухо которыхъ было, очевидно, оскорблено русскою грубоватою рѣчью. Одна только разрумяненная дама посмотрѣла на него снисходительной улыбкой и даже протянула ему руку. Это была Варвара Семеновна Осколинская, особа съ нѣсколько сомнительнымъ прошлымъ, водившая знакомство съ цѣлымъ свѣтомъ и съ необыкновенною удалью сорившая своими крупными средствами по всѣмъ

людным перекресткамъ Европы. Откуда брались у нея деньги и гдѣ обрѣтался ея законный супругъ, про это никто хорошенько не зналъ. Но всѣ знали, что домъ ея, куда бы она ни попадала, открытъ рѣшительно для всѣхъ, отъ разорившагося знатнаго барина до начинающаго скромнаго артиста. Своими знакомыми она не гнушалась никогда, и теперь заговорила совсѣмъ по-дружески съ Твердохлѣбовымъ, хотя за минуту передъ тѣмъ вела бесѣду съ секретаремъ австрійскаго посольства княземъ Фихтенштейномъ, безукоризненно изящнымъ молодымъ человѣкомъ съ очень породистымъ, хоть и нѣсколько глуповатымъ, лицомъ. Князь тотчасъ воспользовался этимъ, чтобы подойти къ дочери госпожи Осколинской, шестнадцатилѣтней дѣвушкѣ, худенькой и блѣдненькой, но разодѣтой такъ же щеголевато, какъ и ея мамаша, и обладавшей вдобавокъ хорошенькими глазками, очень краснорѣчивыми для ея лѣтъ. Она скромно выслушивала то, что говорилъ ей князь, потупляя тѣ самые глазки, но минуту спустя сдержанно захихикнула и удивительно задорно глянула ими на молодого австрійца.

Твердохлѣбовъ сперва было сконфузился немножко, но, ободренный улыбкою Варвары Семеновны, нахально отвѣтилъ на какое-то ея замѣчаніе:

— Что вы, что вы! Это, по-вашему, искусство? Нашъ русскій Канова, говорите вы? Le Greuze de la sculpture, какъ вы изволили выразиться.—Французскія слова онъ произносилъ скверно и даже хвастался этимъ почему-то. — Полноте... Впрочемъ, развѣ вы, свѣтскія барыньки, въ этомъ что-нибудь смыслите? А по настоящему, и самъ Канова, и Грезъ-то вашъ никуда не годятся. Эти двѣ бисквитныя фигурки,— онъ ткнулъ указательнымъ пальцемъ по направленію къ обѣимъ статуямъ,—по-вашему, художества, де л'яръ? Полноте...

И онъ неестественно расхохотался, снова вызвавъ этимъ негодующій взглядъ англичанина, которому хохотъ Твердохлѣбова, повидимому, мѣшалъ любоваться

Венерой. Страннымъ образомъ въ его холодныхъ глазахъ, когда они обращались къ богинѣ, тотчасъ загорался чувственный огонекъ знатока не одной только мраморной женской красоты.

На этотъ разъ негодовалъ, впрочемъ, не одинъ только англичанинъ. Слишкомъ громкій разговоръ Твердохлѣбова съ Варварой Семеновной вызвалъ строгій, надменный взглядъ только-что вошедшей дамы, остановившейся въ отдаленіи, чтобы не попасть, чего добраго, въ дурное общество и потому безцеремонно высматривавшей это общество сквозь золотой лорнетъ. Это была княгиня Бецкая, извѣстная всему Петербургу своимъ язвительнымъ умомъ, изысканнымъ вкусомъ и столь же изысканной дерзостью. Убѣдившись, что среди публики имѣется нѣсколько людей ея круга и, не удостоивъ Варвары Семеновны даже кивка головы, хотя онѣ были очень хорошо знакомы, княгиня медленно и величаво прошла впередъ съ такимъ видомъ, какъ будто передъ нею было пустое пространство, а не цѣлая кучка живыхъ людей. И эти люди, въ самомъ дѣлѣ, разступились передъ нею весьма почтительно. Она прямо подошла къ австрійцу, который мигомъ бросилъ недоконченный разговоръ съ своей юной собесѣдницей, устыдившись, очевидно, что княгиня замѣтила его ухаживанье за какою-то шестнадцатилѣтней дѣвочкой.

— Vous admirez avec conviction à ce que je vois?—съ какою-то ледяною пронзительностью сказала ему княгиня, протягивая руку.—Vous vous lirez même à des études de plastique comparative...

Австріецъ едва ли понялъ намекъ. Онъ чуть-чуть, однако, покраснѣлъ, быть можетъ, какъ разъ потому, что не понялъ. У нихъ завязался разговоръ, оживленный и скучный въ то же время — это совсѣмъ одно другому не мѣшаетъ—и ничего не имѣвшій общаго съ искусствомъ. Продолжалось это, однако, всего какихъ-нибудь пять минутъ.

— Я вижу,—оборвала вдругъ княгиня,—что вы ду-

маете совсѣмъ не о томъ, для чего мы всѣ здѣсь собрались... Вы мнѣ мѣшаете любоваться.

И, обернувшись, она подозвала къ себѣ одного изъ итальянскихъ художниковъ:

— Gardoni, venez ici, je tiens à savoir votre opinion, de confrère et de jaloux...

— Signora principessa,—подбѣжалъ къ ней тотчасъ итальянецъ и необыкновенно быстро заговорилъ на невообразимомъ французскомъ языкѣ съ сильною примѣсью итальянскихъ выраженій. Онъ нашелъ какія-то неправильности въ постановкѣ лѣвой ноги Венеры и доказывалъ, что пальцы у Мадонны слишкомъ тонки. Далѣе этого онъ не шелъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, это придирки,—говорила княгиня,—я нахожу обѣ статуи прелестными... C'est tout à fait, tout à fait joli... Граціозность въ искусствѣ главное, а въ эти двѣ фигуры можно просто влюбиться... Не правда ли, Ѳоминъ?—обратилась она къ старику.

— Я умѣю только любить, а не влюбляться,—отвѣтилъ тотъ вѣжливо, но холодно.

— Это что-то ужъ очень глубомысленно, Ѳоминъ, а правда и красота должны быть, прежде всего, просты и понятны. И зато я именно такъ и люблю Залѣсова, что у него все такъ понятно, хотя, можетъ быть, не совсѣмъ просто.

Она говорила все это по-французски, даже когда обращалась къ Ѳомину.

— N'est ce pas, lord Woodstock,—спросила она вдругъ старика англичанина,—que vous admirez comme moi la simplicité.

— Эти фигуры совсѣмъ какъ живыя,—отвѣтилъ тотъ совершенно безучастнымъ голосомъ, и стараясь даже потушить блескъ, еще догоравшій въ его глазахъ.

— Да и вы сожалѣете, что эту Венеру нельзя оживить настоящимъ образомъ?

Около княгини образовался кружокъ, ловившій ея слова на лету, кружокъ, сознававшій, что онъ-то и

призванъ сказать рѣшительное, вѣское слово о произведеніи русскаго художника. И во всемъ, что говорила княгиня, чувствовалось именно это сознаніе вѣскости ея словъ, хотя ни на одинъ мигъ и слѣда оживленія не показалось на ея равнодушно-благовоспитанномъ лицѣ.

Молодая дѣвушка, между тѣмъ, очевидно скучавшая, сперва прислонилась къ окну и на минуту повернула къ улицѣ свою изящную головку, какъ бы находя, что тамъ, на открытомъ воздухѣ, подъ этимъ ослѣпительнымъ солнцемъ гораздо лучше, чѣмъ здѣсь, гдѣ надо любоваться этими неинтересными статуями. Она прищурила глазки, призадумалась на мигъ, потомъ легкими упругими шажками направилась къ столу и принялась грызть своими острыми зубками какой-то бисквитъ изъ миндальнаго тѣста. Вскорѣ къ ней подсѣлъ и молодой австріецъ, чувствовавшій себя не на уровнѣ высокохудожественнаго разговора княгини, и принялся съ ней болтать какой-то вздоръ. Она охотно его слушала, слегка выставивъ впередъ изящно обутыя ножки и, должно быть, болтовня молодого дипломата была довольно забористаго свойства, только щечки ея что-то ужъ очень заалѣли.

— Посмотрите, Варвара Семеновна,—захихикалъ вдругъ Твердохлѣбовъ,—какъ этотъ породистый блѣднолицый болванъ пріударяетъ за вашей дочкой... Раненько что-то, въ шестнадцать лѣтъ, вы бы за ней лучше присматривали.

Мамаша и сама давно все замѣтила и подозвала бы къ себѣ, можетъ-быть, черезчуръ скороспѣлую дочку, но теперь на умѣ у нея было нѣчто иное, нѣчто гораздо болѣе важное: надо было напомнить о себѣ незамѣчавшей ее, очевидно, княгинѣ, и для этого вмѣшаться въ общій разговоръ. Она это и сдѣлала очень бойко, хоть и не совсѣмъ увѣренно, и обратила на себя всеобщее вниманіе довольно-таки неприличною фразою насчетъ того, что собственно хотѣлъ сказать Залѣсовъ

своею Венерою. Итальянцы-художники громко разсмѣялись. Англичанинъ устремилъ на нее свои безучастные глаза, а княгиня удостоила ее даже улыбки. И все общество затѣмъ направилось къ круглому столу и принялись кто за пирожокъ, начиненный трюфелями или устрицами, кто за крошечную чашку шоколада. Художникъ и его статуи были совершенно забыты.

Залѣсовъ все слышалъ и страдалъ невыносимо. Вмѣсто ожидаемыхъ восторговъ, вмѣсто тонкой оцѣнки его мысли, эти поверхностныя разсѣянныя похвалы, эти грубыя насмѣшки Твердохлѣбова, эти мелочныя придирки Гардони... У него все еще звенѣли въ ушахъ слова русскаго критика: „Бисквитныя фигуры“, какъ обозвалъ онъ его статуи, и пошлое замѣчаніе итальянскаго скульптора о какихъ-то детальныхъ техническихъ промахахъ. Онъ, правда, старался утѣшить себя мыслью, что Твердохлѣбовъ неучъ, а Гардони его ненавидитъ, какъ соперника. „Глупцы!“, обзывалъ онъ ихъ мысленно, весь пылая негодованіемъ и силясь отрицать у этихъ судей способность оцѣнить его талантъ. Но княгиню Бецкую въ непониманіи искусства онъ обвинять не могъ, а лордъ Вудстокъ былъ извѣстный всей Европѣ любитель. И оба они всегда относились къ нему съ самою льстивою благосклонностью. А все-таки у англійскаго знатока онъ подмѣтилъ одно лишь затаенное восхищеніе стараго развратника чувственнымъ обликомъ его Венеры и знатная русская дама лишь снисходительно замѣтила: c'est joli, joli, точно онъ создалъ какія-то граціозныя вещицы для будуара свѣтской женщины, а не высокіе образы идеальной красоты. Эти слова княгини, это оскорбительное „joli“ было для него худшею изъ обидъ. Одна только Варвара Семеновна съ неподдѣльнымъ восторгомъ отнеслась къ его созданіямъ и она, какъ разъ — онъ зналъ это хорошо—ничего не смыслила въ искусствѣ. Вотъ, стало-быть, что значило скрыться отъ глазъ этихъ избранныхъ судей и дать имъ высказаться съ полною откровенностью! Вотъ какова та изящная среда, одобренія

которой онъ постоянно искалъ! Два-три мимолетныхъ замѣчанія, почти презрительныхъ въ своемъ равнодушіи, вотъ къ чему сводился ея приговоръ, и тотчасъ затѣмъ обычные интересы праздной жизни овладѣвали снова ея вниманіемъ. До него явственно доносились обрывки безразличной шутливой бесѣды этихъ людей, пришедшихъ скоротать какой-нибудь часъ въ его мастерской, гдѣ онъ столько мѣсяцевъ трудился надъ воплощеніемъ своей идеи. Объ этой идеѣ ни слова! Нѣсколько брошенныхъ наскоро замѣчаній, и онъ былъ совершенно забытъ, и пошлая болтовня вступала въ свои обычныя права. Но гдѣ же была она, та женщина, изъ-за которой онъ такъ долго оставался въ Римѣ, отдавая ей, быть-можетъ, еще большую дань поклоненія, чѣмъ своему искусству? Неужели она, съ такимъ пламеннымъ участіемъ заботившаяся о его славѣ, не заинтересовалась теперь хоть на мигъ одинъ взглянуть на его новое произведеніе? Онъ жаждалъ увидѣть ея прекрасное благородное лицо, прочесть въ ея гордыхъ глазахъ восхищеніе его талантомъ. Вчера еще, вчера, когда онъ былъ у ней, она обѣщала ему пріѣхать, и какъ разъ изъ-за этого ему такъ не хотѣлось исполнить причудливую затѣю Ѳомина. Онъ боялся, какъ бы не оскорбилась она его отсутствіемъ, не сочла это невниманіемъ къ себѣ. А вотъ ужъ почти цѣлый часъ равнодушные цѣнители толпятся въ его мастерской, а ея все еще нѣтъ,—ея, чей судъ ему дороже суда „цѣлаго міра“...

Посѣтители, между тѣмъ, вереницей смѣнялись передъ двумя статуями. Тѣ изъ нихъ, которые принадлежали по рожденію или по таланту къ избранному кругу космополитической знати, обмѣнявшись двумя-тремя замѣчаніями, подходили къ столу, гдѣ искрилась вертлявая, скользящая бесѣда. Другіе, чуждые этого круга, отдавали больше вниманія двумъ статуямъ и, простоявъ передъ ними нѣсколько минутъ, уходили, кто молча, кто вполголоса высказавъ свое сужденіе. Но и отъ этихъ болѣе внимательныхъ цѣнителей Залѣсову не удавалось

выслушать что-либо въ утѣшеніе его страдавшему самолюбію.

Залѣсовъ начиналъ терять терпѣніе. Онъ не сводилъ глазъ съ сумрачной фигуры своего бывшаго учителя, прислонившагося къ стѣнѣ и какъ-то отстранявшаго себя отъ прочихъ. „Онъ торжествовалъ, конечно“, думалось художнику. Совсѣмъ не торжество, однако, читалось на суровомъ и грустномъ лицѣ Ѳомина и взглядъ его не разъ, исполненный безконечной жалости, устремлялся на мраморныя фигуры, нашедшія себѣ такихъ недостойныхъ судей...

Но вотъ растворились входныя двери и плавною, медленною поступью, вошла стройная, высокая женщина, вся въ черномъ, вошла и остановилась, не обращая вниманія ни на кого изъ присутствующихъ. Ея глаза были устремлены на обѣ статуи, и что это были за чудные, за пламенные чисто южные глаза, въ которыхъ и страсть читалась, знойная, хоть и затаенная, и что-то мягкое, ласкающее, нѣжное. Лицо было точно изваяно, до того правильно закончены были его черты; длинныя черныя рѣсницы набрасывали тѣнь на матовую бѣлизну кожи, и надъ высокимъ лбомъ ровными гладкими прядями ложились мягкіе изсине-черные волосы. Но стоило какому-нибудь сильному впечатлѣнію отразиться на этомъ строгомъ лицѣ—и его классической невозмутимости какъ не бывало. Пламя мгновенно зажигалось въ глазахъ, губы складывались то въ очаровательно-ласкающую, то въ презрительно-насмѣшливую улыбку, и быстрота, почти стремительность движеній, что-то рѣшительное и непосредственное во всемъ существѣ этой женщины разомъ обличали южанку. Это была княгиня Тереза Ченчи, тридцатилѣтняя вдова послѣдняго отпрыска знаменитаго нѣкогда и очень богатаго рода. Отъ прежняго величія оставалась теперь одна блестящая внѣшность, роскошный дворецъ на Piazza Barberini, на поддержаніе котораго едва хватало средствъ. Домъ княгини, впрочемъ, и теперь, хотя давно уже разряженная толпа не на-

полняла его высокихъ залъ, всегда открытъ для представителей искусства, среди которыхъ она любила набирать себѣ друзей. Донна Тереза была женщина очень своеобразная, пожалуй, даже эксцентричная; такъ, по крайней мѣрѣ, ее называли многіе. Приневоливать себя къ чему-либо она не любила, никакимъ условнымъ правиламъ не подчинялась и въ выборѣ знакомыхъ руководствовалась однимъ только—симпатіей и, пожалуй, даже прихотью. Много ходило на ея счетъ разныхъ толковъ, много приводилось странныхъ, даже рѣзкихъ ея выходокъ, но уцѣпиться за что-либо опредѣленное въ ея жизни злословная молва не успѣвала.

Княгиня пристально вглядѣлась въ стоявшія передъ нею статуи и понемногу словно тѣнь набѣгала на ея глаза. Что-то похожее на разочарованіе показалось на ея чертахъ, и, оглянувъ быстрымъ взглядомъ всю комнату, она сдѣлала еще нѣсколько шаговъ впередъ и снова остановилась. Еще одинъ мигъ простояла она неподвижно, какъ бы желая увѣриться въ своемъ первомъ впечатлѣніи. Потомъ она стремительно повернулась и, замѣтивъ Ѳомина, подозвала его къ себѣ.

— Залѣсова нѣтъ?—спросила она по-итальянски необыкновенно красивымъ, пѣвучимъ контральто.

Ѳоминъ отвѣтилъ, что художникъ долженъ былъ отлучиться.—Онъ поручилъ мнѣ, хотѣлъ онъ добавить, но княгиня его тотчасъ оборвала:

— О, это мнѣ рѣшительно все равно. Не давайте себѣ труда извинять его,—проговорила она почти рѣзко:—я не хочу знать, какія могли быть у него причины. Скажите ему только отъ меня, что я ждала большаго отъ его таланта... Это красиво—и только, а этимъ насъ въ Римѣ не удивишь. Одной красоты намъ мало.

Сказавъ это, она отвернулась и быстрою, легкою походкой подошла къ столу. Она хорошо знала всѣхъ бывшихъ тутъ и, повидимому, совсѣмъ лишнимъ считала скрывать, кто изъ нихъ пользуется ея расположеніемъ. На этотъ счетъ сомнѣнія быть не могло, до

того отчетливо и лицо ея, и пріемы отражали чувство, какое вызывалъ въ ней каждый, съ кѣмъ бы она ни заговорила. И все-таки, несмотря на эту рѣзкую прямоту, что-то необыкновенно привлекательное было въ ея обращеніи, какъ разъ потому, быть-можетъ, что оно такъ отличалось отъ условно вѣжливаго тона всѣхъ остальныхъ.

— Я по вашимъ глазамъ вижу,—сказала ей княгиня Бецкая, съ которой она была хорошо знакома,— что вы разочарованы.

— Я этого не скрываю; я, вѣдь, вы знаете, ничего никогда не скрываю. По-моему, не стоило пріѣзжать.

— Стоило, во всякомъ случаѣ, чтобы встрѣтиться съ вами, княгиня,—сказалъ ей старый англичанинъ.

Она повела плечами и холодно отвѣтила:

— Я перестаю быть женщиной, когда хочу любоваться произведеніемъ искусства, и мнѣ всегда больно, почти обидно, когда мнѣ приходится напрасно тратить свою готовность восхищаться. Ну, а вы что скажете? Впрочемъ, я догадываюсь... Вамъ это, конечно, нравится, потому, что въ искусствѣ вы ищете соблазна. Мои вкусы не таковы.

Она усѣлась и тотчасъ стала центромъ обступившаго ее кружка. Мужчины жадно, не скрываясь, ловили каждый ея взглядъ. Про статуи Залѣсова рѣчь уже не заходила. Для княгини онѣ точно перестали существовать. Она не знала, что въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея стоялъ человѣкъ, которому она только-что причинила невыразимое страданіе, который, съ отчаяніемъ на сердцѣ, поджидалъ, не скажетъ-ли она чего-нибудь еще, не смягчитъ-ли она своего жестокаго приговора.

Залѣсовъ познакомился съ княгиней ровно годъ передъ тѣмъ. Случилось это довольно-таки оригинальнымъ образомъ. Разъ въ лунную, мартовскую ночь, отужинавъ съ пріятелями, онъ отправился бродить по развалинамъ Колизея. Онъ любилъ бывать тамъ, когда каменныя громады стоятъ совершенно безлюдныя и одинъ

только мѣсяцъ шлетъ имъ свои мирные лучи, да развѣ крикъ ночной птицы случайно лишь будитъ ихъ дремлющую тишину. Наглядѣвшись до-сыта, усталый, онъ опустился на полуобвалившуюся ступень и погрузился въ свои мечты. Съ полчаса, можетъ-быть, онъ просидѣлъ такъ въ восхищенномъ оцѣпенѣніи, какъ вдругъ позади него послышался шорохъ. Подъ чьими-то шагами сыпались мелкіе каменные обломки. Онъ оглянулся. Въ одной изъ арокъ огромнаго полукруга стояла вся облитая мѣсяцемъ молодая женщина въ черномъ. Онъ былъ пораженъ ея строгой блѣдной красотой. Она смотрѣла на него, улыбаясь, и, простоявъ такъ минуты двѣ, принялась спускаться по уступамъ стѣны. Подъ ея ногами то-и-дѣло обрывались каменные осколки.

— Что вы дѣлаете!—воскликнулъ онъ въ испугѣ:— вы сорветесь, упадете. Какъ можно быть такой неосторожной, да еще ночью!

Но она продолжала смѣяться, качая головой.

— Теперь видно, какъ днемъ,—сказала она весело.

Камень, на который она только-что ступила, зашатался, однако, подъ ея ногой, и не будь онъ тутъ, не протяни онъ ей своихъ крѣпкихъ рукъ, она дорого, быть-можетъ, поплатилась бы за свою смѣлость. Онъ схватилъ ее обѣими руками, почти извиняясь за свою дерзость и въ то же время выговаривая ей за ея неосторожность Онъ не зналъ ея въ лицо, но догадался, что передъ нимъ одна изъ женщинъ высшаго римскаго круга.

— Какъ можно ходить по этимъ развалинамъ одной безъ провожатаго,—твердилъ онъ ей, считая себя въ правѣ говорить съ ней, какъ ея знакомый.

— Я люблю бывать здѣсь одна,—сказала она,—именно потому, что это, можетъ быть, опасно. Да и вы это, кажется, любите.

Она назвалась, признавшись ему, что слышала про него давно и не разъ уже любовалась его произведеніями. Давно, увѣряла она, ей хотѣлось имѣть случай

съ нимъ встрѣтиться и узнать, каковъ такой русскій художникъ, имя котораго до нея такъ часто доходило. Залѣсовъ въ тотъ же мигъ ощутилъ надъ собой власть и обаяніе этой женщины, представшей вдругъ передъ нимъ среди этой величественной обстановки и, казалось, обвѣянной таинственной прелестью итальянской ночи. И льстивыя ея слова вкрадывались въ его душу заодно съ волшебною силой ея черныхъ глазъ.

Онъ сталъ часто бывать у княгини, обвороженный свободною простотою ея обращенія, ея живымъ пониманіемъ искусства, еще болѣе, можетъ-быть, тѣмъ упоительнымъ дурманомъ сочувствія и близости, которымъ она такъ хорошо умѣла плѣнять его воображеніе. Она держалась съ нимъ съ полною откровенностью, говоря ему часто про слухи, ходившіе на ея счетъ, и какъ разъ этой прямотою внушала ему такую вѣру въ себя, что въ немъ и сомнѣній не осталось насчетъ безукоризненной чистоты ея жизни. И съ непослѣдовательностью всѣхъ влюбленныхъ, онъ, твердо вѣрившій въ эту чистоту, весь сгоралъ отъ желаніи стать первымъ, которому бы она пожертвовала своимъ незапятнаннымъ прошлымъ. Княгиня выслушивала его страстныя признанія, не гнѣваясь за нихъ, какъ будто даже отвѣчая на его чувство. Но цѣлый годъ прошелъ, и Залѣсовъ все еще стоялъ у порога счастья, не смѣя прикоснуться къ своему божеству, все такой же очарованный и такой же довѣрчивый.

И теперь, когда она такъ холодно, почти насмѣшливо отзывалась о немъ при этихъ чужихъ людяхъ въ его ушахъ громко звучали слова дружбы и сочувствія, которыя она расточала ему, прощаясь съ нимъ наканунѣ вечеромъ.

Перемѣна была такъ рѣзка, такъ неожиданна, что въ первую минуту она даже не вызвала въ немъ ни гнѣва, ни разочарованія. Онъ просто не вѣрилъ тому, что вокругъ него происходило, готовъ былъ отрицать самую очевидность...

Но долго, упорно отрицать было невозможно. Та самая женщина, которая столько мѣсяцевъ ему одному, казалось, дарила свое вниманіе, которая такъ искренно передъ нимъ раскрывала свою душу, теперь съ такою явною благосклонностью выслушиваетъ пошлыя рѣчи окружавшихъ ее ничтожныхъ людей, этихъ свѣтскихъ балагуровъ, необразованныхъ и неостроумныхъ, этихъ художниковъ, смотрящихъ на свое искусство, какъ на ремесло. И одного изъ нихъ, этого грубаго и, въ сущности, безталантливаго Гардони, она отличаетъ, какъ будто даже болѣе прочихъ... Да, въ ея взглядѣ, когда она обращается къ итальянскому скульптору, Залѣсовъ подмѣчалъ ту самую нѣжную мягкость, которая такъ часто плѣняла его, дѣлала игрушкой въ рукахъ этой женщины. Онъ съ какой-то гадливостью смотрѣлъ на рослаго итальянца, сложеннаго на диво, и вся его атлетическая фигура съ черезчуръ крупными чертами, съ огромными чувственными глазами, съ этимъ рядомъ хищныхъ бѣлыхъ зубовъ, которые итальянецъ любилъ показывать, внушала ему отвращеніе.

И вотъ разговоръ снова коснулся его статуй. Княгиня Бецкая, поднявшись съ мѣста, обратилась къ доннѣ Терезѣ, протягивая ей руку: „Au fond, n'est ce pas, c'était une déception“, сказала она, какъ бы подводя итогъ общему приговору. А Гардони, наклонившись къ княгинѣ Ченчи, сказалъ ей по-итальянски въ полголоса, но такъ, что Залѣсовъ все разслышалъ:—„Въ сущности, эти иностранцы, эти варвары сѣвера ничего не смыслятъ въ искусствѣ, а въ женской красотѣ и подавно. У нихъ темперамента нѣтъ, вотъ что“... И на громкій смѣхъ, подчеркнувшій эти слова, княгиня отвѣтила какою-то странной, загадочной улыбкой.

Да, пошлое замѣчаніе итальянца не вызвало даже негодующей искры въ этихъ прекрасныхъ глазахъ, которые такъ часто дарили Залѣсова самыми теплыми, краснорѣчивыми лучами. И не только не возмутила ее наглая шутка Гардони, она глядѣла на него съ какимъ-

то ободряющимъ сочувствіемъ. Залѣсовъ былъ вдвойнѣ оскорбленъ и какъ художникъ, и какъ человѣкъ. Его дорогія созданія, надъ которыми онъ такъ долго и любовно работалъ, встрѣтили въ этомъ избранномъ обществѣ одну лишь поверхностную, легкомысленную оцѣнку, а женщина, которой онъ отдалъ свое сердце, мнѣніемъ которой онъ дорожилъ болѣе всего, равнодушно вторила общему полунасмѣшливому приговору, отдавала его творенія, его талантъ на дерзкое поруганіе этого ничтожнаго Гардони. Негодованіе и ревность заодно овладѣли имъ и на мигъ до того отуманили его голову, что онъ готовъ былъ ринуться впередъ и передъ всѣми этими праздными людьми вылить свое оскорбленное чувство, громко изобличить эту обманувшую его недостойную женщину. Онъ вѣрилъ теперь всему, что наговорили ему на ея счетъ, вѣрилъ тому даже, что она можетъ снизойти до этого грубаго, необразованнаго итальянца.

Но онъ опомнился тотчасъ. Не боязнь показаться смѣшнымъ удержала его, а уваженіе къ своему достоинству. И хотя вѣра въ себя и въ свой талантъ была потрясена въ немъ до основанія, онъ отрицалъ теперь за этими людьми, предъ которыми такъ недавно еще преклонялся, право быть его судьями. О, никогда уже, никогда онъ не станетъ работать для этихъ мнимоизбранныхъ цѣнителей, для которыхъ искусство—одна праздная забава. Заодно съ вѣрой въ свое призваніе въ немъ рушилось и уваженіе къ недостойнымъ цѣнителямъ, которыхъ онъ самъ призвалъ рѣшить его споръ съ Ѳоминымъ.

Наконецъ, мастерская опустѣла совсѣмъ. Одинъ только Ѳаддѣй Тимофеевичъ оставался тутъ, задумчиво прислонившись къ стѣнѣ. Залѣсовъ откинулъ скрывавшую его занавѣсь и ринулся къ старому художнику:

— Вы торжествуете, Ѳаддѣй Тимофеевичъ,—воскликнулъ онъ съ горькой усмѣшкой:—вы были правы, побѣда за вами...

— Какая побѣда?!—грустно возразилъ Ѳоминъ.—Мнѣ только стыдно и жалко за васъ, что вы избрали себѣ такихъ судей... Не вѣрьте имъ, не вѣрьте, Залѣсовъ!

— О, нѣтъ,—озираясь во всѣ стороны, съ злобнымъ хохотомъ отвѣтилъ тотъ.—Каковы бы ни были эти судьи, они правы. И я самъ исполню ихъ приговоръ. Сейчасъ вотъ, сейчасъ вы увидите.

Онъ долго искалъ глазами какой-то предметъ, и Ѳоминъ, угадавъ, должно быть, его намѣреніе, старался теперь его утѣшить, говоря ему, что статуи его безусловно хороши, что не достигаютъ онѣ, конечно, идеальной красоты, но что со временемъ онъ пойдетъ еще выше... Это были тщетныя усилія, Залѣсовъ его не слушалъ. Глазъ его отыскалъ, наконецъ, орудіе слѣпого отмщенія за понесенную имъ обиду. Онъ схватилъ молотокъ и замахнулся на одну изъ статуй. Крикъ вырвался изъ груди старика, но онъ не въ силахъ былъ остановить руку Залѣсова. Ударъ посыпался за ударомъ. Съ дикою яростью, съ какою-то жаждою разрушенія художникъ разбивалъ то, чѣмъ за часъ передъ тѣмъ такъ радостно любовался, и черезъ нѣсколько минутъ отъ двухъ изящныхъ фигуръ остались лишь валявшіеся на полу безобразные обломки. Залѣсовъ остановился въ оцѣпенѣніи послѣ исполненнаго имъ безумнаго дѣла. Онъ выпустилъ молотокъ изъ рукъ. Лицо его было мертвенно-блѣдно, глаза неподвижно, страшно расширившись, глядѣли на то, что осталось отъ двухъ изящныхъ созданій. Но вдругъ онъ какъ бы опомнился и, весь задрожавъ, бросился на диванъ и зарыдалъ безпомощно, по-дѣтски...

Ѳоминъ пошелъ къ нему и бережно коснулся его плеча.

— Залѣсовъ, другъ мой,—заговорилъ онъ участливымъ, растроганнымъ голосомъ:—Володя, помнишь, я, вѣдь, называлъ тебя такъ, когда мы только-что узнали другъ друга поближе — Володя, не горюй... Я самъ ужаснулся, когда ты принялся за свое страшное дѣло...

Но вотъ что я теперь скажу тебѣ въ утѣшеніе. Искусство, какъ все великое на свѣтѣ, требуетъ жертвы и вотъ ты принесъ сейчасъ такую жертву и тѣмъ самымъ ты отряхнулъ съ себя весь этотъ прахъ ненужнаго раболѣпства передъ модной толпой. Ты свободенъ и, помни мои слова: теперь, я знаю, изъ тебя выйдетъ настоящій художникъ.

Duke University Libraries
D026044011H

Переплетная „НИВА", С.П.Б.